№ 10
октябрь
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора
по научному развитию:
Руслан Баширович Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Роман Александрович Ерцев

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief
for Scientific Development:
Ruslan Bashirovich Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Roman Aleksandrovich Ertsev

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 121614,
г. Москва, Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.
Home page: www.law-management.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 121614, Moscow, Krilatskie Kholmy, 28-57.
Home page: www.law-management.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель СевероКавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the R ussian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V.

Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Брик А.Д. * Местный бюджет в системе публичной власти Российской Федерации: правовая сущность и состав. 19
Рыжакова Ю.Н. * Органы внутренних дел в реализации миграционной политики российского государства. 25
Назарли М.А. * Практика организации местного самоуправления и противоречия реализации реформы в России в 1991–1993 гг.. 29
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Уголовно-исполнительная политика как отражение идеологической трансформации общественных и государственных устоев современной России. 33
Ахметзянов И.И. * Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции в Республике Татарстан: понятие и содержание. 39
Шестак В.А., Гордеев С.В. * Проблемные вопросы совершенствования процессуального порядка освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время. 48
Матвеенко А.С. * Процессуальный режим рассмотрения дел о защите прав на секретные изобретения. 53
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Исаев А.А. * Духовный путь человека: размышления о содержании понятия. 62
Булгакова Н.А. * Гражданско-правовая ответственность маркетплейсов перед потребителем. 66
Филин Е.А. * Информирование подзащитного о профессиональном стандарте защиты по уголовным делам: содержание и способы обеспечения. 75
Мыльцын Д.А. * Безопасность адвоката как гарантия независимости адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве: состояние и перспективы правового регулирования. 81
ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА
Резникова А.В. * Арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, как источник неналоговых доходов бюджетов: финансово-правовой аспект 87
Шмыговский П.Д. * Юридическая неопределенность в сфере регистрации недвижимости как криминогенный фактор. 97
ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
Венгеровский Е.Л., Амиралиев Р.М. * К вопросу о предостережении о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства. 104
Брякин А.Д. * Конфликт публично-правовых и частноправовых начал в статусе кредитных организаций в Российской Федерации. 111
Пивненко Д.Л. * Требования к разработке проектов режимов объектов культурного наследия: поиск объективной диспозитивности. Постановка проблемы. 119
Барышников М.Ю., Дмитриева И.Д., Мягкова Е.В. * Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: вопросы теории и практики. 123
Тарновский П.Д. * Проблемы ответственности публично-правовых образований за нарушения при предоставлении и использовании межбюджетных трансфертов. 129
Солод К.А. * Исполнительский иммунитет в отношении апартаментов как единственного пригодного для проживания помещения: проблемы правоприменения. 135
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО
Дмитриев Г.Г. * Социализации в образовательном пространстве образовательной организации. . 144
Малашенко М.С., Макарцев А.Н., Сергеев С.С., Ошурков Д.В. * Совершенствование навыков преподавания физической культуры на этапе подготовки будущих специалистов. 149
Бадзюк И.Л. * Изучение эффективности геймификации в образовательном процессе. 155
Семёнов В.В., Никитин А.И. * Физиологические особенности как фактор формирования «базовой техники» в процессе обучения стрельбе курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России. 160
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
Ефимова О.В., Лалакин И.С. * Цифровизация интеллектуальной собственности. 165
Демидов А.Н. * Критерии гражданско-правовой квалификации неюрисдикционной защиты авторских прав в сети Интернет при распределении защитных функций. 170
Панова У.И. * Промпт как доказательство творческого вклада пользователя при определении авторства результатов с использованием генеративного искусственного интеллекта. 178

Синцов А.А. * Особенности применения критерия охраноспособности произведений к программам для ЭВМ: вопросы теории и практики. 183
Марков Р.С., Шатурина Н.А., Рыжкова М.К. * Правовой режим музыкальных произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта. 188
Шугуров А.М. * Особенности патентно-правовой охраны лекарственных средств в соответствии с российским законодательством. 197
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО
Эльмурзаев А.В., Гунько Е.В. * Электронные доказательства в российском судопроизводстве: правовая природа, допустимость и оценка. 202
Токарева Е.В. * Процессуальное и методическое значение сравнительных образцов в судебно-почерковедческой экспертизе. 208
Дмитриогло А.И. * Об отдельных аспектах трансформации института доказывания по делам о защите прав участников СВО в гражданском и административном судопроизводстве. 213
Киселева К.Э., Милахина Т.А. * Встречный иск как эффективный способ защиты ответчика против иска в цивилистическом процессе. 218
Острякова А.Ф. * К вопросу совершенствования процесса применения судебно-экономической экспертизы по уголовным делам. 223
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА
Абросимова Е.М., Кузнецов И.Б. * Формирование критического мышления сотрудника полиции как необходимая составляющая его профессиональной подготовки. 227
Кашкина Е.В., Турская Е.Р. * Укрепление международного сотрудничества УИС во взаимодействии правоохранительных органов. 231
Канокова Л.Ю., Хайбулов А.Р. * Профессиональная подготовка и профессионально важные качества сотрудников органов внутренних дел. 234
Дрога А.А., Осколков А.В., Черезов А.В. * Организационно-правовые основы деятельности экспертов в системе МВД Российской Федерации: актуализация проблем. 238
Хайбулов А.Р., Берников Э.Р. * Основные аспекты огневой подготовки и применения огнестрельного оружия сотрудниками ГИБДД МВД России. 244
Кузнецов А.В., Шапошникова Н.С., Ушакина Ю.С. * Правовые пределы пресечения групповых нарушений общественного порядка при проведении массовых мероприятий: проблемы разграничения административной и уголовной ответственности. 248
Некрасова А.А., Скидан А.А. * Предупреждение преступлений при проведении массовых мероприятий: уголовно-правовые ориентиры и риск-ориентированная модель тактико-специальной подготовки сотрудников полиции. 256
Рудко И.В., Сидоров А.В. * О некоторых вопросах организации и проведения органами внутренних дел оперативно-профилактических мероприятий в особых условиях. 263
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Кашкина Е.В. * Объективные признаки получения взятки. 267
Фиалковская Е.В. * Несовершеннолетние и профилактика суицидального поведения. 272
Казберов П.Н., Кулакова С.В. * Профилактика рецидивной преступности средствами и методами воспитательной работы. 276
Витько Д.А., Верещагина А.В. * Избрание меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому: к вопросу о проблематике практической реализации. 281
Кунц Е.В. * Личность преступника, совершившего насильственные преступления в отношении несовершеннолетних. 294
Гужвий В.В. * Проблемы квалификации преступления за самовольное оставление части или места службы. 298
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Майстренко Г.А. * Уголовно-правовое противодействие незаконной передаче средств мобильной связи в исправительные учреждения: проблемы применения статьи 321.1 УК РФ. 303
Касьянов А.О., Таран А.В., Ушакина Ю.С.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности и цифровых материалов в доказывании преступлений, совершённых в ходе массовых мероприятий. 310
Киселева А.В., Мовсисян А.Г., Нагорный А.П. * Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы разграничения правомерных действий сотрудника полиции и превышения должностных полномочий. 319
Колиснык Ю.С., Разина Е.П., Седышева А.И. * Особенности экспертных исследований при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции. 326

Мисостова Е.Н., Голяндин Н.П., Жирикова А.Н. * Системный мониторинг социальных сетей как механизм раннего выявления и нейтрализации детерминант вовлечения молодежи в деструктивную деятельность: лучшие практики Баксанского и Чегемского муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики. 332
Мякинькова М.В. * Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием цифровых платформ. 337
Минин А.А., Алиев М.М. * Следственный осмотр как элемент методики расследования ятрогенных преступлений. 347
Харина О.Д., Бердашкевич М.А. * Преступления в пластической хирургии: критерии разграничения косметологической услуги и медицинского вмешательства для целей квалификации по ст. 238 УК РФ 351
Маркова Н.С. * Гражданско-патриотическое воспитание как альтернатива криминальной субкультуре в подростковой среде. 357
Кияшко Д.Н., Нечаев Д.Ю. * Особенности формирования доказательств при расследовании преступлений против общественного порядка, совершённых в ходе массовых мероприятий. 364
Ефимов А.А., Паук Н.Н. * Раскрытие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью «по горячим следам»: теория, практика, эффективность. 369
Тертычная И.В. * Деятельное раскаяние как объект познания в криминалистической науке и практике. 373
Харина О.Д., Курбакова Ю.С. * Противодействие преступности несовершеннолетних в России и государствах СНГ: сравнительно-правовой анализ. 379
Вдовцев П.В., Чарыков А.В. * Об использовании в доказывании сведений, полученных с участием свидетеля, процессуальный статус которого в последующем был изменен на обвиняемого. 387
Бочарова Ю.А., Ерошенко О.О., Саранкина Ю.А. * Дистанционная вербовка несовершеннолетних для совершения диверсий: проблемы уголовно-правовой квалификации и предупреждения. 394
Кузнецов Р.А. * Особенности досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в Российской Федерации. 401
Евсеева И.Д. * Передача взятки как недействительная сделка и её гражданско-правовые последствия. 407
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Полякова Я.Н. * Условия исправления осужденных в колонии. 415
Печников Г.А., Блинков А.П., Смольяков П.П. * Возможна ли объективная истина в состязательном уголовном процессе?. 419
Казберов П.Н. * Педагогические основы ресоциализации и социальной адаптации осужденных: традиции и новые научные разработки в условиях цифровой трансформации. 427
Голубев Ж.Ж., Старикова А.Д. * Информационные технологии в деятельности по отправлению уголовного правосудия в странах СНГ. 433
Тищенко Ю.Ю. * Формы взаимодействия при организации воспитательного процесса в исправительном учреждении. 437
Ткаченко П.А. * Трасологическое исследование вещественных доказательств в цифровом формате: теоретические и прикладные аспекты. 442
Лукашенко Д.В. * Деятельность коллектива воспитателей в процессе исправления несовершеннолетних осужденных. 449
Майстренко Г.А. * Развитие пенитенциарных учреждений в России: историко-правовая преемственность и современная трансформация. 452
Бодрова М.И. * Особенности тактики допроса несовершеннолетних подозреваемых по делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. 462
Ленский В.М. * Институт административной преюдиции в механизме уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. 466
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Комплексный подход в организации мероприятий по проведению социальной работы с осужденными к лишению свободы при осуществлении пенитенциарной пробации. 472
Лукашенко Д.В., Лещенко С.А. * Уголовно-исполнительная система Республики Казахстан. 477
Карабанов Р.М. * К вопросу о личностных качествах начальника отряда исправительного учреждения. 481
Карабанов Р.М. * Современные комплексные решения для обеспечения связи в учреждениях исполнения наказаний и содержания под стражей уголовно-исполнительной системы. 487

Хаметова А.Р., Талынева З.З. * К вопросу о следственных действиях, связанных с извлечением трупа в уголовном судопроизводстве. 494
Осколков А.В., Теренков И.Е. * Опознание лица в уголовном процессе: некоторые аспекты правового статуса участвующих лиц. 498
ДИСКУССИЯ
Сафронов В.П. * Подходы авторов к трактовке понятия «нематериальные блага». 504
Сергиенко А.С. * Проблемы разграничения административной ответственности и уголовной ответственности за экономические правонарушения. 509
Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. * Конституционные основы продовольственной доступности в России и Вьетнаме и правовые горизонты двустороннего сотрудничества. 514
Пивненко Д.Л. * Соотношение потенциального правового регулирования видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объектов культурного наследия и критериев их неудовлетворительного состояния. 525
Рудаев С.А., Дмитриев Г.Г. * Профессиональная направленность в работе с кадрами исправительных учреждений. 529
Красинская Е.С. * Буллинг в подростковой среде: сущность, последствия и стратегия противодействия. 534
Омелин В.Н. * Проблемы взаимосвязей и согласования норм оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства. 538
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО
Стецюк А.В. * Post mortem imaging: новая глава в судебной медицине России. 543
Краевская А.Г. * Смарт-контракты в юриспруденции: медицинское право. 547
Родина А.В. * Анализ гражданско-правовых отношений, возникающих при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения. 552
ТРУДОВОЕ ПРАВО
Федоренко Г.Б. * Влияние законодательных и иных ограничений на реализацию принципа свободы труда при трудоустройстве. 557
Новицкая Л.Ю., Орловская М.А. * Соотношение понятий «должностная инструкция» и «локальный нормативный акт» (на примере предприятий ОПК). 561
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ
Перевозникова Е.Ю. * Формы незаконного использования информационных технологий (включая сеть интернет) при совершении преступлений и основания (критерии) криминализации. 568
Пилюгина Ю.Г. * Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические проблемы. 577
ЦИФРОВОЕ ПРАВО
Шестак В.А. * О проблемных аспектах института вещественных электронных (цифровых) доказательств. 583
Кайтуков Д.А. * Цифровые следы как доказательства по уголовным делам о коррупции: проблемы собирания и оценки. 590
Путенихина А.В. * Трансформация системы безналичных расчетов в условиях введения цифрового рубля. 597
Ольмезов Я.Т., Зумакулова З.А., Жугов А.А. * Криптовалюта в цифровых финансовых пирамидах: критерии квалификации. 601
Калинина Е.В. * Смарт-контракт в механизме цифрового исполнения договорных обязательств. . 609
Царькова Е.Г. * Робототехнические системы в учреждениях ФСИН России: уголовно-правовые риски и пределы использования. 617
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Попов Д.С. * Общество как сторона корпоративного договора: допустимость и пределы участия. 623
Белый Г.А. * Изменения в правовом регулировании договоров энергоснабжения. 631
Морозов Р.М., Пантюхина Л.А. * Индивидуальное правовое регулирование жилищных правоотношений. 636
Закирова А.Р. * Правовая база как основа регулирования электробезопасности персонала информационных технологий. 642
Петрухина А.Н., Громакова А.А. * Институт примирительных процедур в российском праве: от декларации к системному инструменту. 647
Кружевникова А.А., Матвеева О.В. * Правовое регулирование пожарной безопасности в строительстве: проблемы систематизации. 652

Быстрова О.И., Топоркова М.К. * Некоторые проблемы деятельности государственных бюджетных учреждений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. 661
Мустафаев С.З. * Личные неимущественные права, связанные с идентификацией физического лица: понятие и содержание. 666
Акимова Р.А., Мурадова З.Р., Гаджиева А.Р. * Технологические подходы к управлению маркетинговой деятельностью торгового предприятия. 671
Странцов А.А. * Общественная опасность организации незаконной деятельности по передаче абонентских номеров подвижной радиотелефонной связи. 677
Пивненко Д.Л. * Некоторые дискуссионные аспекты потенциального правового регулирования состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия. 683
Прокофьева Е.В., Порываева П.С., Ханина Н.В. * Возможность установления давности по следам крови на месте происшествия. 689
Сафронов В.П. * Нематериальные блага как объект гражданско-правовой защиты. 695
Семина А.В. * Добросовестный приобретатель в сделках с наследственным недвижимым имуществом. 699
Синцов А.А. * Вопросы предоставления правовой охраны массивам больших данных. 704
ЭКОНОМИКА И ПРАВО
Ермолаев А.Е. * Частноправовые механизмы саморегулирования в деятельности банковских ассоциаций. 709
Гуланян А.О. * Правовые методы укрепления безопасности банковской системы Российской Федерации: новые угрозы и направления совершенствования законодательства. 715
Хацкевич П.С., Рыбников В.В., Шеков А.А. * Нормативно-правовое регулирование обращения литий-ионных аккумуляторов: проблемы для судебной пожарно-технической экспертизы. 720
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Пивненко Д.Л. * Некоторые дискуссионные аспекты единства и множества в охранных обязательствах объектов культурного наследия ансамблевой видовой принадлежности. 726
Зинина Н.А., Полякова Я.Н. * Исторический подход в воспитании традиционных семейных ценностей у кадетов. 730
Назарли М.А. * От социалистического самоуправления к местному самоуправлению: эволюция юридической доктрины в СССР и РСФСР в 1980–1991 гг.. 736
Нуждова Д.А. * Об уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности по законодательству России досоветского периода. 740

POLICY AND LAW
Brik A.D. * The local budget within the public authority system of the Russian Federation: legal essence and composition. 19
Ryzhakova Yu.N.* Internal affairs bodies in the implementation of the migration policy of the russian state.25
Nazarli M.A. * Practice of organizing local self-government and contradictions in the implementation of the reform in Russia in 1991–1993. 29
Kovalev O.G., Melnikova O.V.* Penal policy as a reflection of the ideological transformation of social and state foundations in contemporary Russia. 33
Akhmetzyanov I.I. * Anti-corruption expert review of municipal regulatory legal acts and draft municipal regulatory legal acts as a means of corruption prevention in the Republic of Tatarstan: concept and content 39
Shestak V.A., Gordeev S.V. * Problematic issues in improving the procedural procedure for exemption from punishment in connection with completing military service during a period of mobilization, military emergency or in wartime. 48
Matveenko A.S. * The procedural regime of consideration of cases on protection of the rights to secret inventions. 53
HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES
Isaev A.A. * The spiritual path of a person: reflections on the content of the concept. 62
Bulgakova N.A. * Civil liability of marketplaces to consumers. 66
Filin E.A.* Informing the client about the professional standard of protection in criminal cases: content and methods of providing. 75
Myltsyn D.A. * The safety of an attorney as a guarantee of the independence of legal practice: the state and prospects of legal regulation. 81
TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS
Reznikova A.V. * Rent for land plots owned by the state and municipalities as a source of non-tax budget revenues: a financial and legal perspective. 87
Shmygovsky P.D. * Legal uncertainty in real estate registration as a criminogenic factor. 97
LAW AND ENFORCEMENT
Vengerovsky E.L., Amiraliev R.M. * On the issue of warnings regarding the inadmissibility of violating antitrust legislation. 104
Bryakin A.D. * Conflict of public-law and private-law principles in the status of credit institutions. 111
Pivnenko D.L. * Requirements for the development of design projects for the regimes of cultural heritage objects: the search for objective dispositivity. Statement of the problem. 119
Baryshnikov M.Yu., Dmitrieva I.D., Myagkova E.V. * Public policy clause in private international law: questions of theory and practice. 123
Tarnovskiy P.D. * Issues of liability for public-law entities regarding violations in the provision and use of interbudgetary transfers. 129
Solod K.A. * Execution immunity in respect of apartments as the sole dwelling suitable for permanent residence: problems of law enforcement. 135
EDUCATION AND LAW
Dmitriev G.G. * Socialization in the educational space of an educational organization. 144
Malashenko M.S., Makartsev A.N., Sergeev S.S., Oshurkov D.V. * Improving physical culture teaching skills at the stage of training future specialists. 149
Badziuk I.L. * Studying the effectiveness of gamification in the educational process. 155
Semenov V.V., Nikitin A.I. * Physiological characteristics as a factor in the formation of “basic technique” in the process of teaching shooting to cadets (students) of educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia. 160
INTELLECTUAL PROPERTY LAW
Efimova O.V., Lalakin I.S. * Digitalization of intellectual property. 165
Demidov A.N. * Criteria for civil-law qualification of non-jurisdictional copyright protection on the internet when protective functions are distributed. 170
Panova U.I. * Prompt as evidence of the user’s creative contribution in determining the authorship of results created using generative artificial intelligence. 178
Sintsov A.A. * The specifics of applying the protectability criteria of works to computer programs: issues of theory and practice. 183
Markov R.S., Shaturina N.A., Ryzhkova M.K. * The legal regime of musical works created using artificial intelligence. 188
Shugurov A.M. * Specifics of patent protection for medicinal products under russian law. 197

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS
Elmurzaev A.V., Gunko E.V.* Electronic evidence in russian judicial proceedings: legal nature, admissibility and assessment. . . . 202
Tokareva E.V. * The procedural and methodological significance of comparative samples in forensic handwriting examination. . . . 208
Dmitrioglo A.I. * On certain aspects of the transformation of the evidentiary process in civil and administrative litigation concerning the protection of the rights of special military operation participants. 213
Kiseleva K.E., Milakhina T.A. * Counterclaim as an effective means of defendant's protection against the claim in civil procedure. . . . 218
Ostryakova A.F. * On improving the process of conducting forensic economic examinations in criminal cases. . . . 223
LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY
Abrosimova E.M., Kuznetsov I.B. * Developing a police officer's critical thinking as an essential component of their professional training. . . . 227
Kashkina E.V., Turskaya E.R. * Strengthening international cooperation of UIS in law enforcement cooperation. . . . 231
Kanokova L.Yu., Khaibullov A.R. * Professional training and important qualities of employees of internal affairs bodies. . . . 234
Droga A.A., Oskolkov A.V., Cherezov A.V. * Organizational and legal foundations of experts' activity in the system of the ministry of internal affairs of the Russian Federation: updating the problems. . . . 238
Khaibullov A.R., Bernikov E.R. * Main aspects of firearm training and use of firearms by employees of the state road safety inspection service of the ministry of internal affairs of Russia. . . . 244
Kuznetsov A.V., Shaposhnikova N.S., Ushakina Yu.S. * Legal limits of suppressing group disturbances of public order at mass events: delimitation of administrative and criminal liability. . . . 248
Nekrasova A.A., Skidan A.A. * Crime prevention at mass events: criminal law guidelines and a risk-based model of tactical and special police training. . . . 256
Rudko I.V., Sidorov A.V. * On certain issues related to the organization and implementation of operational and preventive measures by internal affairs bodies in special conditions. . . . 263
CRIMINAL LAW THEORY
Kashkina E.V. * Objective signs of receiving a bribe. . . . 267
Fialkovskaya E.V. * Prevention of suicidal behavior in minors. . . . 272
Kazberov P.N., Kulakova S.V.* Prevention of recidivism through means and methods of educational work . . . 276
Vitko D.A., Vereshchagina A.V. * Choosing a preventive measure for a minor suspect or accused: on the issue of practical implementation. . . . 281
Kunts E.V. * The personality of the offender who commits violent crimes against minors. . . . 294
Guzhviy V.V. * Problems of qualification of the crime of unauthorized abandonment of a unit or place of service. . . . 298
CRIME AND PUNISHMENT
Maistrenko G.A. * Criminal-law counteraction to the illegal transfer of mobile communication devices into correctional facilities: issues of applying article 321.1 of the criminal code of the Russian Federation. . . . 303
Kasyanov A.O., Taran A.V., Ushakina Yu.S.* Problems of using operational-search results and digital materials as evidence of crimes committed during mass events. . . . 310
Kiseleva A.V., Movsisyan A.G., Nagorny A.P. * Inflicting harm when detaining a person who committed a crime: distinguishing lawful police actions from exceeding official powers. . . . 319
Kolisnyk Yu.S., Razina E.P., Sedysheva A.I. * Specifics of expert examinations in the investigation of crimes related to the illicit trafficking of unmarked products. . . . 326
Misostova E.N., Golyandin N.P., Zhirikova A.N. * System monitoring of social networks as a mechanism for early identification and neutralization of determinants of youth involvement in destructive activities: best practices of the Baksan and Chegem municipal districts of the Kabardino-Balkarian Republic. . . . 332
Myakinkova M.V. * Illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogues via digital platforms. . . . 337
Minin A.A., Aliev M.M. * Investigative inspection as an element of the methodology for investigating iatrogenic crimes. . . . 347
Kharina O.D., Berdashkevich M.A. * Crimes in plastic surgery: criteria for differentiating between a cosmetological service and medical intervention for the purposes of qualification under article 238 of the Russian Federation criminal code. . . . 351

Markova N.S. * Civic and patriotic education as an alternative to criminal subculture among adolescents 357
Kiyashko D.N., Nechaev D.Yu. * Features of evidence collection in the investigation of crimes against public order committed during mass events. 364
Efimov A.A., Pauk N.N. * Detection of intentional infliction of grievous bodily harm "in hot pursuit": theory, practice, effectiveness. 369
Tertychnaya I.V. * Active repentance as an object of knowledge in forensic science and practice. 373
Kharina O.D., Kurbakova Yu.S. * Combating juvenile delinquency in Russia and the CIS states: a comparative legal analysis. 379
Vdovtsev P.V., Charykov A.V. * Regarding the use in evidence of information obtained with the participation of a witness whose procedural status was subsequently changed to that of an accused person. 387
Bocharova Yu.A., Eroshenko O.O., Sarankina Yu.A. * Remote recruitment of minors for sabotage: problems of criminal-law qualification and prevention. 394
Kuznetsov R.A.* Features of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation 401
Evseeva I.D. * The transfer of a bribe as an invalid transaction and its civil legal consequences. 407
CRIMINAL PROCEDURE
Polyakova Ya.N. * Conditions for the correction of convicts in the colony. 415
Pechnikov G.A., Blinkov A.P., Smolykov P.P. * Is objective truth possible in adversarial criminal proceedings?. 419
Kazberov P.N. * Pedagogical foundations of resocialization and social adaptation of convicts: traditions and new scientific developments in the context of digital transformation. 427
Golubev Zh.Zh., Starikova A.D. * Information technologies in the administration of criminal justice in the CIS countries. 433
Tishchenko Yu.Yu. * Forms of interaction in the organization of the educational process in a correctional institution. 437
Tkachenko P.A. * Trasological examination of physical evidence in digital format: theoretical and applied aspects. 442
Lukashenko D.V. * Activities of the collective of educators in the process of correction of juvenile convicts 449
Maistrenko G.A. * Development of penitentiary institutions in Russia: historical and legal continuity and contemporary transformation. 452
Bodrova M.I. * Specifics of interrogation tactics for juvenile suspects in cases involving the illegal distribution of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues. 462
Lenskiy V.M. * The institution of administrative prejudiciality in the mechanism of criminal justice: problems and prospects. 466
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * A comprehensive approach to organizing activities related to social work with convicts in prison during the implementation of penitentiary probation. 472
Lukashenko D.V., Leshchenko S.A. * The penal system of the Republic of Kazakhstan. 477
Karabanov R.M. * To the question of the personal qualities of the head of the correctional unit. 481
Karabanov R.M. * Modern complex solutions for communication in penitentiary institutions and detention of the penal system. 487
Khametova A.R., Talyneva Z.Z. * On the issue of investigative actions related to the extraction of a body in criminal proceedings. 494
Oskolkov A.V., Terenkov I.E. * Identification of a person in criminal proceedings: some aspects of the legal status of participants. 498
DISCUSSION
Safronov V.P. * Authors' approaches to the interpretation of the concept of "intangible goods". 504
Sergienko A.S. * Problems of distinguishing between administrative liability and criminal liability for economic offenses. 509
Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. * Constitutional foundations of food accessibility in Russia and Vietnam and legal horizons of bilateral cooperation. 514
Pivnenko D.L. * The relationship between potential legal regulation of types of research and exploratory works on assessing the state of preservation of the historical and cultural value of cultural heritage objects and the criteria for their unsatisfactory condition. 525
Rudaev S.A., Dmitriev G.G. * Professional orientation in working with correctional personnel. 529
Krasinskaya E.S. * Bullying in adolescence: the nature, consequences, and strategy for counteraction. 534

Omelin V.N. * Problems of interconnections and coordination of norms of operational-search and criminal procedure legislation. 538
MEDICAL LAW
Stetsyuk A.V. * Post mortem imaging: a new chapter in forensic medicine in Russia. 543
Kraevskaya A.G. * Smart contracts in jurisprudence: medical law. 547
Rodina A.V. * Analysis of civil law relations arising in the course of clinical trials of medicinal products for medical use. 552
EMPLOYMENT LAW
Fedorenko G.B. * The impact of legislative and other restrictions on the implementation of the principle of freedom of labor in the context of hiring. 557
Novitskaya L.Yu., Orlovskaya M.A. * Correlation of the concepts "job description" and "local regulatory act" (on the example of defense industry enterprises). 561
CYBERCRIME
Perevoznikova E.Yu. * Forms of illegal use of information technologies (including the internet) in the commission of crimes and grounds (criteria) for criminalization. 568
Pilyugina Yu.G. * Involvement of minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunication networks: criminal law and criminological problems. 577
DIGITAL LAW
Shestak V.A. * On the problematic aspects of the institute of evidential electronic (digital) evidence. 583
Kaitukov D.A. * Digital traces as evidence in criminal corruption cases: problems of collection and evaluation. 590
Putenikhina A.V. * Transformation of the cashless settlement system in the context of the introduction of the digital ruble. 597
Olmezov Ya.T., Zumakulova Z.A., Zhugov A.A. * Cryptocurrency in digital financial pyramids: criteria for legal classification. 601
Kalinina E.V. * The smart contract in the mechanism of digital performance of contractual obligations. . 609
Tsarkova E.G. * Robotic systems in institutions of the federal penitentiary service of Russia: criminal-legal risks and limits of use. 617
CIVIL LAW ISSUES
Popov D.S. * A company as a party to a corporate agreement: permissibility and limits of participation. 623
Belyy G.A.* Changes in the legal regulation of energy supply agreements. 631
Morozov R.M., Pantyukhina L.A. * Individual legal regulation of housing legal relations. 636
Zakirova A.R. * The legal framework as the basis for regulating electrical safety of it personnel. 642
Petrukhina A.N., Gromakova A.A. * The institute of conciliation procedures in russian law: from declaration to a systemic tool. 647
Kruzhevnikova A.A., Matveeva O.V. * Legal regulation of fire safety in construction: problems of systematization. 652
Bystrova O.I., Toporkova M.K. * Some problems of activity of state budgetary institutions in the sphere of housing and communal services. 661
Mustafayev S.Z. * Personal non-property rights related to identification of an individual: concept and content. 666
Akimova R.A., Muradova Z.R., Gadzhieva A.R. * Technological approaches to managing the marketing activities of a trading enterprise. 671
Strantsov A.A. * Public danger of organizing the illegal transfer of mobile subscriber numbers. 677
Pivnenko D.L. * Some discussed aspects of potential legal regulation of the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage objects. 683
Prokofieva E.V., Poryvayeva P.S., Khanina N.V. * Possibility of determining the age of bloodstains at a crime scene. 689
Safronov V.P. * Intangible goods as an object of civil law protection. 695
Semina A.V. * Good-faith purchaser in transactions involving inherited real estate. 699
Sintsov A.A. * Issues of providing legal protection to big data sets. 704
ECONOMICS AND LAW
Ermolaev A.E. * Private-law mechanisms of self-regulation in the activities of banking associations. . . . 709
Gulanyan A.O. * Legal methods of strengthening the security of the banking system of the Russian Federation: new threats and ways to improve legislation. 715
Khakkevich P.S., Rybnikov V.V., Shekov A.A. * Regulatory and legal regulation of the handling of lithium ion batteries: problems for forensic fire technical examination. 720
HISTORICAL ARCHIVE

Pivnenko D.L. * Some discussable aspects of unity and diversity in the protective obligations of cultural heritage sites of an ensemble type. 726
Zinina N.A., Polyakova Ya.N. * A historical approach to instilling traditional family values in cadets. 730
Nazarli M.A. * From socialist self-government to local self-government: the evolution of legal doctrine in the USSR and the RSFSR, 1980–1991. 736
Nuzhdova D.A. * On criminal liability for crimes against personal honor and dignity under the legislation of pre-soviet Russia. 740

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-19-24

БРИК Анна Дмитриевна,
Кандидат юридических наук, доцент, Кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», п. Персиановский, Российская Федерация,
e-mail: brickad@mail.ru

МЕСТНЫЙ БЮДЖЕТ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И СОСТАВ

Аннотация. *В статье исследуется правовая сущность местного бюджета как комплексного института муниципального финансового права и анализируется состав его доходной и расходной частей. Автором рассматривает местный бюджет через призму трёх взаимосвязанных подходов — материального, экономического и юридического, — что позволяет раскрыть его двойственную природу: с одной стороны, как финансовой основы местного самоуправления, с другой — как инструмента реализации общегосударственных задач социально-экономического развития. Особое внимание уделено конституционно-правовым основам бюджетных правоотношений. В работе детально охарактеризованы структурные элементы доходной части местных бюджетов: собственные налоговые и неналоговые доходы, межбюджетные трансферты (дотации, субвенции, субсидии), средства самообложения граждан, а также долговые обязательства, включая бюджетные кредиты. Проанализированы основные направления расходования средств местных бюджетов: софинансирование участия в региональных и федеральных проектах и программах развития, обеспечение решения вопросов местного значения, реализация делегированных государственных полномочий и оплата муниципального долга. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выявлена тенденция усиления вовлечённости местных бюджетов в систему государственных бюджетов субъектов РФ и РФ, что выражается в увеличении объёма делегируемых полномочий и росте доли межбюджетных трансфертов в структуре доходов муниципалитетов.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, правовое регулирование, местный бюджет, правоотношения, состав, доходы, расходы, муниципалитет.*

Для цитирования: *Брик А. Д. Местный бюджет в системе публичной власти Российской Федерации: правовая сущность и состав // Право и управление. 2026. № 10. С. 19–24.*

BRIK Anna Dmitrievna,
Candidate of Law, Associate Professor Department of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities Don State Agrarian University, Persianovsky, Russian Federation

THE LOCAL BUDGET WITHIN THE PUBLIC AUTHORITY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ESSENCE AND COMPOSITION

Annotation. *This article examines the legal essence of the local budget as a complex institution of municipal financial law and analyzes the composition of its revenue and expenditure components. The author views the local budget through the prism of three interconnected approaches—material, economic, and legal*

—thereby revealing its dual nature: on the one hand, as the financial foundation of local self-government, and on the other, as an instrument for implementing national socio-economic development objectives. Particular attention is paid to the constitutional and legal foundations of budgetary legal relations. The study provides a detailed characterization of the structural elements of local budget revenues: own tax and non-tax revenues, inter-budgetary transfers (grants, subventions, and subsidies), funds from citizen self-taxation, and debt obligations, including budget loans. The main areas of local budget expenditure are analyzed: co-financing participation in regional and federal development projects and programs, addressing issues of local significance, implementing delegated state powers, and servicing municipal debt. An analysis of current legislation and law enforcement practice reveals a trend toward the increased integration of local budgets into the broader system of state budgets (at both the constituent entity and federal levels); this is evidenced by the growing volume of delegated powers and the rising share of inter-budgetary transfers within the structure of municipal revenues.

Key words: *local self-government, legal regulation, local budget, legal relations, composition, revenues, expenditures, municipality.*

For citation: *Brik A. D. The local budget within the public authority system of the Russian Federation: legal essence and composition. Law and administration. 2026;(10):19–24. (In Russ.).*

Введение

Местный бюджет представляет собой один из ключевых институтов современной системы публичной власти Российской Федерации. В условиях реформирования бюджетного законодательства и расширения практики делегирования государственных полномочий на муниципальный уровень вопросы правового регулирования формирования, распределения и использования средств местных бюджетов приобретают особую значимость. Местные бюджеты выступают не только финансовой основой решения вопросов местного значения, но и важнейшим инструментом обеспечения конституционной автономии местного самоуправления, а также реализации общегосударственных задач социально-экономического развития. Целью настоящей работы является комплексный анализ правовой сущности местного бюджета как института муниципального финансового права, а также исследование состава доходной и расходной частей местных бюджетов Российской Федерации

Материалы и методы

Информационная основа статьи сформирована законодательными и нормативными правовые акты РФ, регулирующими межбюджетные правоотношения, финансовые полномочия местного самоуправления, а также результатами научных исследований, касающимися указанной проблематики. Использование методов научного познания, а именно анализа, синтеза, дедукции и др. обеспечивает высокий уровень достоверности итоговых результатов и выводов.

Результаты и обсуждение

Дефиниция «местный бюджет» имеет специфическое содержание, формируемое природой и характером муниципальных бюджетных отношений, являющихся частью системы публичной власти РФ – с одной стороны, самостоятельным фактором реализации установленных законом полномочий, прав и обязанностей местного самоуправления. С учётом вышеизложенного, понятие местный бюджет охватывает широкий комплекс взаимоотношений, а именно общие признаки бюджета, характерные для всей бюджетной системы РФ, в целом, а также факторы, детерминирующие правовую специфику – в частности, комплекс взаимоотношений в системе «местное самоуправление – муниципальный (местный) бюджет». В научных трудах Барикаевой А. Ф. [1], Брик А. Д. [2], Кускашева Д. В. [4], Ревунова Р. В. [5] представлена экономико-правовая интерпретация местного бюджета, формирующего ресурсную основу местного самоуправления РФ. Рябова Е. В. [6], Силантьева И. А. [7], Тимушев Е. Н. [8], Штерн С. М. [9] анализируют различные аспекты межбюджетных отношений, в том числе правовое регулирование административного и финансового взаимодействия между уровнями управления в рамках бюджетного процесса.

В отечественной юриспруденции сформировался подход к рассмотрению местного бюджета как комплексного понятия, включающего в себя экономическую, материальную, юридическую сущность, а именно:

в материальном отношении местный бюджет является финансовым институтом, находящимся в распоряжении органов местного самоуправления конкретного муниципального образования, что, наряду с другим муниципальным имуществом образует экономическую основу местного самоуправления в данном муниципалитете.

в экономическом отношении местный бюджет является регуляторным инструментом, правовая природа которого основывается на финансовых взаимодействиях, сформированных в муниципальном образовании, субъекте РФ, РФ, касающихся механизмов перераспределения на-

логовых поступлений, финансового обеспечения приоритетов социально-экономического развития.

юридической точки зрения местный бюджет представляет собой официальный документ, который принимает местный представительный орган власти. В этом документе зафиксированы: источники доходов (налоговые и неналоговые); на что и в каком объёме тратятся денежные средства (направления расходов), включая обязательства органов местного самоуправления и реализация полномочий, переданных муниципалитету органами госвласти субъектов РФ и РФ; предельный размер дефицита местного бюджета; параметры долговых обязательств, в т. ч. предельный объём долга, источники заимствований, условия привлечения денежных средств; права, обязанности и полномочия всех участников бюджетных отношений в конкретном муниципалитете.

Конституционный Суд РФ дал разъяснение конституционных норм [11], в котором уточнил, как именно строятся бюджетные отношения между РФ и другими уровнями управления, разъясняя нормы Бюджетного кодекса и федеральных законов о бюджете, определил особые конституционно-правовые признаки закона о федеральном бюджете. Эти разъяснения — в целях формирования единства правового пространства России и одинакового применения законов на практике — были распространены и на аналогичные документы регионального и муниципального уровней.

В дальнейшем, по мере развития бюджетных отношений и правоприменительной практики РФ, нормы права, касающиеся регулирования вышеуказанных правоотношений, получили дальнейшую конституционно-правовую интерпретацию. В соответствии с актами Конституционного Суда РФ, бюджет каждого уровня управления является одним из инструментов реализации общегосударственных целей и задач социально-экономического развития, посредством целевого территориального распределения денежных средств: в РФ, в субъектах РФ, в муниципальных образованиях.

Согласно вышеуказанных актов конституционного регулирования, бюджет образует самостоятельную сферу правового регулирования, каковым формируются необходимые финансовые предпосылки, касающиеся практической реализации положений, установленных иными законодательными и нормативными правовыми актами; таким образом, правовой акт о бюджете соответствующего уровня управления определяет исключительно параметры доходов/расходов и не применяется к иным правоотношениям.

В данном контексте бюджетные правоотношения являются существенным элементом социально-экономического развития государства и муниципальных образований; в частности, федеральный бюджет является неотъемлемым элементом государственной власти и одновременно одним из её атрибутивных признаков (аналогично в отношении бюджета субъекта РФ), представляет собой важнейший элемент обеспечения функционирования государственных органов; гарантирует дееспособность, правоспособность, независимость государственной власти РФ, субъектов РФ, возможность практической реализации конституционных полномочий. С учётом вышеуказанных трактовок Конституционного Суда, федеральный, региональные, местные бюджеты, обладая собственными атрибутивными признаками, конституционно-правовой автономией образуют единую бюджетную систему РФ, призванную обеспечить финансовыми ресурсами практическую реализацию прав, свобод и законных интересов граждан органами публичной власти.

Как указывает Джагарян А. А., «с конституционно-правовой точки зрения основу института местного бюджета составляет сложное диалектическое единство экономических и юридических, материальных и процессуальных, субъективно-правовых и институциональных, государственно-властных и общественных (самоуправленческих) начал» [3].

С учётом вышеизложенного, местный бюджет, наряду с муниципальным имуществом (собственностью) является одним из важнейших источников экономической основы местного самоуправления. Согласно ст. 15 Бюджетного кодекса РФ [10], каждое муниципальное образование имеет местный бюджет (бюджет муниципального образования), предназначенный для исполнения расходных обязательств данного муниципалитета. В соответствии с действующим законодательством, местные бюджеты РФ имеют доходно-расходный состав (таблица 1 [10]).

Таблица 1 – Состав местных бюджетов РФ

Доходы местного бюджета	Расходы местного бюджета
Собственные налоговые доходы Собственные неналоговые доходы Межбюджетные трансферты Средства самообложения граждан Долговые обязательства, в т. ч. бюджетные кредиты	Софинансирование участия в региональных, федеральных проектах, программ развития Обеспечение решения вопросов местного значения Реализация делегированных государственных полномочий Оплата муниципального долга

Рассмотрим более детально состав местных бюджетов. К собственным налоговым доходам относятся, прежде всего, поступления по налоговым сбором от местных налогов и сборов, установленных ст. 15 Налогового кодекса РФ (земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор, туристический налог). Также в указанную категорию доходов входят установленные Бюджетным кодексом РФ доли от федеральных, региональных налогов и сборов, акцизов и

других обязательных платежей. К собственным неналоговым доходам относятся поступления в связи с использованием собственности муниципального образования в виде движимого, недвижимого имущества, имущественных прав и др.

В настоящее время межбюджетные трансферты представляют собой один из наиболее значимых источников пополнения доходной части местного бюджета. Межбюджетные трансферты могут предоставляться в виде дотаций, субвенций, субсидий (таблица 2 [10]).

Таблица 2 – Виды межбюджетных трансфертов РФ

Наименование	Сущность
Дотация	Вид межбюджетного трансферта, предоставляемый на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования
Субвенция	Вид межбюджетного трансфера, который предоставляется в целях финансового обеспечения расходных обязательств по переданным полномочиям
Субсидия	Вид межбюджетного трансферта, предоставляемый на безвозмездной и безвозвратной основе с установлением целевого назначения его использования

Особенностью современного этапа развития межбюджетных правоотношений РФ является увеличение количества делегируемых на местный уровень полномочий, что сопровождается постепенным повышением доли в местных бюджетах субвенций и субсидий, предоставляемых бюджетами субъектов РФ.

Средства самообложения граждан, в соответствии с п. 1 ст. 69 Бюджетного кодекса РФ, представляют собой «разовые платежи граждан, осуществляемые для решения конкретных вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» [10]. Законодатель устанавливает ограничения по установлению подобного формата пополнения доходной части бюджета в виде обязательности его введения посредством местного референдума (либо схода) граждан.

В состав доходной части местных бюджетов входят долговые обязательства, в т. ч. бюджетные кредиты. Статья 9 Бюджетного кодекса РФ наделяет муниципальные образования правом управлять муниципальным долгом, в том числе: осуществлять эмиссию муниципальных долговых обязательств в форме выпуска и размещения на финансовом рынке облигаций. Подобный формат не получил широкого распространения. Согласно данных Минфина РФ, Росстата по состоянию на 1 октября 2025 г. зарегистрированы следующие выпуски муниципальных облигаций в РФ (таблица 11 [12]).

Таблица 3 - Выпуски муниципальных облигаций РФ

Наименование	Сущность
Дотация	Вид межбюджетного трансферта, предоставляемый на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования
Субвенция	Вид межбюджетного трансфера, который предоставляется в целях финансового обеспечения расходных обязательств по переданным полномочиям
Субсидия	Вид межбюджетного трансферта, предоставляемый на безвозмездной и безвозвратной основе с установлением целевого назначения его использования

Наиболее распространённой формой привлечения муниципальными образованиями заимствований является кредитование. Законодательством РФ предусмотрены следующие способы кредитования:

получение кредитов от кредитных организаций, то есть, по сути, банковское (коммерческое) кредитование на рыночных условиях. Практическая деятельность муниципальных образований по привлечению кредитов кредитных организаций основывается на конкурсных принципах и регулируются законодательством о закупках товаров (услуг) для государственных (муниципальных) нужд.

бюджетное кредитование. Согласно п. 5 ст. 93.3 Бюджетного кодекса РФ, бюджетам муниципальных образований могут, на условиях срочности, платности, возвратности, могут предоставляться бюджетные кредиты из бюджетов соответствующих субъектов РФ на срок, не превышающий 5 лет. Установленный законодательством РФ механизм бюджетного кредитования применяется в отношении межмуниципальных бюджетных взаимодействий, в частности бюджетные кредиты на срок до 3-х лет могут быть предоставлены бюджетам городских, сельских поселений (внутригородских районов) из бюджетов муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением). Стоимость бюджетного кредитования составляет 0,1-3,0 % годовых, что значительно ниже действующих рыночных ставок кредитования. Сформированные вышеуказанными составными элементами доходы бюджетов муниципальных образований используются для финансирования расходов по следующим основным направлениям:

Софинансирование участия в региональных, федеральных проектах, программ развития – формат, подразумевающий добровольное, долевое участие муниципальных образований в реализуемых федеральными, региональными органами госвласти проектах, программах социально-экономического развития;

Обеспечение решения вопросов местного значения – обеспечение надлежащего решения вопросов местного значения, установленных главой 3 действующего федерального закона о местном самоуправлении, каковой определены полномочия муниципальных образований по решению вопросов непосредственного обеспечения жиз-

недеятельности населения.

Реализация делегированных государственных полномочий – обеспечение практической реализации переданных на исполнение на муниципальный уровень государственных полномочий РФ, субъекта РФ. Чаще всего выражается в обеспечении оказания гражданам, находящихся на территории муниципалитета, государственных услуг.

Оплата муниципального долга – обеспечение своевременной и в полном объёме выплата текущих и основных платежей по муниципальным долговым обязательствам.

Рассмотрев конституционно-правовые принципы, законодательные основы, состав местного бюджета, можно установить значительное сходство с государственно-бюджетными правоотношениями, что не означает полного совпадения указанных взаимосвязей. Согласно своей правовой природы муниципальные бюджетные отношения имеют властно-имущественный характер, бюджетный процессе муниципалитетов осуществляется исключительно в их территориальной юрисдикции, в условиях непосредственного правового регулирования со стороны органов госвласти РФ, субъектов РФ – что не отменяет конституционной автономности местного самоуправления, одним из выражений которой является самостоятельность органов местного самоуправления в распоряжении собственными доходами муниципальных бюджетов, равно, как и объектами муниципальной собственности.

Заключение

В завершение сформулируем следующие основные выводы:

Обобщая вышеизложенное, мы можем концептуально трактовать бюджет муниципального образования (местный бюджет) как комплексный правовой институт, позволяющий обеспечить практическую реализацию установленных Конституцией, законодательством РФ полномочий местного уровня управления, за счёт распределения денежных средств между направлениями и статьями расходов.

В последние годы наблюдается эволюция правового регулирования местных бюджетов в сторону большей вовлечённости в систему государственных бюджетов субъектов РФ и РФ. Подобная тенденция находит своё практическое выражение в механизме распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы, делегировании исполнения государственных полномочий РФ, субъектам РФ с предоставлением местным бюджетам соответствующего финансового обеспечения в формате межбюджетных трансфертов различных видов.

Список литературы:

[1] Барикаева А. Ф. Конституционное правовое регулирование доходов и расходов местных бюджетов в условиях социально-экономической трансформации / Образование и право. 2025. № 8. С. 24-29. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-8-24-29.

[2] Брик А. Д. Совершенствование правого регулирования экономической деятельности муниципальных образований Российской Федерации / Право и управление. 2026. № 5. С. 29-33. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-29-33.

[3] Джагарян А. А. Местный бюджет в российском праве: конституционные аспекты институционализации / Джагарян А.А. // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2-2. С. 274-280. https://cyberleninka.ru/article/n/mestnyy-byudzhet-v-rossiyskom-prave-konstitutsionnye-aspekty-institutsionalizatsii.

[4] Кускашев Д. В. К вопросу о формировании и развитии организационно-правовых основ местного самоуправления в России / Кускашев Д. В. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 11. С. 118-121.

[5] Ревунов Р. В. Конституционно-правовые основы экономики местного самоуправления / В сборнике: Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и зарубежный опыт. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2025. С. 180-183.

[6] Рябова Е. В. Развитие межбюджетных отношений в рамках бюджетно-налоговой политики, направленной на обеспечение финансовой устойчивости субъектов Российской Федерации / Е.В. Рябова // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 75-89.

[7] Силантьева И. А. Финансово-правовое регулирование формирования доходной части местных бюджетов в условиях цифровизации / Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152). С. 257-261. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-3-257-261.

[8] Тимушев Е.Н. Федеральные межбюджетные трансферты и уровень внутрирегиональной бюджетной децентрализации в России / Е.Н. Тимушев // Финансовый журнал. 2019. № 6. С. 27-42. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-27-42.

[9] Штерн С. М. Правовое регулирование использования нормативов отчислений от доходов бюджета субъекта Российской Федерации в местные бюджеты как метод регулирования межбюджетных отношений / Юридическое образование и наука. 2024. № 3. С. 38-43. DOI: 10.18572/1813-

1190-2024-3-38-43.

[10] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ ((с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026).

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[12] Официальный сайт Минфина РФ https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ дата обращения 05.10.2026 г.

References:

[1] Barikaeva A.F. Constitutional legal regulation of income and expenses of local budgets in the context of socio-economic transformation/Education and law. 2025. № 8. S. 24-29. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-8-24-29.

[2] Brik A.D. Improving the legal regulation of the economic activities of municipalities of the Russian Federation/Law and management. 2026. № 5. S. 29-33. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-29-33.

[3] Dzhagaryan A. A. Local budget in Russian law: constitutional aspects of institutionalization/ Dzhagaryan A.A. // Terra Economicus. 2010. VOL. 8. № 2-2. S. 274-280. https://cyberleninka.ru/article/n/mestnyy-byudzhet-v-rossiyskom-prave-konstitutsionnye-aspekty-institutsionalizatsii.

[4] Kuskashev D.V. On the formation and development of the organizational and legal foundations of local self-government in Russia Kuskashev D.V. // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2019. № 11. S. 118-121.

[5] Revunov R.V. Constitutional and legal foundations of the economy of local self-government/ In the collection: Actual problems of public law: evolution, modern trends and foreign experience. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of faculty, graduate students and students. Simferopol, 2025. S. 180-183.

[6] Ryabova E.V. Development of inter-budgetary relations within the framework of fiscal policy aimed at ensuring the financial stability of the constituent entities of the Russian Federation/ E.V. Ryabova // Journal of Russian Law. 2023. № 7. S. 75-89.

[7] Silantyeva I. A. Financial and legal regulation of the formation of the revenue side of local budgets in the context of digitalization/Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 3 (152). PP. 257-261. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-3-257-261.

[8] Timushev E.N. Federal interbudgetary transfers and the level of intraregional budgetary decentralization in Russia / E.N. Timushev // Financial Journal. 2019. № 6. S. 27-42. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-27-42.

[9] Stern S. M. Legal Regulation of the Use of Standards of Deductions from Budget Revenues of a Constituent Entity of the Russian Federation to Local Budgets as a Method of Regulating Intergovernmental Relations/Legal Education and Science. 2024. № 3. S. 38-43. DOI: 10.18572/1813-1190-2024-3-38-43.

[10] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 31.07.1998 (as amended and supplemented, entry effective from 01.09.2026).

[11] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote in 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[12] Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ circulation date 05.10.2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-25-28

РЫЖАКОВА Юлия Николаевна,
Старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Барнаульского юридического института
МВД России,
e-mail: ryzhakovaun@mail.ru

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается роль органов внутренних дел в реализации миграционной политики в России.*

Незаконная миграция и рост миграционной преступности является особенно важной проблемой для России, в связи с этим требуется современное применение различных подходов к осуществлению миграционного контроля и взаимодействия правоохранительных органов по противодействию незаконной миграции.

С 2026 года Россия перешла к реализации новой Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, в которой органам внутренних дел отведена роль центрального исполнителя большинства контрольных и цифровых функций. Одновременно с этим статистика первого полугодия 2026 года демонстрирует ощутимые результаты: количество преступлений со стороны иностранцев снизилось почти на 40%, а число выдворений выросло в 2,6 раза, что делает анализ деятельности ОВД практически значимым.

Главная задача правоохранительных органов заключается в противодействия незаконной миграции.

Ключевые слова: *иностранные граждане, органы внутренних дел, миграционная политика.*

Для цитирования: *Рыжакова Ю. Н. Органы внутренних дел в реализации миграционной политики российского государства // Право и управление. 2026. № 10. С. 25–28.*

RYZHAKOVA Yulia Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Constitutional and
Administrative Law, Barnaul Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Annotation. *The article examines the role of internal affairs bodies in implementing migration policy in Russia. Illegal migration and the growth of migration related crime are particularly important problems for Russia; therefore, it is necessary to apply modern approaches to migration control and to ensure cooperation between law enforcement agencies in countering illegal migration. Since 2026, Russia has begun implementing the new Concept of State Migration Policy for 2026–2030, in which internal affairs bodies are assigned the role of the central executor of most control and digital functions. At the same time, the statistics for the first half of 2026 demonstrate tangible results: the number of crimes committed by foreigners has decreased by almost 40%, and the number of deportations has increased 2.6 fold, which makes the analysis of the activities of the internal affairs bodies practically significant. The main task of law enforcement agencies is to counteract illegal migration.*

Key words: *foreign citizens, internal affairs bodies, migration policy.*

For citation: *Ryzhakova Yu. N. Internal affairs bodies in the implementation of the migration policy of the russian state. Law and administration. 2026;(10):25–28. (In Russ.).*

Масштаб миграционных процессов усиливает влияние на социально-экономическое развитие государства, его внутреннюю и внешнюю политику. Россия, будучи одним из крупнейших центров миграционного притяжения, сталкивается с задачей балансирования между потребностью в экономической миграции и необходимостью обеспечения национальной безопасности. В этой связи изучение роли органов внутренних дел в реализации миграционной политики российского государства несет не только теоретическое, но и практическое значение.

Участие органов внутренних дел в реализации миграционной политики государства становится особенно важным в связи с необходимостью разработки более гибких и адаптивных механизмов государственного управления миграцией, которые учитывали бы современные реалии.

Перемещение людей (миграция) представляет собой явление, которое сопутствовало развитию общественных отношений на протяжении длительного времени и всегда будет спутником социальных процессов, порождая комплекс проблемных моментов, от грамотного решения которых зависит экономическое и социально-политическое будущее принимающего государства, а также его национальная безопасность, уровень правопорядка.

Регулирование миграционных процессов в России основывается на широкой нормативно-правовой базе, в основе которой лежит Конституция РФ, где следует отметить ст. 27, гарантирующей право каждого находящегося на территории государства на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. В числе нормативно правовых актов можно выделить ряд актов специального действия в сфере миграции. Также важно понимать, что отдельные охранительные нормы права в рассматриваемой сфере отношений содержатся в отраслевом законодательстве, прежде всего административном и уголовном. Заметим, что деятельность государства в миграционной сфере базируются на общем системном видении, находящем отражение в актах перспективного планирования. Так, на сегодняшний день фундаментом государственной миграционной политики является Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026-2030 г. [7].

ОВД занимают важное место в обеспечении миграционных процессов в российском государстве, выполняя широкий спектр задач, связанных с осуществлением контроля за иностранными гражданами, профилактикой правонарушений и преступлений в данной сфере, а также обеспечением законности. Деятельность сотрудников полиции по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан регулируется основными нормативными правовыми актами, в том числе и ведомственными приказы МВД России.

Полномочия органов внутренних дел в сфере миграции образуют комплекс мероприятий, которые обеспечивают эффективное управление миграционными процессами. Сотрудники полиции выполняет ключевую роль в координации, контроле и организации учета иностранных граждан, находящихся на территории российского государства.

Одним из основных направлений деятельности ОВД в рассматриваемой сфере является ведение миграционного учета, основу данного учета составляет Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [5]. Внесение данных об иностранном гражданине в государственную информационную систему миграционного учета позволяет четко отслеживать перемещение иностранных граждан и минимизировать риски нелегальной миграции. Нововведением стала разработка мобильного приложения «Амина»- официальное государственное мобильное приложение для мигрантов в Москве и Московской области, предназначенное для удаленной постановки на миграционный учет и передачи данных о геолокации в МВД. Данное приложение разработано по заказу МВД России для цифровизационного процесса иностранных граждан, находящихся на территории нашего государства. С 1 сентября 2025 года в Москве и Московской области в рамках которого, иностранные граждане, прибывшие из безвизовых государств Центральной Азии и Закавказья обязаны скачать данное приложение для постановки на миграционный учет. «Амина» обеспечивает автоматическую и непрерывную передачу геолокационных данных в МВД России, что позволяет в режиме реального времени сверять заявленный адрес пребывания с фактическим местонахождением иностранного гражданина [1].

Сотрудники полиции в сфере миграции обеспечивают функционирование государственной информационной системы миграционного учета, в которой производится обработка и хранение информации о мигрантах. Наличие информационных систем позволяет автоматизировать процесс учета, обеспечивая актуальность данных, оперативный доступ для уполномоченных государственных органов и организаций. В целом, внедрение современных информационных технологий позволяет улучшить деятельность по учету мигрантов, способствует сокращению количества нарушений, повышая эффективность взаимодействия между различными структурами. Однако для дальнейшего совершенствования этой системы необходимо продолжать работу над устранением технических и организационных проблем, которые все еще встречаются на прак-

тике [3].

Министерство внутренних дел предоставляет предложения по совершенствованию форм государственного статистического наблюдения в сфере миграции. Например, статистические данные о притоке мигрантов, их возрастной структуре, уровне квалификации и характере трудовой деятельности служат основой для планирования квот, социальных программ и мер интеграции [2].

На уровне территориальных органов полномочия включают непосредственное взаимодействие с иностранными гражданами, в том числе в рамках предоставления отдельных государственных услуг. Приказ МВД России от 10 декабря 2020 года № 856 утверждает Административный регламент по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [4].

Важным направлением работы сотрудников полиции является загрузка сведений об учете, регистрации иностранцев в государственную информационную систему миграционного учёта. Внедрение систем тотального цифрового контроля за перемещением иностранных граждан, использование биометрических данных, постоянный мониторинг геолокации решает важные вопросы об обеспечением национальной безопасности. Благодаря этому достигается высокая скорость и точность учёта, формируется фундамент для взаимодействия различных органов исполнительной власти. Соблюдение и исполнение миграционного законодательства охватывает как иностранных граждан, так и российских граждан, организации и ответственных должностных лиц. В ходе проверок анализируется: своевременность регистрации, достоверность предоставленных сведений и их соответствие установленным требованиям.

Кроме специальных полномочий в миграционной сфере ОВД выполняют и общую функцию обеспечения правопорядка. Ведь сфера миграции остаётся одной из наиболее уязвимых с точки зрения правонарушений, что обусловлено её сложной правовой и социальной природой, а также значительными потоками мигрантов, которые часто сталкиваются с необходимостью решения множества бюрократических, экономических и правовых вопросов [6]. Рассмотрение проблем, связанных с правонарушениями в этой области, требует глубокого анализа их природы, масштаба и последствий, а также мер, которые предпринимаются для их предотвращения и минимизации[8].

Борьба с нелегальной миграцией, которая включает незаконное пересечение границ, пребывание на территории страны без надлежащих документов, а также уклонение от соблюдения миграционного законодательства. Борьба с иными правонарушениями, совершаемыми мигрантами на территории России.

На уровне МВД России систематически принимаются комплексные меры для обеспечения правопорядка в сфере миграции, контроля за миграционными потоками, предотвращения незаконной миграции и снижения уровня преступности среди иностранных граждан. Эти меры охватывают широкий спектр направлений, включая организацию проверок, усиление административного регулирования, внедрение современных технологий, а также взаимодействие с другими государственными органами и международными партнёрами.

На основании вышеизложенного: органы внутренних дел играют главную роль в системе реализации миграционной политики обеспечивая тщательный контроль за соблюдением режима пребывания иностранных граждан на территории РФ, осуществлением защиты прав иностранных граждан и обеспечением национальной безопасности [9].

Комплекс проводимых мероприятий, осуществляемых органами исполнительной власти в рамках реализации миграционной политики, позволяет эффективно выявлять и предотвращать административные правонарушения и преступления в сфере миграции, тем самым уменьшая социальное напряжение [10].

Задачи органов внутренних дел в области реализации миграционной политики: защита государственных интересов и обеспечение безопасной социальной среды, что особенно важно для развития государства и общества. Внедрение цифровизации, ужесточение контроля и рационализация миграционных процессов способствуют укреплению законности, сокращению противоправных действий мигрантами, снижению преступности и повышению результативности работы ОВД в области миграции. Для достижения высоких результатов и эффективности обеспечения миграционной политики необходимо совершенствовать нормативную правовую базу, устанавливать межведомственное взаимодействие, подключать к работе общественные организации, продолжить активное внедрение информационных технологий в процессы миграционного учёта и контроля, а также повышать квалификацию сотрудников ОВД, занимающихся миграционной работой.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // URL: http://pravo.gov.ru/

constitution/?ysclid=mhoufed1y956274986.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. 1996. 25 июня.

[3] Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета. 1996. 22 августа.

[4] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета. 2002. 31 июля.

[5] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 20 июля.

[6] Указ Президента РФ от 02.04.2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504020001?ysclid=mhouvyy3i2381664555.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055.

[8] В списке должны быть только те акты и научные публикации которые использовались в тексте работы , проверьте, и заполните раздел.

[9] Бутакова О.Ф. Современные проблемы деятельности главного управления по вопросам миграции МВД РФ по решению вопросов гражданства // Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). Краснодар: Новация, 2018.

[10] В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД. Март. 2025. Стенограмма выступления. // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (дата обращения: 21.10.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 N 7-FKZ, dated 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ) // URL: http://pravo.gov.ru/constitution/? ysclid = mhoufed1y956274986.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended 28.12.2024) (with amendments and additions, entry in force since 01.03.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. June 25.

[3] Federal Law No. 114-FZ dated 15.08.1996 (as amended by 28.12.2024) "On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation" (amended and supplemented, entry in force since 05.02.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. 22 August.

[4] Federal Law No. 25.07.2002 of 115-FZ (ed. 28.12.2024) "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (amended and supplemented, entry in force since 05.02.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2002. July 31.

[5] Federal Law of 18.07.2006 No. 109-FZ (ed. 08.08.2024) "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2006. July 20.

[6] Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2025 No. 205 "On improving public administration in the field of migration" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504020001?ysclid=mhouvyy3i2381664555.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 15.10.2025 No. 738 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055.

[8] The list should contain only those acts and scientific publications that were used in the text of the work, check, and fill in the section.

[9] Butakova O.F. Modern problems of the activities of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in solving citizenship issues // Law: modern trends: materials V International. scientific. conf. (Krasnodar, February 2018). Krasnodar: Novation, 2018.

[10] Putin V.V. at an expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs. March. 2025. Transcript of the speech // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (date of appeal: 21.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-29-32

НАЗАРЛИ Магамед Арчил оглы,
аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: m.nazarli@mail.ru

Научный руководитель:
ЯЩУК Татьяна Федоровна,
д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: yashukomsu@mail.ru

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ В РОССИИ В 1991–1993 ГГ.

Аннотация. *В статье исследуется практика реализации реформы местного самоуправления в России в 1991–1993 гг. после принятия Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I. Нормативная модель сопоставляется с фактической организацией местной власти. Анализируются отношения местных Советов и администраций, формирование муниципальной собственности и местных бюджетов, незавершенность выборных механизмов, деятельность «малых Советов», развитие территориального общественного самоуправления и региональная неоднородность практики. Показано, что новая система первоначально создавалась на институциональной основе прежней модели, поэтому провозглашенная самостоятельность сочеталась с организационными и финансовыми ограничениями. Политико-правовые преобразования 1993 г. завершили первый этап реформы и изменили ее первоначальную траекторию.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, местные Советы народных депутатов, местная администрация, муниципальная собственность, местные бюджеты, территориальное общественное самоуправление, разграничение полномочий, Россия 1991–1993 гг.*

Для цитирования: *Назарли М. А. Практика организации местного самоуправления и противоречия реализации реформы в России в 1991–1993 гг // Право и управление. 2026. № 10. С. 29–32.*

NAZARLI Magamed Archil ogly,
postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Scientific director:
YASCHUK Tatyana Fedorovna,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University

PRACTICE OF ORGANIZING LOCAL SELF-GOVERNMENT AND CONTRADICTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE REFORM IN RUSSIA IN 1991–1993

Annotation. *The article examines the practical implementation of the local self-government reform in Russia in 1991–1993 after the adoption of the RSFSR Law of 6 July 1991 No. 1550-I. The statutory model is compared with the actual organization of local authority. Particular attention is paid to relations between local Soviets and administrations, municipal property and local budgets, incomplete electoral mechanisms, "small Soviets", territorial public self-government and regional diversity. The study shows that the new system was initially built on the institutional basis inherited from the Soviet model, which produced a combination of proclaimed autonomy and continuing organizational and financial constraints. The political and legal transformations of 1993 completed the first stage of the reform and changed its institutional trajectory.*

Key words: *local self-government, local Soviets of People's Deputies, local administration, municipal property, local budgets, territorial public self-government, division of powers, Russia 1991–1993.*

For citation: *Nazarli M. A. Practice of organizing local self-government and contradictions in the implementation of the reform in Russia in 1991–1993. Law and administration. 2026;(10):29–32. (In Russ.).*

Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I «О местном самоуправлении в РСФСР» закрепил модель, в которой население должно было самостоятельно решать вопросы местного значения через местные Советы, администрации, референдумы, собрания и сходы граждан, иные формы непосредственной демократии и органы территориального общественного самоуправления; экономической основой выступали муниципальная собственность и местные бюджеты [1]. Однако юридическое учреждение новой системы не означало ее немедленного практического возникновения. В. А. Кряжков прямо связывал реальность самоуправления с экономическими, политическими, правовыми и организационными условиями [2, с. 16–24]. Поэтому ключевым вопросом 1991–1993 гг. стало расхождение между достаточно развернутой нормативной конструкцией и возможностями ее одновременной реализации.

Реформа проводилась на базе уже существовавших Советов и кадрового аппарата. Новый закон менял функции органов быстрее, чем происходило обновление их состава и практик работы. Отдельный Закон РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-I предусматривал прямые выборы глав администраций [3], но к 1992 г. этот механизм был реализован неполно. На конференции «Местное самоуправление в России. Теория и практика» отмечалось, что в ряде территорий выборы глав администраций не состоялись, новые выборы Советов не были проведены в предусмотренном формате, продолжал действовать прежний депутатский корпус и функционировали «малые Советы» [6]. Тем самым представительное и исполнительное звенья формировались неодинаковыми способами, что усиливало переходный характер всей системы.

Центральным организационным противоречием стало разграничение полномочий Совета и администрации. Закон стремился отделить представительные функции от текущего исполнительно-распорядительного управления, но обе структуры действовали на одной территории и отвечали за взаимосвязанные сферы. Практическую остроту проблемы показывает спор в Ростове-на-Дону, рассмотренный Н. С. Бондарем и С. А. Зинченко. Администрация оспаривала акты городского Совета, передавшие Совету и Регистрационной палате государственную регистрацию предприятий; областной суд признал выход Совета за пределы компетенции [4, с. 86–96]. Частный спор выявил общую проблему: законодательство недостаточно четко проводило границу между нормотворческими полномочиями представительного органа и хозяйственно-управленческой компетенцией администрации. Одним из способов ее восполнения становились местные уставы и специальные положения о разграничении полномочий.

То же противоречие проявлялось при формировании муниципальной собственности. Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-I установило порядок разграничения государственной и муниципальной собственности [5], но фактическое создание имущественной базы требовало определения конкретных объектов, их передачи и учета. Одновременно необходимо было распределить полномочия Совета и администрации по управлению этим имуществом. В условиях приватизации и перехода к рыночной экономике имущественный вопрос становился одновременно вопросом компетенции. Материалы 1992 г. фиксировали отсутствие четких представлений о составе муниципальной собственности и рассматривали ее незавершенное формирование как одно из препятствий местной самостоятельности [6]. Следовательно, наличие соответствующей категории в законе еще не означало, что муниципалитет реально располагал достаточной имущественной основой.

Финансовая самостоятельность также оставалась ограниченной. Формальное право на собственный бюджет не устраняло зависимость от реальной доходной базы и межбюджетного перераспределения. К. Ф. Шеремет среди препятствий реформы называл ограниченность доходов и несбалансированность местных бюджетов [6]. Экономический кризис начала 1990-х гг. делал

эту проблему особенно заметной: объем задач местных органов расширялся в момент, когда налоговая и хозяйственная система быстро менялись. Нельзя, однако, говорить о полной финансовой несостоятельности всех территорий. Различия в структуре экономики, собственности и доходов создавали неодинаковые возможности, поэтому финансовая зависимость проявлялась по-разному. Именно эта неоднородность стала одной из характерных черт практики первого этапа реформы.

Региональная практика не складывалась по единой схеме. В одних регионах продолжали функционировать низовые Советы, в других часть их полномочий переходила вышестоящим Советам, в третьих местные дела концентрировались у администрации; значительную текущую работу выполняли малые Советы [6]. Такая вариативность одновременно соответствовала идее учета местных условий и свидетельствовала о незавершенности общих механизмов реформы. В Мордовии в Саранске действовал малый Совет, а в декабре 1992 г. были проведены выборы мэра [8, с. 2768–2772]. Следовательно, точнее говорить не об отсутствии реформы, а о ее неравномерной реализации.

Территориальное общественное самоуправление также показывало неполноту новой модели. В. Т. Прохоров и В. С. Кашо относили к его формам советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, кварталов и домов [7, с. 46–53]. Их место оставалось спорным: ТОС понимали как самостоятельное звено, посредника между Советом и населением либо потенциально конкурирующую структуру. Закон, таким образом, закрепил многоуровневое участие населения раньше, чем были окончательно определены компетенция и гарантии его низовых элементов. Референдумы, собрания и сходы получили нормативную основу, но источники не подтверждают их равномерного распространения.

Осенью 1993 г. внутренние противоречия местной реформы наложились на общегосударственный политико-правовой кризис. Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 начал реформирование представительных органов власти и местного самоуправления [10]. Указ от 26 октября 1993 г. № 1760 утвердил Положение об основах организации местного самоуправления на период поэтапной конституционной реформы и ориентировал систему на новые представительные органы и глав местного самоуправления [11]. Эти акты не просто продолжили регулирование 1991 г., а изменили его институциональную траекторию: прежняя система Советов переставала быть организационной основой местной власти. Тем самым политический кризис завершил первый этап реформы до того, как были устранены его внутренние имущественные, финансовые и организационные противоречия.

Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. закрепила местное самоуправление как самостоятельную форму публичной организации, не входящую в систему органов государственной власти [12]. Закон 1991 г. не остался декларацией: создавались администрации, локальные положения, органы ТОС, имущественные механизмы, проводились выборы глав местной исполнительной власти. Однако эти элементы не образовали устойчивой и единообразной системы. Наиболее острыми были конкуренция компетенций Советов и администраций, незавершенность муниципальной собственности, ограниченность доходов и неполнота выборных процедур. Поэтому 1991–1993 гг. составили самостоятельный переходный этап, завершенный преобразованиями 1993 г. до полного формирования условий предусмотренной законом самостоятельности.

Список литературы:

[1] О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

[2] Кряжков В. А. Местное самоуправление: правовое регулирование и структуры // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 16–24.

[3] О выборах главы администрации: Закон РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1491.

[4] Бондарь Н. С., Зинченко С. А. Городской Совет и администрация: проблемы разграничения полномочий в сфере муниципальной собственности // Государство и право. 1993. № 3. С. 86–96.

[5] О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-I.

[6] Мирошниченко Е. В. Местное самоуправление в России. Теория и практика // Государство и право. 1993. № 6. С. 141–147.

[7] Прохоров В. Т., Кашо В. С. Органы территориального общественного самоуправления в системе местного самоуправления // Государство и право. 1992. № 7. С. 46–53.

[8] Еремин А. Р. Организационно-правовые основы функционирования органов местного самоуправления в Республике Мордовия в период 1990–1995 годов // Фундаментальные исследова-

ния. 2014. № 11-12. С. 2768–2772.

[9] Краснов М. А. Введение в муниципальное право. М.: ИГП РАН, 1993. 16 с.

[10] О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617.

[11] О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26 октября 1993 г. № 1760 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 44. Ст. 4188.

[12] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

References:

[1] On Local Self-Government in the RSFSR: Law of the RSFSR of July 6, 1991, No. 1550-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 29. Art. 1010.

[2] Kryazhkov V. A. Local Self-Government: Legal Regulation and Structures // Soviet State and Law. 1992. No. 1. Pp. 16–24.

[3] On Elections of the Head of Administration: Law of the RSFSR of October 24, 1991, No. 1803-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 45. Art. 1491.

[4] Bondar N. S., Zinchenko S. A. City Soviet and Administration: Problems of Dividing Powers in the Sphere of Municipal Property // State and Law. 1993. No. 3. Pp. 86–96.

[5] On the Delimitation of State Property in the Russian Federation into Federal, Regional and Municipal Property: Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation of December 27, 1991, No. 3020-I.

[6] Miroshnichenko E. V. Local Self-Government in Russia: Theory and Practice // State and Law. 1993. No. 6. Pp. 141–147.

[7] Prokhorov V. T., Kasho V. S. Bodies of Territorial Public Self-Government in the System of Local Self-Government // State and Law. 1992. No. 7. Pp. 46–53.

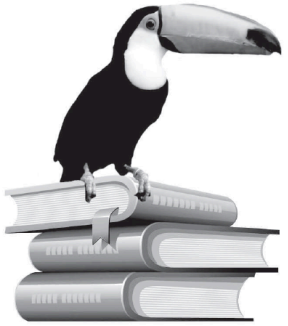
[8] Eremin A. R. Organizational and Legal Bases of Functioning of Local Governments in the Republic of Mordovia during 1990–1995 // Fundamental Research. 2014. No. 11-12. Pp. 2768–2772.

[9] Krasnov M. A. Introduction to Municipal Law. Moscow: Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 1993. 16 p.

[10] On the Reform of Representative Bodies of Power and Local Self-Government Bodies in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 9, 1993, No. 1617.

[11] On the Reform of Local Self-Government in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 1993, No. 1760 // Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation. 1993. No. 44. Art. 4188.

[12] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. No. 237.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-33-38

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСТОЕВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Авторами статьи рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в контексте идеологической трансформации общественных и государственных устоев. Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией к идеологизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, проявляющейся в расширении перечня объектов уголовно-правовой охраны за счет ценностных категорий, а также в интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в содержание исправительного воздействия на осужденных. Эмпирические данные свидетельствуют, что нормативное закрепление идеологически ориентированных норм не гарантирует их эффективного применения. Правоприменительная практика демонстрирует риски избирательного применения таких норм, неопределенности оценочных категорий и разрыва между формально-юридическим и ценностным аспектами уголовно-исполнительного законодательства. Отдельное внимание обращается на качественно новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечения баланса между защитой традиционных ценностей и соблюдением принципа законности в пенитенциарной сфере. В методологическом плане исследование опирается на научные труды известных ученых в сфере уголовно-исполнительного права, обосновывающих необходимость интеграции правовых, криминологических и ценностных подходов в организации исправительной работы с осужденными. Особую ценность для исследования представляют суждения современных ученых о значимости духовно-нравственного воспитания, развития правовой культуры, профессиональной компетентности сотрудников УИС и применении современных психолого-педагогических технологий в исправительном процессе. На основе анализа существующей практики реализации положений Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 и Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» выявлены нормативные и организационно-методические недостатки идеологически ориентированных мер в условиях исправительного учреждения.*

В статье обосновывается необходимость разработки теоретической модели уголовно-исполнительной политики, учитывающей как ценностные основания исполнения наказаний, так и риски идеологической ангажированности пенитенциарной системы. Особое внимание уделяется институту пробации как институциональному механизму реализации идеологических приоритетов в сфере ресоциализации осужденных. Традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются не как альтернатива правовым средствам исправительного воздействия, а как ценностное основание, обеспечивающее устойчивость правомерного поведения осужденных и эффективность их ресоциализации. Авторами также предлагается внедрение дифференцированных моделей исправительного воздействия с учетом ценностных приоритетов и механизмов оценки эффективности идеологически ориентированных мер. В заключении авторами сделан обоснованный вывод о том, что интеграция классических методов уголовно-исполнительного права с ценностными приоритетами, закрепленными

в Указе № 809 и Законе о пробации, позволит ускорить процесс трансформации УИС, создаст необходимые условия для устойчивого снижения рецидивной преступности и повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная политика, идеология, традиционные духовно-нравственные ценности, указ № 809, пробация, ресоциализация, пенитенциарная система, правосознание.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Уголовно-исполнительная политика как отражение идеологической трансформации общественных и государственных устоев современной России // Право и управление. 2026. № 10. С. 33–38.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PENAL POLICY AS A REFLECTION OF THE IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF SOCIAL AND STATE FOUNDATIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA

Annotation. *The authors examine theoretical-methodological and applied aspects of the penal policy of the Russian Federation in the context of the ideological transformation of social and state foundations. The relevance of the study is determined by the persistent tendency toward the ideologization of criminal and penal legislation, manifested in the expansion of the list of objects of criminal-law protection through value categories, as well as in the integration of traditional spiritual and moral values into the content of correctional influence on convicts. Empirical data indicate that the normative consolidation of ideologically oriented norms does not guarantee their effective application. Law enforcement practice demonstrates the risks of selective application of such norms, the uncertainty of evaluative categories, and the gap between the formal-legal and value aspects of penal legislation. Particular attention is paid to qualitatively new challenges related to the need to ensure a balance between the protection of traditional values and compliance with the principle of legality in the penitentiary sphere. In methodological terms, the study relies on the scholarly works of well-known scientists in the field of penal law, who substantiate the need to integrate legal, criminological, and value-based approaches in organizing correctional work with convicts. Of particular value to the study are the judgments of contemporary scholars on the importance of spiritual and moral education, the development of legal culture, the professional competence of penal system employees, and the application of modern psychological and pedagogical technologies in the correctional process. Based on the analysis of existing practice in implementing the provisions of Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022, and Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation," normative and organizational-methodological shortcomings of ideologically oriented measures in the conditions of a correctional institution are identified.The article substantiates the need to develop a theoretical model of penal policy that takes into account both the value foundations of the execution of punishments and the risks of ideological engagement of the penitentiary system. Particular attention is paid to the institution of probation as an institutional mechanism for implementing ideological priorities in the sphere of resocialization of convicts. Traditional spiritual and moral values are considered not as an alternative to legal means of correctional influence, but as a value foundation ensuring the stability of law-abiding behavior of convicts and the effectiveness of their resocialization. The authors also propose the introduction of differentiated models of correctional influence taking into account value priorities and mechanisms for evaluating the effectiveness of ideologically oriented measures. In conclusion, the authors draw a well-grounded conclusion that the integration of classical methods of penal law with the value priorities enshrined in Decree No. 809 and the Probation Law will accelerate the transformation*

of the penal system, create the necessary conditions for a sustainable reduction in recidivism, and enhance the effectiveness of correctional influence on convicts.

Key words: *penal policy, ideology, traditional spiritual and moral values, Decree No. 809, probation, resocialization, penitentiary system, legal consciousness.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Penal policy as a reflection of the ideological transformation of social and state foundations in contemporary Russia. Law and administration. 2026;(10):33–38. (In Russ.).*

Введение. Уголовно-исполнительная политика традиционно рассматривается как составная часть уголовной политики российского государства, определяющая цели, принципы, формы и методы государственной деятельности в процессе исполнения уголовных наказаний, достижения целей исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Наряду с уголовной и уголовно-процессуальной политикой она формируется под воздействием комплекса социальных, экономических, политических и культурных факторов, основанных на развитии демократизма, защиты прав и свобод человека и гражданина, культуры, общественного мнения и правосознания граждан нашей страны [1, с. 115].

В современных условиях развития уголовно-исполнительной системы России исследуемая категория приобретает новое измерение. Она становится не только инструментом борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка в учреждениях УИС, но и средством трансляции государственной идеологии, отражением ценностных оснований общественного и государственного устройства.

Ключевым нормативным актом, определившим идеологический поворот в государственной политике России, стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809). Данный документ определил систему традиционных ценностей, к которым отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Институциональным механизмом реализации идеологических приоритетов, закрепленных в Указе № 809, является Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 10-ФЗ), вступивший в силу с 1 января 2024 г. (в части исполнительной и пенитенциарной пробации), с 1 января 2025 г. – в части постпенитенциарной пробации. Целью пробации закон определяет коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений.

В рамках реализации Указа № 809 в Концепцию развития УИС РФ до 2030 года внесено дополнение согласно Распоряжению Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 1374-р, предусматривающее «повышение эффективности воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы в части сохранения и традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Таким образом, идеологические приоритеты, закрепленные на государственном уровне, были непосредственно интегрированы в пенитенциарную политику.

Методы и принципы исследования. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, позволяющий рассматривать уголовно-исполнительную политику в ее многоаспектности и динамике. Использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение) и частнонаучные методы юридического познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод правового моделирования).

Теоретическую базу исследования составили положения теории уголовно-исполнительной политики, разработанные в отечественной доктрине [2, 3], а также концепции социальной обусловленности уголовно-исполнительного права. Согласно коммуникативному подходу, уголовно-исполнительный закон понимается не только как формально-юридический текст, но и как социальный коммуникативный акт, транслирующий определенные ценности и модели поведения [4, с. 54].

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УИК РФ и федеральные законы 2023–2026 гг., вносящие в него изменения, Указ № 809, ФЗ № 10-ФЗ и федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)».

Основные результаты. Трансформация общественных и государственных устоев современной России, связанная с укреплением суверенитета, защитой традиционных духовно-нравственных ценностей и противодействием деструктивным идеологическим влияниям, находит прямое отражение в уголовно-исполнительном законода-

тельстве. Новеллы 2023–2026 годов существенно расширили не только перечень объектов уголовно-правовой охраны, но и содержание исправительного воздействия на осужденных, включив в него ценностные компоненты.

Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 32-ФЗ внес изменения в УИК РФ, уточнив порядок исполнения ограничения свободы. Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 537-ФЗ установил запрет на перевод иностранцев, лиц без гражданства и экстремистов в исправительные учреждения (далее – ИУ), расположенные ближе к месту проживания их родственников. В сентябре 2026 г. Правительством РФ в Государственную Думу РФ внесен законопроект, предусматривающий обработку биометрических данных осужденных без их согласия для целей идентификации и контроля перемещений. В настоящее время законопроект находится на стадии рассмотрения. Эти и иные новеллы отражают идеологическую трансформацию уголовно-исполнительной политики.

В этой связи возникает потребность в теоретико-правовом осмыслении сущности уголовно-исполнительной политики как отражения идеологической трансформации. Отметим, что взаимосвязь уголовно-исполнительной политики и идеологии имеет глубокие исторические корни. В различные периоды развития российской государственности соотношение идеологического и прагматического компонентов в уголовно-исполнительной политике существенно различалось. В советский период пенитенциарная система была прямо ориентирована на решение идеологических задач – перевоспитание осужденных в духе коммунистических ценностей. В постсоветский период, напротив, наблюдалась тенденция к деидеологизации уголовно-исполнительной политики.

В современной России уголовно-исполнительная политика все отчетливее приобретает идеологическую направленность, что проявляется в нескольких аспектах. Расширяется содержание исправительного воздействия за счет включения ценностных компонентов. Ужесточаются меры противодействия деструктивным идеологиям в пенитенциарной среде [5, с. 139]. А уголовно-исполнительное законодательство становится средством формирования правосознания и ценностных ориентаций осужденных [6, с. 349; 7, с. 16]. Интеграция традиционных ценностей в уголовно-исполнительное законодательство имеет не только идеологическое, но и глубокое социально-психологическое обоснование. Традиционные ценности выступают «духовными скрепами для нашего общества», помогающими «достойно отвечать на вызовы тех недружественных государств, которые пытаются разрушить наше общество изнутри» [8, с. 26].

Анализ новелл уголовно-исполнительного законодательства 2023–2026 годов позволяет выявить устойчивую тенденцию к идеологизации уголовно-исполнительной политики, нормативную основу которой составляют Указ № 809 и ФЗ № 10-ФЗ.

Во-первых, расширение мер, направленных на обеспечение безопасности и правопорядка в учреждениях УИС. Федеральный закон № 71-ФЗ от 23 марта 2026 г. расширил перечень мер, которые может самостоятельно вводить начальник ИУ в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала исправительного учреждения или иных лиц. Данные новеллы отражают идеологическую установку на защиту государственных устоев и обеспечение безопасности в пенитенциарной системе.

Во-вторых, введение запрета на перевод отдельных категорий осужденных (иностранцев, лиц без гражданства, экстремистов) в ИУ, расположенные ближе к месту проживания их родственников (Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 537-ФЗ). Данная норма, наряду с обеспечением безопасности, транслирует определенные идеологические ценности, связанные с защитой государственных интересов.

В-третьих, разработка законопроекта о сборе биометрических данных осужденных без их согласия для целей идентификации, аутентификации и контроля перемещений (законопроект № 460-9 от 30.09.2026). Этот законопроект отражает идеологическую установку на усиление контроля и обеспечение безопасности в пенитенциарной системе.

В-четвертых, предложение Минюста России о сокращении втрое срока признания осужденных злостными уклонистами с 30 до 10 дней (ID проекта № 171546 от 02.10.2026) свидетельствует о том, что данная мера не только направлена на повышение эффективности профилактических мер и снижение уровня повторной преступности, но и соответствует идеологическим приоритетам государственной политики.

Принципиальное значение для институционализации идеологических приоритетов в уголовно-исполнительной политике имеет ФЗ № 10-ФЗ. Данный закон закрепил систему мер, применяемых в отношении осужденных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и определил целью пробации коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений. Особого внимания заслуживает то, что реализация положений данного закона непосредственно связана с ценностными приоритетами, закрепленными в Указе № 809. В частности, одной из ключевых задач пробации является «восста-

новление и формирование социальных связей», что прямо коррелирует с такими традиционными ценностями, как «крепкая семья», «взаимопомощь и взаимоуважение», «единство народов России». Оказание помощи в трудоустройстве, получении образования и социальной поддержки отражает ценность «созидательного труда» и «служения Отечеству».

Существенным элементом институциональной инфраструктуры пробации стало создание государственной информационной системы «Пробация» на единой цифровой платформе «ГосТех», а также запуск сервиса на портале Госуслуг, позволяющего гражданам обратиться с заявлением о применении пробации. Это создает цифровые каналы правовой коммуникации, опосредующие реализацию идеологических приоритетов в пенитенциарной сфере [9, с. 46; 10, с. 258].

Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)» также отражает идеологические приоритеты: обеспечение надлежащих условий содержания, повышение норм питания и вещевого довольствия, создание доступной среды для инвалидов, информатизация медицинских организаций УИС. Эти меры не только улучшают условия отбывания наказаний, но и ориентированы на утверждение ценностей гуманизма и социальной справедливости, закрепленных в Указе № 809 [11, с. 161].

Анализ нормативных актов и правоприменительной практики позволяет выявить ряд направлений совершенствования уголовно-исполнительной политики в условиях идеологической трансформации. Считаем целесообразным закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве более конкретные критерии эффективности исправительной работы с учетом ценностных приоритетов, закрепленных Указом № 809. Разработать методические рекомендации для сотрудников УИС по организации воспитательной работы с осужденными с учетом традиционных духовно-нравственных ценностей. Развивать системы криминологического мониторинга эффективности идеологически ориентированных мер уголовно-исполнительной политики. Целесообразно предусмотреть механизмы оценки влияния данных мер на состояние рецидивной преступности и правосознание осужденных.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где авторы выступали с докладами на:

круглом столе «Нравственные императивы: матрица ценностей» в рамках Первого Белгородского юридического форума, состоявшемся в Белгородском государственном национальном исследовательском университете 12 сентября 2024 г. с докладом на тему: «Социокультурные ценности и правовые представления, взгляды молодежи в современных условиях трансформации общества»;

серии научно-представительских мероприятий Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в 2025 году с докладом на тему «Правосознание и возможные формы его деформации в условиях развития информационного пространства»;

межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся в Псковском филиале Университета ФСИН России 17-18 апреля 2025 г. с докладами на темы: «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ», «Информационные технологии в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества».

Заключение. Современное уголовно-исполнительное законодательство становится не только средством исправления осужденных, но и инструментом трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей и защиты государственного суверенитета. В целях совершенствования правового регулирования в данной сфере целесообразно разработать дифференцированные модели исправительного воздействия с учетом ценностных приоритетов и рисков произвольного применения. Также следует предусмотреть механизмы оценки эффективности идеологически ориентированных мер уголовно-исполнительной политики с точки зрения их влияния на правосознание и правомерное поведение осужденных.

Список литературы:

[1] Лесников Г.Ю. Уголовно-исполнительная политика: вопросы определения понятия // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 115-117.

[2] Ковалев О.Г. Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики // Право и управление. 2025. № 7. С. 26-32.

[3] Вилкова А.В., Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[4] Овчинникова Н.А. Пенитенциарная система как форма правовой коммуникации // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2(16). С. 53-56.

[5] Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия / С.М. Воробьев, С.В. Пестов, А.М. Бычкова и др.: ООО «Научно-издательский

центр Инфра-М», 2023. 179 с.

[6] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348-354.

[7] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[8] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В., Вилкова А.В. Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних в рамках исполнительной пробации // Антропогогика. 2025. № 1 (17). С. 22-30.

[9] Ковтуненко Л.В. Традиционные ценности как нравственный ориентир развития личностного потенциала курсантов образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 1(260). С. 43-47.

[10] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[11] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

References:

[1] Lesnikov G.Yu. Penal policy: issues of defining the concept // Gaps in Russian Legislation. 2017. No. 7. Pp. 115–117.

[2] Kovalev O.G. Application of penal legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal policy // Law and Management. 2025. No. 7. Pp. 26–32.

[3] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correction of convicts in modern realities // Penal System: Law, Economics, Management. 2026. No. 1. Pp. 22–26.

[4] Ovchinnikova N.A. The penitentiary system as a form of legal communication // Bulletin of the Samara Law Institute. 2015. No. 2(16). Pp. 53–56.

[5] Destructive impact on minors: theory and practice of counteraction / S.M. Vorobyov, S.V. Pestov, A.M. Bychkova et al.: LLC "Scientific Publishing Center Infra-M", 2023. 179 p.

[6] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Use of modern information and digital technologies for preventing repeat crimes of young adult convicts serving sentences without isolation from society // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. Pp. 348–354.

[7] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal system at the present stage of its development // Penal System: Law, Economics, Management. 2023. No. 4. Pp. 13–17.

[8] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V., Vilkova A.V. Psychological and pedagogical support of minors within the framework of executive probation // Anthropogogika. 2025. No. 1 (17). Pp. 22–30.

[9] Kovtunenko L.V. Traditional values as a moral guideline for the development of personal potential of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Penal System. 2024. No. 1(260). Pp. 43–47.

[10] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The impact of digital technologies on the unlawful behavior of young adult convicts // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. Pp. 255–261.

[11] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing unlawful behavior of convicts // Prospects of Science. 2024. No. 3 (174). Pp. 160–167.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-39-47

АХМЕТЗЯНОВ Ильмир Ильнурович,
аспирант юридического факультета Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)», e-mail: ilmir.akhmetzyanov.99@bk.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются понятие и содержание антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как одного из средств профилактики коррупции; отдельно анализируется ее профилактическое воздействие на муниципальное нормотворчество в Республике Татарстан. Автор исходит из того, что содержание данной экспертизы не сводится лишь к выявлению коррупциогенных факторов. Она охватывает и их реальное устранение, и проверку уже скорректированной нормативной конструкции, а также использование результатов экспертизы для предупреждения повторного возникновения сходных дефектов в муниципальном нормативном регулировании. На материалах муниципальных образований Республики Татарстан показано различие между непосредственным и системным профилактическим эффектом экспертной деятельности; кроме того, предлагается авторское определение антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов, как средства профилактики коррупции.*

Ключевые слова: *коррупция, профилактика коррупции, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенный фактор, муниципальный нормативный правовой акт, муниципальное нормотворчество, органы местного самоуправления, Республика Татарстан.*

Для цитирования: *Ахметзянов И. И. Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции в Республике Татарстан: понятие и содержание // Право и управление. 2026. № 10. С. 39–47.*

AKHMETZYANOV Ilmir Ilnurovich,
graduate student of the Faculty of Law Private educational institution of higher education "Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEPP)"

ANTI-CORRUPTION EXPERT REVIEW OF MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS AND DRAFT MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS AS A MEANS OF CORRUPTION PREVENTION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: CONCEPT AND CONTENT

Annotation. *The article examines the concept and content of anti-corruption review of municipal normative legal acts and draft municipal normative legal acts as one of the means of preventing corruption. It also analyzes the preventive impact of such review on municipal rule-making in the Republic of Tatarstan.*

The author proceeds from the view that the substance of this review is not limited to identifying corruption-generating factors alone. It also includes their actual elimination, the examination of the revised normative structure, and the use of the results obtained to prevent the recurrence of similar defects in municipal normative regulation.

Based on materials from municipalities of the Republic of Tatarstan, the author demonstrates the distinction between the direct and the systemic preventive effect of expert activity. The article also proposes the author's definition of anti-corruption review of municipal normative legal acts and their drafts as a means of preventing corruption.

Key words: *corruption, corruption prevention, anti-corruption expert review, corruption-generating factor, municipal regulatory legal act, municipal law-making, local self-government bodies, Republic of Tatarstan.*

For citation: *Akhmetzyanov I. I. Anti-corruption expert review of municipal regulatory legal acts and draft municipal regulatory legal acts as a means of corruption prevention in the Republic of Tatarstan: concept and content. Law and administration. 2026;(10):39–47. (In Russ.).*

Введение

Профилактика коррупции охватывает не только поведение лиц, реализующих публичные полномочия, но и правовые условия их осуществления. Когда основания принятия управленческого решения сформулированы нечетко, административные процедуры не доведены до исчерпывающего вида, сроки определены неопределенно, а исключения из общего правила допускаются без достаточных оснований, формируется нормативная среда, удобная для коррупционного поведения. Тот же эффект создает и чрезмерно широкое усмотрение. По этой причине качество нормативного регулирования - самостоятельный элемент системы предупреждения коррупции [2].

На муниципальном уровне указанная проблема проявляется особенно отчетливо. Органы местного самоуправления регулируют значительный круг отношений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций; муниципальные нормативные правовые акты распространяются на использование муниципального имущества, благоустройство, предоставление муниципальных услуг, отдельные земельные и бюджетные отношения, осуществление муниципального контроля и иные вопросы местного значения [3]. Если такой акт содержит дефект правовой конструкции, возникает возможность неодинакового толкования и применения нормы. Далее появляется необоснованное административное усмотрение - решения принимаются при отсутствии достаточно определенных критериев.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» прямо включает антикоррупционную экспертизу правовых актов и проектов правовых актов в систему мер профилактики коррупции. Правовые и организационные основы этой деятельности закреплены Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Единую методическую основу выявления коррупциогенных факторов задает постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96; именно оно определяет общий ориентир экспертной работы.

В научной литературе отсутствует единый подход к правовой природе и содержанию антикоррупционной экспертизы. П.А. Кабанов определяет ее как специальную деятельность компетентных и уполномоченных субъектов по исследованию нормативных правовых актов, проектов и иных документов для выявления коррупциогенных факторов и подготовки соответствующего экспертного результата [1]. А.В. Кудашкин связывает антикоррупционную экспертизу с выявлением и устранением норм, способных создавать предпосылки для коррупционного использования предоставленных полномочий [6]. В.В. Качалов, в свою очередь, специально рассматривает антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как меру профилактики коррупции на муниципальном уровне [5]. С.В. Матковский акцентирует криминологическую составляющую правовой природы такой экспертизы [7], а О.Г. Дьяконова развивает экспертологический подход и трактует ее как самостоятельное направление экспертной деятельности со своими объектом, предметом, задачами и субъектным составом [4].

Но применительно к муниципальному уровню профилактическое содержание антикоррупционной экспертизы все еще требует более точного определения. Уточнения нуждается и другой вопрос: каким образом результат исследования конкретного муниципального нормативного правового акта может использоваться для предупреждения появления сходных коррупциогенных конструкций в последующем нормотворчестве. Здесь важен не только единичный экспертный

вывод, но и его последующее профилактическое значение [8].

Для Республики Татарстан эта проблематика имеет особое значение. В республике действует многоуровневая система организации антикоррупционной экспертизы - она соединяет федеральные требования, республиканское организационно-методическое сопровождение и муниципальные процедуры экспертной работы. По нашему мнению, именно такая организационная связка позволяет рассматривать муниципальную практику как показательный материал для анализа профилактического потенциала экспертизы.

Цель статьи состоит в раскрытии понятия и содержания антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средства профилактики коррупции с учетом практики ее организации и проведения в Республике Татарстан. Для достижения этой цели необходимо определить профилактическую природу антикоррупционной экспертизы, раскрыть содержание экспертной деятельности применительно к муниципальному нормотворчеству, а также установить особенности ее реализации в Республике Татарстан. Отдельно предполагается соотнести выявление коррупциогенного фактора и достижение профилактического результата на материалах муниципальной практики; кроме того, статья направлена на формулирование авторского определения рассматриваемого вида деятельности. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения. Использовались также формально-юридический, системно-структурный методы и метод анализа документов. Эмпирическую основу образуют материалы организации и проведения антикоррупционной экспертизы в муниципальных образованиях Республики Татарстан, включая Сармановский и Заинский муниципальные районы, муниципальное образование город Набережные Челны, а также официальные республиканские материалы о результатах экспертной деятельности.

Антикоррупционная экспертиза как средство воздействия на нормативные условия коррупционного поведения

Рассматривать антикоррупционную экспертизу именно как средство профилактики коррупции возможно лишь при разграничении двух объектов предупредительного воздействия. Обычно профилактика соотносится прежде всего с человеком, его поведением, а также с причинами и условиями совершения правонарушений. Однако коррупционное поведение возникает не изолированно, а в определенной нормативной среде: если правовая норма сохраняет чрезмерно широкое усмотрение, содержит неопределенные требования или не закрепляет обязательные элементы административной процедуры, такая конструкция - расширяет возможности произвольного использования публичного полномочия.

Это не означает наличия прямой причинной связи между коррупциогенной нормой и конкретным коррупционным правонарушением. Сам по себе дефект нормативного регулирования еще не свидетельствует о том, что должностное лицо обязательно воспользуется им в противоправных целях. Смысл состоит в ином: нормативная конструкция может создать дополнительную возможность для такого поведения, а потому ее содержание - приобретает самостоятельное профилактическое значение.

Следовательно, при проведении антикоррупционной экспертизы объект профилактического воздействия имеет особый характер. Речь идет не о уже совершенном коррупционном деянии, а о нормативно заданном условии, которое способно способствовать его совершению. Как представляется, именно это смещение акцента - от поступка к его нормативной предпосылке - позволяет точнее определить профилактическую направленность рассматриваемой деятельности.

Данный вывод позволяет точнее определить место антикоррупционной экспертизы среди иных форм проверки нормативных правовых актов. Ее нельзя сводить только к правовой экспертизе, поскольку последняя прежде всего устанавливает, соответствует ли нормативный правовой акт законодательству, действует ли принявший его орган в пределах своей компетенции, соблюдены ли требования юридической техники. У антикоррупционной экспертизы иная, специальная цель: выявить нормативные конструкции, которые создают условия для проявления коррупции; в этом и состоит ее самостоятельное назначение - по отношению к иным экспертным процедурам.

Отсюда вытекает и более частный аспект. Не каждая юридико-техническая ошибка образует коррупциогенный фактор. Формальное соответствие муниципального нормативного правового акта акту большей юридической силы также не снимает вопроса о том, каким образом в нем закреплены полномочия, процедуры и критерии принятия решений - с точки зрения возможного коррупционного использования.

Именно здесь проявляется двойственная, юридико-криминологическая природа антикоррупционной экспертизы. С одной стороны, эксперт работает с нормативным правовым материалом, а выявленное положение оценивает по критериям, которые закрепляет законодательство. С другой стороны, конечная цель такой работы состоит в предупреждении условий, способных способствовать коррупционному поведению; показательна именно эта логика - не само деяние, а

условия.

Содержание антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов

Федеральное законодательство связывает антикоррупционную экспертизу с двумя действиями: необходимо выявить коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актах, а затем устранить их. Именно сочетание этих элементов раскрывает содержание данной деятельности. Если сохраняется лишь фиксация проблемы без ее устранения, профилактический смысл экспертизы - заметно ослабевает.

Первый элемент состоит в исследовании самого нормативного материала. Эксперт не должен механически искать отдельные слова или выражения, внешне совпадающие с формулировками Методики проведения антикоррупционной экспертизы. Норму требуется анализировать во взаимосвязи с другими положениями документа, а также с иными нормативными правовыми актами, регулирующими те же отношения; в противном случае можно обнаружить формальный дефект и пропустить реальный риск, либо, напротив, сделать обратный вывод. Здесь важен именно контекст, как внутритекстовый, так и межотраслевой.

Постановление Правительства Российской Федерации № 96 закрепляет следующий элемент: выявление коррупциогенного фактора. Методика выделяет, например, факторы, которые предоставляют правоприменителю необоснованно широкие пределы усмотрения или позволяют без достаточных оснований применять исключения из общих правил. К этой же группе относятся положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям. И перечень здесь значим не сам по себе, а как нормативный ориентир экспертной оценки.

Далее осуществляется оценка того коррупционного риска, который порождает сама нормативная конструкция. На данном этапе необходимо установить, каким именно образом обнаруженный недостаток влияет на реализацию публичного полномочия. Отсутствие четкого срока принятия решения и неполнота административной процедуры создают разные по содержанию правовые риски; по этой причине устранять их следует различными способами. Значение имеет и характер дефекта - процедурный либо содержательный.

Четвертый элемент - устранение коррупциогенного фактора. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется различие между формальной экспертной работой и ее реальным профилактическим эффектом. Само по себе подготовленное заключение еще не изменяет нормативное регулирование, и, если проблемная конструкция сохраняется в проекте, затем переходит в принятый нормативный правовой акт либо вообще остается в действующем документе, соответствующий риск не исчезает.

Однако этим содержание экспертизы не исчерпывается. Требуется также проверка результата устранения выявленного фактора. Иначе говоря, необходимо установить, действительно ли внесенное изменение устранило исходную неопределенность, чрезмерное усмотрение или иной установленный недостаток; именно на этой стадии подтверждается, достигнут ли профилактический результат - в самом тексте акта.

Наконец, шестой элемент связан с использованием полученного результата в последующем муниципальном нормотворчестве. Именно этот этап переводит эффект отдельной экспертизы из индивидуальной плоскости в системную. Один исправленный дефект важен сам по себе, но еще существеннее ситуация, при которой такой результат затем учитывается при подготовке новых муниципальных актов, поскольку тогда экспертиза работает не только применительно к конкретному тексту, но и на будущее. В этом случае отдельное заключение уже влияет на практику разработки актов - поэтому содержание антикоррупционной экспертизы целесообразно понимать не как два разрозненных действия, «выявить» и «устранить», а как последовательную профилактическую модель (рис. 1).

Рисунок 1 - Последовательная профилактическая модель

Подобное понимание приобретает особую значимость применительно к муниципальному нормотворчеству. Здесь однотипные нормативные документы нередко разрабатываются одновременно для нескольких муниципальных образований; кроме того, при их подготовке часто используются ранее созданные образцы. По этой причине выявленный в одном тексте коррупциогенный фактор - и способ его устранения - могут иметь значение не только для конкретного акта, но и для последующей разработки аналогичных муниципальных решений.

Особенности реализации профилактического потенциала антикоррупционной экспертизы в Республике Татарстан

Правовое регулирование антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Республике Татарстан имеет многоуровневое построение. На федеральном уровне задаются общие принципы организации экспертизы, определяется круг ее субъектов и закрепляются единые критерии выявления коррупциогенных факторов; республика, в свою очередь, включает такую экспертизу в региональную

систему противодействия коррупции и обеспечивает организационно-методическое сопровождение этой работы. Муниципальный уровень - уже в прикладном измерении - конкретизирует внутренний порядок экспертной проверки.

Особенность данной модели состоит в соединении единых критериев экспертной оценки и организационной самостоятельности муниципальных образований. Муниципалитет не вправе по собственному усмотрению формировать самостоятельный перечень коррупциогенных факторов, однако именно на местном уровне решаются вопросы прохождения проектом внутренней экспертизы, распределения ответственности, размещения документов для независимой экспертизы и учета поступивших заключений. Иными словами, критерии остаются общими, а практическая сборка процедуры - осуществляется на месте.

Официальные данные по Республике Татарстан за 2025 г. показывают значительный масштаб такой работы. Органы местного самоуправления провели антикоррупционную экспертизу 24 636 проектов муниципальных нормативных правовых актов, и в 71 из них были выявлены коррупциогенные факторы. Отдельно эксперты исследовали 17 548 действующих муниципальных нормативных правовых актов; в них обнаружили два коррупциогенных фактора. Эти цифры - прежде всего показатель объема муниципальной экспертной деятельности.

Однако одних количественных данных о числе проверенных документов недостаточно для вывода о достижении профилактической цели. Необходимо установить, были ли устранены найденные факторы и не воспроизводились ли затем аналогичные дефекты снова; без этого итог исследования остается неполным. Само по себе большое число проверок - еще не тождественно профилактике.

Показателен, как представляется, опыт отдельных муниципальных образований Республики Татарстан. Именно на таких примерах лучше прослеживается, как действует экспертиза не в отчетной форме, а в конкретной нормотворческой практике. Здесь статистика - уже не самоцель, а материал для анализа реального профилактического эффекта.

Так, в муниципальном образовании город Набережные Челны в 2021 г. на коррупциогенность были проверены три действующих нормативных правовых акта и 228 проектов нормативных правовых актов Исполнительного комитета. В одном проекте выявили два коррупциогенных фактора, после чего они были устранены. За десять месяцев 2022 г. экспертизу прошли 164 проекта; коррупциогенные факторы в них уже не выявлялись. Этот пример, в прикладном смысле, демонстрирует значение предварительной проверки проекта.

Именно здесь особенно ясно видно, почему предварительная экспертиза проекта имеет специальное значение. Коррупциогенная конструкция выявляется еще до того, как она войдет в действующее муниципальное регулирование, а потому ее устранение на данной стадии сразу дает предупредительный эффект. Потенциально опасная правовая конструкция, еще до начала применения, просто не начинает действовать.

Сходную направленность демонстрирует практика Заинского муниципального района. По официальным муниципальным материалам, в 2025 г. антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 872 проектов нормативных правовых актов; муниципалитет отдельно указывает, что экспертизу проходят все проекты, а при выявлении коррупциогенных факторов в них вносятся изменения. Кроме того, сами проекты размещаются в республиканском сервисе независимой антикоррупционной экспертизы. Но для понимания содержания данного института особенно важны не общие цифры - существеннее конкретные ситуации, в которых можно увидеть недостатки нормативного регулирования.

Муниципальная практика Сармановского района как пример профилактического содержания экспертизы

Показательным в этом отношении выступает проект постановления Исполнительного комитета п. г. т. Джалиль Сармановского муниципального района об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги по выдаче разрешения на вырубку, кронирование и посадку деревьев и кустарников. Этот проект исследовался в рамках настоящей работы не случайно: на его материале достаточно отчетливо просматривается, как именно антикоррупционная экспертиза работает с муниципальной нормативной конструкцией. Здесь предмет анализа - не абстрактная модель, а конкретный текст. В ходе экспертизы было установлено, что содержание проекта не обеспечивало необходимой полноты административной процедуры. В разделе «Общие положения» содержались определения вырубки и кронирования деревьев и кустарников, однако определение их посадки отсутствовало; кроме того, из текста проекта нельзя было однозначно установить, в отношении каких именно земельных участков должно выдаваться соответствующее разрешение. Выявленный недостаток - при внешней локальности - затрагивал саму определенность процедуры.

Такая конструкция имела не только юридико-техническое значение. Неопределенность сферы действия административной процедуры создавала возможность различного применения одного и того же муниципального регулирования,

и по итогам экспертизы здесь был установлен коррупциогенный фактор - отсутствие или неполнота административных процедур. Примечательно, что дефект текста - сразу переходил в плоскость коррупционного риска. Данный пример позволяет отчетливо увидеть сам механизм профилактического воздействия экспертизы. Сначала оценивается конкретная нормативная конструкция, затем в ней выделяется содержащаяся неопределенность, после чего устанавливается соответствующий коррупциогенный фактор; далее нормативный дефект должен быть устранен еще до начала применения соответствующей процедуры. Схема выглядит простой, но ее значение - именно в последовательности стадий.

Но еще более существенное обстоятельство обнаруживается при сопоставлении нескольких муниципальных документов. В 2021 г. аналогичные административные регламенты разрабатывались для 22 сельских и одного городского поселения Сармановского муниципального района, и в этих однотипных проектах воспроизводилась одна и та же неполнота административной процедуры. Здесь уже проявляется не единичный изъян - а повторяемая конструкция. В такой ситуации проблема выходит за пределы одного муниципального правового акта. Если одинаковый дефект присутствует сразу в значительном числе однотипных проектов, исправление каждого документа в отдельности устраняет конкретный недостаток, но не устраняет причину его появления; именно здесь становится заметным различие между индивидуальным и системным профилактическим результатом антикоррупционной экспертизы. Это различие - для муниципального нормотворчества - имеет принципиальное значение.

Индивидуальный профилактический результат имеет место тогда, когда экспертиза выявляет коррупциогенный фактор в конкретном муниципальном нормативном правовом акте или в его проекте, а затем данный фактор устраняется. Системный профилактический результат означает иной уровень воздействия: необходимо установить, по какой причине одна и та же нормативная конструкция одновременно появилась в нескольких документах, определить общий источник ее воспроизводства и пресечь дальнейшее тиражирование. Здесь предмет анализа - уже не отдельный акт, а механизм повторения дефекта.

Таким источником могут выступать типовой муниципальный акт, модельный документ, ранее подготовленный проект, методический материал или уже сложившийся способ разработки определенной категории нормативных правовых актов. Актуальность такого подхода подтверждают и более поздние материалы Сармановского муниципального района: в 2026 г. прокуратура района исследовала проекты муниципальных нормативных правовых актов Александровского, Альметьевского и Азалаковского сельских поселений и подготовила заключения о необходимости устранить выявленные нарушения до принятия соответствующих актов. В частности, при анализе проекта решения Совета Александровского сельского поселения о внесении изменений в устав было выявлено неполное воспроизведение положения федерального законодательства, а аналогичные нормативные конструкции присутствовали и в других проектах сельских поселений. Повторяемость таких недостатков показывает, что профилактическое значение антикоррупционной экспертизы нельзя сводить только к исправлению одного документа; если экспертная работа раз за разом выявляет одну и ту же конструкцию в нескольких муниципальных образованиях, это уже основание анализировать происхождение самого дефекта. По этой причине результат ранее проведенной экспертизы - должен становиться информационной основой последующего нормотворчества.

Результативность и профилактическая эффективность антикоррупционной экспертизы

При оценке результатов антикоррупционной экспертизы необходимо учитывать, что ее результативность и профилактическая эффективность характеризуют разные стороны экспертной деятельности. Результативность отражает непосредственный итог проведенной экспертизы, тогда как профилактическая эффективность связана с тем, насколько достигнутый результат способствует предупреждению коррупционных рисков в дальнейшем; данное разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Здесь важно различать - процессуальный итог и последующее действие результата. Результативность фиксирует прямой итог конкретной экспертной процедуры. Нормативный правовой акт или его проект исследован, коррупциогенный фактор выявлен, подготовлено соответствующее заключение, предложен способ устранения; на этом уровне можно констатировать, что экспертный механизм сработал. Но такой итог - сам по себе - еще не означает реального исчезновения риска.

Профилактическая эффективность шире по своему содержанию. Она имеет место тогда, когда выявленный коррупционный риск действительно устранен, а скорректированная редакция уже не воспроизводит исходный дефект; сюда же относится использование информации о найденной проблеме для того, чтобы она не появлялась затем в других документах. Следовательно, эффект оценивается не только по акту исправления - но и по предотвращению повторения.

Иначе говоря, число проведенных экспер-

тиз показывает объем выполненной работы, но не совпадает с профилактической эффективностью. Само количество проверок еще не дает ответа на вопрос, изменилось ли качество муниципального нормотворчества. Здесь количественный показатель - лишь исходная база для более сложной оценки.

Применительно к Республике Татарстан такое разграничение приобретает прикладное значение. Значительное количество муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов, ежегодно проходящих проверку, свидетельствует о том, что экспертный механизм действует, однако для его оценки именно как профилактического инструмента необходимы дополнительные показатели: сколько коррупциогенных факторов фактически устранено, какими способами это сделано, что показала повторная проверка измененной редакции. Кроме того, важно учитывать, повторяются ли одинаковые факторы в однотипных документах - и каков источник воспроизводства таких конструкций.

Отдельного внимания заслуживает независимая антикоррупционная экспертиза. Сама по себе организационная возможность направить независимое экспертное заключение еще не означает, что этот механизм реально функционирует; например, в отчете Заинского муниципального района за 2025 г. при значительном количестве проектов, прошедших экспертизу, указано отсутствие рассмотренных заключений независимой антикоррупционной экспертизы. По этой причине количественную оценку работы муниципальных органов целесообразно дополнять анализом реального участия независимых экспертов - и анализом причин низкой активности данного института.

В результате система оценки должна отвечать не только на вопрос «сколько документов проверено?». Существеннее установить, какой именно коррупционный риск удалось устранить и удалось ли предотвратить его повторное появление в дальнейшем. Именно этот критерий - в конечном счете - позволяет судить о профилактическом качестве экспертизы.

Авторское понимание антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов

Проведенное исследование позволяет несколько уточнить содержание понятия антикоррупционной экспертизы применительно к муниципальному уровню. В научной литературе при определении антикоррупционной экспертизы внимание, как правило, сосредоточено на ее экспертном характере, круге субъектов, объекте исследования и выявлении коррупциогенных факторов. Такой подход раскрывает основные черты данной деятельности, однако не полностью показывает ее профилактическое значение: если рассматривать антикоррупционную экспертизу именно как средство профилактики коррупции, ее содержание - не может сводиться только к обнаружению недостатка в нормативном правовом акте или его проекте.

Существенен и последующий результат: устранен ли выявленный фактор и используются ли выводы экспертизы при подготовке последующих муниципальных актов. По этой причине антикоррупционную экспертизу муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции предлагается понимать как осуществляемую уполномоченными субъектами экспертно-аналитическую деятельность, направленную на выявление, оценку и устранение коррупциогенных факторов в муниципальном нормативном регулировании, а также на предупреждение возникновения и повторного появления нормативных условий, создающих возможность коррупционного использования публичных полномочий органами местного самоуправления. В предлагаемом определении профилактический эффект - связывается не только с выявлением, но и с дальнейшим использованием результата.

В данном определении акцент сделан на нескольких существенных моментах. Прежде всего антикоррупционная экспертиза имеет специальную цель, поэтому ее нельзя рассматривать как обычную проверку качества нормативного документа. Ее объект образуют как проекты муниципальных нормативных правовых актов, так и уже действующие акты; при этом выявление коррупциогенного фактора - выступает лишь одним из этапов экспертной работы, а для достижения профилактического результата необходимо оценить обнаруженный недостаток и добиться его устранения.

Не менее важно и то, что профилактическое значение экспертизы проявляется еще до совершения конкретного коррупционного правонарушения. Воздействие в данном случае направлено на само нормативное регулирование, способное создать условия для необоснованного усмотрения, неоднозначного применения нормы либо иного использования предоставленных полномочий. Тем самым устраняется не последствие коррупционного поведения, а одна из возможных предпосылок для его возникновения; именно эта особенность - определяет место экспертизы среди иных предупредительных средств. Однако исправлением конкретного нормативного положения профилактическая роль экспертизы также не исчерпывается. Если аналогичный недостаток

впоследствии появляется в других муниципальных актах, формально проведенная экспертиза решает проблему только применительно к одному документу. По этой причине сведения о выявленных коррупциогенных факторах и способах их устранения - должны учитываться при дальнейшей нормотворческой работе, поскольку иначе экспертный результат не переходит в более широкий профилактический эффект.

Для Республики Татарстан данный вопрос имеет практическое значение с учетом значительного объема муниципального нормотворчества и наличия однотипных документов в различных муниципальных образованиях. Как представляется, целесообразно систематизировать сведения о наиболее часто выявляемых коррупциогенных конструкциях. При этом значение имеет не только вид обнаруженного фактора, но и то, в каких муниципальных актах он встречается, в чем состоит недостаток правового регулирования и каким способом он был устранен; такая систематизация - позволяет связать отдельные экспертные выводы с последующей разработкой актов. Подобная систематизация не требует расширения установленного федеральной Методикой перечня коррупциогенных факторов. Речь идет об обобщении уже имеющейся практики и использовании ее результатов в последующей работе. Это позволило бы муниципальным органам учитывать ранее выявленные недостатки - еще на стадии подготовки проектов нормативных правовых актов, то есть до включения дефектной конструкции в текст документа.

Одним из возможных решений может стать создание на республиканском уровне электронного информационного банка типичных коррупциогенных положений, выявленных в муниципальных нормативных правовых актах и проектах муниципальных нормативных правовых актов. В нем могут отражаться вид документа и сфера регулируемых отношений, содержание выявленного недостатка, его квалификация и способ устранения. Практическая ценность такого ресурса состояла бы прежде всего в возможности использовать уже накопленный опыт при подготовке новых муниципальных документов; следовательно, информационный банк - мог бы выполнять не только справочную, но и профилактическую функцию.

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда один и тот же недостаток обнаруживается сразу в нескольких однотипных проектах. Такая ситуация может свидетельствовать о том, что причиной его повторения выступает не ошибка конкретного разработчика, а общий источник, использованный при подготовке документов. Им может быть типовой акт, образец, ранее принятый муниципальный нормативный правовой акт или сложившаяся практика подготовки определенной категории проектов - именно здесь источник дефекта приобретает самостоятельное значение для анализа.

В таком случае недостаточно исправить каждый из выявленных проектов по отдельности. Необходимо установить источник повторяющейся конструкции и устранить недостаток непосредственно в нем. Подобный подход - позволяет использовать результаты антикоррупционной экспертизы не только для корректировки уже подготовленного документа, но и для предупреждения появления аналогичных положений в дальнейшем муниципальном нормотворчестве. Таким образом, профилактическое значение антикоррупционной экспертизы проявляется не столько в самом факте обнаружения коррупциогенного фактора, сколько в последствиях проведенной работы. Выявленный недостаток должен быть устранен, а полученный опыт - учтен при подготовке последующих муниципальных нормативных правовых актов. Именно при таком подходе результаты отдельной экспертизы приобретают более широкое профилактическое значение.

Заключение

Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов выступает одним из средств профилактики коррупции. Она позволяет выявлять и устранять недостатки правового регулирования, способные создавать условия для коррупционного использования публичных полномочий. Для данной процедуры определяющим является не только поиск коррупциогенного фактора - значим и последующий результат, связанный с устранением выявленного недостатка.

Практика Республики Татарстан показывает, что значение имеет не только количество проведенных экспертиз и выявленных коррупциогенных факторов. Существенно и то, были ли такие факторы фактически устранены. При этом повторение одинаковых недостатков в однотипных муниципальных актах - требует установления причин их появления и источника, из которого такая конструкция переносится в другие документы. По этой причине результат антикоррупционной экспертизы следует оценивать как на уровне конкретного нормативного правового акта, так и с точки зрения его дальнейшего использования в муниципальном нормотворчестве. Систематизация выявленных коррупциогенных факторов и способов их устранения позволит предупреждать повторение уже установленных недостатков; тем самым профилактическое значение антикоррупционной экспертизы - в Республике Татарстан может быть повышено.

Список литературы:

[1] Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: терминологический словарь / под науч. ред. П. А. Кабанова. – Казань: Познание, 2010.

[2] Агеев В. Н. Принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 5–11.

[3] Бикмухаметов А. Э. Принципы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 18–22.

[4] Дьяконова О. Г. Антикоррупционная экспертиза: экспертологический подход: монография. – Москва : Проспект, 2025.

[5] Качалов В. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как одна из мер профилактики коррупции на муниципальном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2016. – № 1. – С. 29–33.

[6] Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научно-практическое пособие. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012.

[7] Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. – 2018. – № 24. – С. 27–30.

[8] Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / В. Н. Агеев, О. В. Агеева, А. Э. Бикмухаметов [и др.] ; под науч. ред. П. А. Кабанова. – Казань : Познание, 201.

References:

[1] Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects: terminological dictionary / scientific. ed. P. A. Kabanova. - Kazan: Cognition, 2010.

[2] Ageev V. N. Principles of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects // Current problems of economics and law. – 2009. – № 4 (12). - S. 5-11.

[3] Bikmukhametov A.E. Principles of organizing anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: concept and content // Actual problems of economics and law. – 2009. – № 4 (12). - S. 18-22.

[4] Dyakonova O.G. Anti-corruption expertise: expert approach: monograph. - Moscow: Prospekt, 2025.

[5] Kachalov V.V. Anti-corruption examination of regulatory legal acts and their projects as one of the measures to prevent corruption at the municipal level // Municipal service: legal issues. – 2016. – № 1. - S. 29-33.

[6] Kudashkin A.V. Anti-corruption expertise: theory and practice: scientific and practical manual. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2012.

[7] Matkovsky S.V. Legal nature of anti-corruption expertise // Russian investigator. – 2018. – № 24. - S. 27-30.

[8] Scientific and practical commentary to the Federal Law of the Russian Federation of July 17, 2009 No. 172-FZ "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" / V. N. Ageev, O. V. Ageev, A. E. Bikmukhametov [and others]; under scientific. ed. P. A. Kabanova. - Kazan: Cognition, 201.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-48-52

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ГОРДЕЕВ Сергей Витальевич,
военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. *В статье исследуется процессуальный механизм применения нормы статьи 80.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей первоначально условное, а затем полное освобождение от наказания лиц, проходящих военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время. Обосновывается тезис о фрагментарности характера существующего правового регулирования, поскольку нормы действующего УПК РФ не содержит самостоятельной процедуры разрешения соответствующих вопросов на стадии исполнения приговора.*

Ключевые слова: *освобождение от наказания; мобилизация; военное положение; исполнение приговора; уголовный процесс.*

Для цитирования: *Шестак В. А., Гордеев С. В. Проблемные вопросы совершенствования процессуального порядка освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время // Право и управление. 2026. № 10. С. 48–52.*

SHESTAK V.A.,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

GORDEEV S.V.,
Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

PROBLEMATIC ISSUES IN IMPROVING THE PROCEDURAL PROCEDURE FOR EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH COMPLETING MILITARY SERVICE DURING A PERIOD OF MOBILIZATION, MILITARY EMERGENCY OR IN WARTIME

Annotation. *The article examines the procedural mechanism for applying the provision of Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which initially provides for conditional and then full release from punishment for persons performing military service during mobilization, martial law, or wartime. The thesis is substantiated that the existing legal regulation is fragmented, since the provisions of the current Criminal*

Procedure Code of the Russian Federation do not contain an independent procedure for resolving relevant issues at the stage of sentence execution.

Key words: *exemption from punishment; mobilization; martial law; enforcement of sentence; criminal procedure; penal enforcement law.*

For citation: *Shestak V. A., Gordeev S. V. Problematic issues in improving the procedural procedure for exemption from punishment in connection with completing military service during a period of mobilization, military emergency or in wartime. Law and administration. 2026;(10):48–52. (In Russ.).*

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации [9] был дополнен статьей 80.2, закрепившей новое основание освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время [5]. Появление данной нормы стало продолжением специального регулирования, первоначально сформированного ещё в 2023 г., однако в отличие от временной законодательной модели соответствующее основание было включено непосредственно в систему Общей части УК РФ. Одновременно законодатель связал с ним особые последствия в части погашения судимости и установил специальный режим контроля за поведением освобожденного лица со стороны командования воинской части (учреждения).

Одновременно с этим, Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ [10] закрепил в УПК РФ возможность приостановления производства по уголовному делу в связи с призывом, заключением контракта или прохождением военной службы, а также полномочие суда апелляционной инстанции освободить осужденного от отбывания назначенного наказания условно на основании части 1 статьи 80.2 УК РФ [8].

Сопоставление названных положений свидетельствует, что регулирование вопросов, возникающих после постановления приговора, остается распределенным между несколькими нормативными актами и не образует единой процедуры. В зависимости от стадии производства меняются как компетентный субъект, так и форма принимаемого решения. Закон при этом не дает общего ответа относительно состава необходимых документов, сроков их рассмотрения и порядка оформления окончательного освобождения. В результате соответствующие вопросы на практике разрешаются путем совместного применения норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства с учетом разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Именно эта несогласованность определяет предмет настоящего исследования. Его цель заключается в том, чтобы проследить действующий порядок реализации статьи 80.2 УК РФ на различных стадиях исполнения приговора, установить сохраняющиеся процессуальные пробелы и предложить способы их законодательного устранения. При подготовке статьи использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный анализ взаимосвязанных положений УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, а также толкование соответствующих правовых норм.

Часть 1 статьи 80.2 УК РФ связывает условное освобождение от наказания с несколькими прямо указанными законом обстоятельствами. Речь идет о лице, отбывающем наказание за преступление, не относящееся к установленным законом исключениям, которое в период мобилизации или в военное время призвано на военную службу либо в особый период заключило контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. При наличии этих условий законодатель не ставит освобождение в зависимость от степени исправления осужденного, продолжительности фактически отбытого наказания или возмещения причиненного преступлением вреда. После освобождения контроль за поведением лица осуществляет командование воинской части (учреждения) [9].

Правовая природа такого освобождения заметно отличается от традиционной модели условно-досрочного освобождения. Статья 80.2 УК РФ не требует отбытия определенной части назначенного наказания и не предполагает судебной оценки того, нуждается ли лицо для исправления в дальнейшем исполнении наказания. Не устанавливается здесь и испытательный срок в обычном для условных институтов значении. Продолжительность соответствующего правового состояния фактически обусловлена прохождением военной службы: оно прекращается при возникновении предусмотренного законом основания полного освобождения либо при совершении нового преступления. Поэтому встречающееся в литературе сопоставление этой конструкции с условно-досрочным освобождением не исключает признания за ней самостоятельного характера [1, 2].

Для перехода от условного к полному освобождению часть 2 статьи 80.2 УК РФ предусматривает два самостоятельных основания:

награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

увольнение с военной службы по основаниям, прямо указанным в подпунктах «а», «в» и «о»

пункта 1 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Существенно, что уголовный закон связывает окончательное прекращение обязанности отбывать наказание с наступлением самого юридического факта — награждения либо увольнения по предусмотренному основанию, а не с датой последующего решения суда или иного органа [4]. Поэтому условное освобождение характеризует первоначальный этап изменения правового положения осужденного, тогда как полное освобождение выступает последствием, возникающим непосредственно при наступлении обстоятельства, указанного в части 2 статьи 80.2 УК РФ.

Иная правовая ситуация складывается, если во время прохождения военной службы лицо совершает новое преступление. В этом случае статья 80.2 УК РФ отсылает к правилам статьи 70 УК РФ о назначении наказания по совокупности приговоров. Следовательно, неотбытая часть наказания по первоначальному приговору учитывается при определении окончательного наказания. При этом действующая редакция нормы не ставит последствия в зависимость ни от категории вновь совершенного преступления, ни от формы вины. В научной литературе данное решение оценивается неоднозначно и ставится вопрос о возможности более дифференцированного регулирования [2, 3]. Подробное рассмотрение этой материально-правовой проблемы выходит за рамки настоящей статьи, посвященной, прежде всего, процессуальному механизму применения статьи 80.2 УК РФ.

Для определения надлежащей процедуры необходимо отдельно обратиться к используемому законодателем понятию «лицо, отбывающее наказание». При буквальном прочтении оно может быть понято как указание на осужденного, уже поступившего в распоряжение учреждения или органа, исполняющего назначенное наказание. Однако между вступлением приговора в законную силу и фактическим началом его исполнения нередко имеется временной промежуток: например, осужденный к обязательным, исправительным или принудительным работам еще не поставлен на учет, а осужденному к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении еще не выдано предписание о следовании к месту отбывания наказания. Верховный Суд Российской Федерации допускает применение статьи 80.2 УК РФ и при таких обстоятельствах [6]. В этой связи для целей данной нормы понятие отбывания наказания получает функциональное содержание и охватывает также ситуацию, когда вступивший в законную силу приговор уже подлежит исполнению, хотя осужденный фактически еще не принят соответствующим уголовно-исполнительным органом.

Единый внешне материально-правовой результат достигается посредством нескольких процедур, зависящих от момента заключения контракта, стадии судебного производства, вступления приговора в законную силу и факта поступления осужденного в распоряжение уголовно-исполнительного органа. Действующее регулирование позволяет выделить три основные ситуации. Первая ситуация возникает, когда лицо освобождается от отбывания наказания до вступления приговора в законную силу. В подобных ситуациях пункт 5 части 1 и часть 4 статьи 238 УПК РФ предусматривают приостановление производства на основании ходатайства командования воинской части (учреждения), отмену меры пресечения и продолжение процессуальных действий в отношении иных обвиняемых, если возможно раздельное рассмотрение дела [8]. Сходные правила действуют на стадии апелляционного производства. Если после постановления приговора лицо заключило контракт или было призвано, производство может быть приостановлено до разрешения вопроса о дальнейшем прохождении службы и возникновении оснований, предусмотренных статьей 80.2 УК РФ.

При поступлении сведений о наличии препятствий к призыву, заключению контракта или прохождению службы суд, приостановивший дело, вправе самостоятельно возобновить производство. Отмена первоначального постановления в апелляционном или кассационном порядке не требуется, поскольку возобновление представляет собой продолжение движения дела после отпадения основания приостановления. Суд одновременно разрешает вопрос о мере пресечения и продолжает производство с момента, на котором оно было остановлено.

Если сведения подтверждают награждение государственной наградой либо увольнение по установленному законом основанию, суд первой инстанции, постановивший приговор, или суд апелляционной инстанции возобновляет производство. В случае, когда приостановление имело место до истечения срока апелляционного обжалования, сторонам вновь разъясняется право подать жалобу или представление в течение пятнадцати суток со дня получения копии постановления о возобновлении. При отсутствии жалоб приговор обращается к исполнению с указанием на полное освобождение осужденного от основного и дополнительного наказаний. При наличии жалоб дело направляется в апелляционную инстанцию, которая рассматривает его по существу и, оставляя обвинительный приговор без изменения либо изменяя его, одновременно освобождает осужденного от отбывания наказания [6].

Указанная процедура объясняется тем, что до вступления приговора в законную силу нель-

зя подменить апелляционную проверку простым констатированием освобождения. Судебный акт, разрешающий вопрос о виновности и наказании, должен приобрести законную силу в установленном порядке; только после этого уголовно-правовое последствие статьи 80.2 УК РФ может быть отражено в итоговом процессуальном решении. Поэтому в данной ситуации требуется судебная фиксация освобождения, но ее функция состоит не в создании основания, а в согласовании уже возникшего материально-правового факта с процедурой вступления приговора в законную силу.

Другая ситуация возникает при освобождении от отбывания наказания лиц, обвинительный приговор в отношении которых вступил в законную силу, а сам осужденный поступил в распоряжение органа, исполняющего наказание. Так, часть 8 статьи 173 УИК РФ устанавливает, что досрочное освобождение лица, призванного либо заключившего контракт, осуществляется при поступлении в учреждение или орган, исполняющий наказание, обращения командования воинской части (учреждения) либо личного обращения осужденного [7]. Из системного толкования данной нормы и части 1 статьи 80.2 УК РФ следует, что первоначальное условное освобождение в этой модели производится начальником соответствующего учреждения или органа. Это может быть администрация исправительного учреждения, исправительного центра, уголовно-исполнительная инспекция либо иной орган, на который возложено исполнение назначенного наказания.

Решение уголовно-исполнительного органа должно основываться на документах, подтверждающих заключение контракта или призыв, отсутствие законодательных исключений, а также фактическую возможность прохождения военной службы. Вместе с тем часть 8 статьи 173 УИК РФ не определяет форму решения, срок рассмотрения обращения, перечень обязательных документов, порядок участия осужденного и прокурора, правила направления копий и механизм обжалования. Формулировка «осуществляется досрочно» описывает результат, но не раскрывает административно-процедурную форму его достижения.

При последующем награждении или увольнении новое судебное решение не требуется. Согласно требованиям действующего законодательства полное освобождение от основного и дополнительного наказаний наступает в силу части 2 статьи 80.2 УК РФ со дня соответствующего юридического факта, даже если первоначальное условное освобождение было произведено не судом, а начальником учреждения или органа, исполняющего наказание [6]. Такая позиция соответствует буквальному смыслу уголовного закона, однако оставляет открытым вопрос о документе, на основании которого прекращаются все исполнительные ограничения и корректируются государственные учеты.

Наиболее очевидный пробел возникает в переходный период между вступлением приговора в законную силу и фактическим началом исполнения наказания. Начальник учреждения или органа не вправе применить часть 8 статьи 173 УИК РФ, поскольку осужденный еще не находится в его распоряжении. В то же время оставление обращения без рассмотрения создало бы неопределенность правового статуса лица, уже приступившего к прохождению военной службы. Полагаем, что оптимальным является возможность разрешать такое ходатайство судьей суда, постановившего приговор, в порядке, аналогичном рассмотрению ходатайства командования о приостановлении производства и отмене меры пресечения, с принятием решения об условном освобождении от основного и дополнительного наказания. Такой подход, считаем, обеспечит непрерывность механизма и устраняет отрицательный конфликт компетенции. Вместе с тем он основан не на прямой норме главы 47 УПК РФ, а на восполнении пробела посредством аналогии процессуального регулирования.

Список литературы:

[1] Антонов А. Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10. С. 25–28.

[2] Бабаян С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 48–56. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.006..

[3] Карпов К. Н. Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 75–80. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.75..

[4] Макарова Л. В. Условное и безусловное освобождение от отбывания наказания лиц, проходящих военную службу в особый период // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11, № 3 (43). С. 150–158. DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-150-158..

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Электронный ресурс. – URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777 (дата обращения: 30.09.2026).

[6] Ответы на вопросы судов об особенностях применения норм об освобождении от уголовной ответственности и от наказания (ч. 1 ст. 78.1, ч. 1 и 2 ст. 80.2 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ) : письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2025 г. № 7-ВС-1416/25. 7 с.

[7] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.03.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www. consultant.ru/document/cons_ doc_ LAW_12940 (дата обращения: 30.09.2026).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www. consultant.ru/document/cons_ doc_ LAW_34481 (дата обращения: 30.09.2026).

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www. consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 30.09.2026).

[10] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.10.2024 № 340-ФЗ. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_487085 (дата обращения: 30.09.2026).

References:

[1] Antonov A. G. Exemption from punishment in connection with military service during the period of mobilization, during martial law or in wartime as a kind of parole from serving the sentence // Legality. 2024. № 10. S. 25-28.

[2] Babayan S. L. Actual problems of early release from serving the sentence of convicts under Art. 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Penitentiary science. 2025. T. 19, NO. 1 (69). S. 48-56. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1. 006..

[3] Karpov K. N. Abolition of conditional exemption from punishment of military personnel (Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Siberian Legal Bulletin. 2024. № 3 (106). S. 75-80. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.75..

[4] Makarova L.V. Conditional and unconditional release from serving the sentence of persons serving military service in a special period // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2025. T. 11, NO. 3 (43). S. 150-158. DOI: 10. 21684/2411-7897-2025-11-3-150-158..

[5] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ. Electronic resource. – URL: https://www. consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_472777 (accessed on: 30.09.2026).

[6] Answers to the questions of the courts about the peculiarities of the application of norms on exemption from criminal liability and punishment (part 1 of article 78.1, parts 1 and 2 of article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): letter of the Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 28, 2025 No. 7-VS-1416/25. 7 p.

[7] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (ed. 23.03.2026). - Electronic resource. – URL: https://www. consultant. ru/document/cons_doc_ LAW _ 12940 (accessed on: 30.09.2026).

[8] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (ed. 26.07.2026). - Electronic resource. – URL: https:// www. consultant.ru/document/cons_doc_ LAW _ 34481 (accessed on: 30.09.2026).

[9] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 04.08.2026). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant. ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 10699 (access date: 30.09.2026).

[10] Federal Law "On Amendments to Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated 02.10.2024 No. 340-FZ. - Electronic resource. - URL: https://www.consultant. ru/document/cons_doc_LAW_487085 (access date: 30.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-53-61

МАТВЕЕНКО Андрей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ORCID 0009-0007-0009-6427, e-mail: anmatveenko@mail.ru

Научный руководитель:
ЮДИН Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности РГАИС, e-mail: giap@rgiis.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РЕЖИМ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ НА СЕКРЕТНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Аннотация. *Целью статьи является исследование процедурных и процессуальных вопросов, связанных с защитой прав на секретные изобретения в административном и судебном порядках. Автором применяются логический, системно-структурный и герменевтический, на основе которых выявляются доктринальные пробелы, связанные с ошибочным пониманием реальной компетенции ведомств, уполномоченных регистрировать секретные изобретения. На основе подробного анализа предлагаются точечные изменения в гражданское законодательство, позволяющие избежать ошибочного толкования специалистами процедурных и процессуальных норм, закрепленных в Гражданском кодексе.*

Кроме того, автором исследуются режим рассмотрения споров в судебном порядке, так же выявляются проблемы компетенции и подсудности споров, поскольку рассмотрение споры, связанные с секретными изобретениями, могут рассматриваться по правилам АПК РФ, КАС РФ, ГПК РФ. Обосновывается невозможность использования Судом по интеллектуальным правам такого процессуального инструмента как запрос, предусмотренный АПК РФ в силу отсутствия у адресатов процессуального статуса.

В заключении автором предлагаются изменения в законы о государственной тайне и о патентных поверенных с целью гармонизации процессуального статуса на всех этапах представительства.

Ключевые слова: *административный порядок защиты, Роспатент, секретные изобретения, закрытое судебное заседание, Суд по интеллектуальным правам, патентный поверенный.*

Для цитирования: *Матвеенко А. С. Процессуальный режим рассмотрения дел о защите прав на секретные изобретения // Право и управление. 2026. № 10. С. 53–61.*

MATVEENKO Andrey Sergeevich,
Postgraduate student of the Department of Civil, Arbitration and Law Enforcement of the Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP)

Scientific adviser:
YUDIN Andrey Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Civil, Arbitration and Law Enforcement of RSAIP

THE PROCEDURAL REGIME OF CONSIDERATION OF CASES ON PROTECTION OF THE RIGHTS TO SECRET INVENTIONS

Annotation. *The purpose of the article is to study procedural and procedural issues related to the protection of rights to secret inventions in administrative and judicial proceedings. The author uses logical, system-structural and hermeneutic methods, on the basis of which doctrinal gaps are identified related to an erroneous understanding of the real competence of departments authorized to register secret inventions. Based on a detailed analysis, point-by-point changes to civil legislation are proposed to avoid erroneous interpretation by specialists of the procedural and procedural norms enshrined in the Civil Code.*

In addition, the author examines the judicial dispute resolution regime, as well as identifies problems of competence and jurisdiction of disputes, since disputes related to secret inventions can be considered according to the rules of the Agroindustrial Complex of the Russian Federation, the CAS of the Russian Federation, and the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The author substantiates the impossibility for the Intellectual Property Rights Court to use such a procedural tool as a request provided for by the APC of the Russian Federation due to the addressees' lack of procedural status.

In conclusion, the author proposes amendments to the laws on state secrets and patent attorneys in order to harmonize the procedural status at all stages of representation.

Key words: *administrative protection procedure, Rospatent, secret inventions, closed court session, Intellectual Property Court, patent attorney.*

For citation: *Matveenko A. S. The procedural regime of consideration of cases on protection of the rights to secret inventions. Law and administration. 2026;(10):53–61. (In Russ.).*

Введение. Принцип гласности в процессе, как отмечается в научной литературе, «служит гарантией от произвола и повышает доверие общественности к судебному процессу» [1]. Вместе с тем, ограничение этого принципа при рассмотрении дел в закрытом судебном заседании не должно истолковываться исключительно как его нарушение, поскольку в ряде случаев требуется сохранить в тайне сведения ограниченного доступа, составляющие государственную, служебную, коммерческую или иную тайну. В таком случае речь должна идти не о нарушении принципа гласности, а о его законном ограничении для соблюдения публичных и частных интересов. Одним из примеров закрытого судебного заседания является рассмотрение патентных споров, связанных с секретными изобретениями. Несмотря на значительный вклад отечественных исследователей в изучение материальных аспектов секретных изобретений, процессуальным особенностям данной категории в науке едва уделяется внимание, причем как судебной защите, так и защите в административном порядке. Такое состояние неизученности стимулирует к анализу доктрины и правовых актов и, очевидно, может способствовать решению выявленных проблем.

Режим правовой охраны. Необходимо отметить, что законодателем был избран практически идентичный режим правовой охраны как для секретных изобретений, так и для всех несекретных объектов патентных прав. Указанное вытекает из п. 2 ст. 1349 ГК РФ, однако подразумевает некоторые особые правила-исключения для секретных изобретений, связанные с процедурными особенностями их патентования, ограниченными возможностями распоряжения исключительным правом, его защиты, оснований для признания патента недействительным.

Распространение на секретные изобретения общего режима исключительного права встречает серьезную критику в научной среде. Д.Т. Нестеренко и А.В. Кудашкин отмечают, что «выдача патента на секретное техническое решение противоречит самой идее сохранения в секретности сведений, составляющих государственную тайну, которые содержатся в этом техническом решении, в то время как длительное сохранение секретности противоречит экономическим интересам патентообладателя, который не может рассчитывать на ту норму прибыли, которую он бы извлек из открытого использования технического решения» [2, с. 108]. Авторами так же предлагается исключить из четвертой части ГК РФ раздел с особенностями правовой охраны и использования секретных изобретений, и перенести их в отдельный федеральный закон «О секретных изобретениях» [2, с. 112].

В.И. Еременко акцентирует, что «законодатель ошибочно применил в отношении секретных изобретений конструкцию исключительного права, которое является основой легальной монополии патентообладателя на секретное (обычное) изобретение» [3]. Следует отметить, что выбор указанного режима правовой охраны видится

весьма неоднозначным и нам, что будет продемонстрировано далее по тексту.

Порядок регистрации секретного изобретения. В ст. 1401 ГК РФ закрепляется, что выбор заявителем необходимого органа для подачи заявки на регистрацию секретного изобретения зависит от уровня секретности сведений, содержащихся в заявке. В. И. Еременко условно именует их «повышенным уровнем секретности» и «обычным уровнем секретности» [3].

Заявки с обычным уровнем секретности (относящиеся к степени секретности «секретно» и содержащие сведения, составляющие государственную тайну в области экономики, науки и техники, а также в области внешней политики) подаются в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности – Роспатент.

Заявки с повышенным уровнем секретности (относящиеся к степени секретности «секретно» и содержащие сведения, составляющие государственную тайну относительно средств вооружения и военной техники и к методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также относящиеся к степени секретности «особой важности» и «совершенно секретно») подаются в уполномоченные органы в зависимости от тематической принадлежности заявки. Перечень органов закреплен в Постановлении Правительства РФ от 02.10.2004 N 514 «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" и Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос", уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения" [4].

Наличие различных субъектов, уполномоченных на рассмотрение заявок на регистрацию секретных изобретений в зависимости от степени их секретности, неизбежно влечет проблемы на практике. Связаны они в том числе с недостатками юридической техники в ГК, а также с отсутствием актуальных административных регламентов, регулирующих порядок рассмотрения заявок и выдачи патентов.

Так, И.Б. Николаев отмечает, что «экспертиза секретных изобретений в Роспатенте проводится ФГБУ ФИПС на штатной основе с использованием утвержденных нормативных и методических документов. <…> сведения об организации заявок и выдачи патентов Российской Федерации на секретные изобретения, относящиеся к сфере деятельности Госкорпорации «Росатом», в правовых базах данных отсутствуют» [5]. Вместе с тем следует отметить, что на текущий момент, кроме Административного регламента предоставления Министерством Обороны Российской Федерации государственной услуги по организации рассмотрения заявок и выдачи патентов на секретные изобретения, относящиеся к средствам вооружения и военной техники, утвержденного Приказом Министра Обороны РФ от 23.07.2012 г. N 2020 (далее – Регламент Минобороны) [6], в правовых базах отсутствуют вообще какие-либо административные регламенты о рассмотрении заявок и выдачи патентов на секретные изобретения. Единственный опубликованный и доступный регламент Роспатента прямо закрепляет, что его действие не распространяется на отношения по вопросам регистрации секретного изобретения (далее – Регламент Роспатента) [7].

Упоминаемый И.Б. Николаевым порядок рассмотрения заявок на регистрацию секретных изобретений актуален в отношении тех редакций регламентов, когда они одновременно содержали в себе порядок регистрации несекретных и секретных изобретений. Последним таким был Административный регламент исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на изобретение и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов Российской Федерации на изобретение, утвержденный Приказом Минобрнауки РФ от 29.10.2008 N 327 [8]. В этой связи не совсем очевидным является то, на основании каких нормативных документов Роспатент и уполномоченные органы осуществляют государственную регистрацию секретных изобретений и выдачу патентов на них в принципе.

Из-за множественности субъектов, уполномоченных регистрировать секретные изобретения, возникают также проблемы с пониманием количества государственных реестров изобретений. В пункте 1 статьи 1402 ГК РФ прямо закрепляется, что государственная регистрация секретного изобретения осуществляется в Государственном реестре изобретений Российской Федерации либо Роспатентом, либо уполномоченными органами. Уполномоченные органы, зарегистрировавшие изобретение и выдавшие патент, далее уведомляют Роспатент о таком факте. Вместе с этим, в науке содержатся прямо противоположные точки зрения относительно количества реестров. А.А. Снегур указывает, что «государственный реестр, содержащий сведения, относящиеся к секретным изобретениям, хранится в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, если решение о выдаче патента на секретное изобретение принято этой службой, или, если решение о выдаче патента на секретное изобретение принято уполномоченным органом, в этом органе» [9]. Данная позиция представляется нам ошибочной, поскольку гражданское законодательство говорит о едином реестре изобрете-

ний, к которому, по всей видимости, имеют доступ несколько государственных ведомств. Сведения, доступные каждому ведомству, определяются на основании их компетенции. Указанной позиции придерживается и В. И. Еременко, отмечающий, что «регистрация осуществляется в централизованном порядке, что в принципе не соответствует целям сохранения в тайне секретных изобретений» [3].

Административный порядок защиты. Пункт 2 статьи 1248 ГК РФ устанавливает административный порядок защиты прав из отношений, связанных с подачей и рассмотрением заявок на выдачу патентов на секретные изобретения, с их государственной регистрацией, с выдачей соответствующих правоустанавливающих документов, с оспариванием предоставления этим результатам правовой охраны или с ее прекращением. Неточной нам видится формулировка последнего предложения данного пункта, закрепляющая следующее: «в случаях, предусмотренных статьями 1401 – 1405, <защита осуществляется> федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации (пункт 2 статьи 1401)». По смыслу пункта 2 статьи 1401 ГК РФ Роспатент не является уполномоченным органом, в связи с чем может показаться, что подача возражений на решения предусмотрена только в отношении решений уполномоченных органов, а для решений Роспатента предусмотрен сразу судебный порядок защиты. Такого мнения придерживается и В. И. Еременко [3], однако данную позицию следует считать не совсем верной в силу следующего: пункт 4 статьи 1401 ГК РФ закрепляет, что при рассмотрении заявки на секретное изобретение применяются положения статей 1384, 1386 – 1389 ГК РФ. Вместе с этим, пункт 3 статьи 1387 ГК РФ устанавливает, что решения Роспатента могут быть оспорены путем подачи возражения в Роспатент, поэтому упоминание в пункте 2 статьи 1248 ГК РФ уполномоченных органов следует трактовать как закрепление компетенции уполномоченных органов на рассмотрение споров наряду с Роспатентом. Соответственно, если заявка подавалась в Роспатент, хоть и в отношении секретного изобретения, действует общий порядок подачи возражений в Роспатент. Такой подход подтверждался и Правилами подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденными Приказом Роспатента от 22.04.2003 N 56 (ред. от 29.11.2013) "О Правилах подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам", закреплявшими в своей преамбуле, что они относятся к подаче возражений на секретные изобретения, рассмотрение и выдача которых была осуществлена Роспатентом [10]. В действующих Правилах рассмотрения споров в административном порядке [11], тем не менее, указанное положение не содержится, однако, указанные Правила не содержат и прямого исключения, как это прописано в Регламенте Роспатента. Какими правилами регулируется порядок рассмотрения споров в административном порядке в Роспатенте и в иных уполномоченных органов установить невозможно, поскольку ни один из документов не содержится в базах правовых документов.

Несмотря на это, пункт 2 статьи 1248, пункт 6 статьи 1401 ГК РФ должны быть конкретизированы положениями о том, что защита в административном порядке в отношении секретных изобретений осуществляется и федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, и уполномоченными органами.

Неоднозначное толкование в доктрине встречается и для оснований для оспаривания действительности патента. Р.М. Гатагонова весьма свободно приходит к выводу о том, что «как и на любое другое изобретение, патент на секретное изобретение может быть признан недействительным по основаниям, предусмотренным в п. 1 ст. 1398 ГК» [12, с. 86]. Данная позиция представляется нам верной, однако требует некоторого пояснения.

В.И. Еременко отмечал, что «не вполне понятна логика законодателя, не допускающего оспаривание в судебном порядке выдачи патента на секретное изобретение с указанием в нем в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым» [3]. На момент написания В.И. Еременко своего замечания, ст. 1404 именовалась «Признание недействительным патента на секретное изобретение», поэтому указанный комментарий можно считать уместным, но лишь отчасти.

В действующей редакции ГК статья 1404 именуется «Признание недействительным патента на секретное изобретение, выданного уполномоченным органом», что позволяет трактовать закон следующим образом: в отношении секретных изобретений с обычным уровнем секретности действуют общие основания для признания патента недействительным (ст. 1398 ГК РФ), подача возражений осуществляется в Роспатент.

Для изобретений с повышенным уровнем секретности подача возражения по основаниям, предусмотренным подпунктами 1 – 4 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ требует конкретизации, поскольку они не могут быть поданы в Роспатент. Вместе с этим, для секретных изобретений с повышенным уровнем секретности предусмотрено оспаривание действительности по основанию, предусмотренному подпунктом 5 пункта 1, поскольку он предусматривает судебный порядок. Это под-

тверждается и диспозицией статьи 1404 ГК РФ, которая не ограничивает основания, предусмотренные статьей 1398 ГК РФ, а лишь конкретизирует компетентный орган.

Полагаем, что во избежание ошибочного толкования указанная статья должна именоваться «Признание недействительным патента на секретное изобретение» и устанавливать одинаковые основания для признания патента недействительным, закрепляя лишь компетенцию Роспатента и уполномоченных органов в зависимости от принадлежности заявки.

Судебный порядок защиты. Патентные споры, связанные с секретными изобретениями, могут рассматриваться в судебном порядке. Как обсуждалось выше, для части споров установлен административный порядок защиты перед обращением в суд.

Патентные споры могут рассматриваться как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, в зависимости от компетенции. В статье 27 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) закреплены два критерия: субъектный состав участников и экономический характер спора. В системе арбитражных судов существует также и Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП), к подсудности которого согласно пункту 2 статьи 34 АПК РФ отнесены споры в сфере абстрактного нормоконтроля и споры о предоставлении или прекращении правовой охраны секретных изобретений. Субъектный критерий для СИП прямо исключен на основании части 6 статьи 27 АПК РФ, что означает, что в СИП по указанным категориям споров могут обращаться и юридические лица, и индивидуальные предприниматели, и физические лица, не обладающие статусом индивидуального предпринимателя.

Экономический критерий так же не применяется к компетенции СИП в качестве суда первой инстанции на основании пункта 10 постановления Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" [13]. Фактически это означает, что компетенция СИП в качестве суда первой инстанции не ограничивается никакими критериями и основывается только на категории споров, перечисленных в АПК РФ.

Для удобства следует представить все патентные споры, связанные с секретными изобретениями, в виде двух категорий: споры о праве (например, о нарушении) и споры о законности (например, о законности ненормативного акта, которым вынесен отказ в удовлетворении возражения об отказе в выдаче патента на секретное изобретение).

Споры о праве могут рассматриваться судами общей юрисдикции по правилам Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ), при этом статья 26 ГПК РФ закрепляет особую предметную подсудность: дела, связанные с государственной тайной, рассматриваются верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа.

Для арбитражных судов АПК РФ не предусматривает отдельной подсудности и такие споры распределяются согласно общим правилам территориальной подсудности.

Споры о законности, связанные с предоставлением или прекращением правовой охраны секретных изобретений отнесены к подсудности СИП. При этом, если патентообладателю откажут в регистрации перехода исключительного права по договору об отчуждении секретного изобретения, такой спор не будет подсуден ни СИП, ни даже арбитражному суду, а должен быть рассмотрен указанными выше судами общей юрисдикции, но по правилам Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) на основании статей 20, 218 КАС РФ, как спор о законности, не связанный с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, а так же не связанный с предоставлением или прекращением правовой охраны.

Все процессуальные кодексы предусматривают, что дела, материалы которого содержат сведения, составляющие государственную тайну, рассматриваются в закрытом судебном заседании (ст. 11 КАС РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 10 ГПК РФ). Следует отметить так же и позицию ВАС РФ, изложенную в постановлении Пленума от 08.10.2012 N 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» (далее – «Постановление № 61) [14]. Так, п. 16.1 Постановления № 61 закрепляет, что «если открытое разбирательство дела может привести к разглашению государственной тайны, а также когда непосредственно федеральным законом предусмотрено рассмотрение дела в закрытом судебном заседании, арбитражный суд осуществляет разбирательство дела в закрытом судебном заседании по собственной инициативе». Если же открытое рассмотрение спора может затронуть сведения, составляющие иную тайну, то ходатайство о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании направляется в суд одной из сторон. Так, например, в деле СИП-472/2025 рассматривался спор о признании патента недействительным в части указания автора и патентообладателя и, хоть и указанный патент не относился к секретному изобретению, рассмотрение дела в открытом заседании могло повлечь разглашение сведений, составляющих служебную тайну на основании пункта 6 статьи 3.1 Федерального закона № 61-ФЗ «Об обороне», в связи с чем СИП

заявленное истцом ходатайство о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании было удовлетворено [15].

Следует так же отметить, что СИП имеет в своем распоряжении такой процессуальный инструмент как судебный запрос (часть 1.1. статьи 16 АПК РФ). В пунктах 23, 23.1 Постановления № 61 закреплено правило, согласно которому стороны, их представители и иные участники процесса не обязаны иметь допуск к государственной тайне, а лишь предоставляют расписку об ознакомлении с последствиями разглашения сведений. Вместе с этим, адресат запроса формально не обладает процессуальным статусом и не привлекается к участию в деле. К аналогичному выводу приходит и Д. Е. Зайков, отмечающий, что смешение института специалиста и института судебного запроса недопустимо [16]. В этой связи необходимо заметить, что отсутствие у адресатов запроса СИП процессуального статуса не позволяет СИП использовать указанный инструмент с целью выяснения теоретических и практических познаний по существу спора, поскольку отсутствие процессуального статуса может повлечь нарушение сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Статус представителя в процессе и в отношениях с ведомствами.

Отдельного упоминания заслуживает следующее обстоятельство: п. 2 Регламента Минобороны [6] ограничивает и круг заявителей-физических лиц, которые могут подать заявку на регистрацию секретного изобретения, и круг представителей. И представитель, и физическое лицо-заявитель должны иметь допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, по соответствующей форме, в соответствии с Правилами допуска должностных лиц и граждан РФ к государственной тайне, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 07.02.2024 г. N 132 [17].

Таким императивным ограничениям к представительству при регистрации секретных патентов и защите прав на них в административном порядке противопоставляются процессуальные возможности представителей в случае участия в закрытом судебном разбирательстве. Так, в пунктах 23, 23.1 Постановления № 61 закрепляется, что «отсутствие у лиц, участвующих в деле, их представителей, а также экспертов, специалистов, свидетелей и переводчиков в случаях их участия в рассмотрении дела допуска к государственной тайне, не является основанием для их отстранения от участия в рассмотрении дела» [14]. Кроме того, упоминания заслуживает Определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2002 N 314-О «По жалобе гражданина Романова Юрия Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 21 и 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне", п. 4 которого можно сформулировать в виде следующих выводов:

положения статей 21 и 21.1 ФЗ «О государственной тайне» не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами в качестве основания для отстранения адвоката, являющегося представителем, если у него нет допуска к государственной тайне;

в целях обеспечения режима секретности суд применяет иные средства и способы: проведение закрытого заседания, предупреждение участников процесса о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с производством по делу; привлечение этих лиц к уголовной ответственности в случае ее разглашения;

сохранность государственной тайны при рассмотрении дел с участием адвоката в качестве представителя в гражданском процессе обеспечивается нормами ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;

Такой подход, сложившийся в судебной практике, поддерживается и в научной доктрине. Как пишет Р.Т. Алиев, «наличие допуска к сведениям ограниченного характера является желательным, но не обязательным требованием для участников процесса при проведении закрытого судебного заседания» [18, с. 81]. Вместе с этим, возможности представителя в процессе патентования секретных изобретений и защиты прав в административном порядке и в судебном процессе являются неоднородными. Представитель в процессе патентования и при защите прав в административном порядке должен иметь оформленный допуск к государственной тайне, в то время как это же самое лицо в судебном процессе предоставляет лишь расписку (обязательство) об осведомленности об уголовной ответственности за разглашение сведений. Следует отметить, что указанный подход требует гармонизации, в особенности при наличии в патентном праве патентных поверенных. Ответственность патентного поверенного, по аналогии с адвокатом, предусмотрена отдельным законодательным актом. В соответствии со статьями 4, 4.1. Федерального закона от 30.12.2008 N 316-ФЗ «О патентных поверенных» [19], закрепляются обязанности и устанавливается режим тайны патентного поверенного, в связи с чем предусмотренная подпунктом 2 пункта 5 статьи 3 указанного закона обязанность по оформлению допуска для возможности представления интересов при подаче заявок и защиты прав заявителей в административном порядке видится избыточной.

Целесообразным считаем внести соответствующие изменения в данный закон, админи-

стративные регламенты и закон о государственной тайне, предусматривающие необходимость предоставления патентными поверенными одной лишь расписки об ознакомлении с последствиями разглашения сведений, составляющих государственную тайну, для представления интересов доверителей в отношениях с Роспатентом и уполномоченными органами на этапе подачи регистрации патента и при защите прав в административном порядке.

Заключение. Результат проведенного исследования видится возможным изложить в виде следующих выводов:

В настоящее время в открытых нормативных базах доступен лишь административный регламент Минобороны по рассмотрению заявок на секретные изобретения секретных изобретений. Сведения об актуальном регламенте Роспатента и иных уполномоченных органов не содержится на ни официальном сайте Роспатента и органов, ни в правовых базах данных.

Правила рассмотрения споров в административном порядке, связанных с секретными изобретениями, не содержатся в действующем Регламенте Роспатента. В отношении остальных уполномоченных органов подобные регламенты так же не доступны в правовых базах данных.

Множественность ведомств, уполномоченных рассматривать заявки на выдачу секретных изобретений, приводит к ошибочному толкованию гражданского законодательства относительно порядка административной защиты. Статьи 1387, 1398 ГК РФ являясь родовыми по отношению к статьям 1401, 1404 ГК РФ, устанавливают общий порядок оспаривания решений ведомств, в то время как отдельные положения статей 1248, 1401 и 1404 ГК РФ конкретизируют их компетенцию. В этой связи ошибочным считается мнение в доктрине о том, что административный порядок защиты не предусмотрен для секретных изобретений, которые регистрируются Роспатенте, а также о том, что в отношении секретных изобретений исключена возможность их оспаривания по основанию, предусмотренному подпункту 5 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ. Во избежание ошибочного толкования предлагается внести соответствующие изменения в пункт 2 статьи 1248, пункт 6 статьи 1401, в статью 1404 ГК РФ о том, что защита в административном порядке в отношении секретных изобретений осуществляется и федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, и уполномоченными органами.

Суд самостоятельно принимает решение о рассмотрении патентных споров, связанных с секретными изобретениями. В случае, если патентный спор связан с несекретным изобретением, но в рамках его могут рассмотрения могут быть разглашены сведения, составляющие служебную тайну, сторона спора вправе заявить ходатайство о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, которое суд должен удовлетворить. Судебные акты, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, объявляются в закрытом судебном заседании. Вместе с этим, если спор рассматривался в отношении несекретного изобретения, но был закрыт из-за содержавшихся сведений, составляющих служебную тайну, итоговое решение и само изобретение могут стать известными в силу публичности Государственного реестра изобретений и сведений, которые в нем размещаются.

Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении спора в закрытом судебном заседании ограничен в направлении запросов, предусмотренных частью 1.1 статьи 16 АПК РФ, поскольку адресаты таких запросов не обладают процессуальным статусом участников.

Для целей гармонизации процессуального статуса патентного поверенного в судебном процессе и в отношениях с Роспатентом и уполномоченными органами предлагается внести изменения в федеральные законы «О патентных поверенных», «О государственной тайне» и в административные регламенты, предусмотрев исключение необходимости получения допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Поскольку ответственность патентного поверенного и так предусмотрена законом «О патентных поверенных», с целью процессуальной экономии и оптимизации видится возможным предусмотреть предоставление патентным поверенным одной лишь расписки об ознакомлении с последствиями разглашения сведений. Указанные изменения позволят сократить избыточные бюрократические стадии и при этом не повлекут за собой рост риска разглашения сведений, составляющих государственную тайну.

Список литературы:

[1] Алиев, Т. Т. Становление и развитие принципа гласности в цивилистическом процессе / Т. Т. Алиев // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 15-27.

[2] Нестеренко, Д. Т. Развитие отечественного законодательства в области правовой охраны и использования секретных изобретений / Д. Т. Нестеренко, А. В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 12(245). – С. 108-112.

[3] Еременко, В. И. О патентной монополии на секретное изобретение и регистрации секретных изобретений в соответствии с частью четвертой Гражданского кодекса РФ / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2008. – № 9.

– С. 34-44.

[4] «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. - № 41. – ст. 4046.

[5] Николаев, И. К вопросу о засекречивании изобретения, полезной модели, промышленного образца / И. Николаев // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2017. – № 5. – С. 39-46.

[6] Административный регламент предоставления Министерством обороны Российской Федерации государственной услуги по организации рассмотрения и выдачи патентов на секретные изобретения, относящиеся к средствам вооружения и военной техники (Приказ Минобороны России от 23 июля 2012 г. N 2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[7] Приказ Роспатента от 11.12.2020 N 163 "Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[8] Приказ Минобрнауки РФ от 29.10.2008 N 327 "Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на изобретение и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов Российской Федерации на изобретение" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[9] Право интеллектуальной собственности : Учебник / О. Л. Алексеева, А. С. Ворожевич, Е. С. Гринь [и др.]. Том 4. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2019. – 659 с.

[10] Приказ Роспатента от 22.04.2003 N 56 (ред. от 29.11.2013) "О Правилах подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[11] Приказ Минобрнауки России N 644, Минэкономразвития России N 261 от 30.04.2020 (ред. от 23.11.2022) "Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[12] Гатагонова Р.М. Секретные изобретения: особенности правовой охраны и использования / Р.М. Гатагонова // Общество и право. – Краснодар. - № 3(30). – 2010. – С. 83-86.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Российская газета. – Москва, 2019. – 26 апреля (№ 90).

[14] Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 N 61 (ред. от 04.04.2014) "Об обеспечении гласности в арбитражном процессе" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[15] Определение Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2025 по делу N СИП-472/2025 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 24.09.2026 г.).

[16] Зайков, Д. Е. Институт запроса Суда по интеллектуальным правам и институт специалиста: соотношение и особенности правового регулирования / Д. Е. Зайков // Российский юридический журнал. – 2024. – № 5(158). – С. 88-96.

[17] Постановление Правительства РФ от 07.02.2024 N 132 (ред. от 08.07.2025) "Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. - № 7. – ст. 973.

[18] Алиев Р.Т. Процессуальный режим закрытых судебных заседаний в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 190 с.

[19] О патентных поверенных: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 1. — Ст. 24.

References:

[1] Aliyev, T. T. The formation and development of the principle of glasnost in the civil process / T. T. Aliyev // Bulletin of the civil process. – 2025. - T. 15, NO. 3. - S. 15-27.

[2] Nesterenko, D.T. Development of domestic legislation in the field of legal protection and the use of secret inventions / D.T. Nesterenko, A.V. Kudashkin // Law in the Armed Forces - Military legal review. – 2017. – № 12(245). - S. 108-112.

[3] Eremenko, V.I. On the patent monopoly on a secret invention and registration of secret inventions in accordance with part four of the Civil Code of the Russian Federation / V.I. Eremenko // Legislation and Economics. – 2008. – № 9. - S. 34-44.

[4] "On federal executive bodies, the State Atomic Energy Corporation Rosatom and the State Space Corporation Roscosmos, authorized to consider applications for a patent for secret inventions" // Collection of legislation of the Russian

Federation. – 2004. - № 41. - Art. 4046.

[5] Nikolaev, I. On the issue of classifying the invention, utility model, industrial design / I. Nikolaev // Intellectual property. Industrial property. – 2017. – № 5. - S. 39-46.

[6] Administrative regulations for the provision by the Ministry of Defense of the Russian Federation of state services for organizing the consideration and issuance of patents for secret inventions related to weapons and military equipment (Order of the Ministry of Defense of Russia of July 23, 2012 N 2020 // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal 24.09.2026).

[7] Order of Rospatent dated 11.12.2020 No. 163 "On approval of the Administrative Regulations for the provision by the Federal Service for Intellectual Property of a state service for state registration of an invention and the issuance of a patent for an invention, its duplicate" // SPS "ConsultantPlus "(date of application, 24.09.2026).

[8] Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 29.10.2008 No. 327 "On approval of the Administrative Regulations for the execution by the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trademarks of the state function of organizing the acceptance of applications for inventions and their consideration, examination and issuance in the prescribed manner of patents of the Russian Federation for inventions" // SPS "ConsultantPlus" (date of application, 24.09.2026).

[9] Intellectual property law: Textbook / O. L. Alekseeva, A. S. Vorozhevich, E. S. Grin [and others]. Volume 4. - Moscow: STATUT Publishing House LLC, 2019. - 659 p.

[10] Order of Rospatent No. 56 dated 22.04.2003 (rev. dated 29.11.2013) "On the Rules for Filing Objections and Applications and their Consideration in the Chamber of Patent Disputes" // SPS "ConsultantPlus"(date of appeal, 24.09.2026).

[11] Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 644, Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 261 dated 30.04.2020 (as amended on 23.11.2022) "On Approval of the Rules for Consideration and Resolution of Administrative Disputes by the Federal Executive Body on Intellectual Property" // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal, 24.09.2026).

[12] Gatagonova R.M. Secret inventions: features of legal protection and use / R.M. Gatagonova // Society and law. - Krasnodar. - № 3(30). – 2010. - S. 83-86.

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. - Moscow, 2019. - April 26 (No. 90).

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 08.10.2012 No. 61 (as amended on 04.04.2014) "On Ensuring Publicity in the Arbitration Process" // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal 24.09.2026).

[15] Intellectual Property Court Ruling of 04.06.2025 in Case No. CIP-472/2025 // SPS ConsultantPlus (accessed 24.09.2026).

[16] Zaikov, D. E. Institute for the Request of the Court for Intellectual Rights and the Institute of Specialist: Ratio and Features of Legal Regulation / D. E. Zaikov // Russian Law Journal. – 2024. – № 5(158). - S. 88-96.

[17] Decree of the Government of the Russian Federation of 07.02.2024 N 132 (as amended on 08.07.2025) "On approval of the Rules for admitting officials and citizens of the Russian Federation to state secrets" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2024. - № 7. - Art. 973.

[18] Aliyev R.T. Procedural regime of closed court hearings in civil proceedings: dis.... cand. jurid. sciences. - Moscow, 2024. - 190 s.

[19] On patent attorneys: Federal Law of December 30, 2008 No. 316-FZ (as amended by 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2009. — № 1. - Art. 24.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-62-65

ИСАЕВ Андрей Анатольевич,
начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная для современного человека проблема обретения его духовной безопасности. Путь духовного обогащения многогранен и тернист и требует от человека волевых усилий. Автор предпринимает попытку раскрытия содержания понятия жизненного духовного пути личности. Делается вывод о необходимости духовного самосовершенствования через любовь и уважение к ближнему, к окружающим.*

Ключевые слова: *духовный путь человека, единство души и тела, обретение духовности, деструктивный контент, критическое мышление, клиповое мышление, комплексное мировоззрение, биологические потребности, жизненные испытания, духовное самосовершенствование.*

Для цитирования: *Исаев А. А. Духовный путь человека: размышления о содержании понятия // Право и управление. 2026. № 10. С. 62–65.*

ISAEV Andrey Anatolyevich,
Head of the Department of Social Sciences, Humanities and Economics of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophy, Associate Professor

THE SPIRITUAL PATH OF A PERSON: REFLECTIONS ON THE CONTENT OF THE CONCEPT

Annotation. *The article examines a problem that is relevant to modern people: how to achieve spiritual security. The path to spiritual enrichment is multifaceted and thorny, and it requires willpower from a person. The author attempts to clarify the content of the concept of an individual's life's spiritual path. The conclusion is drawn about the need for spiritual self improvement through love and respect for one's neighbour and for those around us.*

Key words: *The spiritual path of a person, the unity of soul and body, the attainment of spirituality, destructive content, critical thinking, clip thinking, a comprehensive worldview, biological needs, life trials, spiritual self improvement.*

For citation: *Isaev A. A. The spiritual path of a person: reflections on the content of the concept. Law and administration. 2026;(10):62–65. (In Russ.).*

Духовный мир каждого человека индивидуален, личностен, поэтому не может быть универсальных рекомендаций духовного роста. Личностное обретение духовности предполагает прохождение уникального духовного пути для достижения этой цели. Но, тем не менее, мы можем говорить о понятии духовного пути человека как родового существа. «Наивысший успех – это успех духовный, а не социальный, это победа человека на пути эволюции сущности, что является наивыс-

шим благом, к которому только может стремиться человек» [1, с. 21].

Тезис о единстве души и тела человека сегодня вышел далеко за пределы религиозного и философского обсуждения. Поэтому даже неискушенному обывателю понятно, что жизнь заключается не только в обеспеченности физиологической деятельности тела, но и в духовном обогащении, продвижении по духовному пути. Но, что это за путь и как по нему двигаться? Эти вопросы требуют серьезного и аргументированного ответа. Тем более, что сегодня очень много «специалистов» предлагают разнообразные «духовные практики», которые в большинстве случаев не «питают» вашу душу, а разрушают ее. Однозначно необходимо констатировать, что никто этот путь за вас не пройдет, только лично вы. Человек своими личными усилиями должен преобразить свое внутреннее я: «Это есть великая миссия человека – работа над собой. А что дальше начинается? Если ты сумел преобразить себя, то, возможно, тысячи вокруг тебя станут спокойнее, чище, любвеобильнее» [2, с. 276]. То есть истина проста: начни с себя и мир вокруг тебя преобразится!

Путь духовного становления и обретения духовности не обязательно религиозен, либо он может стать извилистой дорогой поиска смысла и истины, которая в итоге приведет человека на прямой путь к Богу. Как пишет автор вступительной статьи к сочинениям Н. А. Бердяева: «Главной задачей человеческой жизни, согласно Бердяеву, должно быть завоевание духовности» [3, с. 11]. Это требует от человека усилий, прорыва, творческой активности.

Актуальным представляется в наше время обретение этого пути, ибо духовное самосовершенствование сегодня – это гарант духовно-информационной безопасности личности. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на личностное сознание – неотъемлемый элемент современного информационного общества. Причем методики этого воздействия постоянно меняются. Они разнообразны. Для того, чтобы им противостоять, нужно постоянно совершенствоваться в методах и средствах противоборства информационным угрозам. К сожалению, к той информации, которую мы воспринимаем на полях виртуального мира не прикрепляется ярлык «Ложь!», «Фейк!». Наоборот, она подается в той форме, которая позволяет воспринимать ее как правдоподобную, соответствующую действительности, реальному положению дел. Для ее фильтрации необходимо так называемое «критическое мышление».

Как формировать и развивать механизмы самозащиты от деструктивного контента? Общечеловеческих рекомендаций для ответа на этот вопрос не существует. Очень много личностных факторов влияет на этот процесс, но несомненным является то, что путь духовного обогащения является одним из самых эффективных. Духовный личностный рост – это процесс, причем очень длительный. Он может сопровождаться падениями и неудачами, которые приводят к мысли, что все было сделано напрасно и не стоит продолжать этот путь. Но сильный человек встанет и пойдет дальше по пути обеспечения своей духовной безопасности. Не стоит отчаиваться, что у вас что-то не получилось. Неудачи – это повод задуматься, проанализировать ошибки и сделать выводы с прогнозом на будущее. Все это и есть духовная работа над собой. Она очень полезна на пути духовного самосовершенствования человека. Не стоит слепо верить в авторитеты, к ним нужно прислушиваться и личностно переосмысливать все то, что с ними связано. Френсис Бэкон по этому поводу говорил: «Истина – дочь времени, а не авторитета». Это один из основополагающих тезисов критического мышления.

Нужно отметить, что сегодня большую духовную опасность представляет, так называемое, клиповое мышление. Просмотр маленьких по объему информации (практически бессодержательных) и по времени видеороликов препятствует формированию у молодого поколения системного, логически связанного и целостного мировоззрения, являющегося основой для становления духовно зрелой личности. Отсутствие в связи с этим критического мышления позволяет деструктивным враждебным силам внедрять в сознание молодежи ту информацию, которая выгодна им, с помощью которой можно манипулировать молодым поколением. Поэтому сегодня актуальнейшей задачей в образовательном процессе становится целенаправленная работа по формированию у молодого поколения многогранного комплексного мировоззрения, позволяющего оценить поступающую информацию с разных точек зрения, осуществить критический анализ ее достоверности, а не пассивное принятие без уверенности в ее истинности.

Большую ценность для духовного жизненного пути личности представляет собой христианская добродетель смирения, являющаяся одной из самых главных и труднодостижимых христианских заповедей. Ее достижение и выполнение – долгий и сложный процесс духовного труда. А. И. Осипов так характеризует эту евангельскую заповедь: «…Смирение – это не результат простого желания. Оно, как и любая ценность, материальная или духовная, приобретается трудом. И смирение, являющееся фундаментом правильной духовной жизни верующего, также требует для своего достижения подвига, усилий человека над собой. Эти усилия состоят в исполнении заповедей и покаяния» [4, с. 130]. Смирение как добро-

детель имеет и более широкое светское значение. Так, например, для воина и сотрудника органов внутренних дел она проявляется в таких важных профессиональных качествах, как стойкость и выдержка, необходимые там, где нужно проявить «железную волю» и контролировать свои эмоции. Эта добродетель в виде терпеливости является важным качеством любого педагога, обучающего и воспитывающего своих подопечных. Необходимый результат, к которому должны прийти его обучающиеся (приобрести компетенции), во многом зависит именно от этой черты характера учителя и воспитателя. Конечно, в соблюдении этой добродетели не стоит позволять обучающимся «садиться вам на шею», но и проявление агрессии по отношению к своим ученикам абсолютно недопустимо, какие бы экстремальные ситуации не возникали в ваших взаимоотношениях [5, с. 40]. Очень важен в этом смысле индивидуальный подход и стремление педагога понять чувства и психологическое состояние подопечного.

Человек от природы наделен естественными или биологическими инстинктами, потребностями, побуждениями и их удовлетворение не является потворством своим страстям. Если же удовлетворение биологических потребностей переходит в противоестественное поведение [6, с. 82], то это является признаком паразитирования страстей на врожденных человеческих потребностях. Например, для сохранения своего организма и его здоровья человек должен питаться. Однако неумеренное потребление пищи и пития приводит к взращиванию страсти чревоугодия, которая разрушает организм как физиологически, так и душевно. В современном обществе потребления этому способствует повсеместно распространяемая реклама продуктов и напитков, реализация которых призвана, прежде всего, обеспечить коммерческий интерес их производителей [7, с. 20]. Они совершенно не заботятся о здоровье и стремлении к умеренному потреблению покупателей. Ярким примером является молниеносное распространение заведений фастфуда, практически никогда не пустующих. Самое тревожное, что потребителем продукции этих заведений в основном является молодежь, что не способствует сбережению здоровья нации, а воспитывает граждан, которые равнодушно относятся к состоянию своего организма, ссылаясь на молодость. К сожалению, в этих точках часто можно увидеть молодые семьи, которые уже с детства прививают своим детям потребительское отношение к жизни и зависимость от биологических потребностей. Не случайно во многих религиях существуют практики поста, помогающие человеку обратить большее внимание на свое духовное состояние [8], нежели на удовлетворение инстинкта питания.

Есть такая поговорка, которую можно услышать из уст и неверующих людей: «Бог (жизнь, судьба) специально нам посылает испытания, чтобы сделать нас духовно сильнее». Смысл ее в том, что испытания призваны не сломить человека, а помочь ему двигаться по пути духовного совершенствования. Это нелегкий смысл. Он тем более не принимается, когда рядом с тобой живут вполне счастливые люди без каких-либо трудностей в своей жизни. «Почему им дано счастье без испытаний, а мне надо пройти трудный путь в своей жизни?» – таков вопрос тех, кто не углубляется в настоящий смысл этого пути. Некоторые отвечают им так: «Бог посылает испытания только тем, кто способен их преодолеть!». Это своего рода комплимент, говорящий о духовной силе, испытывающего страдания. Но жизнь доказывает, что не все, кому посланы испытания, способны их преодолеть и укрепиться духовно. Порой человек срывается в бездну греха, не предпринимая усилий остановить этот «полет». «Пускается во все тяжкие» – говорят в этом случае, и здесь уже все перемешано: испытания перестают духовно воздействовать на личность.

Человек, поставивший своей целью духовное самосовершенствование, должен понимать, что его духовный рост нужен не только лично ему, но и всем тем, кто его окружает. Именно через любовь к другим личность проявляет свою духовную силу. Возвышение над другими ведет к обратному результату – к духовному падению. Даже христианские подвижники, стремящиеся к духовному уединению, всегда помогали тем, кто находил их и приходил к ним за помощью, несмотря на то что они нарушали их духовный покой.

Таким образом, можно сделать вывод, что духовный путь человека – это целенаправленный, многогранный, длительный и трудоемкий процесс обретения своего «Я», процесс самопознания и самооценки, обретения своей духовной идентичности в окружающей социальной реальности. Парадокс этого пути часто заключается в том, что, чем он сложнее и опаснее, тем он более эффективен и полезен для души человека.

Список литературы:

[1] Соммэр Д. С. Мораль XXI века: Пер. с исп. М. : Издательство «Кодекс», 2018.

[2] Протоиерей Сергий Привалов. Роль православия в духовном возрождении современного общества // Патриотизма без духовности не бывает: материалы международного семинара-практикума «Патриотизма без духовности не бывает», г. Руза Московской области, 12 декабря 2013 г. / Под научной редакцией генерал-лейтенанта полиции Н. В. Румянцева и заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора С. С. Пылева. Руза: Московский областной фили-

ал Московского университета МВД России, 2014. – С. 274–278.

[3] Мысливченко А. Мятежный апостол свободы // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. – С. 3–12.

[4] Осипов А. И. Бог. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2015.

[5] Маликов Б. З. Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

[6] Шайхуллин М. С. Пьянство и алкоголизм: вопросы уголовно-правового и иного противодействия / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 77-83. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.011. – EDN YOCRZJ.

[7] Галицкая Н. В. Об объекте административных правонарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности / Н. В. Галицкая // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 20-24. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.003. – EDN SPZPIS.

[8] Маликов Б. З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 21-34. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.002. – EDN UCBAOV.

References:

[1] Sommer D. S. Moral of the 21st century: Per. with Spanish M.: Publishing house "Codex," 2018.

[2] Archpriest Sergiy Privalov. The role of Orthodoxy in the spiritual revival of modern society // Patriotism does not happen without spirituality: materials of the international workshop "Patriotism does not happen without spirituality," Ruza, Moscow Region, December 12, 2013/Under the scientific editorship of Police Lieutenant General N. V. Rumyantsev and Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Professor S. S. Pylev. Ruza: Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. - S. 274-278.

[3] Myslivchenko A. The rebellious apostle of freedom // Berdyaev N. A. Philosophy of the free spirit. M.: Republic, 1994. - S. 3-12.

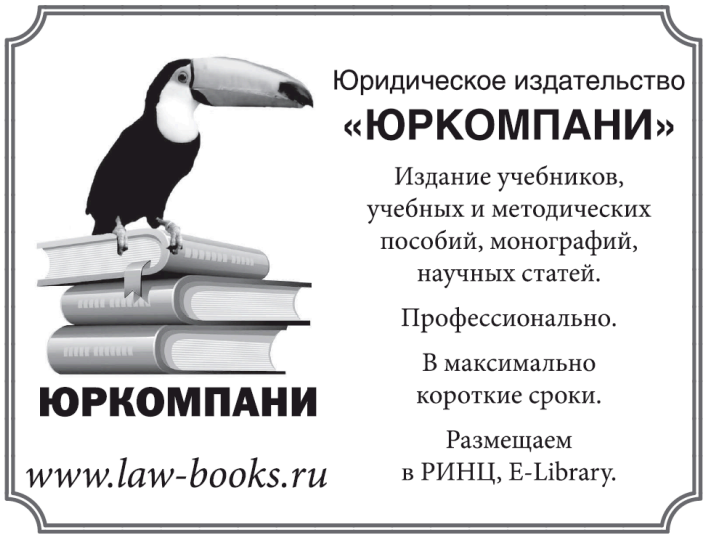
[4] Osipov A.I. God. - M.: Brotherhood of the Holy Apostle John the Theologian, 2015.

[5] Malikov B.Z. Criminology issues: social factors and the causality of the "surge" of violent acts among underage students / B.Z. Malikov // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

[6] Shaikhullin M.S. Drunkenness and alcoholism: issues of criminal law and other opposition / M.S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 77-83. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.011. – EDN YOCRZJ.

[7] Galitskaya N.V. On the object of administrative offenses in the field of food security / N.V. Galitskaya // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 20-24. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.003. – EDN SPZPIS.

[8] Malikov B.Z. Religious norms: their essence, character and significance in the system of social relations / B.Z. Malikov // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 21-34. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.002. – EDN UCBAOV.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-66-74

БУЛГАКОВА Наталия Алексеевна,
Аспирант, кафедра гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: nabulgakova@msal.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЕМ

Аннотация. *Статья посвящена пределам гражданско-правовой ответственности операторов маркетплейсов перед потребителями после вступления в силу законодательства о платформенной экономике. На основе данных Роспотребнадзора показан рост доли нарушений при дистанционной продаже товаров. Анализ судебной практики 2022–2026 гг. позволил выделить четыре подхода судов и проследить переход Верховного Суда РФ к оценке фактической роли платформы. Обосновывается, что Федеральный закон № 290 ФЗ дополнил информационную модель ответственности обязанностями технического обеспечения, но не решил проблему ответственности за результат сделки. Предложена трёхуровневая модель ответственности оператора, соразмерной степени его участия в сделке, и сформулированы изменения законодательства.*

Ключевые слова: *маркетплейс; владелец агрегатора; оператор посреднической цифровой платформы; защита прав потребителей; платформенная экономика; субсидиарная ответственность; солидарная ответственность.*

Для цитирования: *Булгакова Н. А. Гражданско-правовая ответственность маркетплейсов перед потребителем // Право и управление. 2026. № 10. С. 66–74.*

BULGAKOVA Nataliia Alekseevna,
Postgraduate Student, Department of Civil Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CIVIL LIABILITY OF MARKETPLACES TO CONSUMERS

Annotation. *This article addresses the scope of civil liability of marketplace operators toward consumers following the enactment of legislation on the platform economy. Drawing upon data from Rospotrebnadzor, the author demonstrates an increasing proportion of violations in distance selling. An analysis of judicial practice from 2022 to 2026 identifies four distinct judicial approaches and traces the transition of the Supreme Court of the Russian Federation toward assessing the substantive, de facto role of the platform. The study substantiates that Federal Law No. 290-FZ supplemented the information-based liability model with technical support obligations, yet failed to resolve the issue of liability for contract performance and transaction outcomes. Consequently, a three-tiered model of operator liability commensurate with the degree of platform involvement in a transaction is proposed, accompanied by drafted legislative amendments.*

Key words: *marketplace; aggregator owner; intermediary digital platform operator; consumer protection; platform economy; subsidiary liability; joint and several liability.*

For citation: *Bulgakova N. A. Civil liability of marketplaces to consumers. Law and administration. 2026; (10):66–74. (In Russ.).*

По оценке Data Insight, в 2025 г. объём рынка розничной интернет-торговли в России составил 13,4 трлн руб., на маркетплейсы пришлось 81 % заказов и 62 % объёма продаж, а доля онлайн-канала в розничной торговле достигла 25,6 % [1]. Оператор маркетплейса определяет условия размещения предложений, ранжирует товары, принимает платежи, хранит и доставляет товар, организует его возврат и получает вознаграждение с каждой сделки. Режим его ответственности перед потребителем при этом построен на допущении о преимущественно информационном характере деятельности платформы. Расхождение правовой формы и экономического содержания отношений снижает реальность защиты потребителя и составляет одну из центральных проблем

регулирования дистанционной торговли.

Актуальность темы обусловлена тем, что 1 октября 2026 г. вступили в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289 ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее - Закон о платформенной экономике) и сопутствующий Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 290 ФЗ, а летом 2026 г. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ сформулировали новые позиции о пределах ответственности маркетплейсов [2;3]. Цель статьи состоит в определении этих пределов с учётом названных новелл и в обосновании модели дифференциации ответственности. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ опубликованных судебных актов за 2022–2026 гг. и статистических данных.

В структуре обращений граждан в Роспотребнадзор по вопросам розничной торговли доля жалоб на товары, приобретённые дистанционно, составляла 6 % в 2016 г. и 15,6 % (24 624 обращения) в 2019 г. [4]. В 2023 г. она достигла 33,1 % (69 255 обращений), в 2024 г. составила 32 % (66 379 из 207 526 обращений), в 2025 г. выросла до 36,7 % [5; 6; 7]. Следовательно, с 2019 по 2025 г. доля таких жалоб увеличилась более чем вдвое, а их число с 2019 по 2024 г. выросло в 2,7 раза. Отдельного учёта жалоб на маркетплейсы ведомство не ведёт, но с учётом доли маркетплейсов в онлайн-заказах значительная часть этих обращений, по всей видимости, связана с покупками через платформы.

По данным опроса ЦИПП Роскачества 2024 г., маркетплейсами пользуются около 84 % россиян, с трудностями сталкивался каждый пятый; чаще всего называли бракованный товар (29,3 %), несоответствие характеристик описанию (28,8 %) и сложности с возвратом или обменом (21,1 %) [8]. Основные риски потребителя лежат в сфере качества товара и достоверности информации, то есть там, где закон возлагает ответственность прежде всего на продавца. Действенность внутреннего контроля платформ также вызывает сомнения: по сведениям ЦРПТ, на одном из маркетплейсов нарушения подтвердились более чем по 77 % жалоб покупателей, а санкции к продавцу были применены лишь в 32 % случаев [9].

Судебная защита потребителей в целом результативна: в 2024 г. доля удовлетворённых исков составила 87,4 %, присуждено к взысканию 43,3 млрд руб. Слабое звено находится в другом месте. Решение против продавца, зарегистрированного за рубежом, прекратившего деятельность или не идентифицируемого по сведениям на платформе, не восстанавливает нарушенное право, а платформа, через которую прошли заказ, платёж и доставка, остаётся вне круга ответчиков.

Согласно абзацу тринадцатому преамбулы Закона РФ «О защите прав потребителей» владельцем агрегатора признаётся лицо, предоставляющее потребителю возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца, заключить с ним договор и произвести предварительную оплату товара, в том числе путём перевода денежных средств владельцу агрегатора; с 1 октября 2026 г. к нему приравнен оператор посреднической цифровой платформы [10]. Владелец агрегатора отвечает за убытки, причинённые недостоверной или неполной информацией о товаре или продавце, но освобождается от ответственности, если не изменял информацию продавца; за исполнение договора и качество товара отвечает продавец, если иное не предусмотрено соглашением с ним и не вытекает из существа отношений. Помимо этого, владелец агрегатора обязан лишь вернуть полученную им предварительную оплату при непередаче товара в срок (п. 2.1–2.3 ст. 12 Закона). Такую модель принято называть информационной.

Правовая природа отношений с участием маркетплейса остаётся дискуссионной. Т. В. Дерюгина пришла к выводу, что ни агентирование, ни поручение, ни комиссия не охватывают эти отношения целиком [11]. Н. С. Зубарев считает оферту «Wildberries» агентской по правовой природе, оговаривая дискуссионность вопроса [12]. Л. В. Андреева указывает, что применение термина «посредник» к лицу, оказывающему информационные услуги, не соответствует сложившемуся понятию посредника, а уровень защиты прав потребителей маркетплейсов недостаточно высок [13]. Спор о договорной квалификации малопродуктивен для решения вопроса об ответственности перед потребителем: один и тот же оператор выступает агентом, платёжным посредником и логистом, а в части собственных продаж является продавцом. Ответственность целесообразно определять через объём фактических функций оператора, а не через конструкцию его договора с продавцом.

Оценки модели ответственности расходятся. К. К. Краулин считает ограничение пределов ответственности владельцев агрегаторов несправедливым и нарушающим баланс интересов потребителей и бизнеса и предлагает ввести как минимум субсидиарную ответственность по критериям, закреплённым в законе, независимо от квалификации отношений сторон [14]. Введение субсидиарной ответственности владельцев цифровых платформ перед потребителями за нарушения обязательств продавцами при соблюдении определённых критериев поддерживает В. Д. Арнаутов [15]. Е. Д. Суворов обосновывал от-

ветственность владельца агрегатора за качество товара тем, что покупка совершается благодаря доверию к его бренду; солидарную ответственность при нарушении требования прозрачности роли оператора предпочитает и С. А. Краснова [16;17]. В. А. Белов сформулировал правило: чем больше вовлечённость цифрового посредника в отношения коммерсантов и потребителей, тем больше у него прав, обязанностей и ответственности [18]. Критерий степени участия использует и Н. А. Палчаева, обосновывая внедоговорную ответственность владельца платформы, когда работа алгоритма формирует у добросовестного пользователя мнение о реализации товара самим владельцем [19]. К. А. Киселева обосновывает деликтную ответственность маркетплейса, выделяя такие юридически значимые обстоятельства, как недостаточная верификация контрагентов, неэффективное пресечение мошенничества и систематическое извлечение выгоды из операций [20]. Противоположная позиция представлена в монографии под редакцией И. И. Кучерова и С. А. Синицына, где безусловная ответственность владельца агрегатора за достоверность информации оценивается как нарушающая баланс интересов; Е. М. Чагина возражает, что у владельца агрегатора сохраняется право регресса к продавцу [21].

В доктрине, таким образом, сложилось согласие о недостаточности информационной модели, а спор идёт о форме и условиях расширения ответственности. Солидарная ответственность за любого продавца превращает оператора в гаранта всех сделок и не учитывает различий бизнес-моделей. Субсидиарная ответственность лучше согласуется со ст. 399 ГК РФ, по которой требование к субсидиарному должнику предъявляется после отказа основного должника или его молчания в разумный срок [22]. Критерий вовлечённости позволяет соединить оба решения в единой дифференцированной модели.

Анализ опубликованных актов судов общей юрисдикции за 2022–2026 гг. позволяет выделить четыре подхода к ответственности маркетплейса перед потребителем.

Первый подход можно назвать формально-посредническим. Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции по делу Демидова указал, что ООО «Интернет Решения» (Ozon) не является продавцом и изготовителем, а выступает агентом, предоставляющим площадку, поэтому требования предъявляются продавцу [23]. Останкинский районный суд г. Москвы отказал в иске к ООО «Вайлдберриз», указав, что ответчик «выступает в отношении этой деятельности в качестве информационного посредника», «не имеет технической возможности и не должно проверять каждый товар» и «не знало и не должно было знать о потенциальном нарушении прав истца» [24]. Эти формулы воспроизводят условия освобождения от ответственности по ст. 1253.1 ГК РФ, хотя данная норма касается только нарушения интеллектуальных прав. Перенос её критериев в потребительский спор является методологически некорректной аналогией.

Другой подход исходит из восприятия ситуации потребителем. Тот же суд по делу Баданиной признал ООО «Алибаба.Ком (РУ)» надлежащим ответчиком, поскольку на сайте отсутствовала информация о другом продавце и покупательница имела основания полагать, что приобретает товар у самой площадки [25]. Критерий видимости продавца близок к европейскому подходу, рассмотренному ниже.

Третья группа решений связывает ответственность платформы с её собственными обязанностями. Подольский городской суд Московской области обязал ООО «РВБ» предоставить потребителю сведения об адресе продавца на основании п. 1.2 ст. 9 Закона и взыскал компенсацию морального вреда, штраф и судебную неустойку [26]. Тот же суд по иску органа Роспотребнадзора признал противоречащим ст. 16 Закона условие правил Wildberries о списании денежных средств с карт, удалённых из личного кабинета. Когда платформа сама продаёт товар, к ней применяются правила о продавце в полном объёме: Верховный Суд РФ признал недопустимым односторонний отказ ООО «Интернет Решения» от исполнения оплаченного заказа ввиду публичного характера договора розничной купли-продажи [27].

Четвёртый, функциональный подход сформулирован Верховным Судом РФ в 2026 г. По делу Ерофеева потребитель приобрёл через AliExpress бензиновую доску для серфинга за 320 202 руб., при эксплуатации выявились недостатки двигателя, а информация о продавце была предоставлена только на английском и китайском языках. Апелляционный и кассационный суды отказали в иске, сочтя площадку информационным посредником. Судебная коллегия по гражданским делам отменила их акты и указала, что следовало установить, какие услуги, помимо обеспечения работоспособности интернет-ресурса, площадка предоставляет продавцам, в том числе «связанные с приёмом платежей, хранением и доставкой товаров и т. д.». Со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39 П коллегия констатировала, что ответственность владельца маркетплейса «не ограничивается ответственностью за качество услуг по предоставлению информации», и отметила обязанность владельцев маркетплейсов «предпринимать и превентивные меры по пресечению нарушений прав третьих лиц» [28]. Само Постановление № 39

П вынесено по спору о контрафакте: Конституционный Суд указал, что оказание маркетплейсом вспомогательных услуг не исключает осуществления им иной деятельности помимо функций информационного посредника, а освобождение от ответственности по ст. 1253.1 ГК РФ возможно лишь при одновременном отсутствии знания о нарушении и своевременном принятии необходимых и достаточных мер для его прекращения [29]. Верховный Суд перенёс логику этого постановления в потребительский спор, причём в пользу потребителя.

Значение определения выходит за рамки конкретного дела: статус посредника больше не может устанавливаться по тексту пользовательского соглашения, и в практику введён предлагавшийся в доктрине критерий степени участия оператора в сделке. Однако какой объём ответственности влечёт тот или иной набор функций, определение не говорит, что создаёт риск разнобоя в практике. Закон о платформенной экономике обязывает оператора посреднической цифровой платформы проверять сведения о партнёре (ч. 2 ст. 5), указывать в карточке товара, что он не является продавцом, если не продаёт товар от своего имени (п. 3 ч. 1 ст. 7), проверять информацию в карточках и не допускать карточек изъятых из оборота, немаркированных и не прошедших подтверждение соответствия товаров (ч. 2 ст. 7), обеспечивать соблюдение требований к обращению товаров при использовании своей логистики и возврат товара через пункт выдачи заказов (ч. 3, 4 ст. 18) [2]. Специальной нормы об ответственности оператора перед потребителями закон не содержит; регресс к оператору предусмотрен лишь для партнёра и владельца пункта выдачи заказов, возместивших вред, причинённый оператором (ч. 6 ст. 5).

Потребительские последствия реформы установлены Федеральным законом № 290 ФЗ. Он приравнял оператора посреднической платформы к владельцу агрегатора, распространил на владельца агрегатора общие правила об ответственности за нарушение прав потребителей, включая штраф в размере пятидесяти процентов присуждённой суммы (п. 1, 4, 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей), и о компенсации морального вреда (ст. 15), а также ввёл п. 3.1 ст. 18. Согласно этой норме требования в связи с недостатками товара потребитель предъявляет продавцу на платформе, а оператор обязан обеспечить техническую возможность их предъявления и возврата уплаченных денежных средств, а при доставке с использованием своей логистической инфраструктуры и возврата товара продавцу [3]. Аналогичное правило для работ и услуг введено п. 7 ст. 29 Закона.

Законодатель, следовательно, сохранил информационную модель и дополнил её обязанностями технического обеспечения, нарушение которых прямо влечёт ответственность оператора по ст. 13 и 15 Закона. Ответственность за качество товара и исполнение договора по-прежнему лежит на продавце, а обязательная оговорка о том, что оператор не является продавцом, закрепляет разделение ролей, уже поставленное под сомнение Верховным Судом. А. В. Габов и С. П. Саяпин отмечают, что определение цифровой платформы весьма сходно с определением агрегатора, однако вопрос об их соотношении не решён, а характер совместной деятельности оператора и партнёров из текста закона неясен [30]. На необходимость доработки закона указывает и Н. С. Зубарев [31]. Если продавец недоступен или неплатёжеспособен, а платформа исполнила обязанности по технической поддержке, потребитель по-прежнему остаётся без эффективного ответчика.

Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах не допускает освобождения онлайн-платформы от ответственности по законодательству о защите прав потребителей, если она представляет товар так, что средний потребитель полагает, что его предоставляет сама платформа или продавец, действующий под её контролем (п. 3 ст. 6); на платформы возложены обязанности по идентификации продавцов и информированию потребителей о выявленных незаконных товарах (ст. 30–32), за нарушение которых может быть взыскано возмещение (ст. 54) [32]. Директива (ЕС) 2024/2853 распространила на такие платформы режим ответственности дистрибьютора: если платформа по запросу потерпевшего в течение месяца не назовёт ответственного экономического оператора, она отвечает за вред сама (п. 3, 4 ст. 8); А. А. Онианова квалифицирует эту ответственность как субсидиарную [33]. Модельные правила Европейского института права об онлайн-платформах предусматривают ответственность оператора, оказывающего преобладающее влияние на поставщика, по всем обязательствам поставщика; признаками такого влияния названы, в частности, сокрытие данных поставщика до заключения договора, удержание платежей, определение оператором условий договора и цены, маркетинг, сосредоточенный на операторе (ст. 20) [34].

В США суды ряда штатов, преодолевая иммунитет разд. 230 Закона о пристойности в коммуникациях, стали применять к платформам правила о строгой ответственности за продукцию: по делу Bolger v. Amazon.com апелляционный суд Калифорнии возложил её на Amazon, поставивший себя между продавцом и покупателем в цепочке распределения товара, тогда как Верховный суд Техаса по делу Amazon.com v. McMillan не признал Amazon продавцом [35]. Общая черта этих реше-

ний состоит в отказе от бинарного выбора между неответственностью платформы и её ответственностью за все сделки: объём ответственности зависит от того, какое впечатление платформа создаёт у потребителя и насколько глубоко контролирует сделку.

Изложенное позволяет предложить трёхуровневую модель ответственности оператора маркетплейса, построенную на соразмерности ответственности степени его фактического участия в сделке.

Нижний уровень образует информационное посредничество без участия в расчётах и исполнении договора. Здесь достаточно действующих правил п. 1.2 ст. 9 и п. 2.1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей.

Средний уровень охватывает организационное участие: приём платежей, хранение, доставку, выдачу и возврат товара, то есть те функции, которые Верховный Суд потребовал устанавливать. Оператор отвечает за качество собственных услуг и, кроме того, должен нести субсидиарную ответственность по обязательствам продавца, когда получить исполнение от продавца невозможно. Предлагается дополнить ст. 12 Закона п. 2.4: «2.4. Если продавец (исполнитель) в течение десяти календарных дней со дня предъявления потребителем требования о возврате уплаченной за товар (услугу) суммы или о возмещении убытков не удовлетворил его и при этом сведения о продавце (исполнителе), доведённые владельцем агрегатора, не позволяют установить его место нахождения, либо продавец (исполнитель) прекратил деятельность, либо в отношении него введена процедура банкротства, владелец агрегатора несёт субсидиарную ответственность перед потребителем в пределах суммы, уплаченной с использованием его программы для ЭВМ, сайта или страницы сайта, с правом регресса к продавцу (исполнителю)». В абзаце тринадцатом преамбулы признак перевода предварительной оплаты владельцу агрегатора целесообразно заменить признаком участия в организации расчётов между потребителем и продавцом, чтобы исключить выход из-под действия закона путём структурирования платёжных потоков.

Верхний уровень соответствует преобладающему влиянию оператора на сделку, при котором оправдана солидарная ответственность. Предлагается дополнить ст. 12 Закона п. 2.5: «2.5. Владелец агрегатора несёт солидарную с продавцом (исполнителем) ответственность за нарушение прав потребителя, если он самостоятельно определяет цену товара (услуги) или иные существенные условия договора, не довёл до потребителя до заключения договора сведения о продавце (исполнителе), предусмотренные пунктом 1.2 статьи 9 настоящего Закона, либо предоставил товар (услугу) так, что у потребителя имелись разумные основания полагать, что договор заключается с владельцем агрегатора или лицом, действующим под его контролем». Критерии учитывают ст. 20 Модельных правил, п. 3 ст. 6 Регламента о цифровых услугах и подход, применённый по делу Баданиной.

Отдельного решения требует ответственность за бездействие в отношении недобросовестных продавцов. Пункт 2 ст. 1064 ГК РФ презюмирует вину причинителя вреда, но без нормативного стандарта должной осмотрительности у судов нет критерия противоправности бездействия платформы. Предлагается дополнить ст. 7 Закона о платформенной экономике частью следующего содержания: «Оператор, получивший сведения о неоднократных нарушениях партнёром-продавцом прав потребителей, подтверждённых результатами рассмотрения жалоб, решениями судов или органов государственного контроля (надзора), обязан ограничить размещение карточек товаров такого партнёра в порядке, установленном статьёй 13 настоящего Федерального закона. Вред, причинённый потребителю действиями такого партнёра после получения оператором указанных сведений, возмещается оператором солидарно с партнёром-продавцом, если оператор не докажет, что принял все зависящие от него меры для пресечения нарушения». Предложение опирается на позицию Верховного Суда о превентивных мерах, подход К. А. Киселевой и данные о низкой доле санкций по подтверждённым жалобам.

Наконец, по ст. 1095 и п. 1 ст. 1096 ГК РФ вред, причинённый недостатками товара, возмещается продавцом или изготовителем по выбору потерпевшего, что при недоступности продавца, торгующего на платформе, может лишить потерпевшего возмещения. С учётом приоритета охраны жизни и здоровья предлагается дополнить ст. 14 Закона о защите прав потребителей п. 2.1: «2.1. Если товар приобретён с использованием посреднической цифровой платформы и оператор такой платформы в течение одного месяца со дня получения требования потерпевшего не сообщил ему сведения, позволяющие установить продавца или изготовителя товара, вред, указанный в пункте 1 настоящей статьи, подлежит возмещению оператором с правом обратного требования к продавцу или изготовителю». Норма воспроизводит логику п. 4 ст. 8 Директивы (ЕС) 2024/2853: добросовестная платформа, раскрывшая данные ответственного лица, от ответственности освобождается.

Заключение

Доля жалоб на товары, приобретённые дистанционно, в обращениях по вопросам розничной торговли выросла с 15,6 % в 2019 г. до 36,7 %

в 2025 г.; преобладают проблемы качества и достоверности информации, за которые оператор маркетплейса по общему правилу не отвечает, а внутренний контроль платформ этот пробел не компенсирует.

Модель ответственности владельца агрегатора остаётся информационной. Федеральный закон № 290 ФЗ дополнил её обязанностями технического обеспечения и распространил на оператора штраф и компенсацию морального вреда, но не установил его ответственности за результат сделки при недоступности продавца.

Судебная практика развивалась от формально-посреднического подхода, основанного на некорректной аналогии со ст. 1253.1 ГК РФ, к функциональному подходу, закреплённому определением Верховного Суда РФ от 14 июля 2026 г. № 18 КГ26 72 К4. Законодательных критериев, определяющих последствия оценки фактической роли платформы, пока нет.

Доктрина единодушна в оценке недостаточности информационной модели, но расходится в выборе между субсидиарной, солидарной и деликтной ответственностью. Предложенная трёхуровневая модель соединяет эти решения, соотнося объём ответственности оператора со степенью его участия в сделке.

Предложенные дополнения ст. 12 и 14 Закона о защите прав потребителей и ст. 7 Закона о платформенной экономике соразмеряют обременения оператора с объёмом контроля, которым он фактически обладает, и потому не подрывают экономической основы платформенной торговли.

Список литературы:

[1] Интернет-торговля в России 2026 // Data Insight. 31.03.2026. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026 (дата обращения: 05.09.2026).

[2] О платформенной экономике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Орел В. И., Пузырев В. Г., Васильева И. В. [и др.] Особенности защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Медицина и организация здравоохранения. 2023. Т. 8. № 4. С. 105.

[5] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2023 году: государственный доклад. М.: Роспотребнадзор, 2024 // ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/411027788/ (дата обращения: 05.09.2026).

[6] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году: государственный доклад. М.: Роспотребнадзор, 2025. С. 26.

[7] Роспотребнадзор отметил рост онлайн-торговли практически во всех товарных группах // Интерфакс. 22.05.2026. URL: https://www.interfax.ru/russia/1091125 (дата обращения: 05.09.2026).

[8] Минпромторг: услугами маркетплейсов пользуются 84 % россиян // Sostav.ru. 12.11.2024. URL: https://www.sostav.ru/publication/84-rossiyan-polzuyutsya-uslugami-marketplejsov-71304.html (дата обращения: 05.09.2026).

[9] Маркетплейсам указали на контрафакт // Эксперт. 24.01.2024. URL: https://expert.ru/promishlennost/marketpleysam-ukazali-na-kontrafakt (дата обращения: 05.09.2026).

[10] Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300 I «О защите прав потребителей» (в ред. Федеральных законов от 29.07.2018 № 250 ФЗ, от 31.07.2025 № 290 ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[11] Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 3–6.

[12] Зубарев Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 6. С. 89–90.

[13] Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 153–154.

[14] Краулин К. К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // Цифровое право. 2022. Т. 3. № 3. С. 24, 34.

[15] Арнаутов В. Д. Ответственность владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. 2026. № 1. С. 77–89.

[16] Суворов Е. Д. Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 60 (цит. по: Михеева И. Е. Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7. С. 59–70).

[17] Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 2. С. 76–86.

[18] Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и

ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 68–82.

[19] Заключение диссертационного совета МГУ.051.1 от 25.03.2026 по диссертации Палчаевой Н. А. «Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ» на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Положение 5. URL: https://dissovet.msu.ru/file/dissovet-docs/0d2dec9c-396f-11f1-958c-005056b96f20 (дата обращения: 05.09.2026).

[20] Киселева К. А. Деликтная ответственность маркетплейса: перспективы взыскания убытков с агрегатора в пользу обманутого покупателя // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 1. С. 55–61.

[21] Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М.: Норма, 2022. С. 23–24 (цит. по: Чагина Е. М. Права и обязанности владельца агрегатора информации о товарах и услугах в отношениях с потребителем // Юридические исследования. 2025. № 1. С. 1–13).

[22] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[23] Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 № 8Г 11930/2022 [88 17295/2022] (цит. по: Ефименко Е. Как суды разрешают иски покупателей маркетплейсов // Право.ru. 22.02.2023. URL: https://pravo.ru/story/245116/ (дата обращения: 05.10.2026).

[24] Решение Останкинского районного суда г. Москвы от 15.07.2025 по делу № 2 3810/2025. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-8e6b5f5b-cd60-56fc-a0fc-939dfb772997/ (дата обращения: 05.09.2026).

[25] Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88 23539/2022 (цит. по: Ефименко Е. Указ. соч.).

[26] Решение Подольского городского суда Московской области от 14.03.2025 по делу № 2 2360/2025. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-bd750923-3d94-5d42-a341-1e9b842063cf/ (дата обращения: 05.09.2026).

[27] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 7 КГ23 4 К2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2289832 (дата обращения: 05.10.2026); см. также: Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023). П. 3–5.

[28] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.07.2026 № 18 КГ26 72 К4. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2555652 (дата обращения: 05.09.2026).

[29] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 № 39 П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»».

[30] Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 26–27.

[31] Зубарев Н. С. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» как реакция на вызовы цифровизации торговли // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 2. С. 160.

[32] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) // OJ L 277. 27.10.2022. P. 1–102. Art. 6(3), 30–32, 54.

[33] Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // OJ L. 2024/2853. 18.11.2024. Art. 8(3), 8(4); Онианова А. А. Ответственность маркетплейсов: сравнительный анализ правовых подходов США и Франции // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 3. С. 77.

[34] ELI Model Rules on Online Platforms. Vienna: European Law Institute, 2019. Art. 20. P. 19, 39–40.

[35] Bolger v. Amazon.com, LLC, 53 Cal. App. 5th 431 (2020); Amazon.com, Inc. v. McMillan, 625 S.W.3d 101 (Тех. 2021). Подробнее см.: Краулин К. К. Указ. соч.

References:

[1] E-Commerce in Russia 2026 // Data Insight. March 31, 2026. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026.

[2] On the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 // Legal Reference System "ConsultantPlus".

[3] On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 290-FZ of July 31, 2025 // Legal Reference System "ConsultantPlus".

[4] Orel V. I., Puzyrev V. G., Vasilyeva I. V. [et al.] Specific Features of Consumer Rights Protection in the Distance Selling of Goods // Medicine and Healthcare Organization. 2023. Vol. 8. No. 4. P. 105.

[5] Consumer Rights Protection in the Russian Federation in 2023: State Report. Moscow: Rospotrebnadzor, 2024 // GARANT.RU. URL: https://base.garant.ru/411027788/..

[6] Consumer Rights Protection in the Russian Federation in 2024: State Report. Moscow:

Rospotrebnadzor, 2025. P. 26.

[7] Rospotrebnadzor Noted the Growth of Online Trade Across Virtually All Product Categories // Interfax. May 22, 2026. URL: https://www.interfax.ru/russia/1091125..

[8] Ministry of Industry and Trade: 84% of Russians Use Marketplace Services // Sostav.ru. November 12, 2024. URL: https://www.sostav.ru/publication/84-rossiyan-polzuyutsya-uslugami-marketplejsov-71304.html..

[9] Marketplaces Were Pointed to Counterfeit Goods // Expert. January 24, 2024. URL: https://expert.ru/promishlennost/marketpleysam-ukazali-na-kontrafakt..

[10] Law of the Russian Federation No. 2300-I of February 7, 1992 "On the Protection of Consumer Rights" (as amended by Federal Laws No. 250-FZ of July 29, 2018, No. 290-FZ of July 31, 2025) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 15. Item 766.

[11] Deryugina T. V. Legal Nature of the Contract Mediating the Emergence of Legal Relations Involving an Aggregator // Civil Law. 2018. No. 6. P. 3–6.

[12] Zubarev N. S. Public Offer as an Instrument of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity Using Marketplaces: The Experience of Ozon and Wildberries // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20. No. 6. P. 89–90.

[13] Andreeva L. V. Aligning the Interests of Participants in Commodity Digital Platforms (Marketplaces): Legal Issues // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 8. P. 153–154.

[14] Kraulyn K. K. Limits of Civil Liability of Marketplace Owners to Consumers in the Russian Federation and the USA // Digital Law. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 24, 34.

[15] Arnautov V. D. Liability of Digital Platform Owners for Breach of Contractual Obligations and Intellectual Property Rights: Statement of a Scientific Problem // IP: Theory and Practice. 2026. No. 1. P. 77–89.

[16] Suvorov E. D. Some Problems of E-Commerce: On the Issue of Aggregator Owners' Liability to Consumers // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 9. P. 60 (cited in: Mikheeva I. E. Unfair Practices in the Activities of Banking Ecosystems // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 7. P. 59–70).

[17] Krasnova S. A. Civil Law Status of Online Platform Operators: An Uncertain Present and a Possible Future // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 2. P. 76–86.

[18] Belov V. A. Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Liability // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 8. P. 68–82.

[19] Conclusion of Dissertation Council MSU.051.1 of March 25, 2026, on the Dissertation of N. A. Palchaeva "Legal Regulation of Entrepreneurial Activity Using Digital Platforms" for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Provision 5.

[20] Kiseleva K. A. Tort Liability of a Marketplace: Prospects for Recovering Damages from an Aggregator in Favor of a Deceived Buyer // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 55–61.

[21] Digital Economy: Current Trends in Legal Regulation / Ed. by I. I. Kucherov, S. A. Sinitsyn. Moscow: Norma, 2022. P. 23–24 (cited in: Chagina E. M. Rights and Obligations of an Aggregator Owner of Information on Goods and Services in Relations with Consumers // Legal Studies. 2025. No. 1. P. 1–13).

[22] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[23] Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of June 16, 2022, No. 8G-11930/2022 [88-17295/2022] (cited in: Efimenko E. How Courts Resolve Claims of Marketplace Buyers // Pravo.ru. February 22, 2023.

[24] Decision of the Ostankinsky District Court of Moscow of July 15, 2025, in Case No. 2-3810/2025.

[25] Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in Case No. 88-23539/2022 (cited in: Efimenko E. Op. cit.).

[26] Decision of the Podolsk City Court of Moscow Region of March 14, 2025, in Case No. 2-2360/2025.

[27] Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 5, 2023, No. 7-KG23-4-K2. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2289832; see also: Review of Judicial Practice in Consumer Rights Protection Cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 18, 2023). Paras. 3–5.

[28] Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 14, 2026, No. 18-KG26-72-K4. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2555652.

[29] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P of June 16, 2026 "In the Case of Reviewing the Constitutionality of Clauses 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of 'Hobby World' Limited Liability Company".

[30] Gabov A. V., Sayapin S. P. Platform Relations as a Subject of Legal Regulation // Lex Russica. 2025. Vol. 78. No. 11. P. 26–27.

[31] Zubarev N. S. Federal Law "On Certain Issues of Platform Economy Regulation in the Russian Federation" as a Response to the Challenges of Trade Digitalization // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2026. No. 2. P. 160.

[32] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) // OJ L 277. 27.10.2022. P. 1–102. Art. 6(3), 30–32, 54.

[33] Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // OJ L. 2024/2853. 18.11.2024. Art. 8(3), 8(4); Onianova A. A. Marketplace Liability: A Comparative Analysis of Legal Approaches in the USA and France // Digital Law. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 77.

[34] ELI Model Rules on Online Platforms. Vienna: European Law Institute, 2019. Art. 20. P. 19, 39–40.

[35] Bolger v. Amazon.com, LLC, 53 Cal. App. 5th 431 (2020); Amazon.com, Inc. v. McMillan, 625 S.W.3d 101 (Tex. 2021).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-75-80

ФИЛИН Егор Александрович,
адвокат, партнер Unio law firm,
e-mail: e.filin@lfunio.ru

ИНФОРМИРОВАНИЕ ПОДЗАЩИТНОГО О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНДАРТЕ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОДЕРЖАНИЕ И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. *Исследуется информирование подзащитного о профессиональных требованиях адвокатского сообщества к защите по уголовным делам. На основе системного толкования законодательства и корпоративных актов, анализа научных публикаций и дисциплинарной практики разграничиваются разъяснение процессуальных прав, согласование позиции и ознакомление со Стандартом. Предлагается модель личного информирования, определяющая адресата, содержание, момент, способы и подтверждение исполнения обязанности, в том числе при защите по назначению. Сформулированы дополнения Стандарта и оговорка для соглашения. Обоснованы пределы правовых последствий недостатков информирования, сохранение самостоятельности адвоката и недопустимость подмены понятного объяснения формальным получением подписи.*

Ключевые слова: *адвокат; подзащитный; профессиональный стандарт; информирование; квалифицированная юридическая помощь; соглашение об оказании юридической помощи; защита по назначению; адвокатская тайна.*

Для цитирования: *Филин Е. А. Информирование подзащитного о профессиональном стандарте защиты по уголовным делам: содержание и способы обеспечения // Право и управление. 2026. № 10. С. 75–80.*

FILIN Egor Alexandrovich,
lawyer, partner of Unio law firm

INFORMING THE CLIENT ABOUT THE PROFESSIONAL STANDARD OF PROTECTION IN CRIMINAL CASES: CONTENT AND METHODS OF PROVIDING

Annotation. *It examines informing the client about the professional requirements of the legal community for protection in criminal cases. Based on the systematic interpretation of legislation and corporate acts, analysis of scientific publications and disciplinary practice, clarification of procedural rights, coordination of position and familiarization with the Standard are distinguished. A personal information model is proposed that determines the addressee, content, moment, methods and confirmation of the fulfillment of the duty, including when protecting for the intended purpose. The amendments to the Standard and the reservation for the agreement are formulated. The limits of the legal consequences of the shortcomings of the information, the preservation of the independence of the lawyer and the inadmissibility of replacing an understandable explanation with a formal receipt of a signature are justified.*

Key words: *attorney; client; professional standard; informing; qualified legal aid; a legal aid agreement; intended protection; attorney-client privilege.*

For citation: *Filin E. A. Informing the client about the professional standard of protection in criminal cases: content and methods of providing. Law and administration. 2026;(10):75–80. (In Russ.).*

Постановка проблемы и пределы исследования

Обязательность профессиональных требований для адвоката не означает, что подзащитному известно их содержание. Человек может понимать согласованную позицию по обвинению и при этом не знать, каких действий вправе ожидать от защитника независимо от размера вознаграждения и основания, по которому адвокат вступил в дело.

Для регулирования существенен вопрос не о предполагаемой неосведомленности большинства обвиняемых, а о порядке доведения требований к защите до получателя юридической помощи.

Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятый VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. (далее - Стандарт), устанавливает минимальные требования к деятельности защитника. Однако отдельного предписания сообщать подзащитному о применении этого акта и обеспечивать ознакомление с его текстом Стандарт не содержит. Положения Стандарта о конфиденциальном свидании, согласовании позиции, разъяснении последствий признания вины и консультировании регулируют взаимодействие по делу, но не определяют способ первоначального объяснения самого профессионального минимума, который существует при выполнении перечисленных действий.

Цель исследования: разработать модель информирования, позволяющую подзащитному понимать профессиональные требования к уголовной защите и участвовать в обсуждении существенных решений. Используются формально-юридический метод, системное толкование и анализ опубликованной дисциплинарной практики.

В отличие от исследования границ адвокатского усмотрения и последующей дисциплинарной оценки, предмет настоящей работы составляет порядок первоначального доведения профессиональных требований до подзащитного. Самостоятельная задача: согласовать личное информирование с договорным оформлением и защитой по назначению.

Действующее регулирование и содержание информирования

Правовую основу составляют статья 48 Конституции РФ, статьи 16, 46, 47 и 53 УПК РФ и Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон об адвокатуре). Участие защитника не ограничивает собственные права обвиняемого, что подчеркнуто в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» в редакции от 9 декабря 2025 г.

Процессуальные права определяют возможности участника судопроизводства; условия соглашения - содержание поручения и договорных отношений; согласование позиции - отношение к подозрению или обвинению и направленность защиты. Информация о Стандарте отвечает на другой не менее важный вопрос: какой профессиональной работы вправе ожидать подзащитный? Вышеуказанные сведения пересекаются, но не заменяют друг друга. Так, сообщение о праве на конфиденциальное свидание конкретизирует саму процессуальную гарантию. Тот факт, что именно адвокат должен принять меры к проведению такого свидания, показывает соответствующую профессиональную обязанность в рамках Стандарта. Обсуждение намерения признать вину относится к позиции по делу в целом и разъяснение того, что защитник обязан объяснить правовые последствия признания и по возможности убедиться в его добровольности и отсутствии самооговора, позволяет понять назначение такого обсуждения между адвокатом и подзащитным. Информирование о Стандарте связывает процессуальные возможности подзащитного с ожидаемыми действиями защитника.

Существующая обязанность консультирования охватывает значительную часть этой работы. Подпункт «а» пункта 8 Стандарта предусматривает разъяснение процессуальных прав и обязанностей, применяемых норм материального и процессуального права. Пункты 5 и 6 отдельно регулируют согласование позиции и последствия признания вины. Пункт 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (далее - КПЭА), требует добросовестного, квалифицированного и своевременного исполнения обязанностей. Из этих норм можно сделать комплексный вывод о необходимости понятного обсуждения защиты со своим доверителем на всех этапах уголовного судопроизводства.

При этом в рамках действующего регулирования нигде не указано прямо или косвенно про обязанность вручать текст стандарта или включать ссылку на него в соглашение. Также сам факт доступа доверителя к такому документу и объяснение его значения имеют разное назначение. Передача текста позволяет обратиться к первоисточнику, но не подтверждает понимания юридических формулировок и смысла существования Стандарта.

С. И. Володина связывает формирование доверительных отношений с открытостью адвоката, понятностью сообщаемой информации и готовностью объяснять принимаемые решения. Применительно к рассматриваемому вопросу это

позволяет оценивать разъяснение Стандарта как способ формирования обоснованных ожиданий подзащитного относительно профессиональной работы защитника.

Подзащитный и лицо, заключившее соглашение в его интересах

Пункт 2 статьи 25 Закона об адвокатуре допускает заключение соглашения для оказания помощи самому доверителю или в интересах третьего лица. Статья 6.1 КПЭА относит к доверителям и сторону соглашения, и получателя помощи. Общность термина не устраняет различия их роли: сведения о профессиональных требованиях необходимы самому подзащитному для участия в решениях по делу и минимального прогнозирования действий адвоката, в зависимости от этапа уголовного дела. Разъяснение Стандарта родственнику, заключившему соглашение, определяет обоснованные ожидания стороны договора. Однако подпись третьего лица в соглашении не удостоверяет передачи сведений обвиняемому и их понимания. Даже передача условной памятки с содержанием Стандарта через родственника не заменяет возможности конфиденциально обсудить ее с адвокатом. Подпункт «б» пункта 4 Стандарта уже требует при первом свидании получить согласие подзащитного на помощь по соглашению, заключенному с иным лицом. Согласие на участие адвоката, ознакомление с условиями поручения и объяснение профессионального минимума необходимо рассматривать как связанные, но при этом самостоятельные действия.

Показательно дисциплинарное дело № 50/23, изложенное в Реестре решений Совета Адвокатской палаты Ленинградской области за первое полугодие 2023 г. В опубликованном материале указано, что адвокат Ф. приняла поручение от Л. на защиту А., но не ознакомила подзащитного с условиями соглашения. Квалификационная комиссия связала это с подрывом доверия по пункту 2 статьи 5 КПЭА. Дело включало также вопрос о необжаловании меры пресечения. Совет объявил предупреждение.

Обязательное упоминание Стандарта в соглашении может быть оправдано как краткая информационная «оговорка»: она обозначает применимые требования и обязанность адвоката обеспечить их разъяснение.

Дополнение перечня существенных условий соглашения в пункте 4 статьи 25 Закона об адвокатуре для этой цели избыточно. Достаточно закрепить в Стандарте профессиональную обязанность адвоката включать информационное положение при оформлении поручения. Она не изменяет гражданско-правового режима заключенности и действительности договора. Отсутствие «оговорки» и ненадлежащее исполнение защиты требуют раздельной оценки. При защите по назначению соглашение с подзащитным не заключается, но оснований для уменьшения объема информирования нет. Пункт 1 Стандарта охватывает оба основания защиты. Общая обязанность должна действовать независимо от соглашения, а договорная «оговорка» служить дополнительным способом ее обеспечения.

Момент исполнения и возможные препятствия для информирования и разъяснения

Информирование следует проводить при первом конфиденциальном общении адвоката с подзащитным, когда уточняются обстоятельства поручения, отношение к обвинению и первоначальные действия. Включение объяснения Стандарта в эту беседу соответствует пунктам 3–5 действующего акта и не требует отдельного посещения.

Фиксированный срок после заключения соглашения не учитывал бы случаев, когда адвокат еще не получил доступа к задержанному или столкнулся с незаконным ограничением свидания. Такие обстоятельства сами по себе не свидетельствуют о неисполнении обязанности. Вместе с тем отсутствие своевременного доступа к подзащитному не освобождает защитника от принятия мер к конфиденциальному свиданию по пункту 3 Стандарта. При неотложном вступлении адвоката в дело необходимо различать необходимое разъяснение доверителю для ближайшего процессуального решения и ознакомление со Стандартом в целом. Перед допросом первоочередное значение имеют консультация о процессуальном поведении и согласование позиции. Общее информирование о Стандарте и его содержании предполагается завершить при первой реальной возможности, в отсутствие производства срочных/неотложных следственных действий.

Значение своевременного разъяснения отражено в пункте 10 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 г. по вопросам распределения дел по назначению и «двойной защиты». По делу адвоката Б. Совет указал, что предположение об отсутствии у Ф. денежных средств для приглашения адвоката по соглашению и последующее молчание Ф. не подтверждают отказа от приглашения защитника по своему выбору. Адвокат не утверждал, что разъяснил это право. Пример показывает значение личного разъяснения уже установленного права.

Содержание под стражей влияет на способ и саму возможность доступа подзащитного к тексту. Ссылка на имеющийся Стандарт в соглашении не позволяет им воспользоваться человеку, в отношении которого избрана самая строгая мера пресечения, и, следовательно, он не может быть ознакомлен в должном виде с содержанием Стандарта. Возможно следует предложить бумажный

текст, возможность прочитать его во время свидания либо иной разрешенный и фактически доступный способ.

Языковые и иные препятствия требуют изменения формы информации. Статья 18 УПК РФ предусматривает языковые гарантии, но из нее нельзя вывести отдельную процедуру официального перевода любого корпоративного документа. Существенно обеспечить понятное общение, при необходимости используя помощь переводчика с соблюдением применимых правил и конфиденциальности. При затруднениях чтения допустимо устное изложение, при нарушениях слуха должна использоваться доступная письменная форма.

Подзащитный не обязан воспроизводить пункты Стандарта как доказательство информированности и уведомлять защитника и полном изучении положений. Адвокату следует выяснить, какие вопросы остались непонятными, и объяснить их повторно. В исследовании С. А. Герасимовича и Е. И. Захаровой рассматривается значение техники ведения беседы, включая уточняющие вопросы, перефразирование и резюмирование. Использование этих приёмов при разъяснении Стандарта позволяет организовать обратную связь с подзащитным, не превращая её в проверку его юридических знаний. Первичная беседа не исчерпывает последующего консультирования: при дальнейшем стадийном развитии уголовного дела обсуждаются новые существенные для судьбы подзащитного решения.

Способы информирования и подтверждение его исполнения

Способы информирования о существовании Стандарта и его содержанию предполагается выбирать самому защитнику исходя из обстоятельств и возможностей взаимодействия с доверителем.

Устная беседа связывает требования с ближайшими действиями; памятка с содержанием Стандарта может позволить сохранить ее содержание, а сам полный текст обеспечивает доступ к первоисточнику.

Памятка объясняет назначение Стандарта, гарантии общения и согласования позиции, условия совершения профессиональных действий и способ доступа к полному тексту. В нее нельзя включать отказ от претензий или заранее выраженное согласие со всеми будущими действиями адвоката. Ее ценность определяется емкостью, а не числом воспроизведенных норм.

При этом, по мнению автора, обязательное приложение полного текста Стандарта к каждому соглашению избыточно. Достаточно предложить реальный доступ к документу и обеспечить его по просьбе подзащитного. Возможность добровольно приложить текст сохраняется. Подтверждение такого исполнения целесообразно организовать внутри адвокатского производства. Методические рекомендации по его ведению, утвержденные решением Совета ФПА РФ от 21 июня 2010 г. (протокол № 5), с изменениями от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7), предусматривают отражение работы с доверителем и допускают цифровые носители. Можно использовать запись о дате, объясненных вопросах и способе доступа к Стандарту без отдельного обязательного акта.

Самостоятельность защитника и пределы правовых последствий

Знание и понимание Стандарта подзащитным предполагает формирование минимальных ожиданий на реализацию прав в рамках уголовного судопроизводства. Пункты 9, 12–14 и 16 Стандарта предусматривают условия совершения профессиональных действий адвокатом в интересах доверителя. Обсуждение существенных решений не перекладывает на получателя помощи профессиональный выбор каждого средства защиты: юридическую оценку дает адвокат, действуя в пределах закона и согласованной позиции.

Требование подзащитного заявить заведомо необоснованное ходатайство не становится обязательным вследствие ознакомления со Стандартом. Адвокат объясняет свою оценку и последствия предлагаемых действий. Подпункт 3 пункта 4 статьи 6 Закона об адвокатуре и подпункт 2 пункта 1 статьи 9 КПЭА запрещают занимать позицию вопреки воле доверителя, кроме случаев убежденности адвоката в наличии самооговора.

Следует разъяснять и отсутствие гарантированного исхода по уголовному делу: обязанность квалифицированно защищать предполагает необходимые действия, а результат зависит также от доказательств и решений уполномоченных органов, судебных инстанций. Стандарт не дает оснований обещать оправдание или определенный вид и размер наказания.

Открытая публикация Стандарта обеспечивает общую доступность, но не объясняет его значения для отдельно взятого человека, попавшего в механизмы уголовного судопроизводства.

Вне зависимости от нормативной фиксации той или иной обязанности адвоката в рамках защиты по уголовному делу, степень ознакомления и понимания смысла Стандарта подзащитным по большей части всегда будет зависеть от степени добросовестности действий конкретного адвоката.

Предлагаемое закрепление обязанности

Для введения общего обязательного требования надлежащей формой является дополнение Стандарта. В силу подпункта 1 пункта 5 статьи 37.1 Закона об адвокатуре разработка стандар-

тов относится к полномочиям Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, а само утверждение обязательных стандартов к компетенции Всероссийского съезда адвокатов, согласно подпункту 2.1 пункта 2 статьи 36.

Совет ФПА РФ разрабатывает и утверждает единые методики их соблюдения и осуществляет методическую деятельность на основании подпунктов 5 и 10 пункта 3 статьи 37.

Таким образом дополнить Стандарт возможность только посредством принятия такого решения Всероссийским съездом адвокатов, а конкретизация дополнений или дополнительные разъяснения могут быть раскрыты в методических материалах Совета ФПА РФ.

Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, утверждаемые Советом ФПА РФ, могут уточнять существующие обязанности. Введение нового требования к соглашениям целесообразно осуществить прямым дополнением Стандарта.

Обязанность информирования целесообразно закрепить после пункта 4 о первом свидании, предусмотрев препятствия к общению. Предлагается дополнить Стандарт пунктом 4.1:

«4.1. При первом конфиденциальном общении адвокат в доступной для подзащитного форме сообщает о применении настоящего Стандарта, его обязательности для адвоката и характере установленных требований, и разъясняет относящиеся к поручению минимальные требования к общению с подзащитным, согласованию позиции и осуществлению защиты. Адвокат сообщает о возможности ознакомления с полным текстом Стандарта, предлагает фактически доступный подзащитному способ ознакомления и по его просьбе обеспечивает такой доступ».

При отсутствии возможности конфиденциального общения либо наличии иных объективных препятствий указанная обязанность исполняется при первой реальной возможности. Ее исполнение не должно задерживать неотложные действия в интересах подзащитного и не заменяет своевременного разъяснения процессуальных прав в ходе следственных действий и последствий принимаемых решений в целом. Факт, время и способ информирования, а, при наличии препятствий, их характер и последующее исполнение обязанности могут быть отражены адвокатом в адвокатском производстве в избранной им форме с соблюдением адвокатской тайны. При заключении соглашения на осуществление защиты адвокат включает в него указание на применение настоящего Стандарта и обеспечение подзащитному возможности ознакомления с его текстом. Такое указание не заменяет информирования подзащитного, предусмотренного пунктом 4.1 настоящего Стандарта.

Для указания Стандарта в соглашении об оказании юридической помощи может использоваться следующая краткая формулировка:

«При осуществлении защиты адвокат руководствуется Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. Адвокат обеспечивает подзащитному возможность ознакомиться с его действующим текстом и в доступной форме разъясняет относящиеся к поручению минимальные профессиональные требования».

Заключение

Предлагаемая модель информирования определяет подзащитного как лицо, информированность о Стандарте которого может создавать корреляцию между качеством оказываемой юридической помощи адвокатом и знанием минимальных требований к этой помощи со стороны адресата защиты.

Самостоятельный результат исследования состоит в разграничении личного информирования подзащитного, обеспечения доступа к тексту Стандарта и договорного закрепления соответствующей обязанности адвоката. Обсуждаемая модель определяет содержание и порядок информирования независимо от основания участия защитника. Возможное влияние её реализации на качество защиты составляет исследовательскую гипотезу и требует самостоятельной эмпирической проверки.

Однако, с момента принятия Стандарта в 2017 году скоро пройдет 10 лет, но, по субъективному мнению автора, его фундаментальное назначение (дополнительная гарантия для подзащитных на содержание защиты) может быть реализовано только при информированности о нем каждым участником стороны защиты.

Необходимость уведомления о таком документе и разъяснение его содержании (при необходимости) может свести на «нет» откровенно пассивную защиту со стороны недобросовестных адвокатов, если сам адвокат будет понимать осведомленность своего доверителя о возможности подачи жалобы в дисциплинарные органы за нарушение положений Стандарта. Макро-результатом такой информированности может быть повышение качества оказываемой юридической помощи и реализации права на защиту в целом.

Список литературы:

[1] Петухов Е. Н. Критерии качества надлежащего исполнения адвокатом обязанности защиты прав и законных интересов доверителя в уголовном судопроизводстве / Е. Н. Петухов, Л. Г. Суханова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 2 (49). — С. 339–351. — DOI 10.17308/law/

1995-5502/2022/2/339-351. — Текст : непосредственный.

[2] Баулин О. Качество юрпомощи и профессиональные стандарты адвокатуры / О. Баулин // Адвокатская газета. — 2024. — 5 августа. — Текст : электронный.

[3] Шабанов П. Н. Профессиональная тайна и стандарты осуществления адвокатской деятельности в уголовном процессе / П. Н. Шабанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 2 (49). — С. 352–357. — DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/2/352-357. — Текст : непосредственный.

[4] Гаспарян Н. Когда защита признается неэффективной / Н. Гаспарян // Адвокатская газета. — 2020. — 6 октября. — Текст : электронный.

[5] Володина С. И. Адвокат-доверитель: возникновение отношений / С. И. Володина // Адвокатская практика. — 2009. — № 6. — С. 2–4.

[6] Герасимович С. А. Психологические условия формирования правовой позиции клиента в адвокатской практике / С. А. Герасимович, Е. И. Захарова // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 2 (22). — С. 114–123.

References:

[1] Petukhov E. N. Quality criteria for the proper performance by a lawyer of the obligation to protect the rights and legitimate interests of the principal in criminal proceedings / E. N. Petukhov, L. G. Sukhanova // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. — 2022. — № 2 (49). - S. 339-351. — DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/2/339-351. - Text: direct.

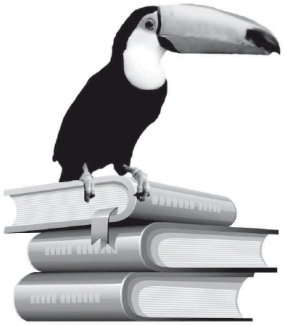
[2] Baulin O. Quality of legal aid and professional standards of the bar / O. Baulin // Lawyer's newspaper. — 2024. - August 5. - Text: electronic.

[3] Shabanov P.N. Professional secrecy and standards for the implementation of advocacy in criminal proceedings / P.N. Shabanov // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. — 2022. — № 2 (49). - S. 352-357. — DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/2/352-357. - Text: direct.

[4] Gasparyan N. When the defense is recognized as ineffective / N. Gasparyan // Lawyer newspaper. — 2020. - October 6. - Text: electronic.

[5] Volodina S. I. Attorney-principal: the emergence of relations / S. I. Volodina // Lawyer practice. — 2009. — № 6. - S. 2-4.

[6] Gerasimovich S. A. Psychological conditions for the formation of the client's legal position in the practice of law / S. A. Gerasimovich, E. I. Zakharova // National Psychological Journal. — 2016. — № 2 (22). - S. 114-123.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-81-86

МЫЛЬЦЫН Дмитрий Андреевич,
Председатель Коллегии адвокатов города Москвы «РиМ Дефенс (Защита)»,
e-mail: d.myltsyn@rm-d.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ АДВОКАТА КАК ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема обеспечения безопасности адвоката как необходимого условия реализации принципа независимости адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации, устанавливающее гарантии государственной защиты адвокатов, выявляются его существенные недостатки и пробелы. Приводятся статистические данные, свидетельствующие о масштабах проблемы физического и психологического насилия в отношении адвокатов. Обосновывается необходимость включения адвокатов в перечень лиц, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом № 119-ФЗ, и предлагается авторская редакция соответствующих законодательных изменений.*

Ключевые слова: *независимость адвокатуры, безопасность адвоката, государственная защита, профессиональные права адвокатов, угрозы, насилие, уголовное судопроизводство.*

Для цитирования: *Мыльцын Д. А. Безопасность адвоката как гарантия независимости адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве: состояние и перспективы правового регулирования // Право и управление. 2026. № 10. С. 81–86.*

MYLTSYN Dmitry Andreevich,
Chairman of the Moscow Bar Association «RiM Defense (Defense)»

THE SAFETY OF AN ATTORNEY AS A GUARANTEE OF THE INDEPENDENCE OF LEGAL PRACTICE: THE STATE AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines the problem of ensuring the safety of an attorney as a necessary condition for the implementation of the principle of the independence of legal practice. The current legislation of the Russian Federation, which establishes guarantees for the state protection of lawyers, is analysed, and its significant shortcomings and gaps are identified. Statistical data are provided, indicating the scale of the problem of physical and psychological violence against lawyers. The necessity of including lawyers in the list of persons subject to state protection in accordance with Federal Law No. 119-FL is substantiated, and the author's version of the relevant legislative amendments is proposed.*

Key words: *independence of the legal profession, lawyer safety, state protection, profes sional rights of lawyers, threats, violence, criminal proceedings.*

For citation: *Myltsyn D. A. The safety of an attorney as a guarantee of the independence of legal practice: the state and prospects of legal regulation. Law and administration. 2026;(10):81–86. (In Russ.).*

Специфика профессиональной деятельности адвокатов, неизбежные конфликты с иными участниками состязательного процесса делают их в определенном смысле весьма уязвимыми. Независимость адвокатуры как важнейший принцип ее функционирования не может быть обеспечена без создания действенных гарантий личной безопасности адвоката, членов его семьи и сохранности принадлежащего им имущества. В настоящей статье рассматриваются проблемы правового регулирования безопасности адвоката, анализируется правоприменительная практика и

обосновываются предложения по совершенствованию законодательства [1]. Согласно пункту 4 статьи 18 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», под защитой государства находятся адвокат, члены семьи адвоката, а также имущество адвоката и членов его семьи [8]. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества.

Вместе с тем, в ряде исследований, рассматривающих вопросы реализации прав адвокатов, подчеркивается формальный характер соответствующих норм и неоднозначность законодательных формулировок, регулирующих меры государственной защиты адвокатов [9, с. 13–18]. Недостатки в законодательной базе вызывают сомнения в возможности безопасного выполнения профессиональной деятельности адвокатами. Кроме того, закон не закрепляет четких обязательств для органов власти по обеспечению исполнения этих положений [2].

Положения пункта 1 статьи 18 Закона об адвокатуре запрещают какое-либо вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, а также препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом, но не устанавливают юридическую ответственность и санкции за ее неисполнение. Вышеуказанный правовой пробел создает условия для безнаказанного нарушения прав адвокатов в процессе оказания ими квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям [3]. Возможно воздействие на адвокатов в виде высказывания угроз, мести за профессиональную деятельность различными способами, начиная от повреждения и уничтожения имущества адвокатов или их близких и заканчивая их физическим устранением, со стороны иных лиц, в том числе представителей криминалитета [12, с. 29–41].

22 ноября 2022 г. Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации был опубликован доклад о нарушении профессиональных прав адвокатов на основании анализа результатов опроса адвокатов о нарушениях их профессиональных прав, проведенного Центром конституционных исследований совместно с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации летом 2022 г. (автор доклада — советник ФПА РФ Ольга Шварц) [10].

Результатом исследования стало выявление наиболее часто встречающихся и серьезных нарушений прав адвокатов за 2021–2022 г., а также прослеживание динамики за период с 2020 по 2022 г. В опросе приняли участие 520 адвокатов из 64 субъектов Российской Федерации. В целом большинство опрошенных адвокатов практикует либо в крупных городах (с населением от 100 тыс. человек) — 60,4%, либо в городах-миллионниках — 51,7%. 31% респондентов практикует в средних городах (с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек), 23,5% — в малых городах (до 50 тыс. человек) и 18,1% в поселках городского типа.

Выявленные нарушения распределились следующим образом:

За прошедшие 2020–2021 гг. адвокаты сталкивались со случаями применения к ним со стороны сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), оперативно-розыскных и следственных органов, органов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) и судебных приставов:

физического насилия:

6,5% респондентов (неоднократно);

5,1% респондентов (однократно);

1,2% респондентов (2–4 случая);

0,2% респондентов (свыше 4 случаев).

психологического насилия:

31,5% респондентов (неоднократно);

11,4% респондентов (однократно);

14% респондентов (2–4 случая);

6,1% респондентов (свыше 4 случаев).

Статистика применения насилия к адвокатам со стороны различных ведомств:

физического насилия:

со стороны сотрудников МВД России — 1,7% от общего числа опрошенных или 4% от общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников оперативно-розыскных органов — 1,2% от общего числа опрошенных или 5,2% от общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников следственных органов — 0,2% от общего числа опрошенных или 0,7% общего числа пострадавших;

со стороны судебных приставов — 0,5% от общего числа опрошенных или 2,2% общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников системы ФСИН — 0,5% от общего числа опрошенных или 2,2% от числа пострадавших.

психологического насилия:

со стороны сотрудников МВД России — 10,2% от общего числа опрошенных или 43,7% от общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников оперативно-розыскных органов — 8,3% от общего числа опрошенных или 35,6% от общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников следственных органов — 12,6% от общего числа опрошенных или 54,1% общего числа пострадавших;

со стороны судебных приставов — 3,5% от общего числа опрошенных или 14,8% общего числа пострадавших;

со стороны сотрудников системы ФСИН — 5,2% от общего числа опрошенных или 22,2% от числа пострадавших.

Результаты проведенного автором в 2025 году опроса 1824 адвокатов подтверждают, что проблема физической и психологической безопасности защитников не теряет своей актуальности. Показательно, что 82,1% респондентов высказались за необходимость распространения на адвокатов мер государственной защиты, аналогичных тем, что предусмотрены для потерпевших и свидетелей. Лишь 4,2% опрошенных сочли такие меры излишними, а 13,8% затруднились с ответом. Эти данные отражают консолидированную позицию профессионального сообщества: существующих гарантий личной безопасности, закрепленных в статье 18 Закона об адвокатуре, недостаточно, и требуются реальные защитные механизмы, включая личную охрану, охрану жилища и имущества, а в исключительных случаях — перемещение на другое место жительства [4]. Столь высокий запрос на государственную защиту является прямым следствием того уровня угроз, с которым адвокаты сталкиваются при осуществлении профессиональной деятельности по уголовным делам. Согласно подпункту «а» пункта 16 Положений о роли юристов от 27 августа 1990 г. (приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване (Куба) 27 августа — 7 сентября 1990 г.), правительства должны обеспечить адвокатам возможность исполнить все их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства [11].

В силу пункта 17 указанных Положений там, где безопасность адвокатов находится под угрозой в связи с исполнением профессиональных обязанностей, они должны быть адекватно защищены властями. Таким образом, международные стандарты прямо указывают на обязанность государства обеспечивать безопасность адвокатов как необходимое условие реализации их профессиональной функции [6]. Согласно части 3 статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Меры безопасности, соответственно, могут быть применены к адвокату, участвующему в уголовном процессе [5].

Положения статьи 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» дают определение понятия «государственная защита», под которой понимается осуществление мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами [13].

Предусматриваются следующие формы государственной защиты:

осуществление уполномоченными государственными органами комплекса мер безопасности, направленных на обеспечение сохранности жизни и здоровья защищаемых лиц, а также на неприкосновенность их имущества;

внедрение правовых механизмов защиты, включающих, в частности, ужесточение уголовной ответственности за деяния, наносящие ущерб их жизни, здоровью или имуществу;

реализация социальной защиты, предусматривающей предоставление права на материальную компенсацию в случае их гибели (смерти), причинения телесных повреждений или иного ущерба здоровью, а также уничтожения либо повреждения имущества, вызванных исполнением профессиональных обязанностей.

Конкретные меры безопасности закреплены в статье 5 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ [13]:

личная охрана, охрана жилища и имущества;

выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

временное помещение в безопасное место;

обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;

перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;

переселение на другое место жительства;

замена документов, изменение внешности.

Вместе с тем адвокат может оказывать и иные виды юридической помощи, предусмотренные законом, в том числе и не являться участником уголовного судопроизводства, и при этом получать угрозы убийством или применением насилия.

При этом статья 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ не включает адвоката в перечень лиц, подлежащих государственной защите [13]. Тем самым установленные меры государственной защиты не распростра-

няются на адвокатов, выступающих в качестве представителей потерпевшего или свидетеля в уголовном процессе, а также на адвокатов, участвующих в гражданских, арбитражных и прочих видах судебных разбирательств. Профессиональная деятельность адвоката тесно связана с риском столкновения с угрозами, актами насилия или посягательствами на его жизнь в связи с выполнением своих обязанностей. Подобные ситуации создают угрозу для общества в целом, и за такие противоправные действия необходимо предусмотреть уголовную ответственность в рамках законодательства. Кроме того, требуется включить адвокатов в перечень лиц, на которых распространяются меры государственной защиты. Эти меры необходимо применять не только по отношению к адвокатам, осуществляющим деятельность по уголовным делам, но и к адвокатам, которые оказывают иные виды квалифицированной юридической помощи [7].

Автором предлагается внести изменения в положения Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, а именно: в часть 1 статьи 2, закрепив отдельным пунктом адвоката, изложив его в следующей редакции:

«9) адвокат, в частности защитник подозреваемого (пункт 3 часть 4 статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), обвиняемого (пункт 8 часть 4 статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), подсудимого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено; представитель свидетеля (пункт 6 часть 4 статьи 56, часть 5 статьи 189, часть 6 статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, частного обвинителя, заинтересованного лица, лица, в помещении которого проводится обыск (часть 11 статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)».

Заключение

Подводя итог исследованию безопасности адвоката как гарантии его независимости, следует констатировать, что действующее правовое регулирование в данной сфере страдает существенной неполнотой и внутренней противоречивостью. С одной стороны, законодатель провозгласил, что адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства, а органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры для обеспечения этой безопасности. С другой — анализ корреспондирующих норм, в частности положений Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», обнаруживает очевидный пробел: адвокат-защитник, равно как и адвокат, выступающий в ином процессуальном качестве, не поименован в перечне лиц, подлежащих государственной защите [13].

Приведенные в статье статистические данные о случаях физического и психологического насилия в отношении адвокатов со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также об иных формах давления и угроз, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, наглядно свидетельствуют о том, что декларативные нормы статьи 18 Закона об адвокатуре не подкреплены действенным правовым механизмом реализации [8]. Отсутствие в законодательстве четких обязательств уполномоченных органов и конкретных санкций за вмешательство в адвокатскую деятельность либо воспрепятствование ей создает условия, при которых посягательства на безопасность защитника остаются без адекватной правовой оценки и реакции со стороны государства.

Проведенный анализ позволяет обосновать вывод о необходимости распространения государственной защиты на адвокатов, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Существующая концепция, исключающая адвоката-защитника из круга субъектов, на которых распространяются меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, создает неоправданный дисбаланс в уровне правовой защищенности ключевых участников процесса [13]. Представляется логически и функционально несостоятельной ситуация, при которой меры государственной защиты могут быть применены к потерпевшему и свидетелю, но не могут — к адвокату, чья профессиональная деятельность по защите их интересов зачастую и становится непосредственным поводом для угроз, насилия или иных форм противоправного воздействия.

Адвокат, вовлеченный в уголовное судопроизводство в качестве защитника подозреваемого или обвиняемого, представителя потерпевшего, свидетеля либо иного участника, выполняет публично значимую функцию, способствуя реализации конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь и обеспечению доступа к правосудию. Посягательства на его жизнь, здоровье или имущество в связи с этой деятельностью подрывают не только личную безопасность адвоката, но и саму способность института адвокатуры эффективно выполнять свое предназначение в системе правосудия.

Предложенная автором редакция части 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», дополняющая перечень защищаемых лиц отдельным пунктом, охватывающим адвоката во всех

его процессуальных ролях, призвана устранить выявленный дисбаланс и привести формально-юридические гарантии в соответствие с той публичной ролью, которую адвокатура выполняет в механизме отправления правосудия. Реализация данного предложения позволит трансформировать безопасность адвоката из декларируемого, но трудно реализуемого блага в реально действующую гарантию его профессиональной независимости.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № 3Р-528 (ред. от 14 января 2017 г.) // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. 2 мая. № 25(260).

[2] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (ред. от 1 февраля 2017 г.) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 4.

[3] Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ (ред. от 1 февраля 2017 г.) // Газета Азербайджан. 2016. 17 февраля. № 36.

[4] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (ред. от 24 февраля 2017 г.) // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68-70.

[5] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1 (ред. от 20 марта 2017 г.) // Официальное издание: Ведомости Меджлиса Туркменистана. № 2. 1997.

[6] Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 г. (ред. от 20 марта 2017 г.) // Нейтральный Туркменистан. 2013. 12 сентября. № 265-270.

[7] Воронов А. А. Преступления и наказания адвокатов (отзыв на монографию Р. Г. Мельниченко «Правовое регулирование института профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации») // Адвокат. 2010. № 11. С. 24.

[8] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

[9] Дабижа Т. Г. Гарантии личной безопасности адвоката // Адвокат. 2013. № 10. С. 13–18.

[10] Шварц О. А. Степень защищенности профессиональных прав адвокатов [Электронный ресурс] // Центр конституционных исследований. 21.11.2022. Режим доступа: http://constlawcenter.ru/reports/defenders-rights..

[11] Положения о роли юристов от 27 августа 1990 г. (приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване (Куба) 27 августа — 7 сентября 1990 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fparf.ru/documents/international-acts/provisions-on-the-role-of-lawyers/..

[12] Трунов И. Л. Безопасность адвоката // Человек и закон. 2009. № 4. С. 29–41.

[13] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

References:

[1] Criminal Code of the Republic of Armenia dated April 29, 2003 No. 3R-528 (as amended on January 14, 2017) // Official Gazette (Bulletin) of the Republic of Armenia. 2003. May 2. № 25(260).

[2] The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ) (as amended on February 1, 2017) // Collection of legislative acts of the Republic of Azerbaijan. 2000. № 4.

[3] Code of Administrative Misconduct of the Republic of Azerbaijan dated December 29, 2015 No. 96-VQ (as amended on February 1, 2017) // Newspaper Azerbaijan. 2016. February 17. № 36.

[4] Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998 (as amended on February 24, 2017) // Ahbori Majlisi oli of the Republic of Tajikistan. 1998. № 9. Art. 68-70.

[5] Criminal Code of Turkmenistan dated June 12, 1997 No. 222-1 (as amended on March 20, 2017) // Official publication: Vedomosti of the Mejlis of Turkmenistan. № 2. 1997.

[6] Code of Administrative Offenses of Turkmenistan dated August 29, 2013 (as amended on March 20, 2017) // Neutral Turkmenistan. 2013. September 12. № 265-270.

[7] Voronov A. A. Crimes and punishments of lawyers (review of the monograph by R. G. Melnichenko "Legal regulation of the institution of professional liability of lawyers in the Russian Federation") // Lawyer. 2010. № 11. P. 24.

[8] Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on April 22, 2024) "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 23. Art. 2102.

[9] Dabija T. G. Guarantees of personal safety of a lawyer // Lawyer. 2013. № 10. S. 13-18.

[10] Schwartz O. A. Degree of protection of professional rights of lawyers [Electronic resource] // Center for Constitutional Studies. 21.11.2022. Режим доступа: http://constlawcenter.ru/reports/

defenders-rights..

[11] Regulations on the Role of Lawyers of 27 August 1990 (adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders in Havana, Cuba, 27 August-7 September 1990) [Electronic Resource]. Режим доступа: https://fparf.ru/documents/international-acts/provisions-on-the-role-of-lawyers/..

[12] Trunov I. L. Security of a lawyer // Man and the law. 2009. № 4. S. 29-41.

[13] Federal Law of August 20, 2004 No. 119-FZ (as amended on July 1, 2021) "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. Art. 3534.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-87-96

РЕЗНИКОВА Анна Владимировна,
студент 2 курса магистратуры,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
e-mail: avreznikovavl@yandex.ru

АРЕНДНАЯ ПЛАТА ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КАК ИСТОЧНИК НЕНАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена правовому анализу арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, как разновидности неналоговых доходов бюджетов. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики. Установлено, что регулируемый характер арендной платы сближает её по правовой природе с земельным налогом, а разнобой региональных методик расчёта порождает устойчивый рост судебных споров. Предложены направления унификации нормативного регулирования.*

Ключевые слова: *арендная плата, земельные участки, государственная и муниципальная собственность, неналоговые доходы бюджета, кадастровая стоимость, поправочный коэффициент, бюджетное законодательство, земельное законодательство, регулируемая цена.*

Для цитирования: *Резникова А. В. Арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, как источник неналоговых доходов бюджетов: финансово-правовой аспект // Право и управление. 2026. № 10. С. 87–96.*

REZNIKOVA Anna Vladimirovna,
2nd year graduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

RENT FOR LAND PLOTS OWNED BY THE STATE AND MUNICIPALITIES AS A SOURCE OF NON-TAX BUDGET REVENUES: A FINANCIAL AND LEGAL PERSPECTIVE

Annotation. *The article offers a financial and legal analysis of rent for land plots owned by the state and municipalities as a form of non-tax budget revenue. Formal legal and comparative legal methods, together with an analysis of judicial practice, were applied. The regulated nature of rent is shown to bring it close to land tax in legal nature, while the diversity of regional calculation methods generates a steady growth in litigation. Directions for unifying the regulatory framework are proposed.*

Key words: *rent; land plots; state and municipal ownership; non-tax budget revenue; cadastral value; adjustment coefficient; budget legislation; land legislation; regulated price.*

For citation: *Reznikova A. V. Rent for land plots owned by the state and municipalities as a source of non-tax budget revenues: a financial and legal perspective. Law and administration. 2026;(10):87–96. (In Russ.).*

Введение

Земельные участки в государственной и муниципальной собственности, а также участки, чья государственная собственность не разграничена, образуют один из самых значимых по объёму источников неналоговых доходов бюджетов всех уровней. Принцип платности использования земли закреплён в подпункте 7 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ [1]). Реализуется он через две основные формы платы – земельный налог и арендную плату. Именно арендная плата и составляет предмет настоящего исследования [15].

Обращение к финансово-правовой стороне арендных платежей за публичные земли актуально по нескольким причинам. Доходы от передачи в аренду государственных и муниципальных земель бюджетное законодательство относит к неналоговым доходам бюджетов (статьи 41, 51, 57, 62 Бюджетного кодекса Российской Федерации, далее – БК РФ [2]). Фактический экономический механизм таких доходов – регулируемая цена, привязанная к кадастровой стоимости, – по многим параметрам сближается с налоговым обязательством. Судебно-арбитражная практика при этом показывает устойчивый рост споров – оспаривают нормативные акты о порядке определения арендной платы, взыскивают задолженность или неосновательное обогащение, возникшее из-за применения незаконных ставок.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к определению арендной платы за государственные и муниципальные земли, что влияет на предсказуемость неналоговых доходов бюджетов и приводит к возникновению судебных споров [16].

Цель работы состоит в выявлении особенностей финансово-правового регулирования арендной платы за государственные и муниципальные земли и разработке предложений по унификации порядка её расчёта. Достижение поставленной цели связано с решением двух задач [17]. Вначале исследуется место арендной платы среди неналоговых доходов бюджетов, одновременно устанавливается соотношение публично-правовых и частноправовых начал её регулирования [18]. Далее проводится анализ нормативных подходов и судебной практики по спорам о расчёте платежа и применении поправочных коэффициентов, позволяющий определить возможные направления совершенствования законодательства [19].

Исследование проведено с применением формально-юридического и сравнительно-правового методов, а также анализа судебной практики. Изучая положения бюджетного, земельного и гражданского законодательства, автор устанавливает содержание норм, регулирующих формирование и расчёт арендной платы. Сравнение федеральных и региональных подходов позволяет проследить различия в правовом регулировании. Отдельное место занимает судебная практика. Её анализ использован для выявления правовых позиций по вопросам применения регулируемых ставок, взыскания задолженности и возврата платежей, рассчитанных на основании нормативных актов, впоследствии признанных недействующими. При обращении к комплексному способу расчёта учитывались результаты моделирования С. Г. Стерника и О. А. Полищук, полученные на выборке из двадцати земельных участков промышленного назначения в Мурманской области. Самостоятельная статистическая обработка эмпирического материала автором статьи не проводилась.

Основная часть

Бюджетная классификация относит поступления от передачи в аренду государственного и муниципального имущества, включая землю, к неналоговым доходам. Для местных бюджетов этот перечень закреплён статьёй 62 БК РФ: неналоговые доходы формируются в том числе за счёт использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, – по нормативу 100 процентов, если иное не установлено бюджетным законодательством применительно к неразграниченным землям. Симметричные нормы действуют и для бюджетов субъектов РФ, и для федерального бюджета (статьи 41, 51, 57 БК РФ).

Земельное законодательство при этом задаёт лишь общие рамки взимания платы. Пункт 1 статьи 65 ЗК РФ называет две формы платы за землю – земельный налог и арендную плату [20]. А вот порядок определения размера арендной платы, условия и сроки её внесения устанавливаются по-разному в зависимости от собственника земли: для федеральных земель – Правительством РФ, для земель субъектов и неразграниченных территорий – региональными органами власти, для муниципальных земель – местным самоуправлением (пункт 3 статьи 65, пункт 3 статьи 39.7 ЗК РФ).

Такое трёхуровневое – а по сути четырёхуровневое, если учесть множественность регионов и муниципалитетов – регулирование создаёт сложную картину. Е. С. Корчагина и Н. А. Лунина называют это дуалистической природой неналоговых платежей за землю: их правовой режим одновременно подчиняется финансовому, земельному и гражданскому законодательству [Корчагина: 138]. С одной стороны, обязанность платить возникает из договора аренды и следует общим правилам главы 34 ГК РФ – статьям 606, 607, 614, 424, которые закрепляют возмездность пользования имуществом и допускают государственное регулирование цены договора. С другой стороны, размер платы стороны не согласовывают свобод-

но – его устанавливает публичный орган власти в императивном порядке. Это сближает арендную плату с фискальным платежом [21].

Такое сближение не случайное – оно последовательно подтверждается судебной практикой. В апелляционном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2018 года № 49-АПГ18-23 сказано: «земельный налог по своей правовой природе схож с арендной платой в силу статьи 65 ЗК РФ, а дифференциация ставок должна опираться на экономическую оценку территории, а не быть произвольной» [3]. Похожую позицию – о сходстве аренды публичных земель с другими формами платного землепользования, включая плату за размещение объектов без предоставления участка и плату за сервитут, – сформулировал Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 17 мая 2018 года № Ф03-1421/2018 по делу № А51-24002/2017 [4]. Логика простая: раз оба договора связаны с использованием земли, регулирование платы для них не должно отличаться от установленного статьёй 65 ЗК РФ.

Опираясь на эти аргументы, Е. С. Корчагина и Н. А. Лунина делают вывод: по существу, неналоговые платежи за пользование «публичной землёй» имеют налоговую природу. Они предлагают унифицировать способы расчёта – и для арендной платы, и для платы по соглашениям об установлении сервитута, и для платы за публичный сервитут, и для платы за разрешённое использование земель без предоставления участка [Корчагина, Лунина: 140]. С позицией трудно не согласиться в одном: она вскрывает главное противоречие действующей модели. Бюджетное законодательство относит эти платежи к неналоговым доходам и тем самым формально освобождает их от гарантий налогового регулирования – прежде всего от принципа установления существенных элементов налога исключительно законом (статья 3 НК РФ). Но по своему обязательному, регулируемому характеру, не зависящему от воли сторон, эти платежи фактически работают как квазиналоговый инструмент [22].

Полностью приравнивать арендную плату к земельному налогу всё же нельзя. Основанием для внесения арендной платы выступает договор аренды. После его прекращения соответствующая обязанность также прекращается. С земельным налогом ситуация иная. Его уплата связана с наличием у лица определённого права на земельный участок. К таким правам относятся право собственности, право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненного наследуемого владения. Поэтому возникновение налоговой обязанности не зависит от заключения договора аренды и воли его сторон. В этом смысле арендная плата за публичные земли имеет смешанную, публично-частную природу. Договор определяет юридическую форму отношений, однако порядок расчёта и размер платежа во многом устанавливаются нормами публичного права.

Вывод согласуется с классификацией Е. С. Корчагиной и Н. А. Луниной: они «делят неналоговые платежи от использования публичных земель на платежи от реализации участков и платежи от их текущего использования» [Корчагина, Лунина: 142]. Ранее к проблеме соотношения договорных условий и установленного публичным собственником размера платы обращался Д. В. Добрачёв, указывая на зависимость арендных ставок от вида использования земли и категории арендатора [Добрачёв: 68]. Сохраняющаяся связь частноправового основания с публичным регулированием подтверждает сложность однозначного отнесения арендной платы к одной отраслевой модели [23].

Ко второй группе относятся арендная плата, плата по соглашениям об установлении сервитута, плата за публичный сервитут, плата за разрешённое использование земель без предоставления и плата за изменение вида разрешённого использования.

Зачем нужна эта классификация бюджетному праву? Она позволяет разграничить разовые (капитальные) поступления, связанные с выбытием участка из государственной или муниципальной собственности, и текущие (рентные) поступления – те, что обеспечивают стабильный годовой приток средств в бюджет. Именно вторая группа, ядро которой – арендная плата, важнее всего для долгосрочного бюджетного планирования. Значит, именно она требует наиболее тщательной правовой регламентации.

Базовым актом, определяющим общие начала расчёта арендной платы за федеральные земли, остаётся постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 года № 582 «Об основных принципах определения арендной платы...» (далее – Постановление № 582 [5]). Фактически оно задаёт ориентир и для регионального регулирования. Документ закрепляет семь принципов, среди которых – принцип экономической обоснованности: арендная плата устанавливается в размере, соответствующем доходности участка с учётом категории земель и вида разрешённого использования.

Здесь и кроется главная проблема действующей модели. Формально Постановление № 582 регулирует только арендную плату за федеральные земли – это подтвердила Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 15 июня 2015 года № 310-ЭС15-1189 по делу № А14-12748/2013 [6]. Но на практике, включая судебную, заложенные в нём принципы – прежде всего принцип экономи-

ческой обоснованности – последовательно распространяются и на региональное, и на муниципальное нормотворчество. Соответствующие акты оценивают на предмет непротиворечия Постановлению № 582, придавая ему, по существу, рамочное, общеотраслевое значение. Логику прямо прослеживают А. А. Бондарев и К. В. Бугаев: нормативные акты субъектов РФ, противоречащие принципу экономической обоснованности, не подлежат применению в силу абзаца тринадцатого статьи 12 ГК РФ и части 2 статьи 13 АПК РФ – как акты, не соответствующие норме большей юридической силы [Бондарев, Бугаев: 114].

Связь арендной платы со стоимостью земельного участка рассматривается и в экономической литературе. М. А. Зельдин, С. В. Грибовский и Н. П. Баринов обращают внимание на необходимость учитывать факторы, способные повлиять на рыночную величину платежа в течение срока аренды. По расчётам авторов, игнорирование изменения стоимости земельного участка и права его льготного выкупа собственником расположенных на нём улучшений способно привести к существенному завышению арендной платы [Зельдин: 40].

Из-за отсутствия единой обязательной методики расчёта региональные ставки и подходы сильно расходятся. Постановление Правительства РФ от 10 февраля 2023 года № 191 установило для федеральных земель с объектами недвижимости годовую ставку в 3 процента от кадастровой стоимости, если иное не предусмотрено законодательством [7]. Отдельные регионы – например, Ставропольский край, о чём подробнее пойдёт речь ниже, – устанавливали для похожих случаев другие ставки: 1,6 процента или 2,7 процента. Само по себе это не выходит за пределы их компетенции. Но на практике именно такие расхождения регулярно становятся предметом судебных споров о соотношении сменяющих друг друга региональных актов.

Проблема касается и выбора показателей, положенных в основу расчёта. Е. М. Вавилова связывает споры о размере арендной платы за публичные земли с соблюдением принципов её определения и установленных предельных ставок [Вавилова: 95]. Более широкий набор факторов предлагают учитывать Т. В. Максимова, Ю. А. Дорошенко и Э. Х. Таипова. По их мнению, размер платежа может корректироваться с учётом рентабельности деятельности арендатора, рыночного спроса и разрешённого использования участка [Максимова: 140]. Разработанная авторами методика основана на ранжировании факторов с применением экономико-математического моделирования.

Отдельно стоит вопрос о соотношении регулируемой арендной платы и договорной свободы сторон. Пункт 1 статьи 424 ГК РФ гласит: «договор исполняется по цене, установленной соглашением сторон, – однако в предусмотренных законом случаях применяются цены, устанавливаемые или регулируемые уполномоченным органом» [8]. Пункт 4 статьи 22 ЗК РФ закрепляет, что размер арендной платы определяется договором, – на первый взгляд это предполагает свободу волеизъявления. Но если читать эту норму вместе со статьёй 39.7 ЗК РФ, картина меняется. Пленум ВАС РФ в постановлении от 17 ноября 2011 года № 73 (пункты 16 и 19) поддержал следующий вывод: к договору аренды публичного участка, заключённому после введения государственного регулирования размера платы, применяется именно регулируемая арендная плата [9]. Арендодатель вправе требовать её внесения в размере, установленном уполномоченным органом на соответствующий период, – и вносить изменения в текст договора для этого не нужно.

Позиция получила развитие в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 декабря 2022 года № 305-ЭС22-18408 по делу № А40-197947/2021 [10]. Коллегия признала ошибочным применение договорного условия об увеличении арендной платы вдвое за просрочку строительства (пункт 4.4 договора аренды от 11 июля 2006 года) – после того как утратил силу нормативный акт, на исполнение которого это условие было направлено: постановление Правительства Москвы от 11 сентября 2007 года № 793-ПП. Коллегия делает вывод: ставки арендной платы за публичные земли – это регулируемые цены. Стороны обязаны следовать предписанному размеру платы вне зависимости от механизма её изменения, закреплённого в договоре. Сам размер применяется с даты вступления в силу соответствующего нормативного акта, что согласуется с правилами статьи 424 ГК РФ.

Отсюда напрашивается ещё один вывод. Регулируемая арендная плата за публичные земли – не то, о чём стороны свободно договорились между собой. Это величина, которую определяет административный акт уполномоченного органа, и она обязательна для всех. Условия договора, которые противоречат действующему на тот момент регулированию, просто не применяются – даже если стороны их формально согласовали при заключении договора. Указанный подход сближает арендную плату с обязательными платежами и подтверждает мысль о том, что она носит квазиналоговый характер.

Главный инструмент для реализации принципа экономической обоснованности – это поправочные, или экономически обоснованные, коэффициенты. Они меняют ставку арендной платы в зависимости от того, как разрешено исполь-

зовать участок. Самая сложная ситуация возникает, когда у единого неделимого участка сразу несколько видов разрешённого использования, или же – когда участок сдан в аренду сразу нескольким лицам, и каждый использует свою часть по-своему.

В научной литературе предложены разные способы индивидуализации таких коэффициентов. Р. А. Самсонов, С. Н. Бочаров, В. В. Мищенко и М. Ю. Кобрин разграничивают рыночные и регулятивные коэффициенты, связывая первые с видом разрешённого использования участка, а вторые — с категорией пользователя [Самсонов: 677]. Авторы апробировали расчёты для 18 сельсоветов Первомайского района Алтайского края по 112 кодам видов разрешённого использования. К близкому выводу приходят О. В. Грушина и Т. О. Панкова. Исследуя практику Иркутска, они связывают обоснованность расчёта с корректностью поправочных коэффициентов и предлагают индивидуализировать их с учётом кадастрового квартала и разрешённого использования участка [Грушина: 190].

Многие региональные порядки – например, утверждённый постановлением Правительства Омской области от 26 декабря 2018 года № 419-п, и утверждённый постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 9 февраля 1995 года № 74 – предписывают применять максимальный из возможных коэффициентов ко всем без исключения арендаторам такого участка, независимо от их фактического вида деятельности.

Авторы возражают против такого подхода, обращаясь к экономическому содержанию кадастровой стоимости. Она уже отражает наиболее доходное разрешённое использование участка – а значит, дополнительное применение максимального коэффициента приводит к двойному учёту одного и того же экономического фактора.

На основании проведённого анализа можно сформулировать доктринальную позицию: плату для собственников нежилых помещений в здании с несколькими видами разрешённого использования – или для собственников самостоятельных зданий на неделимом участке – нужно определять индивидуально, исходя из фактического использования конкретного объекта. Не по принципу наибольшего коэффициента для всех. Позиция их выглядит обоснованной. Она лучше соответствует принципу экономической обоснованности из Постановления № 582 и одновременно снимает риск дискриминации добросовестного арендатора – риск того, что на него возложат плату, рассчитанную исходя из деятельности, которую он не ведёт и порой вести не вправе (скажем, из-за отсутствия статуса индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, необходимого для торговли) [24].

Есть и ещё один аргумент в пользу индивидуализации – принцип социальной справедливости налогообложения (в широком смысле, применимом и к квазиналоговым платежам). Он требует соразмерности платежа экономической выгоде, которую извлекает конкретный плательщик. Применение максимального коэффициента ко всем арендаторам без разбора нарушает этот принцип. По сути, регулируемый платёж превращается из соразмерной платы за пользование ресурсом в санкцию за сам факт нахождения объекта на определённом участке – а это противоречит компенсационной, а не карательной природе арендной платы.

Помимо проблемы распределения поправочных коэффициентов между арендаторами единого участка, доктрина финансового и земельного права ставит и другой вопрос: что должно наполнять сами коэффициенты содержательно – какие факторы, кроме вида разрешённого использования, должны влиять на итоговый размер платы? Развёрнутый ответ предложили С. Г. Стерник и О. А. Полищук, разработавшие комплексный метод расчёта арендной платы за участки производственного и коммерческого назначения [Стерник, Полищук: 38].

В основе метода лежит базовая ставка в 3% от кадастровой стоимости участка. Её установило постановление Правительства РФ от 10 февраля 2023 года № 191. Дальше ставку корректируют – используют систему из четырёх поправочных коэффициентов: инвестиционного, экологической устойчивости, социального и коэффициента экономического развития региона. Если участок требует особых условий эксплуатации – скажем, там размещают опасные промышленные объекты, – добавляется ещё один коэффициент. Итоговую годовую арендную плату авторы предлагают считать так: кадастровую стоимость участка умножают на базовую ставку и на все перечисленные коэффициенты.

Ценность метода в том, что он пытается формализовать сразу три принципа – учёта региональных особенностей, экологической устойчивости и рыночной прозрачности. С. Г. Стерник и О. А. Полищук предлагают встроить их в существующую систему, дополнив семь принципов, уже закреплённых постановлением № 582. Инвестиционный и экологический коэффициенты снижают итоговую плату – пропорционально тому вкладу, который арендатор документально подтвердил в развитие территории или в экологические проекты. По сути, эти коэффициенты работают почти как налоговые льготы, и это лишний раз указывает на фискально-стимулирующий характер платежа. Социальный коэффициент применяется к льготным категориям налогоплательщиков по статье 395 НК РФ – он напрямую

заимствует налоговую логику и переносит её в область регулируемой арендной платы. Ещё один косвенный аргумент в пользу дуалистической, тяготеющей к налоговой природы платежа.

Метод апробировали на выборке из двадцати крупнейших земельных участков промышленного назначения в Мурманской области. Результат: «совокупная арендная плата снизилась примерно с 1,299 миллиарда рублей до 1,235 миллиарда рублей в год – при сопоставимом объёме инвестиций арендаторов в развитие региона и экологические проекты» [Стерник, Полищук: 42]. С точки зрения бюджетного права такой результат не стоит оценивать однозначно негативно. Небольшое снижение текущих поступлений компенсируется стимулом к капитальным вложениям в инфраструктуру и охрану окружающей среды – а это в среднесрочной перспективе способно опосредованно увеличить поступления от других бюджетообразующих платежей: налога на имущество организаций, налога на прибыль, зачисляемого в региональный бюджет, и других.

Однако, имеется методологический риск касательно коэффициента, который учитывает особые требования к эксплуатации участка – например, для объектов с санитарно-защитной зоной. Величина коэффициента зависит от формы участка и ширины санитарно-защитной зоны. Ширину зоны устанавливают по классу опасности объекта.

Но проблема в том, что Методика не учитывает, что территорию санитарно-защитной зоны можно использовать разумно – не строго «по геометрии», например, разместить вспомогательную инфраструктуру, если это не запрещено режимом зоны. Из-за этого плата может оказаться заниженной без веских оснований. Значит, методику нужно доработать именно в этой части.

Если обобщить практику арбитражных судов по спорам о взыскании арендной платы за публичные земли и о неосновательном обогащении из-за незаконного расчёта платы, можно выделить несколько устойчивых подходов.

Первый подход – дела о взыскании задолженности по договору аренды, когда ответчик не спорит с регулируемым характером платы, но допускает просрочку. Показательный пример – решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 19 июля 2023 года по делу № А07-38265/2022. Суд удовлетворил требования Министерства земельных и имущественных отношений Республики Башкортостан о взыскании с ООО задолженности по арендной плате в размере 699 698 рублей 22 копеек и неустойки. Ссылаясь на статьи 65 ЗК РФ и 309, 310, 606, 607, 614 ГК РФ, суд подчеркнул: «стоимость аренды государственной (муниципальной) земли – регулируемая цена, поэтому арендная плата должна определяться с учётом применимой ставки на условиях, предусмотренных договором» [11]. При этом суд применил постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 497 о моратории на банкротство и снизил неустойку за период его действия – пример того, как взаимодействуют земельное, бюджетное и гражданское законодательство при разрешении подобных споров.

Второй подход раскрывается в делах о взыскании неосновательного обогащения – когда арендодатель применял ставку, установленную нормативным актом, который впоследствии признали недействующим. Показательный пример – решение Арбитражного суда Ставропольского края от 8 сентября 2023 года по делу № А63-2380/2023 [12]. В течение 2019 года комитет по управлению муниципальным имуществом города Ставрополя рассчитывал арендную плату по ставке 3 процента – на основании подпункта 5 пункта 3 порядка, утверждённого постановлением Правительства Ставропольского края от 26 декабря 2018 года № 601-п. Но решением Ставропольского краевого суда от 2 августа 2019 года по административному делу № 3а-212/2019 (оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 19 декабря 2019 года по делу № 19-АПА19-21) эту норму признали недействующей – она противоречила Постановлению № 582. Арбитражный суд применил разъяснение из пункта 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2016), утверждённого Президиумом ВС РФ 6 июля 2016 года: «если нормативный акт, устанавливающий расчёт регулируемой арендной платы, признан недействующим, применяется ранее действовавший акт, регулирующий аналогичные отношения» [13]. В итоге с комитета в пользу арендатора взыскали неосновательное обогащение на сумму 385 471 рубль 54 копейки – по ранее применявшейся ставке 1,6 процента.

Отдельную сложность в этом деле составил вопрос о временных пределах действия признанного недействующим акта. Решение краевого суда формально вступило в силу лишь 19 декабря 2019 года. Тем не менее суд применил позицию Президиума ВАС РФ из постановления от 29 сентября 2010 года № 6171/10: признание акта недействующим с момента вступления в силу решения суда не должно мешать восстановлению права, нарушенного этим актом, – за весь период его действия [14]. Это имеет принципиальное значение для финансово-правового регулирования: орган публичной власти не может извлекать бюджетные доходы на основании акта, чья дефектность подтверждена судом, – независимо от формальной даты вступления решения в силу.

Третий подход сформулирован в уже упомянутом определении Судебной коллегии по эконо-

мическим спорам ВС РФ от 26 декабря 2022 года № 305-ЭС22-18408 по делу № А40-197947/2021. Он касается соотношения регулируемой арендной платы и договорных условий, воспроизводящих утративший силу нормативный акт. Как уже отмечалось, коллегия направила дело на новое рассмотрение – с указанием нижестоящим судам установить действующий на спорный период нормативный акт, вместо применения договорного условия, основанного на утратившем силу постановлении Правительства Москвы.

Три категории дел вместе дают общий вывод о том, какими принципами руководствуются арбитражные суды в спорах о размере регулируемой арендной платы. Условие договора о размере или порядке изменения платы само по себе ничего не значит. Оно действует только тогда, когда совпадает с регулированием, которое работает в конкретный период. Если региональные или муниципальные акты противоречат друг другу, «побеждает» тот, что не признан недействующим и не идёт вразрез с принципами Постановления № 582. А переплату, возникшую из-за применения акта, который позже отменили, нужно вернуть плательщику по правилам о неосновательном обогащении. И не важно, когда именно суд признал расчёт незаконным.

Заключение

Поставленные в исследовании задачи позволили сформулировать следующие выводы.

Арендная плата за государственные и муниципальные земли относится к неналоговым доходам бюджетов, однако её правовое регулирование сочетает частноправовые и публично-правовые начала. Основанием возникновения обязанности по внесению платежа служит договор аренды. Размер платы при этом формируется с учётом обязательных нормативных предписаний и не зависит исключительно от соглашения сторон. Такое сочетание отличает арендную плату от земельного налога, одновременно сближая указанные платежи по регулируемому характеру их установления.

Анализ нормативного регулирования и судебной практики выявил отсутствие единообразного подхода к расчёту арендной платы и применению поправочных коэффициентов. Различия региональных правил приводят к спорам о размере платежа, взыскании задолженности и возврате неосновательного обогащения. При наличии нескольких видов разрешённого использования или нескольких арендаторов экономически обоснованным является индивидуальный расчёт коэффициента с учётом фактического использования соответствующего объекта.

Снизить число таких споров может унификация правил расчёта на федеральном уровне. Целесообразно закрепить единый порядок применения поправочных коэффициентов для участков с несколькими видами разрешённого использования, предусмотрев также возможность учёта инвестиционного и экологического вклада арендатора. Унификация повысит предсказуемость арендных поступлений при планировании неналоговых доходов бюджетов.

Список литературы:

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=527765&cacheid=1AF60F4493157B4D2F7180557A3E209A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#luI6UVVqrPfThsn (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=513926&cacheid=4764443A8FD1B9DD757636251238CACA&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#f7O6UVVicvjlTMiO1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2018 № 49-АПГ18-23 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=569321&cacheid=8D39106E7BF158A6D4A993AE3FA15B8C&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#jRc6UVVedZDEFcSb (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.05.2018 № Ф03-1421/2018 по делу № А51-24002/2017 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=103865&cacheid=842FEE57C457253F4AB9E5F6A29EC289&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#7li6UVVs1CcOoVkm (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 № 582 (ред. от 02.03.2026) // КонсультантПлюс : справочно-

правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=527863&dst=1000000001&cacheid=477D3F5462195569BCAC83A9F58284C2&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#QJo6UVVOKmwYdbza2 (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2015 № 310-ЭС15-1189 по делу № А14-12748/2013 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=428820&cacheid=2ACBFFE782F83D16BB2D2F94A24C8D4A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#tPs6UVVmeNLNGOjs (дата обращения: 17.09.2026).

[7] О внесении изменений в Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2023 № 191 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=439636&cacheid=CD2165F978E5CBA7BCB49EF4D27AD561&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Biw6UVV4TcPKkPG21 (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536617&cacheid=1C40E3313D954DBB508D6DB7B78A7C70&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Fh47UVVMRs9hkPQM1 (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=157919&dst=1000000001&cacheid=64B5943C8A493D9B526FFC350D0C2715&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Kt87UVVaDQoOXyeu (дата обращения: 17.09.2026).

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2022 № 305-ЭС22-18408 по делу № А40-197947/2021 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=742599&cacheid=BB52F3B6C1B635F9AA04514CA75FBC2D&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#ZaC7UVVaIqO40Q7S1 (дата обращения: 17.09.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 19.07.2023 по делу № А07-38265/2022 // СудАкт : база судебных актов. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FuerK3fkdAWJ/?ysclid=mu5kuze0d4444953643 (дата обращения: 17.09.2026).

[12] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 08.09.2023 по делу № А63-2380/2023 // СудАкт : база судебных актов. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7PjqwMlwpM6W/?ysclid=mu5kv9q9kj584502964 (дата обращения: 17.09.2026).

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201474&cacheid=478AB01B5D30DD9061E4F85756A7017D&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#h9P7UVVUpQ00CUR81 (дата обращения: 17.09.2026).

[14] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.09.2010 № 6171/10 по делу № А71-1890/2009Г14 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=164737&cacheid=E80CC7629C0C7929CBD50D162FAB3D40&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#qKT7UVVrGWKCIcFe (дата обращения: 17.09.2026).

[15] Бондарев А. А., Бугаев К. В. Совершенствование правовых основ расчета арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2026. Т. 15. № 1.

[16] Корчагина Е. С., Лунина Н. А. Дуалистическая природа неналоговых платежей за использование земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности // Публично-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 139–146.

[17] Стерник С. Г., Полищук О. А. Комплексный метод определения арендной платы за пользование земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 2 (281). С. 36–43.

[18] Максимова Т. В., Дорошенко Ю. А., Таипова Э. Х. Разработка методики арендных платежей земельных участков с неразграниченной собственностью органов власти // Вестник Южно-Уральского государственного университе-

та. Серия: Экономика и менеджмент. 2024. Т. 18. № 2. С. 136-145.

[19] Зельдин М. А., Грибовский С. В., Баринов Н. П. Оценка величины рыночной арендной платы за пользование земельным участком // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 6. С. 34-44.

[20] Добрачёв Д. В. Размер арендной платы как существенное условие договора аренды земельного участка // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 66-76.

[21] Позднякова Е. А., Кузьминова О. И. Неосновательное обогащение как альтернатива арендной плате за земельные участки, находящиеся в публичной собственности // Московский экономический журнал. 2023. № 5. С. 101-119.

[22] Вавилова Е. М. Основы определения стоимости арендной платы государственной недвижимости Российской Федерации // Legal Concept. 2021. Т. 20. № 1. С. 94-98.

[23] Грушина О. В., Панкова Т. О. Совершенствование методов расчета арендной платы за земельные участки с видом разрешенного использования для благоустройства // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 189-206.

[24] Самсонов Р. А. и др. Механизмы рыночных и регулятивных коэффициентов для определения арендной платы публичных земельных участков в регионе // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 2. С. 673-687.

References:

[1] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ (rev. dated 04.08.2026) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2026) // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=527765&cacheid=1AF60F4493157B4D2F7180557A3E209A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#luI6UVVqrPfThsn (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended 26.06.2026) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2026) // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=513926&cacheid=4764443A8FD1B9DD757636251238CACA&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#f7O6UVVicvjlTMiO1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2018 No. 49-АПГ18-23 // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=569321&cacheid=8D39106E7BF158A6D4A993AE3FA15B8C&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#jRc6UVVedZDEFcSb (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 17.05.2018 No. F03-1421/2018 in case No. A51-24002/2017 // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=103865&cacheid=842FEE57C457253F4AB9E5F6A29EC289&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#7li6UVVs1CcOoVkm (дата обращения: 17.09.2026).

[5] On the basic principles of determining rent when renting state or municipal land plots and on the Rules for determining the amount of rent, as well as the procedure, conditions and terms for paying rent for land owned by the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 16.07.2009 No. 582 (ed. 02.03.2026) // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=527863&dst=1000000001&cacheid=477D3F5462195569BCAC83A9F58284C2&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#QJo6UVVOKmwYdbza2 (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2015 No. 310-ES15-1189 in case No. A14-12748/2013 // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=428820&cacheid=2ACBFFE782F83D16BB2D2F94A24C8D4A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#tPs6UVVmeNLNGOjs (дата обращения: 17.09.2026).

[7] On Amendments to the Rules for Determining the Amount of Rent, as well as the Procedure, Conditions and Terms for Paying Rent for Lands Owned by the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 10.02.2023 No. 191 // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=439636&cacheid=CD2165F978E5CBA7BCB49EF4D27AD561&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Biw6UVV4TcPKkPG21 (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended by 10.06.2026) // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536617&cacheid=1C40E3313D95

4DBB508D6DB7B78A7C70&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Fh47UVVMRs9hkPQM1 (дата обращения: 17.09.2026).

[9] On certain issues of the practice of applying the rules of the Civil Code of the Russian Federation on the lease agreement: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17.11.2011 No. 73 (ed. 25.12.2013) // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=157919&dst=1000000001&cacheid=64B5943C8A493D9B526FFC350D0C2715&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#Kt87UVVaDQoOXyeu (дата обращения: 17.09.2026).

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2022 No. 305-EC22-18408 in case No. A40-197947/2021 // ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=742599&cacheid=BB52F3B6C1B635F9AA04514CA75FBC2D&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#ZaC7UVVaIqO40Q7S1 (дата обращения: 17.09.2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated 19.07.2023 in case No. A07-38265/2022 // Court: base of judicial acts. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FuerK3fkdAWJ/?ysclid=mu5kuze0d4444953643 (access date: 17.09.2026).

[12] Decision of the Arbitration Court of the Stavropol Territory of 08.09.2023 in case No. A63-2380/2023 // CourtAct: base of judicial acts. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7PjqwMlwpM6W/?ysclid=mu5kv9q9kj584502964 (access date: 17.09.2026).

[13] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2016): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 06.07.2016 // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201474&cacheid=478AB01B5D30DD9061E4F85756A7017D&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#h9P7UVVUpQ00CUR81 (access date: 17.09.2026).

[14] Decision of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 29.09.2010 No. 6171/10 in case No. A71-1890/2009Г14 // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=164737&cacheid=E80CC7629C0C7929CBD50D162FAB3D40&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#qKT7UVVrGWKCIcFe (access date: 17.09.2026).

[15] Bondarev A. A., Bugaev K. V. Improving the legal framework for calculating rent for state and municipal land plots in Russia // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2026. VOL. 15. № 1.

[16] Korchagina E.S., Lunina N.A. The dualistic nature of non-tax payments for the use of land plots in state or municipal ownership // Public Law Review. 2023. № 1. S. 139-146.

[17] Sternik S.G., Polishchuk O.A. A comprehensive method for determining rent for the use of land plots in state and municipal ownership // Property relations in the Russian Federation. 2025. № 2 (281). S. 36-43.

[18] Maksimova T. V., Doroshenko Yu. A., Taipova E. Kh. Development of a methodology for lease payments of land plots with undivided property of authorities // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2024. T. 18. № 2. S. 136-145.

[19] Zeldin M.A., Gribovsky S.V., Barinov N.P. Assessment of the market rent for land use // Property relations in the Russian Federation. 2009. № 6. S. 34-44.

[20] Dobrachev D.V. Rent as an essential condition of the land lease agreement // Journal of Russian Law. 2005. № 7 (103). S. 66-76.

[21] Pozdnyakova E.A., Kuzminova O.I. Unjust enrichment as an alternative to rent for publicly owned land plots // Moscow Economic Journal. 2023. № 5. S. 101-119.

[22] Vavilova E. M. Fundamentals of determining the cost of rent of state real estate of the Russian Federation // Legal Concept. 2021. T. 20. № 1. S. 94-98.

[23] Grushina O. V., Pankova T. O. Improvement of methods for calculating rent for land plots with the type of permitted use for improvement // State administration. Electronic bulletin. 2024. № 105. S. 189-206.

[24] Samsonov R.A. et al. Mechanisms of market and regulatory coefficients for determining the rent of public land plots in the region // Economy of the region. 2021. VOL. 17. № 2. S. 673-687.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-97-103

ШМЫГОВСКИЙ Павел Дмитриевич,
студент 2 курса магистратуры программы «Расследование финансово-экономических правонарушений» Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: Pshmygovskiy@mail.ru

Научный руководитель:
НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна,
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Аннотация. *Статья посвящена связи между недостаточной определенностью сведений Единого государственного реестра недвижимости и условиями совершения преступлений в сфере оборота недвижимости. Исследование основано на нормах регистрационного, земельного и уголовного законодательства, а также на материалах судебных дел о мошенничестве, кадастровом подлоге, злоупотреблении должностными полномочиями и внесении заведомо недостоверных сведений в государственный реестр. Юридическая неопределенность рассмотрена на трех уровнях: нормативном, компетенционном и информационном. Показано, что отсутствие актуальной связи между фактическими характеристиками объекта, правовым титулом и записью ЕГРН само по себе не вызывает преступного поведения, однако облегчает неправомерное оформление земель и затрудняет выявление нарушения до регистрации права. Формально-юридический и системный методы использованы совместно с анализом правоприменительной практики. Отдельно учтены положения Федерального закона от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ, действующие с 1 марта 2025 г. Сделан вывод о необходимости различать частную и публичную недвижимость при выборе мер регистрационной актуализации. Для имущества Российской Федерации и муниципального имущества предложены поэтапная инвентаризация, финансовое обеспечение кадастровых работ и первоочередное оформление объектов, с которыми связан повышенный риск незаконного выбытия.*

Ключевые слова: *государственная регистрация недвижимости; ЕГРН; юридическая неопределенность; криминогенный фактор; неразграниченная государственная собственность; мошенничество; кадастровый инженер; злоупотребление должностными полномочиями; кадастровый учет; публичная собственность.*

Для цитирования: *Шмыговский П. Д. Юридическая неопределенность в сфере регистрации недвижимости как криминогенный фактор // Право и управление. 2026. № 10. С. 97–103.*

SHMYGOVSKY Pavel Dmitrievich,
first-year master's student of the Master's program «Investigation of Financial and Economic Offenses», Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

Academic Supervisor:
NIKOLAEVA Yulia Valentinovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

LEGAL UNCERTAINTY IN REAL ESTATE REGISTRATION AS A CRIMINOGENIC FACTOR

Annotation. *The article addresses the relationship between uncertainty in the Unified State Register of Real Estate and conditions facilitating crimes involving real property. The study draws on registration, land and criminal law, as well as court cases concerning fraud, cadastral falsification, abuse of official powers and the intentional entry of false information into a state register. Legal uncertainty is examined at three levels: normative, institutional and informational. A mismatch between the physical characteristics of an asset, the legal title and the register entry does not itself cause criminal conduct. It can, however, make unlawful registration easier and impede detection before title is registered. The research combines formal legal and systemic methods with analysis of judicial practice. Particular attention is paid to Federal Law No. 487-FZ of 26 December 2024, effective from 1 March 2025. The article argues that measures for private real estate and public property should be distinguished. For property of the Russian Federation and municipal property, it proposes phased inventory, funding for cadastral work and priority registration of assets exposed to a heightened risk of unlawful disposal.*

Key words: *state registration of real estate; Unified State Register of Real Estate; legal uncertainty; criminogenic factor; undelimited state ownership; fraud; cadastral engineer; abuse of official powers; cadastral registration; public property.*

For citation: *Shmygovsky P. D. Legal uncertainty in real estate registration as a criminogenic factor. Law and administration. 2026;(10):97–103. (In Russ.).*

Введение

Проблема достоверности ЕГРН не исчерпывается техническим качеством реестра. Запись позволяет участникам оборота установить характеристики объекта и содержание зарегистрированного права, однако ее значение снижается, если фактические границы участка, правоустанавливающие документы и сведения ведомственного учета расходятся. Р. С. Бевзенко связывает устойчивость оборота с принципом публичной достоверности реестра. Е. С. Болтанова рассматривает ЕГРН как единый информационный ресурс, а Е. В. Бадулина и М. Е. Романов обращаются к предпосылкам и нерешенным вопросам государственной регистрации недвижимости. Эти подходы позволяют оценивать неполноту реестра не только как учетный дефект, но и как обстоятельство, ослабляющее защиту имущества Российской Федерации и муниципального имущества [2; 4; 5; 10].

В статье проверяется, при каких условиях регистрационная неопределенность приобретает криминогенное значение и какие меры способны уменьшить соответствующий риск. В предмет исследования входят нормы гражданского, земельного, регистрационного и уголовного законодательства и судебные акты, в которых неполнота либо противоречивость сведений об объекте использовалась при совершении преступления. Сопоставление этих материалов проведено формально-юридическим и системным методами. Такой подход позволяет отделить сохранение ранее возникшего права от вопроса о том, насколько своевременно и полно оно должно быть отражено в ЕГРН, а также разграничить меры для частных и публичных правообладателей.

Нормативные основания регистрационной неопределенности

Исходной для анализа служит правовая позиция Первого кассационного суда общей юрисдикции, изложенная в кассационном определении от 29 января 2025 г. по делу № 88-2724/2025. Военный прокурор Калужского гарнизона действовал в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц. Он требовал обязать учреждение Министерства обороны России провести кадастровые работы, внести сведения об участке в ЕГРН и зарегистрировать право собственности Российской Федерации. Прокурорская проверка установила, что границы участка не определены, межевой план отсутствует, кадастровый учет не проведен, а право собственности Российской Федерации не зарегистрировано. Материалы проверки указывали также на риск использования

участка коммерческой организацией не по назначению [14].

Первая и апелляционная инстанции удовлетворили заявленные требования. Кассационный суд отменил апелляционное определение и возвратил дело на новое рассмотрение, поскольку суды не установили норму, которая обязывала бы правообладателя организовать кадастровые работы к определенной дате. Именно отсутствие общего срока уточнения границ стало решающим для вывода о ненадлежащем способе защиты. Подтвержденный риск ненадлежащего использования земельного участка Российской Федерации не был признан достаточным основанием для создания судом обязанности, прямо не предусмотренной законом.

Содержание этой позиции уже ее буквального прочтения. Суд не отрицал правового значения регистрации и не освобождал правообладателя от нее во всех случаях. Вывод относился к ранее возникшему праву и к отсутствию в законе универсального срока уточнения границ. Действительность такого права сохраняется и без записи в ЕГРН, что исключает утрату титула лишь вследствие изменения регистрационной системы. Но чем дольше объект описывается преимущественно архивными документами, ведомственными сведениями и данными о фактическом пользовании, тем труднее третьим лицам и контролирующим органам получить из публичного реестра цельную картину его правового режима.

Часть подобных пробелов устраняет установленный статьей 69.1 Федерального закона № 218-ФЗ порядок выявления правообладателей ранее учтенных объектов недвижимости. Уполномоченный орган разыскивает необходимые сведения и организует их внесение в ЕГРН. Вместе с тем процедура не определяет единого срока завершения кадастрового учета и регистрации всех ранее возникших прав. Практический результат по-прежнему зависит от того, установлен ли орган, который должен начать работу, имеются ли исходные документы и предусмотрено ли финансирование кадастровых мероприятий.

С 1 марта 2025 г. регулирование стало более требовательным к участкам, вовлекаемым в регистрационный оборот. Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ дополнил часть 1 статьи 26 Федерального закона № 218-ФЗ пунктами 21.1 и 21.2. Если ЕГРН не содержит сведений о границах земельного участка, это препятствует регистрации прав по договору, а также кадастровому учету и регистрации находящихся на нем зданий и сооружений. Закон тем самым связал необходимость уточнения границ с обращением за конкретным регистрационным действием. Для объектов, которые длительно не отчуждаются и не передаются в пользование, общего срока актуализации по-прежнему нет [11; 12].

Рассмотренное дело позволяет различить три вида неопределенности. Нормативная возникает из-за отсутствия общего срока, непосредственно закрепленной обязанности и правового последствия ее неисполнения. Компетенционная проявляется тогда, когда с объектом связаны несколько органов или публично-правовых образований, но законодательство не указывает, кто обязан первым начать кадастровые работы. Информационная состоит в несогласованности ЕГРН, архивных документов, ведомственного учета и фактического землепользования. В деле № 88-2724/2025 право Российской Федерации подтверждалось материалами проверки и был известен управляющий субъект. Неопределенным оставался обязательный порядок, посредством которого эти сведения должны получить актуальное реестровое выражение.

Криминогенное значение и судебная практика

Криминогенным фактором выступает не отсутствие записи как таковое, а создаваемая им уязвимость правового режима объекта. Она не предопределяет преступление и не заменяет установления умысла, деяния и иных признаков состава. Ее значение состоит в другом: при расхождении реестровых, архивных и фактических данных сложнее обнаружить подмену документа или неправомерное изменение границ до того, как они повлекут юридический результат. Одновременно те же регистрационные процедуры необходимы для добросовестного оформления ранее возникших прав. Поэтому уголовно-правовая оценка должна учитывать конкретный способ использования неопределенности, а профилактические меры не могут исходить из презумпции недобросовестности правообладателя.

Для мошенничества с недвижимостью реестровая запись имеет особое значение, поскольку предметом посягательства может быть право на имущество. Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 связывает окончание мошенничества в форме приобретения права с появлением у виновного юридически закрепленной возможности владеть чужим имуществом или распоряжаться им как своим. В отношении недвижимости таким моментом может стать государственная регистрация права. Следовательно, внешне обычная регистрационная процедура при наличии обмана способна завершить хищение. В. Ю. Арзамасов исследует эту проблему применительно к земельным участкам, а В. Е. Батюкова - на материале практики мошенничества в сфере недвижимости. Их выводы подтверждают необходимость оценивать не только представленный документ, но и способ приобретения регистриру-

емого права [1; 3; 13].

Такое сочетание кадастрового подлога и посягательства на собственность установлено приговором Борисоглебского городского суда Воронежской области от 28 марта 2025 г. по делу № 1-11/2025. Собственник земельного участка и кадастровый инженер участвовали в увеличении его площади на 12 430 кв. м за счет земель, государственная собственность на которые не разграничена. Кадастровый инженер включила в межевые планы заведомо ложные сведения, после чего документы были использованы для регистрации права на участок увеличенной площади. Суд указал на самостоятельность объектов уголовно-правовой охраны: статья 170.2 УК РФ направлена на обеспечение достоверности кадастровой деятельности, а статья 159 УК РФ охраняет собственность. По этой причине ответственность за внесение ложных сведений в межевой план не исключила квалификации незаконного приобретения земли как мошенничества [15].

Существенно, что посягательство было направлено на земли, государственная собственность на которые не разграничена, а изменение их юридической принадлежности оформлялось кадастровыми документами. При неполном описании границ и правового режима незаконное присоединение территории легче представить как уточнение площади, исправление реестровой ошибки либо подтверждение сложившегося пользования. Л. А. Можайская рассматривает трудности уголовно-правовой квалификации действий кадастрового инженера, И. С. Ямщикова - соотношение статьи 170.2 УК РФ со смежными составами. Для исследуемой темы эти позиции важны тем, что использование ложного межевого плана может быть лишь одним этапом более сложного посягательства, конечной целью которого является приобретение права на чужой участок [8; 9].

Другой способ использования учетного пробела отражен в приговоре Правобережного районного суда г. Липецка от 6 июля 2017 г. по делу № 1-82/2017. Лицо, не обладавшее правом постоянного бессрочного пользования участком, представило фиктивную выписку из похозяйственной книги и оформило землю в собственность в упрощенном порядке. В материалах дела участки, которые не принадлежали гражданам или организациям и не состояли на кадастровом учете, относились к землям, государственная собственность на которые не разграничена. Обман был рассчитан на то, что архивный документ восполнит отсутствующие в публичной системе сведения и послужит основанием для регистрации несуществующего права [16].

Неопределенность может использоваться и должностным лицом, от решения которого зависит распоряжение землей. Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 27 января 2025 г. по делу № 1-7/2025 касается создания условий для отчуждения муниципального земельного участка без надлежащей конкурентной процедуры. Деяние было совершено вопреки требованиям земельного законодательства и интересам муниципального образования. Этот пример показывает самостоятельное значение компетенционной неопределенности: недостаточно установить сведения об объекте, если порядок принятия решения допускает использование служебных полномочий в интересах конкретного приобретателя [17].

Еще один риск возникает внутри самой регистрационной системы. Апелляционным приговором Севастопольского городского суда от 26 февраля 2025 г. по делу № 22-79/2025 государственный регистратор признан виновным по двум эпизодам части 1 статьи 285.3 УК РФ. Имея доступ к ФГИС ЕГРН, реестровым делам и решениям о приостановлении, регистратор внес заведомо недостоверные сведения и без законных оснований осуществил кадастровый учет и регистрацию прав на земельные участки. Квалификация по статье 293 УК РФ была исключена, поскольку доказательства указывали на умышленный, а не неосторожный характер действий. Таким образом, противоречивые исходные данные становятся особенно опасными, когда лицо, наделенное публичными полномочиями, может придать им значение достоверной реестровой записи [18].

Модель снижения регистрационной неопределенности

Устранение регистрационных пробелов не требует вводить одинаковую обязанность для всех собственников. Исторические дефекты учета нередко возникли независимо от воли граждан, а уточнение границ связано с расходами, поиском документов, согласованием со смежными землепользователями и иногда с разрешением спора о праве. Л. А. Гинис и Л. Р. Капустянская рассматривают неполноту сведений и реестровые ошибки как самостоятельную практическую проблему ЕГРН. А. А. Кондольская и Д. И. Васильева обосновывают значение комплексных кадастровых работ для актуализации реестра. С учетом этих обстоятельств объем обязанности следует определять по статусу правообладателя, особенностям объекта и степени риска для публичных интересов [6; 7].

Для публичного правообладателя такая обязанность должна быть обеспечена бюджетными средствами. Общие показатели доходов муниципального сектора не свидетельствуют о том, что каждое муниципальное образование способно самостоятельно оплатить необходимый объем кадастровых работ. Поэтому актуализацию сведений целесообразно включать в государственные

и муниципальные программы, предусматривая софинансирование и возможность объединенного заказа работ на региональном или межмуниципальном уровне. Очередность должна зависеть от риска незаконного выбытия объекта, а не только от даты его постановки на ведомственный учет.

В отношении имущества Российской Федерации и муниципального имущества оправдан поэтапный, но обязательный порядок. Утвержденный план должен определять перечень объектов, сроки инвентаризации и уточнения границ, ответственный орган и источник финансирования. После завершения кадастровых работ правообладатель обязан обеспечить внесение сведений в ЕГРН. Такая конструкция устраняет главный недостаток, выявленный в деле № 88-2724/2025: обязанность и срок будут следовать из закона и принятого на его основе плана, а не формироваться судом при рассмотрении единичного прокурорского иска.

Для частной недвижимости уже действует более мягкий механизм, связанный с юридически значимым событием. Если собственник намерен распорядиться участком, границы которого не отражены в ЕГРН, регистрационное действие приостанавливается до устранения недостатка. При этом ранее возникшее право не прекращается лишь потому, что объект еще не вовлечен в оборот. Развивать эту модель следует через заблаговременное уведомление правообладателей, бесплатное оформление ранее возникших прав и проведение комплексных кадастровых работ. Всеобщая санкция за бездействие была бы несоразмерна, особенно для граждан, которые не располагают документами или средствами для индивидуального межевания.

Отдельной очереди требуют земли, государственная собственность на которые не разграничена. Сам по себе этот режим закономерен до распределения полномочий по распоряжению земельным фондом. Риск возрастает, если участок имеет высокую кадастровую стоимость, расположен в границах населенного пункта, занят объектами обороны, социальной или инженерной инфраструктуры либо фактически используется третьим лицом без оформленного права. Открытый перечень таких участков позволит определить, где отсутствие актуальных сведений представляет не формальный недостаток, а реальную угрозу публичной собственности.

Предлагаемый порядок может быть закреплен через взаимосвязанные правовые средства. Ежегодный план актуализации определит объекты и сроки внесения сведений в ЕГРН. До отчуждения, передачи в аренду или концессию, а также до включения объекта в инвестиционный проект потребуется проверка его границ, титула и обременений. Ответственность должностного лица возможна лишь тогда, когда объект выявлен, необходимые полномочия определены, финансирование предоставлено, но установленная обязанность без уважительной причины не исполнена. Такое условие исключит наказание за объективную невозможность провести работы.

Эта модель не противоречит сохранению ранее возникших прав. Она касается порядка их публичного удостоверения и качества управления недвижимостью, а не возникновения или прекращения титула. Определить соответствующую обязанность должен законодатель: возложение ее судом без нормативного основания означало бы подмену правового регулирования. Уголовный закон применяется после совершения конкретного деяния. Регистрационные меры выполняют иную функцию - уменьшают число ситуаций, в которых ложный документ или заинтересованное решение трудно отличить от правомерного основания регистрации.

Профилактический результат зависит не от количества записей само по себе, а от их согласованности с границами, правоустанавливающими документами и фактическим использованием объекта. Полный реестр затрудняет применение фиктивной выписки, ложного межевого плана и незаконного решения регистратора, поскольку каждое из этих оснований можно сопоставить с уже имеющимися сведениями. Вместе с тем достоверность ЕГРН не заменяет доказывания по уголовному делу. Она лишь сокращает возможности для того, чтобы противоправная схема до ее выявления выглядела как обычная регистрационная процедура.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что криминогенное значение имеет устойчивое расхождение между характеристиками объекта, правовым титулом и сведениями ЕГРН. Нормативная неопределенность связана с отсутствием обязанности и срока, компетенционная - с неясностью ответственного органа, информационная - с противоречием реестровых, архивных и фактических данных. В рассмотренных уголовных делах эти условия использовались по-разному: для увеличения площади участка, подтверждения несуществующего ранее возникшего права, принятия заинтересованного решения либо внесения ложной записи непосредственно регистратором. Изменения, внесенные Федеральным законом № 487-ФЗ, создали действенный механизм для участков, которые вовлекаются в регистрационный оборот, но не решили вопрос о длительно неиспользуемом имуществе Российской Федерации и муниципальном имуществе. Для таких объектов необходимы установленная законом поэтапная актуализация, определение ответственного органа, бюджетное финансирование и приоритет участков с повы-

шенным риском незаконного выбытия. Предлагаемый подход сохраняет ранее возникшие права и одновременно повышает способность реестра предупреждать преступления в сфере недвижимости.

Список литературы:

[1] Арзамасов В. Ю. Мошенничество с земельными участками // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7. № 2. С. 144-156.

[2] Бадулина Е. В. Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости: предпосылки принятия и некоторые новеллы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 10 (169). С. 6-15.

[3] Батюкова В. Е. О правоприменительной практике мошенничества в сфере недвижимости // Закон и право. 2021. № 8. С. 114-117.

[4] Бевзенко Р. С. Принцип публичной достоверности реестра прав на недвижимость и его отражение в гражданском законодательстве // Закон. 2014. № 4. С. 113-125.

[5] Болтанова Е. С. Единый государственный реестр недвижимости - новый информационный ресурс // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 7 (178). С. 14-23.

[6] Гинис Л. А., Капустянская Л. Р. О проблемах неполноты сведений и наличия реестровых ошибок в ЕГРН и путях их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). С. 1-11.

[7] Кондольская А. А., Васильева Д. И. Комплексные кадастровые работы как инструмент актуализации сведений Единого государственного реестра недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4. С. 50-53.

[8] Можайская Л. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации действий кадастрового инженера и редакция нормы, предусмотренной статьей 170.2 УК РФ // Юридическое образование и наука. 2019. № 6. С. 24-27.

[9] Ямщикова И. С. Проблемные аспекты соотношения статьи 170.2 УК РФ со смежными составами преступления // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 285-288.

[10] Романов М. Е. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 93-96.

[11] О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ст. 4344.

[12] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412260014 (дата обращения: 06.09.2026).

[13] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

[14] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 января 2025 г. по делу № 88-2724/2025. Доступ из ГАС «Правосудие».

[15] Приговор Борисоглебского городского суда Воронежской области от 28 марта 2025 г. по делу № 1-11/2025. Доступ из ГАС «Правосудие».

[16] Приговор Правобережного районного суда г. Липецка от 6 июля 2017 г. по делу № 1-82/2017. Доступ из ГАС «Правосудие».

[17] Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 27 января 2025 г. по делу № 1-7/2025. Доступ из ГАС «Правосудие».

[18] Апелляционный приговор Севастопольского городского суда от 26 февраля 2025 г. по делу № 22-79/2025. Доступ из ГАС «Правосудие».

References:

[1] Arzamasov V. Yu. Land fraud // Justice/Justice. 2025. VOL. 7. № 2. S. 144-156.

[2] Badulina E.V. Federal Law on State Registration of Real Estate: Prerequisites for Adoption and Some Novelties // Property Relations in the Russian Federation. 2015. № 10 (169). S. 6-15.

[3] Batyukova V.E. On law enforcement practice of real estate fraud // Law and Law. 2021. № 8. S. 114-117.

[4] Bevzenko R. S. The principle of public reliability of the register of real estate rights and its reflection in civil legislation // Law. 2014. № 4. S. 113-125.

[5] Boltanova E. S. Unified state register of real estate - a new information resource // Property relations in the Russian Federation. 2016. № 7 (178). S. 14-23.

[6] Ginis L.A., Kapustyanskaya L. R. On the problems of incompleteness of information and the presence of registry errors in the USRN and ways to solve them // International Research Journal. 2023. № 1 (127). S. 1-11.

[7] Kondolskaya A. A., Vasilyeva D. I. Complex cadastral works as a tool for updating the information of the Unified State Register of Real Estate // Property Relations in the Russian Federation. 2025. № 4. S. 50-53.

[8] Mozhaiskaya L. A. Problems of criminal legal qualification of actions of a cadastral engineer and the revision of the norm provided for in Article 170.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal education and science. 2019. № 6. S. 24-27.

[9] Yamshchikova I. S. Problematic aspects of the relationship of Article 170.2 of the Criminal Code of the Russian Federation with related corpus delicti // State Service and Personnel. 2024. № 1. S. 285-288.

[10] Romanov M.E. Actual problems of state registration of rights to real estate // Eurasian Bar. 2023. № 1 (60). S. 93-96.

[11] On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 29. Art. 4344.

[12] On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 26, 2024 No. 487-FZ // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412260014 (access date: 06.09.2026).

[13] On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

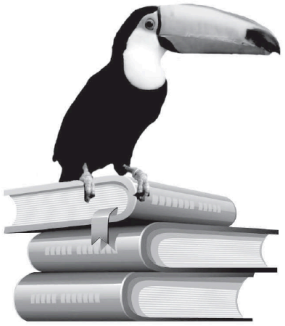
[14] Cassation ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated January 29, 2025 in case No. 88-2724/2025. Access from GAS "Justice.".

[15] The verdict of the Borisoglebsk City Court of the Voronezh Region of March 28, 2025 in case No. 1-11/2025. Access from GAS "Justice.".

[16] Verdict of the Pravoberezhny District Court of Lipetsk dated July 6, 2017 in case No. 1-82/2017. Access from GAS "Justice.".

[17] The verdict of the Cheboksary District Court of the Chuvash Republic of January 27, 2025 in case No. 1-7/2025. Access from GAS "Justice.".

[18] Appeal verdict of the Sevastopol City Court of February 26, 2025 in case No. 22-79/2025. Access from GAS "Justice.".

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-104-110
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ВЕНГЕРОВСКИЙ Евгений Леонидович,
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха, Российский экономический Университет им. Г. В. Плеханова,
e-mail: vengerovskiy.el@rea.ru

АМИРАЛИЕВ Рустам Мурадович,
Магистрант 2 курса, Магистрант Высшей школы права, Российский экономический Университет им. Г. В. Плеханова,
e-mail: amiraliiev.rustam@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИИ О НЕДОПУСТИМОСТИ НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу оснований направления предостережения о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства (ст. 25.7 Федерального закона «О защите конкуренции») после изменений, внесенных Федеральным законом от 14 октября 2024 г. № 344-ФЗ. Прослежено развитие оснований направления предостережения с 2011 г. и обосновано, что достоверность информации о планируемом поведении означает подтверждение сформированного намерения хозяйствующего субъекта, признаками которого являются определенность содержания, окончательность решения и его внешнее выражение. На примерах практики 2025-2026 гг. разграничены публичные заявления о необходимости повышения цен и ценовые прогнозы экспертов. Сделан вывод, что предостережение превратилось из средства, связанного с конструкцией согласованных действий, в общее средство предупреждения нарушений антимонопольного законодательства.*

Ключевые слова: *конкурентное право; предостережение, антимонопольный орган, превентивные средства, «мягкое право», достоверная информация, планируемое поведение, публичное заявление, согласованные действия, ценовые прогнозы.*

Для цитирования: *Венгеровский Е. Л., Амиралиев Р. М. К вопросу о предостережении о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства // Право и управление. 2026. № 10. С. 104–110.*

VENGEROVSKY Evgeny Leonidovich,
Candidate of Law, Associate professor, Associate Professor of the Department global financial markets and fintech, Plekhanov Russian University of Economics

AMIRALIEV Rustam Muradovich,
2nd-year master's student, master's student at the Higher School of Law, Plekhanov Russian University of Economics

ON THE ISSUE OF WARNINGS REGARDING THE INADMISSIBILITY OF VIOLATING ANTITRUST LEGISLATION

Annotation. *The article analyzes the grounds for issuing a caution on the inadmissibility of violating antimonopoly legislation (Article 25.7 of the Federal Law "On Protection of Competition") following the amendments introduced by Federal Law No. 344-FZ of October 14, 2024. It traces the development of the grounds for issuing a caution since 2011 and substantiates that the reliability of information on planned conduct means confirmation of an economic entity's formed intention, which is characterized by the definiteness of its content, the finality of the decision and its external expression. Drawing on examples from 2025-2026 practice, it distinguishes public statements on the need to raise prices from experts' price forecasts. It is concluded that the caution has evolved from a tool linked to the construct of concerted actions into a general means of preventing violations of antimonopoly legislation.*

Key words: *competition law, caution, antimonopoly authority, preventive measures, «soft law» reliable information, planned conduct, public statement, concerted actions, price forecasts.*

For citation: *Vengerovsky E. L., Amiraliev R. M. On the issue of warnings regarding the inadmissibility of violating antitrust legislation. Law and administration. 2026;(10):104–110. (In Russ.).*

Введение

Предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства, предусмотренное ст. 25.7 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции), относится к превентивным средствам, применяемым антимонопольным органом до совершения нарушения. На современном этапе этот институт находит применение, в частности, на социально значимых товарных рынках, так, по данным ФАС России, в 2023-2024 гг. в связи с публичными высказываниями о повышении цен на продовольственные товары было направлено 13 предостережений, а в 2025 г. на рынках продовольственных товаров - 10 [2; 9].

В июне 2025 г. предостережение было направлено в связи с условиями оферты оператора маркетплейса Wildberries, предусматривавшими, что с 30 июня 2025 г. регистрация и продолжение работы продавцов на площадке будут возможны только при открытии счета в аффилированной кредитной организации [12]. В марте-мае 2026 г. предостережения направлялись должностным лицам ряда хозяйствующих субъектов, выступавшим в средствах массовой информации в качестве экспертов, в связи с публичными прогнозами роста цен на авиабилеты, автомобили, продовольственные товары и топливо [10; 13]. В некоторых публикациях направление предостережений экспертам было истолковано как ограничение на распространение ценовых прогнозов [16]. Практика применения предостережения отражает более общую тенденцию развития превентивных средств защиты конкуренции, к которым наряду с ним относятся предупреждение (ст. 39.1 Закона о защите конкуренции) и антимонопольный комплаенс (ст. 9.1), причем сфера применения предупреждения неоднократно расширялась. Как указывает С.А. Пузыревский, отношения, связанные с направлением предостережений, входят в предмет конкурентного права в составе отношений по предупреждению ограничения, недопущения или устранения конкуренции [7]. В литературе такие средства характеризуются как «мягкие» инструменты антимонопольного регулирования [3; 8]. Их развитие повышает значение требований к основаниям применения, поскольку именно основания определяют, в каких случаях антимонопольный орган вправе реагировать на планируемое поведение хозяйствующего субъекта.

Основания направления предостережения были изменены Федеральным законом от 14 октября 2024 г. № 344-ФЗ: ч. 2 ст. 25.7 Закона о защите конкуренции дополнена указанием на достоверную информацию о планируемом поведении на товарном рынке. С 1 марта 2025 г. основанием для направления предостережения должностному лицу хозяйствующего субъекта наряду с публичным заявлением такого лица может служить информация, которая исходит не от самого адресата и не обязательно носит публичный характер, включая сведения о планируемом поведении, отраженные в условиях оферты или иных документах хозяйствующего субъекта.

Закрепление второго основания ставит задачу определить содержание критерия достоверности, то есть круг обстоятельств, подлежащих установлению для признания сведений о планируемом поведении достоверными. Так как само поведение на момент направления предостережения еще не осуществлено, предметом проверки может выступать прежде всего наличие у хозяйствующего субъекта сформированного намерения. Рассмотрение нового основания во взаимосвязи с другими основаниями направления предостережения, сложившимися в ходе развития ст. 25.7 Закона о защите конкуренции, позволяет решить эту задачу.

Цель статьи – раскрыть содержание требования достоверности информации о планируемом поведении хозяйствующего субъекта, для чего необходимо проследить развитие оснований направления предостережения и определить при-

знаки, при наличии которых такая информация может быть признана достоверной. В работе использованы формально-юридический, историко-правовой и сравнительный методы, а также анализ практики применения предостережений антимонопольным органом.

1. Развитие оснований направления

В первоначальной редакции, установленной Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ, ст. 25.7 предусматривала единственного адресата – должностное лицо хозяйствующего субъекта и единственное основание направления предостережения – публичное заявление такого лица о планируемом поведении на товарном рынке, если такое поведение может привести к нарушению антимонопольного законодательства и при этом отсутствуют основания для возбуждения и рассмотрения дела. Выбор этого основания согласуется с обновленной редакцией ч. 1 ст. 8 Закона о защите конкуренции, изложенной тем же законом, в силу п. 2 которой одним из условий признания действий хозяйствующих субъектов согласованными является то, что они заранее известны каждому из участников в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий. Предостережение, таким образом, изначально было ориентировано прежде всего на ту стадию, когда заявление о планируемом поведении уже сделано, а соответствующее поведение других участников рынка является возможным, но еще не последовало.

Федеральным законом от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ круг адресатов предостережения был распространен на должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, и государственных внебюджетных фондов, основанием для которых является – информация о планируемых таким лицом действиях (бездействии), способных привести к нарушению антимонопольного законодательства. В данном случае возможное нарушение связано с принятием актов и совершением действий (бездействия), ограничивающих конкуренцию (ст. 15 Закона о защите конкуренции).

Первоначальная редакция Федерального закона № 344-ФЗ предусматривала замену в ч. 2 ст. 25.7 публичного заявления «информацией о планируемом поведении такого лица», а пояснительная записка допускала ее получение «из любых источников». В таком виде основание не содержало требований к характеру сведений. Указание на достоверность появилось при подготовке законопроекта ко второму чтению одновременно с сохранением публичного заявления в качестве самостоятельного основания [5]. Тем самым расширение источников сведений, на котором основывалась концепция законопроекта, было принято законодателем с условием того, что информация, не являющаяся публичным заявлением адресата, независимо от ее источника и общедоступности может служить основанием для направления предостережения лишь при ее достоверности. Так, основания, соединенные в действующей редакции союзом «либо», различаются источником сведений и кругом обстоятельств, подлежащих установлению антимонопольным органом.

Формально и в редакции 2011 г. предостережение могло касаться риска нарушения любого антимонопольного запрета [1], но требование публичного заявления фактически связывало его применение с ситуациями, когда о намерениях становилось известно из высказываний самого должностного лица. Введение дополнительного основания для выдачи предостережения позволяет обусловить его применение риском нарушения иных запретов, в частности запретов злоупотребления доминирующим положением (ст. 10 и 10.1 Закона о защите конкуренции). Тем самым возникают дополнительные возможности превентивного антимонопольного контроля в целом. На это указывает и Комитет Совета Федерации по экономической политике, отмечая, что подобные меры дисциплинируют субъектов рынка и снижают количество рассматриваемых дел [5].

Показательно, что порядок направления предостережения, утвержденный приказом ФАС России от 14 декабря 2011 г. № 873 (утратил силу), требовал прилагать к докладной записке материалы, свидетельствующие о публичном заявлении (п. 2.1), то есть подтверждению подлежал именно факт заявления. Если же сведения получены из иного источника, под вопросом оказывается само существование планируемого поведения. Представляется, что при втором основании требование достоверности выполняет ту функцию, которую при первом выполняет сам факт публичного заявления – оно подтверждает существование того обстоятельства, с которым связан риск нарушения, и поэтому является самостоятельным элементом основания. Следовательно, выводы о наличии оснований, которые в силу п. 1 ч. 4 ст. 25.7 должно содержать предостережение, при втором основании должны охватывать и достоверность сведений. Этим, по-видимому, объясняется и различие в формулировках ч. 2 и ч. 2.1 ст. 25.7: для должностных лиц органов власти достаточно «информации», поскольку она касается собственных действий адресата и, как правило, содержится в официальных документах, происхождение которых сомнений не вызывает.

Развитие ст. 25.7 Закона о защите конку-

ренции шло по пути расширения как круга адресатов предостережения, так и видов сведений, на которых оно может основываться. Действующий закон различает три таких вида: публичное заявление должностного лица хозяйствующего субъекта, достоверную информацию о планируемом поведении на товарном рынке и информацию о планируемых действиях (бездействии) должностного лица органа власти или организации. Связь с конструкцией согласованных действий сохраняет значение для первого из них, но уже не определяет институт в целом.

2. Содержание требования достоверности информации о планируемом поведении

Закон о защите конкуренции не раскрывает понятие достоверности, поэтому его содержание может быть определено с учетом того, как это понятие используется в законодательстве, и его языкового значения. В процессуальном законодательстве доказательство признается достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности (ч. 3 ст. 71 АПК РФ). Как указывает О.Е. Фролова, прилагательное «достоверный» может относиться «только к проверенной информации» [15]. Соответствовать действительности сведения о планируемом поведении могут лишь в той части, в которой они отражают уже существующие обстоятельства, а именно сформированное намерение хозяйствующего субъекта совершить определенные действия на товарном рынке и внешнее выражение этого намерения.

Последующее исполнение намерения к моменту направления предостережения проверено быть не может, поэтому требование достоверности означает необходимость подтвердить существование сформированного намерения, а не установить, что планируемое поведение будет осуществлено. Сформированность намерения может быть установлена при наличии трех признаков – определенности содержания, окончательности решения (оно принято органом юридического лица или уполномоченным лицом и не поставлено в зависимость от дальнейшего согласования) и его внешнего выражения. Подтверждением таких обстоятельств могут служить, например, решения органов управления, приказы и иные локальные акты, условия договоров, оферты. Исходя из этих признаков могут оцениваться и сведения полученные в иной форме, так, проект документа свидетельствует о том, что решение находится на стадии подготовки, и сформированность намерения не подтверждает, однако если проект направлен контрагентам с указанием условий и срока их применения, то определяющее значение в данном случае может иметь определенность решения и его доведение до контрагентов.

Требование достоверности имеет значение и для характеристики предостережения как правового акта. Наряду с отнесением предостережения к «мягким» инструментам антимонопольного регулирования в литературе высказана позиция о его правовой природе: как указывают Т.И. Отческая и Т.И. Афанасьева, «предостережение любого органа власти по своей правовой природе является ненормативным правовым актом», обоснованность которого связана с соответствием действительности сведений, на которых он основан [6]. Независимо от того, как решается этот вопрос, закрепление требования достоверности информации непосредственно в ч. 2 ст. 25.7 служит гарантией обоснованности предостережения, направляемого по второму основанию, и правовой определенности для его адресата.

Как отмечалось, круг запретов, риск нарушения которых может служить основанием для предостережения, законом не ограничен, в предостережении указываются нормы антимонопольного законодательства, которые могут быть нарушены, без определения их перечня, а в разъяснениях ФАС России, данных при введении этого института (письмо от 27 декабря 2011 г. № ИА/48801 «О применении „третьего антимонопольного пакета“», разд. 16), его цель и содержание определены в том же общем виде. Этим предостережение отличается от предупреждения, которое выдается лишь при признаках нарушения запретов, прямо указанных в ч. 2 ст. 39.1. Закрепление второго основания расширяет возможности применения предостережения, поскольку планируемое поведение, способное привести к нарушению антимонопольных запретов, не всегда становится предметом публичного заявления. Как указывает О.Н. Кузнецова, предупреждение предназначено для пресечения отдельных нарушений на ранних стадиях их совершения [4]. Поэтому достоверная информация должна относиться к поведению, которое еще не начало осуществляться, например к условиям оферты, опубликованным до начала их применения. Когда же такие условия уже применяются к контрагентам и содержат признаки нарушений, указанных в ч. 2 ст. 39.1 Закона о защите конкуренции, выдается предупреждение.

Таким образом, при втором основании достоверными могут быть признаны сведения о сформированном, но еще не реализованном намерении того хозяйствующего субъекта, должностному лицу которого направляется предостережение, самостоятельным условием при этом остается то, что реализация намерения может привести к нарушению антимонопольного законодательства.

Примером применения второго основания

может служить упомянутое во введении предостережение, направленное в июне 2025 г. в связи с условиями оферты оператора маркетплейса Wildberries. Сведения о планируемом поведении содержались здесь не в высказывании должностного лица, а в документе самого хозяйствующего субъекта, адресованном продавцам на площадке: содержание новых условий и дата начала их применения были определены, а решение доведено до сведения контрагентов. Предостережение было направлено до наступления даты, с которой новые условия подлежали применению, а 27 июня 2025 г. было сообщено, что открытие счета в аффилированном банке не будет обязательным условием регистрации новых продавцов и соответствующие положения оферты скорректированы [17], иллюстрируя тем самым превентивное назначение предостережения.

Другой характер соотношения с основаниями ч. 2 ст. 25.7 имеют случаи, в которых сведения о предстоящем повышении цен распространяются публично. В декабре 2025 г. предостережение было направлено в связи с высказыванием председателя совета директоров SFT Group о необходимости повышения цен на упаковочную бумагу на 10 %; при этом указывалось, что такие заявления могут быть восприняты участниками рынка как побуждение к повышению цен и привести к нарушению запрета на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию [11]. По своему содержанию данное высказывание прогнозом не является, так как в нем не оценивается вероятное изменение цен, а указывается, как должны поступить участники рынка, на котором работает сам хозяйствующий субъект, и определяется размер повышения. Такое заявление наиболее близко к ситуации, на которую изначально было ориентировано первое основание, а именно к публичному заявлению одного из участников рынка, способному сделать повышение цен заранее известным другим участникам.

Иной характер имеют публичные прогнозы динамики цен. Так, в декабре 2025 г. предостережение было направлено директору Института народнохозяйственного прогнозирования РАН в связи с его комментариями средству массовой информации о возможном росте цен, производителям одновременно было указано на недопустимость необоснованного повышения цен [14]. С аналогичным обоснованием в мае 2026 г. предостережения были направлены руководителю аналитического отдела инвестиционной компании «Риком-Траст», директору по коммуникациям GIS Mining и генеральному директору ООО «Альянс Тракс» [13] в связи с прогнозами стоимости продовольственных товаров и топлива. В обоснование указывалось, что такие прогнозы могут быть восприняты участниками рынка как побуждение к изменению стоимости товаров, согласованные действия которых могут привести к установлению или поддержанию цен и содержать в себе признаки нарушения антимонопольного законодательства.

Представляется, что при оценке таких высказываний необходимо разграничивать аналитическое суждение о вероятном изменении цен и сообщение о конкретном планируемом поведении на товарном рынке, независимо от того, названо ли высказывание прогнозом. Способность прогноза с учетом его содержания, статуса автора и обстоятельств распространения стать для участников рынка общим ориентиром при определении цен, в том числе в части, не обусловленной изменением внешних обстоятельств, сама по себе не свидетельствует о наличии основания для направления предостережения: необходимо установить, какое планируемое поведение в нем отражено и каким образом оно способно привести к нарушению. Именно через возможную координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов, то есть согласование их действий третьим лицом, прогноз способен связываться с риском нарушения Закона о защите конкуренции. При этом само предостережение выступает превентивной мерой, указывающей на потенциальную угрозу, без констатации факта нарушения закона.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что в результате развития института предостережение из средства, применение которого фактически определялось конструкцией согласованных действий, стало общим средством предупреждения нарушений антимонопольного законодательства, а последовательное расширение оснований его направления и практика их применения свидетельствуют об усилении превентивной составляющей антимонопольного регулирования. Требование достоверности информации о планируемом поведении при этом означает необходимость подтвердить существование сформированного намерения хозяйствующего субъекта, признаками которого являются определенность содержания, окончательность решения и его внешнее выражение.

Список литературы:

[1] Борзило, Е. Ю. Предупреждения и предостережения антимонопольного органа как инструмент правового регулирования в России / Е. Ю. Борзило. – Текст : непосредственный // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 1 (34). – С. 192–195.

[2] Глава ФАС представил доклад о состоянии конкуренции в торговле. – Текст : электрон-

ный // New Retail : [сайт]. – 2024. – 21 июня. – URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/glava_fas_predstavil_doklad_o_sostoyanii_konkurentsii_v_torgovle8815/ (дата обращения: 04.10.2026).

[3] Гуленков, М. С. Классификация российских источников «мягкого права» в сфере антимонопольного регулирования / М. С. Гуленков. – Текст : непосредственный // Российское конкурентное право и экономика. – 2025. – № 3 (43). – С. 24–37.

[4] Кузнецова, О. Н. Превентивные меры антимонопольного контроля в законодательстве государств - участников СНГ / О. Н. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Российское конкурентное право и экономика. – 2024. – № 3 (39). – С. 20–31.

[5] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» : законопроект № 409891-8. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/409891-8 (дата обращения: 06.10.2026).

[6] Отческая, Т. И. Правовая природа предостережения о недопустимости нарушения требований в ТЭК / Т. И. Отческая, Т. И. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3. – С. 135–150.

[7] Пузыревский, С. А. Основные тенденции развития конкурентного права в современных условиях / С. А. Пузыревский. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 8. – С. 14–24.

[8] Спирчагов, Г. С. Предостережения и предупреждения — «мягкий» инструмент антимонопольного регулирования / Г. С. Спирчагов. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2021. – № 6. – С. 525–532.

[9] ФАС в 2025 году возбудила 32 дела о нарушениях на рынке продовольствия. – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – 2026. – 11 июня. – URL: https://www.interfax.ru/business/1095428 (дата обращения: 04.10.2026).

[10] ФАС выдала предостережение гендиректору Fun & Sun. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – 2026. – 23 марта. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8533027 (дата обращения: 04.10.2026).

[11] ФАС выдала предостережение компании SFT Group. – Текст : электронный // Ведомости : [сайт]. – 2025. – 4 дек. – URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/12/04/1160645-fas-vidala-predosterezhenie (дата обращения: 18.10.2026).

[12] ФАС выдала предостережение Wildberries, обязавшему продавцов открывать счета в дочернем банке. – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – 2025. – 25 июня. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1033108 (дата обращения: 04.10.2026).

[13] ФАС выдала предостережения экспертам из-за заявлений о росте цен. – Текст : электронный // Ведомости : [сайт]. – 2026. – 6 мая. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/05/06/1195510-fas-vidala-predosterezheniya (дата обращения: 04.10.2026).

[14] ФАС выдала предупреждение из-за заявления о возможном росте цен на яйца. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – 2025. – 23 дек. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8314714 (дата обращения: 07.10.2026).

[15] Фролова, О. Е. О языке научного исследования / О. Е. Фролова. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2. – С. 147–154.

[16] Щукин, П. Экспертам запретили предупреждать россиян о росте цен / П. Щукин. – Текст : электронный // Лента.ру : [сайт]. – 2026. – 6 мая. – URL: https://lenta.ru/news/2026/05/06/tssssssss/ (дата обращения: 04.10.2026).

[17] Wildberries снял с продавцов обязательства по открытию счета в своем банке. – Текст : электронный // New Retail : [сайт]. – 2025. – 27 июня. – URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/wildberries_snyal_obyazatelstva_prodavtsov_otkryvat_scheta_v_svoem_banke/ (дата обращения: 08.10.2026).

References:

[1] Borzilo, E. Yu. Warnings and warnings of the antimonopoly authority as an instrument of legal regulation in Russia/E. Yu. Borzilo. - Text: direct // Business. Education. Right. – 2016. – № 1 (34). - S. 192-195.

[2] The head of the FAS presented a report on the state of competition in trade. - Text: electronic // New Retail: [site]. – 2024. - June 21. – URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/glava_fas_predstavil_doklad_o_sostoyanii_konkurentsii_v_torgovle8815/ (дата обращения: 04.10.2026).

[3] Gulenkov, M. S. Classification of Russian sources of "soft law" in the field of antimonopoly regulation/M. S. Gulenkov. - Text: direct // Russian competition law and economy. – 2025. – № 3 (43). - S. 24-37.

[4] Kuznetsova, O. N. Preventive measures of antimonopoly control in the legislation of the CIS member states/O. N. Kuznetsova. - Text: direct // Russian competition law and economy. – 2024. – № 3 (39). - S. 20-31.

[5] On amending the Federal Law "On Protection of Competition": Bill No. 409891-8. - Text: electronic // Legislative support system: [site]. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/409891-8 (access date: 06.10.2026).

[6] Otcheskaya, T. I. The legal nature of the

warning about the inadmissibility of violation of requirements in the fuel and energy complex / T. I. Otcheskaya, T. I. Afanasyeva. - Text: direct // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2020. – № 3. - S. 135-150.

[7] Puzyrevsky, S. A. The main trends in the development of competitive law in modern conditions / S. A. Puzyrevsky. - Text: direct // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2025. – № 8. - S. 14-24.

[8] Spirchagov, G. S. Warnings and warnings - a "soft" tool of antimonopoly regulation/ G. S. Spirchagov. - Text: direct // Moscow Economic Journal. – 2021. – № 6. - S. 525-532.

[9] In 2025, the Federal Antimonopoly Service opened 32 cases of violations in the food market. - Text: electronic // Interfax: [website]. – 2026. - June 11. - URL: https://www.interfax.ru/business/1095428 (access date: 04.10.2026).

[10] FAS issued a warning to the CEO of Fun & Sun. - Text: electronic // Kommersant: [website]. – 2026. - March 23. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8533027 (access date: 04.10.2026).

[11] FAS issued a warning to SFT Group. - Text: electronic // Vedomosti: [site]. – 2025. - Dec 4 - URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/12/04/1160645-fas-vidala-predosterezhenie (Accessed: 18.10.2026).

[12] The FAS issued a warning to Wildberries, which obliged sellers to open accounts with a subsidiary bank. - Text: electronic // Interfax: [website]. – 2025. - June 25. - URL: https: //www.interfax.ru/russia/1033108 (access date: 04.10.2026).

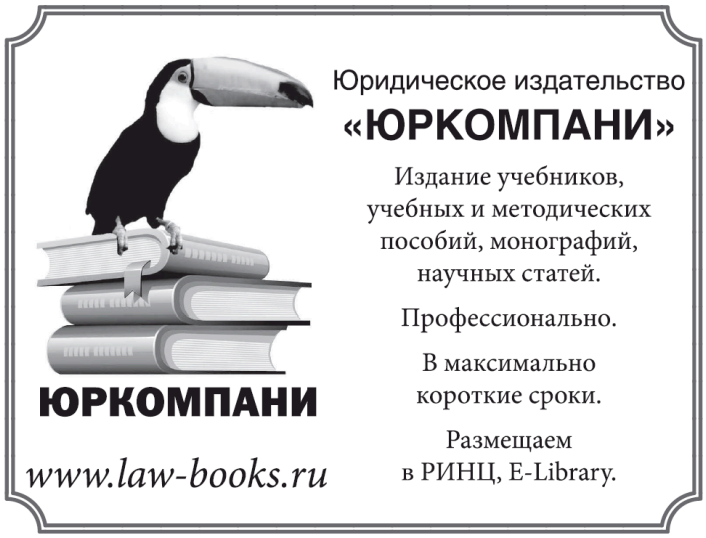
[13] FAS issued warnings to experts due to statements about price increases. - Text: electronic // Vedomosti: [site]. – 2026. - May 6. - URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/05/06/1195510-fas-vidala-predosterezheniya (access date: 04.10.2026).

[14] The FAS issued a warning due to a statement about a possible increase in egg prices. - Text: electronic // Kommersant: [website]. – 2025. - Dec 23 - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8314714 (Accessed: 07.10.2026).

[15] Frolova, O. E. On the language of scientific research / O. E. Frolova. - Text: direct // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2021. – № 2. - S. 147-154.

[16] Schukin, P. Experts were forbidden to warn Russians about rising prices / P. Schukin. - Text: electronic // Лента.ру: [site]. – 2026. - May 6. - URL: https://lenta.ru/news/2026/05/06/tsssssss/ (access date: 04.10.2026).

[17] Wildberries has released sellers from their obligations to open an account with their bank. - Text: electronic // New Retail: [site]. – 2025. - June 27. – URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/wildberries_snyal_obyazatelstva_prodavtsov_otkryvat_scheta_v_svoem_banke/ (дата обращения: 08.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-111-118

БРЯКИН Александр Дмитриевич,
магистр 2-го курса кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: alexandro2467@mail.ru

Научный руководитель:
КРОХИНА Юлия Александровна,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: info@audit.msu.ru

КОНФЛИКТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАЧАЛ В СТАТУСЕ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается конфликт между основными целями деятельности и публичными функциями кредитных организаций, в том числе в сфере ПОД/ФТ, и предлагаются пути его смягчения.*

Ключевые слова: *кредитная организация, прибыль, публичные функции, ПОД/ФТ, отказ, банковский счёт.*

Для цитирования: *Брякин А. Д. Конфликт публично-правовых и частноправовых начал в статусе кредитных организаций в Российской Федерации // Право и управление. 2026. № 10. С. 111–118.*

BRYAKIN Alexander D.,
2nd year master's student, Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Scientific adviser:
KROKHINA Yulia A.,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

CONFLICT OF PUBLIC-LAW AND PRIVATE-LAW PRINCIPLES IN THE STATUS OF CREDIT INSTITUTIONS

Annotation. *The article examines the conflict between the core operational objectives and public functions of credit institutions, including in the sphere of AML/CFT, and proposes ways to mitigate it.*

Key words: *credit institution, profit, public functions, AML/CFT, refusal, bank account.*

For citation: *Bryakin A. D. Conflict of public-law and private-law principles in the status of credit institutions. Law and administration. 2026;(10):111–118. (In Russ.).*

Введение

Правовой статус кредитной организации принято характеризовать как двойственный. Формально законодатель определяет её как юридическое лицо, которое действует ради извлечения прибыли как основной цели деятельности и вправе осуществлять банковские операции на основании лицензии Банка России [14]. Перед нами классическая коммерческая организация, подчинённая логике предпринимательского риска [13]. Вместе с тем государство использует банковскую систему как инфраструктуру реализации собственных задач: на банки возлагаются обязанности по валютному контролю, налоговому администрированию, сопровождению бюджетных средств и, прежде всего, по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ) [10].

Автор исходит из того, что суть внутреннего конфликта правового статуса кредитных организаций состоит в следующем. Согласно ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Федеральный закон № 395–1) основной целью деятельности кредитной организации является извлечение прибыли. При этом государство возлагает на банки, по сути, публичные функции, исполнение которых не приносит прибыли и нередко прямо ей противоречит. Например, указанные функции требуют затрат на комплаенс, ограничивают круг обслуживаемых клиентов и под угрозой жёстких санкций вынуждают принимать коммерчески невыгодные решения [3]. Следствием становится практика, когда кредитные организации просто вынуждены «отказываться от своих клиентов», причем не всегда из-за реальных признаков противоправности операций, а нередко ради минимизации собственных рисков.

Проблема находится на стыке банковского, гражданского и финансового права. Соотношение публичных и частных элементов правосубъектности кредитных организаций проанализировано Е. Н. Горловой [22]. Проблематика «отказных» полномочий банков в сфере ПОД/ФТ разрабатывается Д. Г. Алексеевой [20; 21]. Вместе с тем, по мнению Автора, недостаточно показано, что конфликт публичного и частного в статусе банка имеет экономическую основу, то есть несовпадение того, кто несёт бремя публичных функций, и того, кто получает от них выгоду. Цель статьи состоит в выявлении природы и проявления этого конфликта, а также в его иллюстрировании на примере применения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ). По итогу размышлений предлагается сформулировать рекомендации по смягчению указанного противоречия [8].

1. Частноправовая основа статуса кредитной организации

Исходный пункт анализа состоит в признании того, что кредитная организация создаётся и действует как субъект частного права. Коммерческая организация, согласно ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – Гражданский кодекс РФ), преследует извлечение прибыли в качестве основной цели; предпринимательская деятельность, по ст. 2 Гражданского кодекса РФ, является самостоятельной деятельностью, осуществляемой на свой риск. Федеральный закон № 395–1 добавляет лицензию и исключительное право банка осуществлять в совокупности привлечение денежных средств во вклады, их размещение от своего имени и за свой счёт, а также открытие и ведение банковских счетов [14].

Е. Н. Горлова справедливо подчёркивает, что изначальной основой статуса кредитных организаций выступают нормы частного права, а публично-правовые элементы «располагаются на частноправовом фундаменте» [22, с. 45]. Автор считает, что отсюда следует практический вывод о том, что действия банка в споре с клиентом должны оцениваться по критериям добросовестности и недопустимости злоупотребления правом, а не по критерию усмотрения административного органа [11].

Даже внутри частноправовой конструкции договора банковского счёта заложены императивные ограничения. Банк обязан заключить договор с клиентом, обратившимся с предложением открыть счёт на объявленных банком условиях, и не вправе отказать в открытии счёта, кроме случаев, когда отказ допускается законом [12]. Кредитная организация не вправе определять и контролировать направления использования денег клиента и устанавливать не предусмотренные законом или договором ограничения права распоряжаться ими, а ограничение распоряжения счётом допускается лишь в случаях, предусмотренных законом. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что эти нормы защищают права клиента, включая право беспрепятственно распоряжаться деньгами на счёте [16]. Д. Г. Алексеева называет открытие счёта и проведение по нему операций «несомненным правом» клиента, ограничиваемым лишь в предусмотренных законом случаях [21, с. 35].

По мнению Автора, п. 2 ст. 846 Гражданского кодекса РФ является первым «публичным» элементом внутри частноправового договора. Он ограничивает свободу договора и по функции близок к публичному договору, согласно которо-

му банк, обладающий исключительным правом на ведение счетов, не может выбирать контрагентов так, как обычный субъект предпринимательской деятельности. Тем самым Гражданский кодекс РФ уже признаёт, что цель извлечения прибыли в данном случае не абсолютна.

2. Публичная нагрузка на банки: масштаб и юридическая природа

Публично-правовой слой статуса банков сегодня охватывает почти все сферы финансовой деятельности. Во-первых, кредитные организации являются агентами валютного контроля [7], и, по наблюдению Е. Н. Горловой, от органов власти их отличает лишь отсутствие возможности применять меры ответственности [22, с. 47–48]. Во-вторых, уполномоченные банки ведут счета эскроу безвозмездно, а их коммерческий интерес обеспечивается лишь кредитованием застройщиков [22, с. 48; 6]. В-третьих, опорный банк осуществляет расчёты и вправе приостанавливать операции исполнителей по гособоронзаказу [22, с. 48; 5]. В-четвёртых, кредитные организации приостанавливают операции по счетам по решениям налоговых органов и несут специальную ответственность по гл. 18 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее – Налоговый кодекс РФ) [22, с. 51–52; 11]. Наконец, в сфере ПОД/ФТ банк осуществляет внутренний контроль операций собственных клиентов.

В науке предпринимались попытки определить юридическую природу такого положения. Ю. А. Загороднев говорит о «тройственной» природе кредитных организаций, в рамках которой они действуют в собственных интересах, осуществляют хозяйственную деятельность в публичных целях и реализуют публичные функции [23]. А. А. Ситник предлагает именовать такие субъекты «финансовыми агентами публичного права» [26]. С. Г. Пепеляев отмечает, что при уплате налогов банк действует как представитель публичных интересов государства [24]. Г. Ф. Ручкина настаивает на закреплении в законе понятия «уполномоченные банки» и единых критериев к ним [25].

Принципиально, что публичные полномочия кредитных организаций, как отмечает Е. Н. Горлова, не носят властного характера [22, с. 45]. Автор считает, что здесь и скрыт источник конфликта. Классическое делегирование публичной функции частному субъекту предполагает, что вместе с задачей передаются полномочия и источник финансирования (бюджет, тариф, сбор). В банковской сфере ситуация обстоит иначе. На частную коммерческую организацию возлагаются публичные обязанности: «выявление», «фиксирование», «приостаноление», «отказ», «сообщение», но не передаются ни властные полномочия, ни компенсация издержек, тогда как ответственность за неисполнение носит публичный характер. Автор предлагает обозначать это явление термином «публичная нагрузка» банка. Деление банков на публичные и частные по характеру превалирующего интереса [22, с. 45–46] Автор считает обоснованным для Банка России, ВЭБ.РФ или Банка ДОМ.РФ, но для коммерческих банков такая градация проблему не снимает, так как интерес у них частный, а нагрузка одинаковая. Поэтому правильнее говорить не о «типах» банков, а о двух режимах деятельности — договорном и функциональном, между которыми и возникает конфликт.

3. Законодательство о ПОД/ФТ как зона наибольшего напряжения

3.1. Правовые рамки и «отказные» полномочия кредитных организаций

Согласно ст. 1 Федерального закона № 115-ФЗ, настоящий закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства, что подтверждает и Конституционный Суд РФ [16]. Банки обязаны идентифицировать клиентов, представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, документально фиксировать информацию, сообщать об операциях в уполномоченный орган и организовывать внутренний контроль. Центральное место занимают «отказные» полномочия, в рамках которых банк вправе отказаться от заключения договора счёта при подозрении в отмывании доходов или финансировании терроризма, приостановить операцию, отказать в выполнении распоряжения клиента и после двух и более таких отказов в течение года расторгнуть договор. При этом, необходимо отметить, что такие отказы не служат основанием гражданско-правовой ответственности банка [21, с. 36–37].

Федеральным законом от 21.12.2021 № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена градация степеней риска юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [2]. Таким образом с 2022 года кредитные организации получили возможность отказывать в обслуживании организациям, которые были отнесены Банком России к категории высокого («красного») риска. Негативные последствия также коснулись и тех компаний, которые оказались в средней («желтой») зоне риска. Причем механизм выхода из упомянутой «зоны» на законодательном уроне до сих пор не закреплен.

Законодатель постепенно корректирует конструкцию. Федеральным законом от 30.12.2020 № 536-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» из

п. 11 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ исключено право банка отказывать в операции из-за непредставления документов, необходимых для фиксирования информации [4]. Это совпадает с направлением, предложенным Д. Г. Алексеевой, которое заключалось в сокращении чисто формальных оснований отказов [21, с. 42–43].

3.2. Асимметрия ответственности и «отказ от клиентов»

Ключевая проблема, по мнению Автора, заключается в асимметрии стимулов для кредитных организаций. Неисполнение требований законодательства о ПОД/ФТ влечёт для банка административную ответственность и санкционные меры Банка России, включая штрафы, исчисляемые от размера капитала, и в предельном случае отзыв лицензии [9]. Необоснованный же отказ клиенту сопоставимых санкций не влечёт, так как отказные решения, как отмечалось ранее, не порождают гражданско-правовой ответственности. При такой конфигурации поведение банка, в рамках которого сомнение трактуется против клиента, представляется вполне рациональным.

Д. Г. Алексеева констатирует, что неопределённость критериев отказных решений в сочетании со строгой ответственностью вынуждает банки перестраховываться и выносить такие решения в массовом порядке [21, с. 34, 38–39]. Автор разделяет этот вывод и добавляет экономическое измерение. Для банка клиент является источником доходов и одновременно носителем риска. Обслуживание клиента с повышенным риском требует запросов документов, анализа и мониторинга. Если доход не покрывает этих затрат и потенциального санкционного риска, отказ становится коммерчески оптимальным решением. Практикующие юристы прямо указывают, что кредитные организации несут существенные дополнительные расходы на контроль и стремятся переложить их на клиентов [27]. Поэтому «отказ от клиента» становится не столько злоупотреблением, сколько закономерным результатом столкновения коммерческого интереса с публичной нагрузкой. Для юридического лица, обязанного по общему правилу рассчитываться безналично, такой отказ означает фактическую невозможность вести свою деятельность.

3.3. Судебная практика: граница между публичной функцией и частным интересом

Судебная практика по спорам об отказных решениях долго была неоднородной. Одни суды требовали от банка мотивированных подозрений, другие признавали основания, перечисленные в Положении Банка России от 18.06.2025 № 860-П, самостоятельными и достаточными [15]. Определение Верховного Суда РФ от 20.06.2023 № 305-ЭС23-812 частично снимает эту неопределённость [18]. Три инстанции признали незаконным отказ

ПАО «Промсвязьбанк» в открытии счёта ООО «Единение авторских исследований+», поскольку банк не доказал противоправных целей клиента. Банк ссылался на минимальный уставный капитал, отказ клиента представить расширенные выписки и информацию Банка России о решениях иных банков. Судебная коллегия по экономическим спорам отменила акты, указав, что основанием для отказа служит не доказанный банком факт отмывания, а наличие обоснованных подозрений, возникших по итогам проверки по установленным критериям, и что суды обязаны проверить конкретные факторы, на которые ссылается кредитная организация.

По мнению Автора, подход Верховного Суда в целом можно назвать оправданным. Требование доказать факт отмывания ещё до открытия счёта лишило бы превентивный механизм смысла, ведь ПОД/ФТ строится на оценке риска, а не на констатации преступления. Не случайно Д. Г. Алексеева замечает, что перечень оснований не может быть исчерпывающим [21, с. 38]. Однако стандарт «обоснованных подозрений» не отвечает на вопрос о допустимой формализации подозрения. Когда фактором служит минимальный уставной капитал, то есть обстоятельство, не запрещённое законом и типичное для малого бизнеса, судебный контроль превращается в проверку последовательности применения банком собственных правил внутреннего контроля. Граница между законным риск-ориентированным подходом и произвольным отказом тем самым проходит по локальному акту коммерческой организации. Таким образом решение об ограничении права клиента, имеющее публичное значение, принимается на основании частного акта.

В рамках рассматриваемой проблемы также определенный интерес представляет Определение Судебной коллегии от 04.09.2024 № 305-ЭС24-5195 по делу ИП Султанова В. М. против АО КБ «Локо-Банк» [17]. Банк списал со счёта предпринимателя 50 000 руб. в качестве штрафа за непредставление документов, запрошенных из-за подозрения в сомнительности операций. Суды трёх инстанций сочли это допустимым. Верховный Суд, сославшись на п. 4 Обзора судебной практики № 1 (2021), указал, что банк вправе относить сделки к сомнительным и требовать информацию, но закон связывает с этим лишь приостановление операции или отказ в её выполнении, а не штраф или повышенную плату. Ключевое обоснование свелось к тому, что контроль в целях ПОД/ФТ осуществляется в публичных интересах, во исполнение обязанностей, возложенных законом, а не на основании договора с клиентом, поэтому публичная функция не может использоваться как «способ извлечения выгоды за счет

клиента» [19].

Автор рассматривает это Определение как наиболее ясное признание двойственной природы банковской деятельности. В данном случае суд разделил «договорное» и «публичное» измерение отношений банка и клиента и запретил использовать второе для получения дохода в первом. Автор поддерживает этот вывод, так как иначе публичная обязанность превратилась бы в предпринимательский инструмент. Однако, как полагает Автор, решение закрывает лишь половину проблемы. Оно устраняет злоупотребление, но не отвечает на вопрос, кто несёт издержки публичной функции. Поскольку банк не вправе компенсировать их за счёт «сомнительного» клиента, а государство их не компенсирует, банк будет сокращать их единственным доступным способом — не принимая дорогих и рискованных клиентов. Парадоксально, но справедливый запрет штрафов и повышенных комиссий усиливает стимул к «отказу от клиента». Отмечается к тому же, что кредитные организации нередко маскируют такие платежи под плату за услуги [27].

Конституционный Суд РФ в Определении от 24.12.2024 № 3476-О, отказав в принятии жалобы ООО «Авэй Риэлти», подтвердил, что п. 3 ст. 845 и п. 1 ст. 858 Гражданского кодекса РФ защищают право клиента распоряжаться деньгами на счёте, а ст. 7.6–7.8 Федерального закона № 115-ФЗ о присвоении Банком России высокой степени риска не содержат неопределённости и не предполагают произвольного применения [16]. Автор не склонен видеть в этом одобрение практики по существу, так как суд оценил лишь конституционность норм и указал, что проверка обстоятельств конкретного дела не входит в его компетенцию. Поэтому разрешение конфликта переносится в плоскость правоприменения и законодательной политики.

4. Пути смягчения конфликта

Автор полагает, что публичная нагрузка на банки и вытекающие из неё ограничения прав клиентов должны оцениваться через принцип соразмерности [1]. Для банков это означает учёт при введении новых обязанностей их совокупной стоимости, а для клиентов — недопустимость ограничений сверх необходимого для целей ПОД/ФТ.

Автор считает необходимым выровнять стимулы введением симметрии ответственности и «безопасной гавани». Добросовестное применение документально оформленной процедуры (фиксация конкретных факторов подозрения, оценка пояснений клиента, информирование о причинах решения) должно освобождать кредитную организацию от неблагоприятных последствий. Отказ же, принятый вне процедуры либо без конкретных факторов, следует признавать недобросовестным и влекущим возмещение убытков клиента, причём бремя доказывания обоснованности подозрений целесообразно возложить на банк, который один располагает соответствующими сведениями. Определение № 305-ЭС23-812 движется в этом направлении, и задача законодателя, по мнению Автора, состоит в его нормативном закреплении.

Вслед за Д. Г. Алексеевой Автор поддерживает разграничение необычных, подозрительных, сомнительных и транзитных операций и выработку алгоритма действий по каждой из них [21, с. 43–44]. Формальные признаки (минимальный уставный капитал, адрес массовой регистрации) должны быть основанием для запроса сведений, но не самостоятельным основанием для отказа. Автор понимает, что информирование клиента о причинах отказа сталкивается с запретом информировать о мерах ПОД/ФТ и закрытостью правил внутреннего контроля [21, с. 42]. Однако выходом из данной ситуации может быть раскрытие причины в обобщённой форме, не обнажающей индикаторы риска, но достаточной для судебной защиты.

Запрет штрафов и повышенных комиссий, по мнению Автора, должен быть дополнен признанием того, что издержки комплаенса могут учитываться в общих тарифах, единых для категории клиентов и не зависящих от квалификации конкретной операции как сомнительной. Это не противоречит выводу Верховного Суда, запретившего именно повышенную плату за «сомнительные» операции и штраф за непредставление информации, но легализует прозрачный способ покрытия расходов и снижает стимул к скрытым платежам и массовым отказам.

Наконец, предложение Е. Н. Горловой заменить отбор уполномоченных банков аккредитацией [22, с. 50] Автор поддерживает для сфер, где участие банка связано с доступом к виду деятельности (эскроу, оборонный заказ, страхование вкладов). Для ПОД/ФТ, распространяющегося на все банки в силу закона, аккредитация неприменима, и необходимы меры, изложенные выше. Законодателю также следует упорядочить терминологию, поскольку понятие «уполномоченный банк» не имеет общей дефиниции и порой применяется к субъектам, не наделённым публичными полномочиями.

Заключение

Правовой статус кредитной организации строится на частноправовом фундаменте, но содержит развитую публично-правовую надстройку. Конфликт возникает, когда надстройка начинает определять содержание договорных отношений банка с клиентом. По мнению Автора, его суть сводится к несовпадению субъекта, получающего выгоду от банковской деятельности, и субъекта, в интересах которого исполняется пуб-

личная функция, при том, что бремя издержек и ответственности несёт кредитная организация (публичная нагрузка). Наиболее остро указанное противоречие проявляется в законодательстве о ПОД/ФТ, где широкие «отказные» полномочия сочетаются с жёсткой ответственностью за неисполнение требований и отсутствием сопоставимой ответственности за необоснованный отказ, что делает «отказ от клиентов» рациональной стратегией. Практика Верховного Суда РФ разграничила договорную и публичную сферы, но не решила вопрос об издержках публичной функции. Автор предлагает опираться на соразмерность публичной нагрузки, симметрию ответственности, формализацию критериев подозрительности, прозрачный учёт издержек комплаенса в общих тарифах и упорядочение терминологии, что позволит сохранить эффективность антиотмывочного режима и не лишит банки предпринимательской направленности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренным в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru 06.10.2022 (дата обращения: 13.10.2026).

[2] Федеральный закон от 15.12.2025 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // «Собрание законодательства РФ», 22.12.2025, № 51, ст. 7981.

[3] Федеральный закон от 21.12.2021 № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 27.12.2021, № 52 (часть I), ст. 8982.

[4] Федеральный закон от 30.12.2020 № 536-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // «Собрание законодательства РФ», 04.01.2021, № 1 (часть I), ст. 75.

[5] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 04.07.2026) «О государственном оборонном заказе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2026) // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7600.

[6] Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.

[7] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О валютном регулировании и валютном контроле» // «Собрание законодательства РФ», 15.12.2003, № 50, ст. 4859.

[8] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

[9] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

[10] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // «Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3418.

[11] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // «Собрание законодательства РФ», № 31, 03.08.1998, ст. 3824.

[12] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.

[13] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[14] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 04.08.2026) «О банках и банковской деятельности» // «Собрание законодательства РФ», 05.02.1996, № 6, ст. 492.

[15] Положение Банка России от 18 июня 2025 г. № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности» // Вестник Банка России, 20 августа 2025 г. № 34.

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 № 3476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «АВЭЙ РИЭЛТИ» на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 845, пунктом 1 статьи 858 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 7.6, пунктами 5 и 8 статьи 7.7, пунктами 1 и 2 статьи 7.8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

[17] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2024 № 305-ЭС24-5195 по делу № А40-56514/2023.

[18] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2023 № 305-ЭС23-812 по делу № А40-31224/2022.

[19] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021).

[20] Алексеева Д. Г. «Отказные» полномочия банков в отношении подозрительных операций клиентов: вопросы соблюдения частных и публичных интересов // Банковское право. 2018. № 4. С. 9–17.

[21] Алексеева Д. Г. «Отказные решения» банков по ПОД/ФТ: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8 (72). С. 34–44.

[22] Горлова Е. Н. Кредитные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9. С. 44–53.

[23] Загороднев Ю. А. Кредитные организации как субъекты финансово-правовой ответственности : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 28 с.

[24] Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2015. 796 с.

[25] Ручкина Г. Ф. Особые условия допуска кредитных организаций к отдельным сферам экономической деятельности: к вопросу о понятии «уполномоченные банки» // Банковское право. 2021. № 1. С. 7–16.

[26] Ситник А. А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2020. 240 с.

[27] Назаренко Я., Занина А. Сомнительные штрафы: ВС отменяет комиссии за неисполнение требований антиотмывочного закона // Коммерсантъ. 2024. 15 сент.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru 06.10.2022 (access date: 13.10.2026).

[2] Federal Law of 15.12.2025 No. 462-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" and Articles 4.1 and 5.1 of the Federal Law "On Special Economic Measures and Coercive Measures" // "Collection of Legislation of the Russian Federation" 22.12.2025, No. 51, Art. 7981.

[3] Federal Law No. 423-FZ dated 21.12.2021 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation" 27.12.2021, No. 52 (Part I), Art. 8982.

[4] Federal Law of 30.12.2020 No. 536-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // "Collection of Legislation of the Russian Federation" 04.01.2021, No. 1 (Part I), Art. 75.

[5] Federal Law No. 29.12.2012 dated 275-FZ (as amended 04.07.2026) "On the State Defense Order" (amended and supplemented, entry. by virtue of 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation 31.12.2012, No. 53 (part 1), Art. 7600.

[6] Federal Law No. 214-FZ of 30.12.2004 (ed. 09.04.2026) "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation" 03.01.2005, No. 1 (Part 1), Art. 40.

[7] Federal Law No. 173-FZ dated 10.12.2003 (as amended by 04.08.2026) "On Currency Regulation and Currency Control" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 15.12.2003, No. 50, Art. 4859.

[8] Federal Law No. 10.07.2002 of 86-FZ (as amended by 04.08.2026) "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation 15.07.2002, No. 28, Art. 2790.

[9] "Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. of 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation 07.01.2002, No. 1 (part 1), Art. 1.

[10] Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 (as amended by 04.08.2026) "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 13.08.2001, No. 33 (Part I), Art. 3418.

[11] "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" dated 31.07.1998 No. 146-FZ (rev. dated 04.08.2026) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.10.2026) // "Collection of Legislation of the Russian Federation" No. 31, 03.08.1998, Art. 3824.

[12] "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation 29.01.1996, No. 5, Art. 410.

[13] "Civil Code of the Russian Federation (Part

One)" dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation 05.12.1994, No. 32, Art. 3301.

[14] Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 (as amended by 04.08.2026) "On Banks and Banking Activities" // "Collection of Legislation of the Russian Federation" 05.02.1996, No. 6, Art. 492.

[15] Bank of Russia Regulation No. 860-P, dated 18 June 2025, "On Requirements to Internal Control Rules of a Credit Institution, a Branch of a Foreign Bank through which a Foreign Bank Operates in the Russian Federation, for the Purpose of Countering Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, Financing of Terrorism and Extremist Activities" // Bank of Russia Bulletin, August 20, 2025, No. 34.

[16] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.12.2024 No. 3476-O "On refusal to accept for consideration the complaint of AVEY REALTY LLC on violation of its constitutional rights by paragraph 3 of Article 845, paragraph 1 of Article 858 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 7.6, paragraphs 5 and 8 of Article 7.7, paragraphs 1 and 2 of Article 7.8 of the Federal Law "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism".

[17] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.09.2024 No. 305-EC24-5195 in case No. A40-56514/2023.

[18] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.06.2023 No. 305-ES23-812 in case No. A40-31224/2022.

[19] "Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021)" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 07.04.2021).

[20] D. G. Alekseeva "Refusal" powers of banks in relation to suspicious transactions of clients: issues of compliance with private and public interests // Banking law. 2018. № 4. S. 9-17.

[21] Alekseeva D. G. "Refusal decisions" of banks on AML/CFT: yesterday, today, tomorrow // Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2020. № 8 (72). S. 34-44.

[22] Gorlova E. N. Credit institutions as subjects of financial law // Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 9. S. 44-53.

[23] Zagorodnev Yu. A. Credit institutions as subjects of financial and legal responsibility: author's review. dis. cand. jurid. sciences. Saratov, 2015. 28 pp.

[24] Tax law: textbook for universities / ed. S. G. Pepelyaev. M.: Alpina Publisher, 2015. 796 p.

[25] Ruchkina G.F. Special conditions for admitting credit institutions to certain areas of economic activity: to the question of the concept of "authorized banks" // Banking law. 2021. № 1. S. 7-16.

[26] Sitnik A. A. Financial control and supervision in the field of money circulation in the Russian Federation: monograph. M.: Prospect, 2020. 240 s.

[27] Nazarenko Ya., Zanina A. Dubious fines: the Armed Forces cancels commissions for non-compliance with the requirements of the anti-money laundering law // Kommersant. 2024. Sept. 15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-119-122
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ РЕЖИМОВ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПОИСК ОБЪЕКТИВНОЙ ДИСПОЗИТИВНОСТИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию некоторых аспектов регламентации требований, предъявляемых к разработке проектов предметов охраны, границ территорий, защитных зон и зон охраны объектов культурного наследия. Обосновано, что в ряде случаев данной регламентации присуща значительная степень диспозитивности, проявляющаяся в легализованной возможности разработчиков проектов самостоятельно определить массив и источники данных, на основании которых проводятся соответствующие исследования. Аргументировано, что закрепленный в законодательстве подход не в полной мере отвечает задачам охраны объектов культурного наследия, обеспечению баланса публичных и частных интересов, а также паритетному положению самих частных субъектов. По итогам исследования предложено сконцентрировать усилия по разработке на междисциплинарной основе ясных и однозначно трактуемых требований к проектам режимов объектов культурного наследия.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, правовые режимы, требования к разработке проектов, диспозитивное регулирование, баланс частных и публичных интересов.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. Требования к разработке проектов режимов объектов культурного наследия: поиск объективной диспозитивности. Постановка проблемы // Право и управление. 2026. № 10. С. 119–122.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

REQUIREMENTS FOR THE DEVELOPMENT OF DESIGN PROJECTS FOR THE REGIMES OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS: THE SEARCH FOR OBJECTIVE DISPOSITIVITY. STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation. *The work is devoted to the study of certain aspects of regulating the requirements for the development of projects related to the protection of objects, the boundaries of territories, protective zones, and zones for the protection of cultural heritage sites. It has been substantiated that in a number of cases, this regulation is characterized by a significant degree of disposability, which manifests itself in the legally*

recognized ability of project developers to independently determine the range and sources of data on the basis of which the relevant studies are conducted. It has been argued that the approach enshrined in the legislation does not fully meet the objectives of protecting cultural heritage sites, ensuring a balance between public and private interests, and maintaining parity among private entities themselves. Based on the study's findings, it is proposed to focus efforts on developing clear and unambiguous requirements for the design of cultural heritage site regimes on an interdisciplinary basis.

Key words: *cultural heritage sites, legal regimes, project development requirements, dispositive regulation, balance of private and public interests.*

For citation: *Pivnenko D. L. Requirements for the development of design projects for the regimes of cultural heritage objects: the search for objective dispositivity. Statement of the problem. Law and administration. 2026;(10):119–122. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обусловлена нормами Конституции РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), сочетающими гарантии обеспечения сохранности объектов культурного наследия (далее – ОКН) и свободы научного творчества, а также предпринимательской деятельности.

Взаимосвязанная реализация названных принципов проявляется и в разработке проектов режимов ОКН – предметов охраны (далее – ПО ОКН), границ территорий (далее – ГТ ОКН), защитных зон (далее – ЗЗ ОКН) и зон охраны (далее – ЗО ОКН), где конечный «продукт», представляя собой итог предпринимательской (как правило) и научной (во всех случаях) деятельности, направлен на обеспечение охраны ОКН, что, между прочим, служит доказательством двойственности содержания самого понятия «охрана» [1].

В то же время, анализ нормативных правовых актов (далее – НПА) в исследуемой сфере (приказы Минкультуры России от 13 января 2016 г. «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Приказ № 28) и от 04 июня 2015 г. № 1745 «Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия» (далее – Приказ № 1745), постановления Правительства РФ от 14 декабря 2016 г. № 1357 «Об утверждении Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны объекта культурного наследия на расстоянии, отличном от расстояний, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 34.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения такого объекта культурного наследия и о внесении изменений в Положение о государственной историко-культурной экспертизе» (далее – Постановление № 1357) и от 12 сентября 2015 г. № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление № 972)) показывает, что регламентация разработки вышеуказанных проектов обладает весьма примечательным дискуссионным аспектом, проявляющимся в следующем.

Так, оказывается, что некоторым нормам названных НПА, по мнению автора, присуща не просто диспозитивность в ее сформированном теоретическом понимании [2, 3, 4], но «сверхдиспозитивность», раскрывающаяся в легализованной возможности разработчиков проектов самостоятельно определить массив и источники данных, на основании которых проводятся соответствующие исследования в целях разработки проектов ПО ОКН, ГТ ОКН, ЗЗ ОКН и ЗО ОКН.

Так, Постановление № 1357 закрепляет только лишь самые общие требования к проекту ЗЗ ОКН (необходимость наличия текстовой и картографической части), не раскрывая состав исходной документации и источники, на основании которых должен быть подготовлен соответствующий проект.

Постановление № 972 содержит более конкретные указания для разработчиков проектов ЗО ОКН (см. пункт 6 Положения о ЗО ОКН, утвержденного указанным НПА) и, вместе с тем, среди прочих источников их подготовки называет архивные, историко-культурные и другие исследования, не предъявляя к таким исследованиям каких-либо требований.

Приказ № 1745 закрепляет массив дан-

ных, служащий основанием разработки проекта ГТ ОКН, однако, предваряет его словосочетанием «могут включать», впоследствии признавая и «иные материалы» исходной предпосылкой подготовки проекта.

Приказ № 28 одновременно с элементами долженствования (пункт 6 Порядка определения ПО ОКН, утвержденного данным НПА) вводит значительную по своему объему регламентацию общего характера (пункты 3 и 4 названного НПА), закрепляя в качестве источников формирования проектов ПО ОКН, в том числе «иные материалы и документы».

Таким образом, положения вышеприведенных НПА, по мнению автора, подтверждают ранее заявленный тезис о свойствах диспозитивного регулирования, касающегося разработки проектов режимов ОКН.

Сказанному, очевидно, возможно противопоставить аргументацию, сводящуюся к тому, во-первых, что ряд проектов подлежат государственной историко-культурной экспертизе (изменения ГТ ОКН, ЗО ОКН, ЗЗ ОКН), во-вторых, что имеются некоторые ГОСТы, регламентирующие разработку проектов [5, 6], в-третьих, что итоговое решение об утверждении режима ОКН есть исключительная компетенция уполномоченных публичных субъектов и, в-четвертых, что научный поиск все же нельзя ограничить безусловно жесткими императивными нормами.

В то же время, не все проекты режимов ОКН подлежат государственной историко-культурной экспертизе (например, проекты ПО ОКН не экспертируются во всех случаях), ГОСТы не носят обязательного характера [7], а соответствующие решения публичных субъектов базируются, собственно, на самих проектах.

Кроме того, представляется, что регламентация разработки проектов режимов ОКН должна обладать максимально возможной однозначностью, что справедливо и по отношению к способам исследований, и по отношению к использованию «иных материалов», обосновывающих предлагаемые режимы ОКН, поскольку, в конечном итоге, они служат целям охраны ОКН и напрямую воздействуют на объем прав и обязанностей правообладателей ОКН, а также вещей-неОКН, как только такие вещи осложняются режимами ОКН (например, ГТ ОКН, устанавливающие запрет на возведение объектов капитального строительства или же ПО ОКН, значительно ограничивающие возможности правообладателей по физическому воздействию на внешний облик объектов).

Одновременно с этим, ситуация осложняется отсутствием требования наличия у разработчиков проектов режимов ОКН специальной гражданской правоспособности, что ранее отмечалось автором [8].

Иными словами, при прочих равных условиях, разработка проектов режимов ОКН, хотя и утверждаемых уполномоченными публичными субъектами, оказывающих воздействие на права и обязанности как неопределенного (любой субъект в силу обязанности каждого по сохранению ОКН), так и вполне определенного круга лиц (правообладателей ОКН и вещей, осложняемых их режимами), осуществляется субъектами общей гражданской правоспособности при легализованном широком усмотрении разработчика на способы исследований, объем и источники основополагающей документации.

Вместе с тем, представляется, что исследуемой регламентации нельзя усвоить и безусловную императивность, поскольку это бы вступало в противоречие с самим содержанием охраны ОКН, среди прочего предусматривающей научно-изыскательский подход, обеспечивающий сохранение уникального в каждом конкретном случае объекта, что не может быть «помещено» в рамки жестко очерченного варианта поведения.

Более того, такая регламентация по своему духу противоречила бы и гражданским правоотношениям, возникающим по поводу разработки рассматриваемых проектов.

Однако же и «сверхдиспозитивность» порождает значительное количество вопросов относительно достаточности используемого разработчиками проектов режимов ОКН массива данных, способов и приемов исследований, что в итоге напрямую воздействует на качество изготовляемой продукции.

Очевидно, что разрешение исследуемой проблематики надлежит искать в сочетании императивно-диспозитивного регулирования, направленного, в том числе и на обеспечение баланса публичных и частных интересов, а также паритетного положения самих частных субъектов, при котором право на осуществление предпринимательской деятельности одних субъектов не приводило бы к необоснованному ограничению прав других.

При этом, видится, что намеченный поиск должен основываться исключительно на междисциплинарном подходе с участием специалистов различных отраслей знания, а средством правового регулирования складывающихся отношений мог бы выступать «договор охраны» [9, с. 264].

Подводя итоги публикации, автор приходит к выводу о том, что регламентация разработки проектов режимов ОКН обладает рядом дискуссионных аспектов, в связи с чем предлагается сконцентрировать усилия по разработке ясных и однозначно трактуемых требований к таким проектам, направленных как на обеспечение охраны ОКН, так и на защиту гражданских прав разработчиков, правообладателей ОКН и иных субъектов.

Список литературы:

[1] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[2] Алексеев С.С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 7-53.

[3] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

[4] Анисимов А.П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков; под общей редакцией А.Я. Рыженкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 435 с.

[5] ГОСТ Р 58204-2018 «Проект охранных зон объекта всемирного наследия. Состав и содержание. Общие требования» (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 августа 2018 г. № 505-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200160231?marker=7D20K3 (дата обращения: 11.09.2026).

[6] ГОСТ Р 59124-2020 «Сохранение объектов культурного наследия. Состав и содержание научно-проектной документации проекта зон охраны. Общие требования» (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 октября 2020 г. № 936-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/573103748?marker=7D20K3 (дата обращения: 11.09.2026).

[7] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Пивненко Д.Л. Некоторые дискуссионные аспекты гражданской правоспособности разработчиков проектов режимов объектов культурного наследия // Право и управление. 2026. № 9.

[9] Шаронов С.А. Динамика договора охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 263-265.

References:

[1] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law. sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[2] Alekseev S.S. The Subject of Soviet Civil Law and the Method of Civil-Legal Regulation // Anthology of Ural Civil Law Studies. 1925-1989: collection of articles. Moscow: Statut, 2001. S. 7-53.

[3] Civil Law. In 4 vols. Vol. 1: General Part: textbook. For university students studying in the field of study 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / [V.S. Em et al.]; ed. by E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 720 s.

[4] Anisimov A.P. Civil Law of Russia. General Part: a textbook for universities / A.P. Anisimov, M.Yu. Kozlova, A.Ya. Ryzhenkov; ed. by A.Ya. Ryzhenkov. – 5th ed., rev. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 435 s.

[5] GOST R 58204-2018 “Project of Protection Zones for a World Heritage Site. Composition and Content. General Requirements” (approved and put into effect by Order № 505-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 21, 2018) // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200160231?marker=7D20K3 (date of reference: 11.09.2026).

[6] GOST R 59124-2020 “Preservation of Cultural Heritage Objects. Composition and Content of the Scientific and Design Documentation for the Project of Protection Zones. General Requirements” (approved and put into effect by Order № 936-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated October 27, 2020) // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/573103748?marker=7D20K3 (date of reference: 11.09.2026).

[7] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2024, № APL24-32 // SPS “ConsultantPlus”.

[8] Pivnenko D.L. Some debatable aspects of the civil legal capacity of developers of project regimes for cultural heritage sites // Law and Management. 2026. № 9.

[9] Sharonov S.A. Dynamics of the Protection Agreement // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2014. №. 3. S. 263-265.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-123-128
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БАРЫШНИКОВ Марат Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), e-mail: mail@law-books.ru

ДМИТРИЕВА Ирина Дмитриевна,
студентка 5 курса ВГУЮ (РПА Минюста России), e-mail: mail@law-books.ru

МЯГКОВА Евгения Владимировна,
старший преподаватель кафедры финансов и учета факультета экономики и финансов ЧОУ Московского университета имени С. Ю. Витте, e-mail: mail@law-books.ru

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В настоящей научной статье автор рассматривает особенности применения оговорки о публичном порядке в международном частном праве (далее – МЧП) с позиции теории и практики. Автор научной работы исследует сущность данной оговорки, ее отдельные правовые характеристики, далее анализирует правовое регулирование и примеры правоприменения в сфере гражданских, семейных, торговых правоотношений. В заключении настоящей научной статьи автор также отмечает проблемный характер законодательства и формирования единообразной судебной практики по делам, связанным с применением оговорки о публичном порядке, необходимость совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики. Объектом исследования являются особенности применения оговорки о публичном порядке в МЧП с позиции теории и практики. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей применения оговорки о публичном порядке в МЧП с позиции теории и практики. Методы исследования: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей применения оговорки о публичном порядке в МЧП с позиции теории и практики. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями применения оговорки о публичном порядке в МЧП с позиции теории и практики в современном российском и международном частном праве.*

Ключевые слова: *оговорка, оговорка о публичном порядке, правовое регулирование, международное частное право, публичный порядок, судебная практика.*

Для цитирования: *Барышников М. Ю., Дмитриева И. Д., Мягкова Е. В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: вопросы теории и практики // Право и управление. 2026. № 10. С. 123–128.*

BARYSHNIKOV Marat Yuryevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

DMITRIEVA Irina Dmitrievna,
5th year student of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

MYAGKOVA Evgenia Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of Finance and Accounting, Faculty of Economics and Finance, S. Yu. Witte Moscow University

PUBLIC POLICY CLAUSE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *In this scientific article, the author examines the specifics of the application of the public order clause in private international law (hereinafter referred to as the MES) from the standpoint of theory and practice. The author of the scientific work examines the essence of this reservation, its individual legal characteristics, then analyzes the legal regulation and examples of law enforcement in the field of civil, family, and commercial legal relations. In the conclusion of this scientific article, the author also notes the problematic nature of legislation and the formation of uniform judicial practice in cases involving the application of the public order clause, the need to improve legal regulation and law enforcement practice. The object of the research is the peculiarities of applying the public order clause in the MCHP from the standpoint of theory and practice. The aim of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the application of the public order clause in the MCHP from the point of view of theory and practice. Research methods: formal legal, comparative, comparative analysis, dialectical, generalization, concretization, systematization and system method, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the research consists in the preparation of a comprehensive study, the formation of author's conclusions on the specifics of the application of the public order clause in the MCHP from the standpoint of theory and practice. This scientific article, therefore, will be useful for theorists, practitioners, students and teaching staff in the humanities and other fields of study, as well as for a wider range of readers interested in the specifics of the application of the public order clause in the MCHP from the standpoint of theory and practice in modern Russian and international private law.*

Key words: *reservation, public order clause, legal regulation, private international law, public order, judicial practice.*

For citation: *Baryshnikov M. Yu., Dmitrieva I. D., Myagkova E. V. Public policy clause in private international law: questions of theory and practice. Law and administration. 2026;(10):123–128. (In Russ.).*

Оговорка о публичном порядке в настоящее время выступает одним из наиболее распространенных в международно-правовой практике допустимым ограничительным инструментом действия подлежащих применению норм иностранного права. В глобальном смысле внедрение данного инструмента в отечественное право преследует две цели: это обеспечение эффективной защиты от разного рода неблагоприятных последствий применения норм иностранного права в конкретном деле и закрепление возможности определить степень обеспеченности правовыми гарантиями участников правоотношений, что касается и иностранных граждан (к примеру, это защита от необоснованного отказа в применении норм иностранного права по причине возникновения противоречия последствий его применения публичному порядку). Отметим, что на практике оговорка о публичном порядке крайне широко распространена, и ее реальное применение можно наблюдать в правовом регулировании всех сфер общественных отношений [2; 4].

Кратко рассмотрим сущность и правовые особенности оговорки о публичном порядке.

Согласно нормам ст. 1193 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с положениями, установленными разделом VI ГК РФ, не применяется в ситуации, если последствия применения данной нормы права явно противоречили бы публичному порядку РФ с учетом особенностей правоотношений, осложненных иностранным элементом. В подобной ситуации подлежит применению соответствующая норма российского права. Ч. 2 указанной статьи правило дополняется: отказ в применении спорной нормы иностранного права не может быть вынесен только лишь на основании каких-либо отличий правовой, политической или экономической системы иностранного государства от аналогич-

ных характеристик государства российского.

Таким образом, оговорку о публичном порядке необходимо рассматривать как значимый и широко распространенный на практике институт МЧП, общепризнанным принципом, фактически обеспечивающим соблюдение баланса между применением правовых норм МЧП и непосредственно обеспечением эффективной защиты суверенитета государства. Важно отметить, что оговорка о публичном порядке не имеет своей целью установления запретов или ограничений в отношении правопорядка иностранного государства, а касается лишь противодействия в отношении конкретной нормы иностранного права.

Также обратим внимание, что для зарубежных государств оговорка о публичном порядке аналогично является широко применяемым на практике ограничительным инструментом, имеет правовое закрепление и в законодательстве иностранных государств, и в международных договорах и соглашениях. Даже в государствах, где в законодательстве данный правовой инструмент не установлен, тем не менее, на практике оговорка о публичном порядке применяется. Собственно, и «прародителем» оговорки о публичном порядке является иностранное право – так, становление института исследователи связывают с французским гражданским правом, где рассматриваемый инструмент был нормативно закреплен в ст. 6 Гражданского кодекса Французской Республики (1804 г.).

Рассмотрим правовые особенности оговорки о публичном порядке. Прежде всего, необходимо заметить, что в мировой юридической практике традиционно выделяется две разновидности данного ограничительного инструмента – это позитивная и негативная оговорки о публичном порядке. Важно отметить, что существенных различий между указанными видами нет, и в обоих ситуациях принято сопоставлять содержание соответствующих норм иностранного и национального права. В числе ключевых различий между позитивной и негативной оговорками о публичном порядке можно указать, в частности, на то, что в первом случае в законодательстве присутствует некоторый перечень норм национального права, обладающих приоритетом над иностранным правовым регулированием, во втором случае мы наблюдаем лишь общую отсылку к публичному порядку – т.е., не только к праву, но и, например, к нормам морали и нравственности.

Чаще всего в МЧП мы можем наблюдать именно негативную оговорку о публичном порядке, которая имеет нормативное закрепление в праве многих государств мира. Однако современное правоприменение свидетельствует о том, что на практике параллельно с законодательно закрепленной негативной правоприменитель часто использует также и позитивную оговорку о публичном порядке. Это свидетельствует о совершенствовании правового регулирования в данной области, трансформации правоприменения и их актуализации под качественно новые внешние условия.

Критическим в контексте применения оговорки о публичном порядке выступает нарушение интересов конкретного государства, и здесь важно понимать, что подразумевается под «публичным порядком». Существенной проблемой в данном случае является фактическое отсутствие установленного нормативно термина «публичный порядок», что приводит к неоднозначности толкования, препятствует формированию единообразной правоприменительной практики, особенно в контексте применения права судебными инстанциями различных государств мира.

Тем не менее, анализ национального права и правовой доктрины позволяет сформулировать некоторые наиболее распространенные составляющие публичного порядка, а именно:

включает конституционные основы, фундаментальные принципы права, характерные для конкретного государства, а также общепринятые нормы морали и нравственности;

правовое регулирование международного уровня;

права, свободы, законные интересы физических и юридических лиц, а также государства и общества в целом [3].

Все изложенное свидетельствует об оценочном свойстве публичного порядка, его абстрактном характере, что приводит практически к невозможности установления четкого, единообразного правового регулирования. Поэтому на практике мы наблюдаем, что в каждом государстве публичный порядок определяется по-разному, особенно это касается его реального наполнения и содержания.

Второй значимой составляющей оговорки о публичном порядке является противоречие публичному порядку. В данном случае под данным термином подразумевается высокая степень общественной, государственной опасности. К примеру, если применение нормы иностранного права может привести к реальным угрозам общественному порядку, национальной безопасности государства, нарушению норм морали и нравственности. Отметим, что на практике судебные органы иностранных государств стараются осторожно подходить к применению оговорки о публичном порядке, поскольку ее применение способно привести к неоправданному ограничению правоотношений, умалению прав, свобод, законных интересов человека и гражданина.

Таким образом, противоречие публичному порядку аналогично понимается в соответствии

с законодательством и правоприменением в конкретном государстве. И здесь также нельзя свести сущность противоречия к единому пониманию.

Для российского права оговорка о публичном порядке является относительно новым институтом, исторически насчитывающим лишь три десятилетия. Несмотря на наличие правового регулирования, тем не менее, нельзя говорить о высоком качестве законодательного закрепления. Наиболее распространенным применение оговорки о публичном порядке является в семейных правоотношениях. К примеру, это касается разрешения вопросов законности признания браков, заключенных за рубежом, в ситуации нарушения норм национального права. Так, в России не могут быть признаны законными брачные союзы, заключенные между близкими родственниками или лицами одного пола, что вполне актуально для некоторых зарубежных стран (Латвия, Литва, Германия и другие).

Нормативно применение оговорки о публичном порядке в семейном праве России регламентировано ст. 167 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [3]. Исследователи (например, Л.П. Антуфьева) справедливо отмечают, что семейно-брачные правоотношения – это традиционная сфера применения МЧП, поэтому широкое применение в них оговорки о публичном порядке логично и объяснимо [1]. Тем не менее, в отечественной судебной практике по разрешению семейных споров крайне сложно найти отказ, вынесенный именно в соответствии с нормами ст. 167 СК РФ.

Иной вывод можно сделать, анализируя уже арбитражную практику, где даже было выработано собственное понимание публичного порядка, сформулированное Высшим Арбитражным судом РФ (далее – ВАС РФ, ликвидирован в 2014 г.). В частности, это положения Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 г. № 156 (далее – Информационное письмо) [5], разъясняющие, что публичный порядок – это фундаментальные принципы, обладающие высшей юридической силой (императивностью), универсальностью, особой степенью общественной и публичной значимости, составляющие основу построения всех систем государства. Впоследствии данное толкование было неоднократно использовано в правоприменении, однако противоречие данной трактовке активно рассматривается как основание для отказа в признании, приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей.

В российском праве оговорка о публичном порядке, как и в большинстве случаев, представлена в негативном варианте, минимально конкретизирована. Если рассматривать правовое регулирование и правоприменение комплексно, то под характеристиками публичного порядка в отечественном правовом поле необходимо понимать (некоторые примеры):

основы конституционного, общественного строя РФ;

основные конституционные принципы, также закрепленные в других правовых источниках;

непосредственно основополагающие принципы права и другое [3].

Отметим, что в своем большинстве составные элементы и характеристики публичного порядка, актуальные для российского права, схожи с аналогичными особенностями, выделяемыми в законодательстве и судебной практике зарубежных государств.

Другой существенной проблемой, актуальной уже для правоприменения, выступает невозможность конкретизации всех условий отказа от регулирования нормами иностранного права с учетом широкого разнообразия правоотношений в конкретной области. Данная проблема остается актуальной и для большинства зарубежных государств, однако в правовой доктрине необходимость разрешения указанного вопроса является спорной. Так, к примеру, некоторые исследователи отмечают, что именно проблема определения целесообразности поиска выхода из указанной проблемной ситуации оставляет по-прежнему превалирующей в отечественном праве именно негативную оговорку о публичном порядке. В настоящее время проблема «рамочности» нормы ст. 1193 ГК РФ остается актуальной для дискуссий в правовой доктрине.

Еще один пример нормативного закрепления оговорки о публичном порядке в российском правовом поле – это Кодекс торгового мореплавания РФ (далее – КТМ), где, к слову, данный инструмент представлен именно в позитивном смысле, косвенно урегулирован положениями ст. 414 КТМ и иными нормами [3].

Если же рассматривать процессуальное законодательство, то здесь оговорка о публичном порядке в российской практике основана на единстве формулировок, представленных в международных правовых источниках. К примеру, это положения Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (1961 г.), Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958 г.), а также некоторые международные договоры, заключенные РФ [3].

Вернемся к упомянутому выше Информационному письму и обозначим основные рекомендации, которые были сформулированы высшей судебной инстанцией РФ в отношении применения на практике оговорки о публичном порядке [5]. В частности, это невозможность пересмотра

иностранного судебного или арбитражного решения по существу вследствие производства оценки арбитражным судом документа на предмет нарушения публичного порядка РФ. Тем не менее, арбитражный суд обязан отказать в признании и последующем приведении в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения по собственной инициативе, если подобное противоречие все же будет установлено. Кроме того, ВАС РФ обратил внимание, что сторона, которая заявляет о наличии рассматриваемого противоречия, обязана доказать свои доводы. Еще одна значимая рекомендация – это невозможность вынесения арбитражным судом решения о наличии противоречия публичному порядку РФ в случае, если единственным основанием для этого выступает отсутствие в российском праве нормы, аналогичной спорной норме иностранного права. Соответственно, на данном основании не может быть отказано в признании и приведении в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения [5].

Отметим, что, в общем и целом, перечисленные и иные выводы, указанные в Информационном письме, схожи с иностранной практикой разрешения споров рассматриваемой категории.

В конечном итоге, анализируя особенности применения оговорки о публичном порядке в МЧП, мы можем наблюдать следующее. Во-первых, это явную высокую теоретико-практическую востребованность данного института для российского права, его актуальный и развивающийся характер. Во-вторых, изложенное свидетельствует об очевидной необходимости совершенствования и правового регулирования, и правоприменительной практики, что, в первую очередь, касается формирования понятийного аппарата [7]. И здесь мы сталкиваемся с существенной проблемой, касающейся фактической невозможности приведения терминологической составляющей в некое единство, подведение к «общему знаменателю». Это касается и самого по себе термина «публичный порядок», и определения того, что же выступает спорным противоречием. Единственным адекватным источником в данном случае служит правовая доктрина, однако, безусловно, доктрина выступает лишь рекомендательным источником, не имеет юридической силы. Сегодня мы наблюдаем за тем, как многие государства мира (в том числе и Россия) проводят активную работу по конкретизации элементов публичного порядка, используя для этого различные по своим свойствам правовые инструменты. Тем не менее, в настоящее время законодательство об оговорке о публичном порядке в данном контексте по-прежнему выступает проблемным, сложным для правоприменения, что делает судебную практику неоднозначной.

Главным инструментом качественного развития в данном случае может выступать детализация правового регулирования на международном уровне, что, в свою очередь, будет способствовать формированию более качественной регламентации и на уровне национального права. Представляется актуальной также имплементация некоторых норм зарубежного права в российскую правовую систему – к примеру, это положения о сущности публичного порядка, и т.д. [8]

Также мы полагаем важным для настоящего времени направлением развития продолжение разного рода теоретико-практических разработок по данному вопросу, повышение внимания к нему со стороны научного сообщества России.

Все это, в конечном итоге, способно сформировать более целостный и системный правовой статус оговорки о публичном порядке в отечественном праве.

Кратко отметим ключевые выводы по результатам представленного исследования.

Предметом детального изучения в настоящей научной работе выступают вопросы теории и практики о применении в МЧП оговорки о публичном порядке.

Прежде всего, автором исследования отмечается, что сегодня нет единого понимания о сущности оговорки о публичном порядке, поскольку отсутствует урегулирование терминов «публичный порядок», «противоречие публичному порядку» и т.д. Эта проблема актуальна и для национального, и для международного права, в том числе это касается законодательства зарубежных государств.

Отмечается, что существует также ряд иных актуальных правовых проблем.

В работе приводится анализ некоторых норм отечественного права, касающихся особенностей применения оговорки о публичном порядке, а именно:

ст. 1193 ГК РФ;

ст. 414 КТМ РФ;

ст. 167 СК РФ;

а также разъяснения ВАС РФ, выраженные в Информационном письме (носят рекомендательный характер) [5].

В конечном итоге, автор исследования делает вывод о высокой степени актуальности оговорки о публичном порядке в современном российском праве и правоприменении, о значительной востребованности, однако одновременно – о существенной проблемности рассматриваемого института. Кроме того, автор отмечает необходимость более детальной научно-исследовательской проработки вопроса, что в настоящее время также обладает проблемным характером.

Список литературы:

[1] Ануфриева Л.П. Некоторые проблемы нового российского регулирования по международному частному праву // Журнал российского права. 2003. № 3. – С. 37-46.

[2] Аширбакиев Р.М. Нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке: проблема разграничения // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 2. – С. 3-7.

[3] Войтович Е.П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://www.hse.ru/data/2020/09/25/1583815540/войтович.pdf.

[4] Иванов Д.О. Основные начала из ст. 1 и 10 ГК РФ: нормы непосредственного применения или элементы оговорки о публичном порядке? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2026. № 3. – С. 78-93.

[5] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке». Вестник ВАС РФ. 2013, май. № 5.

[6] Кудрявцева Е.В., Курочкин, С.А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. № 5. – С. 225-246.

[7] Свирин Ю.А. Оговорка о публичном порядке как механизм защиты интересов государства при трансграничном банкротстве // Современное право. 2024. № 1. – С. 89-93.

[8] Ситкова О.Ю. Оговорка о публичном порядке как инструмент охраны семейных ценностей // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. – С. 11-13.

[9] Тариканов Д.В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве // Журнал российского права. 2024. № 3. – С. 80-92.

[10] Шулаков А.А. Публичные интересы и защитные оговорки в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. – С. 159-166.

References:

[1] Anoufrieva L.P. Some problems of the new Russian regulation on private international law // Journal of Russian Law. 2003. № 3. - S. 37-46.

[2] Ashirbakiev R.M. Rules of direct application and public policy clause: the problem of delimitation // Arbitration and civil procedure. 2025. № 2. - S. 3-7.

[3] Voitovich E.P. Public policy clause as a basis for refusal to apply foreign family law [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://www.hse.ru/data/2020/09/25/1583815540/войтович.pdf.

[4] D.O. Ivanov. Basic principles from Articles 1 and 10 of the Civil Code of the Russian Federation: norms of direct application or elements of a public order clause? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2026. № 3. - S. 78-93.

[5] Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 156 dated 26.02.2013 "Review of the Practice of Arbitration Courts in Cases on the Application of the Public Policy Clause." Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013, May. № 5.

[6] Kudryavtseva E.V., Kurochkin, S.A. Violation of public order as a basis for refusal to recognize and enforce arbitration decisions in the EAEU countries // Bulletin of Civil Procedure. 2023. № 5. - S. 225-246.

[7] Svirin Yu.A. Public policy clause as a mechanism for protecting the interests of the state in cross-border bankruptcy // Modern law. 2024. № 1. - S. 89-93.

[8] Sitkova O.Yu. Public policy clause as a tool for protecting family values // Family and housing law. 2023. № 1. - S. 11-13.

[9] Tarikanov D.V. Relationship between qualifications and public order in private international law // Journal of Russian Law. 2024. № 3. - S. 80-92.

[10] Shulakov A.A. Public interests and protective reservations in private international law // Actual problems of Russian law. 2023. № 7. - S. 159-166.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-129-134
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТАРНОВСКИЙ Павел Дмитриевич,
Студент 2 курса магистратуры,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
e-mail: paveltarn2013@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ

Аннотация. *В статье исследуется ответственность публично-правовых образований за нарушения, возникающие при предоставлении и использовании средств межбюджетных трансфертов. Анализируются положения Бюджетного кодекса, регулирующие бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения, а также подзаконные акты в данной сфере. Особо внимание уделяется ряду проблем, таким как противоречие федерального законодательства и подзаконного регулирования и размывание ответственности за совершение бюджетных нарушений.*

Ключевые слова: *Бюджетная ответственность, межбюджетные трансферты, субсидии, ответственность, бюджет, публично-правовые образования, финансово-правовая ответственность.*

Для цитирования: *Тарновский П. Д. Проблемы ответственности публично-правовых образований за нарушения при предоставлении и использовании межбюджетных трансфертов // Право и управление. 2026. № 10. С. 129–134.*

TARNOVSKIY Pavel Dmitrievich,
2nd year Master's degree student, Lomonosov Moscow State University

ISSUES OF LIABILITY FOR PUBLIC-LAW ENTITIES REGARDING VIOLATIONS IN THE PROVISION AND USE OF INTERBUDGETARY TRANSFERS

Annotation. *The article examines the liability of public-law entities for violations arising in connection with the allocation and use of interbudgetary transfers. The study analyzes the provisions of the Budget Code of the Russian Federation governing budgetary violations and the application of budgetary enforcement measures, as well as relevant subordinate regulatory acts. Particular attention is paid to a number of problematic aspects of the existing legal framework, including inconsistencies between federal legislation and subordinate regulation, as well as the dilution of liability for budgetary violations. The article identifies shortcomings in the current regulatory approach and highlights issues concerning the legal regulation of liability in the sphere of interbudgetary relations.*

Key words: *budgetary liability, interbudgetary transfers, subsidies, liability, budget, public-law entities, financial and legal liability.*

For citation: *Tarnovskiy P. D. Issues of liability for public-law entities regarding violations in the provision and use of interbudgetary transfers. Law and administration. 2026;(10):129–134. (In Russ.).*

Перераспределение финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы во многом обеспечивается за счёт межбюджетных трансфертов. Бюджетный кодекс Российской Федерации определяет их как средства, предоставляемые одним бюджетом бюджетной системы другому бюджету. В зависимости от целей и условий предоставления трансфертов их можно разделить на дотации, субсидии, субвенции, а также иные межбюджетные трансферты. В контексте ответственности первостепенное значение приобретают целевые трансферты: именно в отношении них законодатель закрепил специальные требования к целям, порядку предоставления, усло-

виям расходования, а равно и к последующему финансовому контролю. [6].

Проблема нарушений при предоставлении и использовании межбюджетных трансфертов является, по моему мнению, крайне актуальной в настоящее время. Так, в обзоре Федерального казначейства за первое полугодие нынешнего 2026 года, зафиксированы случаи нецелевого использования трансфертов, а также отмечено недостижение в 2023-2025 годах результатов, ради которых предоставлялись трансферты. Также в обзоре обозначены нарушения условий предоставления субсидий как систематическое нарушение. Вопрос стоит не только в рамках выявления конкретного правонарушения, но и в выборе субъекта, который должен понести за него финансовые последствия [7].

Стоит отметить, что бюджетный кодекс не включает в себя такого понятия, как «бюджетная ответственность», вместо этого используя термин «бюджетные меры принуждения». Вопрос о существовании такого самостоятельного вида юридической ответственности, как ответственность бюджетно-правовая, является дискуссионным в современной юридической науке. Ряд ученых выделяют бюджетно-правовую ответственность как отдельный вид ответственности, наряду с ответственностью административной, уголовной и т.п.

Другая точка зрения отрицает существование таких отдельных видов юридической ответственности как ответственность финансово-правовая или бюджетная, а бюджетные меры принуждения трактует в первую очередь как восстановительный инструмент бюджетного регулирования [1; 2; 5].

Правовая связь между бюджетами различных уровней строится на закрепленном в бюджетном кодексе принципе самостоятельности бюджетов и допускаемой законом возможности целевого финансирования расходных обязательств другого публично-правового образования. Принцип самостоятельности бюджетов закрепляет право органов публичной власти самостоятельно определять направление и формы расходования средств бюджетов, но делает исключение для расходов, финансовое обеспечение которых происходит за счет средств межбюджетных целевых трансфертов – субсидий и субвенций. Таким образом, можно сделать вывод, что сам факт получения целевого трансферта как ограничивает волю его получателя, так и создает законные основания для контроля со стороны того уровня публичной власти, который предоставил средства.

Очевидно, что нельзя приравнивать подобные межбюджетные отношения к отношениям гражданско-правового характера. Межбюджетные трансферты предоставляются в целях софинансирования публичных расходных обязательств, а обязательным условием их предоставления является специальное соглашение, в котором закрепляются обязанности получателя средств и ответственность за их неисполнение. Доктрина рассматривает подобные соглашения как особые публичные договоры, которые регулируются императивными нормами бюджетного законодательства, а не закрепленным в гражданском законодательстве принципом свободы договора [4].

Бюджетный кодекс определяет круг объектов контроля, относя к ним, например, финансовый орган публично-правового образования, бюджету которого предоставлены целевые межбюджетные трансферты, высший исполнительный орган субъекта РФ либо местную администрацию, а также главных администраторов бюджетных средств. Важно отметить, что проверяются не только получатели трансфертов, но и органы, ответственные за их предоставление. Органы государственного финансового контроля вправе проверять не только региональный уровень, но и последующее использование средств.

Говоря непосредственно о нарушениях, связанных с предоставлением межбюджетных трансфертов, стоит обозначить нарушения, совершенные органом, ответственным за предоставление трансферта и получателем трансферта. На стадии предоставления трансферта возможно совершение следующих типов нарушений: несоблюдение порядка и условий предоставления трансферта, нарушение сроков перечисления средств или их неперечисление, а также иные действия главного распорядителя, не соответствующие требованиям закона и правилам предоставления конкретного вида трансферта. Законодатель дифференцирует последствия подобных действий. Так, в отношение должностного лица предоставляющей стороны действуют положения статьи 15.15.3 КоАП РФ, закрепляющие юридическую ответственность за нарушение порядка или условий предоставления межбюджетного трансферта [8].

В отношении же публично-правового образования механизм защиты носит преимущественно восстановительный характер. Так, согласно позиции Конституционного суда РФ по спору о неперечисленной муниципальному образованию субсидии: завершение финансового года само по себе не должно лишать муниципальное образование возможности взыскать в судебном порядке причитавшиеся ему бюджетные средств, если право на их получение возникло в соответствие с законом о бюджете. Эта позиция подчеркивает, что самостоятельность бюджетов включает в себя не только обязанность получателя соответствовать целевому режиму расходования средств, но также и обязанность предоставля-

ющей стороны надлежащим образом исполнять взятые на себя обязательства по предоставлению средств [9].

Исходя из этого, по мнению автора, можно проследить заложенную законодателем двухуровневую систему ответственности предоставляющей стороны. Карательный аспект проявляется в ответственности должностного лица, виновного в совершении правонарушения в соответствии с положениями КоАП РФ, тогда как на публично-правовое образование, его бюджет, возлагаются меры, носящие восстановительный, компенсационный характер. Интересы публично-правового образования-получателя межбюджетного трансферта, защищаются посредством гарантии возможности оспаривания незаконного решения и восстановления недополученного финансирования. По-моему мнению, такой подход является оправданным, поскольку применение санкций к бюджету фактически означает перенос ответственности с должностных лиц публично-правового образования на жителей соответствующего субъекта. При этом карательное воздействие само по себе не устраняет нарушения бюджетных прав другого субъекта.

Говоря о нарушениях, связанных с использованием средств, переданных в рамках межбюджетного трансферта, стоит в первую очередь отметить нецелевое использование бюджетных средств. Последствием нецелевого использования таких средств будет являться бесспорное взыскание суммы средств, использованных не по целевому назначению, или сокращение предоставления межбюджетных трансфертов.

Данные меры бюджетного принуждения обладают ярко выраженным восстановительным характером. Однако, применение меры бюджетного принуждения не освобождает виновное должностное лицо от самостоятельной административной или уголовной ответственности. Следует отметить, что до изменений в законодательстве 2019 года в бюджетном кодексе был закреплен специальный состав для нарушений, не связанных с целевым использованием средств межбюджетных трансфертов. В настоящее время, возврат межбюджетной субсидии как мера бюджетного принуждения в соответствии с положениями бюджетного кодекса возможен лишь в случае ее нецелевого использования, что порождает ряд проблем. В случае же, если нарушение условий использования средств трансфертов не было связано с целевым характером этих средств, возможно наступление лишь административной или уголовной ответственности [3].

Постановлением Правительства РФ от 30.09.2014г N 999 установлены общие правила формирования, предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов. При недостижении установленных в соглашении результатов или нарушении сроков предусматривается возврат рассчитанной по специальной формуле части средств из бюджета субъекта РФ в бюджет федеральный [10]. Данное положение, по мнению автора, вступает в коллизию с положениями бюджетного кодекса в связи с утратой юридической силы статьей 306.8.

Если рассматривать обязанность по возврату средств в федеральный бюджет как меру бюджетной ответственности, то она должна быть обеспечена мерой государственного принуждения. Подобной мерой может служить закрепленная в правилах возможность сокращения размера субсидии в текущем или очередном финансовом году для тех субъектов, которые нарушили правила использования субсидий. Однако, данная мера является диспозитивной и зависит от содержания конкретных правил (порядка) предоставления межбюджетной субсидии. При неперечислении субъектом всей суммы средств, указанной в требовании о возврате, сокращение будущих трансфертов будет идти в счет погашения штрафных средств [11].

Диспозитивность в данном случае может быть обусловлена тем, что после изменений 2019г, когда статья 306.8 БК РФ была признана утратившей силу, возврат средств как мера бюджетного принуждения стал возможен лишь при условии нецелевого использования средств межбюджетного трансферта, что закреплено в пункте 22 постановления. Указание же в соглашениях мер финансовой ответственности, не предусмотренных действующим федеральным законодательством, будет противоречить положениям БК РФ. Данная ситуация, по нашему мнению, превращает закрепление в постановлении возможности включения в правила предоставления субсидий положений, предусматривающих сокращение размера субсидии как меру государственного принуждения в фикцию, которая де факто не может быть применена. Данные обстоятельства приводят к тому, что на данный момент фактически не существует законного механизма, который бы обеспечивал возврат субъектами средств субсидии в случае нарушения ими соглашения об их предоставлении.

Таким образом, в соответствии с нынешним законодательством, возврат средств в федеральный бюджет возможен как мера бюджетного принуждения лишь в случае, если субсидия была израсходована не по целевому назначению. Положения же, закрепленные в постановлении Правительства, в свою очередь, закрепляют возможность применения данной меры принуждения и в иных случаях. Судебная практика при этом исходит из возможности применения механизма, закрепленного в постановлении Правительства.

Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа указал, что недостижение субъектом РФ установленных соглашением результатов использования субсидии при отсутствии факта нецелевого использования данных средств все равно влечет обязанность по возврату средств субсидии в соответствии с положениями Постановления N 999 [12]. Аналогичной позиции придерживается и Верховный суд РФ, указывая, что применение механизма возврата средств в федеральный бюджет возможно и исходя из «нарушения министерством графика выполнения мероприятий и невыполнения обязательств по достижению показателей результативности», а не только в случае нецелевого использования средств субсидии [13].

Де факто в настоящий момент действует система, при которой бюджетные меры принуждения применяются за деяние, которое не закреплено в кодексе как бюджетное нарушение. Вместо федерального законодательства суды применяют положения подзаконного акта, которые и регулируют ответственность публично-правовых образований за нарушение условий соглашений о предоставлении межбюджетных трансфертов. Исходя из этого, по нашему мнению, можно определить ряд ключевых проблем в сфере регулирования ответственности за нарушение условий предоставления и использования средств межбюджетных трансфертов.

Первая проблема состоит в существенном расхождении между положениями, закрепленными в федеральном законодательстве и подзаконных актах. Положения статьи 306.1 БК РФ относят нарушение условий соглашения о предоставлении средств из бюджета к бюджетным нарушениям, при этом статья 306.2 связывает применение бюджетных мер принуждения с нарушениями, закрепленными в главе 30 кодекса. После отмены статьи 306.8 очевидна коллизия между позитивным правом и реалиями правоприменения, когда фактически бюджетные меры принуждения применяются за деяния, не перечисленные в 30 главе.

Вторая проблема состоит в самой природе мер финансовой ответственности публично-правовых образований: их применение приводит к неблагоприятным финансовым последствиям для бюджетов субъектов РФ. Таким образом, субъекты несут неблагоприятные имущественные последствия за действия или бездействия своих должностных лиц, допустивших нарушение условий соглашения о предоставлении межбюджетных трансфертов. Уменьшение средств бюджета посредством принудительных изъятий фактически приводит к тому, что ответственность за действия определенных ответственных должностных лиц распределяется на все население субъекта, то есть ответственность несут невиновные лица. По нашему мнению, наложение штрафных санкций должно быть допустимо исключительно в отношении конкретных должностных лиц, допустивших бюджетное нарушение, а не в отношении бюджета публично-правового образования.

Третья проблема заключается в наличии механизма транзитных межбюджетных трансфертов, когда средства федерального бюджета проходят через бюджет субъекта РФ и далее передаются муниципальному образованию. Подобный механизм чрезмерно усложняет систему межбюджетных отношений и приводит к размыванию ответственности за достижение результатов, предусмотренных соглашениями о предоставлении целевых межбюджетных трансфертов [14]. Исходя из этого, по нашему мнению, необходимо привести к единству федеральное законодательство и подзаконные акты, чтобы избежать ситуации наличия у органов исполнительной власти законодательных полномочий в рамках установления мер ответственности. Карательный аспект санкций за нарушение условий соглашений о предоставлении межбюджетных целевых трансфертов должен быть распространен исключительно на виновных в совершении нарушения должностных лиц, тогда как бюджет публично-правового образования должен быть освобожден от финансовой ответственность за недостижение результатов, установленных в соглашении о предоставлении межбюджетных трансфертов.

Список литературы:

[1] Комягин Д. Л. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. N 6. С. 10-19.

[2] Трофимова Г. А. Бюджетная ответственность: проблемы теоретической конструкции // Российская юстиция. 2017. N 1.

[3] Башуров В.Б. Финансовая ответственность публично-правовых образований при невыполнении ими условий соглашений о предоставлении межбюджетных субсидий. // Сибирское юридическое обозрение. [Эл. Ресурс] https://www.siberianlawreview.ru/jour/article/view/2054/1680.

[4] Башуров В.Б. Правовое регулирование предоставления межбюджетных субсидий. // Сибирское юридическое обозрение. [Эл. Ресурс] https://www.siberianlawreview.ru/jour/article/view/1738/1534.

[5] Комягин Д. Л. Бюджетная ответственность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. N 4. С. 98-107.

[6] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1998 г. № 31 , ст. 3823.

[7] Обзор нарушений и недостатков, выяв-

ленных Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере в субъектах Российской Федерации, а также мер воздействия на причины нарушений и недостатков системного и систематического характера за I полугодие 2026 года. // [Эл. Ресурс] https://roskazna.gov.ru.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2018 N 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования - городского округа «Город Чита»». // [Эл. Ресурс] Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

[10] Постановление Правительства РФ от 30.09.2014 N 999 (ред. от 07.09.2026) "О формировании, предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации" // [Эл. Ресурс] Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

[11] Разъяснения о применении отдельных положений Правил формирования, предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектам Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 года No 999 // [Эл. Ресурс] https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117985.

[12] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.06.2026 N Ф03-1156/2026 по делу N А24-4670/2025. // [Эл. Ресурс] https://kad.arbitr.ru.

[13] Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 февр. 2022 г. No 308-ЭС21-28974 по делу No А63-1394/2020 // [Эл. Ресурс] https://kad.arbitr.ru.

[14] Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях // // [Эл. Ресурс] https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304981-metodicheskie_rekomendatsii_organam.

References:

[1] Komyagin D. L. Liability for Violations of Budget Legislation // Financial Bulletin: Finance, Taxes, Insurance, Accounting. 2014. No. 6. Pp. 10–19.

[2] Trofimova G. A. Budgetary Liability: Problems of Theoretical Construction // Russian Justice. 2017. No. 1.

[3] Bashurov V. B. Financial Liability of Public-Law Entities for Failure to Comply with the Terms of Agreements on the Provision of Interbudgetary Subsidies // Siberian Law Review. [Electronic resource]. Available at: https://www.siberianlawreview.ru/jour/article/view/2054/1680.

[4] Bashurov V. B. Legal Regulation of the Provision of Interbudgetary Subsidies // Siberian Law Review. [Electronic resource]. Available at: https://www.siberianlawreview.ru/jour/article/view/1738/1534.

[5] Komyagin D. L. Budgetary Liability // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2014. No. 4. Pp. 98–107.

[6] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823.

[7] Review of Violations and Shortcomings Identified by the Federal Treasury in the Course of Financial and Budgetary Control in the Constituent Entities of the Russian Federation, as well as Measures Taken to Address the Causes of Systemic and Recurrent Violations and Shortcomings for the First Half of 2026. [Electronic resource]. Available at: https://roskazna.gov.ru.

[8] Code of the Russian Federation on Administrative Offences No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on August 4, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 33-P of July 18, 2018, “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Paragraph 3 of Article 242 of the Budget Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of the Municipal Entity — the Urban District ‘City of Chita’.” [Electronic resource]. Available through the ConsultantPlus legal reference system.

[10] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 999 of September 30, 2014 (as amended on September 7, 2026), “On the Formation, Provision and Distribution of Subsidies from the Federal Budget to the Budgets of the Constituent Entities of the Russian Federation.” [Electronic resource]. Available through the ConsultantPlus legal reference system.

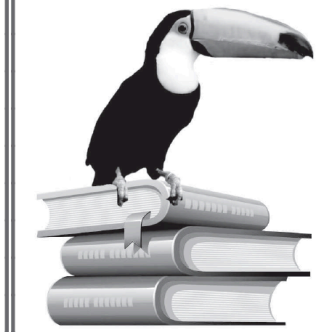
[11] Clarifications on the Application of Certain Provisions of the Rules for the Formation, Provision and Distribution of Subsidies from the Federal Budget to the Budgets of the Constituent Entities of the Russian Federation, Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 999 of September 30, 2014. [Electronic resource]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117985.

[12] Resolution of the Commercial Court of the Far Eastern District of June 30, 2026, No. F03-1156/2026 in Case No. A24-4670/2025. [Electronic resource]. Available at: https://kad.arbitr.

ru.

[13] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 18, 2022, No. 308-ES21-28974 in Case No. A63-1394/2020. [Electronic resource]. Available at: https://kad.arbitr.ru.

[14] Methodological Recommendations for State Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation and Local Self-Government Bodies on the Regulation of Interbudgetary Relations at the Regional and Municipal Levels. [Electronic resource]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304981-metodicheskie_rekomendatsii_organam.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-135-143
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СОЛОД Ксения Артемовна,
федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», студент магистратуры, e-mail: solod.kseniya@mail.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ АПАРТАМЕНТОВ КАК ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОДНОГО ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется проблема применения исполнительского иммунитета в отношении апартаментов, фактически используемых гражданином-должником в качестве единственного пригодного для постоянного проживания помещения. Автор рассматривает вопрос с использованием трех взаимодополняющих подходов – легального, доктринального и правоприменительного. Показано, что буквальное толкование абзаца второго части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), применяемого в делах о банкротстве посредством пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», формально исключает апартаменты, имеющие статус нежилых помещений, из сферы действия исполнительского иммунитета. Проанализирована эволюция правоприменительной практики от формального подхода к признанию юридического значения фактической пригодности и использования помещения для проживания, отраженная в пункте 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. (с изменениями от 29 апреля 2026 г.). Выявлены нерешенные проблемы правоприменения: отсутствие специальных разъяснений для общего исполнительного производства, отсутствие прямого законодательного закрепления критериев применения иммунитета к апартаментам, неопределенность доказательственных стандартов пригодности таких помещений для проживания и особенности применения критериев соразмерности к дорогостоящим объектам; сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.*

Ключевые слова: *апартаменты; исполнительский иммунитет; единственное жилье; конкурсная масса; банкротство гражданина; жилое помещение; нежилое помещение; право на жилище.*

Для цитирования: *Солод К. А. Исполнительский иммунитет в отношении апартаментов как единственного пригодного для проживания помещения: проблемы правоприменения // Право и управление. 2026. № 10. С. 135–143.*

SOLOD Ksenia Artemovna,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», master's student

EXECUTION IMMUNITY IN RESPECT OF APARTMENTS AS THE SOLE DWELLING SUITABLE FOR PERMANENT RESIDENCE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines the problem of applying execution immunity to apartments (non-residential premises functionally similar to flats) that are factually used by an individual debtor as the sole dwelling suitable for permanent residence. The author employs three complementary approaches – legal (legislative), doctrinal, and law-enforcement (judicial). It is shown that a literal interpretation of the second paragraph of Part 1 of Article 446 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, as applied*

in bankruptcy cases through Clause 3 of Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", formally excludes apartments having the legal status of non-residential premises from the scope of execution immunity. The evolution of judicial practice is analysed from a formal approach toward recognition of the legal significance of a premises' actual suitability and use for residence, as reflected in Clause 18 of the Review of Judicial Practice in Cases of Citizens' Bankruptcy, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 18 June 2025 (as amended on 29 April 2026). The article identifies unresolved issues, including the absence of specific guidance for general enforcement proceedings, the lack of direct statutory criteria for applying execution immunity to apartments, uncertainty concerning evidentiary standards of habitability, and the application of proportionality criteria to high-value premises; proposals for improving legislation are formulated.

Key words: *apartments; execution immunity; sole dwelling; bankruptcy estate; individual bankruptcy; residential premises; non-residential premises; right to housing.*

For citation: *Solod K. A. Execution immunity in respect of apartments as the sole dwelling suitable for permanent residence: problems of law enforcement. Law and administration. 2026;(10):135–143. (In Russ.).*

Введение

Право на жилище относится к числу основных социально-экономических прав личности, гарантированных статьей 40 Конституции Российской Федерации. Одной из гарантий его реализации выступает институт исполнительского иммунитета, установленный абзацем вторым части 1 статьи 446 ГПК РФ. В делах о банкротстве граждан данное регулирование применяется посредством пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), согласно которому из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Актуальность обращения к теме исполнительского иммунитета применительно к апартаментам обусловлена следующими факторами. Во-первых, апартаменты как формально нежилые помещения, фактически используемые для постоянного проживания, приобрели значительное распространение на российском рынке недвижимости [4; 11]. При этом специальное нормативное понятие «апартамент» закреплено применительно к номерному фонду средств размещения, тогда как самостоятельные нежилые помещения, сходные с квартирами и обозначаемые этим термином в гражданском обороте, самостоятельного законодательного статуса не получили. Во-вторых, в 2025 году число судебных банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей продолжило расти: по данным Федресурса, их количество достигло 568 тыс., что на 31,5% больше показателя 2024 года [14]. В-третьих, в 2024–2026 годах правоприменительная практика по вопросу распространения исполнительского иммунитета на апартаменты получила существенное развитие: соответствующая позиция была включена в пункт 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025, и впоследствии прямо учтена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 03.02.2026 № 4-П. Указанные обстоятельства делают проблему исполнительского иммунитета в отношении апартаментов как единственного пригодного для проживания помещения практически значимой и недостаточно теоретически разработанной в современной цивилистике.

Вопросы правового режима апартаментов как объекта недвижимости получили освещение в работах М.С. Ивановой [4], тогда как проблематика пределов действия исполнительского иммунитета единственного жилья исследовалась И.Б. Джафаровым [2], Ю.С. Харитоновой [12], Н.А. Корзовой [5], С.А. Кочкаловым [6], Е.Н. Рассказовой, С.А. Устимовой и П.О. Миловым [9], К.С. Даниловым, М.К. Стояновой и И.В. Низовцевым [1], М.А. Саликовым [10] и С.Д. Рабиной [8]. Вместе с тем указанные работы, за отдельными исключениями, рассматривают исполнительский иммунитет применительно к жилым помещениям в их формально-юридическом понимании, оставляя за рамками анализа специфику апартаментов как объекта, юридически отнесенного к нежилому фонду. В проанализированной литературе пересечение проблем правового режима апартаментов и исполнительского иммунитета исследовано фрагментарно, что обусловливает научную новизну настоящей статьи.

Целью статьи является комплексный анализ проблем применения исполнительского иммунитета в отношении апартаментов как единственного пригодного для проживания помещения на основе сочетания легального, доктринального и правоприменительного подходов, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

раскрыть содержание легального понятия апартаментов и института исполнительского иммунитета в действующем законодательстве Российской Федерации;

обобщить доктринальные подходы к вопросу о допустимости распространения исполнительского иммунитета на апартаменты;

проследить эволюцию правоприменительной практики судов по данному вопросу;

выявить нерешенные проблемы правоприменения и сформулировать предложения по их устранению.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший раскрыть содержание релевантных норм гражданского процессуального и банкротного законодательства; метод анализа и обобщения судебной практики, примененный при изучении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и судов округов, а также системный метод, использованный для выявления взаимосвязей между рассматриваемой проблематикой и смежными институтами жилищного и гражданского права.

Легальный подход: понятие апартаментов и институт исполнительского иммунитета в действующем законодательстве

Действующее российское законодательство не закрепляет общего легального определения апартаментов как самостоятельного вида объекта недвижимости. Гражданское законодательство также не выделяет апартаменты в самостоятельную вещно-правовую категорию. В соответствии с пунктом 1 статьи 141.4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) помещением признается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей, не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящая для использования в соответствующих целях. В свою очередь, согласно частям 1 и 2 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) объектами жилищных прав являются жилые помещения, под которыми понимаются изолированные помещения, являющиеся недвижимым имуществом и пригодные для постоянного проживания граждан. Перечень видов жилых помещений, установленный частью 1 статьи 16 ЖК РФ, включает жилой дом или его часть, квартиру или ее часть и комнату и не предусматривает апартаменты в качестве самостоятельного вида жилого помещения. Требования к жилым помещениям и порядок признания помещения жилым дополнительно определены Положением, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47.

Специальное нормативное значение термин «апартамент» получил в законодательстве о туристской деятельности. Согласно статье 1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» средство размещения представляет собой имущественный комплекс, используемый для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц; при этом к средствам размещения не относятся жилые помещения, за исключением случаев, предусмотренных другими федеральными законами. В соответствии со статьей 5.1 указанного Федерального закона Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1951 утверждено Положение о классификации средств размещения. Согласно подпункту «а» пункта 12 данного Положения «апартамент» относится к номерам высшей категории и представляет собой номер площадью не менее 40 кв. м, состоящий из двух и более комнат (гостиной или столовой и спальни), с двуспальной кроватью размером не менее 180 × 200 см и мини-кухней, оборудованной для приготовления и приема пищи, мытья посуды. Следовательно, в законодательстве о туристской деятельности термин «апартамент» употребляется в специальном отраслевом значении и характеризует категорию номера средства размещения, предназначенного для временного размещения и временного проживания физических лиц, а не самостоятельный вид жилого помещения или иную особую категорию недвижимой вещи.

Вместе с тем в гражданском обороте термином «апартаменты» традиционно обозначается и иная категория объектов – самостоятельные нежилые помещения, по своим проектным и функциональным характеристикам сходные с квартирами [4; 11] и приобретаемые гражданами в собственность в том числе для удовлетворения личных, семейных и бытовых потребностей. Разграничение указанных значений термина получило подтверждение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 3 февраля 2026 г. № 4-П. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что ряд таких нежилых помещений первоначально строился в составе номерного фонда средства размещения, однако впоследствии не стал использоваться в данном качестве и был реализован в качестве самостоятельных объектов, тогда как определенную их часть изначально предполагалось использовать как своего рода аналог квартиры в многоквартирном доме, что находило отражение в соответствующих проектных характеристиках. Сложившийся гражданский оборот рассматривает такие нежилые помещения как изолированные и обособленные само-

стоятельные объекты гражданских прав, которые могут приобретаться в собственность граждан и юридических лиц. Таким образом, специальное понятие «апартамент» как категория номера средства размещения не тождественно сложившемуся в гражданском обороте понятию апартаментов, используемому применительно к самостоятельным нежилым помещениям, сходным по своим характеристикам с квартирами.

Данное разграничение имеет принципиальное значение с точки зрения жилищного и гражданского законодательства. Из положений частей 1 и 2 статьи 15, части 1 статьи 16 и части 1 статьи 19 ЖК РФ во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 141.4 ГК РФ следует, что рассматриваемые в настоящем исследовании апартаменты, имеющие юридический статус нежилых помещений, не относятся к жилищному фонду и не приобретают статус жилого помещения вследствие одного лишь фактического проживания в них граждан. Вместе с тем формальный статус нежилого помещения сам по себе не исключает возможности использования конкретного объекта для удовлетворения личных, семейных, домашних и бытовых потребностей граждан. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 февраля 2026 г. № 4-П, нежилые помещения, сходные по предусмотренным проектной документацией соответствующего здания характеристикам с квартирами и не входящие в номерной фонд средств размещения, объективно могут использоваться для удовлетворения потребности граждан в месте пребывания (временного проживания).

Именно категория жилого помещения используется законодателем при установлении исполнительского иммунитета. В соответствии с абзацем вторым части 1 статьи 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением случая, когда такое имущество является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. В делах о банкротстве указанное регулирование применяется посредством пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве.

Конституционной основой исполнительского иммунитета выступает статья 40 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого на жилище и запрет произвольного лишения жилища. В Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что назначение исполнительского иммунитета состоит не в безусловном сохранении за должником конкретного принадлежащего ему жилого помещения, а в гарантировании должнику и членам его семьи уровня обеспеченности жильем, необходимого для нормального существования. Тем самым конституционно-правовое назначение исполнительского иммунитета связано прежде всего с обеспечением разумно достаточной жилищной потребности должника и членов его семьи.

Дальнейшее развитие функционального подхода применительно к правовому статусу самого объекта получило в пункте 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. (с изменениями от 29 апреля 2026 г.). Верховный Суд Российской Федерации указал, что само по себе несоответствие жилища условиям отнесения его к жилищному фонду в соответствии с жилищным законодательством не может служить основанием для отказа в применении к такому жилищу исполнительского иммунитета. В Постановлении от 3 февраля 2026 г. № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации прямо обратился к данной позиции и отметил, что исполнительский иммунитет при наличии соответствующих оснований может быть распространен и на апартаменты. Таким образом, для целей применения исполнительского иммунитета формально-юридический статус апартаментов как нежилого помещения не исчерпывает правовую оценку соответствующего объекта: юридическое значение приобретают также его фактическая пригодность для проживания и использование для удовлетворения жилищной потребности должника.

Доктринальный подход: проблема распространения исполнительского иммунитета на апартаменты в юридической науке

Значительная часть отечественных исследований исполнительского иммунитета единственного жилья посвящена жилым помещениям в их формально-юридическом понимании. Вместе с тем накопленная доктрина позволяет выделить несколько подходов, имеющих непосредственное значение для вопроса об апартаментах: учет фактической жилищной функции объекта, оценку добросовестности поведения должника, обеспечение баланса интересов должника и кредиторов, а также рассмотрение правового статуса апартаментов во взаимосвязи с градостроительным и жилищным регулированием.

Первое направление связано с преодолением исключительно формального подхода к объекту, на который заявляется исполнительский иммунитет. И.Б. Джафаров характеризует 2021 год как период существенного изменения судебного под-

хода к исполнительскому иммунитету единственного жилья, связывая эти изменения прежде всего с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П [2, с. 68]. Ю.С. Харитонова рассматривает возможность сочетания исполнительского иммунитета с принципом добросовестности участников гражданского оборота и связывает пределы защиты, в частности, с оценкой добросовестности поведения должника [12]. Наиболее непосредственно к проблематике настоящей статьи обращается М.А. Саликов, который, обобщая судебную практику, отмечает отход судов от формального применения исполнительского иммунитета исключительно к объектам, имеющим статус жилого помещения, и указывает на возможность распространения иммунитета при подтвержденных фактическом проживании и пригодности объекта для проживания, в том числе применительно к апартаментам [10]. Таким образом, в рамках данного подхода юридический статус помещения рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с его фактической жилищной функцией и поведением должника.

Второе направление связано с обеспечением баланса интересов должника и кредиторов и определением пределов исполнительского иммунитета. К.С. Данилов, М.К. Стоянова и И.В. Низовцев рассматривают правоприменительные сложности института и формулируют практические рекомендации, направленные в том числе на защиту интересов кредиторов в условиях незавершенности законодательного регулирования [1]. А.Г. Марценюк выделяет две основные формы преодоления абсолютного характера иммунитета — ограничение иммунитета дорогостоящего жилья и отказ в его применении при злоупотреблении правом, подчеркивая необходимость сочетания защиты жилищных прав должника с интересами кредиторов [7]. Е.Н. Рассказова, С.А. Устимова и П.О. Милов также связывают возможность преодоления иммунитета с недобросовестностью должника и отмечают сохраняющуюся сложность определения критериев «роскошного жилья» [9]. О.В. Жевняк и Н.В. Городнова на основе анализа судебной практики показывают, что при оценке «роскошности» учитывается совокупность характеристик объекта, включая его площадь, стоимость, количество комнат, особенности объекта и экономический эффект от реализации, а предоставление замещающего жилья выступает необходимой гарантией защиты должника [3]. Применительно к апартаментам это означает, что вопрос об иммунитете для объектов высокой стоимости должен решаться с учетом соразмерности и баланса интересов, а не посредством автоматического сохранения или, напротив, отказа в защите.

Третье направление касается системной неопределенности правового статуса апартаментов. Н.М. Чирейкин отмечает, что отсутствие специального правового регулирования статуса апартаментов порождает пробелы в реализации и защите прав граждан в отношении таких объектов [13]. С.С. Сергеев рассматривает проблему апартаментов во взаимосвязи с видом разрешенного использования земельных участков, несоответствием фактического использования установленному градостроительному режиму, конфликтом публичных и частных интересов и наличием законодательных пробелов [11]. Эти позиции показывают, что вопросы исполнительского иммунитета являются лишь одним из проявлений более общей проблемы правового режима апартаментов и не могут быть исчерпывающе разрешены исключительно средствами законодательства о банкротстве и исполнительном производстве.

Обобщение рассмотренных доктринальных позиций позволяет заключить, что единая модель применения исполнительского иммунитета к апартаментам в юридической литературе пока не сформирована. Вместе с тем прослеживаются взаимодополняющие направления: функциональная оценка помещения и учет добросовестности должника [10; 12], обеспечение баланса интересов должника и кредиторов и выработка критериев ограничения иммунитета [1; 3; 7; 9], а также необходимость учета общего гражданского, жилищного, земельного и градостроительного режима апартаментов [11; 13]. Такое сочетание подходов представляется наиболее продуктивным для анализа апартаментов как формально нежилых помещений, способных фактически выполнять жилищную функцию.

Правоприменительный подход: эволюция судебной практики по вопросу иммунитета апартаментов

Правоприменительная практика по вопросу распространения исполнительского иммунитета на апартаменты эволюционировала от формального подхода, при котором юридический статус помещения имел определяющее значение, к признанию самостоятельного значения его фактической пригодности и использования для проживания [2; 5; 7; 10].

На начальном этапе суды исходили из строго формального толкования понятия «жилое помещение». Показательным примером является дело № А53-7924/2017, в рамках которого должник просил исключить из конкурсной массы нежилое помещение, фактически использовавшееся им и членами его семьи для проживания. Суды отказали в удовлетворении заявления; при апелляционном рассмотрении спора (№ 15АП-7708/2018) было указано, что представленные должником фотографии не подтверждают

отнесение помещения к жилому, поскольку перевод нежилого помещения в жилое осуществляется в порядке, установленном статьей 22 ЖК РФ, а должник с соответствующим заявлением в уполномоченный орган не обращался.

Существенным для развития правоприменительной практики стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П. Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в выявленном конституционно-правовом смысле они не могут служить нормативным основанием для безусловного сохранения исполнительского иммунитета, если суд приходит к выводу о необоснованности его применения; при этом должнику и членам его семьи должна быть обеспечена возможность удовлетворения жилищной потребности посредством замещающего жилья. Хотя данное Постановление было принято по вопросу об исполнительском иммунитете дорогостоящего единственного жилья и непосредственно не затрагивало апартаменты, сформулированное в нем целевое толкование назначения института исполнительского иммунитета впоследствии получило развитие применительно к фактически используемым для проживания нежилым помещениям.

Данная тенденция получила развитие в практике Верховного Суда Российской Федерации 2024 года. В Определении от 27.05.2024 № 310-ЭС23-27829 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала, что отсутствие легализации помещения в гражданском обороте само по себе не должно влечь отказа в предоставлении исполнительского иммунитета, если у семьи должника отсутствует иное пригодное для проживания жилое помещение, а должник фактически использует спорный объект для проживания и рассматривает его в качестве жилого. Рассматриваемый объект не был введен в эксплуатацию, поставлен на кадастровый учет и зарегистрирован, однако его пригодность для круглогодичного проживания подтверждалась заключением строительно-технической экспертизы. При этом Верховный Суд Российской Федерации не разрешил вопрос об исполнительском иммунитете окончательно: судебные акты были отменены, а обособленный спор направлен на новое рассмотрение для исследования юридически значимых обстоятельств. Тем не менее в данном Определении был сформулирован подход, согласно которому формально-юридический статус объекта не исчерпывает оценку его жилищной функции.

Последующим этапом развития данного подхода стало включение соответствующей правовой позиции в пункт 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025 (с изменениями, внесенными Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.04.2026). Согласно данному разъяснению, само по себе несоответствие жилища условиям отнесения его к жилищному фонду в соответствии с жилищным законодательством не может служить основанием для отказа в применении к такому жилищу исполнительского иммунитета. В приведенном в Обзоре примере суды первой и апелляционной инстанций отказали должнику в исключении из конкурсной массы апартаментов, зарегистрированных в качестве нежилого помещения, сославшись на их формальное несоответствие понятию жилого помещения; суд округа отменил указанные судебные акты, установив, что должник и члены его семьи фактически проживали в апартаментах, приобретенных в связи с рождением второго ребенка, их технические характеристики отвечали признакам пригодности для постоянного проживания, а иного жилого помещения в собственности должника не имелось. Из указанной позиции можно выделить следующие юридически значимые обстоятельства:

фактическое использование апартаментов должником и членами его семьи для проживания и их техническая пригодность для постоянного проживания;

отсутствие у должника иного жилого помещения в собственности при том, что сам должник рассматривает апартаменты как помещение, пригодное для постоянного проживания.

Нерешенные проблемы правоприменения

Несмотря на принципиальное значение правовой позиции, сформулированной в пункте 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан в его действующей редакции, анализ законодательства, доктрины и судебной практики позволяет выявить проблемы, требующие дальнейшего нормативного и правоприменительного уточнения.

Во-первых, сохраняется различие между банкротным и общим исполнительным производством. Пункт 18 Обзора сформулирован применительно к процедуре банкротства гражданина и применяется во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, тогда как специального разъяснения о порядке применения исполнительского иммунитета к апартаментам в общем исполнительном производстве, регулируемом статьей 446 ГПК РФ и Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», не сформулировано. Вместе с тем значение позиции пункта 18 не ограничивается исключительно рамками банкротства: Конституту-

ционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 03.02.2026 № 4-П прямо сослался на нее, указав, что при наличии соответствующих оснований исполнительский иммунитет может быть распространен и на апартаменты. Сохраняющаяся процедурная специфика, однако, обусловливает необходимость более определенного нормативного регулирования данного вопроса.

Во-вторых, выработанные судебной практикой критерии не получили прямого законодательного закрепления применительно к апартаментам. Позиция пункта 18 Обзора представляет собой результат судебного толкования положений статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве. Законопроект № 1162929-7, направленный на урегулирование отдельных вопросов правового статуса апартаментов и многофункциональных зданий, был отклонен Государственной Думой 22.01.2025. По состоянию на сентябрь 2026 года в законодательстве отсутствуют специальные нормы, непосредственно закрепляющие критерии применения исполнительского иммунитета к апартаментам как нежилым помещениям, фактически используемым для проживания. В результате условия такой защиты в значительной степени конкретизируются судебной практикой.

В-третьих, отсутствует исчерпывающий нормативно закрепленный перечень критериев и доказательств, подтверждающих пригодность апартаментов для постоянного проживания. Из содержания пункта 18 Обзора следует, что юридическое значение имеют фактическое проживание должника и членов его семьи, наличие инженерных коммуникаций, электричества, отопления и иные технические характеристики помещения, однако закрытый перечень таких обстоятельств не установлен. Судебная практика допускает использование специальных доказательств технической пригодности объекта: так, в деле № 310-ЭС23-27829 должником было представлено заключение строительно-технической экспертизы о наличии необходимых коммуникаций и пригодности дома для круглогодичного проживания. Следовательно, вопрос о пригодности конкретного помещения разрешается судом с учетом совокупности доказательств и фактических обстоятельств дела.

В-четвертых, Обзор не содержит специальных разъяснений об особенностях применения к апартаментам, признанным жилищем для целей исполнительского иммунитета, подходов, сформулированных в пунктах 21–23 применительно к дорогостоящему единственному жилью. Само по себе отсутствие такого специального разъяснения не означает неприменимости общих критериев экономической целесообразности, баланса интересов и избыточности характеристик жилья. Вместе с тем отдельные апартаменты могут относиться к недвижимости высокой стоимости, поэтому особенности применения указанных критериев к формально нежилым помещениям сохраняют самостоятельное практическое значение. На необходимость соблюдения баланса интересов должника и кредиторов обращается внимание в доктрине К.С. Даниловым, М.К. Стояновой и И.В. Низовцевым [1], а также Е.Н. Рассказовой, С.А. Устимовой и П.О. Миловым [9].

В-пятых, признание конкретных апартаментов жилищем, защищаемым исполнительским иммунитетом, не влечет автоматического распространения на них иных жилищно-правовых гарантий, установленных для жилых помещений. В частности, статья 31 ЖК РФ, предоставляющая членам семьи собственника жилого помещения право пользования данным помещением и механизм судебной защиты этого права, по буквальному смыслу применяется к жилым помещениям. В результате возникает асимметрия правового регулирования: апартаменты при наличии установленных судом оснований могут быть защищены от обращения взыскания, однако члены семьи собственника, не являющиеся сособственниками, не приобретают вследствие этого жилищно-правовые гарантии, предусмотренные статьей 31 ЖК РФ.

В-шестых, сохраняется несогласованность между функциональным использованием апартаментов для проживания и градостроительно-правовым режимом зданий, в которых они расположены [11]. Показательно дело № А40-86742/2024: рассматривая вопрос о принятии обеспечительных мер по иску Правительства Москвы и Департамента городского имущества города Москвы к застройщику, Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 12.11.2024 № 09АП-55201/2024 учел доводы публичных истцов о том, что отчуждение отдельных помещений номерного фонда неопределенному кругу лиц может препятствовать дальнейшей эксплуатации здания в качестве гостиницы, и частично удовлетворил заявление о принятии обеспечительных мер. Указанным судебным актом спор о законности отчуждения помещений по существу не разрешался, однако он иллюстрирует существование публично-правовых рисков, связанных с несоответствием фактического использования помещений градостроительному назначению здания и земельного участка.

Заключение

Институт исполнительского иммунитета в отношении апартаментов как единственного пригодного для постоянного проживания помещения прошел эволюцию от строго формального толкования понятия «жилое помещение», исключавшего апартаменты из сферы действия абзаца второ-

го части 1 статьи 446 ГПК РФ, к признанию юридического значения фактической пригодности и использования помещения для проживания. Такой подход развивает целевое толкование назначения исполнительского иммунитета, сформулированное Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 14.05.2012 № 11-П и от 26.04.2021 № 15-П, получил системное отражение в пункте 18 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025 (с изменениями от 29.04.2026), и дополнительное подтверждение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2026 № 4-П.

Вместе с тем сформированный судебной практикой подход не устраняет всех вопросов, связанных с применением исполнительского иммунитета к апартаментам. Специальная правовая позиция наиболее подробно сформулирована применительно к делам о банкротстве граждан, тогда как в общем исполнительном производстве отсутствуют специальные разъяснения о критериях оценки апартаментов. Закон не содержит прямого перечня условий и доказательств, подтверждающих пригодность такого нежилого помещения для проживания, а особенности применения к апартаментам критериев экономической целесообразности и избыточности характеристик дорогостоящего жилья не раскрыты. Кроме того, предоставление конкретным апартаментам исполнительского иммунитета не изменяет их формального статуса нежилого помещения и не устраняет вопросов, связанных с жилищно-правовыми гарантиями членов семьи собственника и градостроительно-правовым режимом соответствующего объекта.

В целях устранения выявленных проблем представляется целесообразным следующее:

конкретизировать в статье 446 ГПК РФ либо в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации подход к применению исполнительского иммунитета в отношении нежилых помещений, фактически выполняющих жилищную функцию, вне процедуры банкротства;

законодательно закрепить основные юридически значимые критерии применения исполнительского иммунитета к нежилым помещениям, фактически используемым для постоянного проживания, включая признаки их технической пригодности и фактического использования в качестве жилища;

уточнить особенности применения к апартаментам, признанным жилищем для целей исполнительского иммунитета, критериев экономической целесообразности реализации, баланса интересов и избыточности характеристик, сформулированных в пунктах 21–23 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан;

рассмотреть вопрос о распространении на апартаменты, отвечающие критериям единственного жилья, жилищно-правовых гарантий, предусмотренных статьей 31 ЖК РФ, в отношении членов семьи их собственника.

Реализация указанных предложений позволила бы придать достигнутому судебной практикой решению необходимую степень правовой определенности.

Список литературы:

[1] Данилов К.С., Стоянова М.К., Низовцев И.В. Актуальные проблемы правоприменения правила об имущественном иммунитете на жилое помещение в процедуре банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 7. – С. 45–52.

[2] Джафаров И.Б. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника: новый вектор судебной практики // Жилищное право. – 2021. – № 9. – С. 67–70.

[3] Жевняк О.В., Городнова Н.В. Роскошное жилье как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета: судебная практика и экономический анализ // Жилищные стратегии. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 27–50.

[4] Иванова М.С. Проблемы определения правового статуса апартаментов в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 108–112.

[5] Корзова Н.А. Пределы действия и объем исполнительского иммунитета как института гарантированности конституционного права гражданина на жилище при введении процедур, применяемых в деле о банкротстве физических лиц // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 12. – С. 14–18.

[6] Кочкалов С.А. Имущество гражданина-должника в процедуре несостоятельности (банкротства): реализовать нельзя оставить // Вестник исполнительного производства. – 2023. – № 4. – С. 86–96.

[7] Марценюк А.Г. Исполнительский иммунитет единственного жилья в делах о банкротстве и цели его применения // Законодательство. – 2025. – № 7. – С. 32–38.

[8] Рабина С.Д. Исполнительский иммунитет в деле о банкротстве наследственной массы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 3. – С. 15–19.

[9] Рассказова Е.Н., Устимова С.А., Милов П.О. Реализация жилья при банкротстве гражданина: проблемы и решения // Вестник Академии права и управления. – 2023. – № 1 (71). – С. 54–58.

[10] Саликов М.А. Ограничение исполнительского иммунитета в банкротстве // Имуще-

ственные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 6 (285). – С. 96–105.

[11] Сергеев С.С. Вид разрешенного использования земельного участка как инструмент регулирования градостроительной политики в отношении апартаментов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 9 (288). – С. 17–22.

[12] Харитонова Ю.С. Исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 5. – С. 26–31.

[13] Чирейкин Н.М. Совершенствование правового регулирования обеспечения права на жилище в российском законодательстве // Современное право. – 2025. – № 1. – С. 52–56.

[14] Банкротства в России: 2025 год [Электронный ресурс] // Федресурс. – URL: https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202025%20на%20сайт.pdf (дата обращения: 19.09.2026).

References:

[1] Danilov K.S., Stoyanova M.K., Nizovtsev I.V. Actual problems of law enforcement of the rule on property immunity for residential premises in bankruptcy proceedings // Property relations in the Russian Federation. – 2023. – № 7. - S. 45-52.

[2] Jafarov I.B. Executive immunity of the debtor's only housing: a new vector of judicial practice // Housing law. – 2021. – № 9. - S. 67-70.

[3] Zhevnyak O.V., Gorodnova N.V. Luxury housing as an economic and legal category in the light of the application of the norms of the institute of performing immunity: judicial practice and economic analysis // Housing strategies. – 2024. - VOL. 11. – № 1. - S. 27-50.

[4] Ivanova M.S. Problems of determining the legal status of apartments in the Russian Federation // Eurasian Bar. – 2018. – № 5 (36). - S. 108-112.

[5] Korzova N.A. Limits and scope of executive immunity as an institution of guaranteeing a citizen's constitutional right to housing when introducing procedures applied in a bankruptcy case of individuals // State power and local self-government. – 2024. – № 12. - S. 14-18.

[6] Kochkalov S.A. Property of a debtor citizen in insolvency (bankruptcy) proceedings: cannot be sold // Bulletin of enforcement proceedings. – 2023. – № 4. - S. 86-96.

[7] Martsenyuk A.G. Executive immunity of the sole dwelling in bankruptcy cases and the purposes of its application // Legislation. – 2025. – № 7. - S. 32-38.

[8] Rabina S.D. Executive Immunity in the Estate Bankruptcy Case // Journal of Business and Corporate Law. – 2024. – № 3. - S. 15-19.

[9] Rasskazova E.N., Ustimova S.A., Milov P.O. Housing sales in case of bankruptcy of a citizen: problems and solutions // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2023. – № 1 (71). - S. 54-58.

[10] Salikov M.A. Restriction of executive immunity in bankruptcy // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – № 6 (285). - S. 96-105.

[11] Sergeev S.S. Type of permitted use of the land plot as a tool for regulating urban planning policy in relation to apartments // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – № 9 (288). - S. 17-22.

[12] Kharitonova Yu.S. Executive immunity of the only housing of a citizen and the doctrine of conscientiousness of participants in the turnover // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2019. – № 5. - S. 26-31.

[13] N.M. Chireikin. Improving the legal regulation of the right to housing in Russian legislation // Modern law. – 2025. – № 1. - S. 52-56.

[14] Bankruptcies in Russia: 2025 [Electronic resource] // Fedresurs. - URL: https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202025%20на%20сайт.pdf (access date: 19.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-144-148
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vifk-nic@yandex.ru

СОЦИАЛИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема социально-коммуникативного развития обучающихся, а также внешние причины необходимости позитивной социализации личности в современной социокультурной ситуации.*

Ключевые слова: *характеристика, социализация, образовательное пространство, педагогическая наука, личность, поведение.*

Для цитирования: *Дмитриев Г. Г. Социализации в образовательном пространстве образовательной организации // Право и управление. 2026. № 10. С. 144–148.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary, Adjuncts, and Doctoral Students Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

SOCIALIZATION IN THE EDUCATIONAL SPACE OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

Annotation. *The article discusses the problem of social and communicative development of students, as well as the external reasons for the need for positive socialization of an individual in the modern sociocultural situation.*

Key words: *characteristics, socialization, educational space, pedagogical science, personality, behavior.*

For citation: *Dmitriev G. G. Socialization in the educational space of an educational organization. Law and administration. 2026;(10):144–148. (In Russ.).*

На современном этапе развития педагогической науки приобретает особую актуальность проблема социально-коммуникативного развития обучающихся.

Только коммуникативных характеристик для успешной социализации в образовательном пространстве образовательной организации недостаточно. Исследования Л. В. Коломийченко, на наш взгляд, наиболее точно обозначили внешние причины необходимости позитивной социализации личности в современной социокультурной ситуации:

высокий уровень общественного и экономического разделения общества Российской Федерации, который приводит к антагонизму отношений, отсутствию толерантности;

проявление у молодого поколения асоциального поведения, приводящее к снижению уровня социальной культуры;

потеря важных человеческих ценностей, приводящая к росту криминогенности, к отсутствию доверия к окружающим, к повышению

уровня социальной тревожности;

трудности формирования и развития семейных ценностей и отношений между супружескими парами, связанные с нестабильностью семейных связей, с отсутствием поддержки от близких;

повышение количества конфликтов, вызванных культурно-языковыми, социально-экономическими, политическими причинами, что ведет за собой снижение толерантности, повышение уровня враждебности и агрессии.

Дополним перечень внешних причин снижения социализации личности рядом внутренних причин, которые выделены в работах Л. В. Коломийченко:

преобладание авторитарной педагогики над обучением, воспитанием и развитием подрастающего поколения;

отсутствие преемственности между уровнями образования, снижение уровня культуры и духовности;

недостаточная сформированность профессиональной и социокультурной компетентности специалистов в сфере образования;

изменение априорных воспитательных ценностей (патриотизм, милосердие, уважение) на современные (инициативность, предприимчивость, конкурентоспособность);

снижение интереса у выпускников школ к получению педагогического образования;

отсутствие методологической основы в современных педагогических исследованиях.

Можно утверждать, что все вышеназванные внутренние и внешние основания осложняют социализацию личности, что определяет необходимость их учета для подготовки личности к взаимодействию с ними. Не случайно в последнее десятилетие общее образование стало уделять больше внимания социально-коммуникативному развитию обучающихся.

Итак, анализ деятельности образовательных организаций свидетельствует, что ориентация на социально-коммуникативное развитие кажется вполне обоснованной по нескольким причинам: многим обучающимся не хватает сформированных социально-коммуникативных навыков. По результатам анкетирования, проведенного нами в образовательных организациях Московской области только 29% обучающихся, считают себя обладателями навыков планирования и принятия решений и 45% обладают межличностными компетенциями, включая навыки сочувствия и дружбы. Обучающихся с социальными навыками значительно меньше, в среднем их не более 30%. Образовательная организация решает задачи социально-коммуникативного развития своих обучающихся т. к. в ее социальной среде происходит постоянное взаимодействие между обучающимися, а также между обучающимися и их учителями. Но эти задачи решаются бессистемно. Высокий уровень сформированности социально-коммуникативных навыков способствует повышению культуры личности, позволяет устранить проблемы внутреннего распорядка в образовательных организациях. По нашему мнению, сформированные социально-коммуникативные навыки позволяют повысить продуктивность межличностного общения.

Таким образом, успешное формирование социально-коммуникативных навыков необходимо осуществлять в образовательном пространстве образовательной организации как естественного фактора, обеспечивающего социализацию и развитие подрастающего поколения. Обоснуем это утверждение. Функции образовательной организации заключаются в стимулировании развития основных сил личности, в создании воспитательной среды, организации взаимодействия и взаимоотношений субъектов образования с целью социально-коммуникативного развития личности.

Формирование человека как «субъекта социального» называется – социализацией. Первоначально данным термином оперировали специалисты в области политики и экономики. Социолог Ф. Г. Гиддингс в начале XIX века использовал данное понятие применительно к личности в значении «подготовка человеческого материала к общественной жизни» и только спустя век понятие «социализация» будет профессионально использоваться в педагогической науке. Рассмотрим концепции социализации, принятые в зарубежных странах. Согласного первому подходу в концепции социализации человек занимал пассивную позицию, с этой точки зрения процесс социализации рассматривался как адаптация личности к общественным нормам. Иная точка зрения у исследователей Ч. Кули, Д. Г. Мид, по их мнению, личность кроме адаптации к обществу способна влиять на собственную жизнь.

Рассмотрим концепцию социализации А. В. Мудрика. По мнению автора «социализация – развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры на всех возрастных этапах». Таким образом, под социализацией исследователь понимает становление человека как члена общества. Факторы, влияющие на процесс социализации, раскрыты в определении из педагогического словаря «процесс социализации осуществляется под воздействием целенаправленных процессов (обучение и воспитание) в учебно-воспитательных учреждениях и под влиянием внешней среды». Рассмотрим подробно процесс усвоения и передачи субъектом социального опыта. В исследованиях Г. М. Андреевой, И. С. Кона и др. отмечено, что передача культурного опыта осуществляется бла-

годаря включению субъекта в социальную среду, а также благодаря его активной деятельности в данной среде. Солидарны с этой точкой зрения Б. Г. Ананьев, Н. Ф. Голованова и др., утверждая, что при условии включения личности в различные виды деятельности, можно обеспечить успешную социализацию.

Иначе считают А. С. Кармин, Р. А. Литвак. Исследователи считают, что кроме усвоения социального опыта в содержание данного процесса входит овладение социальной ролью. В процессе социализации субъект реализует собственные права и обязанности. Следует отметить, что авторы выделяют несколько видов социализации: нравственная, правовая, гражданская. Таким образом, исследователи раскрывают концепцию социализации не только с позиции развития субъекта, но с позиции формирования у него культуры отношения.

Перейдем к рассмотрению процесса социализации как важного педагогического явления. В исследованиях Н. Ф. Головановой образовательный процесс объединяет в себе социализацию и индивидуализацию. Автор отмечает, что в процессе социализации обучающиеся не только осваивают готовые формы и способы взаимодействия, но формируют свой социальный опыт. Исследователь подчеркивает, что одним из главных путей социализации выступает воспитательный процесс. Таким образом, можно сделать вывод, что процесс социализации является управляемым и организованным процессом. Дополним позицию Н. Ф. Головановой социально-педагогическими механизмами социализации, описанными А. В. Мудриком: согласно традиционного (стихийного) механизма осуществляется неосознаваемое усвоение общественных норм и взглядов, благодаря институциональному механизму осуществляется приобретение знаний и опыта, а межличностный механизм позволяет организовать взаимодействие со значимым для субъекта окружением. Продолжая рассматривать социализацию как педагогическое явление, обратимся к ее средствам. По мнению Н. Ф. Головановой, А. В. Мудрика к ним относятся: результаты продуктивной творческой деятельности; стили общения и семейного воспитания; формирование новых типов отношений в разных видах деятельности. Рассмотрим структуру социализации, разработанную Н. Ф. Головановой. Содержательная структура представлена ниже (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Содержательная структура социализации, рассмотренная Н. Ф. Головановой

Раскроем специфику социализации обучающихся начальной школы и рассмотрим педагогические условия осуществления этого процесса. Особенностью социализации детей в младшем школьном возрасте по мнению Г. Я. Гревцевой является формирование у них социально-культурных ценностей и правовых отношений. На современном этапе развития общества процесс социализации возможно обеспечить благодаря включению обучающихся в общение с окружающими в разных видах деятельности. Рассмотрим факторы социализации, представленные на рисунке 1.

Рисунок 1 – Трансформация факторов социализации в условиях обучения (по А. В. Мудрику и Н. Е. Щурковой)

Процесс приспособления личности к общественным нормам и ценностям называют адаптацией. Данный процесс осуществляется под влиянием ряда факторов. Перечислим их: мегасфера (область космического пространства – планета, космос) макросреда (государство – страна, общество), мезосреда (регион – особенности географического расположения, климат, этнос, языковая среда), микросреда – ближайшее окружение субъекта – семья, друзья). Признание личности как важнейшей ценности позволяет рассматривать процесс интеграции человека в систему общественных отношений как важное условие его индивидуализации, способности иметь собственную позицию, систему ценностей. В процессе социализации важную роль имеет процесс интеграции личности, т. е. приобщение личности к системе общественных отношений. Реализация рассмотренных этапов социализации: адаптация, индивидуализация и интеграция, будет менее эффективной без реализации механизмов управления процессами обучения, воспитания и развития обучающихся.

Согласно результатам исследований Л. С. Выготского социализация рассматривается как принятие личностью всей культуры общества. Данный процесс имеет сложную структуру, по мнению Н. Ф. Головановой, А. В. Мудрика составляющими социализации являются: спонтанная социализация, относительно направляемая социализация, относительно социально управляемая социализация и сознательно самовнушающаяся личность. Таким образом, под социализацией будем понимать сложный процесс принятия субъектом норм поведения, ценностей, установление стандартов поведения, принятых в обществе. Агентами социализации называют людей, в непосредственном взаимодействии с которыми протекает человеческая жизнь, в нашем исследовании – это все субъекты образовательного процесса. На разных возрастных стадиях состав субъектов специфичен.

Процесс социализации в образовательном пространстве образовательной организации может проходить у младших школьников в три этапа:

Интеграция – это выработка норм и правил,

действующих в группе, овладение необходимыми приемами и навыками деятельности и общения.

Индивидуализация – как поиск средств самовыражения индивидуальности.

Адаптация или отторжение – человек и группа взаимно находят более приемлемый тип взаимодействия.

С учетом этих этапов будет реализовываться опытно-экспериментальная работа с младшими школьниками по формированию социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе лицея.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать:

теоретическими основаниями процесса формирования социально-коммуникативных навыков личности являются: концепции развития коммуникативных умений и коммуникативной компетентности, коммуникативной и речевой культуры обучающихся как ведущего образовательного результата и теории социализации и социальной компетентности личности, ее социально-коммуникативной способности;

понимание сложной структуры процесса общения определены в исследованиях М. М. Бахтина, А. А. Бодалев, Ю. Н. Емельянова, И. А. Зимней, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, В. А. Кан-Калика, М. И. Лисиной, А. В. Мудрика, Г. С. Трофимовой и др;

формирование социально-коммуникативных навыков подробно исследовано применительно к дошкольному детству, представленное в исследованиях С. А. Козловой, Э. И. Бахтеевой, И. В. Сушковой, Л. В. Коломийченко, Т. А. Антопольской, Е. В. Хмельковой и др.

анализ исследований последнего десятилетия, посвященных коммуникативному и социальному направлению, позволил зафиксировать факт значительного преобладания исследований по коммуникативному развитию личности и незаслуженное отстранение в изучении вопросов социальной направленности. Считаем, что вопросы социальной направленности требуют специальных исследований, т. к. именно они определяют успешность социализации личности;

социально-коммуникативные навыки личности формируются под влиянием образовательного пространства, обеспечивающего овладение способами просоциального поведения.

Все вышесказанное обуславливает необходимость изучения особенностей процесса формирования социально-коммуникативных навыков обучающихся начальной школы.

Список литературы:

[1] Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм, пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М .: Канон, 1995. – 352 с.

[2] Емельянов Ю.Н. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга: Учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Емельянов, Е.С. Кузьмин. – Л .: ЛГУ, 1983. – 103 с.

[3] Парсонс Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

[4] Кан-Калик В. А. Грамматика общения [Текст] / В. А. Кан-Калик. – М.: Роспедагентство, 1995. – 108 с.

[5] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[6] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073, 17.08.2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[7] Литвишков В. М. Дефицитарное образование как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения / А. В.Вилкова, В. М. Литвишков // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 32-36.

[8] Мудрик, А. В. Социальная педагогика: теория и методика социального воспитания [Текст] / А. В. Мудрик. – М.: Notabene, 2008. – 218 с.

References:

[1] Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose [Text] / E. Durkheim, per. from fr., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. - M.: Canon, 1995. - 352 s.

[2] Yemelyanov Yu.N. Theoretical and methodological foundations of socio-psychological training: Tutorial [Text] / Yu.N. Emelyanov, E.S. Kuzmin. - L.: LENINGRAD STATE UNIVERSITY, 1983. - 103 s.

[3] Parsons T. On the structure of social action [Text] / T. Parsons. - M.: Academic Project, 2000. - 880 s.

[4] Kan-Kalik V.A. Grammar of communication [Text] / V.A. Kan-Kalik. - M.: Rospedagentstvo, 1995. - 108 s.

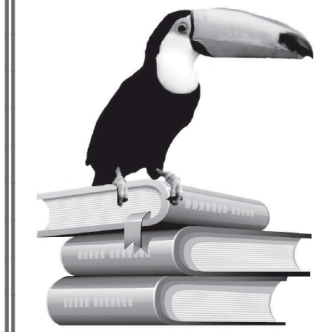
[5] Vilkova A. V. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01 / Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[6] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova

A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of RU 2022622073 database, 17.08.2022. Application No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[7] Litvishkov V. M. Deficit education as a socio-pedagogical reason that negatively affects the development of the spiritual and moral values of adolescents who commit offenses / A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov // Education and science in Russia and abroad. 2018. № 7 (42). S. 32-36.

[8] Mudrik, A.V. Social pedagogy: theory and methodology of social education [Text] / A.V. Mudrik. – M.: Notabene, 2008. - 218 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-149-154
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАЛАШЕНКО Михаил Сергеевич,
Кандидат социологических наук, Старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Николаевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

СЕРГЕЕВ Сергей Сергеевич,
Преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОШУРКОВ Денис Владимирович,
Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Иркутского государственного университета
e-mail: mail@law-books.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. *В исследовании рассмотрены поведенческие навыки начинающих преподавателей стажеров, обучившихся по специальности физическая культура и спорт, с целью определения их готовности преподавания, в сфере интересующей нас дисциплины. Конкретизировано содержание физического воспитания, отражающего преемственность и изменения в образовательном процессе. Обусловлены ценности и задачи дисциплины. Проведено исследование с привлечением педагогических работников в сфере физического образования. Проанализированы результаты тестирования, касающиеся поведения и взаимодействия обучающегося и обучающего на практических занятиях. Раскрывается сущность преподавания и организация комбинированных приемов воздействия во время группового обучения. Особое внимание сосредоточено на условиях правильного выполнения обучающимися заданий, связанных с физической нагрузкой. В соответствии с этим определена степень значимости физических упражнений и их влияние на развитие организма в целом.*

Ключевые слова: *физическая культура, педагогическое образование, обучающийся, структура, принципы воздействия, двигательная активность, воспитание, многофункциональность, дисциплина, практический навык, профессионализм.*

Для цитирования: *Малашенко М. С., Макарцев А. Н., Сергеев С. С., Ошурков Д. В. Совершенствование навыков преподавания физической культуры на этапе подготовки будущих специалистов // Право и управление. 2026. № 10. С. 149–154.*

MALASHENKO Mikhail Sergeevich,
Candidate of Sociological Sciences Senior Lecturer at the Department of Physical Training and Sports Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MAKARTSEV Andrey Nikolaevich,
Lecturer at the Department of Fire and Tactical Special Training Bryansk branch of the Oryol Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

SERGEEV Sergey Sergeevich,
Teacher of the Department of Physical Training Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

OSHURKOV Denis Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education and Sports, Irkutsk State University

IMPROVING PHYSICAL CULTURE TEACHING SKILLS AT THE STAGE OF TRAINING FUTURE SPECIALISTS.

Annotation. *The study examines the behavioral skills of novice trainee teachers who have completed training in the field of physical culture and sports, with the aim of determining their readiness to teach in the discipline of interest to us. The content of physical education, which reflects continuity and changes in the educational process, has been specified. The values and objectives of the discipline have been defined. A study was conducted involving teaching staff in the field of physical education. The test results related to the behavior and interaction between the student and the instructor during practical classes have been analyzed. The essence of teaching and the organization of combined methods of influence during group learning are revealed. Special attention is focused on the conditions for the correct completion of tasks by students related to physical exertion. In accordance with this, the degree of significance of physical exercises and their impact on the overall development of the body have been determined.*

Key words: *physical education, pedagogical education, student, structure, principles of influence, motor activity, upbringing, multifunctionality, discipline, practical skill, professionalism.*

For citation: *Malashenko M. S., Makartsev A. N., Sergeev S. S., Oshurkov D. V. Improving physical culture teaching skills at the stage of training future specialists. Law and administration. 2026;(10):149–154. (In Russ.).*

Для поддержки сбалансированного интеллектуального, нравственного и физического развития подрастающего поколения нужны специалисты с отличными педагогическими навыками и качествами. Многие образовательные организации проводят обучение сотрудников на рабочем месте, которое предполагает реальную работу в привычной для них среде, с целью повышения квалификации в течение установленного периода времени.

В рамках нашего исследования мы предприняли попытку разработки и совершенствования педагогических навыков у работников в сфере образования за счет расширения внутри вузовского обучения.

После завершения обучения, начинающие специалисты приступают к работе по выбранным специальностям. С первых дней работы педагог несет знания и передает их обучающимся. Все занятия должны проходить на высоком педагогическом уровне. У педагога нет права на ошибки, обучающиеся должны получить знания в полном объеме, это как в медицине просчеты и недоработки недопустимы, каждый педагог несет персональную ответственность и должен это понимать [1]. Развитие педагогических навыков должно проходить с определенной последовательностью: на университетском уровне, во время учебы приобретаются основные компетенции, необходимые для преподавания. В зависимости от специфики учебного заведения, в котором проводится обучение, практического опыта, может недоставать, стажирующиеся кандидаты могут быть ограничены, следуя учебному плану.

Для достижения профессионализма необходимо совершенствовать практические навыки преподавания на всех этапах своей карьеры, по структуре взаимодействия, быть педагогом - это призвание, требующее постоянного развития. Лишь не многие начинающие педагогические работники получают достаточный практический опыт во время обучения, стажерам важно развивать практические навыки преподавания на этапе подготовки к профессиональной деятельности.

Следует уделять особое внимание в развитие практических навыков преподавания по каждой дисциплине, добиваться стабильности у уверенности в своих действиях. Во время проведения пробных занятий студентов университета учат составлять план занятия, предоставляя возможность попрактиковаться в использовании различных методов обучения, многие из этих методов, связанны с физическим и оздоровительным воспитанием, под «физическим воспитанием» понимаются занятия, на которых отрабатываются практические навыки. Например, это касается движений, реагирования на индивидуальные потребности и обеспечения безопасности [2].

Преподавательская направленность в области физического обучения требует высокого уровня профессиональных навыков. Все обучающееся должны, иметь возможность развиваться в отведенный для этого физиологический период роста организма, начиная со школьной программы обучения. Конкретизированное содержание физического воспитания отражает преемственность и изменения: преемственность целей, ценностей и задач дисциплины, изменение статуса обучающегося, который становится активным участником процесса обучения. Не для кого не секрет, что физическая культура и спорт занимают важное место, в системе образования, начиная с детского сада и заканчивая университетом. Современное обучение заключается в принципах объединения полученных знаний и умений с будущими профессиональными навыками, такой курс синхронизации идет на подготовку молодежи к самостоятельной жизни и труду, воспитание сознательных строителей нового общества.

Для того, что бы воспитать и вооружить нужными знаниями в данной области специалистов нам необходимо всецело погрузиться в преподавание культуры физической, и далее совершенствовать нужные профессиональные качества для реализации полноценного физического воспитания достойной подрастающей смены. Роль педагога в образовательном процессе обладает своей уникальной спецификой и значительным воздействием, поскольку она служит не только интересам учебного заведения, но и охватывает саму суть общества [3]. Будущие специалисты физкультурно-спортивной направленности должны обладать важными критериями личностных качеств, умениями противостоять внешним факторам, способностью адаптироваться к меняющимся жизненным ситуациям. Программа образования в высших образовательных организациях, требуют от обучающихся глубоких теоретических знаний в области спортивной науки, а также понимания закономерностей развития спортивных навыков человека, осознания способов оптимизации физических качеств. Кроме того, обучающееся на факультете физической культуры и спорта, должны обладать профессиональными навыками в преподавании, руководстве тренировками, планировании и проведении спортивных мероприятий, а также быть готовыми к судейским обязанностям, на основании присвоенных квалификаций после окончания обучения [4]. Согласно имеющимся исследованиям, поведение преподавателя на занятиях по физической культуре можно разделить на четыре категории: управление, инструктаж, контроль и взаимодействие. В совокупности это четыре основных типа поведения педагога, каждый из которых играет свою роль. По мнению Петра Францевича Лесгафта (1837-1912), именно взаимодействие учителя определяет атмосферу на уроке физкультуры и существенно влияет на его результаты [5].

Углубляясь в тему нашего исследования, авторским коллективом проведена тщательная выборка ранее проведенных исследований. Выделены следующие характеристики эффективного поведения педагога на занятии: педагоги прибегают к управленческим методам; уделяют меньше времени непосредственному обучению в форме объяснений, демонстраций и инструкций; активно наблюдают за происходящим, что способствует взаимодействию; поощряют взаимодействие с помощью вопросов и ответов, обратной связи, подбадривания и помощи; дают больше обратной связи, чтобы помочь отдельным обучающимся в освоении двигательных навыков.

В 1970-х годах в основном широко применялся анализ учебного процесса на основе модели «процесс — результат» для изучения взаимосвязи между поведенческими факторами учебного процесса и результатами обучения, а также для исследования условий эффективного преподавания. В отечественной педагогике разработали метод наблюдения за поведением учителя для анализа его действий по нескольким категориям. Этот подход, основанный на методах оценки, позволил объективно определить структуру поведения учителя на уроках физкультуры [6].

В рамках нашего исследования были проанализированы семнадцать занятий по 40 мин, которые проводили студенты четвертого курса факультета физической культуры и спорта одного из университетов города Ставрополя, занятия проходили в средних и старших классах в рамках своей образовательной программы. Наши наблюдения за поведением будущего учителя на каждом занятии анализировались и фиксировались с помощью видеокамеры. Полученный материал разделялся на этапы и переходы по структуре занятия. В категорию «взаимодействие» мы включили такие подпункты, как постановка вопросов, принятие и предоставление положительной, корректирующей и отрицательной обратной связи,

а также поощрение. Кроме того, мы разделили положительную, корректирующую и отрицательную обратную связь на «общую» и «конкретную» в зависимости от того, была ли обратная связь конкретной или нет. Далее проводилось сравнение с поведением учителей, опыт работы которых составлял не мене пяти лет [7].

Проведенные исследования показали, что такие факторы, как организация учебного процесса, статусность учебной группы, стаж преподавания, оборудование и инструменты, значительно влияют на отношение учеников к предмету и их оценки. Анализ поведения учителя и учеников, проведенный авторским коллективом во время занятий со стажерами, показал, превышенный лимит установленного времени на рассмотрение общих вопросов, таким как ожидание, движения, управление и другие инструкции, не связанные с учебными задачами, в то время как физической активности уделялось недостаточно времени, соответственно плотность занятия была на низком уровне.

Кроме того, было проанализировано вербальное поведение, которое демонстрировало неуверенность и отсутствие последовательности в действиях. А также исследователи выявили, что учителя-стажеры редко задают вопросы, и не практикуют обратную связь.

Данное исследование помогло нам более детально увидеть и понять затруднения, с которыми приходится сталкиваться будущим учителям. На основании чего, давались конкретные рекомендации по их решению.

Касаясь процесса вовлеченности обучающихся к обратной связи. Стажеры затрачивали около половины времени, отведенного на взаимодействие, где 70% обратной связи содержало конкретную информацию. Эти данные свидетельствуют о том, что взаимодействие стажеров с учениками в основном сводится к советам по улучшению двигательных навыков и техники выполнения упражнений, а значит, значительная часть взаимодействия направлена на достижение учащимися учебных целей.

В ходе этого исследования не было зафиксировано ни одного негативного взаимодействия (с негативной обратной связью), которое обычно снижает оценки учащихся. Это можно интерпретировать как положительное отношение учителей к поведению учеников, а также может указывать на то, что они своевременно обращали внимания на отвлекающие факторы во время урока. Учитель всегда должен быть готов, к пресечению нарушения дисциплины, которое может спровоцировать угрозу травматизма учеников во время выполнения сложных двигательных действий [8].

В рамках проведенного исследования, не было зафиксировано не одного случая нарушения мер безопасности, стажеры, предвидя такие моменты, своевременно реагировали и давали соответствующие указания.

Сравнительный анализ показал, что начинающие учителя, уделяли больше времени непосредственному обучению, что указывает на чрезмерное внимание направленное, на объяснение и выполнение аналогичных заданий. Этот факт явился причиной отклонения от временного хронометража в структуре плана урока, отведенного на непосредственное обучение.

Учителям-стажерам следует больше внимания уделять тому, как давать четкие и лаконичные объяснения. Им также следует сосредоточиться на том, как представлять визуальную информацию, во время непосредственного руководства процессом обучения, например при объяснении заданий. Будущие учителя должны развить способность к экстраполяции, чтобы передавать полученные знания другим, уделяя особое внимание взгляду, голосу, ритму, темпу и жестам. Специалисты сферы образования должны освоить информационно-коммуникационные технологии, чтобы создавать уроки с эффективной визуализацией информации. Во время взаимодействия с учениками требуется более глубокое понимание предмета. Учителя могут повысить эффективность взаимодействия, точно определяя, какой язык использовать в зависимости от ситуации, в которой находятся ученики. Этот навык предполагает понимание сути преподавания и чуткое отношение к потребностям учеников, а также к тому, чего от них ждут.

На деле это исследование помогло выявить проблемные вопросы, которые необходимо решать на начальной стадии практической работы будущих специалистов в образовательной сфере [9].

Результаты исследования показали, что сравнение поведения учителей-стажеров и опытных педагогов выявило значительные различия в прямых указаниях и взаимодействии. Для совершенствования практических навыков преподавания на этапе подготовки учителей необходимо уделять особое внимание таким аспектам, как организация учебного процесса с учетом потребностей учащихся, глубокое понимание материала и учеников, четкое представление о процессе обучения, владение эффективными коммуникативными навыками и визуальная передача информации. Для этого необходимо обеспечить более тесную связь между теорией и практикой. Важно дать студентам достаточно времени, чтобы они поняли учеников и учебные материалы, а также имели возможность применить полученные знания на практике, чтобы они стали профессионалами своего дела.

Список литературы:

[1] Алешин Е. А. Модернизация процесса физического воспитания студентов в структуре профессионального образования / Е. А. Алешин, Д. В. Ошурков, Д. И. Парахин // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2(20). – С. 83-88.

[2] Бортникова С. А. Реализация практико-ориентированного подхода в формировании профессиональной компетентности студентов, обучающихся по профилю «образование в области физической культуры и спорта» / С. А. Бортникова // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : Сборник статей XXII Международной научной конференции, Белгород-Москва-Чирчик, 15–16 апреля 2026 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2026. – С. 64-68.

[3] Бортникова С. А. Формирование профессиональной компетентности студентов по профилю «Физическая культура» / С. А. Бортникова, Е. В. Богачева, А. Ю. Горобий // Культура физическая и здоровье. – 2025. – № 1(93). – С. 34-39.

[4] Гайдаш А. И. Возможности использования цифровых технологий в дополнительном образовании / А. И. Гайдаш, А. В. Собровин // Горинские чтения. Инновационные решения для АПК : Материалы VIII Международной студенческой научной конференции, Майский, 25–26 февраля 2026 года. – Майский: ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ, 2026. – С. 125-126.

[5] Гайдаш А. И. Реализация современного подхода в образовании / А. И. Гайдаш // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : Сборник статей XXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы, Белгород-Москва-Чирчик, 23–24 апреля 2025 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. – С. 134-137.

[6] Гайдаш А. И. Конструктивное построение взаимоотношений между преподавателем и обучающимися / А. И. Гайдаш // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : Сборник статей XX Международной научной конференции, посвященной 70-летию БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород, 17–18 апреля 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2024. – С. 111-113.

[7] Катунина Н. П. Управление учебным процессом в образовательных организациях - системный подход / Н. П. Катунина, А. И. Гайдаш, Е. А. Алешин // Культура физическая и здоровье. – 2022. – № 2(82). – С. 88-91.

[8] Катунина Н. П. Оценка и формирование практических навыков в преподавательской деятельности П. С. Кошелев, С. М. Хроменков, В. Н. Бажанов // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 532-537.

[9] Маслова И. Н. Использование информационных технологий для повышения мотивации к внеурочным занятиям по спортивно-оздоровительному направлению / И. Н. Маслова, С. А. Бортникова // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни : Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–18 апреля 2025 года. – Воронеж: Воронежская государственная академия спорта, 2025. – С. 540-546.

References:

[1] Aleshin E. A. Modernization of the process of physical education of students in the structure of vocational education/ E. A. Aleshin, D. V. Oshurkov, D. I. Parakhin // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2(20). - S. 83-88.

[2] Bortnikova S. A. Implementation of a practice-oriented approach in the formation of professional competence of students studying in the profile "education in the field of physical culture and sports" / S. A. Bortnikova // Physical education and sports in higher educational institutions: Collection of articles of the XXII International Scientific Conference, Belgorod-Moscow-Chirchik, April 15-16, 2026. - Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2026. - S. 64-68.

[3] Bortnikova S. A. Formation of professional competence of students in the profile "Physical Culture" / S. A. Bortnikova, E. V. Bogacheva, A. Yu. Gorobiy // Physical and Health Culture. – 2025. – № 1(93). - S. 34-39.

[4] Gaidash A. I. The possibilities of using digital technologies in additional education / A. I. Gaidash, A. V. Sobrovin // Gorinsky readings. Innovative solutions for the agro-industrial complex: Materials of the VIII International Student Scientific Conference, May, February 25-26, 2026. - May: FSBEI HE Belgorod GAU, 2026. - S. 125-126.

[5] Gaidash A.I. Implementation of the modern approach in education/A.I. Gaidash // Physical education and sports in higher educational institutions: Collection of articles of the XXI International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory, Belgorod-Moscow-Chirchik, April 23-24, 2025. - Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2025. - S. 134-137.

[6] Gaidash A.I. Constructive construction of relations between the teacher and students / A.I. Gaidash // Physical education and sports

in higher educational institutions: Collection of articles of the XX International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of BSTU named after V.G. Shukhov, Belgorod, April 17-18, 2024. - Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2024. - S. 111-113.

[7] Katunina N.P. Management of the educational process in educational organizations - a systematic approach / N.P. Katunina, A.I. Gaidash, E.A. Aleshin // Physical and health culture. – 2022. – № 2(82). - S. 88-91.

[8] Katunina N.P. Assessment and formation of practical skills in teaching P. S. Koshelev, S. M. Khromenkov, V. N. Bazhanov // Education and Law. – 2026. – № 1. - S. 532-537.

[9] Maslova I. N. The use of information technologies to increase motivation for extracurricular activities in the sports and recreation direction / I. N. Maslova, S. A. Bortnikov // Biomedical and pedagogical foundations of adaptation, sports activities and a healthy lifestyle: Collection of scientific articles of the XIV International Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 17-18, 2025. - Voronezh: Voronezh State Academy of Sports, 2025. - S. 540-546.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-155-159
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БАДЗЮК Ирина Леонидовна,
кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: demy@bk.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема геймификации в образовании, её теоретические основания, эффективность и опыт применения учебных компьютерных игр при подготовке специалистов, в том числе юридического профиля. Актуальность темы обусловлена цифровизацией образования, необходимостью повышения мотивации и вовлечённости обучающихся, а также противоречивостью эмпирических данных о влиянии геймификации на академические результаты. В работе приведен краткий обзор преимуществ геймификации (рост мотивации, вовлечённости, взаимодействия, развитие учебных и когнитивных компетенций); анализ неоднозначных результатов её влияния на успеваемость; характеристика методов исследования — мета-анализ с анализом модераторов, модель PRISMA, SWOT-анализ, математическая статистика. Особое внимание уделено российскому контексту за последние 15 лет по данным eLibrary. Отмечено, что геймификация применяется через широкий спектр цифровых платформ и игровых механик, а методы оценки варьируются от экспериментальных исследований до систематических обзоров. Компьютерные учебные игры рассматривается практически в каждой пятой статье. Однако, по применению игровых методов в рамках юридических дисциплин найдено только одно эмпирическое исследование. Результаты которого продемонстрировали улучшение успеваемости и положительное восприятие студентами игровых методов. В качестве перспектив названы лонгитюдные исследования, оценка сохранения знаний и переноса навыков, адаптация игровых методов к другим отраслям права, изучение дифференциальных эффектов разных типов игр и сочетания геймификации с иными педагогическими стратегиями. Анализируемый в статье материал является научной основой для методических рекомендаций по созданию и применению обучающих компьютерных игр по юридическим дисциплинам на примере проекта «Обучающая программа «Я знаю закон»».*

Ключевые слова: *обучающие компьютерные программы, игровые формы обучения, образовательный процесс, образовательные технологии, геймификация, оценка эффективности геймификации образования.*

Для цитирования: *Бадзюк И. Л. Изучение эффективности геймификации в образовательном процессе // Право и управление. 2026. № 10. С. 155–159.*

BADZIUK Irina Leonidovna,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technology, Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

STUDYING THE EFFECTIVENESS OF GAMIFICATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Annotation. *The article examines the problem of gamification in education, its theoretical foundations, effectiveness and experience of using educational computer games in the training of specialists, including legal professionals. The relevance of the topic is due to the digitalization of education, the need to increase motivation and engagement of students, as well as the inconsistency of empirical evidence on the impact of gamification on academic results. The paper provides a brief overview of the benefits of gamification (increased motivation, engagement, interaction, development of educational and cognitive competencies); analysis of ambiguous results of its impact on academic performance; characteristics of research methods — meta-analysis with moderator analysis, PRISMA model, SWOT analysis, mathematical statistics. Special attention is paid to the Russian context over the past 15 years, according to eLibrary. It is noted that gamification is applied through a wide range of digital platforms and game mechanics, and evaluation methods range from experimental studies to systematic reviews. Computer educational games are considered in almost every fifth article. However, only one empirical study has been found on the application of gaming methods within the framework of legal disciplines. The results of which demonstrated an improvement in academic performance and a positive perception of gaming methods by students. The prospects include longitudinal research, assessment of knowledge retention and skill transfer, adaptation of game methods to other branches of law, study of the differential effects of different types of games and the combination of gamification with other pedagogical strategies. ""The material analyzed in the article is the scientific basis for methodological recommendations on the creation and application of educational computer games in legal disciplines using the example of the project "The training program "I know the law"".*

Key words: *educational computer programs, game-based learning forms, educational process, educational technologies, gamification, assessment of the effectiveness of gamification in education.*

For citation: *Badziuk I. L. Studying the effectiveness of gamification in the educational process. Law and administration. 2026;(10):155–159. (In Russ.).*

За последние 40 лет область исследований образовательных технологий претерпела значительные изменения, превратившись из специализированной тематики в заметную область образования. Наряду с этой эволюцией фокус исследований сместился с почти единственного акцента на влияние технологий на результаты обучения на более широкое изучение различных аспектов образовательных технологий (например, использование, оценка). Рассмотрение широкого ряда аспектов влияния в образовательной сфере один из таких аспектов, получивший все большее в последние годы внимание уделяется геймификации [1-5]. Большинство исследователей геймификацию относят к использованию элементов из игр в неигровых средах. Важно отличать геймификацию от обучения на основе игр, поскольку первая, как более широкая концепция, использует только компоненты игры в реальных ситуациях, в то время как в последнем используются полнофункциональные игры для развития навыков или знаний [5]. Геймификация нашла широкое применение в различных областях, включая бизнес, математику и естественные науки. В последние годы наблюдается заметный рост исследований, изучающих геймификацию в образовательных контекстах. Ключевые проблемы, стоящие перед современным образованием, часто объясняются отсутствием у учащихся вовлеченности и мотивации к активному участию в процессе обучения. Одно из возможных решений это проблемы предполагает введение поощрений и признания усилий и достижений учащихся, тем самым способствуя повышению мотивации и вовлеченности. Этот подход основан на использовании игровых элементов, улучшающих процесс обучения. В образовании геймификация - это не отдельный продукт, а скорее творческий и структурированный процесс включения игровых элементов в образовательные процессы с целью мотивации поведения обучаемых и содействие академическим достижениям [1, 4]. Появляется все больше свидетельств того, что геймификация получила широкое признание в качестве эффективного инструмента повышения результатов обучения в различных образовательных учреждениях [1, 4].

Исследования показали множество преимуществ геймификации в образовательных контекстах. Например, недавние исследования подтвердили потенциал геймификации для повышения мотивации учащихся, вовлеченность и взаимодействие в сфере образования, позволяя им погрузиться в обучение на основе опыта [1]. Это особенно важно в контексте психологии, где мотивация рассматривается как движущая сила поведения, представляющая собой динамическую взаимосвязь между внутренними силами и аффективными процессами, ведущими к личному, социальному и психологическому благополучию. Взаимосвязь между геймификацией и обучением в образовании дополнительно объясняется такими теориями, как теория геймифицированного обучения, которая предполагает, что геймификация имеет потенциал и положительно влияет как

на содержание обучения, так и на результаты обучения. Зарубежные ученые также определяют геймификацию как высокоэффективный инструмент развития учебных и когнитивных компетенций [1].

Несмотря на растущую популярность и потенциальную пользу геймификации, ее эффективность в улучшении успеваемости остается неопределенной. Предыдущие эмпирические литературные данные дают неоднозначные результаты. В некоторых исследованиях сообщалось о положительном влиянии геймификации с различными размерами эффекта, в том числе и в его отсутствии [1]. Эти противоречивые результаты затрудняют выводы о влиянии геймификации на повышение эффективности обучения. Чтобы пролить больше света на этот вопрос, многие исследователи в этой области проводили количественную оценку влияния геймификации на успеваемость обучаемых [1-5]. Основой анализа литературных данных в работах [1-5], являются результаты мета-аналитического исследования проблемы геймификации в образовании с помощью анализа модератора [1], модели PRISMA [4], SWOT анализа и методов математической статистики [3]. Анализ работ [1] включает ряд переменных: тип пользователя, образовательную дисциплину, принципы проектирования для образовательной геймификации, продолжительность «игрового» опыта, среду обучения, измерение результатов обучающихся и тип публикации. Авторы, использующие для анализа научной литературы модель PRISMA [4], ставили задачу получить ответы на вопросы: применяемых теорий геймификации, их лучшие рамки и модели в контексте образования и обучения; применяемых элементов геймификации и механики в образовании; возможных ограничений, проблем и организационных препятствий геймификации в образовании и обучении.

На данном этапе анализа проблемы геймификации в российском образовании основной целью является исследование проблемы оценки эффективность геймификации на академические результаты образовательного процесса и опыт применения учебных компьютерных игр при подготовке будущих специалистов, в том числе юридических специальностей. Результаты представленного в этой статье анализа стали научной основой методических рекомендаций создания и применения обучающих компьютерных игр по дисциплинам юридического профиля для преподавателей ВУЗов гуманитарного цикла на примере проекта «Обучающая программа «Я знаю закон»» [6].

Сопоставляя результаты поиска научной литературы, полученные по различным библиографическим базам данных [4], следует отметить, что основной пик публикаций, посвященных геймификации в образовании, приходится на последнее десятилетие, ознаменованное интенсивной стадией информатизации образования во всем мире. В базе Scopus индексированных публикаций по геймификации в образовании было найдено более восьми тысяч [4]. Тогда как в системе РИНЦ подобных публикаций в разы меньше. При этом основной срез по типу публикаций российских ученых – это материалы конференций. В данной работе анализ проведен по публикациям, подобранным в системе РИНЦ, с помощью расширенного поиска и нейропоиска по тематике в электронной библиотеке «eLibrary» (https://www.elibrary.ru) с января 2011 года по июнь 2026 года. Количество исследований, опубликованных в журналах, входящих в ядро РИНЦ, составляет – 133. Распределение числа публикаций по данной теме по годам свидетельствует о заметном увеличении их количества в 2020 году (12 публикаций), максимум приходится на 2022 год (24 публикации), что демонстрирует значительный интерес к игровым формам в образовании в период его активной стадии цифровизации.

Особое внимание привлекают исследования, в которых приводят обзор и анализ теорий геймификации образования [1, 3, 4], анализ профессиональных сфер применения игрового инструмента [1, 4, 8], оценки эффективности учебных игровых программ [4, 7, 8], ограничения, проблемы и организационные препятствия, связанные с геймификацией в образовании [4, 5].

Анализ литературы показывает, что геймификация в образовании применяется через широкий спектр цифровых платформ и игровых механик [2, 5, 8-10]. Методы оценки варьируются от экспериментальных исследований до систематических обзоров. Количество работ, рассматривающих компьютерные учебные игры, составляет не менее 25 из 133 (~ 19%), при этом многие обзорные статьи также затрагивают эту тему. В списке присутствует только одно эмпирическое исследование геймификации, применимой для юридических дисциплин, точнее для уголовного права [11]. Данное исследование подтверждает эффективность игровых методов (на примере «метода ludic») в преподавании общего уголовного права на университетском уровне. Результаты работы [11] демонстрируют значительное улучшение успеваемости студентов после внедрения стратегии геймификации. Выявленное положительное восприятие студентами применения геймификации в образовательном процессе предполагает, что такой педагогический подход эффективен не только в улучшении процесса обучения, но и повышает мотивацию и вовлеченность учащихся. Вызывает особый интерес методология оценки эффективности геймификации в преподавании общего уголовного права, подробно описанная

авторами [11]. В исследовании принимали участие 47 студентов в течение одного академического семестра (16 недель). На первой неделе проводился опрос по общим знаниям уголовного права (GCLKQ), в качестве предварительного теста. В течение следующих 14 недель «методы ludic» применялись в качестве неотъемлемой части курса. Применяемые исследователями [11] «методы ludic» были разбиты на две группы: историко-правовое домино и карточки с концепцией уголовного права, разработанные соответствующими специалистами в указанных сферах права, проводились еженедельно по 90 минут. На 15-й неделе GCLKQ был повторно введен в качестве «пост-теста», сразу после этого была оценена удовлетворенность студентов применения игровых методов обучения по шкале специально разработанной шкале восприятия «метода ludic» (LMPS). Все полученные данные были проанализированы с использованием IBM SPSS Statistics v27. Даже с учетом немногочисленной группы респондентов результаты исследования [11] демонстрируют действительные положительные стороны внедрения геймификации в образовании. Кроме того, данная методология оценки эффективности применения игровых методов в образовании актуальна для внедрения в собственных исследованиях.

Направления будущих исследований геймификации в образовании должны включать лонгитюдные исследования для оценки долгосрочного сохранения приобретенных знаний, передачи профессиональных навыков и влияние на общую успеваемость. Кроме того, полезно изучить адаптацию игровых методов к другим областям права, исследовать дифференциальный эффект различных типов игр для изучения конкретных юридических концепций и изучения эффективности геймификации в сочетании с другими инновационными педагогическими стратегиями.

Список литературы:

[1] Li, M., Ma, S., Shi, Y. Examining the effectiveness of gamification as a tool promoting teaching and learning in educational settings: a meta-analysis // Frontiers Psychology. – 2023. – 14:1253549. – doi:10.3389/fpsyg.2023.1253549..

[2] Huang, R., Ritzhaupt, A. D., Sommer, M., Zhu, J., Stephen, A., Valle, N., et al. The impact of gamification in educational settings on student learning outcomes: a meta-analysis // Educational Technology Research and Development. – 2020. – V. 68. – P. 1875–1901.

[3] Золкина, А. В. Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса / А. В. Золкина, Н. В. Ломоносова, Д. А. Петрусевич // Science for Education Today. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 127-143. – DOI 10.15293/2658-6762.2003.07. – EDN TQWRIO.

[4] Triantafyllou, S. A. Gamification in education and training: A literature review / S. A. Triantafyllou, Ch. Georgiadis, T. Sapounidis // International Review of Education. – 2025. – Vol. 71, No. 3. – P. 483-517. – DOI 10.1007/s11159-024-10111-8. – EDN ICQTRL.

[5] Wijaya, T. T., Cao, Y., Bernard, M., Rahmadi, I. F., Lavicza, Z., and Surjono, H. D. Factors influencing microgame adoption among secondary school mathematics teachers supported by structural equation modelling-based research // Frontiers Psychology. – 2022. – 13: 952549. – doi: 10.3389/fpsyg.2022.952549..

[6] Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025616446 Российская Федерация. «Обучающая программа «Я знаю закон» : заявл. 26.02.2025 : опубл. 17.03.2025 / Д.С. Джурук, Е.Н. Бархатова, М.Б. Руденко [и др.]; заявитель Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – EDN WASBRM.

[7] Крежевских, О. В. Цифровая геймификация и закрепление знаний: выявление изменения психоэмоционального состояния студентов вуза с учетом когнитивной нагрузки / О. В. Крежевских, А. И. Михайлова // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 2(68). – С. 535-550. – DOI 10.32744/pse.2024.2.32. – EDN KATULY.

[8] Effectiveness of Gamification in Mobile and Interactive Learning: Analysis of Approaches and Outcome / H. Kozub, V. Sipii, Yu. Kozub [et al.] // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2025. – Vol. 19, No. 08. – P. 27-41. – DOI 10.3991/ijim.v19i08.50917. – EDN JBJAIN.

[9] Martín-Del-pozo, M. Assessing Quizizz as a gamified teaching tool in higher education: A study of Spanish Education undergraduates' perceptions based on academic performance / M. Martín-Del-pozo, A. Patrocinio-Braz, Ju. Mena // Education and Self-Development. – 2025. – Vol. 20, No. 3. – P. 55-71. – DOI 10.26907/esd.20.3.05. – EDN MKLEGK.

[10] Адамович, К. А. Игра на повышение: роль виртуальной валюты в стимулировании выполнения домашних заданий на платформе Skyeng / К. А. Адамович, Т. А. Чиркина // Вопросы образования. – 2023. – № 4. – С. 8-24. – DOI 10.17323/vo-2023-16640. – EDN CZTRKS.

[11] Riega-Virú, Ya. B. Impact of Gamification on Teaching-Learning Criminal Law: A Quasi-Experimental Study with University Students / Ya. B. Riega-Virú, A. R. Vargas-Murillo, I. N. M. De. La. A. Pari-Bedoya // TEM Journal. – 2025. – P. 612-619. – DOI 10.18421/tem141-54. – EDN JVNOFZ.

References:

[1] Li, M., Ma, S., Shi, Y. Examining the effectiveness of gamification as a tool promoting teaching and learning in educational settings: a meta-analysis // Frontiers Psychology. – 2023. – 14:1253549. – doi:10.3389/fpsyg.2023.1253549..

[2] Huang, R., Ritzhaupt, A. D., Sommer, M., Zhu, J., Stephen, A., Valle, N., et al. The impact of gamification in educational settings on student learning outcomes: a meta-analysis // Educational Technology Research and Development. – 2020. – V. 68. – P. 1875–1901.

[3] Zolkina, A. V. Assessment of the demand for the use of gamification as a tool to increase the efficiency of the educational process / A. V. Zolkin, N. V. Lomonosov, D. A. Petrusevich // Science for Education Today. – 2020. - T. 10, NO. 3. - S. 127-143. – DOI 10.15293/2658-6762.2003.07. – EDN TQWRIO.

[4] Triantafyllou, S. A. Gamification in education and training: A literature review / S. A. Triantafyllou, Ch. Georgiadis, T. Sapounidis // International Review of Education. – 2025. – Vol. 71, No. 3. – P. 483-517. – DOI 10.1007/s11159-024-10111-8. – EDN ICQTRL.

[5] Wijaya, T. T., Cao, Y., Bernard, M., Rahmadi, I. F., Lavicza, Z., and Surjono, H. D. Factors influencing microgame adoption among secondary school mathematics teachers supported by structural equation modelling-based research // Frontiers Psychology. – 2022. – 13: 952549. – doi: 10.3389/fpsyg.2022.952549..

[6] Certificate of state registration of the computer program No. 2025616446 Russian Federation. "Training program "I know the law": declared. 26.02.2025: publ. 17.03.2025 / D.S. Dzhuruk, E.N. Barkhatova, M.B. Rudenko [et al.]; applicant Federal State Educational Institution of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." – EDN WASBRM.

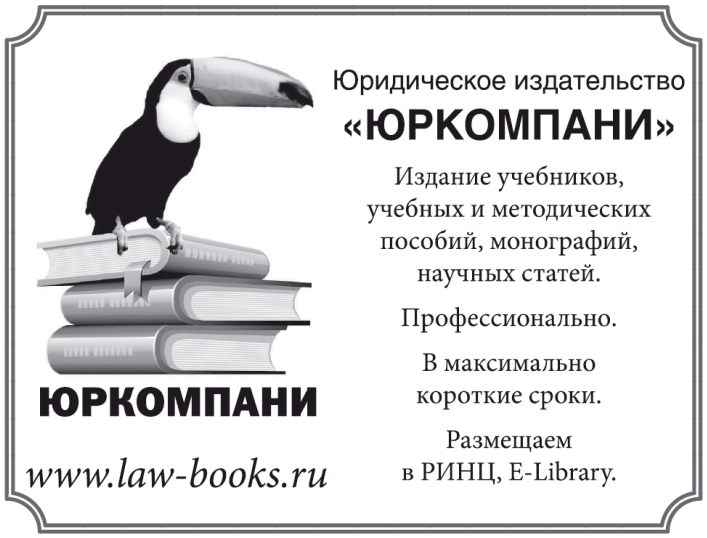
[7] Krezhevsky, O. V. Digital gamification and consolidation of knowledge: identifying changes in the psycho-emotional state of university students, taking into account cognitive load / O. V. Krezhevsky, A. I. Mikhailova // Prospects of science and education. – 2024. – № 2(68). - S. 535-550. – DOI 10.32744/pse.2024.2.32. – EDN KATULY.

[8] Effectiveness of Gamification in Mobile and Interactive Learning: Analysis of Approaches and Outcome / H. Kozub, V. Sipii, Yu. Kozub [et al.] // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2025. – Vol. 19, No. 08. – P. 27-41. – DOI 10.3991/ijim.v19i08.50917. – EDN JBJAIN.

[9] Martín-Del-pozo, M. Assessing Quizizz as a gamified teaching tool in higher education: A study of Spanish Education undergraduates' perceptions based on academic performance / M. Martín-Del-pozo, A. Patrocinio-Braz, Ju. Mena // Education and Self-Development. – 2025. – Vol. 20, No. 3. – P. 55-71. – DOI 10.26907/esd.20.3.05. – EDN MKLEGK.

[10] Adamovich, K. A. Raising game: the role of virtual currency in stimulating homework on the Skyeng platform/K. A. Adamovich, T. A. Chirkina // Education issues. – 2023. – № 4. - S. 8-24. – DOI 10.17323/vo-2023-16640. – EDN CZTRKS.

[11] Riega-Virú, Ya. B. Impact of Gamification on Teaching-Learning Criminal Law: A Quasi-Experimental Study with University Students / Ya. B. Riega-Virú, A. R. Vargas-Murillo, I. N. M. De. La. A. Pari-Bedoya // TEM Journal. – 2025. – P. 612-619. – DOI 10.18421/tem141-54. – EDN JVNOFZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-160-164

СЕМЁНОВ Вадим Владимирович,
Доцент кафедры огневой и технической подготовки, кандидат технических наук, доцент, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Барнаульский юридический институт МВД России», e-mail: mail@law-books.ru

НИКИТИН Александр Игоревич,
Доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт МВД России», e-mail: nikitos_ne@list.ru

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ «БАЗОВОЙ ТЕХНИКИ» В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТРЕЛЬБЕ КУРСАНТОВ (СЛУШАТЕЛЕЙ) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние физиологических особенностей курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России на формирование «базовой техники» стрельбы из пистолета. Авторы анализируют объективные факторы, осложняющие процесс обучения пистолетной стрельбе: близкое расположение прицельных приспособлений к органам зрения, короткую прицельную линию, необходимость удержания равновесия в положении «стоя». Особое внимание уделяется индивидуальным физиологическим характеристикам стрелков — высоте расположения центра тяжести тела, размеру и форме ладони и пальцев, длине конечностей, массе тела, — которые накладываются на объективные факторы и могут как ускорять, так и тормозить процесс освоения техники. Подчёркивается необходимость преодоления безусловных рефлексов, обучающихся через целенаправленное объяснение всех аспектов выстрела и формирование автоматизированной двигательной активности. Детально разбираются технические ошибки при нажатии на спусковой крючок, составляющие до 80 % от общего количества ошибок, а также меры компенсации физиологических особенностей, не приводящие к ухудшению устойчивости.*

Ключевые слова: *огневая подготовка, базовая техника стрельбы, физиологические особенности, автоматизация двигательного навыка, пистолетная стрельба.*

Для цитирования: *Семёнов В. В., Никитин А. И. Физиологические особенности как фактор формирования «базовой техники» в процессе обучения стрельбе курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России // Право и управление. 2026. № 10. С. 160–164.*

SEMENOV Vadim Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Fire and Technical Training, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

NIKITIN Alexander Igorevich,
Associate Professor of the Department of Fire and Tactical and Special Training, Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

PHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF "BASIC TECHNIQUE" IN THE PROCESS OF TEACHING SHOOTING TO CADETS (STUDENTS) OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the influence of the physiological characteristics of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the formation of "basic technique" in pistol shooting. The authors analyze the objective factors that complicate the process of teaching pistol shooting: the close proximity of the sighting devices to the visual organs, the short sighting line, and the need to maintain balance in the "standing" position. Particular attention is paid to the individual physiological characteristics of shooters — the height of the body's center of gravity, the size and shape of the palm and fingers, the length of the limbs, and body weight — which interact with objective factors and can either accelerate or hinder the process of mastering the technique. The need to overcome unconditioned reflexes in trainees is emphasized.*

Key words: *firearms training, basic shooting technique, physiological characteristics, automation of motor skills, pistol shooting.*

For citation: *Semenov V. V., Nikitin A. I. Physiological characteristics as a factor in the formation of "basic technique" in the process of teaching shooting to cadets (students) of educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia. Law and administration. 2026;(10):160–164. (In Russ.).*

Многолетняя практика проведения занятий с различными категориями обучающихся, находящимися на разных этапах профессионального обучения в образовательной организации МВД России, дает большое количество информации практического плана, которая должна обобщаться и учитываться в процессе выработке образовательной методики огневой подготовки, оптимальной по форме и содержанию, обеспечивающей эффективное формирование базовой техники. Особенно это важно в условиях сокращающихся сроков обучения, меняющейся нормативной базы для слушателей факультетов профессионального обучения или дополнительного профессионального образования, где этот период еще короче. Стоит отметить, что исторически сложившаяся система обучения стрельбе характеризовалась существенными методическими пробелами. Она была ограничена узким набором упражнений, которые не моделировали всего спектра реальных оперативных ситуаций, и не имела детально проработанных методических указаний. Вследствие этого передача ключевых навыков зачастую осуществлялась наиболее опытными специалистами на основе эмпирического знания и интуиции, при отсутствии унифицированных и научно обоснованных педагогических подходов. Подобная практика создавала риски несистемной трансляции опыта, что могло приводить к недостаточному уровню готовности личного состава к применению оружия в условиях реальной боевой оперативной ситуации [1, с. 371]. Для курсантов факультетов, реализующих огневую подготовку по основным образовательным программам с периодом от четырех лет (бакалавриат) до пяти лет (специалитет) эта проблема не так выражена в краткосрочной перспективе, в то же время, если не обращать внимания на данный аспект формируемых двигательных навыков, эта проблема так же будет детерминировать результаты, демонстрируемые обучающимися в текущей успеваемости, и конечно же, на промежуточной аттестации, проведении инспекторских, контрольных проверок. В этом случае вероятность устранения факторов, негативно сказывающихся на качестве формируемой «Базовой техники» и определяемых особенностями физиологии стрелка, гораздо выше, чем у вышеперечисленных категорий обучающихся. В то же время, принципы, лежащие в основе формирования «Базовой техники» одни и те же вне зависимости от сроков и форм обучения, а возможность ее формирования в сжатые сроки напрямую зависит от выделения основополагающих принципов, средств,

форм, методов обучения и мастерства преподавателей. Пистолетные стрельбы являются основной темой практических занятий, направленных на формирование «Базовой техники» стрельбы сотрудника полиции, положение для стрельбы стоя – основное для выполняемых практических упражнений и ситуаций применения огнестрельного оружия в практической деятельности. Одним из необходимых аспектов дисциплины является подготовка курсантов к действиям в экстремальных условиях. Курсантам требуется быстро принимать правильные решения: какое положение стоит занять, из-за какого укрытия производить прицельные выстрелы для поражения цели [2, с. 110]. В реальной ситуации применения огнестрельного оружия дополнительно негативное воздействие, связанное с увеличением указанного отклонения, являет собой изменение психологического состояния сотрудника полиции. Данное отклонение приводит к затруднению или невозможности минимизации ущерба здоровью преступника, в отношении которого происходит применение огнестрельного оружия, ставя под вопрос правомерность и эффективность процедуры пресечения противоправных действий преступника данным средством.

Именно по этой причине необходимо уделять пристальное внимание качествам формируемой двигательной активности в процессе обучения стрельбе из пистолета, как главного вида огнестрельного оружия сотрудника полиции. Дополнительными объективными факторами, осложняющими процесс обучения стрельбе из короткоствольного оружия, являются разные основные положения для стрельбы из пистолета– «стоя», для автомата – «лежа». Расположение и контроль центра тяжести стрелка, очевидно, более сложно для стрельбы стоя, когда высота расположения этого центра относительно площади опоры создает необходимость удержания равновесного положения – баланса. В случае использования положения для стрельбы «лежа» площадь опоры стрелка максимальная, при это его центр тяжести практически прижат к земле, то есть высота расположения над опорой нулевая, а значит, отсутствует момент кручения, отклоняющий центр тяжести стрелка при выстреле. Вышеперечисленные факторы, сопровождающие процесс обучения стрельбе из разных видов оружия, носят объективный характер, не зависящий от физиологических и психологических особенностей обучающегося, которые накладываясь на объективные факторы, ускоряют или тормозят процесс обучения. Как правило, тормозят в связи с тем, что психология стрелка на первоначальном процессе обучения стрельбе включает защитную реакцию психики, являющуюся проявлением безусловных реакций, заложенных природой в человека. Это обстоятельство дополнительно осложняет процесс обучения стрельбе, поскольку речь идет о необходимости преодоления безусловных рефлексов, ограничивающих двигательную активность и работающих вне волевой сферы стрелка. Именно поэтому обучение технике и тактике стрельбы должно начинаться с объяснения всех процессов, носящих как объективный, так и субъективный характер. В случае, когда процесс обучения стрельбе формирует только техническую и тактическую готовность, остается неразрешенным вопрос, как сработает психология стрелка, который попадает в ситуацию применения огнестрельного оружия. Практика показывает, что результаты применения огнестрельного оружия в этом случае предсказуемо негативные, поскольку безусловные рефлексы работают в подавляющем большинстве случаев абсолютно одинаково, вне зависимости от принадлежности к основным психотипам – ограничивая двигательную и функциональную активность стрелка. Что в таком случае необходимо предпринять в процессе обучения, первое, как уже было сказано – это целенаправленное объяснение обучающимся всех аспектов процесса, второе – формирование такой двигательной активности, которая формирует замену активности, вызванной «включением» безусловных рефлексов. А это значит, сформированная двигательная активность должна носить характер условно выработанных рефлексов, например, как написание текста или вождение транспортного средства, в основе которых лежит автоматизация двигательной активности. Основная направленность данной статьи – предотвращение включения технических ошибок в формируемый автоматизированный навык стрельбы из пистолета.

Рассмотрим основные приемы, применяемые при формировании техники стрельбы с точки зрения той двигательной активности, которую необходимо автоматизировать, то есть придать им такой характер, который не требует коррекции, пересмотра или постоянного внесения изменений. Одним из первоначальных факторов, влияющих на качество изготовки к стрельбе в процессе формирования «Базовой техники», является принятое положение. Как известно, это положение должно удовлетворять требованиям нескольких критериев, например, устойчивости, тот есть возможности сохранять такое положение тела в пространстве, при котором оно длительное время находится в состоянии, не требующим необходимости вносить какие-либо изменения в положение ног, рук с оружием, туловища и т. д. Такое положение характеризуется устойчивостью. Индивидуальной особенностью, не зависящей от правильности постановки ног, корпуса, рук с оружием, головы, влияющей на устойчивость, явля-

ется высота расположения центра тяжести тела. Очевидно, что чем выше рост курсанта (слушателя), тем сложнее контролировать устойчивость и наоборот. В этом случае при принятии положения для стрельбы обучающемуся необходимо компенсировать высоту расположения центра тяжести, например, увеличивая площадь опоры ног. Одновременно с этой мерой компенсации данной физиологической особенности можно увеличить глубину наклона корпуса в направлении мишени. Величина обеих мер компенсации подбирается индивидуально, здесь же оказывают влияние других индивидуальных особенностей, как то, длина ног, рук, туловища, масса тела. Определение вносимых изменений должно проходить при учете совокупности всех параметров, которые уже перечислены, при этом без ущерба для главного критерия в оценке принятого положения для стрельбы.

Что касается объективной стороны нажатия спускового крючка в «Рабочем ходе», не зависимо от особенностей исполнения, описание этого процесса связано с обеспечением неподвижного положения прицельных приспособлений в двух плоскостях, о чем уже было сказано. Общеизвестными требованиями к нажатию спускового крючка являются безостановочность и плавность движения, более подробно об этом говорить не будем, эти условия также достаточно уверенно выполняются обучающимися. Если нажимать спусковой крючок в соответствии с этими требованиями и не остановить движение указательного пальца в момент срыва курка с боевого взвода, то спусковой крючок будет прижат к рамке пистолета. Дополнительным негативным фактором, влияющим на удержание ровной системы прицельных приспособлений в плоскости стрельбы, является так называемый «Провал», когда с момента срыва курка с боевого взвода до момента прижатия его к рамке пистолета, спусковой крючок движется без какого–либо сопротивления, то есть происходит момент, когда сопротивления движению указательного пальца стрелка нет. Движение указательного пальца с спусковым крючком приводит к его прижатию к рамке со скоростью, которая вызывает рефлекторное сокращение пальцев, удерживающих рукоятку пистолета или движению лучезапястного сустава. И одно и другое приводит к смещению прицельных приспособлений в плоскости стрельбы. Величина смещения зависит напрямую от той скорости, с которой спусковой крючок был прижат к рамке пистолета. Так выглядит механизм смещения прицельных приспособлений в плоскости стрельбы – вертикальной плоскости, в которой находятся прицельные приспособления. Для предупреждения такой последовательности событий, обучающемуся необходимо в процессе тренировки выполнения этого движения с учебным оружием, останавливать движение пальца с спусковым крючком в момент срыва курка с боевого взвода. Длительная тренировка правильного выполнения этого действия и превращение его в абсолютно контролируемое движение, позволяет автоматизировать навык, обеспечив требуемое качество движения пальца со спусковым крючком. Та часть движения пальца в этот же момент, обеспечивающая неподвижность положения прицельных приспособлений в горизонте оружия – горизонтальной плоскости, является собой направление движения указательного пальца с спусковым крючком, которое совпадает с положением оси канала ствола оружия, удерживаемого неподвижно в руке. Выполнение этой части движения пальца с спусковым крючком в требуемом направлении позволяет избежать угловых отклонений, происходящих в горизонтальной плоскости [4, с. 225]. При удержании рукоятки пистолета правой рукой результатом неконтролируемого нажатия указательного пальца на спусковой крючок является отклонения влево и вниз относительно области прицеливания.

Только при достижении перечисленных технических задач, связанных с предупреждением возникновения самых распространенных ошибок при стрельбе, можно переходить к их автоматизации. В ином случае, технические действия, в состав которых будут включены ошибки, сформируются в автоматизированный навык, частью которого будут ошибки, системно повторяемые каждый раз в процессе технической тренировки с учебным оружием или в боевой стрельбе. Исключить в дальнейшем таким образом технические ошибки из сформированного автоматизированного навыка представляется большой проблемой, появление которой проще предотвратить, чем искоренять впоследствии.

Список литературы:

[1] Никитин, А. И. Значение изучения дисциплины «огневая подготовка» в образовательных учреждениях системы МВД России / А. И. Никитин // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация образовательного процесса : Материалы всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Омск, 17 февраля 2023 года / Пред. редколлегии М.С. Десятов. Том Выпуск 7. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 108-111. – EDN NSVDMN.

[2] Никитин, А. И. Становление профессиональной огневой подготовки в органах внутренних дел / Н. Н. Пестерев, Е. В. Архипов, А. И. Никитин // Право и государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 369-371. – DOI 10.47643/1815-1337_2026_3_369. – EDN TGSYLT.

[3] Обзор о практике применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении задач по охране общественного порядка [Текст]: - М. – ДГСК МВД России – 2021. – No21/8/20548.– 25 С.

[4] Семёнов В.В. Роль огневой подготовки в изменениях профессионального обучения органов внутренних дел Российской Федерации [Текст]: - сборник статей в Вестнике учебного отдела БЮИ МВД России.– ВыпускNo33.– Барнаул, БЮИ МВД России. – 2019. – С. 37-39 с.

[5] Семёнов В.В., Медведев И.В. Отдельные тенденции в применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции МВД России в настоящий период / В.В. Семёнов, И.В. Медведев [Текст]: - Вестник БЮИ МВД России No1 (42), 2022, стр. 225-226.

References:

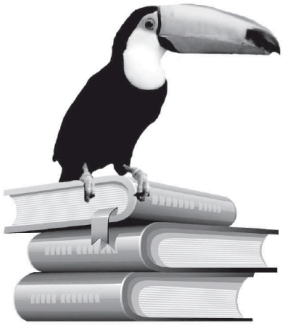
[1] Nikitin, A. I. The importance of studying the discipline "fire training" in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. I. Nikitin // Improving educational programs, planning and implementation of the educational process: Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference with international participation, Omsk, February 17, 2023 / Prev. editorial board M.S. Desyatov. Volume Issue 7. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. - S. 108-111. – EDN NSVDMN.

[2] Nikitin, A. I. The formation of professional fire training in the internal affairs bodies / N. N. Pesterev, E. V. Arkhipov, A. I. Nikitin // Law and State: Theory and Practice. – 2026. – № 3. - S. 369-371. – DOI 10.47643/1815-1337_2026_3_369. – EDN TGSYLT.

[3] Review of the practice of using physical force, special means and firearms by employees of the internal affairs bodies when performing tasks to protect public order [Text]: - M. - DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia - 2021. - No.21/8/20548.- 25 C.

[4] Semenov V.V. The role of fire training in changes in the professional training of the internal affairs bodies of the Russian Federation [Text]: - a collection of articles in the Bulletin of the educational department of the BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - IssueNo33.- Barnaul, BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. - S. 37-39 p.

[5] Semenov V.V., Medvedev I.V. Individual trends in the use of firearms by police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the present period / V.V. Semenov, I.V. Medvedev [Text]: - Bulletin of the BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (42), 2022, pp. 225-226.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-165-169
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЕФИМОВА Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Университета Правительства Москвы, доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Доцент кафедры юриспруденции Российского университета кооперации,
e-mail: alisa03@mail.ru

ЛАЛАКИН Игорь Сергеевич,
аспирант Российского университета кооперации,
e-mail: alisa03@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Введение в гражданско-правовой оборот цифровых активов обусловило формирование особенностей при их осуществлении. Такие особенности, в частности, проявляются при реализации исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, которые составляют содержание утилитарного цифрового права. В настоящей статье рассмотрены некоторые такие особенности, связанные и с определением объекта интеллектуальной собственности, на который возможно формирование соответствующих прав, анализ субъектного состава, участвующего в правоотношении, в котором осуществляется утилитарное цифровое право и иные правовые аспекты.*

Ключевые слова: *цифровое право, утилитарное цифровое право, исключительное право, объект интеллектуальной собственности, средства индивидуализации субъекта и результатов его деятельности.*

Для цитирования: *Ефимова О. В., Лалакин И. С. Цифровизация интеллектуальной собственности // Право и управление. 2026. № 10. С. 165–169.*

EFIMOVA Olga Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the University of the Government of Moscow, Associate Professor of the Department of Private Legal Sciences of the North-West Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina (MSLA), Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Russian University of Cooperation

LALAKIN Igor Sergeevich,
graduate student of the Russian University of Cooperation

DIGITALIZATION OF INTELLECTUAL PROPERTY

Annotation. *The introduction of digital assets into civil circulation led to the formation of features in their implementation. Such features, in particular, are manifested in the implementation of exclusive rights to intellectual property objects, which constitute the content of utilitarian digital law. This article discusses some*

of these features related to the definition of an intellectual property object for which the formation of relevant rights is possible, an analysis of the constituent entity participating in the legal relationship in which utilitarian digital law is exercised, and other legal aspects.

Key words: *digital law, utilitarian digital law, exclusive right, intellectual property object, means of individualization of the subject and the results of his activities.*

For citation: *Efimova O. V., Lalakin I. S. Digitalization of intellectual property. Law and administration. 2026;(10):165–169. (In Russ.).*

Утилитарное цифровое право, как разновидность цифровых прав, появилось в гражданском обороте в 2019 года в силу принятия Федерального закона от 02.08.2019 N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [5] (далее по тексту Закон о привлечении инвестиций). С 1 сентября 2026 года правовой оборот утилитарных цифровых прав регулирует Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ "О цифровых валютах и цифровых правах» [6] (далее по тесту Закон о цифровых правах»).

Исходя из дефиниции утилитарного цифрового права, изложенной в п.18 ст. 2 Закона о цифровых правах, сущность этого права составляет возможность требования соответствующих объектов, как-то:

Вещей (вещи), но за исключением:

документарных ценных бумаг,

наличных денежных средств,

вещей, права на которые закон связывает с государственной регистрацией [7],

вещей, сделки с которыми должны пройти специальное оформление. Нотариальному удостоверению в силу закона подлежат, в частности, договоры ренты (ст. 584 ГК РФ), условного депонирования (ст. 926.1 ГК РФ), договор конвертируемого займа, заключенного для увеличения уставного капитала ООО (п.2 ст. 19.1 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью") и др. Государственная регистрация должна быть осуществлена в отношении договора купли-продажи предприятия (п.3 ст. 560 ГК), договор аренды недвижимости (п. 2 ст. 609 ГК РФ) и иных соглашений, указанных в законе.

Исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности.

Выполнения работ и (или) оказания услуг.

Определения утилитарного цифрового права, предложенное в Законе о цифровых правах и данное ранее в Законе о привлечении инвестиций в целом тождественны. Основное различие связано с теми объектами, которые нельзя потребовать при осуществлении исследуемого цифрового права. В Законе о привлечении инвестиций законодатель оперирует термином «имущество», когда формирует перечень того, что не может составлять объект истребования при соответствующих условиях. Закон о цифровых правах использует уже более узкое по отношению к имуществу явление – вещи, права на которые или сделки, с которыми проходят соответствующую процедуру. Такая формулировка более точно определяет критерии недопустимости включения в содержание утилитарного цифрового права возможности требования соответствующего объекта. И это важно для формирования ясности в отношении того, что можно рассматривать в качестве содержания утилитарного цифрового права, направленного на получение соответствующий благ от использования объектов интеллектуальной собственности, поскольку ряд наиболее интересных с точки зрения оборота объектов подлежит государственной регистрации [1].

В рамках настоящего исследования нас интересует только один из видов утилитарных цифровых прав - право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной.

Как видно из определения указанное утилитарное цифровое право может быть следующего содержания:

Право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности

Право требовать передачи прав использования результатов интеллектуальной деятельности

Право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и прав использования результатов интеллектуальной деятельности.

Во всех трех проявлениях данного вида утилитарного цифрового права присутствует определенный срок существования соответствующей правовой возможности. Исключительное право на объекты интеллектуальной собственности носит срочный характер [8]. В силу этого утилитарное цифровое право, предусматривающее право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности также ограничено по времени.

Содержанием исследуемого утилитарного цифрового права является должное поведение соответствующего лица передать исключительное право и/или право использования на соответствующий объект интеллектуальной собственности. Исключительное право является одним из видов интеллектуальных прав (ст. 1226 ГК РФ) и в соответствии со ст. 1229 ГК РФ предоставляет его обладателю возможность использовать объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, а также распоряжаться самим исключительным правом [4].

Указанные действия (отчуждение права и предоставление права использования) являются способами распоряжения исключительным правом согласно п. 1 ст. 1233 ГК РФ. Данные способы распоряжения исключительным правом осуществляются любым не противоречащим закону и существу исключительного права способом, в том числе на основании договоров - договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор. Причем, последний презюмируется при оформлении передачи исключительного права, если существует не ясность в отношении объема передачи права (п. 3 ст. 1233 ГК РФ). Соответственно, при осуществлении исследуемого вида утилитарного цифрового права должны быть сформированы указанные договоры, которые следует отразить в информационной системе как правовую основу для учета перехода прав.

Из буквального прочтения как указанного вида утилитарного цифрового права, так и иных нормативных положений, регулирующих оборот утилитарного цифрового права, вытекают следующие нюансы.

Во-первых, п. 18 ст. 2 Закона о цифровых правах указывает на возможность осуществления соответствующих правомочий только в отношении результатов интеллектуальной деятельности. В тоже время, понятие «интеллектуальная собственность» несколько шире и согласно ст. 1225 ГК РФ представлено также средствами индивидуализации субъектов и результатов их деятельности. Различия между данными явлениями состоят в том, что средства индивидуализации "изначально предназначены для своего использования в отношениях с третьими лицами. Они направлены на защиту материальных, в первую очередь коммерческих, интересов своих правообладателей" [9].

Поэтому, законодатель указал, что средства индивидуализации приравнены к результатам творческой деятельности, но таковыми не являются. В настоящее время содержание утилитарного цифрового права в отношении интеллектуальной собственности ограничено перечнем объектом соответствующего воздействия, что не вполне оправдано.

Следует учитывать цель реализации утилитарного цифрового права, а именно - получение соответствующих выгод, поскольку в основе большинства цифровых прав, активно участвующих в гражданском обороте, находится именно их экономическая (имущественная) ценность [3]. Согласно ст. 27 Закона о цифровых правах осуществление этих прав выражается в получении денежных сумм, а это, по сути, цель инвестирования в соответствующий объект (цифровое право). Именно средства индивидуализации способны приносить значительный доход при соответствующем осуществлении исключительного права на него.

В силу этого, необходимо скорректировать п.18 ст. 2 Закона о цифровых правах и указать в следующей редакции:

«право требовать передачи исключительных прав на интеллектуальную собственность и (или) прав использования результатов интеллектуальной собственности».

Во-вторых, в отношении прав на ряд объектов интеллектуальной собственности цифровое право не может быть сформировано по причинам, вытекающим из Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) [10]. В отношении некоторых объектов интеллектуальной собственности исключительное право не передаваемо. Так, в отношении наименования места происхождения товара или фирменного наименования отсутствует возможность распоряжения исключительным правом, равно как предоставление другому лицу права использования фирменного наименования согласно п. 2 ст. 1474 ГК РФ.

Данное обстоятельство выводит соответствующие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации из ряда объектов, в отношении которых возможно сформировать утилитарное цифровое право.

В-третьих, следует учитывать «территорию обитания» цифрового права - информационную систему. А это в свою очередь формирует особенности субъектного состава, участвующего в правоотношении, складывающихся в отношении утилитарного цифрового права. Закон о цифровых правах помимо участников сделки с цифровыми правами указывает на такого необходимого субъекта исследуемой области правоотношений, как оператор – лицо, которое оказывает услуги по размещению цифровых прав и предоставлению доступа к информационной системе оператора для осуществления и распоряжения цифровыми правами. Отношения между указанными субъектами формируются исключительно на основании соответствующих договоров.

Однако, объект истребования утилитарного цифрового права (и это не только объект интел-

лектуальной собственности, но и вещи, работы, услуги) находится за пределами данной информационной системы [2], как и лица, связанные обязанностью по их передаче. Кроме указанных Законом о цифровых правах лиц, в данных правоотношениях присутствует еще один субъект – обязанное по содержанию утилитарного цифрового права лицо. Поскольку речь идет об объектах интеллектуальной собственности, то необходимо учитывать лиц, обладающих интеллектуальными правами на соответствующий объект. Чтобы требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и прав использования результатов интеллектуальной деятельности необходимо определить субъекта, обладающего этим исключительным правом. Изначально согласно п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, возникает у его автора. Это право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом. Если речь идет о средствах индивидуализации, то обладатель исключительного права определяется чаще всего по факту государственной регистрации (к примеру, на товарный знак).

Таким образом, правовые условия осуществления утилитарного цифрового права, содержащего право требования передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной определяются не только нормами Закона о цифровых правах, но также и нормами гражданского законодательства, регулирующего положения об интеллектуальной собственности.

Рассмотренные выше правовые аспекты не исчерпывают всю специфику исследуемого вида утилитарного цифрового права и требует дальнейшего исследования этого нового гражданско-правового явления.

Список литературы:

[1] Право интеллектуальной собственности. Общие положения. Т. 1 / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 07.10.2026).

[2] Савина В.С., Гурко А.В., Свечников В.А. Понятие и правовая природа утилитарных цифровых прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. N 10. С. 5 - 11.

[3] Соловьев А.М., Шлюндт Н.Ю. Утилитарные цифровые права как объекты гражданского права // Власть Закона. 2026. N 2. С. 117 - 127.

[4] Щелокова А.А., Яковлев В.И. Сравнительная характеристика правового режима утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов // Юрист. 2021. N 11. С. 39 - 43.

[5] Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Российская газета", N 172, 07.08.2019.

[6] Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ "О цифровых валютах и цифровых правах" // "Российская газета", N 178-179, 11.08.2026.

[7] Согласно ст. 8.1. и 131 ГК РФ это, в основном, недвижимость.

[8] Согласно ст. 1362 ГК РФ исключительное право на изобретение действует 20 лет, для полезных моделей 10 лет, для промышленных образцов 5 лет.

[9] Право интеллектуальной собственности. Общие положения. Т. 1 / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 07.10.2026).

[10] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ // "Российская газета", N 289, 22.12.2006.

References:

[1] Intellectual property law. General provisions. T. 1 / Under the general. ed. L.A. Novoselova. M.: Statute, 2017 [Electronic resource]. Access from ConsultantPlus ATP (contact date: 07.10.2026).

[2] Savina V.S., Gurko A.V., Svechnikov V.A. The concept and legal nature of utilitarian digital rights // IP. Copyright and related rights. 2022. N 10. S. 5-11.

[3] Soloviev AM, Schlundt N.Y. Utilitarian digital rights as objects of civil law // The Power of Law. 2026. N 2. S. 117-127.

[4] Shchelokova A.A., Yakovlev V.I. Comparative characteristics of the legal regime of utilitarian digital rights and digital financial assets // Lawyer. 2021. N 11. S. 39-43.

[5] Federal Law of 02.08.2019 N 259-FZ "On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 172, 07.08.2019.

[6] Federal Law of 04.08.2026 N 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights" // "Rossiyskaya Gazeta," N 178-179, 11.08.2026.

[7] According to Art. 8.1. and 131 of the Civil Code of the Russian Federation, these are mainly real estate.

[8] For example, according to Art. 1362 of the Civil Code of the Russian Federation, the exclusive right to an invention is valid for 20 years, for utility models for 10 years, for industrial designs for 5 years.

[9] Intellectual property law. General provisions. T. 1 / Under the general. ed. L.A. Novoselova. M.: Statute, 2017 [Electronic resource]. Access from ConsultantPlus ATP (contact date: 07.10.2026).

[10] "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ // "Rossiyskaya Gazeta," No. 289, 22.12.2006.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-170-177
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 3 курса Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

КРИТЕРИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗАЩИТНЫХ ФУНКЦИЙ

Аннотация. *Защита авторских прав в сети Интернет нередко осуществляется при распределении инициирования, проверки обращения, принятия решения и исполнения между разными участниками. Сходство технического результата затрудняет определение правовой природы соответствующих действий. Цель исследования состоит в установлении гражданско-правовых критериев квалификации неюрисдикционной защиты и юридических ролей её участников. Используются формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-доктринальный методы. Обосновывается необходимость совместно устанавливать юридическое основание конкретного поведения, принадлежность юридически значимого решения, выполняемую участником функцию и связь решения с непосредственным исполнением. Показано, что инициатива правообладателя, частный статус исполнителя и эффективность технического ограничения сами по себе не определяют квалификацию. Применение предложенных критериев позволяет разграничить самостоятельное осуществление способа защиты управомоченным лицом, добровольное исполнение требования, нормативно обусловленное инфраструктурное реагирование, самостоятельное платформенное решение и исполнение чужого, в том числе юрисдикционного, акта.*

Ключевые слова: *неюрисдикционная защита; авторские права; гражданско-правовая квалификация; защитное решение; юридическая функция; информационный посредник; цифровая платформа; добровольное исполнение; инфраструктурное реагирование; исполнение решения.*

Для цитирования: *Демидов А. Н. Критерии гражданско-правовой квалификации неюрисдикционной защиты авторских прав в сети Интернет при распределении защитных функций // Право и управление. 2026. № 10. С. 170–177.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy of Intellectual Property Moscow, Russia

CRITERIA FOR CIVIL-LAW QUALIFICATION OF NON-JURISDICTIONAL COPYRIGHT PROTECTION ON THE INTERNET WHEN PROTECTIVE FUNCTIONS ARE DISTRIBUTED

Annotation. *Copyright protection on the Internet frequently involves a division of functions between the right holder, the addressee of a request, an online intermediary and a technical executor. The same technical outcome may result from legally different decisions. This article develops civil-law criteria for qualifying non-jurisdictional protection and identifying the legal roles of its participants. The study employs doctrinal, systemic and functional methods and analyses Russian legislation and case law. It argues that the legal basis of specific conduct, attribution of the legally significant decision, the function performed by the participant, and the relationship between that decision and its actual implementation must be examined together. An initial notice, the private status of the executor or the effectiveness of a restriction is insufficient on its own. The criteria distinguish protection exercised by an entitled person, voluntary compliance, legally prescribed*

intermediary action, independent platform decision-making and execution of another person's decision, including a binding jurisdictional act.

Key words: *non-jurisdictional protection; copyright; civil-law qualification; protective decision; legal function; information intermediary; online platform; voluntary compliance; platform response; execution of a decision.*

For citation: *Demidov A. N. Criteria for civil-law qualification of non-jurisdictional copyright protection on the internet when protective functions are distributed. Law and administration. 2026;(10):170–177. (In Russ.).*

В сети Интернет прекращение неправомерного использования произведения может быть достигнуто посредством удаления материала, ограничения доступа к нему либо прекращения передачи цифрового файла. Однако одинаковый технический результат не свидетельствует об одинаковой гражданско-правовой природе совершённого действия. Владелец исключительного права может самостоятельно прекратить неправомерное использование в подконтрольной ему системе; предполагаемый нарушитель может добровольно удовлетворить требование; владелец сайта способен удалить материал во исполнение обязанности, предусмотренной законом; оператор связи может ограничить доступ на основании обязательного судебного акта. Для квалификации недостаточно установить, кто фактически осуществил удаление. Требуется определить юридический источник соответствующего воздействия и функции лиц, участвовавших в формировании результата.

Особенно отчетливо проблема проявляется, если правообладатель направляет обращение, владелец цифровой инфраструктуры проверяет его обоснованность, уполномоченный работник принимает решение, а предусмотренная программная система выполняет ограничение. Причинная связь между обращением и конечным результатом существует, но не объясняет, кому юридически принадлежит решение и какой порядок защиты реализуется. Исследовательская задача настоящей статьи состоит в определении критериев гражданско-правовой квалификации защиты авторских прав при таком распределении функций. Ее решение требует соотнести юридическое основание поведения каждого участника, принадлежность решения о воздействии, выполняемую функцию и непосредственное исполнение решения, не подменяя эти элементы описанием технологической последовательности.

Исходное разграничение вытекает из статей 11 и 12 ГК РФ. Неюрисдикционность относится к порядку осуществления защиты, тогда как способ защиты характеризует допускаемую правом направленность воздействия на нарушение или его последствия. Средство представляет собой конкретное действие либо юридический инструмент реализации способа, а техническая операция характеризует фактическое исполнение. Отсюда не следует, что всякое внесудебное действие является самозащитой, названной в статье 12 ГК РФ. Пресечение нарушения может осуществляться в разных порядках и с участием разных лиц. Само же отсутствие обращения в государственный суд не исключает юрисдикционную природу решения, например вынесенного третейским судом при осуществлении признанной законом компетенции [1].

В доктрине критерий формы защиты традиционно связывают с субъектом применения охранительных норм. Как отмечает М. А. Рожкова, одним из признаков юрисдикционной формы является «вынесение этим органом (или лицом) обязательного для спорящих сторон решения» [2, с. 133]. Данное положение имеет принципиальное значение для разграничения юрисдикционного акта и действий частного лица, исполняющего установленную законом обязанность. Наличие обязательной нормы о реагировании на обращение еще не означает, что адресат такой нормы наделен специальной компетенцией индивидуально разрешить материально-правовой спор. В то же время частный статус лица, принимающего обязательное индивидуальное решение в рамках признанного законом третейского разбирательства, не устраняет юрисдикционного характера его функции. Следовательно, организационная характеристика участника должна проверяться в связи с правовым основанием решения и его юридическими свойствами.

Положения В. П. Грибанова о праве на защиту как правомочии субъективного гражданского права позволяют выявить другую сторону проблемы. Самостоятельность защитного поведения должна быть связана с определенной правовой позицией, а не только с заинтересованностью лица в прекращении нарушения [3]. Вместе с тем соответствующая связь в законодательстве не всегда выражается в принадлежности исключительного права. Система способов защиты, исследованная Д. Н. Латыповым, также показывает необходимость отличать юридическое содержание защитного действия от порядка его осуществления [4]. Для рассматриваемого вопроса поэтому недостаточно общего противопоставления защиты правообладателя и участия третьих лиц.

Следует установить конкретное основание самостоятельного защитного полномочия либо иного юридически значимого поведения.

Предлагаемая квалификация основывается на совместной проверке четырех взаимосвязанных обстоятельств. Первым является юридическое основание конкретного действия, которое может состоять в принадлежности защищаемого права, специальном полномочии, обязанности, возникшей из закона или договора, либо обязательном индивидуальном акте компетентного субъекта. Второе обстоятельство связано с юридической принадлежностью решения о применении воздействия. Третье выражает функцию участника в соответствующем правоотношении. Наконец, необходимо установить, каким образом решение реализуется и чье действие непосредственно формирует защитный результат. Эти обстоятельства не создают нового способа защиты и не образуют закрытого перечня субъектов. Их совокупность необходима для разграничения уже предусмотренных гражданским правом моделей поведения.

Самостоятельное значение каждого элемента обнаруживается при проверке отрицательных вариантов. Если учитывать исключительно источник инициативы, добровольное удаление произведения нарушителем становится неотличимым от самозащиты правообладателя. Если исходить только из лица, выполнившего операцию, можно ошибочно признать технического подрядчика субъектом самостоятельного защитного решения. Если принимать во внимание лишь содержание программного ограничения, становится невозможно разграничить договорное блокирование, исполнение законной обязанности владельца сайта и исполнение судебного акта. Наконец, принадлежность отдельного решения также недостаточна без проверки его юридической функции. Адресат требования вправе самостоятельно решить исполнить существующую обязанность, но этим не приобретает правомочие на защиту чужого авторского права.

В гражданско-правовом отношении сначала необходимо установить конкретную защищаемую позицию. Статьи 1228, 1229 и 1255 ГК РФ позволяют различить автора как носителя личных неимущественных прав и обладателя исключительного права, которые после перехода исключительного права могут не совпадать. Применительно к служебному произведению статья 1295 ГК РФ также требует учитывать разграничение авторства и принадлежности исключительного права. Соответственно, не всякое обращение автора направлено на защиту именно принадлежащего ему исключительного права, а собственное решение работодателя или приобретателя исключительного права может относиться к иной правовой позиции. Пределы самостоятельных действий устанавливаются по содержанию конкретного права, а не по общему обозначению лица как автора или правообладателя [1].

Субъект осуществления способа защиты не всегда является обладателем исключительного права. В силу пункта 1 статьи 1254 ГК РФ лицензиат, получивший исключительную лицензию, может защищать затронутые нарушением предоставленные ему права способами, указанными законодателем. Это специальное основание защиты собственной лицензионной позиции, не означающее перехода к лицензиату самого исключительного права. Пункт 5 статьи 1242 ГК РФ предусматривает право организации по управлению правами на коллективной основе совершать необходимые юридические действия для защиты управляемых прав от имени правообладателей либо от собственного имени. Такое полномочие также нельзя объяснить простым приобретением организацией соответствующих исключительных прав. В каждом случае следует отдельно установить содержание переданных полномочий и юридическую принадлежность принимаемого решения [1].

Особое положение занимает доверительный управляющий. Статьи 1012 и 1020 ГК РФ связывают его действия с управлением в интересах учредителя или выгодоприобретателя и осуществлением правомочий в пределах закона и договора. В пунктах 48–49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 разграничены доверительное и коллективное управление и раскрыты условия защиты управляющим переданных ему правомочий [14]. Доверительный управляющий действует от собственного имени, однако это не делает его владельцем исключительного права. Сопоставление лицензиата, организации коллективного управления и доверительного управляющего подтверждает необходимость квалифицировать специальные основания самостоятельной защиты раздельно, без их объединения в единую конструкцию делегирования правомочия правообладателя.

От субъектов, самостоятельно осуществляющих способ защиты, необходимо отличать лиц, участвующих в формировании и исполнении их решения. Статья 53 ГК РФ предусматривает приобретение юридическим лицом прав и принятие обязанностей через его органы. Решение уполномоченного органа в пределах компетенции может являться способом формирования воли самой организации. Действие работника, выполняющего порученную техническую операцию, имеет иную функцию. Представитель, действующий в пределах полномочия от имени представляемого при совершении сделки, подпадает под правила статьи 182 ГК РФ. Однако эти правила не следует

механически распространять на любое фактическое воздействие на цифровой ресурс. Следовательно, внутреннее организационное усмотрение, представительство и внешнее техническое исполнение требуют разных оснований юридического отнесения.

Участие внешнего исполнителя также не предрешает квалификацию. Договор может установить порядок выполнения технической команды, но не создает сам по себе права вмешиваться в чужую информационную систему или самостоятельно защищать чужое авторское право. Если исполнитель определяет исключительно последовательность технических операций, а правомерность, адресат и содержание воздействия установлены управомоченным лицом, есть основания исследовать юридическую связь результата с решением этого лица. Напротив, самостоятельная оценка исполнителем допустимости использования произведения и выбор меры требуют отдельной квалификации. Специальные условия отнесения внешнего исполнения к самозащите ранее рассмотрены автором применительно к самостоятельному пресекательному воздействию [13]. Здесь они значимы лишь как граница между осуществлением конкретного способа защиты и самостоятельным поведением другого участника.

Наиболее сложная ситуация возникает при частном инфраструктурном реагировании. Как отмечает Н. В. Бузова, «Особую роль во взаимоотношениях между владельцем платформы, сервиса или иного ресурса играет пользовательское соглашение» [5, с. 136]. Этот тезис показывает юридическое значение договорной организации отношений пользователя и владельца сервиса. Вместе с тем договорная связь не заменяет проверки самостоятельных законодательных обязанностей информационного посредника. В. Б. Кикакосов, исследуя предпосылки и пределы его ответственности, связывает правовое положение посредника с характером реально осуществляемой деятельности [7]. Поэтому обозначение лица как владельца сайта или оператора платформы не позволяет заранее определить правовую природу примененного им ограничения.

Содержание статьи 1253.1 ГК РФ подтверждает необходимость функциональной оценки. Закон различает передачу материала, предоставление возможности его размещения и предоставление доступа к материалу. Основания освобождения посредника от ответственности зависят от соответствующего вида деятельности. Для посредника, предоставляющего возможность размещения материала, юридически значимы знание о нарушении и своевременность принятия необходимых и достаточных мер после заявления правообладателя. Пункт 4 статьи 1253.1 ГК РФ допускает предъявление к посреднику требований, не связанных с гражданско-правовой ответственностью, включая удаление информации или ограничение доступа [1]. Ни одно из этих положений не превращает посредника в универсального носителя правомочия по защите чужого авторского права.

В работе Д. В. Кожемякина и И. И. Коверченко специально показано возникновение внесудебных процедур рассмотрения требований правообладателей на цифровых платформах. Как отмечают Д. В. Кожемякин и И. И. Коверченко, «понятие информационного посредника шире понятия оператора цифровой платформы» [6, с. 139]. Изложенная ими конструкция учитывает самостоятельность предусмотренных платформой процедур, а также значение уведомления для режима ответственности посредника. Приведенные выводы исключают представление о том, что разграничение обращения и последующего платформенного реагирования является ранее не исследованной проблемой. Вместе с тем сохраняется самостоятельная задача гражданско-правовой квалификации разных моделей формирования защитного результата с учетом не только положения оператора платформы, но и правомочий заявителя, обязанности адресата, происхождения решения и характера его исполнения.

Н. В. Иванов рассматривает вину информационного посредника и распределение бремени доказывания правомерности использования произведения между правообладателем и адресатом претензии [8]. В. О. Калятин при анализе сайтов объявлений поднимает вопрос о пределах обязанностей таких владельцев ресурсов и предотвращении повторных нарушений [9]. А. Г. Серго непосредственно исследует необходимые и достаточные меры информационного посредника применительно к маркетплейсам [10]. Для настоящей статьи важен не перенос выводов об ответственности на квалификацию защиты, а различие самих предметов оценки. Наличие основания для освобождения посредника от ответственности, выполнение им собственной обязанности и принадлежность решения о конкретном ограничении должны устанавливаться отдельно. Совпадение фактического действия не делает эти вопросы юридически тождественными.

Статья 15.7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ предусматривает специальную процедуру внесудебного реагирования на заявление о нарушении авторских или смежных прав. Обращение правообладателя должно содержать определенные сведения, а владелец сайта проверяет их полноту и точность, при необходимости предлагает уточнение. Часть 6 статьи предусматривает удаление указанной информации в установленный срок после получения надлежащего заявления. Вместе с тем часть 7 допускает

непринятие таких мер при наличии доказательств правомерности размещения с направлением заявителю соответствующего уведомления; часть 8 распространяет правила и на исключительного лицензиата [15]. Поэтому деятельность владельца сайта не сводится к механическому выполнению волеизъявления заявителя. Ее юридическое основание и пределы проверки установлены законом.

Из нормативной обусловленности такой процедуры, однако, не следует полностью свободное усмотрение владельца сайта. Закон определяет предмет заявления, порядок исправления недостатков и условия возможного отказа от удаления. Следовательно, необходимо различать собственную юридически значимую проверочную функцию, которую выполняет частное лицо, и его возможность по своему усмотрению устанавливать содержание ограничения. Нормативно обусловленное частное реагирование представляет самостоятельную модель неюрисдикционного порядка, но не становится ни самозащитой правообладателя, ни обязательным индивидуальным разрешением материально-правового спора юрисдикционным субъектом. Иное понимание привело бы к смешению законодательной обязанности владельца сайта с компетенцией суда.

При самостоятельном платформенном решении правовое основание поведения может определяться законом, договором с пользователем и применимыми правилами ресурса. В сравнительно-правовом исследовании J. P. Quintais, G. De Gregorio и J. C. Magalhães показано, что условия предоставления услуг и правила сообщества позволяют платформам самостоятельно регулировать доступ к пользовательскому контенту, в том числе посредством алгоритмических инструментов [12]. Такие выводы характеризуют частное договорное регулирование и не имеют непосредственной нормативной силы для российского гражданского права. Тем не менее они подтверждают необходимость не смешивать правообладателя, инициировавшего жалобу, с владельцем ресурса, который на собственном юридическом основании оценивает обращение, учитывает возражения пользователя и выбирает предусмотренное правилами воздействие.

А. С. Мельникова также разграничивает пользователя, владельца сервиса, провайдера хостинга и модератора как участников отношений, связанных с неправомерным пользовательским контентом [11]. Это разграничение важно, но само по себе не разрешает вопрос о субъекте осуществления способа защиты авторского права. Модератор может выступать работником либо уполномоченным лицом владельца платформы, и его решение в пределах предоставленных полномочий может составлять процесс формирования решения самой организации. Автоматизированная система, напротив, не является самостоятельным субъектом гражданского права. Юридическая оценка ее действий предполагает установление лица, к которому относится заложенное в систему решение, а также проверку того, формируется ли при последующем применении новое содержательное решение другого участника.

Уточнения требуют и положения Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступившего в силу 1 октября 2026 г. Часть 6 статьи 7 предусматривает обращение правообладателя к оператору посреднической цифровой платформы с заявлением о прекращении размещения информации, нарушающей его интеллектуальные права [16]. Но само предоставление права на обращение не означает, что законодатель предусмотрел универсальную модель материально-правовой проверки всех претензий владельцем платформы либо предоставил ему юрисдикционную компетенцию. Действия оператора в каждом случае следует оценивать с учетом специального закона, гражданского законодательства и соответствующих договорных правил. Уведомление является юридически значимым этапом, но не заменяет квалификации последующего поведения.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П предоставляет особенно значимый материал для такой проверки. Применительно к ситуации реализации товаров через маркетплейс Конституционный Суд раскрыл значение предварительно обоснованного обращения правообладателя, запроса доказательств правомерности использования у продавца и временного приостановления размещения информации о товаре при установленных условиях. Владелец маркетплейса при этом не разрешает окончательно материально-правовой спор, а осуществляет собственную проверочную и ограничительную функцию в обозначенных Судом пределах [17]. Конституционно-правовое истолкование, содержащееся в пункте 1 резолютивной части Постановления, подлежит общему применению с 16 сентября 2026 г., за исключением пересмотра судебных актов по делу заявителя. Распространять описанную модель на любые платформы и все виды авторско-правовых нарушений без учета ее предметных границ нельзя.

Решение Конституционного Суда подтверждает разграничение содержания воздействия и юридической компетенции его применения. Внешне одно и то же приостановление размещения информации может быть предусмотрено законом, принято на основании собственных правил платформы либо являться исполнением ранее принятого обязательного судебного акта.

Однако юридическая функция владельца ресурса будет различной. Данная оценка согласуется с пунктами 77–78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, требующими учитывать фактически выполняемую посредником деятельность [14]. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29 мая 2024 г. также показывает необходимость исследовать степень вовлеченности владельца ресурса в использование произведения, а не исходить только из обозначения его как посредника [18]. Эти позиции имеют значение для определения статуса и ответственности, но не устанавливают специальной универсальной модели самозащиты правообладателя.

Отдельную группу образуют действия, при которых участник не принимает собственного решения по существу содержания защитного воздействия. Так, технический оператор может исполнять обязательный судебный или административный акт, определивший конкретное ограничение. Частный характер исполнителя и отсутствие его полномочия разрешать спор не превращают этот этап в неюрисдикционную защиту. Юрисдикционный источник обязательности сохраняет свое значение и при техническом исполнении другим лицом. Напротив, добровольное исполнение нарушителем требования правообладателя основывается на его собственной обязанности и решении ее исполнить. Здесь отсутствует обязательное индивидуальное разрешение вопроса юрисдикционным субъектом, но отсутствует и осуществление нарушителем чужого защитного правомочия. Обе модели объясняют, почему отождествление исполнительской операции с порядком защиты приводит к неправильному результату.

Проверим предлагаемое разграничение на типичных ситуациях. Если обладатель исключительного права посредством собственного ресурса прекращает неправомерное доведение произведения до всеобщего сведения, защитное решение и непосредственное воздействие могут принадлежать ему. Дополнительная квалификация такого действия как самозащиты требует установления соответствующих специальных признаков, не исчерпывающихся фактом отсутствия суда [13]. Если после претензии лицо, разместившее произведение, удаляет файл добровольно, непосредственный результат формируется исполнением обязанности адресатом. В обоих случаях может быть достигнуто пресечение одного и того же использования, но принадлежность решений и юридическая функция поведения различаются.

Иной результат дает обращение владельцу сайта по статье 15.7 Закона № 149-ФЗ. Даже при исполнении обязанности удалить материал юридическим основанием поведения владельца остается специальная законодательная процедура, включающая проверку полученных сведений. Если же цифровая платформа по собственным договорным правилам принимает решение ограничить размещение спорного контента, необходимо исследовать предоставленный ей объем оценки и принятые ею критерии. В каждом случае наличие жалобы правообладателя объясняет возникновение процедуры, но не заменяет решение инфраструктурного участника. Поэтому нормативно обусловленное реагирование и самостоятельное платформенное решение различаются по источнику и объему усмотрения, хотя оба могут относиться к неюрисдикционному порядку.

Еще одна проверочная ситуация возникает, когда организация поручает внешнему лицу выполнить заранее определенную техническую операцию. Если выбор воздействия принадлежит организации, необходимо установить конкретное правовое основание участия исполнителя и допустимость порученного действия, прежде чем относить результат к ее защитной деятельности. Установка автоматического правила ограничения не дает иного ответа только в силу программной формы исполнения. Противоположный случай представляет оператор связи, ограничивающий доступ во исполнение обязательного судебного акта. Здесь непосредственный технический результат принадлежит оператору, но юридический источник воздействия сохраняет юрисдикционную природу. Эти ситуации показывают, что последовательность «обращение, решение, исполнение» не всегда представляет единое юридически однородное действие.

Таким образом, субъект осуществления конкретного неюрисдикционного способа защиты определяется наличием собственного права либо специального юридического основания самостоятельно осуществлять соответствующий способ в отношении определенной защищаемой позиции и юридической принадлежностью защитного решения. От него следует отличать субъекта частного инфраструктурного реагирования, собственные функции которого возникают из закона, договора или основанных на них правил ресурса. К иным участникам относятся, в частности, добровольно исполняющий адресат, представитель в пределах производного полномочия и технический исполнитель чужого решения. Такое разграничение не следует понимать как исчерпывающую классификацию всех лиц, присутствующих в сетевом взаимодействии. Оно устанавливает различие юридических функций в пределах конкретного защитного процесса.

Проведенное исследование позволяет заключить, что гражданско-правовая квалификация неюрисдикционной защиты авторских прав при распределении защитных функций требует совместного определения юридического основа-

ния поведения, принадлежности юридически значимого решения, выполняемой участником функции и связи решения с его непосредственным исполнением. Принадлежность результата нельзя выводить только из инициативы правообладателя, факта технического ограничения или частного статуса исполняющего лица. В зависимости от указанных обстоятельств однородный по технической форме результат может быть связан с самостоятельным осуществлением защиты управомоченным лицом, добровольным исполнением адресата, нормативно обусловленным инфраструктурным реагированием либо собственным платформенным решением. Если воздействие исполняет обязательный индивидуальный акт компетентного субъекта, техническое участие частного лица не изменяет юрисдикционной природы соответствующего этапа. Тем самым предлагаемое разграничение конкретизирует не новое понятие самозащиты, а гражданско-правовую квалификацию распределенного формирования защитного результата в сети Интернет.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 11, 12, 14, 53, 182, 1012, 1020; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1228, 1229, 1242, 1250, 1252, 1253.1, 1254, 1255, 1295.

[2] Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. С. 133.

[3] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.

[4] Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2022.

[5] Бузова Н. В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51. № 4. С. 133–142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977.

[6] Кожемякин Д. В., Коверченко И. И. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 132–147. DOI: 10.17223/22253513/50/10.

[7] Киракосов В. Б. Информационный посредник: предпосылки к установлению пределов ответственности и особенности действующего правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 154–164. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_15..

[8] Иванов Н. В. Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // Закон. 2023. № 5. С. 37–52. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52..

[9] Калятин В. О. Проблемы определения ответственности сайта объявлений (классифайдера) // Цивилист. 2025. № 2 (54). С. 8–17.

[10] Серго А. Г. Необходимые и достаточные меры, своевременно принятые информационным посредником на примере маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2026. № 59. С. 127–148.

[11] Мельникова А. С. Ответственность владельца цифрового сервиса за неправомерный пользовательский контент // Cifra. Право. 2026. № 3 (11). DOI: 10.60797/LAW.2026.11.3.

[12] Quintais J. P., De Gregorio G., Magalhães J. C. How platforms govern users' copyright-protected content: exploring the power of private ordering and its implications // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Art. 105792. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105792..

[13] Демидов А. Н. Квалификационные признаки самозащиты авторских прав в сети Интернет // Российский научный вестник. 2026. № 9. С. 57–65. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65..

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 48–49, 77–79.

[15] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448. Ст. 15.7.

[16] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 31.07.2025. Ст. 7, ч. 6.

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „Мир Хобби“». П. 5.2–5.3; резолютивная часть, п. 1, 4.

[18] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.). П. 18–20.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ // SZ RF dated November 30, 1994.

1994. № 32. Art. 3301. Art. 11, 12, 14, 53, 182, 1012, 1020; Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // SZ RF. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1228, 1229, 1242, 1250, 1252, 1253.1, 1254, 1255, 1295.

[2] Rozhkova M. A. Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements. M.: Statute, 2009. S. 133.

[3] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights. 2nd ed. M.: Statute, 2001. 411 p.

[4] D.N. Latypov. The system of ways to protect civil rights in the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2022.

[5] Buzova N.V. Use of copyright and related rights on digital platforms and services // Works on intellectual property. 2024. VOL. 51. № 4. S. 133-142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977.

[6] Kozhemyakin D.V., Koverchenko I.I. Extrajudicial procedures for suppressing the spread of piracy on digital platforms: ensuring a balance of interests // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. № 50. S. 132-147. DOI: 10.17223/22253513/50/10.

[7] Kirakosov V. B. Information intermediary: prerequisites for establishing the limits of responsibility and features of the current legal regulation // Journal of the Intellectual Property Court. 2024. № 4 (46). S. 154-164. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_15..

[8] Ivanov N.V. Features of the responsibility of the information intermediary for violation of the exclusive right // Law. 2023. № 5. S. 37-52. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52..

[9] Kalyatin V.O. Problems of determining the responsibility of an ad site (classifier) // Civilist. 2025. № 2 (54). S. 8-17.

[10] Sergo A. G. Necessary and sufficient measures taken in a timely manner by the information intermediary on the example of marketplaces // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2026. № 59. S. 127-148.

[11] Melnikova A. Responsibility of the owner of the digital service for illegal user content // Cifra. Right. 2026. № 3 (11). DOI: 10.60797/LAW.2026.11.3.

[12] Quintais J. P., De Gregorio G., Magalhães J. C. How platforms govern users' copyright-protected content: exploring the power of private ordering and its implications // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Art. 105792. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105792..

[13] Demidov A. N. Qualification signs of self-protection of copyright on the Internet // Russian Scientific Bulletin. 2026. № 9. S. 57-65. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65..

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation." P.48-49, 77-79.

[15] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // NW RF. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448. Art. 15.7.

[16] Federal Law of July 31, 2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. 31.07.2025 Art. 7, part 6.

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 39-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Mir Hobby limited liability company." CL. 5.2-5.3; the operative portion of claim 1, 4.

[18] Review of judicial practice in civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunication network "Internet" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024). P. 18-20.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-178-182
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПАНОВА Ульяна Ивановна,
Магистрант Юридического института Томского государственного университета,
e-mail: upanova81@mail.ru

Научный руководитель:
КОПЫЛОВ Андрей Юрьевич,
Доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета, Кандидат юридических наук,
e-mail: akop67@mail.ru

ПРОМПТ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКОГО ВКЛАДА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ АВТОРСТВА РЕЗУЛЬТАТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье рассмотрено такое явление, как промпт, и его роль при определении права авторства на результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта. Актуальность проведенного исследования обусловлена отсутствием в правоприменительной практике Российской Федерации единообразного подхода к определению авторских прав на указанную категорию объектов, что порождает необходимость формирования системного подхода к исследованию различных элементов создаваемого результата для комплексной оценки вклада автора в создание произведения. Сформулированы критерии, которые позволяют установить наличие творческого вклада в создаваемом промпте, что может служить одним из ключевых доказательств признания авторства на результаты, создаваемые с использованием генеративного искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *творческий вклад, генеративный искусственный интеллект, языковая модель, промпт, запрос, авторство.*

Для цитирования: *Панова У. И. Промпт как доказательство творческого вклада пользователя при определении авторства результатов с использованием генеративного искусственного интеллекта // Право и управление. 2026. № 10. С. 178–182.*

PANOVA Ulyana Ivanovna,
Master's student at the Law Institute Tomsk State University

Supervisor:
KOPYLOV Andrey Yuryevich,
Associate Professor at the Department of Civil Law Tomsk State University Candidate of Legal Sciences

PROMPT AS EVIDENCE OF THE USER'S CREATIVE CONTRIBUTION IN DETERMINING THE AUTHORSHIP OF RESULTS CREATED USING GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the phenomenon of a prompt and its role in determining authorship rights for results created using artificial intelligence. The relevance of the study is due to the lack of a uniform approach in the law enforcement practice of the Russian Federation to determining copyright for this category of objects, which gives rise to the need to develop a systematic approach to studying the various elements*

of the created result in order to comprehensively assess the author's contribution to the creation of the work. Criteria have been formulated that make it possible to establish the presence of a creative contribution in the created prompt, which can serve as one of the key pieces of evidence for recognizing authorship of results created using generative artificial intelligence.

Key words: *creative contribution, generative artificial intelligence, language model, prompt, query, authorship.*

For citation: *Panova U. I. Prompt as evidence of the user's creative contribution in determining the authorship of results created using generative artificial intelligence. Law and administration. 2026;(10):178–182. (In Russ.).*

Обращаясь к части IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), раскрывающей положения об авторском праве, норма статьи 1257 ГК РФ прямо предусматривает необходимость наличия творческого труда при создании любого произведения науки, литературы или искусства, на которое будут распространяться положения об охране авторского права. Из этой нормы вытекает приоритетность критерия творчества при признании права авторства на создаваемые произведения. Вместе с тем, исследуя данный критерий важно исходить из многоаспектности самого понятия "творчество", которое охватывает как и активную деятельность автора, так и результат этой активности, в силу чего выделяемые в литературе критерии (такие как новизна, уникальность, объективная форма выражения и т.д.) характеризуют лишь отдельные аспекты рассматриваемого явления и не могут выступать единственно верным способом установления авторства [8, с. 234]. Уточнение многоаспектного характера творчества является методологически верным, поскольку позволяет обосновать различия в подходах к оценке творческого вклада и способов его реализации в каждом конкретном случае.

В контексте определения сущности исследуемого понятия целесообразно обратиться к доктринальному толкованию творчества: так, Б. М. Гонгало в широком понимании рассматривает творчество как создание чего-то нового, ранее не существовавшего, либо новую комбинацию уже известных элементов [1, с. 301]. Представляется, что такое доктринальное толкование в большей степени отражает сущность творческого характера произведений, включая в себя такие характеристики как новизна, оригинальность и уникальность. Указанные критерии также выделены и законодательной практикой: Пленум Верховного суда РФ в Постановлении № 10 от 23.04.2019 сослался на них в рамках действия презумпции творческого вклада, уточнив при этом в содержании, что их отсутствие само по себе не опровергает факт создания объекта творческим трудом.

В доктрине гражданского права многоаспектность творчества наиболее корректно определяется через призму разграничения его субъективного и объективного содержания: так, отражение психического отношения лица к процессу создания произведения характеризует субъективную составляющую данного понятия. А.Ю. Копылов определяет данный аспект как отпечаток личности автора, подчеркивающий его индивидуальность и, как следствие, его неповторимый (уникальный) авторский стиль (язык) [5, с. 59]. Представляется, что рассматриваемая позиция исчерпывающе отражает данный аспект, наиболее очевидно противопоставляя его ситуации, в которой творческий характер закрепляется не за личностью, а за созданным результатом деятельности, обладающим признаками новизны и оригинальности.

Отдавать предпочтение какому-либо одному из подходов в рамках определения правовой природы творчества признается нецелесообразным, поскольку каждый из них определяет отдельную грань единого целого и позволяет на основе комплексного анализа определить наличие творческого вклада при признании авторства в каждом конкретном случае.

Вместе с тем на сегодняшний день актуальным остается вопрос признания авторства на объекты, где определение творческого вклада лица является проблематичным: ярким примером как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике выступают споры о признании авторских прав на результаты, созданные с помощью генеративного искусственного интеллекта (далее – языковые модели, LLM). Федеральный закон № 243-ФЗ "О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации" через определение большой фундаментальной модели (далее – БФМ) искусственного интеллекта, под которой понимает программу, работающую через определенные алгоритмы и обученную на массиве данных и предназначенную для выполнения интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их, определяет отличительные свойства генеративного искусственного интеллекта. Отдельно стоит отметить, что хотя Закон № 243-ФЗ с 1 сентября 2026 года уже частично вступил в силу, нормы, касающиеся использования чужих произведений

для обучения моделей и маркировки контента, начнут действовать с 1 марта 2027 года.

Законодательное уточнение о высоком качестве ответов языковой модели, которое может по своему содержанию конкурировать с результатами человеческого размышления, подтверждает острый характер существующей дискуссии. В рамках данной статьи внимание будет уделено отдельным элементам доказывания признания авторства за человеком, прибегавшим к использованию технологий искусственного интеллекта, в частности, такому явлению, как промпт, содержание которого в случае спора, на наш взгляд, при определенных условиях должно учитываться как доказательство при признании право авторства на такие результаты.

Упомянутый Федеральный закон № 243-ФЗ не закрепляет определения понятия“промпт”, что позволяет авторам в научной литературе трактовать его с точки зрения разных подходов. Так, с практической точки зрения промпт определяется как ввод текстовых и иных данных, позволяющих моделям генеративного искусственного интеллекта генерировать текст и изображения, схожие с человеческими [3, с. 908], а с теоретической – как инструмент, регулирующий и структурирующий мыслительную деятельность исследователя при взаимодействии с языковыми моделями [7, с. 11]. Оба эти подхода характеризуют промпт как сформулированный пользователем запрос к большой языковой модели посредством ввода текстовых или иных данных с целью получения желаемого результата. В этом контексте промпт может выступать новой формой выражения творчества, отражающей творческий замысел автора в содержании самого запроса.

Однако было бы неразумным проводить соответствие между творческим началом и любым промптом, создаваемым человеком, поскольку, как справедливо указывают Н.Н. Ковалева и М.А. Рожкова: «Промпт пользователя может быть кратким и весьма абстрактным, что, по сути, отдает создание результата полностью на откуп самому ИИ… «продвинутое» формулирование промпта существенно улучшает качество и релевантность конечного результата – сгенерированного ИИ контента» [4, с. 110]. Данное суждение достаточно четко подчеркивает значимость качественного содержания любого создаваемого промпта, поскольку именно его содержательные элементы будет выступать одним из доказательств при разрешении споров относительно авторства результатов, созданных при помощи языковой модели.

При более детальном анализе промптов, создаваемых пользователями для больших языковых моделей (LLM) стоит отметить, что содержательно они могут иметь разную структуру, что существенно отражается на итоговом результате. Представляется обоснованным разделение создаваемых промптов на категории “слабые” и “сильные”, что на наш взгляд должно находить свое отражение и на правоприменительном уровне. Данные уровни промптов были выделены В.И. Токтаровой, О.В. Ребко, Д.А. Семеновой в исследовании, основанном на концепции уровней таксономии Блума, и определены функции каждого из видов, где “слабый” промпт не обладает содержательной ценностью, выступая только источником простых ответов, а сильный – инициируют творческое мышление, делая работу с ИИ более эффективной и осмысленной [7, с. 17].

Исходя из описания данных разновидностей, наиболее весомым доказательством при признании права авторства будет выступать именно “сильный” промпт, демонстрирующий степень вовлеченности человека в его составление. Однако в целях правоприменения видится нецелесообразным одно лишь указание на “сильный” промпт, поскольку у судов не будет объективных оснований для отнесения запроса к данной категории, в связи с чем видится необходимым выработать конкретные критерии, определяющие степень проработанности промпта, что позволит сформировать системный и единообразный подход к данному вопросу.

В данной статье предлагается четыре критерия, которым должны соответствовать запросы пользователей для признания его в качестве доказательства при признании авторства на результаты, полученных с помощью генеративного искусственного интеллекта:

Детализированность промпта. Данный критерий предполагает исследование содержательной глубины и комплексности запроса пользователя к языковой модели: проработанный промпт должен содержать в себе цель, контекст, необходимые инструкции, желаемый формат вывода результата и необходимые ограничения [2, с. 353]. Иными словами, запрос должен выступать своего рода творческим или техническим заданием, где четко прописана роль искусственного интеллекта, желаемый результат с необходимыми уточнениями по его созданию и соответствующие ограничения. Только подробный и комплексный промпт может подтверждать внесение творческого вклада человека в процесс его создания.

Индивидуальность запроса. Под данным критерием понимается непосредственный творческий вклад автора в создаваемый промпт, который может выражаться в оригинальности структуры, словесной интерпретации задачи, а также в использовании оригинальных сравнений или примеров. Не подлежит сомнению тот факт, что содержание запроса должно быть четким и понятным для алгоритмов языковой модели, однако это не лишает автора возможности индивидуализи-

ровать его посредством ввода оригинальных речевых оборотов. Кроме того, соответствие промпта данному критерию во многом будет предопределять его уникальность, неразрывно связанную с творческим началом, что позволит более точно выделить индивидуальный творческий замысел автора и отграничить от иных создаваемых запросов третьих лиц.

Последовательная доработка промпта (критерий итерационности). Выделение данного критерия во многом обуславливается техническими особенностями языковой модели, которые даже при наличии качественно написанного первичного промпта могут выдавать некорректный результат. Именно в доработке промежуточных результатов генерации в случае неудовлетворительного качества проявляется творческая воля человека: такая доработка носит точечный характер и реализуется посредством введения уточняющей серии промптов, которые могут быть не такими объемными и детализированными, как изначальный запрос, но точно отражающими волю автора по исправлению отдельных элементов. Именно предоставление в случае спора такой цепочки исправлений может иметь высокую доказательственную силу при определении авторства. На подобный способ доказывания ссылается и Косицкий А.О. в своей научной работе, мы же считаем, что предоставление промежуточных материалов может выступать одним, но не единственным доказательством авторства [6, с. 77].

Профессиональная экспертность при формировании запроса. Необходимость выделения данного критерия вытекает из ранее названных, поскольку на детализацию и корректную итерационность узкоспециализированного промпта влияют профессиональные знания человека, который этот промпт формулирует. Включение в такой промпт профессиональных категорий свидетельствует об осознанном управлении средствами получения желаемого результата, что предполагает использование алгоритмов LLM в соответствии с творческим замыслом автора.

Выделенные в рамках данной работы критерии могут послужить необходимой базой для выработки систематизированного подхода судов к сбору доказательственной базы и разрешению споров, связанных с использованием генеративного искусственного интеллекта. Отдельно стоит подчеркнуть, что в рамках исслелования промпт рассматривается не как отдельный объект авторского права, а именно как технико-творческое средство управления моделью: когда «сильный» промпт выступает аналогом сложного технического задания, сама БФМ юридически сводится к роли инструмента (как фотоаппарат или кисть), что и позволяет признать авторство на финальный сгенерированный результат за человеком. Безусловно, признание наличия в созданном пользователем промпте творческого вклада не может служить единственно верным и абсолютным доказательством наличия авторства на то или иное произведение, но с целью формирования единообразной судебной практики и исключения противоречий в судебных решениях предложенный в данной статье подход может стать началом для более детальной проработки этого вопроса на законодательном уровне.

Список литературы:

[1] Гражданское право: учебник в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, – 2018. – Т. 1. ¬ – 326 с.

[2] Зарубина Е.В., Горбунова О.С., Егоров С.Г. и др. Технологии взаимодействия с искусственным интеллектом // Российский научный вестник. – 2025 – № 10 – С. 351-356.

[3] Кирпичев А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // RUDN Journal of Law. – 2024. Т. 28. – № 4. – С. 906–918.

[4] Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2025. Т. 55. – № 4. – С. 107-115.

[5] Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в РФ. – 2019 – № 12 (219). – С. 56-62.

[6] Косицкий А.О. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 4 (42). – С. 65-81.

[7] Токтарова В. И., Ребко О. В., Семенова Д. А. Промпт-инженерия в контексте научного познания: типология и практика применения. Информатика и образование. – 2026. – № 41(1). – С. 8–22.

[8] Щекотихина И. Н. К вопросу о критериях творчества // Ученые записки ОГУ. – 2010. – № 3-1. – С. 234-238.

References:

[1] Civil law: textbook in 2 volumes / ed. B.M. Gongalo. M.: Statute, - 2018. - T. 1. - 326 p.

[2] Zarubina E.V., Gorbunova O.S., Egorov S.G. et al. Technologies of interaction with artificial intelligence // Russian Scientific Bulletin. - 2025 - NO. 10 - S. 351-356.

[3] Kirpichev A.E. Prompty (requests) for generative artificial intelligence in legal discourse // RUDN Journal of Law. – 2024. T. 28. – № 4. - S. 906-918.

[4] Kovaleva N.N., Rozhkova M.A. Is prompt an object of copyright: arguments "for" and "against" // Works on Intellectual Property. – 2025. VOL. 55. – № 4. - S. 107-115.

[5] Kopylov A.Yu. Creativity as a condition for the protection of the work // Property relations in the Russian Federation. – 2019 – № 12 (219). - S. 56-62.

[6] Kositsky A.O. Creativity as a criterion for the protection of copyright objects: independent creation and creative character. Level of creativity // Journal of the Intellectual Property Court. – 2023. – № 4 (42). - S. 65-81.

[7] Toktarova V.I., Rebko O.V., Semenova D.A. Industrial engineering in the context of scientific knowledge: typology and application practice. Computer science and education. – 2026. – № 41(1). - S. 8-22.

[8] Shchekotikhina I.N. On the question of the criteria of creativity // Scientific notes of OSU. – 2010. – № 3-1. - S. 234-238.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-183-187
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СИНЦОВ Андрей Алексеевич,
Томский государственный университет
Томск, Россия,
e-mail: andreysintsov2003@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЯ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К ПРОГРАММАМ ДЛЯ ЭВМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности применения критерия творчества как условия предоставления правовой охраны программам для ЭВМ в российском авторском праве. Особое внимание уделяется специфике проявления творчества при создании программ для ЭВМ, обусловленной утилитарным назначением и техническими ограничениями. Отмечается, что утилитарность и техническая обусловленность программ (синтаксис языка программирования, правила написания кода, использование открытых библиотек, заданные заказчиком требования) существенно сужают свободу творческого выражения автора программы по сравнению с авторами других произведений, что приводит к необходимости исследования особенностей применения критерия творчества к программам для ЭВМ для определения их охраноспособности на практике. На основе проведенного анализа законодательства, судебной практики и доктрины в статье предлагаются особенности применения критерия творческого характера создания произведения к программам для ЭВМ.*

Ключевые слова: *программы для ЭВМ, авторское право, критерий творчества, субъективный подход, объективный подход, охраноспособность, критерии охраноспособности, оригинальность.*

Для цитирования: *Синцов А. А. Особенности применения критерия охраноспособности произведений к программам для ЭВМ: вопросы теории и практики // Право и управление. 2026. № 10. С. 183–187.*

SINTSOV A.A.,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

THE SPECIFICS OF APPLYING THE PROTECTABILITY CRITERIA OF WORKS TO COMPUTER PROGRAMS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *The article examines the specifics of applying the creativity criterion as a condition for granting legal protection to computer programs in Russian copyright law. Special attention is paid to the specific nature of creativity in the creation of computer programs, which is determined by their utilitarian purpose and technical limitations. It is noted that the utilitarian nature and technical constraints of computer programs (such as programming language syntax, coding rules, the use of open-source libraries, and customer-defined requirements) significantly limit the freedom of creative expression for the author of a computer program compared to authors of other works, necessitating a thorough examination of the application of the creativity criterion to computer programs in order to determine their eligibility for legal protection in practice. Based on the analysis of legislation, judicial practice, and doctrine, the article proposes specific features of applying the criterion of the creative nature of a work to computer programs.*

Key words: *computer programs, copyright, criterion of creativity, subjective approach, objective approach, security, criteria of security, originality.*

For citation: *Sintsov A. A. The specifics of applying the protectability criteria of works to computer programs: issues of theory and practice. Law and administration. 2026;(10):183–187. (In Russ.).*

Распространение авторско-правового режима охраны произведений на программы для ЭВМ повлекло за собой необходимость в тщательном исследовании специфики такого объекта интеллектуальных прав, а также в пересмотре сложившейся в доктрине теории формы и содержания произведения.

Традиционная для авторского права дихотомия охраняемой формы и неохраняемого содержания долгое время служила и служит по сей день надежным инструментом для определения объема правовой охраны произведений литературы, живописи или музыки. Однако распространение этих конструкций на столь сложный и функционально обусловленный объект, каким является программное обеспечение, неизбежно порождает теоретические и практические проблемы.

Специфика программ для ЭВМ заключается в их дуалистичной природе. С одной стороны, это текст (исходный и объектный код), формально подпадающий под признаки литературного произведения. С другой стороны, это утилитарная система, направленная на достижение конкретного технического результата, где красота кода неразрывно связана с его эффективностью, а любое выражение зачастую диктуется алгоритмической необходимостью, а не свободой творческого выбора.

В этой связи определение и применение критериев охраноспособности произведений для компьютерных программ имеет свои особенности, которые должны быть учтены как на уровне законодательства, так и на уровне правоприменительной практики.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), изложенной в пункте 80 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" [1], судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом.

Таким образом, главным и, по существу, единственным критерием охраноспособности произведения, имеющего выражение в объективной форме, является творческий характер его создания.

Понимание творческого характера создания объекта авторского права в доктрине возможно с точки зрения объективного и субъективного подходов. Объективный подход определяет произведение как созданное творческим трудом при наличии у него такого свойства, как новизна (оригинальность). Субъективный же подход определяет творческий характер произведения через его связь с личностью автора, индивидуальностью, которая и находит свое выражение в результате его творческой деятельности [2]. При этом, представляется, что новизна и оригинальность – это свойства, которые по определению понятия творческой деятельности так или иначе должны быть присуще ее результату. Например, Бердяев Н.А. [3] определяет творчество как «процесс культурной человеческой деятельности, в результате которого создаются качественно новые материальные и духовные ценности».

Однако различие в приведенных подходах понимания творческого характера произведения, как представляется, определяется лишь фокусом на тот аспект понимания творчества, который является определяющим при решении вопроса об охраноспособности конкретного произведения. Иначе говоря, с точки зрения объективного подхода произведение охраноспособно, потому что является новым и оригинальным (уникальным), а с точки зрения субъективного – произведение является охраноспособным, так как в нем творчески проявляется личность автора, и потому такое произведение является уникальным и принципиально неповторимым. Таким образом, новизна (оригинальность) произведения в объективном подходе является необходимым условием для распространения на него правовой охраны, а в субъективном подходе оригинальность является следствием проявления личности автора в результате создания такого произведения.

В этой связи верной представляется позиция Гаврилова Э.П. [4], который разделяет понятия новизны и оригинальности, утверждая их различное содержание и относимость к разным механизмам правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности. По его мнению, новизна как критерий охраноспособности относится к патентному праву, где механизм правовой охраны основывается на объективных критериях, свойственных объектам интеллектуальных прав. Оригинальность же свойственна тем результатам интеллектуальной деятельности, которые охраняются авторским правом, а потому характеризует произведение с точки зрения его связи с индивидуальностью автора как созданное в результате его творческой деятельности.

Согласно пункту 80 указанного Постановления Пленума ВС РФ, необходимо также принимать во внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следова-

тельно, не является объектом авторского права. Следовательно, на данный момент преобладает субъективный подход понимания творческого характера произведения, что является правильным, так как это соответствует пониманию творчества как психоэмоциональной деятельности человека, и защищает часть его личностной сферы, выраженной в созданном им произведении, а также отвечает целям оборота, придавая охраноспособность в том числе и малотворческим произведениям.

Объективный же подход к пониманию новизны и оригинальности фокусируется на том вкладе как критерии охраноспособности произведения, который несет конкретное произведение для общества, на том, достойно ли оно по своей значимости быть охраняемым. Если придерживаться объективного подхода при установлении уровня новизны и оригинальности для определения охраноспособности произведения, то следует ввести регистрационную систему охраны произведений, так как зачастую установление необходимой степени новизны или оригинальности требует специальных знаний и должно осуществляться только экспертами в соответствующей области. Однако переход к регистрационной системе сократит число охраняемых произведений на практике и не будет соответствовать ни самой сущности творчества, имеющего в своей основе иррациональное начало человеческого мышления, и направленного на выражение чувств и эмоций автора в конкретную форму, ни целям стремительного развития современного оборота. Такой подход будет тормозить и сдерживать созидательную активность авторов, каждый из которых потенциально может внести пользу в развитие единого информационного и культурного поля современного общества, будучи уверенным в том, что результат его личного творчества будет находиться в сфере его контроля, защищенный законом от посягательств со стороны других лиц. По утверждению В.И. Ионаса: «погоня за новизной была бы грубым искажением той роли, которая отведена новизне в творчестве человека. Гносеологический анализ понятия новизны доказывает, что новизна – органически присущий творчеству признак, имеющий познавательное значение.» [5].

Согласно статье 1261 Гражданского кодекса РФ, программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Из данного определения можно выделить несколько признаков программы для ЭВМ: технический характер и утилитарность, которые означают, что программа представляет собой некий алгоритм, который посредством обработки техническими средствами позволяет достичь конкретного результата, ради которого была создана такая программа.

Данные признаки значительно усложняют применение к программам для ЭВМ положений о творческом характере произведения, так как создание программы подчиняется строгим правилам, касающимся ее структуры, содержания, порядка написания, благодаря которым появляется возможность обработки такой программы компьютером или иным техническим устройством. Таким образом техническая обусловленность и направленность программы на конкретный результат значительно сужают рамки для проявления творчества при ее создании. Как отмечает Кашанин А.В., при наличии узких возможностей для создания произведения, необходимо установить, что произведение определяется не только техническими требованиями и функциональностью, но и является результатом проявления индивидуальных творческих решений [6].

В этой связи, представляется необходимым определить конкретные признаки творческого характера создания программы для ЭВМ для более эффективной правовой охраны таких объектов интеллектуальных прав на практике. Единым в доктрине является утверждение, что элементы компьютерной программы, имеющие исключительно функциональный характер, не обладают охраноспособностью, так как их создание не требует творческих усилий автора, потому что использование таких элементов продиктовано синтаксисом языка программирования, правилами использования инструментов написания кода, технической необходимостью для работы программы [7]. Кроме того, в программах имеет широкое распространение использование открытых библиотек.

Представляется, что способом определения наличия творческого характера создания как отдельного элемента, так и всей программы для ЭВМ в целом может выступать тест, который заключается в определении, во-первых, достаточной свободы автора в выборе возможных и доступных инструментов при создании такого результата интеллектуальной деятельности, во-вторых, в установлении самостоятельности принятия творческих решений, в результате которых создается охраняемый результат интеллектуальной деятельности. Под достаточной степенью свободы автора выборе инструментов творчества при создании программы для ЭВМ подразумевается ситуация, при которой автор-программист имеет возможность выбора из нескольких вариантов решений, которые будут использованы для написания кода программы или его отдельных

частей на каждом отдельном этапе ее создания. Подобно художнику, свободному в выборе кисти, вида штриха, цвета, формы при написании очередного элемента картины и использующего совокупность уникальных штрихов, приводящих к возникновению творческого и охраняемого произведения, программист так же, хоть и в гораздо более узких рамках, может выбрать различные варианты структуры построения программного кода, тех или иных синтаксических конструкций языка программирования, алгоритмических моделей, наименований переменных, стиля оформления кода и использовать иные доступные инструменты, свободный выбор и сочетание которых придает созданию программы творческий характер.

Самостоятельное принятие творческих решений означает возможность автора при наличии нескольких возможных вариантов по своей воле определять, какие решения будут использованы им в процессе создания программы для ЭВМ. Однако, так как в силу утилитарного назначения программ зачастую требования к написанию их кода в определенной степени предопределены (например, заданными заказчиком условиями, содержащимися в подготовительных документах программы, определяющими язык программирования, используемую структуру, иные программные решения), то творческий характер создания программы, и, следовательно, ее охраноспособность будут возникать именно в отношении той внутренней составляющей, создание которой осуществлялось в условиях наличия названных выше критериев свободы выбора и самостоятельности принятия решений.

Таким образом, особенности режима правовой охраны программ для ЭВМ, продиктованные специфическими свойствами данных объектов, требуют дальнейшего развития положений авторского права об охране произведений с целью учета особенностей природы таких уникальных объектов авторских прав, как программы для ЭВМ. Представляется, что предложенная конкретизация критерия творчества как условия охраноспособности программ для ЭВМ позволит более эффективно применять нормы авторского права к отношениям, связанным с созданием и использованием программ, и обеспечит укрепление правовой защиты таких объектов интеллектуальных прав, в связи с чем необходимо законодательное закрепление аналогичных предложенным критериев конкретизации положений авторского права об охраноспособности произведений применительно к программам для ЭВМ в главе 70 Гражданского кодекса РФ либо выпуск соответствующих разъяснений Верховным Судом Российской Федерации на уровне Постановления Пленума для руководства нижестоящими судами в правоприменительной деятельности.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 26.08.2026).

[2] Иоффе О. С. Советское гражданское право : (Курс лекций) : [Для юрид. вузов]. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 3 т. – 347 с.

[3] Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. / Н. А. Бердяев Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 37–311.

[4] Гаврилов Э. П. В патентном праве – новизна, в авторском – оригинальность // «Патенты и лицензии». – 2007. – № 12. – С. 25–30.

[5] Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике / В. Я. Ионас. – М. : Юридическая литература, 1963. – 138 с.

[6] Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 75–119.

[7] Чурилов А. Ю. Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Право. – 2020. – № 1. – С. 94–101.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus: Reference and Legal System. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (access date: 26.08.2026).

[2] Ioffe O.S. Soviet civil law: (Course of lectures): [For lawyers. universities]. - Leningrad: Publishing House Leningr. University, 1965. - 3 tons - 347 s.

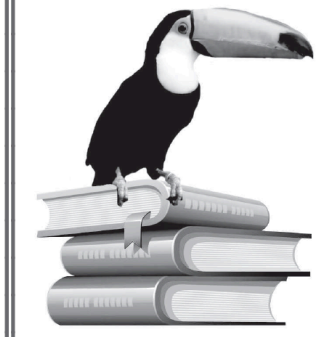
[3] Berdyaev N. A. The meaning of creativity. The experience of justifying a person / N. A. Berdyaev Philosophy of creativity, culture and art: in 2 volumes - M.: Art, 1994. - VOL. 1. - S. 37-311.

[4] Gavrilov E.P. In patent law - novelty, in copyright – originality // "Patents and licenses. "– 2007. – № 12. – C. 25–30.

[5] Ionas V. Ya. Criterion of creativity in copyright and judicial practice / V. Ya. Ionas. - M.: Legal literature, 1963. - 138 s.

[6] Kashanin A.V. Creative character as a condition for the protection of a work in Russian and foreign copyright // Bulletin of Civil Law. – 2007. -

VOL. 7. – № 2. - S. 75-119.
[7] Churilov A. Yu. Problems of protection of computer programs // Bulletin of the Saratov State Law Academy. Right. – 2020. – № 1. - S. 94-101.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-188-196
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАРКОВ Р.С.,
и.о.
заведующего кафедрой музыкальной подготовки и социокультурных проектов Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат юридических наук,
e-mail: gpd@lspu-lipetsk.ru

ШАТУРИНА Н.А.,
преподаватель кафедры «Уголовное право, процесс и криминалистика» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал),
e-mail: anica6@yandex.ru

РЫЖКОВА М.К.,
преподаватель СПО кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: gpd@lspu-lipetsk.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАВАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Исследуются основания правовой охраны и использования музыкальных произведений, создаваемых с применением искусственного интеллекта. Разграничиваются их охраноспособность, правомерность использования исходных материалов и договорные условия введения в гражданский оборот. Предлагается различать простое и квалифицированное формирование запросов к системе искусственного интеллекта, причем во втором случае обосновывается возможность признания авторства, если творческие решения человека получают объективное выражение в музыкальной форме результата. Рассматриваются смежные права, обучение моделей на охраняемых материалах, синтез голоса и распространение записей. Предлагается воздерживаться от введения специального регулирования нейромузыки при сохранении общих гарантий интеллектуальных прав. Определяется доказательственное значение добровольной фиксации творческого вклада человека.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейромузыка, музыкальное произведение, авторское право, смежные права, фонограмма, синтезированный голос, лицензионный договор, гражданский оборот.*

Для цитирования: *Марков Р. С., Шатурина Н. А., Рыжкова М. К. Правовой режим музыкальных произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта // Право и управление. 2026. № 10. С. 188–196.*

MARKOV R.S.,
Acting Head of the Department of Musical Training and Sociocultural Projects of Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University, PhD in Law

SHATURINA N.A.,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

RYZHKOVA M.K.,
Lecturer in Secondary Vocational Education at the Department of State and Legal Disciplines of Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University

THE LEGAL REGIME OF MUSICAL WORKS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the legal protection and use of musical outputs created with artificial intelligence. It distinguishes their copyrightability, the lawful use of source materials, and the contractual conditions governing their commercial use. The distinction between basic and qualified prompting supports the argument that the latter may justify recognition of authorship where human creative choices are objectively expressed in the musical form of the output. The article also addresses related rights, model training using protected materials, voice synthesis, and the distribution of recordings. It advocates restraint in introducing special regulation of AI-assisted music while maintaining general intellectual property safeguards. The evidentiary significance of voluntary documentation of human creative contributions is considered.*

Key words: *artificial intelligence, AI-generated music, musical work, copyright, related rights, phonogram, synthetic voice, licensing agreement, commercial use.*

For citation: *Markov R. S., Shaturina N. A., Ryzhkova M. K. The legal regime of musical works created using artificial intelligence. Law and administration. 2026;(10):188–196. (In Russ.).*

Введение

При правовой оценке музыки, создаваемой с использованием искусственного интеллекта, необходимо определить круг объектов интеллектуальных прав и принадлежность этих прав. Звуковая запись может содержать музыкальное произведение, текст песни и исполнение, а сама запись при наличии предусмотренных законом условий подлежит охране как фонограмма. Степень участия человека в создании каждого из этих объектов может различаться. Само обозначение записи как созданной с использованием нейросети не позволяет установить её правовую природу, поэтому необходимо исследовать творческий вклад участников, обстоятельства первоначальной фиксации звуков и договорные основания использования результата. В исследованиях применения искусственного интеллекта в музыкальной сфере правовые вопросы рассматриваются с учётом особенностей создания и записи музыки. Пример Folk-RNN показывает, что получение нотного материала, редактирование, исполнение и запись могут осуществляться различными лицами и требуют самостоятельной оценки. Отмечается опасность возложения несоразмерных обязанностей по учету технологических особенностей [1, с. 4–5, 7–9]. Нейромузыка расширяет возможности творчества, в т.ч. для лиц, не располагающих средствами для организации исполнения и звукозаписи. Художественные достоинства результата не определяют его охраноспособность. В исследованиях сервисов типа Suno обучение моделей, генерация и распространение музыки рассматриваются как взаимосвязанные стадии, предполагающие предупреждение нарушений и сохранение сведений о материалах [2]. Выделение этих стадий само по себе не обосновывает дополнительных обязанностей на каждой из них, но позволяет разграничить охраноспособность результата, правомерность его создания и использования, договорные условия введения в оборот.

Цель статьи – определить основания частноправовой квалификации таких результатов и пределы регулирования их создания и оборота. Исследование проведено с применением формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов, позволяющих отделить действующие требования от предложений по их развитию. В основу квалификации положены характер участия человека и связь его творческих решений с результатом. В статье под генеративной музыкой (нейромузыкой) понимаются музыкальные материалы и звуковые записи, при создании или преобразовании которых существенную роль играет генеративный искусственный интеллект.

Нейромузыка не рассматривается в качестве самостоятельного объекта интеллектуальных прав.

Творческий вклад человека как основание авторско-правовой охраны

Согласно ст. 1228 и ст. 1257 Гражданского кодекса РФ, автором признается гражданин, творческим трудом которого создан результат. В п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что использование технических средств не исключает творческого характера деятельности, однако результаты, полученные при отсутствии человеческого творчества, авторским правом не охраняются. Отсутствие новизны, уникальности или оригинальности само по себе не опровергает творческого характера труда. Следовательно, использование нейросети требует оценки участия человека в создании конкретного результата.

В доктрине различаются автономия воли субъекта права и автономность технической системы. Выполнение задач при ограниченном вмешательстве пользователя не предполагает собственных целей и интересов, с которыми связывается правосубъектность [3, с. 127–131]. Отсутствие у системы статуса автора не исключает творческого труда человека, а автоматизация создания музыки сама по себе не доказывает его отсутствия. Кроме того, права на фонограмму возникают по самостоятельным основаниям. При оценке человеческого участия следует различать вспомогательное использование искусственного интеллекта, соединение авторских и сгенерированных элементов и получение завершенной записи при минимальном участии пользователя. При использовании искусственного интеллекта в качестве вспомогательного средства музыкальный замысел и способы его воплощения определяются творческими решениями человека. При сочетании авторских элементов с материалами, сформированными системой, необходимо установить характер творческого участия человека. При минимальном участии пользователя необходимо выявить действия, выходящие за пределы запуска программы и одобрения результата. Эти способы могут сочетаться, поэтому определяющей остается связь действий лица с музыкальной формой.

В исследовании Т.Ю. Руденко намерение создать произведение, формирование запроса и отбор результата сопоставляются с участием заказчика, а творческий вклад связывается с авторской корректировкой либо использованием ранее созданного произведения [4, с. 126–129]. Такое сопоставление обоснованно для общего задания системе, однако разработка и согласование музыкальных решений в запросах могут выражать творческий труд. По нашему мнению, в этом случае признание авторства не должно безусловно зависеть от ручной доработки либо предварительного создания мелодии вне системы. В этой связи предлагается различать простое формирование запросов, задающее общие характеристики результата, и квалифицированное, предполагающее разработку взаимосвязанных решений о музыкальной форме, гармоническом и ритмическом развитии, взаимодействии партий. Последнее может свидетельствовать о творческом вкладе, если такие решения получили объективное выражение в записи, тогда как специальное образование, количество терминов и длина задания сами по себе этого не подтверждают. Самостоятельная охрана текста запроса также не предрешает принадлежности прав на музыку, поскольку замысел и указания системе могут оставаться на уровне неохраняемых идей.

При анализе европейских критериев охраноспособности предлагается последовательно устанавливать принадлежность результата к сфере науки, литературы или искусства, наличие интеллектуального и творческого вклада человека, а также выражение сделанного им творческого выбора в полученном результате. Рассмотрение решений автора на стадиях замысла, реализации и редактирования [5, с. 1200–1205] делает этот подход полезным для анализа запросов, хотя российским законодательством он прямо не установлен. Требование заранее определить каждую ноту не учитывало бы вариативности музыкального творчества, однако необходимо установить выраженные в результате решения человека, отличая их от общих пожеланий. Охрана конкретной музыкальной формы не создает исключительных прав на жанр, стиль или приемы композиции.

В докладе Бюро авторского права США от 29 января 2025 г. «Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability» запросы пользователя применительно к исследованным технологиям признаны недостаточными для установления авторства в полученном результате. Такой вывод обусловлен недостаточным контролем пользователя над выразительными элементами и сам по себе не опровергается сложностью музыкального задания. При доказуемой связи конкретных творческих решений пользователя с музыкальной формой результата возможность авторской охраны, по нашему мнению, должна оцениваться независимо от способа технического воплощения замысла.

В деле Thaler v. Perlmutter, 130 F.4th 1039 (D.C. Cir. 2025) поддержан отказ в регистрации изображения, единственным автором которого заявлялась система искусственного интеллекта. Суд исходил из необходимости первоначального человеческого авторства, однако по процессу-

альным причинам не разрешил по существу довод об авторстве заявителя вследствие разработки и использования системы. Последующий отказ в пересмотре – cert. denied, No. 25-449 (U.S. Mar. 2, 2026) – также не является разрешением спора по существу. Выводы по результату, заявленному как полностью созданный системой, не могут автоматически распространяться на все случаи ее использования человеком. В российском праве отсутствие музыкального образования или нотной записи не исключает авторства, поскольку ст. 1259 Гражданского кодекса РФ допускает разные формы выражения произведения. Разработчик программы не становится соавтором музыки лишь вследствие предоставления технического средства, т.к. для соавторства в соответствии со ст. 1258 необходим совместный творческий труд, который не заменяют финансирование, организационная и техническая помощь.

Музыкальное произведение, исполнение, фонограмма: разграничение прав

Единство звучащей записи не устраняет самостоятельности ее составляющих: текст может быть написан человеком, музыка – частично сгенерирована, а партии – переработаны аранжировщиком и исполнены музыкантами. Самостоятельная оценка этих элементов совместима с признанием авторства на целое произведение при установлении соответствующего вклада. Предусмотренная п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ охрана части произведения предполагает, что она является самостоятельным результатом творческого труда и выражена в объективной форме, поэтому само по себе техническое выделение фрагмента не свидетельствует о его охраноспособности. Авторство на текст песни не означает авторства на музыку, если участие лица ограничивалось передачей текста системе, как и принадлежность мелодии человеку не делает его автором автоматически сгенерированных слов. При оценке творческой переработки с учетом ст. 1260 Гражданского кодекса РФ следует учитывать возможность возникновения охраняемого результата на основе неохраняемого материала, на который исключительное право вследствие этого не распространяется. Если же перерабатывается охраняемое произведение, самостоятельная охрана переработки не освобождает от соблюдения прав его автора.

В решении Бюро авторского права США от 21 февраля 2023 г. по произведению Zarya of the Dawn разграничены охраняемые текст, подбор и расположение материалов и изображения Midjourney, в отношении которых авторская охрана не признана. Будучи административным решением по регистрационному заявлению, оно не устанавливает судебного правила для музыкальных произведений, но показывает необходимость определения человеческого вклада в составной результат. Его выводы не предрешают оценки квалифицированного формирования музыкальных запросов с учетом возможностей конкретной системы.

Самостоятельное значение имеет правовой режим фонограммы, определяемой подп. 2 п. 1 ст. 1304 Гражданского кодекса РФ как исключительно звуковая запись исполнений, иных звуков или их отображений, кроме звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение. По ст. 1322 того же Кодекса изготовителем признается лицо, принявшее инициативу и ответственность за первую запись. Эти положения позволяют квалифицировать фиксацию сгенерированных звуков как фонограмму без предварительного признания музыки охраняемым произведением. Самостоятельность прав изготовителя закреплена п. 3 ст. 1323 Гражданского кодекса РФ, однако их осуществление требует соблюдения прав на использованные объекты.

При формировании и первоначальной записи звуков средствами музыкального сервиса изготовитель фонограммы определяется по инициативе и ответственности за первую запись конкретных звуков, поэтому само по себе владение оборудованием, оплата доступа к сервису или скачивание файла не позволяют установить, кто является изготовителем фонограммы. Договор помогает установить распределение функций и может предусматривать распоряжение возникшим исключительным правом, но оценивается вместе с фактическими обстоятельствами записи. Копирование готового файла на иной носитель нового первоначального права изготовителя фонограммы не создает. В работе В.О. Калятина предложено ограниченное смежное право организатора получения результата с использованием искусственного интеллекта [6, с. 39–41, 47–48]. Для музыкальных записей его необходимость требует обоснования с учетом существующей охраны фонограммы, которая распространяется на конкретную запись и не препятствует самостоятельной записи той же неохраняемой музыкальной последовательности. Тем самым часть интересов организатора обеспечивается без исключительного права на все музыкальные материалы, созданные системой.

Основания для применения по аналогии положений о продюсере аудиовизуального произведения к организатору музыкальной записи ограниченны, поскольку звуковая запись не отвечает определению ст. 1263 Гражданского кодекса РФ, а соединение нескольких результатов не означает автоматического применения ст. 1240 того же Кодекса о сложном объекте. Даже при применимости этой нормы организатор должен приобрести права или получить необходимые

разрешения, т.к. его экономическая роль сама по себе не порождает универсального права на все составляющие записи. В силу ст. 1313 Гражданского кодекса РФ исполнителем признается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение как самостоятельный объект смежных прав. Поэтому синтез вокала без человеческого исполнения не порождает у системы прав исполнителя. При преобразовании записи реального исполнения необходимо установить использованные способы и наличие разрешений. Если запись объединяет авторский текст, сгенерированную мелодию и пение человека, отсутствие авторской охраны мелодии не устраняет прав автора текста, исполнителя и изготовителя фонограммы.

Правомерность использования охраняемых материалов при обучении моделей

Правомерность формирования обучающего массива составляет самостоятельный вопрос, при рассмотрении которого в российской литературе сбор, хранение и подготовка произведений к обучению соотносятся с правом на воспроизведение и законными исключениями. Приравнивание этих действий к обычному восприятию произведения человеком признается недостаточным [7, с. 119–121]. В музыкальной сфере отдельно оцениваются произведение, текст и фонограмма, поскольку разрешение на один объект не распространяется автоматически на остальные. Обучение модели представляет собой технологический процесс, отдельные операции которого могут иметь различное юридическое значение. В частности, запись произведения в память устройства подлежит оценке с учётом ст. 1270 Гражданского кодекса РФ, а использование фонограммы – ст. 1324. Исследовательский или некоммерческий характер деятельности недостаточен для применения исключения без соблюдения всех его условий, как и общедоступность материала не означает разрешения на любое использование. Вместе с тем нельзя без технического исследования предполагать, что всякое обучение сопровождается сохранением в модели копий каждого произведения.

Обучение модели, обработка пользовательского материала и генерация звукового материала требуют самостоятельной оценки, поскольку уточнение запроса не тождественно изменению параметров модели, а загрузка чужой фонограммы для преобразования может иметь правовые последствия независимо от обучающих данных. Законность обучения не гарантирует правомерности конкретной записи, но и допущенное при обучении нарушение не образует презумпции неправомерности всех результатов и не обосновывает запрета их распространения.

В европейских исследованиях разграничиваются обязанности по законодательству об искусственном интеллекте и авторско-правовые основания использования произведений [8, с. 2–5]. В ст. 3 и 4 Директивы Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке» различаются анализ текстов и данных для научных исследований определенными организациями и общий режим анализа. Оба режима требуют правомерного доступа к материалам, причем при общем режиме правообладатель может прямо зарезервировать использование произведения. В ст. 53 Регламента Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. № 2024/1689 «Об установлении гармонизированных правил в отношении искусственного интеллекта» предусмотрены обязанности поставщиков моделей общего назначения по соблюдению авторского права и опубликованию достаточно подробного обобщенного описания обучающих материалов. Применимость этих требований зависит от функций поставщика и модели, а их исполнение не заменяет разрешения правообладателя и не определяет авторство на результат. При этом европейские исключения не заменяют российских оснований использования произведений.

Вопросы соблюдения авторских прав при использовании искусственного интеллекта для создания музыки рассматривались Земельным судом Мюнхена I в решении от 31 июля 2026 г. по делу № 42 O 763/25 (GEMA против Suno). Согласно официальному сообщению суда, требования GEMA были преимущественно удовлетворены в отношении шести музыкальных произведений, тогда как нарушения прав на тексты песен не составляли предмета разбирательства. Суд установил нарушения, связанные с воспроизведением произведений при обучении системы, сохранением их содержания в моделях искусственного интеллекта и воспроизведением узнаваемых элементов исходных произведений в звуковых записях, созданных системой. Хотя на дату опубликования сообщения решение не вступило в законную силу, изложенная позиция свидетельствует о значении доказанной связи между использованием охраняемого произведения и содержанием полученного результата. Вместе с тем она не предполагает общего запрета на применение искусственного интеллекта для создания музыки и не позволяет считать любые параметры модели копиями произведений.

При оценке записи необходимо отличать использование охраняемого материала от сходства, обусловленного общими музыкальными средствами. Узнаваемость творческой манеры не создает исключительного права на жанровые или стилистические приемы, хотя обозначение результата как стилизации не исключает воспроизведения охраняемой мелодии, текста либо фо-

нограммы. Сопоставлению подлежат конкретные элементы, составляющие предмет требования, поскольку общий процент сходства и длительность совпадений не образуют универсальных критериев. Экспертное исследование устанавливает фактическую основу сравнения, а юридическая оценка учитывает охраноспособность материала и содержание исключительного права.

Договорное регулирование оборота генеративной музыки

Договор с музыкальным сервисом может охватывать доступ к программе, создание и хранение записей, предоставление прав и сопутствующие услуги. Разрешение коммерческого использования определяет отношения пользователя с сервисом, но не подтверждает существования всех заявленных исключительных прав. Если композиция не отвечает условиям авторской охраны, договор не создаст исключительного права, действующего против неопределенного круга лиц, хотя обязательства по предоставлению доступа, передаче файлов и расчетам, как и право на фонограмму, могут сохранять самостоятельное значение. При распоряжении исключительными правами в соответствии со ст.ст. 1233–1235 Гражданского кодекса РФ необходимо определить объект и принадлежащее стороне право. Отчуждение исключительного права предполагает передачу его в полном объеме, тогда как лицензионный договор устанавливает разрешенные способы использования. Эти конструкции применяются отдельно к фонограмме, музыке и тексту. Договорное условие о передаче всех прав требует установления их принадлежности передающей стороне, которую не заменяют тарифный план или бессрочность использования. Выбор иностранного права для договора также не обеспечивает одинаковой охраны результата во всех государствах.

При распределении договорных рисков следует учитывать сведения, доступные каждой стороне. Пользователь может предоставить заверения об обстоятельствах, относящихся к загружаемым им материалам, тогда как информация о составе обучающего массива и порядке обучения модели обычно находится в распоряжении разработчика. Поэтому условия договора о гарантиях правомерности использования исходных материалов и работы системы должны соотноситься с обязанностями сторон и их возможностями по проверке соответствующих сведений. В договоре целесообразно отдельно предусмотреть заверения о материалах пользователя, правах сервиса и ограничениях использования результата. Недостоверность таких заверений может повлечь предусмотренные договором последствия, но не исключает ответственности перед третьими лицами при наличии установленных законом оснований. Примером согласования интересов служит объявленное Warner Music Group 25 ноября 2025 г. урегулирование спора с Suno. Согласно официальному сообщению Warner Music Group, достигнутое соглашение предусматривает использование лицензированных музыкальных материалов при создании музыки с помощью искусственного интеллекта, а также согласование условий использования произведений, имён, изображений и голосов артистов. Хотя соглашение не подтверждает законности любых действий сервиса, а сообщение не доказывает реализации всех планов, этот пример показывает возможность договорного согласования различных прав и личных интересов.

Передача записи дистрибьютору требует оснований для использования каждого охраняемого объекта, поскольку изготовитель фонограммы может не обладать правами на музыку и текст, а разрешение на произведение не заменяет согласия на фонограмму. В договоре предоставляемые права должны соотноситься с действиями распространителя с учетом того, что загрузка и размещение файла сами по себе не влекут возникновения исключительного права на содержащиеся в нём результаты. Безусловный отказ в размещении нейромузыки из-за использования искусственного интеллекта способен затронуть интересы авторов, поэтому его законность требует оценки конкретных условий договора и применимых императивных норм. Достоверные сведения об участниках записи способствуют установлению их действительного вклада и предупреждению недостоверного указания авторства. Получение дохода может основываться на праве на фонограмму, иных принадлежащих лицу правах либо на договоре.

Защита прав в сфере генеративной музыки

Выбор способа защиты определяется нарушенным правом, причем требования автора текста, изготовителя фонограммы и лица, чей голос имитирован, имеют различный предмет доказывания. К интеллектуальным правам применяются соответствующие положения ст. 1252, ст. 1252.1, ст. 1301 и ст. 1311 Гражданского кодекса РФ, к нематериальным благам – предусмотренные для них способы защиты. В каждом случае необходимо установить право или охраняемый интерес, действия ответчика и условия применения конкретной меры. Требование прекратить нарушение не зависит исключительно от оснований взыскания компенсации и не должно превращаться в общий запрет на использование искусственного интеллекта для создания музыки.

Правовое положение сервиса зависит от его функции в спорных отношениях, при определении которой следует различать размещение пользовательской записи, ее передачу и формиро-

вание звучания собственной системой. Условия ответственности информационного посредника и освобождения от нее по ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ проверяются применительно к конкретным действиям. Дистанционный характер услуги сам по себе не освобождает от ответственности, а сопутствующие услуги не исключают посреднической роли в отдельных операциях, при оценке которых существенны участие в создании материала, осведомленность о нарушении и реакция на обоснованное уведомление правообладателя. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»» оценивалась деятельность торговой площадки. Суд разграничил посредничество и сопутствующие услуги, определил значение уведомления о нарушении и сведений о нарушителе. Поскольку дело касалось предложения товаров с использованием изображений, его выводы не устанавливают специальных правил для создания музыки с использованием искусственного интеллекта. В таких случаях также необходим функциональный подход, предполагающий проверку участия сервиса в конкретных действиях.

Доказательства творческого вклада следует соотносить с заявленным объектом охраны: для текста и музыки значимы предшествующие версии и обстоятельства создания, для аранжировки – содержание переработки. При квалифицированном формировании запросов оценивается выражение заданных человеком решений в результате, тогда как в споре о фонограмме исследуются инициатива и ответственность за первую запись. Владение учетной записью и время загрузки файла сами по себе авторства не подтверждают, как и результаты программной оценки вероятности использования искусственного интеллекта при создании музыки. Для предупреждения споров целесообразно добровольно сохранять сведения об исходных материалах, участниках, использовании искусственного интеллекта для создания звукового материала и первой фиксации звуков, промежуточные версии, существенные задания и договорные условия. Объем документации определяется заявляемыми правами, что не изменяет предусмотренного ст. 1259 Гражданского кодекса РФ отсутствия формальностей возникновения, осуществления и защиты авторских прав. Отсутствие записей о творческом процессе не опровергает законных презумпций и не исключает иных доказательств.

При определении договорных обязанностей по предоставлению сведений необходимо учитывать, какой информацией располагает каждый участник отношений о разных этапах работы с записью. Пользователь знает собственные материалы и действия, изготовитель фонограммы – обстоятельства первой записи, разработчик располагает сведениями об обучении модели, распространитель – об использовании записи. При согласовании состава сведений и взаимодействия при претензиях необходимо учитывать, что полное раскрытие документации может затрагивать охраняемую тайну, а такое соглашение не изменяет установленного процессуальным законом бремени доказывания.

Перспективы специального правового регулирования генеративной музыки

Вопрос о правовой охране музыки, созданной с использованием искусственного интеллекта, следует отличать от вопроса о вознаграждении авторов исходных произведений и исполнителей. В литературе предложена модель обязательных отчислений с поставщиков систем генеративного ИИ, результаты работы которых способны заменить произведения, созданные человеком, с использованием механизмов коллективного управления средствами в интересах авторов без необходимости связывать каждый платеж с доказанным использованием отдельного произведения. При этом допускается исключение для использования искусственного интеллекта как вспомогательного средства творчества [9]. Предложение относится к перспективам регулирования, а введение общего основания таких платежей требует обоснования, включая разграничение содействия человеческому творчеству и его замещения. Представляется разумным воздерживаться от специального регулирования, исчерпывающе определяющего создание и распространение музыки с использованием искусственного интеллекта, поскольку закрепление определенной модели человеческого участия может затруднить развитие технологий и иных способов творчества. Вместе с тем отказ от введения новых общих ограничений не предполагает освобождения участников соответствующих отношений от обязанностей, предусмотренных действующим законодательством, включая требования о добросовестном поведении и соблюдении интеллектуальных и личных неимущественных прав. Изменения должны опираться на выявленные пробелы и оценку имеющихся способов защиты.

Дилемма Д. Коллингриджа отражает противоречие между возможностью влиять на развитие технологии и полнотой знаний о её последствиях. На раннем этапе технологию относительно легко изменить или ограничить, однако ее возможные последствия еще недостаточно изучены. После широкого распространения технологии такие последствия становятся более очевидными, но изменение сложившихся технических реше-

ний, экономических отношений и практик существенно затрудняется [10]. Это указывает на необходимость сохранять возможность пересмотра регулятивных решений. Применительно к музыке, создаваемой с использованием искусственного интеллекта, данный подход предостерегает от преждевременного закрепления исчерпывающих специальных правил при сохранении существующих способов защиты нарушенных прав. Сходные основания имеет концепция А. Тирера, допускающая технологическое экспериментирование при отсутствии убедительных доказательств существенного вреда [11, с. 1–3, 8–10]. В работе М.К. Олхаузен сдержанность регулирующих органов связывается с ограниченностью прогнозирования и необходимостью оценить достаточность существующих правовых средств [12, с. 2–6]. Полагаем, эти подходы позволяют обосновывать свободу музыкального творчества и договорного взаимодействия с применением искусственного интеллекта при эффективной защите от конкретных нарушений.

Заключение

Частно-правовая квалификация нейромузыки предполагает установление состава результата и человеческого участия, принадлежности прав и оснований их предоставления. Квалифицированное формирование запросов, по нашему мнению, может быть достаточным проявлением творческого труда, если взаимосвязанные музыкальные решения человека объективно выражены в результате. Хотя подробное описание желаемой музыки само по себе авторства не подтверждает, ручная доработка не должна становиться обязательным условием охраны, объем которой соотносится с установленным вкладом при сохранении обязанности соблюдать права на исходные материалы. Создание и распространение нейромузыки допустимы при соблюдении гражданского законодательства, положения которого об охране фонограммы, защите личных интересов и договорном согласовании использования материалов позволяют разрешать многие вопросы без общего запрета технологии. Использование таких технологий расширяет возможности творчества для лиц, не располагающих необходимыми средствами для организации исполнения и профессиональной звукозаписи, при этом художественные достоинства музыки не определяют ее охраноспособности. Добровольное сохранение сведений о записи содействует доказыванию прав без дополнительных формальностей, а специальные нормы следует обсуждать по мере выявления проблем, не разрешаемых действующими правовыми средствами.

Список литературы:

[1] Sturm B.L.T., Iglesias M., Ben-Tal O., Miron M., Gómez E. Artificial Intelligence and Music: Open Questions of Copyright Law and Engineering Praxis // Arts. 2019. Vol. 8. No. 3. Art. 115. DOI: 10.3390/arts8030115.

[2] Cao Y. Governing copyright risks in generative music systems: The Suno case in the EU, US, and China // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2026. Vol. 61. Art. 106331. DOI: 10.1016/j.clsr.2026.106331..

[3] Уваркин Г.И. Автономия лица vs. автономность искусственного интеллекта: рассуждения о предпосылках правовой охраны создаваемого ИИ контента // Труды по интеллектуальной собственности. 2026. Т. 57. № 2. С. 124–133. DOI: 10.17323/tis.2026.36351.

[4] Руденко Т.Ю. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в музыкальной сфере // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 55. № 4. С. 124–131. DOI: 10.17323/tis.2025.28907.

[5] Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2021. Vol. 52. No. 9. P. 1190–1216. DOI: 10.1007/s40319-021-01115-0..

[6] Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50..

[7] Бузова Н.В., Лукьянов Р.Л. Квалификация процесса обучения системы искусственного интеллекта с помощью охраняемых авторским правом произведений // Труды по интеллектуальной собственности. 2026. Т. 57. № 2. С. 115–123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350.

[8] Quintais J.P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2025. Vol. 56. Art. 106107. DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106107..

[9] Senftleben M. Generative AI and Author Remuneration // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. No. 10. P. 1535–1560. DOI: 10.1007/s40319-023-01399-4..

[10] Genus A., Stirling A. Collingridge and the dilemma of control: towards responsible and accountable innovation // Research Policy. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 61–69. DOI: 10.1016/j.respol.2017.09.012..

[11] Thierer A. Permissionless Innovation: the continuing case for comprehensive technological freedom. Revised and expanded edition. Arlington: Mercatus Center at George Mason University, 2016.

205 p.

[12] Ohlhausen M.K. The Procrustean Problem with Prescriptive Regulation // CommLaw Conspectus: Journal of Communications Law and Technology Policy. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 1–9.

References:

[1] Sturm B.L.T., Iglesias M., Ben-Tal O., Miron M., Gómez E. Artificial Intel-ligence and Music: Open Questions of Copyright Law and Engineering Praxis // Arts. 2019. Vol. 8. No. 3. Art. 115. DOI: 10.3390/arts8030115.

[2] Cao Y. Governing copyright risks in generative music systems: The Suno case in the EU, US, and China // Computer Law & Security Review: The Inter-national Journal of Technology Law and Practice. 2026. Vol. 61. Art. 106331. DOI: 10.1016/j.clsr.2026.106331..

[3] Uvarkin G.I. Autonomy of the face vs. autonomy of artificial intelligence: reasoning about the prerequisites for the legal protection of the content created by AI // Works on intellectual property. 2026. T. 57. № 2. S. 124-133. DOI: 10.17323/tis.2026.36351.

[4] Rudenko T.Yu. Legal aspects of the use of artificial intelligence in the musical sphere // Works on intellectual property. 2025. VOL. 55. № 4. S. 124-131. DOI: 10.17323/tis.2025.28907.

[5] Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2021. Vol. 52. No. 9. P. 1190–1216. DOI: 10.1007/s40319-021-01115-0..

[6] Kalyatin V.O. Determination of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 4. S. 24-50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50..

[7] Buzova N.V., Lukyanov R.L. Qualification of the process of training an artificial intelligence system using copyrighted works // Works on intellectual property. 2026. T. 57. № 2. S. 115-123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350.

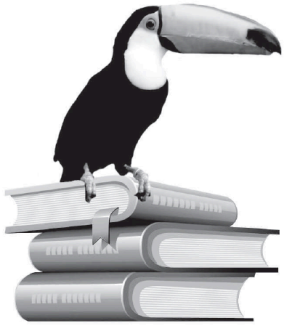
[8] Quintais J.P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2025. Vol. 56. Art. 106107. DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106107..

[9] Senftleben M. Generative AI and Author Remuneration // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. No. 10. P. 1535–1560. DOI: 10.1007/s40319-023-01399-4..

[10] Genus A., Stirling A. Collingridge and the dilemma of control: towards re-sponsible and accountable innovation // Research Policy. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 61–69. DOI: 10.1016/j.respol.2017.09.012..

[11] Thierer A. Permissionless Innovation: the continuing case for comprehensive technological freedom. Revised and expanded edition. Arlington: Mercatus Center at George Mason University, 2016. 205 p.

[12] Ohlhausen M.K. The Procrustean Problem with Prescriptive Regulation // CommLaw Conspectus: Journal of Communications Law and Technology Pol-icy. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 1–9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-197-201
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ШУГУРОВ Александр Маркович,
преподаватель кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
e-mail: shugurov_a89@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПАТЕНТНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В СООТВЕТСТВИИ С РОССИЙСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей патентно-правовой охраны лекарственных средств в Российской Федерации. Анализируется понятие и признаки лекарственных средств, их гражданско-правовой режим. Выявляются объекты, которые могут быть запатентованы в качестве лекарственного средства. Отмечается специфика срока действия исключительного права в отношении названных объектов. Особое внимание уделено возможности патентования лекарственных средств с использованием формулы Маркуша.*

Ключевые слова: *фармацевтика, лекарственное средство, лекарственный препарат, патент, охрана, исключительное право, формула Маркуша.*

Для цитирования: *Шугуров А. М. Особенности патентно-правовой охраны лекарственных средств в соответствии с российским законодательством // Право и управление. 2026. № 10. С. 197–201.*

SHUGUROV Alexandr M.,
lecturer in the Department of Civil Law at the Saratov
State Law Academy

SPECIFICS OF PATENT PROTECTION FOR MEDICINAL PRODUCTS UNDER RUSSIAN LAW

Annotation. *This article examines the specific features of patent protection for medicinal products in the Russian Federation. It analyzes the concept and defining characteristics of medicinal products, as well as their legal status within the framework of civil law. The study identifies the types of subject matter that may be patented as a "medicinal product" and highlights the specific duration of exclusive rights applicable to such subject matter. Particular attention is given to the possibility of patenting medicinal products using the Markush structure (Markush formula).*

Key words: *pharmaceuticals, medicinal product, medicinal preparation, patent, protection, exclusive right, Markush formula.*

For citation: *Shugurov A. M. Specifics of patent protection for medicinal products under russian law. Law and administration. 2026;(10):197–201. (In Russ.).*

Статья 41 Конституции Российской Федерации закрепляет одно из важнейших прав человека и гражданина – право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Данное конституционное положение обуславливает то, что охрана здоровья населения страны является одной из первостепенных задач государства. В соответствии с частью 2 статьи 18 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (далее – № 323-ФЗ) данное право обеспечивается в том числе производством и реализацией качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов.

В настоящее время на территории Российской Федерации осуществляется выпуск лекарственных препаратов практически во всех ключевых сегментах фармацевтического рынка. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года устанавливает следующие векторы развития в данной сфере: обеспечение лекарственной независимости и национальной безопасно-

сти Российской Федерации за счет локального производства по полному производственному циклу стратегически значимых групп лекарственных средств на территории Российской Федерации; развитие научно-технологических, производственных и профессиональных компетенций в области разработки и производства как лекарственных средств, так и сырья, материалов, оборудования и комплектующих для обеспечения конкурентоспособности фармацевтической продукции на внутреннем и внешнем рынках; приоритетное внедрение локально произведенных лекарственных препаратов в медицинскую практику и др.

Разработка и введение в оборот лекарственных средств является длительным и затратным процессом. Это обусловлено многими факторами, в частности, необходимостью проведения исследований и ожиданием наступления клинического эффекта, стоимостью сырья, оборудования, низкой вероятностью получения желаемого результата и др. Так, стоимость разработки инновационного препарата может составлять от $1 млрд до $11 млрд [1, с. 52]. Фармацевтические компании затрачивают от 20 до 40% своего бюджета на исследования, в то время как, например, IT компании – всего лишь 10-18% [2, с. 270]. Соответственно, производители лекарственных средств заинтересованы в охране прав на результаты их интеллектуальной деятельности.

Легальная дефиниция лекарственного средства содержится в Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ (далее – № 61-ФЗ). Так, согласно части 1 статьи 3 № 61-ФЗ лекарственные средства – вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий.

Интерес представляет эволюция правового регулирования в рассматриваемой сфере. Так, в соответствии с ранее действующим и утратившим силу Федеральным законом от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» под лекарственным средством понимались вещества, применяемые для профилактики, диагностики, лечения болезни, предотвращения беременности, полученные из крови, плазмы крови, а также органов, тканей человека или животного, растений, минералов, методами синтеза или с применением биологических технологий. Законодатель не внес изменения в ту часть определения, которая раскрывает способ получения лекарственного средства. Однако было конкретизировано целевое воздействие лекарственных средств на организм человека (животного).

Из определения, содержащегося в № 61-ФЗ можно выделить такие обязательные признаки лекарственного средства, как контакт с организмом человека или животного, а также биологически активное воздействие на функции или части организма. Данные признаки позволяют разграничивать лекарственные средства и иные объекты, в частности, медицинские изделия. Последние, как указывается в части 1 статьи 38 № 323-ФЗ, не оказывают фармакологическое, иммунологическое, генетическое или метаболическое воздействие на организм человека.

К лекарственным средствам относятся фармацевтические субстанции и лекарственные препараты. Фармацевтическая субстанция - лекарственное средство в виде одного или нескольких обладающих фармакологической активностью действующих веществ вне зависимости от природы происхождения, которое предназначено для производства, изготовления лекарственных препаратов и определяет их эффективность. Лекарственные препараты - лекарственные средства в виде лекарственных форм, применяемые для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности. Таким образом, главное отличие между указанными объектами состоит в том, предназначены ли они для конечного потребителя, которым может быть человек или животное. Законодатель, выделив лекарственные препараты и фармацевтические субстанции в качестве самостоятельных объектов фармацевтической сферы, установил различный режим их правового регулирования.

Рассматривая лекарственные средства с точки зрения гражданского оборота, можно сделать вывод, что они относятся к такому виду объектов гражданских прав, как вещи. Так, вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара [3, с. 341]. Материальная природа лекарственных средств подчеркивается в их легальном определении, данном в № 61-ФЗ: лекарственные средства – это вещества или комбинации веществ. Лекарственное средство в форме газа также будет являться вещью, поскольку характеризуется такими свойствами, как плотность, цвет, запах и др.

Изобретения в фармацевтической сфере охраняются таким институтом права интеллектуальной собственности, как патентное право.

А.В. Залесов отмечает, «фармацевтика – отрасль, где механизмы патентной охраны на современном этапе являются наиболее востребованными, а сами патентные права на отдельные лекарственные препараты – самыми дорогостоящими. Можно уверенно утверждать, что один патент на новое перспективное фармацевтически активное вещество стоит зачастую целого патентного портфеля в любой иной сфере» [4, с. 52-54].

Перечень объектов, которые могут быть запатентованы как «лекарственное средство», является достаточно широким. Это может быть вещество, фармацевтическая композиция, способ их получения, а также применение данных объектов по новому назначению. Из этого следует, что объекты, подпадающие под определение «лекарственное средство», могут иметь различный объем патентной охраны. Как отмечают Н.Б. Леонидов и Н.В. Михеева, «слабость защиты проявляется в том, что даже при наличии патента на новую модификацию и/или изомер, не удается обойти основной патент, защищающий структурную формулу вещества, и сохранить монопольное право патентообладателя на вещество и, следовательно, высокие цены на выпускаемый лекарственный препарат» [5, с. 39].

Наибольший объем правовой охраны характерен для патента на несколько химических соединений, охарактеризованных структурной формулой Маркуша. Группа Маркуша представляет собой группу химических соединений, описываемых общей структурной формулой и проявляющих общие свойства или активность. Использование этой формулы является достаточно распространенной стратегией патентования в фармацевтической сфере в мировой практике. Патентное законодательство РФ не содержит данного термина, однако допускает изложение признаков изобретения в соответствии с ним. Зачастую формула Маркуша содержит сотни и даже тысячи соединений. Соответственно, заявителю необходимо доказать возможность получения данных соединений и их назначение.

Использование данной формулы предоставляет существенные преимущества обладателю патента на лекарственное средство. Так, патентной охране подлежат химические соединения, не раскрытые в патенте. Соответственно, даже если лекарственное средство не содержит такие соединения, их использование, не санкционированное патентообладателем, будет являться нарушением его исключительных прав. Родовая формула Маркуша будет блокировать возможность патентования модифицированных соединений на основании отсутствия новизны. Помимо этого, патентообладатель получает возможность применения охраняемых соединений по другому назначению без необходимости получения других патентов.

Вместе с тем, сложившаяся практика по патентованию с использованием формулы Маркуша подвергается критике. Так, существенно усложняется патентный поиск из-за огромного количества приведенных примеров, определении такого критерия патентоспособности как «новизна» и в установлении точных пределов заявленного технического решения. Возможна ситуация, когда химические соединения были синтезированы только «на бумаге» и не обладают заявленной активностью, т.е. патентной охране подлежит иной объект, нежели заявленный в формуле изобретения, что противоречит целям патентного права.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит данный термин, однако он раскрывается в Руководстве по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата, утвержденном Приказом Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 27.12.2018 № 236 (далее – Руководство). Согласно пункту 2.10.9 Руководства условию изобретательского уровня соответствует химическое соединение, подпадающее под общую структурную формулу группы известных соединений, но не описанное как специально полученное и исследованное и при этом проявляющее новые неизвестные для этой группы свойства в качественном или количественном отношении (селективное изобретение). Как видно из определения, указанного в Регламенте, Роспатент относит селективные изобретения только к области химии. И.А. Веселицкая отмечает, что «в мировой практике понятие «селективное изобретение» в основном используется применительно к изобретениям в области химии или связанных с ней областях и охватывает такие объекты изобретения, как вещество (индивидуальные соединения, композиции, смеси, сплавы и т.п.), способ и применение, хотя не исключается возможность защиты устройств в форме селективных изобретений» [6, с.78-79]. Для отнесения химического соединения к селективным изобретениям, оно должно показывать новое свойство по отношению к свойствам известной группы химических соединений, которые были описаны формулой Маркуша. В этом состоит его изобретательский уровень. Соответственно, при подготовке патентной заявки необходимо описать конкретную структуру нового химического соединения, а также указать новые, неизвестные ранее свойства в качественном и (или) количественном отношении.

Так, Суд по интеллектуальным правам в постановлении от 11.03.2018 по делу № СИП-88/2018 [7] удовлетворил требование о признании недействительным решения Роспатента,

принятого по результатам рассмотрения возражения против выдачи патента на изобретение. Заявитель указывал, что изобретение «Соединения, обладающие активностью в отношении рецептора кальция (варианты), фармацевтическая композиция и способы лечения (варианты)» не отвечало критериям новизны и изобретательского уровня, поскольку информация о соединениях содержалась в противопоставленных источниках информации и соединения не обладали неизвестными ранее свойствами. Суд поддержал доводы заявителя, признав необоснованным вывод Роспатента о соответствии изобретения критерию «изобретательский уровень» и об отнесении его к селективным.

В доктрине ведется активная дискуссия относительно целесообразности патентной охраны селективных изобретений. Так, А.М. Михайлов полагает, что предоставление правовой охраны селективных изобретений является «серьезной угрозой, которой могут воспользоваться не вполне добросовестные заявители из-за рубежа и России», поскольку селективные изобретения «рождены из пены бумажной» и дают возможность «повторно запатентовать известное химическое соединение» [8].

Данный подход подвергается критике. М.Е. Игнатов и М.А. Серова соглашаются с тем, что «формула Маркуша касается значительно большего числа соединений, чем в действительности полученных и исследованных, и подходы к предоставлению правовой охраны таким изобретениям, возможно, нуждаются в более жестких ограничениях», однако, «выдача патентов на индивидуальные химические соединения, подпадающие под общую структурную формулу, но для которых не известны сведения об их реальном получении (или использовании) и физико-химических свойствах, происходит в полном соответствии с нормами патентного законодательства, в том числе с учетом принципа, что «известность общего не порочит новизну частного» [9, с. 40]. По нашему мнению, селективные изобретения соответствуют установленным ГК РФ критериям патентоспособности изобретения и следует согласиться с указанными авторами.

В соответствии с ГК РФ патентные права включают право авторства на изобретение, право на получение патента и исключительное право на изобретение. Исключительное право на изобретение является имущественным правом, которое характеризуется такими свойствами, как отчуждаемость и срочность. По общему правилу, установленному в пункте 1 статьи 1363 ГК РФ исключительное право на изобретение действует двадцать лет. Вместе с тем, были установлены специальные правила в отношении изобретений, относящихся к лекарственному средству. Так, согласно пункту 2 указанной статьи если с даты подачи заявки на выдачу патента на изобретение, относящееся к такому продукту, как лекарственное средство, пестицид или агрохимикат, для применения которых требуется получение в установленном законом порядке разрешения, до дня получения первого разрешения на применение прошло более пяти лет, срок действия исключительного права на соответствующее изобретение и удостоверяющего это право патента продлевается по заявлению патентообладателя федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Как указывается в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2020 № С01-901/2019 по делу № СИП-744/2018, «цель продления срока действия соответствующего патента заключается в соблюдении интересов патентообладателей, которые до момента получения первого разрешения не могут по объективным причинам в полной мере осуществлять исключительное право на изобретение в части правомочия по использованию изобретения в составе лекарственного средства. Таким образом, для продления исключительного права на изобретение имеет правовое значение только первое разрешение на применение изобретения, то есть первое разрешение на применение продукта, в котором использовано запатентованное изобретение, а не на иные продукты, в которых запатентованное изобретение не использовано» [10].

В заключении отметим, что разработка, клинические испытания и вывод на рынок лекарственных средств требуют привлечения значительных инвестиций. В таких условиях производители заинтересованы в эффективной защите интеллектуальных прав в отношении своих разработок. Объекты, подпадающие под определение «лекарственное средство», имеют различный объем патентной охраны. Наибольший объем охраны позволяет получить использование такой стратегии, как патентование с использованием формулы Маркуша. Однако в доктрине ведется дискуссия относительно целесообразности предоставления патентной охраны таким изобретениям. Специфика патентно-правовой охраны лекарственных средств также проявляется в возможности продления срока действия исключительного права.

Список литературы:

[1] Хонл Том Артём Затраты на разработку инновационного лекарственного препарата // Проблемы учета и финансов. № 2 (10). 2013. С. 52-54.

[2] Лебедева Д.А. Патентование фармацевтических инноваций: опыт Российской Федера-

ции, Соединённых Штатов Америки и Европейского Союза // Здравоохранение РФ. 2021. № 3. С. 269-275.

[3] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. 575 с.

[4] Залесов А.В. Особенности защиты патентных прав в области фармацевтики в России // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века: материалы Международной конференции (14–16 ноября 2019 г.) / под ред. Э.П. Гаврилова, С.В. Бутенко. Томск: Издательский дом Томского государственного университета. 2019. С. 52-65.

[5] Леонидов Н. Б., Михеева Н.В. Особенности патентной защиты химических веществ // Российский химический журнал. 2000. № 5. С. 34-40.

[6] Джермакян В. Ю. «Селективное» изобретение: самостоятельный вид или заимствованное условное обозначение изобретений, создаваемых научным методом селекции? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 13. 2016. С. 77-82.

[7] Игнатов М.Е., Серова М.А. Еще раз о селективных изобретениях // Патентный поверенный. 2020. № 2. С.34-43.

[8] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 марта 2018 по делу № СИП-88/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Михайлов А.В. Миф о мифе, или Рождение селективных изобретений из пены бумажной // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 14. С. 58-70.

[10] Игнатов М.Е., Серова М.А. Еще раз о селективных изобретениях // Патентный поверенный. 2020. № 2. С.34-43.

[11] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 октября 2020 № С01- 901/2019 по делу № СИП-744/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Honl Tom Artyom Costs of developing an innovative drug product // Problems of accounting and finance. № 2 (10). 2013. S. 52-54.

[2] Lebedeva D.A. Patenting pharmaceutical innovations: the experience of the Russian Federation, the United States of America and the European Union // Healthcare of the Russian Federation. 2021. № 3. S. 269-275.

[3] Civil law: textbook: in 4 volumes / rev. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed. reworked. and add. Moscow: Statute, 2019. 575 p.

[4] Zalesov A.V. Features of patent protection in the field of pharmaceuticals in Russia // Intellectual rights: challenges of the 21st century: materials of the International Conference (November 14-16, 2019) / ed. E.P. Gavrilova, S.V. Butenko. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. 2019. S. 52-65.

[5] Leonidov N.B., Mikheeva N.V. Features of patent protection of chemicals // Russian Chemical Journal. 2000. № 5. S. 34-40.

[6] Jermakyan V. Yu. "Selective" invention: an independent type or borrowed symbol of inventions created by the scientific method of selection? // Journal of the Court for Intellectual Rights. № 13. 2016. S. 77-82.

[7] Ignatov M.E., Serova M.A. Once again about selective inventions // Patent attorney. 2020. № 2. S.34-43.

[8] Intellectual Property Rights Court ruling of March 11, 2018 in case No. SIP-88/2018. Access from the ConsultantPlus legal system.

[9] Mikhailov A.V. Myth of myth, or The birth of selective inventions from paper foam // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2016. № 14. S. 58-70.

[10] Ignatov M.E., Serova M.A. Once again about selective inventions // Patent attorney. 2020. № 2. S.34-43.

[11] Decree of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court of October 29, 2020 No. S01-901/2019 in case No. SIP-744/2018. Access from the ConsultantPlus legal system.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-202-207
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЭЛЬМУРЗАЕВ Асолтан Валерьевич,
Соавтор, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
e-mail: elmurzaev.78@mail.ru

ГУНЬКО Елизавета Владимировна,
Научный исследователь, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
e-mail: gunkoliza@list.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ДОПУСТИМОСТЬ И ОЦЕНКА

Аннотация. *В статье рассматривается, как электронные доказательства используются в российском судопроизводстве и какие вопросы возникают при их представлении и оценке. На материале норм гражданского, арбитражного и уголовного процесса анализируются электронные документы, переписка, аудио- и видеозаписи, интернет-публикации и данные цифровых носителей. Особое внимание уделяется установлению источника информации, проверке её целостности, идентификации автора и законности получения. Обосновывается позиция, согласно которой цифровая форма сама по себе не должна вести ни к автоматическому отказу в принятии материала, ни к признанию его достоверным. Сформулированы практические рекомендации по проверке электронных доказательств и возможным направлениям развития процессуального регулирования.*

Ключевые слова: *электронные доказательства, цифровые доказательства, электронный документ, допустимость доказательств, достоверность, электронная подпись, судебное доказывание, цифровая информация.*

Для цитирования: *Эльмурзаев А. В., Гунько Е. В. Электронные доказательства в российском судопроизводстве: правовая природа, допустимость и оценка // Право и управление. 2026. № 10. С. 202–207.*

ELMURZAEV Asoltan Valerievich,
Co-author, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of administrative law and process of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev

GUNKO Elizaveta Vladimirovna,
Scientific researcher, St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev

ELECTRONIC EVIDENCE IN RUSSIAN JUDICIAL PROCEEDINGS: LEGAL NATURE, ADMISSIBILITY AND ASSESSMENT

Annotation. *This article considers the use of electronic evidence in Russian judicial proceedings and the issues that arise when such evidence is submitted and assessed. It examines civil, commercial and criminal procedural rules concerning electronic documents, correspondence, audio and video recordings, online publications and data stored on digital media. Particular attention is paid to identifying the source of information, checking its integrity, determining authorship and establishing whether the data were obtained lawfully. The article argues that the digital format alone should neither justify automatic exclusion nor establish reliability. It offers practical recommendations for verifying electronic evidence and outlines possible ways to improve procedural regulation.*

Key words: *electronic evidence, digital evidence, electronic document, admissibility of evidence, reliability, electronic signature, judicial proof, digital information.*

For citation: *Elmurzaev A. V., Gunko E. V. Electronic evidence in russian judicial proceedings: legal nature, admissibility and assessment. Law and administration. 2026;(10):202–207. (In Russ.).*

Введение

Цифровые технологии изменили не только повседневное общение, но и способы фиксации юридически значимых событий. Сегодня договор можно заключить на онлайн-платформе, деловые вопросы обсудить по электронной почте или в мессенджере, а действия пользователя — отразить в журнале информационной системы. Обстоятельства дела также могут фиксироваться на фото, аудио- и видеозаписях, в метаданных и истории операций. Поэтому в суд всё чаще представляют сведения, которые изначально возникли и сохранились в цифровой среде. Работа с такими материалами требует особого внимания. В отличие от бумажного документа, цифровой файл легко скопировать, а некоторые его свойства — изменить. Метаданные зависят от устройства и программ, с помощью которых файл создан или обработан. Распечатка сообщения либо снимок экрана показывают часть содержания, но не всегда позволяют определить автора, точное время создания, полноту переписки или наличие изменений. Следовательно, важно не только решить, можно ли использовать электронные сведения в качестве доказательства, но и обеспечить возможность проверить их происхождение и надёжность.

Цель исследования — определить особенности правового режима электронных доказательств в российском судопроизводстве и предложить меры, которые помогут повысить достоверность и проверяемость цифровых материалов. Для этого используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ действующих процессуальных норм. Исследование носит преимущественно нормативно-аналитический характер. Поэтому его выводы не следует рассматривать как замену самостоятельному анализу судебных решений по отдельным категориям дел.

1. Понятие и правовая природа электронных доказательств

Российское процессуальное законодательство не содержит единого определения «электронного доказательства», которое одинаково применялось бы во всех видах судопроизводства. При этом цифровые сведения могут использоваться в рамках уже известных процессуальных категорий: письменных и иных документов, вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей. Так, статья 71 ГПК РФ допускает письменные доказательства в форме цифровой или графической записи, в том числе документы, полученные по электронной связи и через Интернет [1]. Сходный подход закреплён в статье 75 АПК РФ [2].

В уголовном процессе статья 74 УПК РФ называет среди видов доказательств вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы [3]. В зависимости от содержания и способа процессуального закрепления цифровые данные могут относиться к разным категориям. Например, файл может рассматриваться как документ, устройство хранения — как вещественное доказательство, а результаты осмотра телефона или компьютера — фиксироваться в протоколе следственного действия. Поэтому юридическая квалификация зависит не только от расширения файла или типа носителя, но и от того, каким образом сведения получены и представлены в дело.

В рамках настоящего исследования электронные доказательства понимаются как сведения о значимых для дела обстоятельствах, которые созданы, переданы, обработаны или сохранены с помощью цифровых технологий и представлены в установленной законом форме, позволяющей проверить содержание, происхождение и целостность этих сведений. В таком рабочем

определении важны три составляющие: сами данные, их существование в цифровой среде и возможность процессуальной проверки. Электронный документ и электронное доказательство — не одно и то же. Электронный документ представляет собой документированную информацию в цифровой форме, которую можно воспринимать с помощью технических средств. Электронное доказательство — более широкое понятие. Значение для дела могут иметь не только документы, но и записи камер наблюдения, переписка, журналы доступа, данные о местоположении, сведения о транзакциях и технические характеристики файлов. В зависимости от ситуации один объект может быть приобщён и исследован как письменное доказательство, иной документ, вещественное доказательство или приложение к протоколу. Отдельный вопрос связан с электронной подписью. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает условия её использования и случаи, когда электронный документ признаётся равнозначным бумажному документу [4]. Подпись может помогать установить подписанта и проверить целостность документа в пределах конкретного вида подписи и применяемой системы. Однако она не подтверждает автоматически истинность всех изложенных в документе фактов. И наоборот, отсутствие квалифицированной электронной подписи не означает, что электронная переписка всегда лишена доказательственного значения: необходимо учитывать закон, характер отношений сторон и другие подтверждающие материалы.

2. Нормативное регулирование электронных доказательств

Правила работы с электронными доказательствами складываются из нескольких групп нормативных актов. Процессуальные кодексы определяют виды доказательств, порядок их представления и исследования. Законодательство об информации и электронной подписи регулирует отдельные вопросы создания, передачи, хранения и подтверждения электронных документов. При этом цифровые материалы не выделены в единую самостоятельную категорию с одинаковым правовым режимом для всех видов судопроизводства. В гражданском процессе статья 55 ГПК РФ определяет доказательства и предусматривает, что сведения, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы [1]. Статья 71 ГПК РФ допускает документы, полученные с помощью электронной связи и Интернета, а также материалы, выполненные способом, позволяющим установить их достоверность. В арбитражном процессе статья 75 АПК РФ прямо упоминает документы и цифровые записи, полученные посредством электронной или иной связи, включая Интернет [2]. Эти положения позволяют представлять электронные материалы, но сторона должна объяснить, какой факт они подтверждают и на чём основано доверие к ним.

Для электронного документооборота в судах важно постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57, посвящённое применению законодательства об электронных документах в судах общей юрисдикции и арбитражных судах [5]. Разъяснения касаются требований к электронным документам и порядка их подачи. Вместе с тем техническая возможность отправить файл через судебную информационную систему не решает вопрос о его доказательственном значении. Относимость, допустимость и достоверность материала оцениваются отдельно.

В уголовном судопроизводстве особое значение имеют нормы УПК РФ о собирании, проверке и оценке доказательств, а также правила проведения следственных действий и оформления их результатов [3]. При работе с цифровыми устройствами важно зафиксировать, где и при каких обстоятельствах обнаружен объект, как его осматривали и копировали, а также какие меры приняли для сохранения исходных данных. Это позволяет впоследствии проверить действия уполномоченных лиц. Если получение информации затрагивает тайну переписки, частную жизнь или иные охраняемые законом интересы, необходимо установить наличие законного основания и соблюдение предусмотренной процедуры. Общие правила дополняет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6]. Он регулирует отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации, а также использованием информационных технологий. Эти акты образуют правовую основу для работы с цифровыми данными, но не дают готового ответа на каждый вопрос, возникающий при исследовании изменяемой или технически сложной информации.

3. Основные виды электронных доказательств и особенности их представления

На практике встречаются разные виды электронных доказательств. К ним относятся договоры и первичные документы в электронной форме, электронные письма и переписка в мессенджерах, публикации в социальных сетях, аудио- и видеозаписи, фотографии, сведения из баз данных и информационных систем, журналы событий и доступа, а также данные с телефонов, компьютеров и других цифровых носителей. Этот перечень открыт: способы создания и фиксации информации продолжают меняться вместе с технологиями. Переписка по электронной почте или в мессенджере может подтвердить ход переговоров, согласование условий сделки, направление

уведомления или признание определённых обстоятельств. Однако для её оценки важно выяснить, кому принадлежит адрес или аккаунт, когда отправлены сообщения, сохранён ли разговор целиком и нет ли существенных пропусков. Скриншот помогает показать, как переписка выглядела на экране, но при споре о подлинности лучше сохранить исходные сообщения, данные учётной записи и сведения об экспорте переписки. Если это возможно и необходимо, полезно получить подтверждение от оператора или соответствующего сервиса.

Информация на сайтах и в социальных сетях может быть изменена или удалена в короткий срок. При фиксации такой страницы желательно сохранять не только снимок экрана, но и адрес страницы, дату и время доступа, доступную электронную копию или исходный файл, а также описание способа фиксации. В зависимости от обстоятельств можно обратиться к нотариусу для обеспечения доказательств. Такая фиксация подтверждает, какое содержание было зафиксировано в определённый момент, но сама по себе не устанавливает истинность публикации и не всегда позволяет определить её фактического автора.

При исследовании аудио- и видеозаписей необходимо учитывать, сохранился ли файл целиком, при каких условиях велась запись, есть ли признаки монтажа, можно ли определить участников и соответствует ли запись обстоятельствам, на которые ссылается сторона. Значение могут иметь сведения об устройстве, времени создания и способе передачи файла. При обоснованных технических сомнениях допустимо поставить вопрос об экспертизе. Однако экспертное заключение не заменяет судебную оценку: специалист исследует вопросы в пределах своих знаний, а доказательственное значение материала определяет суд. В цифровых носителях и информационных системах могут храниться не только видимые пользователю документы, но и метаданные, история операций, системные журналы и другие технические сведения. Их смысл нельзя оценить без учёта условий формирования данных. Например, могут иметь значение часовой пояс, точность системного времени, правила ведения журналов, срок хранения информации и возможность её изменения администратором. Если файл извлечён из системы, но способ извлечения не описан, проверить происхождение и неизменность данных бывает сложнее.

4. Критерии допустимости и достоверности электронных доказательств

При оценке электронных доказательств важно не смешивать четыре критерия. Относимость показывает, связан ли материал с обстоятельствами, которые нужно установить по делу. Допустимость касается соблюдения установленных законом требований к доказательствам и способу их получения. Достоверность означает, насколько надёжны источник и содержащиеся в материале сведения. Достаточность оценивается по совокупности доказательств, позволяющей сделать обоснованный вывод. Сам по себе цифровой формат не отменяет ни одного из этих требований.

Одна из главных практических задач — аутентификация, то есть проверка того, что представленный объект действительно является тем материалом, за который его выдаёт сторона. Для этого могут иметь значение источник файла, история его хранения и передачи, наличие исходной версии, сведения об устройстве и программной среде, метаданные, электронная подпись, сопроводительные документы и согласованность с другими доказательствами. Чем проще изменить материал так, чтобы изменения не были заметны, тем важнее независимые способы проверки.

Не стоит автоматически считать электронный оригинал и его распечатку равнозначными во всех отношениях. Бумажная копия может точно передавать видимое содержание, но обычно не сохраняет все технические свойства исходного файла. Скриншот может показать, что определённое изображение отображалось на экране в момент фиксации, однако сам по себе не всегда доказывает, кто разместил информацию, как долго она была доступна и менялось ли её содержание. В то же время отвергать скриншот только из-за его формы тоже неправильно: его значение нужно определять с учётом остальных материалов дела. Проверить неизменность файла помогает криптографическая хеш-сумма. Её вычисляют при получении файла, а затем при необходимости сравнивают с контрольным значением. Совпадение хеш-сумм означает, что сравниваемые файлы побитово совпадают. Но это не доказывает истинность их содержания и не устанавливает автора. Чтобы результат можно было проверить, следует указать использованный алгоритм, дату вычисления, программное средство и лицо, проводившее процедуру.

Для проверки цифровых материалов полезно также документировать всю историю обращения с ними: кто обнаружил данные, на каком устройстве, каким способом была создана копия, кто имел доступ к исходному файлу и где хранились экземпляры. В уголовном процессе такая фиксация помогает проверить законность получения информации и сохранность объекта. В гражданском и арбитражном процессе она также полезна: сторона сможет объяснить происхождение представленного материала и при необходимости показать исходный файл.

Если другая сторона оспаривает подлинность цифрового материала, суду важно разо-

браться в сути возражений. Следует учитывать, насколько конкретно они сформулированы, можно ли представить исходный объект, нужно ли запросить данные у третьего лица, осмотреть устройство или назначить экспертизу. Выбранные меры должны соответствовать спорному вопросу. Не каждый файл требует экспертного исследования, но технически значимые сомнения нельзя оставлять без внимания только потому, что материал выглядит убедительно.

5. Проблемы правоприменения и возможные направления совершенствования регулирования

Первая сложность связана с терминологией и процессуальной квалификацией цифровых материалов. Сходные по своей технической природе сведения в зависимости от обстоятельств могут рассматриваться как электронный документ, иной документ, письменное или вещественное доказательство. Само по себе такое различие не обязательно означает недостаток закона: квалификация зависит от содержания объекта и способа его процессуального закрепления. Однако отсутствие общих ориентиров может затруднять единообразное применение правил и делать результат менее предсказуемым для участников процесса.

Вторая проблема — риск оценивать доказательство по внешнему виду, а не по его происхождению и проверяемости. Аккуратно оформленный скриншот может содержать недостоверные сведения, тогда как технически непривычный файл способен сохранять важную информацию. Поэтому при оценке следует выяснять, откуда получены данные, как они фиксировались, можно ли проверить их независимо и согласуются ли они с другими доказательствами.

Третья задача — найти баланс между эффективным доказыванием и защитой прав человека. Переписка, сведения об аккаунтах, геолокация и другие цифровые следы могут затрагивать частную жизнь, тайну сообщений, персональные данные или коммерческую тайну. Даже если информация полезна для дела, это не отменяет требований к законности её получения. Решая вопрос о приобщении материала, необходимо учитывать процессуальные нормы и специальные ограничения, относящиеся к конкретному способу сбора данных.

Четвёртая проблема возникает из-за неравного доступа к цифровой информации. Исходные данные могут находиться у владельца платформы, оператора информационной системы или другой стороны спора. Самостоятельно получить их участник процесса часто не может. В таких случаях важно своевременно использовать предусмотренные законом механизмы истребования доказательств. При дальнейшем развитии регулирования стоит учитывать и риск автоматического удаления данных, и необходимость ограничить раскрытие информации, не относящейся к делу.

Целесообразно подготовить общие методические рекомендации по представлению электронных материалов. В них можно предусмотреть перечень сведений, которые обычно помогают проверить файл: источник и способ получения; дата и время фиксации, а при необходимости — часовой пояс; имя и формат файла; сведения об устройстве или системе, если они известны; порядок копирования и хранения; контрольная сумма, если она вычислялась; информация о монтаже, преобразовании или конвертации; объяснение того, какой факт подтверждает материал. Эти рекомендации не должны превращаться в жёсткий набор формальностей для каждого случая: объём сведений следует соотносить с характером доказательства и обстоятельствами дела.

Дополнительно можно уточнить процессуальные подходы к электронным оригиналам, копиям и метаданным. При этом чрезмерно строгие технические требования способны создать препятствия для людей, которые не располагают специальными знаниями и ресурсами. Более сбалансированным решением представляется сочетание общих правовых гарантий, понятных методических рекомендаций и возможности привлекать специалиста тогда, когда без специальных знаний спорный вопрос не разрешить.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ нормативных положений позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, электронные доказательства не существуют отдельно от общей системы средств доказывания как полностью самостоятельная категория. Их процессуальный статус определяется применимым кодексом, содержанием информации и способом её закрепления. Во-вторых, действующее законодательство допускает использование цифровых материалов, однако сама возможность представить файл в суд ещё не подтверждает его происхождение, целостность или достоверность.

В-третьих, необходимо различать подлинность цифрового объекта и правдивость содержащихся в нём сведений. Подлинный файл может содержать ошибку; неизменность сообщения не доказывает, кто именно его отправил; электронная подпись не делает изложенные факты бесспорными. В-четвёртых, надёжность материала повышается, если сохранён исходный файл, описан способ его получения, зафиксированы значимые метаданные и проведено сопоставление с независимыми источниками.

Практические предложения направлены не на то, чтобы устанавливать сложные технические требования для каждого электронного материала. Их задача — обеспечить разумную возмож-

ность проверки. Конкретный объём необходимых действий должен зависеть от вида данных, значения спорного обстоятельства, характера возражений и вероятности того, что информация могла измениться.

Заключение

Электронные материалы стали обычной частью современного судопроизводства. Российское законодательство позволяет использовать цифровые документы и другие электронные сведения, однако единого определения электронного доказательства и полностью унифицированного порядка работы с ним пока нет. Поэтому при решении соответствующих вопросов необходимо совместно учитывать нормы процессуальных кодексов, законодательства об информации и правила об электронной подписи. Наиболее сложные вопросы связаны с установлением источника данных и их автора, проверкой целостности файла, сохранением контекста и законностью получения информации. Ни цифровой формат, ни распечатка, ни скриншот не должны заранее определять результат оценки. Важны соблюдение процессуальных требований, возможность проверить сведения, надёжность источника и связь материала с другими доказательствами.

Качество доказывания можно повысить, если фиксировать обстоятельства получения цифровых материалов, по возможности сохранять исходные файлы и метаданные, применять контрольные суммы и обращаться к специалистам при наличии существенных технических сомнений. Дальнейшее развитие регулирования должно обеспечивать гибкость по отношению к технологиям, соблюдать процессуальные гарантии и права личности и одновременно не создавать неоправданных формальных барьеров.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции). Ст. 55, 71.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в действующей редакции). Ст. 64, 75.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в действующей редакции). Ст. 74, 81, 84, 87–88.

[4] Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции).

[5] О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57.

[6] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в действующей редакции).

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей редакции). Ст. 160, 434.

[8] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом действующих поправок). Ст. 23, 24, 45, 46.

References:

[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended). Art. 55, 71.

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended). Art. 64, 75.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended). Art. 74, 81, 84, 87–88.

[4] On electronic signature: Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011 (as amended).

[5] On some issues of application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 57.

[6] Information, Information Technology and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of 27 July 2006 (as amended).

[7] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended). Art. 160, 434.

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the current amendments). Art. 23, 24, 45, 46.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-208-212
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТОКАРЕВА Елена Валерьевна,
кандидат юридических наук, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
e-mail: ele12327@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ В СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. *Статья посвящена процессуальному и криминалистическому значению сравнительных образцов в судебно-почерковедческой экспертизе. Рассматривается место экспертного заключения в системе доказательств, раскрывается специфика образцов как самостоятельного инструмента экспертного познания. Особое внимание уделяется требованиям к их достоверности, достаточности, репрезентативности и сопоставимости. Анализируются виды сравнительных материалов: свободные, условно-свободные, экспериментальные и специально-экспериментальные образцы. Подчеркивается проблемность разграничения свободных и условно-свободных образцов, а также ограниченность формального временного критерия при их оценке. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к сбору, отбору и проверке образцов, поскольку именно их качество определяет надежность экспертного заключения и доказательственную ценность результатов судебного исследования в уголовном процессе.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, почерковедческая экспертиза, сравнительные образцы, свободные образцы, условно-свободные образцы, экспериментальные образцы, специально-экспериментальные образцы, доказательства, доказывание, экспертное заключение, почерк, подпись, идентификация, диагностические задачи, достоверность, репрезентативность, сопоставимость, процессуальная проверка, уголовное дело, криминалистика.*

Для цитирования: *Токарева Е. В. Процессуальное и методическое значение сравнительных образцов в судебно-почерковедческой экспертизе // Право и управление. 2026. № 10. С. 208–212.*

TOKAREVA Elena Valeryevna,
V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

THE PROCEDURAL AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF COMPARATIVE SAMPLES IN FORENSIC HANDWRITING EXAMINATION

Annotation. *The article is devoted to the procedural and forensic significance of comparative samples in handwriting examination. The place of the expert opinion in the system of evidence is considered, and the specificity of the samples as an independent tool of expert knowledge is revealed. Special attention is paid to the requirements for their reliability, adequacy, representativeness, and comparability. The types of comparative materials are analysed: free, условно free, experimental, and specially experimental samples. The difficulty of distinguishing between free and conditionally free samples is emphasized, as is the limitation of the formal time criterion in their assessment. The conclusion is drawn that a comprehensive approach to the collection, selection, and verification of samples is necessary, since it is their quality that determines the reliability of the expert opinion and the evidentiary value of the results of forensic examination in criminal proceedings.*

Key words: *forensic examination, handwriting expertise, comparative samples, free samples, conditionally free samples, experimental samples, specially experimental samples, evidence, proof, expert opinion, handwriting, signature, identification, diagnostic tasks, reliability, representativeness, comparability, procedural verification, criminal case, criminalistics.*

For citation: *Tokareva E. V. The procedural and methodological significance of comparative samples in forensic handwriting examination. Law and administration. 2026;(10):208–212. (In Russ.).*

Правосудие в гражданском, уголовном и арбитражном процессе строится на фундаменте доказательств. Процесс доказывания — это не просто сбор и оценка фактов, а строго регламентированная деятельность, направленная на установление объективной истины. Ключевая задача этого процесса — отделить субъективные мнения и предположения сторон от объективно подтвержденных обстоятельств дела. Именно неукоснительное соблюдение процессуальных норм придает итоговым судебным решениям законную силу, превращая разрозненные аргументы в единую, обоснованную систему.

В современной судебной и следственной практике заключение эксперта занимает центральное место в доказательственной базе. Его значимость определяется тремя ключевыми факторами:

Применение специальных знаний: Эксперт использует научные, технические или иные узкоспециализированные познания, недоступные другим участникам процесса.

Особый процессуальный статус: Эксперт является независимым участником, несущим ответственность за достоверность своих выводов.

Научная методология: Исследования проводятся с использованием проверенных и валидированных методик, что обеспечивает объективность результатов [3].

Благодаря этим особенностям экспертное заключение становится мощным инструментом для установления фактов, требующих глубокого анализа.

Среди множества видов экспертиз почерковедческая традиционно считается одной из самых сложных и часто оспариваемых. Для того чтобы эксперт мог решить идентификационные (установить исполнителя рукописи) или диагностические (определить условия написания) задачи, ему необходимы материалы для сравнения. Качество и достаточность этих сравнительных образцов напрямую влияют на надежность и категоричность выводов эксперта. Таким образом, вопрос правильного сбора и оформления образцов приобретает не только методическое, но и ключевое процессуальное значение.

Процессуальное законодательство отводит сравнительным образцам особое место, не отождествляя их с вещественными доказательствами. Фундаментальное различие состоит в опосредованном характере их связи с исследуемым событием. В то время как вещественное доказательство является непосредственным носителем следов преступления, образцы выполняют вспомогательную функцию. Их основная задача — установить связь между объектами, фигурирующими в деле, и событием правонарушения. По своей методологической сути, экспертный анализ в этом случае является экстраполяцией: специалист сопоставляет исследуемый объект с эталонными образцами, после чего переносит выявленные закономерности и свойства из одной системы в другую.

Именно этот механизм переноса характеристик позволяет эксперту формулировать научно обоснованные выводы о тождестве, групповой принадлежности или источнике происхождения объекта. На практике данный процесс реализуется через последовательное сравнение общих и частных признаков. Например, при анализе рукописного текста, следов на пулях или ДНК-профилей, полученный образец служит эталоном, с которым сверяются параметры спорных объектов, изъятых с места происшествия.

Однако корректность такого переноса данных напрямую зависит от соблюдения процессуальных и методических требований к получению образцов. Ключевыми условиями здесь выступают их несомненная достоверность, достаточность и сопоставимость для проведения анализа и сопоставимость с исследуемыми объектами. Если хотя бы одно из этих условий нарушается, цепь логических построений эксперта может дать сбой, что неизбежно приведёт к ошибочным выводам и, как следствие, к искажению результатов доказывания по делу. Таким образом, процессуальная обособленность образцов не умаляет их значимости, а напротив, подчеркивает их статус фундаментального инструмента познания в судебной экспертизе.

Как справедливо отмечается в методических рекомендациях по назначению и производству судебно-почерковедческих экспертиз, отсутствие надлежащих образцов почерка или подписи делает невозможным получение обоснованного экспертного вывода, независимо от квалификации эксперта и совершенства применяемых методик [4, с. 511]. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что суды и лица, участвующие в деле, нередко не уделяют должного внимания сбору сравнительных материалов [1, с.46].

В соответствии с методическими требованиями образцы должны отвечать критериям несомненности происхождения, репрезентативности и сопоставимости [1, с. 500-501]. Обязательства по обеспечению достоверности и надлежащего качества сравнительного материала лежат исключительно на инициаторе экспертизы. Эксперт

не осуществляет верификацию исходных данных на предмет их аутентичности, если это не входит в рамки поставленных перед ним задач. Таким образом, качество экспертного заключения напрямую коррелирует с качеством предоставленной доказательной базы, а ответственность за возможные погрешности, вызванные дефектами исходных материалов, возлагается на лицо, предоставившее данные объекты для исследования.

Процессуальное обеспечение судебно-почерковедческой экспертизы предполагает обязательное предоставление эксперту как исследуемых документов, так и репрезентативных образцов почерка и подписи проверяемых лиц. В криминалистической методике сравнительные материалы дифференцируются по времени и условиям их выполнения на следующие категории:

Свободные образцы: рукописные тексты и подписи, выполненные проверяемым лицом до совершения преступления и не в связи с ним. Данный вид материалов обладает высокой степенью достоверности, так как при их выполнении лицо проверяемое лицо не могло предполагать об использовании выполняемых документов для производства исследования.

Межгосударственный стандарт «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения [2, с. 8] определяет свободные образцы, как «рукописи, выполненные предполагаемым исполнителем исследуемого объекта до возникновения дела, по которому назначена экспертиза, вне связи с ним. когда исполнитель не предполагал, что они будут использованы в качестве сравнительных материалов для производства почерковедческой экспертизы, аналогичного подхода придерживаются и авторы некоторых учебников [5, с. 70]. Таким образов авторы указывают три критерия отнесения образцов к категории свободных:

Выполнение документа до возбуждение уголовного дела;

Документы никаким образом не должны быть связаны с расследуемым событием, на наш взгляд авторы здесь хотели исключить из категории образцов, документы, которые в последствии могут приобрести статус вещественных доказательств - исследуемых объектов;

Отсутствие предположения у лица о возможности их использования в качестве образцов, т.е. априорное выполнение указных документов неизмененным способом.

Если установление отсутствие связи документов, содержащих образцы почерка (подписи) проверяемого лица, с расследуемым событием не вызывает у следствия затруднений, то определения соответствия представленных документов остальным критериям является затруднительным.

В криминалистической практике получение образцов для сравнительного исследования — процедура, на первый взгляд, техническая и рутинная. Однако за ней скрывается серьезная психологическая и процессуальная сложность: как определить, понимает ли человек, что именно у него изымают и для чего это будет использовано в дальнейшем?

На практике установить, осознает ли лицо возможность использования изымаемых материалов в качестве доказательств его причастности к преступлению, крайне затруднительно. И дело здесь не только в несовершенстве методик, сколько в глубокой зависимости этого процесса от субъективных факторов.

Во-первых, ключевую роль играют интеллектуальные особенности проверяемого. Уровень правовой грамотности, аналитические способности и общая эрудиция напрямую влияют на то, как человек воспринимает следственное действие. Лицо с высоким уровнем интеллекта или юридическим бэкграундом мгновенно считывает контекст: оно понимает, что любые заполненные документы (а для предоставления наиболее сопоставимых документов изымают как правило наиболее близкие по дате к расследуемому событию) являются базой для последующей экспертизы. В то же время человек с иным складом ума может искренне не видеть связи между процедурой и будущим обвинением.

Во-вторых, решающим фактором становится степень подготовки к совершаемому деянию. Если преступление было спланировано заранее, субъект, как правило, уже выстроил линию защиты. Он «включен» в ситуацию, находится в состоянии повышенной бдительности и заранее просчитывает возможные шаги следствия. В таких случаях лицо может намеренно искажать почерк, при заполнении документов. Напротив, если деяние было спонтанным, человек не успевает осознать значимость документов, которые потом могут быть использованы.

Наконец, нельзя игнорировать и другие критерии: психологическое состояние в момент совершения деяния и при подгтовки к нему, уровень стресса, наличие защитника, который может (или не может) разъяснить последствия и т. д.

Попытка следователя «заглянуть в голову» проверяемому и оценить его осведомленность — это всегда работа с вероятностями, а не с фактами. Мы сталкиваемся с парадоксом: чем более подготовлен и «опасен» субъект, тем сложнее объективно оценить изменяемость почерка при выполнении им документов.

Но исходя из опросов следователей, ключевой критерий для отнесения образцов к категории «Свободных», он видят во временном факторе, а именно, что документ со свободными образцами должен быть выполнен до возбуждения

уголовного дела. И фактически воспринимают остальные факторы в качестве сопутствующих (производных). На наш взгляд данный поход не совсем верен. Как известно, стадии возбуждения уголовного дела предшествует этап проведения процессуальной проверки, сроком до 30 суток. Выполняя свободные документы на этапе проверки, лицо может предполагать о возможности их использования в качестве образцов и вносить умышленные изменения в почерковый объект.

Использование в качестве «точки отсчета» даты совершения преступления также, является на наш взгляд более корректным, так как между совершаемым противоправным деянием и возбуждением уголовного дела, отбором образцов может быть достаточно длительный временной интервал.

Второй вид образцов - это условно-свободные: документы, составленные после начала уголовного преследования, однако не имеющие целевой направленности на проведение экспертизы. Как правило, к ним относят протоколы допроса, выемки, обыска и т.д. Хотя исходя из определения это могут быть и документы иного назначения, не связанные с уголовным делом, но выполненные после возбуждения дела. Вместе с тем, исходя из определения указанных образцов к таким документам могут относиться и любые, не связанные с делом документы (договоры, расписки, письма, заявления), выполненные до возбуждения дела.

Экспериментальные образцы: материалы, полученные в ходе процессуальных действий - отбора образцов непосредственно после вынесения постановления, для предоставления их в качестве образов при назначении экспертизы.

Специально-экспериментальные образцы: разновидность экспериментальных материалов, выполнение которых осуществляется в условиях, максимально приближенных к обстоятельствам создания спорного документа (например, использование аналогичных пишущих приборов, бумаги, позы пишущего или темпа письма).

Согласно действующим методическим рекомендациям, для обеспечения полноты и объективности экспертного исследования необходимо предоставление всей совокупности указанных видов образцов. Комплексное использование различных типов сравнительных материалов позволяет эксперту минимизировать влияние вариационности почерка и выявить устойчивые идентификационные признаки. При этом критически важным является соблюдение принципа сопоставимости: образцы должны быть выполнены на языке исследуемого документа, с использованием аналогичных графических средств и, по возможности, в сопоставимый временной период. Отсутствие одного из видов образцов, особенно свободных, может существенно ограничить возможности эксперта в оценке динамической устойчивости почеркового навыка, что в ряде случаев приводит к невозможности формулирования категорического вывода. Таким образом, качество и объем предоставленных материалов напрямую коррелируют с доказательственным значением экспертного заключения в рамках судебного разбирательства.

Согласно методике производства почерковедческой экспертизы именно эксперт проверяет соответствие представленных образцов указанным требованиям. Такая проверка осуществляется путем предварительного сопоставления всех представленных материалов между собой по общим и частным признакам. По сути, данный этап представляет собой самостоятельное почерковедческое исследование, без которого невозможно обеспечить полноту и всесторонность экспертного анализа. Как указано в межгосударственном стандарте по почерковедческой экспертизе именно эксперт проверяет достоверность сравнительных материалов путем сравнения представленных образцов между собой[2, 6].

В завершение следует подчеркнуть, что сравнительные образцы в судебно-почерковедческой экспертизе представляют собой не вспомогательный технический материал, а один из ключевых элементов всей доказательственной конструкции. От их качества, происхождения, достаточности и сопоставимости напрямую зависит не только возможность проведения экспертного исследования, но и достоверность итоговых выводов эксперта.

Проведенный анализ показывает, что наибольшую практическую и теоретическую сложность вызывает именно разграничение видов образцов, прежде всего свободных и условно-свободных, а также установление критериев их допустимости. Формальный подход, при котором основное значение придается лишь моменту составления документа относительно даты возбуждения уголовного дела, не всегда отражает реальную ситуацию. Сам по себе временной критерий не гарантирует, что лицо не осознавало возможного использования выполненного им текста или подписи в дальнейшем в качестве сравнительного материала. Напротив, уже на стадии процессуальной проверки либо при наличии у лица представления о возможных следственных действиях почерк может сознательно изменяться. оценка сравнительных образцов не может строиться исключительно на формальных процессуальных признаках. Таким образом, эффективность судебно-почерковедческой экспертизы обеспечивается только при комплексном подходе к собиранию, отбору и оценке сравнительного материала. Чем точнее соблюдены требования

достоверности, репрезентативности и сопоставимости образцов, тем выше доказательственная ценность экспертного заключения. Следовательно, совершенствование практики отбора образцов должно рассматриваться как необходимое условие повышения качества доказывания в целом и укрепления обоснованности процессуальных решений.

Список литературы:

[1] Бодров Н.Ф. Проблемы обеспечения полноты и достоверности образцов для судебной почерковедческой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 46–50.

[2] ГОСТ 34938–2023. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения. — Введ. 2024-01-01. — М.: Стандартинформ, 2023. — 12 с.

[3] Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М., 2007.

[4] Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методические основы / Под науч. ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006.

[5] Подволоцкий, Н. И. Судебное почерковедение : учебник / Н. И. Подволоцкий. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 320 с.

[6] Почерковедние и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В. В. Серегина. -Волгоград: ВА МВД России, 2007. - 340с.

References:

[1] Bodrov N.F. Problems of ensuring the completeness and reliability of samples for forensic handwriting examination // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 10. S. 46-50.

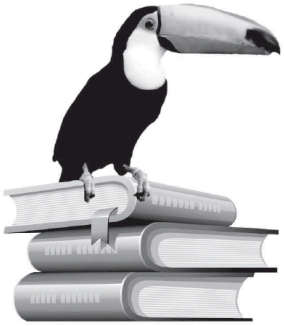
[2] GOST 34938-2023. Forensic handwriting examination. Terms and definitions. - Anavar. 2024-01-01. - M.: Standartinform, 2023. - 12 s.

[3] Forensics: Information Technologies of Proof: Textbook for Universities / Ed. V.Ya. Koldin. M., 2007.

[4] Forensic handwriting examination. General part: theoretical and methodological foundations / Under scientific. ed. V.F. Orlova. 2nd ed., Revised and add. M.: Nauka, 2006.

[5] Podvolotsky, N.I. Judicial handwriting: textbook / N.I. Podvolotsky. - Moscow: Yurlitinform, 2023. - 320 s.

[6] Handwriting and handwriting examination: textbook / ed. V.V. Seregin. - Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. - 340s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.0202 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-213-217
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ДМИТРИОГЛО Артем Ильич,
аспирант Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета,
e-mail: admitrioglo@mail.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СВО В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы правоприменения при подтверждении юридически значимых фактов для предоставления мер социальной поддержки участникам СВО. На основе анализа материалов судебной практики выявляется конфликт между формальными требованиями ведомственного учета и объективной невозможностью оформления первичной документации в условиях боевых действий. Обосновывается необходимость закрепления в ГПК РФ и КАС РФ опровержимой процессуальной презумпции достоверности косвенных доказательств ранения или гибели, а также законодательной фикции приравнивания подачи иска к ходатайству об истребовании судом необходимых доказательств, что позволит устранить фактическое неравенство участников СВО в судебном процессе и повысить гарантию реальной защиты их прав.*

Ключевые слова: *специальная военная операция, участники СВО, ветераны боевых действий, бремя доказывания, косвенные доказательства, судебная защита прав.*

Для цитирования: *Дмитриогло А. И. Об отдельных аспектах трансформации института доказывания по делам о защите прав участников СВО в гражданском и административном судопроизводстве // Право и управление. 2026. № 10. С. 213–217.*

DMITRIOGLO Artem Ilyich,
Postgraduate Student Postgraduate student at the Institute of Legal Studies, Russian State University for the Humanities

ON CERTAIN ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF THE EVIDENTIARY PROCESS IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE LITIGATION CONCERNING THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF SPECIAL MILITARY OPERATION PARTICIPANTS

Annotation. *This article analyzes challenges in the application of the law regarding the substantiation of legally significant facts required for granting social support measures to participants in the Special Military Operation (SMO). An examination of judicial practice reveals a conflict between the formal requirements for departmental record-keeping and the objective impossibility of generating primary documentation under combat conditions. The author argues for the incorporation into the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation of a rebuttable procedural presumption regarding the reliability of indirect evidence of injury or death. Furthermore, it is proposed to establish a legal fiction whereby the filing of a lawsuit is deemed equivalent to a formal motion requesting the court to obtain necessary evidence. Such measures would help eliminate the de facto inequality faced by SMO participants in judicial proceedings and strengthen the guarantees for the effective protection of their rights.*

Key words: *special military operation, SMO participants, combat veterans, burden of proof, indirect evidence, judicial protection of the rights of SMO participants.*

For citation: *Dmitrioglo A. I. On certain aspects of the transformation of the evidentiary process in civil and administrative litigation concerning the protection of the rights of special military operation participants. Law and administration. 2026;(10):213–217. (In Russ.).*

Подзаконное нормативное регулирование порядка подтверждения юридически значимых фактов, необходимых для предоставления мер социальной поддержки участникам специальной военной операции (далее – СВО), характеризуется высокой степенью формализации. Так, действующий административный порядок, установленный Постановлением Правительства РФ от 09.10.2024 № 1354 [8], а также ведомственными инструкциями Министерства обороны РФ [9], реализуется на основании исчерпывающего перечня документов, включающего выписки из приказов командиров воинских частей о зачислении в списки личного состава, записи в журналах учета боевых действий и справки военно-врачебных комиссий установленной формы. При этом анализ судебной практики по спорам о присвоении участникам СВО статуса ветерана боевых действий и назначении социальных выплат показывает, что суды формализуют требования ведомственных актов, перенося их в предмет доказывания. В результате, например, отсутствие в материалах дела штабной или медицинской документации расценивается судами как самостоятельное и достаточное основание для отказа в удовлетворении иска, даже при наличии косвенных доказательств участия в боевых действиях. Вместе с тем подобный подход игнорирует объективные трудности: в условиях боевой обстановки оформление первичной медицинской документации о полученных ранениях, контузиях и др. зачастую физически невозможно [4].

Так, кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 07.12.2023 № 223-КАД23-5-К10 [10] отражает проблему противоречия между формальным ведомственным учетом и реальным обеспечением права военнослужащего на единовременную выплату, предусмотренную Указом Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 98 [11]. В ходе участия в СВО истец получил телесное повреждение — закрытую травму ноги. Повреждение возникло при спрыгивании с трансмиссии танка в момент обстрела. Приказом командира части был установлен факт получения травмы истцом в период прохождения службы в ходе СВО при исполнении обязанностей военной службы. На основании данного приказа истцу выдана справка о травме для оформления страховой выплаты. Однако командованием в ноябре 2022 г. было отказано в оформлении документов на выплату со ссылкой на отсутствие фиксации травмы в списках санитарных потерь.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска. В дальнейшем апелляционная и кассационная инстанции оставили данное решение без изменения. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся акты и удовлетворила иск, признав отказ незаконным, обязав командира повторно рассмотреть вопрос о выплате, отметив, что нижестоящие суды нарушили нормы материального права: травма находится в причинно-следственной связи с обстрелом в зоне СВО; справка о ранении, выданная в установленном порядке, подтверждает право на выплату; отсутствие записи в списках санитарных потерь не является законным основанием для отказа [12].

Релевантным примером являются материалы решения Рязанского гарнизонного военного суда от 12 июля 2023 г. по делу № 2А-57/2023 [13]. Истец принимал участие в СВО и при выполнении обязанностей рядом с ним взорвался снаряд противника, он получил контузию. От эвакуации истец отказался ради выполнения боевой задачи; первичные медицинские документы не оформлялись. В указанной связи истец неоднократно освидетельствовался военно-врачебной комиссией и признавался временно не годным (категория «Г»). Было проведено служебное разбирательство, подтвердившее нахождение истца в зоне СВО и получение травмы; рекомендовано выдать справку о травме. Однако командир отказал, ссылаясь на отсутствие первичных документов и записи в журнале боевых действий. Суд удовлетворил административный иск: признал действия командира незаконными, обязал выдать справку о травме [14].

Таким образом, сложившаяся судебная практика свидетельствует о риске умаления прав участников СВО. Несмотря на формирование положительной тенденции к отмене формальных судебных актов вышестоящими судами, ситуацию, при которой защитники Отечества вынуждены проходить все судебные инстанции для реализации права на социальную поддержку, нельзя признать правильной.

Отдельного внимания заслуживают дела особого производства, связанные с установлением фактов гибели участников СВО. В условиях интенсивных боевых действий стандартная процедура выдачи медицинского свидетельства о смерти зачастую невозможна, так как тело погибшего не может быть немедленно эвакуировано или идентифицировано.

В качестве иллюстрации можно привести

решение Буйнакского районного суда по заявлению об установлении факта смерти ефрейтора Р. Рассматривая дело, суд признал достаточными доказательствами совокупность сведений об объективной боевой обстановке, показания сослуживцев и официальные документы командования о ходе боестолкновения, даже при физическом отсутствии тела погибшего.

Преодоление проанализированных проблем требует пересмотра подходов, выработанных в судебной практике, и обращения к фундаментальным положениям науки процессуального права, касающимся сущности и распределения бремени судебного доказывания.

Классическая доктрина отечественного процессуального права, сформированная в трудах Е. В. Васьковского, А. Х. Гольмстена, а в советский и современный периоды развитая М. К. Треушниковым, К. И. Комиссаровым и Д. М. Чечотом, базируется на римском принципе ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat – бремя доказывания лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает [2, 3, 5, 6]. Данный подход закреплен в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ и ч. 1 ст. 62 КАС РФ, которые устанавливают: каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается. Однако в мирное время этот механизм работает в условиях равенства сторон: и истец, и ответчик имеют одинаковые возможности по сбору и представлению доказательств. Участие же гражданина в специальной военной операции нарушает этот баланс. Военнослужащий, находящийся в зоне боевых действий, физически лишен доступа к штабной документации и возможности лично собирать доказательства, в то время как требования к нему со стороны суда остаются прежними.

Ситуация усугубляется объективной невозможностью соблюдения стандартных процессуальных действий: участникам СВО затруднительно получать судебную корреспонденцию, подавать ходатайства через систему «Электронное правосудие» или взаимодействовать с адвокатом. Нахождение на линии боевого соприкосновения или на излечении в госпиталях исключает контроль за ведением первичной медицинской и штабной документации. В результате гражданин, рискующий жизнью, оказывается в судебном споре в заведомо неравном положении по сравнению с другой стороной спора.

Эффективным инструментом сглаживания такого фактического неравенства традиционно выступают процессуальные презумпции. Как обоснованно отмечается в доктрине, в условиях отсутствия или утери штабных архивов судебная доктрина обязана выработать компенсаторный правовой режим, освобождающий уязвимую сторону от неопределенности [1, 7].

В этой связи предлагается нормативно закрепить в процессуальном законодательстве (ГПК РФ и КАС РФ) опровержимую процессуальную презумпцию достоверности сведений о получении ранения и выполнении боевых задач, подтвержденных совокупностью косвенных доказательств. Конструкция такой презумпции предполагает не автоматическое удовлетворение любого иска (что нарушило бы принцип правовой определенности), а перераспределение бремени доказывания:

Бремя первичного доказывания истца: при объективной невозможности предоставления первичной ведомственной документации (выписанной в зоне боев справки о травме, записи в журнале боевых действий) истец обязан представить суду доступный ему комплекс косвенных доказательств. К таковым могут относиться выписные эпикризы последующих гражданских или военно-медицинских учреждений, заключения экспертов, данные о награждении государственными наградами, выписки из приказов о зачислении в часть, а также устные показания сослуживцев и непосредственных командиров.

Переход бремени опровержения на ответчика (орган власти / военное командование): как только истец предоставляет указанный косвенный комплекс доказательств, вступает в действие процессуальная презумпция. Суд обязан считать факт ранения или участия в боевых действиях установленным. Бремя опровержения этих обстоятельств полностью возлагается на ответчика, который может опровергнуть презумпцию только путем представления бесспорных доказательств того, что травма была получена вне зоны СВО или при обстоятельствах, исключающих выплату.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в ст. 63 КАС РФ и ст. 57 ГПК РФ, предусмотрев для дел о защите прав участников СВО законодательную фикцию, согласно которой факт подачи искового заявления участником СВО приравнивается к заявлению ходатайства об истребовании доказательств.

Предлагаемый механизм обяжет судью на стадии принятия искового заявления (без вынесения определения об оставлении его без движения на основании ст. 136 ГПК РФ) самостоятельно, по собственной инициативе, направить запросы в ведомственные архивы Министерства обороны РФ, Росгвардии, а также в иные уполномоченные органы (ФСБ России, МВД России) через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Это позволит исключить формальный отказ в приеме косвенных доказательств и устранить барьер в доступе участников СВО к правосудию, не допуская возвращения их исков по причине отсутствия документов, получение которых объективно невозможно в условиях

выполнения боевых задач. Таким образом будет устранено фактическое неравенство сторон в процессе, а эффективность судебной защиты прав участников СВО возрастет, что станет актом восстановления социальной справедливости.

Список литературы:

[1] Мурзин, В. А. Правовой статус защитников Отечества – ветеранов боевых действий (исторические, международно-правовые и социально-правовые аспекты): монография / В. А. Мурзин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2021. С. 91.

[2] Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 464 с.

[3] Гольмстен, А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А. Х. Гольмстен. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1913. – 412 с.

[4] Способы и формы защиты прав и законных интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: монография / под ред. Е. В. Михайловой. – Москва: Институт государства и права РАН, 2026. – 325 с. – Текст : электронный.

[5] Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

[6] Чечот, Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д. М. Чечот. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 616 с.

[7] Шапсугова, М. Д. Проблемы подведомственности и подсудности гражданских и административных дел с участием мобилизованных лиц // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 146.

[8] Постановление Правительства РФ от 09.10.2024 № 1354 «О порядке установления факта участия граждан Российской Федерации в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (ред. 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 42. Ст. 6249.

[9] Приказ Министра обороны РФ от 09.03.2023 № 111 (ред. от 22.08.2025) «Об утверждении Порядка выдачи удостоверений ветерана боевых действий в Министерстве обороны Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.04.2023.

[10] Приказ Министра обороны РФ от 08.12.2022 № 755 (ред. от 30.11.2024) «Об утверждении Порядка организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, граждан, призванных на военные сборы, граждан, уволенных с военной службы, а также форм документов, необходимых для реализации Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 22.12.2022.

[11] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2023 № 223-КАД23-5-К10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2026 г.).

[12] Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 98 "О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей" // СЗ РФ. 2022. № 10. ст. 1475.

[13] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2023 № 223-КАД23-5-К10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2026 г.).

[14] Решение Рязанского гарнизонного военного суда от 12 июля 2023 г. по делу № 2А-57/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/H8NINSZW0HUX/ (дата обращения: 21.09.2026 г.).

References:

[1] Murzin, V. A. Legal status of defenders of the Fatherland - war veterans (historical, international legal and socio-legal aspects): monograph / V. A. Murzin. M.: Publishing House Mosk. humanite. University, 2021. S. 91.

[2] Vaskovsky, E.V. Textbook of Civil Procedure / E.V. Vaskovsky. - M.: Publishing house "Mirror," 2003. - 464 s.

[3] Golmsten, A. Kh. Textbook of Russian civil proceedings / A. Kh. Golmsten. - 5th ed. - St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 1913. - 412 s.

[4] Methods and forms of protecting the rights and legitimate interests of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: monograph / ed. E.V. Mikhailova. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2026. - 325 p. - Text: electronic.

[5] Treushnikov, M.K. Forensic evidence / M.K. Treushnikov. - M.: Gorodets, 2004. - 272 p.

[6] Chechot, D. M. Selected works on civil

procedure / D. M. Chechot. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2005. - 616 s.

[7] Shapsugova, M. D. Problems of jurisdiction and jurisdiction of civil and administrative cases involving mobilized persons // North Caucasian Legal Bulletin. – 2023. – № 1. - S. 146.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.10.2024 No. 1354 "On the procedure for establishing the fact of participation of citizens of the Russian Federation in a special military operation in the territories of Ukraine, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region and Kherson Region" (ed. 31.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. № 42. Art. 6249.

[9] Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of 09.03.2023 No. 111 (ed. 22.08.2025) "On Approval of the Procedure for Issuing Certificates of a Combat Veteran at the Ministry of Defense of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information, http://pravo.gov.ru, 06.04.2023.

[10] Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated 08.12.2022 No. 755 (ed. 30.11.2024) "On approval of the Procedure for organizing work on compulsory state insurance of the life and health of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation, citizens called up for military training, citizens dismissed from military service, as well as the forms of documents necessary for the implementation of Federal Law of March 28, 1998 No. 52-FZ "On Compulsory State Insurance of the Life and Health of Military Personnel, citizens called up for military training, ordinary and commanding officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation, State Fire Service, employees of institutions and bodies of the penal system, employees of the troops of the National Guard of the Russian Federation, employees of enforcement agencies of the Russian Federation" / Official Internet portal of legal information, http://pravo.gov.ru 22.12.2022.

[11] Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.12.2023 No. 223-KAD23-5-K10 // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 21.09.2026).

[12] Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 98 "On additional social guarantees for servicemen, persons serving in the troops of the National Guard of the Russian Federation, and members of their families" // NW RF. 2022. № 10. Art. 1475.

[13] Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.12.2023 No. 223-KAD23-5-K10 // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 21.09.2026).

[14] Decision of the Ryazan garrison military court of July 12, 2023 in case No. 2A-57/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/H8NINSZW0HUX/ (accessed 21.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-218-222
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КИСЕЛЕВА Кристина Эдуардовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
e-mail: gppmp.law.kubsu@yandex.ru.

МИЛАХИНА Татьяна Александровна,
магистрант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
e-mail: gppmp.law.kubsu@yandex.ru.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТВЕТЧИКА ПРОТИВ ИСКА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье исследуется встречный иск как самостоятельное материально-правовое требование ответчика и одновременно как специальное процессуальное средство защиты против первоначального иска. С учетом действующих редакций Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации сопоставлены условия предъявления и принятия встречного иска, пределы судебного усмотрения и последствия отказа в его совместном рассмотрении. Отдельное внимание уделено разграничению отказа в принятии встречного иска по мотивам отсутствия условий его совместного рассмотрения и возвращения искового заявления по общим процессуальным основаниям. На основе актуальной судебной практики 2025–2026 гг. показано, что в гражданском процессе сохраняется ограниченная возможность самостоятельного обжалования определения об отказе в принятии встречного иска, тогда как в арбитражном процессе механизм обжалования процессуально определен более четко. Сформулированы предложения по конкретизации критериев взаимной связи первоначального и встречного требований и по усилению мотивированности судебных определений.*

Ключевые слова: *встречный иск, защита ответчика, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство, судебное усмотрение, процессуальные гарантии, обжалование определений, процессуальная экономия, состязательность, равноправие сторон.*

Для цитирования: *Киселева К. Э., Милахина Т. А. Встречный иск как эффективный способ защиты ответчика против иска в цивилистическом процессе // Право и управление. 2026. № 10. С. 218–222.*

KISELEVA Kristina Eduardovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Procedure and International Law, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

MILAKHINA Tatyana Aleksandrovna,
Master's student, Kuban State University, Krasnodar, Russia

COUNTERCLAIM AS AN EFFECTIVE MEANS OF DEFENDANT'S PROTECTION AGAINST THE CLAIM IN CIVIL PROCEDURE

Annotation. *The article examines a counterclaim both as an independent substantive claim of the defendant and as a special procedural means of defence against the original claim. Taking into account the*

current versions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Commercial Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, the authors compare the conditions for filing and accepting a counterclaim, the limits of judicial discretion and the consequences of refusing its joint consideration. Particular attention is paid to distinguishing refusal to accept a counterclaim because the statutory conditions for joint consideration are absent from the return of a statement of claim on general procedural grounds. Recent judicial practice from 2025–2026 demonstrates that separate appellate review of a refusal to accept a counterclaim remains limited in civil proceedings, while commercial proceedings provide a more definite procedural mechanism. The article proposes clearer criteria for determining the interconnection of the original and counterclaims and stronger requirements for the reasoning of judicial rulings.

Key words: *counterclaim, defendant's protection, civil procedure, commercial procedure, administrative judicial procedure, judicial discretion, procedural safeguards, appeal of rulings, procedural economy, adversarial principle, equality of parties.*

For citation: *Kiseleva K. E., Milakhina T. A. Counterclaim as an effective means of defendant's protection against the claim in civil procedure. Law and administration. 2026;(10):218–222. (In Russ.).*

На современном этапе развития права можно сказать, что институт встречного иска относится к числу наиболее значимых средств процессуальной защиты ответчика, поскольку его специфика заключается в сочетании двух начал, самостоятельности материально-правового притязания ответчика и процессуальной зависимости формы его реализации от уже возбужденного производства по первоначальному иску. Как очевидный факт сходные по конструкции правила о встречном иске закреплены сразу в нескольких процессуальных кодексах, однако правовые последствия принятия либо отказа в принятии встречного требования различаются. Так, к примеру, в гражданском процессе в соответствии со ст. 137 ГПК РФ ответчик вправе предъявить встречный иск до принятия судом решения, а его принятие обусловлено наличием хотя бы одного из условий, перечисленных в ст. 138 ГПК РФ. В то же время в арбитражном процессе аналогичный институт регулируется ст. 132 АПК РФ, а в административном судопроизводстве — ст. 131 КАС РФ. Однако, не смотря на внешнее сходство моделей, различаются порядок дальнейшего движения дела, способы процессуального оформления отказа и возможности обжалования соответствующего определения. В связи с чем, научная разработанность института встречного иска остается довольно значительной, в литературе исследуются его правовая природа, соотношение с соединением требований, проблема злоупотребления правом на предъявление встречного иска, вопросы процессуального усмотрения и защиты ответчика и т.д.[1; 3; 4; 5]. Однако, вместе с тем актуальная судебная практика показывает, что дискуссия о пределах усмотрения суда и о достаточности гарантий ответчика не утратила практического значения.

Цель нашего исследования состоит в уточнении места встречного иска в системе средств защиты ответчика и выявлении проблем действующего регулирования, препятствующих единообразному применению норм о его принятии и обжаловании судебных определений. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, среди которых последний особенно важен для оценки встречного иска не как изолированной нормы, а как элемента общего механизма судебной защиты. В общетеоретическом же плане, как отмечают в своей работе В. В. Шанько и Е. Г. Светличный, обращение к методологическим подходам современного правопонимания позволяет соотнести буквальное содержание процессуальной нормы с ее функцией и принципами правосудия [8]. В этом контексте, встречный иск следует определять как самостоятельное требование ответчика к первоначальному истцу, заявленное в уже возбужденном производстве для совместного рассмотрения с первоначальным иском, когда его самостоятельность проявляется в собственных предмете и основании, в необходимости соблюдения требований к форме и содержанию искового заявления, а также в возможности дальнейшего существования требования независимо от процессуальной судьбы первоначального иска в тех пределах, которые допускает закон.

Одновременно встречный иск выполняет специальную защитную функцию, в отличие от простого возражения, направленного на опровержение фактических или правовых доводов истца, встречный иск содержит собственное притязание ответчика и способен изменить материально-правовой результат спора, поэтому сведение встречного иска только к разновидности соединения исков представляется неполным. И здесь концепция соединения требований объясняет процессуальную форму совместного рассмотрения, но не исчерпывает его функцию как средства активной защиты [2; 5]. Кроме то-

го, немаловажно и практическое преимущество встречного иска, состоящее в концентрации взаимосвязанных требований в одном производстве, когда совместное исследование доказательств позволяет снизить риск противоречащих друг другу судебных актов, избежать дублирования процессуальных действий и обеспечить более целостную оценку спорного правоотношения. При этом, необходимо отметить, что процессуальная экономия не должна превращаться в единственный критерий, основное значение имеет то, обеспечивает ли совместное рассмотрение реальную защиту прав обеих сторон без нарушения разумных сроков. В доктрине справедливо обращается внимание и на обратную сторону данного механизма, когда позднее предъявление встречного иска или формальное конструирование связи между требованиями способно использоваться для затягивания процесса [1]. Поэтому задача суда состоит не в механическом поощрении совместного рассмотрения, а в проверке предусмотренных законом условий при одновременном недопущении произвольного ограничения права ответчика на выбранный способ защиты.

Необходимо отметить тот факт, что ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ используют близкую трехчленную модель условий принятия встречного иска, когда, во-первых, встречное требование может быть направлено к зачету первоначального требования, во-вторых, удовлетворение встречного иска может полностью или частично исключать удовлетворение первоначального иска и, в-третьих, между требованиями может существовать иная взаимная связь, при которой их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному разрешению спора. И наличие хотя бы одного из этих условий является достаточным при соблюдении общих требований к исковому заявлению, но именно третье основание создает наибольшее пространство для судебного усмотрения. Категории «взаимная связь», «более быстрое» и «правильное» рассмотрение носят оценочный характер, их применение требует от суда не общего указания на отсутствие целесообразности, а конкретной проверки, совпадают ли юридически значимые факты, пересекается ли доказательственная база, обусловливает ли разрешение одного требования выводы по другому, существует ли риск взаимоисключающих судебных актов, приведет ли самостоятельное рассмотрение к повторному исследованию тех же обстоятельств.

В арбитражном процессе Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что встречный иск принимается при наличии хотя бы одного условия, предусмотренного ч. 3 ст. 132 АПК РФ, а в качестве примеров взаимосвязанных требований названы, в частности, иск о взыскании задолженности и требование о признании соответствующего договора недействительным. Такой подход, по нашему мнению, ориентирует суд на содержательную оценку связи требований, а не на формальное совпадение сторон или договорной основы.

Важной современной гарантией является также и отсутствие необходимости повторно соблюдать обязательный досудебный порядок при предъявлении встречного иска после возбуждения дела. Так пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 исходит из того, что в этой ситуации повторное досудебное урегулирование не достигает своей цели. Отметим, что данное разъяснение снижает формальные препятствия к реализации права на встречный иск и согласуется с его процессуальной природой. При этом встречное заявление должно отвечать общим требованиям к иску. В гражданском процессе применяются ст. 131 и 132 ГПК РФ, включая требования к содержанию заявления, подтверждению направления его копий участвующим в деле лицам и уплате государственной пошлины либо заявлению соответствующей льготы или ходатайства. Аналогичный принцип действует в арбитражном и административном судопроизводстве. Следовательно, необходимо различать два самостоятельных этапа проверки, соответствие встречного заявления общим формальным требованиям и наличие специальных условий для его совместного рассмотрения.

То есть мы видим, что проблема судебного усмотрения возникает прежде всего тогда, когда ответчик ссылается на взаимную связь требований и преимущества их совместного рассмотрения, критика чрезмерно широкого усмотрения суда связана с тем, что отказ в принятии встречного иска способен лишить ответчика процессуального эффекта, ради которого избран именно данный способ защиты, а именно одновременного разрешения взаимозависимых требований и само право предъявить затем самостоятельный иск не всегда функционально равноценно рассмотрению требований в одном деле [4].

С другой стороны, без усмотрения невозможно противодействовать недобросовестной процессуальной тактике, поскольку встречный иск, заявленный на поздней стадии и не имеющий существенной связи с первоначальным спором, может потребовать новых доказательств, привлечения иных лиц и фактически начать новое разбирательство внутри уже рассматриваемого дела. В связи с чем исследование злоупотреблений процессуальными правами подтверждает необходимость учета момента предъявления, сложности дополнительных обстоятельств и поведения стороны [1], а в 2025 г. тема встречных требований

получила дальнейшее развитие применительно к последствиям медиации и принципам диспозитивности и добросовестности [6].

Оптимальным нам представляется подход, при котором суд мотивирует определение через проверяемые критерии, так как недостаточно указать, что совместное рассмотрение «нецелесообразно» или «затянет процесс», в судебном акте целесообразно отражать, какие обстоятельства и доказательства не совпадают, какие дополнительные процессуальные действия потребуются, почему раздельное рассмотрение не создаст риска противоречивых решений и каким образом сохраняется возможность эффективной защиты ответчика. Такое требование к мотивированности соответствует общему назначению процессуальной формы, оно позволяет отделить законное усмотрение от произвольного решения и создает основу для последующей проверки, если возражения на определение будут включены в жалобу на итоговый судебный акт.

Отметим, что наиболее заметные различия между процессуальными моделями проявляются при обжаловании судебных определений. К примеру, в арбитражном процессе ч. 4 ст. 132 АПК РФ прямо связывает возвращение встречного иска с правилами ст. 129 АПК РФ, и в результате определение о возвращении встречного искового заявления подлежит самостоятельному обжалованию. Очевидно, что для участника арбитражного процесса это создает оперативный механизм проверки того, правильно ли суд оценил условия принятия встречного требования.

В гражданском же процессе сохраняется иной подход, пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 предусматривает, что определение об отказе в принятии встречного иска именно по мотивам отсутствия условий ст. 138 ГПК РФ отдельно не обжалуется, поскольку ответчик вправе предъявить самостоятельный иск. При этом, необходимо отметить, что такая позиция продолжает воспроизводиться судами и в актуальной практике. К примеру, в апелляционном определении Приморского краевого суда от 22 марта 2026 г. по делу № 33-3111/2026 производство по частной жалобе было прекращено именно по причине невозможности самостоятельного обжалования такого определения.

Одновременно действующее апелляционное регулирование допускает включение возражений относительно не подлежащих отдельному обжалованию определений в апелляционную жалобу на итоговое решение, что разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16. То есть мы видим, что, проверка не исключается полностью, но переносится на более позднюю стадию, когда первоначальное дело уже разрешено. И ожидаемо подобная модель вызывает обоснованную дискуссию, так как с позиции процессуальной экономии запрет на отдельную жалобу предотвращает промежуточное затягивание дела, а с позиции права ответчика на эффективную защиту последующая проверка может оказаться недостаточной, поскольку утрачивается основной эффект встречного иска — совместное рассмотрение взаимосвязанных требований. Поэтому вопрос заключается не в безусловном расширении обжалования, а в поиске баланса между скоростью процесса и возможностью своевременно исправить существенную ошибку суда первой инстанции.

Мы считаем, что в административном судопроизводстве необходимо разграничивать отказ в совместном рассмотрении встречного административного иска по специальным условиям ст. 131 КАС РФ и возвращение административного искового заявления по общим основаниям. Тем более часть 4 ст. 129 КАС РФ допускает частную жалобу на определение о возвращении административного искового заявления, а ст. 313 КАС РФ устанавливает общие основания отдельного обжалования определений, поэтому вывод о способе обжалования должен зависеть от процессуальной природы конкретного судебного акта, а не только от его наименования.

Проведенное сопоставление законодательства и практики позволяет нам сделать вывод, что встречный иск сохраняет двойственную правовую природу, он является одновременно самостоятельным материально-правовым требованием и специальным процессуальным средством защиты ответчика, чем и объясняется необходимость оценивать его не только через правила о соединении требований, но и через принципы состязательности, равноправия сторон и эффективной судебной защиты.

Действующие ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ исходят из сходных условий принятия встречного иска, однако процессуальные последствия их применения различаются. Мы установили, что наибольшее пространство для судебного усмотрения связано с оценкой взаимной связи первоначального и встречного требований, а также преимуществ их совместного рассмотрения и, в свою очередь, для снижения риска произвольного применения закона необходимы более конкретные критерии такой связи и повышенный стандарт мотивированности судебного определения.

В связи с чем, в качестве направлений совершенствования института считаем целесообразным предложить конкретизацию в разъяснениях Верховного Суда РФ критериев взаимной связи требований, унификацию терминологии процессуальных решений, позволяющую от-

личать возвращение заявления от отказа в совместном рассмотрении встречного требования, усиление требований к мотивировке определения об отказе в принятии встречного иска, а также обсуждение ограниченного права на отдельное обжалование такого отказа в гражданском процессе. При этом отметим, что последнее возможно лишь при условии аккуратной нормативной формулировки, исключающей использование этого механизма для затягивания процесса. Считаем, что дальнейшее развитие института должно быть направлено не на механическое расширение возможностей обжалования, а на обеспечение проверяемого и мотивированного баланса между эффективностью рассмотрения дела и реальной возможностью ответчика реализовать избранный способ защиты.

Список литературы:

[1] Борецкая Л. Р. Предъявление встречного иска как один из способов злоупотребления процессуальными правами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. С. 250–255. DOI: 10.29039/2413-1733-2021-7-4-250-255..

[2] Гражданский процесс: учебник / под ред. А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж. Соловых. М.: Статут, 2024.

[3] Кондратьева С. С. Встречный иск как средство защиты интересов ответчика в гражданском процессе // Дневник науки. 2024. № 9.

[4] Мещерякова А. Ф. Встречный иск и процессуальные аспекты его предъявления в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 564–579. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579..

[5] Молева Г. В., Медведева П. Д. Встречный иск как один из способов защиты ответчика в гражданском процессе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 179–186. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-22..

[6] Малюшин К. А. Процессуальные последствия процедуры медиации: допустимость изменения исковых требований и встречного иска в контексте принципов диспозитивности и добросовестности // Вестник гражданского процесса. 2025. № 4. С. 288–298.

[7] Слепнев Е. Л., Чертина О. В. Встречный иск как средство защиты ответчика в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-3 (68). С. 207–210.

[8] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64–67.

[9] Султанов А. Р. Недопустимость подачи нескольких встречных исков — идол театра? // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 104–125.

[10] Хвалыгина Н. Л. Встречный иск в арбитражном и гражданском процессах // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 304–306.

References:

[1] Boretskaya L.R. Filing a counterclaim as one of the ways to abuse procedural rights in the civil process // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. № 4. S. 250-255. DOI: 10.29039/2413-1733-2021-7-4-250-255..

[2] Civil procedure: textbook/ed. A. V. Gabova, V. G. Golubtsova, S. J. Solovykh. M.: Statute, 2024.

[3] Kondratieva S. S. Counterclaim as a means of protecting the interests of the defendant in civil proceedings // Diary of Science. 2024. № 9.

[4] Meshcheryakova A.F. Counterclaim and procedural aspects of its presentation in the arbitration process // Actual problems of the state and law. 2021. VOL. 5. № 19. S. 564-579. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-19-564-579..

[5] Moleva G.V., Medvedeva P.D. Counterclaim as one of the ways to protect the defendant in civil proceedings // Science. Society. State. 2020. VOL. 8. № 4 (32). S. 179-186. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-22..

[6] Malyushin K. A. Procedural consequences of the mediation procedure: admissibility of changes in claims and counterclaim in the context of the principles of dispositiveness and good faith // Bulletin of the civil process. 2025. № 4. S. 288-298.

[7] Slepnev E.L., Chertina O.V. Counterclaim as a means of protecting the defendant in civil proceedings // International Journal of Humanities and Sciences. 2022. № 5-3 (68). S. 207-210.

[8] Shanko V.V., Svetlichny E.G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-67.

[9] Sultanov A.R. Inadmissibility of filing several counterclaims - an idol of the theater? // Bulletin of the civil process. 2015. № 2. S. 104-125.

[10] Khvalygina N. L. Counterclaim in arbitration and civil proceedings // Bulletin of Kostroma State University. 2018. VOL. 24. № 3. S. 304-306.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-223-226
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ОСТРЯКОВА Аида Фильгатовна,
заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин «Уфимский юридический институт МВД России», кандидат экономических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные направления совершенствования процесса применения судебно-экономической экспертизы, направленные на исследование документов бухгалтерского учета, отчетности и финансовых операций для установления обстоятельств правонарушений. Данная статья посвящена анализу и устранение пробелов, унификации терминологии в уголовно-процессуальном законодательстве. Рассматриваются критически значимые ошибки, которые могут полностью обесценить экспертное заключение и привести к его отмене. Изучены основные направления улучшения процесса применения судебно-экономических экспертиз.*

Ключевые слова: *экономическая преступность, судебная экономическая экспертиза, доследственная проверка, экспертное сопровождение.*

Для цитирования: *Острякова А. Ф. К вопросу совершенствования процесса применения судебно-экономической экспертизы по уголовным делам // Право и управление. 2026. № 10. С. 223–226.*

OSTRYAKOVA Aida Filgatovna,
Deputy Head of the Department of Humanities and socio-economic disciplines "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", PhD in Economics

ON IMPROVING THE PROCESS OF CONDUCTING FORENSIC ECONOMIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES

Annotation. *This article examines key areas for improving the process of conducting forensic economic examinations – which involve the analysis of accounting records, financial statements, and financial transactions to establish the circumstances of offenses. The article focuses on analyzing and addressing gaps, as well as standardizing terminology, within criminal procedural legislation. It discusses critical errors that can completely invalidate an expert report and lead to its being set aside. The main avenues for enhancing the forensic economic examination process are also explored.*

Key words: *economic crime, forensic economic examination, pre-investigation inquiry, expert support.*

For citation: *Ostryakova A. F. On improving the process of conducting forensic economic examinations in criminal cases. Law and administration. 2026;(10):223–226. (In Russ.).*

Экономическая преступность, как известно, представляет собой совокупность корыстных противоправных деяний, основанных на причинении вреда охраняемым законом экономическим интересам всего общества и граждан вследствие совершения хищений, хозяйственных и корыстных должностных преступлений.

В настоящее время структура экономической преступности представлена составами преступлений как мошенничество, присвоение и растрата, коммерческий подкуп, криминальные банкротства и т.д. Поскольку все экономические преступления имеют высокую латентность, то раскрытие и доказывание преступности представляет собой сложный процесс. В большинстве случаев без применения специальных экономических знаний отделить преступные действия, совершаемые в экономической и предпринима-

тельской деятельности от вполне законных, представляется затруднительным.

Правильная организация экспертного сопровождения досудебного производства — важнейший фактор, определяющий качество расследования. Она объединяет процессуальные и криминалистические возможности, позволяя в кратчайшие сроки обнаружить, зафиксировать и объективно оценить доказательственную базу для успешного раскрытия преступлений [1, с. 56].

Судебная экономическая экспертиза, назначаемая в рамках досудебного производства, является особым видом следственного действия. Во время ее проведения эксперт, имеющий специальные знания для установления обстоятельств по конкретному делу [2, с. 85], проводит исследование и дает заключение для направления дальнейшего разбирательства.

Судебная экономическая экспертиза (СЭЭ) – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области экономических наук и которые поставлены перед экспертом судом [3, с. 183], органом дознания, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») [3].

Назначение и проведение судебно-экономической экспертизы строго регулирует Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Согласно нормам УПК РФ, проведение исследований в ходе доследственной проверки помогает установить обстоятельства преступления и обосновать законность уголовного преследования [5, с. 59]. Если говорить о процессуальных аспектах производства экономических экспертиз, то здесь практикуется привлечение специалистов-экономистов (бухгалтеров) на этапе подготовки к назначению экспертизы (ст. 58 УПК РФ). Это позволяет следователю грамотно сформулировать вопросы и избежать назначения заведомо невыполнимых исследований.

Консультации специалиста позволяют следователю эффективно применять специальные экономические знания для расследования. Они помогают правильно истолковать следы на месте преступления, грамотно составить процессуальные документы [6, с. 64], а также подготовиться к следственным действиям, оценить перспективы предстоящей экспертизы (понять, какие именно вопросы следует поставить перед экспертом [7]) и получить понятные пояснения по экономическим, техническим или IT-вопросам.

Нужно подчеркнуть, что порядок назначения экспертизы, требования к государственным и негосударственным экспертам, а также частые нарушения, могут приводить к отмене экспертных заключений. Каждое из них может разрушить доказательство в суде.

Рассмотрим конкретные виды нарушений (таблица 1).

Нарушения делятся на две группы: процессуальные (ошибки следователя) и методические (ошибки эксперта).

Тип нарушения	В чем заключается	Последствия
Процессуальное	Ограничение права сторон на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы (обвиняемого ознакомили с постановлением после проведения экспертизы)	При наличии вопросов к эксперту со стороны заинтересованных лиц. Возникает необходимость проведения дополнительной или повторной экспертизы
Процессуальное	Формулирование вопросов, искажающих их первоначальный смысл.	Отсутствие логической связи между проведенным анализом (исследовательской частью) и ответами на поставленные вопросы. Заключение эксперта не даст полного отображения ответов необходимых для установления вины в совершении преступления.
Методическое	Предоставление материалов для исследования не в полном объеме	Составление заключения о невозможности дать ответ, либо эксперт составляет недостоверное заключение, что служит основанием для назначения повторной экспертизы, которую поручают другому эксперту
Методическое	Отсутствие анализа первичных учетных документов при формировании итоговых выводов, опора только на регистры или налоговые декларации	Заключение не будет иметь полного и точного ответа, что затрудняет признания экспертизы качественной
Методическое	Когда расчеты в таблицах противоречат тексту выводов, или эксперт использует взаимоисключающие подходы	Заключение будет иметь противоречивый характер.

Таблица 1.

Критически значимые ошибки могут полностью обесценить заключение. Во-первых, нарушение процессуального порядка делает документ непригодным для использования в суде. Во-вторых, суд может отклонить заключение, если выводы носят вероятностный характер, не подтверждены материалами дела или являются двусмысленными. В-третьих, наличие существенных сомнений в обоснованности выводов главное основание для назначения нового исследования – повторной экспертизы. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту (ст. 207 УПК РФ). На основании ошибочного заключения будет вынесен незаконный приговор.

Основные направления и проблемы улучшения процесса применения судебно-экономических экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Нормативно-правовое и методическое обеспечение экономических экспертиз заключается, в первую очередь, в разработке единых стандартов. Отсутствие четкой классификации и строгих стандартов для всех видов СЭЭ часто приводит к противоречивым выводам. Решени-

ем здесь будет являться внедрение унифицированных и законодательно закрепленных методик исследования, что обеспечивает защиту прав сторон и устраняет разночтения [8].

Организация и проведение такого СЭЭ характеризуется большим содержанием документов для исследования, отсюда возникает необходимость в цифровизации. Поскольку для борьбы с масштабными экономическими преступлениями требуется автоматизация процессов анализа баз данных и электронной документации, цифровизация отлично справится с такой задачей.

Введение комплексных инженерно-экономических и компьютерно-экономических исследований, так как современные финансовые махинации затрагивают IT-сферу и технологические процессы [9].

Необходимо рассмотреть вопрос проверки заключения эксперта. Актуально развитие института независимого рецензирования заключения эксперта для оценки достаточности и обоснованности результатов СЭЭ по результатам которой возникает необходимость своевременного назначения дополнительных или повторных экспертиз при наличии сомнений по результатам проведенной экономической экспертизы.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что совершенствование применения судебно-экономических экспертиз на досудебном этапе включает оптимизацию нормативной базы, внедрение стандартизированных методик оценки и применение современных цифровых инструментов. Это повышает объективность расследований финансовых преступлений, минимизирует экспертные ошибки и обеспечивает достоверность доказательственной базы.

Научно обоснованное заключение эксперта является важнейшим источником доказательств, способствующее установлению объективной истины фактического обстоятельства дела. Проверка и оценка таких заключений опирается на принципы достоверности, полноты и допустимости, а обоснованность выводов выступает главным критерием для вынесения законного решения.

Список литературы:

[1] Мухаметшин Ф. Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса / Ф. Б. Мухаметшин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

[2] Диваева И. Р. О некоторых аспектах уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 80-85. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.013. – EDN MORTKY.

[3] Шайхуллин М. С. О некоторых вопросах привлечения специалиста стороной защиты в уголовном судопроизводстве / М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2023. – № 10. – С. 183-186. – DOI 10.24412/2224-9133-2023-10-183-186. – EDN DJMVXS.

[4] Мигранов Р. Н. Организационно-правовые аспекты проведения проверки сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела / Р. Н. Мигранов // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 59-63. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.008. – EDN LIAMXV.

[5] Гаджиалиева А. Т. Эволюция правового регулирования и практики применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве России / А. Т. Гаджиалиева // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 64-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.009. – EDN HUZLZD.

[6] Михеева М. В. Судебная экономическая экспертиза : учебник / М. В. Михеева ; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя. – Москва : Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. – 307 с. – Текст : электронный. – Библиогр.: с. 303-306. – ISBN 978-5-9694-0873-9. – Текст : электронный // Уфимский ЮИ МВД России :[сайт]. – URL:http://www/ufali.mvd.ru/Электронная библиотека/3283.pdf. (дата обращения: 25.04.2026).

[7] Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 288 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-05399-9. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/560511 (дата обращения: 25.04.2026).

[8] Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе : практическое пособие / под редакцией Э. Ф. Мусина. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 273 с. – (Профессиональная практика). – ISBN 978-5-534-05327-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/563529 (дата обращения: 25.04.2026).

References:

[1] Mukhametshin F. B. Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process / F. B. Mukhametshin // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

[2] Divaeva I.R. On some aspects of criminal law enforcement in cases of illegal banking / I.R. Divaeva, M.S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 80-85. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.013. – EDN MORTKY.

[3] Shaikhullin M.S. On some issues of

attracting a specialist by the defense in criminal proceedings / M.S. Shaikhullin // Law and management. – 2023. – № 10. - S. 183-186. – DOI 10.24412/2224-9133-2023-10-183-186. – EDN DJMVXS.

[4] Migranov R. N. Organizational and legal aspects of checking the report of a crime at the stage of initiating a criminal case / R. N. Migranov // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 59-63. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.008. – EDN LIAMXV.

[5] Hajialieva A. T. Evolution of legal regulation and practice of the use of information technologies in criminal proceedings of Russia / A. T. Hajialieva // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 64-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.009. – EDN HUZLZD.

[6] Mikheeva M.V. Forensic economic examination: textbook/M.V. Mikheeva; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2021. - 307 p. - Text: electronic. - Bibliography: p. 303-306. – ISBN 978-5-9694-0873-9. - Text: electronic // Ufa YI of the Ministry of Internal Affairs of Russia: [website]. - URL: http://www/ufali.mvd.ru / Electronic library/3283.pdf. (accessed on: 25.04.2026).

[7] Sorokotyagin I.N. Forensic examination: textbook and workshop for universities / I.N. Sorokotyagin, D.A. Sorokotyagina. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 288 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-05399-9. - Text: electronic // Educational platform Yurayt [site]. - URL: https://urait.ru/bcode/560511 (access date: 25.04.2026).

[8] Forensic economic examination in criminal proceedings: a practical guide/edited by E.F. Musin. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 273 p. - (Professional practice). – ISBN 978-5-534-05327-2. - Text: electronic // Educational platform Yurayt [site]. - URL: https://urait.ru/bcode/563529 (access date: 25.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-227-230
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

АБРОСИМОВА Евгения Михайловна,
кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры физики и радиоэлектроники Воронежского института МВД России,
e-mail: Chip_ik@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Игорь Борисович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России,
e-mail:igor_3217@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. *В статье освещаются некоторые теоретические вопросы и актуальные подходы к формированию критического мышления сотрудника полиции в современных условиях. Критическое мышление рассматривается авторами не только как необходимая составляющая его профессиональной подготовки, но и как базовая предпосылка его успешной профессиональной деятельности в условиях информационного или цифрового общества. Авторами актуализируется вопрос о необходимости не только формирования критического мышления на этапе профессиональной подготовки сотрудника полиции, но и развития его на протяжении всего периода службы.*

Ключевые слова: *сотрудник полиции, критическое мышление, профессиональные компетенции, профессиональная деятельность, цифровое общество, стрессогенные условия.*

Для цитирования: *Абросимова Е. М., Кузнецов И. Б. Формирование критического мышления сотрудника полиции как необходимая составляющая его профессиональной подготовки // Право и управление. 2026. № 10. С. 227–230.*

ABROSIMOVA Evgeniya Mikhailovna,
Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Physics and Radio Electronics, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KUZNETSOV Igor Borisovich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DEVELOPING A POLICE OFFICER'S CRITICAL THINKING AS AN ESSENTIAL COMPONENT OF THEIR PROFESSIONAL TRAINING

Annotation. *The article examines some theoretical issues and current approaches to developing critical thinking in police officers in modern conditions. The authors consider critical thinking not only as a necessary component of their professional training, but also as a basic prerequisite for their successful professional activity in the context of an information or digital society. The authors highlight the need not only to develop critical thinking at the stage of a police officer's professional training, but also to foster it throughout their entire service period.*

Key words: *police officer, critical thinking, professional competencies, professional activity, digital society, stress-inducing conditions.*

For citation: *Abrosimova E. M., Kuznetsov I. B. Developing a police officer's critical thinking as an essential component of their professional training. Law and administration. 2026;(10):227–230. (In Russ.).*

Особенностью современного общества является постоянно растущий поток избыточной и, зачастую, ангажированной информации, которая пронизывает все информационное пространство и оказывает большое влияние на все социальные процессы. В условиях проводимой со стороны стран западной коалиции гибридной войны против России, на постоянной и системной основе проводятся информационно-психологические операции различного уровня и масштаба, направленные на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране, деморализацию армии и правоохранительных органов, подрыв доверия населения к государственной власти. Применительно к деятельности органов внутренних дел (далее-ОВД) возникает потребность во введении новых подходов к воспитательной работе с личным составом, морально-психологическому обеспечению деятельности ОВД. Рост сложности и количества профессиональных задач требует повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников полиции.

С учетом избыточной информатизации общества и негативных процессах в информационном и социальном пространствах остро встает вопрос о соответствующей подготовке личного состава к несению службы как в настоящее время, так и на прогнозируемую перспективу.

Сотрудники полиции должны обладать специфическими когнитивными компетенциями и прикладными методиками, которые обеспечат им быстрое принятие правильных решений в различных ситуациях профессиональной деятельности. Одним из способов формирования профессиональных когнитивных компетенций сотрудников полиции является развитие в них критического мышления. Критическое мышление является базовой предпосылкой успешной профессиональной деятельности сотрудников полиции в условиях информационного или цифрового общества. В научной литературе существуют десятки разнообразных рабочих определений критического мышления, которые, в целом не противоречат друг другу и являются приемлемыми для целей нашей работы. По своей сути, критическое мышление – это использование когнитивных техник, методик или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата. Такой подход придает мышлению целеустремленность, контролируемость, определенность и обоснованность. При этом, мыслящий субъект использует навыки и техники, являющиеся эффективными для конкретной ситуации и типа решаемой задачи.

В организационно - управленческой, оперативно-розыскной или другой правоохранительной деятельности сотрудник полиции постоянно сталкивается с ситуациями, требующими восприятия, анализа, понимания и оценки разного рода информации. При этом важно понимать, что достаточно редко данная информация воспринимается и обрабатывается в спокойной, комфортной обстановке и при отсутствии различных раздражителей. В таких же, достаточно стрессогенных условиях, зачастую и принимаются решения. В этих ситуациях сотруднику полиции необходимо использовать помимо когнитивных, еще психологические, конфликтологические и другие профессиональные компетенции. В этом аспекте профессионально важными качествами сотрудника полиция являются восприятие и упорядочение информации в специфических условиях служебной деятельности. Упорядочение информации становится предпосылкой дальнейшего эффективного оперирования упорядочиваемыми категориями. Сотрудник полиции должен устранить любую путаницу, связанную с логическими противоречиями, многозначностью и неопределенностью ключевых понятий. Для этого ему необходимо развивать склонность к постоянной формулировке правильных вопросов. Критическое мышление предполагает постоянное взаимодействие человека с обрабатываемой информацией путем задавания правильных вопросов. Правильные вопросы направляют когнитивную деятельность сотрудника к исследованию и анализу, а также получению истины в конкретной ситуации. Это вопросы, касающиеся определения проблемы и вывода, логических ошибок, поиска оптимальных решений относятся не только к сфере логики, но, с учетом множества факторов влияния на сотрудника полиции, решающего множество разно-

плановых задач, определенно лежат в междисциплинарной плоскости. Например, при проведении опроса и принятии процессуальных решений сотрудник полиции должен уметь отличать факты от точек зрения, обоснованные точки зрения от необоснованных и т.д. Факты, законы и закономерности, аксиомы, статистические данные, выводы эксперта имеют разную силу как доводы относительно конкретного заключения, поэтому сотрудник полиции должен владеть приемами, обеспечивающими качественную оценку силы таких доводов. Немаловажным в формировании критического мышления являются самоанализ и самокритика, готовность выявлять и исправлять свои ошибки. Ведь вся суть и сила критического мышления заключается в том, что оно направлено на оценку правильности собственного процесса рассуждения. Верификация правильности собственных мыслей человека предполагает открытость к альтернативным предположениям и объяснениям. Толерантность к иным позициям, возможным предположениям, причинам и объяснениям устраняет ангажированность и предвзятость мышления, а следовательно, уменьшает вероятность ошибки. «Особенно заметным это становится у представителей служб и подразделений, непосредственно контактирующих с населением»[1]. Стремление к объективности важно при сборе материала, проведении различного рода проверок, опросе граждан, проведении экспертиз, расследовании преступлений и др. К сожалению, при обучении человека в учебном заведении (школе, ССУЗе, ВУЗе и др.) развитию критического мышления не уделяется особого внимания, поэтому среднестатистический человек без специальной подготовки нередко в той или иной степени подвержен влиянию извне. Характерным примером может служить все возрастающий рост мошенничеств в стране, в особенности телефонных и цифровых, причем пострадавшими нередко выступают не только пожилые люди или неопытная молодежь. Одной из основных причин различных жизненных недоразумений и профессиональных ошибок, по нашему мнению, является недостаточно развитое критическое мышление, рассматриваемое многими как некий «интеллектуальный запас» на случай решения какой-то сложной проблемы, которая, по мнению человека, может и не возникнуть, а должно быть постоянно используемым инструментом в обыденной жизни, без которого уже нельзя обойтись. В деятельности сотрудника полиции критическое мышление является, безусловно, обязательным, так как от его решений, действий и позиции нередко зависят судьбы людей, а иногда даже жизнь и здоровье. Профессиональное использование приемов критического мышления может быть результатом целенаправленного обучения сотрудников полиции в ходе его профессиональной подготовки (первоначальной, повышения квалификации, по месту службы), а также через специальные курсы, тренинговые занятия, семинары и т.п. Большое значение в этом процессе играет мотивация самого сотрудника и его стремление к самосовершенствованию. Существует достаточно много методик и учебной литературы по развитию критического мышления, которые демонстрируют свою эффективность. «Широкий спектр инновационных средств обучения, в.т.ч современные гаджеты в рамках дистанционного обучения позволяет реализовать один из новейших подходов в отечественном образовании, который только набирает свой научно-практический потенциал, концепцию бесшовного обучения, за которой, безусловно, будущее образования» [2].

Одной из значимых, по нашему мнению, задач в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции является создание условий и разработка необходимого научно-методического обеспечения для интеграции в образовательный процесс необходимых основ для формирования и развития критического мышления. «Личностно-ориентированный подход должен обеспечивать основы для формирования профессиональных компетенций сотрудников ОВД, предусматривающих личностный рост, саморазвитие, развитие субъективности; интеллектуальное развитие; формирование сознания, ответственности и мотивации студента по выбранной профессии»[3].

Таким образом, целенаправленное формирование и развитие критического мышления может существенно повысить профессиональный потенциал сотрудника полиции, что создаст устойчивый фундамент для быстрого становления его как профессионала.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. К вопросу об оценке эффективности деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции на современном этапе / А. П. Шувалов // Обеспечение норм законодательства при несении службы нарядами патрульно-постовой службы полиции : Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 мая 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 271-277.

[2] Шувалов А. П. О некоторых методологических подходах к использованию инновационных средств обучения при формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД / А. П. Шувалов, Е. М. Абросимова // Право и управление. – 2025. – № 10. – С. 74-77.

[3] Байдаев М. М. Дидактические возможности инновационных средств обучения для разви-

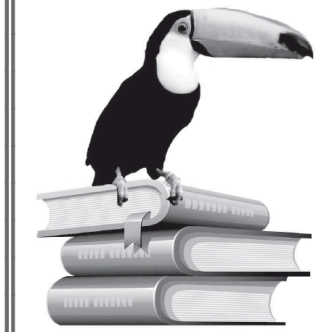
тия профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / М. М. Байдаев, А. П. Шувалов // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 4(46). – С. 426-437.

References:

[1] Shuvalov A.P. On the issue of assessing the effectiveness of police patrol units at the present stage / A.P. Shuvalov // Ensuring the norms of legislation when serving with police patrol units: Collection of scientific works based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 30, 2025. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 271-277.

[2] Shuvalov A.P. On some methodological approaches to the use of innovative training tools in the formation of professional competencies of ATS employees / A.P. Shuvalov, E.M. Abrosimova // Law and Management. – 2025. – № 10. - S. 74-77.

[3] Baidaev M. M. Didactic opportunities for innovative training tools for the development of professional competencies of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / M. M. Baidaev, A. P. Shuvalov // CITISE. – 2025. – № 4(46). - S. 426-437.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-231-233
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института РУТ (МИИТ), ORCID: 0000-0001-5045-2054, e-mail: 000049@bk.ru

ТУРСКАЯ Елена Романовна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России», подполковник полиции, e-mail: ert.74@mail.ru

УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УИС ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. *В статье рассматривается противодействие международной преступности и терроризму, которое должно строиться системно с целью их предельного сдерживания. Первоочередной задачей в борьбе с преступностью и терроризмом является не только укрепление международного сотрудничества, но и наведение порядка во взаимодействии правоохранительных органов и спецслужб внутри государств, а также с уголовно-исполнительной системой.*

Ключевые слова: *преступность, терроризм, подходы, эксперты, международная арена, уголовно-исполнительная система.*

Для цитирования: *Кашкина Е. В., Турская Е. Р. Укрепление международного сотрудничества УИС во взаимодействии правоохранительных органов // Право и управление. 2026. № 10. С. 231–233.*

KASHKINA Ekaterina Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement of the RUTH Law Institute (MIIT)

TURSKAYA Elena Romanovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative and Official Activities of the Department of Internal Affairs of the Federal State Educational Institution of Higher Education "DVUI MVD of Russia," Police Lieutenant Colonel

STRENGTHENING INTERNATIONAL COOPERATION OF UIS IN LAW ENFORCEMENT COOPERATION

Annotation. *The article examines the fight against international crime and terrorism, which should be built systematically with the aim of their utmost deterrence. The primary task in the fight against crime and*

terrorism is not only to strengthen international cooperation, but also to restore order in the interaction of law enforcement agencies and special services within states, as well as with the penal system.

Key words: *crime, terrorism, approaches, experts, international arena, penal system.*

For citation: *Kashkina E. V., Turskaya E. R. Strengthening international cooperation of UIS in law enforcement cooperation. Law and administration. 2026;(10):231–233. (In Russ.).*

Глобализация породила множество острых проблем, обсуждаемых широким кругом специалистов, политиков, представителей общественности. Вместе с тем обращает на себя внимание явное отставание в исследовании криминологических, международно-правовых и уголовно-правовых аспектов глобализации. Восторженные оценки процесса глобализации, которые наблюдались у многих экономистов и политологов, сменились горьким осознанием того, что национальная, региональная, международная безопасность в условиях глобализационных процессов не укрепилась, а, наоборот, оказалась беззащитной перед лицом новых угроз [1].

В мире, в котором деньги помогают приобрести высокий социальный статус и являются единственным средством, открывающим путь к «хорошей жизни», коррупция будет рассматриваться организованными преступными группировками как лучшее средство для обеспечения собственной безопасности. Ввиду огромных доходов, получаемых в результате организованной преступной деятельности, будет всё труднее устоять перед предлагаемыми взятками. Скромные размеры заработной платы должностных лиц во многих развивающихся странах делают их более склонными воспользоваться заманчивыми предложениями организованных преступных группировок. В то же время философия безудержного монетаризма в развитых странах может иметь аналогичные последствия для государственных служащих и политических деятелей этих стран.

Острой проблемой современности является незаконный оборот наркотиков. Несмотря на возросшее число конфискаций, предложение наркотиков, очевидно, удовлетворяет спрос, о чём свидетельствует стабильность цен на наркотики на нелегальном рынке. Страны «переходного периода» во всё большей степени становятся зонами растущего потребления наркотиков.

Первоочередной задачей в борьбе с преступностью и терроризмом является не только укрепление международного сотрудничества, но и наведение порядка во взаимодействии правоохранительных органов и спецслужб внутри государств [2].

Сложные проблемы стоят в этой сфере и в Российской Федерации. Деятельность субъектов оперативно-розыскной деятельности, каждый из которых в той или иной мере занимается борьбой с терроризмом и преступностью, на государственном уровне координируются слабо. При наличии единого Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» внутриведомственные инструкции и наставления противоречат друг другу, что приводит к снижению качества всей работы.

Затянувшийся процесс принятия Федерального закона «О противодействии легализации («отмыванию») преступных доходов» отбросил Россию на одно из последних мест в рейтинге стран, ведущих борьбу с «отмыванием» грязных денег. А принятый закон является самым мягким из всех существующих в мире и уже требует доработки и уточнений [3].

Не лучшим образом обстоит дело с принятием комплекса антикоррупционных законов, хотя российские законопроекты, подготовленные еще 10 лет назад, были высоко оценены международными экспертами.

Противодействие международной преступности и терроризму должно строиться системно с целью их предельного сдерживания. Только силой эту проблему не решить. Необходим комплексный подход, в том числе: блокирование активов, счетов любой корпорации, частного лица или благотворительной организации, если они имеют связи с террористами. Силовые действия против радикальных террористов должна предварять глубокая финансовая разведка.

Мир должен бороться с терроризмом и преступностью бескомпромиссно, последовательно и жестко. Виновные в конечном итоге должны быть наказаны международным судом. Для мирового сообщества это принципиально [4].

Эффективная борьба с терроризмом, преступностью на государственном, межгосударственном уровне возможна только в том случае, если к ней присоединится гражданское общество.

Вызов мировому сообществу со стороны преступности оказался настолько мощным, что оно не может чувствовать себя удовлетворенным результатами предпринимаемых антикриминальных усилий. Приходится с сожалением констатировать, что «мозговые» штабы транснациональных криминальных и террористических организаций в своих действиях более консолидированы, мобильны, информированы и энергичны. Во многом это объясняется тем, что даже авторитетные международные, межправительственные организации, участвующие в борьбе с преступностью,

из-за необходимости соблюдения формальных процедур существенно запаздывают в своих решениях. К тому же далеко не по всем вопросам достигнуто взаимопонимание между официальными властными структурами и многочисленными специализированными общественными организациями. Отсюда вытекает необходимость поиска более эффективных механизмов взаимодействия всех государственных и негосударственных антикриминальных, антитеррористических сил различных стран мира с целью выработки новых подходов в борьбе с преступностью и терроризмом.

Шагом в этом направлении стала инициатива, которую внесла российская сторона по созданию Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Инициатива России получила поддержку в ООН. Форум, будучи международной неправительственной организацией, может в перспективе стать лидером в деле укрепления и расширения взаимодействия различных международных и национальных организаций в выработке рекомендаций по борьбе с преступностью и терроризмом. Для оказания помощи Форуму в России в 2000 году создан Национальный антикриминальный и антитеррористический фонд и Оргкомитет. Стратегическая задача Форума – привлечение широких кругов мировой общественности: глав государств и правительств, представителей органов законодательной и исполнительной власти, представителей бизнеса, деятелей культуры, средств массовой информации, специалистов судебных и полицейских органов, научно-исследовательских, образовательных учреждений, участников политических, общественных объединений и движений – к созданию единого антикриминального и антитеррористического фронта.

Список литературы:

[1] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

[2] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 2. Москва. 2022.

[3] Хайрутдинова И. В. Проблема разграничения понятий «обучаемый» и «обучающийся» в профессиональном образовании в системе правоохранительных органов / А. В. Вилкова, И. В. Хайрутдинова, Ф. А. Якупов // Современное педагогическое образование. 2024. № 8 С. 57-60.

[4] Гузеев М. С. Социальная система как предмет междисциплинарных исследований / А. В. Вилкова, М. С. Гузеев // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 1(10). С. 70-74.

References:

[1] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication / Volume Issue 1. Moscow. 2022.

[2] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication / Volume Issue 2. Moscow. 2022.

[3] Khairutdinova I.V. The problem of distinguishing between the concepts of "trainee" and "trainee" in vocational education in the law enforcement system / A.V. Vilkov, I.V. Khairutdinova, F.A. Yakupov // Modern pedagogical education. 2024. NO. 8 S. 57-60.

[4] Guzeev M.S. Social system as a subject of interdisciplinary research / A.V. Vilkova, M.S. Guzeev // Issues of modern science and practice. 2024. № 1(10). S. 70-74.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-234-237

КАНОКОВА Ляна Юрьевна,
Преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники органов внутренних дел Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ХАЙББУЛОВ Айдар Радикович,
старший преподаватель кафедры огневой, физической и тактико-специальной подготовки филиала ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *Статья посвящена теоретико-правовому исследованию системы профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации. На основе анализа положений Приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44, Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» рассматриваются структура, институциональные виды и методический инструментарий обучения личного состава.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел, Приказ МВД России № 44, профессиональная подготовка, профессионально важные качества, наставничество, служебно-боевая подготовка, полиция.*

Для цитирования: *Канокова Л. Ю., Хайббулов А. Р. Профессиональная подготовка и профессионально важные качества сотрудников органов внутренних дел // Право и управление. 2026. № 10. С. 234–237.*

KANOKOVA Lyana Yuryevna,
Lecturer, Department of Information Technology and Specialized Equipment for Internal Affairs Agencies, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

KHAIBULLOV Aidar Radikovich,
Senior Lecturer, Department of Fire Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Naberezhnye Chelny)

PROFESSIONAL TRAINING AND IMPORTANT QUALITIES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *The article is devoted to a theoretical and legal study of the system of professional training of personnel in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Based on an analysis of the provisions of Order № 44 of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 30, 2023, the Federal Law "On the Police," and the Federal Law "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation...," the structure, institutional types, and methodological tools for training personnel are examined.*

Key words: *internal affairs bodies, Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 44, professional training, professionally important qualities, mentoring, service and combat training, police.*

For citation: *Kanokova L. Yu., Khaibullov A. R. Professional training and important qualities of employees of internal affairs bodies. Law and administration. 2026;(10):234–237. (In Russ.).*

Динамичная трансформация современных социально-экономических процессов в Российской Федерации выдвигает принципиально новые требования к уровню функционирования правоохранительного механизма государства. В системе органов исполнительной власти ключевая роль по защите прав и свобод граждан, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности принадлежит органам внутренних дел (ОВД) [2].

Профессиональная подготовка на современном этапе перестает восприниматься как однократный этап получения ведомственного образования; она преобразуется в сквозной, непрерывный процесс сопровождения служебной деятельности, нацеленный на постоянное совершенствование профессионально важных качеств (ПВК) личного состава [5].

Фундаментальную правовую основу организации профессиональной подготовки сотрудников ОВД образует массив нормативных правовых актов различной юридической силы. Конституция Российской Федерации устанавливает высшую ценность прав и свобод человека и определяет обязанность государства по их защите [1]. Данное положение задает базовый вектор правомерности и гуманистической направленности правоохранительной деятельности.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет назначение полиции, принципы ее деятельности (законность, беспристрастность, открытость, доверие населения) и ключевые обязанности сотрудника по обеспечению правопорядка и эффективному применению мер государственного принуждения [2].

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...» регламентирует правовой статус сотрудника, условия прохождения службы, порядок проведения аттестации, а также закрепляет обязанность поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения служебных обязанностей [3].

Центральное место в системе ведомственного нормативного регулирования рассматриваемой сферы занимает Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [4]. Данный нормативный правовой акт сформировал единую и гибкую систему подготовки специалистов. Приказ № 44 закрепил приоритет компетентностного подхода, установил персональную ответственность руководителей территориальных органов МВД за уровень обученности личного состава, а также детально регламентировал алгоритмы планирования, учета и контроля качества образовательного процесса на всех уровнях ведомства.

На основе норм Приказа МВД России № 44 система подготовки сотрудников ОВД выстраивается в виде многоуровневого комплекса, состоящего из трех основных взаимосвязанных институтов [4]:

Профессиональное обучение (первоначальная подготовка). Данный вид обучения является нормативно обязательным для граждан, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел. На основании статьи 76 Федерального закона № 342-ФЗ и положений Приказа № 44 сотрудник до прохождения первоначального обучения не может быть допущен к самостоятельному выполнению служебных обязанностей, связанных с риском для жизни, применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [3; 4]. Обучение проходит на базе Центров профессиональной подготовки (ЦПП) территориальных органов МВД России или профильных факультетов ведомственных вузов и нацелено на первичную социализацию стажера в военизированной среде, освоение правовых рамок службы и базовых навыков досмотрово-задерживающих действий.

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) обеспечивает непрерывное обновление и расширение профессиональных компетенций сотрудника на протяжении всей его карьеры. Система ДПО опирается на два ключевых направления. Первое - повышение квалификации: это обязательная процедура, проводимая не реже одного раза в 3–5 лет и направленная на изучение актуального законодательства и современных технико-криминалистических средств. Второе - профессиональная переподготовка, которая назначается при кардинальном изменении профиля служебной деятельности сотрудника.

Профессиональная служебная и физическая подготовка (ПСП). В соответствии с Приказом № 44, профессиональная служебная и физическая подготовка (ПСП) организуется как непрерывный и ежегодно планируемый учебный процесс, проходящий непосредственно в местах несения службы. Данная система комплексно

включает четыре профиля: служебный (охватывающий правовой и специальный блоки), тактико-специальный (фокусирующийся на действиях в чрезвычайных ситуациях), огневой (направленный на правомерное и меткое использование служебного оружия) и физический (нацеленный на развитие силы, выносливости и автоматизацию навыков применения боевых приемов и конвоирования).

С точки зрения юридической педагогики и психологии, ПВК представляют собой сложный комплекс физических, интеллектуальных, личностных и волевых характеристик. Именно эта системность детерминирует способность сотрудника правоохранительных органов не только результативно исполнять свои служебно-оперативные обязанности, но и адаптироваться к стрессогенным и специфическим факторам профессиональной среды [5].

Фундаментом профессионального облика сотрудника является его нравственный стержень, который базируется на высокой правовой культуре, нулевой терпимости к коррупционным рискам, верности Присяге и служебной дисциплине. Неотъемлемой частью этого блока выступает тактичное и этичное общение с гражданами. Все эти качества напрямую влияют на укрепление доверия общества и авторитета органов власти [6].

Приоритетное значение имеют нервно-психическая устойчивость к травмирующим воздействиям, решительность при применении мер государственного принуждения и высокий уровень самоконтроля, который служит надежным барьером на пути профессиональной деформации и эмоционального выгорания [7].

Физико-прикладные качества формируют биомеханический фундамент для выполнения служебно-боевых задач. Специальная выносливость позволяет длительно исполнять обязанности в неблагоприятных климатических условиях, а скоростно-силовая координация дает возможность мгновенно мобилизовать физические усилия при силовом задержании, преследовании или отражении внезапного нападения.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным выработать следующие практические рекомендации по дальнейшему развитию системы подготовки личного состава ОВД:

Расширить практику создания мобильных симуляционных комплексов и интерактивных полигонов на базе районных и городских отделов полиции для постоянной отработки навыков стрельбы и задержания.

Осуществить глубокую дифференциацию программ и нормативов служебно-боевой подготовки с учетом профильного риска конкретных служб (участковые уполномоченные полиции, Госавтоинспекция, уголовный розыск, ПДН).

Усилить психологический компонент подготовки личного состава путем проведения регулярных тренингов по экспресс-саморегуляции стрессовых состояний и снятию психического напряжения после дежурств.

Разработать систему дополнительных мер материального и морального стимулирования института наставничества для повышения мотивации лучших сотрудников к передаче опыта.

Вывод. Внедрение Приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 позволило сформировать современную, нормативно выверенную и практико-ориентированную модель кадрового обеспечения. Процесс обучения преодолел дискретность, превратившись в сквозной цикл профессионального роста. Гармоничное сочетание правовых знаний, высоких моральных установок, эмоционально-волевой устойчивости и силовой выправки, достигаемое через использование современных методов моделирования и наставничества, гарантирует формирование компетентного сотрудника полиции, способного на высоком уровне обеспечивать надежную защиту прав граждан, общества и государства.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

[3] Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[4] Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

[5] Коноплева И. Н., Богданович Н. В. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников органов внутренних дел: Учебное пособие. - М.: Форум, 2021. - 288 с.

[6] Кузнецов С. В. Тактико-специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: Курс лекций. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. - 312 с.

[7] Марьин М. И., Петров В. Е. Профессиональная деформация сотрудников полиции: диагностика, профилактика и коррекция. - М.: ГИАЦ МВД России, 2020. - 184 с.

[8] Усмонзода Р.Р., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. Особенности внедрения зарубежного опыта и цифровизация системы образования МВД России. Право и управление. 2026. № 5.

С. 122-127.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ "On the Police".

[3] Federal Law No. 30.11.2011 of 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation".

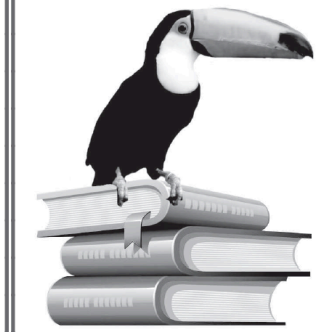
[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.02.2024 No. 44 "On approval of the Procedure for organizing training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation".

[5] Konopleva I. N., Bogdanovich N. V. Psychological support of the activities of employees of the internal affairs bodies: A textbook. - M.: Forum, 2021. - 288 p.

[6] Kuznetsov S.V. Tactical and special training of employees of the internal affairs bodies: Course of lectures. - N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 312 s.

[7] Maryin M.I., Petrov V.E. Professional deformation of police officers: diagnosis, prevention and correction. - M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 184 s.

[8] Usmonzoda R.R, Vozzhenikova O.S, Mashekuasheva M.H. Features of the introduction of foreign experience and digitalization of the education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Law and governance. 2026. № 5. S. 122-127.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-238-243

ДРОГА Анастасия Александровна,
доцент кафедры криминалистики Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, e-mail: madamdroga@yandex.ru

ОСКОЛКОВ Александр Валерьевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Санкт-Петербургского Университета ФСИН России, e-mail: sashuta.oskolkov.89@mail.ru,

ЧЕРЕЗОВ Александр Валентинович,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Самарский юридический институт ФСИН России, подполковник внутренней службы, e-mail: flex87@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТОВ В СИСТЕМЕ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ

Аннотация. *В статье рассматривается роль судебного эксперта в расследовании уголовных дел. Подчёркивается ключевая роль экспертов в уголовном процессе, включая получение информации для установления обстоятельств, внедрение современных технологий, объективизацию доказывания и разрешение вопросов, требующих узкой профессиональной экспертизы. Также отмечается проблема нехватки кадров в системе МВД РФ, которая влияет на качество и эффективность работы экспертов, в связи с чем, авторами предложено внести некоторые изменения в ведомственную инструкцию, а именно в приказ МВД России от 29.06.2005 г. № 511.*

Ключевые слова: *эксперт, экспертная деятельность, дефицит кадров, документооборот.*

Для цитирования: *Дрога А. А., Осколков А. В., Черезов А. В. Организационно-правовые основы деятельности экспертов в системе МВД Российской Федерации: актуализация проблем // Право и управление. 2026. № 10. С. 238–243.*

DROGA A. A.,
docent of Criminalistics of the Moscow regional Branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, candidate of Law Sciences, docent, colonel of police

OSKOLKOV A. V.,
senior lecturer at the department of criminal law disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, Pskov Branch of the St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia

CHEREZOV A. V.,
senior lecturer at the department of criminal law disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, lieutenant colonel of internal service

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF EXPERTS' ACTIVITY IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: UPDATING THE PROBLEMS

Annotation. *The article examines the role of a forensic expert in the investigation of criminal cases. The key role of experts in the criminal process is emphasized, including obtaining information to establish the circumstances, implementing modern technologies, objectifying evidence, and resolving issues that require specialized professional expertise. The problem of staff shortages in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is also noted, which affects the quality and effectiveness of experts' work; in this regard, the authors propose making certain changes to the departmental instruction, namely to Order No. 511 of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2005.*

Key words: *expert, expert activity, staff shortage, document management.*

For citation: *Droga A. A., Oskolkov A. V., Cherezov A. V. Organizational and legal foundations of experts' activity in the system of the ministry of internal affairs of the Russian Federation: updating the problems. Law and administration. 2026;(10):238–243. (In Russ.).*

Уровень раскрываемости в большей мере зависит от степени оснащенности органов порядка современными научно-техническими методами и средствами, а также от эффективности их использования. Применение современных достижений науки и техники в ходе производства по уголовному делу обеспечивается судебной экспертизой, так как многие факты и доказательства в рассматриваемых делах могут быть установлены лишь в процессе ее проведения судебной экспертизы. В основном судебные экспертизы проводятся на стадии предварительного расследования, однако, согласно имеющейся судебной практике, немалая их доля приходится и на судебные разбирательства [1]. Значение эксперта в расследовании преступлений трудно переоценить: именно его специальные знания «превращают сложные, «невидимые» детали» в объективные доказательства, которые помогают установить истину [6]. Можно выделить несколько ключевых аспектов, показывающих, какую роль он играет в уголовном процессе:

установление обстоятельств из полученных материалов по уголовному делу в ходе производства экспертизы с применением научных, технических или ремесленных методов при разрешении поставленных следователем вопросов;

внедрение современных технологий при производстве экспертных исследований в связи с развитием науки и техники, которые порождают новые способы совершения преступлений, так как эксперт, владеющий актуальными методиками, обеспечивает интеграцию в расследование передовых технологий, что повышает качество и эффективность его работы и оптимизирует сроки расследования;

разрешение вопросов, требующих узких профессиональных знаний и познаний в целях всестороннего расследования;

обеспечение объективности расследования, так как в уголовном процессе важно, чтобы выводы делались на основе фактов, а не на предположениях, в указанной связи, экспертное заключение - это мотивированный вывод, основанный на исследовании, так как следователь и суд оценивают его с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, при этом должна соблюдаться независимость эксперта, которая как раз и выступает гарантией объективности [2].

Таким образом, мы видим, что эксперт – это значимый участник уголовного процесса, чья аналитическая работа напрямую влияет на качество, обоснованность и справедливость расследования.

Однако, в настоящее время в системе МВД РФ прослеживается такая негативная тенденция, как отсутствие достаточного количества сотрудников, которая носит самый актуальный практический и соответственно правовой характер. Как сообщил министр МВД Владимир Колокольцев в феврале 2026 года на заседании комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции: «…Число вакансий в МВД достигло 212 тыс.... Проблема комплектования

органов внутренних дел даже на фоне предыдущих лет приобрела сегодня более масштабный характер… В 41 регионе некомплект превышает 25% личного состава. В 19 подразделениях районного уровня отсутствует больше половины сотрудников… Только за минувший год уволился каждый второй опытный сотрудник с выслугой в этом подразделении от десяти лет и более… Личный состав работает на пределе возможностей, я бы сказал за гранью возможностей … Все это приводит к неизбежным переработкам, вызывая тем самым дальнейший отток кадров …» [3].

«Проблема дефицита кадров накапливалась в течение длительного времени. В современных условиях на сотрудников внутренних дел ложится большое количество сопутствующих задач – объем служебной нагрузки становится огромным. Поэтому накапливается усталость и происходит эмоциональное выгорание», – считает Владимир Ворожцов, член Совета по внешней и оборонной политике, генерал-майор внутренней службы в отставке.

В целях предотвращения данного негативного процесса требуется выделение его первоочередных причин в их комплексной взаимосвязи и взаимообусловленности. Очевидно, некомплект личного состава на сегодняшний день является критическим и на сегодняшний день отток кадров коснулся и подразделений экспертных служб МВД, на который повлияли следующие факторы:

Недостаточно высокий уровень денежного довольствия и социальных гарантий. Оплата труда в экспертных подразделениях, особенно в регионах, часто не соответствует уровню зарплат в других сферах деятельности, что делает службу менее привлекательной на фоне других профессий с сопоставимой ответственностью.

Высокая нагрузка и бюрократизация. На сотрудников ложится огромный объём выполнения не только экспертиз, но и большой процент «бумажной» работы. Эксперты вынуждены тратить значительную часть времени на заполнение отчётов, справок, что отвлекает от непосредственного исследования материалов. К этому добавляются ненормированный рабочий день, риски безопасности, дежурства в праздники и внезапные усиления, которые ещё больше сокращают личное время и усиливают психологический стресс [7].

Профессиональное выгорание и неблагоприятный психологический климат. Специфика работы в экспертных подразделениях (высокая ответственность, стрессовые ситуации, необходимость постоянно поддерживать концентрацию) в сочетании с перегрузками ведёт к эмоциональному истощению. Дополнительным фактором становится давление со стороны руководства, противоречивые указания, избыток контрольных сроков, рост документооборота.

Сложности с привлечением молодых специалистов. Несмотря на государственные программы поддержки, профессия эксперта в системе МВД остаётся сложной и малопрестижной [8]. Многие выпускники профильных вузов предпочитают уходить в коммерческие структуры или другие государственные органы с более привлекательными условиями. Кроме того, в обществе у части людей складывается негативный образ сотрудника полиции, что тоже снижает престижность профессии.

Часть сотрудников была направлена на прохождение службы в новых территориях или задействована в СВО, что также сократило кадровый резерв [4].

Последствия дефицита кадров в экспертных подразделениях привели к снижению оперативности экспертно-криминалистического обеспечения, профилактике и затягиванию сроков проведения экспертиз, так как оставшиеся эксперты вынуждены работать сверхурочно [10]. Это, в свою очередь, так же провоцирует процесс увольнения, в том числе опытных сотрудников, которые могли бы передать опыт вновь прибывшим экспертам. В связи с чем, ежедневно в исполнении своих служебных обязанностей эксперты сталкиваются с нагрузками, превышающими их нормированную совокупность задач, что ведет к серьезным последствиям для работы ведомства [9].

Таким образом, в ходе исследования такого масштабного процесса нами были выделены ряд причин, влияющих на данный негативный момент, и одна из них - перегруженность сотрудников массивом документооборота. В связи с чем, считаем, что одним из направлений сокращения текучести кадров будет снижение нагрузки в части обоснованной минимизации количества документов. В частности, предложение касается организации работы экспертных подразделений, деятельность которых регламентируется положениями приказа МВД России от 29.06.2005 г. № 511 [5]. В настоящее время абзац первый п. 50 настоящего приказа определяет, что: «После выполнения экспертизы, материалы которой не могут быть направлены почтовой связью, руководитель в течение трех дней письменно информирует об этом лицо (орган), назначившее экспертизу.». Согласно данному пункту эксперту (в лице его руководителя) в обязанность определено составить и направить такое уведомление вне зависимости от того, прибыл ли инициатор исследования или нет за материалами экспертизы в течение трех дней [13]. На практике получается, что эксперты, имеющие в своей работе десятки экспертиз, помимо исследований должны в кратчайшие сроки и в огромном количестве составлять такие уведомления, подгонять их под формат ИСОД, от-

правлять на проверку делопроизводителям, подписывать у руководителя ЭКП и т.д. [12] На такие технические моменты исполнения одного уведомления у эксперта уходит достаточно большое количество времени с учетом того, что его основная деятельность заключается в составлении экспертных заключений [15]. В свою очередь инициатор экспертизы, как правило, в сроки до трех дней, уже благополучно получает и само экспертное исследование и его материалы, так как заинтересован в скорейшем их получении [11]. В связи с вышеизложенным считаем целесообразным, внести изменения в п. 50 приказа МВД России от 29.06.2005 г. № 511, который, на наш взгляд, позволит минимизировать «бумажную» работу эксперта и сократить его загруженность, обусловленную текучестью кадров в системе МВД, и изложить первый абзац указанного пункта в следующей редакции:

«50. После выполнения экспертизы, материалы которой не могут быть направлены почтовой связью, руководитель в течение пяти рабочих дней письменно информирует об этом лицо (орган), назначившее экспертизу, в том случае, если указанным лицом, экспертиза и материалы не были получены в течении трех рабочих дней со дня ее исполнения».

Как видим, рассмотрение составных частей данной проблематики предполагает обширное дискуссионное пространство. Дефицит кадров в системе органов МВД, в том числе экспертных подразделениях, – это системная проблема, требующая комплексного и своевременного решения на всех уровнях власти, иначе ее последствия могут привести в целом к кризису правоохранительной системы и подрыву правоохранительной функции нашего государства [14].

Список литературы:

[1] Шурухнов, Н. Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней / Н. Г. Шурухнов // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2, № 1(3). – С. 271-283.

[2] Жукова, Н. А. О некоторых проблемах правового регулирования экспертной деятельности / Н. А. Жукова // История, теория, практика российского права. – 2024. – № 17. – С. 139-142.

[3] Коммерсант. Общество. Число уволившихся из МВД за год на 40% превысило количество нанятых сотрудников [Электронный ресурс] / Веб-версия газета «Коммерсантъ». Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 (Дата обращения 15.09.2026 г.).

[4] Капустина, А. С. К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности / А. С. Капустина, И. В. Цевелева // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности : Материалы II Международной научно-практической конференции молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 30 ноября – 01 2023 года. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. – С. 185-188.

[5] Приказ МВД России от 29.06.2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»), зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 г. № 6931 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Дата обращения 15.09.2026 г.).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Дата обращения 15.09.2026 г.).

[7] Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ [Electronic resource] (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Дата обращения 15.09.2026 г.).

[8] Приказ МВД России от 29.06.2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»), зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 г. № 6931 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Дата обращения 15.09.2026 г.).

[9] Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской ; Московский гос. юрид. ун-т

им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма : Инфра-М, 2024. -367с.

[10] Болдырева, Е. А. Судебно-экспертная деятельность как один из структурных компонентов экспертно-криминалистической деятельности / Е. А. Болдырева // Судебно-экспертная деятельность: современное состояние и перспективы развития : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2023 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 12-14.

[11] Жукова, Н. А. О некоторых проблемах правового регулирования экспертной деятельности / Н. А. Жукова // История, теория, практика российского права. – 2024. – № 17. – С. 139-142.

[12] Капустина, А. С. К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности / А. С. Капустина, И. В. Цевелева // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности : Материалы II Международной научно-практической конференции молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 30 ноября – 01, 2023 года. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. – С. 185-188.

[13] Никитин, В. В. Экспертиза и экспертная деятельность в различных отраслях и видах деятельности в российском праве / В. В. Никитин // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: вопросы теории и практики : Сборник трудов XXII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция, Кострома, 13 декабря 2025 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2026. – С. 225-230.

[14] Шурухнов, Н. Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней / Н. Г. Шурухнов // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2, № 1(3). – С. 271-283.

[15] Электронный ресурс. Веб-версия газета «Коммерсантъ» / Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 (Дата обращения 15.09.2026 г.).

References:

[1] Shurukhnov, N. G. On expert activity, and not only about it / N. G. Shurukhnov // Modern criminal procedure law - lessons of history and problems of further reform. – 2021. - T. 2, NO. 1 (3). - S. 271-283.

[2] Zhukova, N. A. On some problems of legal regulation of expert activity / N. A. Zhukova // History, theory, practice of Russian law. – 2024. – № 17. - S. 139-142.

[3] Kommersant. Society. The number of those who left the Ministry of Internal Affairs for the year was 40% higher than the number of hired employees [Electronic Resource] / Web version of the Kommersant newspaper. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 (Accessed 15.09.2026).

[4] Kapustin, A.S. On the issue of improving legislation in the field of forensic activity / A.S. Kapustin, I.V. Tseveleva // Transformation of the information and communication environment of society in the face of modern challenges: Materials of the II International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Komsomolsk-on-Amur, November 30 - 01, 2023. - Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsky-on-Amur State University, 2023. - S. 185-188.

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 511 dated 29.06.2005 "Issues of organization of forensic examinations in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation" (together with the "Instructions for organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation," "List of births (types) of forensic examinations performed in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation"), registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 23.08.2005 No. 6931 (as amended) [Electronic Resource] / SPS Consultant Plus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Accessed 15.09.2026).

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended) [Electronic resource] / SPS ConsultantPlus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Accessed 15.09.2026).

[7] Federal Law "On State Forensic Activity in the Russian Federation" dated 31.05.2001 No. 73-FZ [Electronic resource] (as amended) [Electronic resource] / SPS ConsultantPlus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Accessed 15.09.2026).

[8] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 511 dated 29.06.2005 "Issues of organization of forensic examinations in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation" (together with the "Instructions for organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation," "List of births (types) of forensic examinations performed in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation"), registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 23.08.2005 No. 6931 (as amended) [Electronic Resource] / SPS Consultant Plus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Accessed 15.09.2026).

[9] Rossinskaya, E.R. Theory of forensic

examination (Forensic expertise): textbook/ E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; ed. E.R. Rossinskaya; Moscow state jurid. University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Norm: Infra-M, 2024. -367s.

[10] Boldyreva, E. A. Forensic activity as one of the structural components of forensic activity / E. A. Boldyreva // Forensic activity: current state and development prospects: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12, 2023. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2023. - S. 12-14.

[11] Zhukova, N. A. On some problems of legal regulation of expert activity / N. A. Zhukova // History, theory, practice of Russian law. – 2024. – № 17. - S. 139-142.

[12] Kapustin, A.S. On the issue of improving legislation in the field of forensic activity / A.S. Kapustin, I.V. Tseveleva // Transformation of the information and communication environment of society in the face of modern challenges: Materials of the II International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Komsomolsk-on-Amur, November 30 - 01, 2023. - Komsomolsk-on -Amur: Komsomolsky-on-Amur State University, 2023. - S. 185-188.

[13] Nikitin, V.V. Expertise and expert activities in various industries and activities in Russian law / V.V. Nikitin // Actual problems of the state and law at the present stage: questions of theory and practice: Collection of works of the XXII All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference, Kostroma, December 13, 2025. - Kostroma: Kostroma State University, 2026. - S. 225-230.

[14] Shurukhnov, N. G. On expert activity, and not only about it / N. G. Shurukhnov // Modern criminal procedure law - lessons of history and problems of further reform. – 2021. - T. 2, NO. 1 (3). - S. 271-283.

[15] Electronic resource. Web version Kommersant newspaper / Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 (Accessed 15.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-244-247

ХАЙББУЛОВ Айдар Радикович,
старший преподаватель кафедры огневой, физической и тактико-специальной подготовки филиала ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: trenerbfp@mail.ru

БЕРНИКОВ Эдуард Робертович,
преподаватель кафедры физической подготовки Нижегородской академии МВД России, e-mail: gengengen08@gmail.com

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ГИБДД МВД РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена основным аспектам подготовки сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) к применению огнестрельного оружия во время несения службы, а именно для остановки транспортных средств, пытающихся скрыться с места происшествия. Одной из важных проблем является применение устаревших навыков огневой подготовки сотрудников ГИБДД в ходе профессиональной подготовки в также применение морально устаревшего огнестрельного оружия. В данной статье проведен анализ правильного и безопасного применения огнестрельного оружия сотрудниками Госавтоинспекции. Основным решением проведенного исследования является обоснование необходимости усовершенствования огневой подготовки сотрудников дорожно-патрульной службы и рассмотрение новых образцов огнестрельного оружия.*

Ключевые слова: *огнестрельное оружие, огневая подготовка, правонарушения, транспортное средство, стрельба, программы подготовки.*

Для цитирования: *Хайббулов А. Р., Берников Э. Р. Основные аспекты огневой подготовки и применения огнестрельного оружия сотрудниками ГИБДД МВД России // Право и управление. 2026. № 10. С. 244–247.*

KHAIBULLOV Aidar Radikovich,
Senior Lecturer, Department of Fire Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Naberezhnye Chelny)

BERNIKOV Eduard Robertovich,
Teacher at the Department of Physical Training, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MAIN ASPECTS OF FIREARM TRAINING AND USE OF FIREARMS BY EMPLOYEES OF THE STATE ROAD SAFETY INSPECTION SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to the main aspects of training employees of the State Traffic Safety Inspectorate (GIBDD) in the use of firearms during their service, specifically for stopping vehicles attempting to flee the scene of an incident. One of the important problems is the use of outdated shooting skills by GIBDD officers during professional training, as well as the use of obsolete firearms. This article analyzes the correct*

and safe use of firearms by GAI officers. The main conclusion of the study is the justification for the need to improve the shooting training of road patrol service employees and to consider new types of firearms.

Key words: *firearms, firearms training, offenses, vehicle, shooting, training programs.*

For citation: *Khaibullov A. R., Bernikov E. R. Main aspects of firearm training and use of firearms by employees of the state road safety inspection service of the ministry of internal affairs of Russia. Law and administration. 2026;(10):244–247. (In Russ.).*

Введение. Применение сотрудниками ГИБДД в повседневной служебной деятельности огнестрельного оружия для пресечения противоправных действий (бездействий) лиц, совершивших правонарушение или преступление, отличается от особенностей применения оружия сотрудниками других подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Применение табельного оружия сотрудниками ГИБДД обычно может произойти в любой момент.

Одной из сложностей применения табельного оружия является стрельба из патрульного автомобиля в различных положениях и условиях, так как в основном обзор бывает ограниченным. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что сотрудникам Госавтоинспекции при применении огнестрельного оружия в первую очередь нужно соблюдать меры, как личной безопасности, так и окружающих лиц, поэтому сотрудники при несении службы и применении табельного оружия должны обладать специфическими навыками и умениями правильного и безопасного применения огнестрельного оружия.

Основная часть. У каждого сотрудника ОВД индивидуальные психофизиологические особенности организма и его функциональных систем, их следует выявлять на стадии набора на службу и в дальнейшем развивать в процессе подготовки, а руководителю - учитывать при формировании оперативных групп или экипажей ДПС ГИБДД. Например, один сотрудник профессионально управляет транспортным средством в экстремальных условиях, а второй - меткий стрелок, в их тандеме получится идеальный экипаж.

На основании п.1 ч.3 статьей 23 Федерального закона «О полиции» [1], сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об обстановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан.

Для остановки транспортного средства оружие может быть применено лишь, в крайнем случае, как мера принудительного воздействия на само транспортное средство путем его повреждения. Это допускается, только если водитель создает реальную угрозу жизни и здоровью людей, отказываясь выполнить неоднократные законные требования об остановке и пытаясь скрыться.

Решение о применении оружия в такой ситуации должно быть пропорционально степени опасности: стрельба по шинам допустима для остановки автомобиля, управляемого лицом, которое неоднократно проигнорировал законные требования сотрудника полиции об остановке, но не для задержания водителя, скрывающегося от уплаты штрафа».

Закон устанавливает и строгие процессуальные требования: «Как правило, сотрудник обязан предупредить о намерении применить оружие, предоставив время для выполнения требований. Однако это правило не действует, если промедление создает непосредственную угрозу жизни граждан или может повлечь иные тяжкие последствия. После применения оружия сотрудник обязан немедленно уведомить прокуратуру и оказать первую помощь пострадавшему».

Особое внимание уделяется запретам: «Применение оружия запрещено в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, исключение составляют только случаи, когда эти лица совершают вооруженное или групповое нападение, угрожающее жизни людей, либо оказывают вооруженное сопротивление.

Также запрещено применять оружие при значительном скоплении людей, если существует риск причинения вреда случайным лицам, что делает его применение практически невозможным в условиях плотного городского движения или массовых мероприятий».

Исходя из данных МВД России по Республике Татарстан, сотрудники Госавтоинспекции в 2025 году 29 раз применяли огнестрельное оружия для принудительной остановки транспортных средств.

Для правильного и успешного применения огнестрельного оружия, сотрудники полиции должны быть профессионально подготовлены по огневой и физической подготовке, иметь высокие психологические и моральные качества, и обладать более современным, эффективным, безопасным огнестрельным оружием.

В контексте обеспечения общественной безопасности и правопорядка, сотрудники Госавтоинспекции наделены полномочиями по приме-

нению табельного огнестрельного оружия.

Однако анализ практики применения оружия сотрудниками Госавтоинспекции выявляет нарушения, в части соблюдения требований безопасности и оперативности извлечения оружия из кобуры. Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с огневой подготовкой сотрудников в свете Приказа МВД России от 02.02.2024 г. № 44 «06 утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [2], и предлагает пути их решения.

Проблемы, выявленные в практике применения оружия:

Нарушения при извлечении оружия: Наиболее распространенными нарушениями являются, несоблюдение правил безопасного и оперативного извлечения табельного оружия из кобуры.

Недостатки техники стрельбы: Применение оружия из автомобиля, особенно при движении по неровным участкам дороги, в положении сидя, часто сопровождается отсутствием стабильной опоры для ног, что негативно сказывается на точности стрельбы.

Недостаточное внимание уделяется правильной работе лучезапястного, локтевого и плечевого суставов, что критично для обеспечения устойчивости оружия и формирования правильного хвата.

Влияние стресса: Преследование транспортного средства, особенно на высоких скоростях, создает у сотрудников стресс и напряжение, что может влиять на принятие решений и точность прицеливания.

Недостатки и их влияние на огневую подготовку:

Отсутствие учета психологических факторов: Не в полной мере учитываются психологические особенности обучающихся и состояние их функциональных систем, что может снижать эффективность подготовки.

Устаревшая материальная база, а именно отсутствие достаточного количества тренажеров для выполнения упражнения «стрельба из автомобиля в движении».

Отсутствие новых образов тактических пистолетных кобур, которые существенно повышают удобство ношения и скорость применения огнестрельного оружия.

Медленные переход от старых образов огнестрельного оружия к новым.

Проблемы с подбором кадров:

Снижение морально-психологических качеств: в последние годы наблюдается тенденция к приему на службу в УРЛС МВД России лиц с недостаточными морально-психологическими качествами, что может негативно влиять на правильность применения огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях. В связи с этим правильность применения оружия сотрудниками Госавтоинспекции зависит от подготовленности и правильного применения в различных экстремальных ситуациях.

В связи с этим, в первую очередь необходимо сотрудникам пройти качественную огневую подготовку, то есть они должны постоянно проводить тренировки, и во время тренировочных мероприятий должны углубленно изучать правила применения огнестрельного оружия из транспортного средства [3].

Необходимо обратить внимание на то, что в данном приказе закреплены стандартные упражнения и положения для стрельбы: стоя, лежа и с колена. При стрельбе сидя отсутствует дополнительная точка опоры для ног, особенно при стрельбе из патрульного автомобиля.

Устойчивость оружия в руках определяется работой плечевого, локтевого и лучезапястного суставов, которые тесно взаимодействуют с работой, как мышц, так и туловища.

Вывод. Таким образом, необходимо разрабатывать план более четкими и понятными инструкциями и сценариями применения табельного оружия в экстренных ситуациях, связанных со стрельбой из патрульного транспортного средства и разработать более детальную схему действий и мероприятий, в котором будут описаны навыки и инструкции, обеспечивающие полномерный контроль окружающей обстановки и огнестрельного оружия в состоянии повышенной психологической и физической нагрузки, которая нужна всем сотрудникам при выполнении служебно-оперативных задач. Необходимо также проводить стрельбы из движущегося транспортного средства, конечно же, с соблюдением особых мер безопасности и специальных объектов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 - ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О полиции» // Собрание законодательства РФ от 2011г. № 3. ст. 2343.

[2] Приказ МВД России от 02.02.2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС Гарант: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/70375922/. (Дата обращения 24.08.2025).

[3] Машекуашева М.Х., Жамборов А.А. Некоторые элементы психологической подготовки стрелка - сотрудника ОВД. Право и управление. 2026. № 6. С. 213-217.

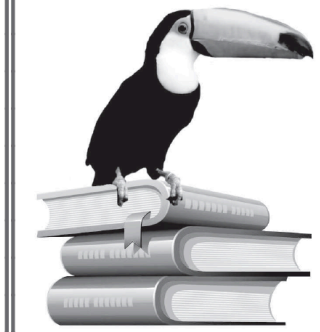
References:

[1] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended by 14.04.2023) "On Police" // Collection of Legislation of the Russian Federation of 2011 № 3.

Art. 2343.

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 44 dated 02.02.2024 "On Approval of the Procedure for Organizing Training for Filling Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" // SPS Guarantor: [website]. URL: https://base.garant.ru/70375922/. (Accessed on 24.08.2025).

[3] Mashekuasheva M.Kh., Zhamborov A.A. Some elements of psychological training of the shooter are an employee of the police department. Law and governance. 2026. № 6. S. 213-217.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-248-255
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КУЗНЕЦОВ Александр Владимирович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции, e-mail: v.shanko@mail.ru

ШАПОШНИКОВА Наталья Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права УрЮИ МВД России, подполковник полиции, e-mail: nssabanina@gmail.com

УШАКИНА Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, подполковник полиции, e-mail: Nikjulijas@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ГРУППОВЫХ НАРУШЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Предметом исследования выступают правовые основания и пределы реагирования полиции на групповые нарушения общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Цель статьи — определить критерии разграничения административно наказуемого поведения, отдельных преступных посягательств и массовых беспорядков, а также обосновать механизм принятия соразмерных правоохранительных решений. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы и правовое моделирование. Установлено, что нормативно значимая граница между указанными ситуациями определяется не численностью собравшихся, характером мероприятия либо фактом несогласованного проведения публичной акции, а совокупностью объективных признаков деяния, индивидуальной роли лица и установленной формы вины. Предложена двухконтурная модель реагирования, разделяющая меры немедленной защиты граждан и последующую персонализированную правовую квалификацию. Обоснованы рекомендации по фиксации обстоятельств применения принуждения, межведомственному взаимодействию и проверке достаточности доказательств. Результаты могут использоваться при совершенствовании ведомственных организационно-методических решений и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *массовые мероприятия; массовые беспорядки; охрана общественного порядка; полиция; административная ответственность; уголовная ответственность; квалификация преступлений; полицейское принуждение; соразмерность; фиксация доказательств.*

Для цитирования: *Кузнецов А. В., Шапошникова Н. С., Ушакина Ю. С. Правовые пределы пресечения групповых нарушений общественного порядка при проведении массовых мероприятий: проблемы разграничения административной и уголовной ответственности // Право и управление. 2026. № 10. С. 248–255.*

KUZNETSOV Aleksandr Vladimirovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

SHAPOSHNIKOVA Natalya Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Criminal Law at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

USHAKINA Yulia Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Police Lieutenant Colonel

LEGAL LIMITS OF SUPPRESSING GROUP DISTURBANCES OF PUBLIC ORDER AT MASS EVENTS: DELIMITATION OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY

Annotation. *The article examines the legal grounds and limits of police response to group disturbances of public order at mass events. Its purpose is to identify criteria for distinguishing administrative offences, individual criminal acts and mass riots, and to develop a framework for proportionate law-enforcement decisions. The study relies on formal legal analysis, systemic interpretation, comparative legal reasoning and legal modelling. It argues that the decisive legal threshold does not depend on crowd size, the type of event or the lack of prior notification as such, but on the objective elements of conduct, the individual role of the person concerned and established culpability. The authors propose a two-track response model separating immediate protection of people from subsequent individualized legal assessment. Recommendations address documentation of police coercion, interagency coordination and assessment of evidentiary sufficiency. The findings may assist in improving law-enforcement guidance and practice.*

Key words: *mass events; mass riots; public order; police; administrative liability; criminal liability; classification of offences; police coercion; proportionality; evidence preservation.*

For citation: *Kuznetsov A. V., Shaposhnikova N. S., Ushakina Yu. S. Legal limits of suppressing group disturbances of public order at mass events: delimitation of administrative and criminal liability. Law and administration. 2026;(10):248–255. (In Russ.).*

Массовые мероприятия одновременно представляют собой форму общественного взаимодействия, пространство реализации конституционных прав и обстановку повышенной плотности межличностных контактов, которые в подобных условиях способны быстро распространиться за пределы первоначального эпизода. Касаемо органов внутренних дел принципиален не только вопрос о своевременном пресечении противоправного поведения, но и вопрос о выборе надлежащего правового основания вмешательства, так как ошибка здесь имеет двоякий эффект, недооценка фактической угрозы снижает защищенность граждан, тогда как необоснованное усиление принуждения подрывает законность и доверие к правоохранительным институтам.

Актуальность проблемы определяется неоднородностью массовых мероприятий, которым относятся спортивные соревнования, культурно-зрелищные и религиозные события, а также публичные акции, организуемые для выражения мнений и требований. Но, их правовые режимы не совпадают, в связи с чем нельзя автоматически переносить правила Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ на любое скопление людей, поскольку закон специально регулирует собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования. Даже научная литература отмечает многообразие территориальных и организационных моделей проведения массовых мероприятий, что требует более точного разграничения правовых инструментов [1; 2].

В исследованиях последних лет затронуты административная ответственность за нарушения при массовых мероприятиях [3], взаимодействие органов внутренних дел с иными участниками обеспечения безопасности [4], криминологические аспекты преступлений в данной сфере [5; 6], вопросы установления зачинщиков групповых нарушений [7] и информационно-коммуникативной профилактики [8]. Но, вместе с тем сохраняется самостоятельная проблема перехода от оценки массового события как обстановки обеспечения безопасности к оценке конкретного деяния как административного правонарушения или преступления и такой переход не должен зависеть

от эмоционального восприятия ситуации либо ее медийного резонанса.

Характер массового мероприятия как события обычно определяет компетенцию органов власти, порядок уведомления, взаимодействие с организатором и специальные организационные обязанности, поскольку именно поведение конкретных лиц образует либо не образует признаки правонарушения. В то же время отсутствие уведомления о публичном мероприятии, даже при наличии соответствующих оснований для административной ответственности, не превращает мирное собрание в массовые беспорядки, равно как и формально согласованное массовое событие не исключает возможности совершения участниками преступлений против личности, собственности или общественной безопасности.

Вторым условием, о котором мы считаем нужным упомянуть в наше исследовании, является содержательное разграничение общественного порядка и общественной безопасности, поскольку для практической работы полиции эти категории тесно связаны, но аналитически не тождественны, общественный порядок характеризует упорядоченность поведения в общественных местах и соблюдение правил общежития, тогда как общественная безопасность акцентирует защищенность личности и общества от опасных угроз. Дискуссия об их соотношении справедливо отмечена в современной юридической литературе [9], поскольку при значительном скоплении людей указанные объекты охраны могут затрагиваться одновременно, что не освобождает правоприменителя от необходимости указать конкретный нарушенный запрет.

В административно-правовой плоскости ключевое значение имеют статьи 20.2 и 20.2.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Первая относится к нарушениям установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, вторая же направлена на организацию, призывы к организации либо участие в массовом одновременном пребывании или передвижении граждан в общественных местах, которое не является публичным мероприятием и повлекло перечисленные в законе нарушения или препятствия. Следовательно, указанные составы различаются прежде всего по объекту регулирования и юридической характеристике самой массовой активности и их применение как универсальных взаимозаменяемых норм было бы методологически ошибочным. А, кроме того, статья 20.2.2 КоАП РФ связывает ответственность не только с организационными действиями или присутствием, но с предусмотренными законом последствиями либо помехами, а также содержит оговорку об отсутствии уголовно наказуемого деяния. В связи с чем в каждом конкретном случае следует устанавливать, какие именно нарушения порядка или препятствия имели место, в чем выражалось поведение лица, как оно связано с наступившими обстоятельствами и имеются ли признаки иной правовой квалификации. При этом нельзя подменять эти обстоятельства общей характеристикой «толпа нарушила порядок».

Применение статьи 19.3 КоАП РФ также предполагает самостоятельную проверку законности конкретного распоряжения или требования уполномоченного сотрудника, его связи с исполнением служебных обязанностей и факта неповиновения, поскольку для правовой оценки недостаточно указать, что человек оказался в месте проведения мероприятия и не выполнил неопределенное пожелание должностного лица, проверке подлежат содержание предписания, форма его доведения до адресата, возможность исполнения и наличие предусмотренных законом оснований. Иное, на наш взгляд, неминуемо привело бы к недопустимому смешению задач обеспечения порядка с презумпцией противоправности нахождения гражданина в общественном месте.

Самостоятельного внимания требуют на наш взгляд составы, охраняющие возможность законного осуществления публичных прав. Так статья 5.38 КоАП РФ предусматривает ответственность за воспрепятствование организации или проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо участию в них и за принуждение к участию. В тоже время при наличии указанных уголовным законом обстоятельств противоправное воспрепятствование или принуждение может подпадать под статью 149 УК РФ, в связи с чем мы видим, что тем самым обязанности полиции имеют позитивное содержание, они заключаются не только в прекращении правонарушений, но и в обеспечении условий для реализации законной публичной активности.

Для уголовно-правового анализа определяющим, несомненно, является содержание статьи 212 УК РФ, так как закон связывает организацию массовых беспорядков с массовыми беспорядками, сопровождавшимися насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением указанных в норме опасных предметов и веществ либо оказанием вооруженного сопротивления представителю власти. Отдельно закреплена ответственность за участие в таких беспорядках, за соответствующие призывы, за склонение, вербовку или иное вовлечение, а также за предусмотренное законом обучение. И, таким образом, мы видим, что термин «массовые беспорядки» не может использоваться как юридический синоним любой напряженной обстановки, массовой драки или несанкционированной акции.

В связи с чем нам представляется обоснованным выделить три взаимосвязанных критерия квалификации по статье 212 УК РФ, событийный, деятельностный и субъективный. Событийный критерий предполагает установление самого факта массовых беспорядков с признаками, указанными в уголовном законе, деятельностный критерий требует выяснения конкретной роли лица: организация, вовлечение, участие в преступных действиях или самостоятельные призывы и, наконец, субъективный критерий связан с доказыванием вины применительно к инкриминируемому поведению. При отсутствии же хотя бы одного необходимого элемента соответствующего состава уголовно-правовая квалификация не может основываться на общей оценке происходящего.

Отсюда вытекает принципиальное разграничение факта присутствия и факта участия, когда нахождение человека рядом с местом повреждения имущества, движение вместе с большой группой либо пребывание на территории события в момент задержания сами по себе не свидетельствуют о его участии в массовых беспорядках, тут требуется совокупность конкретных доказательств действий и субъективного отношения к ним. Аналогичным образом нельзя отождествлять лицо, впервые инициировавшее публичное обсуждение или призвавшее граждан собраться, с организатором именно массовых беспорядков, уголовно-правовая же оценка определяется содержанием умысла и объективных действий, а не общей организаторской активностью.

Необходимо отметить, что в литературе справедливо исследуются роль отдельных активных участников и криминологические характеристики массовых беспорядков [5; 6; 7]. Вместе с тем статистические и социально-демографические портреты лиц, осужденных по соответствующим статьям, не образуют самостоятельных юридических признаков преступления, использование их для предварительного отнесения участников мероприятия к потенциальным правонарушителям означало бы неправомерную замену индивидуализированной оценки поведения типологическими признаками. Криминологическая информация допустима также как основание для обезличенного анализа рисков и профилактики, но не как доказательство виновности конкретного лица.

Пограничные ситуации возникают при разграничении массовых беспорядков с хулиганством, насилием в отношении представителя власти, умышленным уничтожением имущества и иными преступлениями. Статья 213 УК РФ имеет собственные обязательные признаки, включая грубое нарушение общественного порядка и выражение явного неуважения к обществу при установленных законом условиях. Статья 318 УК РФ относится к посягательствам на представителя власти, поэтому при решении вопроса о квалификации каждого эпизода необходимо выяснять, охватывается ли соответствующее поведение конкретным составом либо имеются основания для дополнительной квалификации по совокупности преступлений. Вот почему автоматическая формула «массовое мероприятие плюс насилие равно статья 212 УК РФ» не соответствует принципу законности.

И естественно, особое место в системе разграничения занимает статья 212.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за неоднократное нарушение порядка организации либо проведения публичного мероприятия. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П связал конституционно допустимое применение данной нормы с наличием общественной опасности конкретного деяния и с вступившими в законную силу судебными актами о предшествующей административной ответственности в установленном законом порядке. Такая позиция важна для предлагаемой модели, так формальное накопление административных эпизодов само по себе не может заменять уголовно-правовую оценку деяния и не имеет отношения к установлению состава массовых беспорядков по статье 212 УК РФ.

Для работы полиции ключевым является вопрос, как юридическая оценка должна соотноситься с немедленными мерами безопасности. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет обязанность обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок, в том числе в местах проведения массовых мероприятий, а также специальный режим применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Статьи 18–24 указанного закона требуют наличия предусмотренных оснований, соблюдения порядка применения и установленных ограничений, поскольку угрожающее развитие событий может обусловливать необходимость незамедлительной защиты людей, но не создает общего разрешения применять принуждение без учета его законных условий.

Именно поэтому предлагаем рассматривать решение о реагировании в виде двух юридически связанных, но функционально различающихся контуров. Первый контур — защитно-превентивный, ориентированный на объективно существующую угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан, обеспечение доступности путей выхода, оказание помощи пострадавшим, информирование организаторов и участников о законных требованиях, локализацию опасного эпизода правомерными средствами. При этом отметим, что его результат оценивается по устранению или сниже-

нию опасности с минимально необходимым вмешательством в права не причастных к нарушению граждан.

Второй контур — квалификационно-доказательственный, задача которого установить индивидуализированный состав административного правонарушения или преступления, разграничить действия организаторов, активных участников, случайно присутствующих и лиц, содействующих обеспечению безопасности, определить наличие умысла, форму причинной связи и пределы ответственности. Задачи этого контура не решаются коллективной оценкой толпы, меры первого контура могут быть предприняты до окончательной юридической квалификации при наличии собственных законных оснований, однако последующая квалификация не должна конструироваться задним числом ради оправдания уже примененного принуждения.

Вопросы организации действий сотрудников органов внутренних дел в условиях массовых беспорядков рассматривались в исследовании В. В. Шанько, А. С. Курочкина и В. В. Шабаева [11] и, учитывая практическую направленность указанной работы, представляется целесообразным дополнить организационно-тактический подход к реагированию на массовые нарушения общественного порядка дифференцированными критериями правовой оценки складывающейся обстановки. Такой подход позволит учитывать не только характер и степень возникающей угрозы, но и юридические основания применения конкретных мер административного принуждения.

Для конкретизации предлагаемой нами модели считаем целесообразным выделить четыре условных уровня изменения обстановки. Во-первых, это штатный уровень, когда массовое мероприятие проходит без признаков противоправного поведения, преобладают информирование, мониторинг безопасности и обеспечение свободного перемещения. Во-вторых, локально-конфликтный, когда наблюдаются отдельные нарушения или столкновения, требующие адресной проверки и пресечения. В-третьих, групповой опасный, когда одновременно происходят действия, угрожающие здоровью людей или функционированию инфраструктуры; необходимы правомерные меры защиты, но наличие состава статьи 212 УК РФ еще подлежит установлению. И, наконец, четвертый — криминально обусловленный уровень, когда имеются конкретные сведения о действиях, содержащих предусмотренные уголовным законом признаки массовых беспорядков или иных преступлений, приоритет получают защита людей, сохранение доказательств и надлежащая процессуальная оценка. Существенное достоинство такой схемы состоит в отделении операционного индикатора риска от юридического признака состава, когда, к примеру, возникновение панического перемещения большой группы может требовать срочного регулирования потоков людей и медицинской помощи, но при отсутствии данных об организации преступных действий, насилии, погромах и иных предусмотренных законом обстоятельствах квалификация как массовых беспорядков необоснованна. И наоборот, преступные действия небольшой активной группы не утрачивают уголовно-правового значения из-за того, что основная масса присутствующих продолжает вести себя мирно. При этом, правовые последствия выводятся из установленных фактов, а не из формального обозначения уровня обстановки.

Научное разграничение в свою очередь, должно учитывать и специальные основания досмотровых мероприятий, осуществляемых для обеспечения безопасности на массовых событиях. В связи с чем в различных исследованиях отмечено, что различные виды досмотра и осмотра граждан имеют самостоятельную правовую природу и не должны описываться одним обобщенным словом [10]. Полномочия же полиции по проверке граждан и их вещей в конкретной обстановке следует связывать с надлежащим законным основанием, пределами и процедурой, так как общее указание на многолюдность территории не может легализовать произвольное вмешательство, не предусмотренное законом.

Необходимо так же отметить, что правовые проблемы усиливаются при использовании видеонаблюдения, мобильной съемки и сообщений из цифровых каналов коммуникации, так как информационные инструменты способны помогать заблаговременному разъяснению правил поведения и оперативному предупреждению участников о возникшей опасности [8]. Однако, одновременно видеозапись позволяет установить реальную последовательность событий и индивидуализировать действия, хотя монтаж короткого фрагмента, отсутствие времени фиксации и неопределенность источника существенно снижают доказательственную ценность такого материала. В связи с чем необходимо различать информационный сигнал, служащий поводом для проверки, и надлежаще полученное и оцененное доказательство.

Тут мы предлагаем закреплять в организационно-методических материалах минимальный стандарт документирования существенных обстоятельств, как то фактический повод для вмешательства, время и место обнаружения угрозы, данные о характере противоправных действий, содержание доведенных распоряжений, примененную меру и ее конкретное законное основание, сведения о помощи пострадавшим и фиксацию доступных проверке данных. При этом в рамках производства по делу об административном

правонарушении должны соблюдаться требования главы 26 КоАП РФ, а при проверке сообщения о преступлении и последующем расследовании — уголовно-процессуальные правила получения, закрепления, проверки и оценки доказательств. Ведомственная форма фиксации, по нашему мнению, не может подменить протокол или иное процессуальное действие, когда его необходимость установлена законом.

Несомненно, требует дальнейшего развития и стандарт индивидуализации в материалах о групповом эпизоде. Так сведения о лице следует структурировать по четырем вопросам: что именно оно сделало, какие объективные данные подтверждают действия, какие признаки состава предполагаемого правонарушения выводятся из этих действий, имеются ли сведения, опровергающие такую версию. И тут необходимо обратить внимание, что последний элемент важен не меньше обвинительного, видеозапись, показания свидетелей, документы о нахождении гражданина в месте события по независимым причинам либо доказательства попыток прекратить конфликт должны подлежать объективной оценке. Мы считаем, что при таком подходе доказательственная модель одновременно повышает качество квалификации и служит гарантией от коллективного вменения.

Особую роль играет и взаимодействие субъектов обеспечения общественного порядка, так как полицейские подразделения, организаторы мероприятия, уполномоченные представители органов публичной власти, экстренные службы и иные участники обладают различными полномочиями, которые не могут смешиваться. Практически целесообразно заблаговременно определить ответственных за законное информирование участников, медицинское реагирование, сохранение доступных маршрутов выхода, документирование сообщений о возможных преступлениях и передачу материалов уполномоченным должностным лицам, но, при этом, взаимодействие должно сохранять процессуальную самостоятельность каждого субъекта.

Мы считаем, что высказанные нами предложения будут иметь и превентивное измерение, так как чем яснее участникам понятны правила, доступные пути выхода и содержание законных требований, тем меньше вероятность превращения локального инцидента в конфликт с массовым вовлечением. Поэтому приоритетом организационного планирования должно быть безопасное проведение события, а не формирование максимального числа материалов об административных правонарушениях, количество задержаний, число составленных протоколов и объем примененного принуждения не могут сами по себе служить показателями эффективности охраны общественного порядка. Более же содержательны в этом плане отсутствие пострадавших, своевременное устранение опасных факторов, соблюдение процессуальных прав и устойчивость законного режима мероприятия.

Вместе с тем законность требует наличия механизмов последующей проверяемости принятых решений, по итогам значимых происшествий целесообразно анализировать не только общее развитие обстановки, но и обоснованность перехода между видами реагирования, полноту индивидуализации доказательств, соблюдение порядка применения силы, доступность медицинской помощи и результаты рассмотрения жалоб. Предметом внутреннего анализа должны становиться также случаи, когда применение более интенсивных мер оказалось ненужным благодаря своевременному урегулированию. Подобная практика, несомненно, позволит выявлять нарушения до появления устойчивых ведомственных стереотипов реагирования.

Но, необходимо понимать и тот факт, что предложенный подход не предполагает расширения уголовной репрессии посредством новых абстрактных составов, а, напротив, он исходит из достаточности базовой системы уголовно-правовых и административно-правовых запретов при условии последовательного применения критериев состава деяния. Мы считаем, что вопросы совершенствования законодательства следует ставить прежде всего в части устранения процедурных неопределенностей, согласования ведомственных алгоритмов с действующими законами и обеспечения документальной проверяемости индивидуальных решений.

Подводя итого нашего исследования, мы приходим к выводу о необходимости системного разделения трех самостоятельных явлений: массового мероприятия как формы общественной активности, группового нарушения общественного порядка как фактической обстановки и массовых беспорядков как уголовно-правовой категории, имеющей строго определенные законом признаки. Мы установили, что смешение этих уровней способно привести как к недостаточной защите граждан при реальной угрозе, так и к неправомерному привлечению лиц к ответственности за действия, не образующие соответствующего состава.

Предложенная нами двухконтурная модель предусматривает самостоятельную правовую проверку мер немедленной защиты граждан и последующей административной либо уголовной квалификации, ее применение требует документирования причин вмешательства, разграничения факта присутствия и противоправного участия, индивидуализации доказательств и соблюдения законного порядка применения полицей-

ского принуждения. Научная же новизна подхода заключается в объединении критериев юридической квалификации и организационной проверяемости решений в единой модели реагирования, не подменяющей уголовный и административный закон.

Практическое значение сформулированных положений состоит в возможности их использования при подготовке межведомственных рекомендаций, проверке служебных решений и совершенствовании правоприменительных процедур.

Список литературы:

[1] Абзалова А. М. Массовые общественные мероприятия в федеральной территории «Сириус»: правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 38–45.

[2] Манукян А. Р. Проблемы охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан при проведении спортивных массовых мероприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. С. 41–46.

[3] Майорова Е. Н., Летаева Е. А. Административная ответственность за противоправные деяния, совершаемые во время проведения массовых мероприятий // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 41–47. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-41-47..

[4] Майоров А. В., Майорова Е. Н. Особенности взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами при проведении массовых мероприятий // Социальное управление. 2023. Т. 5. № 10. С. 498–507.

[5] Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых при проведении массовых мероприятий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 2 (60). С. 180–188. DOI: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-180-188..

[6] Алимпиев А. А., Степанов В. В. Личность осужденных преступников, участвовавших в массовых беспорядках: социально-демографические и уголовно-исполнительные аспекты // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 4 (72). С. 400–406. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.72.4.007..

[7] Шевко Н. Н. Некоторые вопросы выявления личности зачинщика групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 319–321. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_319..

[8] Абазов И. С. Использование информационно-коммуникативных инструментов в профилактике групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. С. 69–73.

[9] Грамотеев С. В., Богданов А. В. Обеспечение общественной безопасности как правовая категория применительно к публичным мероприятиям в общем, а также шествиям и демонстрациям в частности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 299–302. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_299..

[10] Койнов М. Ю. К вопросу о понятии и классификации досмотровых мероприятий в Российской Федерации // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С. 112–121. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.72047..

[11] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7.

References:

[1] Abzalova A. M. Mass public events in the federal territory "Sirius": legal aspect // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (106). S. 38-45.

[2] Manukyan A. R. Problems of protecting public order and ensuring the safety of citizens during sports mass events // Gaps in Russian legislation. 2024. VOL. 17. № 4. S. 41-46.

[3] Mayorova E.N., Letaeva E.A. Administrative responsibility for illegal acts committed during mass events // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1 (40). S. 41-47. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-41-47..

[4] Mayorov A. V., Mayorova E. N. Peculiarities of interaction of internal affairs bodies with other subjects during mass events // Social management. 2023. VOL. 5. № 10. S. 498-507.

[5] Shalagin A.E., Idiyatullov A.D. Prevention of crimes and administrative offenses committed during mass events // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. T. 16. № 2 (60). S. 180-188. DOI: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-180-188..

[6] Alimpiev A. A., Stepanov V. V. The personality of convicted criminals who participated in the riots: socio-demographic and penitentiary aspects // Penitentiary science. 2025. VOL. 19. № 4 (72). S. 400-406. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.72.4.007..

[7] Shevko N. N. Some issues of identifying the identity of the instigator of group violations of public order and riots // Agrarian and land law. 2024. № 12 (240). S. 319-321. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_319..

[8] Abazov I. S. The use of information and communication tools in the prevention of group violations of public order and mass riots // Gaps in

Russian legislation. 2024. VOL. 17. № 4. S. 69-73.

[9] Gramoteev S.V., Bogdanov A.V. Ensuring public safety as a legal category in relation to public events in general, as well as processions and demonstrations in particular // Law and the state: theory and practice. 2025. № 3. S. 299-302. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_299..

[10] Koinov M. Yu. On the question of the concept and classification of inspection measures in the Russian Federation // Police activities. 2024. № 6. S. 112-121. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.72047..

[11] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots / V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-256-262
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

НЕКРАСОВА Анна Александровна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ, майор полиции,
e-mail: dziubakrd2022@yandex.ru

СКИДАН Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ, подполковник полиции,
e-mail: dziubakrd2022@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ И РИСК-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется взаимосвязь криминологического предупреждения преступлений, уголовно-правовой оценки общественно опасного поведения и тактико-специальной подготовки сотрудников полиции, привлекаемых к обеспечению правопорядка при проведении массовых мероприятий. Цель исследования — обосновать риск-ориентированную модель подготовки, позволяющую учитывать особенности мероприятия, своевременно распознавать юридически значимые признаки угроз и выбирать законные, соразмерные меры реагирования. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-аналитический методы и метод ситуационного моделирования. Установлено, что эффективность профилактики зависит не столько от универсальности силового алгоритма, сколько от правовой дифференциации ситуаций, качества коммуникации, межведомственного взаимодействия и фиксации фактических обстоятельств. Предложена двухконтурная модель оценки риска, включающая ситуационный и юридический контуры, четырехэтапный цикл подготовки и систему критериев оценки учебных решений. Особое внимание уделено разграничению мирного поведения, административных правонарушений и преступлений против общественной безопасности. Представленные рекомендации могут использоваться при разработке учебных сценариев и контрольно-оценочных материалов для образовательных организаций МВД России.*

Ключевые слова: *массовые мероприятия; общественная безопасность; предупреждение преступлений; массовые беспорядки; хулиганство; уголовно-правовая оценка; тактико-специальная подготовка; риск-ориентированный подход; законность; ситуационное моделирование.*

Для цитирования: *Некрасова А. А., Скидан А. А. Предупреждение преступлений при проведении массовых мероприятий: уголовно-правовые ориентиры и риск-ориентированная модель тактико-специальной подготовки сотрудников полиции // Право и управление. 2026. № 10. С. 256–262.*

NEKRASOVA Anna Aleksandrovna,
Lecturer in the Department of Tactical and Special Training at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police Major

SKIDAN Aleksandr Aleksandrovich,
Senior Lecturer in the Department of Tactical and Special Training at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police Lieutenant Colonel

CRIME PREVENTION AT MASS EVENTS: CRIMINAL LAW GUIDELINES AND A RISK-BASED MODEL OF TACTICAL AND SPECIAL POLICE TRAINING

Annotation. *The article explores the relationship between crime prevention, criminal law assessment of socially dangerous conduct and tactical and special training of police officers responsible for public order at mass events. The study aims to substantiate a risk-based training model that reflects the nature of an event, helps identify legally significant warning signs and supports lawful and proportionate responses. The methods include legal analysis, a systems approach, comparative analysis and scenario modelling. The research argues that prevention depends on the legal differentiation of situations, public communication, interagency coordination and reliable documentation rather than on a single coercive response pattern. A two-layer risk assessment model comprising situational and legal dimensions is proposed, together with a four-stage training cycle and assessment criteria. Special attention is paid to distinguishing peaceful conduct, administrative offences and crimes against public safety. The suggested approach may be applied in police educational programmes and scenario-based assessments.*

Key words: *mass events; public safety; crime prevention; mass riots; hooliganism; criminal law assessment; tactical and special training; risk-based approach; legality; scenario-based training.*

For citation: *Nekrasova A. A., Skidan A. A. Crime prevention at mass events: criminal law guidelines and a risk-based model of tactical and special police training. Law and administration. 2026;(10):256–262. (In Russ.).*

Обеспечение безопасности при проведении массовых мероприятий относится к числу направлений деятельности органов внутренних дел, в которых профессиональная ошибка может одновременно затронуть жизнь и здоровье граждан, устойчивость общественного порядка и реализацию конституционных прав. Хотя концентрация большого количества людей на ограниченной территории сама по себе не является криминогенным обстоятельством, но при сочетании отдельных факторов, таких как конфликтная ситуация, опасное поведение конкретных лиц, сбои в коммуникации, затруднённый доступ экстренных служб, осложняет своевременное выявление и локализацию угроз. В связи с чем, предмет специальной подготовки сотрудника полиции должен включать в себя не только готовность действовать при осложнении обстановки, но и способность различать требующие вмешательства факты и допустимые формы поведения граждан.

Актуальность исследования помимо прочего усиливается разнообразием мероприятий, поскольку публичные собрания, митинги и шествия, спортивные соревнования, концерты и праздничные мероприятия различаются по правовому режиму, составу участников, распределению обязанностей организатора и государственных органов и применение к этим ситуациям единого шаблона управления приводит к риску подмены специальной правовой оценки общей характеристикой «массовости». Отметим, что в научной литературе справедливо обращается внимание на неоднородность правового регулирования массовых мероприятий [1], на необходимость взаимодействия полиции с иными субъектами обеспечения безопасности [2; 6] и на криминологическое значение предупреждения противоправных посягательств непосредственно в период их проведения [9]. При этом в существующих исследованиях уже раскрыты отдельные аспекты профилактики массовых беспорядков [4; 10], применения технических средств наблюдения [8], а также профессиональной подготовки личного состава [7; 12], однако взаимосвязь уголовно-правовых критериев опасного поведения с выбором учебных сценариев и критериями оценки решений обучающегося исследована недостаточно. Поэтому перед нами возникает научно-прикладная задача, установить, каким образом перейти от обучения набору действий к формированию способности обосновывать решение через фактические признаки угрозы, компетенцию должностного лица и пределы допустимого вмешательства.

Исходным положением следует считать различение двух правовых уровней обеспечения безопасности, общего полномочия полиции поддерживать общественный порядок и специального правового режима конкретного мероприятия. Так, пункты 5 и 6 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» предусматривают охрану порядка в общественных местах, совместное обеспечение безопасности на публичных мероприятиях и содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий. При этом необходимо обратить внимание, что само различие используемых законодателем формулировок указывает на тот факт, что участие полиции в обеспечении безопасности не отменяет предусмотрен-

ных законом обязанностей организаторов [2; 6].

По нашему мнению, для публичных мероприятий, подпадающих под действие Федерального закона № 54-ФЗ, значимы гарантии статьи 31 Конституции Российской Федерации, процедура уведомления, права и обязанности организатора, а также полномочия уполномоченного представителя органа внутренних дел, определённые статьёй 14 названного закона. В отношении же официальных спортивных соревнований действуют специальные требования статьи 20 Федерального закона № 329-ФЗ и Правил, утверждённых постановлением Правительства № 353, включая разграничение обязанностей организатора, собственника объекта и государственных органов. При этом нельзя механически распространять уведомительный порядок публичных собраний на концерт или спортивное соревнование либо, напротив, считать нормы спортивной безопасности универсальным основанием ограничения права на мирные собрания. И такое различие должно проверяться уже на первом этапе учебной задачи.

Рассматриваемая нами уголовно-правовая составляющая профессиональной готовности выражается не в предоставлении полицейскому права заранее квалифицировать любого участника как преступника, а в умении распознавать объективно наблюдаемые признаки возможного преступления и надлежащим образом передавать сведения уполномоченным субъектам. Отмечается, что статья 212 УК РФ связывает состав массовых беспорядков с совокупностью специальных признаков, прямо названных в законе, в том числе с насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением опасных предметов и оказанием вооружённого сопротивления представителю власти. При этом скопление людей, эмоциональное выражение требований, нарушение процедурных условий проведения мероприятия или отдельный конфликт не означают автоматически наличия массовых беспорядков, такая квалификационная граница имеет не только уголовно-правовое, но и непосредственное профилактическое значение.

Сходной осторожности требует и обращение к статье 213 УК РФ, согласно которой юридически значимым выступает грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, при наличии предусмотренных диспозицией дополнительных признаков, но необходимо учитывать, что не всякое громкое поведение, словесная перепалка либо несоблюдение правил прохода образует хулиганство. При сообщениях об угрозах взрывов и иных опасных действиях проверяется не предположительная «опасность толпы», а содержание конкретного сообщения, его источник, достоверность фактических обстоятельств и наличие признаков соответствующего преступления. В то же время в учебном процессе принципиально важно избегать перехода от ориентировочной оценки риска к готовому выводу о виновности.

Современная криминологическая литература предлагает учитывать ситуационные и индивидуальные обстоятельства правонарушений при проведении массовых мероприятий [9; 11]. Однако, вместе с тем криминологический фактор риска и юридическое основание принудительной меры не тождественны, вероятностное предположение помогает определить потребность в профилактике и дополнительной проверке сведений, оно не заменяет достаточных фактических и правовых оснований для ограничения прав человека, из чего следует необходимость включить в подготовку обязательный «юридический фильтр», который предотвращает смешение прогноза, сообщения о происшествии, признаков состава преступления и установленного процессуального факта.

Под риск-ориентированной моделью тактико-специальной подготовки мы предлагаем понимать организацию учебного процесса, при которой выбор цели, сложности сценария и критериев оценки обусловлен сочетанием двух контуров. Ситуационный контур фиксирует изменяемые условия обеспечения безопасности, как то количество участников и динамику потока людей, характеристики площадки, наличие уязвимых групп, погодные факторы, доступность медицинской помощи, качество информационного обмена, сообщения об опасных предметах, отдельные акты насилия и их локализацию. Юридический же контур устанавливает вид мероприятия, компетенцию органов и организаторов, характер подтверждённого поведения, возможную правовую оценку и условия допустимости конкретной меры. Мы считаем, что двухконтурность позволяет сохранить профилактическую направленность действий без превентивной криминализации участников. При этом работа с каждым учебным сценарием должна начинаться с составления краткой «карты фактов», что произошло, когда и где, кем и из какого источника получены сведения, что непосредственно наблюдал сотрудник, какие данные носят предположительный характер, какие лица нуждаются в помощи, какие правовые нормы применимы. Следующим шагом становится отделение задачи обеспечения безопасности от задачи правовой квалификации, к примеру, появление плотного скопления людей у выхода прежде всего требует оценки угрозы давки и обеспечения безопасного перемещения, а не поиска предполагаемого «организатора беспорядков». При обнаружении же следов насилия, напротив, возникает необходимость защиты потерпевшего, прекращения опасного поведения и документирования

юридически значимых обстоятельств.

Для методического применения мы предлагаем не количественную «формулу опасности», создающую иллюзию точности, а качественную матрицу из четырёх учебных состояний. Первое из них это штатная обстановка, когда основные задачи связаны с правовым инструктажем, коммуникацией и мониторингом доступных признаков риска. Второе — локальное осложнение, когда предметом обучения становятся индивидуальная оценка фактов, минимизация последствий, помощь гражданам и адресное реагирование. Третье — подтверждённая непосредственная угроза жизни и здоровью, когда приоритетными являются экстренное предупреждение, защита людей, взаимодействие с профильными службами и своевременная передача информации. И. наконец, четвёртое — наличие признаков группового общественно опасного деяния, когда сотрудник должен отличить установленные факты от подозрений, действовать в пределах полномочий и обеспечить сохранность сведений для дальнейшей процессуальной оценки. При этом переход между состояниями определяется новыми проверяемыми обстоятельствами, а не субъективной характеристикой участников.

Хочется обратить внимание, что методическая ценность матрицы состоит в том, что она не предписывает автоматически применять физическую силу при переходе к более сложной обстановке. Законные основания и порядок такого применения устанавливаются статьями 18–24 Федерального закона «О полиции», а не педагогической категорией риска, в частности, статья 19 требует, за предусмотренными законом исключениями, предупреждения о намерении применить силу и предоставления возможности исполнить законное требование, учёта характера и степени опасности, стремления к минимизации ущерба и соблюдения последующих обязанностей по помощи и уведомлению. Следовательно, оценочный лист учебного кейса должен фиксировать не только своевременность реагирования, но и законность выбранного способа, возможность менее ограничительной альтернативы и качество документирования.

Различение же процессуально значимого наблюдения и общей видеофиксации представляет самостоятельный блок подготовки, поскольку использование камер, средств обзора и цифровых коммуникаций способно повысить информированность при условии корректной интерпретации данных [8]. Однако видеозапись не равна доказанности умысла, а автоматизированное выделение необычного поведения не заменяет проверку контекста, поэтому при обработке информации необходимо учитывать требования законодательства о персональных данных и защите информации, пределы компетенции и режим сохранности материалов. В связи с чем в учебный сценарий оправданно включать проверку происхождения файла, времени записи, полноты фрагмента, способа передачи и наличия иных подтверждающих сведений; недопустимо делать вывод о преступном намерении только на основании участия человека в публичном мероприятии.

Межведомственное взаимодействие помимо прочего требует самостоятельного измерения учебной эффективности, поскольку предмет подготовки не ограничивается знанием наименований служб, сотрудник должен понимать, кто принимает решение по конкретному вопросу, как уточняется информация, кто отвечает за оповещение граждан, как взаимодействуют полиция, организатор, медицинские и спасательные службы. Исследования этого направления отмечают значение устойчивого взаимодействия при массовых мероприятиях [2; 6], а также необходимость учитывать угрозы антитеррористического характера [3], учебный акцент считаем целесообразным перенести с формального «вызова всех сил» на распределение законной ответственности и отработку последовательной передачи подтверждённых сведений.

Не менее существенен на наш взгляд и коммуникативный компонент. И. С. Ильин в своих работах обоснованно обращает внимание на профилактический потенциал диалога полиции и участников публичных мероприятий [4]. Мы считаем, что коммуникация должна оцениваться как профессиональное действие, направленное на предупреждение паники и недопонимания, это ясное объяснение правомерных требований, своевременное информирование об изменении маршрутов перемещения, уважительное обращение к гражданам, отсутствие необоснованных обвинений и готовность разъяснить основания меры. И в отличие от общей риторики «деэскалации», учебная задача должна формулировать измеряемые признаки, кому адресовано сообщение, насколько оно ясно, соответствуют ли инструкции фактической обстановке, получено ли подтверждение о понимании.

Предлагаемый нами цикл подготовки включает в себя четыре последовательных этапа. На диагностическом этапе обучающиеся решают краткие правовые ситуации, показывая умение отличать публичное мероприятие по Федеральному закону № 54-ФЗ от иных массовых мероприятий, а административное нарушение — от возможного преступления. На аналитическом этапе они составляют карту фактов и обосновывают уровень риска без подмены установленных обстоятельств допущениями. На сценарном этапе проводится групповое моделирование с распределением ролей сотрудника полиции, органи-

затора, гражданина, представителя экстренной службы и наблюдателя законности. И, наконец, на рефлексивном этапе участники представляют правовое обоснование действий, выявляют информационные пробелы, оценивают альтернативы и фиксируют причины ошибочных решений. По нашему мнению, такая последовательность согласуется с необходимостью активных методов подготовки личного состава, отмеченной в профильных исследованиях [7; 12].

Первый учебный кейс может моделировать официальное спортивное соревнование, при котором из-за задержки входа возрастает плотность людей на прилегающей территории, обучающиеся должны определить действующий специальный режим, разграничить функции организатора и полиции, установить потребность в медицинской и информационной поддержке, предложить меры по снижению риска травм без необоснованного вывода о криминальном характере скопления. Контрольный вопрос состоит не в том, «какие силы направить», а в том, какие факты и нормы позволяют обосновать соответствующее решение.

Второй кейс посвящён публичному мероприятию, в ходе которого возникает словесный конфликт между двумя группами, а участники продолжают мирно выражать свои взгляды, вариативные вводные содержат подтверждённые сведения о единичном насильственном эпизоде и неподтверждённые сообщения о якобы готовящихся беспорядках. Обучающийся должен предложить меры защиты пострадавших, проверить первичную информацию, отделить участников конфликта от остальных граждан в правовом смысле, не допустить распространения ответственности на всю совокупность присутствующих и указать признаки, недостаточные для предварительного вывода о статье 212 УК РФ. Оценивается способность обеспечить безопасность без произвольного ограничения свободы мирного собрания.

Третий кейс моделирует культурно-зрелищное мероприятие, организаторам которого поступает сообщение о потенциально опасном предмете, при этом исходные данные не позволяют считать сообщение ни заведомо ложным, ни подтверждённым и центральной задачей становится законное взаимодействие с организаторами и профильными экстренными службами, своевременное оповещение граждан, предотвращение паники и фиксация источника сообщения. Юридическая ошибка в такой ситуации состоит в поспешном отождествлении отсутствия обнаруженной опасности с доказанностью заведомой ложности первоначального сообщения; криминалистическая ошибка — в утрате сведений о его происхождении.

Четвёртый кейс связан с появлением распространяемого в социальных сетях фрагмента видеозаписи, на котором якобы отражено применение насилия на территории массового мероприятия, а при последовательном раскрытии вводных выясняется, что время и место создания фрагмента не установлены, а существенные обстоятельства остались за пределами кадра. В ходе обсуждения проверяется устойчивость к эффекту «готового цифрового доказательства», способность организовать проверку информации и соблюсти требования к обращению с персональными данными, при этом обоснованность решения здесь определяется не количеством собранных изображений, а необходимостью их получения, достоверностью и соблюдением установленного порядка.

Оценка результатов подготовки должна иметь юридическое и педагогическое измерения, для чего мы предлагаем использовать пять критериев, каждый из которых оценивается по трёхуровневой шкале «допущена существенная ошибка — решение частично обосновано — решение полно и обосновано». Критерий правовой точности характеризует выбор применимого режима мероприятия и разграничение преступления, административного правонарушения и допустимого поведения. Критерий фактической обоснованности отражает умение отделять наблюдение от предположения. Критерий соразмерности оценивает соответствие предполагаемой меры характеру подтверждённой угрозы. Критерий взаимодействия показывает качество передачи информации и координации компетенций. Критерий документирования охватывает полноту, нейтральность и проверяемость фиксации обстоятельств.

Мы считаем, что такая шкала позволит отказаться от распространённой учебной подмены, при которой «успешным» признаётся только максимально быстрое прекращение любой нештатной активности, так как в правовом государстве правильным может оказаться решение не применять принуждение, продолжить наблюдение, уточнить факт, обеспечить медицинскую помощь либо обратиться к организатору с законным требованием. Напротив же, оперативное действие с нарушением компетенции или без достаточных оснований должно оцениваться отрицательно даже при внешне благополучном результате, а, кроме того, исследования криминологических мер предупреждения подтверждают значимость соразмерности профилактического воздействия [5].

Для внедрения модели в образовательной организации МВД России считаем целесообразным сформировать межкафедральный банк сценариев с участием преподавателей тактико-специальной подготовки, уголовного права, административного права и криминологии, каждое зада-

ние которого должно содержать прежде всего описание применимого режима мероприятия, набор проверяемых и непроверенных фактов, перечень возможных законных решений, контрольный блок с основаниями мер, критерии оценивания, а так же варианты изменения вводных. Регулярное обновление кейсов необходимо проводить с учётом изменений законодательства и открытой судебной практики, не включая в учебные материалы сведения ограниченного распространения или не подтверждённые фактами описания происшествий.

Отдельного внимания, несомненно, заслуживает и разграничение компетенций при последующем документировании происшествия, поскольку сотрудник, первым выявивший возможные признаки преступления, не должен подменять решения органа предварительного расследования, его задача состоит в обеспечении безопасности и надлежащей фиксации доступных обстоятельств в пределах полномочий. Кроме того, для будущего доказывания существенны точность времени и места, последовательность действий, описание наблюдаемого поведения конкретных лиц, сохранение относимых материалов и соблюдение установленного процессуального порядка. Поэтому включение подобных элементов в тактико-специальные занятия повышает качество междисциплинарной подготовки и уменьшает риск последующей правовой неопределённости, а практическая применимость предложенного подхода не означает необходимости закрепления универсальных цифровых порогов «опасности толпы», заданного количества сотрудников или единых способов вмешательства. Подобные решения зависят от правового режима, характера площадки, фактической обстановки и компетенции конкретных субъектов.

Таким образом, резюмируя изложенное, мы видим, что тактико-специальная подготовка сотрудников полиции к обеспечению общественного порядка при массовых мероприятиях должна строиться на соединении криминологического прогноза с конкретным юридическим анализом, так как наличие риска преступления не означает его совершения, а фактическая массовость события не отменяет конституционных гарантий мирного поведения граждан. И устойчивость профессионального решения определяется способностью сотрудника разграничить допустимые действия, административные нарушения и признаки преступлений, прежде всего предусмотренных статьями 212 и 213 УК РФ, не выходя за пределы предоставленных законом полномочий.

Научно-прикладной результат исследования заключается в предложении двухконтурной риск-ориентированной модели, объединяющей ситуационную оценку и юридический фильтр, четырехэтапного учебного цикла и пяти критериев оценки решений обучающихся. Такая конструкция позволяет рассматривать соразмерность, коммуникацию, проверку информации, межведомственное взаимодействие и надлежащее документирование как обязательные компоненты профессиональной готовности, а не как сопутствующие качества успешного применения тактических приёмов.

Дальнейшее исследование целесообразно направить на апробацию модели в учебных группах образовательных организаций МВД России: разработать единые контрольные сценарии, установить показатели согласованности экспертных оценок преподавателей, сопоставить результаты до и после освоения учебного модуля и проверить перенос сформированных навыков в комплексные межкафедральные занятия. До получения таких данных выводы о педагогической эффективности предложенной модели следует рассматривать как аргументированную научную гипотезу, требующую эмпирического подтверждения.

Список литературы:

[1] Абзалова А. М. Массовые общественные мероприятия в федеральной территории «Сириус»: правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 38–45.

[2] Быков К. В. О взаимодействии органов полиции районного уровня с субъектами реализации правоохранительной функции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 188–194.

[3] Геляхова Л. А. Проблемные аспекты обеспечения антитеррористической защищенности объектов и территорий при проведении массовых мероприятий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69).

[4] Ильин И. С. Меры предупреждения демонстративно-протестной преступности, связанные с функционированием диалога в рамках взаимодействия полиции и протестующих // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 85–94.

[5] Ильин И. С. Меры предупреждения демонстративно-протестной преступности, связанные с применением полицейского принуждения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 3. С. 31–35.

[6] Майоров А. В., Майорова Е. Н. Особенности взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами при проведении массовых мероприятий // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 10. С. 498–507.

[7] Назарова И. С., Кайнов В. И. Зарубежный опыт профессиональной подготовки специальных

подразделений полиции к действиям в чрезвычайных ситуациях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 194–197.

[8] Петкевич Т. В. Применение современных технических средств дистанционного получения информации при проведении массовых мероприятий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69).

[9] Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых при проведении массовых мероприятий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 2 (60). С. 180–188.

[10] Шевко Н. Н. Некоторые вопросы выявления личности зачинщика групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 319–321.

[11] Джамбулатов Г. К. Криминологическая характеристика личности преступника — участника публичных массовых мероприятий // Виктимология. 2023. Т. 10, № 2. С. 183–192.

[12] Морозов В. А., Ковалёв Т. В. Формирование готовности сотрудников полиции к деятельности в условиях возникновения несанкционированных публичных мероприятий // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98).

References:

[1] Abzalova A. M. Mass public events in the federal territory "Sirius": legal aspect // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (106). S. 38-45.

[2] Bykov K. V. On the interaction of the district level police with the subjects of the implementation of the law enforcement function // Law and state: theory and practice. 2024. № 10 (238). S. 188-194.

[3] Gelyakhova L. A. Problematic aspects of ensuring anti-terrorist protection of objects and territories during mass events // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (69).

[4] Ilyin I. S. Measures to prevent demonstrative-protest crime related to the functioning of dialogue within the framework of interaction between the police and protesters // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (102). S. 85-94.

[5] Ilyin I. S. Measures to prevent demonstrative and protest crime associated with the use of police coercion // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2022. № 3. S. 31-35.

[6] Mayorov A. V., Mayorova E. N. Peculiarities of interaction of internal affairs bodies with other subjects during mass events // Social management. 2023. VOL. 5, NO. 10. S. 498-507.

[7] Nazarova I.S., Kainov V.I. Foreign experience in training special police units to act in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2024. № 8 (236). S. 194-197.

[8] Petkevich T.V. The use of modern technical means of remote information acquisition during mass events // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (69).

[9] Shalagin A.E., Idiyatullov A.D. Prevention of crimes and administrative offenses committed during mass events // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. T. 16, NO. 2 (60). S. 180-188.

[10] Shevko N. N. Some issues of identifying the identity of the instigator of group violations of public order and riots // Agrarian and land law. 2024. № 12 (240). S. 319-321.

[11] Dzhambulatov G.K. Criminological characterization of the personality of a criminal - a participant in public mass events // Victimology. 2023. VOL. 10, NO. 2. S. 183-192.

[12] Morozov V. A., Kovalev T. V. Formation of the readiness of police officers for activities in the context of unauthorized public events // World of Science, Culture, Education. 2023. № 1 (98).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-263-266
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

РУДКО Иван Викторович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России,
e -mail: wentrix@ya.ru

СИДОРОВ Александр Викторович,
кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга Воронежского института МВД России,
e-mail: fisherman.16.10.1980@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые теоретические особенности и актуальные подходы к организации и проведению органами внутренних дел (ОВД) во взаимодействии с другими силовыми структурами и органами государственной власти оперативно-профилактических мероприятий в особых условиях. Особое внимание уделено современному состоянию этой проблемы в связи проведением специальной военной операции (СВО) и необходимости учета ее опыта, а также особенностям функционирования преступности на новых и приграничных территориях в условиях гибридной войны против России.*

Ключевые слова: *оперативно-профилактические мероприятия, особые условия, специальная военная операция, органы внутренних дел, национальная безопасность, силовые структуры, органы государственной власти и управления.*

Для цитирования: *Рудко И. В., Сидоров А. В. О некоторых вопросах организации и проведения органами внутренних дел оперативно-профилактических мероприятий в особых условиях // Право и управление. 2026. № 10. С. 263–266.*

RUDKO Ivan Viktorovich,
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SIDOROV Alexander Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences, Deputy Head of the Department of Radio Engineering Systems and Security Monitoring Complexes at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON CERTAIN ISSUES RELATED TO THE ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL AND PREVENTIVE MEASURES BY INTERNAL AFFAIRS BODIES IN SPECIAL CONDITIONS

Annotation. *The article examines certain theoretical features and current approaches to organizing and conducting operational and preventive activities by internal affairs bodies (IABs) in cooperation with other law enforcement agencies and government bodies in special conditions. Special attention is paid to the current*

state of this issue in connection with the conduct of a special military operation (SMO) and the need to take its experience into account, as well as to the specific features of how crime operates in new and border areas under conditions of hybrid warfare against Russia.

Key words: *operational and preventive measures, special conditions, special military operation, internal affairs bodies, national security, law enforcement agencies, state authorities and governing bodies.*

For citation: *Rudko I. V., Sidorov A. V. On certain issues related to the organization and implementation of operational and preventive measures by internal affairs bodies in special conditions. Law and administration. 2026;(10):263–266. (In Russ.).*

Проведение Россией специальной военной операции и присоединение новых территорий обусловило необходимость комплексного решения новых, важных для обеспечения национальной безопасности страны задач, как неотложных, так и на долгосрочную перспективу. «На сегодняшний день к числу первоочередных задач российского государства в новых регионах наряду с окончательным освобождением их от вооруженных формирований Украины относятся борьба с терроризмом и эстремизмом, общеуголовной преступностью» [1]. К наиболее эффективным способам решения этих важных вопросов, несомненно, принадлежат различного рода оперативно-профилактические мероприятия, проводимые органами внутренних дел (далее - ОВД) при взаимодействии с другими силовыми структурами, а также органами государственной власти и управления. «Профилактика как важный элемент интегративной системы организованного противодействия преступности включает в себя множество разнообразных мер воздействия, четких определений уровней и направлений деятельности субъектов, их компетенции и др.» [2].

Основанием для проведения оперативно-профилактических мероприятий на территории обслуживания ОВД может являться, в том числе, осложнение оперативной обстановки (регионе, районе, городе, населенном пункте, административном участке и др.) на всех или отдельных направлениях оперативно-служебной деятельности, когда для ее стабилизации необходима активизация значительных усилий и комплексного привлечения имеющихся, а в случае необходимости, дополнительных сил и средств правоохранительных органов, а также иных силовых структур. В определенных ситуациях проведение указанных мероприятий с целью оздоровления криминогенной ситуации в общественных и других местах, где находится значительное количество граждан, могут инициировать органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления и общественность, при этом оказывая органам правопорядка практическую помощь, как в части оперативного информирования, так и непосредственного участия в охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности общественных объединений правоохранительной направленности и неравнодушных граждан (добровольные народные дружины, казачьи формирования, волонтеры, активисты и др.). Безусловно, участие гражданских лиц в данных мероприятиях осуществляется в достаточно ограниченном формате с учетом требований к их безопасности. Данные мероприятия могут проводиться на различных уровнях (межрегиональном, региональном, районном, городском и др.) в зависимости от целей и задач, состояния оперативной обстановки и других значимых факторов. Новейшая история России знает множество успешных примеров подобных мероприятий с участием органов государственной власти и управления различного уровня, а также местного населения при проведении контртеррористических мероприятий и ликвидации бандподполья на территории Северного Кавказа в 1990-2000-х годах, а также уже в наше время, на новых территориях и российском приграничье с целью усиления охраны государственной границы, противодействия деятельности диверсионно - разведывательным группам, БПЛА, выявления пособников противника на российской территории, а также пресечения его других преступных происков, которые, по сути, являются элементами гибридной войны стран западной коалиции против России. «Изучение проблем преступности в условиях гибридной войны во многом зависит от рационального использования государственными и правоохранительными органами своих властных полномочий по нормализации криминологической обстановки на новых и приграничных территориях РФ» [3].

Комплексная оперативно-профилактическая отработка определенной территории в части задач, возложенных на ОВД – это, прежде всего, оперативно-розыскные и профилактические мероприятия, направленные на активизацию усилий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, предупреждению преступлений и административных правонарушений, оперативного и эффективного реагирования на нарушения законности и правопорядка, а также активизация деятельности на всех или основных направлениях оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности, осуществляемых в соответствии с конкретным

планом за счет максимальной концентрации сил и средств с целью оздоровления оперативной обстановки при ее осложнении. Специальные оперативно-профилактические мероприятия могут носить как комплексный, так и целевой характер. Целевая оперативно-профилактическая операция (специальное мероприятие) - это комплекс оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, осуществляемых ОВД, при необходимости с другими правоохранительными органами и силовыми структурами по соответствующему плану и направленных на усиление противодействия правонарушениям отдельных видов или в отдельных сферах деятельности. Оперативно-профилактические мероприятия в зависимости от целей и охвата проводятся в различные сроки и, как правило, предусматривают проведение трех этапов: подготовительного, исполнительного и заключительного. При этом, соответствующими структурными подразделениями разрабатывается типовой план организации и проведения оперативно-профилактического мероприятия, в котором обязательно предусматриваются: цель отработки и ресурсное обеспечение (с учетом задач, предусмотренных типовым планом, и на основе анализа оперативной обстановки, прогноза ее развития, местных особенностей и др.). Для каждого подразделения (группы), участвующего в мероприятии определяются конкретные задачи по направлениям деятельности, вопросы организации взаимодействия и связи, соблюдения режима секретности, формы контроля и отчетности). Время, место, порядок и другие важные особенности проведения оперативно-профилактических операций согласовывается заинтересованными сторонами. Проекты распорядительных документов о проведении оперативно - профилактических мероприятий разрабатываются соответствующим структурным подразделением, по запросу которого проводятся оперативно-профилактические мероприятия, а документы по организации проведения комплексной отработки-соответствующими структурными подразделениями ОВД в зависимости от уровня проведения мероприятия. При получении распоряжения (указания) о проведении оперативно-профилактического мероприятия в ОВД, на территории обслуживания которых будут осуществлены эти мероприятия, в соответствии с типовым планом на основе анализа оперативной обстановки, прогноза ее развития и с учетом местных особенностей составляется конкретный план мероприятия (операции или отработки). Привлечение дополнительных сил и средств рекомендуется проводить только после определения объема работы в пределах поставленных задач при четком установлении порядка их использования. В случае необходимости привлечения к проведению мероприятий дополнительных сил и средств ОВД из других территориальных органов, а также иных силовых структур заблаговременно подается заявка с необходимым обоснованием и конкретным планом использования приданных сил. Планирование, а также подготовительные и практические мероприятия отработок, как правило, проводятся с соблюдением режима секретности, однако, в необходимых случаях и в определенных пределах допускается либо даже целенаправленно планируется информирование общественности о проводимых мероприятиях и их итогах. В случае необходимости обеспечивается проведение оперативных комбинаций для сокрытия времени, целей и масштабов мероприятий. На период проведения определенных мероприятий личный состав ОВД может переводиться на усиленный вариант несения службы. Исполнительный (практический) этап осуществляется непосредственно проведением определенных планом мероприятий. Территория обслуживания распределяется на квадраты, организуется и проводится их отработка. В первую очередь, как правило, отрабатываются территории со сложной криминогенной обстановкой (указываются конкретные районы, населенные пункты, административные участки, зоны обслуживания с обоснованием необходимости первоочередной отработки). Подразделения других силовых ведомств, в случае их привлечения, принимают участие не во всех предусмотренных планом мероприятиях, а только пределах их компетенций и возможностей после определения объема поставленных задач. Они могут также привлекаться к участию в целевых оперативно-профилактических операциях (мероприятиях), которые направлены на перекрытие каналов поступления наркотических средств, оружия, контрабандной продукции, незаконной миграции и др. Такое тесное взаимодействие всех силовых органов особенно характерно для территорий, где введены определенные административно-правовые режимы (военное положение, чрезвычайное положение, контртеррористическая операция и др.). Военнослужащие несут службу как в составе самостоятельных, так и совместных пеших и автомобильных патрулей, на блокпостах, в группах специального назначения, могут быть задействованы в охране особо важных объектов, транспортных коммуникаций и др. Например, основные задачи подразделений Росгвардии, привлекаемых к проведению оперативно-профилактических мероприятий в особых условиях, как правило, сосредотачиваются на: а) охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; б) обеспечении силового прикрытия и эффективной работы подразделений территориальных ОВД; в) взаимодействии с подразделениями МВД России, Вооруженных Сил РФ,

ФСБ РФ, иными силовыми структурами, а также органами государственной власти и местного самоуправления;

г) воздушном наблюдении за оперативной обстановкой на наиболее важных направлениях проведения мероприятий и др. Командиры воинских частей, начальники (руководители) подразделений (групп) или назначенные ими должностные лица, совместно с руководителями и представителями территориальных ОВД участвуют в разработке и корректировке планов оперативно-профилактических мероприятий, определении общих задач, проведении координационных совещаний, на которых согласовываются вопросы практического взаимодействия, контроля, обмена информацией на всех уровнях, порядка привлечения подчиненных подразделений к проведение отработок и операций. «Сложная оперативная обстановка в указанных регионах требует новых подходов как к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, так и к взаимодействию всех силовых структур и государственных органов» [4].

Таким образом, проведение оперативно-профилактических мероприятий ОВД в особых условиях должно осуществляться с учетом нового, приобретенного в ходе СВО практического опыта, актуального научно-методического, материально-технического и информационного обеспечения, при обязательном взаимодействии с другими силовыми структурами, органами государственной власти и управления, местного самоуправления, а также населением, проживающим на данных территориях.

Список литературы:

[1] Шувалов А.П. Актуальные вопросы изучения и противодействия преступности в приграничных и новых территориях в условиях гибридной войны стран западной коалиции против Российской Федерации / А.П. Шувалов, Н.И. Меркулова // Закон и право. 2023. № 7. – С. 259-262.

[2] Шувалов А. П. О некоторых вопросах профилактики преступности на современном этапе / А. П. Шувалов, А. В. Сидоров // Право и управление. – 2026. – № 7. – С. 213-216.

[3] Шувалов А. П. Преступность в условиях гибридной войны: актуальные проблемы противодействия / А. П. Шувалов // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства : Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 27 июня 2025 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 134-139.

[4] Рудко И. В. Актуальные вопросы совершенствования взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях / И. В. Рудко, Е. С. Бондаренко // Право и управление. – 2026. – № 3. – С. 351-354.

References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of studying and countering crime in border and new territories in the context of a hybrid war of the countries of the Western coalition against the Russian Federation / A.P. Shuvalov, N.I. Merkulova // Law and Law. 2023. № 7. - S. 259-262.

[2] Shuvalov A.P. On some issues of crime prevention at the present stage / A.P. Shuvalov, A.V. Sidorov // Law and management. – 2026. – № 7. - S. 213-216.

[3] A.P. Shuvalov Crime in a Hybrid War: Topical Problems of Counteraction / A.P. Shuvalov // Topical Problems of the Application of Criminal Law: Collection of Scientific Works Following the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 27, 2025. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 134-139.

[4] Rudko I.V. Topical issues of improving police interaction with other law enforcement agencies and law enforcement agencies when performing operational-service and service-combat missions in special conditions / I.V. Rudko, E.S. Bondarenko // Law and management. – 2026. – № 3. - S. 351-354.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-267-271
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института РУТ (МИИТ), e-mail: 000049@bk.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос объективных признаков получения взятки. Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере нормального, соответствующего положениям Конституции РФ, требованиям других федеральных законов и подзаконных нормативных актов функционирования органов государственной власти.*

Ключевые слова: *взяточничество, субъект посягательства, преступление, предмет посягательства, закон, подзаконные нормативные акты.*

Для цитирования: *Кашкина Е. В. Объективные признаки получения взятки // Право и управление. 2026. № 10. С. 267–271.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

OBJECTIVE SIGNS OF RECEIVING A BRIBE

Annotation. *The article considers the issue of objective signs of receiving a bribe. The object of the crime in question is public relations in the field of normal, consistent with the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the requirements of other federal laws and by-laws of the functioning of state authorities.*

Key words: *bribery, subject of encroachment, crime, subject of encroachment, law, by-laws.*

For citation: *Kashkina E. V. Objective signs of receiving a bribe. Law and administration. 2026;(10):267–271. (In Russ.).*

Осуществляя юридический анализ составов взяточничества, следует в первую очередь рассмотреть вопросы, касающиеся объекта и предмета в соответствии с Уголовным кодексом РФ 1996года.

Проблема объекта преступления – его содержание, соотношение объекта и предмета посягательства, виды объектов и т.д. достаточно разработана в теории российского уголовного права, как в плане общего учения об объекте, так и применительно к отдельным группам преступлений. Не составляют исключения в этом отношении и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, при рассмотрении которых уделяется значительное внимание объекту посягательства.

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере нормального, соответствующего положениям Конституции РФ, требованиям других федеральных законов и подзаконных нормативных актов функционирования органов государственной власти, под которыми понимаются органы законодатель-

ной, исполнительной и судебной власти РФ, субъектов РФ и органы местного самоуправления, а также в Вооруженных силах, войсках и воинских формированиях РФ.

Непосредственный объект взяточничества должен определяться как нормальная деятельность отдельных звеньев государственного аппарата и аппарата местного самоуправления.

Таким образом, по сравнению с ранее употребляемыми трактовками, в Уголовном кодексе РФ 1996 года понятие объекта рассматриваемой категории преступлений более конкретизировано.

Понятие предмета взятки, вытекающее из диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ 1996 года предполагает отнесение к предмету рассматриваемого состава денег, ценных бумаг, иного имущества либо выгод имущественного характера.

Под «деньгами» Закон понимает как российские, так и иностранные денежные знаки, имеющие хождение, т.е. находящиеся в финансовом обороте, на момент совершения преступления. Старинные российские и иностранные монеты, не имеющие хождения в качестве средства платежа, но обладающие той или иной нумизматической ценностью, деньгами в смысле статьи 290 УК РФ не являются и должны относится к взятке в виде «иного имущества», разумеется, при условии, если их среднерыночная стоимость не может быть расценена как ничтожная, что в силу малозначительности исключает общественную опасность содеянного и на основании ч. 2 ст.14 УК РФ исключает уголовную ответственность.

В соответствии со статьей 142 Гражданского кодекса РФ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. Гражданский кодекс РФ к ценным бумагам относит: государственные облигации, векселя, чеки и т.п.

Под «иным имуществом» следует понимать любые материальные ценности, обладающие меновой стоимостью, в том числе и валютные ценности в виде долговых обязательств, выраженных в иностранной валюте, драгоценные металлы в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также их лома, природные драгоценные камни в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий.

При этом надо иметь в виду, что если предметом получения взятки будут валютные ценности в указанном выше виде, то действия взяткодателя и взяткополучателя должны быть дополнительно квалифицированы по совокупности по статье 191 УК РФ (незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга). Вместе с тем дача-получение взятки в виде иностранной валюты полностью охватываются признаками составов преступлений, предусмотренных соответственно ст. 290 и 291 УК РФ, поскольку Уголовный кодекс РФ 1996 г. декриминализовал незаконные сделки с такими предметами.

«Выгоды имущественного характера» как предмет получения взятки могут выражаться в безвозмездном предоставлении взяткополучателю разнообразных услуг материального свойства от капитального ремонта автомашины до постройки дачи без получения от должностного лица соответствующего материального эквивалента. Судебно-следственная практика по данной категории уголовных дел показывает, что способы получения взятки в данном виде бывают подчас весьма хитроумны и нередко искусно закамуфлированы видимостью законной сделки между взяткополучателем и взяткодателем, например, нотариально оформленным договором подряда, займа, открытием сберегательного сертификата на предъявителя в банке и др.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано, что предметом взяточничества наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Под незаконным оказанием услуг имущественного характера понимается предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами) [15].

Предмет взятки в любом из указанных выше видов обязательно должен получить надлежащую денежную оценку, которая фиксируется в соответствующих процессуальных документах. Переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта [16].

При рассмотрении состава получения взятки по ст. 290 УК РФ обращает на себя внимание

сложность объективной стороны этого вида преступления, что вызывает существенно различающиеся суждения в теории и практике по поводу оценки отдельных ее признаков.

С объективной стороны рассматриваемое преступление выражается в получении должностным лицом лично или через посредника взятки за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство по службе.

Под должностным лицом понимается лицо, выполняющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции только в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, кроме того, в диспозиции статьи закон предусматривает и такие случаи, когда должностное лицо, хотя само и не обладает полномочиями для выполнения в интересах взяткодателя соответствующих действий, но в силу своего должностного положения (например, высокий пост в Правительстве РФ, в аппарате Администрации Президента РФ и т.д.) могло за взятку, используя свой авторитет и влияние, принять меры к совершению этих действие другими должностными лицами, работающими даже в других ведомствах и структурах органов государственной власти и управления. Под должностным положением, способствующим совершению определенных действий в пользу взяткодателя со стороны должностных лиц следует, в частности, понимать значимость и авторитет занимаемой должности, нахождение в подчинении иных должностных лиц, в отношении которых осуществляется руководство со стороны взяткополучателя. При этом следует иметь в виду, что использование личных отношений, не связанных с занимаемой должностью, не может рассматриваться как использование должностного положения.

К общему покровительству по службе могут быть отнесены, в частности, действия, связанные с незаслуженным поощрением, внеочередным, необоснованным положение в должности, совершением других действий невызываемых необходимостью. В этом случае возникает вопрос – что понимать под действиями, не вызываемыми необходимостью, но по этому поводу Пленум не дает разъяснений. К попустительству по службе следует относить, например, непринятия должностным лицом мер за упущения или нарушения служебной деятельности взяткодателя или предоставляемых им лиц, не реагирования на его неправомерные действия. Относительно действий (бездействия) должностного лица, совершаемых в пользу взяткодателя, Пленум ВС в указанном постановлении разъяснил, что под ними следует понимать такие действия, которые субъект правомочен или обязан был выполнить в соответствии с возложенными на него служебными полномочиями.

Важным является регламентации случаев предоставления имущественных выгод в виде денег, иных ценностей, оказание материальных услуг родным и близким должностного лица с его согласия либо при отсутствии возражений с его стороны с последующим использованием должностным лицом своих служебных полномочий в пользу взяткодателя как получения взятки [17].

В диспозиции статьи 290 УК РФ термин «в пользу» следует заменить термином «в интересах», т.к. категория интереса охватывает все возможные случаи получении взятки. Таким образом, с учетом моих предложений, формулировка получения взятки в новой редакции будет иметь следующий вид:

Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Российским законодательством предусмотрено, что все расчеты на территории России осуществляются в национальной валюте (рублях) и валютные операции между резидентами запрещены. Случаи, порядок и условия использования иностранной валюты определяются законом. За нарушение валютного законодательства установлена административная ответственность. Ограничения, установленные валютным законодательством, преследуют цель обеспечения устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации.

В настоящее время широко практикуется получение и дача взятки в иностранной валюте. Это обуславливается с одной стороны тем, что трудно отследить происхождение и движение валютных денежных средств, а с другой стороны тем, что при одном и том же денежном выражении фактический (физический) размер взятки в иностранной валюте меньше, что упрощает процедуру передачи взятки.

Вместе с тем, получение, дача взятки в особо крупном размере в иностранной валюте, в отличии от взяток в национальной валюте, не позволяют в большинстве случаев определить, в каком банке были получены денежные средства, а, следовательно, отследить всю цепочку их прохождения - от перечисления, хранения до обналичивания. Это затрудняет раскрытие преступлений и препятствует выявлению и устранению причин, способствующих совершению преступления.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С, 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 9, сентябрь, 2013.

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 9, сентябрь, 2013.

[17] См.: Постановление Пленума ВС РФ от 10.02.2000 г. // Российская газета. 23.02.2000 г. П.9.

References:

[1] Iskandarov R. R. Narcological assistance in

probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support / R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R. Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria / R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment / A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication / A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior / A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts / In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service / Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution / Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement / Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel / Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 9, September, 2013.

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 9, September, 2013.

[17] See: Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces of 10.02.2000 // Rossiyskaya Gazeta. 23.02.2000, P.9.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-272-275
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы суицидального поведения среди подростков, цель – профилактика суицидального поведения и приводит к желаемому результату – формированию позитивной адаптации к жизни, как процесса сознательного построения и достижения человеком относительно устойчивых равновесий отношений между собой, другими людьми и миром в целом.*

Ключевые слова: *суицид, профилактика, адаптация, социально-средовые факторы, суицидальное поведение.*

Для цитирования: *Фиалковская Е. В. Несовершеннолетние и профилактика суицидального поведения // Право и управление. 2026. № 10. С. 272–275.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences

PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN MINORS

Annotation. *The article deals with the issues of suicidal behavior among adolescents, the goal is the prevention of suicidal behavior and it leads to the desired result-the formation of positive adaptation to life as a process of conscious building and achievement of a person relatively stable balance of relations between themselves, other people and the world as a whole, solving the following.*

Key words: *suicide, prevention, adaptation, social and environmental factors, suicidal behavior.*

For citation: *Fialkovskaya E. V. Prevention of suicidal behavior in minors. Law and administration. 2026; (10):272–275. (In Russ.).*

Проблема суицидального поведения несовершеннолетних осужденных является одной из самых острых и сложных в пенитенциарной системе и ювенальной юстиции. Это явление требует комплексного подхода, учитывающего психологические, социальные и организационные факторы.

Ситуация проявления суицида, как одного из вариантов поведения, может возникнуть у подростков в сложившейся для них экстремальной ситуации, поэтому профилактическая работа должна проводиться систематически [1]. Профилактика суицида – своевременное диагностирование и соответствующее лечение, активная эмоциональная поддержка человека, находящегося в депрессии, поощрение его положительной направленности с целью облегчения негативной ситуации [2]. Рассмотрим ключевые аспекты этой проблемы: факторы риска, профилактика и меры реагирования.

Риск совершения суицида у подростков в местах лишения свободы значительно выше, чем у их сверстников на свободе из-за сочетания нескольких групп факторов:

Индивидуально-психологические факторы [3]

Психические расстройства – депрессия, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), пограничные расстройства личности.

История травм – многие несовершеннолетние правонарушители сами являются жертвами физического, сексуального или эмоционального насилия до попадания в систему.

Злоупотребление ПАВ – зависимость от наркотиков или алкоголя и синдром отмены в усло-

виях изоляции.

Импульсивность – подростковый возраст характеризуется незрелостью префронтальной коры мозга, что приводит к импульсивным действиям без оценки долгосрочных последствий.

Социально-средовые факторы (условия содержания) [4]

Изоляция и одиночество – разлука с семьей, друзьями и привычной средой.

Тюремная субкультура – страх перед насилием со стороны других осужденных, необходимость соблюдать неписанные законы, стигматизация

Отсутствие перспектив – чувство безнадежности относительно будущего после освобождения.

Конфликты – с персоналом или другими осужденными.

Ситуативные триггеры [5]

Получение плохих новостей из дома (смерть близкого, развод родителей)

Судебные решения (увеличение срока, отказ в УДО).

Праздники и дни рождения (усиление чувства одиночества).

Для профилактики суицидальных мыслей, намерений и попыток целесообразно выделить следующие основные принципы деятельности: формировать «позитивное восприятие» окружающего мира. В целом продолжительность и качество жизни связаны с такими чертами человека, как оптимизм и жизнерадостность.

Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних осужденных решает задачи [6]: изучение теоретических аспектов проблемы с позиции различных наук (философии, физиологии, психологии, социологии, педагогики) и использование информации в работе с педагогами и родителями; выявление детей, нуждающихся в незамедлительной помощи и защите и оказание экстренной первой помощи, обеспечение безопасности ребенка, снятие стрессового состояния; изучение особенностей психолого-педагогического статуса каждого учащегося с целью своевременной профилактики и эффективного решения проблем, возникающих в психическом состоянии, общении, развитии и обучении; создание системы психолого-педагогической поддержки учащихся разных возрастных групп в воспитательно-образовательном процессе и в период трудной жизненной ситуации; привлечение различных государственных органов и общественных объединений для оказания помощи и защиты законных прав и интересов ребенка; привитие существующих в обществе социальных норм поведения, формирование детского милосердия, развитие ценностных отношений в социуме; формирование позитивного образа Я, уникальности и неповторимости не только собственной личности, но и других людей с помощью теоретических **методов исследования -** анализ и синтез результатов научных исследований, моделирование, историко-педагогический метод; эмпирических методов – анкетирование, тестирование, контент-анализ, беседа, интервью, педагогическое включенное наблюдение, констатирующий и формирующий эксперименты.

Эффективная профилактика должна быть многоуровневой [7; 8; 9].

Уровень 1. Выявление и оценка риска

Проведение первичного скрининга происходит при поступлении в учреждение. Каждый несовершеннолетний должен проходить оценку психологом на наличие суицидальных мыслей в анамнезе.

Проводится мониторинг, так как регулярное наблюдение за изменением поведения позволяет наблюдать за такими проявлениями в поведении как замкнутость, агрессия, раздача личных вещей, прощальные записки.

Уровень 2. Психологическая и социальная поддержка

Индивидуальная терапия. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), диалектическая поведенческая терапия, направленная на развитие навыков регуляции эмоций.

Групповая терапия. Поддержка сверстников, обучение навыкам общения и разрешения конфликтов.

Семейная терапия. Вовлечение родственников в процесс ресоциализации, поддержание контактов (свидания, звонки).

Уровень 3. Организационные меры

Обучение персонала. Сотрудники охраны и воспитатели должны уметь распознавать признаки суицидального кризиса и знать алгоритмы действий.

Безопасная среда. Устранение технических возможностей для совершения суицида (специальные конструкции камер, отсутствие опасных предметов), но без излишней милитаризации, которая усиливает стресс.

Альтернативы лишению свободы. Для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, приоритет должен отдаваться мерам, не связанным с изоляцией от общества.

Что же нужно делать при выявлении суицидального поведения?

Необходимо немедленное вмешательство, пресечь попытки, оказать первую медицинскую помощь, перевести в помещение постоянного наблюдения или под круглосуточный надзор специалиста, срочно организовать консультацию врача-психиатра для назначения медикаментозной терапии при необходимости, совместно с подростком определить триггеры, способы совладания с

собой и контакты доверенных лиц, после стабилизации состояния важа работа по предотвращению повторных попыток и реинтеграция в общий отряд (если это безопасно).

В такие моменты важна переориентации восприятия окружающего мира, формировании оптимистичных тенденций в характере подростка.

Нужно научиться переключать психическую энергию подростка с деструктивного на конструктивное направление; найти зону наибольшего проявления интересов и увлечений подростка и направить туда его внимание, время и энергию.

Рекомендуются следующие формы работы: объединения дополнительного образования разного направления, вовлечение в общественные дела, внеклассные массовые мероприятия и др.

Формировать антисуицидальные факторы личности подростка. Ребенок – обычно довольно точное отражение той семьи, в которой он растет и развивается. Семья во многом определяет круг его интересов и потребностей, взглядов и ценностной ориентации, что, несомненно, значимо в урегулировании конфликта. Работа с семьей важнейшая составная часть профилактики суицида.

Направления работы с родителями по профилактике суицида [10]:

Систематическое разностороннее педагогическое просвещение родителей, т.е. ознакомление их как с основами теоретических знаний, так и с практикой работы с учащимися.

Привлечение родителей к активному участию в учебно-воспитательном процессе.

Формирование у родителей потребности в самообразовании.

Родители должны знать, что любое суицидальное поведение у ребенка начинается с депрессии. Поэтому предупреждение самоубийства несовершеннолетнего следует начинать с профилактики и принятия мер по устранению упаднического настроения.

Если говорить о правовых и этических аспектах, то Конвенция ООН о правах ребенка требует, чтобы лишение свободы несовершеннолетних применялось только в качестве крайней меры и на кратчайший срок. Условия содержания должны способствовать реабилитации, а не наказанию.

Информация о суицидальных мыслях должна обрабатываться с соблюдением врачебной тайны, но с учетом необходимости обеспечения безопасности.

Подросток, проявивший суицидальное поведение, не должен подвергаться дискриминации со стороны персонала или других осужденных.

Суицидальное поведение несовершеннолетних осужденных – это не просто личная трагедия, но и индикатор системных проблем в пенитенциарной системе. Борьба с ним требует перехода от карательной модели к реабилитационной, где приоритет отдается психическому здоровью, образованию и подготовке к жизни на свободе

Список литературы:

[1] Лобачева Л.П. Проблема беспризорности среди несовершеннолетних осужденных/ А.В. Вилкова, Л.П. Лобачева // Глобальный научный потенциал. № 3(84). 2018. С. 11-12.

[2] Тимофеева Е.А. Профессиональный глоссарий специалиста по профилактике ПАВ-зависимостей в пенитенциарных учреждениях (словарь) // А.В. Вилкова, Е.А. Тимофеева/ Самара-Москва, 2018. 49 с.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

[7] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики.

2025. № 2(13). С. 47-54.

[10] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

References:

[1] Lobacheva L.P. The Problem of Homelessness Among Juvenile Offenders / A.V. Vilkova, L.P. Lobacheva // Global Scientific Potential. No. 3(84). 2018. pp. 11–12.

[2] Timofeeva E.A. Professional Glossary for Specialists in the Prevention of Substance Use Disorders in Penal Institutions (Dictionary) / A.V. Vilkova, E.A. Timofeeva. Samara–Moscow, 2018. 49 p.

[3] Vilkova A.V. Overcoming Deviant Behavior in Juvenile Offenders / In: *Spiritual and Moral Education of the Individual in the Penal System: Pedagogical and Socio-Psychological Aspects*. A collection of scientific articles based on the proceedings of an All-Russian scientific-practical roundtable held in memory of penal scholars V.M. Litvishkov (Doctor of Pedagogical Sciences, Professor) and D.V. Sochivko (Doctor of Psychological Sciences, Professor). Ryazan, 2026. pp. 23–29.

[4] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the Means of Rehabilitating Convicts in Contemporary Realities // Penal System: Law, Economics, Management. 2026. No. 1. pp. 22–26.

[5] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V., Polyakova Ya.N. Approaches to the Study of Aggression within the Framework of Penal Psychology / Education and Law. 2026. No. 1. pp. 214–218.

[6] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the Professional Readiness of Specialists within the Penal System of the Russian Federation to Implement Penitentiary Probation // Bulletin of the Penal System. 2026. No. 3 (286). pp. 45–51.

[7] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Specifics of Implementing Disciplinary Practices Regarding Minors in Pre-trial Detention Centers // International Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 81–84.

[8] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. The Role of a Research Team as an Agent in the Professional Development of a Young Scholar // In: The Penal System Today: The Interaction of Science and Practice. Proceedings of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. pp. 253–256.

[9] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Scientific and Pedagogical Personnel and Their Training via Postgraduate Military/Professional Studies (Adjunktura) at Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Issues of Modern Science and Practice. 2025. No. 2 (13). pp. 47–54.

[10] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Theories and Concepts Regarding the Origins of Education and Upbringing // International Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 374–379.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-276-280
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928, ORCID: 0000 0003 2233 0230, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

КУЛАКОВА Светлана Владимировна,
кандидат педагогических наук, начальник отдела ФКУ НИИ ФСИН России AuthorID: 732147, ORCID: 0000-0001-8688-2021, e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДСТВАМИ И МЕТОДАМИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. *В статье рассмотрены основные составляющие системы исправительного воздействия на осужденных в местах лишения свободы. Целью статьи определяется уточнение организационно-методического сопровождения процесса исправления осужденных в аспекте приоритетности цели их исправления в системе коррекционного, воспитательного, мотивационного и иных направлений работы персонала пенитенциарных учреждений. Определяется, что ключевую роль в исправлении осужденных и профилактике рецидивной преступности играет воспитательный процесс, направленный на коррекцию духовных и нравственных ценностей, формирование законопослушного образа жизни, так как в анамнезе у подавляющего числа осужденных фиксируется низкий уровень образования, отсутствие моральных ориентиров и социально значимых личностных качеств. Результатами исследования стали: определение основных принципов исправления, методов, средств и направлений воздействия и коррекции а также определение основ организации и осуществления данной работы.*

Ключевые слова: *исправление; осужденные; сотрудники; пенитенциарное учреждение; принципы; профилактика рецидива; воспитательная работа.*

Для цитирования: *Казберов П. Н., Кулакова С. В. Профилактика рецидивной преступности средствами и методами воспитательной работы // Право и управление. 2026. № 10. С. 276–280.*

KAZBEROV P.N.,
Leading Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Moscow, Russian Federation

KULAKOVA Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PREVENTION OF RECIDIVISM THROUGH MEANS AND METHODS OF EDUCATIONAL WORK

Annotation. *This article examines c the main components of the correction ocyal system for convicts in places of detention. The purpose of the article is to clarify the organizational and methodological support for the process of correction of convicts in terms of the priority of the goal of their correction in the system of correctional, educational, motivational and other areas of work of the staff of penitentiary institutions. It is established that the educational process plays a pivotal role in the rehabilitation of convicts and the prevention of recidivism—specifically by addressing spiritual and moral values and fostering a law-abiding lifestyle—given that the vast majority of convicts present with low educational attainment and a lack of moral bearings or socially significant personal qualities. The study resulted in the identification of the fundamental principles*

of rehabilitation, the methods, tools, and approaches for intervention and correction, and the organizational framework for conducting this work.

Key words: *correction; convicts; employees; penitentiary institution; principles; prevention of recidivism; educational work.*

For citation: *Kazberov P. N., Kulakova S. V. Prevention of recidivism through means and methods of educational work. Law and administration. 2026;(10):276–280. (In Russ.).*

Введение. Приоритетность цели исправления в организации исправительного воздействия на осужденных, определяемая обществом и государством для лиц, преступивших закон, остается основой организации деятельности пенитенциарных сотрудников, так как наказание, определенное приговором суда, является не только карой за совершенное преступление, но и имеет своей целью недопущение вышедшими на свободу в дальнейшем противоправных деяний [4].

В связи с этим деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы строится не только на постоянном контроле за организацией отбывания наказания, но и находится в постоянном поиске и внедрении новых эффективных средств исправительного воздействия на личность, создания инновационных методов и условий для реализации исправительного воздействия, ресоциализации, пробации и т.д. осужденных [14].

Современные исследования подтверждают, что воспитательная работа является одним из ключевых элементов пенитенциарной системы, направленным на исправление осужденных и подготовку к жизни в обществе после освобождения, а также на минимизацию рисков рецидивной преступности [11]. Пенитенциарно-правовые основы воспитательной работы с осужденными, включая историческую эволюцию концепций и современные принципы, требуют комплексного анализа и учета в практической деятельности [11].

Целью статьи определяется уточнение организационно-методического сопровождения процесса исправления осужденных в аспекте приоритетности цели их исправления в системе корректционного, воспитательного, мотивационного и иных направлений работы персонала пенитенциарных учреждений на основе проведенного изучения нормативных правовых организационных документов в области пенитенциарной практики, а также теоретических основ теорий исправления личности и групп.

Задачами статьи, соответственно, нами определены:

анализ отчетных, аналитических и научных источников, нормативных правовых, организационно-методических материалов, передового опыта и новаций в области исправительного воздействия;

анализ практики осуществления пенитенциарной деятельности в аспекте применения основных средств исправления осужденных;

определение основных направлений и представление воспитательной работы с осужденными как основы системы принципов, методов и форм исправительного воздействия на личность осужденного.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования системы исправительного воздействия на осужденных; нормативное правовое и организационно-методическое регулирование процесса исправления, в том числе в аспекте приоритетности цели исправления осужденного; определение основных принципов, методов и методик, применяемых в данной деятельности; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области исправления личности.

Результаты исследования. Цель исправления осужденного законодателем установлена в части 2 статьи 43 УК РФ, однако понятие «исправление осужденного» дается в статье 110 УИК РФ, где: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения» [1]. Согласно части 2 статьи 110 УИК РФ основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие [1, 2]. Следовательно, как мы уже указывали ранее, для достижения цели исправления необходимо комплексно и системно использовать указанные средства в течение всего срока отбывания наказания [3, с. 593].

Многолетнее изучение и мониторинг практики пенитенциарной деятельности в области организации процесса исправления, теоретико-методологических основ его организации показывают, что основными принципами исправительного воздействия на осужденного остаются: законность проводимого воздействия на личность отбывающих наказание; принцип гуманизма проводимой работы; принцип равенства участников; принцип соединения наказания с исправительным воздействием на личность осужденного; принцип раци-

онального применения мер принуждения и поощрения осужденного; принцип поступательности применяемых мер и методов; принцип системности и комплексности применяемых мер, средств и методов воздействия; принцип постоянности; принцип многоаспектности и т.д. [3–5].

Современные исследования психолого-педагогических условий предупреждения делинквентного поведения осужденных в исправительном учреждении показывают, что такими условиями могут стать организация целенаправленного воздействия на уровень агрессивности, нейротизма осужденных, работа по саморегуляции их поведения, повышение уровня сотрудничества между осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы [6]. Это подтверждает необходимость интеграции психолого-педагогических методов в систему воспитательной работы с осужденными.

Как мы указывали ранее - воспитательная работа, как одно из основных средств исправления осужденных, имеет сложную структуру и осуществляется в процессе применения всех основных исправительных средств, а также содержит в себе элементы средств исправления .а следовательно, основные ее составляющие также могут быть условно разделены на отдельные направления, формы, средства, методы и т.д., имеющие свои связи и компоненты [3; 5].

Современные исследования подчеркивают, что ключевую роль в исправлении осужденных играет воспитательный процесс, направленный на коррекцию духовных и нравственных ценностей, формирование законопослушного образа жизни [7]. Как правило, осужденные имеют низкий уровень образования, у них отсутствуют моральные ориентиры, социально значимые качества.

Исследования содержательной структуры воспитательной работы с осужденными с низким социальным статусом показывают необходимость расширения диапазона воспитательного воздействия и направленности средств, методов на различные категории осужденных, учитывая классификацию сложности и отрицательного характера характеристик различных групп [8].

Зарубежные исследования подтверждают, что участие в образовательных программах снижает вероятность рецидива, причем наибольший эффект оказывают программы высшего и профессионального образования [9]. Работа и образование в местах лишения свободы часто связаны со снижением рецидива, а поведенческие интервенции, такие как когнитивно-поведенческая терапия или мотивационное интервьюирование, также ассоциируются со снижением рецидивной преступности [9].

В условиях цифровизации современные исследователи отмечают, что образование и информационные технологии становятся важными инструментами ресоциализации осужденных, способствуя их социальной адаптации и реабилитации [10]. Проектно-групповые и индивидуальные подходы, а также типы управления познавательной деятельностью приобретают особую значимость для подготовки осужденных к успешной интеграции в общество [10].

Выводы, заключение. Проведенное исследование показывает, что приоритетность цели исправления осужденного требует от всех его реализаторов профессиональных компетенций в области контроля, воспитания, коррекции, модераторства, ассертивного поведения и т.д. и осуществляется в процессе применения всех основных исправительных средств, а следовательно, также требует постоянного контроля и совершенствования деятельности и профессиональной подготовки и сопровождения персонала пенитенциарных учреждений [3; 12].

Современные научные исследования подтверждают, что воспитательная работа с осужденными сталкивается с рядом проблем: недостаточное финансирование, отсутствие материально-технической базы, нехватка кадров, низкая мотивация осужденных к обучению и воспитанию, недостаточное взаимодействие структур исправительного учреждения [7].

Среди перспектив воспитательной работы с осужденными наиболее значимыми являются: применение инновационных технологий в образовательном процессе, индивидуализация процессов воспитания и обучения с учетом особенностей осужденных; восстановление родственных связей, привлечение родственников и близких людей для проведения совместных мероприятий, социальное партнерство, наставничество (в качестве наставников привлекаются бывшие осужденные, ставшие на путь исправления); разработка эффективных программ воспитания [7].

Грамотно выстроенный воспитательный подход гарантирует уменьшение рецидивов совершаемых преступлений. В постпенитенциарном сопровождении большую роль играет школа, учитель должен обладать высоким профессионализмом, знанием не только педагогики, но и психологии, давать не только знания, но и стать наставником для успешной ресоциализации [7].

Таким образом, приоритетность цели исправления осужденных в организации исправительного воздействия мест лишения свободы требует системного подхода, интеграции педагогических, психологических и организационных методов, а также постоянного совершенствования профессиональной подготовки персонала пенитенциарных учреждений.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) Статья 110. Основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21 июня 2005 г. № 91 «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Казберов П.Н. Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы // Образование и право. 2025. № 5. С. 592–595. DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[4] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60–64.

[5] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[6] Психолого-педагогические условия предупреждения делинквентного поведения осужденных в исправительном учреждении // MCP Editorum. 2025. С. 582–592.

[7] Харакшинов А.Н., Малаханова В.Г., Шубина А.В. Ресоциализация — основная цель воспитательной работы с осужденными // Академия педагогических проектов Российской Федерации. 2025.

[8] Казберов П.Н. Содержательная структура воспитательной работы с осужденными с низким социальным статусом // Научно-исследовательский институт ФСИН России. 2025.

[9] The Transition from Prison to Community — Do modern rehabilitation programs reduce recidivism and improve social integration // MUSE. 2025.

[10] Георгиева С. Образование и информационные технологии как инструменты ресоциализации осужденных // Instrumentul Bibliometric National. 2025.

[11] Смирнов Л.Б. Пенитенциарно-правовые основы воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2025. № 4 (60). С. 82–93. DOI 10.24412/2076-9113-2025-460-82-93..

[12] Майстренко Г.А. Воспитательный процесс с осужденными в уголовно-исполнительной системе с учетом общественного фактора // Право и управление. 2023. № 12. С. 277–280.

[13] Давыдова Н.В., Кулакова С.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. 2019. № 2. С. 111–116.

[14] Баумштейн А.Б. Ресоциализация осужденных как способ снижения уровня рецидивной преступности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2026. Т. 16, № 1. С. 116–131. DOI 10.21869/2223-1501-2026-16-1-116-131..

References:

[1] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (ed. 11.06.2022) Article 110. Basic forms and methods of educational work with convicts to imprisonment // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (date of appeal: 15.09.2025).

[2] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of June 21, 2005 No. 91 "On approval of the Instruction on the organization of educational work with convicts in educational colonies of the Federal Penitentiary Service" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (date of appeal: 15.09.2025).

[3] Kazberov P.N. Educational work as the main means of correctional influence on convicts: principles, methods, forms // Education and law. 2025. № 5. S. 592-595. DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[4] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.

[5] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for Modern Educational Technologies, 2011. 234 pp.

[6] Psychological and pedagogical conditions for the prevention of delinquent behavior of convicts in a correctional institution // MCP Editorum. 2025. S. 582-592.

[7] Kharakshinov A.N., Malakhanova V.G., Shubina A.V. Resocialization is the main goal of educational work with convicts // Academy of Pedagogical Projects of the Russian Federation. 2025.

[8] Kazberov P.N. Content structure of educational work with convicts with low social status // Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025.

[9] The Transition from Prison to Community — Do modern rehabilitation programs reduce recidivism and improve social integration // MUSE. 2025.

[10] Georgieva S. Education and information

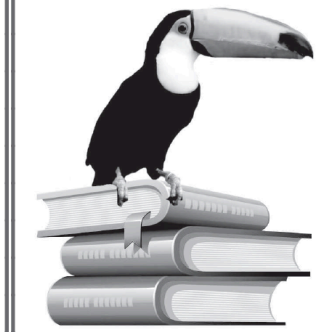
technology as tools for resocialization of convicts // Instrumentul Bibliometric National. 2025.

[11] Smirnov L.B. Penitentiary and legal foundations of educational work with convicts in correctional institutions // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University "Legal Sciences." 2025. № 4 (60). S. 82-93. DOI 10.24412/2076-9113-2025-460-82-93..

[12] Maistrenko G.A. Educational process with convicts in the penal system, taking into account the social factor // Law and management. 2023. № 12. S. 277-280.

[13] Davydova N.V., Kulakova S.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty // Law and education. 2019. № 2. S. 111-116.

[14] Baumstein A.B. Resocialization of convicts as a way to reduce the level of recidivism // Izvestia Southwestern State University. 2026. VOL. 16, NO. 1. S. 116-131. DOI 10.21869/2223-1501-2026-16-1-116-131..

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-281-293

ВИТЬКО Дарья Александровна,
Помощник судьи Советского районного суда г. Владивостока,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЕРЕЩАГИНА Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, Институт права, Владивостокский государственный университет, Россия. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ, ОБВИНЯЕМОМУ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В 2023–2025 гг. число лиц, осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, сократилось, но их доля в общем числе осужденных выросла, а число несовершеннолетних, в отношении которых суды удовлетворили ходатайства о заключении под стражу, увеличилось более чем в полтора раза. Предмет исследования – общественные отношения, возникающие при избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого мер пресечения заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним. Цель исследования – выявить проблемы правового регулирования порядка избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемого и обвиняемого и выработать предложения по их устранению. Использованы статистический метод (ряды динамики по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2023–2025 гг.), формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ материалов уголовных дел и сообщений о суицидах несовершеннолетних в местах содержания под стражей. Новизна работы состоит в сопоставлении динамики судимости несовершеннолетних с динамикой избрания им мер пресечения и в обосновании изменений ст. 105, 108 и 423 УПК РФ с учетом опыта Республики Казахстан и Республики Узбекистан. Установлено, что запрет заключения под стражу несовершеннолетних, не достигших 16 лет, закреплен лишь в акте толкования, оценка личности подростка до избрания меры пресечения не обеспечена участием специалиста, а регламентация присмотра за несовершеннолетним не определяет содержание надлежащего поведения, требования к присматривающему лицу и порядок его отказа от обязательства. Предложено перенести этот запрет из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в ч. 2 ст. 108 УПК РФ, ввести обязательное заключение специалиста-психолога, закрепить раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых, конкретизировать регламентацию присмотра.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, мера пресечения, несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый.*

Для цитирования: *Витько Д. А., Верещагина А. В. Избрание меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому: к вопросу о проблематике практической реализации // Право и управление. 2026. № 10. С. 281–293.*

VITKO Darya Alexandrovna,
Judge's assistant of the Soviet District Court in Vladivostok

VERESHCHAGINA Alla Vasilyevna,
candidate of legal sciences, associate professor Institute of Law Vladivostok State University Vladivostok, Russia

CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE FOR A MINOR SUSPECT OR ACCUSED: ON THE ISSUE OF PRACTICAL IMPLEMENTATION

Annotation. *In 2023–2025 the number of persons convicted of crimes committed as minors decreased, while their share among all convicted persons grew and the number of minors in respect of whom courts granted detention requests increased by more than one and a half times. The subject of the study is the social relations arising when detention and supervision of a minor are chosen as preventive measures for a minor suspect or accused. The study aims to identify the problems of legal regulation of choosing a preventive measure for a minor suspect or accused and to propose ways of resolving them. The study uses statistical analysis (time series based on the data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2023–2025), formal legal and comparative legal methods, and analysis of criminal case materials and reports of suicides of minors in custody. The novelty lies in comparing the dynamics of juvenile convictions with the dynamics of preventive measures and in substantiating coordinated amendments to Articles 105, 108 and 423 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that take into account the experience of Kazakhstan and Uzbekistan. It is established that the ban on detaining minors under 16 is fixed only in an interpretative act, the personality of a minor is not assessed with the participation of a specialist before a preventive measure is chosen, and the model of supervision defines neither proper behaviour, nor requirements for the supervising person, nor the procedure for withdrawing from the undertaking. It is proposed to transfer this ban from the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to Part 2 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to introduce a mandatory psychologist's opinion, to establish separate detention of minors and adults, and to specify the regulation of supervision.*

Key words: *legal regulation, preventive measure, minor, suspect, accused.*

For citation: *Vitko D. A., Vereshchagina A. V. Choosing a preventive measure for a minor suspect or accused: on the issue of practical implementation. Law and administration. 2026;(10):281–293. (In Russ.).*

Актуальность выбранной темы и постановка проблемы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент), число лиц, осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, в 2023 г. составило 12 769 человек [1]. В 2024 г. таких лиц было 11 944 [2]. В 2025 г. их число составило 12 115 (рис. 1) [3]. За три года показатель снизился на 5,1 %, однако в 2025 г. он вырос по сравнению с предыдущим годом на 1,4 %. Доля этих лиц в общем числе осужденных, рассчитанная по тем же отчетам (форма № 10.1, строки 103 и 113), составила 2,3 % в 2023 и 2024 гг. и 2,8 % в 2025 г.: общее число осужденных сокращалось быстрее (555 742, 512 845 и 437 840 человек соответственно). Сходный вывод на материалах МВД России сделала А.В. Верещагина: удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, колеблется без последовательного снижения, поэтому преступность несовершеннолетних сокращается не столь явно, как это следует из абсолютных значений [4, с. 211–213].

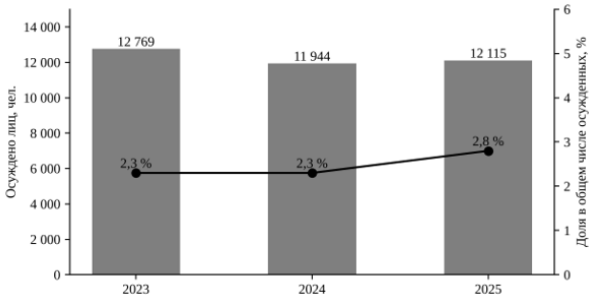

Рисунок 1 – Количество несовершеннолетних лиц, осужденных по годам

Иначе выглядит динамика мер пресечения, которые избирает суд. Согласно разделу 4 формы № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», в 2023 г. суды удовлетворили ходатайства об избрании заключения под стражу в отношении 702 несовершеннолетних, домашнего ареста – в отношении 271, запрета определенных действий – в отношении 70 [5]. В 2024 г. эти показатели составили 879, 277 и 90 [6]. В 2025 г. они достигли 1 116, 344 и 109 соответственно (табл. 1) [7]. Число несовершеннолетних, заключенных под стражу в досудебном производстве, выросло за три года на 59 %, хотя общее число лиц, в отношении которых удовлетворены такие ходатайства, сократилось с 82 480 до 76 338, а доля несовершеннолетних среди них увеличилась с 0,85 до 1,46 %. В каждом

из трех лет заключение под стражу избиралось несовершеннолетним более чем вдвое чаще, чем домашний арест и запрет определенных действий вместе взятые. Следует учитывать, что в этой форме возраст фиксируется на момент вынесения постановления о заключении под стражу, а не на момент совершения преступления, поэтому показатели двух отчетов сопоставимы лишь по направлению изменений.

Таблица 1 – Число несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых удовлетворены ходатайства об избрании мер пресечения в досудебном производстве, 2023–2025 гг., чел.

Мера пресечения	2023	2024	2025
Заключение под стражу	702	879	1 116
Домашний арест	271	277	344
Запрет определенных действий	70	90	109
Справочно: всего лиц (без различия возраста), в отношении которых удовлетворены ходатайства о заключении под стражу	82 480	82 514	76 338
Доля несовершеннолетних среди заключенных под стражу, %	0,85	1,07	1,46

Источник: составлено автором по данным раздела 4 (строки 27, 28, 30) формы № 1 Судебного департамента за 2023–2025 гг.; доля рассчитана автором [5; 6; 7].

Т.Н. Михайлова и О.Д. Васьянова, отметив по данным за 2023 г., что решений о заключении несовершеннолетних под стражу принято больше, чем решений о домашнем аресте и запрете определенных действий вместе взятых, видят корень проблемы не столько в узости системы мер пресечения, сколько в «механичном» подходе следователя к оценке оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ [8, с. 66]. А.В. Верещагина объясняет доминирование заключения под стражу и минимальную востребованность присмотра за несовершеннолетним лаконичностью и неопределенностью формулировок норм, регулирующих эти меры пресечения [4, с. 210]. Данные 2024–2025 гг. показывают, что отмеченная тенденция сохранилась и усилилась на фоне сокращения судимости несовершеннолетних. Можно предположить, что ее причины связаны прежде всего с регламентацией и практикой ее применения. Окончательная проверка этого предположения требует сведений о том, по обвинениям в каких преступлениях избиралась мера пресечения, однако в разделе 4 формы № 1 такие данные не приводятся.

Мера пресечения, избираемая несовершеннолетнему, должна учитывать среду, в которой сформировалось его поведение. Е.В. Демидова-Петрова по результатам опроса 347 несовершеннолетних, осужденных в 72 регионах, установила, что у 43 % из них в семье прослеживались эмоционально-психологическая отверженность, напряженность или отсутствие межличностного контакта, а 68 % проводили все свободное время в интернет-пространстве, социальных сетях и компьютерных играх [9, с. 54]. К традиционным детерминантам преступности несовершеннолетних – семейному неблагополучию, дефициту материального обеспечения и нужде – автор добавляет слабо контролируемый досуг подростка в онлайн-среде и подчеркивает, что основу таких коммуникаций несовершеннолетних в интернет-пространстве и онлайн социальных сетях следует искать в семье [9, с. 56]. Для принятия процессуального решения это означает, что семья, которой следователь и суд готовы доверить контроль за подростком, нередко сама входит в причинный комплекс его поведения.

Повышенное внимание к несовершеннолетним имеет конституционное основание. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а дети признаны важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 1 ст. 38, ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [10]. Г.Д. Садовникова обращает внимание на то, что Конституционный Суд Российской Федерации признает семью, материнство, отцовство и детство в их традиционном понимании ценностями, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России и потому нуждаются в особой защите со стороны государства [11, с. 48–49]. Конвенция о правах ребенка допускает арест, задержание или тюремное заключение ребенка лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени и требует, чтобы лишенный свободы ребенок был отделен от взрослых, если только в его наилучших интересах этого делать не следует (п. «b», «c» ст. 37). Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее – Пекинские правила), предписывают по возможности заменять содержание под стражей до суда альтернативными мерами, например постоянным надзором или помещением в семью либо воспитательное учреждение, а несовершеннолетних, содержащихся под стражей до суда, содержать отдельно от взрослых (правила 13.1, 13.2, 13.4) [12; 13].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних посвящена глава 50 [14]. Сопоставление ее норм с положениями УПК РСФСР 1960 г. свидетельствует о преемственности регулирования, однако обновление регламентации не устранило проблем правоприменения, обусловленных отсутствием специальной ювенальной подготовки у дознавателей, следователей и судей, дефектами

регламентации процессуального статуса педагога и игнорированием статуса психолога [4, с. 213]. Сам УПК РФ легализует лишь понятие «педагог», не устанавливая для него квалификационных требований, а участие педагога (психолога) в следственных действиях с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым ограничивает допросом; между тем специалист, привлекаемый в интересах несовершеннолетнего, должен обладать комплексной подготовкой в области подростковой физиологии и психологии [15, с. 47–48].

Цель исследования – выявить проблемы регламентации порядка избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Эмпирическую базу составили статистические отчеты Судебного департамента за 2023–2025 гг., материалы двух уголовных дел, расследованных в 2022 г. следственным отделом по Первомайскому району г. Владивостока, постановление Уссурийского районного суда Приморского края и сообщения средств массовой информации о суицидах несовершеннолетних в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания за 2013–2024 гг. Применены метод рядов динамики, формально-логический и сравнительно-правовой методы; для сравнения использованы уголовно-процессуальные кодексы Республики Казахстан и Республики Узбекистан. Рабочая гипотеза состоит в том, что ограничения применения заключения под стражу к несовершеннолетним, предусмотренные действующим законом, недостаточны и требуют корректировки, а мера пресечения, специально предназначенная для несовершеннолетних, не востребована из-за неопределенности ее нормативной модели.

Анализ проблематики. Заключение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под стражу производится в общем порядке, установленном ст. 97, 99, 100 и 108 УПК РФ; при решении вопроса о мере пресечения в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр, а о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей незамедлительно извещаются его законные представители (ч. 1–3 ст. 423 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 108 УПК РФ, к несовершеннолетнему заключение под стражу может быть применено, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях при наличии одного из обстоятельств, указанных в подп. «а»–«г» п. 1 ч. 1 этой статьи, – и в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, перечисленных в ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ. Ходатайство должно содержать мотивы и основания, по которым возникла необходимость в заключении под стражу и невозможно избрать иную меру пресечения, и подкрепляться материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) [14].

Результаты анализа судебных актов приводит А.В. Верещагину к выводу, что суды, обосновывая заключение несовершеннолетних под стражу, излагают разнородные доводы, лишь часть которых является фактическими обстоятельствами. Нарушение ранее избранной меры пресечения, побег из специализированного детского учреждения, объявление в розыск прямо указывают на желание несовершеннолетнего скрыться, тогда как сам факт совершения преступления представляет собой лишь предпосылку для обсуждения вопроса о мере пресечения. Поскольку закон требует указывать в постановлении «конкретные, фактические обстоятельства» (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), аргументы суда не должны носить гипотетический, вероятностный характер, однако аргументация в решениях судов остается дуалистичной и сочетает фактические обстоятельства с предположениями [4, с. 214–215]. Материалы уголовных дел, с которыми мы работали, подтверждают этот вывод. В одном из ходатайств риск скрыться обосновывался тем, что «несовершеннолетний, являясь гражданином Республики Узбекистан, может предпринять попытки выезда за пределы ... российского государства на территорию Республики Узбекистан» [16]. В другом указывалось, что «несовершеннолетний обвиняемый проживает с потерпевшим на одной лестничной площадке, и может предпринять попытки негативного психологического воздействия и физического насилия в отношении последнего» [17]. Оба довода сформулированы в модальности возможности и не опираются на сведения о реальных действиях подростка: гражданство иностранного государства и соседство с потерпевшим сами по себе описывают обстановку, а не поведение.

Т.Н. Михайлова и О.Д. Васьянова предлагают следователю не переносить механически основания, указанные в ст. 97 УПК РФ, в ходатайство, а оценивать каждое из них с точки зрения возможного противоправного поведения несовершеннолетнего, подтвержденного фактическими обстоятельствами, и отмечают распространенность формального, алгоритмизированного подхода к избранию мер пресечения в отношении подростков [8, с. 63]. Применительно к несовершеннолетним такая оценка невозможна без данных о личности, о которых речь пойдет ниже: вероятность того, что подросток скроется или окажет давление на потерпевшего, определяется не только обстановкой, но и уровнем его психического развития, отношениями в семье, влиянием взрослых.

Часть 6 ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не допускает

назначения лишения свободы несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой тяжести впервые [18]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, сославшись на ч. 1 и 2 ст. 108 УПК РФ и ч. 6 ст. 88 УК РФ, разъяснил, что избрание заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые. В том же пункте указано, что заключение под стражу применяется к несовершеннолетнему лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, а суд обязан проверить обоснованность ходатайства и невозможность применения более мягкой меры пресечения (п. 6 постановления Пленума от 01.02.2011 № 1 в ред. от 09.12.2025) [19].

А.В. Верещагина обращает внимание на то, что буквальное толкование ч. 6 ст. 88 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 108 УПК РФ такого запрета не дает: уголовно-правовой институт наказания и уголовно-процессуальный институт меры пресечения регулируют разные отношения, и экстраполяция положений уголовного закона на уголовно-процессуальные отношения противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ, согласно которой порядок уголовного судопроизводства устанавливается уголовно-процессуальным законом. Соглашаясь с желательностью минимизировать заключение под стражу несовершеннолетних, особенно в возрасте от 14 до 16 лет, автор считает, что эту задачу следует решать посредством законодательной инициативы Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее Пленум ВС РФ), а не фиксацией по существу новой нормы в акте толкования [4, с. 215–216]. Мы разделяем эту позицию. Разъяснение Пленума ВС РФ ориентирует суды, но не обязывает дознавателя и следователя на стадии подготовки ходатайства и не исключает спора о его применимости в конкретном деле. Возрастные и категориальные ограничения могут быть закреплены непосредственно в процессуальном законе. Так, по ч. 1 ст. 558 УПК Республики Узбекистан заключение под стражу или домашний арест применяются к несовершеннолетнему лишь в исключительных случаях, когда ему предъявлено обвинение в умышленном преступлении, за которое может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет, и другие меры пресечения не могут обеспечить его надлежащее поведение [20].

Поэтому предлагается дополнить ч. 2 ст. 108 УПК РФ предложением следующего содержания: «Заключение под стражу не может быть избрано в отношении несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, подозреваемого или обвиняемого в совершении впервые преступления небольшой или средней тяжести, а также в отношении иного несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении впервые преступления небольшой тяжести». Такое дополнение не меняет сложившейся практики, но переводит ее в плоскость закона и делает запрет обязательным для всех участников досудебного производства.

Даже в тех случаях, где закон допускает заключение под стражу, суд не связан ходатайством и вправе избрать более мягкую меру пресечения. Так, Уссурийский районный суд Приморского края избрал домашний арест подростку, обвинявшемуся по ч. 4 ст. 111 УК РФ: в ходе внезапно возникшего конфликта он ударил взрослого соседа, тот упал, ударился головой и получил травму, повлекшую смерть. Суд учел положительные характеристики несовершеннолетнего по месту жительства и учебы и показания свидетелей о том, что зачинщиком конфликта был потерпевший [21]. Этот пример показывает, что оценка личности и обстоятельств деяния позволяет обойтись без изоляции и при обвинении в особо тяжком преступлении.

Пункт 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ включает в предмет доказывания условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития и иные особенности личности [14]. По наблюдению А.В. Верещагиной, закон не определяет, каким образом правоприменитель устанавливает эти обстоятельства. Обязательные специальные исследования психофизиологического состояния подростка, которые позволили бы объективнее решать вопрос о мере пресечения, не предусмотрены; исключение составляет медицинское освидетельствование для решения вопроса о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Дознаватель или следователь, не имея подготовки в области подростковой физиологии, психологии и психиатрии, может упустить обстоятельства, значимые для решения о заключении под стражу. Автор считает необходимым закрепить обязательное комплексное изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с участием специалистов, что позволило бы учитывать последствия попадания подростка в среду следственного изолятора и способствовало бы профилактике деструктивного, в том числе суицидального, поведения [4, с. 216–217]. В Республике Казахстан по делам о преступлениях несовершеннолетних обязательно проведение психолого-психиатрической экспертизы, а для выяснения уровня интеллектуального, волевого, психическо-

го развития может быть назначена психологическая экспертиза (ч. 1, 2 ст. 539 УПК Республики Казахстан) [22]. Э.К. Кутуев и А.Г. Соловьев указывают, что психолог может участвовать в производстве не только как эксперт или специалист, но и в форме справочно-консультационной деятельности: его консультативная справка приобщается к материалам дела и может учитываться при вынесении процессуальных решений [23, с. 100]. Итоговый вывод авторов состоит в том, что взаимодействие следователя (дознавателя) с психологом при расследовании преступлений несовершеннолетних должно быть обязательным [23, с. 103].

Цена недооценки личности подростка видна из эмпирических данных. Г.И. Аксенова, П.Ю. Аксенова и А.А. Кузнецова, обследовав 16 несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в СИЗО-1 УФСИН России по Республике Бурятия, отмечают, что эмоциональная сфера подростков отличается высокой лабильностью и существует высокий риск суицида и деструктивных проявлений, особенно в первые дни нахождения в карантинном отделении [24, с. 34–35]. По опроснику суицидального риска у обследованных выявлен средний (выше среднего) уровень такого риска, вследствие чего они нуждаются в поддержке психологов и воспитателей [24, с. 38]. Выборка мала, и относиться к ее результатам следует осторожно, однако они согласуются со случаями суицида. Так, в марте 2013 г. в СИЗО г. Уссурийска покончил с собой семнадцатилетний подросток, обвинявшийся в убийстве родственницы, в феврале 2014 г. в СИЗО № 1 г. Казани – семнадцатилетний подросток (по факту его смерти возбуждено дело по ст. 110 УК РФ), в марте 2014 г. в СИЗО г. Самары – семнадцатилетний подозреваемый в краже, в июне 2016 г. в СИЗО г. Бугульмы – семнадцатилетний подросток, в январе 2021 г. в изоляторе временного содержания в Челябинской области – семнадцатилетний подросток, в отношении которого суд избрал меру пресечения в виде заключение под стражу по подозрению в покушении на сбыт наркотических средств в особо крупном размере [25; 26; 27; 28; 29]. В июне 2024 г. в изоляторе временного содержания в Республике Татарстан умер семнадцатилетний подросток, помещенный в камеру 18 июня после того, как суд избрал в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу, отклонив ходатайство защитника о домашнем аресте (официальную версию о самоубийстве мать подростка оспаривает) [30]. Систематизированных ведомственных данных о суицидах несовершеннолетних в местах содержания под стражей в открытом доступе обнаружить не удалось, поэтому приведенные случаи не позволяют судить о масштабе явления, но показывают, что риск реализуется и в первые дни изоляции, когда решение суда только что принято.

Изложенное подтверждает правильность исходного предложения обязательно оценивать риск изоляции до ее применения, но требует уточнить его форму. Психолого-психиатрическая экспертиза не может быть проведена в сроки, отведенные ч. 3 ст. 108 УПК РФ на представление материалов задержанного подозреваемого в суд. Поэтому при избрании меры пресечения реалистичнее получить заключение специалиста, а экспертизу делать обязательной к моменту решения вопроса о продлении срока содержания под стражей. Предлагается дополнить ст. 423 УПК РФ частью 1.1: «К ходатайству об избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу прилагается заключение специалиста в области детской и подростковой психологии о психическом состоянии несовершеннолетнего и возможных последствиях его изоляции. К ходатайству о продлении срока содержания несовершеннолетнего под стражей прилагается заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Если специалист или эксперт пришел к выводу о высоком риске причинения несовершеннолетним вреда своей жизни или здоровью в условиях изоляции, заключение под стражу может быть избрано или продлено лишь при наличии данных о том, что несовершеннолетний скрылся от органов предварительного расследования или суда либо нарушил ранее избранную меру пресечения, с указанием в постановлении мер по его психологическому сопровождению в месте содержания под стражей».

УПК РФ не содержит правила о раздельном содержании под стражей несовершеннолетних и взрослых. Оно установлено п. 1 ч. 2 ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который требует содержать несовершеннолетних и взрослых раздельно, но в исключительных случаях с согласия прокурора допускает содержание в камерах для несовершеннолетних положительно характеризующихся взрослых [31]. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации устанавливает раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых лишь для осужденных к лишению свободы (ч. 1 ст. 80) [32]. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы учитывают возраст подозреваемых и обвиняемых главным образом в бытовых и образовательных гарантиях, например в пятиразовом питании несовершеннолетних (п. 42) [33]. Исключение, предусмотренное этим законом, сформулировано через характеристику взрослого и согласие прокурора, тогда как Кон-

венция о правах ребенка связывает отступление от правила раздельного содержания с наилучшими интересами самого ребенка [12]. В уголовно-процессуальных законах соседних государств правило вынесено на уровень процессуального закона: несовершеннолетние, к которым применена мера пресечения в виде содержания под стражей, содержатся отдельно от взрослых (ч. 4 ст. 541 УПК Республики Казахстан) [22]. В Узбекистане они содержатся отдельно не только от взрослых, но и от осужденных несовершеннолетних (ч. 3 ст. 558 УПК Республики Узбекистан) [20].

Предлагается дополнить ст. 423 УПК РФ частью 4: «Несовершеннолетний, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, содержится отдельно от взрослых подозреваемых, обвиняемых и осужденных, за исключением случаев, когда совместное содержание отвечает его интересам». Включение этого правила в УПК РФ делает условия содержания предметом внимания суда, избирающего меру пресечения, и согласует критерий исключения с международным стандартом.

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного ст. 102 УПК РФ, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится; при избрании этой меры лицам, принимающим подростка под присмотр, разъясняются существо подозрения или обвинения и их ответственность, а при невыполнении обязательства к ним могут быть применены меры взыскания, предусмотренные ч. 4 ст. 103 УПК РФ (ч. 1–3 ст. 105 УПК РФ) [14]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации требует, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, обсуждать возможность передачи несовершеннолетнего под присмотр как альтернативной меры пресечения (п. 7 постановления от 01.02.2011 № 1) [19].

Официальной статистики применения присмотра за несовершеннолетним не ведет ни судебная система, ни иное ведомство [8, с. 65]. По данным разных исследователей, присмотр избирается в 5,2 и 7 % случаев, а суды даже при замене заключения под стражу чаще выбирают иные меры пресечения [4, с. 217]. Оценки этой меры пресечения в литературе расходятся. Э.К. Кутуев и А.Г. Соловьев считают присмотр наиболее действенной мерой пресечения, поскольку он обеспечивает постоянный контроль за подростком и не связан с изоляцией, способной негативно повлиять на его психику [23, с. 102]. Т.Н. Михайлова и О.Д. Васьянова признают за присмотром нереализованный профилактический потенциал, но объясняют его редкость тем, что правоприменитель не видит в нем достаточного принудительного потенциала, а круг лиц, на которых может быть возложен контроль, описан абстрактно и без требований к лицу, заслуживающему доверия [8, с. 65]. Расхождение между этими позициями снимается, если различать потенциал меры и ее нормативную модель: присмотр может быть эффективен, но в действующей редакции ст. 105 УПК РФ не дает следователю и суду критериев, позволяющих в этом убедиться.

Первый дефект модели – неопределенность понятия «надлежащее поведение». А.В. Верещагина ставит вопрос о том, исчерпывается ли оно обязанностями из ст. 102 УПК РФ (не покидать место жительства без разрешения, являться по вызовам, иным путем не препятствовать производству по делу) или предполагает также недопустимость девиантного поведения, и показывает, что в ряде государств постсоветского пространства оно понимается шире – как ограничение пребывания вне дома, соблюдение общественного порядка, запрет воздействовать на свидетелей и уничтожать доказательства; по мнению автора, такое содержание в большей степени направлено на преодоление асоциальных установок подростка и может быть воспринято российским законом [4, с. 217–218]. По ч. 1 ст. 556 УПК Республики Узбекистан присматривающее лицо обязуется обеспечить не только явку несовершеннолетнего, но и выполнение им других обязанностей обвиняемого, предусмотренных ст. 46 этого Кодекса [20]. Т.Н. Михайлова и О.Д. Васьянова обосновывают комбинирование присмотра с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ [8, с. 66]. Изменять ст. 102 УПК РФ, обязанности которой распространяются на всех подозреваемых и обвиняемых, для этого не требуется: достаточно дополнить ч. 1 ст. 105 УПК РФ указанием на то, что присматривающее лицо обеспечивает также несовершение несовершеннолетним новых преступлений и административных правонарушений, а суд вправе возложить на несовершеннолетнего один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Второй дефект касается выбора присматривающего лица. Сам факт того, что законные представители не уследили за подростком и допустили просчеты в его воспитании, ставит под сомнение целесообразность передачи его под их присмотр; закон не определяет, кого считать лицом, заслуживающим доверия, а должностные лица специализированного детского учреждения, обремененные множеством обязанностей, вряд ли могут эффективно контролировать поведение подростка и иногда сами поддерживают ходатайство о заключении его под стражу [4, с. 218]. Т.Н. Михайлова и О.Д. Васьянова полагают, что при неоднократ-

ных нарушениях закона несовершеннолетним у следователя есть основания для вывода об утрате родителями должного контроля [8, с. 65]. Можно было бы ограничить круг субъектов присмотра специализированными детскими учреждениями, однако приведенные наблюдения показывают, что такая мера не решила бы проблему, а лишь перенесла бы ее на учреждение. Правильнее ввести процедуру проверки присматривающего лица. В Узбекистане отдача под присмотр возможна лишь с согласия присматривающего лица и самого несовершеннолетнего, а дознаватель, следователь, прокурор или суд должны предварительно собрать сведения о личности родителей, опекунов или попечителей, их взаимоотношениях с несовершеннолетним и убедиться, что они в состоянии надлежаще осуществлять присмотр (ч. 2, 3 ст. 556 УПК Республики Узбекистан) [20]. Российские органы предварительного расследования, по наблюдению А.В. Верещагиной, такие сведения фактически собирают, и этой практике следует придать законную форму [4, с. 218]. Предлагается дополнить ст. 105 УПК РФ частью 1.1: «До избрания данной меры пресечения дознаватель, следователь или суд получает сведения о личности лица, которому предполагается отдать несовершеннолетнего под присмотр, его взаимоотношениях с несовершеннолетним и возможности обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего. Отдача под присмотр допускается с письменного согласия указанного лица и самого несовершеннолетнего».

Третий дефект – отсутствие у присматривающего лица права отказаться от принятого обязательства. Действующий закон допускает взыскание с родителя, который не справился с присмотром из-за болезни, обнаружившейся после дачи обязательства, и потому побуждает его скрывать трудности до момента нарушения. В Узбекистане родители, опекуны, попечители вправе в любой момент отказаться от присмотра ввиду своей болезни, занятости по работе, ухудшения взаимоотношений с несовершеннолетним и невозможности вследствие этого обеспечить его надлежащее поведение (ч. 4 ст. 556 УПК Республики Узбекистан) [20]. Предлагается дополнить ст. 105 УПК РФ частью 2.1: «Лицо, принявшее несовершеннолетнего под присмотр, вправе отказаться от принятого обязательства в связи с болезнью, занятостью по работе, ухудшением взаимоотношений с несовершеннолетним или иными обстоятельствами, исключающими возможность обеспечить его надлежащее поведение, письменно уведомив об этом дознавателя, следователя или суд. В этом случае вопрос о мере пресечения разрешается незамедлительно, а меры взыскания, предусмотренные частью третьей настоящей статьи, к указанному лицу не применяются, если отказ заявлен до нарушения несовершеннолетним условий меры пресечения». Своевременное уведомление позволит органу расследования заменить меру пресечения до того, как подросток ее нарушит.

Таким образом, статистические данные за 2023–2025 гг. выявляют расхождение, которое трудно объяснить одним лишь изменением преступности несовершеннолетних: число осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, снизилось на 5,1 %, тогда как число несовершеннолетних, заключенных под стражу в досудебном производстве, выросло на 59 %, и в каждом году заключение под стражу избиралось более чем вдвое чаще, чем домашний арест и запрет определенных действий вместе взятые. Это подтверждает гипотезу о том, что преобладание изоляции связано прежде всего с состоянием регламентации, хотя для окончательного вывода необходимы данные о системе предъявленных обвинений, в связи с которыми избиралась мера пресечения заключение под стражу. Избрание несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому меры пресечения осуществляется в общем порядке, предусмотренном положениями действующего российского уголовно-процессуального законодательства, с учетом правил, предусмотренных главой 50 УПК РФ. Несмотря на наличие специальных норм, регулирующих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, есть ряд положений, регламентацию которых следовало бы откорректировать, в том числе в части применения мер пресечения:

запрет заключения под стражу несовершеннолетних, не достигших 16 лет и впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, закреплен только в разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и его следует перенести в ч. 2 ст. 108 УПК РФ;

применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних не всегда обоснованно: доводы ходатайств нередко носят вероятностный характер, а особенности возрастной психологии подростка не оцениваются, что может неблагоприятно сказаться на нем и иметь негативные, вплоть до суицида, последствия;

предупреждение обозначенных выше последствий возможно посредством обязательного приложения к ходатайству об избрании меры пресечения заключение под стражу заключения специалиста в области детской и подростковой психологии, а к ходатайству о продлении срока содержания под стражей – заключения комплексной психолого-психиатрической экспертизы (ч. 1.1 ст. 423 УПК РФ);

уголовно-процессуальный закон должен быть дополнен положением о раздельном содержании несовершеннолетних и взрослых подозре-

ваемых, обвиняемых и осужденных (ч. 4 ст. 423 УПК РФ);

следует конкретизировать понятие «надлежащее поведение несовершеннолетнего», дополнив ч. 1 ст. 105 УПК РФ требованием недопустимости совершения административных правонарушений и преступлений и возможностью сочетать присмотр с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ;

необходимо закрепить порядок проверки лица, которому несовершеннолетний передается под присмотр, и право этого лица на письменный отказ от принятого обязательства при наличии предусмотренных в законе оснований (ч. 1.1, 2.1 ст. 105 УПК РФ).

Список литературы:

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год: форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания»; форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (дата обращения: 06.10.2026).

[2] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год: форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания»; форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 06.10.2026).

[3] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2025 год: форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания»; форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9892 (дата обращения: 06.10.2026).

[4] Верещагина А.В. Заключение под стражу и присмотр за несовершеннолетним: некоторые вопросы регламентации и правоприменения. — Текст: электронный / А.В. Верещагина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. — 2025. — Т. 17. — № 4. — С. 210–222. — URL: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222 (дата обращения: 06.10.2026).

[5] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год: форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809 (дата обращения: 06.10.2026).

[6] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год: форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 06.10.2026).

[7] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2025 год : форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9893 (дата обращения: 06.10.2026).

[8] Михайлова Т.Н., Васьянова О.Д. Следственное усмотрение при решении вопроса о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетнего. — Текст: электронный / Т.Н. Михайлова, О.Д. Васьянова // Уголовная юстиция. — 2025. — № 25. — С. 62–69. — URL: https://doi.org/10.17223/23088451/25/11 (дата обращения: 06.10.2026).

[9] Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс. — Текст: электронный / Е.В. Демидова-Петрова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2023. — Т. 14. — № 1 (51). — С. 51–58. — URL: https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.78.007 (дата обращения: 06.10.2026).

[10] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.10.2026).

[11] Садовникова Г.Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты. — Текст: электронный / Г. Д. Садовникова // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10 (155). — С. 45–53. — URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053 (дата обращения: 06.10.2026).

[12] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.).

— Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 06.10.2026).

[13] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 06.10.2026).

[14] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (посл. ред. от 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.10.2026).

[15] Верещагина А.В. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации. — Текст: электронный / А. В. Верещагина // Труды Академии управления МВД России. — 2024. — № 2 (70). — С. 40–50. — URL: https://doi.org/10.24412/2072-9391-2024-270-40-50 (дата обращения: 06.10.2026).

[16] Уголовное дело № 123020500010199, возбужденное 14 марта 2022 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ // Архив Следственного отдела по Первомайскому району г. Владивостока следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю. — 2022.

[17] Уголовное дело № 123020500010176, возбужденное 10 февраля 2022 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ // Архив Следственного отдела по Первомайскому району г. Владивостока следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю. — 2022.

[18] Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (посл. ред. от 4 августа 2026 г. № 300-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.10.2026).

[19] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 09.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 06.10.2026).

[20] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп., внесенными Законом Республики Узбекистан от 14 августа 2026 г. № ЗРУ-1165) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: https://lex.uz/ru/docs/111463 (дата обращения: 06.10.2026).

[21] Постановление Уссурийского районного суда Приморского края от 27 ноября 2018 г. по делу № 1-456/2018 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края. — 2018.

[22] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по состоянию на 12 августа 2026 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 06.10.2026).

[23] Кутуев Э.К., Соловьев А.Г. О некоторых вопросах применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних. — Текст: электронный / Э.К. Кутуев, А.Г. Соловьев // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 2. — С. 98–104. — URL: https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-98-104 (дата обращения: 06.10.2026).

[24] Аксенова Г.И., Аксенова П.Ю., Кузнецова А.А. Эмпирическое исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в следственном изоляторе. — Текст: электронный / Г.И. Аксенова, П.Ю. Аксенова, А.А. Кузнецова // Прикладная юридическая психология. — 2022. — № 3 (60). — С. 33–42. — URL: https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.3(60).033-042 (дата обращения: 06.10.2026).

[25] Найденный мертвым в СИЗО в Приморье подросток покончил с собой – следствие. — Текст: электронный // Интерфакс-Россия: [сайт]. — 2013. — 20 марта. — URL: https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/naydennyy-poveshennym-v-sizo-v-primore-podrostok-pokonchil-s-soboy-sledstvie (дата обращения: 06.10.2026).

[26] Подросток покончил с собой в СИЗО Казани. — Текст: электронный // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. — 2014. — 27 февраля. — URL: https://kazan.aif.ru/incidents/criminal/1114704 (дата обращения: 06.10.2026).

[27] В Самаре подросток покончил с собой в СИЗО. — Текст: электронный // Сам.Ру: [сайт]. — 2014. — 28 марта. — URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/75404.html (дата обращения: 06.10.2026).

[28] 17-летний подросток совершил суицид в СИЗО Бугульмы. — Текст: электронный // Татар-информ: [сайт]. — 2016. — 16 июня. — URL: https://www.tatar-inform.ru/news/17-letniy-podrostok-sovershil-suitsid-v-sizo-bugulmy-508533 (дата обращения: 06.10.2026).

[29] В Челябинской области подросток покончил с собой в камере ИВС. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — 2021. — 20 января. — URL: https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007f93a9a79478110218e1f (дата обращения: 06.10.2026).

[30] Хисамов А. «Его сначала зарезали, а потом...»: мать умершего в изоляторе подростка не верит в его самоубийство. — Текст: электронный / А. Хисамов // Комсомольская правда. Казань: [сайт]. — 2024. — 19 августа. — URL: https://www.kazan.kp.ru/daily/27622/4973535/ (дата обращения: 06.10.2026).

[31] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (посл. ред. от 10 июня 2026 г. № 178-ФЗ) // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. — URL: https://base.garant.ru/1305540/ (дата обращения: 06.10.2026).

[32] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 06.10.2026).

[33] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 (ред. от 22 мая 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/ (дата обращения: 06.10.2026).

References:

[1] Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2023: form No. 10.1 "Report on the number of those prosecuted and types of criminal punishment"; Form No. 12 "Report on convicts who committed crimes at a minor age." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (access date: 06.10.2026).

[2] Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2024: form No. 10.1 "Report on the number of those prosecuted and types of criminal punishment"; Form No. 12 "Report on convicts who committed crimes at a minor age." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (access date: 06.10.2026).

[3] Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2025: form No. 10.1 "Report on the number of those prosecuted and types of criminal punishment"; Form No. 12 "Report on convicts who committed crimes at a minor age." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9892 (access date: 06.10.2026).

[4] Vereshchagina A.V. Detention and supervision of a minor: some issues of regulation and law enforcement. - Text: electronic / A.V. Vereshchagina // Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. — 2025. - VOL. 17. — № 4. - S. 210-222. - URL: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/210-222 (access date: 06.10.2026).

[5] Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2023: Form No. 1 "Report on the work of courts of general jurisdiction in the trial of criminal cases." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809 (access date: 06.10.2026).

[6] Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2024: Form No. 1 "Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of first instance criminal cases." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (access date: 06.10.2026).

[7] Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2025: Form No. 1 "Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of first instance criminal cases." - Text: electronic // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9893 (access date: 06.10.2026).

[8] Mikhailova T.N., Vastyanova O.D. Investigative discretion when deciding on the choice of a preventive measure against a minor. - Text: electronic / T.N. Mikhailova, O.D. Vastyanova // Criminal justice. — 2025. — № 25. - S. 62-69. - URL: https://doi.org/10.17223/23088451/25/11 (access date: 06.10.2026).

[9] Demidova-Petrova E.V. Juvenile delinquency: features, causal complex. - Text: electronic / E.V. Demidova-Petrova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2023. - T. 14. — № 1 (51). - S. 51-58. - URL: https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.78.007 (access date: 06.10.2026).

[10] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993

(with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS "ConsultantPlus" - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: 06.10.2026).

[11] G.D. Sadovnikova 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities. - Text: electronic / G. D. Sadovnikova // Actual problems of Russian law. — 2023. - VOL. 18. — № 10 (155). - S. 45-53. - URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053 (access date: 06.10.2026).

[12] Convention on the Rights of the Child: approved by the UN General Assembly on November 20, 1989 (entered into force for the USSR on September 15, 1990). - Text: electronic // United Nations: [website]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 06.10.2026).

[13] United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules): adopted by UN General Assembly resolution 40/33 of 29 November 1985 - Text: electronic // United Nations: [website]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 06.10.2026).

[14] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ (Sep. rev. of July 26, 2026 No. 251-FZ) // SPS "ConsultantPlus" - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (access date: 14.10.2026).

[15] Vereshchagina A.V. Teacher (psychologist) in criminal proceedings of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation. - Text: electronic / A.V. Vereshchagin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — № 2 (70). - S. 40-50. - URL: https://doi.org/10.24412/2072-9391-2024-270-40-50 (access date: 06.10.2026).

[16] Criminal case No. 123020500010199, initiated on March 14, 2022 on the grounds of a crime under Part 1 of Art. 131 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Investigative Department for the Pervomaisky District of Vladivostok of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory. — 2022.

[17] Criminal case No. 123020500010176, initiated on February 10, 2022 on the grounds of a crime under Part 1 of Art. 131 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Investigative Department for the Pervomaisky District of Vladivostok of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory. — 2022.

[18] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (Sep. rev. of August 4, 2026 No. 300-FZ) // SPS "ConsultantPlus" - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 14.10.2026).

[19] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 "On Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors" (as amended by 09.12.2025) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (access date: 06.10.2026).

[20] Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan: approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2013-XII (as amended and supplemented by the Law of the Republic of Uzbekistan dated August 14, 2026 No. ZRU-1165) // National database of legislation of the Republic of Uzbekistan. - URL: https://lex.uz/ru/docs/111463 (access date: 06.10.2026).

[21] Resolution of the Ussuriysky District Court of Primorsky Krai dated November 27, 2018 in case No. 1-456/2018 // Archive of the Ussuriysky District Court of Primorsky Krai. — 2018.

[22] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V SAM (as amended and supplemented as of August 12, 2026) // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan "Ә dilet." - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (access date: 06.10.2026).

[23] Kutuev E.K., Soloviev A.G. On some issues of the application of preventive measures against minors. - Text: electronic / E.K. Kutuev, A.G. Soloviev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — № 2. - S. 98-104. - URL: https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-98-104 (access date: 06.10.2026).

[24] Aksenova G.I., Aksenova P.Yu., Kuznetsova A.A. Empirical study of the emotional sphere of juvenile suspects and accused in a pre-trial detention center. - Text: electronic / G.I. Aksenova, P.Yu. Aksenova, A.A. Kuznetsova // Applied legal psychology. — 2022. — № 3 (60). - S. 33-42. - URL: https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.3(60) .033-042 (accessed on: 06.10.2026).

[25] A teenager found dead in a pre-trial detention center in Primorye committed suicide - the investigation. - Text: electronic // Interfax-Russia: [website]. — 2013. - March 20. — URL: https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/naydennyy-poveshennym-v-sizo-v-primore-podrostok-pokonchil-s-soboy-sledstvie (accessed on: 06.10.2026).

[26] The teenager committed suicide in a pre-trial detention center in Kazan. - Text: electronic // Arguments and facts. Kazan: [website]. — 2014. - February 27. - URL: https://kazan.aif.ru/incidents/

criminal/1114704 (access date: 06.10.2026).

[27] In Samara, a teenager committed suicide in a pre-trial detention center. - Text: electronic // Sam.Ru: [site]. — 2014. - March 28. - URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/75404.html (access date: 06.10.2026).

[28] A 17-year-old teenager committed suicide in the Bugulma pre-trial detention center. - Text: electronic // Tatar-inform: [site]. — 2016. - June 16. — URL: https://www.tatar-inform.ru/news/17-letniy-podrostok-sovershil-suitsid-v-sizo-bugulmy-508533 (accessed on: 06.10.2026).

[29] In the Chelyabinsk region, a teenager committed suicide in an IVS cell. - Text: electronic // RBC: [website]. — 2021. - January 20. - URL: https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007f93a9a79478110218e1f (access date: 06.10.2026).

[30] Khisamov A. "He was first stabbed to death, and then...": the mother of a teenager who died in the isolation ward does not believe in his suicide. - Text: electronic / A. Khisamov // Komsomolskaya Pravda. Kazan: [website]. — 2024. - August 19. - URL: https://www.kazan.kp.ru/daily/27622/4973535/ (access date: 06.10.2026).

[31] Detention of Suspects and Accused Persons: Federal Law No. 103-FZ of 15 July 1995 (Sep. ed. June 10, 2026 No. 178-FZ) // ГАРАНТ.РУ: information and legal portal. - URL: https://base.garant.ru/1305540/ (access date: 06.10.2026).

[32] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ dated January 8, 1997 (as amended on March 23, 2026) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (access date: 06.10.2026).

[33] On approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Centers of the Penitentiary System, Internal Regulations of Correctional Institutions and Internal Regulations of Correctional Centers of the Penitentiary System: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 110 (as amended on May 22, 2026) // SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/ (access date: 06.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-294-297
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: 73kuntc@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В настоящей статье анализируется личность преступника, совершающего насильственные преступления в отношении несовершеннолетних. Акцент сделан на взрослых преступников и самих несовершеннолетних, на криминологическом изучении комплекса социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристик, которые формируют предпосылки такого поведения. Полученные знания призваны способствовать совершенствованию мер профилактики и повышению эффективности расследования таких преступлений.*

Ключевые слова: *личность, насилие, несовершеннолетние, осужденные, преступление, профилактике.*

Для цитирования: *Кунц Е. В. Личность преступника, совершившего насильственные преступления в отношении несовершеннолетних // Право и управление. 2026. № 10. С. 294–297.*

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher at the Department for Developing Methodologies for the Execution of Sentences Involving Deprivation of Liberty and Studying Penitentiary Crime (part of the Center for Research on Security Issues in Penal Institutions at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), Doctor of Law, Professor

THE PERSONALITY OF THE OFFENDER WHO COMMITS VIOLENT CRIMES AGAINST MINORS

Annotation. *This article analyzes the personality of the offender who commits violent crimes against minors. The focus is placed on both adult offenders and minors themselves, as well as on a criminological study of the complex of socio-demographic, moral-psychological, and criminal-law characteristics that create the preconditions for such behavior. The insights gained are intended to help improve prevention measures and enhance the effectiveness of investigations into such crimes.*

Key words: *personality, violence, minors, convicts, crime, prevention.*

For citation: *Kunts E. V. The personality of the offender who commits violent crimes against minors. Law and administration. 2026;(10):294–297. (In Russ.).*

Проблема насилия над детьми также остается нерешенной и требует от государства и общества принятия мер, способных защитить несовершеннолетних и создать для них такие условия, в которых им не нужно будет опасаться за свою жизнь и свое здоровье [1, с. 214]. В этой связи, важным является изучение вопроса личности преступника, применившего насилие в отношении несовершеннолетних.

Личность преступника, совершающего насильственные преступления в отношении несовершеннолетних, представляет собой совокупность социально-демографических, психологических, криминологических и иных характеристик, изучение которых позволяет выявить специфические признаки лиц, представляющих угрозу для подростков. Границы дозволенного были издавна очерчены человечеством в процессе его развития. Отдельные ученые подразделяют поведение людей на две основные группы: поведение нравственное или безнравственное, или поведение, морально одобряемое и аморальное [2, с. 10].

Криминологический портрет исследуемой категории преступников существенно отличается в зависимости от того, речь идет о взрослых преступниках или о несовершеннолетних, совершающих насилие в отношении сверстников, при этом каждая группа обладает специфическими особенностями, требующими дифференцированного подхода. У подростков формируется система двойных стандартов, в соответствии с которыми могут применяться и соблюдаться совершенно разные правила и нормы поведения. В таких условиях наиболее ярко иллюстрируется двуличность подростков, когда дома они являются послушными, воспитанными детьми, а в коллективе проявляют агрессию, несдержанность и жестокость [3, с. 128]. Также существуют группы несовершеннолетних, у которых употребление спиртного входит в традицию в качестве досуга [4, с. 244].

В судебной статистике отдельно не выделяют «насилие в отношении несовершеннолетних», поэтому цифры отражают общую картину по преступлениям против несовершеннолетних, куда входят и насильственные эпизоды, что создает определенные сложности при проведении исследований.

По данным Следственного комитета РФ за 2025 год, следователи признали потерпевшими почти 17 тысяч несовершеннолетних. Из них около 23% стали жертвами насильственных действий сексуального характера, расследовано около 23 тысяч криминальных деяний с участием несовершеннолетних, передали в суд около 12 тысяч дел. Отдельно отмечается рост число половых преступлений в отношении детей, число которых увеличилось на 13%, а количество детей, пострадавших от действий педагогов и других лиц, допущенных к работе с ними, выросло на 10% [5].

Взрослые осужденные, чаще всего совершающие насильственные действия против детей, характеризуются низким образовательным уровнем, имеют преимущественно среднее или неполное среднее образование, отсутствует постоянная трудовая занятость, что создает условия для бесконтрольного времяпрепровождения и возможности совершения преступлений в дневное время, чаще состоят в сожительстве или имеют второй или третий браки. Для них характерна систематическая либо хроническая алкоголизация, при этом судимость зачастую отсутствует, а преступления преимущественно совершаются единолично.

Взрослые преступники, совершившие половые преступления, отличаются более разнообразным профилем, от разного уровня образования, различной трудовой занятости. Степень алкоголизации у них дифференцируется от одного случая до стабильного уровня, возможны судимости, которые ранее были за аналогичные деяния.

Психологические особенности осужденных лиц, совершивших насильственные преступления против несовершеннолетних, включают целый спектр личностных деформаций и характерологических акцентуаций. В основу исследования личности преступника, осужденного за насильственные преступления, может быть положена типология преступников, совершающих насильственные посягательства в отношении несовершеннолетних: семейные насильники (родители, отчимы, сожители): лица с хронической алкогольной или наркотической зависимостью; лица с деформированными представлениями о методах воспитания; лица, использующие детей как объект для срыва негативных эмоций; сексуальные преступники: педофилы с устойчивой патологической ориентацией на детей; ситуативные преступники, совершающие посягательства при определенных обстоятельствах; лица, использующие цифровые технологии для установления контакта с жертвами; несовершеннолетние агрессоры: члены организованных преступных групп; лица с делинквентным поведением, воспроизводящие модели насилия; подростки, совершающие групповые насильственные действия для самоутверждения.

Мотивационные комплексы преступников существенно различаются в зависимости от типа совершаемых деяний и характеристик личности, однако можно выделить несколько доминирующих мотивов. Для внутрисемейного насилия характерны мотивы самоутверждения за счет слабого и зависимого, реализация деформированных представлений о допустимых методах воспитания, срыв негативных эмоций на ребенке,

месть за неповиновение или за действия другого родителя, при этом Л. В. Сердюк указывает, что «насилие в семье порождает своего рода «трансмиссию насилия», когда ребенок, выросший в атмосфере жестокости, впоследствии сам воспроизводит подобные модели поведения, становясь либо жертвой, либо агрессором в собственной семье» [6, с. 78-84].

Для половых преступников нередки сексуальные мотивы, которые сопряженны с психическими аномалиями и патологическими влечениями, вместе с тем, есть и корыстные мотивы при вовлечении несовершеннолетних в занятие проституцией. Несовершеннолетние преступники чаще руководствуются мотивами самоутверждения в группе сверстников, демонстрации силы, желанием получить материальные блага насильственным путем, при этом групповой характер совершения преступлений усиливает мотивацию через механизмы психологического заражения и взаимной поддержки в противоправном поведении.

Таким образом, портрет личности насильственного преступника, совершающего преступления в отношении несовершеннолетних можно охарактеризовать следующим образом: преимущественно насильственные преступления совершаются лицами мужского пола, хотя и не исключается возможность совершения таких деяний женщинами. Взрослые преступники чаще всего находятся в возрастном интервале от 25 до 50 лет, некоторые из них имеют судимости за сексуальные или насильственные преступления, что свидетельствует о рецидиве. Преступления часто совершаются в отношении несовершеннолетних, с которыми у преступника установлены доверительные отношения, например, это могут быть родственники, педагоги, воспитатели или соседи. В ситуациях, когда речь идет о несовершеннолетних правонарушителей, возраст фиксируется в интервале от 14 до 17 лет. Среди психологических и психических особенностей, присущих насильственным преступникам в отношении несовершеннолетних следует выделить, стойкое сексуальное влечение к детям, которое чаще встречается у мужчин, отсутствие чувства вины, эмоциональный фон при стрессе, проявляющийся в агрессии, направленной на более уязвимые объекты.

Если говорить о несовершеннолетних правонарушителей, то одним из решающих звеньев в системе воспитательной работы и ранней профилактики правонарушений в их среде является организация их свободного времени [7, с. 159]

Таким образом, исследование личности преступника, совершившего насильственные преступления в отношении несовершеннолетних, характеризуются противоречивыми тенденциями, демонстрирует значительную долю латентных деяний, особенно в сфере половых преступлений и внутрисемейного насилия, что искажает официальную статистику и затрудняет объективную оценку изучения личности, совершившей анализируемые преступления.

Список литературы:

[1] Голубовский В. Ю. Девиантность как предпосылки преступного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции : в 6 т., Рязань, 18–19 ноября 2020 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 213-216.

[2] Кунц Е. В. Несовершеннолетние как объект криминологического и уголовно-правового изучения / Е. В. Кунц. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. – 162 с.

[3] Корнакова С.В. Преступность несовершеннолетних. Основные криминологические аспекты и предупреждение // Саарбрюккен: LAP LAMBERT AcademicPublishing. 2017. № 1. С. 128.

[4] Голубовский В. Ю. Влияние девиантного поведения несовершеннолетних на уголовную современную политику // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. – С. 242-246.

[5] Почти 17 тыс. детей и подростков пострадали от преступлений в 2025 году. https://tass.ru/obschestvo/26628943?ysclid=mutk38ui6a397553006.

[6] Сердюк Л. В. Насилие в семье как фактор криминализации несовершеннолетних // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 78–84.

[7] Кунц Е.В. Повышение эффективности воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 19 октября 2023 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 159-162.

References:

[1] Golubovsky V. Yu. Deviance as a Precondition for Juvenile Criminal Behavior // The Penal System at the Present Stage and Prospects

for Its Development: Collection of Abstracts and Papers from the International Scientific and Practical Conference (in 6 volumes), Ryazan, November 18–19, 2020. Volume 2. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2020. – P. 213–216.

[2] Kunts E. V. Minors as a Subject of Criminological and Criminal Law Study / E. V. Kunts. – Chelyabinsk: A. Miller Library, 2021. – 162 p.

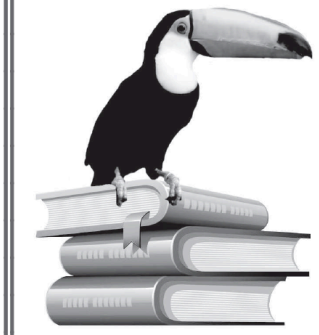
[3] Kornakova S. V. Juvenile Delinquency: Key Criminological Aspects and Prevention // Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. No. 1. P. 128.

[4] Golubovsky V. Yu. The Influence of Juvenile Deviant Behavior on Modern Criminal Policy // Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Materials from the 8th International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 30–31, 2020. – St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies, 2020. – P. 242–246.

[5] Nearly 17,000 children and adolescents were victims of crimes in 2025. https://tass.ru/obschestvo/26628943?ysclid=mutk38ui6a397553006.

[6] Serdyuk L. V. Domestic Violence as a Factor in the Criminalization of Minors // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2016. No. 2 (41). Pp. 78–84.

[7] Kunts E. V. Improving the Effectiveness of Educational Work with Juvenile Offenders // Current Issues in the Activities of Penal System Units: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, October 19, 2023. – Voronezh: "Nauchnaya Kniga" Publishing and Printing Center, 2023. – Pp. 159–162.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-298-302
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ГУЖВИЙ Владислав Владимирович,
Аспирант 4 курса Донбасский государственный университет, Россия, ДНР,
e-mail: vlad-gughviy@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Аннотация. *Целью данной статьи является анализ квалифицирующих признаков самовольного оставления части, как обстоятельства, существенно повышающие степень общественной опасности. В качестве предмета исследования выбраны критерии определения и применения квалифицирующих признаков самовольного оставления части. Методология исследования включает теоретические методы, а также использование нормативной базы и литературы. Основным результатом исследования является определение того, что квалифицирующие признаки самовольного оставления части имеют разную природу и могут быть связаны как с объективными обстоятельствами совершения преступления (условия чрезвычайного положения, боевая обстановка, продолжительность отсутствия), так и с субъективными характеристиками виновного (особый правовой статус, наличие судимости). Новизна исследования определяется выявлением всех квалифицирующих признаков в их системной взаимосвязи, что позволит правильно оценить степень общественной опасности деяния и назначить справедливое наказание. Главным выводом проведенного исследования является необходимость совершенствования законодательства и практики его применения. Применение результатов исследования может осуществляться для определения доказательственной информации, а также при в области научно-практической деятельности юридических органов.*

Ключевые слова: *квалифицирующие признаки, самовольное оставление части, квалификация преступлений, преступное поведение, совершенствование законодательства, общественная опасность.*

Для цитирования: *Гужвий В. В. Проблемы квалификации преступления за самовольное оставление части или места службы // Право и управление. 2026. № 10. С. 298–302.*

GUZHVIY Vladislav Vladimirovich,
4th-year postgraduate student Donbas State University, Russia, DPR

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE CRIME OF UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF A UNIT OR PLACE OF SERVICE

Annotation. *The purpose of this article is to analyze the qualifying features of unauthorized abandonment of a military unit as circumstances that significantly increase the degree of public danger. The research focuses on the criteria for defining and applying the qualifying features of unauthorized abandonment of a military unit. The research methodology utilizes theoretical methods, as well as regulatory frameworks and literature. The main result of the study is the determination that the qualifying features of unauthorized abandonment vary in nature and can be linked both to the objective circumstances of the crime (state of emergency, combat situation, duration of absence) and to the subjective characteristics of the perpetrator (special legal status, criminal record). The study's novelty lies in its identification of all qualifying features in their systemic interrelationship, which will allow for an accurate assessment of the social danger posed by the act and the imposition of a just punishment. The main conclusion of the study is the need to improve legislation and its enforcement practices. The study's results can be applied to the development of evidentiary information, as well as in the scientific and practical work of legal bodies.*

Key words: *qualifying features, unauthorized abandonment of a unit, qualification of crimes, criminal behavior, improvement of legislation, public danger.*

For citation: *Guzhviy V. V. Problems of qualification of the crime of unauthorized abandonment of a unit or place of service. Law and administration. 2026;(10):298–302. (In Russ.).*

В системе квалифицирующих признаков самовольного оставления части можно выделить несколько уровней, соответствующих различным частям статьи 337 УК РФ. При этом каждый последующий уровень включает в себя более опасные формы преступного поведения, что обусловливает прогрессивное повышение санкций. Такой подход позволяет обеспечить индивидуализацию наказания с учетом всех обстоятельств совершенного деяния и личности виновного. Научный анализ квалифицирующих признаков самовольного оставления части имеет важное теоретическое и практическое значение для правильной квалификации деяния и назначения справедливого наказания.

Режим в каждой воинской части характеризуется повышенными требованиями к соблюдению воинской дисциплины и установленного порядка, что делает самовольное ее оставление особенно опасным деянием, свидетельствующим о стойком нежелании военнослужащего соблюдать правила воинской дисциплины.

В.Н. Кудрявцев [6] подчеркивает, что важным квалифицирующим признаком является совершение самовольного оставления части «военнослужащим, проходящим военную службу по призыву» (ч. 4 ст. 337 УК РФ). Автор отмечает, что выделение данной категории военнослужащих обусловлено спецификой призывной службы, которая характеризуется более жесткой регламентацией порядка прохождения и повышенными требованиями к дисциплине. По нашему мнению, такой подход является дискуссионным, поскольку создает неравенство в уголовно-правовой оценке деяний, совершенных военнослужащими различных категорий, что может рассматриваться как нарушение принципа равенства всех перед законом. При этом следует учитывать, что военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, имеют ряд объективных особенностей, отличающих их от военнослужащих-контрактников. К таким особенностям относятся: обязательный характер службы, отсутствие профессиональной подготовки, меньший опыт воинской службы, более молодой возраст и другие факторы, которые могут влиять на мотивацию и характер преступного поведения. Данные обстоятельства должны учитываться при оценке общественной опасности самовольного оставления части и индивидуализации наказания.

Н.Г. Кадников [5] указывает, что особым квалифицирующим признаком самовольного оставления части является его совершение «в период прохождения военной службы по мобилизации или наличия контракта о прохождении военной службы, заключенного в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 года N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», либо пребывания в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» (ч. 5 ст. 337 УК РФ). Как представляется, выделение данной категории военнослужащих в качестве особых субъектов преступления является обоснованным, поскольку соответствует современным реалиям и обеспечивает адекватную уголовно-правовую оценку деяний, совершаемых в особых условиях.

Следует отметить, что военная служба по мобилизации и в рамках специальных контрактов характеризуется повышенными требованиями к соблюдению воинской дисциплины и исполнению приказов, что обусловлено особой значимостью выполняемых задач и потенциальной опасностью для жизни и здоровья военнослужащих. В этих условиях самовольное оставление части представляет повышенную общественную опасность, поскольку может негативно влиять на боеспособность подразделения и выполнение боевых задач. Я.М. Брайнин [2] подчеркивает, что групповое самовольное оставление части представляет особую опасность, поскольку может перерасти в массовое неповиновение или иные более тяжкие преступления против военной службы. Автор отмечает, что при групповом самовольном оставлении части наблюдается эффект взаимного усиления антиобщественной установки участников, что повышает вероятность совершения ими новых преступлений. По нашему мнению, данная позиция является обоснованной и соответствует криминологическим особенностям групповой преступности.

При квалификации группового самовольного оставления части необходимо учитывать общие положения института соучастия, предусмотренные статьями 32-36 УК РФ. В частности, следует определить форму соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа), роль каждого участника (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник) и наличие предварительного сговора на совершение преступления. Данные обстоятельства имеют важное значение для правильной квалификации деяния и индивидуализации наказания.

Б.В. Волженкин [4] указывает, что одним из основных квалифицирующих признаков самовольного оставления части является совершение этого деяния «в период военного положения или в военное время» (ч. 3 ст. 337 УК РФ в сравнении с ч. 3 ст. 331 УК РФ). Автор отмечает, что в этом случае деяние квалифицируется как дезертирство по статье 338 УК РФ, что объясняется существенным повышением общественной опасности самовольного оставления части в условиях военного времени. По нашему мнению, такой подход законодателя является обоснованным, поскольку в военное время самовольное оставление части приобретает качественно новые характеристики, связанные с потенциальной угрозой обороноспособности страны и безопасности государства.

А.И. Бойко [3] справедливо считает, что квалифицирующим признаком самовольного оставления части следует также считать совершение этого деяния «в условиях чрезвычайного положения» (ч. 2 ст. 337 УК РФ). Данный признак отражает повышенную общественную опасность преступления, совершенного в особых условиях, когда от военнослужащих требуется повышенная дисциплина и ответственность. Чрезвычайное положение вводится в соответствии с Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» в случае стихийных бедствий, техногенных катастроф, массовых беспорядков и иных обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Мы разделяем данную позицию и считаем, что в условиях чрезвычайного положения самовольное оставление части представляет повышенную общественную опасность, поскольку может негативно повлиять на выполнение задач по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации и обеспечению безопасности населения. Также А.И. Бойко обращает внимание на проблему учета квалифицирующих признаков при назначении наказания. Автор отмечает, что наличие квалифицирующих признаков не только влияет на квалификацию деяния, но и должно учитываться при назначении наказания в рамках санкции соответствующей части статьи 337 УК РФ. По мнению автора, чем большее количество квалифицирующих признаков присутствует в деянии, тем ближе к верхней границе санкции должно быть назначено наказание. По нашему мнению, данный подход соответствует принципу справедливости, однако требует осторожного применения, поскольку механическое увеличение наказания в зависимости от количества квалифицирующих признаков без учета конкретных обстоятельств дела может привести к назначению несправедливого наказания.

Х.М. Ахметшин [1] указывает, что еще одним квалифицирующим признаком самовольного оставления части является совершение этого деяния «в боевой обстановке» (ч. 2 ст. 337 УК РФ). По нашему мнению, выделение данного квалифицирующего признака является обоснованным и соответствует принципу дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния.

И.М. Мацкевич [7] подчеркивает, что особым квалифицирующим признаком самовольного оставления части является продолжительность отсутствия военнослужащего. Автор отмечает, что каждый последующий интервал предполагает более строгое наказание, что отражает прогрессивное повышение общественной опасности деяния в зависимости от продолжительности отсутствия военнослужащего. На наш взгляд, данный подход законодателя является обоснованным, поскольку чем дольше военнослужащий отсутствует в части, тем больший ущерб наносится боеготовности подразделения и порядку прохождения военной службы. Также И.М. Мацкевич обращает внимание на возможность выделения в качестве квалифицирующего признака совершение самовольного оставления части «с применением насилия или с угрозой его применения». Автор отмечает, что в некоторых случаях самовольное оставление части сопровождается насильственными действиями в отношении лиц, пытающихся предотвратить или пресечь данное преступление (командиров, дежурных по части, караульных и т.д.). Такие действия существенно повышают общественную опасность деяния и могут требовать более строгого наказания. ответственности.

При определении продолжительности отсутствия военнослужащего следует руководствоваться положениями статьи 128 УК РФ, согласно которой сроки исчисляются годами, месяцами и сутками, а течение срока начинается с 00 часов 00 минут следующих суток после самовольного оставления части или истечения срока явки в часть. При этом возникает вопрос о методике исчисления сроков в случаях, когда самовольное оставление части носит прерывистый характер, то есть, когда военнослужащий периодически возвращается в часть, а затем снова самовольно ее покидает.

В.П. Шупленков [8] предлагает в таких случаях рассматривать каждый эпизод самовольного оставления части как самостоятельное преступление, если между эпизодами отсутствует единый умысел. Если же эпизоды самовольного оставления части объединены единым умыслом и представляют собой элементы единого продолжаемого преступления, то сроки отсутствия следует суммировать. По нашему мнению, данный подход является обоснованным, поскольку соответствует общим принципам квалификации единичных и множественных преступлений, однако на практике его применение может вызывать за-

труднения, связанные с доказыванием наличия или отсутствия единого умысла.

Б.В. Волженкин [4] предлагает дополнить статью 337 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления «в целях уклонения от исполнения специальных обязанностей военной службы» По мнению автора, данный признак отражает повышенную общественную опасность деяния, направленного на уклонение от выполнения особо важных и ответственных задач, таких как участие в боевых действиях, несение боевого дежурства, караульной службы и т.д. Мы считаем данное предложение заслуживающим внимания, поскольку оно позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от направленности умысла виновного и конкретных обязанностей, от исполнения которых он уклоняется. Однако его реализация потребует четкого определения понятия «специальные обязанности военной службы», чтобы избежать расширительного толкования и необоснованного ужесточения ответственности.

В контексте анализа квалифицирующих признаков самовольного оставления части особое внимание следует уделить проблеме конкуренции норм при квалификации деяний, содержащих признаки различных частей статьи 337 УК РФ. Такая ситуация может возникнуть, когда в действиях виновного усматриваются одновременно несколько квалифицирующих признаков, относящихся к разным частям данной статьи.

Итак, рассмотрев квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом за самовольное оставление части или места службы, можно заключить следующее:

Основными квалифицирующими признаками самовольного оставления части являются: совершение преступления военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части; совершение преступления в условиях чрезвычайного положения; совершение преступления в боевой обстановке; совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; продолжительность отсутствия военнослужащего; совершение преступления военнослужащим, проходящим военную службу по призыву; совершение преступления в период прохождения военной службы по мобилизации или наличия специального контракта; совершение преступления лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление.

Квалифицирующие признаки самовольного оставления части имеют разную природу и могут быть связаны как с объективными обстоятельствами совершения преступления (условия чрезвычайного положения, боевая обстановка, продолжительность отсутствия), так и с субъективными характеристиками виновного (особый правовой статус, наличие судимости). При этом каждый из этих признаков имеет свою специфику и требует особого внимания при квалификации деяния и назначении наказания.

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, необходимо учитывать все квалифицирующие признаки в их системной взаимосвязи, что позволит правильно оценить степень общественной опасности деяния и назначить справедливое наказание. В случае конкуренции норм различных частей статьи 337 УК РФ следует руководствоваться правилом квалификации по норме, содержащей квалифицирующий признак, наиболее существенно повышающий степень общественной опасности деяния.

Если самовольное оставление части явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств и деяние совершено впервые, то возможно освобождение от уголовной ответственности При этом тяжелые обстоятельства могут включать в себя различные факторы, такие как тяжелое заболевание или смерть близких родственников, сложная семейная ситуация, неуставные взаимоотношения в воинском коллективе и другие обстоятельства, которые могли побудить военнослужащего к самовольному оставлению части.

В целях совершенствования законодательства и практики его применения целесообразно разработать более четкие критерии определения и применения квалифицирующих признаков самовольного оставления части, законодательно закрепить детализацию понятия «чрезвычайное положение» и «боевая обстановка», а также уточнить правила квалификации при наличии нескольких квалифицирующих признаков. Данные меры позволят повысить эффективность уголовно-правовой охраны установленного порядка прохождения военной службы и обеспечить единообразную правоприменительную практику.

Список литературы:

[1] Ахметшин Х.М. Уголовно-правовая характеристика воинских преступлений: дис. ...докт. юрид. наук. М., 1968. 59 с.

[2] Брайнин Я.М. Уголовно-правовая охрана государственного и общественного строя: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 1963. 32 с.

[3] Бойко А.И. Система и структура уголовного права: дис.... докт. юрид. наук. Ростов-на -Дону, 2007. 639 с.

[4] Волженкин Б.В. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве: дис. ...докт. юрид. наук. СПб., 2008. 969 с.

[5] Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2011. 300 с.

[6] Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений: дис. ...докт. юрид. наук. М., 1963. 31 с.

[7] Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих: Криминологические и социально-правовые проблемы: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2000. 40 с.

[8] Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против установленного порядка прохождения военной службы: дис. ...докт. юрид. наук. М., 1986. 432 с.

References:

[1] Akhmetshin H.M. Criminal-legal characteristics of military crimes: dis.... doc. jurid. sciences. M., 1968. 59 pp.

[2] Brainin J.M. Criminal law protection of the state and social system: abstract. dis.... doc. jurid. sciences. M., 1963. 32 pp.

[3] Boyko A.I. The system and structure of criminal law: dis.... doc. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2007. 639 p.

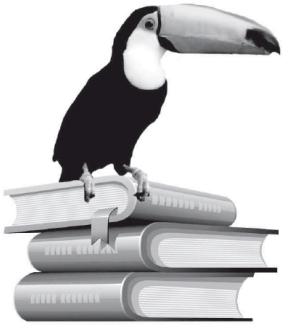
[4] Volzhenkin B.V. Qualifying circumstances in criminal law: dis.... doc. jurid. sciences. St. Petersburg, 2008. 969 p.

[5] Kadnikov N.G. Qualification of crimes and issues of judicial interpretation: dis.... doc. jurid. sciences. M., 2011. 300 s.

[6] Kudryavtsev V.N. Theoretical foundations of crime qualification: dis.... doc. jurid. sciences. M., 1963. 31 pp.

[7] Matskevich I.M. Crime of military personnel: Criminological and socio-legal problems: author's review. dis.... doc. jurid. sciences. M., 2000. 40 s.

[8] Shuplenkov V.P. Problems of criminal legal struggle against crimes against the established procedure for military service: dis.... doc. jurid. sciences. M., 1986. 432 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-303-309
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕДАЧЕ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 321.1 УК РФ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые проблемы противодействия незаконной передаче средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицам, находящимся в исправительных учреждениях и иных местах лишения свободы. Актуальность обусловлена введением статьи 321.1 УК РФ, изменением ее терминологии с 1 января 2026 г., отсутствием сформировавшейся судебной практики и устойчивой криминогенной ролью нелегальной связи в пенитенциарной среде. На основе формально-юридического, системного и статистического методов раскрываются объект, предмет, объективная и субъективная стороны состава, анализируется административная преюдиция и разграничивается уголовная и административная ответственность. Обосновывается, что формула о запрещенности средств коммуникации «законом» не полностью отражает систему регулирования, поскольку конкретный перечень определяется также ведомственными правилами внутреннего распорядка. Предлагаются функциональные критерии предмета преступления и подходы к определению момента окончания передачи при тайниковой закладке, перебросе и доставке беспилотным аппаратом. Сформулированы предложения de lege ferenda по уточнению диспозиции статьи 321.1 УК РФ, квалификации покушения, стандартизации цифрового доказывания, дифференциации ответственности и совершенствованию судебной статистики. Отдельно оцениваются пределы уголовно-правового воздействия и его соотношение с технической и организационной профилактикой.*

Ключевые слова: *исправительное учреждение; места лишения свободы; мобильная связь; средства коммуникации; административная преюдиция; запрещенные предметы; квалификация; цифровые доказательства.*

Для цитирования: *Майстренко Г. А. Уголовно-правовое противодействие незаконной передаче средств мобильной связи в исправительные учреждения: проблемы применения статьи 321.1 УК РФ // Право и управление. 2026. № 10. С. 303–309.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION TO THE ILLEGAL TRANSFER OF MOBILE COMMUNICATION DEVICES INTO CORRECTIONAL FACILITIES: ISSUES OF APPLYING ARTICLE 321.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines criminal-law problems of counteracting the illegal transfer of mobile communication devices and other means of communication to persons held in correctional facilities and other places of imprisonment. The relevance of the study is determined by the introduction of Article 321.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, its terminological amendment effective from January 1, 2026, the absence of established judicial practice, and the continuing criminogenic role of unauthorized communications in the penitentiary environment. Formal-legal, systemic, and statistical methods are used to analyze the protected object, subject matter, objective and subjective elements of the offense, administrative prejudice, and the distinction between criminal and administrative liability. It is argued that the reference to devices prohibited "by law" does not fully correspond to the regulatory framework, because the specific list is also established by departmental internal regulations. Functional criteria are proposed for identifying the subject matter of the offense and determining completion in cache-based deliveries, perimeter throws, and unmanned aerial delivery. De lege ferenda proposals concern clarification of Article 321.1, qualification of attempts, digital-evidence standards, differentiation of liability, and improvement of judicial statistics.*

Key words: *correctional facility; places of imprisonment; mobile communications; communication devices; administrative prejudice; prohibited items; criminal qualification; digital evidence.*

For citation: *Maistrenko G. A. Criminal-law counteraction to the illegal transfer of mobile communication devices into correctional facilities: issues of applying article 321.1 of the criminal code of the Russian Federation. Law and administration. 2026;(10):303–309. (In Russ.).*

Введение

Цифровизация изменила содержание режима изоляции от общества. Смартфон в исправительном учреждении представляет собой не только запрещенный предмет, но и многофункциональный узел связи, платежный инструмент, средство доступа к мессенджерам и интерфейс дистанционного совершения преступлений. Через нелегальную связь координируются мошенничества и сбыт наркотиков, поддерживаются криминальные контакты, оказывается давление на потерпевших и свидетелей [12, с. 87–90]. Поэтому проникновение устройств связи на охраняемую территорию создает угрозу как режиму учреждения, так и безопасности лиц за его пределами.

Федеральными законами от 19 декабря 2023 г. № 596-ФЗ и № 597-ФЗ сформирована двухуровневая модель: часть 2 статьи 19.12 КоАП РФ предусматривает ответственность за первичную передачу либо попытку передачи средств связи и комплектующих, статья 321.1 УК РФ — за повторную передачу лицом, подвергнутым административному наказанию, либо имеющим судимость за это преступление [2; 5; 6]. С 1 января 2026 г. привязка к «учреждению уголовно-исполнительной системы» заменена формулой «место лишения свободы» [7]. Между тем не устранены вопросы о предмете преступления, моменте его окончания, пределах бланкетности и административной преюдиции.

Цель исследования — выработать системный подход к применению статьи 321.1 УК РФ. Использованы формально-юридический, системно-структурный и статистический методы. Научная новизна состоит в функциональном определении предмета преступления, разграничении оконченной передачи и покушения при дистанционных способах доставки, а также в предложениях по уточнению диспозиции и статистического учета.

1. Основания криминализации и объект преступления

Режим лишения свободы обеспечивает изоляцию, надзор, безопасность и контролируемый порядок реализации прав осужденных. Часть 8 статьи 82 УИК РФ относит определение перечня запрещенных вещей к правилам внутреннего распорядка, а приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 включает в этот перечень средства связи и обеспечивающие их работу комплектующие [3; 8]. Неконтролируемая коммуникация делает изоляцию частичной: физически находясь в учреждении, лицо продолжает действовать во внешней информационной и экономической среде.

Непосредственным объектом статьи 321.1 УК РФ является установленный порядок функционирования мест лишения свободы и содержания под стражей, включая режим изоляции и контролируемый характер коммуникаций. Имущественные интересы граждан, общественная безопасность и интересы правосудия могут выступать факультативными дополнительными объектами, если устройство предназначается для последующего преступления. Для окончания основного состава причинение такого вреда не требуется [9, с. 50–53].

Административная преюдиция выражает принцип экономии уголовной репрессии: первичное деяние сохраняется в сфере административного права, уголовная ответственность наступает при повторном игнорировании запрета. Однако повторность не отменяет требования общественной опасности. При исключительно формальном

характере деяния подлежит применению часть 2 статьи 14 УК РФ о малозначительности; состояние административной наказанности не должно механически подменять оценку нового эпизода.

Криминализация не должна приводить к неоправданному ограничению законных коммуникаций. Осужденные и содержащиеся под стражей сохраняют право на юридическую помощь и поддержание семейных связей в установленных формах. Поэтому предметом уголовно-правового запрета является не коммуникация как таковая, а создание неконтролируемого канала в обход режима. Чем доступнее официальная телефонная и видеосвязь, тем меньше социальная база нелегального оборота устройств; этот фактор должен учитываться при оценке эффективности статьи 321.1 УК РФ.

2. Предмет преступления и пределы бланкетности

Предметом названы средства мобильной связи, иные средства коммуникации и комплектующие. Технологическая нейтральность позволяет охватить телефон, смартфон, радиостанцию, модем, маршрутизатор, планшет, умные часы, спутниковый терминал и модифицированное устройство. Вместе с тем понятие «иное средство коммуникации» нельзя толковать безгранично. Определяющим должен быть функциональный критерий: устройство предоставляет содержащемуся лицу возможность самостоятельно передавать или получать сообщения и данные без непосредственного контроля администрации. К комплектующим могут относиться SIM-карта, eSIM-профиль, аккумулятор, зарядное устройство, кабель, антенна или адаптер. Универсальный предмет признается комплектующим только при доказанной связи с конкретным устройством и предназначенности для обеспечения его работы в месте лишения свободы. Неработающий телефон сохраняет свойства предмета, если технически восстановим; полностью разрушенный макет — нет. В спорных случаях необходима компьютерно-техническая или радиотехническая экспертиза [10, с. 52–55; 13, с. 48–59].

Дополнительным признаком является запрещенность приобретения, хранения или использования предмета адресатом. Диспозиция употребляет слова «запрещено законом», хотя конкретизация осуществляется также ведомственными правилами [3; 4; 8]. Для соблюдения принципа определенности предлагается заменить эту формулу указанием на запрет, установленный уголовно-исполнительным законодательством, законодательством о содержании под стражей и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами.

Терминологическая поправка 2025 г., вступившая в силу с 1 января 2026 г., имеет не только редакционное значение. Формула «место лишения свободы» устраняет зависимость уголовной ответственности от ведомственного наименования учреждения, однако нуждается в системной связи с УИК РФ и законодательством о содержании под стражей. В правоприменении необходимо устанавливать не формальный адрес объекта, а законный режим изоляции адресата. Передача устройству лицу, временно выведенному за пределы учреждения под конвоем, также может сохранять связь с охраняемым порядком, если предмет предназначен для последующего использования в месте содержания.

3. Объективная сторона и момент окончания

Передача может совершаться любым способом: при свидании, в посылке, перебросом через ограждение, через посредника, посредством тайника или беспилотного воздушного судна. Состав формальный, но окончен не в момент начала доставки и не обязательно при пересечении периметра. Передача завершена, когда предмет поступил во владение адресата либо в сферу его реального и непосредственного доступа. Если телефон обнаружен при досмотре посылки или посетителя до вручения, при наличии преюдициального статуса содеянное образует покушение по части 3 статьи 30 и статье 321.1 УК РФ. При перебросе через ограждение необходимо установить доступность места для конкретного адресата. Попадание предмета в запретную зону, где он сразу изъят сотрудниками, не является оконченной передачей.

При тайниковой закладке окончание возможно, когда место заранее согласовано, адресат уведомлен, а предмет помещен в реально доступную ему зону. Одного размещения на территории недостаточно. Аналогично оценивается доставка беспилотником: оператор является исполнителем, если обеспечивает поступление груза адресату; пресечение полета до сброса или изъятие груза вне зоны доступа означает покушение.

Часть 2 статьи 19.12 КоАП РФ охватывает первичную передачу и попытку передачи при отсутствии признаков преступления [2]. После возникновения административной преюдиции повторная пресеченная попытка должна квалифицироваться как покушение, а не как новый административный проступок. Приготовление не наказуемо, поскольку статья 321.1 относится к преступлениям небольшой тяжести.

В цифровой среде предмет может иметь нематериальный компонент. Передача кода активации eSIM, учетной записи защищенного мессенджера или программного средства, превращающего разрешенное устройство в средство неконтролируемой связи, ставит вопрос о границах действующей диспозиции. Ее буквальный

текст ориентирован прежде всего на вещи и комплектующие. До законодательного уточнения расширительное признание самостоятельного программного кода предметом преступления недопустимо; ответственность возможна лишь тогда, когда код неразрывно связан с передаваемым материальным компонентом и обеспечивает его работу.

4. Административная преюдиция и субъективные признаки

Специальным субъектом является лицо, подвергнутое административному наказанию по части 2 статьи 19.12 КоАП РФ, либо имеющее неснятую и непогашенную судимость по статье 321.1 УК РФ. Постановление должно вступить в силу, а новое деяние — быть совершено в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Отмена постановления устраняет конструктивный признак состава.

Конституционный Суд РФ подчеркивал, что административная преюдиция не освобождает от самостоятельного доказывания всех обстоятельств нового преступления [11]. Поэтому административное постановление подтверждает лишь предшествующий юридический факт; предмет, адресат, место, способ и вина по новому эпизоду устанавливаются заново. Сомнения в действительности постановления и сроке наказанности толкуются в пользу обвиняемого.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает характер предмета, статус адресата, запрещенность владения и желает обеспечить передачу. Осведомленность подтверждается перепиской, маскировкой, согласованием координат, получением оплаты, данными устройства и иными доказательствами. Мотив не обязателен, но цель содействия конкретному мошенничеству, сбыту наркотиков, побегу или давлению на свидетеля может повлечь совокупность с пособничеством в соответствующем преступлении.

Сотрудник учреждения является субъектом статьи 321.1 только при наличии преюдициального признака. Первичная передача за вознаграждение может образовывать получение взятки, злоупотребление или превышение полномочий. При наличии преюдиции возможна совокупность, поскольку коррупционный состав и статья 321.1 охраняют разные отношения.

Факт родства с адресатом, финансовая зависимость или просьба осужденного не исключают умысла. Иное значение имеет физическое или психическое принуждение: при реальности угрозы и невозможности руководить действиями применяются общие положения статьи 40 УК РФ. Если лицо передает посылку, не зная о скрытом устройстве, уголовная ответственность исключается. Следовательно, обвинение должно доказать не только принадлежность отправления, но и осведомленность о вложении, запрете и назначении предмета.

5. Разграничение ответственности и доказательственные стандарты

Разграничение строится по статусу передающего и стадии деяния: первичная оконченная передача или попытка — часть 2 статьи 19.12 КоАП РФ; повторная оконченная передача — статья 321.1 УК РФ; повторная пресеченная передача — часть 3 статьи 30 и статья 321.1 УК РФ. Хранение телефона самим осужденным не охватывается данной статьей и влечет дисциплинарные меры, если не образует иного преступления.

Лицо без преюдициального статуса может отвечать как организатор, подстрекатель или пособник при осознании специального признака исполнителя. Неосведомленный курьер действует невиновно. Если ни один непосредственный исполнитель не обладает специальным признаком, статья 321.1 не применяется, хотя возможна административная или иная уголовная ответственность.

По делам о дистанционной доставке требуется надежная фиксация цифровых следов: IMEI и серийных номеров, SIM-карт и eSIM, переписки, платежей, координат, истории соединений, видеозаписей и телеметрии беспилотника. Данные должны изыматься с сохранением целостности и цепочки хранения. Технологическая сложность не допускает снижения стандарта доказанности или подмены экспертизы предположением о назначении устройства. Практически значима следующая последовательность квалификации. Сначала устанавливаются предмет, адресат, место и непосредственная направленность действий на передачу. Затем определяется стадия: поступил ли предмет под фактический контроль адресата. После этого проверяется специальный статус исполнителя и срок административной наказанности либо судимости. Лишь в завершение решаются вопросы совокупности с коррупционными, наркотическими, имущественными и иными преступлениями. Нарушение такой последовательности повышает риск подмены состава одним фактом повторного привлечения.

6. Статистическая оценка применения статьи 321.1 УК РФ

Судебная статистика свидетельствует о медленном запуске нормы. В 2024 г. по статье 321.1 УК РФ не было осуждено ни одного лица [14]; нулевой показатель сохранился в первом полугодии 2025 г. [15]. Одновременно по статье 19.12 КоАП РФ в целом в 2024 г. судами рассмотрено 2368 дел, наказание назначено 1333 лицам [16]. Поскольку отчетность объединяет части статьи, выделить мобильные устройства невозможно.

Нулевой показатель может объясняться необходимостью накопления преюдициальных случаев, сложностью установления адресности и момента окончания, а также квалификацией повторной попытки как административного деликта. Он не доказывает отсутствие незаконных поставок и требует межведомственного сопоставления данных ФСИН России, полиции, прокуратуры и судов.

Статистические формы целесообразно дополнить сведениями о части 2 статьи 19.12 КоАП РФ: вид предмета, оконченная передача или попытка, способ доставки, повторность и статус передающего. По статье 321.1 следует учитывать стадию, основание преюдиции, способ передачи, категорию учреждения и совокупность с коррупционными или иными преступлениями.

При назначении наказания следует учитывать способ и системность доставки, количество устройств, размер вознаграждения, связь с должностным злоупотреблением и предполагаемое использование телефона. Добровольный отказ до начала непосредственной передачи, активное содействие раскрытию канала поставки и отсутствие фактического доступа адресата могут существенно снижать опасность. Конфискация беспилотника, транспортного средства или иного оборудования допустима только при соблюдении общих условий статьи 104.1 УК РФ и доказанности их использования как средства совершения преступления.

7. Предложения de lege ferenda

Во-первых, диспозицию следует согласовать с реальной системой источников запрета. Во-вторых, в примечании целесообразно закрепить функциональное определение средств коммуникации и комплектующих. В-третьих, Пленуму Верховного Суда РФ необходимо разъяснить момент окончания передачи, квалификацию тайника, переброса и беспилотной доставки, а также соучастие лиц без специального признака.

В-четвертых, заслуживает обсуждения квалифицированный состав: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения либо в целях обеспечения тяжкого или особо тяжкого преступления. Действующая санкция одинаково оценивает передачу одного комплектующего родственником и профессиональный канал поставки сотрудником учреждения, хотя их общественная опасность различна.

В-пятых, уголовно-правовые меры должны сочетаться с техническим обнаружением сигналов и беспилотников, антикоррупционным контролем и доступными законными каналами телефонной и видеосвязи. Контролируемое общение с родственниками и адвокатом снижает спрос на нелегальные устройства; уголовный запрет должен быть последним барьером, а не заменой организационной профилактики.

Заключение

Введение статьи 321.1 УК РФ обосновано превращением нелегальной мобильной связи в инфраструктуру пенитенциарной преступности. Вместе с тем эффективность нормы ограничивают неопределенность предмета, неточность бланкетной формулы, отсутствие единых правил определения момента окончания и недостаточная детализация статистики.

Предмет следует определять по способности обеспечить неконтролируемую коммуникацию; передача окончена при поступлении устройства в фактический контроль адресата, а повторная пресеченная передача образует покушение. Административная преюдиция требует самостоятельного доказывания нового деяния и строгой проверки предшествующего постановления. Предлагаемые изменения позволят повысить определенность уголовного закона, обеспечить единообразие квалификации и сохранить соразмерность уголовной репрессии.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

[4] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 597-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ст. 9510.

[6] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 596-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190040 (дата обращения: 31.07.2026).

[7] О внесении изменений в отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 октября 2025 г. № 401-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270027 (дата обращения: 31.07.2026).

[8] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202207080004 (дата обращения: 31.07.2026).

[9] Яковлева Л. В., Майорова Е. И. Уголовно-правовая охрана порядка содержания под стражей подозреваемых или обвиняемых либо отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы (ст. 321.1 УК РФ) // Российский следователь. 2025. № 7. С. 50–53. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-7-50-53..

[10] Плешаков А. М., Туманов А. С. Уголовная ответственность за передачу лицу, содержащемуся в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, средств мобильной связи и иных средств коммуникации // Российский следователь. 2025. № 8. С. 52–55. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-8-52-55..

[11] По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 УК РФ: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П. URL: https://www.ksrf.ru (дата обращения: 31.07.2026).

[12] Сухаренко А. Н., Куракин А. В. Незаконное использование средств связи в местах лишения свободы (вопросы административной и уголовной ответственности) // Современное право. 2025. № 5. С. 87–90.

[13] Филиппов П. А., Степанов В. В. Уголовная ответственность за передачу лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств коммуникации // Уголовное право. 2025. № 10. С. 48–59. DOI: 10.52390/20715870_2025_10_48..

[14] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2024 г. Форма № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 31.07.2026).

[15] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ за первое полугодие 2025 г. Форма № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/k3-svod_vse_sudy-1-2025.xls (дата обращения: 31.07.2026).

[16] Отчет о рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях за 2024 г. Форма № 1-АП // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F2-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 31.07.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on July 26, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[3] Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.

[4] On the detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law of July 15, 1995 No. 103-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2759.

[5] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 150 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 19, 2023 No. 597-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 52. Art. 9510.

[6] On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of December 19, 2023 No. 596-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190040 (access date: 31.07.2026).

[7] On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of October 27, 2025 No. 401-FZ // Official Internet portal of legal information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270027 (access date: 31.07.2026).

[8] On approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal System, Internal Regulations of Correctional Institutions and Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 110 dated July 4, 2022. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202207080004 (access date: 31.07.2026).

[9] Yakovleva L. V., Mayorova E. I. Criminal law protection of the procedure for the detention of suspects or accused or serving sentences of imprisonment by convicts (Article 321.1 of the

Criminal Code of the Russian Federation) // Russian investigator. 2025. № 7. S. 50-53. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-7-50-53..

[10] Pleshakov A.M., Tumanov A.S. Criminal liability for transferring to a person held in an institution providing isolation from society, mobile communications and other means of communication // Russian investigator. 2025. № 8. S. 52-55. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-8-52-55..

[11] In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P. URL: https://www.ksrf.ru (access date: 31.07.2026).

[12] Sukharenko A.N., Kurakin A.V. Illegal use of communications in places of deprivation of liberty (issues of administrative and criminal liability) // Modern law. 2025. № 5. S. 87-90.

[13] Filippov P. A., Stepanov V. V. Criminal liability for the transfer of communication means to a person held in an institution of the penal system or place of detention // Criminal Law. 2025. № 10. S. 48-59. DOI: 10.52390/20715870_2025_10_48..

[14] Report on the number of convicts in all corpus delicti of the Criminal Code of the Russian Federation for 2024. Form No. 10-a // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (access date: 31.07.2026).

[15] Report on the number of convicts in all corpus delicti of the Criminal Code of the Russian Federation for the first half of 2025. Form No. 10-a // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/k3-svod_vse_sudy-1-2025.xls (access date: 31.07.2026).

[16] Report on the consideration by the courts of general jurisdiction of cases of administrative offenses for 2024, Form No. 1-AP // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F2-svod_vse_sudy-2024.xls (access date: 31.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-310-318
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАСЬЯНОВ Александр Олегович,
преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: masila179@yandex.ru

ТАРАН Александра Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: taran_aleksandra86@mail.ru

УШАКИНА Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: Nikjulijas@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦИФРОВЫХ МАТЕРИАЛОВ В ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ В ХОДЕ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *Предмет исследования — уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные отношения, возникающие при выявлении, фиксации и доказывании преступлений, совершённых во время массовых мероприятий. Цель работы — определить критерии правомерного и проверяемого включения результатов оперативно-розыскной деятельности и цифровых материалов в уголовно-процессуальное доказывание. Применены формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, анализ законодательства, правовых позиций высших судов и научных публикаций. Обосновано разграничение цифровых сведений по способу их первоначального получения; выявлены риски утраты исходного файла, подмены процессуальной фиксации оперативной справкой, ошибочной идентификации лица и ограничения прав участников. Предложена модель проверяемой цифровой прослеживаемости, объединяющая установление правового основания получения материала, сохранение его происхождения и целостности, процессуальное закрепление и состязательную проверку. Сформулированы предложения по совершенствованию межведомственного порядка передачи материалов и документирования проверочных действий. Вывод: доказательственное значение цифровой записи определяется не масштабом видеофиксации, а законностью её получения, воспроизводимостью процедуры проверки и возможностью защиты оспорить содержащиеся в ней сведения.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; оперативно-розыскная деятельность; массовые мероприятия; цифровые материалы; видеозапись; допустимость доказательств; цифровая прослеживаемость; процессуальные гарантии.*

Для цитирования: *Касьянов А. О., Таран А. В., Ушакина Ю. С. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности и цифровых материалов в доказывании преступлений, совершённых в ходе массовых мероприятий // Право и управление. 2026. № 10. С. 310–318.*

KASYANOV Alexander Olegovich,
Lecturer in the Forensic Science Department of the Preliminary Investigation Training and Research Complex in Internal Affairs Bodies at the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

TARAN Alexandra Vladimirovna,
lecturer of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

USHAKINA Yulia Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Police Lieutenant Colonel

PROBLEMS OF USING OPERATIONAL-SEARCH RESULTS AND DIGITAL MATERIALS AS EVIDENCE OF CRIMES COMMITTED DURING MASS EVENTS

Annotation. *The article examines criminal procedural and operational-search relations arising from the detection, recording and investigation of crimes committed during mass events. Its purpose is to identify criteria for the lawful and verifiable use of operational-search results and digital materials in criminal proceedings. Formal legal, systemic and comparative methods are applied to legislation, judicial positions and academic literature. The study differentiates digital materials by the legal basis on which they were originally obtained and identifies risks involving loss of original files, substitution of procedural verification with operational reports, erroneous identification and restrictions on defence rights. A model of verifiable digital traceability is proposed. It combines assessment of the lawful origin of data, preservation of integrity and provenance, procedural incorporation and adversarial examination. Recommendations are made for improving interagency transfer procedures and recording verification activities. The conclusion is that the evidentiary value of digital recordings depends on lawful acquisition, reproducibility of verification and effective opportunities for the defence to challenge the information, rather than on the scale of surveillance.*

Key words: *criminal proceedings; operational-search activities; mass events; digital materials; video recordings; admissibility of evidence; digital traceability; procedural safeguards.*

For citation: *Kasyanov A. O., Taran A. V., Ushakina Yu. S. Problems of using operational-search results and digital materials as evidence of crimes committed during mass events. Law and administration. 2026; (10):310–318. (In Russ.).*

Массовое мероприятие представляет собой особую среду формирования доказательственной информации, поскольку значительное число участников, динамика перемещений, одновременная работа нескольких систем видеонаблюдения, публичность происходящего и ограниченность времени на сохранение записей создают условия, при которых обстоятельства одного события фиксируются разными субъектами и в различных правовых режимах. При этом в распоряжение следователя способны поступить записи стационарных камер, видеорегистраторов сотрудников полиции, мобильных устройств очевидцев, файлы из открытых источников, а также материалы, полученные оперативными подразделениями. По нашему мнению, вопрос о доказательственном использовании таких материалов приобретает особую остроту при расследовании причинения вреда здоровью, хищений, применения насилия в отношении представителя власти, повреждения имущества и иных преступлений, совершаемых в местах массового пребывания людей. Мы считаем, что существенно не только установить, кто совершил конкретное деяние, но и индивидуализировать действия лица, исключить смешение нескольких эпизодов и обеспе-

чить возможность проверки исходной информации, поскольку простое нахождение человека в зоне события или его присутствие в кадре само по себе не свидетельствует о причастности к преступлению.

Цель нашей статьи обосновать комплексный подход к использованию результатов ОРД и цифровых материалов в доказывании преступлений, совершённых в ходе массовых мероприятий, поскольку Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [11] хотя и предусматривает возможность использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, но статья 89 УПК РФ [12] прямо запрещает их применение, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, из чего следует принципиальный вывод, что полезность оперативной информации для раскрытия преступления ещё не означает её процессуальной пригодности для обоснования обвинения. При этом необходимо отметить, что в юридической науке довольно обстоятельно обсуждаются представление результатов ОРД органам расследования [1], содержание оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства [2], доказательственный потенциал электронно-цифровых следов [3], правовая природа электронных доказательств [4] и особенности использования видеозаписи [5]. Вместе с тем, мы считаем, что соединение указанных проблем применительно к массовым мероприятиям требует самостоятельного анализа, так как здесь одновременно действуют оперативные, процессуальные, организационные и технические факторы.

В нашей работе термин «массовые мероприятия» используется как исследовательское обобщение, включающее публичные, спортивные, культурно-зрелищные и иные события с концентрацией людей, он не подменяет специальные определения и правовые режимы, закреплённые для отдельных видов мероприятий, речь идёт не о допустимости наблюдения за всеми участниками как такового, а о правомерном обращении с конкретными сведениями при наличии относимости к событию предполагаемого преступления. В литературе так же указывается на расширение использования информационных технологий и дистанционных технических средств при охране общественного порядка на публичных и иных массовых мероприятиях [6; 7]. При этом технические системы, ориентированные на предупреждение угроз и управление потоками людей, изначально проектируются не для уголовно-процессуального доказывания и превращение их записей в материалы уголовного дела требует самостоятельных правовых действий и оценки обстоятельств возникновения файла.

И первая особенность рассматриваемой нами среды, это множественность точек наблюдения, когда один конфликт способен попасть в поле зрения камер организатора, городской инфраструктуры и персональных устройств, а записи отличаются углом съёмки, частотой кадров, разрешением, настройками часов, условиями освещения и продолжительностью. При этом отсутствие какого-либо действия в одной записи не всегда означает, что оно не имело места, так как событие могло находиться вне видимой зоны либо между отдельными кадрами.

Вторая особенность связана с высокой скоростью изменения обстановки, так как архивы некоторых систем автоматически перезаписываются, а видеоролики очевидцев оперативно размещаются в социальных сетях, редактируются и пересылаются, в связи с чем промедление с законным получением первичного файла может повлечь утрату метаданных и затруднить определение реального времени записи. И вот тут возникает необходимость своевременно устанавливать владельца системы, регламент хранения и лицо, способное предоставить исходный материал.

И, третья особенность, это вероятность ошибочной индивидуализации действий, поскольку в условиях плотного скопления людей затрудняется различение участников эпизода, особенности одежды могут повторяться, а фрагментарный видеоряд создаёт ложное впечатление причинно-следственной связи. Тут необходимо отметить, что даже при применении алгоритмов сопоставления изображений результаты распознавания необходимо оценивать критически, поскольку они являются основанием для проверки версии, но не освобождают от подтверждения личности и действий совокупностью доказательств.

Научно обоснованное решение рассматриваемой нами проблемы требует классификации материалов не по расширению файла, а по способу первоначального получения, когда можно выделить четыре группы: результаты ОРМ, содержащие цифровую информацию; записи, созданные техническими системами охраны и видеонаблюдения вне ОРД; материалы, добровольно представленные частными лицами и цифровые сведения, полученные в порядке уголовно-процессуальных действий. При этом для каждой группы неодинаковы исходные документы, основания вмешательства и последующие процедуры проверки. Первая группа охватывает сведения, полученные уполномоченными оперативными подразделениями при проведении предусмотренных законом мероприятий, к примеру наблюдения, если оно проводилось именно как ОРМ, когда применяются требования статей 6–8 и 11 Закона об ОРД, а также установленный порядок представления результатов. Тут необходимо обратить

внимание на тот факт, что наличие записи, произведённой сотрудником полиции, само по себе не делает её результатом ОРД, решающее значение имеет правовой режим соответствующего действия.

Ко второй группе относятся записи систем, функционирующих в целях организации мероприятия, обеспечения пропускного режима, общественной безопасности и сохранности имущества. При этом при отсутствии признаков проведения ОРМ такая запись не должна искусственно квалифицироваться как оперативно-розыскной результат, процессуальное значение могут приобрести сведения, представленные оператором системы, а также обнаруженные и исследованные при осмотре надлежащим образом полученные файлы и носители.

Третья группа включает в себя видеоролики очевидцев, фотографии, переписку и размещённые в интернете материалы. Мы считаем, что распространённая цепочка «оригинал — пересылка — публикация — скачивание» представляет некоторую проблему, так как она может изменить параметры файла, убрать звук, обрезать изображение или уничтожить метаданные, а сведения о публикации и сведения о событии, запечатлённом на ней, не являются равнозначными фактами и следователь в первую очередь должен выяснить автора, обстоятельства съёмки и происхождение переданного экземпляра, если они могут быть установлены.

Четвёртая же группа объединяет материалы, полученные посредством предусмотренных УПК РФ следственных и иных процессуальных действий, когда качество доказательственной информации зависит от соблюдения процессуальной формы, включая фиксацию хода и результатов осмотра, приобщение объектов в установленном порядке, обеспечение прав участников и оценку необходимости специальных знаний. Но необходимо отметить, что использование технических средств не устраняет требований статей 74, 75, 81, 84, 86–88 УПК РФ.

В Контексте нашего исследования мы считаем, что смешение перечисленных групп приводит к двум противоположным ошибкам, когда, во-первых, обычная запись с камеры получает статус «результата ОРД» без соответствующего правового основания и документов, а во-вторых, материал, фактически полученный при ОРМ, передаётся как частное видео, вследствие чего исключается проверка законности мероприятия. Предлагаемая же нами классификация, на наш взгляд, позволяет установить необходимую процедуру до решения вопроса о доказательственном использовании. Статья 11 Закона об ОРД допускает представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, в том числе для использования в доказывании с соблюдением УПК РФ, статья 89 которого формулирует отрицательный критерий, запрещается использование таких результатов, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. То есть указанные положения образуют правовой механизм, в котором оперативная информация не освобождается от процессуальной проверки.

Конституционный Суд РФ еще в определении от 4 февраля 1999 г. № 18-О [13] разъяснил, что результаты ОРМ сами по себе не являются доказательствами, а сведения об источниках фактов могут получить доказательственное значение после закрепления надлежащим процессуальным путём. В тоже время несмотря на принятие этого акта при действии прежнего уголовно-процессуального законодательства, сформулированное разграничение сохраняет принципиальное методологическое значение для оценки связи ОРД и уголовного судопроизводства.

Отметим, что в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [14] подчёркивается необходимость соответствия ОРМ задачам, основаниям и условиям, предусмотренным Законом об ОРД, установленного порядка представления сведений и их закрепления путём соответствующих следственных либо судебных действий, в частности, видеозаписи должны быть осмотрены и приобщены к делу. А, кроме того, Пленум также указывает, что признанные недопустимыми результаты не могут быть восполнены допросом сотрудников, проводивших ОРМ.

Порядок представления результатов ОРД, в свою очередь, регламентирован межведомственной Инструкцией, утверждённой совместным приказом от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68, предусматривающей документы представления и требования к содержащимся сведениям [15]. И, хотя в научной литературе подчёркивается необходимость согласования интересов расследования, режима секретности и охраны лиц, содействующих оперативным подразделениям [1; 2], технические особенности цифровых приложений ставят дополнительные задачи, не исчерпываемые самим фактом передачи рапорта или постановления, особенно при расследовании преступления, совершённого на массовом мероприятии, когда следователю недостаточно констатировать наличие диска или файла в приложении к оперативным материалам, ему необходимы сведения, позволяющие проверить, в рамках какого ОРМ получена запись, кто и когда её создал или скопировал, какие изменения вносились в цифровой массив и каким образом он поступил в распоряжение следствия. Но необходимо понимать, что не всякая оператив-

ная информация подлежит раскрытию публично, имеются пределы раскрытия, определяющиеся требованиями закона и необходимостью защиты охраняемых сведений.

Следует так же различать два направления использования результатов ОРД, которые в качестве ориентирующей информации помогают выдвигать версии, устанавливать очевидцев, выбирать законные проверочные действия и определять зоны поиска иных записей, а в доказательственном аспекте информация требует проверяемого процессуального оформления и оценки допустимости. Смешение этих функций, на наш взгляд, ведёт к необоснованному переносу оперативных выводов в обвинение без независимой проверки первичного источника.

Наконец, само по себе наличие решения о проведении ОРМ ещё не подтверждает достоверность конкретного цифрового файла, законность первоначального получения и сохранность дальнейшей информационной цепочки должны исследоваться раздельно. Вот почему вопросы ограничений оперативно-розыскных мероприятий справедливо рассматриваются в научных работах как самостоятельные гарантии защиты личности и их содержание приобретает практическое значение в том числе при оценке цифровых записей массовых событий [8].

Теперь рассмотри получение материалов на стадии проверки сообщения о преступлении, как на начальной стадии расследования, когда особенно важно сочетать своевременность фиксации сведений с соблюдением процессуальных гарантий. Статья 144 УПК РФ предоставляет предусмотренные законом возможности для проверки сообщения о преступлении, а часть 1.2 названной статьи допускает использование полученных сведений в качестве доказательств при соблюдении требований статей 75 и 89 УПК РФ. Следовательно, очевидно, что проведение проверочных действий до возбуждения уголовного дела не означает автоматического исключения их результатов из доказывания, но и не обеспечивает их безусловной допустимости. Применительно же к цифровой записи целесообразно уже при первичном обращении фиксировать сведения об источнике, такие как расположение и принадлежность камеры, примерный интервал видеозаписи, особенности часов системы, известные случаи перезаписи, способ и носитель предполагаемого предоставления. Но получение этих данных не должно подменять следственные действия, требующие соблюдения специально установленной процедуры, цель первичной фиксации - это обеспечить возможность последующего законного собирания и проверки сведений.

Нередко на стадии проверки поступает короткий фрагмент, визуально подтверждающий конфликт, но отсутствие предшествующих или последующих эпизодов может менять оценку поведения участников, поэтому следует обеспечить получение более полного временного интервала и иных ракурсов, причём с соблюдением требований относимости, законности и минимизации обработки сведений о посторонних гражданах.

Недопустимо так же создавать ситуацию, при которой видеоматериал сначала анализируется вне процессуальных процедур, затем подвергается незафиксированной обработке, а на осмотр представляется только результирующий монтаж. В таком случае следователь и суд рискуют оценивать не первоначальный информационный объект, а отобранную третьим лицом интерпретацию события, ведь если обработанный фрагмент имеет ориентирующее значение, его происхождение и связь с первоисточником должны быть установлены отдельно.

При определении дальнейшей тактики следует учитывать правовой режим электронных носителей, в том числе специальные положения статьи 164.1 УПК РФ и сферы её применения, поскольку распространять предусмотренные этой нормой ограничения и исключения на любые уголовные дела без анализа условий её действия юридически неверно, предметом процессуальной оценки должны быть конкретные способ получения данных, характер носителя, основания необходимых действий и соблюдение прав затронутых лиц.

Как известно цифровой файл способен одновременно содержать визуальные сведения, звук, отметки времени, координаты, параметры кодирования и служебные метаданные, хотя наличие технических атрибутов и не гарантирует их первоначальной точности, часы регистратора могут отставать, координаты отсутствовать, а время изменения файла обновляться при копировании. Поэтому цифровая аутентификация представляет собой не одно действие, а совокупность проверок происхождения, целостности и соответствия содержания реальным обстоятельствам. В связи с чем в работах, посвящённых электронно-цифровым следам, отмечается сложность их формирования и последующей интерпретации, а исследования правовой природы электронных доказательств показывают необходимость различать информацию и её материальный либо электронный носитель [3; 4; 9]. В контексте нашего исследования, применительно к массовому мероприятию это требует фиксации не только того, что видео воспроизводится, но и источника файла, истории его копирования, применённого программного обеспечения и условий просмотра. При этом для обеспечения целостности может использоваться вычисление контрольных сумм файлов по общепринятым криптографиче-

ским алгоритмам с указанием алгоритма, даты и полученного значения в соответствующих материалах. Такая процедура, несомненно, полезна для установления идентичности экземпляров, но действующее уголовно-процессуальное законодательство не следует представлять как содержащее универсальное требование о хешировании каждого видеофайла, тут речь идёт о предлагаемой криминалистической мере, применяемой в пределах законных процедур и технических возможностей.

Обязательным содержательным вопросом, на наш взгляд, остаётся различение исходного файла, рабочей копии и аналитического продукта, так как исходный файл следует сохранять в доступном законом объёме без редактирования. Копия же может использоваться для воспроизведения и исследования, а увеличенные изображения, стабилизация, замедление и компоновка нескольких ракурсов представляют собой производные материалы, при создании которых необходимо сохранять возможность сопоставления с исходной информацией и фиксировать характер преобразований. Поскольку видеоряд не всегда позволяет надёжно установить существенные обстоятельства, короткий фрагмент может не показывать начала конфликта, закрывать действие посторонним объектом либо создавать иллюзию близости находящихся на разных планах людей. Поэтому оценку содержания записи целесообразно соотносить с показаниями, данными о расположении камер, результатами осмотра места происшествия, экспертными выводами и иными допустимыми доказательствами.

Сопоставляя цифровые материалы, необходимо учитывать и возможность непреднамеренной модификации при передаче через мессенджер или публикации в сети, так как различия разрешения, размера файла и времени его создания не во всех случаях означают фальсификацию, хотя их причины и требуют объяснения. Тем более, что для массовых мероприятий характерна фрагментация единого события между несколькими камерами. Так в одной записи может быть отражено приближение участников, в другой физический контакт, в третьей уже последствия и воссоздание временной последовательности требует установления зон видимости, синхронизации времени и обоснования того, что на разных файлах запечатлены одни и те же лица и эпизод. Механическое же размещение кадров рядом без проверки исходных параметров способно сформировать ошибочную реконструкцию.

В этой связи нам представляется целесообразным разграничивать «сведение ракурсов» как аналитическую операцию и «установление факта» как результат доказательственной оценки. Синхронизированный ролик, созданный для наглядности, не должен заменять самостоятельное исследование каждого первичного источника, в материалах дела необходимо отображать способ совмещения, использованные временные метки и пределы возможной погрешности, если эти обстоятельства имеют значение. Идентификация же лица только по изображениям требует особой осторожности, поскольку в условиях толпы одежда, головной убор и положение в пространстве представляют собой косвенные признаки и алгоритмическое совпадение изображения лица может зависеть от качества, угла съёмки и параметров системы. Но полученный программный результат целесообразно рассматривать как проверяемое информационное указание, а не замену процессуального установления личности или самостоятельное доказательство виновности.

Индивидуализация поведения имеет самостоятельное правовое значение при разграничении участников массового события и лиц, совершивших конкретные действия, так как для уголовного судопроизводства должны быть установлены признаки деяния и роль конкретного лица, а не абстрактная характеристика группы. К примеру, движение человека рядом с местом повреждения имущества не доказывает причинение повреждения, а нахождение в группе во время конфликта не подтверждает участие в насилии.

Развитие интеллектуального видеоанализа, несомненно, увеличивает скорость поиска эпизодов, выделения объектов и сопоставления изображений, однако, технология решает задачу отбора и обработки данных, а не устанавливает юридическую виновность, тем более что в контексте массовых мероприятий ошибка алгоритма может повлечь проверочные действия в отношении лица, случайно оказавшегося рядом с событием. В связи с чем каждый существенный вывод автоматизированной системы должен сохранять возможность независимой проверки человеком. Так, правовую оценку необходимо начинать с разграничения целей первоначального видеонаблюдения и последующего уголовно-процессуального использования записи, поскольку даже если материал правомерно возник в системе обеспечения безопасности, его дальнейшее копирование, распространение и анализ должны соотноситься с законными основаниями и объёмом необходимых сведений. Нельзя забывать, что публичный характер события не равнозначен неограниченному отказу каждого участника от прав на частную жизнь и защиту персональных данных.

Вопрос о допустимости материалов невозможно решить исключительно техническими средствами, поскольку конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, тайны сообщений и свободы собраний предполагают соблюдение закона при получении и использова-

нии сведений. Если конкретное ОРМ затрагивает конституционные права, требуется выполнение специальных условий, предусмотренных Законом об ОРД, массовость события не создаёт самостоятельного универсального разрешения на такие ограничения.

Состязательность в свою очередь предполагает реальную возможность стороны защиты проверить и оспорить доказательства обвинения, а применительно к видео это означает доступ к относящимся к делу материалам и информации, необходимой для оценки происхождения, непрерывности и полноты записи, с учётом установленных законом ограничений и демонстрация короткого фрагмента без возможности поставить вопрос об исходном источнике способна нарушить баланс процессуальных возможностей сторон.

Отдельно, на наш взгляд, следует оценивать информацию о лицах, не связанных с предметом доказывания, так как правомерная защита таких лиц достигается прежде всего обоснованным ограничением объёма собирания и обращения с материалами, а при необходимости и использованием законных мер охраны персональных сведений. При этом обезличенная или замаскированная рабочая копия не должна уничтожать возможность проверки полноценного исходного материала компетентными участниками уголовного судопроизводства.

В контексте вышеизложенного мы хотим предложить авторскую модель проверяемой цифровой прослеживаемости, или иными словами документированную последовательность юридически значимых и технических действий с цифровым материалом, позволяющую установить правомерность его получения, тождество исследуемого экземпляра, содержание процессуального закрепления и возможность последующей проверки сторонами и судом. При этом отметим, что предлагаемая модель не является новым процессуальным источником доказательств и не заменяет предусмотренные УПК РФ правила.

Итак, первый элемент модели это квалификация первоначального источника, когда устанавливается, возник ли материал при ОРМ, в системе охраны мероприятия, при частной съёмке либо в ходе процессуального действия. Фиксируются лицо или организация, способные подтвердить происхождение записи, а также правовое основание её получения и передачи. То есть на этом этапе исключается необоснованная подмена результатов ОРД материалами иной категории и обратная ошибка.

Второй элемент это сохранение исходного информационного объекта, когда по возможности определяется первоначальный носитель или первичный экземпляр записи, выделяется релевантный временной интервал, фиксируются сведения о технической системе и факте копирования. А в случае создания контрольных сумм и рабочих копий, указываются параметры процедуры. То есть, изменения оригинала по возможности исключаются, а объективные технические ограничения отражаются в документах без сокрытия.

Третий элемент предполагает процессуальное закрепление и содержательную проверку, сведения осматриваются и приобщаются в порядке, отвечающем их юридической природе, сопоставляются с иными доказательствами, исследуются вопросы точности времени, полноты эпизода и видимых действий, при необходимости привлекаются лица со специальными знаниями и результаты аналитической обработки не смешиваются с первичным файлом.

И, наконец, четвёртый элемент - состязательная проверяемость, означающая, что стороны должны обладать предусмотренными законом возможностями поставить вопрос о происхождении файла, наличии обрезки, качестве изображения, ошибке синхронизации, альтернативной интерпретации поведения и пределах применённого программного анализа. То есть, материалы, на которых строится обвинение, должны быть доступны для судебной оценки в допустимом законом режиме, так как ограничение доступа требует правового обоснования и не отменяет обязанности доказывания.

То есть, мы видим, что предлагаемая модель предполагает проверку по четырём критериям: законное происхождение; сохранность и прослеживаемость информационного объекта; надлежащая процессуальная форма; фактическая проверяемость в условиях состязательности. И отрицательный ответ по одному из критериев не всегда механически означает одинаковое правовое последствие, характер дефекта должен оцениваться применительно к конкретным требованиям УПК РФ, а неустранённое нарушение, исключающее законное использование сведений, не может компенсироваться их визуальной убедительностью.

Практическим инструментом реализации модели может служить краткая учётная карточка цифрового материала, не заменяющая протоколы и постановления, в ней предлагается указывать идентификатор объекта, категорию и первоначальный источник, юридическое основание получения, дату, время и способ передачи, сведения об исходном и рабочем экземплярах, технические параметры сохранения, перечень выполненных преобразований, процессуальный документ, в котором материал исследован, а так же отметки о предоставленных возможностях проверки. Сведения же ограниченного доступа отражаются в установленном режиме. Законодательные же изменения представляются оправданными лишь

после оценки того, какие недостатки невозможно устранить на уровне надлежащего применения действующих норм. В частности, не следует вводить фикцию автоматической доказательственной силы цифровых записей или закреплять любой программный результат как самостоятельное доказательство, перспективнее нормативное уточнение требований к документированию электронного приложения и сохранению возможности его независимой проверки без нарушения конституционных гарантий.

В заключение можно сказать, что практическая реализация предложенного подхода возможна посредством совершенствования порядка представления цифровых приложений к результатам ОРД, разработки учётной карточки цифрового материала, организации согласованной работы с видеоархивами и повышения качества мотивировки процессуальных решений. Приоритет при этом должен принадлежать не количеству полученных записей, а законности, проверяемости и достаточности доказательственной информации при уважении прав участников массовых мероприятий.

Список литературы:

[1] Омелин В. Н. Актуальные проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования // Право и управление. 2026. № 8. С. 268–272.

[2] Омелин В. Н. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений // Право и управление. 2026. № 7. С. 325–328.

[3] Смушкин А. Б. Новые информационные компоненты в формировании электронных доказательств по уголовным делам (современная дорожка электронно-цифровых следов) // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 3. С. 455–468.

[4] Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 2. С. 44–50.

[5] Бугера М. А., Третьяков Ю. В. Применение видеозаписи как цифрового доказательства в современном уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4. С. 120–126.

[6] Шайдаев М. Ш. Информационные технологии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при проведении публичных и иных массовых мероприятий // Академическая мысль. 2024. № 2 (27).

[7] Петкевич Т. В. Применение современных технических средств дистанционного получения информации при проведении массовых мероприятий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69).

[8] Омелин В. Н. Законодательные ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий // Право и управление. 2026. № 1. С. 156–160.

[9] Зигура Н. А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 176 с.

[10] Беппаев Р. Ж. Цифровой след как доказательство в уголовном процессе: проблемы допустимости и достоверности // Вопросы права. 2025. № 4. С. 51–54.

[11] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности". Текст Федерального закона опубликован в "Российской газете" от 18 августа 1995 г. N 160, в Собрании законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. N 33 ст. 3349.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ. Текст Кодекса опубликован в "Российской газете" от 22 декабря 2001 г. N 249, в Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921, в "Парламентской газете" от 22 декабря 2001 г. N 241-242, от 25 декабря 2001 г. N 243-244, от 26 декабря 2001 г. N 245.

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. N 18-О "По жалобе граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности". Текст Определения опубликован в Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации, 1999 г., N 3.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 "О судебном приговоре". Текст постановления опубликован в "Российской газете" от 7 декабря 2016 г. N 277, в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, январь 2017 г., N 1.

[15] Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд". Текст приказа опубликован в "Российской газете" от 13 декабря 2013 г. N 282.

References:

[1] Omelin V.N. Actual problems of presenting the results of operational-search activities to the preliminary investigation authorities // Law and management. 2026. № 8. PP. 268-272.

[2] Omelin V.N. To the question of the concept of operational-search support for the investigation of crimes // Law and management. 2026. № 7. S. 325-328.

[3] Smushkin A. B. New information components in the formation of electronic evidence in criminal cases (modern track of electronic-digital traces) // Siberian legal review. 2025. VOL. 22. № 3. S. 455-468.

[4] Kornakova S.V., Chigrina E.V. Electronic evidence in the Russian criminal process: problematic issues // Legal Bulletin of Samara University. 2025. T. 11. № 2. S. 44-50.

[5] Buguera M. A., Tretyakov Yu. V. The use of video recording as digital evidence in modern criminal proceedings // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. S. 120-126.

[6] Shaidaev M. Sh. Information technologies in the protection of public order and ensuring public safety during public and other mass events // Academic thought. 2024. № 2 (27).

[7] Petkevich T.V. The use of modern technical means of remote information acquisition during mass events // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (69).

[8] Omelin V.N. Legislative restrictions on the conduct of operational-search measures // Law and management. 2026. № 1. S. 156-160.

[9] Zigura N. A., Kudryavtseva A. V. Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. 176 s.

[10] R. Beppaev. Digital footprint as evidence in criminal proceedings: problems of admissibility and reliability // Legal issues. 2025. № 4. S. 51-54.

[11] Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational-Search Activities." The text of the Federal Law was published in Rossiyskaya Gazeta dated August 18, 1995 N 160, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated August 14, 1995 N 33 Art. 3349.

[12] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001. The text of the Code was published in Rossiyskaya Gazeta dated December 22, 2001 No. 249, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 24, 2001 No. 52 (part I) of Art. 4921, in Parlamentskaya Gazeta dated December 22, 2001 No. 241-242, dated December 25, 2001 No. 243-244, dated December 26, 2001 No. 245.

[13] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 4, 1999 N 18-O "On the complaint of citizens M.B. Nikolskaya and M.I. Sapronov about violation of their constitutional rights by certain provisions of the Federal Law "On Operational-Search Activities." The text of the Decision is published in the Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 1999, No. 3.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 "On the court verdict." The text of the decision was published in Rossiyskaya Gazeta dated December 7, 2016 No. 277, in the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, January 2017, No. 1.

[15] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, of September 27, 2013 N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On approval Instructions on the procedure for submitting the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court." The text of the order was published in Rossiyskaya Gazeta dated December 13, 2013 No. 282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-319-325
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КИСЕЛЕВА Анастасия Владимировна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: kiss.a.88@yandex.ru.

МОВСИСЯН Анна Галиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: anet2107@yandex.ru.

НАГОРНЫЙ Александр Петрович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация. *Исследуется соотношение уголовно-правовых норм о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, и ответственности сотрудника полиции за превышение должностных полномочий. Анализируются ст. 38, 108, 114 и 286 УК РФ, Федеральный закон «О полиции» и актуальная редакция разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость разграничивать три ситуации: правомерное причинение вреда; превышение мер, необходимых для задержания, при сохранении специальной цели задержания; применение насилия вне правомерной задержательной цели, способное образовывать должностное преступление. Предлагается авторский функционально-целевой тест квалификации, позволяющий определить приоритет специальных составов статей 108 и 114 УК РФ либо статьи 286 УК РФ.*

Ключевые слова: *задержание, причинение вреда, сотрудник полиции, статья 38 УК РФ, превышение мер задержания, превышение должностных полномочий, физическая сила, специальные средства, уголовно-правовая квалификация.*

Для цитирования: *Киселева А. В., Мовсисян А. Г., Нагорный А. П. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы разграничения правомерных действий сотрудника полиции и превышения должностных полномочий // Право и управление. 2026. № 10. С. 319–325.*

KISELEVA Anastasia Vladimirovna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

MOVSISYAN Anna Galievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Rostov Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

NAGORNY Alexander Petrovich,
Senior Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

INFLICTING HARM WHEN DETAINING A PERSON WHO COMMITTED A CRIME: DISTINGUISHING LAWFUL POLICE ACTIONS FROM EXCEEDING OFFICIAL POWERS

Annotation. *The article examines the relationship between criminal-law rules on inflicting harm while detaining an offender and police liability for exceeding official powers. Articles 38, 108, 114 and 286 of the Russian Criminal Code, the Police Act and current Supreme Court guidance are analyzed. The author distinguishes three situations: lawful infliction of harm; excessive detention measures while preserving the special purpose of detention; and violence used outside a lawful detention purpose, which may constitute an official crime. A functional-purpose qualification test is proposed to determine whether the special offences under Articles 108 and 114 or Article 286 should apply.*

Key words: *detention, harm, police officer, Article 38 of the Criminal Code, excessive detention measures, exceeding official powers, physical force, special means, criminal-law qualification.*

For citation: *Kiseleva A. V., Movsisyan A. G., Nagorny A. P. Inflicting harm when detaining a person who committed a crime: distinguishing lawful police actions from exceeding official powers. Law and administration. 2026;(10):319–325. (In Russ.).*

Во все времена задержание лица, совершившего преступление, относилось к числу ситуаций, в которых государство допускает причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам ради достижения общественно полезной цели. Но именно для сотрудника полиции эта проблема имеет двойственную правовую природу, поскольку с одной стороны, он действует как лицо, на которое возложена публичная обязанность по пресечению преступлений и задержанию правонарушителей, а с другой причиненный им физический вред оценивается по общим институтам уголовного права и сложность возникает тогда, когда применение силы формально связано с задержанием, но по интенсивности, моменту либо цели выходит за его пределы. В связи с чем в правоприменении необходимо разграничить правомерное причинение вреда по ст. 38 УК РФ, превышение мер, необходимых для задержания, и превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ.

Рассмотрим статью 38 УК РФ, которая закрепляет два взаимосвязанных условия правомерности, когда вред причиняется именно лицу, совершившему преступление, для доставления его органам власти и пресечения возможности совершения новых преступлений, если иными средствами задержать это лицо невозможно, но при этом не допускается превышение необходимых мер. Превышением, в этом контексте, закон признает явное несоответствие мер характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и обстоятельствам задержания, когда без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Уже из конструкции нормы видно, что оценка не может основываться только на тяжести наступившего последствия, тут требуется восстановить реальную обстановку и определить, какие средства фактически были доступны сотруднику. В этом плане Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19, действующем в редакции от 9 декабря 2025 г., специально подчеркивает необходимость выяснять невозможность задержания иными средствами и учитывать место, время, численность участников, физическое развитие, вооруженность, сведения об агрессивном поведении и принадлежности задерживаемых к опасным группам. Такие разъяснения, несомненно, формируют ситуационный стандарт оценки, а не абстрактный критерий «равенства» примененной

силы и вреда, не требуется, чтобы сотрудник выбирал математически минимальное воздействие, необходимо, чтобы избранная мера не была явно чрезмерной в конкретной обстановке.

В то же время действия сотрудника полиции дополнительно регулируются Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», статьи 18–23 которого определяют основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, где отражено, что физическая сила может использоваться для пресечения преступлений и административных правонарушений, доставления и задержания лиц, а также преодоления противодействия законным требованиям, если несиловые способы не обеспечивают выполнение обязанностей полиции. При этом до применения силы сотрудник по общему правилу должен обозначить свой статус, предупредить о намерении применить принуждение и предоставить время для выполнения требования, но предупреждение не требуется, когда промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью либо может повлечь иные тяжкие последствия.

И тут как вывод, сопоставление уголовного закона и специального полицейского законодательства порождает вопрос о юридическом значении нарушения установленного порядка. В этом планет Верховный Суд занимает принципиально важную позицию, когда сотрудники правоохранительных органов не несут уголовной ответственности за вред, причиненный в соответствии с нормативными основаниями и порядком применения силы, вместе с тем не всякое процедурное отступление автоматически образует преступление. К примеру, если промедление создавало непосредственную опасность жизни людей или могло повлечь иные тяжкие последствия, причинение вреда не признается преступным лишь потому, что сотрудник объективно не выполнил отдельную формальную процедуру, что в свою очередь, препятствует формальному отождествлению дисциплинарного или административно-правового нарушения с уголовно наказуемым превышением.

В научной литературе неоднократно отмечается коллизионность взаимодействия ст. 38 УК РФ и отраслевого законодательства. И. С. Сторожихин обращает внимание на сложность нормативного регулирования причинения вреда сотрудниками полиции при задержании и необходимость согласованного толкования норм уголовного и специального законодательства [1, с. 56–59]. А. В. Курсаев, анализируя судебную практику, показывает, что граница правомерного и уголовно наказуемого применения силы определяется не только формальным соблюдением полицейских правил, но и уголовно-правовой природой ситуации [2, с. 349–361]. Аналогичная проблема проявляется в исследованиях превышения полномочий при применении силы и оружия [3, с. 210–213].

По нашему мнению, для квалификации принципиален момент перехода от задержания к наказанию или иному неправомерному воздействию. А именно, пока сотрудник причиняет вред, стремясь пресечь сопротивление, лишить лицо возможности скрыться и доставить его в орган власти, сохраняется специальная задержательная цель, если же необходимая мера превышена, но эта цель продолжает определять поведение, при причинении смерти либо тяжкого или средней тяжести вреда здоровью применяются специальные составы ст. 108 или 114 УК РФ. Пленум Верховного Суда прямо распространяет положения ст. 37 и 38 УК РФ на сотрудников правоохранительных органов и указывает, что при превышении ими пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания, умышленное причинение соответствующего вреда квалифицируется по ст. 108 или 114 УК РФ. Иная же ситуация возникает после фактического прекращения сопротивления или утраты задержательной необходимости, к примеру, если лицо обездвижено, находится под контролем сотрудников, не пытается скрыться и не представляет опасности, последующее насилие уже не служит целям ст. 38 УК РФ, поскольку удары «за неповиновение», причинение боли с целью наказать, получить признание, запугать или унизить не являются превышением мер задержания в собственном смысле, так как отсутствует сама правомерная цель, относительно которой можно измерять превышение. При наличии же признаков должностного состава такие действия способны квалифицироваться по ст. 286 УК РФ, включая квалифицирующие признаки применения насилия, оружия или специальных средств. Поэтому внешнее обстоятельство «насилие применено во время задержания» не является достаточным основанием для выбора ст. 108 или 114 УК РФ, необходимо установить функциональную связь конкретного эпизода насилия с задачей задержания, поскольку одно и то же физическое действие в зависимости от момента и цели может иметь различную уголовно-правовую природу. К примеру, удар при активном сопротивлении, направленный на освобождение рук сотрудника и надевание наручников, оценивается иначе, чем удар уже связанному задержанному после прекращения сопротивления. Так, в первом случае предметом анализа является необходимость и соразмерность задержательной меры, а во втором наличие полномочия на причинение такого вреда вообще.

Статья 286 УК РФ предусматривает ответственность за действия должностного лица, явно выходящие за пределы его полномочий и повлек-

шие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Квалифицированный же состав охватывает, в частности, применение насилия, оружия или специальных средств. И термин «явно выходящие» требует доказательства очевидности отсутствия полномочия для самого сотрудника, что особенно важно в динамичной ситуации задержания, где решение принимается за секунды, поскольку ошибка в оценке степени сопротивления не должна автоматически отождествляться с заведомым выходом за пределы полномочий. В связи с чем, нам предлагается логичным различать количественное и качественное превышение, так количественное превышение имеет место, когда сотрудник вправе применить принуждение для задержания, но избирает явно чрезмерную интенсивность, продолжительность или вид воздействия и при сохранении задержательной цели такая ситуация тяготеет к специальным нормам о превышении мер, необходимых для задержания. Качественное же превышение возникает, когда примененное насилие не может быть объяснено целью доставления лица органам власти или пресечения новых преступлений, к примеру, используется как наказание, месть, средство получения признания или демонстрации власти. И вот здесь правомерная основа исчезает, а уголовно-правовая оценка переносится в сферу должностных преступлений и преступлений против личности.

Дополнительное значение имеет разграничение ст. 38 и 37 УК РФ. Если в процессе задержания лицо совершает новое общественно опасное посягательство, особенно сопряженное с опасным для жизни насилием либо непосредственной угрозой такого насилия, причинение ему вреда оценивается уже по правилам необходимой обороны. Следовательно, мы видим, что правовая квалификация может динамически изменяться в пределах одного эпизода, когда до нападения сотрудник действует в режиме задержания, в момент нападения в состоянии необходимой обороны, а после нейтрализации угрозы и продолжения задержания вновь в рамках ст. 38 УК РФ. И такое обстоятельство, по нашему мнению, требует покадровой, а не усредненной оценки событий, так как вопрос о правомерности тесно связан с контролем за соблюдением прав человека. В этом контексте В. В. Шанько совместно с И. А. Ряпухиной и В. А. Сопигой рассматривает контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции [5, с. 359–363]. Для рассматриваемой нами темы причинения вреда этот подход важен как методологический ориентир, поскольку внешняя проверка не должна исходить из презумпции неправомерности применения силы, она обязана проверять наличие законного основания, цель, последовательность действий и соблюдение гарантий личности, так как правомерное государственное принуждение отличается от произвола именно контролируемостью оснований и процедур.

В это связи в практическом плане нами предлагается функционально-целевой тест из шести вопросов: имелись ли достоверные основания считать лицо совершившим преступление, существовала ли реальная необходимость его задержания и невозможность достижения цели менее интенсивными средствами, какое конкретное сопротивление, попытка бегства или опасность определяли выбор меры, была ли сила направлена на прекращение сопротивления и обеспечение доставления либо преследовала самостоятельную карательную цель, прекратилось ли применение силы после достижения контроля и, наконец, каков характер умысла сотрудника в отношении причиненного вреда и осознавал ли он явную чрезмерность воздействия?

Мы видим, что первый вопрос связан с адресатом задержания, пленум Верховного Суда указывает, что сотрудник должен быть уверен в причинении вреда именно лицу, совершившему преступление. Добросовестная фактическая ошибка при наличии объективных оснований может оцениваться по правилам ст. 38 УК РФ, тогда как виновная ошибка способна повлечь ответственность за неосторожное преступление. Такое правило, по нашему мнению, особенно важно в ситуациях преследования по ориентировке, задержания группы лиц или динамичного обнаружения предполагаемого преступника.

Второй и третий вопросы позволяют оценить необходимость, поскольку сам факт совершения тяжкого преступления не дает права причинять любой вред, значение имеют попытка скрыться, вооруженность, агрессивность, численное соотношение, наличие транспорта, возможность привлечения подкрепления и иные обстоятельства. Вместе с тем ретроспективная оценка не должна подменять реальное восприятие сотрудника идеальной моделью поведения после того, как исход ситуации уже известен, критерий должен учитывать информацию, доступную сотруднику в момент решения, а не сведения, полученные позднее.

Четвертый и пятый вопросы раскрывают главное разграничение ст. 114 и 286 УК РФ, когда сотрудник применяет избыточную силу именно для преодоления сопротивления или предотвращения бегства, речь идет о превышении меры задержания. Если же после прекращения сопротивления он продолжает воздействие по мотивам мести, наказания или принуждения к признанию, функциональная связь с задержанием разрывается, тут нельзя прикрывать должностное

насилие привилегированным составом, предназначенным для иной ситуации. Напротив, необоснованное применение ст. 286 к каждому эпизоду чрезмерного вреда при реальном задержании игнорировало бы прямые указания Пленума о применении ст. 108 и 114 к сотрудникам правоохранительных органов.

Шестой вопрос относится к субъективной стороне, так как превышение мер по ст. 38 влечет уголовную ответственность только при умышленном причинении вреда. Причинение же легкого вреда или побоев при превышении задержательных мер, согласно разъяснениям Пленума, не образует специального состава, предусмотренного ч. 2 ст. 114 УК РФ, что, однако, в свою очередь, не означает абсолютной безнаказанности любого поведения, к примеру, если насилие совершено вне задержательной цели, необходимо оценивать возможность применения общих норм, в том числе, должностных, а при неосторожном причинении вреда соответствующих составов при наличии их признаков.

Немаловажное значение, по нашему мнению, имеет и оценка применения специальных средств, которые по своей природе предназначены для ограничения сопротивления и снижения риска более тяжкого вреда, хотя правомерность их применения определяется не самим фактом их нахождения на вооружении полиции, а соответствием основанию и обстановке. Многократное же применение специального средства после прекращения сопротивления способно указывать на изменение цели, но в тоже время более интенсивное воздействие в отношении вооруженного, физически сильного или действующего в группе лица может быть оправдано обстоятельствами задержания. Несомненно, необходимо учитывать и поведение самого задерживаемого, поскольку сопротивление законному требованию, попытка завладеть оружием сотрудника, внезапное извлечение предмета, похожего на оружие, или попытка использовать транспортное средство для прорыва оцепления существенно изменяют допустимый объем принуждения. При этом последующее выяснение, что предмет был безопасным, не исключает правомерности, если сотрудник добросовестно воспринимал угрозу как реальную, хотя ссылка на субъективный страх не может заменить объективную проверку обстановки, вывод должен основываться на совокупности наблюдаемых признаков.

Для предупреждения же квалификационных ошибок требуется качественная фиксация обстоятельств применения силы, нагрудные видеорегистраторы, записи камер наблюдения, радиопереговоры, медицинские документы, рапорты и показания независимых свидетелей позволяют установить момент начала и прекращения сопротивления, последовательность требований и предупреждений, количество воздействий и поведение сотрудника после установления контроля. То есть, цифровая фиксация должна рассматриваться не как инструмент обвинения сотрудника, а как средство объективной защиты всех участников и проверки правомерности.

Еще одной существенной проблемой, на которой мы хотели бы остановиться, остается языковая неопределенность категорий «явное несоответствие», «явно чрезмерный вред» и «невозможность задержать иными средствами», так как полная формализация здесь невозможна, поскольку уголовный закон должен учитывать бесконечное разнообразие ситуаций и судебные разъяснения могут предложить последовательную модель анализа. Целесообразно дополнительно подчеркнуть, что превышение должностных полномочий и превышение мер задержания разграничиваются прежде всего по цели и функциональной связи насилия с задержанием, а не по тяжести вреда как таковой.

Мы считаем, что необходимо закрепить в разъяснениях Верховного Суда следующее правило, если сотрудник правоохранительного органа имел законное основание для задержания и причинял вред в целях доставления лица органам власти либо пресечения возможности совершения новых преступлений, но умышленно допустил явное несоответствие избранной меры обстоятельствам задержания, причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда при наличии иных признаков квалифицируется по ст. 108 или 114 УК РФ, если же насилие по своему содержанию и цели не направлено на задержание либо применяется после прекращения такой необходимости как наказание, месть, средство получения сведений или иное явно не входящее в полномочия воздействие, вопрос решается по ст. 286 УК РФ и иным применимым нормам.

Таким образом, мы видим, что разграничение правомерных действий сотрудника полиции, превышения мер задержания и превышения должностных полномочий должно строиться на сочетании объективного и субъективного критериев, когда правомерность определяется наличием законной цели, необходимостью причинения вреда и отсутствием явной чрезмерности. При этом специальные ст. 108 и 114 УК РФ применимы тогда, когда задержательная цель сохраняется, но мера умышленно превышена, а статья 286 УК РФ выходит на первый план при качественном выходе за пределы полномочий, когда причинение вреда утрачивает функциональную связь с задержанием. Такая модель, по нашему мнению, обеспечивает одновременно защиту прав граждан и необходимую правовую определенность для сотрудника полиции, вынужденного прини-

мать решения в условиях дефицита времени и повышенного риска.

В то же время при разрешении вопроса о квалификации необходимо учитывать и природу первоначального основания задержания. К примеру, статья 38 УК РФ ориентирована на лицо, совершившее преступление, но если сотрудник причиняет значительный вред при пресечении административного правонарушения либо при доставлении лица, в отношении которого отсутствуют достаточные данные о совершении преступления, механическое обращение к институту причинения вреда при задержании неправомерно. В таких случаях правовое основание принуждения определяется прежде всего Федеральным законом «О полиции» и законодательством об административных правонарушениях, а уголовно-правовая оценка вреда требует проверки иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, тем самым юридическая природа исходной ситуации выступает самостоятельным элементом квалификации.

Отдельной проблемой, несомненно, является ретроспективная переоценка решений сотрудника, когда после завершения инцидента следствие и суд располагают видеозаписями, заключениями экспертов, точными сведениями о вооруженности и состоянии задерживаемого, тогда как сотрудник принимал решение в условиях дефицита времени и неполной информации. Правовая оценка должна учитывать объективно доступные ему в конкретный момент сведения, что не означает освобождения от обязанности действовать профессионально, но исключает использование стандарта «идеального наблюдателя», которому заранее известен исход событий. Критерий разумного восприятия обстановки здесь особенно значим при внезапном сопротивлении, угрозе применения оружия, попытке скрыться на транспортном средстве и задержании нескольких лиц.

Нам представляется также необходимым разделять нарушение порядка применения силы и преступность причиненного вреда, поскольку непредставление сотрудника, отсутствие предупреждения, несвоевременное оформление рапорта или иное процедурное нарушение может повлечь дисциплинарные последствия и иметь доказательственное значение, однако уголовная ответственность возникает не из самого факта отступления от процедуры, а при наличии всех признаков конкретного состава преступления. И обратное в этом плане означало бы подмену уголовно-правовой оценки административной, хотя в тоже время систематическое игнорирование гарантий, особенно продолжение воздействия после прекращения сопротивления, способно подтверждать умысел и отсутствие правомерной цели.

Для практики же органов внутренних дел было бы целесообразно закрепить в ведомственных учебных программах единый алгоритм правовой самооценки действий после применения силы: какое преступление являлось основанием задержания, какое конкретное поведение лица требовало принуждения, почему менее интенсивная мера была недостаточна, в какой момент сопротивление прекратилось, какие действия были предприняты после установления контроля, зафиксированы ли телесные повреждения и оказана ли медицинская помощь. Такой алгоритм конечно не заменяет последующую процессуальную проверку, но повышает качество первоначального документирования и снижает риск как необоснованного обвинения сотрудника, так и сокрытия неправомерного насилия.

Список литературы:

[1] Сторожихин И. С. Анализ нормативно-правового регулирования причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в результате применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками полиции // Российский следователь. 2023. № 5. С. 56–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-56-59..

[2] Курсаев А. В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 349–361. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361..

[3] Барышников М. В., Вайсергисер Е. Ю. Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 210–213. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213..

[4] Егорова Н. А., Егоров А. Г. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 21–32.

[5] Шанько В. В., Ряпухина И. А., Сопига В. А., Контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции // Право и управление. 2026. № 2. С. 359–363.

[6] Бурчикаускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–47.

[7] Костенников М. В., Куракин А. В. Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Ад-

министративное право и процесс. 2024. № 11. С. 43–50. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-43-50..

References:

[1] Storozhikhin I. S. Analysis of the regulatory framework for causing harm during the arrest of a person who has committed a crime as a result of the use of physical force, special means and weapons by police officers // Russian investigator. 2023. № 5. S. 56-59. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-56-59..

[2] Kursaev A. V. The facets of the lawful and criminal use by police officers of physical force, special means and firearms (based on judicial practice) // Current problems of the state and law. 2022. T. 6. № 3. S. 349-361. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361..

[3] Baryshnikov M.V., Weisergiser E. Yu. Abuse of office by police officers when using physical force, special means and firearms // Public Service and Personnel. 2025. № 2. S. 210-213. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213..

[4] Egorova N. A., Egorov A. G. Necessary defense in the activities of police officers: issues of criminal law assessment // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (49). S. 21-32.

[5] Shanko V.V., Ryapukhina I.A., Sopiga V.A., Control and supervision of human rights in the administrative activities of the police // Law and management. 2026. № 2. S. 359-363.

[6] Burchikauskas V. A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation and criminal law assessment of the consequences of its use // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). S. 39-47.

[7] Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Legal regulation of the use of firearms by police officers // Administrative law and process. 2024. № 11. S. 43-50. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-43-50..

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-326-331
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КОЛИСНЫК Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки ВФ ФГКОУ ВО Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова,
e-mail: kolisnik86@mail.ru

РАЗИНА Елена Павловна,
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки ВФ ФГКОУ ВО Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова,
e-mail: razina_yelena@list.ru

СЕДЫШЕВА Антонина Игоревна,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки ВФ ФГКОУ ВО Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова,
e-mail: kamaldolianka@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НЕМАРКИРОВАННОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям экспертных исследований при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции. В работе рассматриваются правовые и методические аспекты выявления и изъятия немаркированной продукции, порядок проведения экспертных исследований и требования к экспертным заключениям.*

Ключевые слова: *экспертные исследования, немаркированная продукция, расследование преступлений, судебная экспертиза, идентификация продукции, практика расследования.*

Для цитирования: *Колиснык Ю. С., Разина Е. П., Седышева А. И. Особенности экспертных исследований при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции // Право и управление. 2026. № 10. С. 326–331.*

KOLISNYK Yulia Sergeevna,
senior Lecturer, Department of Professional Training, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov

RAZINA Elena Pavlovna,
senior Lecturer, Department of Professional Training, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov

SEDYSHEVA Antonina Igorevna,
lecturer at the Department of Professional Training of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov

SPECIFICS OF EXPERT EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ILLICIT TRAFFICKING OF UNMARKED PRODUCTS

Annotation. *This article examines the specific features of expert examinations conducted during the investigation of crimes involving the illicit trafficking of unmarked products. The paper addresses the legal and methodological aspects of detecting and seizing unmarked products, the procedure for conducting expert examinations, and the requirements for expert reports.*

Key words: *expert examinations, unmarked products, crime investigation, forensic examination, product identification, investigative practice.*

For citation: *Kolisnyk Yu. S., Razina E. P., Sedysheva A. I. Specifics of expert examinations in the investigation of crimes related to the illicit trafficking of unmarked products. Law and administration. 2026; (10):326–331. (In Russ.).*

Незаконная предпринимательская деятельность, осуществляемая в процессе производства, приобретения, хранения, перевозки в целях сбыта или сбыта немаркированных товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок, совершенные в крупном или особо крупном размере, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 171 и 171.1 УК РФ.

Экономика, являясь основополагающим элементом функционирования российского государства и общества, выступает в качестве общего объекта преступной активности [1]. Исследуя возможность определения видового объекта данных преступных посягательств, мы приходим к выводу, что таковым следует считать установленный в России порядок ведения легальной экономической деятельности.

Непрерывное расширение рынка товаров, сопровождающееся увеличением их разнообразия, улучшением качества и совершенствованием характеристик, призвано удовлетворить растущие потребности потребителей. Однако этот процесс также привлекает недобросовестных участников, которые, производя и сбывая поддельную продукцию с имитацией оригинальных маркировок, незаконно присваивают прибыль, принадлежащую законным правообладателям средств индивидуализации. Это подпитывает недобросовестную конкуренцию, нанося ущерб не только владельцам товарных знаков, но и потребителям, приобретающим некачественные контрафактные товары.

Процесс выявления и фиксации незаконного предпринимательства включает в себя установление субъекта и объекта данной деятельности, а также их взаимосвязи, проявляющейся через квалифицирующие признаки, такие как период деятельности, наличие умысла, сговора или судимостей.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК РФ, является установленный законодательством порядок производства, логистики, оборота или сбыта материальных ценностей и продукции без обязательной маркировки или нанесения предусмотренной информации, если такая маркировка законодательно требуется.

Анализ правоприменительной практики показывает, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел часто возникает необходимость в проведении технико-криминалистической экспертизы документов (ТКЭД). Результаты таких экспертиз могут способствовать уточнению обстоятельств дела, разоблачению преступника и установлению личности потерпевшего [2].

Предметом преступлений, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции, могут быть документы, изготовленные полиграфическим способом, среди которых встречаются:

защищенная полиграфическая продукция (акцизные и специальные марки, лицензии);

этикетки и упаковки, не относящиеся к защищенной полиграфической продукции.

В отношении указанных документов нередко назначается технико-криминалистическая экспертиза, выводы которой способствуют расследованию преступления, связанного с незаконным оборотом немаркированной продукции. Чаще всего экспертом решаются задачи по установлению способа изготовления полиграфической продукции, определению общности источника происхождения изъятых документов, идентификации печатных форм по отпечатанной продукции.

При проведении технико-криминалистического исследования полиграфической продукции экспертом решаются различные диагностические и идентификационные задачи [3]. Устанавливается способ изготовления акцизной марки, этикетки, упаковки, представленного на экспертизу, решаются идентификационные задачи.

При производстве дознания, расследования и при судебном рассмотрении уголовных дел, предусмотренных ст. 171.1 УК РФ зачастую возникает необходимость проведения химических экспертиз и исследования веществ и изделий.

Результаты проведенных исследований имеют самое непосредственное отношение к установлению элементов состава преступления [4,5].

Так, исследования спиртосодержащих жидкостей позволяет получить оперативно-тактическую и доказательственную информацию. Предметом таких экспертиз является установление фактических данных о событии преступления, устанавливаемых на основе специальных познаний в области судебной экспертизы, химии и технологии изготовления спиртосодержащих жидкостей [6].

Научная основа экспертно-криминалистического исследования спиртосодержащих жидкостей имеет интеграционную природу, аккумулируя знания из различных отраслей естественных наук и промышленного производства: биохимия и микробиология виноделия, основы бродильного производства, товароведение алкогольной продукции и др. Многообразие объектов экспертизы спиртосодержащих жидкостей требует применения для их исследования различных методов физического, химического и физико-химического анализа – микроскопии, гравиметрии, титриметрии, рефрактометрии, а также тонкослойной, газовой и высокоэффективной жидкостной хроматографии, хромато-масс-спектрометрии, изо-электро фокусирования, ИК- и УФ-спектрометрии, атомной абсорбции и др.

У правоохранительных органов все чаще возникает потребность в соответствующем экспертном обеспечении расследования противоправных деяний [7,8]. Существующая практика показывает, что чаще всего преступные посягательства направлены на незаконное размещение товарного знака на предметах одежды, обуви, спортивных товарах, изделиях галантереи, ювелирных изделиях, запасных частях для автомобилей. В следствии чего, возникает необходимость в проведение товароведческих экспертиз.

Принимая во внимание механизм совершения противоправного деяния, заключающийся в использовании чужого товарного знака без разрешения лиц, имеющих исключительное право на использование указанного средства индивидуализации на товарах, этикетках, упаковках, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся и (или) перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации, экспертное сопровождение расследования таких деяний может способствовать установлению доказательной базы как при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции.

В значительной степени задача обеспечения успешного расследования уголовных дел по фактам незаконного предпринимательства и фактов производства, приобретения, хранения, сбыта немаркированной продукции может быть решена путем проведения документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности в совокупности с судебной бухгалтерской экспертизой.

Целью назначения бухгалтерской экспертизы является установление суммы дохода, полученного лицом в результате осуществления им деятельности, связанной с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом товаров и продукции без маркировки.

Следует отметить, что в описательной части постановления о назначении экспертизы следователем в качестве исходных данных должны быть указаны сведения о порядке:

– осуществления незаконной деятельности юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, а также физическими лицами, не зарегистрированными в установленном порядке;

– проведения расчетов за продукцию при осуществлении незаконной деятельности.

При назначении экспертизы вопросы, поставленные на разрешение эксперта, должны содержать информацию о наименовании и ИНН исследуемого лица, периоде исследования и виде деятельности и продукции, по которым необходимо определить сумму полученного дохода.

Не допускается постановка перед экспертом справочных и правовых вопросов, в том числе касающихся определения:

ответственности и вины лиц;

размера материального ущерба [9].

При отсутствии в постановлении о назначении экспертизы сведений о нарушенных нормах законодательства о лицензировании отдельных видов деятельности недопустимо самостоятельное применение и толкование экспертом таких норм законодательства [10].

Порядок проведения исследования и объекты, необходимые для разрешения экспертных задач, связанных с определением сумм дохода, зависят от наличия государственной регистрации, организационно-правовой формы исследуемого лица и применяемого им режима налогообложения, а также периода осуществления деятельности [11].

При невозможности предоставления регистрационных документов и сведений из налогового органа вышеуказанная информация об исследуемом лице должна быть представлена следо-

вателем в качестве исходных данных в постановлении о назначении экспертизы либо сообщена дополнительно и в дальнейшем отражена в исследовательской части заключения [12].

В зависимости от закрепленного в учетной политике момента признания организацией дохода, а также установленного в договоре порядка перехода права собственности, для определения полученного дохода необходимо определить:

При признании дохода на дату передачи продукции – стоимость переданной (отгруженной) в исследуемом периоде продукции на основании документов, подтверждающих факт их передачи.

При признании дохода на дату полной (или частичной) оплаты переданной продукции (исходя из условий договора с особым порядком перехода права собственности):

в случае перехода права собственности на дату полной оплаты – сумму полной оплаты (с учетом частичной оплаты, поступившей в периоде, предшествовавшем исследуемому), соответствующей стоимости ранее переданной продукции, окончательный расчет за которую произведен в исследуемом периоде;

в случае перехода права собственности по мере поступления частичной оплаты – сумму поступившей в исследуемом периоде частичной оплаты за ранее переданную (в том числе в периоде, предшествовавшем исследуемому) продукцию.

При признании дохода на дату поступления денежных средств от покупателя – сумму поступившей в исследуемом периоде оплаты (в том числе авансов и предоплаты) независимо от перехода права собственности на продукцию [13,14]. Суммы денежных средств, поступивших в качестве авансов и предоплаты, также признаются доходами вышеуказанных организаций в связи с тем, что для признания доходов в бухгалтерском учете им не требуется соблюдать условие о переходе права собственности.

В связи с изложенным, в исследуемом периоде организация может одновременно применять разные способы признания выручки (например, заключать договоры, предусматривающие различные моменты возникновения права собственности у приобретателя) в отношении различных видов продукции.

У правоохранительных органов все чаще возникает потребность в соответствующем экспертном обеспечении расследования противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом немаркированной продукции.

Список литературы:

[1] Криминалистическая тактика / М. А. Ершов, С. Ю. Журавлев, В. Е. Лапшин [и др.]. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – 113 с.

[2] Криминалистическое обеспечение расследования преступления в сфере строительства / С. Ю. Агафонов, В. А. Бурцев, О. А. Вахламов, Д. О. Серебров. – Нижний Новгород : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2026. – 28 с.

[3] Пироженков С. А. Особенности производства осмотра трупа на месте его обнаружения (происшествия) в свете законодательных новелл / С. А. Пироженков, Д. О. Серебров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 2(18). – С. 104-109.

[4] Серебров Д. О. Использование возможностей специалистов при расследовании преступлений в сфере лесного хозяйства / Д. О. Серебров, С. Ю. Агафонов // Взаимодействие участников идентификационно-поисковой деятельности при выявлении и расследовании преступлений, Нижний Новгород, 18 ноября 2025 года. Выпуск 1 / Том I. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2026. – С. 104-108.

[5] Серебров Д. О. Особенности назначения судебной компьютерно-технической экспертизы / Д. О. Серебров // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, 16 ноября 2022 года / Нижегородская академия МВД России. Том 1. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023. – С. 146-151.

[6] Серебров Д. О. Об основных положениях криминалистической характеристики преступной деятельности в лесопромышленном комплексе / Д. О. Серебров, Е. А. Старцева // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, 16 ноября 2022 года / Нижегородская академия МВД России. Том 1. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023. – С. 152-156.

[7] Серебров Д. О. Проблемы реализации криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики / Д. О. Серебров // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : сборник научных статей по итогам

всероссийского научно-практического круглого стола, Нижний Новгород, 07 апреля 2026 года. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2026. – С. 73-81.

[8] Серебров Д. О. Ситуационный анализ и организация расследования должностных преступлений / Д. О. Серебров // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современных условиях: теория и практика : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 22 декабря 2021 года. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. – С. 102-106.

[9] Серебров Д. О. Ситуационный анализ преступлений, посягающих на средства, выделяемые для реализации национального проекта / Д. О. Серебров // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности : Сборник научных статей по итогам XIV всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 30 ноября 2023 года. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. – С. 127-132.

[10] Серебров Д. О. Требования по формированию материалов предварительного и последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности / Д. О. Серебров. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2004. – 26 с.

[11] Серебров Д. О. Законность и тактика производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : Учебное пособие / Д. О. Серебров. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2007. – 95 с.

[12] Серебров Д. О. Криминалистическое исследование функций механизма преступной деятельности в сфере экономики / Д. О. Серебров // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Ф. Лубина, Нижний Новгород, 16 ноября 2021 года. Том Выпуск 3. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 143-146.

[13] Серебров Д. О. Некоторые проблемы реализации криминалистического анализа механизма преступной деятельности в сфере экономики / Д. О. Серебров // Актуальные проблемы противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности : Сборник научных статей по итогам межвузовского научно-практического круглого стола, Нижегородская академия МВД России, 27–28 марта 2024 года. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. – С. 73-77.

[14] Серебров Д. О. Криминалистическое исследование функций механизма преступной деятельности в сфере экономики / Д. О. Серебров // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Ф. Лубина, Нижний Новгород, 16 ноября 2021 года. Том Выпуск 3. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 143-146.

References:

[1] Forensic tactics / M. A. Ershov, S. Yu. Zhuravlev, V. E. Lapshin [and others]. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. - 113 s.

[2] Forensic support for the investigation of a crime in the field of construction / S. Yu. Agafonov, V. A. Burtsev, O. A. Vakhlamov, D. O. Serebrov. - Nizhny Novgorod: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026. - 28 s.

[3] Pirozhenkov S. A. Features of the examination of a corpse at the place of its discovery (incident) in the light of legislative novels / S. A. Pirozhenkov, D. O. Serebrov // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – № 2(18). - S. 104-109.

[4] Serebrov D. O. The use of the capabilities of specialists in the investigation of crimes in the field of forestry / D. O. Serebrov, S. Yu. Agafonov // Interaction of participants in identification and search activities in the detection and investigation of crimes, Nizhny Novgorod, November 18, 2025. Issue 1 / Volume I. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 104-108.

[5] Serebrov D. O. Features of the appointment of forensic computer-technical expertise / D. O. Serebrov // Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia:

Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, November 16, 2022 / Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume 1. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - S. 146-151.

[6] Serebrov D. O. On the main provisions of the forensic characteristics of criminal activity in the timber industry / D. O. Serebrov, E. A. Startseva // Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, 16 November 2022 / Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume 1. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - S. 152-156.

[7] Serebrov D. O. Problems of implementing a forensic analysis of criminal activity in the economic sphere / D. O. Serebrov // Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: a collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical round table, Nizhny Novgorod, April 07, 2026. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 73-81.

[8] Serebrov D. O. Situational analysis and organization of investigation of official crimes / D. O. Serebrov // Actual problems of combating corruption in modern conditions: theory and practice: collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, December 22, 2021. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation," 2022. - S. 102-106.

[9] Serebrov D. O. Situational analysis of crimes encroaching on funds allocated for the implementation of the national project / D. O. Serebrov // Forensic and criminal procedural means of ensuring economic security: Collection of scientific articles on the results of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 30, 2023. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. - S. 127-132.

[10] Serebrov D. O. Requirements for the formation of materials for preliminary and subsequent judicial control over the legality and validity of investigative actions restricting constitutional rights and freedoms of the individual / D. O. Serebrov. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004. - 26 s.

[11] Serebrov D. O. Legality and tactics of investigative actions restricting constitutional rights and freedoms of the individual: Textbook / D. O. Serebrov. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2007. - 95 s.

[12] Serebrov D. O. Forensic study of the functions of the mechanism of criminal activity in the field of economics / D. O. Serebrov // Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: Collection of articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.F. Lubin, Nizhny Novgorod, November 16, 2021. Volume Issue 3. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - S. 143-146.

[13] Serebrov D. O. Some problems of implementing a forensic analysis of the mechanism of criminal activity in the economic sphere / D. O. Serebrov // Actual problems of countering economic and corruption crimes: Collection of scientific articles based on the results of the interuniversity scientific and practical round table, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, March 27-28, 2024. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. - S. 73-77.

[14] Serebrov D. O. Forensic study of the functions of the mechanism of criminal activity in the field of economics / D. O. Serebrov // Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: Collection of articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.F. Lubin, Nizhny Novgorod, November 16, 2021. Volume Issue 3. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - S. 143-146.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-332-336

МИСОСТОВА Екатерина Николаевна,
заместитель министра просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОЛЯНДИН Николай Петрович,
профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказский институт (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЖИРИКОВА Александра Николаевна,
ведущий специалист-эксперт отдела дополнительного образования и воспитания Министерства просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики,
e-mail: mail@law-books.ru

СИСТЕМНЫЙ МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК МЕХАНИЗМ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДЕТЕРМИНАНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ДЕСТРУКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ БАКСАНСКОГО И ЧЕГЕМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *Тема противодействия вовлечению молодежи в деструктивную деятельность экстремистских и террористических групп, особенно с учетом специфики Северо-Кавказского региона, требует постоянного совершенствования подходов к профилактической работе. Одни из ключевых аспектов этой деятельности на сегодняшний день является мониторинг социальных сетей как эффективный инструмент раннего выявления рисков. На основе анализа деятельности муниципалитетов Кабардино-Балкарской республики обобщена положительная практика профилактической работы в учебных заведениях и выделены наиболее перспективные направления по ее совершенствованию.*

Ключевые слова: *деструктивная деятельность, экстремизм, терроризм, молодежь, мониторинг, социальные сети, профилактика, противодействие, раннее предупреждение.*

Для цитирования: *Мисостова Е. Н., Голяндин Н. П., Жирикова А. Н. Системный мониторинг социальных сетей как механизм раннего выявления и нейтрализации детерминант вовлечения молодежи в деструктивную деятельность: лучшие практики Баксанского и Чегемского муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики // Право и управление. 2026. № 10. С. 332–336.*

MISOSTOVA Ekaterina Nikolaevna,
Deputy Minister of Education and Science of the Kabardino-Balkarian Republic

GOLYANDIN Nikolay Petrovich,
Professor, Department of Special Disciplines, North Caucasian Institute (branch), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor

ZHIRIKOVA Alexandra Nikolaevna,
leading expert-expert of the department of additional education and upbringing of the Ministry of Education and Science of the Kabardino-Balkarian Republic

SYSTEM MONITORING OF SOCIAL NETWORKS AS A MECHANISM FOR EARLY IDENTIFICATION AND NEUTRALIZATION OF DETERMINANTS OF YOUTH INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE ACTIVITIES: BEST PRACTICES OF THE BAKSAN AND CHEGEM MUNICIPAL DISTRICTS OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Annotation. *The topic of countering the involvement of young people in the destructive activities of extremist and terrorist groups, especially taking into account the specifics of the North Caucasus region, requires constant improvement of approaches to preventive work. One of the key aspects of this activity today is the monitoring of social networks as an effective tool for early identification of risks. Based on the analysis of the activities of the municipalities of the Kabardino-Balkarian Republic, the positive practice of preventive work in educational institutions has been summarized and the most promising areas for its improvement have been identified.*

Key words: *destructive activities, extremism, terrorism, youth, monitoring, social networks, prevention, counteraction, early warning.*

For citation: *Misostova E. N., Golyandin N. P., Zhirikova A. N. System monitoring of social networks as a mechanism for early identification and neutralization of determinants of youth involvement in destructive activities: best practices of the Baksan and Chegem municipal districts of the Kabardino-Balkarian Republic. Law and administration. 2026;(10):332–336. (In Russ.).*

Превентивные действия по предотвращению террористической деятельности, по мнению большинства специалистов [1], должны осуществляться, прежде всего, в духовной, идеологической сфере, так как именно в ней могут зарождаться и формироваться идеи насильственного и террористического воздействия на общество и его отдельные элементы. Наиболее актуальный перечень идей, формирующих основы для организации террористической деятельности и представляющих угрозу для национальной безопасности Российской Федерации, обозначен в общих положениях «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.», утвержденного Президентом РФ (№ Пр-2610 от 30.12.2023), и включает в себя идеи «радикального псевдоислама, украинского национализма и неонацизма, а также субкультуры массовых убийств («Колумбайн», «Маньяки: культ убийц»), распространяемых организациями, сообществами, движениями, признанными террористическими» [2].

Современные исследования свидетельствуют, что в условиях, подкрепленных информационно-коммуникационными достижениями современной цивилизации, от воздействия террористических организаций и вербовки в ряды террористов может пострадать любой представитель нашего общества. И в наименьшей степени в силу психологических особенностей от подобного пагубного воздействия защищены несовершеннолетние и представители молодежи [3].

Данное обстоятельство обусловливает необходимость поиска и внедрения современных подходов к раннему выявлению и локализации детерминант вовлечения несовершеннолетних к деструктивной деятельности.

Одни из ключевых аспектов этой деятельности на сегодняшний день является мониторинг социальных сетей как эффективный инструмент раннего выявления рисков.

В развитие поручений Министерства просвещения Российской Федерации и в рамках реализации республиканского плана мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма, Министерство просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики, совместно с заинтересованными ведомствами была инициирована масштабная проверка состояния работы по данному направлению в общеобразовательных организациях. С этой целью в муниципальные районы были направлены специализированные чек-листы, позволяющие унифицировать оценку и выявить как системные проблемы, так и лучшие практики. В ходе анализа полученных результатов особый интерес вызвал опыт двух муниципали-

тетов Кабардино-Балкарской Республики — Баксанского и Чегемского муниципальных районов. В ходе своей деятельности управления образования данных районов выстроили четкий алгоритм мониторинга социальных сетей обучающихся, который позволяет не просто фиксировать «тревожный» контент, но и эффективно нейтрализовать детерминанты вовлечения молодежи в деструктивную деятельность. Данные практики как положительный опыт были рекомендованы к тиражированию в других учебных заведениях республики.

Специалисты управления образования Баксанского муниципального района разработали наиболее выстроенную вертикаль координации профилактической работы в сегменте мониторинга социальных сетей и мессенджеров обучающихся.

Ключевым результатом системной работы в данном направлении стало смещение акцента с постфактумной фиксации деструктивного контента на раннее предупреждение (I уровень вовлечения). Это позволило превратить разрозненные действия классных руководителей в управляемый муниципальный механизм.

В качестве основных элементов организационно-координационного сопровождения со стороны управления образования учебных заведений по данному направлению были выделены следующие компоненты.

Нормативно-методическое обеспечение, предусматривающее разработку и доведены управлением до всех школ района единого алгоритма проведения мониторинга соцсетей и мессенджеров, памятку для педагогов с четкими критериями оценки контента (терминология деструктивных сообществ, репосты, подозрительные друзья, аудио/видео, закрытые группы), а также шкалу трехуровневой оценки вовлеченности обучающегося (от интереса до подготовки к противоправным действиям).

Кадровая и межведомственная координация на местах, определяющие зоны ответственности за проведение профилактической работы среди учащихся: а) классный руководитель — основной исполнитель мониторинга; б) педагог-психолог — аналитик и участник бесед с обучающимся; в) лидеры класса (дети с авторитетом) — помощники, обеспечивающие доступ к информации в подростковой среде, которую взрослый может не увидеть.

Работа с родительским сообществом, предусматривающая, проведение разъяснительных бесед с родителями перед каждым циклом мониторинга, которые обеспечивают снятие конфликтных рисков по поводу «вторжения в личное пространство» ребенка и создают условия для успешного взаимодействия родителей с сотрудниками школы по контролю за подписками в мессенджерах и круга общения ребенка в интернет-пространстве.

Регулярность и цикличность мониторинга, предполагает его проведение не менее одного раз в четверть в течение учебного года и позволяет отслеживать динамику изменений в поведении и цифровом следе подростка, не переходя к тотальному и контрпродуктивному контролю.

Управленческая реакция на результаты обеспечивает по итогам каждого мониторинга управление образования Баксанского района получать от школ агрегированные данные без персональных идентификаторов по направлениям: количество обучающихся на каждом из трех уровней вовлечения; количество успешно проведенных бесед (психологов и классных руководителей); случаи перехода с низкого на более высокий уровень, требующий дополнительных мер индивидуально-профилактического воздействия.

Полученные данные активно используются для корректировки муниципальных программ профилактики и адресного методического сопровождения школ с ухудшающейся динамикой.

По нашему мнению, рассмотренная практика является наиболее актуальной и современной с точки зрения управляемости процесса. В ней предусмотрены три системных элемента: 1. Легитимации помощи ученических лидеров (снижает защитную реакцию подростков). 2. Четкие критерии трех уровней вовлечения (исключают субъективизм учителя). 3. Обязательный родительский блок перед мониторингом (профилактика конфликтов и правовых рисков). Таким образом, была разработана и реализована не просто процедуру проверки социальных сетей, а внутренне урегулированный управленческий цикл, включающий методику, координацию, исполнение, анализ и, самое главное, действенную коррекция поведения ребенка. Это позволяет нейтрализовать детерминанты вовлечения молодежи в деструктивную деятельность преимущественно на начальном (информационно мотивационном) уровне, не допуская эскалации.

В качестве развивающего опыт Баксанского района, является внедренная в образовательный процесс практика управления образования Чегемского муниципального района. Если в первом случае мы видим совершенную вертикаль внешнего наблюдения за открытым контентом, то Чегемский район в строго правовом поле разработал и реализовал механизм мониторинга «изнутри» — с прямым доступом к коммуникации обучающегося в его аккаунтах и мессенджерах.

Ключевое отличие и новелла данной практики стала разработка и внедрение подхода аналогичного процедуре социально-психологического тестирования (СПТ), который предполагает обя-

зательное получении информированного добровольного согласия родителей (законных представителей) на проведение мониторинга не только открытых страниц, но и непосредственно телефона обучающегося с изучением его аккаунтов, «ников» (имен) и переписки через специальные приложения.

Данное решение позволяет:

легитимно исследовать закрытые сегменты цифровой среды подростка (личные сообщения, закрытые группы, чаты в мессенджерах);

минимизировать правовые риски для педагогов и образовательной организации;

получить достоверную картину реальной коммуникации ребенка, а не только его демонстрируемый публичный профиль.

При проведении «глубинного» мониторинга классные руководители, в отличие от проверки подписок и репостов, обращают внимание на речевое и коммуникативное поведение обучающегося. В отчеты вносятся конкретные маркеры, среди которых: использование ненормативной лексики, особенно направленной на национальную, религиозную или социальную группу; участие в словесных перепалках с использованием угроз (в том числе завуалированных) в адрес других обучающихся, педагогов либо представителей определенных групп; демонстративное отрицание общепринятых норм, одобрение насилия или противоправных действий в переписке; воспроизведение лексики и символики, характерной для деструктивных субкультур и запрещенных организаций и т.п.

Фактически классный руководитель работает не только как «наблюдатель», но и как аналитик речевых паттернов подростка, что позволяет выявить первый уровень вовлечения на самых ранних стадиях — когда ребенок еще не подписан на деструктивные паблики, но уже усвоил их риторику и начинает транслировать ее в повседневном общении.

Данная методика и ее последующее внедрение в педагогическую практику обеспечило формирование трехуровневой системы:

Правовое сопровождение, предусматривающее разработку и доведение до педагогических коллективов школ формы согласий родителей, алгоритм разъяснения им целей мониторинга (по аналогии с социально-психологическим тестирование), а также инструкции по работе с мобильными устройствами обучающихся без нарушения их прав.

Методическая поддержка классных руководителей, на основе утверждённых чек-листов для фиксации не только контента, но и коммуникативных индикаторов (лексика, угрозы, перепалки) и проведения обучающих семинаров по выявлению вербальных маркеров деструктивного поведения обещающихся.

Анализ агрегированных отчетах с обезличенными данными о количестве зафиксированных случаев ненормативной лексики, словесных угроз и иных деструктивных проявлений со стороны обучающихся, с последующим направлением управление образования района обобщенной информации в муниципальную антитеррористическую комиссию для принятия решений о дополнительных профилактических мероприятиях.

Рассмотренная практика признана Министерством просвещения и науки Кабардино-Балкарской республики инновационной поскольку ее ценность обусловлена тремя актуальными аспектами:

Своевременность получение первичной информацию путем проникновения в «закрытую» среду и проведение мониторинга «изнутри», что позволяет увидеть реальные риски, которые невозможно выявить при проверке только общедоступных страниц интернет-пространства.

Ранняя диагностика по речевым маркерам путем фиксации ненормативной лексики и угроз в переписке дает возможность предотвратить переход обучающегося с первого уровня вовлечения (интерес) на второй (солидаризация и причастность).

Легитимность обеспечения методики, основанная на использование модели согласий по аналогии с социально-психологическим тестирование, снимает главный риск подобных мероприятий — обвинения сотрудников учебного заведения в нарушении прав ребенка и его семьи.

Таким образом, по мнению авторов представленные методики позволяют осуществлять постоянный и действенный мониторинг отрицательного влияния социальных сетей на обучающихся, своевременно выявлять объекты деструктивного характера и обеспечивать эффективное межведомственное взаимодействие по устранению негативных детерминант влияющих на формирование молодого поколения российского общества и могут быть рекомендованы для внедрения в учебно-воспитательный процесс средних учебных заведений.

Список литературы:

[1] Гурина О.Д., Ремеева А.Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 1–12; Зубок Ю.А. Экстремистские настроения в молодежной среде: источники эскалации в процессе саморегуляции жизнедеятельности // Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / под ред. Ж.В. Пузановой. М.: РУДН, 2022. С. 190–221 и др.

[2] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610). URL: https:// internet.garant.ru/#/document/408466785 (дата обращения: 06.07.2025).

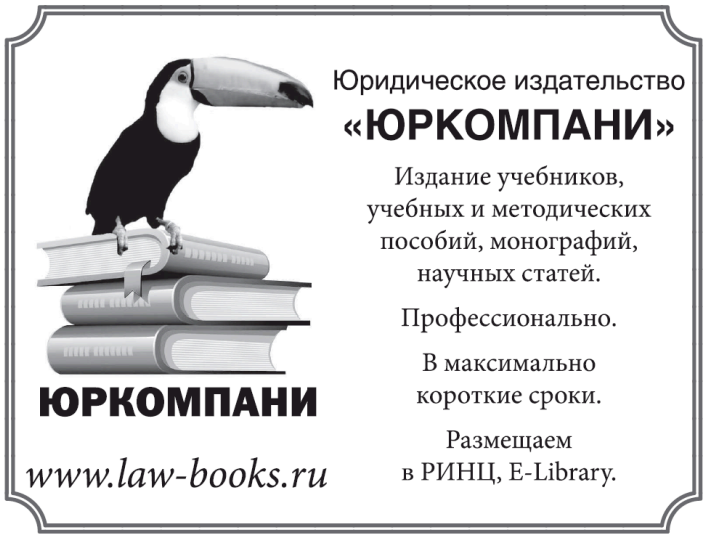
[3] Горенкин В.А., Гаспарян Л.С., Швецова А.В. Социокультурные детерминанты профилактики вовлечения молодежи в деструктивную и террористическую деятельность // Культурная жизнь Юга России. № 4 (99), 2025. С.7-17. URL file:/ // C:/Users/1/Downloads/sotsiokulturnye-determinanty-profilaktiki-vovlecheniya-molodezhi-v-destruktivnuyu-i-terroristicheskuyu-deyatelnost.pdf/ (дата обращения: 06.07.2025).

References:

[1] Gurina O.D., Remeeva A.F. Psychological mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist organizations (on the example of social networks) // Psychology and law. 2024. T. 14. № 3. C. 1–12; Zubok Yu.A. Extremist sentiments in the youth environment: sources of escalation in the process of self-regulation of life // Socio-humanitarian foundations of countering extremism in the youth environment / ed. J.V. Puzanova. M.: RUDN, 2022. S. 190-221, etc.

[2] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by President of the Russian Federation 30.12.2023 No. Pr-2610). URL: https:// internet.garant.ru/ #/document/408466785 (access date: 06.07.2025).

[3] Gorenkin V.A., Gasparyan L.S., Shvetsova A.V. Sociocultural determinants of prevention of youth involvement in destructive and terrorist activities // Cultural life of the South of Russia. № 4 (99), 2025. S.7-17. URL file:/ // C: /Users/1/Downloads/sotsiokulturnye-determinanty -profilaktiki-vovlecheniya-molodezhi-v-destruktivnu yu-i-terroristicheskuyu-deyatelnost.pdf/ (дата обращения: 06.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-337-346

МЯКИНЬКОВА Марина Викторовна,
преподаватель кафедры частного права
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Москва, Россия,
e-mail: for_marina@mail.ru

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Аннотация. *В статье исследуется проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием цифровых платформ и маркетплейсов. На основе анализа судебной практики и статистических данных рассматривается специфика распространения запрещенных веществ через легальные и теневые интернет-площадки. Цель исследования — выявление особенностей квалификации и механизмов противодействия наркопреступности в условиях цифровизации экономики. В работе проанализированы способы реализации запрещенных веществ через даркнет-маркетплейсы, официальные торговые площадки и специализированные ресурсы. Установлено, что цифровые платформы стали основным каналом распространения наркотиков, при этом оплата осуществляется преимущественно через криптовалютные системы. Выявлены четыре основных способа реализации запрещенных веществ через цифровые платформы. Предложены направления совершенствования правового регулирования и противодействия данному виду преступности.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, цифровые платформы, маркетплейсы, криптовалюта, наркопреступления, судебная практика, квалификация преступлений, теневой интернет.*

Для цитирования: *Мякинькова М. В. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием цифровых платформ // Право и управление. 2026. № 10. С. 337–346.*

MYAKINKOVA Marina V.,
Lecturer, Department of Private Law, State University of Management, Moscow, Russia

ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, OR THEIR ANALOGUES VIA DIGITAL PLATFORMS

Annotation. *This article examines the issue of the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues through digital platforms and marketplaces. Based on an analysis of judicial practice and statistical data, the study explores the specifics of how prohibited substances are distributed via both legitimate and illicit (shadow) online platforms. The research aims to identify the nuances of legal classification and the mechanisms for countering drug-related crime in the context of an increasingly digitalized economy. The paper analyzes the methods used to sell prohibited substances via darknet marketplaces, mainstream commercial platforms, and specialized online resources. It is established that digital platforms have become the primary channel for drug distribution, with payments predominantly processed through cryptocurrency systems. Four main methods for the sale of prohibited substances via digital platforms are identified. The author proposes directions for improving legal regulation and enhancing efforts to combat this type of crime.*

Key words: *illicit drug trafficking, digital platforms, marketplaces, cryptocurrency, drug-related crimes, judicial practice, legal classification of crimes, shadow internet.*

For citation: *Myakinkova M. V. Illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogues via digital platforms. Law and administration. 2026;(10):337–346. (In Russ.).*

Широко, повсеместно, быстро, удобно, анонимно стало для граждан приобретать в России практически любые товары на маркетплейсах. В настоящее время, более 80% россиян ежемесячно пользуются онлайн-платформами. Д. Григоренко указал, что цифровые сервисы стали важной частью повседневной жизни россиян, через онлайн-платформы люди покупают товары, заказывают услуги, пользуются доставкой, такси и другими сервисами [1]. Также с использованием цифровых платформ регулярно или эпизодически работают от 2 до 5 миллионов человек [2].

Но, как всегда, положительный эффект омрачается распространением оборота незаконных товаров с помощью цифровых платформ, в частности, они стали основными площадками для незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее-наркотики).

Еще в 2024 г. Роскачество обнаружило на маркетплейсах более 400 биологически активных добавок (БАД) с запрещенными веществами - ашвагандой, якорцами стелящимися, эфедрой, кавукавой и листьями коки.

Роскачество выявило и другие нарушения, более 60 тыс. БАДов продавались на маркетплейсах без свидетельства о государственной регистрации, большинство таких товаров размещаются в разделах «Лечебное питание», «Добавки пищевые», «Экстракт пищевой растительный», «Жиросжигатель», при этом продавцы предлагают лекарственные средства в других категориях, мало подходящих под это значение: «лечебное питание», «удобрения», «аксессуары для обуви» и др. Так, жаропонижающий препарат нурофен продавался в разделе «карамель жидкая, сиропы, топпинги». Роскачество направило информацию о нарушениях маркетплейсам Ozon и «Яндекс Маркет».

В пресс-службе Ozon сообщили, что все такие товары уже скрыты с сайта и не доступны к заказу. По данным Центра изучения потребительского поведения Роскачества, почти каждый второй россиянин — 46% — покупал БАДы, около четверти россиян (26%) покупают их в аптеках, вдвое меньше (13%) — на маркетплейсах. Меньше всего граждан покупают БАДы в магазинах, специализирующихся на продажах данных препаратов — всего 8% [3].

Многие организаторы наркобизнеса продают наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги на теневых финансовых инфраструктурах и криминальных маркетплейсах (Hydra, RAMP, OMG, Mega, BlackSprut, Silk Road и др.) [4].

Еще в 2021 г. Общественная палата РФ направляла обращение в Минпромторг с требованием ввести строгую премодерацию объявлений в маркетплейсах. На двух крупнейших маркетплейсах России под видом продуктов питания продавались наркотики. На маркетплейсах продавали чайную смесь с марихуаной. Более одной тысячи упаковок чая с марихуаной обнаружили полицейские в г. Домодедове у жителя Хакасии [5].

М.Ф. Радайкин прав, что наиболее часто необходимость в исследовании сервисов распределенной информации возникает при расследовании дистанционной незаконной торговли наркотиками (через маркетплейсы даркнета)[6]. По мнению М.Й. Муркштиса даркнет-маркетплейсы используются для торговли широким спектром товаров, включая наркотики. Анонимность, обеспечиваемая даркнетом, делает его привлекательным для преступников, позволяя им скрывать свою личность и избегать преследования [7]. В настоящее время преступники объединили два мощнейших новаторства - цифровые платформы и цифровую валюту, по которым совсем недавно приняты законы: Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» и Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ "О цифровых валютах и цифровых правах". Однако для их полноценного внедрения и эффективного правоприменения нужно время, которое пока играет на руку преступникам.

Торговля наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами на цифровых платформах значительно облегчается для виновных лиц тем фактом, что и оплата указанных предметов осуществляется анонимно, с использованием цифровой валюты. Как отмечает В.В. Красинский «наркопреступность активно пользуется немецкими (Coinstart.cc, Eurobit.cc, Swapcoin.cc, Fastchange.me, Bitcoin.de, Pocket-Exchange) и эстонскими криптообменниками (365cash, bankcomat, Xchange, OneMoment). Немецкий обменный пункт Coinstart.cc связан с большинством известных криминальных маркетплейсов, используемых для сетевого сбыта наркотиков. В распределенных реестрах зафиксированы как перечисление средств на Coinstart.cc с наркоплощадок, так и вывод криминальных доходов с обналичиванием. При анализе операций Eurobit вскрыт канал инвестирования средств, в том числе наркодоходов, в криптовалюты (финансовая пирамида btcprominer) и майнинговые пулы.

BitcoinFog - один из самых старых криптовалютных миксеров даркнета. По данным Министерства юстиции США, за период с 2011 по 2021 год через BitcoinFog отмыто 1,2 млн биткоинов. Большая часть этой суммы поступила с маркетплейсов даркнета и была связана с незаконным оборотом наркотиков и компьютерными преступлениями. В мае 2021 года оператор BitcoinFog был арестован и в 2024 году приговорен к 30 годам лишения свободы за отмывание денег [4].

Основные нормы, которые могут применятся к виновным в случае торговли наркотиками на маркетплейсах – это статья 228.1 УК РФ, в ней предусмотрена ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Объектом в данном составе преступления выступают общественные отношения, охраняющие здоровье населения и общественную нравственность. Однако, учитывая, что незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, осуществляется с использованием цифровых платформ (маркетплейсов), считаем, что дополнительным непосредственным объектом следует признать общественные отношения, охраняющие законный оборот информации на цифровых платформах. Такой объект пока не известен ученым, но практика свидетельствует о необходимости его признания.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ состоит в незаконном производстве, сбыте или пересылке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконном сбыте или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Согласно ч. 2 ст. 228.1 УК РФ – в сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенном: а) в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, на территории воинской части, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга; б) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет").

По ч. 3 в деяниях, предусмотренных частями первой или второй статьи, совершенных: а) группой лиц по предварительному сговору; б) в значительном размере. По ч. 4 – в деяниях, предусмотренные частями первой, второй или третьей статьи, совершенных: а) организованной группой; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего; г) в крупном размере. А по ч. – в деяниях, предусмотренных частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере.

П. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, понимает незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее - приобретателю). При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции.

Судебная практика позволяет сделать вывод, что оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с помощью цифровых платформ осуществляется, чаще всего, четырьмя способами.

Во-первых, на скрытых интернет-площадках (даркнет-маркетплейс (Hydra, Kraken и др.). Например, площадка в сети Tor сводит продавцов («шопы») и покупателей, берёт комиссию, ведёт арбитраж и гарант, а оплата запрещенных товаров осуществляется в криптовалюте.

Приведём приговор Благовещенского городского суда от 26 июня 2025 г. по делу № 1-419/2025, согласно которому ФИО2, обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, п. «а» ч.4 ст. 228.1, пп. «а», «г» ч.4 ст. 228.1, пп. «а», «г» ч.4 ст. 228.1, пп. «а», «г» ч.4 ст. 228.1, ч.3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч.3 ст. 30, п. «а» ч.4 ст. 228.1, ч.3 ст. 234, ч.3 ст. 234 УК РФ,

В ходе проведения проверочных мероприятий, установлены лица, осуществляющие преступную деятельность направленной на сбыт

наркотических средств с признаками организованности, работая при этом на Интернет – магазин под наименованием - «Karabas», осуществляющий свою деятельность в скрытом сегменте сети Интернет, на Интернет-ресурсе «Mega», а также через свой сайт, в составе: ФИО2, ШИ, ФВ, ОА, ФИО3, ФИО4. Наркотические средства незаконно сбывались через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», лицом или лицами, выступающими в роли оператора «Kara», Интернет-магазина «Karabas», используя мессенджер «Telegram», а также через страницу данного Интернет-магазина, размещенную на Интернет-ресурсе (маркетплейсе) – «Mega», потенциальным потребителям наркотических средств. С целью конспирации, с 31 марта 2024 года оператор «Kara» поменял аккаунт в мессенджере «Telegram» на «Holly», Интернет-магазина «Karabas». Незаконный сбыт наркотического средства осуществлялся бесконтактным способом, посредством его помещения в тайники – «закладки», при этом договоренность между сбытчиком и покупателями наркотических средств осуществлялась посредством переписки через сеть «Интернет». Покупатель должен был на странице Интернет-магазина «Karabas», размещенной на Интернет-ресурсе (маркетплейсе) – «Mega», выбрать интересующую его позицию наркотических средств на «витрине» Интернет-магазина, выбрать способ оплаты и район заранее размещенной «закладки». Для оплаты наркотического средства в Интернет-магазине «Karabas» предлагался один из установленных видов оплаты: на банковскую карту, оформленную, как правило, на подставных лиц или посредством перевода криптовалюты «Bitcoin», на указанные Интерент - магазином различные адреса «криптокошельков» через онлайн обменники. Курьер - «закладчик» отправлял информацию о произведенных им местах определённых «закладок», используя мессенджер «Telegram» или в ходе переписки на странице Интернет-магазина «Karabas», размещенной на маркетплейсе «Mega», неустановленному лицу, выступающему в роли оператора интернет-магазина «Karabas», под именем пользователя «Kara» (позже «Holly») или другими не установленными именами пользователя). Интернет-магазин «Karabas» в мессенджере «Telegram» имеет свой чат (интернет-форум), с отзывами приобретателей наркотических средств на котором участники чата (потребители наркотика) делятся мнением о приобретенном наркотическом средстве, а также аналогичный чат – форум данного Интернет – магазина имеется на странице, Интернет-магазина «Karabas», размещенной на маркетплейсе «Mega» [8].

В Приговоре Ворошиловский районный суд г. Волгограда № 1-159/2025 от 6 августа 2025 г. было описано дело согласно которому, неустановленные лица приняли на себя общие организационно – распорядительные функции по обеспечению деятельности преступной группы, то есть функции «организаторов» («руководителей»), в числе которых: определение целей, разработка общих планов и координация деятельности преступной группы, в том числе распределение ролей между её участниками; открытие интернет-магазина, путём его регистрации на анонимных интернет-ресурсах и на интернет-площадке теневого сегмента интернета (Даркнет) «Kraken» («Кракен), «BlackSprut» («БлэкСпрут»), «OMG» («ОМГ») присвоение названия интернет-магазину и общий контроль над его функционированием; обеспечение участников организованной группы средствами связи; установление цен на реализуемые интернет - магазином наркотические средства; определение системы зачисления денежных средств, вырученных от реализации наркотических средств и контроль за их использованием; консолидация информации о доходах преступной группы в виде денежных средств, вырученных от незаконного оборота наркотических средств и денежных средств, полученных от кандидатов в участники преступной группы в целях обеспечения исполнения ими предстоящих функций; получение от «руководителей» сведений о качестве выполняемых участниками преступной группы преступных функций и выплате им за это вознаграждения в виде денежных средств, предварительно конвертированных в электронные денежные средства (криптовалюту) «Bitcoin» («Биткоин»), путем перевода на электронные номера «Bitcoin-кошельков», а также путем перевода на банковские счета, используемые участниками преступной группы, сведений о расходах участников организованной группы, связанных с осуществлением своих функций и оплате расходов, путем перечисления денежных средств, предварительно конвертированных в электронные денежные средства (криптовалюту) «Bitcoin» на электронные номера «Bitcoin-кошельков» и путем перевода на банковские счета; контроль за соблюдением участниками преступной группы мер конспирации при осуществлении преступной деятельности.

Согласно преступного умысла организаторов («руководителей») организованной группы, действующей под видом интернет – магазина «Чародей» на интернет-площадке теневого сегмента интернета (Даркнет) «Kraken» («Кракен), «BlackSprut» («БлэкСпрут»), «OMG» («ОМГ») и на других интернет-ресурсах, её участники должны были осуществлять приобретение наркотических средств, обеспечивать их доставку на территорию <адрес>, хранение, фасовку и незаконный сбыт приобретателям - наркозависимым лицам

на территории вышеуказанного субъекта Российской Федерации, с использованием программ интерактивного общения, таких как «Session», «Telegram» в сети «Интернет», получая за это денежные средства в качестве вознаграждения от организаторов («руководителей»).

Интернет-магазин «Чародей» осуществлял продажу наркотических средств не только посредством чат-бота в приложении «Телеграм», даркнет-маркетплейса «ОМГ», но и на других теневых площадках, в которых аналогичным образом осуществлялась автоматизированная продажа наркотических средств [9].

В приговоре № 1-564/2026 от 27 апреля 2026 г. по делу № 1-564/2026 Всеволожского городского суда Ленинградской области было описано дело ФИО1, который, имея умысел на совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, направленного на приобретение наркотического средства, незаконно, без цели сбыта, для личного употребления, при помощи своего мобильного телефона марки «TECNO POVA Neo 3»; IMEI 1: №; IMEI 2: № с сим-картой оператора сотовой связи «Йота» с абонентским номером №», используя всемирную коммуникационную сеть «Интернет», зашел в браузер «GoogleHrome» (Гугл Хром), с использованием скрытой сети «Даркнет» (DarkNet) нелегального даркнет-маркетплейса «OMG» (ОМГ) магазина «TeamSekret» (ТаймСикрет) осуществил заказ наркотического средства, оплату за который должен был осуществить неустановленным в ходе следствия способом. После чего, продолжая реализацию своего преступного умысла на незаконное приобретение наркотического средства, без цели сбыта, он-ФИО1 в неустановленное время, но не позднее 16 часов 52 минут ДД.ММ.ГГГГ осуществил оплату неустановленным в ходе следствия способом, после чего, на сайте «TeamSekret» (ТаймСикрет) получил фотографии с географическими координатами местонахождения «тайника-закладки» с наркотическим средством[10].

Большой заслугой правоохранительных органов считаем закрытие одного из самых мощных магазинов, торгующих наркотиками в теневом интернете - «Гидры», однако, в результате этого, торговля наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами стала завуалированно осуществляться на легальных маркетплейсах. Одному из организаторов даркнет-маркетплейса в России Hydra («Гидра») предъявили обвинения в отмывании более 1 млрд руб. преступных доходов (п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ). Фигурант с 2015 по 2024 год поучаствовал в более 500 эпизодах оборота наркотиков, деньги за это он получал в криптовалюте. В структуру «Гидры» входили 15 структурных подразделений: от бухгалтерии и IT-отдела до отдела кадров, службы безопасности и отдела маркетинга. Всего у фигурантов арестовали имущество общей стоимостью более 2,5 млрд руб.

За работу серверов и инфраструктуры черного маркетплейса отвечал Д. Павлов, который в 2008 году занимался хостинг-услугами в Санкт-Петербурге под брендом 4x4host. Павлов в 2012 году познакомился с пользователями NoName и Женя Бах. NoName основал хостинговую компанию Big Mama, через которую перепродавались услуги 4x4host. В итоге компания Павлова выполняла роль «белого» хостинга, а Big Mama обслуживала сайты в даркнете. Позже Д. Павлов и No Name задумали объединить популярные нелегальные сервисы на одной площадке и спустя два года открыли «Гидру».

Изначально «Гидра» выступала как маркетплейс для продажи наркотических веществ, потом на площадке стали продавать поддельные документы и деньги, услуги по взлому и другие нелегальные предложения. К 2019 году на площадке было зарегистрировано 2,5 млн аккаунтов, а общий объем трансакций «Гидры» достиг $1,4 млрд. При этом 300 серверов «Гидры» принадлежали немецкой компании Hetzner и были арендованы Павловым.

Минфин США ввел санкции против даркнет-маркетплейса, а американский Минюст объявил Д. Павлова в розыск, его арестовали российские правоохранители, при обыске у него нашли криптокошельки, на которых суммарно хранилось более 649 млн руб. Системного администратора «Гидры» Б. Губко. Осудили к лишению свободы сроком на 21 год.

Д. Павлов получил шесть лет колонии за участие в преступном сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ) и пособничестве в сбыте наркотиков в особо крупном размере (п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ).

Личность No Name так и осталась неизвестна, возможно это был один из организаторов «Гидры» С. Моисеев, которого приговорили к пожизненному сроку в декабре 2024 года. Вместе с ним от 8 до 23 лет строгого и особого режима получили еще 15 сообщников. Однако на деле Моисеев создал крупный магазин по продаже наркотиков, действовавший на «Гидре». По оценкам полиции, общее число участников преступного сообщества достигало 300 человек. При этом спустя месяц после ликвидации «Гидры» ее бывшие члены команды заявили о планах запустить новый проект. В результате в ноябре 2022 года на мультимедийном кубе Catcher в центре «Москва-Сити» появилась реклама нового даркнет-маркетплейса с эмблемой, схожей с символикой «Гидры»[11].

Новый лидер онлайн-продажи наркотиков в России называет себя преемником закрытого монополиста Hydra. Мощная маркетинговая стратегия — главное преимущество Sprut (здесь и далее

название изменено) в конкуренции за рынок с оборотом более $1 млрд в год. В полиции группировку называют организацией с «неограниченными финансовыми возможностями и коррупционными связями». К концу 2023 года Sprut выбился в лидеры российского даркнет-рынка, заняв 31%, подсчитали в Chainalysis. Прошлогодний оборот площадки исследователи оценили в $400 млн. У маркетплейса уже около 12 млн проведенных сделок и 375 тыс. пользователей, уточняет специализированный Telegram-канал, отслеживающий активность маркетплейсов в даркнете. Через Sprut торгуют примерно 2750 наркошопов. Важную роль в раскрутке площадки играют громкие рекламные акции, благодаря которым маркетплейс находится на слуху. Другие площадки точно также занимаются агрессивным пиаром. Этот маркетплейс делает вирусную рекламу, быстро подстраиваясь под тренды [12].

В современный период суды квалифицируют торговлю наркотиками на маркетплейсах с пользованием интернета. Однако, по нашему мнению, законодателю необходимо учитывать характеристики цифровых платформ, их распространенность, доступность, повсеместность и массовость для простых граждан, которые практически ежедневно осуществляют покупки на маркетплейсах.

Приведем приговор, когда суд квалифицировал деяния виновного по ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Так в деле № 1–548/2025 1-66/2026 от 25 февраля 2026 г. Кировский районный суд г. Екатеринбурга указал, что ФИО3 совершил покушение на незаконный сбыт наркотических средств, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. Он, посредством неустановленного средства связи, подключенного к сети «Интернет», при помощи, установленного на нем программного обеспечения, перешел на сайт под названием «Кракен», где в интернет-магазине по продаже наркотических средств «Гусь Кристальный» в сервисе мгновенного обмена сообщениями связался с неустановленным лицом, принял условия для начала совместной преступной деятельности в виде необходимости внесения залога, перечислил для подтверждения своих намерений на указанный неустановленным соучастником неустановленный счет криптовалюту «Bitcoin» в сумме, эквивалентной 50000 рублей, после чего в ходе переписки договорился совместно с неустановленным соучастником осуществить незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, путем продажи другим лицам с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), через систему «тайников», тем самым вступив с неустановленным соучастником в преступный сговор. При этом, ФИО3 и неустановленный соучастник распределили между собой преступные роли, согласно которым ФИО3 в сервисе мгновенного обмена сообщениями интернет-магазина по продаже наркотических средств «Гусь Кристальный» на сайте «Кракен» получит от неустановленного соучастника сведения о месте нахождения «тайника» с нерасфасованными наркотическими средствами, которые он заберет, расфасует согласно указаниям неустановленного соучастника в мелкие свертки, разместит мелкие свертки с наркотическими средствами в оборудованных им «тайниках» на территории г.Екатеринбурга, после чего, используя принадлежащий ему сотовый телефон «iPhone 16 Pro» (IMEI: ***), сфотографирует место каждого оборудованного им «тайника» с мелкими свертками с наркотическими средствами, обработает фотографии мест «тайников» при помощи установленной на сотовом телефоне программы «NoteCam», служащей для редактирования фотоизображений, а именно нанесет на каждой фотографии метки, указывающие конкретное расположение «тайников» с наркотическими средствами на участках местности, снабдит фотографии географическими координатами, определяющими конкретное местоположение «тайников», и сообщит места нахождения «тайников» неустановленному соучастнику путем загрузки фотографий «тайников» с координатами и пометками в сервисе мгновенного обмена сообщениями интернет-магазина по продаже наркотических средств «Гусь Кристальный» на сайте «Кракен»[13].

Во-вторых, торговля наркотиками осуществляется в виде форума на маркетплейсе, где осуществляется, например, реклама магазинов, торгующих запрещенными товарами, идет вербовка закладчиков, обсуждения.

В частности, была обнаружена подозрительная карточка товара на Wildberries. Судя по общению продавца с покупателями, под видом растворителя для красок он торговал запрещенным веществом, в отзывах к предполагаемому растворителю покупатели спрашивают у представителя о том, какое количество «растворителя» им понадобится с учетом их возраста и веса. А еще клиенты просят удалить заказы из истории их покупок. При этом на вопросы сомневающихся в законности происходящего продавец отвечает: «Мы продаем растворитель для краски, все должные документы у нас имеются» [14].

В настоящее время Московский городской суд продлил арест администраторам форума WayAway, связанного с даркнет-площадкой «Кра-

кен», — они останутся под стражей до ноября 2026 года. С декабря 2022 года по ноябрь 2025 года на платформе действовали более 2,9 тыс. торговых точек. Сеть включала минимум 18 подразделений — в том числе собственный криптообменник и обучающие центры по производству запрещённых веществ [15].

В-третьих, как магазин на официальном маркетплейсе, где продаются семена для выращивания наркотических веществ.

Рассмотрим приговор № 1–274/2025 1-58/2026 от 15 марта 2026 г. по делу № 1–274/2025 Балаклавского районного суда г. Севастополя. ФИО3 в январе 2025 года он решил попробовать самостоятельно вырастить коноплю, из которой затем изготовить марихуану. В этих целях он предварительно изучил процесс выращивания конопли в интернете, а затем приобрел через интернет-сайт «Семеныч» шесть семян растений конопли, а через маркетплейс «Wildberries» – необходимое для выращивания конопли оборудование: гроубоксы, грунт, горшки, лампы, вентиляторы, термометры. После этого он высадил по месту своего жительства гроубоксы приобретенные семена растений конопли, из которых в апреле 2025 г. выросли растения конопли, с которых он собрал шишки. Впоследствии он высушил эти шишки, и изготовил из них марихуану, которую расфасовал. Суд назначил ФИО3 наказание по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 – п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, в виде лишения свободы на срок 10 (десять) лет 6 (шесть) месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [16]. А в приговоре Североуральского городского суда Свердловской области за № 1-66/2026 от 21 апреля 2026 г. по делу № 1-66/2026 было указано, что подсудимый ФИО1 взял в аренду у друга помещение, где он решил выращивать коноплю. Он купил на маркетплейсе семена, всё необходимое и стал выращивать. У конопли он срезал листья, высушивал их и употреблял [17].

В-четвертых, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов на цифровых платформах, может осуществляться на отдельном специализированном ресурсе, например, «магазин закладок 24/7», где есть витрина с прайсом и инструкциями.

В приговоре № 1-1-50/2026 1-50/2026 от 22 марта 2026 г. по делу № 1-1-50/2026 Балашовского районного суда Саратовской области ФИО2 показал, что 12 января 2026 года он находился у себя дома и решил приобрести наркотическое средство «Соль». Он знает, что в сети Интернет имеется магазин продаж наркотических средств под названием «Кракен», в котором можно приобрести наркотические средства, он зашел в данный магазин при помощи своего телефона «Tecno Spark Go 1» через мессенджер «Телеграмм», где выбрал г. ФИО4. Он нашел в магазине наркотическое средство под названием «Кристалическая мука» весом 1 гр, которое стоит 5400 рублей. Для оплаты наркотического средства он со своей банковской карты в мобильном приложении маркетплейса «Ozon» перевел 5400 рублей на присланный ему в Интернет-магазине «КРАКЕН» номер телефона. Далее ему на телефон пришло уведомление о том, что покупка прошла успешно, и прислали фотографию с местом положения и координатами закладки с наркотическим средством «Соль». Суд ФИО2 признал виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года условно [18].

По п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ объективная сторона состава преступления включает ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный, в частности, в следственном изоляторе, исправительном учреждении. Так, в Апелляционном определении № 22–1187/2026 от 21 апреля 2026 г. Ставропольского краевого суда ФИО1 в судебном заседании показал, что, находясь в исправительном учреждении, заказывал сильнодействующее вещество «<данные изъяты>» на маркетплейсе «<данные изъяты>». По его просьбе ФИО2 забирала данный заказ в отделении почты. Он давал ФИО2 указания расфасовать вышеуказанное вещество, сбрасывал на телефон ФИО2 локацию, где необходимо было сделать закладки с «<данные изъяты>». Эти закладки не забрали, поскольку они были изъяты сотрудниками полиции, однако он за размещение данных закладок, он получил от куратора денежные средства. Также он дал указания ФИО2 ухищренным способом спрятать наркотические средства и пронести их ему ДД.ММ.ГГГГ на длительное свидание в исправительное учреждение, на что та согласилась [19].

Достаточно часто незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с помощью цифровых платформ происходит с последующей легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, там же. В частности, в Апелляционном определении № 10-1434/2026 от 30 марта 2026 г. Челябинского областного суда было установлено наличие в действиях ФИО1 состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174.1 УК РФ полностью нашло свое подтверждение и не вызывает сомнений. Как верно указал суд, на крипто-кошелек ФИО1 поступала исключительно криптовалюта полученная в качестве вознаграждения за сбыт наркотических средств. Осужденная производила обмен криптовалюты на рубли на различных специаль-

ных торговых площадках (маркетплейсах). Затем зачисления вырученных денежных средств в российских рублях производились на ее счет в <данные изъяты>, а отражались операции в виде переводов от физических лиц. ФИО1 признана виновной и осуждена за покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), организованной группой, в особо крупном размере; покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), организованной группой, в крупном размере; легализацию (отмывание) денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 , ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 и ч. 1 ст. 174.1 УК РФ), ей назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет со штрафом в размере 80 000 рублей, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима[20]. П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем" предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, признает денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

Как мы видим, субъекты указанных преступлений могут быть как общие, так и лица, обладающие специальными признаками (специальные субъекты), например, находящиеся в следственном изоляторе, исправительном учреждении. Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом.

Следует учитывать, что в цело, по данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации» за 2025 г. в январе – декабре 2025 года выявлено 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – декабрем 2024 года на 17,6% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также возрос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 68,2% в январе – декабре 2024 года до 73,9%[21]. Считаем, что увеличение связано именно с упрощением использования и повсеместным распространением незаконного оборота наркотиков именно на цифровых платформах (маркетплейсах), на что необходимо обратить внимание законодателя.

Список литературы:

[1] Замалеева Д. Более 80% россиян используют онлайн-платформы: Григоренко рассказал об использовании цифровых сервисов в России URL : https://www.kp.ru/online/news/7209194/?ysclid=mvcibrjb8d244386253 (дата обращения 26.10.2026).

[2] Мануйлова А. Платформы пересчитали по головам. Эксперты ВШЭ оценили количество их работников в РФ URL : https://www.kommersant.ru/doc/8118457?ysclid=mvci9fpkmd840635078 (дата обращения 26.10.2026).

[3] Громова Е., Хмурковская А. На маркетплейсах выявили более 400 БАД с запрещенными веществами |URL : https://www.rbc.ru/life/news/66c6ec099a79474b84b54e46?ysclid=mvdy2b698j640001935 (дата обращения 26.10.2026).

[4] Красинский В.В. Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют // Современное право. 2025. N 4. С. 105 - 111.

[5] Общественная палата: на маркетплейсах продают наркотики под видом URL: https://oborot.ru/news/obshhestvennaya-palata-na-marketplejsah-prodayut-narkotiki-pod-vidom-produktov-i132770.html?ysclid=mvdzjh0zhr295426362 (дата обращения 26.10.2026).

[6] Радайкин М.Ф. Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. N 4. С. 50.

[7] Муркштис М.Й. Киберпреступность и незаконный оборот оружия: анализ современных тенденций // Современное право. 2025. N 7. С. 110 - 113.

[8] Приговор № 1-419/2025 от 26 июня 2025 г. по делу № 1-419/2025 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkJKa (дата обращения 26.10.2026).

[9] Приговор № 1-159/2025 от 6 августа 2025 г. по делу № 1-159/2025 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkJQv (дата обращения 26.10.2026).

[10] Приговор № 1-564/2026 от 27 апреля 2026 г. по делу № 1-564/2026 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkJWT (дата обращения 26.10.2026).

[11] Черненко Н. Организатору "Гидры" предъявлены обвинения в отмывании миллиарда рублей https://www.kommersant.ru/doc/8292501?ysclid=mvb7xjapzi678655941 (дата обращения 26.10.2026).

[12] Матвеева А., Солопов М., Кучушев С. Рекламная доза: кто стоит за

PR-акциями лидера наркоторговли в России URL : https://iz.ru/1731854/antonina-matveeva-maksim-solopov-stanislav-kuchushev/reklamnaia-doza-kto-stoit-za-pr-aktciiami-lidera-narkotorgovli-v-rossii?ysclid=mvmt5tjh19161788489 (дата обращения 26.10.2026).

[13] Приговор № 1-548/2025 1-66/2026 от 25 февраля 2026 г. по делу № 1-548/2025 / СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkJhF (дата обращения 26.10.2026).

[14] Малиновская М. На популярном маркетплейсе начали продавать наркотики под видом растворителя для красок URL : https://super.ru/celebrity-news/14609 (дата обращения 26.10.2026).

[15] Кузьмина С. Мосгорсуд продлил арест админам WayAway по делу «Кракена» до ноября URL : https://noctu.ru/news/mosgorsud-prodlil-arest-adminam-wayaway-po-2026-08-23?ysclid=mve1wo8pfe554075174 (дата обращения 26.10.2026).

[16] Приговор № 1-274/2025 1-58/2026 от 15 марта 2026 г. по делу № 1-274/2025 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkJx5 (дата обращения 26.10.2026).

[17] Приговор № 1-66/2026 от 21 апреля 2026 г. по делу № 1-66/2026 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkK29 (дата обращения 26.10.2026).

[18] Приговор № 1-1-50/2026 1-50/2026 от 22 марта 2026 г. по делу № 1-1-50/2026 // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkK7N (дата обращения 26.10.2026).

[19] Апелляционное определение № 22-1187/2026 от 21 апреля 2026 г. // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkK8Z.

[20] Апелляционное определение № 10-1434/2026 от 30 марта 2026 г. // СудАкт.ру URL : https://clck.ru/3WkKAb (дата обращения 26.10.2026).

[21] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» министерство внутренних дел Российской Федерации». С. 4.

References:

[1] Zamaleeva D. Over 80% of Russians use online platforms: Grigorenko discusses the adoption of digital services in Russia. URL: https://www.kp.ru/online/news/7209194/?ysclid=mvcibrjb8d244386253.

[2] Manuylova A. Platforms' workforces tallied: HSE experts estimate the number of platform-based workers in the Russian Federation. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8118457?ysclid=mvci9fpkmd840635078.

[3] Gromova E., Khmurkovskaya A. Over 400 dietary supplements containing prohibited substances identified on online marketplaces. URL: https://www.rbc.ru/life/news/66c6ec099a79474b84b54e46?ysclid=mvdy2b698j640001935.

[4] Krasinsky V.V. Countering the financing of the drug trade and the laundering of criminal proceeds using cryptocurrencies // Sovremennoye Pravo [Modern Law]. 2025. No. 4. pp. 105–111.

[5] Civic Chamber: Drugs being sold on online marketplaces under the guise of other products. URL: https://oborot.ru/news/obshhestvennaya-palata-na-marketplejsah-prodayut-narkotiki-pod-vidom-produktov-i132770.html?ysclid=mvdzjh0zhr295426362.

[6] Radaykin M.F. Legal status of torrent trackers and their users // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2013. No. 4. P. 50.

[7] Murkštis M.J. Cybercrime and the Illicit Arms Trade: An Analysis of Current Trends // Modern Law. 2025. No. 7. pp. 110–113.

[8] Judgment No. 1-419/2025 dated June 26, 2025, in case No. 1-419/2025 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkJKa.

[9] Judgment No. 1-159/2025 dated August 6, 2025, in case No. 1-159/2025 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkJQv.

[10] Judgment No. 1-564/2026 dated April 27, 2026, in case No. 1-564/2026 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkJWT.

[11] Chernenko N. Organizer of "Hydra" charged with money laundering of one billion rubles https://www.kommersant.ru/doc/8292501?ysclid=mvb7xjapzi678655941.

[12] Matveeva A., Solopov M., Kuchushev S. A Promotional Dose: Who Is Behind the PR Campaigns of Russia's Leading Drug Trafficker? URL: https://iz.ru/1731854/antonina-matveeva-maksim-solopov-stanislav-kuchushev/reklamnaia-doza-kto-stoit-za-pr-aktciiami-lidera-narkotorgovli-v-rossii?ysclid=mvmt5tjh19161788489.

[13] Judgment No. 1-548/2025 1-66/2026, dated February 25, 2026, in case No. 1-548/2025 / SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkJhF.

[14] Malinovskaya M. Drugs sold on a popular marketplace disguised as paint thinner URL: https://super.ru/celebrity-news/14609.

[15] Kuzmina S. Moscow City Court extends detention of WayAway administrators in the "Kraken" case until November URL: https://noctu.ru/news/mosgorsud-prodlil-arest-adminam-wayaway-po-2026-08-23?ysclid=mve1wo8pfe554075174..

[16] Judgment No. 1-274/2025 1-58/2026 dated March 15, 2026, in case No. 1-274/2025 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkJx5.

[17] Judgment No. 1-66/2026 dated April 21, 2026, in case No. 1-66/2026 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkK29.

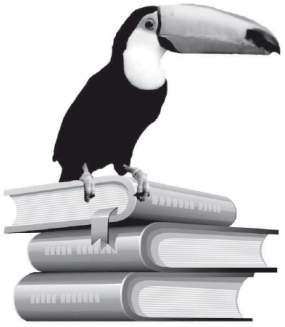
[18] Judgment No. 1-1-50/2026 1-50/2026

dated March 22, 2026, in case No. 1-1-50/2026 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkK7N.

[19] Appellate Ruling No. 22-1187/2026 dated April 21, 2026 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkK8Z.

[20] Appellate Ruling No. 10-1434/2026 dated March 30, 2026 // SudAkt.ru URL: https://clck.ru/3WkKAb.

[21] The State of Crime in Russia, January–December 2025. Moscow: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. P. 4.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-347-350

МИНИН Александр Александрович,
ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова», Владивосток, майор полиции, кандидат юридических наук,
e-mail: novelzx@gmail.com

АЛИЕВ Максим Мустакимович,
Академия управления МВД России, Москва, подполковник полиции, кандидат юридических наук,
e-mail: aliev.alievso@yandex.ru

СЛЕДСТВЕННЫЙ ОСМОТР КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена следственному осмотру как элементу методики расследования ятрогенных преступлений. Специфика данной категории дел обусловлена сосредоточением сведений о преступлении в медицинской документации и быстрым уничтожением следов в силу корпоративной солидарности медицинских работников. Рассматриваются виды осмотра и объекты изъятия и процессуальные условия осмотра.*

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, ятрогенные деяния, следственный осмотр, осмотр документов, осмотр предметов, осмотр места происшествия, наружный осмотр трупа, медицинская документация, медицинская карта, фальсификация документов.*

Для цитирования: *Минин А. А., Алиев М. М. Следственный осмотр как элемент методики расследования ятрогенных преступлений // Право и управление. 2026. № 10. С. 347–350.*

MININ Alexander Alexandrovich,
Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Police Major, Candidate of Legal Sciences

ALIEV Maxim Mustakimovich,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Police Lieutenant Colonel, Candidate of Legal Sciences

INVESTIGATIVE INSPECTION AS AN ELEMENT OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING IATROGENIC CRIMES

Annotation. *The article is devoted to investigative inspection as an element of the methodology for investigating iatrogenic crimes. The specificity of this category of cases is determined by the concentration of information about the crime in medical documentation and the rapid destruction of traces due to the corporate solidarity of medical workers. The types of inspection, the objects subject to seizure, and the procedural conditions of inspection are considered.*

Key words: *iatrogenic crimes, iatrogenic acts, investigative inspection, inspection of documents, inspection of objects, inspection of the scene, external examination of the corpse, medical documentation, medical record, falsification of documents.*

For citation: *Minin A. A., Aliev M. M. Investigative inspection as an element of the methodology for investigating iatrogenic crimes. Law and administration. 2026;(10):347–350. (In Russ.).*

Современная медицинская практика характеризуется усложнением диагностических и лечебных технологий, расширением объема вмешательств и, как следствие, возрастанием риска причинения вреда здоровью пациента. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема ятрогенных преступлений, то есть виновных общественно опасных деяний медицинских работников или лиц, незаконно занимающихся частной медицинской практикой, совершенных ими в процессе медицинской помощи либо при необходимости ее оказания, вопреки установленным правилам и требованиям, а также положений медицинской науки и практики, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, заключающееся в наступлении смерти человека и (или) причинении тяжкого вреда его здоровью, а равно в гибели человеческого плода, либо создавших реальную угрозу их нарушения [5, с.16].

Расследование данной категории дел сопряжено со значительными трудностями, обусловленными как спецификой профессиональной деятельности, так и особенностями формирования доказательственной базы. Сведения о событии ятрогенного преступления сосредоточены преимущественно в медицинской документации, а следы в силу высокой корпоративной солидарности медицинских работников уничтожаются в кратчайшие сроки. Указанное обстоятельство предъявляет повышенные требования к производству следственных действий, среди которых центральное место занимает следственный осмотр.

Следственный осмотр по данной категории дел всегда производится в неблагоприятных условиях. Традиционно, как и при производстве любого следственного действия следователь обязан соблюдать такие общие принципы, как законность, уважение чести и достоинства личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, своевременность, всесторонность и полнота, объективность, методичность, целеустремлённость и последовательность [4, с. 38]. Производство осмотра подчинено императивным требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующим процессуальный статус участников следственного действия, их права и обязанности. Например один из элементов законности устанавливает запрет на совершение при осмотре действий, унижающих честь и достоинство участников либо создающих опасность для их жизни и здоровья. Не менее значима своевременность осмотра, производство данного следственного действия в максимально сохранённой первоначальной обстановке позволяет зафиксировать следы до их утраты или видоизменения и тем самым обеспечить собирание относимых, достаточных, достоверных и допустимых доказательств по уголовному делу.

Всесторонность и полнота осмотра достигаются планированием следственного действия и применением технических средств фиксации – составлением планов, схем, фототаблиц, все это в совокупности обеспечивает закрепление и исследование следов в полном объеме. Объективность требует отражения в протоколе всех обстоятельств осмотра без избирательности и субъективных оценок, что служит предпосылкой достоверности его результатов. Принцип целеустремлённости и последовательности обусловливает выбор наиболее эффективных приёмов и методов, направленных на выявление и расследование рассматриваемых преступлений.

При расследовании данной категории дел принято выделять следующие виды следственного осмотра: осмотр предметов и документов; осмотр места происшествия; осмотр трупа.

При проведении осмотра предметов и документов следователь должен в первую очередь установить, где содержится информация об оказанной потерпевшему медицинской помощи, соблюдены ли правила оформления документации, просматриваются ли визуально в ней исправления, дописки и иные признаки, свидетельствующие о фальсификации документов. В научно-методологической литературе выделяются следующие способы фальсификации данных, содержащихся в медицинской документации: описательный – неверное описание самого процесса оказания медицинскими работниками помощи, а также неуказание способов, методов лечения и лекарственных препаратов; аналитический – получение неправильного результата анализа; синтетический - составление медицинскими работниками ложного вывода [3, с. 263]. В процессе осмотра следователю необходимо обратить внимание на какие-либо исправления, подчистки, замены или отсутствие листов в документах, дописки либо разницу в почерке и чернилах, что потенциально свидетельствует о переписывании отдельных частей документов.

В ходе следственного осмотра все интересующие органы предварительного следствия предметы и документы изымаются, фиксируются посредством фотосъемки при необходимости с них изготавливаются копии. В случае если информация содержится на электронных носителях, следователь привлекает к участию специалиста в целях получения доступа к ней, специалист извлекает необходимые файлы (при необходимости в том числе программы), после чего упаковывает их для направление на дальнейшее исследование. Поскольку Приказом Федерального агентства по

техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 407-ст утвержден национальный стандарт Российской Федерации «Электронная история болезни» [6], допускается ведение электронной истории болезни. Как правило, в ходе следственного осмотра изымается, фиксируется и изучается документация, входящая в приложение к письму Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 декабря 2015 г. № 13-2/1538 «О сроках хранения медицинской документации» [7], это может быть медицинская карта стационарного больного, журнал записи оперативных вмешательств, журнал учета приема пациентов и отказов в госпитализации в стационаре и т.п., а также все документы и результаты обследований, хранящиеся у потерпевшего или его родственников.

В целях фиксации необходимых предметов и документов составляется протокол осмотра, состоящий из трех основных частей: вводной, описательной и заключительной. При осмотре в больнице, понятых целесообразно привлекать даже при наличии технических средств фиксации, также при необходимости привлекать специалистов: незаинтересованного (внешнего) медицинского работника, поскольку последний содействует в определении типичных мест хранения медицинской документации и биологических объектов интересующие органы предварительного следствия и специалиста в области информационных технологий, для оказания содействия при осмотре, фиксации и изъятии электронных носителей информации, а также иных лиц в зависимости от складывающейся ситуации. Описательная часть протокола содержит общий вид документов, их наименование, реквизиты, содержание, подписи, оттиски печатей и штампы.

Помимо этого, изъятию и осмотру подлежат не только документы, содержащие сведения о картине лечения пациента, но и материалы, характеризующие медицинских работников: приказы о назначении их на должность, должностные обязанности, пределы компетенции, сведения о взысканиях и поощрениях, документы об уровне образования и повышении квалификации, а также сведения об отношении к исполнению непосредственных обязанностей [1, с. 27].

В ходе осмотра следователь также изымает, фиксирует и исследует медицинские инструменты, применявшиеся медицинскими работниками при осуществлении манипуляций в отношении потерпевшего, ампулы использованных лекарственных препаратов, упаковку к ним, а также медицинскую аппаратуру, применявшуюся при лечении. Устанавливается сам факт наличия указанных предметов и их исправность, поскольку они могут нести на себе следы и служить доказательствами по уголовному делу.

Немаловажным аспектом при производстве следственного осмотра является осмотр помещений медицинской организации. При осмотре помещений, в которых оказывалась медицинская помощь потерпевшему, следователь устанавливает условия, в которых он находился, факторы, способствовавшие наступлению ятрогенных последствий, а также соответствие данных условий требованиям, предусмотренным нормативными документами. Следует отметить, что осмотр помещений позволяет установить, имелась ли у медицинских работников реальная возможность оказать надлежащую помощь (наличие необходимого исправного оборудования и препаратов), и тем самым подтвердить либо опровергнуть факт преступного бездействия.

В случае производства осмотра трупа следователь привлекает к участию судебно-медицинского эксперта, а при невозможности врача. Указанное лицо проводит общий и детальный осмотр. В первую очередь фиксируются положение, поза, ложе трупа, исследуется тело и описываются все повреждения на нем, а также близлежащие предметы и инструменты. По окончании осмотра тело фиксируется посредством производства сигналетической фотосъемки [2, с. 75].

Таким образом, следственный осмотр выступает необходимым элементом методики расследования ятрогенных преступлений, обеспечивающим восприятие следователем картины произошедшего, отыскание следов и объектов, имеющих значение для уголовного дела и создание доказательственной базы для последующего экспертного исследования. Эффективность его результатов детерминирована процессуальной безупречностью производства, содержащих врачебную тайну, а также своевременностью изъятия предметов и документов.

Список литературы:

[1] Венев Д.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12 / Венев Дмитрий Александрович. – М., 2016. – 250 с.

[2] Курс лекций по криминалистике для бакалавров : Учебное пособие / Под редакцией М.К. Каминского, А.М. Каминского. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Ижевск : Ижевский институт компьютерных исследований, 2015. – 332 с.

[3] Миронова, А. С. Общая характеристика ятрогенных преступлений, виды и причины их появления / А. С. Миронова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 4, № 11-2. – С. 261-265.

[4] Тузлукова, М. В. Следственный осмотр

и судебно-экспертное исследование предметов при расследовании ятрогенных преступлений / М. В. Тузлукова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 36-40.

[5] Хазизулин, В. Б. Научные основы расследования преступлений, совершённых при оказании медицинской помощи : Монография / В.Б. Хазизулин. – Владивосток : Университет прокуратуры РФ, 2026. – 160 с.

[6] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии «Об утверждении национального стандарта» от 27.12.2006 № 407-ст. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2026).

[7] Письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации «О сроках хранения медицинской документации» от 07.12.2015 № 13-2/1538. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2026).

References:

[1] Venev D.A. Forensic support for the investigation of crimes against life and health committed in the provision of medical services: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.12 / Venev Dmitry Alexandrovich. - M., 2016. - 250 s.

[2] Course of lectures on forensic science for bachelors: Textbook/Edited by M.K. Kaminsky, A.M. Kaminsky. - Edition 2, revised and supplemented. - Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Research, 2015. - 332 p.

[3] Mironova, A. S. General characteristics of iatrogenic crimes, types and reasons for their appearance / A. S. Mironova // Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University." – 2019. - VOL. 4, NO. 11-2. - S. 261-265.

[4] Tuzlukova, M.V. Investigative examination and forensic study of objects in the investigation of iatrogenic crimes / M.V. Tuzlukova // Theory and practice of forensic examination. – 2022. - T. 17, NO. 2. - S. 36-40.

[5] Khazizulin, V. B. Scientific foundations of the investigation of crimes committed in the provision of medical care: Monograph / V. B. Khazizulin. - Vladivostok: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2026. - 160 s.

[6] Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology "On Approval of the National Standard" dated 27.12.2006 No. 407-st. Access from Consultant-Plus legal reference system (date of application 20.10.2026).

[7] Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation "On the shelf life of medical documentation" dated 07.12.2015 No. 13-2/1538. Access from Consultant-Plus legal reference system (date of application 20.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-351-356
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ХАРИНА Ольга Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: 79319057477@yandex.ru

БЕРДАШКЕВИЧ Мария Андреевна,
магистр кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: Maria.berdashkevitch@yandex.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОЙ УСЛУГИ И МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 238 УК РФ

Аннотация. *В статье анализируются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в сфере пластической хирургии и косметологии. Рассматриваются доктринальные и правоприменительные сложности разграничения косметологической услуги и медицинского вмешательства для целей квалификации по ст. 238 УК РФ. Исследуются последствия внесения изменений в уголовное законодательство (Федеральный закон № 514-ФЗ), которыми действие указанной нормы формально выведено из сферы оказания медицинской помощи медицинскими работниками. Показано, что примечание к ст. 238 УК РФ сформулировано через субъекта (медицинский работник) и вид деятельности (медицинская помощь), а не через характер конкретной процедуры, что создаёт риск фактической декриминализации значительной части деяний в эстетической медицине, включая пластическую хирургию и инвазивную косметологию. На основе анализа выявленных противоречий формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и восстановлению баланса между защитой прав пациентов и обоснованной декриминализацией профессиональной деятельности врачей.*

Ключевые слова: *пластическая хирургия, косметологические услуги, медицинское вмешательство, медицинская помощь, статья 238 УК РФ, уголовная ответственность врачей, безопасность услуг, разграничение составов, правовая реформа.*

Для цитирования: *Харина О. Д., Бердашкевич М. А. Преступления в пластической хирургии: критерии разграничения косметологической услуги и медицинского вмешательства для целей квалификации по ст. 238 УК РФ // Право и управление. 2026. № 10. С. 351–356.*

KHARINA Olga Dmitrievna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

BERDASHKEVICH Maria Andreevna,
Master's degree holder in the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure of Pskov State University

CRIMES IN PLASTIC SURGERY: CRITERIA FOR DIFFERENTIATING BETWEEN A COSMETOLOGICAL SERVICE AND MEDICAL INTERVENTION FOR THE PURPOSES

OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 238 OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE

Annotation. *The article analyzes current issues related to the criminal-legal assessment of acts committed in the field of plastic surgery and cosmetology. It examines the doctrinal and law-enforcement difficulties associated with distinguishing between cosmetic services and medical interventions for the purposes of qualification under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The consequences of introducing amendments to criminal legislation (Federal Law No. 514-FZ), which formally exclude medical care provided by medical workers from the scope of this provision, are investigated. It is shown that the footnote to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation is formulated through the subject (medical worker) and the type of activity (medical care) rather than through the nature of a specific procedure, which creates a risk of actual decriminalization of a significant part of acts in aesthetic medicine, including plastic surgery and invasive cosmetology. Based on the analysis of the identified contradictions, proposals are formulated to improve the regulatory framework and restore the balance between protecting patients' rights and the justified decriminalization of doctors' professional activities.*

Key words: *plastic surgery, cosmetic services, medical intervention, medical care, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability of doctors, safety of services, delimitation of compositions, legal reform.*

For citation: *Kharina O. D., Berdashkevich M. A. Crimes in plastic surgery: criteria for differentiating between a cosmetological service and medical intervention for the purposes of qualification under article 238 of the Russian Federation criminal code. Law and administration. 2026;(10):351–356. (In Russ.).*

Современный рынок эстетических услуг демонстрирует стремительный рост, сопровождающийся размыванием границ между классической косметологией и инвазивными медицинскими манипуляциями. Эта тенденция порождает серьёзные вызовы для правоприменительной системы: если контурная пластика или инъекции ботулотоксина проводятся в салоне красоты лицом без медицинского образования, возникает вопрос о юридической квалификации последствий. Должна ли такая деятельность рассматриваться как незаконное оказание медицинских услуг или как некачественная бытовая услуга? Ответ на этот вопрос имеет ключевое значение для применения уголовной ответственности, в частности статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [1], предусматривающей наказание за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

До недавнего времени статья 238 УК РФ выступала одним из основных инструментов привлечения к ответственности медицинских работников, включая пластических хирургов, за причинение вреда здоровью пациента. Однако принятый в конце 2024 года Федеральный закон № 514-ФЗ кардинально изменил сложившийся правовой ландшафт, внеся примечание, согласно которому действие статьи 238 не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи [2]. Данная новелла, с одной стороны, защищает врачей от необоснованного уголовного преследования, с другой - создаёт риск формирования «серых зон» в сфере эстетической медицины, где отсутствие четких критериев разграничения услуги и вмешательства может привести к уходу виновных от ответственности.

Статья 238 УК РФ традиционно рассматривалась как норма общерегулятивного характера, направленная на защиту здоровья населения от небезопасных товаров и услуг. Её диспозиция охватывает деяния в форме производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности, а равно выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Длительное время в судебной практике доминировал подход, согласно которому медицинская помощь рассматривалась как разновидность услуги. Это позволяло квалифицировать некачественное лечение по ст. 238 УК РФ. Как отмечают исследователи, такой подход имел для обвинения ряд процессуальных преимуществ, в частности значительно более длительные сроки давности привлечения к ответственности (до 10 лет) по сравнению со специализированными «медицинскими» составами, предусмотренными статьями 109 и 118 УК РФ, где срок давности существенно меньше [5, с. 30–41].

Именно разница в сроках давности стала катализатором массового применения «общей» статьи против врачей. Правоохранительные органы нередко переквалифицировали деяния медиков со ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) на ст. 238, чтобы выиграть время для проведения сложных судебно-медицинских экспертиз, неизбежных при расследовании ятрогенных преступлений. Вместе с тем в науке уголовного права высказывались и обоснованные сомнения в кор-

ректности такого подхода. Ключевое различие кроется в субъективной стороне преступления: в доктрине преобладает позиция, согласно которой состав, предусмотренный ст. 238 УК РФ, относится к умышленным. Однако в реальной клинической практике пластической хирургии неблагоприятные исходы чаще являются следствием неосторожности, врачебной ошибки или недостаточной квалификации, но не прямого умысла врача на причинение вреда. Применение «умышленной» статьи к «неосторожным» деяниям противоречило фундаментальным принципам уголовного права, что и послужило доктринальной основой для последующей реформы. При этом следует оговориться, что вопрос о субъективной стороне ст. 238 УК РФ остаётся дискуссионным: ряд авторов допускает неосторожную форму вины по отношению к последствиям.

С введением примечания к ст. 238 УК РФ вопрос разграничения понятий «медицинская помощь», «медицинское вмешательство» и «косметологическая (бытовая) услуга» приобрел не только теоретическое, но и сугубо практическое значение для квалификации. Если инъекции или операции проводит медицинский работник в рамках медицинской помощи, ст. 238 не применяется. Если же аналогичные действия совершает лицо, не являющееся медицинским работником, либо услуга по своему характеру не является медицинской, уголовная ответственность по ст. 238 может наступить в полном объёме [2].

Здесь необходимо терминологическое уточнение. В Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] медицинская помощь определяется как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья; медицинское вмешательство - как конкретное действие медицинского работника, выполняемое в отношении пациента; медицинская услуга - как действие или комплекс действий медицинского характера. В свою очередь, косметологическая услуга может включать как медицинские (инвазивные), так и немедицинские (бытовые) манипуляции. Именно это терминологическое разграничение имеет решающее значение для применения примечания к ст. 238 УК РФ.

Как подчеркивается в научной литературе, нормы ст. 238 УК РФ изначально не распространялись на деятельность медицинских работников по оказанию медицинской помощи. Систематическое толкование законодательства об охране здоровья граждан и историческое толкование уголовного закона позволяют выделить причины, ввиду которых практика пошла по противоположному пути и стала признавать медиков, оказывающих медицинскую помощь, субъектами преступлений по статье об ответственности за небезопасные услуги [5, с. 30–41]. Именно это противоречие и было устранено законодателем в конце 2024 года.

Однако анализ новой редакции закона показывает, что примечание сформулировано через субъекта и вид деятельности, а не через характер конкретной процедуры. Это означает, что под его защиту попадают все случаи оказания медицинской помощи медицинским работником - включая пластическую хирургию и инвазивную косметологию, даже если они выполняются в коммерческих целях и не преследуют терапевтических задач. Тем самым декриминализация, о которой говорят исследователи, является не столько частичной, сколько фактически полной для любых деяний медицинских работников, формально осуществляемых в рамках медицинской помощи. Это ключевой вывод, который необходимо учитывать при оценке последствий реформы.

С точки зрения квалификации по ст. 238 УК РФ можно выделить следующие критерии отграничения.

Субъектный состав. Наличие у исполнителя медицинского образования и действующего сертификата специалиста. При этом необходимо различать самого медицинского работника и лицензиата - медицинскую организацию или индивидуального предпринимателя, имеющего лицензию на осуществление медицинской деятельности. Лицензия выдаётся не работнику, а организации (либо ИП), поэтому её отсутствие у клиники само по себе не лишает конкретного врача статуса медицинского работника, но может свидетельствовать о незаконности осуществления медицинской деятельности. Отсутствие у исполнителя медицинского образования и сертификата при проведении инвазивной процедуры (например, увеличение губ или введение нитей) выводит деяние из-под действия примечания к ст. 238 и может квалифицироваться по ст. 238 (если услуга небезопасна), по ст. 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской деятельности) либо по статьям о причинении вреда здоровью - в зависимости от последствий и формы вины.

Инвазивность и риски. Процедуры, связанные с нарушением целостности кожных покровов, слизистых, введением в кровоток фармакологических субстанций, безусловно, относятся к медицинским вмешательствам. Косметологическая услуга немедицинского характера (маски, чистки, массажи) такими признаками не обладает.

Целеполагание. Медицинское вмешательство всегда направлено на терапевтические или диагностические цели. В пластической хирургии этот критерий размыт, поскольку операции проводятся по эстетическим показаниям. Тем не менее закон рассматривает эстетическую хирургию как вид медицинской помощи, если она выпол-

няется в лицензированной медицинской организации.

Характер услуги. Если процедура по своей сути является медицинской (инвазивной, требующей специальных знаний и навыков), но выполняется вне медицинской организации лицом без соответствующей подготовки, речь идёт о незаконном оказании медицинских услуг. Если же процедура относится к бытовым услугам (татуаж, пирсинг, наращивание ресниц), но выполнена с нарушением требований безопасности и повлекла вред, возможно применение ст. 238 УК РФ.

Несмотря на благие намерения законодателя, исключившего медицинских работников из-под действия ст. 238 УК РФ, анализ новой редакции закона выявляет ряд существенных проблем и пробелов.

Первая проблема - «гибридные» услуги. В условиях современной индустрии красоты активно практикуются процедуры, находящиеся на стыке косметологии и медицины. Например, проведение плазмолифтинга или биоревитализации в косметологическом кабинете, где работает дипломированная медсестра, но отсутствует лицензия у организации. В такой ситуации сложно определить, была ли оказана «медицинская помощь» в смысле примечания к ст. 238. Если нет - деяние подпадает под действие уголовного закона, но доказать умысел на оказание небезопасной услуги бывает крайне затруднительно, так как формально у исполнителя есть образование и сертификат.

Вторая проблема - уход от ответственности за ятрогенные преступления. Исключение ст. 238 УК РФ для врачей создаёт риски, связанные с истечением сроков давности по ст. 109 и 118 УК РФ. С учётом того, что судебно-медицинские экспертизы по делам о врачебных ошибках могут длиться годами, срок давности нередко истекает до вынесения приговора. Это приводит к тому, что врачи, допустившие грубейшие нарушения, освобождаются от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Таким образом, декриминализация, достигнутая путём принятия закона № 514-ФЗ, может обернуться снижением уровня защиты прав пациентов.

Третья проблема - неопределённость субъективной стороны. Научная дискуссия продолжается вокруг вопроса о том, применима ли вообще статья 238 к сфере услуг, где вред причиняется по неосторожности. Ряд авторитетных учёных настаивает на том, что изначальное применение ст. 238 к медицинской деятельности было ошибочным и противоречило конструкции состава преступления. Однако их оппоненты указывают на то, что в сфере пластической хирургии известны случаи оказания заведомо небезопасных услуг («филлеры кустарного производства», операции в антисанитарных условиях), где умысел исполнителя очевиден, и такие случаи должны квалифицироваться именно по ст. 238. Но примечание к статье теперь запрещает это делать, если преступление совершено медицинским работником.

Четвёртая проблема - конкуренция составов. Деяния, связанные с незаконным оказанием медицинских услуг, могут конкурировать со ст. 235 УК РФ. При этом ст. 235 УК РФ в редакции Федерального закона от 28.12.2024 № 514-ФЗ также претерпела изменения: усилена ответственность за незаконную медицинскую деятельность, повлёкшую по неосторожности причинение вреда здоровью. Соотношение ст. 235 и ст. 238 УК РФ требует самостоятельного доктринального осмысления, поскольку примечание к ст. 238 фактически «выталкивает» значительную часть деяний в сферу действия ст. 235 УК РФ.

Следует отметить, что обозначенные проблемы находятся в центре внимания не только научного сообщества, но и высших судебных инстанций. В июне 2025 года на расширенном заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации обсуждались вопросы применения положений статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников в связи с принятием Федерального закона № 514-ФЗ. Активная научная дискуссия продолжается и в 2026 году: в марте 2026 года состоялся круглый стол на тему «Проблемы применения примечания к ст. 238 УК РФ» с участием ведущих специалистов в области уголовного права.

Для преодоления описанных коллизий представляется необходимым комплексное совершенствование нормативной базы, учитывающее специфику эстетической медицины как сферы повышенного риска.

Во-первых, легальное закрепление статуса косметологических услуг. Целесообразно внести изменения не только в Федеральный закон № 323-ФЗ [3], но и в подзаконные акты (номенклатуру медицинских услуг, лицензионные требования), чётко определив, какие именно манипуляции в области эстетики (пирсинг, татуаж, некоторые виды инъекций) не относятся к медицинским вмешательствам, даже если выполняются лицами с медицинским образованием. Это позволит применять к нарушителям ст. 238 УК РФ без оговорок.

Во-вторых, модификация примечания к ст. 238 УК РФ. Формулировка «не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи» нуждается в уточнении. Следует дополнить её фразой «…за исключением случаев, если медицинская помощь заведомо для медицинского работника не соответствовала обязательным требованиям безопасности». Это вернёт в орбиту действия ст. 238 случаи умышленного оказания небезопасной помощи, сохранив защиту врачей от необоснованного пре-

следования за неосторожные ошибки. При этом случаи обмана потребителя должны квалифицироваться по совокупности со ст. 159 или 200.5 УК РФ, а не поглощаться ст. 238.

В-третьих, пересмотр сроков давности по «медицинским» составам. Необходимо учитывать, что по ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда по неосторожности) срок давности уже составляет 6 лет, поскольку это преступление средней тяжести. По ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей) срок давности составляет 2 года, так как это преступление небольшой тяжести. Для компенсации утраты возможности привлекать врачей по ст. 238 целесообразно либо перевести ч. 2 ст. 109 УК РФ в категорию средней тяжести, либо специально увеличить срок давности по ней до 5–6 лет. Это не позволит виновным уходить от ответственности ввиду формального истечения сроков.

В-четвёртых, разъяснение Пленума Верховного Суда РФ. В свете новых изменений необходимо принятие обновлённого Постановления Пленума Верховного Суда РФ (в развитие действующего Постановления от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ») [4], которое детально разъяснило бы судам: что понимать под «медицинской помощью» применительно к деятельности пластических хирургов и косметологов; как отграничивать косметологическую услугу, подпадающую под действие ст. 238, от медицинского вмешательства, выведенного из-под её действия; каковы критерии субъективной стороны для лиц без медицинского образования, оказывающих платные услуги в сфере эстетики.

Пластическая хирургия и косметология занимают особое место в системе здравоохранения, сочетая медицинские технологии с коммерческой составляющей сферы услуг. Принятие Федерального закона № 514-ФЗ, исключившего медицинскую помощь из-под действия статьи 238 УК РФ, стало важным шагом на пути к гуманизации уголовной политики в отношении врачей. Однако этот шаг обнажил глубинные системные проблемы: размытость границ между услугой и вмешательством, дефекты в механизмах сроков давности и отсутствие специальных составов для умышленных нарушений в медицине.

Как справедливо отмечают Н.Е. Крылова и П.П. Степанов, вопреки распространившемуся мнению, масштабных изменений в уголовно-правовом регулировании медицинской деятельности не произошло, и в связи с введением нового примечания имеет место лишь частичная декриминация нарушений, допущенных при оказании медицинской помощи [5, с. 30–41]. При этом, как показано в настоящей работе, примечание сформулировано через субъекта и вид деятельности, а не через характер процедуры, что создаёт риск фактического выведения из-под ст. 238 УК РФ значительной части деяний в эстетической медицине. Для обеспечения баланса между интересами личности (пациента) и общества (безопасность медицинской деятельности) требуется не просто корректировка одной статьи, а комплексная реформа уголовно-правового регулирования медицинской деятельности. Предлагаемые меры - от легального определения косметологической услуги до увеличения сроков давности по неосторожным преступлениям - позволят создать эффективный механизм привлечения к ответственности виновных (будь то псевдоврач в салоне или недобросовестный хирург) без ущемления прав добросовестных специалистов. Только такой подход обеспечит поступательное развитие эстетической медицины в России и повысит доверие граждан к системе здравоохранения.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[2] Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 52 (ч. I). - Ст. 8932.

[3] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 9.

[5] Крылова Н. Е. Медицинская помощь больше не услуга? (законодательные и правоприменительные проблемы, связанные с введением примечания к ст. 238 УК РФ) / Н. Е. Крылова, П. П. Степанов // Уголовное право. - 2025. - № 8. - С. 30–41.

[6] Пикуров Н. И. Уголовно-правовая оценка ненадлежащего оказания медицинской помощи / Н. И. Пикуров // Уголовное право. - 2022. - № 5. - С. 45–54.

[7] Рарог А. И. Субъективная сторона преступлений, совершаемых медицинскими работниками / А. И. Рарог // Уголовное право. - 2021. - № 7. - С. 40–48.

[8] Степанов П. П. Уголовная ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности : дис. … канд. юрид. наук :

12.00.08 / Степанов Павел Павлович. - М., 2021. - [Без указания количества страниц, если неизвестно].

[9] Тихонова, С. С. Неосторожные преступления медицинских работников: проблемы квалификации и законодательной регламентации / С. С. Тихонова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2021. - № 2 (54). - С. 120–127.

[10] Шарапов Р. Д. Преступления против здоровья населения: вопросы теории и практики / Р. Д. Шарапов // Российский юридический журнал. - 2021. - № 3. - С. 88–99.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 25. - Art. 2954.

[2] Federal Law of 28.12.2024 No. 514-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 52 (part I). - Art. 8932.

[3] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended by 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2011. - № 48. - Art. 6724.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2019 No. 18 "On judicial practice in cases of crimes provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2019. - № 9.

[5] Krylova N.E. Medical care is no longer a service? (legislative and law enforcement problems associated with the introduction of a note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation)/ N.E. Krylova, P.P. Stepanov // Criminal Law. - 2025. - № 8. - S. 30-41.

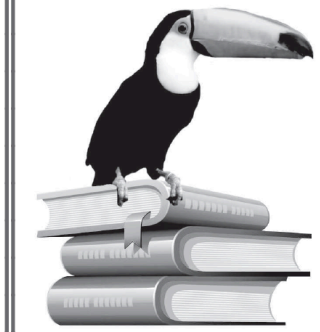
[6] N. I. Pikurov. Criminal Law Assessment of Inadequate Medical Care/N. I. Pikurov // Criminal Law. - 2022. - № 5. - S. 45-54.

[7] Rarog A.I. The subjective side of crimes committed by medical workers / A.I. Rarog // Criminal law. - 2021. - № 7. - S. 40-48.

[8] Stepanov P. P. Criminal liability for the provision of services that do not meet safety requirements: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / Stepanov Pavel Pavlovich. - M., 2021. - [No number of pages if unknown].

[9] Tikhonova, S. S. Careless crimes of medical workers: problems of qualification and legislative regulation / S. S. Tikhonova // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - № 2 (54). - S. 120-127.

[10] Sharapov R. D. Crimes against public health: questions of theory and practice / R. D. Sharapov // Russian Law Journal. - 2021. - № 3. - S. 88-99.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-357-363
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАРКОВА Надежда Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Института права и экономики ФГБОУ ВО Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г.Улан-Удэ, Россия,
e-mail: mihahanovanadezhda@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *Статья посвящена гражданско-патриотическому воспитанию как одной из эффективных мер предупреждения распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних. В последние годы гражданско-патриотическому воспитанию в нашей стране уделяется значительное внимание, оно получило законодательное закрепление на всех уровнях власти, что свидетельствует о его признании и потребности в современное время. Положительный опыт регионов в этом направлении свидетельствует о большом потенциале гражданско-патриотического воспитания, о его реальной способности конкурировать с криминальной субкультурой, поскольку оно может удовлетворять те же потребности подростка как в признании, статусе и принадлежности к патриотическому объединению. Однако, предупредительный эффект патриотического воспитания не измеряется, учитывается лишь массовый охват участников, существуют недостатки в адресной работе с детьми из группы риска, профилактика правонарушений не осуществляется совместно. В статье предложены меры по решение указанных проблем.*

Ключевые слова: *гражданско-патриотическое воспитание, криминальная субкультура, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, молодежная политика, «АУЕ», Республика Бурятия.*

Для цитирования: *Маркова Н. С. Гражданско-патриотическое воспитание как альтернатива криминальной субкультуре в подростковой среде // Право и управление. 2026. № 10. С. 357–363.*

MARKOVA Nadezhda Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminalistics Institute of Law and Economics Buryat State University named after Dorzhi Banzarov Ulan-Ude, Russia

CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION AS AN ALTERNATIVE TO CRIMINAL SUBCULTURE AMONG ADOLESCENTS

Annotation. *This article focuses on civic-patriotic education as an effective measure for preventing the spread of criminal subculture among minors. In recent years, significant attention has been devoted to civic-patriotic education in our country; it has been formally enshrined in legislation at all levels of government, which testifies to its recognition and its necessity in the modern era. The positive experience of various regions in this area demonstrates the significant potential of civic-patriotic education and its genuine capacity to compete with criminal subcultures, as it can satisfy the same adolescent needs—such as the desire for recognition, status, and a sense of belonging—within a patriotic organization. However, the preventive impact of patriotic education is not currently measured; instead, only the total number of participants is tracked. Furthermore, there are shortcomings in targeted outreach to at-risk youth, and efforts to prevent juvenile delinquency are not carried out in a coordinated, collaborative manner. This article proposes measures to address these issues.*

Key words: *civic-patriotic education, criminal subculture, juvenile delinquency, crime prevention, youth policy, «AUE», Republic of Buryatia.*

For citation: *Markova N. S. Civic and patriotic education as an alternative to criminal subculture among adolescents. Law and administration. 2026;(10):357–363. (In Russ.).*

В последние годы в нашей стране отмечается резкий рост преступности несовершеннолетних.

В 2025 году несовершеннолетними и при их соучастии совершено 29, 1 тыс. преступлений (в 2022 году - 30, 5 тыс. преступлений, в 2023 году - 27, 3 тыс. преступлений, в 2024 году - 26, 4 тыс. преступлений) , в том числе особо тяжких - 6, 2 тыс. преступлений (в 2022 году - 2, 3 тыс. преступлений, в 2023 году - 3 тыс. преступлений, в 2024 году - 4, 2 тыс. преступлений). [1]

Как отмечает председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин «… наблюдается устойчивая динамика увеличения количества несовершеннолетних, которые совершают криминальные посягательства в составе организованной группы или преступного сообщества».[2]

Также отмечается рост числа преступлений террористического характера, совершенных несовершеннолетними. Если в 2024 году к уголовной ответственности были привлечены 98 человек, то в первом полугодии 2026 года уже 196 подростков были уличены в подобных деяниях. [3]

Групповая форма, участие и влияние взрослых лиц, тяжкий и насильственный характер совершаемых преступлений, указывают на то, что значительная часть указанных преступлений регулируется нормами криминальной субкультуры. В ряде регионов, которые исторически служили местом ссылки, каторги, лагерей эта проблема стоит особенно остро. Так, в Республике Бурятия в прошлом году зафиксирован резкий скачок подростковой преступности. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними, выросло на 26% (с 398 до 501 эпизода). Это значительно выше, чем в среднем по России (10,1%) и по ДФО (5,5%).[4] Для сравнения в 2020 году удельный вес таких преступлений в Республике Бурятия и Забайкальском крае был одинаков (5,7% при 3,7% по стране), и по уровню подростковой преступности в расчете на 100 тыс. лиц в возрасте 14-17 лет Забайкальский край занял третье место в России. О существовании движения «АУЕ» в своем регионе в 2018 г. знали 82 % опрошенных жителей Забайкальского края и 62 % жителей Республики Бурятия [5].

В ответ на распространение криминальной субкультуры государство ответило установлением запретов. Так в 2020 году международное общественное движение «Арестантское уголовное единство»» было признано Верховным судом России экстремистским и запрещено на территории РФ. Федеральный закон 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ закрепил в ст.150 УК РФ квалифицированный состав преступления, предусматривающий ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В 2025 году по требованию Роскомнадзора было удалено более 52,2 тыс. материалов, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность. [6]

Криминализация рассматриваемого движения выступила как признание давно существовавшей проблемы и выступила способом устранить саму организационную оболочку явления. На наш взгляд, такой подход все же оставил в обществе само содержательное ядро с криминальными ценностями, правилами, традициями и прочими элементами, а самое главное не затронул причин, по которым подросток в это вовлекается. Криминальная субкультура выступает для несовершеннолетних как смыслообразующее явление, поэтому бороться с ней необходимо путем вытеснения конкурирующей нормативной системой, основанной не на уголовно-правовом запрете, а прежде всего на воспитании.

В последние годы в России особо внимание уделяется внедрению гражданско-патриотического воспитания населения, в том числе и несовершеннолетних. Патриотическое воспитание рассматривается как созидательная альтернатива деструктивным формам молодежной самоорганизации [7] и как канал социализации подростков, склонных при отсутствии организованных форм досуга объединяться в антисоциальные группы [8]. И.А. Попп, И.С. Попп и И.С. Шахнович прямо называют молодежные патриотические общественные организации альтернативой криминальной субкультуре [9, с. 58].

Цель исследования - выяснить, как именно гражданско-патриотическое воспитание несовершеннолетних может противостоять распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, определить и раскрыть сам механизм реализации.

Для это необходимо объяснить следующее, во-первых, каким образом патриотическое воспитание может составить конкуренцию криминальной субкультуре, во-вторых, проанализировать нормативную основу гражданского- патриотического воспитания в России, а также определить недостатки его реализации.

Применены формально-юридический метод при анализе федерального и регионального законодательства и документов стратегического планирования, статистический метод при обработке

данных уполномоченных по правам ребенка, метод анализа документов и конкретно-социологический метод. Эмпирическую основу составили также результаты анонимного анкетирования 44 214 обучающихся (учеников 7-11 классов, студентов колледжей и вузов) и 8035 педагогических работников Республики Бурятия, проведенного в марте-апреле 2021 г. ГБОУ «Республиканский центр образования» при участии автора.[10].

Криминальная субкультура интересна и притягательна для подростка прежде всего своими ценностями и правилами, она предлагает быть частью уже сформированной группы, иметь в ней свое положение и статус, «псевдоуважение» со стороны старших «товарищей» и признание. Факт признания старшими, служит как личное самоутверждение, что само по себе необходимо ребенку в подростковом возрасте.

На социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ», не сводимые к пропаганде, указывается и в социологической литературе [11].

По данным анкетирования обучающихся школ Республики Бурятия в 2021 году доля школьников, слышавших об «АУЕ», по сравнению с 2017 г. сократилась с 77,6 до 43,9 %, а доля тех, кого или чьих знакомых пытались вовлечь в движение, с 10,5 до 5,9 %, безразлично к ней относились 60,2 % обучающихся Республики Бурятия. [10].

Положительная динамика спада интереса к криминальному движению, не сопровождалась устойчивым формированием ее неприятия. Так, каждый шестой опрошенный (15,6 %) ответил, что в свободное время ничего не делает, и только четверть опрошенных посещают кружки и секции. С давлением через сеть «Интернет» с целью вовлечения в группы негативной направленности столкнулись 9,4 % обучающихся. Педагогами было отмечено, что акцентировать внимание стоит на организации досуга молодежи как средстве противодействия вовлечению (83,6 %), а более половины из них (52,8 %) сочли усилия государства в этой сфере недостаточными.

На наш взгляд, для противодействия распространению криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних необходима такая социальная форма, которая сможет удовлетворить те же потребности подростка, но социально одобряемыми способами. Гражданско-патриотическое воспитание предлагает такие организации как военно-патриотический клуб, поисковый или юнармейский отряд, главное качество которых, что действуют они на постоянной основе, в отличие от временных социальных проектов и смен. В указанных организациях присутствует внутренняя иерархия, своя отличительная атрибутика, правила принятия и общежития, совместная деятельность, общие цели и задачи, ритуалы и система признания заслуг.

В последние годы государство активно развивает и внедряет гражданско-патриотическое воспитание в стране. Так, основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, относят к таким ценностям «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу», а деструктивную идеологию характеризуют через «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству». [12] Криминальная субкультура как раз активно возводит культ силы, насилия и признание «понятий» криминальных сообществ выше закона, выше общепризнанных человеческих ценностей и идеалов.

Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ учредил Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых». Позже Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 550-ФЗ дополнил Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» ст. 7.2 о патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодежи. Данная норма обязывает Правительство Российской Федерации и органы власти субъектов утвердить комплексы мер в этой сфере, а также предусматривает мониторинг эффективности патриотического воспитания. Федеральный комплекс мер до 2028 г. утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 октября 2025 г. № 2970-р.

Патриотическое воспитание также получило нормативную основу своей деятельности в документах о профилактики. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2026 г. № 1272-р, связывает профилактику с формированием у несовершеннолетних «чувства патриотизма, гражданственности, уважения к закону и правопорядку».

Говоря о регионах и их практики реализации гражданско- патриотического воспитания, рассмотрим те, где официально отмечается высокий уровень преступности несовершеннолетних. Так, в Республике Бурятия действуют Закон Республики Бурятия от 14 октября 2015 г. № 1328-V «Об отдельных вопросах патриотического воспитания граждан в Республике Бурятия» и государственная программа патриотического воспитания граждан на 2024-2035 гг. По данным Министерства образования и науки Республики Бурятия

численность юнармейцев выросла с 2020 года по 2024 год, с 5401 до 11 141 человек.[13] В соседней Иркутской области с июля 2023 года действует закон № 99-ОЗ «О патриотическом воспитании граждан в Иркутской области». В Забайкальском крае действует Закон от 28 декабря 2017 г. № 1559-ЗЗК «О патриотическом воспитании в Забайкальском крае». На начало 2026 года в крае действует 36 местных отделений, в которых состоят свыше 23 тысяч юнармейцев, что составляет около 16% от общей численности молодёжи региона в возрасте от 8 до 18 лет.[14]

Стоит отметить, что внимание и вовлеченность к реализации гражданско-патриотического воспитания со стороны государства, на сегодня определена как нормативная, так и организационная основа не только на федеральном уровне, но и в регионах страны. Говоря о недостатках этого направления, стоит сказать, что не смотря на огромной масштаб и обширную деятельность фактически отсутствует криминологическая оценка результативности патриотического воспитания в стране, и причины, на наш взгляд, заложены в самой конструкции политики.

Во-первых, существующая оценка деятельности сводится к количественному охвату участников, когда же качественные характеристики такие как снятие с профилактического учета, отсутствие повторности совершения правонарушений или преступлений не исследуются. Счетная палата Российской Федерации по итогам аудита Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, опубликованным в феврале 2024 г., констатировала отсутствие критериев оценки социального эффекта мероприятий и невозможность установить даже сам охват из-за повторного учета одних и тех же участников.

Э.В. Бабаев, обобщая исследования 2019-2024 гг., относит создание инструментов диагностики патриотических ценностей к задачам на будущее [15, с. 980].

Во-вторых, основными участниками гражданско-патриотических программ, проектов, мероприятий и пр. являются благополучные подростки. Стоит отметить, что в Республике Бурятия за последний год число преступлений, совершенных несовершеннолетними, выросло аж на 25.9%, при этом число юнармейцев к 2023 году, выросло вдвое с 2020 года. Указанное напрямую не подтверждает причинно-следственную связь, но свидетельствует, что количественный охват не является показателем эффективной предупредительной деятельности.

В рассматриваемых регионах действуют специальные проекты, направленные в том числе на несовершеннолетних с девиантным поведением. В 2024 году в республике прошла 22-я региональная патриотическая смена «Сила России», ставшая одной из самых масштабных в стране — ребята, состоящие на различных видах профилактического учета, 82 ребенка провели 21 день на территории санаторно-оздоровительного лагеря «Байкальский Бор».[16] В 2024 году в Иркутской области по информации министерства образования области «Движением первых» было охвачено 3 019 обучающихся, находящихся в «группе риска». [17] В 2025 году в Забайкальском крае организована профильная смена «Ориентир. Мужское дело» для 80 несовершеннолетних с деструктивным поведением.[18] Однако, по результатам мероприятий не было опубликовано сведений о том, сколько участников в последующем было снято с профилактического учета или сколько из них повторно совершили правонарушение.

Возможно, указанная проблема сводится к тому, что существует организационный разрыв. Поскольку профилактика правонарушений несовершеннолетних и патриотическое воспитание имеют разные программы реализации.

В-третьих, патриотическая мотивация, не подкрепленная правовыми знаниями, может стать опасным инструментом вовлечения в преступную деятельность. На совместном заседании научных советов Российской академии образования в феврале 2026 г. Е.Г. Дозорцева обратила внимание на то, что просоциальные подростки попадаются на манипуляцию и обман, полагая, что защищают Родину [19, с. 181-182].

Количество детей совершивших преступления террористического и экстремистского характера за последние годы показывает стремительный рост, так в 2022 году в терактах принимали участие 30 несовершеннолетних, в 2023-м — 44, в 2024-м — 98, а в 2025-м — 249; в преступлениях экстремистской направленности в 2022 году участвовали 87 человек, в 2023-м — 52, 2024-м — 97, в 2025-м — 142. [20] Руководитель Антитеррористического центра (АТЦ) СНГ Евгений Сысоев «…по данным российских правоохранительных органов, в прошлом году 391 ребенок участвовал в преступлениях террористического и экстремистского характера. При этом фиксируется ежегодный рост числа несовершеннолетних, ставших участниками таких преступлений».[21] Дистанционный вербовщик эксплуатирует те же потребности подростка в значимости и признании, на которые опирается патриотическое воспитание.

На наш взгляд, устранение вышеизложенных недостатков возможно путем перестройки оценки и адресации деятельности. Так, статью 7.2 ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» следует дополнить криминологическим блоком, задачи которого заключаются в том, чтобы исследовать долю участников гражданско-патриотических программ из числа состоящих на

профилактическом учете, долю участников снятых с учета по итогам участия в таких программах и количество участников повторно совершивших преступления, правонарушения в этой группе в сравнении с сопоставимой группой не участвовавших в указанных программах. Тогда показатели мониторинга эффективности не будут сводится только к охвату участников.

Представляется целесообразным усилить адресную работу гражданско-патриотического воспитания, а именно проводить работу с подростками, находящимися в конфликте с законом, а образцом для тиражирования могут выступить турниры, реализуемые в Республике Бурятия и смены «Сила России» и «Ориентир» для подростков, состоящих на различных видах профилактического учета. Сбор, анализ и исследование катамнестических показателей о работе с указанными несовершеннолетними должны содержаться в комплексе мер по патриотическому воспитанию одним из разделов. А для регионов с высокими уровнем подростковой преступности этот раздел необходимо сделать обязательным.

Патриотическое воспитание и профилактику правонарушений несовершеннолетних следует соединить организационно путем включения патриотических мероприятий, адресованных несовершеннолетним состоящих на профилактическом учёте в региональные программы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с ответственным исполнителем и показателями, отображающими изменение поведения участников.

Особо хотелось отметить роль уголовно-правового обучения в рамках патриотического воспитания несовершеннолетних, для профилактики преступной манипуляции и давления на подростков. Обучение должно быть направлено на разъяснение уголовно-правовых последствий участия в преступлениях террористического и экстремистского характера, вовлечения в совершение преступлений, диверсионной и террористической деятельности и формирование навыка правовой оценки предлагаемых подростку действий. Уголовно-правовое воспитание обосновано в литературе как самостоятельное средство предупреждения преступности несовершеннолетних [22]. Уголовно-правовое обучение совместно с патриотическим воспитанием поможет подростку правильно оценить характер предлагаемых действий со стороны вербовщика и тем самым не стать жертвой преступления и самому не совершить противоправный поступок.

Гражданско-патриотическое воспитание может противостоять криминальной субкультуре, поскольку имеет свое патриотическое объединение, которое может удовлетворить потребности несовершеннолетних в признании, статусе, принадлежности и пр. Со стороны государства в последние годы отмечается колоссальная поддержка и вовлеченность, создана нормативная и организационная основа деятельности, финансирование значительное, позволяющее реализовать программы в каждом субъекте страны. Касаемо реализации отмечены недостатки. Так, результат, на сегодня, измеряется охватом участников, присутствуют несовершенства адресной работы с несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете, патриотическое воспитание и профилактика правонарушений несовершеннолетних не реализуются совместно, существует риск манипулятивного использования патриотической мотивации несовершеннолетних. Как итог, предупредительный эффект гражданско-патриотического воспитания в противодействии распространению криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних предполагается, но не проверяется. Для этого необходимо внедрить криминологические показатели мониторинга, закрепить адресатов патриотического воспитания из числа детей, состоящих в конфликте с законом, объединить патриотическое воспитание с уголовно-правовым обучением.

Список литературы:

[1] Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних до 2036 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28.05.2026 № 1272-р. URL: http://government.ru/docs/all/164829/ (дата обращения: 12.10.2026).

[1] Уровень подростковой преступности вырос в 2025 г. // Адвокатская газета: [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/uroven-podrostkovoy-prestupnosti-vyros-v-2025-g/ (дата обращения: 12.10.2026).

[3] Число совершивших террористические преступления детей выросло вдвое // РБК: [сайт]. 12.10.2026. URL: https://www.rbc.ru/society/12/10/2026/6acc6bd6a0c7b1d50af1e1a9 (дата обращения: 12.10.2026).

[4] Бурятии угрожает беспрецедентный рост подростковой преступности // Номер один: [сайт]. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/162169/ (дата обращения: 15.10.2026).

[5] Маркова Н. С., Бычкова А. М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 43–53.

[6] Роскомнадзор значительно увеличил блокировку запрещенного контента в 2025 году // Ведомости: [сайт]. 19.01.2026. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvelichil-blokirovku-zapreschennogo-kontenta (дата обра-

щения: 13.10.2026).

[7] Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: монография. Волгоград: Авторское перо, 2006.

[8] Паутов В. Г. Патриотическое воспитание подростков в процессе физкультурно-спортивной деятельности: дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 170 с.

[9] Попп И. А., Попп И. С., Шахнович И. С. Молодежные патриотические общественные организации как альтернатива криминальным субкультурам // Педагогическое образование в России. 2017. № 10. С. 56–61.

[10] Антонян Е. А., Хармаев Ю. В. К вопросу о трансформации молодежных представлений о криминальной субкультуре по результатам социологических исследований // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 64–72.

[11] Хагуров Т. А., Чепелева Л. М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 2. С. 322–339.

[12] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Рос. Федерации от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026).

[13] Движение «Юнармия» в Республике Бурятия // Портал органов власти Республики Бурятия: [сайт]. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/otdel-vospitanya/yunarmiya/ (дата обращения: 22.10.2026).

[14] Юнармия Забайкалья вошла в число лучших по итогам Всероссийского смотра // ZabNews: [сайт]. URL: https://zabnews.ru/lenta/67849-yunarmiya_zabaykalya_voshla_v_top_luchshih_po_itogam_vserossiyskogo_smotra (дата обращения: 11.10.2026).

[15] Бабаев Э. В. Научные подходы к формированию и сохранению патриотических ценностей молодежи: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, вып. 7. С. 975–982.

[16] Ежегодный доклад о результатах деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Бурятия в 2024 году и о соблюдении прав и законных интересов детей на территории Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2025. URL: https://egov-buryatia.ru/minturizm (дата обращения: 24.10.2026).

[17] Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области Т. В. Афанасьевой по вопросам соблюдения прав и законных интересов детей на территории Иркутской области в 2024 году. [Иркутск, 2025]. URL: https://irdeti.ru/biblioteka/ezhegodnye-i-spetsialnye-doklady-i-publikatsii/vse-doklady/ (дата обращения: 24.10.2026).

[18] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребёнка в Забайкальском крае и о соблюдении прав и законных интересов детей в 2025 году. Чита, 2026. URL: https://ombudschild.75.ru/action/445797-doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-i-zakonnyh-interesov-detey-i-deyatel-nosti-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-v-zabaykal-skom-krae (дата обращения: 24.10.2026).

[19] Злоказов К. В. Девиантность и деструктивность в контексте молодежной политики: проблемы, новые вызовы и подходы к решению: обзор совместного заседания научных советов Российской академии образования // Российский девиантологический журнал. 2026. Т. 6, № 1. С. 177–186.

[20] Минпросвещения: почти 400 детей участвовали в терактах и экстремистских преступлениях в 2025 году // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8709202 (дата обращения: 25.10.2026).

[21] В России в 2025 году 400 подростков участвовали в террористических преступлениях // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/27704415 (дата обращения: 25.10.2026).

[22] Стецура С. В. Уголовно-правовое воспитание как средство предупреждения преступности несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 221 с.

References:

[1] Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency until 2036: order of the Government of Ros. Federation of 28.05.2026 No. 1272-r. URL: http://government.ru/docs/all/164829/ (access date: 12.10.2026).

[1] The rate of juvenile delinquency rose in 2025 // Lawyer's newspaper: [website]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/uroven-podrostkovoy-prestupnosti-vyros-v-2025-g/ (дата обращения: 12.10.2026).

[3] The number of children who have committed terrorist crimes has doubled // RBC: [website]. 12.10.2026 URL: https://www.rbc.ru/society/12/10/2026/6acc6bd6a0c7b1d50af1e1a9 (accessed on: 12.10.2026).

[4] Buryatia is threatened by an unprecedented increase in juvenile delinquency // Number one: [website]. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/162169/ (access date: 15.10.2026).

[5] Markova N. S., Bychkova A. M. Criminal subculture in the youth environment as a criminologically significant problem in the context of

the crisis of the culture of modernity // Prologue: a journal about law. 2020. № 3. S. 43-53.

[6] Roskomnadzor significantly increased the blocking of prohibited content in 2025 // Vedomosti: [website]. 19.01.2026. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvelichil-blokirovku-zapreschennogo-kontenta (дата обращения: 13.10.2026).

[7] Vyrshchikov A. N., Kusmartsev M. B. Patriotic education of youth in modern Russian society: monograph. Volgograd: Author's pen, 2006.

[8] Pautov V. G. Patriotic education of adolescents in the process of physical culture and sports activities: dis.... cand. ped. sciences. Chelyabinsk, 2010. 170 s.

[9] Popp I.A., Popp I.S., Shakhnovich I.S. Youth patriotic public organizations as an alternative to criminal subcultures // Pedagogical education in Russia. 2017. № 10. S. 56-61.

[10] Antonyan E. A., Kharmaev Yu. V. On the transformation of youth ideas about the criminal subculture based on the results of sociological research // Journal of Legal Research. 2022. T. 7, NO. 4. S. 64-72.

[11] Hagurov T. A., Chepeleva L. M. Socio-psychological reasons for the spread of the AUE subculture (implicit factors of the current problem) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. VOL. 21, NO. 2. S. 322-339.

[12] On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of President Ros. Federation of 09.11.2022 No. 809 (ed. 04.03.2026).

[13] Movement "Yunarmiya" in the Republic of Buryatia // Portal of the authorities of the Republic of Buryatia: [website]. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/otdel-vospitanya/yunarmiya/ (дата обращения: 22.10.2026).

[14] The Youth Army of Transbaikalia was among the best according to the results of the All-Russian review // ZabNews: [website]. URL: https://zabnews.ru/lenta/67849- yunarmiya_zabaykalya_voshla_v_top_luchshih_po_itogam_vserossiyskogo_smotra (дата обращения: 11.10.2026).

[15] Babaev E.V. Scientific approaches to the formation and preservation of patriotic values of young people: theoretical review // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2025. Vol. 10, no. 7. S. 975-982.

[16] Annual report on the results of the activities of the Commissioner for the Rights of the Child in the Republic of Buryatia in 2024 and on the observance of the rights and legitimate interests of children in the territory of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2025. URL: https://egov-buryatia.ru/minturizm (access date: 24.10.2026).

[17] Report of the Ombudsman for the Rights of the Child in the Irkutsk Region T.V. Afanasyeva on the observance of the rights and legitimate interests of children in the Irkutsk Region in 2024. [Irkutsk, 2025]. URL: https://irdeti.ru/biblioteka/ezhegodnye-i-spetsialnye-doklady-i-publikatsii/vse-doklady/ (дата обращения: 24.10.2026).

[18] Report on the activities of the Ombudsman for the Rights of the Child in the Trans-Baikal Territory and on the observance of the rights and legitimate interests of children in 2025. Chita, 2026. URL: https://ombudschild.75.ru/action/445797-doklad-o-sostoyanii-soblyudeniya-prav-i-zakonnyh-interesov-detey-i-deyatel-nosti-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-v-zabaykal-skom-krae (дата обращения: 24.10.2026).

[19] Zlokazov K.V. Deviance and destructiveness in the context of youth policy: problems, new challenges and approaches to solving: review of a joint meeting of scientific councils of the Russian Academy of Education // Russian Deviantological Journal. 2026. T. 6, NO. 1. S. 177-186.

[20] Ministry of Education: almost 400 children participated in terrorist attacks and extremist crimes in 2025 // Kommersant: [website]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8709202 (access date: 25.10.2026).

[21] In Russia in 2025, 400 teenagers participated in terrorist crimes // TASS: [website]. URL: https://tass.ru/obschestvo/27704415 (access date: 25.10.2026).

[22] Stetsura S.V. Criminal education as a means of preventing juvenile delinquency: dis. ... cand. jurid. sciences. Tyumen, 2003. 221 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-364-368
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КИЯШКО Дмитрий Николаевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин, Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

НЕЧАЕВ Дмитрий Юрьевич,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин, Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции, e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, СОВЕРШЁННЫХ В ХОДЕ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам о массовых беспорядках, хулиганстве и иных посягательствах на общественный порядок, совершённых во время публичных, спортивных и иных массовых мероприятий. Показано, что специфика таких дел обусловлена одновременным участием большого числа лиц, быстротечностью событий, преобладанием видеозаписи над традиционными источниками сведений и сложностью определения вклада каждого участника.*

Ключевые слова: *доказательства, массовые мероприятия, массовые беспорядки, хулиганство, общественный порядок.*

Для цитирования: *Кияшко Д. Н., Нечаев Д. Ю. Особенности формирования доказательств при расследовании преступлений против общественного порядка, совершённых в ходе массовых мероприятий // Право и управление. 2026. № 10. С. 364–368.*

KIYASHKO Dmitry Nikolaevich,
lecturer at the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police lieutenant colonel

NECHAEV Dmitry Yuryevich,
senior lecturer at the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police lieutenant colonel

FEATURES OF EVIDENCE COLLECTION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PUBLIC ORDER COMMITTED DURING MASS EVENTS

Annotation. *The article examines the specifics of collecting, verifying, and evaluating evidence in criminal cases involving mass riots, hooliganism, and other infringements on public order committed during public, sports, and other mass events. It is shown that the specifics of such cases are due to the simultaneous involvement of a large number of people, the rapid pace of events, the predominance of video recordings over traditional sources of information, and the difficulty of determining the contribution of each participant.*

Key words: *evidence, mass events, mass unrest, hooliganism, public order.*

For citation: *Kiyashko D. N., Nechaev D. Yu. Features of evidence collection in the investigation of crimes against public order committed during mass events. Law and administration. 2026;(10):364–368. (In Russ.).*

Различного рода мероприятия, такие как митинг, шествие, футбольный матч или другие городские либо сельские гулянья характерны сбором в одном месте большого количества людей. Их участники, как правило, не связаны друг с другом какими-либо отношениями. Знакомыми или мало знакомыми из всего числа являются лишь небольшие группы. Порядок и законность проведения публичных мероприятий, а также их характер, определены Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ [1]. Обеспечение общественного порядка при проведении акций с массовым участием людей осуществляется силами сотрудников полиции, действия которых регламентированы Федеральным законом «О полиции» [2].

Достаточно часто публичные мероприятия проходят без нарушений общественного порядка и иных негативных последствий. Однако случаи посягательства на общественный порядок, общественную безопасность, а также иные права и охраняемые законом интересы отдельных граждан не являются редкостью. В таких ситуациях сотрудники правоохранительных органов в качестве первоначальных выполняют задачи пресечения противоправных действий, обеспечения безопасности пострадавших и других участников мероприятий. После этого они обязаны перейти к документированию происшедшего. На этом этапе правоохранительные органы оказываются в положении, когда привычные алгоритмы действий по формированию доказательственной базы перестают работать. В подавляющем большинстве случаев при наличии немалого числа очевидцев, само событие целиком не видел никто. Участники, будучи незнакомыми, зачастую не могут назвать имен и фамилий фигурантов происшествия. Носители следов противоправного деяния, как правило исчезают значительно быстрее, чем следователь успевает прибыть на место. Во избежание общения с сотрудниками правоохранительных органов, толпа людей быстро расходится, затаптывая следы на месте произошедшего, телефоны с записями события уносят их владельцы.

При возникновении общественно опасных последствий в результате противоправных действий участников публичных мероприятий, квалификация их деяний обычно опирается на статьи 212, 212.1, 213, 214 и 318 Уголовного кодекса РФ [3]. Не всякое нарушение порядка проведения публичного мероприятия, установленного Федеральным законом № 54-ФЗ, образует состав преступления, и расследование не должно подменять оценку конкретных деяний оценкой самого факта участия в акции. Однако при явной очевидности наличия состава какого-либо их указанных преступлений, существует достаточно сложная задача по сбору и закреплению доказательств. Требуется установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию в каждом отдельном случае. Специфика формирования доказательств по таким делам отличается от обычной. В связи с этим следует рассмотреть наметить способы, которые уменьшают потери на первоначальном этапе расследования.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, закреплён в статье 73 УПК РФ [4], но в делах о массовых мероприятиях каждый его пункт приобретает свои оттенки. Само событие редко укладывается в один эпизод. Беспорядки развиваются поэтапно. Этапами могут быть перепалки, метания предметов, повреждения транспорта, физические столкновения с полицией. Следователю необходимо установить хронологию эпизодов, а не их перечень, так как от неё зависит вывод о том, считать ли происходившее в разных точках одним деянием с распределением ролей, либо деяния имеют не связанные едиными целями и мотивами правонарушителей. Если в одном месте толпа двадцать минут скандирует лозунги, а в другом в это же время поджигают автомобиль, объединять эти факты в один состав без документальной опоры нельзя. Ещё внимательнее следует отнестись к даче оценки об индивидуальном вкладе. Так к примеру, ответственность по статье 212 УК РФ наступает не только для того кто сам применял насилие, но и для организатора, призывавшего к насилию, и участвовавший в нём в составе толпы, а значит, нужно показать, что конкретный человек находился в зоне событий, понимал их характер и совершал действия, объективно с ними связанные. Мотив и цель удаётся установить почти всегда косвенно: по выкрикам, символике, переписке, публикациям в социальных сетях, показаниям знакомых.

Основаниями для начала доследственной проверки в большинстве случаев являются рапорта сотрудников полиции, обращения граждан и сообщения в СМИ. Согласно части 1.2 статьи 144 УПК РФ полученные при проверке сообщения объяснения, образцы и заключения специалиста могут быть использованы в качестве доказательств, если соблюдены требования статей 75 и 89 этого Кодекса. Поэтому объяснения, собранные в первые часы, оформленные надлежащим образом, позволяют установить значительный объем обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Они не могут заменить допрос и впоследствии после возбуждения уголовного дела должны быть получены в установленной форме. При наличии информации о возможных противоправных проявлениях, оперативные подразделения при подготовке к мероприятию, а также в ходе его проведения, ведут наблюдение и иные оперативные мероприятия, направленные на выявление организаторов и лидеров в целях их нейтрализации либо своевременного реагирования на сложившуюся обстановку. Результаты такой работы допустимо использовать в качестве доказательств, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Типичная ошибка состоит в том, что оперативными сотрудниками передаются материалы без достаточного объема сведений об источнике их получения. Использование следователем таких материалов в качестве доказательств может иметь негативные последствия в суде. Суд вправе исключить такие материалы из перечня доказательств.

Особое место занимают показания сотрудников полиции. Зачастую именно они, находясь в местах проведения публичных мероприятий, неся службу по охране общественного порядка, в том числе в оцеплении, становятся очевидцами определенных действий конкретных людей. Как правило, сторона защиты имеет к ним закономерное недоверие. Такая позиция строится на предложении о заинтересованности полицейских в исходе дела, в том числе по делам, где сотрудники полиции приобретают статус потерпевших. Закон не запрещает допрашивать сотрудников в качестве свидетелей, и суды такие показания принимают, но оценивают зачастую их тщательнее обычного. С большей расположенностью эти показания принимаются в качестве доказательств тогда, когда они подтверждены видеозаписью, показаниями гражданских лиц, медицинскими документами и т.п. При допросе сотрудника, необходимо помнить, что в случае изложения им обстоятельств, источник осведомленности о которых он назвать не способен, они не могут быть учтены при оценке доказательств. Ценность показаний сотрудников правоохранительных органов состоит в их последовательности и способности выделять наиболее важные для формирования доказательственной базы моменты. Даже в случае критичного отношения стороны защиты непосредственно к самим показаниям сотрудников, описанные в ходе допроса обстоятельства, в дальнейшем подтвержденные иными видами доказательств (следами, предметами, видеозаписями и т.п.), могут существенно помочь следователю в поиске их источников.

Являющиеся очевидцами гражданские люди представляют собой ценность ввиду их независимости. Однако при допросе очевидца, поясняющего о малозаметных и не труднодоступных к восприятию обстоятельств, следствию необходимо с осторожностью отнестись к проявлениям излишней внимательности очевидца и рассмотреть вариант умышленного введения в заблуждение и направления хода расследования по ложному пути. Как правило гражданские люди чаще всего запоминают яркие эпизоды, не обращая внимания на незначительные подробности, в отличие от сотрудников полиции. Также при допросе граждан необходимо учитывать возможность путаницы последовательности. Полезным приложением к протоколу допроса очевидца будет схема, на которой допрашиваемому следует предложить указать следующее: свое положение на местности (где стоял либо сидел), что было справа и слева, какой ориентир находился рядом, куда был направлен взгляд.

Основным носителем сведений об обстоятельствах, имевших место быть на массовом мероприятии, на сегодняшний день, стала видеозапись. Носители видеозаписей весьма разнообразны. Это могут быть нагрудные регистраторы сотрудников, видеорегистраторы как служебного, так и гражданского транспорта, камеры дронов, городские камеры, телефоны участников и зрителей, материалы журналистов, трансляции в социальных сетях. В данном направлении имеются определенные практические трудности. Одной из них является большое количество видеоматериалов и их сохранность. Камеры хранят записи ограниченное время, иногда всего несколько суток или даже часов. Следовательно запросы, отправленные с опозданием, могут остаться без ответа. Поэтому изъятие или копирование записей следует отнести к первоочередным мероприятиям. Электронные носители, в соответствии с требованиями ст. 164.1 УПК РФ, изымаются с участием специалиста. Нарушение этой нормы легко превращается в довод о недопустимости доказательства. Вторая трудность касается подлинности видео записи. В большей части это касается записей из открытого интернета. В данном случае на разрешение следствия ставятся вопросы о том, кто и когда её сделал, не монтировалась ли она, соответствует ли время на ролике действительному. Поэтому в случаях передачи записей очевидцами, их допрашивают об обстоятельствах съёмки и приобщают исходный файл вместе с метаданными. Если же видеоролик взят из сети, целесообразно назначение видеотехнической экспертизы, которая проверит отсутствие признаков монтажа. Лишь после этого, пройдя процедуру осмотра, видеозапись, при наличии на ней интересующих сведений, приобщается в качестве вещественного доказательства. В протоколе осмотра необходимо описать, что изображено в определённые временные отметки и по

каким признакам выделяется конкретный человек (одежда, приметы, предметы в руках). Именно такой протокол затем служит основой для опознания и экспертизы. С. А. Шейфер, рассматривая доказывание как единство собирания, проверки и оценки сведений [5], по существу описывает эту последовательность, которой следует придерживаться. Собранная запись остаётся лишь файлом, пока она не проверена и не оценена.

Центральная задача по таким делам состоит в установлении личности человека, запечатлённого на видео. Одним из способов является опознание по изображению. Оно проводится по правилам статьи 193 УПК РФ. Закон прямо говорит об опознании по фотографии, а распространение этого порядка на видеоизображение сложилось в практике. Опознающими бывают потерпевшие, свидетели и нередко сотрудники полиции, знавшие человека прежде. Опознающий по общему правилу должен быть допрошен о приметах опознаваемого заранее. Сомнения вызывает ситуация, когда полицейский называет человека на записи только потому, что видел его при задержании, и самостоятельно изображение не оценивает. Такой результат опознания легко оспаривается стороной защиты, как допустимый. В криминалистике идентификацией называют установление тождества объекта по его отображениям [6]. В данном случае целесообразно проведение портретной экспертизы, в ходе которой проводится сопоставление признаков внешности на записи со свободными и экспериментальными образцами. Такой метод имеет и свои пределы. Низкое разрешение, лицевые маски, капюшоны и неудачный ракурс могут стать причинами вероятностных выводов эксперта. Таким образом, при отсутствии категорического вывода эксперта, заключение превращается в слабое звено обвинения.

Более надежным в таком случае станет совокупность доказательств. Такими могут стать опознание, изъятая при обыске одежда, данные о местоположении телефона и другие результаты следственных действий, часть из которых выполняется по судебному решению.

Если человека задержали во время событий или сразу после них, ценность доказательств возрастает. На нём и его одежде могут остаться следы. При нём могут находятся предметы, как сохранившие следы преступления, так и имеющие отличительные признаки для проведения опознания. При этом необходимо исключить возможные нарушения при изъятии предметов и вещей.

Отдельного внимания заслуживает цифровой след организаторов и активных участников. В мессенджерах и социальных сетях обычно остаются призывы к выходу на улицу, обсуждение планов, обмен указаниями. Нередко в ходе проработки таких следов обнаруживаются сведения о мотиве, которые не удаётся получить из показаний задержанных. Обработка цифровых следов также не терпит промедления, так как они могут быть удалены. Сведения, находящиеся на осматриваемых страницах социальных сетей, переписка в мессенджерах, не относящиеся к расследуемым событиям, не должны отражаться в материалах дела. Иначе вместо доказательства появляется повод для жалобы на вмешательство в частную жизнь.

Результативность раскрытия дела зависит от интенсивности и результативности работы в первые дни, а в некоторых случаях часы. В связи с этим формирование следственно-оперативной группы качественным и количественным составом, следует проводить быстро. При наличии возможности в её состав, кроме оперативных сотрудников, целесообразно включить криминалистов и специалиста по компьютерно-технической экспертизе. Работа участников следственно-оперативной группы должна быть разделена по направлениям деятельности.

В результате проведённого анализа можно заключить, что специфика формирования доказательств по делам о преступлениях против общественного порядка, совершённых при проведении массовых мероприятий, заключается в несоответствии между объёмом сведений и значимостью каждого отдельного фрагмента. Задача следователя — превратить поток разрозненной информации в связную систему, в которой роль каждого лица установлена по независимым источникам. Для этого видеоматериалы необходимо фиксировать и изымать как можно раньше и с соблюдением процессуальной формы, материалы проверки и оперативно-розыскной деятельности оформлять так, чтобы они выдержали проверку на допустимость, идентификацию строить на нескольких способах, а показания сотрудников полиции подкреплять независимыми данными. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется выработка методических рекомендаций по работе с цифровыми доказательствами по этой категории дел и изучение судебной практики оценки результатов идентификации по видеоизображению.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[5] Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – Москва: Норма, 2008.

[6] Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – 2-е изд., доп. – Москва: БЕК, 2000.

References:

[1] Federal Law No. 54-FZ of 19.06.2004 "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Pickets" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 25. – Art. 2485.

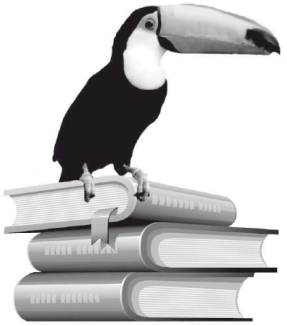
[2] Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 "On the Police" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 7. – Art. 900.

[3] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[4] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (part I). – Art. 4921.

[5] Sheifer, S. A. Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation / S. A. Sheifer. – Moscow: Norma, 2008.

[6] Belkin, R. S. Criminalistic Encyclopedia / R. S. Belkin. – 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: BEK, 2000.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-369-372
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЕФИМОВ Александр Александрович,
доцент кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАУК Наталья Николаевна,
заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

РАСКРЫТИЕ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ «ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация. *В статье исследуется раскрытие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью «по горячим следам» как часть первоначального этапа расследования. Рассмотрены понятие и временные границы такого раскрытия, источники первичной информации, особенности проверки сообщения, осмотра места происшествия, задержания и допроса подозреваемого, назначения судебно-медицинской экспертизы и доказывания умысла.*

Ключевые слова: *раскрытие, преступление, расследование, горячие следы, тяжкий вред здоровью, умысел, задержание, экспертиза.*

Для цитирования: *Ефимов А. А., Паук Н. Н. Раскрытие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью «по горячим следам»: теория, практика, эффективность // Право и управление. 2026. № 10. С. 369–372.*

EFIMOV Alexander Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Police Colonel

PAUK Natalia Nikolaevna,
Deputy Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

DETECTION OF INTENTIONAL INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM "IN HOT PURSUIT": THEORY, PRACTICE, EFFECTIVENESS

Annotation. *The article examines the investigation of intentional infliction of serious bodily harm "hot on the heels" as part of the initial stage of the investigation. The concept and time limits of such investigation, sources of primary information, and the specifics of verifying a report, inspecting the scene of the*

incident, detaining and interrogating a suspect, ordering a forensic medical examination, and proving intent are considered.

Key words: *disclosure, crime, investigation, hot tracks, serious harm to health, intent, detention, examination.*

For citation: *Efimov A. A., Pauk N. N. Detection of intentional infliction of grievous bodily harm "in hot pursuit": theory, practice, effectiveness. Law and administration. 2026;(10):369–372. (In Russ.).*

Число преступлений, предусмотренных статьёй 111 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1], о причинении тяжкого вреда здоровью согласно статистическим данным значительно выше, нежели убийств. Однако научная литература уделяет данному виду преступлений значительно меньше внимания. Хотя именно по таким делам члены следственно-оперативной группы (далее – СОГ) чаще всего оказываются перед выбором, какие проверочные действия после поступления сообщения о преступлении следует выполнять в первую очередь. Перечень возможных первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий достаточно велик. В него входят выезд в больницу для получения сведений о характере и степени тяжести причиненного вреда, опрос потерпевшего, если это возможно, изъятие, при необходимости предметов его одежды. Также следует выполнить осмотр места совершения преступления и возможного нахождения оружия, следов и предметов, указывающих на обстоятельства его совершения. При установлении подозреваемого, нужно выполнить задержание лица, на которое указывают очевидцы, установление наличия или отсутствия источников видео фиксации. Особую сложность представляют собой ситуации, когда изначально достоверно не известны ни тяжесть повреждений, ни чем именно они причинены. Большинство деяний исследуемой категории совершается в быту, на улице, в компании выпивших людей. Круг лиц, среди которых находится виновный, нередко ограничен несколькими фигурами. С первого взгляда это обстоятельство должно облегчать раскрытие преступления. Однако на практике всё складывается сложнее, и целостность события восстанавливается по обрывкам. Чем быстрее сотрудникам органов внутренних дел удается восстановить картину события, тем выше вероятность раскрытия преступления «по горячим следам».

Термин «горячие следы» не имеет законодательного определения и используется в основном в криминалистике и ведомственных документах. Под ним понимают раскрытие преступления сразу после совершения. На этом этапе виновное лицо находится поблизости, следы совершения преступления сохранены, а очевидцы наиболее четко помнят случившееся. Единых границ времени для раскрытия преступления «по горячим следам» нет. Наиболее распространенным мнением считается трехсуточный срок. Его устанавливает УПК РФ для проведения проверки по сообщению о преступлении. Решающим фактором является непрерывность действий, направленных на установление личностей виновных и изобличение их в совершении преступления. При этом следует и различать понятия «раскрытие» и «расследование». Установление лица и его задержание остаются лишь началом процессуальной деятельности, после которого предстоит собрать доказательства, способные выдержать проверку в суде, и именно здесь успех первых часов может обратиться в неудачу.

Сведения об исследуемой категории преступлений могут поступать обычно из двух источников. Это может быть звонок родственников или иных лиц, находящихся в момент совершения преступления либо непосредственно после него рядом с потерпевшим, случайных очевидцев либо самого потерпевшего в дежурную часть. Вторым источником может стать телефонное сообщение из медицинской организации, которая обязана информировать органы внутренних дел о поступлении пациента с телесными повреждениями, если есть основания полагать, что вред здоровью причинён противоправными действиями. Наиболее сложными для раскрытия преступления «по горячим следам» на практике считаются вторые. Это обусловлено тем, что к моменту поступления и регистрации сообщения от события преступления могло пройти несколько часов. Это время, как правило, на доставление больного с места преступления на пункт скорой помощи. Зачастую при вызове медицинских работников для оказания такого рода помощи адрес нахождения больного называется приблизительный или не называется вообще. Могут быть указаны названия каких-то объектов, имеющих большую протяженность в виде парков, площадей, улиц, прибрежных зон водных объектов, а также магазинов, баров и иных мест употребления спиртного.

После регистрации начинается проверка в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [2]. Её срок, как ранее упоминалось, составляет трое суток, который при необходимости и наличии законных оснований может быть продлен. УПК РФ в порядке исключения из правил, согласно которых следственные действия могут быть выполнены

по возбужденному уголовному делу, разрешает проводить осмотр места происшествия, а также выполнять ряд других следственных действий до возбуждения уголовного дела. Пользоваться такой возможностью по рассматриваемой категории дел является больше не правом, а обязанностью лиц, проводивших первоначальную проверку. При промедлении в выполнении неотложных следственных действий кровь смывается, орудие выбрасывается, одежда и обувь стирается или сжигается. Появляются новые следы, не относящиеся к преступлению при исчезновении старых. Осмотр места происшествия нужен не только ради обнаружения и изъятия следов. Он дает возможность сопоставления обстановки показаниям потерпевших очевидцев. Например, если допрашиваемое лицо говорит о драке в подъезде, а на площадке нет ничего, кроме чистого пола, такая версия требует проверки.

Также в число неотложных действий следует включить поиск видеокамер. Камеры подъездов, магазинов, банкоматов и городского наблюдения хранят записи недолго, и запрос, отправленный на третий день, скорее всего останется без результата. Параллельно должны вестись оперативные мероприятия, предусмотренные Федеральным законом № 144-ФЗ [3]. Опрос, наведение справок, наблюдение не следует откладывать не более поздний срок, так как воспоминания случайных людей тоже быстро размываются и подменяются информацией, полученной из каких-то других источников.

В зависимости от состояния потерпевшего, следует рассмотреть вопрос о допросе потерпевшего в первые часы. Такой разговор обычно возможен лишь с разрешения врача, и происходит незначительный отрезок времени. Показания, полученные в таких условиях, отрывочны. В объяснении следует отразить лишь вопросы о том, кто причинил вред, где, чем, в чьём присутствии. Полноценный допрос следует провести, когда состояние потерпевшего стабилизируется.

Если подозреваемый установлен быстро, возникает вопрос о его задержании. Статья 91 УПК РФ допускает его, когда лицо застигнуто при совершении преступления или сразу после него, когда на него указывают потерпевшие либо очевидцы, или когда на его теле или одежде, при нём или в его жилище обнаружены явные следы. Кроме этого, в числе первичных следственных действий, подлежащих выполнению следует отнести освидетельствование, которое позволяет зафиксировать повреждения, имеющиеся у подозреваемого, изъятие в зависимости характера преступного деяния различного рода образцов для сравнительного исследования. Также следует провести изъятие одежды и обуви, пока на них не стёрлась кровь или иные следы. Несмотря не большой объем работы и ограниченные временные рамки, выполнение указанных следственных действий требует процессуальной точности, так как нередко именно оформленный с процессуальными нарушениями протокол изъятия одежды и иных предметов становится самым уязвимым звеном всей цепочки.

При допросе подозреваемого, который следует проводить с участием защитника, нужно постараться просчитать тактику сторону защиты. По такой категории дел подозреваемые чаще всего не оспаривают, что нанесли удар. В качестве обоснования своих действий они ссылаются на нападение со стороны потерпевшего, защиту себя или близких. Зачастую они представляют события как ссору, перешедшую во взаимную драку. Такую версию тоже предстоит проверить, приняв во внимание разъяснения Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании [4]. В случаях получения признательных показаний подозреваемого, следует помнить о необходимости их незамедлительного закрепления осмотрами, проверкой показаний на месте, заключениями экспертизы и т.д.

Особенность рассматриваемой категории дел, в отличии от многих других насильственных преступлений, состоит в том, что окончательная квалификация без получения заключения судебно-медицинской экспертизы невозможна. При её назначении стоит проявить внимательность в плане конкретизации вопросов, задаваемых эксперту, применительно к обстоятельствам преступления. При этом эксперту, кроме медицинской документации, следует предъявить материалы уголовного дела (протоколы осмотров, допросов, орудия преступления, а также предметы, используемые в качестве оружия), необходимые для надлежащей полноты и качества исследования. В целях минимизации необходимости проведения повторных и дополнительных экспертиз, вопросы перед экспертом должны быть сформулированы четко, не размыто, без каких-либо неточностей. Наибольшая сложность состоит в том, что степень тяжести вреда здоровью нередко выясняется лишь после лечения потерпевшего. Достаточно частыми в практике бывают случаи, когда предварительный диагноз при поступлении больного не соответствует окончательному диагнозу. Например повреждение, которое на первый взгляд выглядело тяжким, оказывается вредом средней тяжести либо наоборот. В таких случаях имеет место переквалификация деяния. Предъявление обвинения по статье УК РФ, которая была при возбуждении уголовного дела, невозможно. В указанной категории дел такая практика весьма не редкая, однако она влияет на меру пресечения и доказывание умысла.

Следующая проблема связана с доказыва-

нием умысла. Применительно к работе «по горячим следам» это означает, что доказательства нужно собирать так, чтобы было были установлены факты кто, чем, сколько раз и в какую часть тела бил потерпевшего. Необходимо установить словесное сопровождение применения насилия. Кроме этого, следует выяснить оказывал ли виновный помощь, вызвал ли скорую. Такие моменты для квалификации иногда являются решающими.

Очевидность, с которой лицо кажется виновным в первые часы, может быть обманчивой. Человек, оказавшийся на месте происшествия, в крови, не обязательно нападавший. Он мог оказывать помощь или даже участвовать в драке, но не нанести то повреждение, которое повлекло тяжкие последствия. Существует опасность закрепиться на первой и в то же время не правильной версии, допустив ошибку, которая собой повлечет привлечение невиновного лица к уголовной ответственности.

Проведенным исследованием можно прийти к выводу о принятии мер по организации работы на первоначальном этапе.

Наладить устойчивую связь между дежурной частью и медицинскими организациями района. Это существенно сократит временной промежуток передачи информации о поступившем с признаками насилия человеке от часов до минут.

Разработать памятку для руководителя СОГ и ее членов по видам и последовательности их действий в первые часы работы по полученному сообщению.

Привлечение судебно-медицинского эксперта осуществлять на стадии определения круга вопросов, для получения полного экспертного.

Оперативным подразделениям выполнять работу, направленную не только на установление человека, а также на сбор материала, пригодного для использования в качестве доказательств в суде. Первое достижимо за несколько часов, второе требует точной процессуальной работы.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[3] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[4] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19: [Электронный ресурс] – Информационно-правовой портал Гарант (дата обращения: 20.10.2026).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

[3] Federal Law No. 144-FZ dated 12.08.1995 “On Operational-Investigative Activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Art. 3349.

[4] On the application of legislation by courts regarding necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime: Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012: [Electronic resource] – Information and Legal Portal Garant (accessed: October 20, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-373-378
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТЕРТЫЧНАЯ Илона Викторовна,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
полковник полиции, кандидат юридических
наук, доцент
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема определения места деятельного раскаяния в системе криминалистического знания. Отмечается отсутствие единого подхода в научной среде и дискуссионность вопроса о признании деятельного раскаяния самостоятельным объектом познания. Обосновывается целесообразность осмысления деятельного раскаяния как одной из форм посткриминальной деятельности, которая, в свою очередь, рассматривается как структурный элемент объекта криминалистики. Раскрываются предпосылки формирования частной криминалистической теории посткриминальной деятельности (онтологические, гносеологические, практические) и их проводится их экстраполяция на деятельное раскаяние. Предлагается криминалистическая характеристика деятельного раскаяния, включающая такие элементы как субъект, мотивацию, следственную ситуацию, систему активных действий и следовую картину. Обосновывается авторская периодизация деятельного раскаяния, охватывающая пять этапов. Делается вывод о теоретической и практической значимости осмысления деятельного раскаяния как объекта познания.*

Ключевые слова: *деятельное раскаяние, криминалистическая деятельность, посткриминальное поведение, доказывание, криминалистически значимая информация, объект познания.*

Для цитирования: *Тертычная И. В. Деятельное раскаяние как объект познания в криминалистической науке и практике // Право и управление. 2026. № 10. С. 373–378.*

TERTYCHNAYA Ilona Viktorovna,
Associate Professor, Department of Forensic Science,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Police Colonel, Candidate of
Law, Associate Professor

ACTIVE REPENTANCE AS AN OBJECT OF KNOWLEDGE IN FORENSIC SCIENCE AND PRACTICE

Annotation. *The article examines the problem of determining the place of active repentance in the system of forensic knowledge. There is a lack of a unified approach in the scientific environment and the controversial issue of recognizing active repentance as an independent object of knowledge. The expediency of comprehending active repentance as one of the forms of post-criminal activity, which, in turn, is considered as a structural element of the object of forensic science, is substantiated. The prerequisites for the formation of a private forensic theory of post-criminal activity (ontological, epistemological, practical) are revealed and they are extrapolated to active repentance. A forensic characterization of active remorse is proposed, including such elements as subject, motivation, investigative situation, system of active actions and the following picture. The author's periodization of active repentance, covering five stages, is justified. A conclusion is made about the theoretical and practical significance of comprehending active repentance as an object of knowledge.*

Key words: *active repentance, forensic activity, post-criminal behavior, proof, criminally significant information, object of knowledge.*

For citation: *Tertychnaya I. V. Active repentance as an object of knowledge in forensic science and practice. Law and administration. 2026;(10):373–378. (In Russ.).*

В науковедении общепризнанным является положение о том, что формирование любого учения (концепции, теории, научной дисциплины) возможно лишь при наличии определённых предпосылок. Научное знание не возникает спонтанно: его генезис предполагает наличие теоретико-методологического и социокультурного фундамента. Данный тезис получил развёрнутое обоснование в ряде гносеологических, историко-научных и социокультурных концепций.

В отечественной эпистемологии разработана концепция предпосылочного знания, согласно которой новое знание надстраивается над уже существующим и включает абсолютные, научные и социокультурные предпосылки. Системно эта идея развита В. С. Степиным, согласно которому формирующиеся в науке учения детерминированы научной картиной мира, идеалами и нормами исследования, а также философскими основаниями, которые, в свою очередь, обусловлены как спецификой объекта познания, так и социокультурным контекстом [1, с. 185–190].

Аналогичный вывод следует из концепций роста научного знания XX века. К. Поппер отмечал, что теории не выводятся непосредственно из фактов, а представляют собой предположения, всегда опирающиеся на определённые метафизические (философские) предпосылки [2, с. 56–60]. И. Лакатос также исходил из наличия «жёсткого ядра» — совокупности фундаментальных предпосылок, которые не подвергаются сомнению внутри исследовательской программы и определяют направление её развития [3, с. 48–52].

Таким образом, формирование научного учения (концепции, теории, научной дисциплины) подчинено логике предпосылочности познания и представляет собой закономерный результат вызревания внутринаучных, социокультурных и философско-мировоззренческих предпосылок, а не спонтанный акт.

Экстраполируя данный тезис на криминалистическую науку, следует подчеркнуть, что формирующаяся в настоящее время идея о необходимости уточнения и дополнения объекта криминалистики за счёт выделения в его структуре посткриминального поведения преступника, неразрывно связанного с криминальной деятельность, и, соответственно, возникновение и развитие частной криминалистической теории о посткриминальной деятельности [4, 5], опирается на вполне определённые гносеологические, онтологические и практические предпосылки, сформировавшиеся к настоящему времени.

Согласно устоявшейся точке зрения, восходящей к определению Р. С. Белкина, объектно-предметная область криминалистики представляет собой систему, образуемую двумя функционально взаимосвязанными группами закономерностей. С одной стороны — закономерности познания сущности преступной (криминальной) деятельности: сложно организованного деструктивного поведения, реализуемого в подготовке, совершении и сокрытии преступления. С другой — закономерности познания сущности криминалистической (судебно-следственной) деятельности, которая состоит в получении, собирании, исследовании и использовании доказательств для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

В указанном подходе уже заложены предпосылки для включения посткриминальной деятельности в орбиту криминалистического познания. Вне зависимости от того, явилось ли преступное деяние результатом организованного или неупорядоченного способа действий, от результатов расследования и от того, квалифицируется ли содеянное как преступление особо тяжкое либо небольшой тяжести, лицо, совершившие преступление, переживает определенные эмоции, что в посткриминальный период создаёт предпосылки для выбора определённой формы посткриминальной деятельности и поведения, неразрывно связанных с деятельностью криминальной.

Посткриминальная деятельность не является случайным набором разрозненных актов. Она объективно существует, обладает собственной структурой, стадиями, мотивами и типичными формами: противодействие расследованию, содействие правосудию, имитация раскаяния, самооговор, индифферентное поведение. Эти формы причинно связаны с предшествующей криминальной деятельностью и потому могут рассматриваться как продолжение единого процесса. ти формы причинно связаны с предшествующей криминальной деятельностью и потому могут рассматриваться как продолжение единого процесса. В этом нам видится онтологическая предпосылка возникновения и развития частной криминалистической теории о посткриминальной деятельности.

Гносеологическая предпосылка заключается в том, что посткриминальное поведение доступно научному познанию. В нём обнаруживаются повторяемость, устойчивые связи, отражаемость и информационная значимость. Это позволяет сначала выявить и описать типичные закономерности, а затем на их основе сформировать теоретический фундамент, создающий базу для противодействия негативным формам посткриминального поведения (противодействию расследованию, имитации раскаяния, самооговору) и для стимулирования его позитивных форм (деятельного раскаяния, содействия правосудию, заглаживания вреда).

Формирование частной криминалистической теории посткриминальной деятельности

подчинено общей логике продуцирования криминалистического знания. Криминалистика создаёт теории не ради самого теоретизирования, а для устранения неопределённости в представлениях о тех или иных фрагментах реальности. В этом смысле исходной предпосылкой выступает познавательная потребность: необходимость объяснить, почему и как лицо, совершившее преступление, действует после его окончания, какие закономерности характеризуют выбор между противодействием расследованию, содействием правосудию, и иными формами посткриминального поведения.

Таким образом, предпосылками частной криминалистической теории посткриминальной деятельности выступают:

наличие эмпирически выявленной системы устойчивых связей в посткриминальном поведении;

сформированность исходной теоретической структуры (например, системно-деятельностный подход позволяет рассматривать посткриминальную деятельность как сложную динамическую систему, учение о механизме преступления даёт основу для понимания перехода от криминальной активности к посткриминальной, криминалистическая ситуалогия помогает типизировать ситуации, в которых реализуется раскаяние или противодействие и т.д.);

методологическая готовность криминалистики к построению такого рода теории;

практическая потребность в объяснении и прогнозировании посткриминальной деятельности;

возможность интерпретировать её как проявление закономерно организованных процессов, доступных криминалистическому познанию.

Криминалистическое учение о посткриминальном поведении исходит из того, что поведение лица после совершения преступления неоднородно. В его структуре выделяются три антагонистических направления [3]:

негативное (противодействие расследованию) — действия, направленные на сокрытие следов, введение следствия в заблуждение, воздействие на свидетелей и т.п.

позитивное (содействие раскрытию и расследованию) — действия, направленные на сотрудничество с правосудием, минимизацию вреда и установление истины по делу,

индифферентное поведение, характеризующееся отсутствием активных действий как позитивного, так и неактивного характера (уклонение от контактов с правоохранительными органами, отказе от дачи показаний (в пределах, допускаемых законом), выжидательная позиция).

Деятельное раскаяние относится ко второму, позитивному направлению. Оно представляет собой не единичный акт, а целенаправленную систему активных действий лица после совершения преступления. Таким образом, деятельное раскаяние целесообразно осмысливать как одну из форм посткриминальной деятельности, а последнюю — как структурный элемент объекта криминалистики.

Такой подход создает теоретические предпосылки для решения ряда актуальных задач криминалистической науки и практики:

определения соотношения понятий «посткриминальное поведение», «посткриминальная деятельность» и «деятельное раскаяние»;

разработки понятия криминалистической характеристики деятельного раскаяния,

выявления закономерностей возникновения, фиксации и использования криминалистически значимой информации в условиях деятельного раскаяния;

совершенствования тактики следственных действий,

формирования частных методик расследования в условиях позитивного посткриминального поведения, а также выявления и преодоления имитации деятельного раскаяния и самооговора.

В прикладном плане осмысление деятельного раскаяния как объекта криминалистического познания создает возможности для:

разработки системы тактических приёмов и комбинаций, наиболее эффективных при производстве следственных действий в условиях деятельного раскаяния,

определения средств и методов проверки добровольности и искренности раскаяния, а также выявления его имитации,

конкретизации способов фиксации действий лица, направленных на заглаживание вреда, и оценки их реальности и соразмерности,

обеспечения эффективного взаимодействие следователя, дознавателя, оперативных подразделений и иных участников уголовного судопроизводства.

Предпосылки осмысления деятельного раскаяния в криминалистической науке и практике тождественны предпосылкам формирования частной криминалистической теории посткриминальной деятельности. Методологически это соответствует принципу движения познания от целого к частному: теория посткриминальной деятельности выступает теоретическим основанием, в рамках которого деятельное раскаяние получает статус частного объекта познания, а её предпосылки конкретизируются применительно к данному институту.

Отметим, что количество монографических и диссертационных исследований, посвящённых проблематике деятельного раскаяния, весьма значительно, что обусловлено востребованно-

стью научного обеспечения правоприменительной практики. Однако диссертации юридического профиля чаще всего готовятся в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, тогда как на долю криминалистики приходится существенно меньшее количество работ. Хотя исследования посткриминального поведения в криминалистической науке проводятся относительно давно — теоретическую основу для изучения закономерностей посткриминального периода заложили Р. С. Белкин, В. П. Лавров, В. А. Образцов в конце 80-х — начале 90-х годов XX века [5, с. 48], — основной акцент в них сосредоточен преимущественно на преодолении противодействия расследованию. Иными словами, в фокусе внимания криминалистов традиционно находились негативные формы посткриминального поведения, тогда как его позитивные проявления, и прежде всего деятельное раскаяние, долгое время оставались на периферии научного интереса. Среди немногих авторов, уделивших внимание познанию деятельного раскаяния в рамках криминалистической науки, мы можем отметить А.В. Савкина [6], В.В. Ерахмилевича и Д.А. Казанцева [7], Е. Л. Забарчука [8].

Между тем именно деятельное раскаяние как форма позитивной посткриминальной деятельности порождает специфическую познавательную ситуацию, требующую разработки самостоятельного криминалистического обеспечения. Восполнение этого пробела составляет одну из актуальных задач современной криминалистической теории и практики.

Криминалистическая характеристика деятельного раскаяния может быть представлена через совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых отражает определённую грань данного объекта познания криминалистической науки.

Во-первых, субъект деятельного раскаяния, которым выступает лицо, совершившее преступление и впоследствии осуществляющее позитивные посткриминальные действия. В 2008 году Е.Л. Забарчуком проводилось исследование личности деятельно раскаявшихся обвиняемых на основе 105 уголовных дел. По данным Е.Л., среди таких лиц преобладают служащие, инженерно-технические работники и предприниматели (52,3%), рабочие (27,2%), а также лица с более высоким уровнем образования. Подавляющее большинство (94,5%) имели положительные характеристики по месту работы и жительства, 91,9% совершили преступление впервые, а их преступный умысел носил неустойчивый характер, как правило, они выполняли второстепенные роли под влиянием криминогенной среды. Лиц, деятельно раскаявшихся, отличает пониженный уровень волевой сопротивляемости к воздействию других лиц и сложившихся обстоятельств [8, с. 45-47].

Сегодня эти данные нуждаются в существенном обновлении. Это обусловлено, как минимум, двумя обстоятельствами. За прошедшие полтора десятилетия заметно изменился социально-демографический профиль лиц, совершающих преступления, существенно обновилась сама преступность. Вместе с тем, актуальным остаётся вопрос о том, насколько устойчивыми являются выявленные Е.Л. Забарчуком характеристики в современных правовых и социальных реалиях.

Во-вторых, мотивация деятельного раскаяния, которая, по нашему мнению, является центральным субъективным элементом криминалистической характеристики, поскольку именно она определяет подлинность или имитационный характер раскаяния. Мотивация может быть: позитивной (истинное деятельное раскаяние, характеризующееся добровольностью, осознанностью и искренностью); негативной (имитация раскаяния, направленная на введение следствия в заблуждение, сокрытие соучастников или более тяжкого преступления, либо самооговор, обусловленный психическим давлением или стремлением защитить иных лиц); комбинированной (признание вины и совершение предусмотренных законом позитивных действий при одновременном сокрытии части информации или неполном возмещении ущерба).

В-третьих, ситуация деятельного раскаяния, детерминированая совокупностью факторов: этапом расследования (до возбуждения уголовного дела, первоначальный или последующий), объёмом имеющихся доказательств (достаточная совокупность либо признание как единственный источник информации), позицией защиты (наличие защитника, его тактическая линия), а также наличием потерпевших и соучастников, что определяет объём действий по заглаживанию вреда и содействию раскрытию преступления.

В-четвертых, содержательную основу деятельного раскаяния составляет система активных действий лица, направленных на сотрудничество с правосудием и минимизацию вреда: добровольная явка с повинной, полное признание вины, предоставление информации, которая помогает раскрыть другие эпизоды или найти соучастников, указание на лиц, участвовавших в подготовке или совершении преступления, реальные действия, направленные на компенсацию потерпевшему, и т.п.

В-пятых, следовая картина деятельного раскаяния. К типичным следам в ситуации деятельного раскаяния относятся: протоколы следственных действий (явки с повинной, допроса, проверки показаний на месте); документы, подтверждающие возмещение ущерба (платёжные поручения, рас-

писки, акты приёма-передачи, выписки о транзакциях денежных средств в онлайн-банкинге); электронные данные (переписка, аудио- и видеозаписи), удостоверяющие добровольность обращения и полноту сообщаемых сведений; сведения оперативно-розыскного характера, используемые для проверки достоверности признательных показаний; заключения судебных экспертиз, подтверждающие или опровергающие сообщённые лицом сведения.

В научной литературе предложена периодизация деятельного раскаяния, включающая получение признания в совершении преступления и его процессуальное закрепление [7, с.90]. Развивая данную идею, представим периодизацию более развернуто — как систему взаимосвязанных этапов, каждый из которых характеризуется собственным содержанием, типичными следственными ситуациями и комплексом криминалистических средств и методов:

латентный (внутренний) этап, предполагающий формирование мотива к раскаянию, оценка лицом собственного положения, возможных правовых последствий и готовности к сотрудничеству со следствием. Данный этап может протекать в трёх основных ситуациях: а) до возбуждения уголовного дела; б) после возбуждения уголовного дела, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, ещё не установлено; в) в ходе расследования в отношении конкретного лица. Внешне поведение лица на данном этапе может не выражаться в каких-либо активных действиях — речь идёт о внутреннем, психологическом процессе, который, однако, имеет криминалистически значимое проявление вовне: лицо может начать проявлять признаки психологической готовности к сотрудничеству со следствием, что может быть выявлено следователем (или оперативным сотрудником). В двух первых ситуациях лица, осуществляющие криминалистическою деятельность может повлиять на ситуацию лишь опосредованно, путем осуществления следственной и оперативно-розыскной профилактической деятельности. В последнем случае, установив психологический контакт, следователь должен принять исчерпывающие меры к побуждению лица к деятельному раскаянию, получению исчерпывающих признательных показаний и их процессуальному закреплению,

первичное волеизъявление и процессуальное закрепление признания. Фиксируются инициатива лица, время, место и обстоятельства обращения, отсутствие признаков принуждения. Процессуальное закрепление осуществляется посредством оформления протокола явки с повинной, либо занесения соответствующей записи в протокол следственного действия, в ходе которого сделано признание. Ключевая тактическая задача — не утратить достигнутый психологический контакт и не спровоцировать ситуацию, при которой лицо откажется от признания или попытается воспрепятствовать расследованию (предупредить сообщников, перепрятать похищенное и т.п.),

проверка полноты, непротиворечивости и объективной подтверждаемости сведений — сопоставление показаний деятельно раскаявшегося обвиняемого с иными доказательствами, выявление расхождений, оценка достоверности сообщённой информации. На данном этапе устанавливается, насколько сведения, представленные лицом, согласуются с материалами уголовного дела и не противоречат им.

этап активного способствования раскрытию и расследованию — изобличение соучастников, указание мест хранения похищенного, помощь в обнаружении доказательств, участие в проверке версий. Специфика данного этапа определяется риском утраты криминалистически значимой информации, что обусловливает необходимость безотлагательного планирования и производства следователем (дознавателем) комплекса следственных и иных мероприятий, направленных на проверку и закрепление сведений, сообщённых деятельно раскаявшимся лицом. Использование фактора внезапности при этом позволяет нейтрализовать возможное противодействие со стороны соучастников и иных заинтересованных лиц,

этап заглаживания причинённого вреда — возмещение ущерба, компенсация морального вреда, оказание медицинской или иной помощи потерпевшему, принесение извинений. Криминалистическое значение имеют документальное подтверждение таких действий, их реальность, соразмерность и добровольность.

Итак, деятельное раскаяние — это не только правовое, но и криминалистическое явление. Это означает, что оно обладает собственными, характерные именно для него криминалистически значимыми признаками и закономерностями, требующими системного описания.

Список литературы:

[1] Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2003 (Люберцы (Моск. обл.): ПИК ВИНИТИ). 743 с.

[2] Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Москва: Республика, 2005. 446 с.

[3] Избранные произведения по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос; [пер. с

англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса ; сост. общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Поруса]. Москва: Акад. Проект, 2008. 475 с.

[4] Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020. 515 с.

[5] Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 44-51.

[6] Савкин А.В. Деятельное раскаяние в преступлении: правовые и криминалистические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2002. 425 с.

[7] Ерахмилевич В.В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в условиях деятельного раскаяния / В. В. Ерахмилевич, Д. А. Казанцев // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6(98). С. 88-91.

[8] Забарчук Е. Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8(140). С. 42-48.

References:

[1] Stepin V.S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition, 2003 (Lyubertsy (Mosk. region): PEAK VINITI). 743 p.

[2] Popper K. The logic of scientific research / trans. From English. under the general. ed. V.N. Sadovsky. Moscow: Republic, 2005. 446 pp.

[3] Selected works on the philosophy and methodology of science: proofs and refutations (as theorems prove). History of science and its rational reconstructions. Falsification and methodology of research programs / I. Lakatos; [trans. From the English I.N. Veselovsky, A.L. Nikiforov, V.N. Porus; comp. general. ed. and entry. Art. V. N. Porus]. Moscow: Acad. Project, 2008. 475 s.

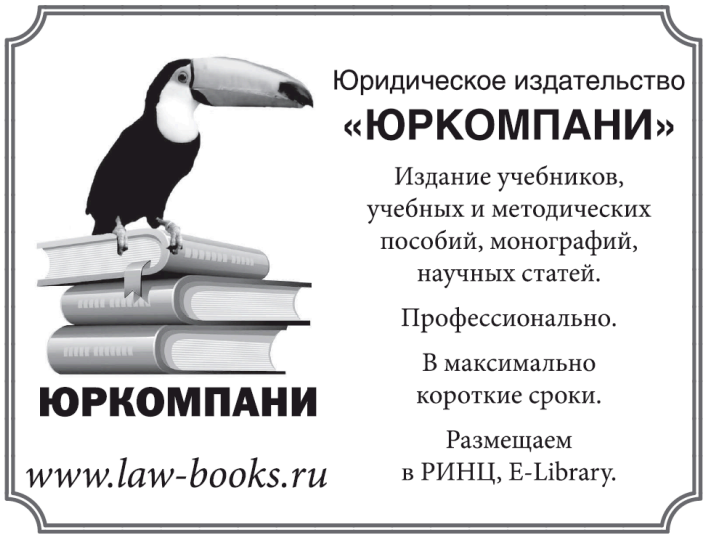
[4] A.S. Andreev. Post-criminal activity as an object of knowledge in forensic science and crime investigation practice: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.12. Rostov-on-Don, 2020. 515 p.

[5] Vardanyan A.V. Development of knowledge systems on the forensic characterization of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of forensics // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1. S. 44-51.

[6] Savkin A.V. Active repentance of a crime: legal and forensic problems: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.09. Moscow, 2002. 425 s.

[7] Erakhmilevich V.V. On the forensic support of the investigation of crimes in conditions of active repentance / V.V. Erakhmilevich, D.A. Kazantsev // Izvestia of Altai State University. 2017. № 6(98). S. 88-91.

[8] Zabarchuk E. L. Making a decision on active repentance by a person prosecuted // Journal of Russian Law. 2008. № 8(140). S. 42-48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-379-386
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ХАРИНА Ольга Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: 79319057477@yandex.ru

КУРБАКОВА Юлия Сергеевна,
магистр кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: cwet77@gmail.com

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ГОСУДАРСТВАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ преступности несовершеннолетних в Российской Федерации и государствах - участниках Содружества Независимых Государств. Исследуются современное состояние, динамика и структура подростковой преступности, а также системы её профилактики и правового регулирования в сравнительной перспективе. Выявляются общие закономерности и национальные особенности подходов к противодействию правонарушениям несовершеннолетних. Особое внимание уделяется проблемам законодательного регулирования и межведомственного взаимодействия, формулируются конкретные предложения по совершенствованию систем профилактики с учётом положительного опыта государств-участников СНГ.*

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, сравнительный анализ, профилактика правонарушений, уголовная ответственность несовершеннолетних, Содружество Независимых Государств, ювенальная юстиция, правовое регулирование.*

Для цитирования: *Харина О. Д., Курбакова Ю. С. Противодействие преступности несовершеннолетних в России и государствах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Право и управление. 2026. № 10. С. 379–386.*

KHARINA Olga Dmitrievna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

KURBAKOVA Yulia Sergeevna,
Master's degree holder in the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure of Pskov State University

COMBATING JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND THE CIS STATES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article provides a comprehensive comparative legal analysis of juvenile crime in the Russian Federation and the member states of the Commonwealth of Independent States. The current state, dynamics, and structure of juvenile crime, as well as the systems for its prevention and legal regulation, are examined from a comparative perspective. Common patterns and national specific features of approaches to combating juvenile offenses are identified. Special attention is paid to the problems of legislative regulation*

and interdepartmental cooperation; specific proposals are formulated to improve prevention systems, taking into account the positive experience of the CIS member states.

Key words: *juvenile delinquency, comparative analysis, crime prevention, criminal liability of minors, the Commonwealth of Independent States, juvenile justice, legal regulation.*

For citation: *Kharina O. D., Kurbakova Yu. S. Combating juvenile delinquency in Russia and the CIS states: a comparative legal analysis. Law and administration. 2026;(10):379–386. (In Russ.).*

Актуальность исследования обусловлена тем, что преступность несовершеннолетних остаётся одним из наиболее значимых индикаторов состояния правопорядка, а системы её профилактики в России и государствах — участниках СНГ за последние десятилетия разошлись по ряду принципиальных параметров. Несмотря на общее правовое наследие, национальные модели профилактики существенно различаются по степени институционализации ювенальной юстиции, роли медиативных технологий и участию институтов гражданского общества. Это делает востребованным сравнительно-правовой анализ, который позволил бы выявить как общие закономерности, так и национальные особенности, а также сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства с учётом положительного опыта государств СНГ.

Преступность несовершеннолетних традиционно рассматривается в криминологии как один из наиболее значимых индикаторов состояния правопорядка и нравственного здоровья общества. Будучи составной частью общей преступности, она характеризуется повышенной степенью общественной опасности не только в силу непосредственного причинения вреда, но и вследствие долгосрочных негативных последствий: подростковая криминализация выступает фактором, детерминирующим рецидивную и профессиональную преступность во взрослой среде [4, с. 231].

Государства постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию и другие страны Содружества Независимых Государств (далее - СНГ), столкнулись в последние десятилетия с сопоставимыми вызовами в сфере противодействия правонарушениям несовершеннолетних. Социально-экономические трансформации, институциональные изменения в системах образования и воспитания, а также общее наследие советской правовой системы создают предпосылки для сравнительного анализа подходов к профилактике подростковой преступности.

Сравнительно-правовой анализ охватывает Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Казахстан и Республику Узбекистан как государства, наиболее репрезентативно отражающие различные модели профилактики на постсоветском пространстве. При этом отдельные тенденции рассматриваются с учётом данных по другим государствам СНГ. Анализ проведён по единым критериям: возраст уголовной ответственности; наличие специальной главы об ответственности несовершеннолетних; перечень принудительных мер воспитательного воздействия; наличие элементов ювенальной юстиции; институциональная структура системы профилактики.

Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних и системы их профилактики в государствах постсоветского пространства имеет как общие корни, так и существенные различия, обусловленные национальными особенностями правовых систем и уголовной политики.

В Российской Федерации основу правового регулирования противодействия преступности несовершеннолетних составляют Конституция РФ [1], Уголовный кодекс РФ (далее - УК РФ) [2], Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, а также специализированный Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3].

УК РФ содержит специальную главу 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ст. 87–96), которая устанавливает пониженные возрастные границы уголовной ответственности (общий возраст - 16 лет, за отдельные преступления - 14 лет), ограниченный перечень наказаний, применимых к несовершеннолетним, а также приоритет принудительных мер воспитательного воздействия перед уголовным наказанием [2].

Сопоставление ключевых параметров правового регулирования ответственности несовершеннолетних в России и государствах СНГ представлено в таблице 1.

Таблица 1. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних в России и государствах СНГ

Критерий	Россия	Беларусь	Казахстан	Узбекистан
Возраст уголовной ответственности	16 / 14	16 / 14	16 / 14	16 / 14
Специальная глава в УК	гл. 14 (ст. 87–96)	гл. 15	гл. 6	гл. 6
Принудительные меры воспитательного воздействия	ст. 90–91	ст. 117–118	ст. 82–84	ст. 87–88
Ювенальные суды	нет	нет	есть	нет
Службы пробации	нет	нет	есть	нет

Как показывают сравнительно-правовые исследования, в уголовных кодексах стран СНГ прослеживается тенденция к унификации подходов к регулированию ответственности несовершеннолетних, что обусловлено как общим правовым наследием, так и модельным законотворчеством в рамках Содружества. Вместе с тем, наблюдаются и существенные различия.

Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь также выделена самостоятельная глава об особенностях ответственности несовершеннолетних, однако перечень преступлений, за которые ответственность наступает с 14 лет, имеет определённую специфику. В Уголовном кодексе Республики Казахстан значительное внимание уделяется системе ювенальной юстиции и специализированным судам по делам несовершеннолетних, что отражает более высокую степень институционализации данного направления. В уголовном законодательстве Республики Узбекистан, напротив, традиционно акцент делается на приоритете мер воспитательного воздействия и широком применении освобождения от уголовной ответственности с передачей под надзор родителей или специализированных органов.

Значительный интерес представляет опыт Российской Федерации и государств-участников СНГ в сфере уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от преступных посягательств. Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на общие подходы, существуют различия в установлении уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, а также за жестокое обращение. В ряде стран СНГ данные составы преступлений имеют более широкую или, напротив, более узкую трактовку, что создаёт предпосылки для взаимного обогащения законодательного опыта.

Современная преступность несовершеннолетних в России характеризуется рядом криминологически значимых особенностей. Согласно официальным статистическим данным, в последние годы наблюдается тенденция к снижению абсолютных показателей зарегистрированной подростковой преступности, что, однако, не должно создавать иллюзию благополучия. Как отмечается в научной литературе, «снижение уровня преступности несовершеннолетних не всегда является прямым следствием эффективности профилактической деятельности, поскольку может быть обусловлено и демографическими факторами (сокращение численности населения в возрасте 14–17 лет), а также изменениями в учётно-регистрационной дисциплине правоохранительных органов» [5, с. 66].

Официальные статистические данные о состоянии преступности несовершеннолетних в России содержатся в ежегодных сборниках МВД России «Состояние преступности в России» и в статистических отчётах Судебного департамента при Верховном Суде РФ. По данным этих источников, в 2010–2025 гг. наблюдается устойчивое снижение абсолютных показателей зарегистрированной подростковой преступности при одновременном росте доли тяжких и особо тяжких составов.

К числу наиболее характерных особенностей современной подростковой преступности в России относятся [4]:

Преобладание корыстных и корыстно-насильственных преступлений, среди которых доминируют кражи (до 60% от всех преступлений, совершённых несовершеннолетними), грабежи и разбои.

Высокий уровень групповой преступности: более половины преступлений совершаются несовершеннолетними в составе групп, причём значительная часть таких групп имеет смешанный возрастной состав (с участием взрослых).

Омоложение преступности: в структуре выявленных несовершеннолетних преступников возрастает доля лиц в возрасте 14–15 лет.

Рост числа преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Сравнительный анализ состояния преступности несовершеннолетних в странах СНГ показывает, что, несмотря на национальную специфику, наблюдаются общие тенденции и закономерности. Как отмечается в научной литературе, для большинства постсоветских государств характерны [8, с. 155]:

Снижение абсолютных показателей подростковой преступности в 2010–2020-е годы;

Преобладание имущественных преступлений в структуре;

Высокая латентность преступности несовершеннолетних;

Тесная связь подростковой преступности с семейным неблагополучием и социальной депривацией.

Вместе с тем, имеются и существенные различия. Например, в государствах Централь-

ной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) более значимую роль в структуре преступности несовершеннолетних играют преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, что обусловлено географическим положением и транзитным характером наркотрафика. В странах Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия) отмечается более высокий удельный вес насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Указанные региональные различия подтверждаются данными статистических сборников МВД России и аналитических материалов Исполнительного комитета СНГ.

Системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в России и странах СНГ имеют как общие институциональные черты, обусловленные советским наследием, так и национальные особенности, сложившиеся в постсоветский период.

В Российской Федерации система профилактики включает в себя комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - КДНиЗП), органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодёжи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел (подразделения по делам несовершеннолетних, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей), а также учреждения уголовно-исполнительной системы (воспитательные колонии, следственные изоляторы) [7, с. 36].

Как показывают исследования, ключевая проблема российской системы профилактики заключается в недостаточной скоординированности действий указанных субъектов. Отсутствие единого координационного центра, ведомственная разобщённость, а также несовершенство механизмов обмена информацией приводят к тому, что профилактическая деятельность нередко носит формальный и фрагментарный характер.

В большинстве стран СНГ система профилактики имеет общие институциональные черты, но различается по ряду параметров. Например, в Республике Казахстан значительная роль отводится специализированным межведомственным комиссиям, а также внедрены элементы ювенальной юстиции, включая специализированные суды по делам несовершеннолетних и службы пробации [9, с. 39]. В Республике Беларусь акцент делается на воспитательной функции учреждений образования и активном участии общественных организаций.

Сравнительный анализ мер профилактического воздействия позволяет выделить как общие, так и специфические подходы.

Общие меры, применяемые в России и странах СНГ, включают:

индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении;

профилактику семейного неблагополучия;

организацию досуга и занятости несовершеннолетних;

правовое просвещение;

выявление и пресечение фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Особенности российской системы:

доминирование карательно-репрессивного компонента в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел;

недостаточное развитие восстановительных и медиативных технологий;

слабая вовлечённость институтов гражданского общества в профилактическую деятельность.

Особенности систем стран СНГ:

в Республике Казахстан - активное внедрение программ ювенальной пробации и медиации;

в Республике Беларусь - развитая система внешкольного воспитания и идеологической работы;

в Республике Узбекистан - акцент на ресоциализации через систему профессионального образования и трудовую занятость.

Как показывает анализ научной литературы и практики, одной из наиболее острых проблем, характерных как для России, так и для большинства стран СНГ, является недостаточная эффективность межведомственного взаимодействия в сфере профилактики преступности несовершеннолетних.

Исследователи выделяют следующие системные проблемы [10, с. 36]:

Размытость ответственности между субъектами профилактики, отсутствие чёткого распределения функций и зон ответственности.

Несовершенство информационного обмена между ведомствами, что приводит к дублированию работы или, напротив, к появлению «белых пятен» в профилактическом воздействии.

Недостаточная профессиональная подготовка специалистов, работающих с несовершеннолетними правонарушителями, особенно в части применения психолого-педагогических методов.

Нехватка ресурсного обеспечения (финансового, кадрового, материально-технического), что особенно остро проявляется на региональном и муниципальном уровнях.

Как справедливо отмечается в ходе международных научных дискуссий по проблемам профилактики подростковой преступности, Россия и

страны СНГ сталкиваются с сопоставимыми вызовами: «ответственность за профилактику подростковой преступности рассредоточена между множеством ведомств - органами внутренних дел, образования, социальной защиты, здравоохранения, комиссиями по делам несовершеннолетних. Однако механизмы координации их деятельности зачастую носят декларативный характер, что существенно снижает эффективность профилактической работы».

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет выявить ряд системных проблем, характерных для правового регулирования и профилактической деятельности в сфере противодействия преступности несовершеннолетних в России и странах СНГ.

Проблемы уголовно-правового регулирования.

Первая проблема связана с дифференциацией возраста уголовной ответственности. В различных странах СНГ минимальный возраст уголовной ответственности варьируется (от 14 до 16 лет), а перечень преступлений, за которые ответственность наступает с пониженного возраста, имеет существенные различия. Это создаёт правовую неопределённость в случаях, когда преступление совершено на территории нескольких государств или с участием граждан разных стран.

Вторая проблема заключается в отсутствии единообразных подходов к применению принудительных мер воспитательного воздействия. В одних странах (Россия, Беларусь) они рассматриваются как альтернатива уголовному наказанию, в других (Казахстан) - как дополнительный инструмент, применяемый наряду с наказанием.

Третья проблема - недостаточная эффективность механизмов снятия судимости с несовершеннолетних. Сокращённые сроки погашения судимости, предусмотренные уголовным законодательством, на практике не всегда обеспечивают полноценную реабилитацию и ресоциализацию подростков.

Проблемы профилактической деятельности.

Первая проблема - формальный характер индивидуальной профилактической работы. Как показывают исследования, «индивидуальное предупреждение преступности несовершеннолетних должно осуществляться поэтапно, с учётом возрастных, психологических и социальных особенностей личности подростка, однако на практике нередко сводится к формальному контролю и составлению отчётной документации».

Вторая проблема - недостаточное использование восстановительных и медиативных технологий. В большинстве стран СНГ, включая Россию, программы восстановительного правосудия (примирительные процедуры, компенсация вреда, заглаживание обиды) применяются крайне ограниченно, хотя их эффективность в работе с несовершеннолетними правонарушителями доказана международным опытом.

Третья проблема - слабая профилактическая работа в цифровой среде. С учётом того, что значительная часть противоправного поведения несовершеннолетних сегодня реализуется с использованием сети Интернет и социальных сетей (кибербуллинг, распространение запрещённой информации, вовлечение через мессенджеры), существующие механизмы профилактики остаются преимущественно ориентированными на офлайн-среду.

Как отмечается в ходе международных научных дискуссий, в России и странах СНГ «отсутствует единая, концептуально оформленная государственная политика в сфере профилактики преступности несовершеннолетних, что проявляется в разрозненности программных документов, отсутствии долгосрочного планирования и чётких критериев оценки эффективности».

Кроме того, специалистами выделяются такие проблемы, как недостаточное финансирование профилактической деятельности, низкая заработная плата специалистов, работающих с несовершеннолетними правонарушителями (инспекторов ПДН, социальных педагогов, психологов), а также высокая текучесть кадров в указанных подразделениях.

На основе проведённого сравнительно-правового анализа, с учётом положительного опыта государств-участников СНГ и современных научных рекомендаций, представляется возможным предложить следующие меры по совершенствованию правового регулирования и систем профилактики преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. Предлагаемые меры сгруппированы в соответствии с выявленными проблемами: каждое предложение направлено на устранение конкретного недостатка, установленного в ходе сравнительно-правового анализа.

Совершенствование законодательного регулирования.

В ответ на проблему расхождений в подходах к возрасту уголовной ответственности и перечню преступлений, за которые она наступает с пониженного возраста (от 14 до 16 лет), а также в целях устранения правовой неопределённости в случаях трансграничного характера преступлений целесообразна разработка и принятие модельного закона «Об основах системы профилактики правонарушений несовершеннолетних» в рамках СНГ. Такой акт позволил бы унифицировать подходы государств-участников к ключевым понятиям, принципам и институтам профилактики, что особенно важно в условиях свободного передвижения граждан и сохраняющейся инте-

грации в рамках Содружества.

В ответ на проблему отсутствия единообразных подходов к применению принудительных мер воспитательного воздействия (в России и Беларуси они рассматриваются как альтернатива уголовному наказанию, в Казахстане — как дополнительный инструмент, применяемый наряду с наказанием) необходимо внесение изменений в Уголовный кодекс РФ в части унификации подходов к применению принудительных мер воспитательного воздействия. Представляется целесообразным расширение перечня таких мер, а также законодательное закрепление возможности их применения на всех стадиях уголовного судопроизводства (от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора) [2].

В ответ на проблемы недостаточной эффективности межведомственного взаимодействия, размытости ответственности между субъектами профилактики, несовершенства информационного обмена, а также недостаточной профессиональной подготовки специалистов требуется совершенствование Федерального закона № 120-ФЗ в следующих направлениях:

чёткое разграничение полномочий и зон ответственности субъектов профилактики;

законодательное закрепление механизмов межведомственного информационного обмена;

введение обязательных программ повышения квалификации для специалистов, работающих с несовершеннолетними правонарушителями;

установление критериев оценки эффективности профилактической деятельности.

Совершенствование профилактической деятельности.

В ответ на проблему недостаточного использования восстановительных и медиативных технологий необходимо внедрение восстановительных и медиативных технологий в систему профилактики. Опыт Республики Казахстан и ряда европейских стран показывает, что применение программ примирения (восстановительной медиации) позволяет не только снизить уровень рецидива, но и способствует реальному заглаживанию вреда, причинённого преступлением.

В ответ на проблему слабой профилактической работы в цифровой среде, где значительная часть противоправного поведения несовершеннолетних реализуется через Интернет и социальные сети требуется усиление профилактической работы в цифровой среде. Представляется целесообразным создание специализированных подразделений в структуре органов внутренних дел и комиссий по делам несовершеннолетних, ориентированных на выявление и пресечение противоправного поведения подростков в сети Интернет, а также на проведение профилактических мероприятий с использованием цифровых платформ.

В ответ на проблему слабой вовлечённости институтов гражданского общества в профилактическую деятельность необходимо развитие института наставничества и волонтёрства. Опыт Республики Беларусь показывает высокую эффективность вовлечения общественных организаций, религиозных объединений и волонтёрских движений в работу с несовершеннолетними правонарушителями. Такая практика требует законодательного закрепления и ресурсной поддержки.

В ответ на проблему недостаточной эффективности механизмов снятия судимости и постпенитенциарной адаптации несовершеннолетних, освободившихся из воспитательных колоний следует совершенствовать систему постпенитенциарной адаптации. Целесообразно внедрение программ социального сопровождения, включающих содействие в трудоустройстве, получении образования, восстановлении семейных связей, а также психологическую поддержку.

Реализация предложенных мер потребует: а) внесения изменений в Федеральный закон № 120-ФЗ и подзаконные акты; б) выделения дополнительного финансирования на программы медиации и цифровой профилактики; в) разработки типовых программ повышения квалификации специалистов. Ожидаемый эффект — снижение уровня рецидива среди несовершеннолетних, повышение эффективности межведомственного взаимодействия и формирование единой концептуальной основы профилактической деятельности.

В ответ на проблему отсутствия единой концептуальной основы профилактической деятельности и разрозненности программных документов представляется целесообразным активизировать сотрудничество государств-участников СНГ в сфере противодействия преступности несовершеннолетних по следующим направлениям:

регулярный обмен статистическими данными и аналитическими материалами;

проведение совместных научных исследований и международных конференций;

разработка и внедрение совместных программ повышения квалификации специалистов;

унификация подходов к правовому регулированию ответственности несовершеннолетних;

обмен положительным опытом применения профилактических технологий.

Настоящее исследование ограничено анализом четырёх государств СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан) и не претендует на исчерпывающий охват всех национальных моделей профилактики. Дальнейшее изучение темы предполагает расширение круга стран, а также проведение эмпирических исследований эффективности отдельных профилактических про-

грамм.

Проведённый сравнительно-правовой анализ преступности несовершеннолетних в России и странах СНГ позволяет сделать следующие выводы.

Современное состояние подростковой преступности на постсоветском пространстве характеризуется как общими тенденциями (снижение абсолютных показателей, преобладание имущественных преступлений, высокая групповая преступность), так и национальными особенностями, обусловленными социально-экономическими, демографическими и культурными факторами.

Системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в России и государствах-участниках СНГ имеют общие институциональные корни, однако в последние десятилетия пути их развития разошлись. Наиболее существенные различия наблюдаются в степени внедрения элементов ювенальной юстиции, развитости медиативных технологий, а также в роли институтов гражданского общества в профилактической деятельности.

К числу основных проблем, характерных для большинства стран постсоветского пространства, относятся: недостаточная эффективность межведомственного взаимодействия, формальный характер индивидуальной профилактической работы, слабая вовлечённость общественных институтов, недостаточное ресурсное обеспечение, а также отсутствие единой концептуальной основы профилактической деятельности.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства и систем профилактики - от унификации подходов в рамках СНГ до внедрения восстановительных технологий и цифровых инструментов - позволят повысить эффективность противодействия подростковой преступности, обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также способствовать их успешной ресоциализации. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, общества и научного сообщества, способен обеспечить устойчивое снижение уровня преступности несовершеннолетних и формирование у подрастающего поколения уважительного отношения к закону.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[3] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 26. - Ст. 3177.

[4] Абдулатипов А. М. Криминологические особенности предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи в современной России / А. М. Абдулатипов, М. Р. Меджидов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2024. - № 2. - С. 231–238.

[5] Попов Д. Сравнительный анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершённых с применением насилия, по уголовному законодательству России и стран СНГ / Д. Попов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. - 2024. - № 12. - С. 136–140.

[6] Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних : учебное пособие для СПО / под ред. А. В. Ростокинского, Р. С. Данелян. - 2-е изд. - Москва : Юрайт, 2022. - 220 с.

[7] Синяева М. И. Совершенствование психолого-правовых мер профилактики групповой преступности несовершеннолетних в Российской Федерации / М. И. Синяева, Д. Н. Химеденова // Полицейская деятельность. - 2024. - № 6. - С. 36–48.

[8] Противодействие преступности несовершеннолетних: опыт России и Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. - Т. 25. - № 2. - С. 155–161.

[9] Швединская Г. И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности несовершеннолетних : учебное пособие / Г. И. Швединская, Л. Г. Литвяк, С. П. Бондарев. - Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. - 80 с.

[10] Himedenova D. N. Improvement of psychological and legal measures to prevent juvenile group crime in the Russian Federation / D. N. Himedenova, M. I. Sinyaeva // Police Activity. - 2024. - № 6. - P. 36–48.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) //

Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2014. - № 31. - Art. 4398.

[2] Criminal Code of the Russian Federation: dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 25. - Art. 2954.

[3] On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1999. - № 26. - Art. 3177.

[4] Abdulatipov A. M. Criminological features of juvenile and youth crime prevention in modern Russia / A. M. Abdulatipov, M. R. Medzhidov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - № 2. - S. 231-238.

[5] Popov D. Comparative analysis of crimes against families and minors committed with the use of violence, according to the criminal legislation of Russia and the CIS countries / D. Popov // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. - 2024. - № 12. - S. 136-140.

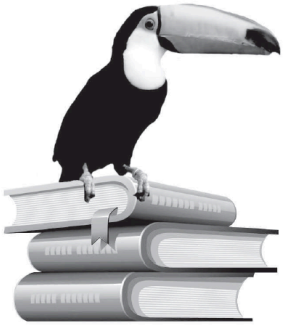
[6] Criminology and crime prevention: juvenile delinquency: a textbook for SPO / ed. A.V. Rostokinsky, R. S. Danelyan. - 2nd ed. - Moscow: Yurayt, 2022. - 220 s.

[7] Sinyaeva M. I. Improvement of psychological and legal measures for the prevention of group crime of minors in the Russian Federation / M. I. Sinyaeva, D. N. Khimedenova // Police activities. - 2024. - № 6. - S. 36-48.

[8] Countering juvenile crime: the experience of Russia and China // Asia-Pacific: economics, politics, law. 2023. - T. 25. - № 2. - S. 155-161.

[9] Shvedinskaya G.I. Criminological characteristics and prevention of juvenile delinquency: a textbook / G.I. Shvedinskaya, L.G. Litvyak, S.P. Bondarev. - Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 80 s.

[10] Himedenova D. N. Improvement of psychological and legal measures to prevent juvenile group crime in the Russian Federation / D. N. Himedenova, M. I. Sinyaeva // Police Activity. - 2024. - № 6. - P. 36–48.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-387-393
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ВДОВЦЕВ Павел Викторович,
доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧАРЫКОВ Александр Викторович,
адвокат адвокатской палаты Свердловской области, преподаватель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДОКАЗЫВАНИИ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ С УЧАСТИЕМ СВИДЕТЕЛЯ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС КОТОРОГО В ПОСЛЕДУЮЩЕМ БЫЛ ИЗМЕНЕН НА ОБВИНЯЕМОГО

Аннотация. *Предметом рассмотрения настоящей статьи выступает ситуация, когда лицо, изначально принимавшее участие в уголовном деле в качестве свидетеля, становится объектом уголовного преследования и обретает статус подозреваемого, обвиняемого; для этой ситуации характерен вопрос о допустимости использования в доказывании тех сведений, что названное лицо предоставило, будучи свидетелем; обосновывается суждение, что данные сведения использованию в доказывании не подлежат; высказываются предложения о закреплении этого положения в законе.*

Ключевые слова: *защитник, адвокат, свидетель, уголовно преследуемое лицо, право на защиту, допустимость доказательств.*

Для цитирования: *Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Об использовании в доказывании сведений, полученных с участием свидетеля, процессуальный статус которого в последующем был изменен на обвиняемого // Право и управление. 2026. № 10. С. 387–393.*

VDOVTSEV Pavel Viktorovich,
Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Law

CHARYKOV Alexander Viktorovich,
lawyer of the Bar Chamber of the Sverdlovsk Region, lecturer at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov, Ural State University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Law

REGARDING THE USE IN EVIDENCE OF INFORMATION OBTAINED WITH THE PARTICIPATION OF A WITNESS WHOSE PROCEDURAL STATUS WAS SUBSEQUENTLY CHANGED TO THAT OF AN ACCUSED PERSON

Annotation. *The subject of this article is the situation in which a person who initially participated in a criminal case as a witness becomes the subject of criminal prosecution and acquires the status of a suspect or an accused person; this situation is characterized by the question of the admissibility of using in evidence the information that this person provided while acting as a witness; the argument is substantiated that this information should not be used in evidence; proposals are made to enshrine this provision in law.*

Key words: *defender, lawyer, witness, person under criminal prosecution, right to defense, admissibility of evidence.*

For citation: *Vdovtsev P. V., Charykov A. V. Regarding the use in evidence of information obtained with the participation of a witness whose procedural status was subsequently changed to that of an accused person. Law and administration. 2026;(10):387–393. (In Russ.).*

Практика, практическая действительность, правоприменение, «жизнь» закона так же разнообразна, как и слова, ее обозначающие. Разнообразие присуще, прежде всего, тем ситуациям, из которых практика собственно и складывается и которые с неизбежностью требуют адекватного, компетентного реагирования со стороны правоприменительных органов. К примеру, обстоятельства могут сложиться так, что органы уголовного преследования, еще вчера имевшие дело с лицом, по всем юридическим параметрам, отвечающим правовому статусу свидетеля, сегодня с учетом новой фактологии (и/или переоценки имеющейся) располагают сведениями, указывающими на то, что названное лицо приложило руку, причастно к расследуемому преступлению.

Такая ситуация, связанная с изменением процессуального статуса, обременительна рядом нетривиальных вопросов, главным образом о доказательственном значении информации, что была предоставлена этим лицом в статусе свидетеля (Подчеркнем также, предметом анализа преимущественно выступает ситуация, при которой правоприменительные органы на момент допроса свидетеля (и, соответственно, обретения лицом этого статуса) не обладали информацией о причастности его к преступлению. Преимущество объясняется тем, что положение, характеризующееся их изначальной осведомленностью о подлинном отношении лица к произошедшему и игнорированием оного из формальных ли, тактических ли соображений, хотя по-прежнему порой имеет место в практике, получило достаточно однозначную оценку прежде всего Конституционного Суда РФ как неприемлемое). Необходимо рассмотреть некоторые из них.

Наступление подобных обстоятельств далеко не всеми правоприменителями считывается как препятствие для использования в качестве доказательств сведений, полученных с участием свидетеля, ставшего в последующем преследуемым лицом. В основе такого прочтения среди прочего довольно спорное соображение о том, что правомочия, присущие названным участникам, во многом совпадают и едва ли не идентичны. Прежде всего речь идет о правомочии, нашедшем отражение как в нормах, посвященных подозреваемому, обвиняемому (п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), так и в норме, определяющей правовое состояние свидетеля (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), - о правомочии отказаться от дачи показаний. Вместе с тем объемы этого правомочия названных участников не совпадают.

Процессуальные статусы свидетеля и преследуемого лица, как известно, не идентичны. Отличает их помимо прочего то очевидное обстоятельство, что подозреваемый, обвиняемый обладает правом на защиту, а свидетель нет. Из этого вытекает, в частности, что свидетель в отличие от уголовно преследуемого лица не вправе отказаться от дачи показаний. Причем не вправе под угрозой привлечения к уголовной ответственности (ст. 308 УК РФ, п. 2 ч. 6, ч. 8 ст. 56 УПК РФ).

Объектами свидетельского иммунитета (п. 40 ст. 5, ч. 2 ст. 11, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) выступают его носитель, т.е. сам свидетель, а также его близкие родственники. Соответственно, отказаться давать показания в той части, что не касается изобличения им самого себя (своих близких родственников), он не вправе, напротив, он обязан давать подобные показания. Таков объем его права отказа свидетельствовать, давать показания, который имеет, следовательно, относительный характер.

Подозреваемый, обвиняемый в свою очередь может отказаться давать показания в принципе, а не только в части самоизобличения. Данное его право нашло недвусмысленное отражение в законе: согласно п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе отказаться от дачи объяснений и показаний. Аналогичное положение закреплено в ст. 47 Кодекса, посвященной регламенту правового положения обвиняемого. Объем права преследуемого лица отказаться давать показания, в отличие от такового свидетеля, носит, стало быть, характер абсолютного.

Поэтому встречающееся в правоприменении указание на то, что если свидетелю было разъяснено и предоставлена возможность реализовать право на «ограниченное» свидетельствование, а значит, одновременно и право отказаться от дачи показаний в принципе, не выглядит

убедительно и прямо противоречит содержанию статуса этого участника судопроизводства.

Популярным доводом в пользу использования показаний «вчерашнего» свидетеля выступает, кроме того, ссылка на то, что это лицо, будучи свидетелем, было допрошено с участием адвоката. В представлении многих практических работников данное обстоятельство говорит, как ни странно, о реализации свидетелем права на защиту.

Конституционное право обращаться за квалифицированной юридической помощью, как известно, распространяется и на преследуемое лицо, и на свидетеля. Соответствующая возможность для свидетеля закреплена в п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК РФ (ему позволено в рамках допроса прибегать к услугам адвоката), для преследуемого лица – в п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (он вправе привлечь защитника).

Адвокат свидетеля, явившийся с ним на допрос, не лишен некоторой процессуальной активности, неширокий спектр которой дан в ч. 2 ст. 53 Кодекса.

При этом правовой статус адвоката обусловлен (или: в юридическом смысле производен) процессуальным положением свидетеля. Поскольку свидетеля не преследуют в уголовно-процессуальном порядке, постольку адвокат не осуществляет его защиту. Как известно, защищаться возможно только от уголовного преследования.

То, что лицо, будучи свидетелем, явилось на допрос с адвокатом не означает, что тем самым было обеспечено его право на защиту. Перед следственными органами в такой ситуации в принципе не стоит задача обеспечивать ему названное право, поскольку свидетель, повторим, не подвергается преследованию и, соответственно, в защите от него не нуждается (В случае непосредственного обеспечения органами следствия свидетеля адвокатом можно, как представляется, руководствоваться позициями КС РФ, нашедшими отражение в его решении от 27.06.2000 № 11-П: возникновение права на защиту обусловлено действиями и мерами правоприменительных органов, существенно затрагивающими или способными затронуть права, свободы лица и носящими изобличительную направленность. Обеспечение адвокатом можно воспринимать в качестве одной из таких мер. Соответственно, если органы следствия предпринимают данную меру, то необходимо презюмировать, что они располагают сведениями, указывающими на иное, чем свидетельское, отношение лица к расследуемому событию. А инициирование участия адвоката предпринимается для того, чтобы в дальнейшем при изменении правового положения этого лица на преследуемого сослаться на то, что его право на защиту было обеспечено заблаговременно и, соответственно, нет препятствий для использования в доказывании сведений, которые оно предоставило ранее в качестве свидетеля. Налицо парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: наделение адвокатом, само по себе, казалось бы, не имеющее отношения к принуждению, может стать мерой, указывающей на наличие факта преследования. Парадокс продиктован целью ее применения, а также статусом участника, «объектом» применения). Реализация свидетелем обозначенного права не связана с реализацией права на защиту. В противном случае неизбежно придется признать, что свидетель реализовывает право на защиту, которого у него нет. Если же придерживаться утверждения, что этим правом он все-таки обладает, то это будет означать, что правовые статусы свидетеля и уголовно преследуемого лица идентичны, совпадают. Иначе говоря, поскольку у свидетеля нет права на защиту, то и обеспечено оно быть не может.

Кроме того, реализация свидетелем названного права не должна восприниматься как показатель того, что он нуждается в защите и одновременно сам обеспечивает себя защитником.

По логике же правоприменительных органов получается, что если свидетель явился на допрос с адвокатом, то он сам, своими руками исключил возможность признания в последующем этих показаний недопустимыми, обеспечил их допустимость для следователя и вместо следователя. Или: если свидетель предпочел явиться с адвокатом, значит, ему есть что скрывать, есть от чего защищаться. То есть участие адвоката в таком случае ухудшает правовое положение этого лица.

Таким образом, утверждение, нередко встречающееся в практической действительности, о том, что право на защиту свидетеля не нарушается (обеспечивается) ввиду участия адвоката в его допросе, и, следовательно, показания его могут быть использованы в дальнейшем в том числе для его же изобличения, является уязвимым с процессуально-правовых позиций [2, 5].

То, что защитник преследуемого лица пользуется в ходе его допроса тем же объемом прав, что и участвующий в допросе свидетеля адвокат, не означает тождества их функций и, соответственно, правовых возможностей [4, 10]. Представляется, что полномочия, нашедшие отражение в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, к которым обращаются оба названных участника судопроизводства, - единственное, в чем их правовое положение совпадает. При этом деятельность адвоката свидетеля этими полномочиями исчерпывается.

Другое дело – защитник. Круг его полномочий значительно шире. Так, среди прочего он вправе осуществлять, если верить п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ, сбор доказательств, принимать

участие в тех следственных действиях, что осуществляются с его подзащитным, инициировать их проведение, знакомиться с их результатами, знакомиться с ключевыми процессуальными документами, определяющими существо правового положения клиента. Вправе он обратиться и к тем средствам и способам защиты, которые в законе прямо не зафиксированы, но при этом им не запрещены.

Сочетание этих правовых возможностей и средств позволяет защитнику формировать стратегию противостояния публичному субъекту уголовного судопроизводства, стороне обвинения, т.е. выстраивать линию защиты.

Защитник преследуемого лица, участвующий в его допросе, обладает, во-первых, знаниями (пусть и фрагментарными, не сопоставимыми со знаниями следователя) об имеющейся на момент допроса ситуации расследования, во-вторых, информацией, возможно к тому моменту уже полученной им самостоятельно в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Поэтому, обращаясь вроде бы к тем же полномочиям, что использует адвокат свидетеля (ч. 2 ст. 53 Кодекса), защитник реализовывает их все же несколько иначе, – встраивает их в стратегию защиты, сформированную до допроса подзащитного, реализовывает их в контексте данной стратегии. Адвокат свидетеля этих возможностей, этого контекста лишен, что значительно отличает его деятельность от работы защитника, с которым отождествлен он быть по этой причине не может, юридически подменить его не в состоянии.

Резюмируем сказанное: правоприменительные органы, на наш взгляд, допускают порой отождествление права на отказ от дачи показаний с правом не свидетельствовать против самого себя (своих близких родственников), адвоката свидетеля с защитником и, стало быть, отождествляют свидетеля с уголовно преследуемым лицом.

Статья 75 УПК РФ определяет юридическую судьбу, статус сведений, получение которых было сопряжено с отступлением от требований процессуального закона: они становятся недопустимыми. Следовательно, как не имеющие, утратившие юридическое значение не могут выступать доказательственной базой претензий государства к преследуемому лицу и в целом использованию в доказывании не подлежат.

В анализируемой ситуации допущенное правоприменительными органами отступление, а именно: использование в доказывании сведений, предоставленных «вчерашним» свидетелем (в том числе для его же последующего преследования), можно охарактеризовать как нарушение права этого лица на защиту, обусловленное неверной идентификацией, заблуждением относительно его фактического положения и, соответственно, процессуального статуса [1, 11].

В этой связи может возникнуть вопрос: является ли данное нарушение существенным? Статья 75 процессуального закона не содержит исчерпывающего перечня возможных нарушений, лишающих доказательство его юридической силы. По смыслу этой нормы таким нарушением может стать любое отступление от продиктованной законом формы.

При этом в теории уголовного процесса достаточно распространенным является воззрение, согласно которому все потенциальные нарушения закона следует подразделять на существенные и несущественные [7, 8]. Первые лишают полученные сведения доказательственного статуса. Вторые же позволяют использовать дефектное доказательство. В юридической литературе предложены различные критерии классификации процессуальных нарушений [9]. При этом отступления от процессуальной формы, связанные с нарушением конституционных прав граждан (и прежде всего, права на защиту), подавляющим большинством авторов признаются существенными.

Таким образом, данное нарушение, поскольку посягает оно на одно из базовых, ключевых конституционных установлений, – право на защиту, следует, на наш взгляд, отнести к числу существенных, которые, безусловно, лишают полученное доказательство юридической силы.

Может ли быть этот процессуальный изъян исправлен, нейтрализован, если другие доказательства, собранные по делу, подтверждают в своей совокупности достоверность показаний свидетеля, ставшего впоследствии обвиняемым, «бывшего», «вчерашнего» свидетеля? Отметим, что в процессуальной доктрине и практике встречаются оценки такого положения вещей как вполне удовлетворяющего требованиям процессуальной формы, то есть как возможного. Однако действующее законодательное регулирование не содержит, как представляется, положений, позволяющих нейтрализовать, «загладить» допущенное нарушение закона названным способом.

Если бы законодатель придерживался иной логики и предусматривал подобное «заглаживание», то достоверность подменяла, отменяла бы допустимость как самостоятельное качество доказательства. Это все равно, что собранные по делу в полном, безукоризненном соответствии с законом доказательства, то есть допустимые доказательства, исключительно на этом основании считать достоверными, адекватными действительности. Иначе говоря, то, что получено по закону, согласно закону, признается действительностью, заменяет действительность, создает ее. Вместе с тем доказательства должны отражать исследуемое событие, а не создавать новую (так

сказать, легалистскую) реальность. При таком подходе утрачивается связь доказательства с имевшим место событием, творится новая реальность, по сочиненным лекалам которой делается вывод, строятся суждения об исследуемом событии.

Другой потенциальный вопрос: возможно ли в рассматриваемой ситуации признать допустимой ту часть показаний свидетеля, в которой он изобличает других лиц. Приведенный вопрос кажется, на первый взгляд, уместным, ведь при их получении нарушений регламента допроса не допущено. Подчеркнем: свидетель в принципе не может изобличать себя. Если он изобличает себя (независимо от того, явилось ли самоизобличение, автообвинение следствием постановки вопросов уличающего свойства или нет), то, очевидно, обретает иной статус. Следовательно, вопрос о допустимости его показаний в отношении других лиц совпадает с вопросом об использовании его показаний в целом.

Постановка вопроса о частичном использовании его показаний была бы оправдана, если бы статус допрашиваемого лица был идентифицирован правильно. И тогда позволительно было бы вести разговор о возможности признания недопустимыми той части показаний участника, в принципе правильно идентифицированного в качестве свидетеля, что основана, скажем, на слухе, предположении и т.д.

Ошибка же в его статусе сродни такому процессуальному нарушению, как, допустим, проведение допроса ненадлежащим субъектом. Например, следователем без принятия уголовного дела к производству. Подобное нарушение также приводит к недопустимости полученных показаний в целом, притом, что в ходе непосредственного их получения отступлений от требований ст. 189, 190 УПК РФ ненадлежащим следователем допущено не было.

Ситуация, сходная во многом с анализируемой, также касающаяся неверной идентификации правового статуса участника уголовно-процессуальных отношений, становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Речь идет о его Постановлении от 27.06.2000 № 11-П [12]. Напомним: лицо, ошибочно, по мнению КС РФ, идентифицированное как свидетель, было лишено права на защиту. Ошибка была обусловлена ориентацией правоохранительных органов на формальное, а не фактическое положение этого лица как подвергающегося уголовному преследованию. Характерной особенностью этого случая выступало наличие у правоприменителей сведений, их изначальная осведомленность о подлинном отношении лица к уголовно-правовому конфликту: оно было задержано, в отношении него предпринимались действия явно уличающего свойства.

В основе ситуации, являющейся предметом анализа настоящей статьи, предпосылка о том, что органы следствия такой информацией изначально не располагали, и сведения, изобличающие лицо, допрошенное в качестве свидетеля, появились в их распоряжении значительно позже его допроса.

Разница между данными ситуациями в плане отношения к доказательственному статусу полученных с участием такого «свидетеля» сведений, на наш взгляд, отсутствует: допускать их к доказыванию нельзя. Последствия ошибочной идентификации одинаковы: прежде всего, нарушение права на защиту, только во втором случае оно носит, так сказать, отложенный характер, к полученной от «свидетеля» информации обращаются время спустя (в том числе для его же изобличения уже в новом статусе).

В том и другом случае умаляется, кроме того, принцип презумпции невиновности, поскольку правоприменительные органы получают доказательства (в том числе уличающего свойства) руками самого преследуемого лица посредством его допроса в статусе свидетеля, который, повторим, располагает лишь относительным правом отказа от дачи показаний. Тем самым функция обвинения передается самому преследуемому, происходит перераспределение бремени доказывания: собирание доказательств, позволяющих среди прочего предъявить обвинение, перекладывается на преследуемое лицо, ему предоставляется правовая возможность изобличить себя. Перед нами своего рода раздвоение процессуальной личности: свидетель изобличает преследуемого, во втором случае до поры до времени даже не догадываясь (как не догадываются и правоприменительные органы), что преследует он самого себя.

Резонен в свете сказанного, соответственно, вопрос следующего порядка: может ли отразиться на доказательственной оценке собранных в таком формате сведений то обстоятельство, что получение их явилось результатом добросовестного заблуждения органов уголовного преследования? Отметим, что юридические порядки некоторых государств предусматривают положения доказательственного права, предполагающие возможность «оправдания» и, соответственно, использования некачественного, недопустимого доказательства ссылкой на то, что оно было собрано под влиянием заблуждения, которое может быть интерпретировано как добросовестное. Подобное положение известно, к примеру, американскому доказательственному праву: «доказательство, полученное с нарушением закона, будет считаться допустимым, в точности, суд позволит им воспользоваться, если полицейский действо-

вал в рамках «добросовестного заблуждения» по поводу правомерности своих действий» [3].

«Добросовестность заблуждения», на наш взгляд, не может оправдывать, нивелировать отступление от требований процессуальной формы, не совместима с функцией, осуществляемой органом предварительного расследования, противоречит принципу публичности. Профессиональный субъект, олицетворяющий государство, не может иметь право на заблуждение, на ошибку: каждое его отступление от требований закона есть нарушение последнего, априори сознательное и недобросовестное нарушение. Публичный субъект должен руководствоваться согласно ст. 7 УПК РФ принципом законности, который исключает добросовестно некомпетентные блуждания в процессуальном законе. Противоречит названная добросовестность и подспудно присутствующему в Кодексе принципу презумпции юридической сознательности, разумности, компетентности профессионального участника судопроизводства.

Возможно также, что ставка на упомянутую добросовестность, снисходительное к ней отношение продиктовано процессуальным положением следователя как незаинтересованного лица. Это положение, основанное на его законной обязанности собирать доказательства как уличающего, так и оправдывающего толка, позволяет ошибочно воспринимать его действия, в том числе допрос уличаемого свидетеля, как направленные на установление такого знания об обстоятельствах произошедшего, которое лишено даже намека на какую-либо заинтересованность, - то есть на установление так называемой объективной истины. А раз следователь – персона незаинтересованная, почти внесостязательная, то и произведенные им познавательные действия априори законны, а доказательственные результаты его непреложно законных усилий всегда допустимы, даже если и явились следствием добросовестного заблуждения различной степени тяжести.

Отмеченная выше двойственность процессуальной личности, которая неизбежно возникает в силу отождествления анализируемых статусов, дает о себе знать иной раз и в судебной стадии. Так, дабы включить «свидетельские» показания в процесс судебного доказывания, имеют место примеры попыток (и подчас, увы, успешных) стороны обвинения задействовать возможности ст. 276 и/или ст. 281 УПК РФ, посвященных процедуре оглашения показаний, данных ранее на досудебной стадии соответственно подсудимым и свидетелем. Однако ни та, ни другая норма, представляется, применена быть не может: первая, поскольку подсудимый в юридическом смысле в настоящий момент уже не является свидетелем, вторая – в силу того, что свидетель перестал быть таковым и в настоящий момент уже является подсудимым. К одному преступному событию, уголовно-правовому конфликту невозможно двойственное отношение: нельзя одновременно совершить преступление и быть его свидетелем. Таким образом, относительно уголовно-правового конфликта лицо может выступать лишь в одном качестве, статусе, что, разумеется, исключает все его прежние статусы как ошибочно определенные, а равно и возможность последующего использования (в том числе в суде) показаний, данных им в «ошибочном» статусе.

В целом проведенный системный анализ норм показал, что действующий процессуальный регламент позволяет нейтрализовать тот вариант истолкования закона, зачастую проявляющийся в практической действительности, который допускает использование в доказывании сведений, предоставленных «бывшим» свидетелем, при изменении его статуса на преследуемое лицо.

Вместе с тем некоторые элементы системы ввиду особенностей правоприменительной оптики с присущей ей подчас избирательностью остаются без должного внимания, что и приводит к возникновению рассмотренной ситуации. Соответственно, гораздо больший эффект на правоприменение с целью его оптимизации по сравнению с системным толкованием способно оказать сосредоточение, создание в отдельной норме правила, аккумулирующего результаты обращения ко всем элементам системы. Например, в ст. 75 УПК РФ, в перечне возможных отступлений от процессуальной формы, указывающих на недоброкачественность собранных сведений, можно было бы закрепить примерно следующее положение: к недопустимым доказательствам относятся те, что получены с участием свидетеля (включая его показания), при изменении в последующем его статуса на уголовно преследуемое лицо.

Список литературы:

[1] Арабули Д.Т. Свидетель в уголовном процессе (некоторые особенности процессуального статуса) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 13-18.

[2] Бояринцев А.А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование // Российский следователь. 2020. № 12. С. 23-26.

[3] Глобенко О. Плоды отравленного дерева // Уголовное судопроизводство. 2006. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Давлетов А.А. Адвокат-консультант в уголовном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2014. № 1. С. 15-20.

[5] Жамкова О.Е., Смыслова В.Н. Вопросы правомерности уголовного преследования свидетеля // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 483-484.

[6] Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1999. С. 47-48.

[7] Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 83-86.

[8] Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в российском уголовном процессе. М., 2000. С. 73.

[9] Немытина М.В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 55.

[10] Терентьева Н.А. Право свидетеля на адвоката // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. № 2. С. 68-69.

[11] Хайдаров А.А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 136-137.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Arabuli D.T. Witness in criminal proceedings (some features of procedural status) // Bulletin of Orenburg State University. 2006. № 3. S. 13-18.

[2] Boyarintsev A.A. On the legal status of a witness subject to public prosecution // Russian investigator. 2020. № 12. S. 23-26.

[3] Globenko O. Fruits of a poisoned tree // Criminal proceedings. 2006. No. 2 // SPS "ConsultantPlus.".

[4] A. Davletov. Lawyer-consultant in criminal proceedings // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2014. № 1. S. 15-20.

[5] Zhamkova O.E., Smyslova V.N. Questions of the legality of the criminal prosecution of a witness // Law and state: theory and practice. 2025. № 5. S. 483-484.

[6] Zolotykh V.V. Verification of admissibility of evidence in criminal proceedings. Rostov-on-Don, 1999. S. 47-48.

[7] Kipnis NM Admissibility of evidence in criminal proceedings. M., 1995. S. 83-86.

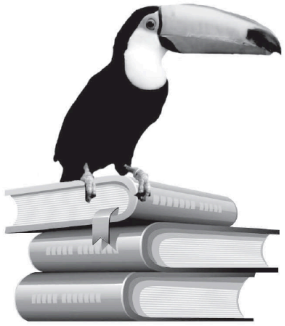
[8] Markina E.A. Admissibility of evidence as a guarantee of justice and individual rights in Russian criminal proceedings. M., 2000. S. 73.

[9] Nemytina M.V. Russian jury trial. M., 1995. S. 55.

[10] Terentyeva N.A. The right of a witness to a lawyer // Bulletin of Economics, Management and Law. 2024. VOL. 17. № 2. S. 68-69.

[11] Khaidarov A.A. On some law enforcement problems arising from changes in the procedural status of a participant in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2018. № 8. S. 136-137.

[12] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2000 No. 11-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 1 of Art. 47 and Part 2 of Art. 51 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov" // SPS" ConsultantPlus".

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-394-400
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БОЧАРОВА Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры ОРДиСТ Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, подполковник полиции,
e-mail: ord.kafedra@yandex.ru

ЕРОШЕНКО Ольга Олеговна,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

САРАНКИНА Юлия Александровна,
доцент кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, доцент,
e-mail: Serdyuk1980@mail.ru

ДИСТАНЦИОННАЯ ВЕРБОВКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ДИВЕРСИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования выступают современные механизмы дистанционного вовлечения несовершеннолетних в совершение диверсий, осуществляемого через мессенджеры, социальные сети и иные цифровые сервисы. Анализируются изменения уголовного законодательства 2025–2026 гг., соотношение специальных норм о содействии диверсионной деятельности со статьей 150 УК РФ, а также проблемы установления умысла несовершеннолетнего исполнителя. Обосновывается необходимость различать осознанную корыстную вербовку, идеологическое вовлечение и манипулятивные схемы, основанные на обмане, шантаже либо ложном представлении о правомерности задания. Предлагается авторская модель квалификации, включающая оценку адресности воздействия, содержания задания, специальной цели, степени осведомленности подростка и механизма формирования его воли. Формулируются меры ранней профилактики цифровой вербовки.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, диверсия, дистанционная вербовка, вовлечение, мессенджеры, информационно-телекоммуникационные сети, уголовная ответственность, умысел, обман, профилактика.*

Для цитирования: *Бочарова Ю. А., Ерошенко О. О., Саранкина Ю. А. Дистанционная вербовка несовершеннолетних для совершения диверсий: проблемы уголовно-правовой квалификации и предупреждения // Право и управление. 2026. № 10. С. 394–400.*

BOCHAROVA Yulia Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Crime, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

EROSHENKO Olga Olegovna,
Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

SARANKINA Yulia Aleksandrovna,
Associate Professor, Department of Constitutional and Civil Law, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor

REMOTE RECRUITMENT OF MINORS FOR SABOTAGE: PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW QUALIFICATION AND PREVENTION

Annotation. *The article examines modern mechanisms of remotely recruiting minors for sabotage through messengers, social networks and other digital services. It analyzes the 2025–2026 amendments to Russian criminal law, the relationship between special provisions on assistance to sabotage activity and Article 150 of the Criminal Code, and the problem of proving the minor perpetrator's intent. The author distinguishes conscious profit-motivated recruitment, ideological involvement and manipulative schemes based on deception, blackmail or a false belief that an assignment is lawful. A qualification model is proposed that assesses individualized influence, the content of the assignment, the special purpose of sabotage, the minor's awareness and the mechanism by which his or her will was formed. Measures for early prevention of digital recruitment are formulated.*

Key words: *minors, sabotage, remote recruitment, involvement, messengers, information and telecommunication networks, criminal liability, intent, deception, prevention.*

For citation: *Bocharova Yu. A., Eroshenko O. O., Sarankina Yu. A. Remote recruitment of minors for sabotage: problems of criminal-law qualification and prevention. Law and administration. 2026;(10):394–400. (In Russ.).*

В современных условиях дистанционная вербовка несовершеннолетних для совершения диверсий превратилась в самостоятельный криминологический и уголовно-правовой феномен, поскольку ее специфика состоит в том, что контакт между организатором и потенциальным исполнителем может полностью осуществляться в цифровой среде, а именно поиск подростка, установление доверия, проверка готовности к выполнению поручений, передача координат объекта, инструкции по способу повреждения, обещание вознаграждения и получение фото- или видеоотчета совмещаются в единой коммуникационной цепочке. В результате традиционное представление о вербовке как о длительном личном идеологическом воздействии уже не отражает значительную часть современных схем, даже исследования последних лет показывают, что дистанционное вовлечение несовершеннолетних следует рассматривать как самостоятельный объект криминалистического и профилактического анализа [2, с. 24–30], а современные экспертные данные подтверждают неоднородность мотивации подростков и механизмов их включения в диверсионную деятельность [1, с. 83–101].

Особую актуальность проблеме придали изменения уголовного законодательства. Так Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ усилена ответственность за преступления террористической и диверсионной направленности, расширен перечень деяний, за которые уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста, а совершение отдельных форм содействия террористической и диверсионной деятельности в отношении несовершеннолетнего получило самостоятельное квалифицирующее значение. В тоже время в действующей редакции ст. 150 УК РФ использование информационно-телекоммуникационных сетей при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления выступает квалифицирующим признаком и закономерно возникает вопрос о разграничении общей нормы о вовлечении несовершеннолетнего и специальных норм, ориентированных на террористическую и диверсионную деятельность.

По нашему мнению, исходным правилом должна быть оценка специальной направленности умысла взрослого, когда лицо склоняет, вербует или иным образом вовлекает несовершеннолетнего именно в совершение преступлений, перечисленных в специальных нормах о содействии террористической либо диверсионной деятельности, приоритет должна иметь специальная уголовно-правовая конструкция. При этом статья 150 УК РФ сохраняет самостоятельное значение для иных преступлений и для ситуаций, не охватываемых специальными составами, хотя в тоже время механическое сложение общей и специальной нормы за одно и то же вовлекающее воздействие способно привести к двойной оцен-

ке фактически единого поведения. Вместе с тем совокупность не исключается, если виновный последовательно вовлекает подростка в несколько самостоятельных преступлений, часть которых выходит за пределы специальных составов.

Для цифровой же среды принципиально важно содержание понятия «вовлечение», которое мы попытаемся раскрыть далее. Верховный Суд Российской Федерации применительно к содействию террористической деятельности относит к склонению, вербовке и иному вовлечению умышленные действия, направленные на включение определенного лица или группы лиц в совершение соответствующих преступлений, в том числе посредством уговоров, подкупа, угроз, предложений и распространения материалов через информационно-телекоммуникационные сети. При этом необходимо отметить, что такая конструкция позволяет охватить дистанционную коммуникацию без личной встречи, хотя наличие переписки само по себе и не доказывает вербовку, требуется установить адресность воздействия и его функциональную направленность на формирование либо укрепление решения конкретного несовершеннолетнего участвовать в преступной деятельности.

Цифровая вербовка нередко имеет ступенчатую структуру, когда на первом этапе подростку предлагают нейтральное или слабо рискованное поручение, к примеру, сфотографировать объект, уточнить режим его охраны, передать небольшой предмет, оформить банковскую карту, получить посылку. На втором этапе уже вводится материальная мотивация или формируется зависимость от «куратора», затем подросток получает задание, связанное с поджогом, повреждением инфраструктуры, транспортного объекта или средств связи, при этом после совершения действия организатор требует подтверждение результата. В исследовании клинико-психологических характеристик подростков, совершивших диверсионные действия, описаны как случаи осознанного поиска заработка и контакта с кураторами, так и ситуации, где подростки действовали под воздействием сложного обмана и манипуляции [1, с. 94–101]. Вот почему правоприменителю необходимо устанавливать не только конечное действие, но и весь процесс формирования решения.

Научно значимым является разграничение корыстной и манипулятивной модели, когда в первой подросток понимает противоправность задания, осознает характер объекта и согласен причинить требуемый вред за вознаграждение, а во второй он может быть убежден, что участвует в законной деятельности, помогает правоохранительным органам, предотвращает более тяжкое преступление либо выполняет хозяйственное поручение. Авторы исследований вовлечения несовершеннолетних через Интернет обращают внимание на использование ложных персональных данных, предварительное изучение профиля подростка и приспособление легенды к его интересам [3, с. 211–218]. В 2025 г. в литературе даже отдельно поставлен вопрос о дифференцированной квалификации вовлечения с учетом объективных и субъективных особенностей конкретной ситуации [4, с. 195–200].

По нашему мнению, именно субъективная сторона является центральной проблемой квалификации действий несовершеннолетнего, поскольку диверсия предполагает прямой умысел и предусмотренную законом специальную цель, а корыстный мотив не исключает диверсионной цели, если подросток понимает значение повреждаемого объекта и осознает, что действует для подрыва экономической безопасности или обороноспособности Российской Федерации. Но в тоже время обещание денежного вознаграждения не доказывает автоматически такого осознания, поскольку если подросток полагает, что совершает обычное повреждение имущества, участвует в инсценировке или выполняет законное распоряжение, переносить специальную цель организатора на исполнителя недопустимо. В этом аспекте целесообразно различать знание факта противоправности и знание юридически значимого социального смысла действия. К примеру, подросток может осознавать, что поджог запрещен, но не понимать функционального назначения объекта и целей инициатора, а для квалификации по ст. 281 УК РФ необходимо установить, что его сознанием охватывались признаки, позволяющие отнести деяние именно к диверсии. В противном же случае, возможна квалификация по иным нормам об умышленном повреждении имущества либо вывод об отсутствии вины в диверсии. Немаловажное значение здесь имеет ст. 28 УК РФ, поскольку всегда возможны ситуации фактического заблуждения и ч. 3 ст. 20 УК РФ, когда вследствие отставания в психическом развитии несовершеннолетний, достигший возраста ответственности, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Эмпирические данные 2026 г. несомненно усиливают эту позицию, при исследовании материалов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз выделены подростки, совершавшие деструктивные действия под влиянием обмана и цифровых манипуляций, при этом авторы подчеркивают необходимость дифференцированной правовой оценки с учетом психического состояния, личностной зрелости и субъективной картины ситуации [1, с. 116–138], что особенно важно после снижения возраста ответственности, поскольку расширение уголовной репрессии

не должно превращаться в презумпцию того, что каждый четырнадцатилетний исполнитель полностью понимает политико-экономический смысл объекта и цели удаленного куратора.

Другая немаловажная проблема связана с моментом окончания преступления вербовщика, поскольку для склонения и вербовки в специальных составах достижение фактического результата не является обязательным, уголовно наказуемо само направленное воздействие, когда оно выражено в действиях, способных сформировать решение об участии в соответствующем преступлении, хотя для отделения уголовно наказуемой вербовки от подготовительной коммуникации важно установить достаточно определенное содержание предложения, общие разговоры о политике, демонстрация деструктивного контента или абстрактное одобрение диверсий не должны автоматически признаваться индивидуальной вербовкой. Качественный переход, по нашему мнению, происходит тогда, когда коммуникация становится адресной и связывается с конкретной преступной ролью, объектом либо типом задания.

В связи с чем предлагается использовать критерий функциональной конкретизации, смысл которого состоит в том, что дистанционное воздействие признается вербовочным с момента, когда несовершеннолетнему не просто транслируется противоправная идея, а отводится определенная функция в будущем преступлении, как то, исполнитель, наблюдатель, курьер, лицо, приобретающее компоненты, оператор связи или иной участник. По нашему мнению, такая функция может быть описана не юридическими терминами, а фактическими действиями, критерий позволит отличить распространение информации от персонализированного вовлечения и одновременно учитывать скрытые формы вербовки, где преступная цель раскрывается постепенно.

Отдельного внимания, несомненно, требует и квалификация поведения организатора, использующего обман, который не уменьшает общественную опасность вербовщика, напротив, свидетельствует о целенаправленном использовании возрастной уязвимости. К примеру, если несовершеннолетнему сообщаются ложные сведения о правомерности действий, но организатор осознает реальную диверсионную направленность задания, его собственный умысел остается прямым, уголовно-правовая оценка подростка и куратора в таком случае может существенно различаться, так, взрослый отвечает за вовлечение и иные совершенные им преступления, тогда как несовершеннолетний при отсутствии необходимого умысла не должен отвечать за диверсию только потому, что объективно выполнил указание.

Криминологическая же профилактика определенно должна учитывать структуру цифрового воздействия. Специалисты в данной области выделяют раннюю профилактику преступлений, создающих угрозу национальной безопасности, как отдельное направление работы с несовершеннолетними [6, с. 195–206]. А. В. Польшиков, к примеру, специально связывает профилактику вовлечения в террористические акты и диверсии с Интернетом и необходимостью разъяснять алгоритмы вербовочных схем [5, с. 210–214]. В более же широком плане вопросы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в их отношении, рассматривались В. В. Шанько и А. В. Мацко [8, с. 172–175]. Хотя, по нашему мнению, для современной ситуации эта профилактическая логика должна быть дополнена цифровыми инструментами и обучением распознаванию манипуляции.

Практически полезной нам представляется модель «ранних цифровых индикаторов», не предполагающая тотального контроля частной жизни, к которым относятся предложение перейти в закрытый мессенджер после короткого знакомства, требование скрывать контакт от родителей и педагогов, обещание непропорционально высокой оплаты за простое действие, просьбы фотографировать объекты транспорта, связи или энергетики, получение инструкции использовать зажигательные смеси, требование предоставить фото- или видеоотчет, давление после первого выполненного поручения, угрозы передать правоохранительным органам якобы компрометирующие сведения и т.д. В связи с чем, задача профилактики состоит не в криминализации поведения подростка на раннем этапе, а в создании безопасного механизма сообщения о подобных контактах.

В этом контексте, перспективным нам представляется включение специальных профилактических модулей в работу образовательных организаций и подразделений по делам несовершеннолетних, которые должны объяснять не только уголовно-правовые последствия, но и психологическую архитектуру вербовки, такие как формирование доверия, «малую просьбу», постепенное повышение ставок, изоляцию от значимых взрослых, создание срочности и страха, обещание спасения через выполнение задания. На наш взгляд, прямое запугивание суровостью наказания менее эффективно, если подросток уверен, что действует по заданию «сотрудника службы безопасности» или «правоохранительного органа».

Несомненно, в уголовно-процессуальном плане требуется особый стандарт исследования цифровой коммуникации, переписка должна оцениваться в хронологической последовательности, с установлением первоначального инициатора контакта, изменений легенды, момента появления преступного задания, реакций несовер-

шеннолетнего, вопросов о назначении объекта и объяснений со стороны куратора. Поскольку фрагментарное изъятие отдельных сообщений способно исказить картину умысла, важны данные об удаленных сообщениях, платежах, геолокации, передаче файлов, поисковых запросах и самостоятельных действиях подростка вне указаний куратора.

С учетом изложенного нам видится эффективной пятиэлементная модель квалификации дистанционной вербовки несовершеннолетнего для совершения диверсии: во-первых, установить адресность воздействия и личность предполагаемого вербовщика; во-вторых, определить фактическую функцию, предлагаемую подростку; в-третьих, установить специальную диверсионную направленность умысла взрослого; в-четвертых, автономно оценить содержание умысла несовершеннолетнего и его способность осознавать социальный смысл действий; в-пятых, проверить, не сформировано ли поведение подростка посредством обмана, угроз, шантажа или иной манипуляции, исключающей либо изменяющей его вину. Такая последовательность, по нашему мнению, предотвращает смешение ответственности организатора и исполнителя.

Хочется обратить внимание и на тот факт, что законодательная реакция 2025 г. существенно усилила охрану общественной безопасности, однако дальнейшее совершенствование целесообразнее было бы связывать не столько с увеличением санкций, сколько с уточнением судебных разъяснений. Считаем, что Верховному Суду Российской Федерации следует прямо указать, что при дистанционном вовлечении несовершеннолетнего необходимо разграничивать умысел вовлекающего и умысел вовлекаемого, использование информационно-телекоммуникационных сетей является способом преступного воздействия, но не заменяет доказывание адресности и содержания вербовки, совершение подростком объективно диверсионного действия не освобождает суд от установления специальной цели, обман относительно правомерности задания может исключать умысел несовершеннолетнего на диверсию.

Таким образом, мы видим, что дистанционная вербовка несовершеннолетних для диверсий характеризуется высокой технологичностью, персонализированным воздействием и возможностью скрывать истинную цель до последнего этапа и наиболее обоснованной, несомненно, является уголовно-правовая модель, при которой ответственность каждого участника определяется автономно. То есть, усиленная ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего не должна превращаться в автоматическое вменение подростку умысла организатора. При этом одновременно доказанная осведомленность о характере объекта, цели и последствиях действий позволяет применять нормы о диверсии независимо от корыстного мотива. В связи с чем эффективное противодействие требует сочетания точной квалификации, цифровой криминалистики, психолого-психиатрической экспертизы и ранней профилактики.

Мы так же разобрали, что отдельной квалификационной проблемой является соотношение вовлечения несовершеннолетнего с приготовлением и соучастием в конкретной диверсии, когда дистанционный куратор может ограничиться формированием готовности подростка к преступлению, а может передать точные координаты, способ поджога, время, маршрут отхода и порядок получения вознаграждения. И уже становится очевидным, что во втором случае его деятельность не исчерпывается воздействием на личность несовершеннолетнего, а в зависимости от установленной роли способна одновременно образовывать организацию, подстрекательство или пособничество в конкретном преступлении. При этом недопустимо автоматически признавать организатором всякого удаленного собеседника, требуется установить реальное руководство подготовкой и совершением деяния, распределение функций и контроль исполнения. В тоже время, если лицо только склоняет подростка, но не участвует в организации конкретного эпизода, специальная норма о вовлечении должна применяться в соответствии с ее собственными признаками. Такой подход, несомненно, позволит избежать как необоснованного расширения соучастия, так и искусственного поглощения самостоятельных общественно опасных действий.

Не менее важно разграничить и провокационное воздействие и выявление уже сформированного умысла, поскольку для профилактических и оперативных подразделений цифровая среда создает возможности раннего обнаружения лиц, ищущих исполнителей, однако сама деятельность государства должна оставаться в пределах закона. Фиксация предложения, исходящего от предполагаемого вербовщика, и последующее контролируемое взаимодействие отличаются от ситуации, когда идея преступления фактически создается действиями представителей власти, применительно к несовершеннолетним эта граница особенно чувствительна из-за возрастной внушаемости, поэтому доказательственная модель должна показывать первоначальное происхождение преступной инициативы и отсутствие искусственного формирования намерения совершить диверсию со стороны лиц, осуществляющих документирование.

В профилактическом же аспекте необходимо учитывать, что подросток часто воспринимает

цифровую коммуникацию как частное общение и не связывает ее с организованной преступной деятельностью, откуда следует необходимость формировать практический навык распознавания сценария, а не ограничиваться общими лозунгами о вреде экстремизма. То есть, эффективная профилактика должна объяснять признаки вербовочного поведения, просьбу сохранять секретность, использование «легенды» о законной работе, требование быстро выполнить поручение без обсуждения с близкими, предложение оплаты в криптовалюте или через третьих лиц, проверочные задания возле объектов инфраструктуры, сбор сведений о камерах и охране. Значение имеет и доступный алгоритм безопасного выхода из контакта, а именно прекращение общения, сохранение переписки, обращение к взрослому и передача информации компетентным органам без самостоятельного продолжения опасного взаимодействия. Вот почему предлагаемая нами модель предупреждения должна сочетать индивидуальную и средовую профилактику, когда индивидуальная направлена на подростков, уже оказавшихся в контакте с вербовщиками либо демонстрирующих выраженный интерес к рискованным «заработкам». Средовая же предполагает взаимодействие образовательных организаций, подразделений по делам несовершеннолетних, центров профилактики, родителей и цифровых платформ, но вмешательство должно быть соразмерным, так как профилактика не может строиться на презумпции криминогенности подростковой интернет-активности, ее задача состоит в сокращении пространства манипуляции, повышении способности несовершеннолетнего распознавать преступное предложение и обеспечении быстрого реагирования на адресную вербовку.

Список литературы:

[1] Дозорцева Е. Г., Бадмаева В. Д., Кастальская-Бороздина А. А., Федонкина А. А., Чибисова И. А. Клинико-психологические характеристики подростков, совершивших диверсионные действия // Психология и право. 2026. Т. 16. № 1. С. 83–101. DOI: 10.17759/psylaw.2026160106..

[2] Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 24–30. DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.3..

[3] Буданова Е. А., Буданов С. А., Кушнарева А. В. Особенности детерминации и предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений посредством сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 211–218.

[4] Буданова Е. А., Козаренко Ю. И. Проблемы квалификации деяний, связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 195–200.

[5] Польшиков А. В. Проблемы предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних посредством сети Интернет в совершение террористических актов и диверсий на территории России // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 210–214.

[6] Польшиков А. В., Демидова О. В., Кулешов А. А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 195–206.

[7] Киселев С. А., Киселева Ю. Ю. Изменение уголовного законодательства Российской Федерации в условиях СВО: проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность // Вопросы ювенальной юстиции. 2026. № 2. С. 10–14. DOI: 10.18572/2072-3695-2026-2-10-14..

[8] Шанько В. В., Мацко А. В. О мерах, принимаемых ГУ МВД России по Ставропольскому краю, по профилактике преступлений, совершенных несовершеннолетними и в их отношении // Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога: материалы ежегодной городской научно-практической конференции. 2014. С. 172–175.

[9] Решняк М. Г., Боташева З. Х. Уголовно-правовые меры борьбы с диверсионной деятельностью: критический анализ законодательства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11 (199). С. 250–256. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.30..

References:

[1] Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Kastalskaya-Borozdina A.A., Fedonkina A.A., Chibisova I.A. Clinical and psychological characteristics of adolescents who committed sabotage actions // Psychology and Law. 2026. T. 16. № 1. S. 83-101. DOI: 10.17759/psylaw.2026160106..

[2] Golovin A. Yu., Akiev A. R., Golovina E. V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of forensic research // The rule of law: theory and practice. 2024. № 2 (76). S. 24-30. DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.3..

[3] Budanova E. A., Budanov S. A., Kushnareva A. V. Peculiarities of determination and prevention of facts of involvement of minors in committing crimes via the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. S. 211-218.

[4] Budanova E. A., Kozarenko Yu. I. Problems

of qualification of acts related to the facts of involving minors in the commission of various crimes // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3. S. 195-200.

[5] Polshikov A. V. Problems of preventing the involvement of minors via the Internet in terrorist acts and sabotage in Russia // Scientific Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. S. 210-214.

[6] Polshikov A.V., Demidova O.V., Kuleshov A.A. The main problems of preventing terrorist acts and sabotage committed by minors and with their complicity // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. № 1. S. 195-206.

[7] Kiselev S. A., Kiseleva Yu. Yu. Change in the criminal legislation of the Russian Federation in the context of the SVO: problems of countering the involvement of minors in terrorist and extremist activities // Juvenile justice issues. 2026. № 2. S. 10-14. DOI: 10.18572/2072-3695-2026-2-10-14..

[8] Shanko V.V., Matsko A.V. On the measures taken by the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Stavropol Territory to prevent crimes committed by and against minors // Stavropol is a city of interethnic harmony and interfaith dialogue: materials of the annual city scientific and practical conference. 2014. S. 172-175.

[9] Reshnyak M. G., Botasheva Z. Kh. Criminal law measures to combat sabotage activities: a critical analysis of legislation // Theory and practice of social development. 2024. № 11 (199). S. 250-256. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.30..

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-401-406
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КУЗНЕЦОВ Роман Александрович,
аспирант 3 курс Российская Таможенная Академия, Российская таможенная, г. Люберцы,
e-mail: romank2004@inhox.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ТАМОЖЕННЫХ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В настоящей научной статье автор кратко рассматривает особенности досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в РФ. Автор исследования отмечает высокий уровень распространения киберпреступности в целом, анализирует статистические материалы. Далее автор статьи также акцентирует внимание уже на конкретных проблемах, с которыми сталкиваются органы следствия и дознания при осуществлении досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях. В научной работе сделан акцент на необходимость совершенствования действующего правового регулирования, правоприменительной практики, а также методической составляющей данного процесса. Объектом исследования являются особенности досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в РФ. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в РФ. Методы исследования: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в РФ. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями досудебного производства по делам о киберпреступлениях и таможенных киберпреступлениях в РФ в частности в современном российском уголовно-процессуальном праве.*

Ключевые слова: *досудебное производство, уголовный закон, киберпреступность, киберпреступление, уголовный процесс, современное состояние.*

Для цитирования: *Кузнецов Р. А. Особенности досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в Российской Федерации // Право и управление. 2026. № 10. С. 401–406.*

KUZNETSOV Roman Alexandrovich,
PhD student, 3rd year, Russian Customs Academy, Russian Customs, Lyubertsy

FEATURES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CASES OF CUSTOMS CYBERCRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In this scientific article, the author briefly examines the features of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation. The author of the study notes the high level of cybercrime prevalence in general, analyzes statistical materials. Further, the author of the article also focuses on the specific problems faced by the investigative and inquiry bodies in the implementation of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime. The scientific work focuses on the need to improve the current legal regulation, law enforcement practice, as well as the methodological component of this process. The object of the study is the peculiarities of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation. The aim of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of pre-trial*

proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation. Research methods: formal legal, comparative, comparative analysis, dialectical, generalization, concretization, systematization and system method, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the study is the preparation of a comprehensive study, the formation of author's conclusions on the specifics of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation. This scientific article, therefore, will be useful for theorists, practitioners, students and teaching staff in the humanities and other fields of study, as well as for a wider range of readers interested in the specifics of pre-trial proceedings in cases of cybercrime and customs cybercrime in the Russian Federation, in particular in modern Russian criminal procedure law.

Key words: *pre-trial proceedings, criminal law, cybercrime, cybercrime, criminal process, current state.*

For citation: *Kuznetsov R. A. Features of pre-trial proceedings in cases of customs cybercrime in the Russian Federation. Law and administration. 2026;(10):401–406. (In Russ.).*

В современной отечественной уголовно-правовой практике киберпреступность приобрела крайне широкое распространение, и статистические показатели по совершению преступлений данной категории ежегодно продолжают расти. Причем, как отмечает МВД России, если количественные показатели по данным преступлениям показывают некоторый спад, качественные характеристики, напротив, становятся все значительнее [5]. Это касается, в первую очередь, размера нанесенного совершением киберпреступлений имущественного ущерба.

В частности, за первое полугодие 2026 г. общее число совершенных киберпреступлений сократилось на 30 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года – с 371,4 тыс случаев до 252,9 тыс. В свою очередь, нанесенный ущерб по итогам первого полугодия 2025 г. составил более 480 млн рублей, в то время как первое полугодие 2026 г. «закрылось» показателем в 1,4 млрд рублей, что в три раза больше, чем в минувшем году [6; 11]. Наибольший урон при этом несут такие отрасли экономики страны, как государственный сектор и промышленность, финансы и ИТ, а также транспорт (диаграмма 1) [4].

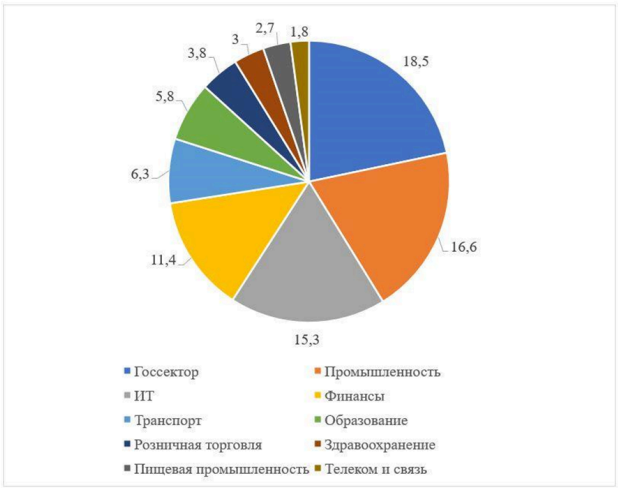

Диаграмма 1. Статистика распространения киберпреступлений в России за период 2023-2026 гг. (по материалам Обзора «Лаборатории Касперский», специально для ПМЭФ-2026 г.) [4].

Специалисты отмечают и ряд других актуальных характеристик киберпреступности, среди которых ключевой выступает качественная трансформация схем совершения преступлений, появление новых механизмов, при этом все больше на практике встречается «чистых» способов манипуляций, крайне сложных для проведения расследования и привлечения к ответственности. В конечном итоге, можно уверенно сделать вывод: сегодня киберпреступления занимают одну из главенствующих позиций в структуре преступлений против собственности, а его новые цифровые формы формируют самостоятельный массив уголовных дел [6; 11]. Полагаем, в дальнейшем данная трансформация продолжится, что сохранит высокую степень актуальности рассматриваемой темы исследования.

В сфере реализации таможенных правоотношений киберпреступления также составляют довольно существенный процент, ключевой причиной тому служит высокая степень цифровизации разного рода таможенных процессов. В частности, наиболее распространенными категориями выступают следующие виды:

совершение атак на государственные информационные системы: DDoS-атаки, внедрение вредоносного программного обеспечения, атаки на критическую информационную инфраструктуру;

совершение преступлений, связанных с информацией и данными: утечки и компрометация баз данных, незаконный сбор и хранение, распространение персональных данных (ст. 272.1 УК РФ);

совершение экономических преступлений с использованием цифровых каналов: уклонение от уплаты таможенных платежей с применением ИТ (ст. 194 УК РФ), контрабанда с применением ИТ (ст.ст. 200.1, 226.1, 229.1 УК РФ), совершение валютных операций по переводу денежных средств с применением для этого поддельной документации (ст. 193.3 УК РФ);

совершение преступлений против информационной инфраструктуры: создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации информационных сетей (ст. 274 УК РФ);

социальная инженерия и совершение фишинговых атак, а также другое [1; 7].

Таким образом, как показывает анализ статистической информации, сегодня совершение киберпреступлений в таможенной сфере является актуальной проблемой. Специалисты обращают внимание на проблемный характер таких уголовных дел, ряд сложностей, возникающих и на досудебном, и на судебном этапах расследования. Далее более детально будет рассмотрена именно досудебная стадия производства.

Прежде всего, существенной проблемой на досудебном этапе выступает правильное определение подследственности и подсудности. Здесь необходимо отметить два важных момента. Во-первых, это высокий уровень трансграничности киберпреступлений. Благодаря развитию цифровых технологий лица, совершающие такие преступления, могут находиться не только за пределами территории России, но также и на территориях разных государств (к примеру, если преступление совершается организованной группой лиц). В подобной ситуации крайне сложным может являться и определение места совершения киберпреступления, и конкретного местоположения лиц, его совершивших, что существенно усложняет и процедуру возбуждения уголовного дела, его расследования, и впоследствии – привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Поэтому для киберпреступлений в большинстве случаев потенциально актуальной проблемой является фактическая невозможность привлечения к уголовной ответственности.

Формально основным ведомственным субъектом, в чьи функции входит выявление и осуществление первичной проверки фактов совершения киберпреступлений, является Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС России) в лице структурных подразделений по борьбе с контрабандой и оперативно-розыскных подразделений. Тем не менее, по ряду составов, согласно нормам УПК РФ, предусматривается осуществление досудебного производства Следственным комитетом России или МВД России – например, это ст. 226.1 УК РФ. ФТС России в подобной ситуации все же принимает участие в проведении следственных действий, однако только в пределах реализации функций органа дознания [9].

Во-вторых, следует отметить также особенности, характеризующие поводы и основания для возбуждения уголовного дела по совершению таможенных киберпреступлений. Так, в привычном выражении состава контрабанды основанием выступает производство физического досмотра груза, т.е., совершение каких-либо реальных действий с материальными объектами. В области ИТ специфика существенно отличается. Здесь основанием для возбуждения уголовного дела могут выступать, к примеру, срабатывание систем управления рисками ФТС России, действующих в автоматическом режиме, получение от кредитных организаций сообщений о совершении подозрительных валютных операций, связанных с фиктивным импортом, получение при осуществлении мониторинговых действий в сети Интернет материалов оперативно-розыскной деятельности, и другое. Во многом процедура выявления и пресечения таможенных киберпреступлений усложняется тем, что рассматриваемые противоправные процессы происходят, как правило, внутри какой-либо внутренней информационной системы ФТС России либо в аналогичных комплексах, поэтому субъект выявления и пресечения здесь специальный – именно таможенные органы всецело несут ответственность за эффективность процесса [9]. Условно говоря, такое преступление не может быть обнаружено случайно сторонним лицом (как, к примеру, в случае с кражей лицо обнаружило открытую дверь в жилое помещение соседей, обратилось с подозрением в правоохранительные органы, и т.д.). С другой стороны, подобная профильность субъектов снижает общий уровень латентности киберпреступлений, совершаемых в таможенной сфере.

В-третьих, особенностью досудебного производства и серьезной практической проблемой в данном случае выступает процесс доказывания и сбор цифровых следов непосредственно. Сегодня вопрос легализации цифровых доказательств остается недостаточно четко урегулированным с правовой точки зрения, а постоянное развитие ИТ и, соответственно, возникновение качественно новых видов цифровых следов создает пробелы в правовом регулировании. К примеру, в судебной практике широко встречается фиксация сетевого трафика и логов – т.е., изъятие имеющихся данных о подключениях по IP и MAC-адресам, что позволяет качественно идентифицировать конкретное используемое устройство. Другими распространенными доказательствами в делах о таможенных киберпреступлениях выступают экспертные заключения (прежде всего, это компьютерно-технические и информационно-аналитические экспертизы, которые проводит профильное экспертно-криминалистическое управление, входящее в структуру ФТС России), а также разного рода облачные сервисы, чаще всего используемые при совершении противоправных действий на трансграничном уровне. Безусловно, если речь идет о расследовании трансграничных та-

моженных киберпреступлений (которых в общей статистике более 70 % от общего числа совершаемых таможенных киберпреступлений), то здесь ключевым направлением выступает взаимодействие с таможенными органами других государств по вопросу сбора и легализации доказательств. Правовым процессуальным инструментом в данном случае выступает международно-правовое поручение.

В-четвертых, характерной особенностью досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях является сочетание производства таможенных проверок и следственных действий, предусмотренных нормами УПК РФ. К примеру, речь идет о проверке достоверности сведений о выпуске товаров, право на проведение которой таможенные органы имеют в течение трех лет после их выпуска. В цифровом смысле необходимым представляется исследование архивных данных электронных систем декларирования и других схожих комплексов.

Иным примером в данном случае может служить наложение ареста на электронные денежные средства – мера процессуального принуждения, нормативно установленная ст. 115 УПК РФ. В контексте совершения именно таможенных киберпреступлений речь идет о наложении ареста не только на непосредственно банковские счета, но также на разного рода электронные кошельки, криптовалютные активы, а также иные объекты, используемые для совершения киберпреступления [1].

Таким образом, как видно из перечисленного выше перечня, доступного к расширительному толкованию, в настоящее время осуществление досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях обладает значительными особенностями, в т.ч. в сравнении с расследованием дел по другим видам киберпреступлений. Некоторые из них упрощают досудебное производство, другие – напротив, делают его более длительным, сложным, проблемным. Отметим несколько основных причин, способствующих такому выводу.

Прежде всего, проблемным выступает правовое регулирование. В целом, если рассматривать цифровизацию вне отраслевой зависимости, то очевидным будет вывод о том, что сегодня российское право «не успевает» за темпами развития ИТ. На это обращают внимание многие эксперты, акцентирующие внимание на том, что для качественного развития правового регулирования требуется «мощный триггер», и ключевой проблемой в данном случае выступает искусственный интеллект (далее – ИИ). И если в отношении совершенствования расследования киберпреступлений в целом законодателем был принят ряд значимых правовых документов (преимущественно декларативного характера – к примеру, это Государственная программа «Информационное общество», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 07.04.2025 г. № 830-р, и другие), то именно в части расследования таможенных киберпреступлений в настоящее время нет ни одного правового или неправового документа, кроме некоторых ведомственных актов. К слову, подобная проблема характерна не только для таможенных, но и для других разновидностей киберпреступлений. Иными словами, законодатель ожидаемо идет по дедуктивному пути от общего к частному, однако в настоящее время ни общее, ни профильное правовое регулирование спорного вопроса не предусмотрено. Проблемным с точки зрения внедрения цифровых элементов выступает и непосредственно УПК РФ, однако этот вопрос постепенно решается, хотя и здесь темпы актуализации правового регулирования ожидаемо «не успевают» за развитием ИТ.

Аналогичным образом можно охарактеризовать и правоприменительную практику по делам о таможенных киберпреступлениях. В настоящее время нет ни одного разъясняющего документа от ВС РФ, где бы намечался вектор осуществления досудебного и судебного производства по делам данной категории, что вызывает сложности при расследовании, а на судебной стадии – мешает качественному формированию единообразной судебной практики. Это касается, к примеру, процедуры оценки доказательств судом.

Тем не менее, наиболее существенной в рассматриваемом контексте все же выступает проблема методического обеспечения. Здесь ситуация развивается аналогично правовому регулированию – методическая база в идеальном варианте должна совершенствоваться и обновляться сообразно развитию ИТ, однако на практике это происходит существенно медленнее. Усложняет процедуру кадровый вопрос, поскольку качественное расследование таможенных киберпреступлений возможно только в ситуации, когда высоким уровнем компьютерной грамотности обладают не только сотрудники правоохранительных, но и таможенных органов. Общеизвестной является проблема нехватки квалифицированных технических специалистов, профильных криминалистов, что увеличивает сроки расследования киберпреступлений и усложняет сам процесс. В контексте технико-криминалистической составляющей экспертами также отмечается и ряд иных значимых проблем:

высокий уровень анонимизации лиц, совершающих противоправные деяния;

активное развитие и использование при со-

вершении киберпреступлений ИИ;

сложность работы с цифровыми доказательствами;

иное.

Дополнительно в качестве проблемных направлений в рассматриваемом контексте зачастую выделяют вопросы межведомственного взаимодействия, сложный характер коммуникации с частным сектором предпринимательства, и ряд других.

Кратко обобщим изложенное, сделаем выводы.

Предметом исследования в научной статье стали особенности досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях в РФ.

Прежде всего, автором была проанализирована статистическая информация, что позволило сделать вывод о количественном снижении общего уровня киберпреступности, но о его качественном росте [6; 11]. Существенно вырос размер максимального имущественного ущерба, наносимого преступлениями данной категории. К сожалению, в настоящее время нельзя говорить о наличии тенденции к позитивным изменениям.

Таможенные киберпреступления обладают своими характерными особенностями, что, соответственно, оказывает влияние и на досудебное производство по таким делам. В частности, в научной статье выделяются следующие отличительные черты:

необходимость правильного определения подследственности и подсудности;

высокий уровень трансграничности киберпреступлений;

специфические поводы и основания для возбуждения уголовного дела;

более сложный и продолжительный процесс доказывания и сбор цифровых следов;

сочетание производства таможенных проверок и следственных действий, предусмотренных нормами УПК РФ; иное [1; 9].

В конечном итоге, автор акцентирует внимание на трех глобальных проблемных составляющих досудебного производства по делам о таможенных киберпреступлениях: это правовое регулирование, правоприменительная практика и методическая, технико-криминалистическая часть. Особого внимания заслуживают первая и последняя, поскольку в значительной степени именно от их эффективности зависит качество проведения расследования по делам данной категории. К сожалению, в настоящее время нельзя прогнозировать существенные позитивные изменения, хотя определенные попытки совершенствования, как видно из представленных в научной статье примеров, и законодатель, и правоприменитель все же делают.

Полагаем, рассматриваемая тема останется крайне актуальной и в дальнейшем.

Список литературы:

[1] Гриненко, А.В. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2026. – 1104 с.

[2] Ищенко, П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. – 2019. – № 12. – С. 68-79.

[3] Кузнецов, Р.А. Понятие и общественная опасность киберпреступления в таможенной сфере // Международный научный вестник. – 2024. – № 11. – С. 15-22.

[4] Обзор 2026: Лаборатория Касперский – о киберугрозах современной России (специально для ПМЭФ-2026) [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://content.kaspersky-labs.com/se/media/ru/business-security/enterprise/cyberpulse-general-2025.pdf.

[5] Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://мвд.рф/.

[6] Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законом при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России 15.04.2014 г.). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] Мошенничество и киберпреступность в 2025 – начале 2026 г.: статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://alrf.ru/articles/moshennichestvo-i-kiberprestupnost-v-2025-nachale-2026-goda/.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"». Российская газета. 2022. № 294.

[9] Федеральная таможенная служба: Таможенные органы возбудили свыше 660 уголовных дел в 1 квартале 2025 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/633037.

[10] Хроменков, И.Р., Качалова О.В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: монография. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.

[11] Число киберпреступлений в РФ за полгода 2026 г. сократилось на 30 % [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8816431.

References:

[1] Grinenko, A.V. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary: textbook. - 5th ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2026. - 1104 s.

[2] Ishchenko, P.P. Modern approaches to digitalization of pre-trial criminal proceedings // Lex russica. – 2019. – № 12. - S. 68-79.

[3] Kuznetsov, R.A. The concept and public danger of cybercrime in the customs sphere // International Scientific Bulletin. – 2024. – № 11. - S. 15-22.

[4] Review 2026: Kaspersky Lab - about the cyber threats of modern Russia (specially for SPIEF-2026) [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://content.kaspersky-labs.com/se/media/ru/business-security/enterprise/cyberpulse-general-2025.pdf.

[5] Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://мвд.рф/.

[6] Guidelines for the implementation of prosecutorial supervision of the implementation of the law in the investigation of crimes in the field of computer information (approved by Prosecutor General of Russia 15.04.2014 g.). The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus.".

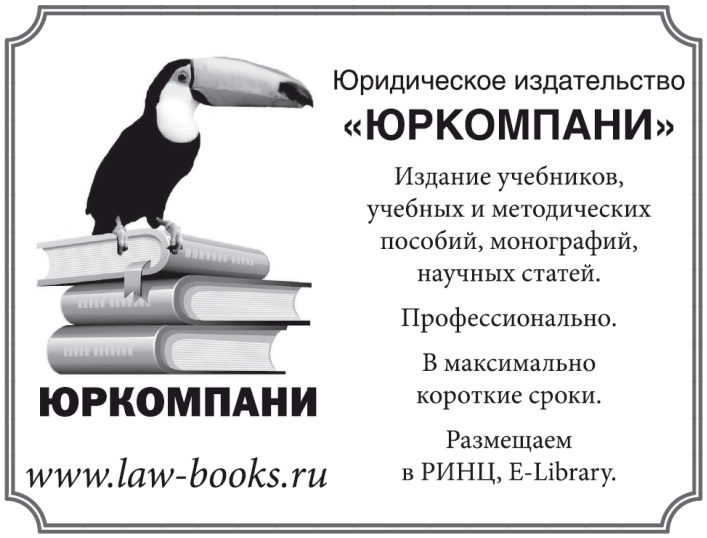
[7] Fraud and cybercrime 2025 - early 2026: Statistics [Electronic Resource] - Access Mode: - URL: https://alrf.ru/articles/moshennichestvo-i-kiberprestupnost-v-2025-nachale-2026-goda/.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet." Russian newspaper. 2022. № 294.

[9] Federal Customs Service: Customs authorities opened over 660 criminal cases in the 1st quarter of 2025 [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/633037.

[10] Khromenkov, I.R., Kachalova O.V. Court enforcement of legal interests in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings: monograph. - M.: Prospect, 2023. - 176 s.

[11] The number of cybercrimes in the Russian Federation for six months of 2026 decreased by 30% [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8816431.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-407-414
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЕВСЕЕВА Ирина Денисовна,
Магистрант 2 курса Юридического института Томского государственного университета, e-mail: ev5eeva.i@yandex.ru

Научный руководитель:
ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна,
Доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета, Кандидат юридических наук, e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

ПЕРЕДАЧА ВЗЯТКИ КАК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СДЕЛКА И ЕЁ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о квалификации взятки как недействительной гражданско-правовой сделки. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что существующий в российском государстве механизм взыскания в доход Российской Федерации предметов взяток как всего полученного по сделкам, совершенным с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, не в полной мере соответствует положениям действующего законодательства и не отвечает задачам, которые призваны выполнять гражданское и уголовное право. В условиях невозможности изъятия материальных благ, оставшихся у осужденных, совершивших коррупционные преступления, после рассмотрения дел по существу в рамках уголовного процесса представители правоохранительных органов обращаются в порядке гражданского судопроизводства с соответствующими исками, а суды вынуждены расширительно толковать положения нормативно-правовых актов для целей исправления недостатков осуществления деятельности по борьбе с преступностью, что не согласуется с такими принципами осуществления правосудия, как законность и процессуальная экономия. При поиске ответа на поставленный вопрос магистрант также освещает другие аспекты, связанные с обозначенным предметом исследования. В их числе проблемы возможности квалификации передачи взятки как недействительной сделки и определения применимого для этого правового основания в виде соответствующей статьи Гражданского кодекса Российской Федерации. По данным темам в науке не сложилось единства мнений, в связи с чем представляется значимым их научное осмысление и изучение. По результатам проведенного исследования автор предлагает реформирование правового регулирования института конфискации в рамках уголовного права с последующим пересмотром судебной практики по взысканию в порядке статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации предметов взяток. Решение сложившейся проблемы может благоприятно повлиять на развитие гражданского оборота, повышение эффективности осуществления правосудия и укрепление авторитета государственной власти.*

Ключевые слова: *сделка, недействительная сделка, взятка, коррупционное преступление, конфискация.*

Для цитирования: *Евсеева И. Д. Передача взятки как недействительная сделка и её гражданско-правовые последствия // Право и управление. 2026. № 10. С. 407–414.*

EVSEEVA Irina Denisovna,
Second-year master's student at the Law Institute of Tomsk State University

Scientific supervisor:
GONCHAROVA Valeria Andreevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law Tomsk State University Candidate of Law

THE TRANSFER OF A BRIBE AS AN INVALID TRANSACTION AND ITS CIVIL LEGAL CONSEQUENCES

Annotation. *The article examines the issue of classifying a bribe as an invalid civil law transaction. The relevance of the study is due to the fact that the mechanism currently in place in the Russian state for recovering bribes as property subject to confiscation and transferred to the revenue of the Russian Federation — as anything obtained through transactions committed with a purpose that is заведомо contrary to the foundations of the rule of law or morality — does not fully comply with the provisions of the current legislation and does not meet the tasks that civil and criminal law are intended to fulfil. Given the impossibility of seizing the material assets remaining with convicts who have committed corruption related crimes, after the cases have been considered on their merits within the framework of criminal proceedings, representatives of law enforcement agencies file relevant claims in accordance with civil proceedings, and courts are forced to broadly interpret the provisions of regulatory legal acts in order to rectify shortcomings in the fight against crime — which is inconsistent with such principles of administering justice as legality and procedural economy. In seeking an answer to the question posed, the master's student also addresses other aspects related to the designated subject of research. Among these are the problems related to the possibility of classifying the transfer of a bribe as an invalid transaction and determining the applicable legal basis for this in the form of the relevant article of the Civil Code of the Russian Federation. There is no consensus on these issues in academic circles, which is why their scientific analysis and study seem significant. Based on the results of the study, the author proposes reforming the legal regulation of the institution of confiscation within the framework of criminal law, followed by a review of judicial practice regarding the recovery of bribe related items under Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation. Solving the existing problem can have a positive impact on the development of civil circulation, improving the efficiency of the administration of justice, and strengthening the authority of state power.*

Key words: *transaction, invalid transaction, bribe, corruption crime, confiscation.*

For citation: *Evseeva I. D. The transfer of a bribe as an invalid transaction and its civil legal consequences. Law and administration. 2026;(10):407–414. (In Russ.).*

Согласно статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Однако установление правил поведения для тех или иных видов взаимодействий между лицами не является самоцелью: как справедливо отметил Д.И. Мейер, «назначение права – иметь приложение к жизни» [20]. С помощью эффективного использования институтов гражданского законодательства создаются условия для развития хозяйственной сферы и предпринимательства, благодаря чему экономический оборот становится более стабильным и развитым, что оказывает положительное воздействие на благосостояние общества и государства.

Хотя гражданскому праву как элементу российской системы права присуща самостоятельность [8, С. 186], некоторые общественные отношения, которые оно регулирует, могут подпадать под действие различных правовых норм. Например, когда совершается преступление, возникает необходимость как наказания лица, его совершившего, так и возмещения имущественного вреда, причиненного противоправным деянием, что в связи со сложностью возникающих в этом случае отношений может создать предпосылки для обращения к нормам нескольких отраслей российского права.

Среди всей существующей совокупности правонарушений некоторые являются особенно опасными в силу их латентности, обусловленной выгодой, извлекаемой лицами от своего незаконного поведения и их нежеланием обращать внимание других субъектов права на совершившееся вопреки нормативным предписаниям обогащение. Это характерно и для дачи взятки – одного из наиболее распространенных и вредных коррупционных преступлений [24, С. 60]. Поскольку названное явление приводит как к нарушению установленного уголовным законодательством запрета, так и к противоправному обогащению участников гражданского оборота, применение норм различных отраслей права для преодоления негативных последствий от совершенного деяния представляется оправданным.

Следовательно, на случай совершения подобных действий необходимо осуществление последовательного и эффективного нормативного регулирования и правоприменения, обеспечивающих при этом соблюдение баланса частных и публичных интересов. Такая деятельность государства должна быть единообразной, прежде

всего потому, что Конституцией Российской Федерации установлено равенство всех перед законом и судом.

Более того, важность применения гражданско-правовых норм по единому стандарту подчеркивается и в доктрине. Так, по мнению Д.И. Мейера: «Главное правило относительно применения законов к лицам то, что законы должны быть применяемы ко всем одинаково, насколько сами законы не определяют различия» [20]. Б.Л. Хаскельберг подчеркивал: «… гражданский оборот требует абсолютной определенности, в частности при совершении отчуждательных сделок» [27, С. 122]. И.А. Покровский рассматривал определенность правовых норм как право, присущее каждой личности: «Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят» [21].

Однако в настоящее время в выполнении данного правила наблюдаются сложности: спорным остается вопрос о возможности квалификации передачи взятки как недействительной сделки и последующем принятии мер по восстановлению законности и правопорядка, нарушенных после ее совершения. Поскольку в науке высказываются различные точки зрения по данной теме, а практика рассмотрения споров, возникающих в этой сфере, складывается противоречиво, следует уделить особое внимание названному направлению исследования. Соответственно целью исследования является изучение проблемы квалификации передачи взятки как сделки и определение путей ее решения.

Прежде всего следует отметить, что в науке высказываются диаметрально противоположные мнения относительно возможности рассмотрения изучаемого преступления как гражданско-правовой сделки. По мнению ряда авторов это является допустимым [15; 19; 23]. В.А. Гончарова при этом подчеркивает, что такие деяния, «с позиции уголовного права определяемые в качестве преступлений, одновременно являются сделками <…> имеющими дефект в части содержания» [12, С. 90].

Однако также можно встретить позицию, согласно которой передача взятки не может рассматриваться как гражданско-правовая сделка [22]. В качестве аргументов, подтверждающих обоснованность данной точки зрения, указывается существование противоречия между уголовно-процессуальным порядком исправления судебных ошибок путем обжалования приговора и признанием получения взятки в качестве ничтожной сделки и использование различных отраслей права для регулирования отношений по получению взятки и совершению сделок [16], дезориентация общества в понимании фактической позиции государства и противоречивость в квалификации одних и тех же деяний [14]. Однако данный подход представляется наименее состоятельным.

Так, уголовное законодательство в качестве преступления признает виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным Кодексом под угрозой наказания. Передача взятки связана с активным поведением, направленным на извлечение лицами незаконной имущественной выгоды от поступков должностных лиц [18, С. 5]. Она представляет собой совершаемое умышленное уголовно наказуемое деяние, являющееся общественно опасным в силу причинения им вреда отношениям, складывающимся в сфере функционирования государства, в частности, получения должностными лицами оплаты своей деятельности в предусмотренном законом порядке [10, С. 61-62], что позволяет охарактеризовать передачу взятки как преступление.

Гражданское законодательство исходит из того, что сделками являются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако такое определение не охватывает всех особенностей названного юридического факта, в связи с чем в доктрине можно встретить отличные от легального подходы к определению этого понятия. Например, по мнению Г.Ф. Шершеневича, сделка представляет собой «выражение воли, которое непосредственно направлено на определенное юридическое последствие, т.е. на установление, изменение или прекращение юридических отношений» [28, С. 162]. В.М. Лебедев раскрывал исследуемую категорию как «волевые действия физических и юридических лиц, выраженные в определенной форме и направленные на возникновение, изменение, приостановление, возобновление либо прекращение их прав и обязанностей» [17, С. 116]. В числе признаков сделки ученые обычно выделяют наличие воли на совершение действия, его особую направленность [13, С. 82; 17, С. 115]. В литературе встречается точка зрения, согласно которой к числу отличительных черт исследуемого явления относится его соответствие закону [9, С. 68], однако с учетом закрепления в законодательстве понятия «недействительная сделка», к которой относится в том числе сделка, нарушающая требования закона, такой подход представляется спорным.

Применительно к теме настоящего исследования следует отметить, что по своей сущности передача взятки направлена на извлечение имущественной выгоды от приобретения должностными лицами незаконным путем различного рода материальных благ, перечисленных в составе статьи 291 Уголовного кодекса Российской

Федерации. Передавая взятку, лица фактически действуют с целью возникновения, изменения или прекращение гражданских прав и обязанностей, при этом такое поведение является осознанными, подчиненным умыслу на получение материальной выгоды. Иными словами, совершение данного коррупционного преступления соответствует признакам сделки.

Судебная практика высших судебных инстанций также исходит из возможности квалификации передачи взятки как гражданско-правовой сделки. Данный тезис последовательно излагается в актах Верховного Суда Российской Федерации в течение не одного десятилетия [7]. В текущем году Суд неоднократно затрагивал исследуемый вопрос. Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2026 года № 36-КГПР26-2-К2 подчеркивается, что сделки, касающиеся, в частности, передачи имущества, «в случае их общественной опасности и обусловленного этим уголовно-правового запрета могут образовывать состав преступления» [5]. В качестве сделок рассматриваются противоправные деяния и в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2026 года № 88-КГПР26-2-К8 [6], и в Тематическом обзоре Верховного суда Российской Федерации № 8/2026, утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 года № 11А/2026 [1]. Конституционный Суд Российской Федерации придерживается схожего мнения [3].

Таким образом, с учетом положений действующего законодательства, судебной практики и доктрины следует сделать вывод о возможности квалификации передачи взятки как сделки. Аргументы ученых, выступающих против данной точки зрения, по существу являются несостоятельными: разрешение дела в уголовно-процессуальном порядке не отменяет гражданско-правовой природы отношений по отчуждению материальных благ и, следовательно, не может расцениваться в качестве противоречивой квалификации одних и тех же деяний. Следует отметить, что уголовное и гражданское право пересекаются не только в рассматриваемом случае: в науке не оспаривается, что с совершением преступления вред причиняется отношениям, охраняемым законодательством как уголовным, в связи с чем лицу назначается наказание, так и гражданским, что позволяет потерпевшим от преступления обратиться с заявлением о возмещении имущественного или морального вреда. Здесь не идет речи о дезориентации общества в понимании фактической позиции государства, не должно быть ее и применительно к квалификации взятки как сделки.

В настоящем исследовании уже подчеркивалась незаконность совершения действий по передаче взятки. Следовательно, такие сделки следует квалифицировать как недействительные, поскольку они сопряжены с нарушением принятых в государстве нормативных правовых актов. Данное умозаключение порождает необходимость разрешения вопроса о последствиях признания передачи взятки недействительной сделкой. Для этого следует выявить правовое основание такой квалификации, о чем высказываются различные точки зрения. К.И. Скловский придерживается мнения о возможности применения в данном случае статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации [23], в то время как В.А. Гончарова указывает на необходимость использования в этом вопросе статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [12, С. 91].

Н.Д. Титов подчеркивает, что с помощью анализа норм закона и условий сделки ее можно квалифицировать как ничтожную, нарушающую требования правовых актов и посягающую на публичные интересы либо интересы третьих лиц [26, С. 33]. Следовательно, для решения вопроса о виде недействительной сделки в виде передачи взятки следует обратиться к действующему законодательству.

Согласно статье 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, но если такая сделка посягает на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, то она ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. В соответствии со статьей 169 названного закона, сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 Гражданского кодекса. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Анализ приведенных нормативных положений позволяет понять, что в обеих статьях исследуемого нормативно-правового акта речь идет о несоответствии сделки закону, однако если статья 168 Гражданского кодекса фиксирует дефект сделки через призму нарушения конкретного законодательного запрета, то статья 169 квалифицирует сделку как антисоциальную, посягающую именно на основы правопорядка и нравственности, что влечет качественно иные последствия, в том числе взыскание всего полученного в доход государства. Как в литературе, так и в судебной практике подчеркивается, что нормы статьи 169

Гражданского кодекса являются специальными по отношению к статье 168 данного закона [4; 12, С. 91]. Следовательно, применительно к теме настоящего исследования необходимо установить, можно ли рассматривать передачу взятки как действие, посягающее на основы правопорядка и нравственности.

Наиболее обоснованной представляется точка зрения, согласно которой передачу взятки следует квалифицировать как недействительную сделку со ссылкой на статью 169 Гражданского кодекса. Согласно пункту 85 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», к названным сделкам относятся те, что нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои [2]. Дача взятки посягает на сами основы функционирования публичной власти, подрывая принципы равного доступа к государственным услугам, честной конкуренции и добросовестного осуществления полномочий. По своей сущности она представляет собой не просто нарушение конкретного законодательного запрета, предусмотренного статьей 291 Уголовного кодекса, а деяние, направленное на разрушение фундаментальных устоев государственного устройства, что выводит ее за рамки ординарного нарушения закона, охватываемого статьей 168 Гражданского кодекса.

Следует отметить, что судебная практика последних лет складывается по пути применения к даче взятки статьи 169 Гражданского кодекса [5], что усиливает отстаиваемую позицию. Однако в этой связи возникает проблема определения последствий признания сделок, опосредующих исследуемое коррупционное преступление, как совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, поскольку в статье 169 Гражданского кодекса указывается два их правовых исхода: реституция по общему правилу или принятие мер, установленных законом, в том числе обращение в доход государства всего полученного по такой сделке.

Судебная практика по данному вопросу складывается неоднозначно. Так, в 2024 году Верховный Суд Российской Федерации отметил, что нормы Уголовного кодекса о конфискации имущества не могут рассматриваться как предписания, позволяющие сделать исключение из общего правила о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности [4]. Суд также подчеркнул, что гражданское судопроизводство не может использоваться для исправления недостатков и упущений уголовного процесса, в рамках которого не было конфисковано имущество, являющееся предметом преступления [4].

В 2026 году Верховный Суд занял диаметрально противоположную позицию, признав возможность обращения судом имущества в доход Российской Федерации посредством рассмотрения антикоррупционного иска прокурора, если правовая судьба предмета преступления коррупционной направленности не определена судом в уголовно-процессуальном порядке [5]. Суд обратил внимание: «… любое имущество, полученное вследствие коррупционных правонарушений, не может являться легальным объектом гражданского оборота и подлежит безусловному обращению в доход государства. Иное применение закона фактически легализует коррупцию, освобождает виновных лиц от ответственности и поощряет противоправное поведение в силу его безнаказанности» [5].

Представляется необходимым осознание произошедших изменений на доктринальном уровне. Рост числа совершаемых коррупционных преступлений [11, С. 136-137] и увеличение бюджетных расходов создают объективные предпосылки для пересмотра Верховным Судом Российской Федерации подхода к последствиям совершения действий по передаче взятки, что делает такую смену позиции вполне ожидаемой. Однако такое изменение взглядов не решает проблему использования гражданского судопроизводства для выполнения задач, присущих уголовному процессу [12, С. 94]. Этот подход также противоречит принципу процессуальной экономии, в рамках которого более последовательным было бы рассмотрение обстоятельств, возникших в рамках конкретного уголовного дела, одним и тем же составом суда.

Обозначенная выше проблема возникла в связи с тем, что в действующем законодательстве отсутствуют механизмы, позволяющие конфисковать имущество после вынесения приговора [14], однако в некоторых случаях предметы взяток обнаруживаются правоохранительными органами уже после рассмотрения дела по существу. Это вынуждает обращаться представителей прокуратуры в порядке гражданского процесса с исками в порядке статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, что в условиях невозможности допущения обогащения лиц от преступной деятельности создает для судов неизбежность расширительного толкования положений законодательства о коррупционных преступлениях, чтобы их применение в гражданском процессе выглядело оправданным.

Несоответствие складывающихся отношений основам законности и разумности обуславливает необходимость внесения изменений в нор-

мативно-правовое регулирование осуществления уголовно-правовой конфискации с последующим пересмотром подходов судом к рассмотрению вопроса о последствиях совершения сделок по передаче взятки. Следует, в частности, разграничить возможности изъятия имущества у лица посредством конфискации и в порядке статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, чтобы избежать дублирования и конкуренции норм. С учетом природы общественных отношений, возникающих при передаче взяток, приоритет должен быть отдан именно уголовно-правовым мерам по обращению в доход государства предметов исследуемого коррупционного преступления, а применение гражданского законодательства в исследуемой части должно осуществляться субсидиарно, только в случае невозможности применения норм уголовного права по каким-либо причинам. Следует также уточнить гражданско-правовые последствия совершения исследуемых сделок, поскольку общее правило о последствиях недействительности в виде возврата всего полученного сторонам не в полной мере отвечает характеру совершаемых ими противоправных действий. Актуальность реформирования законодательства о конфискации имущества в анализируемом контексте подчеркивается и в юридической литературе [12, С. 94; 16; 25].

Таким образом, рассмотрение дачи взятки через призму гражданского права вызывает дискуссии во многих отношениях, начиная от возможности ее квалификации как сделки, заканчивая решением вопроса о гражданско-правовых последствиях ее совершения. При этом складывается тенденция применения норм гражданского права для решения проблем, возникающих при рассмотрении уголовных дел в соответствующей сфере, что не в полной мере соответствует действующему правовому регулированию и существу возникающих общественных отношений. Представляется позитивным развитие научных положений в исследуемой области и изменение положений законодательства в части конфискации имущества, а также пересмотр практики рассмотрения антикоррупционных исков.

Список литературы:

[1] О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации: Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17 июня 2026 г. № 11А/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Семениченко Александры Павловны на нарушение ее конституционных прав статьями 167 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 1660-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 окт. 2024 г. № 18-КГ24-248-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2026 г. № 36-КГПР26-2-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2026 г. № 88-КГПР26-2-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 5 фев. 2003 г. № 850-П02. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. 471 с.

[9] Бейтуллаева З.А. Гражданско-правовая сделка: правовая сущность и состав // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 3. С. 68-70.

[10] Борков В. Н. Взяточничество: объект и причиняемый вред // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 2 (24). С. 60-64.

[11] Веденин Д.В. Анализ статистических данных о лицах, совершивших коррупционные преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. №. 4 (48). С. 135-139.

[12] Гончарова В.А. Конфискация (ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ) и обращение всего полученного сторонами по антисоциальной сделке в доход Российской Федерации (ст. 169 Гражданского кодекса РФ): проблемы соотношения и обеспечения единообразия в применении // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 89–97.

[13] Гражданское право. Часть общая: учеб. пособие / Н.В. Багрова, В.А. Гончарова, М.П. Имекова, А.Ю. Копылов, А.Ю. Чурилов; под ред. Н.В. Багровой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та,

2023. 232 с.

[14] Девицкий Э.И. Проблемы применения норм о взыскании в доход государства имущества, полученного по сделкам, противным основам правопорядка или нравственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Илюшина М.Н. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Кремнева Е.В. Анализ судебной практики по делам о взыскании средств, полученных в виде взятки // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Лебедев В. М. О понятии сделки в ГК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 115-116.

[18] Любавина М.А. Квалификация взяточничества (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2018. 156 с.

[19] Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Мейер Д.И. Русское гражданское право. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Классика Российского Права. [сайт]. [2005]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/ (дата обращения: 22.09.2026).

[21] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Классика Российского Права. [сайт]. [2005]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/ (дата обращения: 22.09.2026).

[22] Попов В.И. Теоретико-прикладные аспекты категорий "здравый смысл" и "абсурд" в праве // Современное право. 2024. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[23] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] Сотов А.И. Криминалистическая характеристика способов дачи взятки (получения взятки) // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 4 (46). С. 60-63.

[25] Стебенева Е. В. Минимизация, ликвидация последствий коррупционных правонарушений как составляющие механизма противодействия коррупции (отдельные аспекты) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[26] Титов Н. Д. Основания ничтожности сделок по действующему гражданскому законодательству России // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 26–28 янв. 2017 г. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2017. С. 32-33.

[27] Хаскельберг Б.Л. Об основании и моменте перехода права собственности на движимые вещи по договору // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230). С. 121-132.

[28] Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 832 с.

References:

[1] On the application by arbitration courts of legislation on special economic measures provided for in order to protect the national interests of the Russian Federation: Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026, approved by Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2026 No. 11A/2026. Access from the ConsultantPlus legal system.

[2] On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25. Access from the ConsultantPlus legal system.

[3] On refusal to consider the complaint of citizen Semenichenko Alexandra Pavlovna against violation of her constitutional rights by Articles 167 and 169 of the Civil Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 1660-O. Access from the ConsultantPlus legal system.

[4] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 29, 2024 No. 18-KG24-248-K4. Access from the ConsultantPlus legal system.

[5] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2026 No. 36-KGPR26-2-K2. Access from the ConsultantPlus legal system.

[6] Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 9, 2026 No. 88-KGPR26-2-K8. Access from the ConsultantPlus legal system.

[7] Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of February 5, 2003 No. 850-P02. Access from the ConsultantPlus legal system.

[8] Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. T. 2: Special issues of law. M.: Statute, 2010. 471 s.

[9] Beitullaeva Z.A. Civil law transaction: legal essence and composition // News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics. 2015. № 3. S. 68-70.

[10] Borkov V.N. Bribery: object and harm caused // Bulletin of Surgut State University. 2019. № 2 (24). S. 60-64.

[11] Vedenin D.V. Analysis of statistical data on persons who have committed corruption crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. №. 4 (48). S. 135-139.

[12] Goncharova V.A. Confiscation (Art. 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and conversion of everything received by the parties under an antisocial transaction into the income of the Russian Federation (Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation): problems of correlation and ensuring uniformity in application // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2024. № 2. S. 89 → 97.

[13] Civil law. Part general: study. Manual / N.V. Bagrova, V.A. Goncharova, M.P. Imekova, A.Yu. Kopylov, A.Yu. Churilov; ed. N.V. Bagrova. Tomsk: Publishing House Tom. state university, 2023. 232 s.

[14] Devitsky E.I. Problems of the application of the rules on the recovery of property received under transactions contrary to the foundations of law and order or morality into state revenue // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 2. Access from the ConsultantPlus legal system.

[15] Ilyushina M.N. Invalidity of transactions as a civil law consequence of corruption offenses // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. № 12. Access from the ConsultantPlus legal system.

[16] Kremneva E.V. Analysis of judicial practice in cases of recovery of funds received in the form of bribes // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. № 6. Access from the ConsultantPlus legal system.

[17] Lebedev V. M. On the concept of a transaction in the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. 2012. № 361. S. 115-116.

[18] Lyubavina M.A. Qualification of bribery (Art. 290, 291, 291.1, 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): study. allowance. St. Petersburg: S.-Peterb. jurid. in-t (branch) Aqad. Gener. Prosecutors grew. Federations, 2018. 156 pp.

[19] Malkina V.I. Conflict of interests in legal entities: monograph / ed. O.A. Belyaeva. M.: Justicinform, 2022. Access from the ConsultantPlus legal system.

[20] Meyer D.I. Russian Civil Law. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Classic of Russian Law. [site]. [2005]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/ (access date: 22.09.2026).

[21] Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Classic of Russian Law. [site]. [2005]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/ (access date: 22.09.2026).

[22] Popov V.I. Theoretical and applied aspects of the categories "common sense" and "absurdity" in law // Modern law. 2024. № 1. Access from the ConsultantPlus legal system.

[23] Sklovsky K.I. Property in civil law. 6th ed., Rev. and add. M.: Statute, 2023. Access from the ConsultantPlus legal system.

[24] Sotov A.I. Forensic characterization of methods of giving a bribe (receiving a bribe) // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (46). S. 60-63.

[25] Stebeneva E. V. Minimization, elimination of the consequences of corruption offenses as components of the anti-corruption mechanism (certain aspects) // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4. Access from the Garant legal system.

[26] Titov N.D. Grounds for the nullity of transactions under the current civil legislation of Russia // Legal problems of strengthening Russian statehood: Sat. Art. All-Russian. scientific-practical. conf., Tomsk, January 26-28. 2017 Tomsk: Nats. †. Volume. state. un-t, 2017. S. 32-33.

[27] Haskelberg B.L. On the basis and moment of the transfer of ownership of movable things under the contract // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2000. № 3 (230). S. 121-132.

[28] Shershenevich G.F. Favorites. T. 5: Textbook of Russian civil law / entry. word, comp. P.V. Krasheninnikov. M.: Statute, 2017. 832 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-415-418
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

УСЛОВИЯ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В КОЛОНИИ

Аннотация. *В статье идет речь о понятии, структуре и сущности индивидуальной работы с несовершеннолетними осужденными, которую можно определить как систему целенаправленных педагогических и специальных воздействий воспитателя на воспитанника, основанную на индивидуальном подходе, имеющим своей целью исправление личности.*

Ключевые слова: *индивидуальная работа, несовершеннолетний осужденный, уголовно-исполнительная система, воспитательная колония.*

Для цитирования: *Полякова Я. Н. Условия исправления осужденных в колонии // Право и управление. 2026. № 10. С. 415–418.*

POLYAKOVA Yanina Nikolaevna,
Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

CONDITIONS FOR THE CORRECTION OF CONVICTS IN THE COLONY

Annotation. *The article deals with the concept, structure and essence of individual work with juvenile convicts, which can be defined as a system of targeted pedagogical and special influences of the teacher on the pupil, based on an individual approach, with the goal of correcting the personality.*

Key words: *individual work, juvenile convict, penal system, educational colony.*

For citation: *Polyakova Ya. N. Conditions for the correction of convicts in the colony. Law and administration. 2026;(10):415–418. (In Russ.).*

В исправлении несовершеннолетних осужденным важное место занимает индивидуальная работа. Каждый правонарушитель стал на путь преступлений по-своему, каждому из них присущи наряду с общими, типическими чертами индивидуальные особенности, определяемые условиями жизни и воспитания, предшествующим социальным опытом.

Вместе с тем условия исправления осужденных в колонии в педагогическом отношении неблагоприятны, потому что человек, совершивший преступление, попадает в отрицательную среду, по существу, в среду себе подобных. В таких условиях расширяется сфера отрицательных влияний, увеличивается вероятность объединения людей в группировки на основе отрицательной направленности поведения. Больше того, воспитательное влияние коллектива на осужденного в колонии ослабляется их устойчивым, глубоким недоверием друг к другу [1].

Вот почему, отдавая должное воздействию коллектива в воспитательной колонии, право и педагогика обращают особое внимание на индивидуальную работу с осужденными.

Индивидуальную воспитательную работу с несовершеннолетними осужденными можно определить как систему целенаправленных педагогических и специальных воздействий воспитателя на воспитанника, основанную на индивидуальном подходе, которая имеет своей целью исправление личности. Ее задачи и содержание вытекают из сущности и задач исправления в

каждом конкретном случае [2].

Уже на основе определения понятия индивидуальной воспитательной работы можно выделить ее основные структурные элементы.

Знание индивидуальных особенностей осужденного. Оно предполагает овладение методикой изучения личности, умение воспитателя видеть в ней типичное и особенное. При этом важно рассматривать осужденного не как объект изучения, а как объект и субъект воспитания.

Индивидуальный подход к осужденному. Он является одним из существенных условий проектирования личности в процессе исправления. Процесс проектирования может быть успешным лишь тогда, когда деятельность не только воспитателя, но и осужденного направлена на перестройку отрицательных свойств и качеств, когда она опирается на положительное в человеке.

Проектирование личности осужденного. Оно предполагает четкое представление тех педагогических результатов, которые нужно достичь в процессе индивидуальной воспитательной работы. При этом на первый план выдвигаются такие воспитательные задачи, решение которых обеспечит непреступное поведение человека, а значит, и предотвращение рецидива.

Составление программы индивидуальных воспитательных воздействий, т.е. определение системы наиболее эффективных средств и методов воздействия с учетом уровня социально-педагогической запущенности осужденного, характера его нравственно-психологических свойств, сроков лишения, свободы.

Корректировка программы, учет достигнутых результатов и постановка на их основе новых задач исправления личности.

Эффективная индивидуальная работа возможна лишь при хорошем знании:

демографических и социально-психологических данных об осужденном (место и время рождения, образование, профессия и специальность, поведение до осуждения, семейное положение, характер преступлений, обстоятельства и мотивы их совершения, состояние здоровья). Получить эти данные удается различными методами: при изучении личного дела, в беседе с осужденным, его родственниками и близкими-друзьями, анкетным опросом, в беседе с коллективом, в котором правонарушитель работал до осуждения;

отношения осужденного к себе и процессу исправления (отношение к совершенному преступлению и к наказанию, уровень самопознания и оценка собственных нравственных качеств и поступков, жизненные планы на будущее в колонии и по выходу из нее, отношение к требованиям режима, указаниям воспитателей, самовоспитанию. Эти сведения получают: при изучении личного дела, школьных сочинений, из его выступлений на собраниях, диспутах, из бесед с другими осужденными, при устных и письменных ответах осужденного, в беседе и так далее;

отношения несовершеннолетнего к общественной жизни, людям, основным видам деятельности в колонии (позитивное или негативное отношение к общественным поручениям в отряде и колонии, к воспитательным мероприятиям, к труду, важнейшим событиям в жизни колонии, района, области, страны, за рубежом). Все эти сведения можно получить при изучении поведения личности во время следствия, на суде и в колонии. Да и сами осужденные нередко откровенно говорят о своем отношении к этим проблемам;

эмоционально волевых особенностей поведения осужденного в колонии. Эти сведения получают путем наблюдения за поведением осужденного в разных ситуациях (специально созданных и естественных), в беседах с ним и его соседями по работе, с родственниками, сотрудниками ВК, шефами, а также из его переписки.

При проведении индивидуальной воспитательной работы очень важно знать особенности различных категорий осужденных и непременно учитывать их.

Важным элементом индивидуальной работы является составления программы индивидуального воздействия на конкретную личность. Она включает в себя вопросы вовлечения воспитанников в квалифицированный труд (непосредственную работу на производстве, участие в трудовом соревновании, оказание помощи товарищу по работе, изучению передового опыта, овладение смежной профессией, повышение квалификации, выработка честного отношения к труду и др.), вопросы нравственного воспитания (разъяснение требований нравственных основ труда и жизни, оценки своего поведения на свободе и в колонии, отношения к родным и близким, к женщинам, воспитателям, учителям).

Программа индивидуальной работы с несовершеннолетними должна определять выработку отношения к труду, трудовое и нравственное воспитание. В целом программа индивидуальной работы своим стержнем должна иметь комплексный подход [3].

Большое внимание в этой программе уделяется правовому, эстетическому, физическому воспитанию с учетом различных категорий осужденных.

Составление программы и ее реализация – дело не одного начальника отряда. Она рассчитана на участие в воспитательной работе многих воспитателей: учителей, производственников, шефов, членов совета воспитателей и других лиц.

Воспитательное воздействие на конкретного осужденного может осуществляться в различных формах, среди которых важное место зани-

мают индивидуальные беседы; личные поручения воспитателей; контроль за поведением осужденного, аттестование; индивидуальное шефство; оказание помощи в составлении программ и планов самовоспитания.

С помощью беседы воспитатель (коллектив воспитателей) решает несколько задач, среди которых можно выделить две главные: изучение личности и осуществление непосредственного целенаправленного воспитательного воздействия. При проведении беседы с несовершеннолетним осужденным требуется соблюдение определенных педагогических, правил:

прежде всего, необходимо установить психологический контакт

с воспитанником;

четко и ясно излагать свои мысли;

не допускать жаргонных слов;

выработать нужную форму (определенный тон) беседы, учитывая при этом ее цель (тему) и особенности личности осужденного;

соблюдать педагогический такт. Личные поручения воспитателей обычно выражают доверие к осужденному, признание его сил и способностей. Чем разнообразнее личные поручения осужденным, чем больше учитываются при этом их возможности, тем эффективнее воспитательное воздействие. Поручения помогают человеку поверить в себя, укрепляют его волю, воспитывают чувство ответственности за порученное дело как перед воспитателем, так и перед коллективом воспитанников.

Контроль за поведением осужденного реализуется путем непосредственного наблюдения, который осуществляет воспитатель.

В этом случае между объектом и субъектом педагогического процесса устанавливаются прямые связи, отношения. Другой вид контроля – опосредованное наблюдение, когда контроль за поведением осужденного реализуется по просьбе начальника отряда другими воспитателями или активистами из числа осужденных.

В итоге вся информация о характере поведения несовершеннолетнего осужденного, его отношении к режиму, труду, мероприятиям воспитательного характера, учебе стекается к начальнику отряда, который ее анализирует и обобщает, а потом решает, в какой форме использовать полученные данные: в индивидуальной беседе, на заседании аттестационной комиссии, в процессе индивидуального шефства и т.д.

В настоящее время в условиях воспитательной колонии широко используется такая форма индивидуальной работы, как аттестование.

Положением об аттестовании определены следующие цели: глубокое, всестороннее изучение личности осужденных, объективное определение степени их исправления; выработка путей улучшения индивидуальной работы, усиление ее влияния на укрепление режима; отношение к труду, воспитательным мероприятиям, общеобразовательному и профессионально-техническому обучению; усиление роли актива воспитанников.

В состав аттестационной комиссии входят члены совета воспитателей, представители шефствующих организаций и члены совета коллектива отряда (с правом совещательного голоса).

Заседание проходит в комнате воспитательной работы под председательством начальника отряда. Члены комиссии избирают секретаря, который ведет протокол. Первыми аттестуются председатель совета коллектива, активисты, потом отдельные осужденные.

Оценка степени исправления отражает поведение осужденного, его отношение к общественно полезному труду, воспитательной работе и учебе.

Оценка показателей поведения осужденного, его отношение к общественно полезному труду и обучению, участие в воспитательных мероприятиях осуществляются по балльной системе: отлично – 5 баллов, хорошо – 4, удовлетворительно – 3, неудовлетворительно – 0 баллов.

Оценка степени исправления с подробным изложением результатов аттестования и рекомендаций заносится в тетрадь индивидуальной работы и подписывается председателем комиссии. Итоги аттестования доводятся до сведения всех осужденных и обсуждаются на собраниях отряда. При необходимости выводы комиссии сообщаются родственникам правонарушителей.

Важную роль в организации индивидуальной работы с лицами, трудно поддающимися исправительному воздействию, играет система индивидуального шефства [4].

Сотрудник колонии, которому поручено индивидуальное шефство, работает совместно с начальником отряда и с его помощью внимательно знакомится со всеми материалами, касающимися подопечного. При необходимости он собирает дополнительные сведения, используя источники информации.

На всех трудновоспитуемых шефы ведут тетради индивидуальной работы или дневники. В них делаются записи о проведенных беседах и их результатах, об изменениях в поведении подопечных, о степени их исправления. Ежеквартально на заседаниях советов воспитателей подводятся итоги деятельности шефов.

Осужденных, трудно поддающихся воспитательному воздействию, ставят на специальный учет. За ними устанавливается более строгий контроль Результаты контроля заносятся в тетради или дневники наблюдения.

Проверку поведения осужденных, состоящих на таком учете, осуществляют лица суточного

наряда, контролеры, мастера, начальники цехов, члены советов воспитателей. На оперативно-режимных совещаниях, совещаниях начальников отрядов, производственников и других категорий воспитателей обязательно дается информация о результатах наблюдения [5].

Индивидуальная работа с осужденными, особенно с трудновоспитуемыми, проводится по плану, который составляется на месяц, квартал, а иногда на более продолжительный период, с учетом личности осужденного, характера и степени совершенного преступления, возраста, образования и других особенностей, а также его поведения и отношения к труду. С психолого-педагогической точки зрения важно предусмотреть: развитие нравственных, правовых, общих способностей осужденного; формирование положительных черт характера, в том числе через отношение к различным видам деятельности, к коллективу, к самому себе; создание жизненно значимых перспектив и др. Разумеется, для каждого осужденного этот план будет иметь свою специфику, определенное своеобразие.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[2] Сухарева Е. В. Педагогическое и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[3] Вилкова А. В. Анализ и характеристика категориального аппарата исследования духовно-нравственного воспитания в военных вузах / А. В. Вилкова // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 5 (38). С. 41-52.

[4] Колесов В. И. Дифференцированный подход как важнейший фактор преодоления низкой учебной успеваемости и отклонения поведения детей / А. В. Вилкова, В, И. Колесов, В. И. Силенков // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 126-132.

[5] Вилкова А. В. Особенности социально-образовательной среды воспитательной колонии в формировании духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола / А. В. Вилкова // В сборнике: психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов IV Международного симпозиума психологов. Рязань, 2022. С. 88-94.

References:

[1] Vilkova A. V. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[2] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime / A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva // Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[3] Vilkova A. V. Analysis and characterization of the categorical apparatus for the study of spiritual and moral education in military universities / A. V. Vilkova // Education and science in Russia and abroad. 2018. № 5 (38). S. 41-52.

[4] Kolesov V.I. Differentiated approach as the most important factor in overcoming low academic performance and deviations in the behavior of children / A. V. Vilkov, V, I. Kolesov, V. I. Silenkov // Problems of modern education. 2022. № 4. S. 126-132.

[5] Vilkova A. V. Features of the socio-educational environment of the educational colony in the formation of the spiritual and moral values of juvenile convicts of the female sex / A. V. Vilkova // In the collection: psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development. Collection of materials from the IV International Symposium of Psychologists. Ryazan, 2022. S. 88-94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-419-426
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградская академия МВД России, e-mail: shmel82@list.ru

БЛИНКОВ Александр Павлович,
кандидат юридических наук, заместитель директора, Государственное автономное учреждение Волгоградской области «МОЙ БИЗНЕС», e-mail: a_blinkov@volganet.ru

СМОЛЬЯКОВ Петр Павлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины», Волгоградский государственный аграрный университет, e-mail: pr.p.smolyakov@mail.ru

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Аннотация. *В статье на основе материалистической диалектики критически оценивается теоретическое предложение председателя следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина о введении института объективной истины в действующий состязательный УПК РФ, когда полагают, что состязательность в современном УПК РФ не только совместима с объективной истиной, но и необходима для ее достижения, что институт объективной истины фактически уже присутствует в УПК РФ, и необходимо только закрепить его текстуально.*

Авторы статьи отстаивают противоположную позицию и исходят при этом из того, что в единой диалектической системе «цель и средства» средства призваны служить достижению цели. Однако, в состязательном УПК РФ состязательность, будучи по сути лишь средством приобрела самоценную значимость, она самодостаточна, замкнулась на себя и стала самоцелью, то есть, тавтологией: "средство для средств", "состязание для состязания"— состязанием определяется победитель противоборства сторон, а объективная истина отсюда, как цель, излишня, избыточна.

Но средства, подходя диалектически, не могут быть целью, иначе разрушается диалектическая система взаимосвязи цели и средств. С позиции авторов статьи необходимый диалектический системный подход возможен лишь в объективно-истинной модели (типе) уголовного судопроизводства.

Это совершенно разные модели уголовного процесса, так как в состязательном процессе все осостязательствовано: и цель, и принципы уголовного судопроизводства, и правовые и институты. (осостязательствуется и институт объективной истины, попав в структуру состязательного УПК РФ), а в объективно-истинном процессе все объективно-истинно. Отсюда, стирать различие между данными видами (моделями) уголовного судопроизводства недопустимо. Попытка внедрить институт объективной истины в состязательный УПК РФ рассматривается в статье как стремление создать некий третий, промежуточный тип процесса между состязательным и объективно-истинным процессами, чего быть не должно. Таково научное требование диалектики: «третьего не дано».

Ключевые слова: *самодостаточная состязательность, «состязание для состязания», состязательный УПК РФ, формально-юридическая истина, система, объективная истина, объективно-истинная модель процесса, диалектика, тавтология, презумпция невиновности, презумпция виновности, «третьего не дано», ЭВМ, искусственный интеллект, «электронный судья».*

Для цитирования: *Печников Г. А., Блинков А. П., Смольяков П. П. Возможна ли объективная истина в состязательном уголовном процессе? // Право и управление. 2026. № 10. С. 419–426.*

PECHNIKOV Gennady Alekseevich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BLINKOV Alexander Pavlovich,
Candidate of Law (PhD in Law), Deputy Director, State Autonomous Institution of the Volgograd Region "MY BUSINESS"

SMOLYKOV Petr Pavlovich,
Candidate of Law (PhD in Law), Associate Professor of the Department of "Law and Social and Humanitarian Disciplines", Volgograd State Agrarian University

IS OBJECTIVE TRUTH POSSIBLE IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS?

Annotation. *The article on the basis of materialistic dialectics critically evaluates the theoretical proposal of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin on the introduction of the institution of objective truth into the current adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, when it is believed that competition in the modern Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is not only compatible with objective truth, but it is also necessary to achieve it that the institution of objective truth is actually already present in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and it is only necessary to consolidate it textually.*

The authors of the article defend the opposite position and proceed from the fact that in a single dialectical system "goal and means" means are intended to serve the goal. However, in the adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, competitiveness, being in fact only a means, acquired inherent significance, it is self-sufficient, closed itself and became an end in itself, that is, a tautology: "means for means," "competition for competition" - the winner of the confrontation between the parties is determined by the competition, and the objective truth from here, as a goal, is superfluous, redundant.

But means, approaching dialectically, cannot be a goal, otherwise the dialectical system of interconnection of purpose and means is destroyed. From the standpoint of the authors of the article, the necessary dialectical systematic approach is possible only in an objective-true model (type) of criminal proceedings.

These are completely different models of the criminal process, since everything is tangible in the adversarial process: the goal, the principles of criminal proceedings, and legal and institutions. (the institution of objective truth is also tangible, falling into the structure of the adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), and in the objective-true process everything is objective-true. Hence, it is unacceptable to erase the distinction between these types (models) of criminal proceedings. An attempt to introduce the institution of objective truth into the adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is considered in the article as a desire to create a third, intermediate type of process between adversarial and objectively true processes, which should not be. This is the scientific requirement of dialectics: "no third is given."

Key words: *self-sufficient competition, "competition for competition," adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, formal-legal truth, system, objective truth, objective-true model of the process, dialectics, tautology, presumption of innocence, presumption of guilt, "third not given," computer, artificial intelligence, "electronic judge.*

For citation: *Pechnikov G. A., Blinkov A. P., Smolykov P. P. Is objective truth possible in adversarial criminal proceedings? Law and administration. 2026;(10):419–426. (In Russ.).*

Нередко к объективной истине в уголовном процессе относятся лишь как к цели процесса. Но это не диалектическая постановка вопроса, не системный подход. Здесь, как представляется, нельзя отходить от диалектической философии. В философии, как заметил диалектик Гегель в своей «Феноменологии духа», чаще, чем в других науках, впадают в иллюзию, будто в цели и в конечных результатах выражается сама суть дела, и даже в совершенной ее сущности, рядом с чем выполнение, собственно говоря, несущественно». Ибо суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением» [1.с.1-2]. И далее. «Истинной формой, в которой существует истина может быть лишь научная система ее» [1.с.3].

Этому диалектическому положению вторит диалектик К. Маркс: «…Разве характер самого предмета не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование—это развернутая истина, разъединенные звенья которой, соединяются в конечном итоге» [2. с.7-8].

Нельзя не видеть в этом диалектическую постановку вопроса. Цель нельзя брать в отрыве от средств. Цель и средства — это диалектические противоположности. Вместе они образуют нечто единое целое (диалектическое единство противоположностей). Так сказать, единый дух должен одушевлять и цель, и средства.

Безнравственными средствами невозможно прийти к нравственной цели. Нельзя подходить как иезуиты: «Цель оправдывает средства». Тем самым цель отрывать от средств. Нравственная цель не может оправдывать безнравственных средств. К. Маркс полагал, что «цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» [3.с. 645].

Цель и средства образуют единую диалектическую систему, что, безусловно, важно и для уголовного процесса.

Названные диалектические противоположности нельзя отрывать друг от друга, но при этом нельзя и стирать различия между ними. Цель всегда должна оставаться целью, а средства средствами. Нельзя, чтобы цель становилась средством, а средства становились целью. Средства должны вести к цели, а не замыкаться на себя, то есть средства не должны становиться самоцелью. Иначе рушится подлинный системный диалектический подход, ведущий к объективной истине. И вместо диалектики: «средства для цели» мы получаем антидиалектическую тавтологию: «средства для средств». А это подход несовместимый с объективной истиной.

Таким образом, мы фактически обрисовали два противоположных подхода. Один — диалектический, основанный на диалектическом противоречии, когда: «сущность является, а явление существенно», когда «форма содержательна, а содержание оформлено», когда «средства нацелены, а цель опосредствована».

Противоположный подход — формально-тавтологический, закрепощающий противоречие: «форма для формы», «средства для средств», «состязание для состязания» и т.п.

В соответствии с этим мы строго различаем, как противоположные, два типа (модели) уголовного судопроизводства: состязательный (выигрышно- проигрышный) или процесс «чистой» состязательности с формально-юридической истиной и объективно-истинный уголовный процесс с объективной истиной. Стирать различие между ними недопустимо, например, путем введения некоего среднего, промежуточного, третьего вида уголовного процесса, совмещающего в себе черты названных моделей уголовного судопроизводства, который можно назвать процессом «сбалансированной» состязательности, в отличие от «чистой» состязательности, или уголовным процессом воплощающим себе формально-юридическую истину вместе с объективной истиной, поскольку считаем что, третьего не дано, либо-либо. Здесь альтернатива жесткая: либо состязательный (выигрышно-проигрышный) уголовный процесс (процесс «чистой» состязательности) либо объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса. Какого-либо промежуточного, среднего вида уголовного процесса между ними быть не может.

В этом плане представляет интерес работа А.И.Бастрыкина «Объективная истина в уголовном процессе» [4.].

Мы полностью разделяем теоретическую позицию А.И.Бастрыкина насчет того, что «объективная истина не относится к идеологии, а является базовой категорией научного познания, в том числе в господствующей в современной российской, да и в мировой науке методологии диалектического материализма, основным постулатом которого является тождество бытия и сознания. Из этого постулата выводится тезис о познаваемости объективной действительности…» [4.с.4-5]. И далее, теоретически важное: «Возможность достижения истины материалистическая диалектика ставит в зависимость от применения правильной научно- обоснованной методологии, то есть способов исследования. В целом в уголовно-процессуальном доказывании эти методологические условия обеспечивались за счет таких принципов, как полнота, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств, имеющих значе-

ние для дела в их системном единстве…» [4.с.4-5].

Работа А.И. Бастрыкина озаглавлена «Объективная истина в уголовном процессе». Но это абстрактная, общая постановка вопроса вообще, а истина, как известно, всегда конкретна. Всегда необходимо ставить вопрос: а в какой модели уголовного процесса существует объективная истина?

Изложенная выше А.И. Бастрыкиным научная диалектико- материалистическая методология, ведущая к объективной истине применима, и относится, на наш взгляд, исключительно к объективно-истинной модели уголовного судопроизводства. Современный же российский состязательный уголовный процесс (УПК РФ) воплотил в себе не романно-германскую модель уголовного процесса с объективной истиной, а англо-американскую модель уголовного судопроизводства, которая тяготеет к концепции «чистой» состязательности, ориентированную на вероятную формально- юридическую истину, то есть, на «истину победителя состязания сторон». Хотя наш российский менталитет основан на правде, истине, а не на силе. Для нас «Бог не в силе, а в правде».

Характеризуя уголовный процесс «чистой состязательности», А.И. Бастрыкин верно отмечает: «Она («чистая состязательность» - прим. наше— авторы) предполагает единство контртезисов не на основе истины, а на основе силы логической аргументации позиции одной из сторон, которая может и не соответствовать действительности. Именно такая позиция и возводится судом в ранг истины. Пассивность суда не позволяет ему принять меры к отысканию действительной истины. В такой ситуации суд становится заложником противоборства сторон, утрачивает свою независимость в отправлении справедливого правосудия. Недаром многие известные дореволюционные процессуалисты называли юридическую истину «правдой судоговорения» и отмечали, что подобные процесс, отводящей судье роль лица, лишь оценивающего доводы, представленные сторонами, чреват торжеством ловкого, но не правого, торжеством силы, но не истины» [4.с.8-9].

Здесь А.И. Бастрыкиным дана точнейшая характеристика сущности состязательного уголовного процесса (процесса «чистой состязательности»). К этому следует добавить, что состязательная форма процесса есть форма разрешения правового спора (конфликта) между государством и личностью (стороны равноправны).

Говоря о современном УПК РФ А.И. Бастрыкин исходит из того, что это процесс не «чистой состязательности», а он, по сути, сбалансирован объективной истиной, «насквозь пронизан» идеями объективной истины [4.с.7]. В подтверждение этому А.И. Бастрыкин ссылается на ст. 6 УПК РФ, подчеркивая, «реализация этого назначения невозможна без выяснения обстоятельств уголовного дела такими, какие они были в действительности, то есть установление по делу объективной истины» [4.с.8]. Он также приводит ряд других доводов в подтверждение существования объективной истины в современном УПК РФ; ссылается на ч.4 ст. 152 и ч.2 ст. 154 УПК РФ, в которых содержатся положения о полноте, объективности и всесторонности доказывания. Естественно, при этом А.И. Бастрыкин проводит мысль о том, что в УПК РФ состязательность не может противоречить объективные истине» [4.с.8]. И эту сбалансированную объективной истиной состязательность в уголовном процессе А.И.Бастрыкин стремится усилить официальным предложением о введении в УПК РФ «института установления объективной истины». Но это и есть, на наш взгляд, попытка создать, оформить некий промежуточный, средний, третий тип (модель) уголовного процесса между процессом «чистой состязательности» и объективно-истинной моделью уголовного процесса, которая в настоящее время остается невостребованной, как не отвечающая современным реалиям. Но такого промежуточного уголовного процесса, с нашей точки зрения, быть не может. Здесь просматривается теоретическая неправильность, поскольку либо весь уголовный процесс состязательный, либо он весь объективно-истинный. Середины быть не может. Третьего не дано. При этом мы не различаем понятия «состязательный процесс» (УПК РФ) и процесс «чистой состязательности». Для нас это все один и тот же состязательный тип (модель) уголовного процесса (УПК РФ), в которым состязательность самодостаточна, состязательность самоцель, и она неминуемо отвергает объективную истину.

Как представляется. нельзя все мешать в одну кучу и совмещать самоценную состязательность с объективной истиной, состязательно-выигрышный процесс (а, значит и состязательно-проигрышный) с объективно-истинным процессом. Считаем, что нельзя примирить вероятность с достоверностью, т.е. исходить из сосуществования формально-юридической истины с объективной истиной. Это эклектизм. Нельзя к объективной истинной цели двигаться состязательно-выигрышным путем, но только адекватным объективно-истинным путем — путем всесторонности, полноты и объективности исследования материалов уголовного дела. А тот факт, что в состязательном УПК РФ можно встретить элементы, частицы объективной истины, на которые в своей работе ссылается А.И.Бастрыкин, то это не меняет самой состязательной сущности УПК РФ с его самодостаточной состязательностью, отрицающей объективную истину, поскольку, ««чистых»

явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторые узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца, во всей его сложности» [5.с.241]. Полагаем, это научный довод, в пользу правила: «третьего не дано». Точно так же, и в объективно-истинной модели уголовного процесса обязательно будут присутствовать некоторые элементы, частицы, примесь состязательного уголовного процесса. Но это ни в коем случае не изменит саму объективно-истинную сущность объективно-истинного процесса. И мы находим, что это более высокий тип уголовного процесса по сравнению с состязательным процессом, исторически преходящим, с его справедливостью сильнейшего (в отличии от объективной справедливости).

В свете проблемы совместимости таких категорий как объективная истина и состязательность, А.И. Бастрыкин пишет: «В основу правового принципа состязательности положен универсальный диалектический закон единства и борьбы противоположностей, который одновременно является и методом объективного познания. Именно логическое столкновение двух контртезисов (обвинительного и оправдательного) в состязательном процессе выступает в качестве движущей силы его развития. Борьба взаимоисключающих позиций сторон приводит к их диалектическому единству, которое выражается в итоговом решении по делу. Таким образом, состязательность, будучи универсальным законом бытия и диалектическим методом познания, изначально не может противоречить объективной истине. Более того при определенных условиях именно состязательность способна стать мощным средством отыскания объективной истины [4.с.8].

Следует уточнить, не состязательность как таковая есть «универсальный закон бытия и диалектический метод познания», а сам диалектический закон единства борьбы противоположностей лежит в основе окружающего мира и человеческого мышления.

Да, действительно, обвинение и защита — это противоположности, но нет диалектической взаимосвязи между ними, направленной на установление объективной истины по уголовному делу, так как стороны обвинение и защита в состязательном процессе сами по себе и для себя. У них заниженные, узкопрагматичные, своекорыстные, состязательно-выигрышные цели, не выходящие за предел состязательности, т. е. интереса, цели на уровне одних только средств, на уровне формально-логической тавтологии «состязания для состязания». Эта состязательная тавтология позволяет выявить победителя и этого достаточно, ведь ничего другого в состязательном процессе не требуется. В таком уголовном процессе «обвинение для обвинения» чтобы выиграть у процессуального противника дело в свою пользу, т.е. обвинение в состязательном процессе не есть составная часть установления объективной истины, а это «выигрышное» обвинение. Точно также и защита: «защита для защиты», чтобы победить сторону обвинения, а не для достижения высокой объективно- истинной цели. Один состязательно-выигрышный интерес движет сторонами в состязательном процессе. С нашей точки зрения, здесь нет диалектики.

Выходит, не борьба с преступностью, т.е. достоверное, объективно- истинное раскрытие преступлений (такой задачи в ст.6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» нет), а победа в споре (конфликте) сторон. Так, законодатель для этого предусмотрел возможность подозреваемому и обвиняемому защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами (ч.2 ст.16 УПК РФ). Эти способы и средства, стало быть, могут быть и софистического толка. Например, умышленная «подмена понятия» или иные софистические уловки для выигрыша дела, ведь софистика законом не запрещена. В состязании сторон главное — выигрыш дела.

Что характерно для состязательного уголовного процесса? Это, как представляется, отход от подлинно системно-диалектического подхода, который всегда обусловлен наличием двух противоположностей, диалектически взаимосвязанных, которые даны не сами по себе, а возможно диалектическое перетекание одной противоположности в другую. Например, такие противоположности как: цель и средства, форма и содержание, субъективное и объективное, вероятность и достоверность, случайное и необходимое.

Это значит, что обвинение и защита в уголовном процессе не должны быть замкнутые на себя как в состязательном в процессе: «обвинение на обвинение», «защита на защиту» ради победы над своим процессуальным противником, а должны быть объективно-истинными, то есть пребывать в неразрывной связи с объективно-истинной целью. Средства должны быть устремлены к цели, а не быть обесцененными. Иначе нет необходимой диалектической взаимосвязи между средствами и целью.

Однако в состязательном уголовном процессе (УПК РФ) обвинение и защита — это просто средства (средства выигрыша дела друг у друга, «средства для средств») не обусловленные объективно-истинной целью. Обвинение и защита в таком уголовном процессе не выходят за рамки состязательности, т.е. не выходят за предел одних состязательных средств.

Как видится, в состязательном уголовном

процессе, в нарушение целостности диалектической процессуальной системы, произошел ее раскол, поскольку по сути наблюдается отрыв одной диалектической противоположности от другой: формы от фактического содержания, средств от цели, субъективного от объективного, вероятности от достоверности, формально-юридического от объективно-истинного, юридической (правовой) реальности от объективной реальности, идеального от материального, относительного (релятивного) от абсолютного. ри этом, первая перечисленная половина противоположностей (парных категорий) в состязательном уголовном процессе приобрела главенствующее, самоценное, решающее значение, только эта половина задействована, только на ней и строится весь состязательный процесс. Вторая же половина названых противоположностей фактически осталась за пределами состязательной процессуальной формы, как излишняя.

Отсюда нет необходимого диалектического движения и перехода от одной противоположности к другой: от субъективного к объективному, от вероятности к достоверности, от версии к истине, от тайного к явному, от следствия к причине, от безнаказанности и неотвратимости ответственности и т. д. Состязательный уголовный процесс исходит из «приоритетности, установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [6.с.8-9].

Налицо самоценность процессуальной формы, когда форма важна сама по себе. Но оторванная от фактического содержания процессуальная состязательная форма, как представляется, легко может стать орудием субъективизма, софистики и произвола. По справедливому мнению, В.В. Лунеева, «как бы мы не относились к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу…» [7с.90]. Диалектически это означает, что не следует отрывать процессуальные средства (процедуру) от объективно- истинной цели.

Цель и средства — это единое целое. Самоценная процедура (т. е. «форма для формы») не диалектична, не системна, не научна. В состязательном уголовном процессе, в котором фактически торжествует сильный, а не правый, нет и не может быть принципа неотвратимости ответственности виновных, поскольку, используя узаконенные правила состязания, в действительности виновный может выиграть поединок сторон и остаться безнаказанным, а в действительности невиновное лицо —потерпеть поражение и пострадать. Неотвратимость наказания — это вопрос объективной истины, а не состязательности. Объективная истина точно, достоверно устанавливает виновного (преступника) и невиновного, а состязательность выясняет победителя в противоборстве сторон.

Состязательный уголовный процесс релятивен по существу, так как все в нем лишь относительная ценность, включая и права личности, поскольку все зависит от силы сторон, от их умения побеждать (в отличие от объективно-истинной модели уголовного процесса, в которой права и законные интересы личности — абсолютная истинная ценность).

Очевидно, что состязательный уголовный процесс, в котором все решает сила сторон выгоден богатым с многоопытными адвокатами, а не бедным.

Проводить мысль о некотором особом состязательном уголовном процессе, который не есть процесс «чистой состязательности» мы считаем неправомерно. Поэтому мы не можем разделить позицию А.И.Бастрыкина о том, что «чистая состязательность» не вполне соответствует российскому уголовному процессу еще и потому, что традиционно досудебное производство в нем тяготеет к розыскному, а не состязательному типу…» [4.с.9]. Мы же исходим из того, что весь действующий УПК РФ, т. е. его досудебное и судебное производства одинаково состязательные. Это подтверждает часть 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Об этом свидетельствует и часть 1 ст. 15 УПК РФ: «Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон».

Следует иметь в виду, что в состязательном процессе все осостязательствовано. Как отмечено, это процесс на уровне одних самодостаточных состязательных средств— т. е. средств без цели.

Отсюда неизбежна тавтология: «средства для средств», «состязание для состязания». Состязательный уголовный процесс не отвечает требованиям подлинной системы, так как по своей природе он половинчатый. А половина — не система, тавтология — не диалектика.

Исходя из принципа «третьего не дано», мы считаем, что институт объективной истины, которой предлагается А.И.Бастрыкиным, попав в состав состязательного уголовного процесса (УПК РФ) не сможет изменить саму состязательную сущность состязательного УПК РФ, в котором буквально все осостязательствовано. Наоборот, состязательность непременно починит себе «институт объективной истины», сделает его состязательным, точно так же как осостязательствовалась презумпция невиновности в состязательном УПК РФ. В самом деле, согласно первой половине части 2 ст. 14 УПК РФ: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою

невиновность». Это действительно формула презумпции невиновности, запрещающая переход бремени доказывания на сторону защиты. Ведь, ни подозреваемого, ни обвиняемого нельзя ставить в положение: «докажи, что ты не преступник». О формуле презумпции невиновности свидетельствуют и часть 2 ст. 49 Конституции РФ. Законодатель же в УПК РФ отходит от конституционной формулировки презумпции невиновности, поскольку, следуя логике состязательного процесса, он обрисовывает добавление к первой половине части 2 ст. 14, которое можно квалифицировать как формулу противоположного принципа — принципа презумпции виновности, в соответствии с которым подозреваемый или обвиняемый обязан доказывать свою невиновность. Данное добавление гласит так: «Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Стало быть, выдвижение защитительных, оправдательных доводов это обязанность стороны защиты, а не стороны обвинения.

Такова жесткая логика противоборства сторон в состязательном процессе. И институт объективной истины также будет подвержен этой логике и непременно осостязательствуется». В состязательном процессе объективная истина не в состоянии подняться за пределы состязания сторон, в котором побеждает сильнейший. И если «третьего не дано», то постановка вопроса о необходимости объективно-истинного уголовного процесса, кардинально отличного от состязательного типа процесса неизбежна и объективно востребована, так как в рамках либерального состязательного (выигрышно-проигрышного) уголовного процесса институт объективной истины попросту невозможен. Для объективной истины необходим только свой тип (модель) уголовного судопроизводства.

Сама позиция А. И. Бастрыкина о необходимости объективной истины в уголовном процессе действительно важна и в свете того, что состязательный уголовный процесс с его самоценной процессуальной формой (форма выше реального содержания) всегда тяготеет к формализации процесса. А формализованный уголовный процесс — это фактически программа для ЭВМ (искусственного интеллекта). Состязательный уголовный процесс, так или иначе склонен к теории формальных доказательств. В этой формализованной системе самое главное доказательство – собственное признание вины обвиняемым («царица доказательств»). Формализация, например, просматривается в главе 40 УПК РФ, согласно которой, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением влечет за собой постановление приговора без проведения судебного разбирательства (по сути, это разновидность института сделки о признании – авторы).

В настоящее время идет процесс интерактивного развития и применение искусственного интеллекта во многих сферах человеческой деятельности. Автоматизация, алгоритмизация затрагивает и криминалистику, и уголовный процесс. В этой связи возникает вопрос: допустим ли «электронный судья» в уголовном процессе? Полагаем, что с позиции состязательного УПК РФ, с его тенденцией к алгоритмизации процесса, ответ будет дан безоговорочно в пользу «электронного судьи», т.е. автомат, (робот) вполне может судить человека. Но при этом надо учитывать, что формализованные решения ЭВМ не будут выходить за предел вероятности, правдоподобия, поскольку основаны на системе всегда вероятных фактических презумпциях (т.е. обобщениях типичного опыта), помещенных в памяти ЭВМ.

Но вероятность – не достоверность, не объективная истинность.

Подход с позиции объективной истины насчет «электронного судьи» в уголовном процессе будет иным, а именно: отдайте человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное.

Это значит, что кибернетические устройства (ЭВМ) с позиции объективной истины могут выступать лишь в роли помощников консультантов. Право окончательного решения принадлежит человеку. Человека судит может только человек. Судьи не просто что-то логически решают, они вершат справедливое правосудие.

Объективная истина и формально-юридическая (состязательно-выигрышная) истина – это разные истины, и они по-разному отстаивают социально-правовые ценности.

Список литературы:

[1] Гегель Г. В. Ф. Система наук / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Шпета; вступ. ст. К. А. Сергеева, Я. А. Слинина. – Санкт-Петербург.: Наука, 2006. -443 с.

[2] Маркс К., Сочинения. Т. 1/ К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е издание - Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 698 с.

[3] Энциклопедия мудрости: [сборник афоризмов / над кн. работали: К. Андриевская и др.]. - Москва: РОССА: Буколика, 2007. - 814 с.

[4] Бастрыкин А.И. Объективная истина в уголовном процессе/ А. И. Бастрыкин А. И. — «Автор», 2024. 10 с.

[5] Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 26 / В. И. Ленин – 5-е изд. - Изд. 5-е. - Москва: Политиздат, ,1973- 590 с.

[6] Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. / И. Б. Михайловская - Москва: ТК Велби, Изд-во

Проспект, 2006, - 192 с.

[7] Научно-практическая конференция «Правовая и криминалистическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право, 2002. № 9.

References:

[1] Hegel G.V. F. System of Sciences / G.V. F. Hegel; per. From German G. Shpeta; entry. Art. K. A. Sergeeva, Ya. A. Slinin. - St. Petersburg.: Science, 2006. -443 s.

[2] Marx K., Writings. T. 1 / K. Marx, F. Engels - 2nd edition - Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. - 698 p.

[3] Encyclopedia of Wisdom: [collection of aphorisms / above Prince. worked: K. Andrievskaya and others]. - Moscow: ROSSA: Bucolica, 2007. - 814 s.

[4] Bastrykin A.I. Objective truth in criminal proceedings / A.I. Bastrykin A.I. - "Author," 2024. 10 s.

[5] Lenin V.I. Complete Works: in 55 vols. T. 26 / V.I. Lenin - 5th ed. - Ed. 5th. - Moscow: Politizdat, 1973-590 p.

[6] Mikhailovskaya I.B. Handbook of a judge on evidence in a criminal trial / I.B. Mikhailovskaya - Moscow: TC Welby, Publishing House Prospect, 2006, - 192 p.

[7] Scientific and practical conference "Legal and forensic assessment of the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // State and Law, 2002. № 9.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-427-432
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928, ORCID: 0000 0003 2233 0230, e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ НАУЧНЫЕ РАЗРАБОТКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *Проблематика повышения эффективности исправительного воздействия на различные категории осужденных вызывает необходимость глубокого и всестороннего изучения механизмов изменения личности и поведения на различных этапах отбывания наказания. Статья посвящена исследованию педагогических основ ресоциализации и социальной адаптации осужденных с учетом новых научных разработок в области цифровой реабилитации, иммерсивных технологий и прогнозной аналитики. Гипотезой статьи выступило предположение о необходимости интеграции цифровых компонентов в педагогическую систему ресоциализации осужденных в качестве обязательного, а не факультативного элемента. Цель статьи обусловлена необходимостью определения педагогических основ ресоциализации и социальной адаптации осужденных с учетом современной цифровой реальности. Задачи: определение теоретико-методологических основ ресоциализации и социальной адаптации; выделение педагогических принципов и методов исправительного воздействия; анализ инновационных направлений, включая цифровую реабилитацию и прогнозную аналитику; определение направлений подготовки персонала пенитенциарных учреждений. Методами выступили: анализ практики воспитательной работы с осужденными; системно-структурный анализ педагогических явлений; сравнительно-педагогический метод; анализ и синтез новелл и инновационных направлений отечественного и зарубежного опыта. Результатами исследования стали: определение педагогических принципов и методов ресоциализации и социальной адаптации осужденных; выявление трехкомпонентной структуры педагогического сопровождения; обоснование цифровой реабилитации как нового педагогического компонента.*

Ключевые слова: *ресоциализация; социальная адаптация; осужденные; пенитенциарная педагогика; цифровая реабилитация; иммерсивные технологии; прогнозная аналитика; принципы; методы.*

Для цитирования: *Казберов П. Н. Педагогические основы ресоциализации и социальной адаптации осужденных: традиции и новые научные разработки в условиях цифровой трансформации // Право и управление. 2026. № 10. С. 427–432.*

KAZBEROV P.N.,
Leading Researcher, FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Moscow, Russian Federation

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF RESOCIALIZATION AND SOCIAL ADAPTATION OF CONVICTS: TRADITIONS AND NEW SCIENTIFIC DEVELOPMENTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. *The challenge of increasing the effectiveness of correctional interventions for various categories of convicts necessitates a thorough and comprehensive study of the mechanisms of personality and behavioral change at various stages of sentence serving. This article explores the pedagogical foundations of resocialization and social adaptation of convicts, taking into account new scientific developments in*

digital rehabilitation, immersive technologies, and predictive analytics. The article's hypothesis is the need to integrate digital components into the pedagogical system of resocialization of convicts as a mandatory, rather than optional, element. The purpose of the article is to define the pedagogical foundations of resocialization and social adaptation of convicts in the context of modern digital reality. The objectives are: to define the theoretical and methodological foundations of resocialization and social adaptation; to identify pedagogical principles and methods of correctional influence; to analyze innovative trends, including digital rehabilitation and predictive analytics; to determine areas for training penitentiary personnel. The article's methods include: analysis of the practice of educational work with convicts; systemic-structural analysis of pedagogical phenomena; comparative-pedagogical method; analysis and synthesis of newми developments and innovative trends in domestic and international experience. The results и of the study are: the definition of pedagogical principles and методи methods of resocialization and social adaptation of convicts; the identification of a three-component structure of pedagogical support; and the substantiation of digital rehabilitation as a new pedagogical component.

Key words: *resocialization; social adaptation; convicts; penitentiary pedagogy; digital rehabilitation; immersive technologies; predictive analytics; principles; methods.*

For citation: *Kazberov P. N. Pedagogical foundations of resocialization and social adaptation of convicts: traditions and new scientific developments in the context of digital transformation. Law and administration. 2026;(10):427–432. (In Russ.).*

Введение. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных, проводимые сотрудниками пенитенциарной системы в период отбывания наказания за уголовные преступления в местах лишения свободы, – это комплекс мер, последовательно направленных на: изучение личности, причин совершения преступления и разработку программы сопровождения, адаптацию к условиям лишения свободы, контроль и исправительное воздействие на поведенческие паттерны и личностные особенности (установки, привычки, нормы, ценности и т.д.), приведшие к противоправному поведению, что в итоге преследует цель ресоциализации и социальной адаптации в общество после освобождения из мест лишения свободы [11].

Однако современная социальная реальность существенно отличается от той, в которую возвращается освободившийся. Цифровая трансформация, скорость которой значительно превышает темпы изменений в пенитенциарной системе, создает качественно новую ситуацию: многие осужденные оказываются недееспособны в цифровом отношении не столько потому, что не имеют навыков, сколько потому, что за время отбывания наказания цифровой мир ушел далеко вперед [6].

Цель статьи обусловлена необходимостью определения основ, принципов и методов ресоциализации и социальной адаптации осужденных, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях, с учетом новых научных разработок.

Задачи статьи – определение педагогического аспекта организационно-методического сопровождения ресоциализации и социальной адаптации осужденных; определение принципов и методов, необходимых для реализации коррекционного, воспитательного, мотивационного и иного воздействия на личность осужденных; определение направлений подготовки персонала пенитенциарных учреждений к педагогическим аспектам в данной деятельности.

Методами работы выступили: анализ практики реализации и функционирования системы воспитательной работы с осужденными; определение основных педагогических принципов, методов и методик, применяемых при реализации исправительного воздействия на личность; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области ресоциализации, пробации и социальной адаптации осужденных.

Основные результаты. Проведенный анализ теоретико-методологических и нормативных основ сопровождения процессов ресоциализации и социальной адаптации осужденных показывает, что термины «адаптация» (от лат. «adaptatio» — прилаживание, приспособление), предложенный Г. Аубергом, и «ресоциализация» (от лат. «re» – повторное, возобновляемое действие плюс «socialis» — общественный) Э. Гоффмана используются как в естественных, технических, так и общественных науках, а также широко используются в работах ученых, исследующих проблематику мест лишения свободы (А.Ф. Кони, Ю.М. Антонян, С.А. Беличева, М.Н. Гернет, В.Л. Журавлев, Н.А. Стручков, А.В. Вилкова, Д.В. Сочивко, А.И. Ушатиков и др.) [11].

В большом толковом социологическом словаре терминов под ресоциализацией понимается: вторичная социализация, происходящая на протяжении всей жизни индивида в связи с изменениями его установок, целей, норм и ценностей жизни; процесс приспособления девиантного ин-

дивида к жизни без острых конфликтов; процесс усвоения новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия; процесс усвоения новых норм, ценностей, мировоззрения и моделей поведения и т.п. [4].

В педагогике ресоциализация – это способ восстановления утраченного статуса и изменения негативных установок путем привития новых жизненных ценностей [11].

Следовательно, как показывают результаты исследования, ресоциализация и социальная адаптация осужденных – это не просто исправление, а сложный педагогический процесс восстановления человека как полноценного члена общества. Он строится на гуманистических принципах и разнообразных методах, направленных на возвращение социальных навыков и ценностей. Основной целью ресоциализации и социальной адаптации нами определяется формирование навыков правопослушного поведения и умений адаптироваться в сложных ситуациях для эффективной интеграции после освобождения в обществе и, следовательно, предотвращения рецидивной преступности [11].

В основе проводимой в пенитенциарных учреждениях ресоциализации и социальной адаптации лежит комплекс принципов и методов, обеспечивающих целостность и эффективность процесса. Это, как нами указывалось ранее [11]:

гуманистическая направленность всей проводимой работы, которая предполагает создание атмосферы уважения к личности, веру в возможность исправления и отказ от карательных мер воздействия;

аксиологический подход во всех проводимых мероприятиях, который направлен на формирование системы позитивных, социально одобряемых ценностей, осознание которых помогает выработать «иммунитет» к асоциальному, противоправному поведению;

отечественный личностно-деятельностный психолого-педагогический подход к проводимой работе, предполагающий коррекционное воздействие на личность осужденного посредством социально полезной деятельности (труда, учебы, спорта, общественно полезной деятельности, хобби и т.д.), где осужденный выступает активным субъектом;

средовой подход, в котором педагогическая среда пенитенциарного учреждения становится системообразующим фактором, влияющим на изменение личности, группы;

индивидуализация, позволяющая учитывать личностные особенности, характер преступления и социальной ситуации для разработки персонализированных программ исправления, ресоциализации, социальной адаптации;

принцип вариативности и со-развития, который предполагает гибкость используемых методов ресоциализации, исправления, коррекции и т.д., а также совместное со-развитие исправляющего сотрудника и исправляемого осужденного;

принцип законности и правовой ресоциализации, посредством которого происходит формирование у осужденного уважения к закону через изучение своих прав и обязанностей.

Цифровая трансформация как универсальное явление создала новую реальность в реабилитации осужденных. Цифровизация способствует развитию социальных навыков, повышению самооценки, реабилитации и реинтеграции осужденных в общество. Тем не менее многие осужденные недееспособны в цифровом плане, потому что они никогда не пользовались цифровыми технологиями или потому что во время заключения им было отказано в доступе к ним. Мир и реальность сильно изменятся, когда осужденный выйдет на свободу, из-за скорости, с которой развивается цифровой мир, и огромного количества внедряемых новых технологий [6].

Цифровая реабилитация осужденных представляет собой систематический процесс формирования цифровых компетенций, необходимых для полноценного функционирования в современном обществе. Использование цифровой реабилитации может способствовать плавному возвращению осужденных к лишению свободы в общество и обеспечить улучшение их качества жизни после отбывания наказания. Пенитенциарное образование широко признано как важнейший инструмент реабилитации и ресоциализации лиц, находящихся в местах лишения свободы, поскольку оно дает жизненно важные навыки, способствующие их реинтеграции в общество. Платформы на базе искусственного интеллекта анализируют индивидуальные потребности заключенных, подбирая для них образовательный контент и программы профессиональной подготовки [10].

Наиболее перспективным направлением новых научных разработок является использование иммерсивной реальности и больших языковых моделей для подготовки осужденных к социальной реинтеграции. В исследовании, представленном в 2025 году, описано приложение, интегрирующее ChatGPT-подобный искусственный интеллект в среду виртуальной реальности. Пользователь взаимодействует с реалистичным аватаром, simulating сценарии собеседования при приеме на работу и межличностных диалогов, что способствует развитию эмпатии, уверенности в себе и поведенческой адаптивности. Первоначальные оценки показывают, что приложение эффективно поддерживает вовлекающие и эмпатические взаимодействия, критически важные для подготовки

к реинтеграции [9].

С педагогической точки зрения ценность таких технологий заключается в создании безопасной среды для отработки социальных навыков, где ошибка не влечет реальных последствий. Виртуальная реальность позволяет моделировать ситуации, которые в условиях исправительного учреждения воспроизвести невозможно: собеседование, конфликт с коллегой, обращение в государственные органы, повседневное взаимодействие с незнакомыми людьми [9].

Отдельное направление новых разработок связано с применением алгоритмов машинного обучения для прогнозирования поведения осужденных и оценки рисков рецидивной преступности. Систематический обзор 2025 года показал, что средняя точность прогнозных моделей достигает 0,81, а средняя площадь под кривой Area Under the ROC Curve (далее – AUC) – 0,74 (AUC (Area Under the ROC Curve — площадь под ROC-кривой) — порого-независимая метрика качества бинарной классификации. Численно равна вероятности того, что модель приписывает случайно выбранному объекту класса «1» (например, осужденному, совершившему рецидив) более высокую оценку риска, чем случайно выбранному объекту класса «0». Значения: 0,5 — случайное угадывание, 1,0 — идеальное разделение. Приведенное в обзоре [7] значение 0,74 означает, что в 74% случайных пар модель правильно ранжирует рецидивиста выше, чем нерецидивиста; «средняя» — усреднение по множеству исследований, включенных в обзор) [7]. В исследовании, опубликованном в журнале Neural Computing and Applications, на основе данных 346 685 записей о судимостях были построены двенадцать моделей машинного обучения, причем лучшие модели достигли AUC 0,8660 для рецидива преступлений общего характера и 0,8375 для рецидива преступлений насильственного характера [8].

Педагогическое значение прогностической аналитики состоит в возможности более точной дифференциации образовательных и воспитательных траекторий. Если традиционная педагогика вынуждена опираться преимущественно на качественные наблюдения и педагогическую интуицию, то прогностические модели позволяют выделять группы осужденных с различными профилями риска и, соответственно, с различными педагогическими потребностями [14]. Это не отменяет педагогического решения, но обогащает его эмпирической основой.

Проведенный анализ практики и новаций в области ресоциализирующего воздействия и социальной адаптации позволяет нам определить ключевые методы, организующие вовлечение осужденных в деятельность и формирующие социально приемлемое поведение. Это:

методы формирования понимания и принятия осужденным, направленные на верное понимание норм, правил, ограничений и т.д. (беседы, лекции, диспуты, дискуссии, вечера вопросов и ответов и т.д.);

методы организации деятельности (поручения, тренировка, упражнения и т.д.);

методы стимулирования формируемых навыков и поведения (поощрение, соревнование, создание воспитывающих ситуаций и педагогическое требование для развития инициативы и ответственности, наказание и т.д.);

практические методы обучения и формирования социально-полезных навыков действий в сложных ситуациях (сюжетно-ролевые и деловые игры, тренинги, обучение действием, инструктаж и дискуссии для отработки навыков в безопасной среде).

К традиционным методам добавляются новые, обусловленные цифровой трансформацией:

методы цифровой реабилитации (обучение цифровой грамотности, работа с образовательными онлайн-платформами, освоение цифровых инструментов для социальной и профессиональной деятельности) [6];

методы иммерсивного обучения (например, использование VR-сценариев для отработки навыков собеседования, межличностного общения, решения конфликтных ситуаций) [9];

методы прогнозно-педагогической дифференциации (использование данных прогнозной аналитики для индивидуализации педагогических траекторий и своевременной корректировки содержания и интенсивности педагогического воздействия) [14].

Выводы, заключение. Проведенный анализ теоретико-методологических и нормативных основ сопровождения процессов ресоциализации и социальной адаптации осужденных показывает, что педагогические основы данной деятельности требуют обновления в ответ на цифровую трансформацию общества. Традиционная модель, опирающаяся на воспитание через коллектив, труд и образование, сохраняет свою ценность, но нуждается в дополнении цифровой реабилитацией и прогнозно-аналитическим сопровождением [6].

Успешная ресоциализация и социальная адаптация – это долгий поэтапный процесс, включающий адаптацию, интеграцию через деятельность, психолого-педагогическую поддержку и самопроектирование будущего. Создание условий для успешной ресоциализации и социальной адаптации осужденного в обществе требует от всех его реализаторов профессиональных компетенций в области контроля, воспитания, коррекции, модераторства, ассертивного поведения и т.д. и осуществляется в процессе применения всех основных педагогических средств, и следо-

вательно, также требует постоянного контроля, подготовки и сопровождения персонала пенитенциарных учреждений [11].

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую проверку эффективности гибридных педагогических моделей, сочетающих традиционные и цифровые методы, а также на разработку критериев оценки цифровой субъектности осужденных как результата педагогического сопровождения.

Список литературы:

[1] Ананьев О.Г., Щербаков Г.В. Ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исполнительной системе : учебное пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. 176 с.

[2] Бабаян С.Л., Айрапетян А.С., Гарибян К.К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 87–102.

[3] Барабанов Н.П., Иванов А.А., Кутуков С.А., Попов В.В. Взаимодействие структурных подразделений исправительных учреждений по предупреждению нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказания и преступлений : монография. Вологда, 2006. 228 с.

[4] Большой толковый социологический словарь терминов. URL: http:/www.onlineedics.ru/slovar/soc.html (дата обращения: 11.06.2026).

[5] Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 74–79.

[6] Зорина Н.С. Цифровая реабилитация осужденных: систематический обзор новой реальности в области пенитенциарной реабилитации // Вестник педагогических наук. 2025. № 1. С. 96–100. DOI: 10.62257/2687-1661-2025-1-96-100..

[7] Khatun S., Kumar K.S. Assessing the Efficacy of Artificial Intelligence (AI) Applications in Predictive Policing: A Systematic Review Method // Digital Strategy and Governance in Transformative Technologies. CRC Press, 2025. P. 94–118.

[8] Verrey J., Neyroud P., Sherman L., Ariel B. A fairness scale for real-time recidivism forecasts using a national database of convicted offenders // Neural Computing and Applications. 2025. Vol. 37, No. 26. P. 21607–21657.

[9] Leveraging Immersive Reality and LLMs for Social Reintegration: AI-Driven Skill Development in Correctional Rehabilitation // 2025 IEEE International Conference on Artificial Intelligence and eXtended and Virtual Reality. Lisbon, 2025. P. 27–29.

[10] Казакова Т.А. Образование лиц, находящихся в местах лишения свободы, в эпоху цифровизации // Науки об образовании. 2026. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-363-367..

[11] Казберов П.Н. Педагогические основы ресоциализации осужденных, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях // Педагогика и просвещение. 2026.

[12] Кашкина Е.В. Корреляция традиционных духовно-нравственных ценностей и стратегического развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 19–26.

[13] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60–64.

[14] Mukanov M.R., Biekenov N.A., Brimzhanova S.S., Kozhakhmet A.S. Resocialization of convicts based on individual predictions using information technologies // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12, № 1. DOI: 10.17816/RJLS642145.

References:

[1] Ananiev O.G., Shcherbakov G.V. Resocialization and social adaptation in the penal system: a textbook. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2013. 176 s.

[2] Babayan S.L., Hayrapetyan A.S., Garibyan K.K. Institute for Parole from Serving a Sentence in the Criminal Legislation of Russia and Foreign Countries // Justice. 2022. VOL. 4, NO. 1. S. 87-102.

[3] Barabanov N.P., Ivanov A.A., Kutukov S.A., Popov V.V. Interaction of structural units of correctional institutions to prevent convicts from violating the established procedure for serving sentences and crimes: monograph. Vologda, 2006. 228 pp.

[4] Large explanatory sociological dictionary of terms. URL: http:/www.onlineedics.ru/slovar/soc.html (accessed: 11.06.2026).

[5] Borsuchenko S.A. Re-socialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation // Legal Bulletin of Samara University. 2018. VOL. 4, NO. 2. S. 74-79.

[6] Zorina N.S. Digital rehabilitation of convicts: a systematic review of a new reality in the field of penitentiary rehabilitation // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. № 1. S. 96-100. DOI: 10.62257/2687-1661-2025-1-96-100..

[7] Khatun S., Kumar K.S. Assessing the Efficacy of Artificial Intelligence (AI) Applications in Predictive Policing: A Systematic Review Method // Digital Strategy and Governance in Transformative Technologies. CRC Press, 2025. P. 94–118.

[8] Verrey J., Neyroud P., Sherman L., Ariel B. A fairness scale for real-time recidivism forecasts using a national database of convicted offenders // Neural

Computing and Applications. 2025. Vol. 37, No. 26. P. 21607–21657.

[9] Leveraging Immersive Reality and LLMs for Social Reintegration: AI-Driven Skill Development in Correctional Rehabilitation // 2025 IEEE International Conference on Artificial Intelligence and eXtended and Virtual Reality. Lisbon, 2025. P. 27–29.

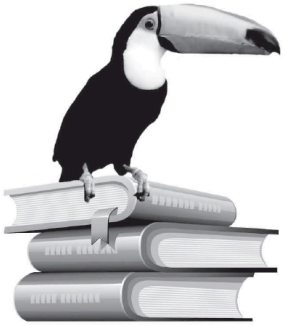
[10] Kazakova T.A. Education of persons in prison in the era of digitalization // Science of education. 2026. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-363-367..

[11] Kazberov P.N. Pedagogical foundations of resocialization of convicts serving sentences in penitentiary institutions // Pedagogy and education. 2026.

[12] Kashkina E.V. Correlation of traditional spiritual and moral values and the strategic development of the penal system of the Russian Federation // Anthropology. 2026. № 1(21). S. 19-26.

[13] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.

[14] Mukanov M.R. , Biekenov N.A. , Brimzhanova S.S. , Kozhakhmet A.S. Resocialization of convicts based on individual predictions using information technologies // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12, NO. 1. DOI: 10.17816/RJLS642145.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-433-436

ГОЛУБЕВ Ждан Жанович,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: golubevzhdan888@gmail.com

СТАРИКОВА Анна Дмитриевна,
Студент факультета Государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: starikovaannaa@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОТПРАВЛЕНИЮ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация. *В данной статье исследуется проблематика использования информационных технологий и процесс их внедрения в уголовное судопроизводства некоторых государств на постсоветском пространстве. Цель исследования – проанализировать сформировавшийся механизм применения информационных технологий в судопроизводстве России, Республики Казахстан и Республики Армения, выделитель основные положительные и отрицательные элементы, а также предложить конкретные рекомендационные меры для улучшения отправления электронного правосудия в вышеупомянутых странах. Приводятся исторические аспект (2020 г.), послуживший причиной активному применению информационных технологий в деятельности судов в указанных государствах. В исследовании рассматривается применение различных ресурсов электронных баз данных, инструкций по использованию информационных технологий, систем информационного обмена между правоохранительными органами в Республике Казахстан, законопроекты внедрения электронного правосудия в Республике Армения; практика высших судов по применению информационных технологий при отправлении правосудия и информационный «супер–сервис» в Российской Федерации. Предлагаются необходимые и достаточные изменения в законодательстве, внесение которых должно привести к улучшению использования информационных технологий при отправлении электронного правосудия. Актуальность темы заключается в том, что имеется устойчивая тенденция использования данных технологий у лиц, участвующих при рассмотрении дел с 2020 года вследствие пандемии. В связи с этим крайне важно модернизировать не только механизм применения информационных технологий, но и нормативно–правовую базу, регулирующая процесс использований указанных технологий при отправлении правосудия в Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Армения.*

Ключевые слова: *электронное правосудие, информационных технологии, пандемия.*

Для цитирования: *Голубев Ж. Ж., Старикова А. Д. Информационные технологии в деятельности по отправлению уголовного правосудия в странах СНГ // Право и управление. 2026. № 10. С. 433–436.*

GOLUBEV Zhdan Zhanovich,
Student of the Law Institute of TSU

STARIKOVA Anna Dmitrievna,
Student of the Faculty of Public Administration,
Lomonosov MSU

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF CRIMINAL JUSTICE IN THE CIS COUNTRIES

Annotation. *This article examines the issues related to the use of information technologies and the process of their implementation in the criminal proceedings of some states in the post-Soviet space. The aim of the study is to analyze the established mechanism for the use of information technologies in the judicial proceedings of Russia, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Armenia, to identify the main positive*

and negative aspects, and to propose specific recommended measures to improve the administration of electronic justice in the aforementioned countries. The historical aspect (2020) is presented, which served as the reason for the active use of information technologies in the activities of courts in the specified states. The study examines the use of various resources of electronic databases, instructions for the use of information technologies, and information exchange systems between law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan; draft laws on the implementation of electronic justice in the Republic of Armenia; the practice of higher courts in applying information technologies in the administration of justice; and the information «super–service» in the Russian Federation. The necessary and sufficient amendments to the legislation are proposed, and their implementation should lead to an improvement in the use of information technologies in the administration of electronic justice. The relevance of the topic lies in the fact that there is a steady trend of using these technologies among those involved in considering cases since 2020, due to the pandemic. In this regard, it is extremely important to modernize not only the mechanism for applying information technologies but also the regulatory framework governing the use of these technologies in the administration of justice in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Armenia.

Key words: *electronic justice, information technology, pandemic.*

For citation: *Golubev Zh. Zh., Starikova A. D. Information technologies in the administration of criminal justice in the CIS countries. Law and administration. 2026;(10):433–436. (In Russ.).*

В 2020 году, на фоне ограничений из–за пандемии, судебная система Казахстана согласно рекомендации Верховного Суда страны, осуществила масштабный переход на онлайн–формат работы. Эта трансформация привела к тому, что свыше 90% судебных дел, в том числе и уголовных, вскоре стали рассматриваться через информационные технологии.

В контексте государственной стратегии, направленной на технологическое обновление и цифровизацию — «Цифровой Казахстан», принятой в рамках Национального плана до 2025 года, была осуществлена значимая инициатива – с использованием ресурсов электронной базы «Единый реестр досудебных расследований» (ЕРДР) появилась инновация в виде модуля «Электронное уголовное дело» (е–УД). С октября 2020 года начался переход на электронный формат досудебного производства по уголовным делам.

В соответствии с Инструкцией «О ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» электронное уголовное дело (ЭУД) представляет собой обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования в отношении уголовных правонарушений на основе ЭУД [4].

Кроме того, была внедрена система СИОПСО (система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов). Данная система является реализацией механизма интеллектуального анализа, что позволяет повысить эффективность профилактики, выявления и раскрытия преступлений, а также упростить сотрудникам органов уголовного преследования процедуру проверки наличия судимости, поскольку раннее соответствующая процедура исполнялась до 7 суток, а сейчас за 3 минуты.

Важно отметить, что в законодательстве республики отсутствует легальное определение «электронные доказательства». Исходя из положений статей 111, 118–120 УПК Республики Казахстан, электронные данные могут служить доказательственной базой, такой как вещественные доказательства, регистрационные записи процессуальных действий и другие сопутствующие документы. В то же время, данный кодекс не содержит специализированных статей относительно правил обращения с цифровыми носителями и содержащейся на них информацией. Таким образом, воздействия на электронные доказательства, включая их изъятие, перемещение и хранение, следует осуществлять в соответствии с общеустановленными процедурами [6, стр. 112].

Изучив интеграцию современных технологических решений в систему судопроизводства Казахстана, обнаруживаются следующие положительные аспекты их использования: экономия в процессуальном контексте (сокращение времени, финансовых и человеческих ресурсов), обеспечение прозрачности судебного процесса, его открытости, затрудненность подделки процессуальных бумаг, увеличение их портативности и прочее. Тем не менее, в процессе их реализации в правоприменительной практике возникают определенные препятствия: неравномерность и низкая скорость интернет–соединения; технические неисправности; недостаточная разработанность норм уголовно–процессуального кодекса, выраженных в регулировании применения цифрового формата в уголовных процессах; необходимость дублирования уголовных дел в бумажном формате и другие подобные вопросы.

На данный момент в Армении происходит процесс реформирования судебной системы в соответствии со Стратегией судебных и правовых

реформ Республики Армения на 2022–2026 гг. В 2022 году советник министра юстиции Республики Армения, Ани Мхитарян, акцентировала внимание на необходимости перевода максимально возможного числа государственных услуг в онлайн–формат, в результате чего упростится и сократится администрирование. Было подчеркнуто, что данный переход должен осуществляться последовательно, в текущий момент ведутся работы над проектами «Электронное правосудие» (E–justice) и «Электронный суд» (E–court). Цель реализации интегрированной электронной системы заключается в расширении возможностей доступа к правовой помощи, упрощении бюрократических процедур и обеспечении высокого качества предоставляемых государственных услуг, что в свою очередь дает возможность гражданам излагать свои проблемы и требования в органы юстиции.

Следует заметить, что, как и в Республике Казахстан, так и в Республике Армения отсутствует легальное определение термина «электронные доказательства». В Российской Федерации в период пандемии Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета Судей Российской Федерации совместными постановлениями приняли особые меры для поддержания работоспособности судебной системы. Суды начали прием документов в электронном виде через интернет, стали рассматривать преимущественно безотлагательные дела, чаще использовать системы видеоконференцсвязи [3].

Во втором Обзоре по отдельным вопросам судебной практики Верховного Суда РФ, содержалась рекомендация судам по делам, требующим безотлагательного рассмотрения, использовать системы видеоконференцсвязи, «что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании» [1].

В 2024 году ожидался запуск инновационного супер–сервиса «Правосудие онлайн» в рамках портала Госуслуг, который предоставил возможность удаленного участия в судопроизводстве, через этот сервис пользователи могут подавать юридические документы, просматривать дела, участвовать в заседаниях и получать решения суда онлайн. Параллельно разрабатывается комплексная база данных уголовного судопроизводства и судопроизводства по делам об административных правонарушениях.

В соответствии со ст. 474 УПК РФ должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, могут оформлять процессуальные документы электронным и иным способом [5]. Относительно этого следует отметить рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым в ходе уголовного судопроизводства его участник вправе подать в суд обращение (ходатайство, заявление, в том числе связанное с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалобу, представление) в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью [2].

Однако на сегодняшний день участникам уголовного процесса не предоставляется равный доступ к применению цифровых инструментов по сравнению с органами, проводящими слушания по уголовным делам. Кроме того, механизм электронного обращения в судебные инстанции ещё не установлен законодательно.

Таким образом, проанализировав информационные технологии стран–участников СНГ в деятельности по отправлении уголовного правосудия, можно сказать, что каждая из стран имеет и развивает перспективные технологии, без которых в современных реалиях обойтись крайне проблематично. Однако остаются проблемные вопросы, требующие скорейшего решения: отсутствие надлежащей процедуры порядка подачи электронных документов; отсутствие необходимой терминологии, связанной с цифровизацией и др. В силу того, что в исследуемых странах нет легального определения «электронных доказательств», предлагаем вести следующую дефиницию. Электронные доказательства – это вид вещественных доказательств, информация, содержащаяся на электронном носителе и (или) представленная независимо от него, которая получена или создана в связи с совершением преступления и способна служить средством установления обстоятельств преступления и виновности лица в его совершении.

Список литературы:

[1] «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID–19)» № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). [Электронный ресурс] Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». [Электронный ресурс] Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Постановление Президиума Верховного

Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18.03.2020 г.; Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 г. (с изм. от 29.04.2020 г.). [Электронный ресурс] Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Приказ Генерального Прокурора РК от 03.01.2018 № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» [Электронный ресурс] Информационная система «PRG.» Режим доступа: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон [принят Гос. Думой 22.11.2001] // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ст. 4921.

[6] Ященко И.И. Процессуальная регламентация использования электронных документов в уголовном судопроизводстве некоторых государств постсоветского пространства / И.И. Ященко // Философско–правовое измерение государственной власти. 2021. № 4 (99). С.112–118.

References:

[1] "Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation" No. 2 (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.04.2020). [Electronic resource] Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: https://www.consultant.ru/ (access date: 17.09.2026).

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2017 No. 57 "On Certain Issues of Application of Legislation Regulating the Use of Documents in Electronic Form in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts." [Electronic resource] Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: https://www.consultant.ru/ (access date: 17.09.2026).

[3] Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of 18.03.2020; Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of 08.04.2020 (as amended on 29.04.2020). [Electronic resource] Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: https://www.consultant.ru/ (access date: 17.09.2026).

[4] Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated 03.01.2018 No. 2 "On approval of the Instructions on conducting criminal proceedings in electronic format" [Electronic resource] Information system "PRG." Access mode: https://online.zakon.kz/ (access date: 17.09.2026).

[5] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Feder. law [adopted by the State. Duma 22.11.2001] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52, Art. 4921.

[6] Yashchenko I.I. Procedural regulation of the use of electronic documents in criminal proceedings of some states of the post-Soviet space / I.I. Yashchenko // Philosophical and legal dimension of state power. 2021. № 4 (99). P.112-118.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-437-441
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос деятельности коллектива сотрудников, от успешного взаимодействия которого зависит организация воспитательного процесса с несовершеннолетними осужденными.*

Ключевые слова: *коллектив воспитателей: коллектив воспитателей, несовершеннолетние осужденные, взаимодействие.*

Для цитирования: *Тищенко Ю. Ю. Формы взаимодействия при организации воспитательного процесса в исправительном учреждении // Право и управление. 2026. № 10. С. 437–441.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

FORMS OF INTERACTION IN THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The article considers the issue of the activities of the collective of employees, on the successful interaction of which the organization of the educational process with juvenile convicts depends.*

Key words: *collective of educators: collective of educators, juvenile convicts, interaction.*

For citation: *Tishchenko Yu. Yu. Forms of interaction in the organization of the educational process in a correctional institution. Law and administration. 2026;(10):437–441. (In Russ.).*

Деятельность коллектива воспитателей во многом зависит от успешного взаимодействия между отделами и службами при решении любых вопросов, а особенно. К сожалению, во многих подразделениях уровень такого взаимодействия низок, отсутствует должная согласованность между сотрудниками при организации воспитательных воздействий, не соблюдается единство режимно-педагогических требований к осужденным. Так, сотрудники оперативного и режимного отделов при осуществлении дисциплинарной практики зачастую не учитывают мнение начальников отрядов как непосредственных организаторов воспитательного процесса, наблюдается увлечение крайними мерами наложения взысканий. Начальник учреждения, его заместители, руководители отделов и служб плохо информированы об истинном положении дел в отрядах.

Подобный подход нарушает одно из основных требований формирования коллектива сотрудников как коллектива воспитательного, именно: нацеленность его на выполнение главной задачи – исправление осужденных.

Взаимодействие, как правило, осуществляется в массовых и индивидуальных формах. К массовым формам относятся: общие собрания сотрудников, на которых решаются проблемы повышения эффективности деятельности колонии; работа в учебно-воспитательных советах, советах воспитателей отрядов; оперативные совещания при начальнике колонии, производственные совещания; педагогические советы в школах; научно-практические семинары и конференции и др. К индивидуальным формам относятся беседы руководителей учреждений с сотрудниками различных отделов и служб, в которых затрагивают-

ся вопросы взаимодействия; беседы сотрудников между собой с целью обмена информацией о поведении и деятельности осужденных; решение вопросов посещаемости и успеваемости осужденных в общеобразовательной школе и ПУ и др.

Указанные формы взаимодействия одинаковы для работников всех подразделений учреждения. В то же время особая роль в этом процессе принадлежит отделу (отделению) воспитательной работы, который по существу является субъектом организации такого взаимодействия.

Успешное решение задач по поддержанию порядка в исправительных учреждениях и укреплению режима содержания осужденных во многом определяется деятельностью оперативного и режимного отделов, сотрудники которых обязаны выступать перед осужденными с докладами по вопросам укрепления режима и дисциплины, разъяснения законодательства, прав и обязанностей осужденных, правил их проведения, а также знакомить их с условиями отбывания наказания, традициями учреждения, особенностями режима и т.д.

Совместно с начальниками отрядов и воспитателями сотрудники оперативно-режимного отдела: проводят цикл лекций и докладов по юридическим вопросам, индивидуальные беседы, принимают участие в выпуске стенгазет и передачах по местному радиовещанию, имеющих целью развитие правового сознания осужденных, воспитание чувств ответственности за совершенные проступки, выработку дисциплинированности, соблюдение требований администрации исправительного учреждения; следят за постоянным обновлением стендов, посвященных правовой пропаганде. Текстовые надписи, фотографии, таблицы и диаграммы на этих стендах рассказывают об основных обязанностях осужденных, о гуманности законов по отношению к твердо вставшим на путь исправления правонарушителям, о законодательных актах в этой области и о тех, кто заслужил помилование, условное или условно-досрочное освобождение; рассказывают о лицах, пришедших с повинной и досрочно погасивших иски, посвящают им выпуски стенных газет, «молнии», световые и радиогазеты, оформляют стенды под рубрикой «На свободу с чистой совестью».

Отдел (отделение) воспитательной работы, взаимодействуя с работниками оперативно-режимного отдела, активно используют воспитательные возможности коллектива осужденных, проявляет постоянную заботу о его сплоченности и авторитете, об обеспечении гласности проводимой работы по укреплению режима и ее результатов. В этих условиях в учреждениях и отрядах широко используются такие формы, как общие собрания осужденных, на которых обсуждаются состояние дисциплины и задачи по ее укреплению, заслушивание их отчетов на заседаниях наблюдательной комиссии, советов воспитателей, аттестационной комиссии, советов пенитенциарного учреждения и отрядов.

Взаимодействие сотрудников отдела (отделения) воспитательной работы, преподавателей общеобразовательных школ и профессионального училища осуществляется по нескольким направлениям:

взаимная информация: преподаватели школ постоянно информируют воспитателей об отношении того или иного учащегося к учебе, о его дисциплине, о способностях, чертах характера, склонностях, достоинствах и недостатках; начальники отрядов регулярно сообщают преподавателям ПУ и учителям школы о производственной деятельности, об особенностях личности осужденного, о его поведении в быту и на производстве, участии в общественной жизни отряда и учреждения;

совместная подготовка и поведение мероприятий в масштабе отряда, класса, школы. Сюда же можно отнести и участие воспитателей осужденных в деятельности педагогических советов школ и ПУ, где они совместно обсуждают меры поощрения и наказания тех или иных учащихся, методы совместного воздействия на них, определяют отношение отдельных лиц к учебе, выявляют особенности их поведения;

проведение совместной индивидуальной работы, совместное изучение личности осужденного-учащегося;

привлечение сотрудников производственной службы к воспитательной работе. В тесном контакте с воспитателями начальники цехов, мастера и другие инженерно-технические работники должны: разъяснять значимость рыночной экономики в современных условиях, обеспечивать участие осужденных в общественно полезном труде, в трудовом соревновании; принимать участие в организации рейдов по качеству выпускаемой продукции, экономии сырья; выпускать радиогазету, посвященную пропаганде передового опыта производства, проведению занятий в школе передового опыта; развивать рационализаторскую работу среди осужденных, создавать в отрядах группы по рационализации и изобретательству, оборудовать стенды по этой тематике и т.д.

Огромную роль в формировании у осужденных правильного отношения к труду играют такие формы, как занятия в школе по изучению основ рыночной экономики, школе передового опыта, лекции, доклады, беседы на производственно-технические и экономические темы. Начальники отрядов и сотрудники производственной службы, раскрывая перед осужденными антиобщественную сущность преступлений, воспитывают у них

нетерпимость к тунеядству, показывают на конкретных примерах необходимость честной трудовой жизни.

Немаловажное значение в исправлении осужденных имеет участие в этом деле общественности. Представители трудовых коллективов и организаций оказывают помощь в проведении конкурсов профессионального мастерства, смотров за экономию и бережливость. Нередко совместно с шефами разрабатываются условия подведения итогов трудового соревнования. Во многих исправительных учреждениях совместно с шефами организуется культурно-массовая работа.

Положительный опыт пенитенциарных учреждений доказывает, что участие шефов, представителей интеллигенции, религиозных конфессий в работе совета воспитателей, организации самовоспитания, в проведении общих собраний осужденных, их выступления с докладами, лекциями, беседами дают положительные результаты в воспитательной работе не только со взрослыми осужденными, но и несовершеннолетними.

Практика убеждает, что взаимодействие отделов и служб в процессе исправления несовершеннолетних осужденных значительно повышает результативность воспитательной работы, способствует сплочению коллективов отделов и служб в единый коллектив подразделения. Таким образом, создается новое качественное состояние – коллектив воспитателей.

Список литературы:

[1] Андреев Н.В. и др. Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: Методические рекомендации. - М.: МВД России, учебно-методический центр, 1995.

[2] Анцупов А.Е. Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. - Спб: Питер, 2005.

[3] Буданов А.В. Практические рекомендации по ведению переговоров ступниками в ситуации захвата заложников (по материалам опыта правоохранительных органов США). - М., 1995.

[4] Гришина Н.А. Психология конфликта. — Спб: Питер, 2004.

[5] Дикая Л.Г., Гримак Л.П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека. — М., 1983.

[6] Зинин Г.Ю. Судимость как конечная стадия реализации уголовной ответственности С. 2-4 /Уголовно-исполнительная система № 3 – 2013.

[7] Шерайзина Р.М. Духовно-нравственные ценности подростков как педагогический феномен / В сборнике: Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2016. С. 240-244.

[8] Шерайзина Р.М. Гендерный аспект духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних девочек/ Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10 (173). С. 8-12.

[9] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[11] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[14] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[15] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[18] Вилкова А. В. Духовно-нравственные

ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[19] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[20] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[21] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Andreev N.V. et al. Psychological support for special operations of internal affairs bodies to free hostages: Guidelines. - M.: Ministry of Internal Affairs of Russia, educational and methodological center, 1995.

[2] Antsupov A.E. Baklanovsky S.V. Conflict in schemes and comments. -Spb: Peter, 2005.

[3] Budanov A.V. Practical recommendations on the conduct of negotiations by stupniks in a hostage-taking situation (based on the experience of US law enforcement agencies). - M., 1995.

[4] Grishina N.A. Psychology of conflict. - St. Petersburg: Peter, 2004.

[5] Wild LG, Grimak LP Theoretical and experimental problems of human mental state management. - M., 1983.

[6] Zinin G.Yu. Criminal record as the final stage of the realization of criminal responsibility S. 2-4 / Penal system No. 3 - 2013.

[7] Sherayzina R.M. Spiritual and moral values of adolescents as a pedagogical phenomenon / In the collection: Theoretical, methodological and applied aspects of social institutions of law, economics, management and education Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Humanitarian and Social Institute. 2016. S. 240-244.

[8] Sherayzina R.M. Gender aspect of spiritual and moral education of underage girls / Vedomosti of the penal system. 2016. № 10 (173). S. 8-12.

[9] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts / In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service / Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[11] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E. / Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation / Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[13] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology / Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[14] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution / Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[15] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement / Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel / Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[18] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment / A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical

Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[19] Litvishkov V. M. Parties to business communication / A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[20] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[21] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts / In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-442-448
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТКАЧЕНКО Павел Анатольевич,
Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
e-mail: p.tkachenko1976@mail.ru

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматривается теоретические и прикладные аспекты трасологического исследования вещественных доказательств, представленных в цифровом формате – в виде цифровых изображений материальных следов. Анализируются предпосылки формирования цифровой трасологии как самостоятельного направления судебно-экспертной деятельности, обусловленные расширением практики фиксации следов без их изъятия и развитием технологий трехмерного сканирования, фотограмметрии и компьютерного моделирования. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при исследовании цифровых изображений следов: перспективным и дисторсионным искажениям, ограничениям разрешающей способности, вопросам достоверности воспроизводимости экспертных выводов. Рассматриваются возможности применения 3D-сканирования и фотограмметрических методов для получения трехмерных моделей следов, пригодных для идентификационного исследования. Выявляются типичные экспертные ошибки при работе с цифровыми следами и предлагаются пути их минимизации, включая унификацию понятийно-терминологического аппарата и разработку стандартизированных алгоритмов фотофиксации. Затрагиваются процессуальные аспекты признания цифровых изображений и электронных носителей информации вещественными доказательствами. Сделан вывод о необходимости формирования целостной методической базы цифровой трасологии, обеспечивающей доказательственную значимость результатов исследования цифровых изображений материальных следов.*

Ключевые слова: *цифровая трасология, трасологическая экспертиза, цифровое изображение следа, вещественные доказательства, 3D-сканирование, фотограмметрия, экспертные ошибки.*

Для цитирования: *Ткаченко П. А. Трасологическое исследование вещественных доказательств в цифровом формате: теоретические и прикладные аспекты // Право и управление. 2026. № 10. С. 442–448.*

TKACHENKO Pavel Anatolyevich,
Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

TRASOLOGICAL EXAMINATION OF PHYSICAL EVIDENCE IN DIGITAL FORMAT: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Annotation. *The article examines theoretical and applied aspects of traceological examination of physical evidence presented in digital format — as digital images of material traces. The prerequisites for the formation of digital traceology as an independent area of forensic expert activity are analyzed, conditioned by the expanding practice of recording traces without their seizure and the development of three-dimensional scanning, photogrammetry, and computer modeling technologies. Special attention is paid to the problems arising in the study of digital images of traces: perspective and distortion aberrations, limited resolution, issues of reliability and reproducibility of expert conclusions. The possibilities of using 3D scanning and photogrammetric methods to obtain three-dimensional models of traces suitable for identification research are considered, as well as the prospects of using artificial intelligence systems for automated comparative analysis. Typical expert errors in working with digital traces are identified and ways to minimize them are proposed,*

including unification of the conceptual and terminological apparatus and development of standardized photo fixation algorithms. Procedural aspects of recognizing digital images and electronic storage media as physical evidence are touched upon. The conclusion is made about the necessity of forming a holistic methodological base for digital traceology that ensures the evidentiary value of the results of studying digital images of material traces.

Key words: *digital traceology, traceological examination, digital image of a trace, physical evidence, 3D scanning, photogrammetry, expert errors, electronic-digital trace.*

For citation: *Tkachenko P. A. Trasological examination of physical evidence in digital format: theoretical and applied aspects. Law and administration. 2026;(10):442–448. (In Russ.).*

Введение.

Институт судебной экспертизы в последние годы активно использует инновационные технологии при исследовании вещественных доказательств. Одной из важных составляющих раскрытия и расследования преступлений являются следы, которые остаются на местах происшествий в результате противоправных действий. Хотя различные виды следов достаточно хорошо изучены в трасологии, появление электронной информации и ее следов требует более углубленного изучения, что позволит получать более полные фактические данные, используемые в качестве доказательств.[1]

Современная практика расследования преступлений все чаще сталкивается с ситуацией, когда следы изымаются не в натуральном виде, а фиксируются фотографическим способом – без их изъятия с места происшествия. В дальнейшем органами предварительного следствия назначаются трасологические экспертизы и исследования этих фотоизображений. Это порождает принципиально новую познавательную ситуацию: эксперт имеет дело не с материальным следом как таковым, а с его цифровым отображением, обладающим собственными свойствами и ограничениями.

Понятие «цифровая трасология» в последние годы все активнее входит в научную и практическую деятельность. В зарубежной литературе высказываются предложения об объединении всех исследований, касающихся электронных доказательств, под эгидой «цифровой трасологии», что должно обеспечить терминологическое единство и теоретическую согласованность. При этом подчеркивается, что цифровые следы обладают уникальными свойствами, не имеющими аналогов в материальных следах: они состоят не из материи, а представляют собой информацию, хранящуюся в виде сочетаний цифровых систем, могут копироваться бесконечное количество раз без потери качества, а также содержат метаданные.

Вместе с тем, следует различать собственно цифровые следы (данные хранящиеся в цифровых системах) и цифровые изображения материальных следов, которые являются результатом фиксации традиционных трасологических объектов с использованием цифровых технологий. Именно последняя категория составляет предмет настоящего исследования.

Также обращает на себя внимание проблема разграничения цифрового следа и традиционных трасологических объектов, зафиксированных с использованием цифровых технологий. По нашему мнению, термин «цифровой след» не применим при исследовании трасологических следов, представленных в виде графических файлов. Действительно, цифровое изображение следа не является цифровым следом – это материальный след, зафиксированный при помощи цифровых технологий. Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет методологию исследования: в одном случае эксперт исследует информацию, хранящуюся в цифровой системе, в другом – изображение материального следа, обладающего собственными характеристиками.

Цели и методы.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ теоретических и практических проблем трасологического исследования вещественных доказательств в цифровом формате, а также определение перспективных направлений развития методического обеспечения такого исследования.

Для достижения поставленный целей решаются следующие задачи: во-первых, выявление предпосылок формирования цифровой трасологии как направления экспертной деятельности; во-вторых, анализ методов цифровой фиксации следов и их влияние на доказательственное значение результатов исследования; в-третьих, систематизация типичных экспертных ошибок при исследовании цифровых изображений следов; в-четвертых, рассмотрение процессуальных аспектов признания цифровых изображений вещественными доказательствами.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, систематизация. Применялись также специальные методы юридического исследования: формально-юридический метод – для анализа норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих статус

электронных носителей информации как вещественных доказательств; сравнительно-правовой метод – для сопоставления отечественного и зарубежного подходов к исследованию цифровых изображений следов; метод обобщения экспертной практики – для выявления типичных ошибок при работе с цифровыми изображениями следов.

Эмпирическую базу исследования составили научные публикации по криминалистике и судебной экспертизе, материалы экспертной практики, данные экспериментальных исследований, представленные в научной литературе, а также личный опыт практической работы автора.

Результаты.

Предпосылки формирования цифровой трасологии.

Формирование цифровой трасологии обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами. Первый фактор – технологический: широкое распространение цифрового фотооборудования, появление портативных 3D-сканеров, развитие программного обеспечения для фотограмметрической обработки изображений и трехмерного моделирования. Второй фактор – практический: специалисты, привлекаемые к участию в производстве осмотров мест происшествий, зачастую применяют фотографический способ фиксации следов без их изъятия. Третий фактор – процессуальный: уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации прямо относит электронные носители информации к вещественным доказательствам, что создает правовую основу для использования цифровых изображений в процессе доказывания.

Развитие научно-технического прогресса привело к разработке инновационных технологий, которые дали возможность исследовать новые виды следов, сохраняемых на электронных носителях. Такие следы большинством ученых принято называть «цифровыми». Они невидимы, однако имеют материальную природу, что позволяет использовать имеющуюся в них информацию в целях доказывания.

Методы цифровой фиксации следов и их влияние на доказательственной значение.

Цифровая фотография стала основным средством фиксации следов на месте происшествия. Однако использование методов фотографирования в качестве способов фиксации следов вместо их изъятия должно рассматриваться как исключительная мера. Это принципиальное положение, которое, к сожалению, не всегда соблюдается на практике.

С.Г. Злобин исследует особенности фотофиксации объектов трасологической экспертизы при производстве следственных действий с применением цифрового фотооборудования. Автор анализирует основные принципы указанного процесса и приводит рекомендации по его осуществлению, подчеркивая необходимость разработки алгоритмов фотофиксации и их дальнейшего судебно-экспертного исследования.[2]

Ключевая проблема цифровой фотофиксации следов заключается в том, что полученное изображение может содержать геометрические искажения, включающие наиболее распространенные дисторсионные и перспективные искажения. Эти искажения негативно влияют на установление истинных форм и определение размерных характеристик зафиксированных следов, что не позволяет признать следы пригодными для идентификации.

Д.А. Корытов, А.Ю. Оборов, М.В. Черкашин разработали методику определения угла, образованного оптической осью объектива фотоаппарата и плоскостью обнаруженного следа подошвы. Установленные экспертом параметры, характеризующие фотоизображение следа, должны использоваться при воспроизведении условий фотографирования экспериментальных следов. При сравнительном исследовании необходимо соблюдать правило сопоставимости сравниваемых объектов: при сравнении следа, зафиксированного при определенном угле, необходимо получить фотоизображение экспериментального следа в аналогичных условиях.[3]

В действующей методике исследования трасологических следов, зафиксированных на фотоизображениях, эксперт оценивает качество изображения, в том числе по наличию или отсутствию перспективных, дисторсионных и хроматических аберрационных искажений. Однако оценка качества изображения – лишь первый этап. Принципиальный вопрос заключается в том, может ли цифровое изображение следа служить полноценным объектом идентификационного исследования, обеспечивающим достоверный вывод о тождестве.[4]

Перспективным направлением преодоления ограничений двухмерной фотофиксации является использование трехмерного сканирования и фотограмметрии. Практика применения данных методов выявила ряд существенных преимуществ 3D-сканирования перед традиционными методами фиксации следов. Интеграция программных комплексов компьютерного моделирования и цифровая реконструкция существенно упрощают коммуникацию между участниками процесса.

В работе, посвященной использованию 3D-микроскопии в трасологической экспертизе, рассматривается особенности построения 3D-изображения с применением программного обеспечения 3DFZephyrFree и алгоритм получения трехмерных изображений. Экспериментально на примере статистических и динамических следов орудий взлома и инструментов, до-

казана эффективность применения программы 3DFZephyrFree для фиксации и изучения микропризнаков следов. Авторы приходят к выводу, что 3D-изображение следов позволяет полно и всесторонне передать признаки изучаемого объекта на иллюстративной таблице, что обеспечивает убедительность и наглядность полученных экспертным путем результатов [5].

Важно отметить, что использование предложенного метода возможно не только при исследовании объектов микротрасологии, но и в других видах экспертиз, таких как судебно-баллистическая экспертиза и технико-криминалистическая экспертиза документов.

Применение портативного 3D-сканера CalibriMini для фиксации объемных следов обуви и шин транспортных средств при различных погодных условиях показало его эффективность, в том числе при низких температурах от 0 до +5°C – ниже заявленных производителем. Использование затемняющего устройства для 3D-сканирования положительно влияет на качество получаемых полигональных 3D-моделей. Результаты работы обосновывают использование криминалистическими подразделениями 3D-сканера CalibriMini на месте происшествия для фиксации объемных следов и получения трехмерных полигональных моделей в целях совершенствования криминалистических учетов и дальнейшего их исследования. [6].

Технологии 3D-сканирования позволяют фиксировать следы обуви, шин, инструментов, царапины, вмятины и иные виды деформаций с точностью до сотых долей миллиметра. 3D-сканеры с возможностью работы в полевых условиях позволяют экспертам получать высокоточные модели непосредственно на месте происшествия.

Формирование трехмерных моделей следов позволяет не только повысить качество иллюстративного материала, но и разрешить не менее значимую задачу в развитии ведения криминалистических учетов. Принцип трехмерной фиксации реализован на способах не только фотограмметрии, но и алгоритмах триангуляции, а также наличии устройств дистанционныхпрямых измерений.

Искусственный интеллект в трасологическом исследовании цифровых изображений.

Рост массива изымаемых следов и ограниченные возможности традиционного визуального сравнения обуславливают актуальность автоматизации сравнительного исследования. Традиционный визуальный сравнительный анализ общих и частных признаков требует высокой квалификации эксперта, значительных временных затрат и подвержен субъективным ошибкам, особенно при работе с большими массивами информации.

К.М. Пивоваров и М.К. Махмудов анализируют теоретические и прикладные аспекты использования систем искусственного интеллекта при сравнительном исследовании следов обуви и автомобильных шин в трасологической экспертизе. Авторы проводят критический анализ научных подходов: от классической идентификации по общим и частным признакам до современных компьютерных систем обработки изображений, трехмерного моделирования и экспертных баз данных.[7].

На основе обзора отечественных и зарубежных исследований формулируется основные проблемы внедрения искусственногоинтеллекта в трасологию: дефицит репрезентативных баз данных, недостаточная изученность механизма следообразования, вопросы достоверности и процессуального статуса результатов. Преодоление этих проблем требует не только технологических решений, но и серьезной методологической работы. Зарубежные исследования также демонстрируют активное развитие данного направления. Разрабатываются модели глубокого обучения для высокоточного сравнения трехмерных отпечатков обуви, основанные на анализе облаков точек, полученных с помощью структурированного светового 3D-сканирования, которое обеспечивает высокое разрешение захвата и сохранение геометрических и глубинных характеристик. Применение глубокого обучения для анализа следов обуви позволяет автоматизировать процессы предварительной обработки изображений, идентификации, поиска и сравнения, а также диагностирования биометрических характеристик.

Экспертные ошибки при исследовании цифровых изображений следов.

Целью исследования, проведенного Н.П. Майлис, является выявление экспертных ошибок при производстве трасологических экспертиз для их предотвращения при проведении исследований различных объектов. Рассмотрены ошибки, допускаемые следователем при назначении экспертиз и экспертом при проведении исследований; выделены различные виды ошибок: процессуальные, деятельностные, технические и иные, связанные с использованием современных технологий. Особое внимание уделено ошибкам при исследовании цифровых следов.[8].

Экспертные ошибки при исследовании цифровых следов могут быть классифицированы исходя из того, на каком этапе они совершаются. К первой группе следует отнести ошибки, допущенные специалистом из-за невнимательности, недостаточной компетентности или нарушения методики поиска цифровых следов. Ко второй группе – ошибки, связанные с непредумышленным нарушением специалистами правил работы с цифровыми объектами, включая несоблюдение принципа сравнения подобного с подобным.

Некомпетентность эксперта и низкая квалификация являются одними из наиболее существенных факторов, приводящих к экспертным ошибкам. В условиях стремительного развития цифровых технологий проблема поддержания необходимого уровня компетентности экспертов приобретает особую остроту: программное обеспечение, оборудование и методические подходы обновляются быстрее, чем системы подготовки и повышения квалификации экспертных кадров.

Специфика работы с цифровыми изображениями следов порождает ряд ошибок, не свойственных традиционному трасологическому исследованию. Во-первых, это ошибки, связанные с недооценкой влияния перспективных и дисторсионных искажений на результаты измерения следов, эксперт, работающий с изображением, может не учитывать, что размерные характеристики следа на фотографии отличаются от истинных размеров из-за угла съемки и оптических искажений.

во-вторых, это ошибки, связанные с недостаточным учетом ограничений разрешающей способности изображения. цифровое изображение имеет конечное разрешение, и мелкие детали следа, значимые для идентификации, могут быть утеряны или искажены при недостаточном разрешении. Эксперт, исследующий изображение, может принять артефакты сжатия или шумовые характеристики матрицы за признаки следа.

В-третьих, это ошибки, связанные с нарушением правила сопоставимости при проведении сравнительного исследования. При сравнении следа, зафиксированного на фотоизображении, с экспериментальным следом необходимо обеспечивать сопоставимость условий их получения. Несоблюдение этого правила приводит к получению недостоверных выводов.

В-четвертых, это ошибки, связанные с неправильной интерпретацией результатов применения автоматизированных систем. Системы искусственного интеллекта и автоматизированного сравнения следов могут давать ложноположительные или ложноотрицательные результаты, и эксперт должен критически оценивать их выводы, а не принимать их как окончательные.

Процессуальные аспекты исследования цифровых изображений следов.

Процессуальный статус цифрового изображения как вещественного доказательства имеет свои особенности. Для использования таких изображений в судопроизводстве, включая приобщение их в качестве вещественных доказательств, более предпочтительным является использование оптических дисков с возможностью только однократной записи (CD-Ru DVD-R). Это требование направлено на обеспечение неизменности цифрового доказательства и возможности его верификации.

Электронные носители информации являются отдельным видом вещественных доказательств. Уголовно-процессуальное законодательство прямо не указывает, что считать «электронными носителями информации», однако судебная практика признает электронные носители информации и диски надлежащими вещественными доказательствами, поскольку они в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ являются предметами, которые служат средством для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Однако признание электронного носителя вещественным доказательством не решает автоматически проблему достоверности содержащегося на нем цифрового изображения. Цифровое изображение может быть подвергнуто редактированию, монтажу, изменению метаданных. Вопрос о том, насколько цифровое изображениеследа отражает реальные характеристики следа и может ли оно служить надежной основой для идентификационного исследования, остается дискуссионным.

В зарубежной литературе отмечается, что цифровые следы обладают уникальными свойствами, не имеющими аналогов в материальных следах: они могут копироваться бесконечно без потери качества. Это свойство имеет двоякое значение. С одной стороны, оно обеспечивает возможность многократного исследования цифрового изображения без его повреждения. С другой стороны, оно создает риск незаметного изменения изображения, что ставит вопрос о необходимости обеспечения целостности цифрового доказательства на всех этапах его движения от места происшествия до экспертного исследования.

Решение этой проблемы видится в разработке и внедрении процедур верификации цифровых доказательств, включающих фиксацию хеш-сумм файлов, сохранение метаданных, ведение журналов доступа к фалам. Эти процедуры должны стать обязательным элементом работы с цифровыми доказательствами, обеспечивая их доказательственную значимость.

Заключение эксперта, основанное на исследовании цифрового изображения следа, имеет свои особенности оценки. Суд и участники процесса должны понимать, что выводы эксперта в этом случае основаны не на непосредственном исследовании материального объекта, а на его цифровом изображении. Это порождает дополнительные риски, связанные с возможной неполнотой или искаженностью информации, содержащейся в изображении. В этой связи особое значение приобретает иллюстративная составляющая заключения эксперта. 3D-изображение позволяет полно и всесторонне передать признаки изуча-

емого объекта в иллюстративной таблице, что обеспечивает убедительность и наглядность полученных экспертным путем результатов.

Обсуждение.

Проведенный анализ позволяет обсудить полученные результаты в контексте современных научных дискуссий о цифровой трасологии.

Прежде всего, необходимо констатировать, что формирование цифровой трасологии как самостоятельного направления судебно-экспертной деятельности является объективным следствием цифровизации всех сфер общественной жизни, включая сферу уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечает Н.П. Майлис. Появление электронной информации, а значит и ее следов, требует более углубленного изучения, что позволит получать более полные фактические данные, используемые в качестве доказательств. [1].

Вместе с тем, следует признать, что формирование цифровой трасологии не получило логического завершения. В научной литературе зачастую встречаются такие понятия, как «криминалистическое учение о следах», «криминалистическое или судебное следоведение», «трасология», употребляемые в качестве синонимов. В условиях цифровизации возникает необходимость в уточнении понятийно-терминологического аппарата, поскольку традиционные дефиниции не в полной мере отражают специфику исследования цифровых изображений материальных следов.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, трасологическое исследование вещественных доказательств в цифровом формате представляет собой динамично развивающееся направление судебно-экспертной деятельности, обусловленное расширением практики фиксации следов без их изъятия и развитием цифровых технологий. Формирование цифровой трасологии как самостоятельного направления требует уточнения ее предмета, метода и понятийно-терминологического аппарата.

Во-вторых, цифровая фотофиксация следов, являясь наиболее распространенным методом их фиксации, сопряжена с риском внесения перспективных и дисторсионных искажений, ограничивающих возможности идентификационного исследования. Преодоление этих ограничений возможно, как путем разработки стандартизированных алгоритмов фотофиксации, обеспечивающих минимизацию искажений, так и путем перехода к трехмерным способам фиксации следов.

В-третьих, трехмерное сканирование и фотограмметрия открывают новые возможности для трасологического исследования, позволяя получать высокоточные трехмерные модели следов, пригодные для идентификационного исследования и обеспечивающие наглядность иллюстративного материала. Применение портативных 3D-сканеров в полевых условиях показало их эффективность, в том числе при неблагоприятных погодных условиях.

В-четвертых, экспертные ошибки при исследовании цифровых изображений следов имеют свою специфику, связанную с недооценкой искажений, ограничений разрешающей способности и нарушением правила сопоставимости. Минимизация этих ошибок требует разработки стандартизированных методик, унификации терминологии и постоянного повышения квалификации экспертов.

В-пятых, процессуальный статус электронных носителей информации как вещественных доказательств создает правовую основу для использования цифровых изображений следов в доказывании, однако проблема обеспечения достоверности цифровых доказательств требует разработки процедур верификации, включающих фиксацию хеш-сумм, сохранение метаданных и ведение журналов доступа. Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой целостной методической базы цифровой трасологии, обеспечивающей доказательственную значимость результатов исследования цифровых изображений материальных следов, а также с интеграцией цифровых и традиционных методов трасологического исследования на основе концепции криминалистических уровней увеличения. Криминалистические уровни увеличения описывают иерархические отношения между различными типами следов и признаются как для цифровых, так и для материальных следов, что увеличивает согласованность, показывая связь следов, изучаемых различными экспертами.

Список литературы:

[1] Майлис Н. П. Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 6-10. – DOI 10.30764/1819-2785-2025-1-6-10. – EDN LDFEIC.

[2] Злобин С. Г. Особенности цифровой фотофиксации объектов трасологической экспертизы при производстве следственных действий / С. Г. Злобин // Судебная экспертиза. – 2025. – № 1(81). – С. 54-65. – EDN ITKOMH.

[3] Корытов Д. А. Методика определения угла, образованного оптической осью объектива фотоаппарата и плоскостью обнаруженного следа подошвы обуви (автотранспортного средства) / Д. А. Корытов, А. Ю. Оборов, М. В. Черкашин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 3(31). – С. 88-98. – DOI 10.55001/2587-9820.

2024.62.65.009. – EDN MBTUPW.

[4] Исследование трасологических следов, зафиксированных на фотоизображениях : учебно-практическое пособие / Т. В. Демидова, Е. В. Токарева, Ю. Н. Александров [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2024. – 38 с. – ISBN 978-5-9694-1509-6. – EDN MEGMLN.

[5] Четвергова О. А. Использование 3D-микроскопии в трасологической экспертизе: возможности и ограничения / О. А. Четвергова, М. А. Четвергов // Судебная экспертиза. – 2024. – № 4(80). – С. 39-46. – EDN DDQSWJ.

[6] Абрамов В. А. Применение 3D-сканера CalibriMini для фиксации объемных следов обуви и шин транспортных средств при различных погодных условиях / В. А. Абрамов, А. И. Попов // Судебная экспертиза. – 2026. – № 1(85). – С. 82-91. – EDN THQPUK.

[7] Пивоваро, К. М. Искусственный интеллект в трасологии: автоматический сравнительный анализ следов обуви и шин / К. М. Пивоваров, М. К. Махмудов // Молодой ученый. – 2026. – № 19(622). – С. 445-448. – EDN CDMQTT.

[8] Майлис Н. П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 20-24. – DOI 10.30764/1819-2785-2024-1-20-24. – EDN IHOIEA.

References:

[1] Mailis N.P. Innovative technologies contributing to the development of digital trasology / N.P. Mailis // Theory and practice of forensic science. – 2025. - T. 20, NO. 1. - S. 6-10. – DOI 10.30764/1819-2785-2025-1-6-10. – EDN LDFEIC.

[2] Zlobin S. G. Features of digital photographic recording of objects of trasological examination in the course of investigative actions / S. G. Zlobin // Forensic examination. – 2025. – № 1(81). - S. 54-65. – EDN ITKOMH.

[3] Korytov D.A. Methodology for determining the angle formed by the optical axis of the camera lens and the plane of the detected footprint of the sole of the shoe (vehicle) / D.A. Korytov, A. Yu. Oborov, M.V. Cherkashin // Forensics: yesterday, today, tomorrow. – 2024. – № 3(31). - S. 88-98. – DOI 10.55001/2587-9820.2024.62.65.009. – EDN MBTUPW.

[4] Study of trasological traces recorded on photographic images: a teaching and practical guide / T.V. Demidova, E.V. Tokareva, Yu. N. Alexandrov [et al.]. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2024. - 38 p. - ISBN 978-5-9694-1509-6. – EDN MEGMLN.

[5] Chetvergova O. Use of 3D microscopy in trasological examination: possibilities and limitations / O. A. Chetvergova, M. A. Chetvergov // Forensic examination. – 2024. – № 4(80). - S. 39-46. – EDN DDQSWJ.

[6] Abramov V. A. The use of the CalibriMini 3D scanner to fix the volumetric traces of shoes and tires of vehicles under various weather conditions / V. A. Abramov, A. I. Popov // Forensic examination. – 2026. – № 1(85). - S. 82-91. – EDN THQPUK.

[7] Pivovaro, K. M. Artificial intelligence in trasology: automatic comparative analysis of footwear and tire traces / K. M. Pivovarov, M. K. Makhmudov // Young scientist. – 2026. – № 19(622). - S. 445-448. – EDN CDMQTT.

[8] Mailis N.P. Expert errors made in the study of traditional and digital traces / N.P. Mailis // Theory and practice of forensic examination. – 2024. - T. 19, NO. 1. - S. 20-24. – DOI 10.30764/1819-2785-2024-1-20-24. – EDN IHOIEA.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-449-451
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, Российская Федерации, ID orcid.org // 0000-0002-0045-6062, e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛЛЕКТИВА ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос деятельности коллектива сотрудников, от успешного взаимодействия которого зависит организация воспитательного процесса с несовершеннолетними осужденными.*

Ключевые слова: *коллектив воспитателей: коллектив воспитателей, несовершеннолетние осужденные, взаимодействие.*

Для цитирования: *Лукашенко Д. В. Деятельность коллектива воспитателей в процессе исправления несовершеннолетних осужденных // Право и управление. 2026. № 10. С. 449–451.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Associate Professor, Chief Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ACTIVITIES OF THE COLLECTIVE OF EDUCATORS IN THE PROCESS OF CORRECTION OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article considers the issue of the activities of the collective of employees, on the successful interaction of which the organization of the educational process with juvenile convicts depends.*

Key words: *collective of educators: collective of educators, juvenile convicts, interaction.*

For citation: *Lukashenko D. V. Activities of the collective of educators in the process of correction of juvenile convicts. Law and administration. 2026;(10):449–451. (In Russ.).*

Деятельность коллектива воспитателей во многом зависит от успешного взаимодействия между отделами и службами при решении любых вопросов, а особенно организации воспитательного процесса с осужденными. К сожалению, во многих подразделениях уровень такого взаимодействия низок, отсутствует должная согласованность между сотрудниками при организации воспитательных воздействий, не соблюдается единство режимно-педагогических требований к осужденным. Так, сотрудники оперативного и режимного отделов при осуществлении дисциплинарной практики зачастую не учитывают мнение начальников отрядов как непосредственных организаторов воспитательного процесса, наблюдается увлечение крайними мерами наложения взысканий. Начальник учреждения, его заместители, руководители отделов и служб плохо информированы об истинном положении дел в отрядах.

Подобный подход нарушает одно из основных требований формирования коллектива сотрудников как коллектива воспитательного, именно: нацеленность его на выполнение главной задачи – исправление осужденных. Взаимодействие, как правило, осуществляется в массовых и индивидуальных формах. К массовым формам относятся: общие собрания сотрудников, на которых решаются проблемы повышения эффективности деятельности колонии; работа в учебно-воспитательных советах, советах воспитателей отрядов; оперативные совещания при начальнике колонии, производственные совещания; педагогические советы в школах; научно-практические

семинары и конференции и др. К индивидуальным формам относятся беседы руководителей учреждений с сотрудниками различных отделов и служб, в которых затрагиваются вопросы взаимодействия; беседы сотрудников между собой с целью обмена информацией о поведении и деятельности осужденных; решение вопросов посещаемости и успеваемости осужденных в общеобразовательной школе и ПУ и др.

Указанные формы взаимодействия одинаковы для работников всех подразделений учреждения. В то же время особая роль в этом процессе принадлежит отделу (отделению) воспитательной работы, который по существу является субъектом организации такого взаимодействия.

Успешное решение задач по поддержанию порядка в исправительных учреждениях и укреплению режима содержания осужденных во многом определяется деятельностью оперативного и режимного отделов, сотрудники которых обязаны выступать перед осужденными с докладами по вопросам укрепления режима и дисциплины, разъяснения законодательства, прав и обязанностей осужденных, правил их проведения, а также знакомить их с условиями отбывания наказания, традициями учреждения, особенностями режима и т.д.

Совместно с начальниками отрядов и воспитателями сотрудники оперативно-режимного отдела: проводят цикл лекций и докладов по юридическим вопросам, индивидуальные беседы, принимают участие в выпуске стенгазет и передачах по местному радиовещанию, имеющих целью развитие правового сознания осужденных, воспитание чувств ответственности за совершенные проступки, выработку дисциплинированности, соблюдение требований администрации исправительного учреждения; следят за постоянным обновлением стендов, посвященных правовой пропаганде. Текстовые надписи, фотографии, таблицы и диаграммы на этих стендах рассказывают об основных обязанностях осужденных, о гуманности законов по отношению к твердо вставшим на путь исправления правонарушителям, о законодательных актах в этой области и о тех, кто заслужил помилование, условное или условно-досрочное освобождение; рассказывают о лицах, пришедших с повинной и досрочно погасивших иски, посвящают им выпуски стенных газет, «молнии», световые и радиогазеты, оформляют стенды под рубрикой «На свободу с чистой совестью».

Отдел (отделение) воспитательной работы, взаимодействуя с работниками оперативно-режимного отдела, активно используют воспитательные возможности коллектива осужденных, проявляет постоянную заботу о его сплоченности и авторитете, об обеспечении гласности проводимой работы по укреплению режима и ее результатов. В этих условиях в учреждениях и отрядах широко используются такие формы, как общие собрания осужденных, на которых обсуждаются состояние дисциплины и задачи по ее укреплению, заслушивание их отчетов на заседаниях наблюдательной комиссии, советов воспитателей, аттестационной комиссии, советов пенитенциарного учреждения и отрядов.

Взаимодействие сотрудников отдела (отделения) воспитательной работы, преподавателей общеобразовательных школ и профессионального училища осуществляется по нескольким направлениям:

взаимная информация: преподаватели школ постоянно информируют воспитателей об отношении того или иного учащегося к учебе, о его дисциплине, о способностях, чертах характера, склонностях, достоинствах и недостатках; начальники отрядов регулярно сообщают преподавателям ПУ и учителям школы о производственной деятельности, об особенностях личности осужденного, о его поведении в быту и на производстве, участии в общественной жизни отряда и учреждения;

совместная подготовка и поведение мероприятий в масштабе отряда, класса, школы. Сюда же можно отнести и участие воспитателей осужденных в деятельности педагогических советов школ и ПУ, где они совместно обсуждают меры поощрения и наказания тех или иных учащихся, методы совместного воздействия на них, определяют отношение отдельных лиц к учебе, выявляют особенности их поведения;

проведение совместной индивидуальной работы, совместное изучение личности осужденного-учащегося;

привлечение сотрудников производственной службы к воспитательной работе. В тесном контакте с воспитателями начальники цехов, мастера и другие инженерно-технические работники должны: разъяснять значимость рыночной экономики в современных условиях, обеспечивать участие осужденных в общественно полезном труде, в трудовом соревновании; принимать участие в организации рейдов по качеству выпускаемой продукции, экономии сырья; выпускать радиогазету, посвященную пропаганде передового опыта производства, проведению занятий в школе передового опыта; развивать рационализаторскую работу среди осужденных, создавать в отрядах группы по рационализации и изобретательству, оборудовать стенды по этой тематике и т.д.

Огромную роль в формировании у осужденных правильного отношения к труду играют такие формы, как занятия в школе по изучению основ рыночной экономики, школе передового опыта, лекции, доклады, беседы на производственно-

технические и экономические темы. Начальники отрядов и сотрудники производственной службы, раскрывая перед осужденными антиобщественную сущность преступлений, воспитывают у них нетерпимость к тунеядству, показывают на конкретных примерах необходимость честной трудовой жизни.

Немаловажное значение в исправлении осужденных имеет участие в этом деле общественности. Представители трудовых коллективов и организаций оказывают помощь в проведении конкурсов профессионального мастерства, смотров за экономию и бережливость. Нередко совместно с шефами разрабатываются условия подведения итогов трудового соревнования. Во многих исправительных учреждениях совместно с шефами организуется культурно-массовая работа.

Положительный опыт пенитенциарных учреждений доказывает, что участие шефов, представителей интеллигенции, религиозных конфессий в работе совета воспитателей, организации самовоспитания, в проведении общих собраний осужденных, их выступления с докладами, лекциями, беседами дают положительные результаты в воспитательной работе не только со взрослыми осужденными, но и несовершеннолетними.

Практика убеждает, что взаимодействие отделов и служб в процессе исправления несовершеннолетних осужденных значительно повышает результативность воспитательной работы, способствует сплочению коллективов отделов и служб в единый коллектив подразделения. Таким образом, создается новое качественное состояние – коллектив воспитателей.

Список литературы:

[1] Андреев Н.В. и др. Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: Методические рекомендации. - М.: МВД России, учебно-методический центр, 1995.

[2] Анцупов А.Е. Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. - Спб: Питер, 2005.

[3] Буданов А.В. Практические рекомендации по ведению переговоров преступниками в ситуации захвата заложников (по материалам опыта правоохранительных органов США). - М., 1995.

[4] Гришина Н.А. Психология конфликта. — Спб: Питер, 2004.

[5] Дикая Л.Г., Гримак Л.П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека. — М., 1983.

[6] Зинин Г.Ю. Судимость как конечная стадия реализации уголовной ответственности С. 2-4 / Уголовно-исполнительная система № 3 – 2013.

[7] Шерайзина Р.М. Духовно-нравственные ценности подростков как педагогический феномен / В сборнике: Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2016. С. 240-244.

[8] Шерайзина Р.М. Гендерный аспект духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних девочек / Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10 (173). С. 8-12.

References:

[1] Andreev N.V. et al. Psychological support for special operations of internal affairs bodies to free hostages: Guidelines. - M.: Ministry of Internal Affairs of Russia, educational and methodological center, 1995.

[2] Antsupov A.E. Baklanovsky S.V. Conflict in schemes and comments. -Spb: Peter, 2005.

[3] Budanov A.V. Practical recommendations for negotiating criminals in a hostage-taking situation (based on the experience of US law enforcement agencies). - M., 1995.

[4] Grishina N.A. Psychology of conflict. - St. Petersburg: Peter, 2004.

[5] Wild LG, Grimak LP Theoretical and experimental problems of human mental state management. - M., 1983.

[6] Zinin G.Yu. Criminal record as the final stage of the realization of criminal responsibility S. 2-4 / Penal system No. 3 - 2013.

[7] Sherayzina R.M. Spiritual and moral values of adolescents as a pedagogical phenomenon / In the collection: Theoretical, methodological and applied aspects of social institutions of law, economics, management and education Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Humanitarian and Social Institute. 2016. S. 240-244.

[8] Sherayzina R.M. Gender aspect of spiritual and moral education of underage girls / Vedomosti of the penal system. 2016. № 10 (173). S. 8-12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-452-461
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Аннотация. *В статье исследуется историко-правовая эволюция пенитенциарных учреждений России от ранних форм тюремного содержания до современной уголовно-исполнительной системы. Цель работы состоит в выявлении устойчивых институциональных моделей, которые воспроизводятся при смене политических режимов, законодательства и управленческой подчиненности мест лишения свободы. На основе формально-юридического, историко-правового, сравнительно-диахронного и институционального методов выделены три взаимосвязанных контура отечественной пенитенциарной организации: охранительно-изоляционный, исправительно-трудовой и социально-реинтеграционный. Показано, что учреждение Главного тюремного управления в 1879 г. сформировало централизованную административную модель, советский период закрепил производственно-колониальную форму исполнения лишения свободы, а постсоветские реформы правового статуса осужденных и передача системы в ведение Министерства юстиции не устранили полностью прежнюю инфраструктурную и управленческую инерцию. Обосновано, что современное развитие пробации, индивидуализации исполнения наказаний и цифрового контроля создает предпосылки для перехода от преимущественно учрежденческой модели к системе непрерывного сопровождения осужденного. Предложены направления реформирования: историко-институциональная экспертиза проектов, диверсификация типов учреждений, усиление общественного участия, развитие постпенитенциарной поддержки и введение показателей результативности, связанных с ресоциализацией и рецидивом, а также с качеством подготовки осужденного к освобождению.*

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения, уголовно-исполнительная система, тюрьма, исправительная колония, историческая преемственность, ресоциализация, пробация, тюремная реформа, ФСИН России.*

Для цитирования: *Майстренко Г. А. Развитие пенитенциарных учреждений в России: историко-правовая преемственность и современная трансформация // Право и управление. 2026. № 10. С. 452–461.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPMENT OF PENITENTIARY INSTITUTIONS IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL CONTINUITY AND CONTEMPORARY TRANSFORMATION

Annotation. *The article examines the historical and legal evolution of penitentiary institutions in Russia, from early forms of custodial detention to the contemporary penal enforcement system. The study aims to identify stable institutional patterns reproduced despite changes in political regimes, legislation, and administrative subordination of places of confinement. Using formal legal, historical legal, diachronic comparative, and institutional methods, the author distinguishes three interconnected dimensions of the Russian penitentiary organization: security and isolation, correction through labour, and social reintegration.*

The establishment of the Main Prison Administration in 1879 created a centralized administrative model; the Soviet period consolidated a production-oriented colony system; and post-Soviet reforms of prisoners' legal status and the transfer of the penal system to the Ministry of Justice did not fully overcome inherited infrastructural and managerial inertia. The development of probation, individualized sentence enforcement, and digital supervision is shown to provide a basis for moving from an institution-centred model toward continuous offender support. The article proposes historical and institutional impact assessment of reforms, diversification of institutional types, stronger public participation, expansion of post-release assistance, and performance indicators linked to reintegration and recidivism.

Key words: *penitentiary institutions, penal enforcement system, prison, correctional colony, historical continuity, reintegration, probation, prison reform, Federal Penitentiary Service.*

For citation: *Maistrenko G. A. Development of penitentiary institutions in Russia: historical and legal continuity and contemporary transformation. Law and administration. 2026;(10):452–461. (In Russ.).*

Введение

История пенитенциарных учреждений представляет собой не линейную последовательность организационных переименований, а концентрированное выражение уголовной политики государства. В устройстве тюрьмы, колонии, лагеря или следственного изолятора материализуются представления законодателя о целях наказания, допустимой степени принуждения, роли труда, соотношении безопасности и человеческого достоинства. Поэтому анализ развития мест лишения свободы позволяет оценить не только прошлое специального государственного аппарата, но и устойчивость правовых моделей, которые продолжают воздействовать на современную практику исполнения наказаний.

Актуальность темы усиливается переходным характером нынешнего этапа. С одной стороны, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепляет исправление осужденных и предупреждение новых преступлений как цели уголовно-исполнительного законодательства, признает их права, предусматривает дифференциацию условий и судебную компенсацию за нарушения содержания [20]. С другой стороны, сеть учреждений, территориальная дислокация, коллективные формы размещения и производственная организация исправительных колоний во многом сформированы в советскую эпоху. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., федеральная целевая программа развития инфраструктуры и законодательство о пробации задают новый вектор, однако его реализация сталкивается с институциональной инерцией [24–27].

Цель статьи — выявить исторически устойчивые модели организации пенитенциарных учреждений России и определить, какие элементы их наследия содействуют, а какие препятствуют современной трансформации уголовно-исполнительной системы. Для достижения цели решаются задачи периодизации развития учреждений; анализа изменений их функций и ведомственной принадлежности; сопоставления имперской, советской и постсоветской моделей; формулирования предложений по использованию исторического опыта в современной реформе.

Методология исследования и научная новизна

Исследование основано на сочетании историко-правового и формально-юридического методов. Историко-правовой метод позволяет рассматривать нормы не изолированно, а во взаимосвязи с политическим режимом, хозяйственными потребностями и административной культурой соответствующего периода. Формально-юридический метод используется для сопоставления целей наказания, видов учреждений, правового положения заключенных и компетенции органов управления. Сравнительно-диахронный подход направлен на выявление повторяющихся решений: централизации управления, соединения изоляции с трудом, дифференциации контингента, участия общества и организации помощи освобождаемым.

Научная новизна заключается в интерпретации российской пенитенциарной системы как институционального палимпсеста, в котором одновременно действуют три исторически сложившихся контура. Первый — охранительно-изоляционный — восходит к тюрьме как месту удержания и обеспечения неотвратимости судебной репрессии. Второй — исправительно-трудовой — сформировался в XIX в., получил гипертрофированное развитие в советской лагерно-колониальной системе и сохраняется в производственной организации исправительных учреждений. Третий — социально-реинтеграционный — включает образование, психологическую помощь, пробацию, общественный контроль и постпенитенциарное сопровождение. Проблема современной реформы состоит не просто в гуманизации режима, а в изменении иерархии этих контуров: безопасность должна служить условием исправления, а не подменять его.

1. От места удержания к пенитенциарному учреждению

В древнерусском и раннем московском пра-

ве тюремное заключение первоначально не являлось основным самостоятельным наказанием. Тюрьма выполняла преимущественно обеспечительную функцию: в ней удерживали обвиняемого до суда, исполнения телесного наказания, выдачи поручительства или иного решения власти. Такая функция объяснялась слабостью постоянного административного аппарата, высокой стоимостью содержания заключенных и доминированием имущественных, телесных и статусных санкций. В Судебниках XV–XVI вв. и Соборном уложении 1649 г. лишение свободы постепенно приобретало карательное значение, но режим содержания оставался фрагментарным, а материальное обеспечение нередко возлагалось на родственников и милостыню [1; 7; 8].

Петровские преобразования расширили государственное использование принудительного труда. Арестантские работы, крепостное строительство, галеры, мануфактуры и горные предприятия соединяли наказание с хозяйственными задачами. Однако такая организация еще не образовывала пенитенциарной системы в современном смысле: отсутствовали единые цели исправления, специализированное управление и стандартизированные типы учреждений. Заключенный рассматривался прежде всего как объект принуждения и трудовой ресурс, а не как субъект особого правового статуса.

В XVIII — начале XIX в. развитие губернского управления и полицейского аппарата привело к формированию тюремных замков, смирительных и работных домов. Появилось различие между содержанием под следствием, краткосрочным арестом, исправительным принудительным трудом и этапированием в ссылку. Вместе с тем ведомственная раздробленность, переполнение, отсутствие подготовленного персонала и зависимость от местных финансов препятствовали унификации практики. До второй половины XIX в. тюремное дело оставалось периферийной частью полиции, а не самостоятельным направлением государственной политики [9, с. 37–82].

2. Имперская тюремная реформа и возникновение централизованной модели

Важным переходным институтом стало учрежденное в 1819 г. Общество попечительное о тюрьмах. Оно перенесло в российскую практику идею нравственного исправления, сочетавшую религиозное воздействие, труд, обучение и улучшение быта. Губернские комитеты и уездные отделения организовывали питание, медицинскую помощь, библиотеки, ремесленное обучение, поддержку семей и лиц после освобождения. В середине XIX в. общественная инициатива фактически превратилась в государственно-общественный механизм управления тюремной сферой [10, с. 163–164]. Этот опыт важен тем, что исправительное воздействие впервые получило институционального носителя вне собственно тюремной администрации.

Кодификационным основанием имперской модели стали Устав о содержащихся под стражею и Устав о ссыльных, включенные в XIV том Свода законов Российской империи. Они систематизировали виды мест заключения, вопросы приема, раздельного содержания, охраны, этапирования, труда и материального обеспечения. Вместе с тем регулирование оставалось казуистичным и не устраняло множественности ведомств. Как отмечал И. Я. Фойницкий, тюрьмоведение должно было соединить уголовно-правовую теорию наказания, архитектуру, режим, санитарное дело и организацию исправительного воздействия [2; 3, с. 287–336].

Поворотным событием стало учреждение 27 февраля 1879 г. Главного тюремного управления в составе Министерства внутренних дел. Возник единый центральный орган, отвечавший за управление местами заключения, их финансирование, кадровое обеспечение и нормативную унификацию [4]. Законодательные положения 11 декабря 1879 г. закрепили основные направления преобразования тюремной части и пересмотра системы наказаний [5]. Именно централизация, а не отдельное улучшение режима, образовала институциональный рубеж между совокупностью тюрем и пенитенциарной системой.

В последующие десятилетия были введены губернские тюремные инспекции, укреплена тюремная стража, развивалась ведомственная статистика и профессиональная периодика, включая «Тюремный вестник». Передача Главного тюремного управления в 1895 г. из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции имела принципиальное значение: исполнение наказаний организационно сближалось с судебной и правовой политикой, а не только с охраной общественного порядка [11]. В этом решении просматривается исторический прототип постсоветской передачи уголовно-исполнительной системы в ведение Минюста России.

Имперская реформа не устранила противоречий. Сохранялись каторга и ссылка, тяжелые этапные условия, переполнение, неодинаковое финансирование и зависимость качества режима от местной администрации. Колонизационная функция каторги особенно проявилась на Сахалине, где сеть тюрем была связана с хозяйственным освоением территории; этот проект оказался затратным и социально деструктивным [12]. Тем не менее на уровне правовой идеологии сформировались элементы, позднее вошедшие в уголовно-исполнительное право: классификация заключенных, труд как средство исправления, профессионализация персонала, санитарные нормы,

условно-досрочное освобождение, надзор и общественная помощь.

Логическим завершением дореволюционной кодификации стала Общая тюремная инструкция 1915 г. Она объединила нормы о внутреннем распорядке, дисциплине, труде, образовании, религиозно-нравственном воздействии и обязанностях администрации [6]. Инструкция закрепляла исправление как содержательную цель, но связывала его с патерналистской моделью подчинения. В результате к 1917 г. российская система сочетала современное централизованное управление, элементы гуманизации и архаичные формы ссылки и каторги. Эта двойственность предопределила как возможности преемственности, так и радикальный разрыв после революции.

3. Раннесоветская перестройка: от тюрьмы к исправительно-трудовому учреждению

После 1917 г. новая власть провозгласила отказ от дореволюционной тюрьмы как института классового государства. Однако фактическая перестройка происходила на базе прежних зданий, кадровых практик и административных навыков. Временная инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. отменила действие уставов о содержащихся под стражею и связала лишение свободы с обязательным трудом [13]. Терминологический разрыв — «дома заключения», «исправительно-трудовые учреждения», «лагеря принудительных работ» — выражал новую идеологию, но не исключал использования дореволюционной инфраструктуры.

В 1918–1922 гг. сложилась множественность ведомственных подсистем. Общие места заключения находились в ведении Наркомюста, лагеря принудительных работ — НКВД РСФСР, внутренние тюрьмы и специальные лагеря — органов ВЧК–ГПУ. Параллельность управленческих центров создавала различие целей: юридически оформленное исправление конкурировало с внесудебной изоляцией и политической репрессией [14]. Поэтому раннесоветский период нельзя характеризовать только как последовательный переход к исправлению трудом; он одновременно сформировал две линии — кодифицированную исправительно-трудовую и чрезвычайно-карательную.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. стал первым советским кодифицированным актом в данной сфере. Он предусматривал систему учреждений, дифференциацию режима, распределительные комиссии, прогрессивное изменение условий, культурно-просветительную работу и труд [15]. В нормативной модели присутствовал заметный реабилитационный потенциал: заключенный должен был возвращаться к общественно полезной жизни, а учреждение — использовать педагогические и социальные средства. Однако экономическая слабость государства, кадровый дефицит и рост репрессивной политики ограничивали реализацию этих положений.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. хозяйственная функция мест лишения свободы стала определяющей. Создание системы исправительно-трудовых лагерей и централизация ее в ОГПУ–НКВД превратили массовый труд заключенных в инструмент освоения территорий и реализации крупных проектов. Исправление как юридическая цель не исчезло из нормативной риторики, но было подчинено производственным заданиям, режиму мобилизации и политической селекции контингента. В этой модели учреждение оценивалось прежде всего по выполнению плана, охране и использованию рабочей силы, а индивидуализация воздействия отступала на второй план [16]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. закреплял систему учреждений и воспитательные средства, но действовал в условиях, когда значительная часть лагерной сферы регулировалась союзными и ведомственными актами [17]. Возник нормативный дуализм: республиканское исправительно-трудовое законодательство декларировало исправление и перевоспитание, а реальная лагерная администрация функционировала в логике безопасности, хозяйственной эффективности и чрезвычайного управления. Этот дуализм является одним из наиболее устойчивых исторических уроков: формальная гуманизация закона не приводит к изменению учреждения, если показатели управления и материальная структура ориентированы на иные цели.

4. Позднесоветская колониальная модель и ее институциональное наследие

После 1953 г. масштаб лагерной системы был сокращен, произошел пересмотр многих репрессивных практик, а управление местами лишения свободы постепенно приобрело более стабильные правовые формы. Однако базовой единицей стала не камерная тюрьма, а исправительно-трудовая колония с отрядным проживанием и производственной зоной. Такая форма позволяла сочетать охрану значительного числа осужденных, коллективное воспитательное воздействие и хозяйственную деятельность. Она соответствовала советской идее исправления через трудовой коллектив, но одновременно создавала неформальную стратификацию среды, зависимость режима от массовой дисциплины и ограниченные возможности индивидуальной работы.

Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г. и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. придали системе длительно действовавшую нормативную конструкцию [18]. Кодекс закреплял режим, общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, обучение и об-

щественное воздействие как средства исправления. Он дифференцировал виды колоний, тюрьмы, воспитательно-трудовые колонии и лечебные учреждения. В сравнении с 1930–1940-ми гг. правовое регулирование стало более определенным, но права осужденного выводились преимущественно из режима и задач администрации, а судебные механизмы защиты оставались ограниченными.

Позднесоветская система сформировала инфраструктурный каркас, значительная часть которого перешла Российской Федерации: удаленное размещение учреждений, крупные исправительные колонии, производственные предприятия, отрядную организацию, вертикальную ведомственную систему и особую профессиональную субкультуру персонала. Ее устойчивость объясняется не только идеологией, но и экономикой: перестройка колонии в камерное или малокомплектное учреждение требует больших капитальных расходов, изменения штатной структуры и новой модели занятости. Поэтому постсоветская правовая реформа неизбежно происходила внутри материальной оболочки прежней системы.

5. Постсоветская правовая трансформация и смена ведомственной логики

В начале 1990-х гг. Россия перешла от исправительно-трудового к уголовно-исполнительному пониманию отрасли. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I определил систему учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, их задачи и правовой статус [19]. Конституция Российской Федерации и международные обязательства усилили значение достоинства личности, судебной защиты, запрета жестокого обращения и правовой определенности ограничений. Принятый в 1997 г. Уголовно-исполнительный кодекс РФ закрепил принципы законности, гуманизма, демократизма, равенства, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний [20].

Ключевой организационной реформой стала передача уголовно-исполнительной системы из МВД России в ведение Министерства юстиции Российской Федерации в 1998 г. [21]. По смыслу это решение воспроизводило имперскую реформу 1895 г.: ведомственная принадлежность должна была ослабить полицейскую доминанту и подчеркнуть правовой характер исполнения судебного приговора. Однако сама передача не могла автоматически изменить инфраструктуру, кадровые установки и критерии оценки деятельности. Исторический опыт показывает, что ведомственная реформа достигает цели лишь при одновременной перестройке режима, подготовки персонала, финансирования и внешнего контроля.

Административная реформа 2004 г. оформила Федеральную службу исполнения наказаний как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Министерству юстиции России [22]. Тем самым была создана современная вертикаль управления. Одновременно расширялись прокурорский надзор, судебный контроль, деятельность уполномоченных по правам человека и общественных наблюдательных комиссий. В 2020 г. в УИК РФ появилась специальная компенсационная защита при нарушении условий содержания, что обозначило переход от абстрактного признания прав к самостоятельному средству юридической ответственности государства [20].

При этом постсоветская система сохранила противоречие между правовой моделью и учрежденческой практикой. УИК РФ индивидуализирует положение осужденного, тогда как крупная колония организационно ориентирована на управление группами. Закон разграничивает исправление и производственную деятельность, но экономическая устойчивость учреждений по-прежнему связана с занятостью осужденных. Законодательство расширяет контакты с внешним миром, однако удаленность колоний затрудняет семейные связи, адвокатскую помощь и подготовку к освобождению. Следовательно, современная трансформация требует изменения не отдельных режимных правил, а самого типа учреждения.

6. Современный этап: от учреждения к траектории исполнения наказания

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. определяет направления модернизации инфраструктуры, обеспечения прав, безопасности, медицинской помощи, трудовой занятости, цифровизации и кадровой политики [24; 28]. Изменения 2023 г. усилили связь концепции с пробацией и социальной адаптацией [25]. Федеральная целевая программа развития уголовно-исполнительной системы, продленная в актуальной редакции до 2035 г., концентрируется на строительстве и реконструкции следственных изоляторов и исправительных учреждений, устранении аварийного фонда и приведении условий содержания в соответствие с нормативами [26].

Наиболее значимый концептуальный сдвиг связан с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Закон закрепил исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию, ориентированную на коррекцию социального поведения, ресоциализацию, адаптацию, реабилитацию и предупреждение новых преступлений [27]. В исторической перспективе пробация восстанавливает разорванную связь между учреждением и обществом: исполнение наказания перестает завершаться воротами колонии, а помощь

после освобождения становится элементом государственной уголовной политики, а не исключительно благотворительной инициативой.

Одновременно цифровые технологии меняют пространственную природу пенитенциарного контроля. Электронный мониторинг, видеосвязь, цифровой документооборот, дистанционное образование и телемедицина позволяют часть функций выполнять вне классического закрытого учреждения. Однако цифровизация может развиваться по двум сценариям. Первый расширяет тотальный контроль и воспроизводит охранительно-изоляционный контур в электронной форме. Второй снижает необходимость физической изоляции, поддерживает индивидуальную траекторию и обеспечивает доступ к услугам. Правовая политика должна сознательно предпочесть второй сценарий, закрепив цели, пределы обработки данных и независимый аудит цифровых решений.

Международные стандарты, включая Правила Нельсона Манделы, требуют уважения достоинства заключенных, безопасных условий, медицинской независимости, подготовки к освобождению и использования изоляции только в строго ограниченных пределах [23]. Для российского права эти правила значимы не как внешняя модель копирования, а как критерий проверки внутренней согласованности реформ. Многие гуманистические элементы — труд без причинения страданий, образование, медицинская помощь, общественное участие — имеют отечественные исторические аналоги. Задача состоит в отделении их от патерналистских и мобилизационных практик прошлых эпох.

7. Периодизация и преемственность институциональных моделей

Исторический этап	Преобладающий тип учреждения	Доминирующая функция	Модель управления	Сохранившееся наследие
До начала XIX в.	Тюремный замок, острог, работный дом	Удержание и обеспечение репрессии	Местное полицейское управление	Охранительная приоритетность
1819–1917 гг.	Тюрьма, арестантское отделение, каторжная тюрьма	Изоляция, труд, нравственное исправление	Централизация ГТУ и общественное попечение	Инспекция, классификация, патронат
1918–1953 гг.	Дом заключения, колония, исправительно-трудовой лагерь	Трудовая мобилизация и политическая изоляция	Ведомственный дуализм, затем НКВД–МВД	Производственно-лагерная логика
1953–1991 гг.	Исправительно-трудовая колония	Коллективное исправление трудом	Централизованная система МВД	Отрядность, крупные колонии, предприятия
1991 г. — настоящее время	Исправительная колония, тюрьма, СИЗО, исправительный центр	Правовое исполнение наказания и ресоциализация	ФСИН России в системе Минюста	Гибрид прежней инфраструктуры и новых гарантий

Таблица 1. Исторические модели пенитенциарных учреждений России

Представленная периодизация показывает, что смена терминов не совпадает со сменой институциональной логики. Тюрьма может именоваться исправительным учреждением, но сохранять приоритет удержания; колония может иметь развернутую воспитательную службу, но управляться по производственным показателям; пробация может быть нормативно введена, но не обеспечена муниципальными и социальными ресурсами. Поэтому оценка реформ должна включать не только анализ текста закона, но и проверку того, какие стимулы получает администрация, как устроено пространство учреждения и каким образом измеряется результат.

Историческая преемственность имеет как положительную, так и отрицательную сторону. К положительному наследию относятся профессионализация управления, дифференциация контингента, развитие образования и труда, участие общественности, помощь освобождаемым. Негативное наследие образуют ведомственная закрытость, подмена исправления дисциплинарной управляемостью, использование заключенного прежде всего как трудового ресурса, удаленность учреждений от места жительства и слабая персонализация воздействия. Современная реформа должна быть селективной: сохранять эффективные институты и прекращать воспроизводство практик, несовместимых с заявленными целями.

8. Направления исторически обоснованной реформы

Первое направление — введение историко-институциональной экспертизы проектов уголовно-исполнительных реформ. Наряду с финансово-экономическим и антикоррупционным обоснованием следует оценивать, какую управленческую модель усиливает предлагаемое решение: охранительную, производственную или реинтеграционную. Например, строительство нового учреждения может улучшить бытовые условия, но одновременно законсервировать массовое отрядное размещение на десятилетия. Такая экспертиза позволит выявлять зависимость от прежнего пути развития до принятия капиталоемких решений.

Второе направление — диверсификация типов учреждений и уменьшение чрезмерной крупности исправительных колоний. Необходимы малокомплектные учреждения для отдельных категорий, расширение участков с различными условиями, развитие исправительных центров и форм контролируемого проживания, приближенных к обычной социальной среде. Дифференциация должна основываться не только на тяжести преступления и рецидиве, но и на рисках, потребностях, семейных связях, состоянии здоровья и индивидуальном плане ресоциализации. Исторический опыт показывает, что формальная классификация без различия содержания режима быстро превращается в административную маркировку.

Третье направление — изменение системы показателей деятельности. Охрана, отсутствие побегов и правонарушений остаются обязательными, но не должны быть единственными домини-

рующими критериями. Следует учитывать сохранение семейных связей, получение образования и квалификации, трудоустройство после освобождения, устойчивость жилья, исполнение обязанностей перед потерпевшими, участие в программах лечения и динамику повторной преступности. Только в этом случае учреждение будет заинтересовано в подготовке человека к свободе, а не исключительно в бесконфликтном прохождении срока.

Четвертое направление — институционализация общественного участия. Дореволюционное Общество попечительное о тюрьмах нельзя механически восстанавливать, однако его функциональные элементы актуальны: материальная помощь, образование, поддержка семьи, патронат, трудоустройство и сопровождение после освобождения. Общественные наблюдательные комиссии выполняют прежде всего контрольную роль; для реинтеграции необходимы устойчивые партнерства ФСИН России, субъектов Федерации, муниципалитетов, работодателей, образовательных организаций, адвокатуры, религиозных и некоммерческих организаций. Закон о пробации создает правовую рамку, но наполнение ее ресурсами требует межведомственных соглашений и финансирования [27].

Пятое направление — формирование непрерывной индивидуальной траектории от момента назначения наказания до завершения постпенитенциарной пробации. Индивидуальная программа должна быть цифрово переносимой между судом, уголовно-исполнительной инспекцией, учреждением, медицинской организацией и службой пробации при строгом разграничении доступа. Это позволит избежать повторной диагностики, утраты сведений и разрыва помощи при переводе или освобождении. Одновременно необходимо предоставить осужденному право знакомиться с программой, участвовать в ее корректировке и обжаловать решения, существенно влияющие на условия исполнения наказания.

Шестое направление — переосмысление труда осужденных. Исторически труд колебался между средством нравственного исправления, хозяйственной необходимостью и формой эксплуатации. Современная модель должна исходить из профессиональной подготовки, добровольного выбора доступных видов занятости, охраны труда, прозрачного начисления заработка и связи с региональным рынком. Производство внутри учреждения оправдано постольку, поскольку повышает шансы на законную занятость после освобождения, а не только снижает расходы системы.

Седьмое направление — пространственная доступность. Размещение осужденного ближе к месту жительства семьи должно стать реальным организационным приоритетом, а не исключением, ограниченным наличием мест. Поддержание контактов снижает социальную дезадаптацию и облегчает пробацию. Новое строительство целесообразно планировать с учетом транспортной доступности, медицинской и образовательной инфраструктуры региона. История ссылки и удаленных лагерно-колониальных комплексов показывает, что география наказания способна сама по себе усиливать его тяжесть и разрушать ресурсы возвращения в общество.

Заключение

Развитие пенитенциарных учреждений России прошло несколько качественно различных этапов, но не сопровождалось полным исчезновением предшествующих моделей. Дореволюционная реформа создала централизованное управление, инспекцию, профессиональную нормативную базу и общественно-попечительные формы. Советский период превратил труд и колониальную организацию в системообразующие элементы, а в отдельные десятилетия подчинил исполнение наказаний политической репрессии и хозяйственной мобилизации. Позднесоветская кодификация стабилизировала режим, но закрепила коллективно-отрядную и ведомственно закрытую модель. Постсоветское право провозгласило достоинство, права и индивидуализацию, однако реализует их в значительной мере на унаследованной инфраструктуре.

Главный результат исследования состоит в выводе о гибридном характере современной уголовно-исполнительной системы. В ней одновременно действуют охранительно-изоляционный, исправительно-трудовой и социально-реинтеграционный контуры. Пока первый и второй определяют архитектуру, бюджет и управленческие показатели, третий остается зависимым от отдельных программ и инициатив. Поэтому дальнейшее развитие не может ограничиваться улучшением условий содержания или изменением ведомственных актов; оно требует переориентации всей институциональной конструкции на снижение повторной преступности и подготовку к законной жизни.

Пробация создает возможность преодолеть традиционную замкнутость учреждения и выстроить исполнение наказания как непрерывную социально-правовую траекторию. Для этого необходимы диверсификация учреждений, индивидуальная оценка рисков и потребностей, новые показатели результативности, общественное партнерство, современная модель труда, территориальная доступность и правовые гарантии цифровизации. История российской пенитенциарной системы должна использоваться не как источник ведомственной символики, а как инструмент выявления повторяющихся ошибок и инсти-

туциональных ограничений. Именно такой подход способен превратить историческую преемственность из фактора инерции в ресурс осмысленной реформы.

Список литературы:

[1] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / под ред. В. И. Буганова. Л.: Наука, 1987. 448 с.

[2] Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1890. Т. XIV. С. 148–227.

[3] Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 504 с.

[4] Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 февраля 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIV. № 59360.

[5] Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 декабря 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIV.

[6] Общая тюремная инструкция: утв. министром юстиции 28 декабря 1915 г. Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1916. 110 с.

[7] Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1941–1963.

[8] Беляева Л. И. К истории становления законодательства о тюрьмах в Московском государстве (XVI–XVII вв.) // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4), № 2. С. 123–129.

[9] Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2002. 531 с.

[10] Шипеев Я. Г. К вопросу об эволюции отечественной пенитенциарной системы (X — начало XX вв.) // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1(51). С. 162–168.

[11] Министерство юстиции Российской империи: фондовое описание // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/864106 (дата обращения: 31.07.2026).

[12] Учреждение каторги на острове Сахалин // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/history/1181494 (дата обращения: 31.07.2026).

[13] О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): постановление НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

[14] Реент Ю. А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 96–103.

[15] Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

[16] Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 2009. 448 с.

[17] Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

[18] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

[19] Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

[20] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[21] О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.

[22] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 27 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

[23] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 от 17 декабря 2015 г.

[24] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

[25] О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 27 мая 2023 г. № 1374-р.

[26] О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)»: постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 (ред. от 20 августа 2025 г.).

[27] О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

[28] Маркунцов С. А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: отдельные вопросы реализации // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 286–294.

References:

[1] Cathedral Code of 1649: text, comments / ed. V.I. Buganova. L.: Science, 1987. 448 p.

[2] Code of institutions and charters on those held under guard // Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: State Printing House, 1890. T. XIV. S. 148-227.

[3] Foinitsky I. Ya. Doctrine of punishment in connection with prison science. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1889. 504 pp.

[4] On the establishment of the Main Prison Directorate as part of the Ministry of the Interior: The highest approved opinion of the State Council of February 27, 1879 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. LIV. № 59360.

[5] On the main provisions that have to be guidance in the transformation of the prison part and in the revision of the Penal Code: The highest approved opinion of the State Council of December 11, 1879 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. LIV.

[6] General prison instruction: approved by Minister of Justice December 28, 1915 Pg.: Printing house of the Petrograd prison, 1916. 110 s.

[7] Gernet M.N. History of the royal prison: in 5 vols. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1941-1963.

[8] Belyaeva L.I. On the history of the formation of prison legislation in the Moscow state (XVI-XVII centuries) // Penal law. 2019. T. 14 (1-4), NO. 2. S. 123-129.

[9] Petrenko N.I. Formation and development of the management of the penitentiary system of Russia. Cheboksary: IPK "Chuvashia," 2002. 531 pp.

[10] Shipeev Y. G. On the evolution of the domestic penitentiary system (X - early XX centuries) // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. № 1(51). S. 162-168.

[11] Ministry of Justice of the Russian Empire: stock description // Presidential Library named after B.N. Yeltsin. URL: https://www.prlib.ru/item/864106 (access date: 31.07.2026).

[12] The establishment of hard labor on Sakhalin Island // Presidential Library named after B.N. Yeltsin. URL: https://www.prlib.ru/history/1181494 (access date: 31.07.2026).

[13] On imprisonment as a measure of punishment and on the procedure for serving it (Provisional Instruction): Decree of the NKYU of the RSFSR of July 23, 1918 // SU of the RSFSR. 1918. № 53. Art. 598.

[14] Reent Yu. A. From prisons to camps: the formation of the forced labor system of Russia (to the 100th anniversary of the Central Punitive Department) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2018. № 55. S. 96-103.

[15] On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924 // SU of the RSFSR. 1924. № 86. Art. 870.

[16] Detkov M.G. Prisons, camps and colonies of Russia. M.: Verdict-1M, 2009. 448 p.

[17] On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 1, 1933 // SU of the RSFSR. 1933. № 48. Art. 208.

[18] Correctional Labor Code of the RSFSR: approved by Supreme Council of the RSFSR December 18, 1970 // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1970. № 51. Art. 1220.

[19] On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation: Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I // Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. № 33. Art. 1316.

[20] Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on December 29, 2025) // SZ RF. 1997. № 2. Art. 198.

[21] On the transfer of the penal system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the Ministry of Justice of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 28, 1998 No. 904 // SZ RF. 1998. № 31. Art. 3841.

[22] Questions of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1314 (as amended on April 27, 2026) // SZ RF. 2004. № 42. Art. 4109.

[23] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules): adopted by UN General Assembly resolution 70/175 of 17 December 2015.

[24] On approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r // SZ RF. 2021. № 20. Art. 3397.

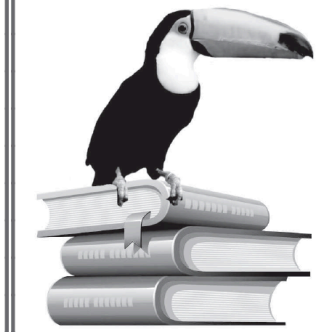
[25] On amendments to the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of May 27, 2023 No. 1374-r.

[26] On the federal target program "Development of the penal system (2018-2035)": Decree of the Government of the Russian Federation of April 6, 2018 No. 420 (as amended on August 20, 2025).

[27] On probation in the Russian Federation: Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ // SZ RF.

2023. № 6. Art. 917.

[28] Markuntsov S. A. Concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: certain issues of implementation // Penal law. 2022. T. 17 (1-4), NO. 3. S. 286-294.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-462-465
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БОДРОВА Мария Игоревна,
следователь следственного отдела по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними УМВД России по городскому округу Электросталь Московской области, лейтенант юстиции,
e-mail: macha99.bodrova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

Аннотация. *Данная статья посвящена тактико-психологическим и правовым аспектам допроса несовершеннолетних лиц, подозреваемых по делам о сбыте наркотиков. Отдельное внимание акцентируется на том, как современные «бесконтактные» способы продажи наркотиков влияют на линию поведения допрашиваемого, а также на значении участия педагога или психолога на формирование психологического контакта.*

Цель: проанализировать теорию и практику допроса несовершеннолетних, подозреваемых в бесконтактной торговле наркотиками. Разработать эффективные методики проведения следственного действия, которые учитывают нормы уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и психологию подростков.

Процедура и методы: в работе использовались эмпирические и теоретические методы. К эмпирическим методам относятся: изучение правоприменительной практики, анкетирование и интервьюирование сотрудников правоохранительных органов для выявления реальных трудностей установления психологического контакта с подростками-сбытчиками. К теоретическим методам относятся: анализ публикаций и научных работ, посвященный проблеме тактики допроса несовершеннолетних подозреваемых по делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Результаты: выявлены психологические барьеры, возникающие при допросе подростков-сбытчиков – страх перед анонимными кураторами из даркнета, определены эффективные приемы проведения допроса, обоснована необходимость предварительного анализа цифрового контента – переписки в мессенджерах, до начала допроса для формирования базы неопровержимых доказательств. Установлено, что помимо следователя, ключевой фигурой является психолог, роль которого заключается в защите подростка от стресса во время общения с сотрудниками правоохранительных органов.

Теоретическая и практическая значимость: данные исследования могут применяться при подготовке сотрудников правоохранительных органов к следственным действиям. Выводы и результаты исследования могут быть использованы в программах подготовки и переподготовки следователей, сотрудников ПДН и других ведомств, специализирующихся на работе с несовершеннолетними, а также для создания практических рекомендаций, методических пособий и ведомственных инструкций для Следственного комитета и МВД.

Ключевые слова: *несовершеннолетний подозреваемый, тактика допроса, психология подростка, незаконный сбыт наркотиков, следственные действия, доказательства.*

Для цитирования: *Бодрова М. И. Особенности тактики допроса несовершеннолетних подозреваемых по делам о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Право и управление. 2026. № 10. С. 462–465.*

BODROVA Maria Igorevna,
Investigator, Investigative Unit for Crimes Committed by Minors, Russian Interior Ministry (UMVD) for the Elektrostal Urban District, Moscow Region, Lieutenant of Justice

SPECIFICS OF INTERROGATION TACTICS FOR JUVENILE SUSPECTS IN CASES INVOLVING THE ILLEGAL DISTRIBUTION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, AND THEIR ANALOGUES

Annotation. *This article examines the tactical, psychological, and legal aspects of interrogating minors suspected of involvement in drug distribution. Particular attention is given to how modern "contactless" methods of drug trafficking influence the behavior of the person being interrogated, as well as the role of an educator or psychologist in establishing psychological rapport.*

Objective: To analyze the theory and practice of interrogating minors suspected of involvement in contactless drug trafficking. To develop effective methods for conducting this investigative procedure, taking into account both the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the psychology of adolescents.

Procedure and methods: The study employed both empirical and theoretical methods. Empirical methods included the examination of law enforcement practice, as well as surveys and interviews with law enforcement personnel, aimed at identifying the actual challenges involved in establishing psychological rapport with adolescent drug distributors. Theoretical methods included the analysis of publications and scholarly literature concerning the tactics for interrogating juvenile suspects in cases involving the illicit distribution of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues.

Results: The study identified psychological barriers that arise during the interrogation of adolescent drug distributors—specifically, fear of anonymous handlers operating on the darknet. Effective interrogation techniques were determined, and the necessity of conducting a preliminary analysis of digital content (such as correspondence in messaging apps) prior to the interrogation was established, as this helps build a foundation of irrefutable evidence. It was also determined that, in addition to the investigator, a psychologist plays a key role by helping to protect the adolescent from stress during interactions with law enforcement officials.

Theoretical and practical significance: the research findings can be applied in the training of law enforcement personnel for investigative activities. The conclusions and results of the study may be utilized in training and retraining programs for investigators, officers of juvenile affairs units (PDN), and other agencies specializing in work with minors; they may also serve as a basis for developing practical recommendations, methodological manuals, and departmental guidelines for the Investigative Committee and the Ministry of Internal Affairs.

Key words: *juvenile suspect, interrogation tactics, adolescent psychology, illegal drug distribution, investigative actions, evidence.*

For citation: *Bodrova M. I. Specifics of interrogation tactics for juvenile suspects in cases involving the illegal distribution of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues. Law and administration. 2026;(10):462–465. (In Russ.).*

В России за последние пять лет зафиксирован стабильный рост числа подростков, вовлеченных в деятельность преступных сообществ, связанных с незаконным оборотом запрещенных веществ. Поверив в обещания «безопасного и легкого» дохода, несовершеннолетние вовлекаются в преступную деятельность в качестве рядовых курьеров-закладчиков. Допрашивать данную категорию лиц сложнее из-за их особого правового статуса и возрастной психики. К тому же в большинстве случаев «кураторы» интернет-магазинов проводят инструктаж с подростками и заранее готовят их к общению со следствием.

Порядок проведения допроса несовершеннолетнего строго регламентирован статьей 425 УПК РФ. Закон устанавливает ряд императивных требований, несоблюдение которых влечет признание показаний недопустимыми доказательствами [2].

временные рамки – подростка нельзя допрашивать дольше 2 часов подряд. Максимальное время допроса за весь день – 4 часа;

если ребенок не достиг возраста 16 лет, на допросе должен присутствовать педагог или психолог. Данный специалист присутствует на допросе несовершеннолетнего старше 16 лет в том случае, если у них есть психические отклонения, либо сам следователь посчитает это необходимым;

во время проведения допроса должен присутствовать защитник и законные представители несовершеннолетнего.

На подготовительном этапе ключевое значение имеет анализ «цифрового следа». Так как

сбыт осуществляется через мессенджеры, следователю до начала проведения допроса необходимо изучить материалы с изъятых гаджетов: скриншоты, переписки и геолокации фотоснимков.

Психологические особенности допрашиваемых: несовершеннолетние из-за своей правовой неграмотности не понимают, что совершают особо тяжкое преступление. Деятельность по распространению запрещенных веществ нередко воспринимается ими как игровой процесс [5].

Давление и запугивание – боязнь ответных мер со стороны анонимных кураторов и работодателей зачастую превышает у несовершеннолетних страх перед уголовным преследованием.

Зависимость от мнения сверстников - желание быть принятым в группе и страх оказаться предателем перевешивают любые доводы рассудка.

Тактические приемы допроса:

Начальный этап допроса необходимо начинать с психологического контакта – снизить напряжение и преодолеть барьер «взрослый-ребенок» в начале допроса помогает дружелюбный тон, для этого подходит «отвлеченная беседа» на темы учеба, увлечения [3]. Такой диалог помогает ненавязчиво определить уровень развития и текущий эмоциональный настрой ребенка. В правоприменительной практике по делам о незаконном сбыте наркотических средств несовершеннолетние обвиняемые зачастую используют одни и те же отговорки. В частности, они утверждают, что случайно обнаружили неизвестное вещество на улице либо совершали обычную прогулку в лесной зоне.

В целях максимального тактического воздействия рекомендуется использовать метод последовательного усиления доказательственной базы: сначала подследственному предъявляются объективные технические данные – сведения сотовых операторов о нахождении в точке совершения преступления. После этого демонстрируются вещественные доказательства из памяти телефона, к примеру, координаты фотографий. В качестве завершающего аргумента, исключающего возможность защиты, используются извлеченные переписки, где зафиксированы условия и способы получения вознаграждения [1].

эффективная психологическая помощь – присутствие на допросе психолога не должно быть формальностью. Лучше до начала проведения допроса открыто обсудить с ним, как он может помочь. Он может «перевести» сложные юридические термины на понятный подростку язык и вовремя заметит признаки сильного стресса, из-за которого ребенок не может отвечать на вопросы следователя.

разоблачение ложных показаний – при расследовании бесконтактного сбыта наркотических средств метод «уточнения деталей» помогает выявить ложь во время допроса несовершеннолетнего. Следователь просит подростка во всех подробностях рассказать, как он забирал крупную партию, во что упаковывал и где именно прятал «закладки». Если несовершеннолетний соврал, то при повторных или наводящих вопросах он неизбежно начнет путаться в показаниях, что выдаст обман [4].

особенности при признании вины – подростки часто признаются в преступлениях, которых на самом деле не совершали. Это обычно происходит по двум причинам: из-за психологического давления со стороны сверстников или из-за желания казаться «крутыми» перед ровесниками.

Таким образом, для следователя важно не просто добиться признательных показаний, а раскрыть сеть наркоторговли и изобличить лидеров. При этом необходимо помнить, что несовершеннолетний часто сам является жертвой манипуляций со стороны взрослых организаторов, поэтому к его личности нужно относиться непредвзято и максимально объективно. Расследование сбыта наркотиков несовершеннолетними требует особых криминалистических подходов к допросу. Подростки в таких делах отличаются уязвимостью: они выступают как нарушители, и как жертвы манипуляций со стороны взрослых организаторов. Эффективная тактика допроса должна сочетать психологические приемы (установление контакта, снижение стресса) и технические методы. Ключевую роль грает тщательная подготовка, включая анализ личности подростка и его окружения. Использование неопровержимых улик – например, цифровых следов и данных геолокации – помогает преодолеть сопротивление, исключает детские фантазии и позволяет установить истину без нарушения закона.

Список литературы:

[1] Васюков В. Ф. Доказывание вины на основе комплексного исследования цифровых следов: от геоданных мобильных устройств до переписок в мессенджерах / В. Ф. Васюков, А. В. Булыжкин // Криминалистические аспекты расследования преступлений, совершенных с использованием ИКТ. — 2025. — № 1. — С. 112–119.

[2] Мартынова А. А. Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в соответствии со статьей 425 УПК РФ / А. А. Мартынова // Общество, право, правосудие : электронный вестник. — 2024. — № 2 (15). — С. 45–51.

[3] Степанюк Е. А. Психологические особенности несовершеннолетних преступников: возможности психологической диагностики / Е. А. Степанюк // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2023. – Т. 21, № 2. – С. 45–58.

[4] Чебуренков А. А. Тактико-психологические приемы выявления и разоблачения ложных показаний в ходе допроса несовершеннолетних / А. А. Чебуренков, А. А. Шубников // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — № 2 (30). — С. 112–119.

[5] Шестаков А. В. Психолого-тактические особенности допроса несовершеннолетних в ходе предварительного расследования // Электронный научный журнал «Sci-lead». — 2025. — № 12. — URL: https://scilead.ru/article/10857-psikhologo-takticheskie-osobennosti-doprosa- (дата обращения: 18.10.2026).

References:

[1] Vasyukov V.F. Proving guilt on the basis of a comprehensive study of digital traces: from geodata of mobile devices to correspondence in instant messengers / V.F. Vasyukov, A.V. Bulyzhkin // Forensic aspects of investigating crimes committed using ICT. — 2025. — № 1. - S. 112-119.

[2] Martynova A. A. Features of the interrogation of a minor suspect accused in accordance with Article 425 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / A. A. Martynova // Society, Law, Justice: Electronic Bulletin. — 2024. — № 2 (15). - S. 45-51.

[3] Stepanyuk E. A. Psychological features of juvenile criminals: the possibilities of psychological diagnosis / E. A. Stepanyuk // North Caucasian Psychological Bulletin. – 2023. - T. 21, NO. 2. - S. 45-58.

[4] Cheburenkov A. A. Tactical and psychological methods of identifying and exposing false testimony during the interrogation of minors / A. A. Cheburenkov, A. A. Shubnikov // Forensics: yesterday, today, tomorrow. — 2024. — № 2 (30). - S. 112-119.

[5] Shestakov A. V. Psychological and tactical features of interrogation of minors during a preliminary investigation // Electronic scientific journal "Sci-lead." — 2025. — № 12. — URL: https://scilead.ru/article/10857-psikhologo-takticheskie-osobennosti-doprosa- (дата обращения: 18.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-466-471
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЛЕНСКИЙ Владимир Михайлович,
доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук,
e-mail: VMlenskiy@yandex.ru

ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию института административной преюдиции в механизме уголовного судопроизводства, его проблемам и перспективам развития. Автор анализирует правовую природу преюдициальности как обязательности фактов, установленных вступившим в силу судебным решением. Особое внимание уделяется роли административной преюдиции в процессе квалификации деяний на примере статьи 158.1 УК РФ, и правилам учета срока действия административного наказания. Основным параметром, позволяющим самоуправство как административное правонарушение (ст.19.1 КоАП РФ) обособить от преступления (ст. 330 УК РФ) служит отсутствие или наличие существенного вреда. При совершении административно наказуемого самоуправства повторно, если эти действия не причинили существенный вред, однако процесс неоднократности свидетельствует о повышенной степени общественной опасности правонарушителя – уголовная ответственность не наступает. Выявленный законодательный пробел может быть устранен посредством введения в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 330.1, которая будет предусматривать более строгую ответственность за совершенное лицом, ранее подвергнутому административному наказанию самоуправство (административную преюдицию).*

Вместе с тем ст. 330 УК РФ не предусматривает за допущенное самоуправство ответственность, если оно совершено неоднократно. Отсутствие такого квалифицирующего признака целесообразно компенсировать посредством дополнения вновь вводимой ст. 330.1 УК РФ словосочетанием «имеющим судимость».

В заключение делается вывод о том, что дальнейшее развитие рассматриваемого института видится в расширении перечня составов с административной преюдицией и совершенствовании законодательной техники.

Ключевые слова: *административная преюдиция, уголовное судопроизводство, рецидив преступления, состав преступления, административное правонарушение, межотраслевая дифференциация.*

Для цитирования: *Ленский В. М. Институт административной преюдиции в механизме уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Право и управление. 2026. № 10. С. 466–471.*

LENSKIY Vladimir Mikhailovich,
is an Associate Professor in the Department of Administrative Law and Administrative Activity at the Ryazan Branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; he holds the academic degree of Candidate of Legal Sciences.

THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICIALITY IN THE MECHANISM OF CRIMINAL JUSTICE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *This article examines the institution of administrative prejudice within the framework of criminal proceedings, addressing its associated challenges and prospects for development. The author analyzes the legal nature of "prejudiciality" – the binding effect of facts established by a final judicial decision. Particular attention is given to the role of administrative prejudice in the legal classification of acts, using Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example, as well as the rules for accounting for the duration of an administrative penalty. The primary criterion for distinguishing "arbitrary action" (*samoupravstvo*) – classified as an administrative offense under Article 19.1 of the Code of Administrative Offenses – from a criminal offense under Article 330 of the Criminal Code is the presence or absence of "substantial harm." If an act of arbitrary action – otherwise punishable as an administrative offense – is repeated, but does not result in substantial harm, criminal liability does not arise, even though the repetitive nature of the conduct suggests an elevated level of public danger posed by the offender. This legislative gap could be addressed by introducing a new provision, Article 330.1, into the Criminal Code of the Russian Federation, which would establish stricter liability for arbitrary actions committed by an individual previously subjected to an administrative penalty (a form of administrative prejudice).*

Furthermore, Article 330 of the Criminal Code does not currently provide for liability in cases where arbitrary action is committed repeatedly. To address the absence of this qualifying feature, it would be appropriate to include the phrase "having a prior criminal record" within the proposed Article 330.1 of the Criminal Code.

In conclusion, the author suggests that the future development of this institution lies in expanding the range of offenses subject to administrative prejudice and refining legislative drafting techniques.

Key words: *administrative prejudication, criminal proceedings, recidivism, elements of a crime, administrative offense, interdisciplinary differentiation.*

For citation: *Lenskiy V. M. The institution of administrative prejudiciality in the mechanism of criminal justice: problems and prospects. Law and administration. 2026;(10):466–471. (In Russ.).*

Вопрос о правовых последствиях неоднократного совершения противоправных деяний занимает особое место в доктрине уголовного права [1, с. 21]. Долгое время в российском законодательстве отсутствовало легальное закрепление категории «уголовный проступок» [2, с. 529]. Ситуация изменилась в 2020 году, когда законопроект, направленный на введение данного понятия, был предложен Верховным Судом РФ [3]. Подразумевалось, что уголовными проступками будут считаться преступления небольшой тяжести, не предусматривающие санкции в виде лишения свободы. Поддержка такого предложения направлена на гуманизацию уголовного закона и снижение числа лиц, привлекаемых к строгой ответственности за малозначительные деяния [4, с. 26]. Однако документ не получил поддержки, и термин «уголовный проступок» так и не был инкорпорирован в правовую систему [5, с. 25-29].

В контексте повторности правонарушений ключевое значение приобретает институт административной преюдиции [6, с. 246-254].

Данный термин происходит от латинского praejudicialis и отсылает к значимости ранее принятых судебных актов. В современной интерпретации преюдициальность представляет собой обязанность судов, а также органов следствия и дознания принимать без дополнительной проверки факты, уже установленные вступившим в законную силу решением суда по другому делу.

Механизм правового регулирования рассматриваемого института нашел свое закрепление в статье 90 УПК РФ. Важной оговоркой является то, что преюдиция не может предрешать виновность лиц, которые не были участниками первоначального разбирательства. Административная преюдиция, являясь разновидностью этого института, играет важную роль в процессе правоприменения [7, с. 137]. Она существенно оптимизирует деятельность судей: при рассмотрении дела о повторном правонарушении суд опирается на ранее доказанные факты, что исключает необходимость повторного исследования доказательств. Ярким примером служит квалификация деяния по статье 158.1 УК РФ (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию). В такой ситуации привлечение лица к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ является обязательным условием для возбуждения уголовного дела. Всего на 2026 год в Уголовном кодексе РФ насчитывается около 30 составов, содержащих признаки административной преюдиции. Часть из них прямо указывает на это в диспозиции, другие – подразумевают данную связь.

Применение административной преюдиции осуществляется по определенным правилам, диктующим наступление указанных в законе последствий. Так, Пленум Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17 (далее – Пленум) разъяснил, что административная преюдиция по статье 7.27 КоАП РФ наступит в случае, если на момент

совершения нового мелкого хищения лицо уже привлекалось к ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ [8].

В этой связи Пленум разъяснил, что суды обязаны проверять факт соблюдения условий, вытекающих из ст. 4.6 КоАП РФ, а именно:

вступило ли в законную силу на момент повторного хищения постановление о предыдущем административном наказании;

со дня окончания исполнения предыдущего наказания не прошел ли годичный срок;

не пересмотрено или не отменено предыдущее постановление.

Таким образом, наличие имеющегося административного наказания не обусловливает судебные выводы по уголовному делу. Вину лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, суд должен определять по совокупности всех имеющихся доказательств. Достойно внимания то обстоятельство, что до 2019 года рассмотрение подобных категорий дел относилось к подсудности мировых судей, однако позднее они были переданы в ведение районных судов. Изменение подсудности обосновано более широкими компетенциями районных судов, рассматривающих дела как первой, так и апелляционной инстанции.

Ключевым условием применения преюдиции является наличие вступившего в законную силу судебного акта (постановления, приговора или решения), в котором зафиксированы все существенные обстоятельства: событие деяния, время и способ его совершения, мотивы и субъектный состав.

Заслуживает внимания краткое исследование проблем разграничения смежных составов правонарушений, содержащихся в КоАП РФ и УК РФ [9, с. 93-97].

Анализ законодательства показывает наличие множества смежных составов правонарушений, где грань между административным деликтом и уголовным преступлением весьма условна. В качестве примера можно привести самоуправство, предусмотренное ст. 19.1 КоАП РФ и ст. 330 УК РФ.

В первом случае речь идет о самовольном осуществлении своего права, оспариваемого другими лицами, если эти действия не причинили существенного вреда. Во втором – состав преступления образуется при наличии существенного вреда либо применения насилия или угрозы его применения. Сравнительный анализ санкций анализируемых правонарушений демонстрирует различия в степени ответственности. Административное наказание по ст. 19.1 КоАП РФ влечет для граждан предупреждение или штраф от 100 до 300 рублей.

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 330 УК РФ влечет штраф до 80 тысяч рублей, обязательные или исправительные работы. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 330 УК РФ) предполагает более суровые санкции вплоть до лишения свободы.

С точки зрения правовой конструкции представляется целесообразным дополнить УК РФ статьей 330.1 – «Самоуправство, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость». Такая постановка вопроса по своей сути будет свидетельствовать о рецидиве (неоднократности) совершенного правонарушения в рамках института административной преюдиции. Это позволило бы унифицировать подход к наказанию и установить четкую зависимость: повторное самоуправство после административного взыскания должно влечь уголовную ответственность с возможным наказанием в виде лишения свободы. Подобная мера могла бы стать действенным инструментом предупреждения повторности (рецидива) административных правонарушений.

Представляется следующее обоснование включения в Уголовный кодекс РФ статьи 330.1.

Во-первых, совершение самоуправства неоднократно свидетельствует о стойкой антисоциальной направленности лица и его нежелании подчиняться установленному законом порядку разрешения споров даже после привлечения к ответственности, в том числе административной. Следовательно, при неоднократном совершении самоуправства, налицо повышенная общественная опасность личности виновного.

Во-вторых, введение в уголовный кодекс РФ статьи 330.1 – будет свидетельствовать о неоднократности (рецидиве) самоуправства, что позволило бы более четко дифференцировать ответственность, создав трехуровневую систему:

часть 1 ст. 330 УК РФ – самоуправство с причинением существенного вреда;

часть 2 ст. 330 УК РФ – самоуправство с применением насилия (или угрозой его применения);

ст. 330.1 УК РФ – самоуправство, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за самоуправство или имеющим судимость.

В-третьих, при самоуправстве без причинения существенного вреда, устанавливается административная ответственность по ст. 19.1 КоАП РФ. При повторном аналогичном деянии, но с причинением существенного вреда, ответственность по ч. 1 ст. 330 УК РФ не учитывает факта предыдущего наказания. Введение в Уголовный кодекс РФ ст. 330.1, регулирующей самоуправство, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость позволило бы рассматривать систематичность таких действий на уголовно-правовом уровне.

В-четвертых, введение ст. 330.1 УК РФ соответствует уголовно-правовому принципу справедливости [10, с. 56].

Так, при назначении наказания должна исключаться возможность повторного учета одних и тех же обстоятельств. Однако совершение правонарушения во второй раз – это новое обстоятельство, характеризующее личность. Если судимость за первое самоуправство не погашена, то повторное деяние образует рецидив. Но если лицо допустило повторно в течение года административно наказуемое самоуправство, его опасность для общества повышается, и это обстоятельство при наличии ст. 330.1 УК РФ, позволило бы правонарушителя привлечь к уголовной ответственности.

В-пятых, введение ст. 330.1 УК РФ послужит унификации данной нормы с иными имеющими признаки административной преюдиции составами преступлений.

В-шестых, закрепление в ст. 330.1 УК РФ возможности уголовной ответственности за повторное административное самоуправство будет иметь важное профилактическое значение. Так, потенциальный правонарушитель, зная, что первое деяние может повлечь наказание по ст. 19.1 КоАП РФ, а второе – по ст. 330.1 УК РФ, будет более мотивирован к соблюдению установленного порядка реализации своих прав, даже если субъективно полагает, что эти права у него имеются.

Таким образом, действующая редакция ст. 330 УК РФ не содержит признака административной преюдиции или рецидива, поэтому гипотетическое введение ст. 330.1 УК РФ позволило бы исчерпывающе учитывать степень общественной опасности личности правонарушителя, усилить профилактическое воздействие уголовного закона и устранить пробелы в дифференциации ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка реализации прав.

Для понимания сущности исследуемой проблемы проведем сравнительно-правовой анализ элементов составов правонарушений по статье 19.1 КоАП РФ и статье 330 УК РФ. Родовым объектом посягательства в обоих случаях выступает установленный порядок управления и реализации прав. Непосредственным объектом административного проступка являются конкретные общественные отношения в сфере публичного управления. В уголовном праве объект самоуправства шире: помимо основного (порядок осуществления прав), имеется дополнительный – права и законные интересы граждан или организаций. В квалифицированном составе (при насилии) вспомогательным объектом служит здоровье и свобода личности.

Объективная сторона. Ключевое различие заключается в последствиях. Для привлечения к административной ответственности достаточно самого факта самовольных действий, если при этом не причинён существенный вред. В то же время для привлечения к уголовной ответственности основным признаком выступает наступление последствий в виде существенного вреда, который суд оценивает с учётом конкретных обстоятельств, либо наличие насилия.

Субъективная сторона. В обоих случаях вина проявляется через умысел. Правонарушитель осознает, что действует самовольно и желает эти противозаконные действия совершить. Различие заключается в отношении лица к последствиям. При административном проступке последствия не выступают обязательным элементом. При уголовном преступлении умысел должен охватывать и наступление существенного вреда.

Субъект правонарушения. Возраст привлечения к ответственности по обеим статьям наступает с 16 лет. Спецификой административного состава является возможность привлечения должностных лиц (штраф для них выше, чем для физических лиц – до 500 рублей).

Осуществленный сравнительно-правовой анализ составов статей 19.1 КоАП РФ и 330 УК РФ имеет определяющее значение для правоприменительной практики, так как позволяет провести четкую границу между административным правонарушением и преступлением. Оба деяния посягают на установленный порядок управления, однако их основное различие кроется в степени общественной опасности и наступивших последствиях. Следовательно, законодатель установил фактически идентичные составы правонарушений, но при этом разделил их по такому важному критерию, как причинение существенного вреда. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, при определении вреда «существенным», суд должен исходить из значимости нарушенного права и законного интереса для конкретного потерпевшего, размера причиненного ему имущественного вреда [11].

Например, если жилец многоквартирного дома самовольно заменил замок на двери подвала этого строения, с целью ограничения доступа для представителей управляющей компании, но при этом ничего ценного для себя не взял – его действия будут квалифицированы по ст. 19.1 КоАП РФ. Если же в результате его действий произошло затопление подвала, повлекшее повреждение имущества на крупную сумму, или были нарушены условия жизнеобеспечения дома, то есть имуществу дома причинен существенный вред, такие действия квалифицируются по ст. 330 УК РФ.

Если же жилец дома после привлечения его к административной ответственности по ст. 19.1 КоАП РФ вновь в течение года самовольно заменит замок на двери подвала этого строения, с

целью ограничения доступа для представителей управляющей компании, то налицо повторность правонарушения в силу повышенной степени общественной опасности данного лица. Статья 330 УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за неоднократное самоуправство. Поэтому, возникает необходимость введения в Уголовный кодекс РФ ст. 330.1.

Институт административной преюдиции, несмотря на относительно небольшое количество норм, в которых он прямо применяется, выполняет важную процессуальную функцию. Он позволяет оптимизировать судопроизводство, избегая дублирования при доказывании обстоятельств, уже установленных судом. Однако в научной среде продолжаются дискуссии о природе данного института и границах его использования. Отсутствие единообразного подхода к определению преюдиции порождает сложности в правоприменительной практике [12, с. 62-68].

Представляется, что дальнейшее развитие этого института должно идти по пути расширения перечня составов с административной преюдицией и совершенствования законодательной техники.

Подобный подход не только помогает разгрузить судебную систему, но и позволяет выстроить более адаптивный и действенный механизм профилактики правонарушений. Главная идея в том, что административная ответственность здесь работает как предупредительный механизм: она применяется до того, как деяние перейдет в разряд уголовных преступлений.

Список литературы:

[1] Малков В. П. (д-р юрид. наук) Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 173 с.

[2] Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. – 834 с.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СПС Консультант Плюс.

[4] Первухин А.С. Возможность признания деяния, содержащего признаки состава преступления с административной преюдицией, малозначительным (на примере ст. 264.2 УК) // Законность. 2025. – № 9. – С. 35 - 40.

[5] Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021.– № 3. – С. 25 - 29.

[6] Колосова Валентина Ивановна Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник ННГУ. 2011. – № 5-1. – С. 246-254. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-kak-sredstvo-preduprezhdeniya-prestupleniy-i-sovershenstvovaniya-ugolovnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 24.10.2026).

[7] Лактюхин Артем Олегович Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. 2023. – № 11 –С. 135-144. URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/suschnost-administrati vnoy-preyuditsii-kak-pravovogo-yavleniya (дата обращения: 21.10.2026).

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2017.

[9] Денисенко С. Г. Проблемы квалификации смежных составов административных правонарушений и преступлений // Общество и право. 2025. – № 2 (92). – С.93-97.

[10] Анганзоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. – 2009. – № 2. – С. 56.; [9].

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» / Рос. газ., № 159, 16.07.2021.

[12] Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. –1992. – № 2. – С. 62-68.

References:

[1] Malkov V. P. (Doctor of Legal Sciences). *Plurality of Crimes and Its Forms under Soviet Criminal Law*. Kazan: Kazan University Press, 1982. 173 p.

[2] Kuznetsova N. F. "Main Trends in the Development of Russian Criminal Legislation." In *Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003. 834 p.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 31, 2017, No. 42, "On Submitting to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

a Draft Federal Law 'On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Concept of a Criminal Misdemeanor'." *ConsultantPlus* legal database.

[4] Pervukhin A. S. "The Possibility of Classifying an Act That Contains the Elements of a Crime Involving Administrative Prejudiciality as 'Minor' (Using Article 264.2 of the Criminal Code as an Example)." *Zakonnost* [Legality], 2025, No. 9, pp. 35–40.

[5] Kapinus O. S. "Legislative Initiatives Regarding the Regulation of 'Criminal Misdemeanors' in the Criminal Code of the Russian Federation: A Critical Analysis." *Rossiyskaya Yustitsiya* [Russian Justice], 2021, No. 3, pp. 25–29.

[6] Kolosova Valentina Ivanovna. "Administrative Prejudiciality as a Means of Crime Prevention and the Improvement of Criminal Legislation." *Vestnik NNGU* [Bulletin of Lobachevsky University], 2011, No. 5-1, pp. 246–254. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-kak-sredstvo-preduprezhdeniya-prestupleniy-i-sovershenstvovaniya-ugolovnogo-zakonodatelstva (accessed: 24.10.2026).

[7] Laktyukhin, Artem Olegovich. The Essence of Administrative Prejudiciality as a Legal Phenomenon // Actual Problems of Russian Law. 2023. – No. 11. – pp. 135–144. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-administrativnoy-preyuditsii-kak-pravovogo-yavleniya (accessed: 21.10.2026).

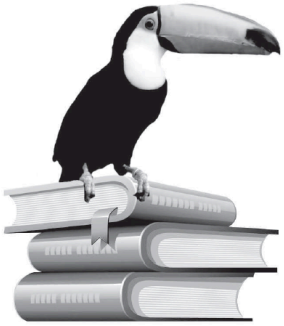
[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 16, 2017, No. 17 "On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Concerning Criminal Cases" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 7, July 2017.

[9] Denisenko, S. G. Problems in Classifying Related Administrative Offenses and Crimes // Society and Law. 2025. – No. 2 (92). – pp. 93–97.

[10] Anganzorov, O. Holding a Person Criminally Liable After Having Held Them Administratively Liable for the Same Offense // Legality (Zakonnost). – 2009. – No. 2. – p. 56.; [9].

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2021, No. 21 “On Certain Issues of Judicial Practice in Cases Involving Crimes Against the Interests of Service in Commercial and Other Organizations (Articles 201, 201.1, 202, and 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)” / Rossiyskaya Gazeta, No. 159, July 16, 2021.

[12] Tarbagayev A.N. Administrative Liability in Criminal Law // Pravovedeniye. – 1992. – No. 2. – pp. 62–68.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-472-476
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор
юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные аспекты осуществления комплекса мероприятий социальной работы с осужденными к лишению свободы. Для ее осуществления применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации по проблеме организации и проведения мероприятий в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Социальная работа с осужденными к лишению свободы, отбывающими наказание в ИУ УИС следует рассматривать в качестве средства исправления осужденных, влияющих на их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. Организация и проведение мероприятий социальной работы с осужденными детерминируются условиями и особенностями отбывания уголовного наказания в виде лишение свободы. Мероприятия социальной работы с осужденными в ИУ регламентируются уголовно-исполнительным законодательством, приказами Минюста России, основными из которых являются Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 06.02.2023№ 10 года «О пробации в Российской Федерации», Приказ Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Нормативные правовые акты и отечественная пенитенциарная практика выработали эффективные мероприятия социальной работы, реализуемые сотрудниками специализированных подразделений. При этом прослеживается выраженная тенденция комплексного использования мероприятий, методик и технологий их составляющих. Мероприятия социальной работы с осужденными отражаются в индивидуальном плане пенитенциарной пробации с осужденными, отбывающими лишение свободы в ИУ.*

Ключевые слова: *осужденные к лишению свободы, социальная работа, пенитенциарная пробация, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, мероприятия социальной работы, комплексный подход.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Комплексный подход в организации мероприятий по проведению социальной работы с осужденными к лишению свободы при осуществлении пенитенциарной пробации // Право и управление. 2026. № 10. С. 472–476.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

A COMPREHENSIVE APPROACH TO ORGANIZING ACTIVITIES RELATED TO SOCIAL WORK WITH CONVICTS IN PRISON DURING THE IMPLEMENTATION OF PENITENTIARY PROBATION

Annotation. *The aim of the study was to examine the legal and organizational aspects of implementing a set of social work measures for individuals sentenced to deprivation of liberty. To achieve this, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and participant observation were used. Legislative and departmental legal acts, as well as scientific publications on the issue of organizing and conducting measures in correctional institutions of the penal system, were examined. Social work with convicts serving sentences in correctional institutions of the penal system should be considered as a means of reforming convicts, influencing their resocialization, social adaptation, and social rehabilitation within the framework of penitentiary and post penitentiary probation. The organization and implementation of social work activities with convicts are determined by the conditions and specific features of serving a criminal sentence in the form of imprisonment. Social work activities with prisoners in the detention center are regulated by penal enforcement legislation, orders of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the main of which are the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, Federal Law No. 10 dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation", Order No. 350 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 11/29/2023 "On Re-socialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation persons who are subject to probation in accordance with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation". Regulatory legal acts and domestic penitentiary practice have developed effective social work measures implemented by employees of specialized units. At the same time, a pronounced trend is observed towards the comprehensive use of measures, methods, and technologies that make up these measures. Social work measures for convicts are reflected in the individual plan for penitentiary probation for convicts serving their sentences in correctional institutions.*

Key words: *convicts sentenced to imprisonment, social work, penitentiary probation, correctional institutions, the criminal executive system, social work activities, comprehensive approach.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. A comprehensive approach to organizing activities related to social work with convicts in prison during the implementation of penitentiary probation. Law and administration. 2026;(10):472–476. (In Russ.).*

Введение. Современные подходы в правовом регулировании и организации социальной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) позволяют отнести рассматриваемый уголовно-исполнительный институт к средствам исправления осужденных [1, с. 337-342]. Он влияет на их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, закрепленные в Федеральном законе от 06.02.2023№ 10 года «О пробации в Российской Федерации» и Приказе Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [2, с. 2-7].

Организация и проведение мероприятий социальной работы с осужденными детерминируются условиями и особенностями отбывания такого

вида уголовного наказания как лишение свободы, определенного статьей 56 Уголовного кодекса Российской Федерации [3]. Также видом ИУ (исправительной колонии – далее ИК: общего, строго и особого режима, тюрьмы, лечебного исправительного учреждения, лечебно-профилактического учреждения, воспитательной колонии) [4, с. 53-58]. Условиями отбывания лишения свободы, установленными в ИУ (льготными, обычными, облегченными и строгими), закрепленными в статьях 87, 121, 123, 125, 129, 131 УИК РФ [5].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных аспектов осуществления комплекса мероприятий социальной работы с осужденными к лишению свободы применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации по проблеме организации и проведения мероприятий в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Основные результаты. Осуществленное в процессе теоретико-эмпирического исследования изучение организации и применения мероприятий социальной работы с осужденными в условиях ИУ показало, что их перечень закреплен в разделе 3, в пункте 49 (подпунктах 1-11) Приказа Минюста России от 29.11.2023 № 350 [6].

Анализ пенитенциарной практики позволяет ранжировать мероприятия социальной работы в ИУ по критерию их эффективности и частоты применения подразделениями социальной работы с осужденными учреждения. К ним относятся:

социальная диагностика осужденных к лишению свободы. Она осуществляется параллельно с психологической диагностикой, реализуемой пенитенциарными психологами, а также в ходе пенитенциарной пробации и воспитательной работы, сотрудниками служб и подразделений ИУ, устанавливающих криминологические, социально-демографические, уголовно-правовые характеристики осужденных [7]. В процессе социальной диагностики сотрудники используют разнообразный диагностический инструментарий, социометрию, отечественные и зарубежные методики, адаптированные к особенностям национальной пенитенциарной практики. Метод социометрического, формализованного анализа, направленный на выявление социальных связей осужденных, определение уровня их социализации;

выявление осужденных, нуждающихся в социальной помощи, разработку мероприятий по работе с ними. Определение лиц, в отношении которых необходимо осуществление пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, социального обеспечения в условиях ИУ, а также после освобождения [8, с. 136-140]. Необходимо отметить, что социальная диагностика и выявление нуждающихся осужденных, должны реализовываться комплексно. Они не могут подменяться друг другом и применяться отдельно. Лишь комплексный подход на рассматриваемом направлении служебной деятельности сотрудников подразделений социальной работы является залогом эффективности социальной работы с осужденными к лишению свободы;

оказание социальной помощи нуждающимся осужденным во исполнение планов мероприятий по работе с ними. Такие планы готовятся и утверждаются в рамках индивидуальных программ пенитенциарной пробации нуждающихся осужденных, в том числе при и х подготовке к освобождению из ИУ в соответствии со статьей 180 УИК РФ (не позднее чем за шесть месяцев) [9]. Статьи 16 Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (не позднее 9 месяцев для ряда мер ресоциализации осужденных) [10];

содействие по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных к лишению свободы, как важнейший элемент социальной работы в условиях ИУ, способствующий ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, профилактике противоправного поведения [11, с. 160-167];

реализация прав осужденных к лишению свободы на социальное страхование, получение пенсий и социальных пособий [12];

оказание содействия осужденным к лишению свободы, освобождающимся из ИУ, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве;

предоставление осужденному к лишению свободы полученной от органов государственной власти, организаций и лиц необходимой для получения им социальных услуг в целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;

консультирование по социальным вопросам, возникающим в процессе отбывания наказания, а также при применении мер пенитенциарной пробации с участием органов государственной власти, организаций и лиц, указанных в приложении № 3 к приказу Минюста России 2023 г. № 350;

формирование у осужденных к лишению свободы навыков самостоятельного решения своих социальных вопросов и проблем;

разработка предложений для включения в индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в случае принятия решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденному к лишению свободы.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;

Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Заключение. Социальная работа с осужденными к лишению свободы, отбывающими наказание в ИУ УИС следует рассматривать в качестве средства исправления осужденных, влияющих на их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

Организация и проведение мероприятий социальной работы с осужденными детерминируются условиями и особенностями отбывания уголовного наказания в виде лишение свободы.

Мероприятия социальной работы с осужденными в ИУ регламентируются уголовно-исполнительным законодательством, приказами Минюста России. Нормативные правовые акты и отечественная пенитенциарная практика выработали эффективные мероприятия социальной работы, реализуемые сотрудниками специализированных подразделений. При этом прослеживается выраженная тенденция комплексного использования мероприятий, методик и технологий их составляющих.

Мероприятия социальной работы с осужденными отражаются в индивидуальном плане пенитенциарной пробации с осужденными, отбывающими лишение свободы в ИУ.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.

[2] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Становление и развитие института пробации в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 2-7.

[3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

[4] Ковалев О.Г. Учреждения и органы, исполняющие наказания: правовая классификация и особенности функционирования в современных условиях развития отечественной уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 53-58.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[6] Приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 г. № 350 (ред. от 22.01.2026) «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 05.10.2026).

[7] Психодиагностика осужденных / Деев В.Г., Ушатиков А.И., Ковалев О.Г., Казакова Е.Н. 2000.

[8] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Актуальные вопросы защиты права осужденных на соци-

альное обеспечение // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 136-140.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 05.10.2026).

[11] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

References:

[1] Kovalev O.G. Correction, resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of convicts as the goal and objectives of the modern theory of domestic penal law // Law and Management. 2025. No. 6. Pp. 337-342.

[2] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The formation and development of the probation institution in the current conditions of the functioning of Russia's penal system // Penal System: Law, Economics, Management. 2026. No. 1. Pp. 2-7.

[3] Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[4] Kovalev O.G. Institutions and bodies executing punishments: legal classification and features of functioning in the current conditions of development of the domestic penal system // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. Pp. 53–58.

[5] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A. V., Geranin V. V., Zubarev S. M., Dubrovitsky L. P., Epaneshnikov V. S., Kazakova V. A., Kovalev O. G., Kudeneev S. V., Lysyagin O. B., Lyadov E. V., Mikhlin A. S., Seliverstov V. I., Filimonov O. V. Moscow, 2011.

[6] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 350 dated 11/29/2023 (as amended on 01/22/2026) "On the re-socialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in accordance with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation" // Consultant.ru (accessed 05.10.2026).

[7] Psychodiagnostics of convicts / Deev V.G., Ushatikov A.I., Kovalev O.G., Kazakova E.N. 2000.

[8] Kovalev O.G., Semenova N.V. Current issues in protecting the right of convicts to social security // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. Pp. 136-140.

[9] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article by article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Federal Law No. 10 FZ dated 06.02.2023 "On Probation in the Russian Federation" // Consultant.ru (accessed 05.10.2026).

[11] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing unlawful behavior among convicts // Prospects of Science. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-477-480
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерации, ID orcid.org // 0000-0002-0045-6062, e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ЛЕЩЕНКО Светлана Александровна,
доцент кафедры английского языка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры иностранных языков ВШУ РУДН, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. *Статья посвящена подготовке квалифицированных специалистов для пенитенциарной системы Республики Казахстан, порядку и условиям отбора кандидатов в резерв руководящих кадров, требованиям, предъявляемым к кандидатам.*

Ключевые слова: *пенитенциарная система, руководящие кадры, учреждения, отбор и подготовка, переподготовка, повышение квалификации.*

Для цитирования: *Лукашенко Д. В., Лещенко С. А. Уголовно-исполнительная система Республики Казахстан // Право и управление. 2026. № 10. С. 477–480.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
PhD (Psychology), associate Professor, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Moscow

LESHCHENKO Svetlana Alexandrovna,
Associate Professor, Department of English, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSLA), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, RUDN University, Senior Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

THE PENAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. *The article is devoted to the preparation of qualified specialists for the penitentiary system of the Republic of Kazakhstan, the procedure and conditions for the selection of candidates for the reserve of leading cadres, the requirements for candidates.*

Key words: *penitentiary system, leading cadres, institutions, selection and training, retraining, advanced training.*

For citation: *Lukashenko D. V., Leshchenko S. A. The penal system of the Republic of Kazakhstan. Law and administration. 2026;(10):477–480. (In Russ.).*

История уголовно-исполнительной системы (УИС) является неотъемлемой частью истории Республики Казахстан. Пенитенциарная система, словно зеркало, отражала в своем развитии те перемены, которые происходят в политической, социально-экономической и культурной жизни.

Во все времена и в любой стране пенитенциарная система, или, как еще ее часто называют, служба исполнения наказания, была и остается важной составляющей государственного механизма.

И хотя отношение к ней в обществе не всегда однозначное, даже самые ярые приверженцы демократических ценностей не возьмутся отрицать ее необходимость.

За последние четверть века своего развития пенитенциарная система претерпела большие изменения. Проводимые реформы приобрели динамичный и комплексный характер. Осуществлен целый ряд позитивных нововведений в правовом обеспечении, совершенствуется законодательство. В полном объеме проводится медицинское обслуживание, улучшены бытовые условия осужденных, улучшилось питание, проводится реконструкция и ремонт исправительных учреждений.

Основная заслуга в реализации всех этих положительных моментов принадлежит сотрудникам и работникам уголовно-исполнительной системы. Как здесь не вспомнить слова Главы государства, сказанные в Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства», где он отметил, что именно кадры являются локомотивом новых экономических реформ.

В УИС отбор и расстановка профессионально подготовленных сотрудников – одна из самых важных задач, на решение которой нацелены кадровые подразделения.

В целях формирования кадрового состава правоохранительного органа, обеспечения комплектования должностей службы в правоохранительном органе создается кадровый резерв.

Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2015 года № 977«Об утверждении Правил формирования кадрового резерва, требований к квалификации сотрудников, зачисляемых в кадровый резерв, и работы с ведомственным банком данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв органов внутренних дел» утверждены правила формирования кадрового резерва и та необходимая работа, которая должна проводиться с сотрудниками, зачисленными в кадровый резерв органов внутренних дел Республики Казахстан.

Кадровый резерв создается в целях формирования кадрового состава органов внутренних дел (далее – ОВД) и обеспечения качественного комплектования вакантных руководящих должностей в ОВД и формируется в каждом ОВД на плановой основе для последующего замещения вакантных руководящих должностей из расчета не менее двух кандидатур на каждую должность, подлежащую замещению [2].

Кадровый резерв формируется из сотрудников:

по результатам аттестации рекомендованных к выдвижению на руководящие должности;

проявивших организаторские способности при исполнении служебных обязанностей либо при выполнении специальных заданий на основании рекомендаций непосредственных руководителей подразделений ОВД, с учетом показателя конкурентоспособности.

При зачислении сотрудников в кадровый резерв соблюдаются квалификационные требования к категориям должностей органов внутренних дел в соответствии с Законом Республики Казахстан

«О правоохранительной службе» (далее - Закон) [1], где учитывается следующее:

показатель конкурентоспособности сотрудника;

наличие соответствующей профессиональной подготовки и опыта работы по предлагаемому виду деятельности;

знание нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность соответствующей службы;

состояние здоровья;

результаты профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Зачисление лиц в кадровый резерв производится путем включения их в список сотрудников, зачисленных в кадровый резерв. Срок пребывания сотрудника в кадровом резерве не должен превышать три года. В кадровую службу направляются протокол аттестационной комиссии, представление о зачислении в кадровый, послужной список сотрудника, служебная характеристика и справка об отсутствии компрометирующих сведений, выданная подразделениями собственной безопасности. В случаях наложения на сотрудника дисциплинарного взыскания за коррупционное правонарушение он исключается из кадрового резерва.

Исключение из кадрового резерва оформляется путем составления списка сотрудников, исключенных из кадрового резерва, а в кадровую службу направляются представление руководителя ОВД об исключении из кадрового резерва, послужной список сотрудника, материалы служебного расследования, копия приказа о наложении дисциплинарного взыскания.

Списки сотрудников, зачисленных и исключенных из кадрового резерва по соответствующим категориям должностей, утверждаются

уполномоченным руководителем ОВД и вносятся в ведомственный банк данных. Ведомственный банк данных содержит сведения о сотрудниках, зачисленных в кадровый резерв, и функционирует на основе автоматизированной информационной системы. Кадровые службы ОВД ведут ведомственный банк данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, с отражением их показателя конкурентоспособности, а также на них возлагается ответственность за полноту и достоверность информации, своевременность обновления списка сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, возлагается на кадровую службу. В автоматизированной информационной системе в послужном списке сотрудника автоматически появляется запись о дате зачисления в кадровый резерв с указанием категории должности. Сотрудники, зачисленные в кадровый резерв, назначаются на должность соответствующей категории при условии наличия вакантной должности, соответствия квалификационным требованиям и их согласия.

В перспективе потребность в сотрудниках будет планироваться на основе Перечня специальностей для удовлетворения потребностей в кадрах, в том числе со специальными знаниями и навыками (религиоведы, психологи, IT-специалисты и другие). Для успешного выполнения задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой республики Казахстан важную роль играет повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также их переподготовка.

Приказом МВД РК № 36 от 23 июня 1997 года в Костанайском тогда еще юридическом институте был создан факультет повышения квалификации и переподготовки. В соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2012 года № 1692 факультет переименован в Институт повышения квалификации и переподготовки.

Институт повышения квалификации и переподготовки Костанайской академии МВД РК реализует дополнительные профессиональные образовательные программы, к которым относятся программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

Организация деятельности Института по повышению квалификации и переподготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел осуществляется с учетом постоянного повышения предъявляемых к ним требований в связи с изменениями, происходящими в правоприменительной практике, путем углубления профессиональных знаний. Ежегодно в Институте на курсах повышения квалификации проходят обучение свыше трехсот сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел.

За 12 учебных дней для слушателей Института повышения квалификации проводится лекционных, семинарских, практических занятий в объеме 72 часов. Тематические планы включают в себя следующие разделы:

Юридическая подготовка.

Специальная подготовка.

Каждому, проходившему обучение на курсах повышения квалификации выдается информация на электронный носитель, включающая в себя правовую базу, учебно-методическую и практическую литературу, фильмы, видеосюжеты для последующего применения в практической деятельности.

По итогам обучения после сдачи экзамена слушателям выдаются сертификаты установленного образца об окончании курсов повышения квалификации.

Основными задачами Института являются:

организация учебно-методического обеспечения учебного процесса в Институте;

создание необходимых условий для эффективного и творческого обучения слушателей;

взаимодействие с Департаментом кадровой работы МВД РК, Управлением кадров Комитета УИС МВД РК, с подразделениями территориальных органов с целью непрерывного совершенствования качества переподготовки специалистов и повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел;

целенаправленной систематической работы по повышению профессиональной компетентности сотрудников УИС и ОВД МВД РК;

разъяснения основных положений вновь принятых кодексов Республики Казахстан;

внедрение в практику работы современных инновационных, педагогических технологий;

обеспечение высокого методического уровня проведения всех видов занятий путем внедрения в практику информационных технологий, научно-методического сопровождения учебного процесса;

переработка всех учебно-методических материалов в соответствии с новым законодательством.

Данные задачи, стоящие перед Институтом повышения квалификации и кафедрами Академии необходимо отрабатывать на каждом учебном занятии, ведь от уровня профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел, его компетентности в рамках их квалификации, зависит реализация требований, предъявляемых обществом к сотрудникам правоохранительной службы и исполнении

своих служебных обязанностей по профилю деятельности. Подготовке сотрудников для уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан уделяется огромное внимание в целях совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков.

Список литературы:

[1] Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.).

[2] Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2015 года № 977 «Об утверждении Правил формирования кадрового резерва, требований к квалификации сотрудников, зачисляемых в кадровый резерв, и работы с ведомственным банком данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв органов внутренних дел».

References:

[1] Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2011 No. 380-IV "On Law Enforcement Service" (as amended as of 11.07.2017).

[2] Order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated December 2, 2015 No. 977 "On approval of the Rules for the formation of a personnel reserve, requirements for the qualifications of employees enrolled in the personnel reserve, and work with the departmental data bank of employees enrolled in the personnel reserve of internal affairs bodies".

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-481-486
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,
кандидат технических наук, профессор,
профессор кафедры специальной техники
и информационных технологий юридического
факультета Владимирского юридического
института ФСИН России, Владимир, Россия,
e-mail: krm730@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВАХ НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *В статье раскрываются профессионально важные и личностные качества начальника отряда исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, способствующие созданию оптимальных условий для эффективного исправления осужденных. На основе условий профессиональной деятельности рассматривается подход ученых-исследователей к структурированию и выявлению содержательной основы психолого-педагогических качеств, необходимых сотруднику уголовно-исполнительной системы, и в частности начальнику отряда, для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в части исправления и ресоциализации осужденных. Особое внимание уделено личностным качествам начальника отряда, их роли в эффективном взаимодействии с осужденными и влиянии на позитивное изменение их сознания. Констатируется комплексный психолого-педагогический характер деятельности начальника отряда, основывающийся на познании личности осужденного, подборе оптимальных средств, способов и форм воздействия на его сознание, их реализации, контроле результатов. Формулируется вывод о необходимости ответственного подхода к назначению сотрудников на должность начальника отряда, психолого-педагогическом сопровождении их деятельности.*

Ключевые слова: *осужденный, исправление, ресоциализация, начальник отряда, служебная деятельность, личностные качества, психолого-педагогический подход, эффективность.*

Для цитирования: *Карабанов Р. М. К вопросу о личностных качествах начальника отряда исправительного учреждения // Право и управление. 2026. № 10. С. 481–486.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,
candidate of technology, full professor, professor
of the Department of Special Technology and
Information Technologies of the Law Faculty of
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vladimir, Russia

TO THE QUESTION OF THE PERSONAL QUALITIES OF THE HEAD OF THE CORRECTIONAL UNIT

Annotation. *The article reveals the professionally important and personal qualities of the head of the detachment of the correctional institution of the penal system, contributing to the creation of optimal conditions for the effective correction of convicts. Based on the conditions of professional activity, the approach of research scientists to structuring and identifying the substantive basis of psychological and pedagogical qualities necessary for an employee of the penitentiary system, and in particular the head of the detachment, to achieve the goals of the penitentiary legislation in terms of correcting and re-socializing convicts, is considered. Particular attention is paid to the personal qualities of the head of the detachment, their role in effective interaction with convicts and the impact on a positive change in their consciousness. The complex psychological and pedagogical nature of the activity of the head of the detachment is stated, based on the knowledge of the personality of the convicted person, the selection of optimal means, methods and forms of influence on his consciousness, their implementation, and control of results. A conclusion is formulated*

on the need for a responsible approach to the appointment of employees to the position of the head of the detachment, psychological and pedagogical support of their activities.

Key words: *convict, correction, resocialization, squad leader, official activity, personal qualities, psychological and pedagogical approach, efficiency.*

For citation: *Karabanov R. M. To the question of the personal qualities of the head of the correctional unit. Law and administration. 2026;(10):481–486. (In Russ.).*

Достижение целей исправления и ресоциализации осужденных является основополагающей задачей уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Соответственно, исправление осужденных к лишению свободы и предупреждение рецидива новых преступлений и правонарушений составляет одну из главных целей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС РФ), что закреплено как на законодательном, так и ведомственном уровне [1, 2].

Средства исправления осужденных к лишению свободы определены в ч. 2 ст. 9 УИК РФ [1]. Среди них, вторыми по значимости после установленного порядка исполнения и отбывания наказания, значится воспитательная работа.

Содержание, формы, методы и порядок организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы регламентируются на законодательном уровне, а также раскрываются в приказе Минюста России от 29.11.2023 № 350 [3], а также во внутренних нормативных документах ФСИН России. Основу воспитательной работы составляет комплекс психолого-педагогических мер, направленных на исправление, социальную адаптацию осужденных как в период отбывания наказания, так и после освобождения из мест изоляции от общества.

Воспитательная работа в исправительных учреждениях УИС РФ носит комплексный характер, и к ее проведению привлекаются все сотрудники учреждения. Однако, в первую очередь, воспитательная работа организуется и осуществляется начальником отряда. Очевидно, что в рамках настоящего исследования важным вопросом является определение основополагающих профессионально важных и личностных качеств начальника отряда, способствующих созданию оптимальных условий для эффективного исправления осужденных.

Учитывая, что воспитательная работа с осужденными в исправительных учреждениях организуется дифференцированно, в разных формах, а также на основе психолого-педагогических методов [1], следует особое внимание среди личных качеств акцентировать на психологическом характере личности начальника отряда, педагогической культуре и навыках работы с людьми.

Анализ психолого-педагогических факторов, характеризующих личность, целесообразно проводить на основе структуры профессиональной деятельности сотрудника, раскрывающей составляющие, способствующие побуждению, направлению и регулированию служебной активности начальника отряда и реализующие ее в практических действиях, где в качестве критериев могут выступать личностно-мотивационный, компонентно-целевой, информационный, структурно-функциональный, индивидуально-психологический, психофизиологический [4].

Профессионально-важные личностные качества сотрудника УИС РФ широко обсуждаются исследователям и экспертами с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности служебной деятельности и снижению уровня профессиональной деформации сотрудников, критериев и методов профессионального психологического отбора кадров при приеме на службу, создания инновационных программ обучения, повышения квалификации и психологического сопровождения личного состава на разных этапах службы.

Раскрывая профессионально-важные личностные качества с учетом особенностей служебной деятельности начальника отряда, можно отметить приведенные в исследовании автора Я.Н. Поляковой их группы [5]:

политические;
деловые;
моральные;
волевые.

В исследовании Е.А. Рахманкина отмечается, что психологические характеристики профессионально-важных качеств сотрудников связаны с индивидуальными особенностями личности сотрудника, и в исследовании они структурированы по видам [6]:

когнитивные;
эмоционально-волевые;
коммуникативные;
морально-нравственные;
мотивационные;
адаптационные;
регуляторные;
интеллектуальные;
лидерские.

Отмечается взаимосвязь и взаимозависимость психологических характеристик, обеспечивающая целостную систему профессионально-важных качеств сотрудников УИС РФ.

Обращаясь к работе А.В. Новикова и Д.Н. Слабкой, можно констатировать, что авторы в своем исследовании обобщают следующие психолого-педагогические личностные качества сотрудника [4]:

эмоционально-волевые, проявляющиеся в способности сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях, контролировать свое состояние, проявлять самообладание, сопереживать, добиваться поставленных целей, проявлять решительность, целеустремленно и настойчиво действовать вопреки трудностям, быть инициативным и самостоятельным;

эмпатические способности, проявляющиеся в отношении как сотрудников, так и осужденных, и заключающиеся в способности осмысленного представления внутреннего мира собеседника, сопереживания и сочувствия, выдерживать психологические границы;

поведенческо-регулятивные, определяющие способность сотрудника корректировать свое поведение в соответствии с адекватно воспринимаемой служебной обстановкой и границами обоснованного риска;

коммуникативные, проявляющиеся в способности настраивать и поддерживать контакты с разными категориями людей, проявляя умение слушать, соблюдая толерантность, и определяющие продуктивность общения;

способность к самоорганизации, основанной на целеполагании, самостоятельности, умении планировать и осуществлять самоконтроль;

организационные способности, предполагающие умение эффективно распределять задачи, ставить цели, прогнозировать риски, ясно доносить мысли, управлять конфликтами, отвечать за результат;

познавательная активность, выражающаяся в проявлении интереса к новым знаниям и изменениям, имеющая положительную мотивацию к поисковой деятельности и сопровождающаяся эмоциональным удовлетворением от процесса познания.

Рассматривая приведенные качества личности, а также недостающие их виды, представляется необходимым проанализировать их применительно к деятельности начальника отряда и его служебным обязанностям.

Среди важных в психолого-педагогическом с точки зрения исправления и ресоциализации осужденных к лишению свободы отношении следует отметить следующие обязанности начальника отряда:

изучать личность осужденного к лишению свободы, организовывать и проводить с ним индивидуальную воспитательную работу;

использовать рациональный принцип стимулирования осужденных и обеспечения состязательности;

оказывать помощь осужденным в восстановлении утраченных социально-полезных связей, в предварительном решении вопросов трудового и бытового устройства при подготовке к освобождению от отбывания наказания;

проводить индивидуальную воспитательную работу, направленную на решение социальных вопросов, связанных с трудовой адаптацией осужденных к лишению свободы;

проводить мероприятия по предупреждению и разрешению возникающих конфликтных ситуаций между осужденными к лишению свободы;

проводить мероприятия по формированию мотивации у осужденных к лишению свободы, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью, к прохождению лечения, медицинской реабилитации и социальной реабилитации;

проводить личный прием осужденных с приемом жалоб, обращений, заявлений;

предлагать меры воздействия в соответствии с личностью осужденного и его предыдущим поведением, тяжестью и характером нарушения, а также с учетом обстоятельств его совершения;

выявлять лиц, склонных к противоправным действиям, проводить с ними воспитательные и профилактические мероприятия, принимать меры по нейтрализации и разобщению группировок осужденных к лишению свободы, направленных на совершение правонарушений;

составлять характеристики на осужденных к лишению свободы с учетом нуждаемости в социальной реабилитации в период отбывания наказания, а также в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения, определять оценку поведения осужденных.

Как видим, указанные обязанности для эффективной их реализации требуют определенных личностных качеств и профессиональных навыков.

В виде первоочередных личностных качеств можно отметить нравственные, характеризующиеся принципиальностью, требовательностью к себе и другим, самокритичностью, дисциплинированностью, инициативностью, трудолюбием, устойчивостью к профессиональной деформации, отрицательному влиянию криминальных факторов. Следует отметить, что важным в этом смысле в деятельности начальника является строгое соблюдение положений кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС РФ [7].

Авторы А.Н. Ломакина и Г.Е. Шибаева отмечают как необходимые творческие характеристики начальника отряда, проявляющиеся в ясности и критичности ума, глубине мышления, продук-

тивности памяти, наблюдательности [8].

Как отмечается в работе Е.В. Гусевой, начальник отряда должен обладать высоким порогом социально-психологической адаптации и стрессоустойчивости к профессиональным психоэмоциональным нагрузкам. Такие качества, как воля, самообладание, умение управлять не только своими, но и чужими эмоциями, характеризующиеся мобильностью и адекватностью реакции, определяют способность начальника отряда правильно принять решение в случае конфликтной ситуации, внезапно возникшей между сотрудниками и осужденными [9]. Согласимся с мнением М.П. Еникеева, понимающего под эмоциональной устойчивостью личности «сложное интегративное качество личности, характеризующееся таким взаимодействием ее эмоциональных, волевых, интеллектуальных свойств, которые способствуют сохранению уровня психической и двигательной работоспособности в условиях эмоциональных воздействий» [10].

Учитывая, что деятельность начальника отряда протекает в сфере общественных отношений, у сотрудника должны быть хорошо развиты коммуникативные навыки взаимодействия как с сослуживцами, так и с осужденными. В работе Л.С. Качкиной отмечается, что систематическое взаимодействие с людьми асоциальными, криминально ориентированными, требует социально-психологической компетентности начальника отряда для требуемого понимания проблемных вопросов общения, эффективного разрешения конфликтов и проблем. В случае экстремальной ситуации, в условиях обостренного эмоционального напряжения, владение коммуникативными навыками, понимание невербальных проявлений, жестов, мимики и поз способствует оптимальному исходу конфликта или проблемы [11].

Значимость сформированной социально-психологической компетенции у начальника отряда подтверждается и исследованиями, проведенными А.В. Сперанской и С.А. Прокопьевой [12-14]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в целом у начальников отряда хорошо развита способность правильно оценивать состояния людей по их невербальным проявлениям, что позволяет успешно определять истинные их намерения и учитывать это в последующем воспитательном процессе.

Подводя итог, следует отметить, что деятельность начальника отряда исправительного учреждения носит комплексный психолого-педагогический характер, основывающийся на познании личности осужденного, подборе оптимальных средств, способов и форм воздействия на его сознание, их реализации и контроле результатов. Профессионально важные личностные качества начальника отряда определяют степень его готовности к конструктивному взаимодействию с осужденными. Такое взаимодействие требует индивидуального подхода для достижения как целей наказания, так и ресоциализации осужденных. Эти факторы определяют необходимость тщательного подхода к назначению сотрудников на должности начальников отрядов, психолого-педагогического сопровождения их деятельности, выявления и предупреждения профессионального выгорания и деформации личности, экспертизы профессиональной деятельности на основе результатов исправления и ресоциализации осужденных, мотивации и поощрения эффективной служебной деятельности.

Процесс исправления осужденных подчинен определенным правилам, которые при обоснованном подходе начальника отряда позволяют достичь желаемого результата исправительного и воспитательного процесса – возвращения в общество полноценного гражданина, адаптированного к условиям жизни вне изоляции от общества.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изменениями и дополнениями): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[2] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (дата обращения: 12.10.2026).

[3] О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.10.2026).

[4] Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Особенности психологической подготовленности сотрудников уголовно-исполнительной системы к выполнению профессиональных обязанностей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 3А. С. 63-68.

[5] Полякова Я.Н. Специфика службы в ФСИН: психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя при первоначальной подготовке стажеров / Я.Н. Полякова // Российский научный вестник. 2026. № 3. С. 394-398.

[6] Рахманкин Е.А. К вопросу об особенностях профессионально-важных качеств сотрудников УИС / Е.А. Рахманкин // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 2(11). С. 105-110.

[7] Об утверждении кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : приказ ФСИН России от 24.10.2025 № 874. Ведомости уголовно-исполнительной системы, № 1, 2026.

[8] Ломакина А.Н., Шибаева Г.Е. Особенности воспитательной работы с различными категориями осужденных: учеб. пособие; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний, Каф. пенитенциар. педагогики, психологии и соц. работы. Владимир: ВЮИ ФСИН России. 2014. 43 С.

[9] Гусева Е.В. Особенности профилактической работы, направленной на снижение конфликтов между осужденными и сотрудниками исправительных учреждений // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4 (45). С. 107-112.

[10] Еникеев М.П. Основы общей и юридической психологии. Москва. 1996. 345 С.

[11] Качкина Л.С. Особенности становления социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник института: Преступление, наказание, исправление. 2011. № 1 (13). С. 55-57.

[12] Сперанская А.В., Прокопьева С.А. К вопросу диагностики социально-психологической компетентности начальников отряда // Научный альманах. 2024. № 5-3 (19). С. 555-558.

[13] Сперанская А.В. Профессиографический анализ деятельности начальников отряда исправительного учреждения / А. В. Сперанская, С. А. Прокопьева // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10-5(41). С. 80-81.

[14] Сперанская А.В. Диагностика профессионально важных качеств у начальников отрядов исправительных учреждений / А.В. Сперанская // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 11 ноября 2016 года / Под общей редакцией П.В. Голодова. Том Часть 2. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 57-62.

References:

[1] Criminal Executive Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, amended on 17.12.2025): adopted by the State Duma December 18, 1996]. Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2, Art. 198.

[2] On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (Accessed: 12.10.2026).

[3] On the resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with Federal Law No. 10-FZ of 06.02.2023 "On Probation in the Russian Federation": Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 29, 2023 No. 350 [Electronic Resource] // SPS "Garant" (Accessed: 12.10.2026).

[4] Novikov A.V., Slabkaya D.N. Peculiarities of psychological preparedness of employees of the penitentiary system to perform professional duties // Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies. 2020. VOL. 9. No. 3A. pp. 63-68.

[5] Polyakova Y.N. Specificity of service in the Federal Penitentiary Service: psychological and pedagogical characteristics of the educator's personality during the initial training of trainees // Russian Scientific Bulletin. 2026. № 3. pp. 394-398.

[6] Rakhmankin E.A. On the question of the peculiarities of the professional and important qualities of the UIS employees // Issues of modern science and practice. 2024. № 2(11). pp. 105-110.

[7] "On approval of the code of ethics and official conduct of employees of the penitentiary system of the Russian Federation": order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 24.10.2025 No. 874. Statements of the penitentiary system, No. 1. 2026.

[8] Lomakina A.N., Shibaeva G.E. Features of educational work with various categories of convicts: study. allowance; Feder. service executive. punishments, Vladim. jurid. in-t Feder. services executive. punishments, Kaf. penitentiary. pedagogy, psychology and social. work. Vladimir: VUI FSIN of Russia. 2014. 43 p.

[9] Guseva E.V. Features of preventive work aimed at reducing conflicts between convicts and correctional officers // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. № 4 (45). pp. 107-112.

[10] Enikeev M.P. Fundamentals of general and legal psychology. Moscow. 1996. 345 p.

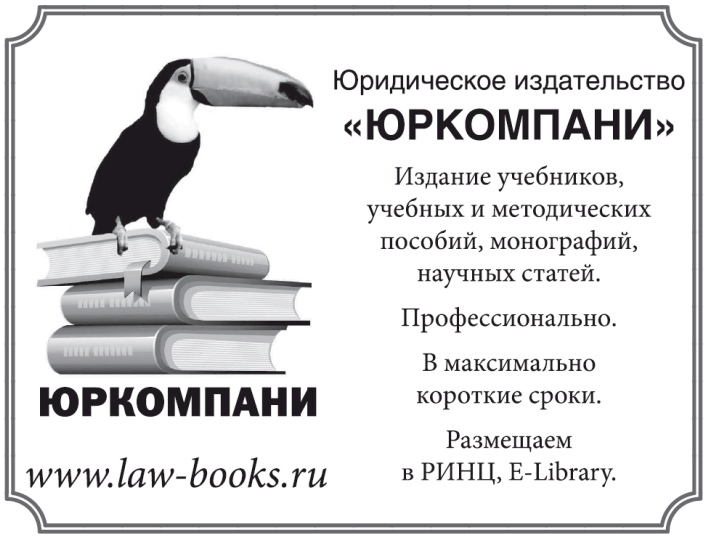
[11] Kachkina L.S. Features of the formation of the socio-psychological competence of the employees of the penitentiary system // Bulletin of the Institute: Crime, punishment, correction. 2011. № 1 (13). pp. 55-57.

[12] Speranskaya A.V., Prokopyeva S.A. On the issue of diagnosing the social and psychological competence of the chiefs of the detachment // Scientific alma-nah. 2024. № 5-3 (19). pp. 555-558.

[13] Speranskaya A.V. Profiographic analysis

of the activities of the heads of the detachment of the correctional institution // International Research Journal. 2015. № 10-5(41). pp. 80-81.

[14] Speranskaya A.V. Diagnosis of professionally important qualities among the heads of correctional units // Criminal punishment in Russia and abroad: problems of appointment and execution (to the 10th anniversary of the adoption of the European Penitentiary Rules): Collection of materials of the international scientific and practical conference. In 2 parts, Vologda, November 11, 2016 / Edited by P.V. Golodov. Volume Part 2. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2017. pp. 57-62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-487-493

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,
кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, e-mail: krm730@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье на основе нормативного правового регулирования рассматриваются вопросы организации управления деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы с использованием средств связи. Раскрываются принципы и средства организации связи. Акцентируется внимание на необходимости внедрения комплексных решений в сфере оперативно-диспетчерской связи и оповещения. Предлагается вариант комплексного подхода к организации связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы на основе предложений одного из отечественного производителя средств связи. Раскрываются функциональные возможности современного цифрового оборудования связи. В заключении формулируется вывод о возможности автоматизации процессов связи, снижения нагрузки на сотрудников подразделений охраны и режима, что будет способствовать повышению безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы, оптимизации управления подразделениями.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, места содержания под стражей, управление, связь, оповещение, комплексные решения.*

Для цитирования: *Карабанов Р. М. Современные комплексные решения для обеспечения связи в учреждениях исполнения наказаний и содержания под стражей уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2026. № 10. С. 487–493.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,
candidate of technology, full professor, professor of the Department of Special Technology and Information Technologies of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

MODERN COMPLEX SOLUTIONS FOR COMMUNICATION IN PENITENTIARY INSTITUTIONS AND DETENTION OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article, on the basis of regulatory legal regulation, considers the issues of organizing the management of the activities of institutions of the penitentiary system using communications. Principles and means of communication organization are disclosed. Attention is focused on the need to introduce comprehensive solutions in the field of operational dispatch communications and notification. A variant of an integrated approach to the organization of communications in institutions of the penitentiary system is proposed on the basis of proposals from one of the domestic manufacturers of communications. The functionality of modern digital communication equipment is disclosed. In conclusion, a conclusion is formulated on the possibility of automating communication processes, reducing the burden on employees*

of security units and the regime, which will help improve the safety of penitentiary system institutions, and optimize the management of units.

Key words: *penitentiary system, correctional institutions, places of detention, management, communication, notification, complex solutions.*

For citation: *Karabanov R. M. Modern complex solutions for communication in penitentiary institutions and detention of the penal system. Law and administration. 2026;(10):487–493. (In Russ.).*

Связь в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) обеспечивает надежную, своевременную и качественную передачу всех видов информации в интересах управления территориальными органами ФСИН России и учреждениями.

Организация связи в учреждениях УИС регламентируется законодательством Российской Федерации, нормативными актами Министерства юстиции Российской Федерации (далее: Минюста РФ) и Федеральной службы исполнения наказаний России (далее: ФСИН России). Одним из основных руководящих документов по организации связи в УИС является приказ Минюста РФ от 13.06.2007 № 123 «Об утверждении Наставления по связи в уголовно-исполнительной системе» [1].

Основу структуры УИС составляют исправительные учреждения и места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых. Содержащийся в этих учреждениях контингент и особые условия служебной деятельности сотрудников определяют необходимость обеспечения высокого уровня безопасности.

Для обеспечения эффективного функционирования, управления деятельностью и оперативного реагирования на нештатные ситуации в учреждениях УИС предусмотрена оперативно-диспетчерская и громкоговорящая связь. Средства связи в учреждениях УИС относятся к комплексу инженерно-технических средств охраны и надзора и обеспечивают установленный в учреждениях режим [2]. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 11.11.2023 № 3171-р, средства связи входят в Перечень технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений, и в Перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых в целях осуществления надзора в местах содержания под стражей [3].

Требования к оборудованию объектов УИС средствами связи, а также их функции изложены в Наставлении по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов УИС Минюста РФ [4], а порядок применения определен в Приказе Минюста России от 30.11.2023 № 359 [5].

В соответствии с указанными документами, система оперативно-диспетчерской связи в учреждениях УИС применяется для передачи информации посредством кабельной коммуникации или радиоволн [5] и обеспечивает прямую оперативную двустороннюю телефонную связь администрации учреждения, сотрудников караула и дежурной смены учреждения с постами и пунктами управления дежурной службы учреждения, точками прохода, а также связью с камерными помещениями [4]. Система громкоговорящей связи обеспечивает передачу звукового сигнала «Тревога», трансляцию распоряжений и объявлений в служебные помещения, на участки территории и по периметру объекта УИС.

Таким образом, требования к организации связи в УИС, перечень средств связи, порядок их применения и функции нормативно урегулированы на законодательном и ведомственном уровне, что определяет важность их в комплексной системе безопасности УИС и общества в целом.

Современный характер развития общества свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования технической оснащенности всех сфер деятельности. Эти тенденции характерны и для УИС. Концепцией развития УИС до 2030 года предусмотрено оснащение учреждений и органов УИС современными техническими средствами обеспечения безопасности [6].

Вопросам обеспечения связи на объектах УИС в последнее время посвящен ряд актуальных работ исследователей [7-10]. Авторы рассматривают современные цифровые технологии и сетевую инфраструктуру при организации связи в учреждениях УИС. Делается акцент на необходимость повышения эффективности управления коммутациями и информационной защищенности каналов связи. Рассматривая современные технологии, реализуемые в средствах связи, авторами предлагаются частные решения для определенных видов и задач передачи информации, в то время как в большей степени актуален комплексный подход к исследуемому вопросу. С этой целью предлагается рассмотреть комплексные решения по оборудованию учреждений УИС современными средствами связи и оповещения.

Комплексные решения объединяют разные виды связи на основе единой базовой системы коммутации, позволяя выполнять сразу несколько функций связи:

оперативно-диспетчерская и громкоговорящая связь;

административно-служебная абонентская связь;

двусторонняя переговорная связь;

конференцсвязь;

протоколирование передаваемых сообщений.

Кроме того, целесообразно, чтобы эти комплексные решения в сфере связи были реализованы в целом одним производителем. В этом случае упрощается процесс интеграции системы связи в общую техническую систему безопасности учреждения УИС.

В настоящее время одним из таких отечественных производителей является компания «Мультиком», выпускающая продукцию под названием «Максиком» [11].

По сведениям производителя, оборудование «Максиком» разработано с учетом реальных условий эксплуатации в УИС, архитектура системы связи реализована как единый информационный контур, реализующий алгоритмы управления на отечественном программном обеспечении [12].

В основе архитектуры лежит принцип децентрализованного управления при централизованном контроле. Центральный коммутационный узел представляет собой цифровую или гибридную автоматическую телефонную станцию «Максиком» и обеспечивает управление всеми потоками данных, распределяя приоритеты вызовов и обеспечивая запись передаваемой информации. При организации связи и оповещения учреждение делится на локальные зоны (периметр охраны, режимные корпуса, жилые и производственные участки, административный и дежурный блоки, комнаты переговоров и свиданий, карантинное отделение).

В каждой локальной зоне устанавливаются соответствующие устройства связи, например, в камерах – антивандальные переговорные устройства и домофоны «Максифон», а на постах дежурных – многофункциональные пульты управления связью.

Система связи «Максиком» обеспечивает интеграцию с остальными подсистемами безопасности учреждения [12]:

с видеонаблюдением – при нажатии кнопки вызова на переговорном устройстве в камерном помещении, на мониторе подсистемы охранного телевидения у дежурного сотрудника отображается изображение именно из этой камеры;

с подсистемой контроля и управления доступом – на контрольно-пропускном пункте и в коридорах блоков камерных помещений голосовое подтверждение личности может дополнять идентификацию личности, образуя двойной контур верификации;

с подсистемой громкоговорящей связи – обеспечивая трансляцию команд дежурного, как на все учреждение, так и на отдельные локальные зоны (например, только в одну камеру или один блок помещений).

Важным преимуществом технических решений компании «Мультиком» является гибкость компоновки оборудования «Максиком» – как для небольших следственных изоляторов и тюрем, так и для крупных исправительных колоний или мест содержания под стражей может быть сформирован в единую цифровую среду требуемый состав оборудования вплоть до разветвленных сетей на сотни и тысячи портов, объединяющего жилые и производственные зоны, режимные территории с разными условиями содержания, административные корпуса. Благодаря модульной структуре, модернизация системы не требует полной замены оборудования, достаточно установить необходимые платы расширения или новые оконечные устройства «Максифон» [12, 13].

Организация связи в режимных корпусах должна обеспечивать баланс между соблюдением прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных на вызов дежурного сотрудника и необходимостью жесткого контроля обстановки. Специализированный комплекс оборудования «Инспектор – Камерные помещения» превращает обычную переговорную линию в мощный инструмент мониторинга [12, 14]:

двусторонняя громкоговорящая связь – дежурный сотрудник может оперативно выйти на связь с любым камерным помещением. При этом ответ со стороны камеры может осуществляться без нажатия кнопки вызова, что важно в экстренных ситуациях;

экстренный вызов – осужденный может подать сигнал дежурному сотруднику нажатием одной кнопки, и на пульте инспектора сразу отображается номер камеры, а звуковой сигнал не позволит пропустить обращение;

скрытый мониторинг присутствия – система позволяет дежурному сотруднику в регламентном режиме прослушивать акустический фон в камере для контроля обстановки, не активируя звуковые сигналы внутри самого помещения.

Переговорные устройства и видеодомофоны «Максифон» созданы с учетом рисков умышленного повреждения:

оборудование имеет стальной корпус, обеспечивая невозможность вскрыть или повредить его без использования специальных инструментов;

утопленные кнопки и микрофоны исключают возможность зацепиться за элементы устройства или вырвать их. Микрофон и динамик защищены специальными решетками, устойчивыми к проколам;

при попытке обрыва линии или короткого замыкания система формирует оповещение на пульт дежурного сотрудника о потере связи с конкретной точкой, что предполагает защиту от

саботажа.

Оборудование «Инспектор – Камерные помещения» интегрировано с функциями командно-поисковой связи:

дежурный сотрудник может транслировать общие объявления или команды для всего режимного корпуса или отдельного этажа;

имеется возможность объединения нескольких постов инспекторов в единую сеть для координации действий во время проведения досмотров или при возникновении беспорядков, а также проведения селекторных совещаний.

Важным аспектом деятельности учреждений УИС является обеспечение связи между подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и внешним миром (родственниками, адвокатами, следователями и т.п.) при обеспечении контроля.

Организация переговорных процессов в учреждениях УИС требует создания защищенного канала, который гарантирует соблюдение регламента взаимодействия. Решения «Мультиком» позволяют автоматизировать этот процесс, снимая лишнюю нагрузку с сотрудников.

При организации каналов связи для свиданий в комнатах краткосрочных свиданий посетитель и подозреваемый, обвиняемый или осужденный разделены защитной перегородкой, это позволяет обеспечить [12, 14]:

изолированные каналы – исключается возможность перекрестных разговоров между соседними кабинками;

чистоту звука – несмотря на защитные стекла и шум в помещении, алгоритмы обработки звука в оборудовании формируют четкую слышимость, что снижает уровень нервозности и конфликтности во время переговоров.

В зонах свиданий обеспечивается возможность оперативного вмешательства и фиксации информации:

со своего пульта инспектор может прослушивать разговор в реальном времени;

все разговоры записываются в цифровом формате с привязкой к дате, времени и номеру кабины, что важно для предотвращения передачи оперативно значимой информации или угроз.

В случае нарушения регламента (использование шифров, нецензурная брань, попытки сговора) имеется возможность сделать предупреждение прямо в канал связи или разорвать соединение.

Работа с адвокатами требует особого подхода, где сталкиваются требования конфиденциальности и безопасности. Для этого в средствах связи «Максиком» применяются:

режим «Конфиденциально» – система позволяет настраивать каналы связи таким образом, чтобы запись разговора с защитником не велась, но при этом сохранялась возможность визуального контроля и экстренного прерывания сессии при необходимости,

универсальные терминалы – переговорные устройства в таких кабинах также выполнены в антивандальном стиле, что гарантирует их сохранность даже при работе со сложным контингентом.

Программное обеспечение «Максиком» позволяет формировать архивы записей с удобным поиском, что значительно упрощает работу оперативных подразделений при расследовании правонарушений.

В линейке оборудования «Максиком» оперативно-диспетчерская связь реализована как многоуровневый программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий оперативное принятие решений.

Рабочее место дежурного сотрудника УИС соответствует эргономическим требованиям и обеспечивает полный контроль. Пульт управления на рабочем месте обеспечивает:

прямую связь – клавиатуры пультов программируются таким образом, чтобы дежурный сотрудник мог вызвать любой пост, камеру или блок помещений нажатием одной кнопки;

индикацию состояний – световая и звуковая индикация на пульте позволяет сразу видеть, откуда идет вызов, где линия занята, а где произошло повреждение кабеля.

Возможность подключения гарнитуры позволяет сотруднику освободить руки для работы с документами или компьютером.

В случае чрезвычайного происшествия оборудование «Максиком» активирует протоколы приоритетности:

приоритетный вызов – экстренные сигналы из камерных помещений или с постов охраны обеспечивают при необходимости прерывание текущих административных разговоров для передачи важной информации;

групповое оповещение – одним нажатием дежурный сотрудник может транслировать команду на все посты учреждения или объявить тревогу в конкретном блоке помещений;

конференцсвязь – возможность быстро сформировать виртуальный штаб из руководителей подразделений, начальника караула и оперативных дежурных для координации действий в реальном времени.

координация сотрудников.

Помимо режимных задач, оборудование «Максиком» обеспечивает эффективную внутреннюю коммуникацию средствами административной связи [12, 13]:

связь сотрудников и подразделений охраны – быстрая связь между дежурной частью, контрольно-пропускным пунктом, караульным помещением и медицинским блоком;

защищенность каналов – внутренняя связь полностью изолирована от внешних сетей общего пользования, что исключает возможность перехвата служебной информации извне;

мобильность внутри объекта – интеграция с радиотелефонами позволяет сотрудникам оставаться на связи, даже находясь на территории.

Благодаря продуманной архитектуре пульта время реакции дежурного сотрудника на инцидент сокращается в среднем на 30–40%, что в условиях пенитенциарной системы является решающим фактором безопасности.

Внедрение комплексной инфраструктуры связи на базе решений «Максиком» и переход на современные стандарты позволяет автоматизировать процессы связи, что обеспечивает снижение нагрузки на сотрудников. Пульты быстрого доступа обеспечивают сотруднику экономию времени, позволяя сосредоточиться на визуальном контроле и анализе обстановки. Исключение человеческого фактора при регистрации звонков и автоматическое протоколирование событий снижают процент ошибок действий.

Таким образом, использование комплексных технических решений отечественного производителя на основе современных средств связи будет способствовать повышению безопасности учреждений УИС, оптимизации управления подразделениями, а также совершенствованию технического оснащения учреждений и органов УИС, предусмотренного Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.

Список литературы:

[1] Об утверждении Наставления по связи в уголовно-исполнительной системе : приказ Минюста России от 13.06.2007 № 123 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2026): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[3] Об утверждении Перечня технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений, Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых в целях осуществления надзора в местах содержания под стражей : распоряжение Правительства РФ от 11.11.2023 № 3171-р (ред. от 27.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 17.11.2023.

[4] Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы МЮ РФ : приказ Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях : приказ Минюста России от 30 ноября 2023 года № 359 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 01.12.2023. № 0001202312010016.

[6] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (дата обращения: 09.10.2026).

[7] Чепелев М.Ю. Организация оперативно-диспетчерской связи режимного корпуса следственного изолятора / М. Ю. Чепелев, А. В. Костянко, Р. Н. Андреев // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 28 мая 2015 года. Воронеж: ООО Издательство «Научная книга». 2015. С. 232-233.

[8] Савельев Т.Г. Организация современной телефонной связи в учреждении УИС с использованием облачных технологий / Т.Г. Савельев, С.В. Синегубова // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж. 17–18 мая 2023 года. Воронеж: ФКОУ Воронежский институт ФСИН России. Издательство «Строки». 2023. С. 250-253.

[9] Таланцев К.А. Реализация IP-телефонии в учреждениях ФСИН России / К. А. Таланцев, А. В. Паринов // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж. 18–19 мая 2022 года. Том 1. Иваново: ИПК «ПресСто». Воронежский институт ФСИН России. 2022. С. 103-105.

[10] Шибкова В.Ю. Обеспечение безопасности передачи информации по кабельным линиям связи / В.Ю. Шибкова, С.Ю. Кобзистый, А. С. Кольцов // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж. 18-19 мая 2022 года. Том 1. Иваново: ИПК «ПресСто»; Воронежский институт ФСИН России. 2022. С. 119-121.

[11] Официальный сайт российского разработчика и производителя систем связи «Максиком» // URL https://www.multicom.ru/ (дата обра-

щения: 09.10.2026).

[12] Новые стандарты безопасности и связи ГУФСИН // URL https://www.multicom.ru/news/sovremennyye-resheniya-dlya-gufsin-ot-kamer-do-komnat-peregovorov/#a1/ (дата обращения: 09.10.2026).

[13] Комплексная система связи для УФСИН // URL https://www.multicom.ru/kompleksnaya-sistema-svyazi-dlya-ufsin/ (дата обращения: 09.10.2026).

[14] Системы связи для учреждения уголовно-исполнительной системы: Инспектор-камеры, Посетитель-заключенный (комната свиданий) // URL https://www.multicom.ru/news/sistemy-svyazi-dlya-uchrezhdeniya-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy-inspektor-kamery-posetitel-zaklyuchennyj-komnata-svidanij/ (дата обращения: 09.10.2026).

References:

[1] On the approval of the Communication Manual in the penal system: order of the Ministry of Justice of Russia dated 13.06.2007 No. 123 // The document was not published. Access from «ConsultantPlus» legal system.

[2] Criminal Executive Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on 23.03.2026): adopted by the State Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.

[3] On approval of the List of technical means of supervision and control used by the administrations of correctional institutions, the List of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used to carry out supervision in places of detention: Order of the Government of the Russian Federation of 11.11.2023 No. 3171-r (ed. 27.11.2025) // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru. 17.11.2023.

[4] On the approval of the Manual on the equipment of engineering and technical means of protection and supervision of objects of the penal system of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of Russia of September 4, 2006 No. 279 (as amended by 17.06.2013) // The document was not published. Access from «ConsultantPlus» legal system.

[5] On approval of the Procedure for the use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control in pre-trial detention centers of the penal system and the Procedure for the use of technical means of supervision and control in correctional institutions: order of the Ministry of Justice of Russia dated November 30, 2023 No. 359 // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru. 01.12.2023. № 0001202312010016.

[6] On approval of the Concept of Development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-R. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (Accessed: 22.12.2025).

[7] Chepelev M.Yu. Organization of operational dispatch communications of the security corps of the pre-trial detention center/M. Yu. Chepelev, A.V. Kostyanko, R.N. Andreev // Actual problems of the activities of the UIS units: collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 28, 2015. - Voronezh: Publishing House Scientific Book LLC, 2015. pp. 232-233.

[8] Savelyev T.G., Sinegubova S.V. Organization of modern telephone communication in the institution of the penal system using cloud technologies // Technology and safety of objects of the penal system: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Voronezh. May 17-18, 2023. Voronezh: FKOU Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Publishing house "Lines." 2023. S. 250-253.

[9] Talantsev K.A., Parinov A.V. Implementation of IP-telephony in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Technology and safety of facilities of the penal system: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Voronezh. May 18-19, 2022. Volume 1. Ivanovo: IPK "Pressto." Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. S. 103-105.

[10] Shibkova V.Yu., Kobzisty S.Yu. and Koltsov A.S. Ensuring the safety of information transmission over cable communication lines // Technology and safety of facilities of the penitentiary system: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Voronezh. May 18-19, 2022. Volume 1. Ivanovo: IPK "Pressto"; Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. S. 119-121.

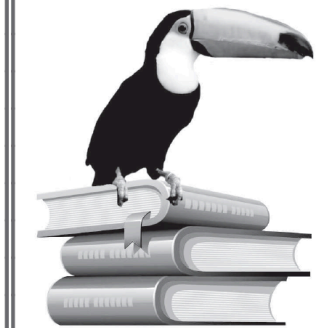
[11] Official website of the Russian developer and manufacturer of communication systems "Maksicom" // URL https://www.multicom.ru/ (Accessed: 09.10.2026).

[12] New security and communication standards for the GUFSIN // URL https://www.multicom.ru/news/sovremennyye-resheniya-dlya-gufsin-ot-kamer-do-komnat-peregovorov/#a1/ (Accessed: 09.10.2026).

[13] Integrated communication system for UFSIN // URL https://www.multicom.ru/kompleksnaya-sistema-svyazi-dlya-ufsin/ (Accessed: 09.10.2026).

[14] Communication systems for the institution of the penitentiary system: Inspector-cells, Visitor-prisoner (visiting room) // URL https://www.multicom.ru/news/sistemy-svyazi-dlya-uchrezhdeniya-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy-

inspektor-kamery-posetitel-zaklyuchennyj-komnata- svidanij/ (Accessed: 09.10.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-494-497
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ХАМЕТОВА Алиса Расимовна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, подполковник полиции, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: alisa.hametova@yandex.ru

ТАЛЫНЕВА Земфира Зинуровна,
доцент кафедры экономики и предпринимательства Института экономики, управления и бизнеса УУНИТ, к.ю.н., доцент, e-mail: Zemfira280966@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИЗВЛЕЧЕНИЕМ ТРУПА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В работе исследуются аспекты осмотра и эксгумации трупа. Акцент сделан на отсутствии в уголовно-процессуальном законе легальных дефиниций «эксгумация» и «место захоронения». С опорой на доктринальные источники и смежное законодательство доказывается, что эксгумация представляет собой извлечение тела из официального места погребения, тогда как извлечение из иных участков является частью осмотра места происшествия. Предложенные меры направлены на преодоление правовой неопределённости и снижение рисков признания доказательств недопустимыми вследствие ошибочного выбора следственного действия.*

Ключевые слова: *эксгумация, осмотр места происшествия, осмотр трупа, следственные действия, доказательства.*

Для цитирования: *Хаметова А. Р., Талынева З. З. К вопросу о следственных действиях, связанных с извлечением трупа в уголовном судопроизводстве // Право и управление. 2026. № 10. С. 494–497.*

KHAMETOVA Alisa Rasimovna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Police Lieutenant Colonel, Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

TALYNEVA Zemfira Zinurovna,
Associate Professor, Department of Economics and Entrepreneurship, Institute of Economics, Management and Business, UUNIT, Ph.D., Associate Professor

ON THE ISSUE OF INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO THE EXTRACTION OF A BODY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The paper examines the aspects of the examination and exhumation of a corpse. The focus is on the absence of legal definitions of "exhumation" and "burial site" in the criminal procedure law. Based on doctrinal sources and related legislation, it is proven that exhumation involves the removal of a body from an official burial site, whereas removal from other areas is part of the examination of the crime scene.*

The proposed measures are aimed at overcoming legal uncertainty and reducing the risks of evidence being declared inadmissible due to an erroneous choice of investigative action.

Key words: *exhumation, scene inspection, corpse examination, investigative actions, evidence.*

For citation: *Khametova A. R., Talyneva Z. Z. On the issue of investigative actions related to the extraction of a body in criminal proceedings. Law and administration. 2026;(10):494–497. (In Russ.).*

Осмотр трупа и эксгумация — следственные действия, затрагивающие одновременно публичные и частные интересы. Правила и порядок их производства объединены в одной статье Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) — статье 178. При детальном рассмотрении целей и задач каждого из этих действий по отдельности, подобное нормативное единство видится сомнительным.

Нормативную самостоятельность этих следственных действий подтверждает тот факт, что каждое из них может быть проведено вне зависимости от второго, в некоторых случаях они могут следовать одно за другим, при этом протокол составляется на каждое, а иных – совершенно вне зависимости друг от друга. Так, в случае обнаружения на месте происшествия трупа, производится его осмотр в соответствии с ч. 4 ст. 178 УПК РФ. Такой осмотр отнесен к следственным действиям, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Однако производство эксгумации невозможно до возбуждения уголовного дела, кроме того, для ее производства требуется постановление следователя (ч. 3 ст. 178 УПК РФ), а в случае возражений родственников — судебное решение.

В некоторых случаях производство эксгумации является необходимым способом получения и фиксации доказательств. При этом, существует множество факторов, которые лица, производящие расследование, должны учитывать при принятии решения об эксгумации: волеизъявление умершего, интересы родственников умершего и интересы лица, ответственного за место захоронения.

Обосновывая, самостоятельность каждого из приведённых следственных действий, раскроем их понятия и проведём границу между ними. Понятие «эксгумация» в УПК РФ отсутствует. Однако, в ч. 3 ст. 178 УПК РФ определено, что «при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации», таким образом, косвенно указывая, что эксгумация — это «извлечение трупа из места захоронения». Коллизия отсутствия трактовки понятия «место захоронения» в процессуальном законодательстве влечет за собой двойственность его трактовки. В.М. Быков указывает, что «эксгумация трупа — это самостоятельное следственное действие, заключающееся в извлечении трупа из места его официального захоронения в установленном уголовно-процессуальным законом порядке» [1, С. 1-9]. Аналогично отмечает и А.В. Гриненко: «эксгумация представляет собой извлечение трупа именно из места его официального захоронения» [2, С. 9]. Основываясь на этой позиции, можно констатировать, что извлечение трупа из земли не всегда является эксгумацией, в некоторых случаях больше применимы термин «изъятие», «обнаружение». Например, если труп временно сокрыт на территории лесного массива — преступник закопал его не на официальном кладбище, а в «тайной могиле», то эксгумация не производится. Возникает логичный вопрос «каким следственным действием извлечь труп из места сокрытия?».

Это разграничение имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от правильного выбора вида следственного действия зависит допустимость полученных доказательств. В этом случае, на практике производится осмотр места происшествия, в ходе которого происходит извлечение трупа из земли с фиксацией в протоколе, далее следует осмотр трупа. В обосновании позиции, возможности производства извлечения трупа в ходе осмотра места происшествия, раскроем цели и пределы осмотра места происшествия. Ряд авторов относят осмотр места происшествия к поисковым следственным действиям [3, С. 12-16]. Следует отметить, что осмотр места происшествия, в первую очередь направлен на то, чтобы изучить и зафиксировать обстановку, а также обнаружить и изъять то, что очевидно и напрямую связано с событием преступления. Следователь не ищет всё подряд, а целенаправленно обращает внимание на зоны и детали, которые по логике события могли что-то сохранить. Элемент поиска присутствует, но он подчинён задаче изучения обстановки, а не активному отысканию спрятанного. Ключевое отличие осмотра от обыска в том, что в ходе осмотра не допускается принудительный поиск: если в рамках осмотра что-то обнаруживается в доступном и открытом месте, такой осмотр законен. Применительно к обнаружению «закопанного» трупа это означает, что извлечение трупа из земли в ходе осмотра места происшествия не требует вынесения постановления об эксгумации и соблюдения процедур, предусмотренных ч. 3 ст. 178 УПК РФ, в случае если эта земля не является частной собственностью.

Таким образом, при обнаружении «закопан-

ного» преступником трупа в лесном массиве возможны следующие варианты проведения комплекса следственных действий:

Осмотр места происшествия, включающий извлечение трупа из земли, а затем осмотр трупа.

Осмотр места происшествия, с фиксацией места захоронения, в последующем эксгумация (с соблюдением всех процедур ч. 3 ст. 178 УПК РФ) и осмотр трупа.

Ключевой и спорный момент заключается именно в выборе между первым и вторым вариантом. Если труп закопан преступником, то личность потерпевшего может быть неизвестна [6], родственников может не быть. В этом случае производство эксгумации, а в последующем уведомление близких родственников (ч. 3 ст. 178 УПК РФ), постановление, обязательное для администрации места захоронения — оказывается невозможным или бессмысленным, а промедление, вызванное необходимостью установления и поиска указанных данных, может негативно отразиться на сохранности следов преступления.

Понятие «место захоронения» в уголовном процессе является доктринальной дискуссией, в связи с тем, что УПК РФ не определяет это понятие, не устанавливает и его признаков. Эта правовая неопределённость вынуждает обращаться к смежному законодательству и доктрине. Согласно ст. 4 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее — Закон о погребении и похоронном деле), места погребения — это отведённые в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами, стенами скорби, крематориями и иными зданиями для погребения. Исходя из данного определения, ключевая характеристика этих мест — официальный статус, что означает они специально отведены для погребения, зарегистрированы и обустроены по установленным правилам.

В доктринальном толковании также не сложилось единой позиции касательно понятия «место захоронения». Так, В.Л. Кудрявцев отмечает что «места захоронения характеризуются тем, что захоронения проводятся на специально отведённой территории и по специально установленным правилам, обрядам, то есть имеют статус официального» [5, С. 2-4]. В своем исследовании он подчёркивает, что применение процессуальных правил эксгумации к «криминальным могилам» приводит к нарушению уголовно-процессуального закона и должно влечь признание доказательства недопустимым.

Существует и противоположная позиция: А.А. Койсин указывает «закон регулирует случаи эксгумации ранее погребенного, похороненного трупа, т.е. извлечение трупа из места захоронения, вне зависимости от того, произведено ли захоронение трупа в соответствии с официально установленными правилами, или без соблюдения этих правил, в том числе и с целью сокрытия следов преступления» [4, С. 63-66].

Наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому эксгумация как самостоятельное следственное действие возможна исключительно в отношении официальных мест захоронения. При системном толковании ч. 3 ст. 178 УПК РФ и положений Закона о погребении и похоронном деле напрашивается вывод, что законодатель имел в виду именно официальные места захоронения [7, с.173], указав на «обязательность постановления для администрации места захоронения» (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). Правомерным представляется оформление подобного «извлечения» трупа протоколом осмотра места происшествия с подробным описанием хода и результатов этого следственного действия — это соответствует ч. 2 ст. 176 и ч. 4 ст. 178 УПК РФ, допускающим осмотр трупа до возбуждения уголовного дела. Эксгумация до возбуждения уголовного дела недопустима. В-третьих, при обнаружении «криминальной могилы» после возбуждения уголовного дела извлечение трупа также может быть оформлено протоколом осмотра места происшествия, что практически проще и допустимо, поскольку: 1) уведомление родственников (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) затруднено или невозможно — личность потерпевшего чаще неизвестна; 2) отсутствует администрация места захоронения, которой могло бы быть адресовано постановление.

Резюмируя изложенное следует подчеркнуть, что объединение осмотра трупа и эксгумации в одной статье УПК РФ создаёт иллюзию их процессуальной однородности, однако эти следственные действия различаются по целям, основаниям производства и процессуальному режиму. Осмотр трупа может производиться до возбуждения уголовного дела и не требует постановления, эксгумация — только после возбуждения дела, на основании постановления следователя и с уведомлением родственников. Видится справедливым их разделение в законе, выделив каждому следственному действию отдельную статью, раскрывающую основания и порядок, дополнив УПК РФ ст. 178.1

Кроме того, ключевая проблема — понятие «место захоронения» — требует законодательного разрешения. В связи с этим предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ определением эксгумации, чётко ограничив её извлечением тела из официального места захоронения. Это позволит разграничить две ситуации: когда извлечение является эксгумацией (при соблюдении условий официального захоронения в соответствии с Законом о погребении и похоронном деле) и когда труп дол-

жен быть извлечён в местах его сокрытия (свалки, парковые, лесные зоны и др.), где такое извлечение будет являться частью осмотра места происшествия. Подобное разграничение устранит правовую неопределённость и предотвратит риски признания доказательств недопустимыми из-за неверного выбора следственного действия.

Список литературы:

[1] Быков В.М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 1-9.

[2] Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. 5-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2026 . 46 с.

[3] Егоров Н.Н., Протасевич А.А. Процессуальные и криминалистические вопросы применения наглядно-образных способов фиксации доказательств // Российский следователь. 2024. № 5. С. 12 - 16.

[4] Койсин А.А. Эксгумация трупа – осмотр и выемка // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1(48). С. 63-66.

[5] Кудрявцев В.Л. Эксгумация: особенности принятия решения и тактики производства // Российский следователь. 2005. № 2. С. 2-4.

[6] Мухаметшин, Ф. Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 56-61. – EDN XAVKVW.

[7] Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций в 2-х частях / М. С. Шайхуллин, Б. З. Маликов, И. Р. Диваева [и др.]. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД РФ, 2023. – 320 с. – ISBN 978-5-7247-1162-3. – EDN OMCGBX.

References:

[1] Bykov V.M. Factual grounds for investigative actions under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2005. № 6. S. 1-9.

[2] A.V. Grinenko. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary: textbook. 5th ed. reworked. and add. M.: Prospect, 2026. 46 pp.

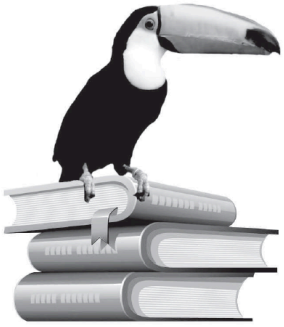
[3] Egorov N.N., Protasevich A.A. Procedural and forensic issues of using visual-figurative methods of fixing evidence // Russian investigator. 2024. № 5. S. 12-16.

[4] Koysin A.A. Exhumation of a corpse - inspection and excavation // Siberian Legal Bulletin. 2010. № 1(48). S. 63-66.

[5] Kudryavtsev V.L. Exhumation: features of decision-making and production tactics // Russian investigator. 2005. № 2. S. 2-4.

[6] Mukhametshin F. B. Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 56-61. – EDN XAVKVW.

[7] Criminal law. Special part: Course of lectures in 2 parts/M. S. Shaikhullin, B. Z. Malikov, I. R. Divaeva [and others]. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. - 320 p. - ISBN 978-5-7247-1162-3. – EDN OMCGBX.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-498-503
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ОСКОЛКОВ Александр Валерьевич,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России,
e-mail: sashuta.oskolkov.89@mail.ru

ТЕРЕНКОВ Игорь Евгеньевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Руза, Россия,
e-mail: terenkov72@bk.ru

ОПОЗНАНИЕ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы, связанные с процессуальным статусом иных участников уголовного судопроизводства в ходе проведения опознания живого лица. Отмечается, что независимо от формального статуса и конкретной следственной ситуации участнику следственного действия должны разъясняться, помимо его разового участия предусмотренных соответствующей правовой нормой УПК РФ, его процессуальные права, если это будет способствовать полноценной реализации права всех участников уголовного процесса. Помимо этого, автор акцентирует внимание на выявленные пробелы в уголовно-процессуальном праве и предлагает меры законодательного характера, направленные на их исправление, путем включения новой статьи в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.*

Ключевые слова: *опознание, опознающее лицо, опознаваемое лицо, другие лица, статист, участник следственных действий.*

Для цитирования: *Осколков А. В., Теренков И. Е. Опознание лица в уголовном процессе: некоторые аспекты правового статуса участвующих лиц // Право и управление. 2026. № 10. С. 498–503.*

OSKOLKOV Aleksandr Valeryevich,
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments Not Involving Isolation of Convicts from Society, Pskov Branch of the Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia

TERENKOV Igor Evgenyevich,
Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ruza, Russia

IDENTIFICATION OF A PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS: SOME ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS

Annotation. *The article analyzes the problems related to the procedural status of other participants in criminal proceedings during the identification of a living person. It is noted that, regardless of the formal status and the specific investigative situation, the participant in the investigative action should be informed not only about their one time participation as provided for by the relevant legal norm of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but also about their procedural rights — if this contributes to the full realization of the rights of all participants in the criminal process. In addition, the author highlights the identified gaps in the criminal procedure law and proposes legislative measures to address them by introducing a new article into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Key words: *identification; identifying person; identified person; other persons; stand in (statist); participant in investigative actions.*

For citation: *Oskolkov A. V., Terenkov I. E. Identification of a person in criminal proceedings: some aspects of the legal status of participants. Law and administration. 2026;(10):498–503. (In Russ.).*

1. Введение

Развитие юриспруденции является неотъемлемым фактором современной деятельности государства. Уголовный процесс и криминалистика как практико-ориентированные науки входят в вектор развития юридических дисциплин. Одним из качественных способов совершенствования юриспруденции является юридическая практика — деятельность компетентных субъектов по принятию (применению и толкованию) правовых норм, взятую в единстве с накопленным социально-правовым опытом. Иными словами, она помогает выявить пробелы правового регулирования, коллизии и иные дефекты права. Таким образом, совершенствование юридической практики важно для организации правовой жизни общества. Объектом нашего исследования является юридический статус участвующих лиц при опознании живого лица.

Круг участников следственных действий весьма разнообразен при расследовании уголовного дела. В учебной литературе таких лиц классифицируют по категориям участников. Одни выступают от имени государства, действуют в рамках предоставленных полномочий и направляют или непосредственно осуществляют следственное действие. Вторые привлекаются к участию в проводимых процессуальных действиях. Третьи — для оказания помощи первым в проведении следственных действий. Участие перечисленных категорий создаёт гарантии обеспечения прав заинтересованных и участвующих лиц.

Действующим законодательством — Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) во втором разделе определены участники уголовного судопроизводства. К ним относятся: суд (глава 5), участники со стороны обвинения (глава 6), участники со стороны защиты (глава 7) и иные участники (глава 8).

Таким образом, принимая во внимание особенности процессуального статуса участников процессуальных действий и их функциональное назначение, определим их в две большие группы. В первую группу входят должностные лица: дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор или государственный обвинитель, судья (должностные лица уголовного судопроизводства). Во вторую — лица, привлекаемые к участию в следственных действиях: потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, их представители, законные представители, свидетель, защитник, эксперт, специалист, переводчик и понятые. В соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ следователь, привлекая к участию в процессуальных действиях любое из указанных лиц второй группы, обязан удостовериться в личности участника, разъяснить задачи следственного действия, права участника и порядок его проведения. Наряду с этим, некоторые участвующие в следственных действиях лица, в зависимости от своего процессуального статуса, предупреждаются об ответственности по нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, потерпевший и свидетель предупреждаются по ст. 307 и 308 УК РФ, а эксперт и переводчик — только по ст. 307 УК РФ. Для удостоверения факта производства процессуального действия, его хода и результатов предусмотрено участие понятых. Их количество должно быть не менее двух. В особых случаях, а также в обстоятельствах, опасных для жизни и здоровья людей, такие следственные действия могут осуществляться и без них, но при обязательном применении технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то должностное лицо, проводящее его, делает в протоколе соответствующую запись.

Помимо указанных субъектов, в следственном действии могут принимать участие и другие лица, например: адвокаты, имеющие право оказывать юридическую помощь лицам, в помещении которых производится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК РФ), а также вызванным на допрос свидетелям (ч. 5 ст. 189 УПК РФ); представители админи-

страции организации, которые участвуют в следственном осмотре помещения, занимаемого этой организацией (ч. 6 ст. 177 УПК РФ); обыскиваемые, то есть субъекты, имеющие отношение к участку местности, помещению, сооружению или другим местам, где производится обыск; статисты, то есть лица, участвующие в предъявлении для опознания живых лиц в соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК РФ. В ч. 4 ст. 193 УПК РФ такие участники именуются «другими лицами», предъявляемыми совместно с опознаваемым.

При этом, например, в случае участия представителя администрации решение принимает должностное лицо, проводящее расследование: по мере необходимости оно самостоятельно определяет участие дополнительных лиц. В свою очередь, при опознании такого права в отношении статистов у должностного лица нет: закон прямо указывает на их участие в указанном мероприятии, иначе утрачивается смысл опознания — идентифицировать лицо среди внешне сходных субъектов.

Из перечисленных участников и других лиц уголовного судопроизводства настоящее исследование посвящено лицам, участвующим в следственном действии — предъявлении для опознания. В исследованиях других авторов для обозначения такого лица используется понятие «статист». Понятие статистов, как обязательного участника процессуального действия — предъявления для опознания, в Уголовно-процессуальном кодексе не закреплено.

2. Методы и принципы исследования

Наше исследование посвящено не разъяснению порядка проведения опознания, а правовой стороне участия в уголовном судопроизводстве лиц, внешне сходных с опознаваемым. Для устранения терминологической несогласованности уточним: в настоящей статье понятия «статист», «другое лицо» и «лицо, предъявляемое совместно с опознаваемым» (в редакции ч. 4 ст. 193 УПК РФ) употребляются как тождественные (далее по тексту для единообразия используется термин «предъявляемые лица» или «статист»). С этой целью рассмотрим соответствующую статью процессуального закона. При проведении опознания действующим законодательством предусмотрено обязательное участие не менее двух статистов, внешне сходных с опознаваемым лицом, чтобы общее количество предъявляемых лиц было не менее трёх. Следовательно, с юридической точки зрения, за ними закреплён статус «других лиц» (ч. 4 ст. 193 УПК РФ), однако далее по тексту они именуются статистами. Фактически сложилась ситуация, при которой законодатель, не упоминая статистов прямо и тем более не закрепляя их правового статуса, сделал их участие в отдельных следственных действиях обязательным. Данное обстоятельство вынуждает обращаться к судебной практике, где формулировка «статист» [1, с. 1] всё же встречается. Наиболее близкой к полноценной дефиниции следует признать позицию Верховного Суда СССР, который упоминал статистов как «лиц, привлечённых для опознания» [2, с. 21].

Опознание возможно не только на предварительном следствии, но и в суде. Основания проведения данного судебного действия закон не указывает, устанавливая лишь, что оно производится «в случае необходимости». Практическое участие статистов, как на предварительном расследовании, так и в судебном разбирательстве, сводится к выполнению одинаковой функции — обеспечению беспристрастности проведения процессуального действия. Роль статиста обусловлена его фактическим присутствием при опознании, проводимом соответствующим должностным лицом.

Тем не менее участие статистов в предъявлении для опознания человека создаёт множественность вариантов его проведения и тем самым создаёт условия для установления истины по уголовному делу. С этой целью лицо, внешне сходное с опознаваемым, с его согласия участвует в процессуальном действии, протокол которого относится к доказательствам, предусмотренным ст. 83 УПК РФ.

До начала рабочего этапа опознания следователь, определив и подобрав круг участников, разъясняет права и обязанности, а также сущность предстоящего мероприятия. Данное действие предусматривает и обязательное участие и иных лиц, например понятых. Статус понятых закреплён в ст. 60 УПК РФ. Понятым перед началом проведения опознания разъясняются права и обязанности, порядок проведения следственного действия и подачи заявлений, пояснений и т. п. Доведение данной информации подтверждается внесением в письменный протокол подписей этих лиц. Здесь необходимо отметить, что речь идёт не о подписании протокола в целом (хотя это предусмотрено после окончания составления документа), а о его обособленной части, которая, как правило, следует после указания о присутствии понятых и содержит их данные: фамилию, имя, отчество, место жительства и место нахождения. При этом перечисленным перечнем прав не обладает статист, процессуальный статус которого не регламентирован в УПК РФ. Следовательно, статист не является процессуальным участником в собственном смысле слова: его функции осуществляются эпизодически, и каких-либо специальных требований к нему не установлено [3, с. 29]. За исключением основного критерия — сходства с опознаваемым лицом. Такого подхода законодателя придерживаются М.В. Савельева и

А.Б. Смушкин, приводя расширительное толкование: «статисты» должны быть похожи на опознаваемое лицо по внешнему облику и голосу (его характеристикам) [4, с. 169].

Следуя позиции А.С. Князькова, следователю или дознавателю необходимо совершить следующие подготовительные действия:

осуществить подбор лиц для опознания, голоса которых наиболее сходны по звучанию (тембр, акцент и т. д.);

разъяснить опознающему целесообразность размеренного ответа на поставленные должностным лицом вопросы;

предупредить опознаваемых о производстве процедуры опознания без указания на её содержательную составляющую [5, С. 83].

Ключевым и определяющим последующие действия этапом является подбор требуемых лиц. Закон требует, чтобы статисты по своим внешним признакам, по возможности, были схожи с лицом, которое предъявляется для идентификационного следственного действия [6, С. 355]. В любом случае процедура предъявления для опознания должна соответствовать требованиям закона и проводиться с соблюдением прав и законных интересов участников процесса [7, с. 461].

3. Основные результаты

Говоря о статистах — лицах, внешне схожих с опознаваемым, — следует разграничить, с одной стороны, рекомендации криминалистической литературы, согласно которым лицо, проводящее опознание, только предупреждает опознаваемых о процедуре проведения опознания, а с другой — разъяснение прав и обязанностей остальным участникам уголовного судопроизводства, указанным во втором разделе Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации.

В упомянутом (втором) разделе статисты не упоминаются ни в одной отдельной статье процессуального закона. В поисках дефиниции обратимся к п. 58 ст. 5 УПК РФ: в нём участники уголовного судопроизводства определены как лица, принимающие участие в уголовном процессе. Кроме того, ч. 6 ст. 166 УПК РФ предусмотрено, что по окончании следственного действия всем участвовавшим в нём лицам для ознакомления предъявляется протокол. Следовательно, фактическое участие лиц, внешне схожих с опознаваемым лицом (статистов), закреплено не в отдельной статье закона, где, на наш взгляд, следовало бы применить аутентичное толкование данной категории участников процесса, а в иных положениях процессуального закона, так сказать, в отсылочной норме. Отметим также, что ч. 4 ст. 193 УПК РФ устанавливает лишь два критерия участия статистов — количественный (не менее двух) и качественный (внешнее сходство с опознаваемым), оставляя за рамками регулирования основания и порядок их привлечения, права, обязанности и гарантии. Именно этот пробел обусловливает необходимость отдельной нормы.

На практике поиск статистов зачастую осуществляют оперативные работники. При этом достаточно лишь согласие привлекаемых лиц на участие в процессуальном действии, а по окончании следственного действия — подпись в протоколе. При этом проблема ответственности статистов за неисполнение или ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей не урегулирована.

4. Обсуждение

В настоящем разделе мы не делаем акцент на ситуации, когда опознают самого статиста, и на возникающих в связи с этим правовых последствиях для него. Схожие ситуации встречаются и в практической деятельности; в рамках настоящей статьи они рассматриваются как один из аспектов, необходимых для внесения дополнений о статусе такого лица. В этой связи приходим к мнению о неурегулированности в действующем уголовно процессуальном законодательстве понятия и процессуального статуса статиста. Вполне закономерно данное обстоятельство на практике приводит к многочисленным проблемам и препятствиям в работе дознавателя, следователя и судьи.

5. Заключение

Выявленный пробел в процессуальном законодательстве, имеющий отношение к рассматриваемой категории лиц, на наш взгляд, необходимо устранить путём внесения дополнений в виде отдельной статьи в главу «Иные участники уголовного судопроизводства» УПК РФ. Дополнение в виде новой статьи позволит установить правовой (процессуальный) статус статиста и закрепить легальную дефиницию этого понятия. [8]

Место новой нормы в системе УПК РФ определяется функциональным признаком. Статист не является должностным лицом, наделённым государственно властными полномочиями (глава 5 УПК РФ), и не относится к сторонам обвинения или защиты (главы 6 и 7 УПК РФ): у него нет собственного процессуального интереса в исходе дела и он не представляет интересы других лиц. Статист привлекается эпизодически — только для обеспечения объективности предъявления для опознания. По этим признакам его положение ближе всего к статусу понятого (ст. 60 УПК РФ), который также включён в главу 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Поэтому новую статью логично разместить в главе 8 УПК РФ непосредственно после статьи 60 (например, в виде статьи 60.1 «Статист»). Такое размещение обеспечит статисту наименование и минимально необходимый объём прав и обязанностей без придания ему статуса стороны уголовного судо-

производства.

Предполагаемая структура новой статьи может выглядеть следующим образом:

часть первая — понятие статиста: лицо, внешне сходное с опознаваемым, привлекаемое по решению дознавателя, следователя или суда к участию в предъявлении для опознания;

часть вторая — основания и порядок привлечения: решение должностного лица, согласие привлекаемого лица, требования к внешнему сходству (рост, телосложение, черты лица, одежда), разъяснение прав и обязанностей;

часть третья — права статиста: знать цель и характер следственного действия; заявлять ходатайства и отводы; знакомиться с протоколом в части, касающейся его участия, и делать замечания; приносить жалобы; получать возмещение расходов, связанных с участием в следственном действии; отказаться от участия;

часть четвёртая — обязанности статиста: являться по вызову; выполнять законные требования должностного лица, проводящего следственное действие; не разглашать данные следственного действия (с отобранием подписки о неразглашении);

часть пятая — гарантии безопасности: распространение на статиста и его близких родственников мер безопасности, предусмотренных ч. 4 ст. 164 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ, а также Федеральным законом от 20.08.2004 № 119 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»;

часть шестая — последствия отказа от участия: отказ допускается до начала следственного действия и не влечёт процессуальной ответственности (в отличие от отказа свидетеля от дачи показаний); должностное лицо в этом случае подбирает других статистов. За разглашение данных следственного действия статист несёт ответственность по ст. 310 УК РФ — по аналогии с понятым.

В этой связи уместно упомянуть высказывание И.Б. Лапина и М.В. Андреевой о необходимости нормативного установления статуса статиста, причём «не пассивного, а активного содержания, ибо участвовать в уголовном производстве — значит проводить активные действия». [9, с. 129].

Считаем необходимым нормативно закрепить положения, касающиеся обеспечения мер безопасности не только статиста, но и его близких родственников, ведь согласно ч. 4 ст. 164 УПК РФ недопустимо создание условий, предполагающих опасность для жизни и здоровья участвующих в следственных действиях лиц. [10, с. 510]. (Ранее содержавшийся в этом абзаце перечень прав и обязанностей статистов перенесён в предлагаемую структуру новой статьи — см. выше.)

Своевременные дополнения позволят обеспечить защиту прав и законных интересов статистов, закрепят их процессуальное положение среди иных участников уголовного процесса, повысят качество расследования и, как следствие, сохранят доказательственную базу по уголовному делу.

Список литературы:

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 1958-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бирюкова Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 6. (дата обращения: 18.03.2026).

[2] Усанов И.В. О дублерах и статистах в следственном эксперименте // Российский следователь. – 2025. – № 1. – 10 с.

[3] Токаренко, Е. С. Особенности правового статуса участников следственного эксперимента / Е. С. Токаренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 4(54). – С. 27-30. – EDN RKFVYV.

[4] Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. Учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М. : Издательство Издательский дом «Дашков и К». 2009 г. – 608 с.

[5] Князьков А.С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1(1). – С. 81–86.

[6] Роганов, С. А. Предъявление для опознания: вопросы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации / С. А. Роганов // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2(80). – С. 348-361.

[7] Айвазян, К. А. Правовые особенности производства предъявления для опознания / К. А. Айвазян // Матрица научного познания. – 2023. – № 5-2. – С. 460-464.

[8] Беликова М.П., Комаров В.М. Правовое положение статистов как участников следственных действий. Всероссийская студенческая интернет-конференция «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики» Сибирского юридического университета. [Электронный ресурс]. // Омск. 2025. – Режим доступа: URL: https://conf.siblu.ru/pravovoe-polozhenie-statistov-kak-uchastnikov-sledstvennyh-deystviy. (дата обращения: 10.03.2026).

[9] Лапин И.Б., Андреева М.В. Назначение и особенности участия статиста в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (4). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-i-osobennosti-uchastiya-statista-v-ugolovnom-protsesse/viewer (дата обращения: 01.04.2026).

[10] Любайкина, М. В. Уголовно-процессуальное положение лица, выступающего в роли статиста при производстве следственных действий / М. В. Любайкина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5-2(45). – С. 507-510.

References:

[1] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.09.2020 No. 1958-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Borisovich Biryukov about violation of his constitutional rights by Articles 90 and 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2020. – № 6. (accessed on: 18.03.2026).

[2] Usanov I.V. About understudies and extras in the investigative experiment // Russian investigator. – 2025. – № 1. - 10 s.

[3] Tokarenko, E. S. Features of the legal status of the participants in the investigative experiment / E. S. Tokarenko // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4(54). - S. 27-30. – EDN RKFVYV.

[4] Savelyeva M.V., Smushkin A.B. Forensics. Textbook / M.V. Savelyeva, A.B. Smushkin. - M.: Publishing house Publishing house "Dashkov and K." 2009 - 608 p.

[5] Knyazkov A.S. Problematic issues of presentation for identification // Criminal justice. – 2013. – № 1(1). - S. 81-86.

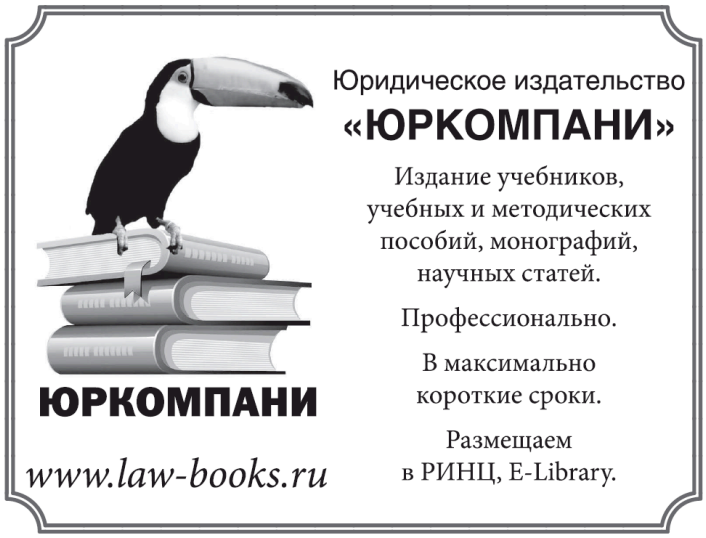
[6] Roganov, S. A. Presentation for identification: issues of improving criminal procedure regulation / S. A. Roganov // Leningrad Law Journal. – 2025. – № 2(80). - S. 348-361.

[7] Ayvazyan, K. A. Legal features of the production of presentation for identification / K. A. Ayvazyan // Matrix of scientific knowledge. – 2023. – № 5-2. - S. 460-464.

[8] Belikova M.P., Komarov V.M. The legal status of extras as participants in investigative actions. All-Russian student Internet conference "Actual problems of criminal proceedings and criminalistics" of the Siberian Law University. [Electronic resource] // Omsk. 2025. – Режим доступа: URL: https://conf.siblu.ru/pravovoe-polozhenie-statistov-kak-uchastnikov-sledstvennyh-deystviy. (accessed on: 10.03.2026).

[9] Lapin I.B., Andreeva M.V. Appointment and features of the participation of the extras in criminal proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – № 2 (4). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-i-osobennosti-uchastiya-statista-v-ugolovnom-protsesse/viewer (дата обращения: 01.04.2026).

[10] Lyubaykina, M.V. The criminal procedural situation of a person acting as an extras in the conduct of investigative actions / M.V. Lyubaykina // Skif. Student science issues. – 2020. – № 5-2(45). - S. 507-510.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-504-508
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

САФРОНОВ Владимир Павлович,
аспирант 3 курса, «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова», г. Казань,
e-mail: volodya.safronoff18@yandex.ru

ПОДХОДЫ АВТОРОВ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА»

Аннотация. *В статье исследуется эволюция концепции нематериальных благ в российской цивилистике. Анализируются ключевые подходы ведущих правоведов от дореволюционного периода до современности. Особое внимание уделяется вкладу Ю.С. Гамбарова, впервые систематизировавшего понятие «нематериальные блага», М.М. Агаркова, разработавшего теорию «личных благ» в советский период, и И.А. Покровского, синтезировавшего эти концепции. Рассматриваются современные интерпретации категории (Т.А. Фадеева, М.Н. Малеина, А.П. Сергеев) и инновационные подходы в цифровую эпоху (И.В. Овод, Е.В. Платов). Исследование демонстрирует, как классические принципы неотчуждаемости и абсолютной защиты нематериальных благ адаптируются к новым технологическим и социальным реалиям, сохраняя при этом свою фундаментальную правовую природу.*

Ключевые слова: *нематериальные блага, личные неимущественные права, гражданско-правовая защита, граждане, юридические лица, честь, достоинство, деловая репутация, цифровизация.*

Для цитирования: *Сафронов В. П. Подходы авторов к трактовке понятия «нематериальные блага» // Право и управление. 2026. № 10. С. 504–508.*

SAFRONOV Vladimir Pavlovich,
3rd-year PhD student Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov Kazan, Russia

AUTHORS' APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF "INTANGIBLE GOODS"

Annotation. *The article examines the evolution of the concept of intangible goods in Russian civil law scholarship. It analyses the key approaches of leading legal scholars from the pre-revolutionary period to the present day. Particular attention is paid to the contribution of Yu.S. Gambarov, who was the first to systematise the concept of "intangible goods"; M.M. Agarkov, who developed the theory of "personal goods" during the Soviet period; and I.A. Pokrovsky, who synthesised these concepts. Contemporary interpretations of the category (T.A. Fadeeva, M.N. Maleina, A.P. Sergeev) and innovative approaches in the digital era (I.V. Ovod, E.V. Platov) are considered. The study demonstrates how the classical principles of inalienability and absolute protection of intangible goods are being adapted to new technological and social realities while preserving their fundamental legal nature.*

Key words: *intangible goods, personal non-property rights, civil law protection, citizens, legal entities, honour, dignity, business reputation, digitalisation.*

For citation: *Safronov V. P. Authors' approaches to the interpretation of the concept of "intangible goods". Law and administration. 2026;(10):504–508. (In Russ.).*

В теории гражданского права понятие «нематериальные блага» является дискуссионным, что связано с их специфической природой и сложностью правового регулирования. Чтобы разобраться в понятии «нематериальные блага», сначала нужно понять, что вообще подразумевается под «благом» в гражданском праве. В гражданском праве «благо» – это ценностно значимый объект, по поводу которого возникают правоотношения. Нематериальные блага – это такие блага, которые не имеют экономического содержания, неотделимы от личности, но охраняются законом (честь, достоинство, неприкосновенность частной жизни и др.).

В конце XIX – начале XX века гражданское право России, как и в большинстве европейских стран, было сосредоточено на регулировании имущественных отношений. Личные неимущественные права (честь, достоинство, свобода, неприкосновенность частной жизни) либо игнорировались, либо рассматривались как второстепенные.

Ю.С. Гамбаров, опираясь на западноевропейскую доктрину (в частности, немецкую и французскую цивилистику), предложил расширить объекты гражданско-правовой защиты, включив в них не только материальные, но и духовные ценности личности [3, С.311]. В работе «Гражданское право. Общая часть» Ю.С. Гамбаров предложил классифицировать объекты гражданских прав, разделив их на материальные (вещи, имущество) и нематериальные – «все те блага, которые, не имея материального субстрата, охраняются правом». Ю.С. Гамбаров ввел термин «нематериальные блага», чтобы подчеркнуть ценность неимущественных аспектов человеческой жизни. Таким образом, Ю.С. Гамбаров впервые в российской юриспруденции системно выделил нематериальные блага как самостоятельную правовую категорию.

Ю.С. Гамбаров использовал этот термин, чтобы подчеркнуть ценность неимущественных аспектов жизни (в противовес доминировавшему имущественному подходу), обосновать необходимость их правовой защиты (даже если они не имеют экономической оценки), заложить основы для дальнейшего развития теории личных прав (что позже развивали М.М. Агарков, И.А. Покровский и другие цивилисты.

Хотя в советский период теория нематериальных благ была переосмыслена, многие идеи Ю.С. Гамбарова нашли отражение в современном законодательстве: ст. 150 ГК РФ («Нематериальные блага») прямо восходит к его классификации; защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) базируется на его подходе; компенсация морального вреда (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ) также развивает его идеи.

Некоторые современники Ю.С. Гамбарова считали, что включение нематериальных благ в гражданское право размывает его предмет, поскольку традиционно оно регулировало лишь имущественные отношения. Современная цивилистика продолжает развивать его идеи в контексте защиты личности.

Таким образом, Ю.С. Гамбаров стал первым российским цивилистом, системно обосновавшим понятие «нематериальные блага», что заложило фундамент для защиты неимущественных прав в России. Его идеи, хотя и разработанные более века назад, остаются актуальными и нашли отражение в современном Гражданском кодексе РФ.

М.М. Агарков, один из ведущих советских цивилистов, впервые в советской правовой доктрине ввел и обосновал категорию «личные блага», заложив основы их теоретического осмысления. Его подход отличался новаторством, поскольку в условиях социалистического права акцент традиционно делался на имущественных отношениях, а не на защите неимущественных ценностей личности [2, С.16].

М.М. Агарков рассматривал личные блага как неотъемлемые элементы правового статуса личности, не имеющие экономического содержания, но требующие гражданско-правовой защиты. К ним он относил физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье), духовные и нравственные ценности (честь, достоинство, имя) и индивидуальную свободу (неприкосновенность частной жизни). Эти блага, по его мнению, неотчуждаемы и непередаваемы, но могут нарушаться, что требует гражданско-правовых способов защиты (например, компенсация морального вреда, опровержение порочащих сведений).

М.М. Агарков опроверг распространенный тезис о том, что личные права значимы лишь постольку, поскольку связаны с имущественными интересами (например, умаление чести может повлиять на заработок). Он доказал, что личные блага имеют самостоятельную ценность, их защита должна обеспечиваться независимо от имущественных последствий. Данный подход стал основой для современного понимания нематериальных благ в российском гражданском праве.

Так, М.М. Агарков впервые в советской юридической науке системно обосновал автономность личных благ от имущественных отношений, что стало важным шагом к современному пониманию нематериальных благ. Его идеи, хотя и разработанные в условиях социалистического права, сохраняют актуальность и легли в основу ст. 150–152 ГК РФ.

Некоторые современники М.М. Агаркова считали его подход излишне «буржуазным», поскольку он акцентировал индивидуальные права

в ущерб коллективистской доктрине. Однако именно его идеи позволили советскому, а затем и российскому праву развить баланс между имущественными и личными неимущественными правами.

Таким образом, М.М. Агарков заложил теоретические основы защиты личных благ, которые остаются актуальными в современном гражданском праве. Его работы предвосхитили многие положения ГК РФ и способствовали признанию ценности нематериальных прав личности в юридической системе.

Позднее И.А. Покровский существенно развил идеи Ю.С. Гамбарова, соединив концепцию нематериальных благ с теорией личных благ, что оказало значительное влияние на современное понимание этого института [10, С.63].

В работе «Основные проблемы гражданского права» И.А. Покровский расширил перечень нематериальных благ, включив в него сугубо личностные элементы: право на индивидуальный облик, право на изображение, право на голос, интеллектуальную неприкосновенность и обосновал их специфическую природу: «Личные блага суть проявления человеческой личности в окружающем мире. Они не могут быть отчуждены, но могут ограничиваться договором».

Некоторые аспекты теории И.А. Покровского вызвали дискуссии в аспектах проблемы «коммерциализации» личных прав, границ договорного ограничения личных благ и соотношения личных и имущественных элементов в смешанных правах Данные вопросы продолжают разрабатываться в современной цивилистике.

Таким образом, И.А. Покровский совершил качественный прорыв в теории личных неимущественных прав, создав целостную концепцию, которая объединила достижения предшественников, расширила перечень охраняемых благ, дала глубокое теоретическое обоснование и заложила основы современного понимания института. Его идеи сохраняют актуальность в цифровую эпоху, когда вопросы защиты персональных проявлений личности приобретают новое звучание.

Особое внимание следует уделить исследованиям Т.А. Фадеевой, которая, анализируя категорию нематериальных благ, акцентируется на их дуалистической природе, сочетающей личный (неотчуждаемый) и социальный аспекты [12, С.49]. Т.А. Фадеева подчеркивает, что нематериальные блага – это не просто личные ценности, а объекты гражданско-правовой защиты, что сближает их с имущественными правами, несмотря на отсутствие материального выражения. Они формируют абсолютное правоотношение, где управомоченному лицу (носителю блага) противостоит неограниченный круг обязанных лиц (все третьи лица должны соблюдать эти блага).

Отсюда, Т.А. Фадеева рассматривает нематериальные блага не как статичную категорию, а как развивающийся институт, требующий адаптации к современным реалиям. Ее подход сочетает традиционные ценности (неотчуждаемость) с новыми тенденциями (цифровизация, коммерциализация отдельных аспектов).

М.Н. Малеина, один из ведущих российских специалистов в области личных неимущественных прав, предлагает комплексное и современное определение понятия «нематериальное благо», которое учитывает как традиционные подходы, так и новые тенденции в гражданском праве [6, С.57].

М.Н. Малеина определяет нематериальные блага как не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности блага, и свободы, признанные действующим законодательством, нарушение которых влечет применение мер правовой защиты. Определение М.Н. Малеиной считается наиболее удачным благодаря широкому охвату (от классических до цифровых благ), четкой юридической формулировке и практической применимости в судебной защите.

А.П. Сергеев, известный российский цивилист, рассматривает нематериальные блага как особую категорию объектов гражданских прав, неразрывно связанных с личностью и не имеющих имущественного содержания. Его подход отличается системностью и акцентом на их гражданско-правовую защиту [11, С.249].

А.П. Сергеев определяет нематериальные блага как «принадлежащие личности от рождения или в силу закона неотчуждаемые и непередаваемые блага, не имеющие экономического содержания, но охраняемые гражданским законодательством».

Так, А.П. Сергеев дает четкое и традиционное определение нематериальных благ, делая акцент на их неотчуждаемости и гражданско-правовой защите. Его концепция легла в основу ст. 150–152 ГК РФ и остается важной для понимания этого института в российской цивилистике.

И.В. Овод в своих работах предлагает оригинальную трактовку категории нематериальных благ, акцентируя внимание на их функциональном назначении в системе гражданского права [7, С.40].

И.В. Овод определяет нематериальные блага как «объективно существующие социальные ценности, не имеющие материального воплощения, но обладающие свойством удовлетворять духовные и физические потребности личности, защищаемые правом в силу их значимости для человеческого бытия».

Теория И.В. Овода представляет собой социологизированный подход к пониманию нематериальных благ, сочетающий традиционные циви-

листические конструкции, современные социально-правовые концепции и функциональный анализ правовой защиты.

Е.В. Платов в своих исследованиях предлагает инновационный подход к пониманию нематериальных благ, акцентируя внимание на их системной взаимосвязи с цифровой средой и новыми технологическими реалиями [9, С.190].

Е.В. Платов рассматривает нематериальные блага как «динамичную систему цифровых и традиционных личностных ценностей, имеющих виртуально-материальную природу и подлежащих комплексной правовой охране в условиях цифровой трансформации общества».

Теория Е.В. Платова представляет собой футуристический подход к пониманию нематериальных благ, который интегрирует традиционные ценности с цифровыми реалиями, предлагает новые парадигмы правовой защиты и формирует методологическую основу.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что нематериальные блага является институтом, сочетающим традиционные ценности с новыми вызовами. Их понимание эволюционирует, но основные признаки – неимущественный характер, неотчуждаемость и абсолютная защита – сохраняются.

В современной юридической науке нематериальные блага понимаются как неимущественные объекты гражданских прав, не имеющие экономического содержания, неотделимые от личности и охраняемые государством. Данное определение закреплено в ст. 150 Гражданского кодекса РФ, но его трактовка продолжает развиваться под влиянием новых социальных и технологических реалий [1]. Согласно ГК РФ, нематериальные блага – это «неотчуждаемые и непередаваемые иным способом блага и свободы, принадлежащие человеку от рождения или в силу закона, защищаемые в случаях и порядке, предусмотренных законодательством». Отсюда, современное понимание нематериальных благ сохраняет классические элементы (жизнь, честь, достоинство) и расширяется за счет цифровых и биоэтических благ.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. / Ю.С. Агарков. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

[3] Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. / Ю.С. Гамбаров. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 720 с.

[4] Гражданское прав: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. - М.: МЗ-Пресс, 2020. – 389 с.

[5] Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав. / М.Н. Малеина // Государство и право. – 2014. – № 7. – С. 45-70.

[6] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – 2-е изд. / М.Н. Малеина. – М.: МЗ-Пресс, 2021. – 244 с.

[7] Овод И. В. Нематериальные блага / И.В. Овод, А.С. Садырова. // Colloquium-journal. – 2021. – № 35(122). – С. 37-43.

[8] Овод И.В. Нематериальные блага в системе объектов гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. / И.В. Овод. – М.: МЗ-Пресс, 2023. – 210 с.

[9] Платов Е.В. К вопросу о понятии и признаках коррупции право и государство. / Е.В. Платов // Теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 189-191.

[10] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. / И.А. Покровский. – Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. – 314 с.

[11] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. / А.П. Сергеев. – М.: Проспект, 2020. – 784 с.

[12] Фадеева Т.А. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. / Т.А. Фадеева. – М.: Юристъ, 2022. – 320 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 24.02.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law / Yu.S. Agarkov. - M.: Jurid. Publishing House of the NKYU USSR, 1940. - 192 s.

[3] Gambarov Y.S. Civil Law. General part / Yu.S. Gambarov. - M.: Ed. Br. Bashmakovs, 1911. - 720 s.

[4] Civil rights: textbook: in 3 vols. T. 1 / ed. A.P. Sergeeva. - M.: MZ-Press, 2020. - 389 p.

[5] Maleina M.N. The concept and types of intangible goods as objects of personal non-property rights / M.N. Maleina // State and law. – 2014. – № 7. - S. 45-70.

[6] Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. - 2nd ed / M.N. Maleina. - M.: MZ-Press, 2021. - 244 s.

[7] Gadfly I.V. Intangible benefits / I.V. Gadfly, A.S. Sadyrova // Colloquium-journal. – 2021. – № 35(122). - S. 37-43.

[8] Gadfly I.V. Intangible benefits in the system of civil rights objects: dis.... cand. jurid. Sciences / I.V. Gadfly. - M.: MZ-Press, 2023. - 210 s.

[9] Platov E.V. On the question of the concept and signs of corruption, law and the state / E.V. Platov // Theory and practice. – 2020. – № 3 (183). - S. 189-191.

[10] Pokrovsky I.A. The main problems of civil law / I.A. Pokrovsky. - Petrograd: Ed. jurid. Prince warehouse "Right," 1917. - 314 p.

[11] Sergeev A.P. Intellectual Property Law in the Russian Federation / A.P. Sergeev. - M.: Prospect, 2020. - 784 s.

[12] T.A. Fadeeva. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection / T.A. Fadeeva. - M.: Lawyer, 2022. - 320 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-509-513
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СЕРГИЕНКО Александр Сергеевич,
начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, кандидат психологических наук,
e-mail: Al.s.krsk@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за правонарушения в сфере экономики. Анализируются критерии дифференциации, коллизии норм КоАП РФ и УК РФ, а также влияние новейших законодательных изменений на правоприменительную практику.*

Ключевые слова: *административная ответственность, уголовная ответственность, экономические правонарушения, разграничение, общественная опасность, декриминализация, коллизия, квалификация, преюдиция, правонарушение.*

Для цитирования: *Сергиенко А. С. Проблемы разграничения административной ответственности и уголовной ответственности за экономические правонарушения // Право и управление. 2026. № 10. С. 509–513.*

SERGIENKO Alexander Sergeevich,
Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN ADMINISTRATIVE LIABILITY AND CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC OFFENSES

Annotation. *The article examines the theoretical and practical problems of distinguishing between administrative and criminal liability for offenses in the economic sphere. The criteria for differentiation, conflicts between the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the impact of the latest legislative changes on law enforcement practice, are analyzed.*

Key words: *administrative liability, criminal liability, economic offenses, differentiation, public danger, decriminalization, conflict, qualification, prejudice, offense.*

For citation: *Sergienko A. S. Problems of distinguishing between administrative liability and criminal liability for economic offenses. Law and administration. 2026;(10):509–513. (In Russ.).*

В отечественной юридической науке вопрос о том, где проходит граница между административной и уголовной ответственностью за экономические правонарушения, уже много лет остаётся предметом оживлённых споров. Экономические отношения – это сложная многоуровневая система, и провести чёткую черту между проступком и преступлением в этой сфере далеко не всегда удаётся. В литературе не раз подчёркивалось: условность таких границ порождает целый ряд проблем, которые снижают эффективность правоприменения. Конституция РФ (ч. 1 ст. 50) закрепляет принцип, запрещающий повторное осуждение за одно и то же преступление. Из него вытекает требование к законодателю: критерии отнесения деяния к административному

правонарушению или преступлению должны быть чёткими. На деле же правоприменитель нередко оказывается в ситуации, когда одни и те же экономические действия можно квалифицировать и по КоАП РФ, и по УК РФ. Это создаёт почву для коррупции и правовой неопределённости. В предлагаемой статье указанная проблематика рассматривается с учётом последних законодательных изменений и складывающейся судебной практики.

Центральным вопросом теории административного и уголовного права является определение критериев, позволяющих отграничить экономическое правонарушение от экономического преступления. Традиционно в качестве основного критерия рассматривается общественная опасность деяния, характер и степень которой, как предполагается, качественно различаются у проступков и преступлений. Согласно одной из распространенных позиций, экономические административные правонарушения отличаются от преступлений не только степенью исходящей от них опасности, но и качественно иным ее содержанием. Это означает, что простое увеличение количественных показателей (например, размера ущерба) не может автоматически трансформировать административное правонарушение в преступление; требуется изменение самого характера общественной опасности. Однако на практике законодатель нередко использует именно количественные пороги (крупный размер, крупный ущерб, доход) в качестве основного разграничительного признака, что порождает серьезные трудности [2]. В правоприменительной деятельности правоохранительных органов достаточно часто возникают сложности в отграничении преступлений экономической направленности не только от административных правонарушений, но и от гражданско-правовых деликтов. Как отмечается в научной литературе, причиненный ущерб выступает главным основанием отграничения преступления от гражданско-правового деликта [6]. При этом проблема усугубляется наличием в уголовном законодательстве так называемых «мертвых» норм – составов, которые фактически не применяются на практике в силу сложности доказывания или неопределенности оценочных признаков. Это создает ситуацию, когда формально деяние является уголовно наказуемым, однако правоприменитель предпочитает квалифицировать его по нормам КоАП РФ, что размывает границы между административной и уголовной ответственностью.

Другой аспект проблемы связан с конкуренцией норм КоАП РФ и УК РФ. Введение в Кодекс об административных правонарушениях новых составов, одноименных или пограничных с преступлениями, лишь обостряет ситуацию. Как отмечает Р. А. Карташов, противоречия, связанные с конкуренцией норм и субъективным толкованием оценочных признаков квалификации, «не только не устранены, но и обострены введением в КоАП РФ новых пограничных (иногда одноименных) с преступлениями составов административных правонарушений. Это усиливает коррупциогенность ситуации, поскольку расширяются возможности необоснованного неприменения уголовной ответственности, скрытого официальным фактом административного наказания деяния с расплывчатыми оценочными признаками квалификации» [3]. При всей универсальности данной проблемы соотношения УК РФ и КоАП РФ сказанное в большей мере относится именно к правонарушениям экономического характера. Особенно остро эта проблема проявляется в таких сферах, как незаконное предпринимательство, банкротство, налоговые правонарушения и антимонопольное регулирование.

Показательным примером эволюции подходов к разграничению является институт административной преюдиции. Суть его заключается в том, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение экономического преступления только при условии, что ранее оно уже подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние и находится в состоянии административной наказанности. Введение административной преюдиции рассматривается как инструмент декриминализации, позволяющий смягчить уголовную репрессию в отношении предпринимателей, совершивших незначительные нарушения. Однако применение этого института порождает новые вопросы: насколько обоснованно автоматическое «превращение» административного правонарушения в преступление исключительно в силу повторности, и не нарушает ли это принцип справедливости и соразмерности наказания? В научной среде сформировались две принципиально разные позиции. В научной среде сложились две противоположные позиции относительно административной преюдиции. Одни исследователи видят в ней инструмент декриминализации экономических преступлений, позволяющий перенести ряд составов в КоАП РФ. По их мнению, сам подход к оценке этого института требует пересмотра: от карательной направленности следует перейти к декриминализирующей. Другие категорически возражают: административная преюдиция не может служить способом декриминализации в принципе. Единственным основанием для декриминализации они считают степень общественной опасности деяния. Статистика показывает, что с 2011 года, когда административная преюдиция появилась в УК РФ, и до декабря 2023 года в кодекс было включено 32 таких состава [4]. Это говорит о том, что механизм

востребован, но вместе с тем требует критического анализа.

Определённый отпечаток на проблему разграничения наложили и законодательные новеллы 2024 года. Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ была проведена частичная декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности. В частности, повышены пороги крупного и особо крупного размеров ущерба, дохода и задолженности: крупный размер увеличен с 2,25 млн. до 3,5 млн. рублей, а особо крупный – до 30,5 млн. рублей. Кроме того, из ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) исключен такой обязательный признак состава, как извлечение дохода в крупном размере, а из ч. 2 – квалифицирующий признак, связанный с извлечением дохода в особо крупном размере [1]. Согласно разъяснениям Генеральной прокуратуры, декриминализована незаконная предпринимательская деятельность, сопряженная с извлечением крупного и особо крупного дохода, в случае если таким деянием не причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Теперь при современной редакции ст. 171 УК РФ, вне зависимости от суммы, полученной в результате незаконного предпринимательства, состава преступления не будет – ответственность возможна только по ст. 14.1 КоАП РФ, максимальное наказание по которой составляет 8 тыс. руб. для физического лица, 10 тыс. руб. для должностных лиц и двести тыс. руб. для юридических лиц. С одной стороны, это снижает избыточное уголовно-правовое воздействие на предпринимателей, что соответствует тенденции гуманизации экономического уголовного законодательства. С другой стороны, возникают обоснованные сомнения в эффективности столь мягкой административной санкции для предотвращения незаконной предпринимательской деятельности, особенно когда речь идет о систематических нарушениях. Как отмечается в научной литературе, занятие предпринимательской деятельностью с нарушением разрешительного порядка фактически становится безнаказанным, вряд ли незаконных предпринимателей остановит административный штраф в размере (по основному составу) в 2 тыс. руб. Примечательно, что на протяжении пяти последних лет процент осуждения за незаконное предпринимательство был относительно стабилен и крайне незначителен, что свидетельствует об отсутствии излишней репрессивности на практике. Таким образом, причины исключения признака дохода в крупном размере остаются неясными, поскольку в пояснительной записке к законопроекту никаких комментариев по этому поводу не приводится.

Отдельного внимания заслуживает проблема разграничения налоговых правонарушений и налоговых преступлений. Налоговые правонарушения и налоговые преступления имеют разную правовую природу, что обусловлено различием в характере и степени их общественной опасности. При этом органы внутренних дел не наделены функциями налогового контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности, что создает дополнительные сложности при выявлении и квалификации соответствующих деяний. Существенной проблемой правоприменительной практики является также определение критериев, позволяющих отграничить разовые сделки гражданско-правового характера от систематической предпринимательской деятельности, требующей государственной регистрации. Согласно разъяснениям Федеральной налоговой службы России, признаками предпринимательской деятельности являются: систематичность получения доходов, направленность деятельности на систематическое получение прибыли, наличие устойчивых связей с контрагентами, учет проведенных операций, приобретение материалов и оборудования для осуществления деятельности. Представляется, что для квалификации деятельности как предпринимательской необходимо наличие совокупности указанных признаков, а не одного из них, что далеко не всегда обеспечивается на практике.

Проблема усугубляется и отсутствием единых методологических подходов к определению общественной опасности экономических правонарушений. Ряд исследователей констатирует, что общественная опасность не может быть эффективным и надежным критерием разграничения административного правонарушения и преступления [5]. На примере запретов, содержащихся в УК РФ и КоАП РФ, показано, что ни содержательные характеристики общественной опасности, ни ее характер и степень не в состоянии предопределить качественные характеристики совершаемого деяния и на этой основе провести четкое разделение преступлений и административных проступков. В условиях нестабильности и несформированности официальных экономических правоотношений «неадекватное признание того или иного деликта как общественно опасного» становится закономерным следствием. Поиск критерия разграничения преступления и правонарушения не сводится только к материальной структуре – общественной опасности; доктринальный подход указывает на то, что грани различия находятся не в области материального права, а за его пределами и могут быть объяснены лишь содержанием правовой политики, проводимой в государстве. Уголовное право выполняет в первую очередь охранительную функцию и не может объявлять преступлением деяние, не противоречащее Конституции РФ и разрешен-

ное нормами иных отраслей права (гражданского, налогового, финансового). Однако на практике противоправное поведение в экономической деятельности настолько тесно переплетается с правомерным, что разграничить гражданско-правовые деликты, административные правонарушения и преступления зачастую оказывается крайне сложно, особенно на стадии возбуждения уголовного дела. Это создает почву для субъективизма правоприменителя, что, в свою очередь, подрывает принцип правовой определенности и равенства всех перед законом.

Необходимость разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений обусловлена также требованиями Конституции Российской Федерации о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (часть 1 статьи 50). В целях реализации данного принципа пунктом 7 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ предусмотрено, что производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий постановления о возбуждении уголовного дела. Это означает, что при наличии признаков преступления, предусмотренного, например, статьей 171.4 УК РФ, административное производство по статье 14.17.1 КоАП РФ должно быть прекращено. Однако на практике своевременно распознать эти признаки и правильно квалифицировать деяние непросто. Правоприменителю требуются не только глубокие знания административного и уголовного законодательства, но и чёткие, непротиворечивые критерии разграничения. Сегодня таких критериев нет.

Система санкций, закреплённая в КоАП РФ и УК РФ, также не отличается согласованностью. Выбор оптимальных мер государственного принуждения вызывает затруднения. Прямой преемственности между административными правонарушениями и соответствующими уголовными составами не существует, в частности в сфере защиты добросовестной конкуренции. Это создаёт дополнительные сложности при квалификации. Диспозиции «экономических» норм УК и КоАП РФ плохо согласуются с регулятивными нормами, которые они обеспечивают. В итоге правоприменитель при толковании вынужден обращаться к нормативным правовым актам иного уровня. Это порождает неопределённость и противоречивую практику. В конечном счете, это подрывает эффективность как административно-правового, так и уголовно-правового воздействия на экономические отношения, создавая условия для ухода недобросовестных участников рынка от ответственности.

Следует отметить и то, что часть экономических преступлений с повышенной общественной опасностью изменения 2024 года не затронули вовсе – например, незаконная игорная деятельность осталась в периметре уголовной ответственности без корректировки порогов. Это свидетельствует о выборочном, а не системном подходе законодателя к декриминализации, что также затрудняет формирование единых критериев разграничения административной и уголовной ответственности. Дифференцированный подход к различным составам экономических преступлений, хотя и может быть обоснован различиями в их общественной опасности, тем не менее, требует четкой методологической базы, которая в настоящее время отсутствует.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности за экономические правонарушения остается одной из наиболее сложных и актуальных в современном праве. Административная преюдиция, призванная служить декриминализации, на практике требует осторожного обращения. Автоматическое её применение нередко ведёт к необоснованному ужесточению ответственности за деяния, которые по характеру общественной опасности не отличаются от административных проступков. Изменения 2024 года, продолжившие курс на декриминализацию экономических преступлений, поставили перед правоприменителем новые вопросы – насколько административные санкции соразмерны характеру и степени общественной опасности деяний. Решение этих проблем видится в разработке более чётких и содержательных критериев разграничения. Они должны основываться не только на количественных, но и на качественных характеристиках общественной опасности экономических правонарушений. Не менее важно и обеспечение системного единства норм административного и уголовного законодательства.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 N 79-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/(дата обращения: 15.09.2026).

[2] Энциклопедия решений. Соотношение административной и уголовной ответственности (сентябрь 2026). URL: https://base.garant.ru/58076589/(дата обращения: 15.09.2026).

[3] Карташов Р.А. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере экономики // Московский юридический журнал. – 2022. – № 7. URL: https://www.lawmgoujournal.ru/jour/article/view/597

(дата обращения: 15.09.2026).

[4] Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии: монография / М. А. Лапина, Ю. В. Трунцевский, Г. Ф. Ручкина [и др.]. – Москва : Юстиция, 2016. – 222 с.

[5] Берестнев А.И. Основания соотношения экономического преступления с административным правонарушением // Юридические науки. – С. 3-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sootnosheniya-ekonomicheskogo-prestupleniya-s-administrativnym pravonarusheniem (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Полунина, Е. Н. Значение размера ущерба на стадии возбуждения уголовного дела о краже / Е. Н. Полунина, А. М. Хавдок // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 115-117. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-5-115-117. – EDN EUNWXY.

References:

[1] Federal Law No. 79 FZ dated April 6, 2024, “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” (latest version), April 6, 2024, No. 79 FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/ (accessed: September 15, 2026).

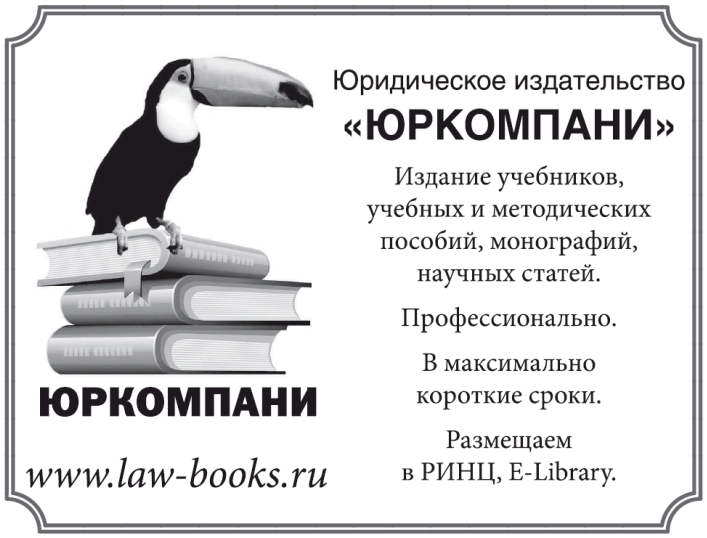
[2] Decision Encyclopedia. The relationship between administrative and criminal liability (September 2026). URL: https://base.garant.ru/58076589/(accessed: 15.09.2026).

[3] Kartashov R.A. On the issue of the relationship between criminal and administrative liability for offenses in the economic sphere // Moscow Law Journal. – 2022. – No. 7. URL: https://www.lawmgoujournal.ru/jour/article/view/597 (date of reference: 09/15/2026).

[4] Decriminalization of crimes in the sphere of economic activity: administrative prejudice in action: a monograph / M. A. Lapina, Yu.V. Truntsevsky, G. F. Ruchkina [et al.]. – Moscow : Justice, 2016. – 222 p .

[5] Berestnev A.I. The grounds for the correlation of economic crime with an administrative offense // Legal sciences. – pp. 3-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sootnosheniya-ekonomicheskogo-prestupleniya-s-administrativnym pravonarusheniem (date of appeal: 09/15/2026).

[6] Polunina, E. N. The value of the amount of damage at the stage of initiation of a criminal case of theft / E. N. Polunina, A.M. Havdok // Law and Law. – 2021. – No. 5. – pp. 115-117. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-5-115-117. – EDN EUNWXY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-514-524
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Ответственный секретарь Комиссии по юридической науке АЮР,
e-mail: natalli_an@mail.ru

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: report.izak@yandex.ru

БУЙ Данг Хьеу,
доктор юридических наук, доцент, старший советник Юридического факультета Nguyen Tat Thanh University (Ho Chi Minh City, Vietnam), лектор гражданского права,
e-mail: bdhieu@ntt.edu.vn

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДОСТУПНОСТИ В РОССИИ И ВЬЕТНАМЕ И ПРАВОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. *В статье предпринят сравнительно-правовой анализ конституционных основ в области обеспечения продовольственной доступности в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам. Отмечается, что отсутствие в текстах конституций обеих стран самостоятельного права на достаточное питание не свидетельствует о недостаточности его правовой регламентации, поскольку механизм реализации данного права не отличается от механизма реализации иных социально-экономических прав.*

Авторами был сделан вывод о сходстве правового регулирования вопросов обеспечения продовольственной доступности в странах, а также предложены перспективные направления развития законодательств, в числе которых заключение специализированного соглашения о продовольственной безопасности между странами, гармонизация фитосанитарных норм и формирование совместных резервных фондов.

Ключевые слова: *право на питание, продовольственная безопасность, продовольственная доступность, Российская Федерация (Россия), Социалистическая Республика Вьетнам (Вьетнам), социальное обеспечение, адресные меры социальной защиты, социальный контракт, двустороннее сотрудничество, гармонизация законодательства.*

Для цитирования: *Антонова Н. В., Басангов Д. А., Буй Д. Х. Конституционные основы продовольственной доступности в России и Вьетнаме и правовые горизонты двустороннего сотрудничества // Право и управление. 2026. № 10. С. 514–524.*

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,
Candidate of Law, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Executive Secretary, Commission on Legal Science, Russian Academy of Law

BASANGOV Denis Anatolyevich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

BUI Dang Hieu,
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Advisor, Faculty of Law, Nguyen Tat Thanh University, Ho Chi Minh City, Vietnam

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF FOOD ACCESSIBILITY IN RUSSIA AND VIETNAM AND LEGAL HORIZONS OF BILATERAL COOPERATION

Annotation. *The article provides a comparative legal analysis of the constitutional foundations in the field of ensuring food accessibility in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. It is noted that the absence of a separate right to adequate food in the texts of the constitutions of both countries does not indicate the insufficiency of its legal regulation, since the mechanism for implementing this right is no different from the mechanism for implementing other socio-economic rights.*

The authors concluded that there are similarities in the legal regulation of issues related to ensuring food accessibility in different countries, and they also proposed promising directions for the development of legislation, including the conclusion of a specialized agreement on food security between countries, the harmonization of phytosanitary standards, and the formation of joint reserve funds.

Key words: *right to food, food security, food accessibility, Russian Federation (Russia), Socialist Republic of Vietnam (Vietnam), social security, targeted social protection measures, social contract, bilateral cooperation, harmonization of legislation.*

For citation: *Antonova N. V., Basangov D. A., Bui D. H. Constitutional foundations of food accessibility in Russia and Vietnam and legal horizons of bilateral cooperation. Law and administration. 2026;(10):514–524. (In Russ.).*

Обеспечение населения качественными и доступными продуктами питания давно перестало быть исключительно экономической задачей. В современной повестке оно рассматривается как один из ключевых индикаторов социальной устойчивости и фактор, влияющий на внутриполитическую стабильность. Мировое сообщество, закрепив в Целях устойчивого развития ООН задачу ликвидации голода и улучшения питания, признало необходимость системных правовых и организационных мер для достижения продовольственной безопасности [16]. В этом контексте особый интерес представляет сравнительный анализ конституционно-правовых подходов двух государств – Российской Федерации (далее – Россия) и Социалистической Республики Вьетнам (далее – Вьетнам), которые, несмотря на различия в историческом развитии и правовых традициях, демонстрируют сходные приоритеты в социальной сфере [4; 5; 6; 7; 8].

Россия за последние годы существенно укрепила свои позиции в аграрном секторе, став ведущим мировым экспортером пшеницы и достигнув показателей самообеспечения по основным продовольственным группам, предусмотренных Доктриной продовольственной безопасности [18; 27; 28; 38]. Вместе с тем текущая экономическая конъюнктура, санкционные ограничения и логистические сложности порождают новые риски, требующие адекватного правового реагирования. Не менее актуальны эти вопросы и для Вьетнама как государства с быстро растущим населением и высокими темпами урбанизации, где проблема физической и ценовой доступности продовольствия стоит особенно остро в удаленных и горных районах [16].

Обращение к конституционному измерению проблемы не случайно. Именно в основных законах закрепляются базовые обязательства государства перед обществом, определяются пределы вмешательства в экономические отношения и устанавливаются гарантии для наиболее уязвимых категорий населения. Конституция Российской Федерации 1993 г. с поправками 2020 года (далее – Конституция России) и Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. (далее – Конституция Вьетнама), при всем их различии, не содержат прямого упоминания о праве

на питание как самостоятельном субъективном праве. Однако это не означает, что в государствах отсутствуют правовые механизмы его защиты. Как справедливо отмечается в документах Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в обеих странах соответствующие гарантии выводятся из совокупности конституционных норм об охране здоровья, социальной защите и социальном обеспечении, а также принципов социального государства [34].

Отметим, что Россия и Вьетнам являются стратегическими партнерами в рамках Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом, которое действует с 2016 г. (далее – Соглашение о свободной торговле 2015 г.) [39]. Благодаря этому документу Россия для Вьетнама является одним из ключевых поставщиков продовольствия. В частности, экспортируются продукция сельского хозяйства и пищевой промышленности (злаки, мясо, рыба, готовые пищевые продукты). В январе 2025 года между странами был подписан Комплексный план по развитию российско-вьетнамского сотрудничества до 2030 г. [40]. Он включает конкретные шаги по увеличению числа совместных проектов и базовые решения по поддержке взаимных контактов в 13 ключевых отраслях экономики, включая агропромышленный комплекс, в особенности по линии взаимных поставок сельхозпродукции и ее продвижения на внутренних рынках [37]. В 2026 году были также достигнуты договоренности о том, что в обеих странах будут создавать благоприятные условия для деятельности инвесторов, реализующих свои проекты в области промышленности и сельского хозяйства на территории Вьетнама и России [38]. Перечисленное подчеркивает значимость научных исследований в области продовольственной доступности.

Для определения перспективных направлений двустороннего сотрудничества России и Вьетнама по вопросам продовольственной доступности предлагается рассмотреть действующие в странах конституционные модели по ее обеспечению, провести их сравнительный анализ, выявить правовые горизонты для объединения усилий стран и обозначить перспективные направления совершенствования законодательств.

1. Конституционные модели обеспечения продовольственной доступности.

1.1. Российская конституционная модель: позитивные обязательства социального государства.

Конституция России не содержит отдельной статьи, посвященной праву на питание. Однако этот пробел восполняется за счет системного толкования ряда норм, прежде всего, статьи 7. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (Постановление № 3-П 1995 г., Постановление № 11-П 2008 г., Определение № 128-О-О 2010 г. и др.), неоднократно подчеркивал, что из содержания данной статьи вытекают позитивные обязанности государства по установлению минимальных социальных стандартов, включая гарантии в сфере питания [30; 31; 32].

Важным этапом развития конституционного регулирования стали поправки 2020 года, когда пункт «д» части 1 статьи 72 Основного закона отнес правовое регулирование сельского хозяйства к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Как обоснованно указывают Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, это решение восстанавливает историческую преемственность, поскольку аналогичные нормы присутствовали в советских конституциях 1936 и 1977 годов [26]. Новая часть 7 статьи 75 также закрепила обязательства по адресной социальной поддержке и индексации социальных выплат, что напрямую касается обеспечения питанием малоимущих слоев населения [5; 6; 13; 14; 15; 21].

Отметим, что Доктрина продовольственной безопасности России, утвержденная Указом Президента РФ от 21 января 2020 года № 20, определяет продовольственную безопасность как состояние экономики, при котором гарантируются физическая и экономическая доступность для каждого гражданина пищевой продукции в объемах не ниже рациональных норм [28]. Данный документ закрепляет принципы государственного мониторинга, адресности помощи и обеспечения качества продуктов, что служит ориентиром для текущего законодательства и правоприменительной практики.

На уровне федерального закона механизмы предоставления продовольственной помощи регламентируются Федеральным законом от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который допускает выдачу натуральных продуктовых наборов малоимущим гражданам, включая семьи с детьми. При исчислении прожиточного минимума учитываются расходы на питание, что придает конституционным гарантиям реальное экономическое содержание и служит базой для расчета социальных выплат [2; 20; 33]. Судебная практика, в том числе решения Конституционного Суда РФ, подтверждает, что необоснованное занижение или отказ в предоставлении продовольственной помощи могут быть обжалованы как нарушение конституционного права на социальное обеспечение [33].

Вопросы продовольственной доступности и продовольственной безопасности в России также регламентированы Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»,

в который в 2023 г. были внесены важные дополнения: закреплено право потребителей на информацию о составе, пищевой ценности и происхождении продуктов, а также на возмещение вреда от недоброкачественной продукции.

1.2. Вьетнамская конституционная модель: производный характер права на питание.

Конституция Вьетнама, как и российский Основной закон, не содержит отдельной нормы о праве на достаточное питание. Гарантии доступа к продовольствию, как и в России, выводятся из комплекса конституционных положений, касающихся охраны здоровья, права на социальную защиту и социальное обеспечение [34]. Такая конструкция придает праву на питание производный характер, следовательно, и здесь его реализация осуществляется через другие субъективные права.

Отметим, что специальным актом в данной сфере является Закон № 55/2010/QH12 о безопасности пищевых продуктов, вступивший в силу 1 июля 2011 г. [35]. Он устанавливает требования к производству, хранению, транспортировке и реализации продуктов, а также определяет полномочия государственных органов по контролю (надзору). Вместе с тем безопасность продуктов и их доступность не совпадающие категории: первая касается особых свойств потребления, вторая – ценовых, территориальных и ассортиментных факторов [35].

Правительственная Резолюция Вьетнама № 63/NQ-CP о национальной продовольственной безопасности с 2009 г. стала важным этапом в формировании государственной политики Вьетнама не только в сфере продовольственной безопасности, но и продовольственной доступности, поскольку она провозгласила достижение триединой задачи: обеспечение достаточного продовольственного предложения, удовлетворение потребностей в питании и обеспечение доступа населения к продовольствию [36].

Исторически вьетнамская модель была ориентирована на самообеспечение рисом, что обусловило преобладание натуральной помощи в действующей системе мер социальной защиты (поддержки) населения [16]. Однако такая помощь не всегда покрывает реальные потребности в белках, витаминах и микроэлементах и не обладает достаточной адресностью [16]. Даже в благополучных провинциях (например, Бакзянг) законодательство предусматривает выдачу риса в размере 15 кг на человека в месяц (не более трех месяцев) только некоторым категориям нуждающихся граждан. Размер помощи не всегда учитывает возрастные, физиологические и региональные особенности.

Несмотря на то, что Резолюция № 63/NQ-CP заложила основы продовольственной безопасности и доступности, в 2020 году было утверждено Постановление № 81-KL/TW «Об обеспечении национальной продовольственной безопасности к 2030 году», а в 2021 г. – Постановление № 34/NQ-CP с аналогичными целями [34]. Этими документами удалось закрепить переход от приоритета количественного обеспечения продовольствием к приоритетам качества питания, его безопасности и доступности.

1.3. Сравнительный анализ конституционных моделей обеспечения продовольственной доступности России и Вьетнама.

Сопоставление двух конституционных моделей позволяет выявить их глубинные сходства. Общим является отсутствие прямого текстуального закрепления права на питание. Однако в странах это компенсируется большим количеством отраслевых законов и подзаконного регулирования, что в совокупности формирует достаточную правовую регламентацию, не смотря на отсутствие единого концептуального стержня.

В обоих случаях государство принимает на себя патерналистские обязательства по обеспечению базовых продовольственных потребностей населения, использует схожие инструменты: адресные социальные выплаты и натуральная помощь, субсидирование производителей, регулирование цен на социально значимые продукты [1; 16; 19]. Это создает благоприятные условия для правовой конвергенции и взаимного обмена опытом в рамках двустороннего сотрудничества

2. Правовые горизонты для объединения усилий стран и перспективные направления совершенствования законодательств.

2.1. Институциональные механизмы обеспечения продовольственной доступности в странах:

развитие и укрепление двусторонней договорной базы в сельском, рыбном и лесном хозяйстве. Основу современного взаимодействия составляют Договор об основах дружественных отношений 1994 г. (ратифицирован в 1995 г.), совместные заявления об углублении стратегического партнерства 2024-2026 гг., а также Совместная декларация об основных направлениях российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе от 10 мая 2025 г. [41]. В этих документах стороны подтвердили намерение расширять сотрудничество в перечисленных областях продовольственной доступности, увеличивать взаимные поставки и создавать совместные предприятия.

Ключевым инструментом экономической интеграции является Соглашение о свободной торговле 2015 г., которое является первым договором о свободной торговле, заключенным ЕАЭС с третьей страной [16; 34]. Вьетнам обязался отменить пошлины на значительную часть товарных позиций немедленно, а также в течение

переходного периода. Для сельскохозяйственных товаров ставки существенно снижены. В результате был открыт доступ на вьетнамский рынок для российской говядины, свинины, птицы, молочной продукции, растительных масел и кормов [45; 47; 48].

В рыбной отрасли также действует Соглашение 1994 г., в рамках которого функционирует Смешанная Российско-Вьетнамская комиссия по сотрудничеству в области рыбного хозяйства [48; 49]. Она координирует научные исследования, техническое сотрудничество, развитие аквакультуры и создание совместных предприятий. В октябре 2025 г. был также подписан меморандум между ВАРПЭ и VASEP, нацеленный на упрощение торговых процедур, повышение качества и контроля продукции [42; 43; 44; 45].

Двусторонняя торговля продуктами питания и сельхозсырьем демонстрирует уверенный рост. Согласно данным Главного таможенного управления Вьетнама, общий товарооборот в 2024 г. достиг 4,6 млрд долларов, увеличившись на 26 % [47; 48; 49]. Товарооборот сельхозпродукции превысил 1 млрд долларов, показав прирост почти на 40 %. За январь-май 2025 года российский экспорт продовольствия во Вьетнам составил более 150 млн долларов, что на 27 % выше аналогичного периода предыдущего года [47; 48; 49]. За первые семь месяцев 2025 года этот показатель превысил 200 млн долларов, рост – 30 % [47; 48; 49].

Основными драйверами можно считать мясную продукцию, пшеницу и детское питание. Поставки свинины за январь-июль 2025 года выросли на 84 % в денежном выражении, экспорт пшеницы превысил 89 тыс. тонн, детского питания – на 17 % [42; 43; 44; 45]. По прогнозам экспертов, экспорт сельхозпродукции из РФ во Вьетнам к 2030 году может вырасти в четыре раза [40; 49].

инвестиционное сотрудничество как проводник правовых стандартов. Наиболее значимым инвестиционным проектом является деятельность вьетнамского концерна TH Group в России. Это первая азиатская компания, реализующая в России масштабные проекты в молочном животноводстве одновременно в нескольких регионах [49]. Общий объем заявленных инвестиций – 2,7 млрд долларов [49]. Ключевые объекты: молочный проект на Дальнем Востоке (стоимость 5200 млрд донгов, ферма на 6000 дойных коров, завод 250 т/сутки) [48; 49], комплекс в Приморском крае (19 млрд рублей, 12 тыс. голов) [49], завод в Калужской области (20,5 млрд рублей) [41, 42], совместное предприятие с РФПИ (633 млн долларов) [49]. TH Group планирует расширение в Московской, Тюменской областях и Башкирии [40; 48; 49].

Эти проекты имеют двойной эффект: для России – развитие импортозамещения и создание новых мощностей, для Вьетнама – выход на российский рынок и использование сырьевой базы. Инвестиции служат каналом распространения правовых стандартов: российские технические регламенты применяются к продукции, поставляемой во Вьетнам, что способствует унификации требований.

всестороннее научно-техническое сотрудничество. Активно развивается взаимодействие между ВНИРО и вьетнамскими научными центрами [16]. В 2022 г. обсуждались перспективы возобновления совместных исследований, а в октябре 2025 г. состоялась встреча на Рыбопромышленном форуме [48; 49]. Вьетнам рассматривается как один из приоритетных партнеров России в рыбохозяйственной сфере [48]. Направления сотрудничества включают совместные научные работы, развитие аквакультуры, обмен технологиями и создание совместных предприятий.

Важно подчеркнуть, что 2026 год был объявлен Годом российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и образования, что создает прочный фундамент долгосрочного сотрудничества между странами, взаимного интереса, доверия и обогащения опытом по широкому перечню направлений, включая продовольственную доступность [46].

2.2. Перспективные направления совершенствования законодательств стран в области продовольственной доступности:

развитие внутригосударственных систем адресных мер социальной защиты (поддержки), что позволило бы выявлять граждан, действительно нуждающихся в социальной помощи (малоимущих, включая малоимущие семьи с детьми), а также создавать условия повышенной социальной защищенности в отношении лиц, подлежащих особой защите со стороны государства, – дети, пожилые, инвалиды, этнические меньшинства и жители горных районов, и др. [2; 5; 6; 9; 25] В данном случае определяющее значение имеют вопросы объективной дифференциации в праве на отдельные блага и гарантии такой помощи, которые бы учитывали широкий перечень факторов – возрастные, физиологические, территориальные и др.

преодоление «цифрового неравенства» в ходе процедуры реализации права на обеспечение продуктами питания, а также непрерывный поиск баланс между экономической доступностью продовольствия и обязательными требованиями к его безопасности и качеству. Переход к электронным формам назначения и предоставления социальной помощи, хотя и повышает эффективность, создает риск исключения граждан, не владеющих цифровыми технологиями. В России, по оценкам, определенная доля пожилых и мало-

имущих семей не имеют доступа к интернету [21; 22]. Во Вьетнаме в сельских и горных районах этот показатель может быть значительно выше. Географическая изоляция, плохая транспортная доступность и сезонность усугубляют проблему. Таким образом, сохранение традиционных (офлайн) каналов получения продовольственной помощи является не просто организационной мерой, а конституционно значимой гарантией, вытекающей из принципов социального государства и недискриминации.

развитие институтов продовольственного донорства и благотворительности. Использование безопасных пищевых излишков для помощи нуждающимся – одно из перспективных направлений, но в обеих странах оно сталкивается с правовыми препятствиями. Во Вьетнаме отсутствует специальный закон, которым были бы регламентированы требования к срокам и условиям передачи продуктов питания, бизнес опасается гражданской и уголовной ответственности [16]. Аналогичная ситуация характерна и для России, где на сегодняшний день предпринимаются отдельные региональные инициативы [19; 27]. Представляется целесообразной разработка модельного закона о продовольственном донорстве и благотворительности, который бы закрепил порядок взаимодействия государства, бизнеса, некоммерческих организаций и отдельных граждан (благотворителей) в области продовольственной доступности.

3. Перспективы развития двустороннего сотрудничества.

Следует отметить, что действующая договорная основа между Россией и Вьетнамом, включая вопросы продовольственной доступности, хотя и обширна, однако не охватывает всех аспектов. Целесообразно заключение специализированного двустороннего соглашения, которое бы закрепило общие принципы и механизмы обмена информацией, порядок действий в кризисных ситуациях и принципы взаимных поставок [47]. Необходимо усилить роль Межправительственной комиссии, создав рабочие группы по мониторингу торговых барьеров и выработке совместных программ [19; 21].

Приоритетным направлением двустороннего сотрудничества также выступает взаимное признание ветеринарных и фитосанитарных сертификатов, гармонизация требований к качеству, электронной сертификации и разрешению споров. Не менее актуальным представляется создание совместных резервов продовольствия: Вьетнам подвержен тайфунам и наводнениям, Россия – засухам и паводкам. Формирование резервных фондов и координация действий при чрезвычайных ситуациях позволят смягчить последствия природных катаклизмов [47].

Развитие расчетов в национальных валютах, создание совместных инвестиционных фондов и механизмов страхования торговых рисков – не менее перспективные направления для двустороннего сотрудничества. На основе сравнительного анализа можно выработать рекомендации по совершенствованию систем социальной защиты населения. России полезен опыт Вьетнама в области натуральной помощи, Вьетнаму – российский опыт социального контракта и цифровизации [3; 10; 11; 12; 22; 23; 24; 25; 29]. Отдельного внимания заслуживают вопросы закрепления минимальных стандартов продовольственной помощи, школьного питания, индексации и экстренного снабжения.

В заключение отметим, что правовое сотрудничество России и Вьетнама в сфере продовольственной доступности – это не только инструмент защиты национальных интересов, но и важный элемент интеграционного взаимодействия на пространстве ЕАЭС и АСЕАН. В нем пересекаются социальные, технические и торговые регламенты, формируя новую правовую реальность, основанную на взаимном учете интересов и постепенной гармонизации [17, с. 272-305]. Именно комплексный, междисциплинарный подход, сочетающий конституционно-правовой анализ с международно-правовым измерением, позволит совершенствовать правовой инструментарий для дальнейшего расширения двусторонних связей и совершенствования законодательств стран.

Список литературы:

[1] Аверьянова Н. Н. «Продовольственная безопасность»: проблемы правовой институционализации // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 22-24. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-8-22-24. – EDN FANVOI.

[2] Антонова Н. В. Социальные выплаты в РФ: о социальных стандартах качества жизни / Н. В. Антонова // Актуальные вопросы права и управления: Материалы I Международной научно-практической конференции, Москва, 16 апреля 2021 года. – Москва: Государственный университет управления, 2021. – С. 9-10. – EDN UBNXHS.

[3] Антонова Н. В. Цифровая среда и социально-трудовые отношения: актуальные направления развития российского законодательства // Правовое поведение: классические и современные модели: Сборник научных трудов / Московский городской педагогический университет. – Москва: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 137-142. – EDN WOZOCZ.

[4] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Новая реальность социального обеспечения: актуальные направления реализации двухмерной стратегии МОТ // Образование и право. – 2025. – № 10. – С. 94-102. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-10-94-102. – EDN TGHYYO.

[5] Антонова Н.В., Басангов Д.А. Меры социальной защиты в Российской Федерации: приоритет двухмерной стратегии МОТ? // Юридическое образование - путь к успеху: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического факультета Московского гуманитарного университета, Москва, 13 ноября 2025 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2025. – С. 99-106. – EDN TCGKNY.

[6] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Меры социальной защиты: всеобщность и (или) адресность? // Международный научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 60-67. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-11-60-67. – EDN SRXADH.

[7] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Цифровизация современной культуры правотворчества: сравнительно-правовой анализ опыта Российской Федерации и социалистической Республики Вьетнам // Образование и право. – 2026. – № 6. – С. 529-539. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-6-529-539. – EDN YJNWHY.

[8] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Хьеу Б.Д. Трансформация культуры правотворчества в России и Вьетнаме: взаимодействие правовых традиций и цифровых технологий // Российский научный вестник. – 2026. – № 6. – С. 128-138. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-6-128-138. – EDN VTRVWZ.

[9] Басангов Д. А. Комментарий к Федеральному закону от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»: (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 266-ФЗ): (постатейный) / Д. А. Басангов ; Д. А. Басангов ; отв. ред. Л. В. Андриченко. – Москва: Юстицинформ, 2007. – 176 с. – (Комментарий специалиста). – ISBN 978-5-7205-0867-8. – EDN QXKZWD.

[10] Басангов Д. А. Риски реализации прав человека в условиях развития цифровых технологий // Формы и методы публичного управления: сборник статей: в 2 томах. Том 1. – Москва: ООО "Издательский дом "Юриспруденция", 2026. – С. 107-113. – EDN HIAHSC.

[11] Басангов Д.А. Развитие высоких технологий в соотношении с обеспечением конституционных прав личности // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 20-24. – EDN SBOGLF.

[12] Басангов, Д. А. Законы и иные нормативные правовые акты в сфере регулирования миграционных отношений / Д. А. Басангов // Академический юридический журнал. – 2008. – № 3(33). – С. 12-17. – EDN JSHMPD.

[13] Галаганов В.П., Антонова Н.В. Право социального обеспечения: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2021. – 612 с. – (Среднее профессиональное образование). – ISBN 978-5-406-08028-3. – EDN LSRWQG.

[14] Кичигин Н. В., Никонов Р.В. Подходы к правовому регулированию климатических прав и обязанностей в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20, № 5. – С. 115-127. – DOI 10.61205/S199132220031574-7. – EDN CYOCMS.

[15] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : С обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2021. – 368 с. – ISBN 978-5-16-017252-1. – EDN OIPPUN.

[16] Нгуен Д., Глебова А.Г. Продовольственная безопасность Вьетнама: законодательство, критерии, современное состояние // Вьетнамские исследования. - 2026. - Т. 10. - № 1. - С. 45-60. doi: 10.54631/VS.2026.101688582..

[17] Международное право и культурное многообразие: монография / отв. ред. А. Я. Капустин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2027 – 328 с. – DOI 10.12737/2267118.

[18] Минина Е.Л., Кичигин Н.В., Помазанский А.Е., Зырянов С.М., Авхадеев В.Р. Законодательство в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения. В кн.: Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – 8-е издание переработанное и дополненное. – Москва: Норма, 2024. – 656 с. – ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ. – С. 599-617.

[19] Никишкин, В. В. Влияние санкций на российский рынок продуктов питания / В. В. Никишкин, Т. Н. Самарина // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 393-396. – EDN JIYHJE.

[20] Правовая политика государства в сфере общественного здоровья / Н. В. Путило, Н. В. Антонова, Н. С. Волкова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 224 с. – ISBN 978-5-392-38170-8. – EDN YXSJCI.

[21] Путило Н.В. Социальные права в постиндустриальном обществе / Н. В. Путило. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. – 120 с. – ISBN 978-5-392-34562-5. – EDN ICBDTM.

[22] Степанов О.А., Басангов Д.А. Цифровая

трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50-58. – DOI 10.52433/01316761_2023_07_50. – EDN HPKNVY.

[23] Степанов О.А., Басангов Д.А. О правовой регламентации цифрового контроля жизнедеятельности личности // Российская юстиция. – 2026. – № 5. – С. 69-80. – DOI 10.52433/01316761_2026_05_69. – EDN PRRNOZ.

[24] Степанов О. А., Басангов Д. А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействии коррупции // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 49-54. – DOI 10.17816/RJLS430140. – EDN ULVODG.

[25] Усова О.А., Грищук В.А. Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 18-23. – EDN NXTUSG.

[26] Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2020. – 240 с. – ISBN 978-5-00156-090-6. – EDN ANUONY.

[27] Шагайда Н.И., Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А. Оценка состояния продовольственной безопасности Российской Федерации / Шагайда Н. И., Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А. Институт прикладных экономических исследований РАНХ и ГС. – М.: Изд-во, 2020. – 108 с. - EDN UVTTWN.

[28] Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

[29] Putilo N.V., Volkova N.V., Antonova N.V. Robotization in the area of labor and employment: On the verge of the fourth industrial revolution // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 60-75. – DOI 10.1007/978-3-030-39319-9_7. – EDN QKKVQO.

[30] Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой».

[31] Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 128-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шипковой Марины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым части первой статьи 13 и абзацем третьим части первой статьи 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», а также подпунктом «а» пункта 35 и абзацем вторым пункта 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей».

[32] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварниципой».

[33] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 17 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 11.

[34] FAO. Right to Food around the Globe. Country Profiles: Vietnam. URL: https://www.fao.org/right-to-food-around-the-globe/countries/vnm/en/ .

[35] Закон Вьетнама № 55/2010/QH12 о безопасности пищевых продуктов (вступил в силу 1 июля 2011 г.), URL: https://www.fao.org/in-action/globefish/markets---trade/food-safety-regulations/viet-nam/en .

[36] Правительственная Резолюция Вьетнама № 63/NQ-CP о национальной продовольственной безопасности с 2009 г.), URL: https://ap.fftc.org.tw/article/2547 .

[37] Россия и Вьетнам отметили важность роста взаимных поставок сельхозпродукции, URL: https://ria.ru/20260909/rossija-2116666922.html?ysclid=mv815j6cj2529097848 .

[38] Витюк В. В. Вьетнам: стратегическое партнерство и продовольственная безопасность России // Инновации и продовольственная безопасность. – 2019. – № 3(25). – С. 112-125. – DOI 10.31677/2311-0651-2019-25-3-112-125. – EDN WOJFVG.

[39] Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны (Вместе с Перечнями тарифных обязательств, особых критериев происхождения, оффшорных стран или территорий, Триггерными уровнями для товаров, подпадающих под действие триггерных защитных мер, Сертификатом о происхождении товара), г. Бурабай 29.05.2015 // Соглашение на русском и английском языках опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 11.10.2016.

[40] Россия и Вьетнам подписали комплексный план по развитию сотрудничества до 2030 года // Министерство эко-

номического развития Российской Федерации, URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_vetnam_podpisali_kompleksnyy_plan_po_razvitiyu_sotrudnichestva_do_2030_goda.html?ysclid=mv88jqt3fn169007496.

[41] Совместная декларация России и Вьетнама об основных направлениях российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе от 10 мая 2025 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, URL: https://www.mid.ru/ru/maps/vn/1746413/ .

[42] ACIA. Vietnam food security policy, URL: https://www.aciar.gov.au/sites/default/files/legacy/vietnam_food_security_policy_web.pdf.

[43] CGIAR. Assessment of Vietnam's food environment, URL: https://cgspace.cgiar.org/items/9d93be6d-cd81-414b-86c4-bc24ee73d4da.

[44] Агроинвестор. Вьетнамский вклад в импортозамещение. URL: https://www.agroinvestor.ru/investments/article/44491-vetnamskiy-vklad-v-importozameshchenie-kontsern-th-group-otkryl-zavod-po-pererabotke-moloka-v-kaluzh/.

[45] Агроэкспорт. Рост экспорта продукции АПК во Вьетнам. URL: https://www.agroinvestor.ru/markets/news/44623-eksport-produktsii-apk-vo-vetnam-vyros-na-30/.

[46] 2026 - Год российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и образования, URL: https://russia-vietnam-cooperation.ru/ .

[47] Frontiers in Public Health. Food environment policy index in Vietnam, URL: https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2025.1548956/full.

[48] Fishnews. Крупным планом: сотрудничество России и Вьетнама, URL: https://fishnews.ru/rubric/krupnyim-planom/13657.

[49] Fishnews. Вьетнам – перспективный партнер России, URL: https://fishnews.ru/news/52703.

References:

[1] Averyanova N.N. "Food Security": Problems of Legal Institutionalization // Constitutional and Municipal Law. – 2024. – № 8. - S. 22-24. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-8-22-24. – EDN FANVOI.

[2] Antonova N.V. Social payments in the Russian Federation: on social standards of quality of life/N.V. Antonova // Current issues of law and management: Materials of the I International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 16, 2021. - Moscow: State University of Management, 2021. - S. 9-10. – EDN UBNXHS.

[3] Antonova N.V. Digital environment and social and labor relations: current directions of development of Russian legislation // Legal behavior: classical and modern models: Collection of scientific works / Moscow City Pedagogical University. - Moscow: Saratov Source Publishing House, 2022. - S. 137-142. – EDN WOZOCZ.

[4] Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.Kh. The new reality of social security: current directions for the implementation of the ILO two-dimensional strategy // Education and law. – 2025. – № 10. - S. 94-102. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-10-94-102. – EDN TGHYYO.

[5] Antonova N.V., Basangov D.A. Social protection measures in the Russian Federation: priority of the two-dimensional ILO strategy? // Legal education - the path to success: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the law faculty of Moscow University for the Humanities, Moscow, November 13, 2025. - Moscow: Moscow University for the Humanities, 2025. - S. 99-106. – EDN TCGKNY.

[6] Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.Kh. Social protection measures: universality and (or) targeting? // International Scientific Bulletin. – 2025. – № 11. - S. 60-67. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-11-60-67. – EDN SRXADH.

[7] Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. Digitalization of the modern culture of law-making: comparative legal analysis of the experience of the Russian Federation and the socialist Republic of Vietnam // Education and law. – 2026. – № 6. - S. 529-539. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-6-529-539. – EDN YJNWHY.

[8] Antonova N.V., Basangov D.A., Hieu B.D. Transformation of the culture of lawmaking in Russia and Vietnam: interaction of legal traditions and digital technologies // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 6. - S. 128-138. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-6-128-138. – EDN VTRVWZ.

[9] D. A. Basangov. Commentary to the Federal Law of February 19, 1993 No. 4528-1 "On Refugees": (as amended by the Federal Law of December 30, 2006 No. 266-FZ): (itemized) / D. A. Basangov; D. A. Basangov; resp. ed. L.V. Andrichenko. - Moscow: Justicinform, 2007. - 176 p. - (Specialist comment). – ISBN 978-5-7205-0867-8. – EDN QXKZWD.

[10] Basangov D. A. Risks of the realization of human rights in the context of the development of digital technologies // Forms and methods of public administration: collection of articles: in 2 volumes. Volume 1. - Moscow: Publishing House Jurisprudence LLC, 2026. - S. 107-113. – EDN HIAHSC.

[11] Basangov D.A. Development of high technologies in relation to ensuring the constitutional rights of the individual // Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 19, 2021. - Krasnodar: Kuban State University, 2021. - S. 20-24. – EDN SBOGLF.

[12] Basangov, D. A. Laws and other regulatory legal acts in the field of regulation of migration relations / D. A. Basangov // Academic Legal Journal. – 2008. – № 3(33). - S. 12-17. – EDN JSHMPD.

[13] Galaganov V.P., Antonova N.V. Social security law: textbook. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: KnoRus Publishing House Limited Liability Company, 2021. - 612 p. - (Secondary vocational education). – ISBN 978-5-406-08028-3. – EDN LSRWQG.

[14] Kichigin N.V., Nikonov R.V. Approaches to the legal regulation of climatic rights and obligations in Russia and abroad // Journal of foreign legislation and comparative law. – 2024. - T. 20, NO. 5. - S. 115-127. – DOI 10.61205/S199132220031574-7. – EDN CYOCMS.

[15] Commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized): taking into account the changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020: With an appeal to the readers of the President of the Russian Federation V.V. Putin / T. Ya. Khabrieva, L.V. Andrichenko, S. B. Nanba, A. E. Pomazansky. - Moscow: Infra-M Publishing House, 2021. - 368 p. - ISBN 978-5-16-017252-1. – EDN OIPPUN.

[16] Nguyen D, Glebova A.G. Food Security of Vietnam: Legislation, Criteria, Current Status // Vietnamese Studies. - 2026. - T. 10. - № 1. - C. 45-60. doi: 10.54631/VS.2026.101688582..

[17] International Law and Cultural Diversity: Monograph / Rev. ed. A. Ya. Kapustin; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2027 - 328 p. - DOI 10.12737/2267118.

[18] Minina E.L., Kichigin N.V., Pomazansky A.E., Zyryanov S.M., Avkhadeev V.R. Legislation in the field of agriculture and food supply. In the book: Scientific concepts for the development of Russian legislation / T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, V. R. Avkhadeev [and others]. - 8th edition revised and supplemented. - Moscow: Norma, 2024. - 656 p. - ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ. - S. 599-617.

[19] Nikishkin, V.V. Impact of Sanctions on the Russian Food Market / V.V. Nikishkin, T.N. Samarina // Innovations and Investments. – 2023. – № 4. - S. 393-396. – EDN JIYHJE.

[20] State legal policy in the field of public health / N.V. Putilo, N.V. Antonova, N.S. Volkova [and others]. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2023. - 224 p. - ISBN 978-5-392-38170-8. – EDN YXSJCI.

[21] Putilo N.V. Social rights in post-industrial society / N.V. Putilo. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2021. - 120 p. - ISBN 978-5-392-34562-5. – EDN ICBDTM.

[22] Stepanov O.A., Basangov D.A. Digital transformation of the managerial sphere of activity in the regions of the Russian Federation / O.A. Stepanov, D.A. Basangov // Russian Justice. – 2023. – № 7. - S. 50-58. – DOI 10.52433/01316761_2023_07_50. – EDN HPKNVY.

[23] Stepanov O.A., Basangov D.A. On the legal regulation of digital control of personal life // Russian justice. – 2026. – № 5. - S. 69-80. – DOI 10.52433/01316761_2026_05_69. – EDN PRRNOZ.

[24] Stepanov O. A., Basangov D. A. Review of the possibilities of using digital technologies to combat corruption // Russian Journal of Legal Research. – 2023. - T. 10, NO. 2. - S. 49-54. – DOI 10.17816/RJLS430140. – EDN ULVODG.

[25] Usova O.A., Grischuk V.A. Social support for various categories of the population in the Russian Federation: efficiency, problems of system functioning // Society, economy, management. – 2019. - T. 4, NO. 1. - S. 18-23. – EDN NXTUSG.

[26] Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Thematic Commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities" / T. Ya. Khabrieva, A. A. Klishas. - Moscow: Infra-M Publishing House, 2020. - 240 p. - ISBN 978-5-00156-090-6. – EDN ANUONY.

[27] Shagayda N.I., Uzun V.Ya., Gataulina E.A., Shishkina E.A. Assessment of the state of food security of the Russian Federation / Shagayda N.I., Uzun V.Ya., Gataulina E.A., Shishkina E.A. Institute for Applied Economic Research, RANEPA and GS. - M.: Publishing House, 2020. – 108 c. - EDN UVTTWN.

[28] Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 "On approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation" // SZ RF. 2020. № 4. Art. 345.

[29] Putilo N.V., Volkova N.V., Antonova N.V. Robotization in the area of labor and employment: On the verge of the fourth industrial revolution // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 60-75. – DOI 10.1007/978-3-030-39319-9_7. – EDN QKKVQO.

[30] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 1995 No. 3-P "In the case of checking the constitutionality of parts one and two of Article 54 of the Housing Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen L.N. Sitalova.".

[31] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 128-O-O dated January 26, 2010 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Shipkova Marina Yuryevna about violation of her constitutional rights by paragraph two of the first part of Article 13 and paragraph three of the first part of Article 15 of the Federal Law "On State Benefits to Citizens with Children,"

as well as subparagraph "a" of paragraph 35 and paragraph two of paragraph 44 of the Regulation on the appointment and payment of state benefits to citizens with children.".

[32] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 27, 2008 No. 11-P "In the case of checking the constitutionality of part two of Article 5 of the Federal Law "On the minimum wage" in connection with complaints from citizens A.F. Kutina and A.F. Povarnitsina".

[33] Review of the practice of consideration by the courts of cases on disputes related to the implementation of measures of social support for certain categories of citizens, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 17, 2020 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 11.

[34] FAO. Right to Food around the Globe. Country Profiles: Vietnam. URL: https://www.fao.org/right-to-food-around-the-globe/countries/vnm/en/ .

[35] Viet Nam Food Safety Act No. 55/2010/QH12 (effective July 1, 2011), URL: https://www.fao.org/in-action/globefish/markets---trade/food-safety-regulations/viet-nam/en..

[36] Viet Nam Government Resolution No. 63/NQ-CP on National Food Security since 2009), URL: https://ap.fftc.org.tw/article/2547..

[37] Russia and Vietnam noted the importance of increasing mutual supplies of agricultural products, URL: https://ria.ru/20260909/rossija-2116666922.html?ysclid=mv815j6cj2529097848..

[38] Vityuk V.V. Vietnam: Strategic Partnership and Food Security of Russia // Innovation and Food Security. – 2019. – № 3(25). - S. 112-125. – DOI 10.31677/2311-0651-2019-25-3-112-125. – EDN WOJFVG.

[39] Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the Socialist Republic of Vietnam, on the other (Together with the Lists of Tariff Obligations, Special Criteria of Origin, Offshore Countries or Territories, Trigger Levels for Goods Subject to Trigger Protection Measures, Certificate of Origin), Burabai 29.05.2015 // The agreement is published in Russian and English on the official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 11.10.2016.

[40] Russia and Vietnam signed a comprehensive plan for the development of cooperation until 2030 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation, URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_vetnam_podpisali_kompleksnyy_plan_po_razvitiyu_sotrudnichestva_do_2030_goda.html?ysclid=mv88jqt3fn169007496.

[41] Joint Declaration of Russia and Vietnam on the Main Directions of Russian-Vietnamese Relations of a Comprehensive Strategic Partnership at a New Stage dated May 10, 2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, URL: https://www.mid.ru/ru/maps/vn/1746413/..

[42] ACIA. Vietnam food security policy, URL: https://www.aciar.gov.au/sites/default/files/legacy/vietnam_food_security_policy_web.pdf.

[43] CGIAR. Assessment of Vietnam's food environment, URL: https://cgspace.cgiar.org/items/9d93be6d-cd81-414b-86c4-bc24ee73d4da.

[44] Agroinvestor. Vietnamese contribution to import substitution. URL: https://www.agroinvestor.ru/investments/article/44491-vetnamskiy-vklad-v-importozameshchenie-kontsern-th-group-otkryl-zavod-po-pererabotke-moloka-v-kaluzh/.

[45] Agroexport. Growth in exports of agricultural products to Vietnam. URL: https://www.agroinvestor.ru/markets/news/44623-eksport-produktsii-apk-vo-vetnam-vyros-na-30/.

[46] 2026 - Year of Russian-Vietnamese cooperation in the field of science and education, URL: https://russia-vietnam-cooperation.ru/..

[47] Frontiers in Public Health. Food environment policy index in Vietnam, URL: https://www.frontiersin.org/journals/publichealth/articles/10.3389/fpubh.2025.1548956/full.

[48] Fishnews. Close-up: cooperation between Russia and Vietnam, URL: https://fishnews.ru/rubric/krupnyim-planom/13657.

[49] Fishnews. Vietnam is a promising partner of Russia, URL: https://fishnews.ru/news/52703.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-525-528
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИДОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ПО ОЦЕНКЕ СОХРАННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И КРИТЕРИЕВ ИХ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию соотношения потенциального правового регулирования видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объектов культурного наследия и критериев их неудовлетворительного состояния. Обосновано, что рассматриваемая регламентация обладает рядом юридико-технических недостатков, которые могут затруднить как осуществление органами государственной охраны объектов культурного наследия возложенных полномочий, так и формирование у публичных субъектов, а также правообладателей указанных объектов верного понимания пределов надлежащего поведения. Аргументировано, что анализируемое правовое регулирование, среди прочего, направленное на установление фактов удовлетворительного либо неудовлетворительного состояния объектов культурного наследия, может воздействовать на права и обязанности как публичных, так и частных субъектов, в связи с чем должно обладать безусловной ясностью и однозначностью. По итогам исследования предложены корректировки предлагаемой регламентации, направленные на изменение выявленных дискуссионных положений.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, научно-исследовательские работы, изыскательские работы, лицензия, неудовлетворительное состояние, критерии, пределы осуществления гражданских прав, юридико-технические дефекты, дискуссионность.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. Соотношение потенциального правового регулирования видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объектов культурного наследия и критериев их неудовлетворительного состояния // Право и управление. 2026. № 10. С. 525–528.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

THE RELATIONSHIP BETWEEN POTENTIAL LEGAL REGULATION OF TYPES OF RESEARCH AND EXPLORATORY WORKS ON ASSESSING

THE STATE OF PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL VALUE OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS AND THE CRITERIA FOR THEIR UNSATISFACTORY CONDITION

Annotation. *The work is devoted to studying the relationship between the potential legal regulation of types of research and survey work aimed at assessing the preservation of the historical and cultural value of cultural heritage sites and the criteria for their unsatisfactory condition. It has been substantiated that the regulation under consideration has a number of legal and technical shortcomings that may hinder both the exercise of powers by the state authorities responsible for the protection of cultural heritage sites and the formation of a correct understanding among public entities, as well as the rights holders of these sites, of the limits of proper conduct. It has been argued that the analyzed legal regulation, which, among other things, is aimed at establishing the facts regarding the satisfactory or unsatisfactory condition of cultural heritage sites, may affect the rights and obligations of both public and private entities, and therefore must be unequivocally clear and unambiguous. Based on the study results, adjustments to the proposed regulation have been proposed, aimed at modifying the identified controversial provisions.*

Key words: *cultural heritage sites, research work, survey work, license, unsatisfactory condition, criteria, limits on the exercise of civil rights, legal and technical defects, controversial nature.*

For citation: *Pivnenko D. L. The relationship between potential legal regulation of types of research and exploratory works on assessing the state of preservation of the historical and cultural value of cultural heritage objects and the criteria for their unsatisfactory condition. Law and administration. 2026;(10):525–528. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обосновывается совокупностью норм Конституции РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), направленных на такую реализацию гражданских прав в отношении объектов культурного наследия (далее – ОКН), которая бы обеспечивала их сохранение и надлежащее состояние. При этом, видится, что требованию о надлежащем состоянии ОКН должны корреспондировать закрепленные в законодательстве критерии, позволяющие однозначно установить соответствующее состояние ОКН, или, иными словами, критерии, определяющие меру должного поведения публичных (как с точки зрения реализации предоставленных властных полномочий в сфере охраны ОКН, так и с точки зрения правообладателей ОКН) и частных (правообладателей ОКН) субъектов, в чем, между прочим, проявляется общность (двойственность) их деятельности, направленной на охрану ОКН [1].

Кроме того, названные критерии оценки состояния ОКН оказывают прямое воздействие на определение размера арендной платы за пользование ОКН, а также стоимости отчуждаемых ОКН, находящихся в публичной собственности (статьи 14.1, 50.1 Закона об ОКН, статья 29 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»).

Ранее критерии неудовлетворительного состояния ОКН были закреплены постановлением Правительства РФ от 29 июня 2015 г. № 646 «Об утверждении критериев отнесения объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, к объектам культурного наследия, находящимся в неудовлетворительном состоянии».

Впоследствии, в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 444-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» названные критерии были непосредственно введены в Закон об ОКН. Вместе с тем, надлежит констатировать, что как в предшествовавшем, так и в текущем правовом регулировании соответствующие критерии, во-первых, установлены в отношении не всего видового состава ОКН и, во-вторых, обладают значительным дискуссионным потенциалом, на что обращал внимание автор [2, 3].

Относительно предложенной темы исследования системное толкование нормативных правовых актов (статьи 47.6, 50.1 Закона об ОКН, постановление Правительства РФ от 21 февраля 2026 г. № 175 «Об утверждении Правил принятия решения об отнесении к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, находящимся в неудовлетворительном состоянии, объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного на-

следия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», приказ Министерства культуры РФ от 14 ноября 2025 г. № 2077 «Об утверждении формы акта технического состояния объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации») показывает, что иного, кроме визуального способа оценки состояния ОКН, законодательство РФ не содержит.

Вместе с тем, некоторые положения пункта 5 статьи 50.1 Закона об ОКН (критерии неудовлетворительного состояния), очевидно, подразумевают инструментальное обследование ОКН (например, надежность конструкций, состояние фундаментов и пр.), что, однако, не находит своего нормативно-правового развития.

При этом, видится, во-первых, что только ясная регламентация способов оценки состояния ОКН будет способствовать установлению объективной истины как предпосылки баланса публичных и частных интересов в сфере охраны ОКН и, во-вторых, что такая регламентация должна стать предметом широкого междисциплинарного обсуждения.

Одновременно с этим, в настоящее время разработан проект приказа Министерства культуры РФ «Об установлении видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, для выполнения которых не требуются подготовка проектной документации на проведение таких работ и предоставление разрешения на проведение таких работ» (далее – Проект) [4].

Анализ Проекта показывает, что ему, во-первых, присущи некоторые общие юридико-технические недостатки, и, во-вторых, что соотношение ряда его положений с пунктом 5 статьи 50.1 Закона об ОКН обнаруживает определенную дискуссионную тождественность, в свою очередь, также представляющуюся юридико-технический дефектом [5].

В качестве общего юридико-технического недостатка Проекта видится использование двойного отрицания, при котором наименование правового акта, впоследствии, опровергается рядом его положений.

Так, из наименования Проекта следует, что он закрепляет виды работ в отношении ОКН, не требующих подготовки проектной документации и разрешений, предусмотренных Законом об ОКН. В то же время, содержание пунктов 2, 3, 4 и 6 Проекта, что составляет его подавляющий объем, сводится к перечислению исключений, на которые потенциальное правовое регулирование не распространяется. Таким образом, видится, что Проект все же подлежит корректировке, наиболее приемлемым вариантом которой, исходя из существа предлагаемых исключений, представляется общее указание на нераспространение потенциальной регламентации в отношении указанных в Проекте работ, как только они предполагают физическое воздействие на ОКН.

Второй из ранее отмеченных аспектов проявляется в том, что, как это следует из наименования и содержания Проекта, закрепляемые им виды научно-исследовательских и изыскательских работ направлены на оценку сохранности историко-культурной ценности ОКН, результатом которых, среди прочего, очевидно, является и определение состояния объекта в соответствии с пунктом 5 статьи 50.1 Закона об ОКН, в чем, между прочим и обнаруживается заявленная дискуссионная тождественность: соответствие видов работ одному из корреспондирующих им результатов.

В связи с этим, несмотря на просматриваемый в вышеназванных нормативных правовых актах, фактически, единственный легальный способ оценки состояния ОКН (визуальный), неясным оказывается вопрос о том будет ли распространяться предлагаемая регламентация на оценку состояния ОКН в целях реализации статьи 50.1 Закона об ОКН, а также на подготовку и утверждение охранного обязательства ОКН, имеющего в основе акт технического состояния объекта, поскольку таких исключений Проект не содержит.

Иными словами, в исследуемом аспекте обнаруживаемая тождественность видов и результатов работ актуализирует проблематику концептуальной возможности исключительно визуального обследования ОКН, как только соответствующие правореализационные действия уполномоченных публичных субъектов в сфере охраны ОКН связываются с положениями статей 47.6 и 50.1 Закона об ОКН. Одновременно с этим, если большая часть работ в целях оценки состояния ОКН все же будет требовать соблюдения общего порядка, установленного Законом об ОКН, это приведет к принципиальной невозможности их осуществления публичными субъектами в силу необходимости наличия лицензии на осуществление деятельности по сохранению ОКН, а обусловленная данным обстоятельством потребность в привлечении сторонних (частных) субъектов – к

увеличению бюджетной нагрузки.

Наряду с этим, очевидно, что указанные действия компетентных органов государственной охраны ОКН оказывают прямое воздействие на гражданские права и обязанности правообладателей ОКН (публичных и частных субъектов), поскольку «фиксация» того или иного состояния ОКН влечет за собой, например, наступление ответственности различной правовой природы или же достаточно эксклюзивные возможности в виде льготной арендной платы или приобретения ОКН, находящегося в публичной собственности, по нерыночной стоимости (статья 29 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»). В связи с этим, представляется, что в рассматриваемой части Проект также подлежит корректировке посредством однозначного разрешения вопроса о его применении по отношению к положениям статей 47.6 и 50.1 Закона об ОКН.

Подводя итоги исследования, констатируем, что потенциальное регулирование видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности ОКН обладает рядом юридико-технических дефектов, которые могут затруднить как осуществление органами государственной охраны ОКН возложенных полномочий, так и формирование у публичных субъектов, а также правообладателей указанных объектов верного понимания пределов надлежащего поведения (реализации гражданских прав), в связи с чем автором предложены соответствующие корректировки, направленные на изменение выявленных дискуссионных положений.

Список литературы:

[1] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[2] Пивненко Д.Л. Бесхозяйственно содержимые объекты археологического наследия. Проблемы критериев и соразмерности санкций // Культура: управление, Экономика, право. 2024. № 4. С. 19-23.

[3] Пивненко Д.Л. К вопросу о новых критериях неудовлетворительного состояния объектов культурного наследия // Актуальные проблемы частного и публичного права. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2025. С. 18-19.

[4] Проект приказа Министерства культуры Российской Федерации «Об установлении видов научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, для выполнения которых не требуются подготовка проектной документации на проведение таких работ и предоставление разрешения на проведение таких работ» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171774/ (дата обращения: 15.10.2026).

[5] Котоманова С.С. Несовершенство юридической техники и правовая определенность в практике конституционного правосудия // Вестник Омского университет. Серия «Право». 2025. Т. 22. № 2. С. 32-42.

References:

[1] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law Sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[2] Pivnenko D.L. Mismanaged archaeological heritage sites. Problems of criteria and proportionality of sanctions // Culture: Management, Economics, Law. 2024. № 4. S. 19-23.

[3] Pivnenko D.L. On the issue of new criteria for the unsatisfactory condition of cultural heritage sites // Current Problems of Private and Public Law. Collection of materials from the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd, 2025. S. 18-19.

[4] Draft order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On the establishment of types of research and survey work to assess the preservation of the historical and cultural value of the cultural heritage object (historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the peoples of the Russian Federation, or the identified object cultural heritage (historical and cultural monument) of the peoples of the Russian Federation, which does not require the preparation of project documentation for such work and the granting of permits for such work" // Federal Portal of draft Regulatory Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171774/ (date accessed: 15.10.2026).

[5] Kotomanova S.C. Imperfection of legal technique and legal certainty in the practice of constitutional justice // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. 2025. Vol. 22. № 2. S. 32-42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-529-533
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

РУДАЕВ Сергей Александрович,
доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерации; начальник управления научно-исследовательского центра Военной академии РВСН имени Петра Великого, г. Балашиха, Российская Федерация, ORCID: 0009-0005-7730-6838, e-mail: rudser.177@mail.ru

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ В РАБОТЕ С КАДРАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. *В исправлении и формировании у несовершеннолетних осужденных-правонарушителей духовно-нравственных ценностей и правовой культуры важное место занимает личность педагога-воспитателя. Формирование профессиональной направленности, а также специальных педагогических и организаторских способностей – актуальная задача в работе с кадрами воспитателей исправительных учреждений для несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *духовно-нравственных ценности, правовая культура, личность педагога-воспитателя, несовершеннолетние правонарушители.*

Для цитирования: *Рудаев С. А., Дмитриев Г. Г. Профессиональная направленность в работе с кадрами исправительных учреждений // Право и управление. 2026. № 10. С. 529–533.*

RUDAEV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Education, Associate Professor, Leading Researcher NITs-2 FKU NII FSIN of Russia, Moscow, Russian Federation; Head of the Research Center of the Peter the Great Strategic Missile Forces Military Academy, Balashikha, Russian Federation

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary, Adjuncts, and Doctoral Students Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

PROFESSIONAL ORIENTATION IN WORKING WITH CORRECTIONAL PERSONNEL

Annotation. *The personality of the teacher-educator occupies an important place in the correction and formation of spiritual and moral values and legal culture among juvenile convicts-offenders. The formation of a professional orientation, as well as special pedagogical and organizational abilities, is an urgent task in working with personnel of educators of correctional institutions for minors.*

Key words: *spiritual and moral values, legal culture, personality of the teacher-educator, juvenile offenders.*

For citation: *Rudaev S. A., Dmitriev G. G. Professional orientation in working with correctional personnel. Law and administration. 2026;(10):529–533. (In Russ.).*

В исправлении и формировании у несовершеннолетних осужденных духовно-нравственных ценностей огромную роль занимает личность педагога-воспитателя.

Под личностью педагога-воспитателя понимается совокупность социально значимых свойств, качеств и отношений, характеризующих его профессиональное мастерство, подготовленность к педагогической деятельности.

Педагогическая деятельность – род трудовой деятельности педагога- воспитателя, владеющего комплексом педагогических знаний, навыков и умений, приобретенных в результате специальной подготовки и опыта работы.

Педагогические знания – проверенный практикой результат педагогического познания действительности (знание педагогических методов, законов, приемов и форм воспитательного воздействия, принципов воспитательной деятельности и т.д.).

Педагогические умения – освоенные способы выполнения педагогических действий.

Педагогические навыки – автоматизированные действия.

В своей педагогической деятельности профессионал руководствуется определенными принципами педагогической деятельности основными из которых являются:

Принцип государственного педагогического подхода. Политикой государства в области борьбы с преступностью является исправление личности осужденных. Их исправление является целью деятельности исправительных и воспитательных колоний. Поэтому все сотрудники колонии обязаны быть соучастниками воспитательного процесса.

Без государственного подхода педагогические нормы и требования воспринимаются как схоластические, оторванные от жизни, мудрено выраженные формулировки. Они приобретают иное значение и смысл, когда открываются сотрудником в единстве проблем государства и пенитенциарной педагогики, воспринимаются ими как государственно-педагогические явления, становятся государственно-педагогическими знаниями.

Принцип всеохвата и непрерывности выражает необходимость везде, со всеми без исключения осужденными постоянно вести воспитательную работу, направленную не только на исправление осужденных, но и на формирование у них духовно-нравственных ценностей. Она может вестись в разных формах и во всей полноте педагогического обеспечения, а с несовершеннолетними осужденными еще и дополняться правовым всеобучем. В данном случае полезно использовать краткие, запоминающие формулировки: право морально; право обеспечивает справедливость людям и защищает их; право благо, а не насилие; без соблюдения законности жить невозможно; судить имеет право только суд; никто не может быть признан виновным без решения суда.

Принцип аксеологичности воплощается в формировании у несовершеннолетних осужденных духовно-нравственных ценностей как своих жизненных и поведенческих ориентиров. Раскрытие этих ценностей в постоянном показе их справедливости и необходимости. Это требует не информирования осужденных, а формирование духовно-нравственных и правовых убеждений, озаряемых в сознании каждого «светом» личностного смысла, значения для себя лично, понимания как личных ценностей. Только при этом духовно-нравственных ценности и правовая культура приобретают регулирующую силу.

Принцип педагогико-правового обслуживания рекомендует раскрывать вопросы воспитания и права как благо, как надежный щит от бед, как условие обеспечения личного успеха и свободы. Реализация этого принципа предполагает воспитание у осужденных уважительного отношения к сотрудникам, к правоохранительным органам, каждому человеку.

Воспитатель исправительного и воспитательного учреждения должен обладать определенными личностными качествами, которые можно выделить в несколько групп: политические, деловые, моральные, волевые.

К политическим качествам относятся, в частности, непримиримость к правонарушителям, строгое соблюдение законов, умение разбираться в политических событиях страны и мира.

К деловым качествам относятся правовая подготовка, навыки работы с правонарушителями, знание методики воспитательной работы, умение анализировать и обобщать данные правонарушений и т.д.

К моральным – неподкупность, справедливость, правдивость, смелость, честность и др.

К волевым – настойчивость, нравственная устойчивость и ответственность, решительность, самостоятельность.

Кроме этого воспитатель колонии должен обладать правовой и психолого-педагогической

культурой, основными элементами которой являются правовая и психолого-педагогическая образованность; правовая и психолого-педагогическая воспитанность; правовая и психолого-педагогическая обученность; правовая и психолого-педагогическая развитость.

Правовая и психолого-педагогическая образованность характерна наличием у сотрудника определенных знаний, взглядов и убеждений, позволяющих понимать существующую в жизни общества правовую и психолого-педагогическую сферу, роль права, педагогики и психологии в профессиональной деятельности, как необходимое условие демократии, свободы, нормальной жизни, развития общества и защиты граждан.

Правовая и психолого-педагогическая воспитанность сотрудников отличается особым богатством элементов:

уважением к закону, нравственным нормам общества;

наличием правомерных и воспитательных целей, планов, намерений;

потребностью постоянно вести себя в соответствии с правовыми и нравственными требованиями общества;

постоянным стремлением к выбору только нравственных и правомерных средств и способов поведения и деятельности;

нравственной устойчивостью к криминогенным соблазнам.

Правовая и психолого-педагогическая обученность сотрудников характеризуется:

знанием Конституции, нормативных актов и документов, необходимых для работы;

принципов, методов, средств и форм исправления осужденных.

Правовая и психолого-педагогическая развитость сотрудников исправительных учреждений выражается в:

развитии сознания и психолого-педагогического мировоззрения;

развитии качеств, не допускающих виктимное – рискованное, неосмотрительное, легкомысленное, распущенное, правонарушающее – поведение.

возникновении интереса, мотивов и потребности к непрерывной работе над собой и повышении правовой и психолого-педагогической культуры.

Объективное содержание деятельности воспитателя требует от него зрелой общественной направленности, включающей понимание объективных закономерностей общественного развития. Вместе с тем это должно соединяться у него с глубокой компетентностью, дисциплинированностью и творческим подходом к делу, стремлением постоянно учитывать политические, воспитательные последствия своих решений и поступков. Педагог-воспитатель исправительного учреждения должен овладеть стилем работы, основанным на тщательном изучении положения дел, выяснении того, какие формы и приемы дают нужный эффект, а какие превратились в шаблоны и схемы, не отвечающие духу времени.

Под прямым влиянием общественной направленности складывается профессиональная направленность педагога-воспитателя этих учреждений, которая играет большую роль в формировании его способностей. Ответственное отношение к своей работе образуют ядро его профессиональной направленности. На этой основе формируются профессиональные интересы, стремление к повышению квалификации, приобретению высокого педагогического мастерства.

Условием успешной деятельности сотрудника исправительного учреждения, его авторитетности, неослабного влияния на осужденных являются высокие нравственные качества его личности, раскрывающиеся в типичных чертах характера: коллективизме, принципиальности, инициативности, трудолюбии, самокритичности, требовательности к себе и другим, дисциплинированности. Профессиональная подготовка воспитателя заключается, прежде всего, в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем уже в организации его специальных знаний и навыков.

Черты характера воспитателя, отражаясь в степени его моральной зрелости, безупречности действий и поступков, вместе с тем сами входят в структуру его специфических педагогических способностей. Высокие нравственные качества воспитателя обнаруживаются и в устойчивости к профессиональной деформации (т.е. личностным искажениям, вызванным профессией), социально-психологическом иммунитете против отрицательного влияния антиобщественных элементов.

Любое решение воспитателя является результатом его творческих возможностей: наблюдательности, продуктивности памяти, гибкости, самостоятельности и глубины мышления, ясности, критичности ума при его профессиональной направленности. В проведении решений в жизнь, организации процесса исправления осужденных и формировании у них духовно-нравственных ценностей, а также правовой культуры важную роль играют: решительность, настойчивость в достижении поставленных целей, самообладание и выдержка в трудных, конфликтных ситуациях, эмоциональная устойчивость перед возникающими препятствиями, временными неудачами. Эти качества, а также профессиональный оптимизм помогают педагогу-воспитателю постоянно сохранять работоспособность и самоконтроль, проявлять в труде заинтересованность, активность, «заряжать» окружающих своей энергией.

Успешная деятельность непосредственного педагога-воспитателя осужденных связана с его профессиональными способностями: педагогическими и организаторскими. Они помогают ему овладеть мастерством, достичь высокого уровня профессиональной подготовленности, сформировать специальные умения. К числу основных необходимо отнести следующие умения:

взаимодействовать с другими частями и службами исправительного учреждения;

определять направление и задачи исправления, формирования духовно-нравственных ценностей и правовой культуры каждого;

планировать воспитательную работу и прогнозировать результаты педагогических воздействий;

владеть научными методами, средствами и приемами исправления осужденных, формирования у них духовно-нравственных ценностей и правовой культуры;

оценивать каждую ситуацию с психолого-педагогических позиций и использовать ее в целях воспитания осужденных;

творчески подходить к выбору мер воздействия на осужденных с учетом их личностных особенностей; сочетать индивидуальный и коллективный подход;

определять и ставить актуальные задачи перед всем отрядом и каждым осужденным, а также мобилизовывать людей на их выполнение;

подчинять своему влиянию каждого осужденного и коллектив отряда в целом;

формировать правильные межличностные отношения в коллективе осужденных, а также единое воспитывающее коллективное мнение, направлять коллектив отряда на решение воспитательных задач;

устанавливать психологический контакт с осужденными исходя из их личностных особенностей и состояния в данный момент; разрешать конфликты в коллективе осужденных, осуществлять их профилактику;

выступать перед осужденными и другой аудиторией; уметь увлечь людей своей речью; разбираться в жизненных ситуациях;

анализировать результаты воспитательной деятельности с осужденными;

эффективно сочетать в практике исправления осужденных материальные и моральные стимулы;

осуществлять контакт и взаимодействие с представителями общественности и родственниками осужденных;

продуктивно организовывать свое рабочее и личное время.

Совершенствование работы по подбору педагогов-воспитателей, обучению и воспитанию предполагает постоянную опору на научные данные.

Обращает на себя внимание тот факт, что основные профессиональные способности, знания, навыки и умения (педагогические и организаторские) у воспитателей исправительных учреждений нередко бывают выражены в среднем ниже, чем их правовые знания и умения. Не достигают требуемого уровня и показатели профессиональной направленности: удовлетворенность своим трудом, стремление постоянно повышать профессиональное мастерство. Следовательно, формирование профессиональной направленности, а также специальных педагогических и организаторских способностей – актуальная задача в работе с кадрами воспитателей исправительных учреждений.

Список литературы:

[1] Байкова Л.А. Гуманизация педагогической системы образовательного учреждения: теория и опыт: Монография. РГПУ им. С.Есенина. – Рязань, 2000. – 248 с.

[2] Коллектив. Личность. Общение. Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. - Л., 1987. - 66 с.

[3] Митькина А.В. К вопросу о негативных социально-педагогических факторах, препятствующих духовно-нравственному развитию несовершеннолетних правонарушителей / А.В. Митькина // Ученик – учитель – родитель: проблемы и перспективы взаимодействия: материалы областных педагогических чтений. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2006. – С.75-76.

[4] Митькина А.В. Проблемы семейного воспитания / А.В. Митькина // Ученик – учитель – родитель: проблемы и перспективы взаимодействия: материалы обл. пед. чтений. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2006. – С.149-150.

[5] Митькина, А.В. Важный фактор исправления несовершеннолетних правонарушителей, способствующий духовно-нравственному развитию / А.В. Митькина // Православие и гуманитарное знание: 15 Рождественские православно-философские чтения. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2006. – С.123-125.

[6] Сычев Ю.В. Микросреда и личность. - М., 1974. - 13 с.

[7] Тюгаева Н.А. Образовательные программы исправления осужденных. - Рязань, 1997.

References:

[1] Baikova L.A. Humanization of the educational system of an educational institution: theory and experience: Monograph. RSPU named after S. Esenin. - Ryazan, 2000. - 248 s.

[2] Team. Personality. Communication.

Dictionary of socio-psychological concepts / Ed. E.S. Kuzmina, V.E. Semenova. - L., 1987. - 66 s.

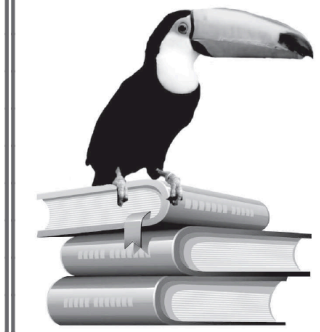
[3] Mitkina A.V. On the question of negative socio-pedagogical factors that impede the spiritual and moral development of juvenile offenders / A.V. Mitkina // Student - teacher - parent: problems and prospects of interaction: materials of regional pedagogical readings. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2006. - S.75-76.

[4] Mitkina A.V. Problems of family education / A.V. Mitkina // Student - teacher - parent: problems and prospects of interaction: materials of the region ped. readings. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2006. - P.149-150.

[5] Mitkina, A.V. An important factor in the correction of juvenile offenders, contributing to spiritual and moral development / A.V. Mitkina // Orthodoxy and humanitarian knowledge: 15 Christmas Orthodox philosophical readings. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2006. - P.123-125.

[6] Sychev Yu.V. Microenvironment and personality. - M., 1974. - 13 s.

[7] Tyugaeva N.A. Educational programs for the correction of convicts. - Ryazan, 1997.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-534-537
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КРАСИНСКАЯ Елена Сергеевна,
старший преподаватель Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: Krasinskaya76@mail.ru

БУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: СУЩНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается такой актуальный социально-психологический феномен как буллинг. Автором проанализирована сущность буллинга, его основные формы, а также причины возникновения и факторы, способствующие его развитию травли в образовательных учреждениях. Уделено внимание многоуровневым последствиям этого негативного социального явления и предложен ряд мер, как часть стратегии противодействия буллингу.*

Ключевые слова: *буллинг, школьная травля, агрессивное поведение, жертва, агрессор, психологические последствия, профилактика буллинга, стратегия противодействия, образовательная среда.*

Для цитирования: *Красинская Е. С. Буллинг в подростковой среде: сущность, последствия и стратегия противодействия // Право и управление. 2026. № 10. С. 534–537.*

KRASINSKAYA Elena Sergeevna,
senior lecturer East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BULLYING IN ADOLESCENCE: THE NATURE, CONSEQUENCES, AND STRATEGY FOR COUNTERACTION

Annotation. *The article examines such a relevant socio-psychological phenomenon as bullying. The author analyzes the essence of bullying, its main forms, as well as the causes of its occurrence and the factors contributing to the development of harassment in educational institutions. Attention is paid to the multi-level consequences of this negative social phenomenon, and a number of measures are proposed as part of a strategy to counter bullying.*

Key words: *bullying, school harassment, aggressive behavior, victim, aggressor, psychological consequences, bullying prevention, counteraction strategy, educational environment.*

For citation: *Krasinskaya E. S. Bullying in adolescence: the nature, consequences, and strategy for counteraction. Law and administration. 2026;(10):534–537. (In Russ.).*

Одной из самых острых социальных проблем, влияющей на эффективность деятельности субъектов профилактики преступности несовершеннолетних является буллинг. Эта проблема приобретает масштабы социально-психологической эпидемии, поражающей различные группы, наиболее уязвимой из которых остается школьная и подростковая среда. Несмотря на растущее внимание к проблеме со стороны зарубежных и отечественных исследователей, психологов, педагогов и социологов, наличие теоретической основы для понимания специфики буллинга, эффективное противодействие этому социальному явлению невозможно без детального анализа его структурных компонентов — глубинных причин и многообразия форм проявления. Детальное рассмотрение этих аспектов является обязательным условием для разработки и принятия превентивных мер, а также форм и методов коррекции.

В современный русский язык термин пришел из английского «bullying» (от глагола to bully — запугивать, третировать). Это понятие закрепилось в России в 1990-2000-х годах и как психолого-педагогический термин означает Буллинг – систематическое пассивное и активное агрессивное поведение, психическое и физическое насилие, направленное на унижение и травлю. В школьной среде это явление приобретает особую остроту ввиду возрастных особенностей подростков и замкнутости их социального пространства. Актуальность проблемы подтверждают данные ЮНЕСКО и PISA: за последние 10 лет (с 2015

по 2025 года) 13-17% учащихся в школах подростков среднешкольного возраста в России, так или иначе, сталкиваются с различными проявлениями буллинга (и 5-7% учащихся периодически подвергаются физическому и моральному насилию от сверстников).

В целях реализации комплексного подхода к изучению данной проблемы рассмотрим основные характеристики, сущность и формы проявления буллинга.

Буллинг отличается от обычных конфликтов следующими признаками:

систематичность (действия повторяются многократно, что и отличает буллинг от единичного конфликта);

неравенство сил (агрессор обладает физическим, социальным или психологическим превосходством);

целенаправленность (жертва выбирается осознанно);

умышленность (главной целью является намеренное причинение физической или психологической боли, вселение страха, унижение жертвы).

Формы проявления буллинга могут быть различными. Это может быть физический буллинг, который заключается в систематическом нанесении побоев, порче одежды и имущества, вербальный, выражающийся в оскорблениях, насмешках, угрозах применения насилия, и также социальный или реляционный, который проявляется в форме социальной изоляции, бойкотов и распространении информации, порочащей репутацию «жертвы».

Отдельно стоит выделить скрытую (латентную) форму буллинга, которая может проявляться в косвенной агрессии (исключение из общих чатов, распространение сплетен, намеренное игнорирование, создание неприятных ситуаций (например, «забыл» передать информацию от учителя), словесной травле (высказывание шуток с унижительным подтекстом, сарказм, язвительные комментарии, намеки на физические недостатки), а также пассивной агрессии, выражающейся в демонстративном игнорировании попыток жертвы пойти на диалог.

Латентная форма буллинга, на наш взгляд, является наиболее опасной и вредоносной, в первую очередь, в силу своей неочевидности. Формы активной и пассивной агрессии в отношении объекта буллинга принимают вид неудачной шутки и вряд ли вызовут осуждение со стороны.

С развитием социальных сетей появились также такие формы травли, как:

диссинг - распространение заведомо ложной информации о жертве, подлог и искажение скриншотов сообщений жертвы;

фрейпинг - взлом аккаунта жертвы в социальных сетях для совершения тех или иных действий, порочащих честь и достоинство человека.

кетфишинг - создание профиля в социальных сетях, полностью идентичного профилю жертвы для совершения действий, порочащих честь и достоинство.

сталкинг - провоцирование жертвы на конфликт через вызывающие комментарии к публикациям, постоянный мониторинг ресурсов, на которых зарегистрирована жертва.

сватинг - вызов правоохранительных органов по адресу проживания жертвы под предлогом подготовки к теракту и другим общественно опасным преступлениям.

Рассматривая причины и условия, способствующие развитию буллинга среди подростков, их можно условно разделить на три группы: социальные, личностные и институциональные.

Буллинг это социальное явление, которое всегда происходит в группе, где у всех её членов есть свои роли и им присущи определенные личностные характеристики. Основными участниками буллинга выступают агрессор и жертва.

Агрессор (буллер) - является инициатором. Агрессору, как правило, присущи низкая самооценка, агрессивность, склонность к доминированию, стремление к самоутверждению, лидерству. Целью агрессора является приобретение определенного статуса в группе при отсутствии представлений о нормах поведения либо намеренном и сознательном их игнорировании. Кроме того, причиной такого поведения может являться и проецирование собственных проблем, вымещение агрессии, вследствие насилия в семье.

Жертва - цель агрессии. Жертвой может стать любой из подростков, отличающийся от группы, имеющий особенности внешности, этническую принадлежность, склонный к повышенной чувствительности, ранимости и не обладающий способностью дать отпор. Важно понимать, что перечисленные черты жертвы – не оправдание для буллинга, а лишь маркеры для агрессора.

Самая большая по численности группа - это наблюдатели, которые, в свою очередь, делятся на помощников, пассивных наблюдателей, защитников и поддерживающих. Поведение группы наблюдателей решающим образом может повлиять на развитие ситуации. Пассивные наблюдатели и поддерживающие - это именно та группа, которая морально либо поощряет действия агрессора (смех, одобрение) либо просто является наблюдателем, чье равнодушие агрессор также воспринимает как молчаливое одобрение. Защитники же, то есть встающие на сторону жертвы, это самая малочисленная группа, поскольку попытка прекращения травли может обернуться травлей в отношении их самих.

И, наконец, институциональный фактор, который проявляется в недостаточном контроле

со стороны учителей, социальных педагогов, толерантности руководства школы к агрессивным проявлениям, недостаточной работе школьных психологов. Часто возникает ситуация, когда руководство школы, классный руководитель знают о существующих межличностных конфликтах, фактах агрессивного, в том числе группового, физического и психического насилия (буллинга) в отношении отдельных учеников, однако мер по урегулированию конфликтов, оказанию помощи, в том числе психологической, не предпринимают, отсутствует взаимодействие с родителями учеников.

Рассматривая сущность этого негативного социального явления, нельзя не остановиться на его последствиях.

Буллинг — это не просто конфликт или эпизодическая ссора, а систематическое, продолжительное агрессивное поведение, характеризующееся неравенством сил агрессора и жертвы, и его последствия носят разрушительный характер. Для жертвы это глубокие психологические травмы, способствующие социальной дезадаптации апатия, тревожность, снижение успеваемости, отказ от посещения школы. Однако, следствием систематических издевательств становятся и рост суицидальных рисков, и совершение самой жертвой актов насилия. В последнее время в России набирает обороты такое явление, как «скулшутинг», целью которого является совершение актов вооруженного насилия в учебных заведениях и которое является одним из самых опасных форм деструктивного поведения. Только в Иркутской области за последние полгода зафиксировано три таких случая. Доведенный до отчаяния подросток в условиях безысходности, не видел иного выхода, как месть, проявление насилия по отношению к обидчикам, не задумываясь о последствиях, либо относясь к ним равнодушно.

У агрессора также происходит деформация личности, возникает чувство безнаказанности, ложного превосходства, что впоследствии может привести к неспособности построения здоровых отношений, а также к криминализации личности, формированию противоправной модели поведения, склонности к совершению насильственных преступлений.

Разрушительное действие буллинг имеет и для наблюдателей, формируя в их сознании не только чувства вины за бездействие, но и способствуя нормализации агрессии в обществе.

Говоря о макропоследствиях буллинга, необходимо отметить негативное влияние этого явления на формирование равнодушного общества в целом, где люди не способны на взаимопомощь, поддержку, противостояние негативным проявлениям, и в конечном счете отражается на состоянии общественной безопасности. Поэтому борьба с буллингом — это не просто «воспитательная работа», а стратегическая инвестиция в безопасность общества завтра. Активное противодействие и эффективная профилактика травли на раннем этапе — это, по сути, профилактика более серьезных преступлений и социальной напряженности в будущем.

Понимание сущности этого негативного социального явления вызывает необходимость создания в учебных заведениях безопасной среды, а также внедрения алгоритма действий при выявлении фактов буллинга в подростковом коллективе.

Эффективными стратегиями могут являться:

реагирование;

работа с агрессорами, реабилитация жертв;

профилактика.

Реагирование должно включать в себя незамедлительную фиксацию выявленного факта травли, привлечение к работе с жертвой и агрессором социального педагога, психолога, предание данного факта огласке путем проведения общешкольных собраний с публичным обсуждением и выяснением причин. Актуальным будет установка в школах ящиков для приема сообщений, в том числе анонимных, посредством чего у жертв насилия или наблюдателей появится возможность сообщения о проблеме, когда факты буллинга не являются очевидными для педагогов (в случае латентного течения). Взаимодействие с родителями участников травли должно стать обязательным элементом стратегии противодействия буллингу.

Работа с субъектами буллинга (агрессорами и жертвами) должна строиться с учетом индивидуального подхода, которой должна предшествовать тщательная проработка сложившейся ситуации, и включать психокоррекционные мероприятия, вовлечение в социально полезную общественную деятельность (спорт, совместные, групповые проекты). Кроме того, нормативной проработки требует вопрос возможности перевода участников травли в другие классные коллективы, школы, а также закрепления на законодательном уровне оснований для исключения агрессора из образовательной организации и перевода его в специальные коррекционные учреждения (данная инициатива уже прозвучала на заседании Общественной палаты).

Основными направлениями профилактической деятельности должны стать:

Разработка социальных программ, направленных на поддержание психологического здоровья подростков и развитие у них адаптационных навыков, таких как самоопределение в коллективе, формирование устойчивой и адекватной самооценки, способности к адекватному межлич-

ностному общению, внутреннему самоконтролю, способности к саморегуляции в сложных жизненных обстоятельствах. демонстрация социальных видеороликов о буллинге и его последствиях.

Активизация деятельности педагогических коллективов образовательных учреждений. Современная школа должна не только давать знания, но и уделять внимание социальному и эмоциональному воспитанию. Подросток, оказавшись в сложной жизненной ситуации, подвергающийся психологическому насилию со стороны одноклассников, вправе рассчитывать на необходимую помощь, в том числе, со стороны школьных психологов. Зачастую педагогический состав не оказывает должного внимания психологическому состоянию учащегося, подавленности, его поведенческим особенностям, межличностным конфликтам в классе, рассчитывая на самостоятельное разрешение конфликтной ситуации самими сверстниками.

Несмотря на достаточное методическое обеспечение, когда в 2023 году на основе разработанного командой проекта «ТравлиNET» документа «Антибуллинговая хартия» в средних общеобразовательных организациях был запущен пилотный проект по профилактике буллинга, искоренить это негативное явление до настоящего времени не удается. Это может свидетельствовать о формальном подходе педагогического коллектива к реализации данного проекта, проведению рекомендуемых мероприятий. В России практически отсутствует практика отчисления из образовательных организаций учеников, примеряющих на себя роль «буллера». Безусловно, профилактика буллинга требует затрат, как временных, так и моральных. Однако, если учесть, что от этой деятельности зависит «здоровье нации», проблема травли в школьной среде должна стать одной из первоочередных задач, стоящих перед педагогами, психологами и родителями. Необходимо создание безопасной среды, которая должна включать в себя не только утверждение школьных правил поведения против буллинга, диагностику школьных коллективов, но и создание условий для своевременного выявления фактов травли.

Постоянный мониторинг психологической комфортности учащихся, включающий анонимное анкетирование с целью выявления учеников-агрессоров, наблюдение за поведением, проведение тренингов.

В качестве дополнительной меры по профилактике буллинга в школе является вовлечение родителей в эту деятельность. Родители должны научиться открыто обсуждать со своими детьми их отношения со сверстниками на улице и в школе, следить за изменениями в поведении ребенка и незамедлительно реагировать на них, прививать безусловное уважение ко всем членам общества, воспитывать чувство эмпатии.

Подводя итог, отметим, что буллинг в школах – сложная комплексная проблема, требующая серьезного системного подхода. Эффективная борьба с ним возможна только при условиях:

вовлечённости всех участников образовательного процесса (педагогов, родителей, психологов);

контроля за детскими чатами со стороны администрации школы в социальных сетях (администрация школ может вести контроль чатов с административных аккаунтов в «Сферуме» (ВК Месседжер) и в «МАХ»);

сочетания профилактики и оперативного реагирования;

Ключевой принцип борьбы с буллингом – не наказание, а изменение культуры межличностных отношений в школе через формирование ценностей взаимоуважения и взаимопомощи в коллективе. Только так можно создать безопасную среду, где каждый ребенок будет себя чувствовать ценным и защищенным.

Список литературы:

[1] Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки РФ. Методические рекомендации по профилактике буллинга (2025).

[2] Кривцова, С. В. Травля (буллинг) в ученической среде: как понимать, противостоять и не бояться? / С. В. Кривцова // Известия АСОУ. – 2015. – № 3-2. – С. 52-59. – EDN WDHSMH.;.

[3] Красинская, Е. С. Актуальные проблемы преступности несовершеннолетних / Е. С. Красинская // Проблемы современной уголовной политики : Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 06 декабря 2024 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. – С. 137-140. – EDN SAUEAJ.

References:

[1] Federal Service for Supervision of Education and Science of the Russian Federation. Guidelines for the Prevention of Bullying (2025).

[2] Krivtsova, S.V. Bullying (bullying) in the student environment: how to understand, resist and not be afraid? / S.V. Krivtsova // Izvestia ASOU. – 2015. – № 3-2. - S. 52-59. – EDN WDHSMH.;.

[3] Krasinskaya, E. S. Actual problems of juvenile delinquency / E. S. Krasinskaya // Problems of modern criminal policy: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, December 06, 2024. - Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 137-140. – EDN SAUEAJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-538-542
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: v.omelin@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И СОГЛАСОВАНИЯ НОРМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье на основе анализа Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», УПК РФ, литературных источников рассматриваются проблемы взаимосвязей и согласования норм оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства. Предлагаются дополнения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативные подразделения, органы дознания, начальник органа дознания, подозреваемый (обвиняемый), находящейся по стражей.*

Для цитирования: *Омелин В. Н. Проблемы взаимосвязей и согласования норм оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства // Право и управление. 2026. № 10. С. 538–542.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute of the Federal service for execution of punishment of Russia, Doctor of low, Professor

PROBLEMS OF INTERCONNECTIONS AND COORDINATION OF NORMS OF OPERATIONAL-SEARCH AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Annotation. *Based on an analysis of Federal Law No. 144-FZ dated August 12, 1995, "On Operational Investigative Activities," the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and literary sources, the article examines the problems of interconnections and harmonization of the norms of operational investigative and criminal procedural legislation. Proposals are made for amendments to the Federal Law «On Operational Investigative Activities».*

Key words: *Operational investigative activities, operational investigative measures, operational units, investigative bodies, head of the investigative body, suspect (accused) in custody.*

For citation: *Omelin V. N. Problems of interconnections and coordination of norms of operational-search and criminal procedure legislation. Law and administration. 2026;(10):538–542. (In Russ.).*

1. Регулируя оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее - УПК РФ) объективно взаимосвязаны, причем данная взаимосвязь имеет множество форм, проявлений, граней.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, закрепил за государственными органами, наделенными полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, статус органов дознания (ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Определяя полномочия органа дознания, УПК РФ запретил проведение дознания лицом, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41). Уголовно-процессуальный закон определяет порядок взаимодействия следователя и оперативного сотрудника при расследовании преступлений (ч. 4 ст. 157, ч. 2 ст. 163, ч. 7 ст. 164); устанавливает перечень преступлений, по которым обязательно предварительное следствие (ст. 150), что согласно ст. 8 Закона об ОРД является обязательным

условием осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Определяя обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), виды доказательств (ст. ст. 74–81 УПК РФ), способы их собирания, проверки и оценки (ст. ст. 86–88 УПК РФ), понятие результатов оперативно-розыскной деятельности (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) и их использование в доказывании (ст. 89 УПК РФ) уголовно-процессуальный закон служит основой для определения приемов получения оперативно-розыскной информации и процедур ее использования в уголовном процессе.

Сказанное предполагает четкую согласованность норм Закона об ОРД и УПК РФ, исключение дублирования между ними, конкуренции, противоречий, что в законотворческой деятельности, к сожалению, достигается не всегда. Плохо «налаженные» связи между оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством, их недостаточная гармонизация затрудняют правоприменительную деятельность, повышают риск принятия ошибочных решений, порождают тупиковые, порой парадоксальные правовые ситуации. Несогласованность норм, относящихся к разряду общих, исходных положений данных отраслей законодательства (задачи, принципы), приводит к более серьезным последствиям — изменению назначения той или иной отрасли законодательства, смещению акцентов и приоритетов в шкале охраняемых ею ценностей [1].

2. Согласование норм Закона об ОРД и УПК РФ сопряжено с рядом сложностей. Примером возникновения правовой коллизии (противоречия) между нормами уголовно-процессуального и оперативно-розыскного закона может служить п. 3 ч. 1 ст. 7 Закон об ОРД, согласно которому одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий является поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определение суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 157 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Что касается поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, исходящих от органов дознания и суда, то здесь необходимо иметь в виду, что уголовно-процессуальный закон не закрепило за ними этого права. Другими словами, данная норма не согласуется с базовыми предписаниями УПК РФ. Статья 40 УПК РФ не наделяет орган дознания правом направлять поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (см. ст. 40 УПК РФ). Таким правом, согласно УПК РФ, обладает начальник органа дознания (п. 6 ч. 1 ст. 40.2). К сказанному следует добавить, что о поручении органа дознания законодатель упоминает в п. 2 ст. 14 Закона об ОРД. Данная норма обязывает оперативно-розыскные органы исполнять в пределах своих полномочий поручения в письменной форме дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, принятым ими к производству.

По нашему мнению, обозначенные «нестыковки» предписаний УПК РФ и Закона об ОРД можно объяснить разновременным принятием и введением в действие ст. 40.2 УПК РФ. Данная статья введена в УПК РФ Федеральным законом от 30.12.2015 № 440-ФЗ. Как известно Закон об ОРД был принят 12.08.1995 и в пункт 3 ч. 1 ст. 7 данного закона последние изменения вносились от 05.04.2013 № 53-ФЗ. В результате взаимосвязанные нормы УПК РФ и Закона об ОРД оказались плохо согласованными друг с другом, что привело к рассмотренным противоречиям, коллизиям.

Обозначенные «нестыковки» предписаний УПК РФ и Закона об ОРД следует устранить путем уточнения редакции пункт 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД. Предлагаем в упомянутых нормах Закона об ОРД термин «орган дознания» заменить на термин «начальник органа дознания». Касательно определения суда как основания для проведения оперативно-розыскных мероприятия, следует заметить, что в ст. 5 УПК РФ законодатель четко различает определение суда и постановление судьи. Определение суда – это любое решение, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанцией (п. 23 ст. 5). В то же время постановление судьи – это любе решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично (п. 25 ст. 5). Возникает вопрос: почему в п. 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД законодатель говорит только об определении суда, которое коллегиально выносится судом, и не упоминает постановление, которое единолично может выноситься судьей.

Из содержания отдельных статей Закона об ОРД, регулирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий, следует, что законодатель использует и другие термины, не совпадающие с понятием «определение суда». Так, в ч. 2 и 5 ст. 9 предусмотрено, что указанные материалы об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий рассматриваются уполномоченным судьей единолично и незамедлительно и по результатам их рассмотрения судья разрешает проведение

соответствующего оперативно-розыскного мероприятия либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление, которое выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия одновременно с возвращением представленных им материалов.

В то же время следует обратить внимание, что в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии определенной в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД информации.

Словосочетание «решения суда по уголовным делам» законодатель использует также в п. 2 ст. 14 Закона об ОРД. Как отмечалось выше, данная норма устанавливает обязанность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, исполнять в пределах своих полномочий решения суда о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам.

Как видно, законодатель использует в ряде предписаний обобщающий термин «решения суда», «судебное решение», которое, как полагаем, можно трактовать не только как определение суда, но и постановление судьи.

Изложенное, достаточно убедительно свидетельствует о целесообразности внесения уточнений в п. 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД и приведении его в соответствие с нормами УПК РФ. Полагаем, что в данной норме термин «определение суда» предлагаем заменить на словосочетание «определение, постановление суда».

3. Другим немаловажным вопросом в контексте обозначенной выше темы, является обеспечение согласования норм УПК РФ и Закона об ОРД в части регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий с обвиняемыми и подозреваемыми, содержащимися под стражей в следственных изоляторах (далее – СИЗО) по возбужденным уголовным делам.

Согласно правовому статусу подозреваемый и обвиняемый имеют право пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально (подп. 3 п. 4 ст. 46; подп. 8 и 9, п. 4 ст. 47 УПК РФ). Реализация этого права предполагает сохранение в тайне сведений доверительного характера, а также данных, характеризующих позицию и тактику защиты при проведении предварительного следствия, оценку доказательств. В рассматриваемом случае конфиденциальность обусловлена необходимостью сохранения адвокатской тайны, которая определяется как любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 года № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Это означает, что другие лица, даже по желанию или с согласия подозреваемого или обвиняемого и защитника, не могут присутствовать на свиданиях указанных лиц. Соответственно, недопустимо проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий, нарушающих право защитника на встречу его с подзащитным наедине. Так, свидания подозреваемого или обвиняемого с защитником могут иметь место без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать (ст. 18 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 01.08.2026.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее - Закон о содержании под стражей). Из сказанного вытекает допустимость проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как наблюдение, не связанного, однако, со слуховым контролем и фиксацией звуковой информации.

4. В качестве одного из процессуальных условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых, содержащихся под стражей, выступает предписание ч. 2 ст. 95 УПК РФ, согласно которому в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело. Заметим, что в ст. 8 Закона об ОРД закрепляющей условия (правила) проведения оперативно-розыскных мероприятий, оно не упоминается.

Прежде всего, следует признать возможность применения данной нормы не только в отношении подозреваемого, но и обвиняемого, содержащегося под стражей. Кроме того, положения данной нормы не распространяются на сотрудников оперативных подразделений СИЗО Специальными задачами оперативно-розыскной деятельности в СИЗО являются: обеспечение личной безопасности персонала, подозреваемых и обвиняемых, выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в местах содержания под стражей преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания и др.

Статья 34 Закона о содержании под стра-

жей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержит норму, предусматривающую проведение оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном законом, в местах содержания под стражей в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Выполнение указанных задач не связано с необходимостью получения разрешения следователя на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Из содержания ч. 2 ст. 95 УПК РФ следует, что для получения письменного разрешения дознавателя, следователя или суда о встречи с подозреваемым (обвиняемым), находящимся по стражей, оперативный сотрудник должен подготовить письменное ходатайство или рапорт, который подлежит согласованию с руководителем оперативно-розыскного органа. В письменном разрешении дознавателя, следователя или суда следует конкретизировать период, на который выдается разрешение, а также указать данные должностных лиц оперативно-розыскного органа, которым такое право предоставляется [2, С. 43, 44].

К сожалению, в ч. 2 ст. 95 УПК РФ не раскрывается, чем может быть вызвана необходимость упомянутой встречи для проведения оперативно-розыскных мероприятий и какие оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться в данной ситуации. В комментариях к ст. 95 УПК РФ данный вопрос также не рассматривается [3, С. 250-251; 4. С. 182-183].

Как представляется, необходимость такой встречи для проведения оперативно-розыскных мероприятий может быть вызвана тем, что имеются сведения о причастности подозреваемого (обвиняемого), содержащегося под стражей, например, к совершению иного, не связанного с расследуемым делом, преступления. Полагаем, что при получении разрешения названных участников уголовного процесса на встречу с подозреваемым (обвиняемым) оперативный сотрудник может проводить такое оперативно-розыскное мероприятие как гласный опрос. Последний проводится только при добровольном согласии подозреваемого (обвиняемого), находящего под стражей. При несогласии подозреваемого (обвиняемого) встречаться с оперативным сотрудником принудить его к тому вряд ли возможно, поскольку законодатель не предусматривает привода для проведения опроса, если лицо отказывается от явки в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.

Следует также обратить внимание, что подозреваемый (обвиняемый), находящейся под стражей, может согласиться на встречу при условии присутствия при этом адвоката. Однако, как известно, Закон об ОРД участие адвокатов при проведении оперативно-розыскных мероприятий не упоминает. В такой ситуации следует руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда РФ о том, что лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением в причастности к подготовке и совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться помощью адвоката (защитника), если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспирации [5]. В литературе высказано мнение, что проведение оперативно-розыскных мероприятий по расследуемым уголовным делам, по которым установлено лицо, совершившее преступление, нуждается в более тщательной законодательной регламентации. Для этого предлагается ч. 2 ст. 95 УПК изложить в новой редакции: «В случае необходимости и с письменного разрешения дознавателя, следователя, прокурора допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым для проведения его опроса» [1, С. 9]. Данная точка зрения представляется нам не вполне приемлемой, так как исключает возможность проведения иных оперативно-розыскных мероприятий в рассматриваемой ситуации. Полагаем, что при необходимости оперативный сотрудник в ходе встречи с подозреваемым может проводить такое оперативно-розыскное мероприятие как сбор образцов для сравнительного исследования, которое предусмотрено п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД. Сбор образцов для сравнительного исследования представляет собой оперативно-розыскное мероприятие, основанное на получении в распоряжение оперативного подразделения различных материальных объектов, являющихся носителями информации о признаках преступной деятельности.

Закон об ОРД не дает, но и не ограничивает перечня собираемых образцов, поэтому они могут включать в себя любые материальные объекты: следы, связанные с жизнедеятельностью человека (отпечатки пальцев, следы ног, волосы, голос, кровь, запах, почерк и т.п.) и пр. Гласный сбор образцов проводится при условии добровольного согласия лиц, располагающих необходимыми образцами. При необходимости к сбору образцов могут привлекаться специалисты, обладающие научными, техническими и иными специальными познаниями, однако обеспечение точности выбора образцов, их достоверности и сохранности возлагается на оперативного сотрудника [6, С. 283-300].

Список литературы:

[1] Ожкало В.В. Проблемы взаимосвязей и

согласования уголовно-процессуального, уголовного и оперативно-розыскного законодательства: автореф дис канд юрид наук. - М., 2004.

[2] Чечетин А.Е. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : Учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России , 2023. С. 43, 44.

[3] Рыжков А.П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 250-251. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.10.2026).

[4] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный). С. 182-183. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.10.2026).

[5] Определения Конституционного Суда РФ от 09 июня 2005 г № 327-0; от 27 июня 2017 г № 1419-0; от 18 июля 2019 г № 1872-0 и др. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.10.2026).

[6] Яковец Е.Н. К вопросу о содержании оперативно-розыскных мероприятий «сбор образцов для сравнительного исследования» и «исследование предметов и документов» // Научный журнал «Эпомен», № 51, 2021 | Epomen Scientific Journal, No. 51 (2021) С. 283-300.

References:

[1] Ozhkalo V.V. Problems of interconnections and coordination of criminal procedure, criminal and operational-search legislation: author dis kandis juris sciences. - M., 2004.

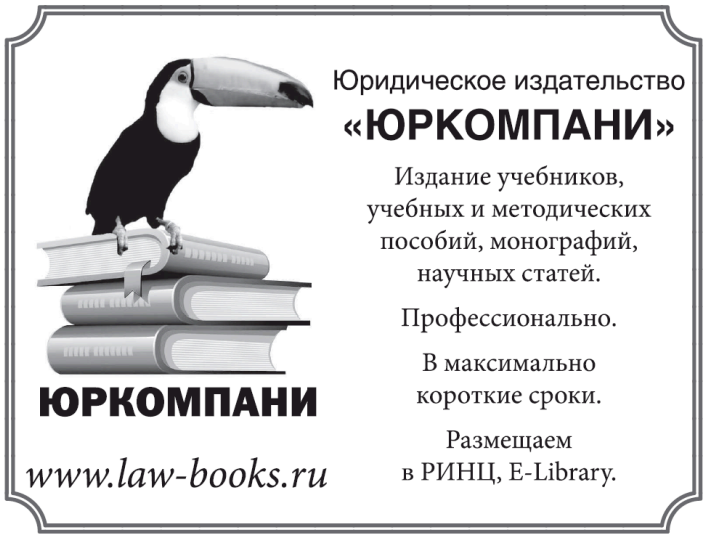
[2] Chechetin A.E. Conditions for conducting operational-search measures: Training manual. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. S. 43, 44.

[3] Ryzhkov A.P. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. pp. 250-251 // SPS ConsultantPlus (date of application 21.10.2026).

[4] Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Article by article). pp. 182-183 // SPS ConsultantPlus (date of application 21.10.2026).

[5] Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 09 dated June 2005, 327-0; No. 1419-0 dated 27 June 2017; No. 1872-0 et al., dated July 18, 2019 // SPS ConsultantPlus (date of application 15.10.2026).

[6] Yakovets E.N. On the content of operational-search measures "collection of samples for comparative research" and "study of objects and documents" // Scientific journal" Epomen, "No. 51, 2021 | Epomen Scientific Journal, No. 51 (2021) C. 283-300.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-543-546
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СТЕЦЮК Анна Васильевна,
Магистрант, Сахалинский государственный университет (СахГУ),
e-mail: Stetsyuk_anna96@mail.ru

POST MORTEM IMAGING: НОВАЯ ГЛАВА В СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности применения посмертной лучевой диагностики (виртуальной аутопсии) в криминалистике. Анализируются преимущества метода, включая визуализацию скрытых повреждений и создание цифровых доказательств, а также юридические и организационные барьеры его внедрения в российскую судебно-медицинскую практику. Подчёркивается необходимость нормативного закрепления и межведомственного взаимодействия.*

Ключевые слова: *Посмертная лучевая диагностика, виртуальная аутопсия, судебная медицина, криминалистика, цифровая визуализация, доказательства, танаторадиология.*

Для цитирования: *Стецюк А. В. Post mortem imaging: новая глава в судебной медицине России // Право и управление. 2026. № 10. С. 543–546.*

STETSYUK Anna Vasilyevna,
Master's student, Sakhalin State University (SakhSU)

POST MORTEM IMAGING: A NEW CHAPTER IN FORENSIC MEDICINE IN RUSSIA

Annotation. *The article examines the possibilities of using post mortem radiological diagnostics (virtual autopsy) in forensic science. The advantages of the method are analysed, including the visualization of hidden injuries and the creation of digital evidence, as well as the legal and organisational barriers to its implementation in Russian forensic practice. The need for regulatory consolidation and interdepartmental cooperation is emphasised.*

Key words: *Post mortem radiological diagnostics, virtual autopsy, forensic medicine, criminology, digital visualization, evidence, thanatoradiology.*

For citation: *Stetsyuk A. V. Post mortem imaging: a new chapter in forensic medicine in Russia. Law and administration. 2026;(10):543–546. (In Russ.).*

В последние годы посмертные лучевые исследования, в том числе виртуальная аутопсия, приобретают всё большее значение в судебной медицине и криминалистике. Это связано с ростом отказов от традиционного вскрытия по религиозным или этическим причинам, а также с развитием технологий, обеспечивающих неинвазивную и визуально точную диагностику причин смерти. Посмертная КТ и МРТ используются как самостоятельный метод или в дополнение к классической аутопсии. В зарубежной практике такие исследования применяются как при медицинских вскрытиях, так и в судебно-следственном процессе. Например, в Японии уже в 2013 году количество посмертных КТ достигло 20 000, а в ряде регионов страны разработаны алгоритмы визуализации тел умерших при отсутствии патологоанатомов [5].

С точки зрения криминалистики, лучевая диагностика имеет ряд преимуществ. Она позволяет объективно зафиксировать повреждения, деформации тканей, наличие инородных тел, а также провести трёхмерную реконструкцию анатомических структур [6]. В ряде случаев данные КТ и МРТ дают основания для вывода о причине смерти, особенно при насильственных действиях, например травмах, утоплении, удушении [7]. Правовое значение посмертной лучевой диагностики

связано прежде всего с вопросом допустимости результатов в уголовном процессе. В соответствии с положениями УПК РФ, заключения специалистов, выполненные с применением научных методов, могут рассматриваться как доказательства. Однако в отечественной практике до сих пор отсутствует единый регламент или стандарт для включения данных виртуальной аутопсии в качестве официального судебно-медицинского заключения [1].

В странах Европы и Азии мультифазная КТ-ангиография уже признана сопоставимой по точности с традиционной аутопсией. Согласно исследованию Grabherr, чувствительность метода составила 81%, что почти эквивалентно классическому вскрытию (83%). Однако авторы подчёркивают, что данная технология требует специальной подготовки, оснащения и нормативного оформления процедур [9].

На сегодняшний день в России подобные исследования применяются эпизодически, преимущественно в рамках научных и медицинских центров. Их правовой статус остаётся неурегулированным, что создаёт препятствия для официального включения в судебную практику [6]. Тем не менее в контексте развития криминалистики как науки и усиления технологического сопровождения следственных действий целесообразно рассматривать посмертную визуализацию как перспективное направление [1].

Посмертные лучевые исследования обладают высокой криминалистической ценностью, так как позволяют восполнить или заменить традиционные методы, особенно в условиях отказа от вскрытия или его невозможности. В судебно-медицинской практике виртопсия открывает новые возможности в анализе травматических повреждений, определении механизма смерти и визуализации инородных тел.

Одним из наиболее востребованных направлений является обнаружение скрытых костных переломов, гематом и деформаций мягких тканей, не всегда заметных при внешнем осмотре. Исследование Grabherr подтверждает, что применение мультифазной КТ-ангиографии повышает чувствительность метода с 64% до 81%, что делает его сравнимым по диагностической точности с традиционной аутопсией [9]. При этом томография позволяет получать детализированные трёхмерные изображения, что важно для последующего моделирования обстоятельств смерти. Особое значение метод имеет при расследовании насильственных преступлений. Так, в исследовании Cirielli и др. виртуальная аутопсия позволила установить причину смерти в 15 из 23 случаев, что соответствует 65% совпадений с результатами вскрытия. В ряде ситуаций виртопсия выявляла информацию, которая ускользнула бы при стандартной методике, особенно в случаях утопления, удушения и черепно-мозговой травмы [7]. Помимо этого, криминалистическая ценность заключается в возможности объективной цифровой фиксации данных. Это особенно важно при повторной экспертизе, судебных разбирательствах и при оспаривании выводов. Согласно опросу российских специалистов, в большинстве наблюдений анализ посмертных КТ-данных проводился врачами-рентгенологами, однако в перспективе возможно расширение взаимодействия с патологоанатомами, что повысит точность интерпретации [6].

Лучевая диагностика также играет важную роль в идентификации личности и локализации металлических предметов — пуль, осколков, острых предметов, — а также при определении траектории проникающих повреждений. Это может существенно повлиять на воссоздание хода преступления, идентификацию оружия и анализ положения тела в момент нанесения травмы [9]. С практической точки зрения, посмертная КТ может применяться как до вскрытия (в виде скрининга), так и независимо от него, особенно в условиях вооружённых конфликтов, природных катастроф и массовых происшествий, где традиционная аутопсия невозможна. Таким образом, лучевая диагностика в криминалистике — это не только способ визуализации, но и полноценный инструмент доказывания. Он позволяет расширить возможности установления причин смерти, повысить достоверность реконструкции событий и создать цифровой след, пригодный для хранения и повторного анализа.

Несмотря на очевидные преимущества посмертной лучевой диагностики, её внедрение в криминалистическую и судебно-медицинскую практику сопровождается рядом организационных, правовых и этических трудностей. Одной из ключевых проблем остаётся отсутствие нормативной базы, регламентирующей порядок использования КТ и МРТ в рамках судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве [1]. Это создаёт препятствия для признания результатов виртопсии в качестве допустимых доказательств.

Организационные сложности связаны с ограниченной доступностью оборудования и необходимостью специальной подготовки специалистов. В большинстве учреждений посмертные исследования проводятся с использованием общеклинических томографов, не адаптированных к задачам танаторадиологии. По данным опроса, в России такие исследования носят эпизодический характер и чаще проводятся в научных целях, чем в рамках криминалистического анализа. Технические вопросы касаются не только самого сканирования, но и последующей интерпретации. На данный момент анализ изображений

в основном осуществляют рентгенологи, тогда как интеграция знаний патологоанатомов остаётся недостаточной. Это снижает точность постановки судебно значимых диагнозов и требует выработки мультидисциплинарных протоколов взаимодействия [6].

Этическая сторона проблемы также вызывает споры. Использование посмертной визуализации как альтернативы вскрытию зачастую обусловлено религиозными мотивами. Однако отсутствие чётких стандартов может привести к формальному обходу обязательного патологоанатомического исследования и снижению качества выводов [5]. Необходима разработка механизмов информированного согласия, а также алгоритмов определения допустимых случаев отказа от вскрытия с применением КТ или МРТ. Тем не менее, перспективы у метода значительные. В условиях цифровизации и развития персонализированной медицины виртуальная аутопсия может стать неотъемлемой частью доказательной базы. Как показывает международная практика, в ряде стран (Швейцария, Германия, Япония) уже разработаны стандартизированные протоколы постмортальной визуализации, включая мультифазную КТ-ангиографию [9]. Их адаптация в российскую систему позволит повысить точность судебных заключений и ускорить экспертизы, особенно при расследовании резонансных дел и в условиях чрезвычайных ситуаций.

Современные тенденции свидетельствуют о необходимости формирования отдельного направления — судебной радиологии, с закреплением за ней юридического статуса и соответствующих полномочий. Это позволит перейти от разрозненных практик к системному использованию объективных, воспроизводимых и визуально подкреплённых данных в уголовном процессе. Посмертная лучевая диагностика представляет собой перспективное направление в криминалистике, объединяющее достижения современной визуализации с задачами правоприменения. Метод обеспечивает объективную фиксацию телесных повреждений, визуализацию скрытых травм и создание цифровых моделей, которые могут использоваться как доказательства в уголовном процессе. Исследования подтверждают, что в случаях насильственной смерти виртопсия по диагностической эффективности приближается к классической аутопсии, а иногда и превосходит её по точности детализации [9]. Однако в российской практике метод пока не получил достаточного нормативного закрепления. Его применение ограничено техническими возможностями, отсутствием стандартизированных протоколов и дефицитом мультидисциплинарного взаимодействия между рентгенологами, патологоанатомами и следственными органами [6]. Кроме того, требуется проработка правовых оснований признания результатов виртуальной аутопсии допустимыми и надёжными доказательствами.

Дополнительную сложность представляет необходимость выстраивания механизмов межведомственного сотрудничества, особенно в условиях специальных операций, катастроф и массовой гибели людей, где роль судебной радиологии выходит за пределы традиционного подхода [2]. На это указывают также выводы участников научных конференций, подчеркивающие растущую значимость IT-подходов и специального экспертного обеспечения расследования [3].

Международный обзор современного состояния postmortem imaging также демонстрирует стремительный прогресс: в 2025 году в публикации F. Dedouit и коллег подчеркивается внедрение мультифазной ангиографии, разработка цифровых архивов тел и стандартизированных протоколов диагностики [8]. Эти примеры указывают на необходимость выработки аналогичных подходов в российской криминалистической и экспертной практике. Подводя итог, можно заключить, что посмертная лучевая диагностика, при соответствующей правовой и организационной поддержке, способна занять устойчивое место в системе современного уголовного судопроизводства как высокоэффективный, объективный и воспроизводимый метод исследования.

Список литературы:

[1] Криминалистика: учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков ; под ред. Е.П. Ищенко. — 2-е изд., испр., доп. и перераб. — Москва : ИНФРА-М ; Контракт, 2010. — 576 с.

[2] Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.) / сост. А.В. Калинкин, А.В. Шебалин. – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. – 184 с.

[3] Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России: сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Ф. Лубина / под ред. А.Ю. Афанасьева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. – Вып. 3. – 419 с.

[4] Тенденции развития криминалистической теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции «Первые Яблоковские криминалистические чтения», Москва, 22 декабря 2023 г. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора М. Ш. Махтаева; МГУ имени

М. В. Ломоносова, Юридический факультет; ред.-сост. И. Ю. Гульбинович. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 234 с.: ил. — Текст: электронный. Электронное издание сетевого распространения.

[5] Туманова, У. Н. Лучевая виртуальная аутопсия в перинатологии : автореф. дис. … д-ра мед. наук : 14.01.13, 14.03.02 / Ульяна Николаевна Туманова. – Москва, 2021. – 46 с.

[6] Щеголев А.И., Туманова У.Н. Посмертные лучевые исследования в мировом и отечественном здравоохранении: анализ литературы и мнений российских специалистов // Digital Diagnostics. - 2023. - Т. 4. - № 3. - С. 369-383. doi: 10.17816/DD375328.

[7] Cirielli V, Cima L, Bortolotti F, Narayanasamy M, Scarpelli MP, Danzi O, Brunelli M, Eccher A, Vanzo F, Ambrosetti MC, El-Dalati G, Vanezis P, De Leo D, Tagliaro F. Virtual Autopsy as a Screening Test Before Traditional Autopsy: The Verona Experience on 25 Cases. J Pathol Inform. 2018 Jul 19;9:28. doi: 10.4103/jpi.jpi_23_18. PMID: 30167343; PMCID: PMC6106125.

[8] Dedouit F, Ducloyer M, Elifritz J, Adolphi NL, Yi-Li GW, Decker S, Ford J, Kolev Y, Thali M. The current state of forensic imaging - post mortem imaging. Int J Legal Med. 2025 May;139(3):1141-1159. doi: 10.1007/s00414-025-03461-x. Epub 2025 Mar 24. PMID: 40126650; PMCID: PMC12003538.

[9] Grabherr, S., Heinemann, A., Vogel, H., Rutty, G., Morgan, B., Woźniak, K., Dedouit, F., Fischer, F., Lochner, S., Wittig, H., Guglielmi, G., Eplinius, F., Michaud, K., Palmieri, C., Chevallier, C., Mangin, P., Grimm, J. Postmortem CT Angiography Compared with Autopsy: A Forensic Multicenter Study // Radiology. – 2018. – Vol. 288, No. 1. – P. 270–276. – DOI: 10.1148/radiol.2018170559..

References:

[1] Forensics: textbook / E.P. Ishchenko, A.A. Toporkov; ed. E.P. Ishchenko. - 2nd ed., Adjusted, add. And revised. - Moscow: INFRA-M; Contract, 2010. - 576 p.

[2] Forensic support for crime investigation: materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, St. Petersburg, October 24-25, 2024) / comp. A.V. Kalinkin, A.V. Shebalin. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2024. - 184 s.

[3] Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: a collection of articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of A.F. Lubin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation / ed. A.Yu. Afanasyev. - N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - Issue 3. - 419 s.

[4] Trends in the development of forensic theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference "First Yablokovsky Forensic Readings," Moscow, December 22, 2023 / under the general. ed. Dr. Jurid. Sciences, Professor M. Sh. Makhtaev; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law; ed. I. Yu. Gulbinovich. - Moscow: Moscow University Publishing House, 2024. - 234 p.: Ill. - Text: electronic. Electronic edition of network distribution.

[5] Tumanova, U. N. Radiation virtual autopsy in perinatology: autoref. dis.... Dr. med. Sciences: 14.01.13, 14.03.02 / Ulyana Nikolaevna Tumanova. - Moscow, 2021. - 46 s.

[6] Schegolev A.I., Tumanova U.N. Posthumous radiation studies in world and domestic healthcare: analysis of literature and opinions of Russian specialists // Digital Diagnostics. - 2023. - VOL. 4. - № 3. - C. 369-383. doi: 10.17816/DD375328.

[7] Cirielli V, Cima L, Bortolotti F, Narayanasamy M, Scarpelli MP, Danzi O, Brunelli M, Eccher A, Vanzo F, Ambrosetti MC, El-Dalati G, Vanezis P, De Leo D, Tagliaro F. Virtual Autopsy as a Screening Test Before Traditional Autopsy: The Verona Experience on 25 Cases. J Pathol Inform. 2018 Jul 19;9:28. doi: 10.4103/jpi.jpi_23_18. PMID: 30167343; PMCID: PMC6106125.

[8] Dedouit F, Ducloyer M, Elifritz J, Adolphi NL, Yi-Li GW, Decker S, Ford J, Kolev Y, Thali M. The current state of forensic imaging - post mortem imaging. Int J Legal Med. 2025 May;139(3):1141-1159. doi: 10.1007/s00414-025-03461-x. Epub 2025 Mar 24. PMID: 40126650; PMCID: PMC12003538.

[9] Grabherr, S., Heinemann, A., Vogel, H., Rutty, G., Morgan, B., Wozniak, K., Dedouit, F., Fischer, F., Lochner, S., Wittig, H., Guglielmi, G., Eplinius, F., Michaud, K., Palmieri, C., Chevallier, C., Mangin, P., Grimm, J. Postmortem CT Angiography Compared with Autopsy: A Forensic Multicenter Study // Radiology. – 2018. – Vol. 288, No. 1. – P. 270–276. – DOI: 10.1148/radiol.2018170559..

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-547-551
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КРАЕВСКАЯ Анна Геннадьевна,
ФГБОУ ВО "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", Москва, РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БАЛАНЮК Леонид Леонидович,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", Москва, РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

СМАРТ-КОНТРАКТЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ: МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Аннотация. *Развитие распределённых реестров и автоматизация исполнения обязательств обусловили рост практического интереса к смарт-контрактам как технологическому способу фиксации и (или) исполнения гражданско-правовых договорённостей. При этом в правовой плоскости смарт-контракт не сводится к программному коду: юридическое значение имеет соглашение сторон, а код выступает механизмом его автоматизированной реализации. В сфере здравоохранения смарт-контракты потенциально применимы для управления согласиями пациента, разграничения доступа к медицинской документации, автоматизации страховых расчётов и контроля цепочек поставок лекарственных средств. Одновременно медицинская специфика обостряет риски: обработка специальных категорий персональных данных, необходимость идентификации участников, ответственность за ошибки кода и «жёсткость» автоматического исполнения. В статье анализируются понятие и правовая природа смарт-контрактов, их место в российском праве, зарубежные подходы (США, ЕС, Великобритания), а также предлагаются модели правового и договорного оформления для медицинских отношений с учётом потребности в судебной защите и управляемости рисков.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, смарт legal contract, блокчейн, автоматизированное исполнение, медицинское право, персональные данные, страховые расчёты, доказательства, ответственность.*

Для цитирования: *Краевская А. Г. Смарт-контракты в юриспруденции: медицинское право // Право и управление. 2026. № 10. С. 547–551.*

KRAEVSKAYA Anna Gennadievna,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Supervisor:
BALANYUK Leonid Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

SMART CONTRACTS IN JURISPRUDENCE: MEDICAL LAW

Annotation. *The development of distributed registries and the automation of the fulfillment of obligations led to an increase in practical interest in smart contracts as a technological way of fixing and (or) executing civil law agreements. At the same time, in the legal plane, the smart contract is not reduced to a program code: the agreement of the parties has legal significance, and the code acts as a mechanism for its automated implementation. In healthcare, smart contracts are potentially applicable to managing patient consent, differentiating access to medical records, automating insurance settlements, and controlling drug*

supply chains. At the same time, medical specifics exacerbate the risks: the processing of special categories of personal data, the need to identify participants, responsibility for code errors and the "rigidity" of automatic execution. The article analyzes the concept and legal nature of smart contracts, their place in Russian law, foreign approaches (USA, EU, UK), and also proposes models of legal and contractual registration for medical relations, taking into account the need for judicial protection and risk manageability.

Key words: *smart contract, smart legal contract, blockchain, automated execution, medical law, personal data, insurance calculations, evidence, liability.*

For citation: *Kraevskaya A. G. Smart contracts in jurisprudence: medical law. Law and administration. 2026;(10):547–551. (In Russ.).*

Цифровизация экономики и развитие распределённых реестров объективно ставят перед правом задачу переосмысления традиционных договорных конструкций. Смарт-контракты стали одним из наиболее обсуждаемых феноменов последних лет, поскольку находятся на стыке частного права, информационных технологий и регулируемых рынков. Для медицинского права эта тема приобретает особую актуальность: здравоохранение оперирует большими массивами чувствительных сведений, включает множество участников (пациент, медицинская организация, страховая компания, лаборатория, поставщики) и предъявляет повышенные требования к доказательственной устойчивости процедур, связанных с получением согласий, назначениями, оплатой и передачей данных. При этом внедрение смарт-контрактов в медицине не следует воспринимать как попытку «заменить юриста кодом»; речь идёт о корректном юридическом проектировании, при котором автоматизация способна повысить прозрачность и дисциплину исполнения, но не устраняет правовые требования к действительности сделки, защите прав участников и распределению ответственности.

Термин smart contract, предложенный Н. Сабо, первоначально обозначал компьютерный протокол, автоматически исполняющий условия сделки при наступлении заранее заданных событий. В технологическом смысле смарт-контракт представляет собой программный код, размещённый в распределённой системе (чаще всего на блокчейн-платформе), который при наступлении определённых условий самостоятельно совершает предусмотренные действия. Однако прямое перенесение технологического определения в юридическую плоскость вызывает сложности, поскольку право оперирует не кодом как таковым, а волей сторон, содержанием договорённости и правовыми последствиями. По этой причине в доктрине и практике обычно выделяют два взаимосвязанных подхода: технический, при котором смарт-контракт понимается как код, обслуживающий договор и обеспечивающий его исполнение, и юридико-функциональный, согласно которому смарт-контракт может рассматриваться как форма фиксации и (или) способ исполнения гражданско-правового соглашения (в том числе гибридного), если соблюдены требования к сделке и к идентификации участников. Для медицинских отношений такое разграничение принципиально: пациент и медицинская организация не должны «соглашаться с кодом», который им недоступен для понимания и проверки; юридически значимой основой должен оставаться человекочитаемый текст договорённости (включая информированное согласие, правила доступа к данным и условия оплаты), тогда как код должен лишь реализовывать заранее согласованные механизмы исполнения.

Ключевым является вопрос о правовой природе смарт-контракта: является ли он самостоятельным видом договора либо представляет собой особый способ заключения и (или) исполнения обязательств. В логике российского гражданского права более обоснованно рассматривать смарт-контракт не как новый договорный тип, а как технологически обусловленный способ исполнения обязательств — полностью или частично — на основании соглашения сторон. Такой подход согласуется с принципом свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и с тем, что автоматизация не отменяет базовые элементы договорной конструкции: наличие субъектов, согласование существенных условий и направленность на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Отличие состоит в механизме реализации согласованной воли: исполнение происходит автоматически при наступлении условий, заданных алгоритмом («если—то»), без дополнительного волеизъявления сторон в момент исполнения. В медицинских кейсах это может проявляться, например, в автоматическом выставлении счёта после подтверждения оказания услуги или в автоматическом предоставлении доступа к выписке после фиксации факта авторизации пациента.

В Российской Федерации отсутствует легальное определение смарт-контракта, однако сформирована нормативная основа, позволяющая признавать юридическую значимость электронных форм взаимодействия и автоматизированного исполнения. Так, ст. 160 ГК РФ допускает письменную форму сделки с использованием

электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести её содержание, ст. 434 ГК РФ допускает заключение договора путём обмена электронными данными при условии достоверной идентификации сторон, а ч. 2 ст. 309 ГК РФ прямо предусматривает возможность автоматического исполнения обязательства без дополнительного волеизъявления. Существенное значение имеет 63-ФЗ «Об электронной подписи», закрепляющий юридическую значимость электронной подписи как инструмента идентификации и подтверждения целостности электронных документов, а также 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», формирующий общий режим данных и ИТ. В определённых сегментах цифровой экономики применим также 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах…», который создаёт инфраструктурные рамки для операций с токенизированными активами и предусматривает допустимость автоматизированных алгоритмов в соответствующих информационных системах. Вместе с тем для практики сохраняются проблемные блоки, особенно чувствительные для здравоохранения: квалификация ошибок программного кода и сбоев (включая вопросы вины, риска и причинной связи), доказывание содержания смарт-контракта и фактов его исполнения (экспертиза кода, журналы событий, установление связи между кодом и текстом договорённости), возможность изменения или расторжения и корректировки ошибочного исполнения (автоматизм против гибкости гражданско-правовых средств защиты), а также идентификация участников, критически важная при работе с медицинскими данными и страховыми выплатами. На этом фоне рациональным для медицинского права выглядит использование модели «гибридного договора», в котором человекочитаемый текст закрепляет права и обязанности, правила доступа к данным, ответственность и механизм разрешения споров, а смарт-контракт автоматизирует отдельные, технически исполнимые элементы.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в разных правопорядках подходы сходятся в основном: смарт-контракт может быть юридически обязательным, если соблюдены традиционные требования договорного права. В США признаётся юридическая сила электронных записей и подписей, а в ряде штатов смарт-контракты прямо признаются допустимыми; при этом подчёркивается, что код сам по себе не гарантирует отсутствие споров и что «обёртка» в виде понятного соглашения повышает исполнимость и предсказуемость. В праве ЕС акцент делается на технологическую нейтральность: смарт-контракты не выделяются в отдельную категорию, но признаются допустимыми при соблюдении требований договорного и потребительского права и правил электронной идентификации и доверенных услуг. Великобритания, опираясь на позиции UKJT и выводы Law Commission, исходит из того, что смарт-контракты способны образовывать юридически обязательные соглашения, при этом описывается спектр моделей — от договоров на естественном языке с автоматизированным исполнением до договоров, выраженных только кодом, — но на практике подчёркивается значимость гибридных конструкций и проблема исправления ошибок в условиях «неизменяемости» кода. Для российского медицинского контекста особенно важны два вывода: во-первых, отсутствие человекочитаемых условий и процедур контроля (audit/override) повышает риск не только технических, но и правовых дефектов; во-вторых, судопригодность конструкции достигается не постфактум, а заранее — через фиксацию связи между текстом и кодом, надёжную идентификацию сторон, определение применимого права и правил доказывания.

Потенциал применения смарт-контрактов в медицинском праве наиболее заметен в нескольких направлениях. Во-первых, это управление согласием пациента и разграничением доступа к медицинской документации. Поскольку медицинская деятельность опирается на информированное добровольное согласие и режим врачебной тайны, смарт-контракт может выступать механизмом управления разрешениями: пациент или его законный представитель предоставляет клинике, лаборатории или страховщику доступ к конкретному объёму сведений на определённый срок и для определённой цели, а система фиксирует события доступа, упрощая аудит и снижая риск «избыточного доступа». При этом хранение медицинских данных в открытом блокчейне неприемлемо по смыслу конфиденциальности; практическая архитектура должна предполагать, что в распределённом реестре фиксируются только хэши, метаданные и события доступа, а сами медицинские данные хранятся в защищённых контурах (off-chain) с контролируемыми правами доступа. Во-вторых, перспективна автоматизация страховых расчётов (ОМС/ДМС) и биллинга: при подтверждении факта оказания услуги и соблюдении условий покрытия смарт-контракт способен инициировать выставление счёта, расчёт суммы и оплату, что снижает транзакционные издержки, ускоряет расчёты и уменьшает количество ручных ошибок. Однако специфика медицины требует сохранения «человеческого окна», то есть возможности приостановить исполнение при споре о качестве услуги, обоснованности назначения или выявлении мошеннических схем. В-третьих, смарт-контракты применимы для контроля цепочек поставок лекарственных средств

и медизделий: фиксация этапов поставки и автоматическое исполнение обязательств при достижении контрольных точек (температурный режим, факт приёмки, сроки годности) важны для вопросов качества и безопасности продукции и для последующего доказывания добросовестности участников оборота.

Одновременно медицинские смарт-контракты имеют уязвимые зоны. Автоматическое исполнение полезно для дисциплины расчётов и стандартных процедур, но затруднительно там, где требуется правовая и фактическая оценка обстоятельств: качество медицинской помощи, врачебная ошибка, спор о диагнозе, необходимость повторной экспертизы. Поэтому медицинские смарт-контракты целесообразно ограничивать исполнимыми параметрами, не заменяя ими юридически значимую оценку, которая должна оставаться в сфере договора, регламента и применимых норм. Существенный риск связан с ошибками кода: если исполнение произошло некорректно из-за бага, уязвимости или неверной логики, возникает вопрос распределения риска между заказчиком, разработчиком, оператором платформы и пользователями. Поскольку специальной правовой модели в РФ пока нет, практическим решением становится детальная договорная регламентация: кто отвечает за корректность кода и его аудит, каковы пределы ответственности разработчика, каков порядок приостановки и «отката» последствий (в пределах технически возможного), какие журналы событий ведутся и как организуется экспертиза. Не менее важно обеспечить доказуемость для судебной защиты: наличие текста договорённости и связанного с ним кода в конкретной версии (включая хэш, репозиторий, протокол депонирования), подтверждённую идентификацию подписантов (ЭП, роли, полномочия), а также доказательства наступления условий исполнения (орэклы, источники данных, журналы). Российская практика в целом допускает электронные доказательства, однако смарт-контрактные конструкции существенно выигрывают, когда процедуры фиксации версий и экспертизы предусмотрены заранее.

С учётом указанного наиболее жизнеспособной для российского здравоохранения представляется гибридная модель, в которой человекочитаемый договор или регламент закрепляет согласия, политику доступа к данным, SLA, ответственность, порядок разрешения споров и применимое право, а смарт-контракт выступает модулем исполнения (оплата, выдача доступа, фиксация событий). Для управляемости рисков необходимы механизмы контроля, включая мультиподпись или административную паузу, процедуру приостановки при возникновении спора и механизм обновления версий по согласованию сторон. Архитектура должна строиться по принципу privacy-by-design: on-chain помещается только то, что необходимо для доказуемости (метки времени, хэши, события), а персональные и медицинские сведения остаются в защищённом контуре. Такая конструкция соответствует общему направлению развития права: автоматизация признаётся допустимой, но юридический смысл сохраняется за волей сторон и действующими нормами гражданского законодательства.

Для повышения правовой определённости в медицинском сегменте целесообразны меры, которые «встраивают» смарт-контракты в существующую систему, не ломая её: закрепление легального определения смарт-контракта как соглашения, условия которого полностью или частично исполняются автоматически с использованием программного кода в информационной системе; установление презумпции юридической значимости автоматизированного исполнения при условии, что механизм прямо согласован сторонами; разработка правил распределения ответственности за ошибки кода по логике ненадлежащего исполнения и распределения рисков с учётом роли разработчика и оператора; формирование правил доказывания, включая допустимость экспертного исследования кода и стандарты фиксации версий и журналирования событий; принятие отраслевых стандартов для здравоохранения, определяющих минимальные требования к идентификации, управлению согласиями, хранению медицинских данных и аудиту доступа, совместимые с общими нормами гражданского права и информационного законодательства.

Таким образом, смарт-контракты в медицинском праве следует рассматривать прежде всего как технологию автоматизированного исполнения обязательств и управления правами доступа к данным, а не как самостоятельный «новый вид договора». Российское право уже содержит нормы, позволяющие использовать электронную форму и автоматизированное исполнение, однако отсутствие комплексного регулирования увеличивает риски в вопросах ответственности, изменения условий и доказывания. Оптимальным практическим путём для здравоохранения в РФ является внедрение гибридных конструкций, где человекочитаемый договор и согласия задают юридическую рамку, а код автоматизирует строго ограниченный круг действий при наличии механизмов контроля, идентификации и доказуемости. При таком подходе смарт-контракты способны повысить прозрачность процессов, снизить транзакционные издержки и улучшить управляемость медицинских данных, не подменяя правовые гарантии пациента и не исключая судебную защиту.

Список литературы:

[1] Литвин А.А., Коренев С.В., Князева Е.Г. Возможности блокчейн-технологии в медицине (обзор). 2018.

[2] Нормативно-правовая база. КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru (дата обращения: 27.11.2023).

[3] Егоров К.В., Булнина А.С., Гараева Г.Х. и др. Медицинское право: учебное пособие. М.: Статут, 2019.

[4] Басова А.В. Медицинское право: учебник.

[5] Вишняков Н.И., Гусев О.А., Кочорова Л.В. и др. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. М.: МЕДпресс-информ, 2016.

[6] Романовский Г.Б. Правовые основы оказания первичной медико-санитарной помощи // Управление качеством в здравоохранении. 2017. № 1. С. 30–35.

[7] Романовский Г.Б. Правовые основы оказания скорой медицинской помощи // Управление качеством в здравоохранении. 2017. № 2. С. 11–16.

[8] Салыгина Е.С. Нарушение прав врачей: коллективная материальная ответственность // Заместитель главного врача: лечебная работа и медицинская экспертиза. 2017. № 3. С. 78–79.

[9] Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография / под общ. ред. В.М. Бочарова. Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009.

References:

[1] Litvin A.A., Korenev S.V., Knyazeva E.G. Possibilities of blockchain technology in medicine (review). 2018.

[2] Regulatory framework. ConsultantPlus: reference legal system. URL: consultant.ru (access date: 27.11.2023).

[3] Egorov K.V., Bulnina A.S., Garaeva G.Kh. et al. Medical law: study guide. M.: Statute, 2019.

[4] Basova A.V. Medical law: textbook.

[5] Vishnyakov N.I., Gusev O.A., Kochorova L.V. et al. Public health and public health: a textbook. M.: MEDpress-inform, 2016.

[6] Romanovsky G.B. Legal Framework for Primary Health Care // Quality Management in Health Care. 2017. № 1. S. 30-35.

[7] Romanovsky G.B. Legal basis for the provision of emergency medical care // Quality management in health care. 2017. № 2. S. 11-16.

[8] Salygina E.S. Violation of the rights of doctors: collective material responsibility // Deputy chief physician: medical work and medical examination. 2017. № 3. S. 78-79.

[9] Civil society: problems of formation and development (philosophical and legal aspects): monograph/under the general. ed. V.M. Bocharova. Kaliningrad: Kaliningrad Yul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-552-556
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

РОДИНА Александра Владимировна,
Старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Кандидат юридических наук,
e-mail: avrodina@msal.ru

АНАЛИЗ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КЛИНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННОГО ПРЕПАРАТА ДЛЯ МЕДИЦИНСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *По данным, предоставленным Министерством здравоохранения РФ и Ассоциацией организаций по клиническим исследованиям (АОКИ), ежегодно на территории нашей страны выпускается более 500 новых лекарственных средств. Выпуск лекарственных препаратов, используемых в медицинских целях, в гражданский оборот предполагает их безопасность и эффективность, которые должны быть подтверждены на этапе проведения клинического исследования с участием добровольцев. Клиническое исследование представляет собой совокупность разнородных действий направленных на изучение свойств объекта исследования и его влияния на организм человека. В связи со сложностью по своему характеру деятельности отношения, возникающие в рамках клинических испытаний, характеризуются привлечением значительного количества различных участников к данному процессу. В приведенной статье проводиться комплексное исследование гражданско-правовых отношений, складывающихся при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения, проанализирована их зависимость по отношению друг к другу и сформулирован вывод о необходимости правового регулирования данных отношений во взаимосвязи.*

Ключевые слова: *клиническое исследование лекарственного препарата, лекарственные средства, участник исследования, медицинская деятельность.*

Для цитирования: *Родина А. В. Анализ гражданско-правовых отношений, возникающих при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения // Право и управление. 2026. № 10. С. 552–556.*

RODINA Alexandra V.,
Senior Lecturer of the Chair of Civil Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law.

ANALYSIS OF CIVIL LAW RELATIONS ARISING IN THE COURSE OF CLINICAL TRIALS OF MEDICINAL PRODUCTS FOR MEDICAL USE

Annotation. *According to data provided by the Ministry of Health of the Russian Federation and the Association of Clinical Research Organizations (ACRO), more than 500 new medicinal products are released annually in our country. The release of medicinal products used for medical purposes into the civilian market implies their safety and efficacy, which must be confirmed at the stage of conducting a clinical trial involving volunteers. A clinical trial is a set of diverse actions aimed at studying the properties of the object under study and its effect on the human body. Due to the complexity of the nature of the activities involved, the relationships that arise within the framework of clinical trials are characterized by the involvement of a significant number of different participants in this process. The article provides a comprehensive study of the civil law relations that develop during the clinical trial of a medicinal product for medical use, analyzes their interdependence, and formulates a conclusion regarding the need for legal regulation of these relations in their interconnection.*

Key words: *clinical study of a medicinal product, medicinal products, study participant, medical activity.*

For citation: *Rodina A. V. Analysis of civil law relations arising in the course of clinical trials of medicinal products for medical use. Law and administration. 2026;(10):552–556. (In Russ.).*

Введение.

Согласно статистике ежегодно в России вводиться в гражданский оборот от 500 до 650 терапевтических продуктов [7]. При этом лекарственное средство становиться полноценным объектом гражданских прав после прохождение процедуры государственной регистрации. Получение регистрационного удостоверения возможно только после успешного проведения клинического испытания, подтверждающего безопасность и эффективность препарата. Клиническое исследование с участием человека – составной, сложный медицинский и научный процесс. При его осуществлении между участниками, а также между участниками и третьими лицами возникает многоуровневая архитектура разнородных связей. Комплексный характер деятельности по изучению свойств лекарственного препарата предопределяет возникновение правовых отношений, различных по своей природе, в числе которых гражданско-правовые занимают особое место. Целью настоящей статьи является изучение складывающихся при проведении клинических исследований отношений, определение места гражданско-правовых отношений в системе. Результатом исследования, в свою очередь, выступает построение иерархии отношений в рамках клинических исследований, определение их взаимосвязи, что должно быть учтено при формировании соответствующего правового регулирования.

Основная часть.

Анализ положений гл. 7 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» позволяет выделить среди отношений, складывающихся при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения, центральные и второстепенные. Центральные выступают основными элементами системы и появляются в рамках проведения испытания при изучении свойств лекарственного средства и его влияния на организм человека, в то время как второстепенные способствуют выполнению рассматриваемой деятельности качественно, в пределах правового поля.

Переходя к подробному рассмотрению центральных правоотношений, следует отметить, что согласно п. 1 ст. 41 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [8] любое клиническое исследование осуществляется на основании соглашения. Договор о проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения является гражданско-правовым и заключается между организатором исследований (спонсором) и осуществляющей их медицинской организацией. Отношения «заказчик-исполнитель» выступают ядром всей системы складывающихся между участниками правовых связей, определяя внутреннее наполнение конкретных клинических исследований. Договор, заключаемый между рассматриваемыми субъектами, представляет собой правовой стержень конкретного клинического исследования, устанавливает общие условия его проведения. Его положения влияют на содержание, порядок возникновения и формирования иных отношений в рамках клинического исследования.

В юридической доктрине и судебной практике ведется дискуссия относительно квалификации данного соглашения. В литературе широко распространена точка зрения о том, что деятельность в рамках проведения клинического исследования лекарственного препарата является обычными научно-исследовательскими роботами [1, с. 3]. Указанный вывод также излагается в некоторых судебных актах [9]. Так, в одном из решений по делу между Минпромторгом России (заказчик) и ООО «МБЦ «Генериум» (исполнитель), заключенный договор о «проведении клинических исследований лекарственного препарата с целью подбора оптимальных дозировок лекарственного препарата и курса лечения, проведении клинических исследований лекарственного препарата с целью установления их эффективности, анализ результатов клинических исследований и подготовке отчета» суд квалифицировал как договор НИР [10]. Альтернативных взглядов придерживается М.И. Литовкина. В своей работе она рассматривает действия по осуществлению клинических исследований как оказание услуг [2, с. 30]. Существует мнение о смешанном характере данного договора, содержащем в себе элементы как научно-исследовательских работ, так и услуг [3, с. 9].

Исходя из целей осуществления клинического исследования, установленных п. 1 ст. 38 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», очевидно, что оно сводится не к деятельности, характерной для услуг, а предполагается проведение самого испытания и получение результата особого рода. Такой результат проявляется в виде формулирования выводов исполнителя о лекарственном препарате, его свойствах, влиянии на организм человека, его безопасности и эффективности. Указанное позволяет говорить о том, что рассматриваемый договор является особым видом договора на проведение научно-исследовательских работ, а отношения, склады-

вающиеся между заказчиком и исполнителем клинического исследования, являются научно-исследовательскими работами особого рода.

К второстепенным отношениям в рамках установления эффективности и безопасности лекарственного препарата возможно отнести совокупность отношений, которые связаны с его проведением, однако возникнуть, существовать или полноценно реализоваться они могут только при наличии центральных отношений. Второстепенные отношения возникают как одновременно с центральными (сопутствующие), так и могут предшествовать им (предшествующие) или непосредственно вытекать из них (последующие), а также их условно можно разделить на обязательные и факультативные.

Для осуществления клинических исследований обязательным является получение заказчиком исследования разрешения от уполномоченного органа (п. 4 ст. 38 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств»). Получение такого разрешения выступает юридическим фактом, который санкционирует осуществление научных исследований лекарственного средства, сопряжённого с контролируемым для здоровья гражданина риском. Следует отметить, что упомянутое выше разрешение не соотноситься с актами, рассматриваемыми в п. 3 ст. 49 ГК РФ, и имеет особую правовую природу. Вместе с тем, представляется, что получение необходимого допуска со стороны Министерства здравоохранения РФ влияет на правовой статус заказчика и расширяет гражданскую правоспособность данного юридического лица, наделяя его возможностью инициировать выполнение клинического исследования, выступив стороной договора о его проведении. Возникающие отношения в рамках санкционирования государством проведения испытаний характеризуются отсутствием равенства субъектов и наличием властных полномочий у одной из сторон, однако связь с имущественными отношениями, входящими в предмет гражданского права, в том числе служебная роль для последних очевидна. Складывающиеся при получении разрешения отношения являются факультативными, предшествующими и обязательными, носят подготовительный характер, являются предпосылкой, создающей необходимые условия для осуществления проверки лекарственного средства на безопасность и эффективность.

Факультативными предшествующими отношениями также могут быть отношения между лицом, инициирующим проведение исследования (заказчиком), и сторонней компанией по организации проведения клинического исследования. Спонсор вправе передать одну из своих обязанностей или всю их совокупность в рамках клинических испытаний третьему лицу – контрактной исследовательской организации (п. 1.23 Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 79 «Об утверждении Правил надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза» [11]). Так, например, в одном из судебных решений указывалось, что в рамках договора об организации проведения клинического исследования заказчиком исследования передавались следующие обязанности сторонней организации: услуги по обработке информации и консультированию; агентские услуги (обязательства), включая обязательства по организации и координации клинических исследований [12]. Информация о привлекаемой в процесс сторонней организации вносится в заявление о получении разрешения на проведение клинических исследований еще до начала их выполнения. Целью привлечения к участию в исследовании третьего лица является оптимизация работы заказчика путем уменьшения его затрат и (или) использование ресурсов иного юридического лица, обладающего большими профессиональными возможностями в данной сфере, позволяющими обеспечить более качественную организацию хода исследования.

Появление третьего лица расширяет структуру гражданско-правовых договорных связей. В связи со сложностью, комплексностью деятельности по проведению клинических исследований контрактно-исследовательской организации, с которой заключает подобный договор спонсор, могут быть переданы полномочия по осуществлению только юридических или только фактических действий, а также как юридических, так и фактических действий в совокупности. В случае если в предмет договора входит выполнение фактических действий его можно характеризовать как договор возмездного оказания услуг, договор подряда, договор, направленный на выполнение научно-исследовательских работ, исходя из анализа предмета каждой конкретной сделки. В случае если необходимо совершение еще и юридических действий в интересах спонсора, то рассматриваемое соглашение будет квалифицироваться в качестве агентского договора, поручения (в случае если фактические действия будут отсутствовать вовсе или будут второстепенными по отношению к юридическим), или смешанного, включающего в себя элементы всех видов договоров или их части. При этом передача тех или иных обязанностей спонсора сторонней организации напрямую зависит от содержания основного договора с исполнителем.

В ходе выполнения клинических исследований сопутствующие второстепенные отношения возникают параллельно с центральными и также делятся на обязательные и факультативные. К обязательным относятся отношения, возникающие между медицинской организацией, проводя-

щей клинические исследования, и физическими лицами, принимающими участие в исследовании (отношения - «медицинская организация/заказчик – участник исследования»). В юридической литературе высказывается мнение, что «на время проведения исследования он пользуется всеми правами и свободами, вытекающими из юридического статуса пациента» [4, с. 24]. Пример связи между основным договором и договором с участником проявляется в нескольких аспектах. Так, например, основной договор закрепляет требования к участникам, косвенно влияет на содержание договора с добровольцами, которое должно соответствовать деятельности, закрепленной в основном договоре с исполнителем и протоколе как части основного соглашения. В законе отсутствует определение порядка оформления данных отношений. На практике между указанными субъектами заключается гражданско-правовой договор, который квалифицируется в качестве договора особого рода [5, с. 20]. В законе отсутствует его дефиниция, признаки и место в системе иных сделок, не определены существенные условия. Представляется, что в целях обеспечения правовой определенности и защиты прав участников отношений, необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств», дополнив его статьями, определяющими данный договор, форму, предмет и другие положения.

Проведение клинических исследований затрагивает также нематериальные блага, выступающие объектом гражданских прав (Ст. 128 ГК РФ). Нематериальные блага выступают объектом личных неимущественных отношений, которые характеризуются отсутствием материального содержания, неотчуждаемостью и непередаваемостью. Их охрана обеспечивается нормами различных отраслей права, в том числе гражданского, предусматривающего реальный механизм защиты в случае их нарушения. Так, имя участника исследования, сведения об участии в самом клиническом исследовании, личная и семейная тайны, включая медицинскую [6, с. 19], и иные сведения ставшие известными в ходе испытаний защищаются, и не могут быть разглашены третьим лицам даже при их использовании для создания произведений науки, если это противоречит интересам добровольца (п. 2, п.3 ст. 152.2 ГК РФ). Кроме того, любое исследование влияет на жизнь и здоровье человека, который принимая участие в клиническом исследовании распоряжается ими исходя из своей воли.

Проведение клинических исследований лекарственных препаратов связано с повышенным риском для здоровья лиц, их принимающих, по причине недостаточности информации о влиянии этих препаратов на организм. Ст. 4 Федерального Закона «Об обращении лекарственных средств» определяет безопасность как характеристику лекарственного средства, основанную на сравнительном анализе его эффективности и риске причинения вреда здоровью. В случае причинения вреда жизни и здоровью участника исследования возникают деликтные отношения (гл. 59 ГК РФ). В зависимости от момента обнаружения ущерба, причиненного жизни и здоровью участника исследования, данные отношения могут быть и как сопутствующими, и как непосредственно вытекающими из центральных отношений.

Одной из гарантий обеспечения прав и интересов добровольцев при причинении вреда в процессе клинического исследования выступает обязательное страхование их жизни и здоровья. Сопутствующие отношения по страхованию возникают между организатором исследования и страховой компанией на основании договора страхования и регламентируются нормами гражданского законодательства, прежде всего содержащимися в гл. 48 ГК РФ и Законе РФ от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [13]. Указанное соглашение заключается в пользу третьих лиц – физических лиц, выступающих стороной по договору участия в исследовании. Содержание отношений страхования жизни и здоровья участников исследований, оказывают влияние на содержание иных договорных отношений, входящих в единую систему, обеспечивающую проведение клинического исследования (срок проведения клинического исследования, устанавливаемый в основном договоре, приблизительное количество пациентов, привлекаемых к исследованию, цели исследования и др.)

Сопутствующими отношениями также являются отношения заказчика или исполнителя по договору о проведении клинического исследования со сторонними организациями, связанные с созданием условий, обеспечивающих качественное проведение испытаний. Отношения этой группы разнообразны в каждом конкретном случае, однако, направлены на качественное проведение исследования в целом и регламентируются соответствующими поименованными в гражданском кодексе договорами. Такие условия могут включать перевозку лекарственного средства и доставку его исполнителю, аренду помещения для обеспечения проведения исследования и другие.

Заключение.

Анализ рассматриваемых отношений, складывающихся в рамках проведения клинических исследований, позволяет говорить об их подчиненности строгой иерархии и наличии взаимосвязи между собой, где центральное место занимают отношения, складывающиеся между заказчиком исследования и исполнителем по договору о про-

ведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения. При этом возникающие второстепенные отношения выполняют различную функцию, в том числе создают необходимые предпосылки для проведения исследования, обеспечивают полноценное выполнение клинического исследования или способствуют и направлены на надлежащее осуществление лицами, участвующими в проведении клинических исследований, своих прав и обязанностей по договору. Рассматриваемые взаимосвязи должны быть учтены при регламентации складывающихся в рамках клинических испытаний отношений, толковании норм права, формировании условий складывающихся между сторонами договоров.

Список литературы:

[1] Сергеев Ю.Д., Тер-Овакимян А.А. Договор о проведении клинического исследования лекарственного препарата; права пациентов, участвующих в данных исследованиях // Медицинское право. 2023. № 3. С. 2 – 5.

[2] Литовкина М.И. Организационно-правовые вопросы проведения клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения // Медицинское право. 2010. № 5. С. 30 - 33.

[3] Гришаев С.П. Комментарий к Федеральному закону от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Хозяйство и право. 2010. № 12. С. 3-14.

[4] Блинов А.Г. Юридический статус пациента как субъекта здравоохранительных правоотношений // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 18 - 26.

[5] Малеина М.Н. Договор об участии здорового гражданина в клиническом исследовании новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации // Медицинское право. 2020. № 5. С. 17 - 22.

[6] Бурмейстер И.А. Медицинская (врачебная) тайна // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. С. 15-20.

[7] ГК: https://www.interfax.ru/russia/950222..

[8] Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. ст. 1815.

[9] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2019 N 09АП-3329/2019 по делу N А40-152348/18 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2019 N 09АП-3329/2019 по делу N А40-152348/18 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 79 «Об утверждении Правил надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза» // СПС «Консультант Плюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2016 N Ф05-12304/2016 по делу № А40-194412/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[13] Российская газета. 1993. N 6.

References:

[1] Sergeev Y.D., Ter-Ovakimyan A.A. Agreement on the conduct of a clinical trial of a medicinal product; rights of patients participating in these studies // Medical law. 2023. № 3. S. 2-5.

[2] Litovkina M. Organizational and legal issues of conducting clinical trials of medicinal products for human use // Medical law. 2010. № 5. S. 30-33.

[3] Grishaev S.P. Commentary to Federal Law No. 61-FZ "On Circulation of Medicines" dated April 12, 2010 // Economy and Law. 2010. № 12. S. 3-14.

[4] Blinov A.G. Legal status of the patient as a subject of health legal relations // Journal of Russian Law. 2011. № 4. S. 18-26.

[5] Maleina M.N. Agreement on the participation of a healthy citizen in the clinical study of new methods of prevention, diagnosis, treatment and rehabilitation // Medical law. 2020. № 5. S. 17-22.

[6] Burmeister I.A. Medical (medical) secret // Siberian legal bulletin. 2008. № 2. S. 15-20.

[7] ГК: https://www.interfax.ru/russia/950222..

[8] Federal Law of 12.04.2010 No. 61-FZ "On Circulation of Medicines" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 16. Art. 1815.

[9] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 06.03.2019 No. 09АП-3329/2019 in case No. A40-152348/18 // SPS "ConsultantPlus.

[10] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 06.03.2019 No. 09АП-3329/2019 in case No. A40-152348/18 // SPS "ConsultantPlus".

[11] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 03.11.2016 No. 79 "On Approval of the Rules of Good Clinical Practice of the Eurasian Economic Union" // SPS "Consultant Plus".

[12] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 30.08.2016 N F05-12304/2016 in case No. A40-194412/2015 // SPS "Consultant Plus".

[13] Rossiyskaya Gazeta. 1993. N 6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-557-560
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ФЕДОРЕНКО Галина Борисовна,
Барнаульский юридический институт МВД России,
Барнаул, Россия,
e-mail: galgofe@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ТРУДА ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ

Аннотация. *Данное исследование направлено на анализ ограничений принципа свободы труда в Российской Федерации при приеме на работу. Автора интересуют как законодательные ограничения, так и фактические ограничения, наблюдаемые на практике. Преследуемая цель работы – определить: является ли провозглашенный принцип свободы труда декларативной нормой с учетом всех существующих ограничений либо реально действующей, также определить характер ограничений и их влияние на регулирование общественных отношений в сфере труда в целом.*

Ключевые слова: *свобода труда, конституционные ценности, ограничения в сфере труда, баланс интересов, трудоустройство.*

Для цитирования: *Федоренко Г. Б. Влияние законодательных и иных ограничений на реализацию принципа свободы труда при трудоустройстве // Право и управление. 2026. № 10. С. 557–560.*

FEDORENKO Galina Borisovna,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

THE IMPACT OF LEGISLATIVE AND OTHER RESTRICTIONS ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF LABOR IN THE CONTEXT OF HIRING

Annotation. *This study analyzes the limitations placed on the principle of freedom of labor in the Russian Federation during the hiring process. The author examines both legislative restrictions and practical, de facto limitations. The objective of this work is to determine whether the proclaimed principle of freedom of labor is merely a declarative norm—given the various existing restrictions — or a truly functional one. Furthermore, the study seeks to characterize these limitations and assess their impact on the regulation of labor-related social relations as a whole.*

Key words: *freedom of labor, constitutional values, restrictions in the sphere of labor, balance of interests, hiring/employment.*

For citation: *Fedorenko G. B. The impact of legislative and other restrictions on the implementation of the principle of freedom of labor in the context of hiring. Law and administration. 2026;(10):557–560. (In Russ.).*

Самым знаковым принципом трудового права считается принцип свободы труда, провозглашенный в статье 37 Конституции Российской Федерации. Это правило принципиально меняет подход к распоряжению гражданином своими способностями к труду, в отличие от ранее существовавшего в науке советского трудового права – «права на труд». Реализовывая данный принцип, гражданин не просто может выбирать род трудовой деятельности по своему усмотрению, теперь закон разрешает ему, без всяких негативных последствий, вообще не реализовывать свою способность к труду. Именно в этом можно отметить главное отличие или «новаторство» комментируемого принципа. Но когда мы говорим о «свободе», мы не предполагаем ее абсолютное

значение, так и принцип свободы труда не даёт универсальную возможность реализовывать любое желание в выборе профессии или рода деятельности. Трудовое законодательство содержит немало ограничительных критериев при выборе той или иной профессии. Автора интересует вопрос, насколько законодательные и иные ограничения при приеме на работу влияют на реализацию принципа свободы труда, и не делает ли их количество данный конституционный принцип просто декларативной нормой. На основании анализа мы постараемся выявить: насколько законодательные ограничения при приеме на работу влияют на реализацию исследуемого принципа, выявлению критерия правомерности таких ограничений и оценке их соответствия для полноценной реализации свободы труда.

В науке трудового права наблюдается достаточное количество работ, тем или иным образом связанных с тематикой данного исследования. Наибольшие дискуссии вызывают критерии разграничения дифференциации правового регулирования и собственно ограничений, а также соотношение свободы труда со свободой трудового договора. Современные исследования, например, Д.В. Ахметьянова [1], Н.В. Пугачёвой [2], М.С. Сагандыкова [3] смещают акцент с формально-юридического анализа ограничений на баланс публичных и частных начал и согласованность интересов. Таким образом, тема исследования в настоящее время вызывает научный и практический интерес, а, соответственно, и не теряет своей актуальности.

Законодательные ограничения прав граждан связаны, прежде всего, с обеспечением такими ограничениями прав других лиц и соблюдение действующего правопорядка в государстве, т.е. любые ограничения права одного лица связаны с правами иных лиц и государства в целом. «Общие интересы превыше личных», - можно интерпретировать смысл таких ограничений.

Рассмотрим существующие ограничения при приёме на работу или службу. Статья 64 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) закрепляет гарантию от необоснованного отказа работодателя принять претендента на вакантную должность. Часть 2 статьи 64 ТК РФ устанавливает: «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, не допускается».

Анализ процитированной статьи позволяет сделать вывод, что конституционный принцип свободы труда не просто включен в трудовое законодательство, но и имеет свой механизм реализации, закрепленный определенными нормами. Из содержания данной статьи мы можем выделить лишь один ограничительный критерий – соответствие деловым качествам. Однако, с точки зрения существования множества различных профессий, различия квалификаций и должностей, данный критерий нельзя назвать ограничением. Единственный минус вышеуказанной нормы в том, что закон не дает определения «деловым качествам» работника, при несоответствии которым возможен отказ в приеме на работу. Работодатели же могут оценивать «деловые качества» работника по-разному и очень широко. Для одного работодателя достаточно наличия соответствующего профессионального образования, а для другого необходим еще и опыт работы на такой должности, для какого-то достаточно года работы, а для иного и три года будет мало. Тем не менее, механизм, закрепленный данной статьей весьма действенный, поскольку позволяет работнику оспорить любой необоснованный отказ в приеме на работу. Судебная практика по данной статье достаточно разнообразна и имеет тенденцию меняться. Если длительное время суды, даже признавая отказ в приеме на работу необоснованным, не удовлетворяли требование истцов о заключении с ними трудового договора, ссылаясь на то, что заключение трудового договора для работодателя также является правом, как и для работника, и невозможно принудить работодателя заключить такой договор. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 22.06.2026 года № 31-КГ26-3-К6 должно данную практику изменить. Верховный суд, отменяя в части ранее принятые решения, принял новое решение, удовлетворив требование об обязанности работодателя заключить трудовой договор с истцом при наличии вакантной должности в момент обращения гражданина с просьбой о приеме на работу.

Прокомментированная выше статья тесно взаимосвязана со статьей 3 ТК РФ о запрете дискриминации в сфере труда. Вместе с тем, в массе норм трудового права мы можем встретить ограничения при приеме на работу несовершеннолетних работников, женщин, инвалидов и т.п., в целом есть определенные ограничения по возрасту. Возможно ли, в данном случае рассматривать эти ограничения как ограничения принципы свободы труда? Законодатель достаточно точно отвечает на этот вопрос. Так, в соответствии с абзацем вто-

рым статьи 3 ТК РФ: «Не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите, либо установлены настоящим Кодексом или в случаях и в порядке, которые им предусмотрены, в целях обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов, содействия в приоритетном порядке трудоустройству граждан Российской Федерации и в целях решения иных задач внутренней и внешней политики государства».

Также обратим внимание на законодательные ограничения в части приема на работу иностранных граждан. Здесь мы можем отметить ограничения не только в отношении различных профессий и должностей, но и возрастные ограничения, - заключать трудовой договор с иностранным гражданином допускается только с 18 лет. И такие ограничения вполне обосновываются национальными интересами, создавая приоритетные условия для граждан страны, хотя в целом правовое регулирование миграционных процессов, в том числе и в трудовой занятости, еще далеко от совершенства.

Что касается приема на государственную службу или в правоохранительные органы, то критерии отбора соискателей продиктованы интересами государства и общества, в данном случае строгость критериев настолько очевидна, что данные ограничения, безусловно, можно считать конституционно обусловленными.

Таким образом, многие законодательные ограничения при приеме на работу обусловлены либо особенностями работы (дифференциация), либо личностью самого соискателя на работу (например, несовершеннолетние граждане не могут быть приняты на подземные работы в связи с заботой государства об их здоровье), либо целями национальной безопасности и приоритета трудоустройства российских граждан в отличие от иностранных граждан и лиц без гражданства, т.е. данные ограничения и позволяют соблюдать баланс между интересами частными и публичными.

Российское трудовое законодательство также предусматривает ограничения, связанные с наличием у претендента на работу непогашенной судимости, а, в некоторых случаях, и просто факта привлечения к уголовной ответственности. Причем, такой ограничительный фактор важен не только при приеме на государственную должность либо в правоохранительные органы, либо на должности, связанные с взаимодействием с несовершеннолетними, либо замещение ключевых позиций в финансовых организациях, но и, казалось бы, совсем утилитарных профессий. Например, водителем такси не может быть лицо, имеющее неснятую либо непогашенную судимость, либо подвергается уголовному преследованию за ряд преступлений, предусмотренных статьей 328.1 ТК РФ. Можно констатировать, что наблюдается тенденция к увеличению такого рода ограничений, хотя, несомненно, задача сохранения существующего правопорядка является сверхважной. Тем не менее, проблема трудоустройства лиц с судимостью, как была актуальной, так и остается острой и в настоящий момент. Но данной ограничение связано, прежде всего, с вопросами национальной безопасности, и как мы упоминали выше, не может считаться дискриминационным. Государство в данном случае, с одной стороны ограничивая, с другой стороны может создавать определенные программы, предусматривающие возможность обеспечить работой именно такие категории граждан.

Проблема законодательных ограничений при приеме на работу и их влияние на реализацию свободы труда не может быть решена без обращения к концепции баланса конституционных ценностей. Столкновение прав и законных интересов различных субъектов, несомненно, влечет конкуренцию между их правами и обязанностями. Механизм же правового регулирования отношений, возникающих при реализации свободы труда, должен обеспечивать учет интересов не только всех участников таких отношений, но и государства. Более того, если анализировать жалобы работников на ограничение их трудовых прав, а также существующую судебную практику, можно прийти к выводу, что ограничения принципа свободы труда при приеме на работу в большей мере связаны с неправомерными действиями самих работодателей, чем с законодательными ограничениями, с которыми претенденты на работу знакомятся гораздо раньше, еще на этапе планирования своего трудоустройства.

Даже такое краткое исследование позволяет нам сформулировать некоторые выводы:

Законодательные ограничения при приеме на работу представляют собой необходимый инструмент для обеспечения интересов всех субъектов отношений и государства в целом.

Для дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере необходимо уточнить термин «деловые качества» работника с целью минимизации дискриминации при приеме на работу, для этого необходимо активизировать работу по пересмотру квалификационных справочников и принятию профессиональных стандартов, учитывая появление новых профессий и востребованных видов работ.

Таким образом, законодательные ограниче-

ния при приеме на работу, являясь необходимым элементом правового регулирования, не противоречат принципу свободы труда при условии их соответствия конституционным критериям правомерности ограничения прав и свобод. Задача законодателя и правоприменительной практики состоит в обеспечении оптимального баланса между свободой труда и защитой иных, конституционно значимых ценностей.

Список литературы:

[1] Ахметьянов Д.В. Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 94 - 107.

[2] Бугров Л.Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь: Изд-во Перм. ун-та; Информ.-правовое агентство ИНПЭА, 1992. 236 с.

[3] Пугачева Н.В. Баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов как критерий конституционности ограничения свободы труда // Ежегодник трудового права. 2023. № 13. С. 92 - 105.

[4] Сагандыков М.С. Запрещение возрастной дискриминации в контексте реализации конституционного принципа свободы труда // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С. 18 - 27.

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2026 № 31-КГ26-3-К6 (УИД 21RS0024-01-2024-001890-35): [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

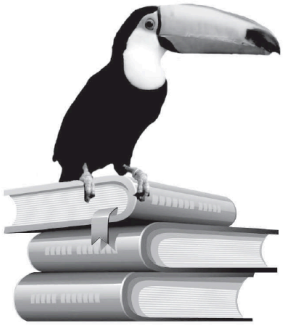
[1] Akhmetyanov D.V. Understanding of freedom of labor in Soviet and Russian science of labor law // Russian Law Journal. 2022. № 1. S. 94-107.

[2] Bugrov L. Yu. Problems of freedom of labor in the labor law of Russia. Perm: Publishing House Perm. university; INPEA Information and Legal Agency, 1992. 236 pp.

[3] Pugacheva N.V. Balance of constitutional values, rights and legitimate interests as a criterion for the constitutionality of restricting freedom of labor // Yearbook of labor law. 2023. № 13. S. 92-105.

[4] Sagandykov M.S. Prohibition of age discrimination in the context of the implementation of the constitutional principle of freedom of labor // Current problems of Russian law. 2024. № 9. S. 18-27.

[5] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.06.2026 No. 31-KG26-3-K6 (UID 21RS0024-01-2024-001890-35): [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal system.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-561-567
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

НОВИЦКАЯ Людмила Юрьевна,
кандидат педагогических наук, доцент Кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: novilu@mail.ru

ОРЛОВСКАЯ Марина Анатольевна,
главный специалист АО «Российские космические системы», кандидат юридических наук,
e-mail: Lunesmarina@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ» И «ЛОКАЛЬНЫЙ НОРМАТИВНЫЙ АКТ» (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК)

Аннотация. *В данной статье проведен анализ порядка, условий принятия и содержания должностных инструкций, при которых они могут быть полноценными локальными нормативными актами работодателя в целях минимизации рисков и конфликтных ситуаций между работником и работодателем.*

Ключевые слова: *должностная инструкция, должностной регламент, трудовой договор, локальный нормативный акт, трудовая функция, должностные обязанности, штатное расписание, организационно-штатные мероприятия, злоупотребления, порядок принятия рекомендаций, необязательные акты в области трудового права.*

Для цитирования: *Новицкая Л. Ю., Орловская М. А. Соотношение понятий «должностная инструкция» и «локальный нормативный акт» (на примере предприятий ОПК) // Право и управление. 2026. № 10. С. 561–567.*

NOVITSKAYA Ludmila Yurevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ORLOVSKAYA Marina Anatolyevna,
Chief Specialist of JSC "Russian Space Systems", Candidate of Law Associate Professor of the Department of Administrative and International Law

CORRELATION OF THE CONCEPTS "JOB DESCRIPTION" AND "LOCAL REGULATORY ACT" (ON THE EXAMPLE OF DEFENSE INDUSTRY ENTERPRISES)

Annotation. *This article analyzes the procedure, conditions for adoption, and content of job descriptions, under which they can be considered full fledged local regulatory acts of the employer, with the aim of minimizing risks and conflict situations between the employee and the employer.*

Key words: *job description, job regulations, employment contract, local regulatory act, job function, job duties, staffing schedule, organizational and staffing measures, abuses, procedure for adopting recommendations, non binding acts in the field of labor law.*

For citation: *Novitskaya L. Yu., Orlovskaya M. A. Correlation of the concepts "job description" and "local regulatory act" (on the example of defense industry enterprises). Law and administration. 2026;(10):561–567. (In Russ.).*

Современное трудовое законодательство полно юридических брешей, которые умело обходит как работодатель, так и непосредственно сам работник. Не урегулирование тех или иных положений в трудовом законодательстве создают предпосылки для неоднообразного понимания статуса документов, принимаемых работодателем и регулирующих трудовые отношения, и ведут к злоупотреблениям, как с одной стороны (работодатель), так и с другой (работник). Например, отсутствует само понятие «должностной инструкции», ее статус не установлен, не определены случаи, когда ее можно считать локальным нормативным актом, то есть необходимо законодательно установить критерии, которые устанавливают отнесение или не отнесение той или иной должностной инструкции (далее – ДИ) к локальным нормативным актам (далее – ЛНА) работодателя.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК) не только не закреплено само понятие «должностная инструкция», но и вообще отсутствует ее какое-либо упоминание. В статье 68 ТК РФ указано, что прием на работу оформляется трудовым договором (далее – ТД), даже приказ о приеме на работу это право, а не обязанность работодателя, но императивное предписание содержится в ч. 3 статьи 68 Кодекса, так как работодатель обязан до подписания трудового договора ознакомить работника под подпись с правилами внутреннего трудового распорядка (далее – ПВТР) и иными ЛНА, которые непосредственно связаны с трудовой деятельностью работника.

Согласно ст. 21 ТК РФ работник обязан: добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором; соблюдать правила внутреннего трудового распорядка; а работодатель обязан (статья 22 ТК РФ) предоставлять работникам работу, обусловленную трудовым договором; знакомить работников под подпись с принимаемыми ЛНА, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью, при этом не имеется никаких отсылок в части трудовых обязанностей где они должны быть закреплены, в трудовом договоре или ЛНА, или ДИ. Возникает вопрос, а какой же юридический статус имеет должностная инструкция? На практике должностная инструкция обычно утверждается работодателем или лицом, уполномоченным на это работодателем, и она может быть, как неотъемлемой частью трудового договора (отметку в таком случае на должностную инструкцию делать необязательно), так и отдельным документом, к которому будет отсылка в тексте трудового договора.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос обязанности принятия работодателем ДИ. Такая законодательная обязанность существует для государственных и муниципальных служащих, при этом должностные обязанности служащий выполняет в соответствии с должностным регламентом (далее – ДР) (часть 1 статьи 47 закона № 79-ФЗ) [1]. Аналогичные требования к регламентам действуют для служащих муниципальной службы (часть 1 статьи 12 закона № 25-ФЗ) [2]. Закон о полиции закрепляет обязанность полицейского выполнять служебные обязанности в соответствии с должностной инструкцией [3].

Имеется мнение, что в коммерческих организациях, независимо от организационно-правовой формы, трудовые функции работников содержатся и раскрываются в трудовом договоре (часть 2 статьи 57 ТК РФ), однако, под трудовой функцией согласно статье 15 ТК РФ, понимается работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы). При этом трудовая функция носит общий характер, и не раскрывает содержание и перечень должностных обязанностей. При приеме на работу должностная инструкция может быть приложением к трудовому договору, тогда порядок с обязательным ознакомлением прав и должностных обязанностей работника, регламентирован частью 1 статьи 67 ТК РФ. Для умного работодателя разработка правильных должностных инструкций будет защитой от нерадивых работников, и четко установит границы компетенций, полномочий и обязанностей по должности. Однако на практике разработка ДИ требует от работников кадровой службы наличия не только юридического образования, но и комплексного понимания специфики работы по должности, а таких специалистов в кадровых службах, особенно на предприятиях ОПК, не имеется. Предприятия ОПК и их функционал являются специфической областью деятельности, даже применительно к функционалу «менеджера» (например, в отделе проектного управления или сопровождения) необходимо всесторонне понимать особенности работы в структурной подразделении и направления их деятельности (функционал, какие работы обеспечивают, как взаимодействуют с военной приемкой, какие документы готовят, как согласовывают и т.д.). А наличие профессионального стандарта [4] не может раскрыть все нюансы и особенности долж-

ностных обязанностей работника именно этого структурного подразделения, так как профессиональный стандарт, зачастую, содержит размытые и расплывчатые и общие формулировки, не позволяющие однозначно определить объем и содержание трудовой функции по конкретной должности. Если должностная инструкция содержит не конкретные должностные обязанности, работодатель не сможет вменить работнику не надлежащее исполнение должностных обязанностей, применить к нему меры дисциплинарного воздействия и/или снизить размер премии. Как правило, отдел проектного управления или сопровождения на предприятиях ОПК формирует и согласовывает расчетно-калькуляционные материалы (РКМ) с целью формирования начальной максимальной цены, с последующим обоснованием всех фактических затрат (состава затрат) [5, 6], и такая должностная инструкция должна содержать перечень должностных обязанностей, раскрывающих обязанности по формированию и согласованию РКМ, в том числе в цепочке кооперации, например, в обязанности начальника отдела должно быть включено:

осуществлять непосредственный контроль и организовывать работу отдела за внутренним и внешним оформлением (подготовкой), согласованием и подписанием отчетных документов (расчетно-калькуляционных материалов, протоколов цен, актов выполнения работ/оказания услуг и т.д.) при выполнении государственного заказа и/или государственного оборонного заказа, договорных обязательств, закрепленных за структурным подразделением, в том числе в соответствии с действующими: Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации, приказом «Об утверждении форм документов, предусмотренных Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу», утвержденным ФАС России; положениями заключаемых и заключенных государственных контрактов (контрактов, договоров, дополнительных соглашений, соглашений) по направлению деятельности структурного подразделения; а также в соответствии с действующим законодательством, локальными нормативными актами Госкорпорации «Роскосмос» и организации. И отвечать начальник отдела должен соответственно за:

некачественную и несвоевременную организацию и подготовку РКМ, приведшую к позднему заключению государственных контрактов, контрактов, договоров, дополнительных соглашений, поздней закупке ПКИ и материалов и/или к изменению структуры цены, приведшей к длительной закупке (дозакупке) и/или к несвоевременному получению авансирования или оплаты работ/услуг (оплаты этапов) и/или к срыву срока закрытия договорных обязательств;

несвоевременную подготовку финансовых и иных документов по закрытию (контрактов, договоров, этапов);

невыполнение, несвоевременное и ненадлежащее планирование, координацию и контроль выполнения заказов по направлениям деятельности отдела с целью достижения требуемых результатов, соблюдения установленных сроков и стоимости государственного контракта (контракта, договора).

Однако большинство организаций не прибегают к юридическим и разумным мерам защиты своих интересов, ДИ полупустые и основанные на профессиональном стандарте, не отвечают требованиям по должности, зачастую их пишут сами работники себе или своему руководству, тем самым изначально снимая с себя и обязанности и ответственность за неисполнение трудовых функций в полном объеме. Кроме того, как правило, на предприятиях ОПК должностные инструкции составляются не на должность, а под конкретного работника, поэтому на должности инженера-исследователя 1 категории оказываются бывшие фитнес тренеры или военные пенсионеры без наличия профильного образования и требуемого опыта, а также необходимых компетенций по должности инженера-исследователя, а это ведь предприятие ОПК, а не спортзал или воинская часть. Конкурса при приеме на должности или последующем переводе/назначении на должность на предприятий ОПК также не предусмотрено, так как работодатель сам не будет себя обременять наличием каких-либо обязательств в виде соблюдения ЛНА, с одной стороны, а с другой стороны, на предприятиях ОПК работают все: фитнес тренеры, медицинские работники, повара, военные пенсионеры, но не инженеры-исследователи и программисты, потому что так удобно для руководства разных уровней, везде свои люди, и заработную плату распределяем как хотим. Работник, закончивший РУДН, по специальности менеджер и выполняющий функции секретаря и делопроизводителя, вполне может получать заработную плату равную заработной плате начальника управления или начальника департамента федерального органа исполнительной власти, прекрасная перспектива для удобных и своих людей, а инженеры-исследователи и программисты? Ну зачем они нужны предприятиям ОПК, возьмем кооперацию, которая все сделает и выполнит условия технических заданий в рамках ГОЗ. Поэтому и на должности заместителей начальников отдела и начальников отделов по техническим направлениям приборостроения и

ракетостроения назначают людей, закончивших, например, Тимирязевский аграрный университет по специальности агроном, но никак не профильных специалистов. Вот именно для таких людей должностная инструкция, как приложение к ТД, и утвержденная непосредственно работодателем (генеральным директором), является опасной и не удобной, потому что такой работник не соответствует ни принятию его на должность в отдел, занимающийся разработкой специальных программ или специальных средств автоматических или пилотируемых космических аппаратов, ни дальнейшей работе по такой должности. При этом разработка ДИ, например, только на основе профессионального стандарта «Радиоинженер в ракетно-космической промышленности» [7] дает все основания любому работнику-руководителю, имеющему непрофильное образование (например, агроном) занимать должность по любой технической специальности. Поэтому ДИ по должности, как приложение к ТД, разработанная под руководством юридической службы и утвержденная генеральным директором, является большим гарантом соответствия работника занимаемой должности, чем написанная им самим в последующем или написанная и утвержденная руководителем структурного подразделения. Поэтому на предприятиях ОПК нужно предусмотреть обязательные требования к содержанию должностной инструкции, как в должностном регламенте.

Следует отметить, что правовой статус должностной инструкции и должностного регламента изначально различен, так как должностной регламент является специальным ключевым документом, принятие которого обязательно и предусмотрено на федеральном уровне, детально регламентирующий права и обязанности служащего, порядок взаимодействия, показатель эффективности, и, если он принимается по определенной должности или группы должностей, утверждается работодателем, тогда его правовой статус точно можно определить, как ЛНА.

В современном трудовом законодательстве, позиции уполномоченных органов, семинарах и иных выступлениях существуют юридическая вакханалия, коллеги-юристы и не юристы, дописались и договорились до того, что трудовой договор является ЛНА организации, а должностные инструкции, в случае их приложения к трудовому договору, также являются ЛНА, что в свою очередь является спорным моментом.

Согласно статье 65 ТК трудовой договор – «соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

Сторонами трудового договора являются работодатель и работник, то есть у нас две стороны, соответственно трудовой договор никак не может быть ЛНА, так он не обладает признаками локального нормативного акта.

В соответствии со статьей 8 ТК РФ локальный нормативный акт - это внутренний документ работодателя, который рассчитан на неоднократное применение и устанавливающий права и обязанности организации, всех или отдельных категорий ее работников в части, не урегулированной трудовым законодательством, то есть к локальным нормативным актам относятся, например, правила внутреннего трудового распорядка (ПВТР), положение об оплате труда и премировании и т.д.

ЛНА принимают в виде положения, порядка, инструкции и т.п. и утверждаются приказом руководителя организации.

ЛНА характеризуется неоднократностью применения и распространения на определенный или неопределённый круг лиц организации. Такие виды приказов: о приеме на работу, увольнении, предоставлении отпуска, выплате премий или матпомощи и другие документы однократного применения или касающиеся одного работника, ЛНА не являются.

То есть должностная инструкция может стать ЛНА при условии, что она относится к должности, содержавшейся в штатном расписании организации, и утверждена приказом работодателя, а не относится к конкретному человеку, не связана с его фамилией, именем и отчеством. Если должностная инструкция конкретного работника утверждена вышестоящим руководителем, то ее можно отнести к распорядительным актам.

Чтобы должностная инструкция могла стать ЛНА (иметь статус) она должна отвечать ряду признаков: приниматься работодателем, а именно утверждаться генеральным директором приказом в соответствии со штатным расписанием, при этом возможно обобщённая должностная инструкция, например, ДИ начальника отдела проектного управления или сопровождения, такой отдел может быть в разных структурных подразделениях, осуществляющих разные направления, но содержание и перечень должностных обязанностей будет один, не важно, это разработ-

ка программного обеспечения, или разработка опытного или серийного образца изделия, соответственно, штатные расписания внутри организации должны быть приведены в единообразие, что в свою очередь дает возможность кадровой службе в полной мере осуществлять полноценный контроль от имени работодателя за целесообразностью приема новых работников в тот или иной отдел, имеющий аналогичные должностные инструкции, и возможности регулирования штатной численности исходя из необходимого количества работников для выполнения возложенных на структурные подразделения задач, без раздувания штата, так как одни и те же отделы в разных структурных подразделениях имеют аналогичные функции, но называют свои отделы по разному, что дает возможность набухания и увеличения штата, как отделов, так и управлений, секторов, групп и т.д.

Обобщённая должностная инструкция (обобщённая в понимании заложенного в ней функционала, например, должностная инструкция отдела по разработке конструкторской документации (неважно по какому направлению, наземные или бортовые средства или комплексы и т.д.) или отдела проектного управления или сопровождения или отдела закупки или отдела разработки специальных программ или программных средств и т.д.)) должна содержать квалификационные требования и нормы трудового права, а именно, требования к образованию (например, конструкторскую документацию могут разрабатывать специалисты/работники с разным техническим образованием по направлению, но не агрономы и бывшие военные пенсионеры; и именно указывать направление технического образования, так как инженер по швейным машинкам не может разрабатывать конструкторскую документацию для наземных средств управления и т.д.), обязанности, права, ответственность по должности; не персонифицирована, ДИ на должность по направлению деятельности в соответствии со штатным расписанием, а не под человека (неперсонифицированность, то есть распространение не на индивидуально определенные субъекты, а, как правило, на круг лиц, и т.д.)); неоднократное применение – на должность согласно штатному расписанию. А если должностная инструкция является приложением к трудовому договору, разработана грамотно, детально учтены интересы работодателя в части установления и исполнения работником его должностных обязанностей, тогда и спрашивать с работника проще, так как трудовая функция и перечень должностных обязанностей является составной часть трудового договора, и работник не сможет в последствии сказать, что не был ознакомлен с ДИ до подписания ТД, не знал и не предполагал весь объем трудовых обязанностей по данной должности, или был вынужден согласиться с этой должностной инструкцией или с другой, переработанной ДИ, так как имеет семью, кредитные обязательства и не может остаться без работы, оказавшись в трудной жизненной ситуации.

Если должностная инструкция оформлена как приложение к трудовому договору, её положения становятся частью трудового договора, и значит, при изменении должностной инструкции, которое затрагивает существенные условия (например, расширение круга обязанностей), нужно соблюдать процедуру внесения изменений в ТД (дополнительное соглашение). Такая должностная инструкция защищала бы как интересы работодателя (закреплено четкое понимание и перечень обязанностей и это главный аргумент работодателя), так и интересы работника (если возникнет конфликт и работника захотят уволить за невыполнение задачи, которой нет в согласованном круге обязанностей – в ДИ, в таком случае согласованный круг обязанностей, закреплённый в должностной инструкции, является главным аргументом защиты прав и интересов работника).

Кроме того, чтобы должностная инструкция была полноценным ЛНА целесообразно согласовать ее с представительным органом работников (профсоюз), хотя согласно статье 372 ТК таких обязанностей у работодателя не имеется, но согласование должностной инструкции с профсоюзом, при возникновении конфликтной ситуации между работодателем и работником, с одной стороны, защитит права работника (если он считает, что его права нарушены действиями работодателя, и в лице профсоюза получит инструмент для защиты своей позиции), с другой стороны, если работодатель действует в рамках согласованной должностной инструкции, профсоюз поддержит требования работодателя.

Очень часто на предприятиях проводятся так называемые организационно-штатные мероприятия, подменяющие весь смысл их проведения, переименовываются отделы, сектора, группы или сами центры, или дирекции (то есть переименование автоматически относят к оргштатным мероприятиям, при этом не реальная структурная перестройка), или структурные подразделения переподчиняются, должностные обязанности работников не меняются, но при этом требуется привести в соответствие должностные инструкции, так как меняется название отдела. Логично установить на законодательном уровне случаи внесения изменений в ДИ при проведении таких оргштатных мероприятий, и указать работодателем на тот факт, что в приказе о переименовании отдела, в случае если обязанности, задачи и зона ответственности работников не меняется, изменять ДИ не требуется, только внести изменения

в положение о структурном подразделении, и не всякое переподчинение автоматически требует правки ДИ, если функционал подразделения не изменился.

Как поясняет Минтруд, поскольку на законодательном уровне отсутствуют нормы, регулирующие правила составления, содержания, принятия, изменения и отмены должностных инструкций, работодатель самостоятельно определяет их содержание, порядок принятия и внесения изменений [8]. При этом внесение изменений в ДИ может быть связано с изменением обязательных условий трудового договора: например, содержания выполняемой работы (трудовой функции) и других условий ТД (например, условия оплаты труда, режим рабочего времени и т.д.). В письме Роструда указывается, что должностная инструкция является внутренним организационно-распорядительным документом, содержащим конкретный перечень должностных обязанностей работника с учетом особенностей организации производства, труда и управления, а также его прав и ответственности. При этом она может быть приложением к трудовому договору [9]. Таким образом, учитывая, что отсутствует единая позиция о статусе должностной инструкции, согласно своим установленным полномочиям, Минтруд вправе внести дополнение в Постановление правительства [10], в котором необходимо дать четкие и понятные рекомендации в каких случаях должностная инструкция может являться ЛНА, в каких случаях нет, так как по общему правилу ЛНА принимают в виде положения, порядка, инструкции и т.п., поэтому при соблюдении определенных условий должностная инструкция также может быть ЛНА. При этом локальные нормативные акты в области трудового права делят на обязательные - состав таких актов определен трудовым законодательством (например, ч. 2 ст. 135, ст. 189 ТК), и необязательные - такие документы прямо не предусмотрены трудовым законодательством, работодатель принимает их по своему усмотрению, и отнести ДИ именно к необязательным ЛНА, таким как, например, Положение о добровольном медицинском страховании, Положение об организации детского отдыха, но при этом в рекомендациях Минтруда необходимо определить порядок, содержание и условия принятия при которых должностную инструкцию можно отнести к ЛНА работодателя, для того чтобы был сбалансированный подход к формулированию требований и определению границ трудовой функции в должностной инструкции, являющейся формой обеспечения и минимизации конфликтов в трудовых отношениях сторон.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения 23.09.2026).

[2] Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения 23.09.2026).

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения 24.09.2026).

[4] Приказ Минтруда России от 02.08.2023 № 633н "Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению проектами и программами в ракетно-космической промышленности» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.09.2023 № 75037) Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения 24.09.2026).

[5] Приказ Минпромторга России от 08.02.2019 № 334 «Об утверждении порядка определения состава затрат, включаемых в цену продукции, поставляемой в рамках государственного оборонного заказа» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.04.2019 № 54430) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 24.09.2026).

[6] Приказ ФАС России от 16.12.2022 № 995/22 «Об утверждении форм документов, предусмотренных Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 года № 1465» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2022 № 71901) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 24.09.2026).

[7] Приказ Минтруда России от 25.08.2021 № 573н «Об утверждении профессионального стандарта «Радиоинженер в ракетно-космической промышленности» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.09.2021 № 65017) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 24.09.2026).

[8] Письмо Минтруда России от 27.09.2022 № 14-6/ООГ-6058 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 28.09.2026).

[9] Письмо Роструда от 30.11.2009 № 3520-6-1 «О включении в должностную инструкцию положения об обязанности увольнения по определенным основаниям» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 28.09.2026).

[10] Постановление Правительства РФ от

19.06.2012 № 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 28.09.2026).

References:

[1] Federal Law No. 27.07.2004 of 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" Access from the legal system "Consultant Plus" (date of circulation 23.09.2026).

[2] Federal Law of 02.03.2007 No. 25-FZ "On Municipal Service in the Russian Federation" Access from the legal system "Consultant Plus" (date of circulation 23.09.2026).

[3] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ "On the Police" Access from the legal system "Consultant Plus" (date of circulation 24.09.2026).

[4] Order of the Ministry of Labor of Russia of 02.08.2023 No. 633n "On approval of the professional standard" Specialist in Project and Program Management in the Rocket and Space Industry" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 01.09.2023 No. 75037) Access from the Consultant Plus legal system. (date of circulation 24.09.2026).

[5] Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia of 08.02.2019 No. 334 "On Approval of the Procedure for Determining the Composition of Costs Included in the Price of Products Supplied under the State Defense Order" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 18.04.2019 No. 54430) Access from the ConsultantPlus legal system. (date of circulation 24.09.2026).

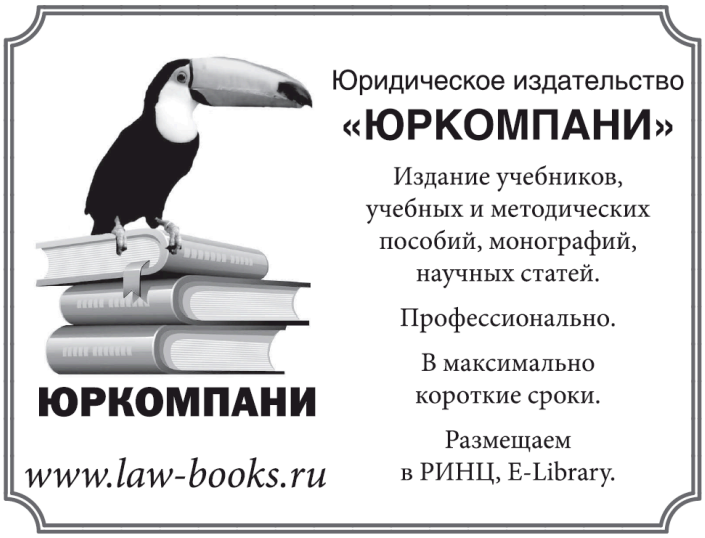
[6] Order of the FAS of Russia dated 16.12.2022 No. 995/22 "On approval of the forms of documents provided for by the Regulation on state regulation of prices for products supplied under the state defense order approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated December 2, 2017 No. 1465" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 30.12.2022 No. 71901) Access from the legal system "ConsultantPlus." (date of circulation 24.09.2026).

[7] Order of the Ministry of Labor of Russia dated 25.08.2021 No. 573n "On Approval of the Professional Standard" Radio Engineer in the Rocket and Space Industry" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 16.09.2021 No. 65017) Access from the ConsultantPlus legal system. (date of circulation 24.09.2026).

[8] Letter of the Ministry of Labor of Russia dated 27.09.2022 No. 14-6/OOG-6058 "Access from the ConsultantPlus legal system" (date of circulation 28.09.2026).

[9] Letter of Rostrud dated 30.11.2009 No. 3520-6-1 "On the inclusion in the job description of the provision on the obligation to dismiss on certain grounds" Access from the legal system "ConsultantPlus" (date of circulation 28.09.2026).

[10] Decree of the Government of the Russian Federation of 19.06.2012 No. 610 "On approval of the Regulation on the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation" Access from the legal system "ConsultantPlus" (date of circulation 28.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-568-576

ПЕРЕВОЗНИКОВА Екатерина Юрьевна,
главный советник отдела законодательной деятельности Государственно-правового департамента Правительства Сахалинской области; соискатель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: Ekaterinaperevoznikova@rambler.ru

Научный руководитель:
БУРЛАКОВ Владимир Николаевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: parus348@mail.ru

ФОРМЫ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ) ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОСНОВАНИЯ (КРИТЕРИИ) КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Цель исследования. В результате анализа уголовного законодательства и научных публикаций выявлена проблема: технический факт использования информационной технологии нередко смешивается с ее функциональной ролью в механизме преступления и последующим уголовно-правовым значением. Выдвинута гипотеза, согласно которой разделение этих уровней позволяет построить устойчивую классификацию форм незаконного использования информационных технологий и одновременно избежать автоматической криминализации цифрового способа поведения. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы. Гипотеза подтверждена сопоставлением научных позиций об информационно-телекоммуникационных сетях, преступных платформах и цифровых финансовых инструментах. Предложено выделять коммуникационную, координационно-организационную, информационно-дистрибутивную, технологическую, инфраструктурную, финансовую и конспиративную формы. Криминализация должна оцениваться отдельно: ее основанием выступает самостоятельный прирост общественной опасности, обусловленный функцией технологии, а критериями проверки – существенность этой функции, распространенность и типичность поведения, масштаб вреда, недостаточность иных правовых средств, исполнимость запрета и его социальная соразмерность. Намечены направления дальнейшей проверки модели на материале составов УК РФ и судебной практики.*

Highlights:

Анализ выявил смешение технической формы использования ИТ и ее уголовно-правового значения.

Гипотеза о функциональном критерии подтверждена сопоставлением разных моделей цифровой преступной деятельности.

Предложена двухэтапная модель: установление функции технологии и отдельная проверка основания криминализации.

Ключевые слова: *информационные технологии; сеть Интернет; механизм преступления; криминализация; функциональная классификация; общественная опасность.*

Для цитирования: *Перевозникова Е. Ю. Формы незаконного использования информационных технологий (включая сеть интернет) при совершении преступлений и основания (критерии) криминализации // Право и управление. 2026. № 10. С. 568–576.*

PEREVOZNIKOVA Ekaterina Yu.,
Chief Adviser, Legislative Activity Division, State Legal Department, Government of the Sakhalin Region; Applicant, Department of Criminal Law, Saint Petersburg State University

Supervisor:
BURLAKOV Vladimir Nikolaevich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg State University

FORMS OF ILLEGAL USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES (INCLUDING THE INTERNET) IN THE COMMISSION OF CRIMES AND GROUNDS (CRITERIA) FOR CRIMINALIZATION

Annotation. *Purpose of the study. The analysis of criminal legislation and legal scholarship revealed a methodological problem: the technical fact of using information technology is often conflated with its functional role in the mechanism of a crime and with its subsequent criminal-law significance. The hypothesis tested in the article is that separating these analytical levels makes it possible to construct a stable classification of forms of illegal use of information technologies while avoiding automatic criminalization of digitally mediated conduct. The study uses formal legal, system-structural and functional methods. The hypothesis is supported by a comparative analysis of scholarly positions on information and telecommunication networks, criminal platforms and digital financial instruments. Seven functional forms are proposed: communicative, coordination-organizational, information-distributive, technological, infrastructural, financial and conspiratorial. Criminalization is assessed separately. Its basis is an independent increase in public danger caused by the technological function; the verification criteria include the significance of that function, prevalence and typicality of conduct, scale of harm, insufficiency of non-criminal remedies, enforceability of the prohibition and social proportionality. Further research should test the model against specific offences in the Russian Criminal Code and judicial practice.*

Key words: *information technologies; Internet; crime mechanism; criminalization; functional classification; public danger.*

For citation: *Perevoznikova E. Yu. Forms of illegal use of information technologies (including the internet) in the commission of crimes and grounds (criteria) for criminalization. Law and administration. 2026; (10):568–576. (In Russ.).*

Highlights:

The analysis revealed a conflation of the technical use of IT with its criminal-law significance.

The functional-criterion hypothesis was supported by comparing different models of digital criminal activity.

A two-stage model is proposed: identify the technological function, then test the basis for criminalization.

Анализ уголовного законодательства, разъяснений высшей судебной инстанции и научных публикаций показывает, что использование информационных технологий при совершении преступлений описывается неоднородно. Законодатель применяет формулы «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет», закрепляет самостоятельные составы преступлений в сфере компьютерной информации и одновременно учитывает цифровой способ в отдельных нормах Особенной части УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 унифицирует понимание электронных и информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона, однако не решает вопрос о том, какое место конкретная технология занимает в механизме преступления и в каких случаях ее использование действительно меняет общественную опасность содеянного [13].

В доктрине накоплен значительный материал о компьютерной и цифровой преступности, информационно-телекоммуникационных сетях, платформах, криптовалютах и иных технологических инструментах. При этом классификационные основания различаются. В одних работах сеть Интернет рассматривается через категории способа и средства совершения преступления, в

других исследование строится вокруг компьютеризированных преступлений, отдельных технологических объектов либо конкретных составов [1; 4; 10; 11]. М.А. Ефремова прямо отмечает, что «понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в настоящее время в доктрине уголовного права еще не сформировалось» [4, с. 101]. Это наблюдение имеет более широкий смысл: устойчивой системы, позволяющей одинаково описывать функциональную роль информационных технологий в разных преступлениях, также не сложилось.

По результатам анализа выявлена научная проблема. Технический признак использования информационной технологии нередко смешивается с ее уголовно-правовым значением. Из-за этого в одной плоскости оказываются разные явления: технология как средство связи, способ выполнения объективной стороны, среда распространения информации, элемент организации преступной деятельности, платежный инструмент либо средство сокрытия. Такое смешение затрудняет классификацию и создает риск неверного вывода о том, что любое использование сети Интернет само по себе увеличивает общественную опасность деяния и способно служить аргументом для расширения уголовно-правового запрета.

Гипотеза исследования состоит в следующем. Если отделить фактическую функцию информационной технологии в механизме преступной деятельности от ее последующей уголовно-правовой оценки, то формы незаконного использования информационных технологий могут быть систематизированы по единому функциональному критерию. Вопрос о криминализации при этом должен решаться отдельно: не исходя из наименования технологии или факта ее использования, а после установления того, создает ли соответствующая функция самостоятельный прирост общественной опасности и имеется ли действительная потребность в уголовно-правовом запрете.

Цель статьи – проверить эту гипотезу на материале уголовно-правовой доктрины и действующего регулирования, определить основные функциональные формы незаконного использования информационных технологий и предложить критерии оценки их криминализационного значения. При этом криминализация понимается в строгом смысле как признание ранее непреступного вида поведения преступным и уголовно наказуемым. Введение квалифицирующего признака в уже существующий состав относится к дифференциации уголовной ответственности; смешение этих решений методологически нежелательно, хотя оценка общественной опасности цифрового способа необходима в обоих случаях.

Методологическая база проведенного исследования состоит в следующем. Исследование построено как системный уголовно-правовой анализ. Нормативную основу составили положения УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о преступлениях в сфере компьютерной информации и иных деяниях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Научную основу образовали работы, в которых исследуются значение информационно-телекоммуникационных сетей, платформизация преступной деятельности, цифровые финансовые инструменты, современные тенденции ИКТ-преступности и основания криминализации [1–12, 14].

Формально-юридический метод применялся для разграничения способа, средства, обстановки и иных признаков объективной стороны, а также для отделения криминализации от дифференциации ответственности. Системно-структурный анализ позволил рассматривать технологию не изолированно, а в связи с последовательностью преступных действий и взаимодействием участников. Функциональный метод использован как основной: значение технологии устанавливалось по задаче, которую она фактически выполняет в преступном механизме. Сопоставление доктринальных позиций служило не для механического суммирования существующих классификаций, а для проверки того, объясняет ли функциональный критерий обнаруженные в них расхождения. Для дальнейшего анализа важно разграничить основание криминализации и критерии его установления. Основание выражает объективную общественную потребность в уголовно-правовой охране, возникающую при такой степени общественной опасности поведения, которая не может быть адекватно нейтрализована иными средствами. Критерии представляют собой проверяемые признаки, позволяющие установить наличие или отсутствие этого основания. Такое различение согласуется с современными исследованиями криминализации, где общественная опасность рассматривается в связи с распространенностью деяния, возможностями иных отраслей права, потенциалом уголовно-правового воздействия и состоянием общественного правосознания [2; 6].

Расхождение классификационных оснований и проверка гипотезы состоит в следующем.

Проблема классификации начинается с того, что одна и та же сеть или программа не имеет постоянного уголовно-правового назначения. Мессенджер может использоваться для обычной переписки, передачи координат тайника, распределения ролей в преступной группе, получения платежных реквизитов или удаления сообщений после совершения деяния. В каждом случае технический объект один, но его функция различна.

Поэтому классификация по названию технологии быстро утрачивает объяснительную способность: она фиксирует инструмент, но не показывает его место в преступной деятельности.

Научные позиции подтверждают необходимость такого разграничения. А.И. Антипов, исследуя преступления с признаками призывов, склонения и незаконного оборота предметов и материалов, обращает внимание на массовость цифрового распространения. В изложении М.А. Ефремовой его вывод сформулирован так: использование информационно-телекоммуникационных сетей позволяет «массово и в короткий срок распространять информацию неограниченному кругу лиц» [1, с. 64; 4, с. 103]. Здесь сеть значима не просто как техническое средство передачи данных; она меняет масштаб и адресность распространения. Это позволяет выделить самостоятельную информационно-дистрибутивную функцию.

Иной уровень использования технологии обнаруживается при платформизации преступной деятельности. Р.И. Дремлюга и А.И. Коробеев определяют платформу для осуществления преступной деятельности как «особую форму организации компьютерной информации», структурированную для повышения эффективности взаимодействия заинтересованных в совершении преступлений лиц [3, с. 47]. В данном случае цифровая среда уже не обслуживает единичную операцию. Она организует повторяемое взаимодействие, объединяет участников, правила, информационные потоки и иные элементы преступной инфраструктуры. Такая конструкция не укладывается полностью ни в традиционное понимание средства, ни в характеристику отдельного способа совершения преступления.

Особенно важен вывод М.А. Ефремовой о связи ИТС с общественной опасностью. Автор указывает, что их использование «не всегда повышает общественную опасность деяния» [4, с. 101], а в более поздней работе подчеркивает: использование сетей может быть признаком основного или квалифицированного состава, «однако не всегда усиливает его общественную опасность» [5, с. 22]. Это положение имеет принципиальное значение для проверки выдвинутой гипотезы. Сам факт применения сети не позволяет автоматически перейти от описания способа поведения к выводу о необходимости уголовно-правового запрета или усиления ответственности.

В то же время цифровой компонент способен реально изменить механизм причинения вреда. На примере ИТС Ефремова связывает повышение опасности с упрощением выполнения объективной стороны, дистанционностью, возможностью воздействовать на большое число потерпевших и скрывать следы [4, с. 104]. В финансовой сфере аналогичный эффект возникает не из-за самого существования криптовалюты, а из-за тех свойств, которые востребованы в конкретной преступной модели. А.О. Миронов отмечает, что криптовалюты «способны обеспечить относительную анонимность» [8, с. 144]. Следовательно, один цифровой инструмент может одновременно выполнять финансовую и конспиративную функции, но каждая из них должна оцениваться самостоятельно.

Сопоставление этих позиций подтверждает исходное предположение. Устойчивым классификационным основанием является не технический объект и не отраслевой состав преступления, а функция технологии в механизме преступной деятельности. Технологическое средство становится юридически значимым только через конкретное использование. Отсюда следует и второй вывод: одна форма не равна одному составу преступления, а в одном преступлении могут сочетаться несколько форм.

Необходимо также развести два близких, но не совпадающих объекта классификации. Классификация видов преступлений отвечает на вопрос, какие группы деяний можно объединить по объекту посягательства, законодательной конструкции, характеру вреда или иному уголовно-правовому признаку. Классификация форм использования информационных технологий отвечает на другой вопрос – как именно технология включена в механизм преступной деятельности. Эти классификации пересекаются, но не подменяют друг друга. Например, преступления против собственности и преступления в сфере незаконного оборота наркотиков относятся к различным уголовно-правовым группам, однако в обоих случаях могут одновременно присутствовать коммуникационная, финансовая и конспиративная формы использования цифровых средств. Такое различение позволяет избежать попытки построить универсальную систему «цифровых преступлений» только по признаку наличия Интернета.

Функциональный подход дает возможность учитывать и внутреннюю динамику преступной деятельности. Одна и та же технология способна менять роль по мере развития преступного замысла: на подготовительном этапе обеспечивать связь, в момент совершения деяния – выполнять технологическую операцию, после получения преступного дохода – обслуживать расчет, а затем использоваться для сокрытия следов. Поэтому для анализа важна не только доминирующая функция, но и последовательность функций. Такая конструкция объясняет, почему попытки закрепить за конкретной технологией одно неизменное уголовно-правовое значение приводят к упрощению фактического механизма преступления.

Функциональные формы незаконного использования информационных технологий представляются в следующем.

Коммуникационная форма охватывает передачу преступно значимой информации между участниками: сообщений, инструкций, фотографий, координат, кодов доступа, сведений о потерпевшем, реквизитов и иных данных. Ее признак – обеспечение информационного обмена. Преступное действие может выполняться за пределами самой коммуникации, поэтому наличие переписки еще не раскрывает уголовно-правовое значение технологии. Для оценки существенны содержание передаваемых сведений, роль адресата и связь сообщения с последующим поведением.

Координационно-организационная форма возникает тогда, когда цифровые средства используются для управления совместной деятельностью: распределения ролей, постановки заданий, контроля исполнения, поддержания иерархии или согласования повторяющихся действий. От обычной коммуникации ее отличает управленческая функция. Передача сообщения здесь служит не самостоятельной целью, а элементом организации поведения нескольких лиц. При устойчивом характере такой организации координационная форма может переходить в инфраструктурную.

Информационно-дистрибутивная форма связана с размещением, тиражированием и обеспечением доступа к противоправной информации. Ее содержание раскрывается через масштаб распространения, неопределенность либо множественность адресатов, скорость доведения материала и возможность длительного сохранения доступа. Именно эти свойства объясняют, почему использование сети приобретает особое значение в составах, где общественная опасность зависит от публичности или массового информационного воздействия. Техническая публикация и криминально значимое распространение совпадают не всегда; решающими остаются содержание материала и признаки конкретного состава.

Технологическая форма имеет место, когда информационная технология непосредственно обеспечивает выполнение преступной операции. К ней относятся неправомерное воздействие на компьютерную информацию, применение вредоносного программного обеспечения, автоматизированное выполнение команд, технологическое вмешательство в работу системы и иные действия, где без цифрового инструмента объективная сторона в избранном виде не может быть реализована. Здесь связь между технологией и причинением вреда наиболее тесная. По этой причине технологическая форма чаще других способна иметь самостоятельное уголовно-правовое значение.

Инфраструктурная форма отличается масштабом. Она выражается в создании или использовании цифровой среды, обеспечивающей не единичное действие, а воспроизводимость преступной деятельности: платформы, сервера, системы учетных записей, программно-технического комплекса, распределенной информационной архитектуры. Исследование платформизации показывает, что такая среда может повышать эффективность взаимодействия различных групп участников [3]. В отличие от координации, которая описывает управление лицами, инфраструктура относится к устойчивой технологической основе их деятельности. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется возможность появления нового самостоятельного объекта уголовно-правовой оценки.

Финансовая форма включает использование электронных платежных средств, интернет-банкинга, цифровых валют и иных цифровых инструментов для получения, передачи, распределения, конвертации либо сокрытия имущественных ценностей. Ее нельзя сводить к криптовалютам. Определяющей является функция движения стоимости в преступном механизме. Исследования современной наркопреступности показывают, что цифровые валюты включаются в уже существующие криминальные рынки как расчетный инструмент [8; 9; 12]. Правовая оценка поэтому должна зависеть от характера операции и ее связи с основным преступлением, а не от цифровой формы актива как таковой.

Конспиративная форма проявляется в использовании технологических свойств для дистанцирования участников, снижения их идентифицируемости, минимизации прямых контактов, сокрытия информационных следов или затруднения обнаружения преступной деятельности. Она нередко сочетается с коммуникационной и финансовой формами. Ефремова указывает на возможность, «сохраняя анонимность, осуществить воздействие на объект уголовно-правовой охраны дистанционно» и скрыть следы преступления [4, с. 104]. Самостоятельность конспиративной функции не означает, что анонимность должна автоматически криминализироваться: ее значение определяется тем, какую роль она играет в конкретном посягательстве.

Предложенная система не является перечнем видов преступлений. Она описывает устойчивые способы функционального включения технологии в преступную деятельность. Это принципиально: классификация остается применимой при появлении новых программ, сервисов и цифровых активов, поскольку изменение технического инструментария не требует каждый раз создавать новую категорию. Если новый инструмент выполняет уже известную функцию, он включается в

существующую форму; новая форма потребуется лишь тогда, когда возникнет иная устойчивая функция в механизме причинения вреда.

Основания и критерии криминализации цифровых форм поведения состоят в ледующем.Функциональная классификация решает описательную задачу, но не отвечает сама по себе на вопрос о криминализации. Для этого требуется второй уровень анализа. В теории уголовного правотворчества основание криминализации связывается с общественной потребностью в уголовно-правовой охране и с такой общественной опасностью поведения, которая оправдывает применение наиболее строгой формы государственного принуждения [2; 6]. Применительно к цифровой сфере этот тезис требует уточнения: общественную опасность необходимо связывать не с наличием технологии, а с тем изменением механизма посягательства, которое вызвано выполняемой ею функцией.

Поэтому центральным основанием криминализации следует считать самостоятельный прирост общественной опасности, обусловленный функциональным использованием информационной технологии. Такой прирост имеет место, когда цифровая функция позволяет причинять качественно иной или существенно больший вред, создавать устойчивую преступную инфраструктуру, многократно воспроизводить посягательство, охватывать значительно более широкий круг потерпевших либо формировать способ поведения, который не охватывается существующими уголовно-правовыми запретами. Если технология лишь облегчает обычное действие, но не меняет характера и масштаба опасности, основание для новой криминализации не возникает.

Наличие указанного основания должно проверяться по нескольким взаимосвязанным критериям. Существенность функциональной роли показывает, является ли технология необходимым или значимым элементом конкретной модели причинения вреда. Распространенность и типичность позволяют отличить устойчивое общественно опасное явление от единичного криминализационного повода. Важен и характер вреда: его масштаб, число потенциальных потерпевших, повторяемость и возможность дистанционного воздействия. Эти параметры относятся к юридико-криминологическому блоку, который используется и при оценке криминализации преступных платформ [3].

Следующая проверка касается субсидиарности уголовного права. Новая уголовно-правовая норма оправдана лишь при недостаточности гражданско-правовых, административных, информационно-правовых, технических и организационных средств воздействия. М.А. Ефремова, рассматривая возможность дополнения УК РФ признаком использования ИТС, связывает ее не только с повышением возможного вреда, но и с «невозможностью установления иных правовых запретов для устранения возникшей опасности причинения вреда» [4, с. 104]. Для криминализации этот довод еще весомее: уголовный запрет не должен заменять собой регулирование, способное эффективно пресечь менее опасное поведение.

Отдельной оценки требует исполнимость запрета. Цифровая среда не отменяет требований определенности состава, доказуемости признаков и реальной возможности правоприменения. Если граница между правомерным и преступным использованием технологии не может быть сформулирована достаточно точно, криминализация создаст риск расширительного толкования. С этим связан и социально-экономический критерий: затраты уголовной юстиции и ограничения правомерного оборота не должны быть несоразмерны предотвращаемому вреду. Социально-психологический блок дополняет оценку через состояние правосознания и восприятие запрета обществом [6].

Такой подход позволяет по-разному оценивать выделенные формы. Для коммуникационной формы обычно недостаточно самого факта цифрового общения: общественную опасность создает содержание взаимодействия и его связь с преступлением. Информационно-дистрибутивная форма может давать самостоятельный прирост опасности там, где сеть увеличивает масштаб публичного воздействия. Технологическая и инфраструктурная формы обладают наиболее выраженным потенциалом для самостоятельной криминализации, поскольку цифровой компонент способен образовать сам механизм причинения вреда либо устойчивую среду преступной деятельности. Финансовая и конспиративная функции чаще выступают обеспечивающими и требуют особенно осторожного разграничения с правомерными операциями и способами защиты частной жизни.

Иллюстративным является исследование Р.И. Дремлюги и А.И. Коробеева. Авторы не ограничиваются констатацией появления преступных платформ, а проверяют создание и обеспечение их работы через юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические факторы и приходят к выводу о соответствии такого поведения критериям криминализации [3, с. 47–56]. Тем самым одна конкретная инфраструктурная форма получает обоснование уголовно-правового запрета не потому, что реализуется в цифровой среде, а вследствие совокупности характеристик общественной опасности и возможности уголовно-правового воздействия.

Проведенный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу. Научные позиции, которые на первый взгляд используют разные классификационные основания, становятся сопоставимыми, если рассматривать их через фактическую функцию технологии. Средство передачи информации соответствует коммуникационной функции; массовое распространение – информационно-дистрибутивной; цифровая платформа – инфраструктурной; криптовалюта в расчетах – финансовой; анонимизация и дистанцирование – конспиративной. Противоречие между такими подходами во многом снимается, поскольку они описывают разные уровни одного механизма.

Одновременно источники показывают пределы функционального подхода. Форма характеризует фактическое включение технологии, но не предрешает юридический вывод. Позиция о том, что использование ИТС не всегда усиливает общественную опасность [4; 5], исключает автоматический переход от формы к криминализации. С другой стороны, анализ преступных платформ [3] демонстрирует ситуацию, когда инфраструктурная функция приобретает такую самостоятельность и опасность, что вопрос о специальном уголовно-правовом запрете становится обоснованным. Именно различие этих случаев подтверждает необходимость двухэтапной оценки.

Дополнительный аргумент в пользу осторожного подхода дает современная оценка цифровизации уголовного законодательства. Е.А. Русскевич показывает, что технологическая новизна далеко не всегда требует новой уголовно-правовой конструкции: значительная часть цифровых способов поведения может быть охвачена уже существующими моделями составов [11]. Для рассматриваемой темы это означает, что обнаружение новой технологии еще не свидетельствует о пробеле уголовного закона. Пробел следует искать в механизме охраны: остается ли общественно опасная функция за пределами действующего запрета и нельзя ли устранить риск средствами уже существующих норм.

В качестве решения научной проблемы предлагается модель «функция – уголовно-правовая оценка». На первом этапе устанавливается, какую задачу информационная технология выполняет в механизме преступной деятельности и к какой форме относится ее использование. На втором проверяется наличие основания криминализации через критерии прироста общественной опасности, типичности и распространенности, существенности технологической функции, недостаточности иных правовых средств, исполнимости запрета, его социально-экономической соразмерности и приемлемости для правосознания. Такая модель не подменяет традиционную теорию криминализации, а адаптирует ее к цифровой среде и препятствует превращению технического признака в самодостаточный аргумент уголовной политики.

Анализ нормативного и доктринального материала выявил отсутствие единого критерия, который позволял бы последовательно классифицировать формы незаконного использования информационных технологий в различных преступлениях и одновременно определять их уголовно-правовое значение. Причина заключается не столько в недостатке классификаций, сколько в смешении технического, функционального и нормативного уровней анализа.

Проверка гипотезы показала, что наиболее устойчивым основанием систематизации является функция технологии в преступном механизме. С этих позиций обосновано выделение коммуникационной, координационно-организационной, информационно-дистрибутивной, технологической, инфраструктурной, финансовой и конспиративной форм. Их сочетание в одном преступлении допустимо и отражает многофункциональность цифровых инструментов.

Самостоятельного решения требует вопрос о криминализации. Основанием для уголовно-правового запрета является не цифровая форма поведения как таковая, а обусловленный ею прирост общественной опасности при наличии общественной потребности в уголовно-правовой охране. Предложенные критерии позволяют проверить этот вывод и отделить случаи, где технология лишь сопровождает преступление, от ситуаций, в которых она формирует новый или качественно измененный механизм причинения вреда.

В заключении следует учитывать следующее.

Полученный результат задает направление дальнейшего научного поиска. Следующий этап должен быть связан с постатейным анализом УК РФ: необходимо установить, какие из выделенных форм уже отражены в конструкциях составов, где цифровой признак используется как средство дифференциации ответственности и в каких случаях он остается только фактической характеристикой механизма преступления. Отдельного исследования требует судебная практика после принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37; ее можно анализировать через кодирование функциональной роли технологии в конкретных делах и сопоставление этой роли с квалификацией. Сравнительно-правовой материал позволит проверить устойчивость предложенной классификации за пределами российского уголовного законодательства. Такая эмпирическая проверка необходима, чтобы перейти от концептуальной модели к рекомендациям по корректировке отдельных уголовно-правовых норм.

Список литературы:

[1] Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. Санкт-Петербург, 2022. 248 с. EDN: RINWAA.

[2] Боковня А.Ю. Основание криминализации деяний в сфере охраны окружающей среды // Пробелы в российском законодательстве. 2026. Т. 19. № 1. С. 112–117. DOI: 10.33693/2072-3164-2026-19-1-112-117. EDN: UIVBHI.

[3] Дремлюга Р.И., Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия платформизации преступной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 47–56. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56. EDN: LOCVWO.

[4] Ефремова М.А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 101–106. DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013. EDN: UBEXPT.

[5] Ефремова М.А. Уголовно-правовое значение использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 22–27. DOI: 10.52433/01316761_2024_01_22. EDN: TQUUIX.

[6] Кравец И.П. Проблемные вопросы системы оснований и принципов криминализации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 6. С. 158–168. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-6-169-176. EDN: IOYVPD.

[7] Литвяк Л.Г. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 93–96. DOI: 10.23672/77835-4590-1440-s. EDN: TKURAQ.

[8] Миронов А.О. Криптовалюты как средство совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современных условиях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4 (32). С. 144–154. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.10.91.015. EDN: XOSVNV.

[9] Репецкая А.Л. Современные тенденции развития преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16. № 3. С. 947–953. DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(3).947-953. EDN: BCJSUO.

[10] Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2023. 351 с. DOI: 10.12737/1840963. ISBN 978-5-16-017297-2. EDN: MPWWHL.

[11] Русскевич Е.А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 26–33. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033. EDN: EZVFAO.

[12] Соловьев О.Г., Князьков А.А. Современное состояние отечественного законодательства в сфере оборота цифровых валют и цифровых активов и вопросы правоприменения в уголовно-правовой сфере // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 3 (69). С. 440–447. DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-440-447. EDN: MQCEDI.

[13] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37.

[14] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции).

References:

[1] Antipov A.I. Criminal law significance of the use of mass media and information and telecommunication networks when committing crimes with signs of incitement, inducement, illegal circulation of objects and materials: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.4. St. Petersburg, 2022. 248 c. EDN: RINWAA.

[2] Bokovnya A.Yu. Basis for criminalization of acts in the field of environmental protection // Gaps in Russian legislation. 2026. VOL. 19. № 1. S. 112-117. DOI: 10.33693/2072-3164-2026-19-1-112-117. EDN: UIVBHI.

[3] Dremlyuga R.I., Korobeev A.I. Criminal law policy in the field of countering the platformization of criminal activity // All-Russian Criminological Journal. 2022. T. 16. № 1. S. 47-56. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56. EDN: LOCVWO.

[4] Efremova M.A. Information and telecommunication networks as a means of committing crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 14. № 4 (54). S. 101-106. DOI: 10.37973/KUI.2023.84.83.013. EDN: UBEXPT.

[5] Efremova M.A. Criminal law significance of the use of information and telecommunication networks in the commission of crimes // Russian

justice. 2024. № 1. S. 22-27. DOI: 10.52433/01316761_2024_01_22. EDN: TQUUIX.

[6] Kravets I.P. Problematic issues of the system of grounds and principles of criminalization // Gaps in Russian legislation. 2024. VOL. 17. № 6. S. 158-168. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-6-169-176. EDN: IOYVPD.

[7] Litvyak L.G. On the concept of electronic or information and telecommunication networks for the purposes of the criminal law // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 11. S. 93-96. DOI: 10.23672/77835-4590-1440-s. EDN: TKURAQ.

[8] Mironov A.O. Cryptocurrencies as a means of committing crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in modern conditions // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2024. № 4 (32). S. 144-154. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.10.91.015. EDN: XOSVNV.

[9] Repetskaya A.L. Current trends in the development of crimes committed using information and telecommunication technologies // Baikal Research Journal. 2025. T. 16. № 3. S. 947-953. DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(3).947-953. EDN: BCJSUO.

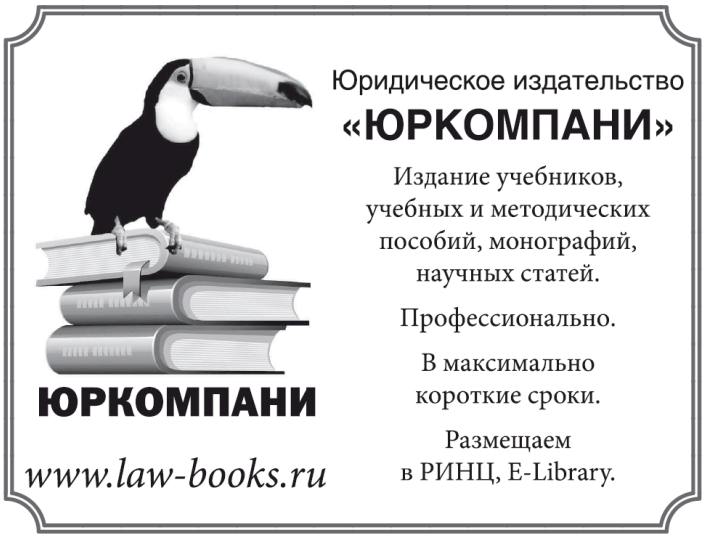
[10] Russkevich E.A. Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph. 2nd ed., Revised and add. Moscow: INFRA-M, 2023. 351 pp. DOI: 10.12737/1840963. ISBN 978-5-16-017297-2. EDN: MPWWHL.

[11] Russkevich E.A. Digitalization of criminal legislation: the difficult consequences of simple solutions // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2025. № 5 (129). S. 26-33. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033. EDN: EZVFAO.

[12] Soloviev O.G., Knyazkov A.A. The current state of domestic legislation in the field of turnover of digital currencies and digital assets and issues of law enforcement in the criminal legal sphere // Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Humanities series. 2024. T. 18. № 3 (69). S. 440-447. DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-440-447. EDN: MQCEDI.

[13] On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37.

[14] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-577-582
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПИЛЮГИНА Юлия Геннадиевна,
доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук,
e-mail: pilyugina81@bk.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ И ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые и криминологические проблемы вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Анализируются изменения, внесенные Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ, двойственный статус несовершеннолетнего как объекта преступного воздействия и возможного субъекта уголовной ответственности, разграничение террористической и диверсионной направленности, а также особенности ступенчатой цифровой вербовки. Предлагается трехэлементный критерий квалификации цифрового вовлечения: адресность воздействия, преступная направленность коммуникации и самостоятельное установление субъективной стороны каждого участника. Формулируются предложения по судебному толкованию и профилактике.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, терроризм, диверсия, содействие террористической деятельности, содействие диверсионной деятельности, вербовка, вовлечение, информационно-телекоммуникационные сети, социальная инженерия, уголовная ответственность, профилактика.*

Для цитирования: *Пилюгина Ю. Г. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Право и управление. 2026. № 10. С. 577–582.*

PILYUGINA Yulia Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences

INVOLVEMENT OF MINORS IN TERRORIST AND SABOTAGE ACTIVITIES THROUGH INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL PROBLEMS

Annotation. *The article examines criminal-law and criminological problems of involving minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunication networks. It analyzes the amendments introduced by Federal Law No. 420-FZ of November 17, 2025, the dual position of a minor as both the object of criminal influence and a possible offender, the distinction between terrorist and sabotage purposes and staged digital recruitment. A three-element test is proposed: individualized targeting, criminal orientation of communication and separate assessment of the mental element of each participant. Proposals are formulated for judicial interpretation and prevention.*

Key words: *minors, terrorism, sabotage, recruitment, involvement, terrorist activity, sabotage activity, information and telecommunication networks, social engineering, criminal liability, prevention.*

For citation: *Pilyugina Yu. G. Involvement of minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunication networks: criminal law and criminological problems. Law and administration. 2026;(10):577–582. (In Russ.).*

Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей представляет собой одну из наиболее опасных форм современной преступной активности, поскольку цифровая среда используется не только как канал связи, но и как самостоятельный механизм поиска потенциального исполнителя, установления доверительного контакта, постепенного изменения мотивации, передачи инструкций, контроля выполнения задания и получения отчета. Для подростка же первоначальное взаимодействие может выглядеть как обычное знакомство, предложение подработки, участие в игре, просьба выполнить несложное поручение или обсуждение общественно значимой темы, а уже по мере закрепления контакта действия усложняются, убеждение способно сочетаться с обещанием вознаграждения, манипуляцией, шантажом или угрозой и в результате традиционная вербовка дополняется цифровой социальной инженерией, что требует одновременного уголовно-правового и криминологического анализа [1; 5].

На наш взгляд уголовно-правовая актуальность темы существенно возросла после принятия Федерального закона от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ, которым законодатель усилил ответственность за содействие террористической и диверсионной деятельности в отношении несовершеннолетнего и расширил перечень преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет. В этот перечень были включены, в частности, содействие террористической деятельности, отдельные преступления, связанные с террористическими организациями и сообществами, диверсия, содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности и участие в диверсионном сообществе. При этом отметим, что новая конструкция имеет двойственную направленность, а именно несовершеннолетний получает повышенную уголовно-правовую защиту от вербовщика и одновременно в большем числе случаев может сам выступать субъектом ответственности за последующее общественно опасное поведение.

Такая двойственность, несомненно, имеет принципиальное значение для квалификации, поскольку один и тот же подросток в конкретной преступной ситуации способен быть лицом, в отношении которого осуществлялись склонение, вербовка или иное вовлечение, и одновременно субъектом совершенного им преступления. Необходимо отметить, что данные статусы не исключают друг друга, повышенная ответственность взрослого вербовщика обусловлена возрастной уязвимостью объекта воздействия, тогда как ответственность самого несовершеннолетнего зависит от достижения установленного возраста, вменяемости, фактической способности осознавать характер поведения и содержания его собственного умысла. Поэтому последующее привлечение подростка к ответственности за диверсию или террористическое преступление не устраняет квалифицирующий признак совершения вербовщиком соответствующего деяния в отношении несовершеннолетнего, тогда как иное решение лишало бы усиленной защиты именно тех подростков, преступное вовлечение которых оказалось результативным.

По нашему мнению, для правильного применения ст. 205.1 и 281.1 УК РФ необходимо учитывать содержание понятий «склонение», «вербовка» и «иное вовлечение». Так судебное толкование террористических составов исходит из того, что такие действия могут выражаться в уговорах, убеждении, предложениях, подкупе, угрозах, поиске лиц, распространении адресованных им материалов и иных формах воздействия, направленных на вовлечение в определенную преступную деятельность. Для цифровой же среды особенно важно, что уголовно-правовое значение имеет не физический контакт, а целенаправленность коммуникации, когда одно прямое сообщение с предложением совершить поджог и продолжительная цепочка внешне нейтральных заданий способны обладать одинаковой конечной направленностью, если доказано стремление сформировать у несовершеннолетнего решение участвовать в соответствующем преступлении [7].

При этом, несомненно, нельзя смешивать индивидуальное вовлечение с распространением опасного контента неопределенному кругу лиц, так как публичное оправдание терроризма, призыв к противоправной деятельности и адресная вербовка различаются по юридической природе и признакам состава. Одновременно для ст. 205.1 и 281.1 УК РФ принципиально установить направленность действий на конкретное лицо либо определенную группу лиц, что может подтверждаться индивидуальной перепиской, передачей координат объекта, согласованием вознаграждения, выдачей инструкций, требованием фото- или видеоотчета, контролем передвижения и созданием закрытого канала связи. Хотя сам факт подписки несовершеннолетнего на деструктив-

ный ресурс или просмотра им противоправного материала не позволяет автоматически признать администратора ресурса его вербовщиком без установления дополнительных действий, направленных именно на данного подростка.

Особое значение имеет разграничение террористической и диверсионной направленности, где внешняя форма поведения может совпадать, к примеру, поджог, взрыв, повреждение транспорта, средств связи, энергетического или иного объекта. Однако уголовно-правовая квалификация определяется не бытовым обозначением действия, а всеми признаками конкретного состава, включая специальную цель. Так для диверсии закон связывает ответственность с направленностью на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации, террористический акт характеризуется иными обязательными целями, связанными с дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций либо воздействием на принятие ими решений. Следовательно, при оценке дистанционной вербовки необходимо установить, в какое именно преступление инициатор намеревался вовлечь несовершеннолетнего и какой характер предполагаемого посягательства охватывался его умыслом.

Сложнее ситуация, когда подростку раскрывается только бытовая сторона задания, ему могут предложить за вознаграждение поджечь технический объект, утверждая, что речь идет о споре хозяйствующих субъектов, проверке охраны или обычном повреждении имущества. В таких случаях для ответственности вербовщика по ст. 281.1 УК РФ при наличии остальных признаков достаточно его собственного умысла на вовлечение в диверсионную деятельность, фактическое доведение замысла до конца не требуется для признания соответствующей формы содействия оконченной. Однако действия несовершеннолетнего должны оцениваться самостоятельно, нельзя выводить его осознание специальной диверсионной цели только из свойств объекта или умысла куратора, иначе ответственность подростка будет фактически основана на объективном вменении.

Отметим так же и тот факт, что цифровое вовлечение нередко имеет ступенчатый характер, когда на первом этапе подростку предлагается действие, которое само по себе может выглядеть социально нейтральным, сфотографировать объект, проверить адрес, передать сообщение, приобрести предмет, перевести небольшую сумму. Затем формируется привычка выполнять задания, вводятся материальное вознаграждение и правила конспирации, после чего следует поручение, имеющее уже очевидный преступный характер. Очевидно, что такая модель позволяет вербовщику одновременно проверить управляемость лица и снизить его психологический барьер, вот почему для правовой оценки нельзя искусственно изолировать последнее сообщение от предыдущей коммуникации, совокупность действий здесь может образовывать единый процесс вовлечения, если она подчинена общей цели включения подростка в террористическую или диверсионную деятельность.

Криминологически данный механизм опирается на свойства цифровой среды, такие как возможность сохранять анонимность, быстро менять аккаунты, одновременно взаимодействовать со значительным числом потенциальных исполнителей, изучать открытые сведения об их интересах и уязвимостях, использовать автоматический перевод и персонализированный контент. В исследованиях преступности несовершеннолетних отмечается возрастающее значение социальных сетей, мессенджеров и цифровых следов для предупреждения и выявления противоправного поведения [2; 3; 4]. При этом профилактическая работа с несовершеннолетними и преступлениями, совершаемыми ими и в их отношении, традиционно является самостоятельным направлением деятельности органов внутренних дел. Соответствующие меры рассматривались, в частности, В. В. Шанько и А. В. Мацко применительно к практике территориального органа МВД [6, с. 172-175] и, несомненно, в современных условиях такая профилактика неизбежно должна учитывать цифровой канал преступного воздействия.

Считаем, что снижение возраста уголовной ответственности до четырнадцати лет повышает значение ч. 3 ст. 20 УК РФ, поскольку достижение формального возраста не освобождает следствие и суд от обязанности установить, мог ли конкретный несовершеннолетний вследствие уровня психического развития в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность поведения либо руководить им. Дистанционная вербовка в этом контексте способна специально эксплуатировать возрастную внушаемость, потребность в признании, дефицит жизненного опыта, зависимость от оценки группы, стремление к быстрому заработку или страх разглашения личной информации. Такие обстоятельства сами по себе не означают отставания в психическом развитии и не исключают ответственности, но они должны учитываться при установлении субъективной стороны и при назначении наказания.

Необходимо так же различать понимание фактического характера действия и осознание специальных уголовно-правовых признаков, так как подросток обычно способен понимать физические последствия поджога или взрыва, однако это еще не доказывает осознание цели подрыва экономической безопасности или обороноспо-

собности страны. Аналогично согласие передать сведения, сфотографировать объект или получить деньги не всегда свидетельствует о понимании участия в террористическом сообществе либо содействии терроризму. Вот почему в делах о дистанционном вовлечении центральным предметом доказывания становится содержание коммуникации, а именно какие сведения о цели передавал куратор, как подросток реагировал на них, какие вопросы задавал, что обсуждалось после выполнения задания и какие меры конспирации предпринимались.

В цифровой среде, несомненно, особую роль приобретают электронные доказательства, значимыми могут быть содержание и последовательность переписки, история изменения имен и аккаунтов, метаданные файлов, сведения о передаче координат и изображений, движение денежных средств, данные о попытках удалить сообщения, цифровые следы использования нескольких устройств. Однако, здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что отдельный цифровой фрагмент не должен оцениваться вне контекста, так, к примеру, фраза о «работе», «задании» или «объекте» может иметь различное значение в зависимости от предыдущего общения. Следовательно, доказательственная модель должна восстанавливать весь процесс формирования преступного решения, а не только фиксировать конечное противоправное действие, что особенно важно, когда защита ссылается на введение несовершеннолетнего в заблуждение относительно реального назначения поручения.

В связи с чем, мы считаем, что для практики целесообразно использовать трехэлементный критерий цифрового вовлечения. Первый элемент - это адресность, когда необходимо доказать, что воздействие направлено на определенного несовершеннолетнего либо индивидуализированную группу. Второй — преступная направленность, а именно содержание коммуникации в совокупности должно свидетельствовать о цели включить лицо в конкретную террористическую или диверсионную деятельность. И третий это субъективная дифференциация, когда умысел вербовщика и умысел вовлекаемого устанавливаются отдельно, без автоматического переноса знания одного лица на другое. Такой подход позволит одинаково избежать как неоправданного расширения ст. 205.1 и 281.1 УК РФ, так и недооценки сложных многоэтапных схем, в которых прямое преступное предложение появляется только на завершающей стадии.

Представляется необходимым так же уточнение судебных разъяснений. Во-первых, следует прямо указать, что склонение, вербовка и иное вовлечение могут полностью осуществляться посредством информационно-телекоммуникационных сетей и не требуют личной встречи. Во-вторых, повышенная ответственность за деяние в отношении несовершеннолетнего должна применяться независимо от того, совершил ли подросток последующее преступление и подлежит ли он за него уголовной ответственности. В-третьих, разграничение террористической и диверсионной направленности следует проводить по содержанию преступной цели, а не только по виду объекта воздействия. В-четвертых, последовательность внешне нейтральных микрозаданий может оцениваться как единый процесс вовлечения, если доказана их общая преступная направленность. И, в-пятых, при квалификации действий самого несовершеннолетнего необходимо отдельно устанавливать осознание им специальных признаков соответствующего состава.

Уголовно-правовое воздействие, несомненно, должно дополняться профилактикой, поскольку наказание реагирует уже на сформировавшуюся опасную ситуацию, эффективная модель предполагает взаимодействие органов внутренних дел, подразделений по делам несовершеннолетних, образовательных организаций, органов системы профилактики и цифровых платформ в пределах установленных законом полномочий. Приоритетными нам представляются обучение подростков распознаванию типовых приемов социальной инженерии, понятные способы безопасного сообщения о попытках вербовки, быстрое сохранение цифровых следов после такого обращения, адресная работа с лицами группы риска и информирование родителей и педагогов. В этом контексте профилактический материал должен объяснять не только суровость ответственности, но и сам сценарий вовлечения, то есть обещание легкого заработка, просьбу сохранить тайну, переход в закрытый мессенджер, постепенное усложнение поручений, получение компрометирующей информации и угрозы после выполнения первого задания.

Вопрос о моменте окончания вовлечения также нуждается в единообразном понимании, поскольку для квалификации действий вербовщика принципиально не то, согласился ли несовершеннолетний выполнить задание, а направленность совершенных действий на формирование соответствующего преступного решения. К примеру, если закон признает склонение или вербовку оконченными с момента самого воздействия, последующий отказ подростка либо пресечение коммуникации не устраняют уже содеянного, хотя это и не означает, что любое неудачное общение является оконченным преступлением, необходимо доказать, что действия объективно были обращены к вовлечению в предусмотренную законом преступную деятельность. Общая политическая дискуссия, провокационная реплика или неопре-

деленное предложение без связи с конкретным преступным поведением должны отграничиваться от целенаправленной вербовки.

Не менее важным нам представляется правильно оценивать роль совершеннолетнего посредника, который не общается с несовершеннолетним непосредственно, но передает его данные куратору, предоставляет средства связи, денежные средства или иным образом обеспечивает вовлечение. Поскольку такая деятельность может получать оценку по правилам соучастия, если доказано понимание характера основного преступления и желание содействовать ему. Однако сам факт знакомства с подростком либо передачи его контакта не позволяет автоматически выводить умысел на террористическое или диверсионное вовлечение, здесь вновь действует общий принцип, когда технологическая и организационная связь должна дополняться психической связью между участниками. Для цифровых же схем это особенно актуально, поскольку коммуникация часто распределена между несколькими аккаунтами и лицами.

Криминологическая профилактика должна учитывать и различие между универсальными и адресными мерами, когда универсальный уровень охватывает правовое просвещение, цифровую грамотность и информирование о способах манипуляции, адресный уровень необходим, когда выявлены конкретные признаки вовлечения, резкое появление необъяснимых денежных поступлений, секретность новых онлайн-контактов, получение заданий, связанных с объектами инфраструктуры, требование удалять переписку или скрывать маршрут. При этом отметим, что такие признаки не являются доказательством преступления и не должны вести к стигматизации подростка, но могут служить основанием для своевременной профилактической беседы и проверки обстоятельств уполномоченными органами в законных пределах. То есть мы видим, что эффективная профилактика тем самым сочетает безопасность с уважением частной жизни несовершеннолетнего.

Отдельное значение имеет реабилитационный компонент, поскольку несовершеннолетний, который оказался объектом вербовки, но своевременно отказался от исполнения поручения или сообщил о происходящем взрослым и правоохранительным органам, должен воспринимать обращение за помощью как безопасный и социально одобряемый выбор. Чрезмерно репрессивная публичная риторика здесь способна, напротив, усиливать зависимость подростка от куратора, если он уверен, что после первого контакта уже неизбежно будет наказан, в связи с чем профилактическая коммуникация должна четко объяснять различие между фактом получения опасного предложения, добровольным отказом от него и сознательным участием в преступлении. По нашему мнению, такой подход создает дополнительные условия для раннего пресечения вовлечения до причинения вреда.

Так же мы считаем, что следует учитывать и межотраслевое значение проблемы, поскольку установление уголовной ответственности не может подменять меры, предусмотренные законодательством о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, об образовании и об информации. Так, после выявления попытки вовлечения необходимо не только пресечь конкретную коммуникацию, но и устранить условия, которые сделали подростка уязвимым, такие как социальная изоляция, конфликт в семье или образовательной среде, долговая зависимость, вовлечение в закрытые онлайн-сообщества. В противном случае блокирование одного аккаунта лишь временно разрывает контакт, не снижая вероятность повторной вербовки другим лицом, поэтому уголовно-правовая защита становится эффективнее, когда включена в систему индивидуальной профилактики, а не рассматривается как единственный инструмент реагирования.

В научном же плане дальнейшее исследование должно быть ориентировано на накопление обезличенных данных о способах цифрового вовлечения, возрасте и мотивации несовершеннолетних, формах обмана и характере их осведомленности о конечной цели. Поскольку без такой эмпирической базы существует риск строить уголовную политику на наиболее резонансных случаях, не отражающих всю структуру явления, ведь для выработки устойчивых рекомендаций необходимы сопоставление судебных решений, анализ прекращенных дел, материалов профилактического учета и результатов психологических исследований, что позволит точнее определить, какие признаки действительно свидетельствуют о сформированном преступном умысле подростка, а какие характеризуют прежде всего его уязвимость перед манипулятивным воздействием.

Таким образом, мы видим, что цифровая вербовка несовершеннолетних требует сочетания строгой уголовно-правовой оценки и индивидуализированного подхода к самому подростку. Новеллы 2025 г., несомненно, усилили охрану несовершеннолетнего и расширили его собственную ответственность, что делает особенно важным разграничение умысла вербовщика и вовлекаемого. И, предлагаемый нами трехэлементный критерий — адресность воздействия, преступная направленность коммуникации и самостоятельное установление субъективной стороны каждого участника — позволяет учитывать специфику многоэтапной социальной инженерии и одновременно сохранять действие принципа вины. Прак-

тическая задача же состоит не в дальнейшем механическом расширении санкций, а в формировании единообразных правил квалификации, доказательственных стандартов и ранней профилактики цифрового вовлечения.

Список литературы:

[1] Легушенко Д. А. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность как элемент механизма совершения преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 72-78.

[2] Горковенко И. А. Цифровая трансформация оперативно-разыскного противодействия органов внутренних дел преступности несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 55-63.

[3] Букалерова Л. А., Остроушко А. В., Криез О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 1. С. 17-35.

[4] Лебедева В. С. Влияние социальных медиа на формирование преступного поведения несовершеннолетних // Вопросы российской юстиции. 2024. Вып. 31. С. 310-319.

[5] Гайворонская И. Б., Фомина Т. Ф., Аманжолова Б. А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 152-165.

[6] Мацко А. В., Шанько В. В. О мерах, принимаемых ГУ МВД России по Ставропольскому краю, по профилактике преступлений, совершенных несовершеннолетними и в их отношении // Ставрополь - город межэтнического согласия и межконфессионального диалога: материалы ежегодной городской научно-практической конференции. 2014. С. 172-175.

[7] Кудрявцев В. Л. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21-25.

[8] Коркмазов А. В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 208-212. EDN PLMEVN.

References:

[1] Legushenko D.A. Involvement of minors in terrorist activities as an element of the mechanism for committing a crime // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3. S. 72-78.

[2] Gorkovenko I. A. Digital transformation of operational-search counteraction of juvenile crime bodies // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (83). S. 55-63.

[3] Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Kriez O. Crimes against the information security of minors committed through information and telecommunication networks (including the Internet) // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. VOL. 12. № 1. S. 17-35.

[4] Lebedeva V. S. Influence of social media on the formation of criminal behavior of minors // Issues of Russian justice. 2024. No. 31. S. 310-319.

[5] Gayvoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. Recruitment to extremist and terrorist organizations via the Internet // Psychology and Law. 2020. T. 10. № 4. S. 152-165.

[6] Matsko A.V., Shanko V.V. On the measures taken by the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Stavropol Territory to prevent crimes committed by and against minors // Stavropol is a city of interethnic harmony and interfaith dialogue: materials of the annual city scientific and practical conference. 2014. S. 172-175.

[7] Kudryavtsev V. L. "Declination, recruitment or other involvement of a person" as alternative actions of the objective side of facilitating terrorist activities // Lawyer. 2012. № 5. S. 21-25.

[8] Korkmazov A. V. Current trends in digital extremism and terrorism // Gaps in Russian legislation. 2023. T. 16. № 4. S. 208-212. EDN PLMEVN.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-583-589
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ИНСТИТУТА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Статья посвящена доктринальному и законодательному анализу института вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор исследует эволюцию понятия вещественных доказательств — от классических материальных носителей до цифровых данных. Особое внимание уделено проблеме электронных (цифровых) вещественных доказательств, правовой статус которых до сих пор не получил системного закрепления в российском праве. Автор затрагивает вопросы процессуальной фиксации цифровых данных, их аутентичности, целостности и криптографического хеширования, обращаясь к отечественному и международному опыту. Автор приходит к выводу о наличии теоретических разногласий и отсутствии единообразия в правоприменительной практике при работе с электронными (цифровыми) доказательствами. Анализируя тенденции развития понятия «электронного доказательства», автор отмечает отсутствие четкого представления и единого мнения о сущности доказательств в электронной форме на данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства в России, что приводит к теоретическим разногласиям и отсутствию единообразия в правоприменительной практике при обращении с ними.*

Ключевые слова: *вещественные доказательства, электронные доказательства, доказывание, цифровизация уголовного процесса, криптографическое хеширование.*

Для цитирования: *Шестак В. А. О проблемных аспектах института вещественных электронных (цифровых) доказательств // Право и управление. 2026. № 10. С. 583–589.*

SHESTAK V.A.,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

ON THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE INSTITUTE OF EVIDENTIAL ELECTRONIC (DIGITAL) EVIDENCE

Annotation. *The article is devoted to a doctrinal and legislative analysis of the institution of physical evidence in criminal proceedings. The author examines the evolution of the concept of physical evidence — from classical material carriers to digital data. Special attention is paid to the problem of electronic (digital) physical evidence, the legal status of which has not yet been systematically established in Russian law. The author addresses issues related to the procedural recording of digital data, their authenticity, integrity, and cryptographic hashing, drawing on domestic and international experience. The author concludes that there are theoretical disagreements and a lack of uniformity in law enforcement practice when dealing with electronic (digital) evidence. Analyzing the trends in the development of the concept of «electronic evidence». The author notes the absence of a clear understanding and a unified view on the essence of evidence in electronic form at this stage of the development of criminal procedure legislation in Russia, which leads to theoretical disagreements and a lack of uniformity in law enforcement practice when dealing with such evidence.*

Key words: *physical evidence, electronic evidence, proof, digitalization of criminal proceedings, cryptographic hashing.*

For citation: *Shestak V. A. On the problematic aspects of the institute of evidential electronic (digital) evidence. Law and administration. 2026;(10):583–589. (In Russ.).*

Институт вещественных доказательств занимает центральное положение в системе доказательственного права, выступая материальным носителем криминалистически значимой информации о событии правонарушения. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и технологической трансформации преступности традиционные процессуальные конструкции, сформированные для работы с физическими объектами, демонстрируют недостаточную адаптивность к новым реалиям. Это порождает комплекс теоретических и практических проблем, связанных с собиранием, процессуальным закреплением, экспертным исследованием и оценкой вещественных доказательств, особенно в их электронной (цифровой) форме.

Понятие вещественных доказательств в юридической науке и законодательстве формировалось как ответ на необходимость объективизации процесса доказывания, обеспечивая материальную основу для установления истины по делу. В процессуальной доктрине вещественные доказательства традиционно рассматриваются как материальные объекты, которые в силу своих физических свойств, местоположения, внешних признаков или содержащейся информации способны подтвердить или опровергнуть обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. Такие исследователи как А.Р. Белкин [1] и М. К. Треушников [2], считают, что ключевой характеристикой вещественных доказательств является их способность сохранять «немые следы» события — отпечатки пальцев на орудии преступления, повреждения на одежде потерпевшего, записи камер наблюдения или электронные следы в виде метаданных. Доктрина акцентирует двойственную природу таких доказательств: с одной стороны, их объективность как материальных носителей информации, с другой — субъективность интерпретации, поскольку значимость предмета определяется через его связь с событием, устанавливаемую участниками процесса. К примеру, найденный нож становится доказательством только после подтверждения его принадлежности обвиняемому и наличия на нем биологических следов жертвы.

М. С. Строгович, в свою очередь, определял вещественные доказательства как «любую вещь, которая в соответствии с установленными процессуальным законом условиями может служить доказательством по делу, то есть быть источником по делу о доказательственном и главном факте и тем самым устанавливать существенные для дела обстоятельства» [3]. А А.Я. Вышинский полагал вещественное доказательство предметом, служащим уликой совершенного преступления, уликой, изобличающей лицо, совершившее преступление, или служащее для его оправдания, для установления, в частности, его алиби [4].

Законодательное закрепление понятия вещественных доказательств в российском праве содержится в нормах ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [5] и ст. 73 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [6]. Так, согласно ч. 1 ст. 81 УПК РФ, вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. ГПК РФ расширяет трактовку, включая любые материальные объекты, которые могут быть использованы для установления обстоятельств гражданского дела.

Законодатель акцентирует процессуальную форму работы с такими доказательствами: изъятие должно сопровождаться составлением протокола с участием понятых, описание должно быть детализированным, а хранение — обеспечивать сохранность до окончания производства по делу. Однако легальные дефиниции не всегда успевают за технологическими изменениями: цифровые носители информации (электронные письма, данные блокчейна, логи серверов) формально подпадают под категорию вещественных доказательств, но специфика их изъятия, фиксации и исследования требует особых норм, которые в российском праве до сих пор не систематизированы. В этой связи, полагаем, что вещественные доказательства допустимо рассматривать как материальные объекты (предметы, вещества, следы), которые обладают признаками, позволяющими установить обстоятельства, имеющие значение для дела.

Исследователи не зря обращают внимание на трудности постижения, восприятия и оценки природы вещественных доказательств, аргументируя свое мнение тем, что в отличие от личных

доказательств, являющихся по своему содержанию «обычными» и «очевидными», последние отличает многообразие их форм и видов. Одним из таких противоречивых представителей, который, к сожалению, по сей день не нашел своего официального закрепления в процессуальном законодательстве России, является институт «электронных (цифровых) доказательств». Будучи всеобъемлющим хранилищем колоссального объема информации, способным предоставить ее для практического применения, используя в обязательном порядке соответствующий материальный носитель, теоретическое и практическое применение такого феномена предполагает необходимость законодательных новелл.

В эпоху цифровых технологий и глобализации преступности вещественные доказательства становятся как более значимыми, так и более уязвимыми. Их роль усиливается в делах, связанных с киберпреступлениями, экономическими мошенничествами и терроризмом, где материальные следы часто носят скрытый или технически сложный характер. Это подтверждается статистическими данными МВД России [7], демонстрирующими порой разнонаправленную динамику. Так, в четвёртом квартале 2024 года общий уровень криминальной активности в стране демонстрировал положительную динамику: количество зафиксированных правонарушений сократилось на 1,8% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Однако структурный анализ преступности выявляет тревожную тенденцию: две пятых всех инкриминируемых деяний (40%) были реализованы с применением цифровых технологий и интернет-коммуникаций. Углублённое изучение показателей свидетельствует о резкой эскалации киберпреступности. Число таких инцидентов превысило значения 2023 года на 13,1%, причём наиболее опасные категории – тяжкие и особо тяжкие составы – увеличились на 7,8%. Именно эта группа правонарушений стала драйвером роста общефедерального показателя по особо опасным преступлениям, который в годовом исчислении поднялся на 4,8%.

По итогам 2025 года количество зарегистрированных киберпреступлений составило приблизительно 650 тысяч, что отражает снижение по сравнению с 2024 годом, когда было зафиксировано около 765,5 тысяч таких преступлений. За первые пять месяцев 2026 года число преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сократилось на 31,2% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года; при этом преступления в сфере компьютерной информации снизились на 38,7%, дистанционные кражи — на 17,8%, IT-мошенничество — на 26,4%. В результате принятия Правительством Российской Федерации в 2025–2026 годах ряда законодательных пакетов (в частности таких, как: «Антифрод 1.0» и «Антифрод 2.0»), направленных на противодействие кибермошенничеству, за первые семь месяцев 2026 года ущерб от кибермошенничества снизился на 21% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года.

В современных судопроизводствах, в том числе и в уголовном, все чаще фигурируют электронные (цифровые) данные, которые активно применяются как доказательство в рассматриваемых делах. Так, по мнению Р.И. Оконенко, цифровая информация обладает следующим рядом юридически важных свойств: носители электронной информации способны хранить значительный объем электронных сведений; легкость копирования информации, содержащейся на электронном носителе, без ее деформирования; уязвимость электронных сведений в части простоты их изменения и уничтожения; возможность хранения информации как в памяти устройств, так и в Интернете или иной информационно-телекоммуникационной системе; латентность некоторой части информации, которая доступна лишь лицам, обладающим специальными знаниями в области компьютерной информации. К таким сведениям относятся метаданные, содержащие важную информацию об операциях пользователя [8].

Однако отметим, что наравне с этим растут и риски фальсификации, утраты или повреждения доказательств из-за недостатков в законодательном регулировании и практических механизмах работы с ними. Кроме того, их использование в процессах сопряжено с рядом особенностей и трудностей, - от проблем понимания их природы до проблем процессуального обеспечения. К примеру, в российском уголовно-процессуальном законодательстве электронные доказательства не выделены как самостоятельная категория; они рассматриваются в рамках норм ст.ст. 74, 81 и 84 УПК РФ, что создаёт правовую неопределённость в отношении их допустимости, подлинности и порядка представления. Говоря о природе электронных (цифровых) доказательств, полагаем, следует отталкиваться от синонимически схожего понятия информации, которое закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], где под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телеком-

муникационных сетей, включая сеть "Интернет"» [10] использование цифровой информации в уголовно-процессуальном доказывания сопряжено с обязательным подробным анализом представленных сведений специалистами в данной отрасли. В этой связи, полагаем, что основной особенностью электронной информации является ее восприятие только с помощью специальных технических устройств. Отсюда следует, что электронная информация представляет собой значимые для расследования преступления сведения, представленные в цифровом формате, воспроизведение которых невозможно без применения технических средств.

Согласно действующему законодательству, данные на электронных носителях могут быть извлечены через проведение следственных действий: осмотра места происшествия, осмотров предметов и документов, обыска, выемки, личного обыска, осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции. Норма, предусмотренная ст. 164.1 УПК РФ, устанавливает ограничения при изъятии цифровых устройств хранения данных в ходе расследований, связанных с предпринимательской деятельностью: изъятие допускается лишь при наличии постановления о назначении экспертизы, судебного решения, при отсутствии у владельца законных полномочий на хранение информации, при риске совершения новых преступлений или при невозможности копирования без изменения данных. При этом ключевой проблемой остаётся процессуальная фиксация цифровых доказательств. Традиционные нормы, требующие составления протокола изъятия с участием понятых, предполагают физическое присутствие носителя информации, что невозможно при работе с облачными сервисами. Правоприменитель сталкивается с парадоксом: данные, имеющие критическое значение для дела, формально не могут быть изъяты в соответствии с процессуальными нормами, поскольку отсутствует материальный объект для опечатывания и приобщения к материалам дела. Это приводит к тому, что правоприменители прибегают к альтернативным методам: созданию скриншотов или копированию файлов, которые суды нередко отклоняют из-за отсутствия гарантий целостности и аутентичности.

Техническая сложность, к тому же, усугубляется эфемерностью цифровых доказательств: они могут быть изменены, удалены или перемещены в любой момент. Сообщения в мессенджерах могут автоматически удаляться, данные в облачных хранилищах – синхронизироваться между устройствами, оставляя следы на серверах в разных юрисдикциях. Попытки зафиксировать такие данные через скриншоты лишают их метаданных (время создания, IP-адреса, геолокация) и делают уязвимыми для манипуляций. Сложности здесь начинаются уже на этапе определения юрисдикции над цифровыми доказательствами. Сообщение в мессенджере, отправленное через сервер, расположенный в другом регионе, или данные, хранящиеся в распределенной блокчейн-сети, ставят вопрос о правомочности их изъятия. Законодательство, как правило, отстает от технологических реалий: нормы, регулирующие изъятие содержания электронных писем, могут не учитывать особенности децентрализованных систем хранения. Как следствие - правоприменитель вынужден опираться на аналогии права (закона) или конкретные судебные решения, что повышает риски процессуальных нарушений. В частности, в практике российских судов неоднозначно трактуется статус скриншота переписки из социальной сети: некоторые инстанции признают его допустимым доказательством при наличии подтверждения подлинности, другие требуют проведения экспертизы устройства, с которого была сделана запись.

Технические аспекты работы с вещественными электронными (цифровыми) доказательствами, в свою очередь, усугубляются стремительным развитием технологий шифрования и методов противодействия криминалистическому анализу. Приложения с end-to-end шифрованием, такие как Telegram или Signal, делают невозможным доступ к содержимому переписки без физического обладанием устройства и знания пароля. К примеру, расследуя уголовное дело, даже при успешном изъятии смартфона следователи сталкиваются с проблемой взлома современных моделей, защищенных биометрической аутентификацией и аппаратными модулями безопасности. В таких условиях критически важной становится роль специалистов по компьютерной криминалистике, чья квалификация должна охватывать не только знание программное обеспечение для восстановления данных, но и понимание архитектуры процессоров или особенностей файловых систем.

Полагаем, что ключевым инструментом обеспечения целостности Электронных (цифровых) доказательств является криптографическое хеширование: процесс преобразования данных в уникальную строку символов (хеш), которая изменяется при любой модификации файла. В правовом контексте это позволяет утверждать, что доказательство не подвергалось изменениям с момента изъятия. Однако российское законодательство не содержит прямых требований к использованию хеширования, что приводит к противоречивой практике. При этом современный международный опыт демонстрирует более системный подход. Так, в США Федеральные правила доказательств (FRE) требуют, чтобы электрон-

ные доказательства сопровождались метаданными и хеш-суммами (Правило 902(14)) [11]. В ЕС Регламент eIDAS устанавливает стандарты для электронных подписей и штампов времени [12], что позволяет отслеживать цепочку (custody – англ. – прим. автора) цифровых данных.

Вместе с тем вопрос процессуального регламентирования понятия и классификации доказательств в электронной (цифровой) форме остается открытым, что влечет за собой плодотворную почву для дискуссий. Множество отечественных и зарубежных авторов посвятили свои работы проблемам правового закрепления статуса электронных доказательств. Вместе с тем согласно нормам УПК РФ, информация в электронной форме может выступать в качестве вещественных доказательств или иных документов. Классификация данного вида доказательств возможна по различным основаниям, в том числе, исходя из формы преставления электронной информации, ее свойств, носителей, а также структурного содержания. Собирание, проверка и оценка электронных (цифровых) доказательств с одной стороны подчиняется общим правилам, присущим любым видам доказательств, а с другой стороны имеет особенности, связанные со спецификой объектов цифровой информации. Так, для признания допустимыми доказательств в электронной форме, следователю необходимо соблюдать процедуру собирания доказательств, опираясь на специальные знания о природе такого рода информации, а в случае необходимости использовать специальные технические средства и привлекать для участия специалиста.

Кроме того, в России, полагаем, наметились существенные подвижки правового регулирования в рассматриваемой сфере. Так, Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ ввёл новую норму, предусматривающую имплементацию ст. 164.2 УПК РФ, детально регулирующую изъятие цифровых активов (криптовалют) по делам об отмывании доходов, уклонении от уплаты налогов и иным составам; а сама криптовалюта официально признана имуществом в уголовном процессе. Помимо этого, Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях от 25.03.2026 подтвердил, что переписка в Telegram и WhatsApp, аудиосообщения и иные цифровые коммуникации признаются полноценными доказательствами при надлежащей идентификации участников и правильной фиксации. А в научной юридической литературе уже обосновывается целесообразность закрепления цифровых доказательств в как самостоятельного вида – в норме ст. 74 УПК РФ, а также включения определения электронных доказательств в норму ст. 5 УПК РФ.

Таким образом, во-первых, снижение количественных показателей киберпреступности при росте стоимостного ущерба свидетельствует о качественной трансформации киберпреступности в сторону более сложных, технически оснащённых схем. Статистические сведения МВД России свидетельствуют, что за первые пять месяцев 2026 года число IT-преступлений сократилось на 31,2%, однако объём похищенных средств в 2025 году достиг 29,3 млрд рублей — на 6,4% больше, чем в 2024 году, что, полагаем, создаёт парадоксальную ситуацию: при формальном снижении преступности потребность в совершенствовании методов работы с электронными (цифровыми) доказательствами не только не уменьшается, но возрастает, поскольку оставшиеся схемы отличаются большей технической изощрённостью и требуют более сложной процессуальной фиксации. Во-вторых, принятие ст. 164.2 УПК РФ (регулирование изъятия криптовалют) и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2026 о признании цифровой переписки доказательством формирует предпосылки для законодательного закрепления электронных (цифровых) доказательств как самостоятельной категории. Однако, фрагментарный характер этих новелл, т.е., по сути, регулирование отдельных аспектов без системной дефиниции, сохраняет риск правоприменительных ошибок и противоречивой судебной практики, что, по-нашему мнению, требует комплексной доработки норм, предусмотренных ст.ст. 5 и 74 УПК РФ. В-третьих, отсутствие в российском законодательстве обязательного требования к криптографическому хешированию при изъятии цифровых доказательств создаёт системную уязвимость доказательственной базы, поскольку современный международный опыт свидетельствует, что хеш-суммы и метаданные являются минимальным стандартом обеспечения целостности. Внедрение подобных требований в нормы УПК РФ позволило бы, по-нашему мнению, существенно снизить долю доказательств, признаваемых недопустимыми по мотиву неподтверждённой аутентичности. В-четвертых, принципиальные запреты на изменение метаданных и подключение посторонних носителей, установленные судебной практикой в период 2024-2026 гг., фактически формируют новый стандарт недопустимости для цифровых доказательств в России. Любое отступление от этого стандарта: ненадлежащая фиксация транзакционных данных, отсутствие квалифицированного специалиста при изъятии и проч. становится самостоятельным основанием для оспаривания доказательственного значения изъятого. А значит: судебная практика опережает законодательство в формировании процессуальных требований к вещественным электронным (цифровым) доказательствам, что усиливает аргументацию в пользу скорейшего нормативного

закрепления.

Список литературы:

[1] Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / А. Р. Белкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. 471 с.

[2] Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – 5-е изд., доп. – М. : Городец, 2017. – 302 с.

[3] Строгович М.С. Уголовный процесс. – М.: Юрид. изд-во министерства юстиции СССР, 1946.

[4] Вышинский А.Я. Теория доказательств в советском праве. – М., 1941. 294 с.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 30.09.2026).

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (дата обращения: 30.09.2026).

[7] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (Дата обращения 30.09.2026).

[8] Окоменко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120-124.

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 30.09.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573 (дата обращения: 30.09.2026).

[11] Federal rules of evidence. U.S. government publishing office. Washington : 2021 – электронный ресурс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23158 (дата обращения: 30.09.2026).

[12] Regulation (EU) no 910/2014 of the European parliament and of the council of 23 july 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing directive 1999/93/ec. – Электронный ресурс. – URL: https://www.legislation.gov.uk/eur/2014/910 (дата обращения: 30.09.2026).

References:

[1] Belkin, A. R. Theory of evidence in criminal proceedings: a textbook for universities / A. R. Belkin. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 471 s.

[2] Treushnikov, M.K. Forensic evidence / M.K. Treushnikov. - 5th ed., Add. - M.: Gorodets, 2017. - 302 s.

[3] Strogovich M.S. Criminal trial. - M.: Jurid. Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1946.

[4] Vyshinsky A.Ya. Theory of evidence in Soviet law. - M., 1941. 294 pp.

[5] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 04.08.2026). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (access date: 30.09.2026).

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended 04.08.2026) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.09.2026). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (access date: 30.09.2026).

[7] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024. Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https ://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328 (Date accessed 30.09.2026).

[8] Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction of improvement of Russian criminal procedure law // Actual problems of Russian law. 2015. № 3. S. 120-124.

[9] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection." Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (access date: 30.09.2026).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573 (access date: 30.09.2026).

[11] Federal rules of evidence. U.S. government publishing office. Washington: 2021 - electronic resource. - Electronic resource. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23158 (access

date: 30.09.2026).

[12] Regulation (EU) no 910/2014 of the European parliament and of the council of 23 july 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing directive 1999/93/ec. - Electronic resource. - URL: https://www.legislation.gov.uk/eur/2014/910 (access date: 30.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-590-596

КАЙТУКОВ Давид Александрович,
Россия, г. Владикавказ,
аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, кафедра уголовного права и процесса, научная специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки,
e-mail: kaitukov.david@mail.ru

Научный руководитель:
КАРАЕВА Лора Хазбатровна,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ОЦЕНКИ

Аннотация. *При расследовании коррупционных преступлений сведения о договорённостях, передаче вознаграждения и движении активов могут сохраняться в цифровой форме. Однако обнаружить такие сведения недостаточно: необходимо установить их происхождение и получить их с соблюдением процессуальных требований. В статье исследуются особенности собирания и оценки цифровых следов по делам о коррупции. Сопоставляются подходы к их правовой природе и отнесению к вещественным доказательствам либо иным документам. Рассматриваются применение ст. 164.1 УПК РФ, получение данных с удалённых ресурсов, участие специалиста и использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Основной вывод касается разграничения технической целостности данных и их достоверности в уголовном процессе. Совпадение контрольных сумм позволяет проверить неизменность массива, но не устанавливает, кто создал информацию, кому принадлежит учётная запись или криптовалютный кошелёк и связана ли операция с коррупционным преступлением. Предлагается закрепить специальные правила обращения с цифровой информацией, дополнить требования к её фиксации и определять обязательность участия специалиста с учётом технической сложности получения данных и риска их утраты.*

Ключевые слова: *цифровой след, цифровые доказательства, коррупционные преступления, уголовно-процессуальное доказывание, электронный носитель информации, специалист, допустимость доказательств, достоверность доказательств.*

Для цитирования: *Кайтуков Д. А. Цифровые следы как доказательства по уголовным делам о коррупции: проблемы собирания и оценки // Право и управление. 2026. № 10. С. 590–596.*

KAITUKOV David Aleksandrovich,
Russia, Vladikavkaz, Postgraduate student North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov Department of Criminal Law and Procedure, academic specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences

Supervisor:
KARAEVA Laura Khazbatrovna,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor

DIGITAL TRACES AS EVIDENCE IN CRIMINAL CORRUPTION CASES: PROBLEMS OF COLLECTION AND EVALUATION

Annotation. *In corruption investigations, records of agreements, payments and asset transfers may be available in digital form. Finding these records is only the first step: their origin must be established and procedural requirements for obtaining them must be met. This article examines the collection and evaluation of digital traces in criminal corruption cases. It compares approaches to their legal nature and classification as physical evidence or other documents. The discussion covers Article 164.1 of the Russian Criminal Procedure Code, access to remotely stored data, specialist involvement and the use of information obtained through operational-search activities. The central argument is that technical integrity and evidentiary reliability require separate assessment. Matching hash values help verify that a data set remains unchanged, but do not establish who created the information, who controls an account or cryptocurrency wallet, or whether a transaction is connected to a corruption offense. The article proposes specific procedural rules for handling digital information, more detailed documentation requirements and a differentiated approach to mandatory specialist involvement based on the technical complexity of data acquisition and the risk of data loss.*

Key words: *digital trace, digital evidence, corruption crimes, criminal procedural proving, electronic data carrier, specialist, admissibility of evidence, reliability of evidence.*

For citation: *Kaitukov D. A. Digital traces as evidence in criminal corruption cases: problems of collection and evaluation. Law and administration. 2026;(10):590–596. (In Russ.).*

Введение

Расследование преступления всё чаще требует обращения к сведениям, которые сохранились в памяти устройства или в информационной системе. Масштаб использования цифровой среды в преступных целях отражает статистика МВД России: за одиннадцать месяцев 2025 г. зарегистрировано 627 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [9, с. 147]. Эта цифра не характеризует коррупционную преступность отдельно. Она показывает общий контекст, в котором следователю приходится работать с электронной информацией и решать вопрос о её доказательственном значении.

По делам о коррупции цифровые сведения могут оказаться необходимыми для установления самого предмета взятки и способа её передачи. А. А. Титов рассматривает использование криптовалют при хищениях, легализации доходов и коррупционных действиях [3, с. 3]. Автор приводит случай возбуждения в Москве в 2023 г. уголовного дела по ст. 290 УК РФ в отношении должностного лица правоохранительного органа, получившего взятку в биткоинах. При обыске изъяли ноутбук; его исследование позволило обнаружить сведения для доступа к криптовалютным кошелькам [3, с. 205]. Для доказывания в таком случае важны и само устройство, и доступные через него данные об активах и операциях. Изъятие компьютера лишь открывает возможность получить эти сведения.

Разные стороны этой проблемы рассмотрены в юридической литературе. Е. Р. Россинская исследует цифровые следы как объекты судебной экспертизы [1, с. 109–113], З. И. Харисова — способы их собирания, фиксации и сохранения [2, с. 119–123]. Работа А. А. Титова посвящена цифровому следообразованию в криптовалютной среде [3]. М. С. Спиридонов обсуждает пределы применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в доказывании [6, с. 481–497], А. В. Шушеначев — риски цифровизации уголовного процесса [5]. При сопоставлении этих исследований обнаруживаются разногласия относительно процессуального статуса цифровой информации и того, какие признаки позволяют считать её достоверной.

В настоящей статье исследуется использование цифровых следов при доказывании по уголовным делам о коррупции. Объект исследования — отношения, возникающие при получении и использовании цифровой информации в производстве по таким делам; предмет — нормы уголовно-процессуального законодательства, научные подходы к собиранию, проверке и оценке цифровых следов и материалы правоприменительной практики. Цель работы состоит в том, чтобы определить особенности обращения с такими следами и предложить изменения в порядке их собирания и оценки. Для этого рассматриваются правовая природа цифрового следа и формы его процессуального закрепления, роль специальных знаний и условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Отдельно исследуется вопрос о соотношении технической целостности данных и их достоверности. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ и обобщение правоприменительной практики.

Цифровой след в системе уголовно-процес-

суальных доказательств

Цифровой след и доказательство, сформированное на его основе, следует различать. Компьютерная информация может возникнуть в связи с преступлением, но одного этого обстоятельства недостаточно для её использования в доказывании. Сведения нужно обнаружить и зафиксировать, установить их источник, а затем получить и закрепить в предусмотренной законом процессуальной форме. Поэтому вопрос о статусе цифрового следа включает как свойства самой информации, так и порядок работы с ней.

И. И. Беккер связывает особенности цифровых следов с тем, что они отражают событие преступления в информационном поле и возникают при преобразовании компьютерной информации. При этом след может дублироваться на других электронных носителях, сохраняя основные характеристики [11, с. 36]. В определении Е. Р. Россинской цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, которая возникает, обрабатывается, хранится и передаётся посредством компьютерных средств и информационных систем. Для работы с ней имеют значение возможность удалённого доступа и изменения данных, их распределение между системами, метаданные и особенности форматов хранения [1, с. 109].

Эти свойства затрудняют отнесение цифровой информации к видам доказательств, перечисленным в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). В научной литературе предложено несколько решений.

Д. А. Еркаев исходит из того, что компьютерную информацию нельзя полностью отождествлять с материальным объектом. Данные могут воспроизводиться техническими средствами и не связаны неразрывно с единственным носителем. Поэтому, по мнению автора, традиционное понимание вещественного доказательства не позволяет в полной мере учесть особенности компьютерной информации [10, с. 18–21].

И. И. Беккер, напротив, придаёт большее значение носителю. Электронная информация рассматривается им как сведения, хранящиеся на электронном носителе: для работы с ними в уголовном процессе требуется техническое устройство [11, с. 11]. При таком понимании порядок обращения с устройством во многом определяет и процессуальную судьбу содержащихся на нём данных.

Часть цифровых сведений может рассматриваться как иные документы. Н. Э. Бровкин обосновывает этот подход положениями п. 6 ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ: документальные сведения допускают не только письменную форму, но и фиксацию посредством фото- и видеозаписи и иных носителей информации [8, с. 57]. Здесь на первый план выходят содержание сведений, их происхождение и способность устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

М. С. Спиридонов предлагает разграничивать новый вид доказательства и новый способ получения доказательственной информации. Само появление технологии, с его точки зрения, не требует расширять установленный законом перечень видов доказательств. Технические средства могут изменить порядок собирания сведений, которые затем используются в уже существующих процессуальных формах [6, с. 489–491].

На наш взгляд, выбор между вещественным доказательством, иным документом и самостоятельным видом доказательств не исчерпывает проблему. Существенна отмеченная Е. Р. Россинской двойственная природа цифрового объекта: информация существует во взаимосвязи с материальными средствами её хранения и воспроизведения [1, с. 109]. Вместе с тем перенос массива на другой носитель не обязательно меняет его содержание. Следовательно, при определении правового значения объекта нужно учитывать, как возникли данные, чем они связаны с расследуемым событием и в какой процессуальной форме получены. Физические свойства носителя дают ответ лишь на часть этих вопросов.

Это различие видно в приведённом А. А. Титовым примере взятки в цифровой валюте. Изъятый ноутбук, обнаруженные на нём сведения для доступа к кошелькам и информация об активах в соответствующей цифровой инфраструктуре связаны между собой, но требуют самостоятельного исследования [3, с. 205]. Признание ноутбука вещественным доказательством ещё не объясняет происхождение доступных через него данных и их значение для дела. Работа с носителем должна сопровождаться проверкой полученной информации.

Поэтому признавать каждый цифровой след самостоятельным видом доказательства оснований нет. Требуется специальный порядок обращения с цифровой информацией, применимый независимо от того, в какой из предусмотренных ст. 74 УПК РФ форм она используется. Его задача — позволить проследить происхождение данных, восстановить процедуру их получения и проверить, сохранились ли они без изменений. Именно эти гарантии имеют практическое значение при разрешении вопроса о возможности использовать сведения в доказывании.

Собирание цифровых следов и участие специалиста

При собирании цифровых следов следователь сталкивается с различием между местонахождением устройства и местом хранения инфор-

мации. Данные могут находиться в его памяти, распределяться между несколькими системами или храниться удалённо. В последнем случае обнаруженный телефон либо компьютер служит средством доступа к ресурсу. Модель, основанная на изъятии материального носителя, не охватывает всех этих ситуаций.

В научной литературе ст. 164.1 УПК РФ рассматривают как специальную норму об отдельных особенностях изъятия электронных носителей и копирования информации [10, с. 30; 11, с. 30]. Д. А. Еркаев указывает на ограниченность такого регулирования для данных на удалённых серверах. По его оценке, порядок фиксации и получения информации непосредственно с веб-сайтов, страниц социальных сетей и других удалённых ресурсов урегулирован недостаточно [10, с. 30–31].

Изъять устройство и с его помощью получить сведения из другой информационной системы — технологически разные действия. При удалённом доступе объект может измениться независимо от следователя; доступ к нему может прекратиться до завершения копирования. З. И. Харисова обращает внимание на фрагментарность и изменчивость цифровых данных, в том числе в оперативной памяти и облачных сервисах [2, с. 120–121]. Выбор способа получения информации поэтому влияет на то, какие сведения удастся сохранить и насколько полно они будут отражать исходный объект.

Для выбора такого способа могут потребоваться специальные знания. Процессуальные полномочия следователя сами по себе не обеспечивают технически правильного обращения с устройством. Как отмечает З. И. Харисова, ошибочная последовательность действий при отсутствии необходимых знаний способна привести к утрате цифровых следов или к тому, что они останутся необнаруженными [2, с. 120].

Е. А. Бартенев и А. М. Сажаев рассматривают участие специалиста как самостоятельную форму применения специальных знаний. Он помогает обнаруживать и закреплять объекты, использовать технические средства, формулировать вопросы и разъяснять обстоятельства в пределах своей компетенции [7, с. 18–20]. Результаты его действий отражаются в протоколе следственного действия. При этом специалист оказывает помощь следователю, сохраняя вспомогательную процессуальную роль [7, с. 18].

Требование привлекать специалиста к любой операции с электронным носителем, однако, может неоправданно усложнять работу. Д. А. Еркаев допускает усмотрение следователя в технологически простых ситуациях [10, с. 32]. Для дистанционного получения информации тот же автор предлагает установить обязательное участие специалиста [10, с. 36–37]. Различие связано с характером действий и техническими рисками, которые они создают.

Полагаем, что при совершенствовании закона обязательность участия специалиста следует связывать с существенным риском утраты, изменения или неправильной интерпретации данных. Такой риск возникает при удалённом извлечении информации, создании криминалистической копии, работе с зашифрованными данными и техническом преодолении ограничений доступа. Помощь специалиста необходима и тогда, когда изменение состояния устройства может повлиять на содержимое следа. В остальных случаях вопрос об участии специалиста предлагается решать с учётом конкретного объекта и предстоящих действий. Получение данных дополнительно осложняется, если цифровая инфраструктура выходит за пределы одного государства. А. А. Титов связывает трудности расследования преступлений с использованием криптовалют с распределённостью этой инфраструктуры и необходимостью взаимодействовать с сервисами, обслуживающими оборот цифровых активов [3]. А. Г. Мовсисян также указывает на экстерриториальность расследования цифровых преступлений и потребность в межгосударственном взаимодействии [4, с. 185].

Отсюда возникает вопрос о порядке получения электронных данных, размещённых за пределами Российской Федерации или находящихся у иностранного сервис-провайдера. Общий механизм международного сотрудничества, предусмотренный гл. 53 УПК РФ, не рассчитан специально на работу с такими сведениями. Сроки исполнения запроса могут не соответствовать времени, в течение которого данные остаются доступными и неизменными. Специальная процедура трансграничного получения электронной информации требует отдельной разработки; подробно рассмотреть её в пределах настоящей статьи не представляется возможным.

Иной порядок первоначального получения цифровых сведений связан с оперативно-розыскной деятельностью. К. С. Малахов различает получение информации в ходе оперативно-розыскных мероприятий и её использование при доказывании. Поскольку материалы ОРД формируются вне процессуальной деятельности по уголовному делу, для их последующего использования требуется надлежащее введение в уголовный процесс [12, с. 43–44]. По мнению К. С. Малахова, результаты ОРД, полученные с соблюдением Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», могут использоваться в доказывании после закрепления и проверки следственным путем [12, с. 46]. При работе с цифровыми результатами ОРД нужно проверить и законность получения сведений, и

соблюдение порядка их процессуального закрепления. Эти проверки самостоятельны: правильно оформленный протокол не восполняет нарушения, допущенные при первоначальном получении информации.

Техническая целостность и достоверность цифровых данных

Цифровые сведения оцениваются по общим критериям, принятым в уголовном процессе. Каждое доказательство проверяется с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность — достаточности для разрешения дела [8, с. 59]. Трудность заключается в установлении обстоятельств, на которых такая оценка должна основываться: цифровая форма может скрывать происхождение информации и условия её изменения.

Само обнаружение файла на устройстве не устанавливает его относимость. Нужно выяснить, как его содержание связано с обстоятельствами дела. И. И. Беккер предлагает учитывать и характеристики файла, включая время создания, изменения и открытия. Для установления этой связи иногда требуются специальные знания или экспертное исследование [11, с. 42]. Метаданные в таком случае помогают определить значение сведений, которое не всегда понятно из одного лишь содержания файла. Сходная проблема возникает при анализе цифровых активов. Наличие кошелька или записи о транзакции ещё не свидетельствует о коррупционном характере операции. Необходимо установить, кто связан с этой операцией и какое отношение она имеет к расследуемому событию. Техническая запись фиксирует перемещение актива, но вопрос о его значении для уголовного дела требует дальнейшей проверки.

При оценке допустимости проверяют, кем и на каком основании получены сведения, как выполнено копирование и что зафиксировано в процессуальных документах. История последующего обращения с объектом должна позволять восстановить произведённые с ним действия. З. И. Харисова указывает на отсутствие единообразных подходов к фиксации цифровой информации, ее процессуальному оформлению и сохранению без изменений [2, с. 120–123]. Без этих сведений проверка соблюдения порядка получения данных затрудняется. Проверка достоверности предполагает, в частности, установление того, изменялись ли данные после их получения. Для этого применяют хеширование. З. И. Харисова описывает вычисление контрольной суммы как способ сопоставления файлов: совпадение хеш-значений позволяет судить об их идентичности и проверить сохранность массива при копировании или исследовании [2, с. 122].

Е. Р. Россинская рассматривает хеширование наряду с другими средствами сохранения цифровых следов. К ним относятся аппаратные блокираторы записи, защищённые криминалистические образы и специализированные хранилища [1, с. 109–110]. Эти средства предназначены для защиты объекта от случайного или намеренного изменения в ходе работы с ним. Предел такой проверки состоит в том, что неизменность данных не подтверждает истинность их содержания. Сопоставление хеш-значений позволяет проверить соответствие представленного суду файла ранее зафиксированному массиву. Однако оно не устанавливает, достоверны ли исходные сведения и кому они принадлежат. Поэтому И. И. Беккер связывает проверку достоверности электронной информации с выяснением её источника, автора и пользователя [11, с. 42]. Эти обстоятельства требуют самостоятельного исследования.

В деле о коррупции даже неизменная запись о криптовалютной транзакции оставляет открытыми вопросы о лице, контролировавшем кошелёк, исполнителе операции и её связи с преступлением. Ответить на них одним хешированием невозможно. Техническая целостность позволяет опираться на сохранённый объект при дальнейшей проверке, но не заменяет установления обстоятельств, о которых этот объект предположительно свидетельствует. Часть возникающих вопросов разрешается с помощью судебной экспертизы. Е. Р. Россинская отмечает, что появление новых цифровых объектов потребовало изменения экспертных методик и компетенций. Специалист может помочь определить вид исследования, подготовить материалы и сформулировать вопросы, требующие специальных знаний. При изучении заключения его помощь позволяет разобраться в научной обоснованности методики и в том, соответствуют ли выводы результатам исследования [1, с. 113].

Правовая оценка при этом остаётся за субъектом уголовного процесса. А. В. Шушеначев возражает против полной передачи технической системе решения вопросов относимости, допустимости и достоверности. Цифровые инструменты облегчают поиск и анализ информации, но не освобождают уполномоченное лицо от обязанности оценить доказательство [5, с. 224–226].

М. С. Спиридонов рассматривает этот предел применительно к искусственному интеллекту. Если математическая модель заранее присваивает доказательствам определённый вес, её использование вступает в противоречие с принципом свободной оценки доказательств. Алгоритм допустим как средство обработки информации; его результат не должен заранее определять доказательственную силу источника [6, с. 490–491].

Оценка цифрового следа, следовательно, требует разграничивать техническую проверку объекта и проверку его доказательственного зна-

чения. В первом случае выясняют, правильно ли скопированы данные, каковы их характеристики и сохранились ли они без изменений. Во втором — устанавливают происхождение сведений, законность их получения, связь с делом и конкретным лицом. Если ограничиться технической проверкой, безупречно сохранённому файлу можно приписать значение, которого его содержание не подтверждает.

Заключение

Предлагается закрепить специальный процессуальный режим обращения с цифровой информацией, применимый ко всем этапам работы с ней: от обнаружения и получения до хранения и проверки. Его действие не следует ставить в зависимость от признания цифровых данных новым видом доказательств или от выбора одной из форм, предусмотренных ст. 74 УПК РФ. Общие требования к обращению с данными позволят учитывать их информационную и материальную стороны и сохранять процессуальные гарантии при переносе информации между носителями.

Статью 164.1 УПК РФ предлагается дополнить правилами получения сведений с удалённых ресурсов. При определении случаев обязательного участия специалиста следует учитывать сложность действий и риск изменения либо утраты информации. Его участие предлагается сделать обязательным при дистанционном извлечении данных, создании криминалистических копий и преодолении технической или криптографической защиты, а также при иных действиях, создающих существенный риск для сохранности сведений. В технологически простых случаях решение может зависеть от свойств объекта и содержания предстоящей работы.

В процессуальных документах необходимо фиксировать идентифицирующие характеристики цифрового массива и результаты контрольного хеширования. Документированию должны подлежать и последующие операции с данными, чтобы можно было проследить обращение с ними от обнаружения до экспертизы и судебного рассмотрения.

Техническая целостность цифрового следа и его уголовно-процессуальная достоверность требуют раздельной оценки. Совпадение контрольных сумм позволяет проверить неизменность данных. Происхождение сведений, их авторство, принадлежность учётной записи или цифрового актива и связь с коррупционным преступлением устанавливаются при проверке в совокупности с другими доказательствами. Экспертиза и программно-технические средства помогают провести эту работу; окончательная правовая оценка относится к компетенции уполномоченного субъекта уголовного процесса.

Список литературы:

[1] Россинская Е. Р. Современные проблемы судебной экспертизы в условиях цифровизации и пути их разрешения // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 6. С. 107–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.107-119..

[2] Харисова З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 116–126.

[3] Титов А. А. Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в отношении и с использованием криптовалюты (российский и зарубежный опыт): дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. Москва, 2025. 273 с.

[4] Мовсисян А. Г. Оптимизация уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1 (108). С. 182–187.

[5] Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229..

[6] Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 481–497. DOI: 10.21202/jdtl.2023.20.

[7] Бартенев Е. А., Сажаев А. М. Специалист и судебный эксперт в следственных действиях // Современное состояние, проблемы и перспективы развития специальных знаний : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 19 ноября 2024 г. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, 2025. С. 18–21.

[8] Бровкин Н. Э. Проблемы сбора, проверки и оценки доказательств в рамках уголовного дела в условиях цифровизации и глобализации // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : материалы 82-й Международной научно-практической конференции, Белгород, 24 ноября 2025 г. Белгород : ООО «ГиК», 2025. С. 56–61.

[9] Панарина П. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам, связанным с кибермошенничеством // Международные научные чтения : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, 26 января 2026 г. Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2026. С. 146–151.

[10] Еркаев Д. А. Проблемы выявления, фиксации и исследования вещественных доказательств по преступлениям, совершённым с ис-

пользованием сети Интернет (по материалам территориального органа внутренних дел) : выпускная квалификационная работа. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2025. 51 с.

[11] Беккер И. И. Тактика собирания и использования электронной информации при расследовании преступлений : выпускная квалификационная работа. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2022. 53 с.

[12] Малахов К. С. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании в ходе предварительного следствия (по материалам территориального органа внутренних дел) : выпускная квалификационная работа. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2022. 53 с.

References:

[1] Rossinskaya E.R. Modern problems of forensic examination in the context of digitalization and ways to resolve them // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 6. S. 107-119. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.107-119..

[2] Harisova Z. I. Problems and ways to improve the collection of digital evidence in the investigation of crimes in the field of computer information // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (108). S. 116-126.

[3] Titov A. A. Disclosure and investigation of crimes committed against and using cryptocurrency (Russian and foreign experience): dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.4. Moscow, 2025. 273 pp.

[4] Movsisyan A. G. Optimization of criminal proceedings in the context of digital transformation // Lawyer-Lawyer. 2024. № 1 (108). S. 182-187.

[5] Shushenachev A. V. Digital technologies in criminal proceedings: problems and risks // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. № 1. S. 214-229. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229..

[6] Spiridonov M.S. Artificial intelligence technologies in criminal procedure evidence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1, NO. 2. PP. 481-497. DOI: 10.21202/jdtl.2023.20.

[7] Bartenev E.A., Sazhaev A.M. Specialist and forensic expert in investigative actions // Current state, problems and prospects for the development of special knowledge: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, November 19, 2024 Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, 2025. S. 18-21.

[8] Brovkin N.E. Problems of collecting, checking and evaluating evidence in a criminal case in the context of digitalization and globalization // Science and education: domestic and foreign experience: materials of the 82nd International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 24, 2025 Belgorod: LLC "GiK," 2025. S. 56-61.

[9] Panarina P. A. Features of pre-trial proceedings in criminal cases related to cyber fraud // International scientific readings: collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference, January 26, 2026 Petrozavodsk: ICNP "New Science," 2026. S. 146-151.

[10] Erkaev D.A. Problems of identification, fixation and research of material evidence on crimes committed using the Internet (based on materials from the territorial body of internal affairs): final qualification work. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 51 pp.

[11] Becker I. I. Tactics of collecting and using electronic information in the investigation of crimes: graduation qualification work. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 53 pp.

[12] Malakhov K. S. Modern technical means and problems of their use in proving during the preliminary investigation (based on materials from the territorial body of internal affairs): final qualification work. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 53 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-597-600
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПУТЕНИХИНА Анна Вячеславовна,
Студентка 3 курса магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: blagoveshenskayaanna@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние внедрения цифрового рубля на гражданско-правовую организацию безналичных расчетов в Российской Федерации. Обосновывается, что основное изменение связано с распределением расчетных функций между участником платформы цифрового рубля и Банком России как ее оператором. Исследуются особенности счета цифрового рубля, порядок формирования и исполнения распоряжения пользователя, а также значение электронных сообщений для фиксации этапов расчетной операции. Сделан вывод о необходимости определять обязанности и ответственность участников расчетов с учетом конкретной функции и стадии операции, на которой возникло нарушение.*

Ключевые слова: *цифровой рубль; безналичные расчеты; платформа цифрового рубля; счет цифрового рубля; Банк России; кредитная организация; банковский счет; расчетные правоотношения.*

Для цитирования: *Путенихина А. В. Трансформация системы безналичных расчетов в условиях введения цифрового рубля // Право и управление. 2026. № 10. С. 597–600.*

PUTENIKHINA Anna Vyacheslavovna,
Master's degree student Financial University under Government of the Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE CASHLESS SETTLEMENT SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF THE DIGITAL RUBLE

Annotation. *The article examines the impact of the digital ruble on the civil-law organization of cashless settlements in the Russian Federation. It substantiates that the principal change lies in the allocation of settlement functions between a participant in the digital ruble platform and the Bank of Russia as its operator. The study addresses the legal features of a digital ruble account, the formation and execution of a user's payment instruction, and the role of electronic messages in recording the stages of a settlement transaction. The article concludes that the duties and liability of settlement participants should be determined about their specific function and the stage of the transaction at which a violation occurred.*

Key words: *digital ruble; cashless settlements; digital ruble platform; digital ruble account; Bank of Russia; credit institution; bank account; settlement legal relations.*

For citation: *Putenikhina A. V. Transformation of the cashless settlement system in the context of the introduction of the digital ruble. Law and administration. 2026;(10):597–600. (In Russ.).*

С 1 сентября 2026 г. положения о поэтапном предоставлении пользователям возможности совершать операции с цифровыми рублями приобрели практическое значение для банков и торговых предприятий. С этого момента цифровой рубль можно рассматривать в качестве элемента формирующейся практики. При этом для гражданско-правового анализа важно учитывать не сам факт появления нового способа расчетов, а то как меняется распределений функций при совершении операций с цифровыми рублями между пользователем, кредитной организацией и Банком России.

В целях формирования понимания как разделяются функции следует обозначить, что в классическом механизме безналичных расчетов в большей степени участвует только банки, которых открывают и ведут счета своих клиентов,

предоставляют им доступ к денежным средствам, принимают распоряжение на осуществление операций и конечно же исполняют его. Однако эта устойчивая система рушится при расчетах цифровыми рублями поскольку за разные юридически значимые действия отвечаю разные участники отношений. И именно это изменений в механизме безналичных расчетов создает необходимость собственной гражданско-правовой оценки.

Научная проблема исследования состоит в определении влияния нового механизма безналичных расчетов, связанных с введением цифрового рубля на распределение обязанностей и ответственности между пользователем, участником и оператором платформы. Практическая значимость состоит в определении обязанностей и ответственности при совершении конкретной операции на платформе в спорных ситуациях. Цель статьи заключается в определении правового положения участников платформы.

В статье обосновывается, что введение цифрового рубля не заменяет банковскую инфраструктуру, а формирует дополнительный публично организованный инфраструктурный контур расчетов, связанный с ней через кредитные организации — участников платформы.

Для определения правовой природы цифрового рубля следует сформировать понимание, что цифровой рубль в расчетных отношениях приравнивается к наличному и безналичному рублю исходя из своей номинальной стоимости, при этом расчеты с ним производятся через уникальную систему, которая имеет самостоятельную правовую организацию.

Вместе с тем гражданско-правовая квалификация цифрового рубля не может быть основана только на принадлежности его к формам национальных валют. В соответствии со ст. 128 ГК РФ «к имущественным правам относятся безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли».

В научной литературе правовая природа цифрового рубля также связывается с необходимостью разграничения его денежной функции и гражданско-правовой характеристики. Л. Ю. Василевская отмечает, что цифровой рубль не может рассматриваться только как техническая форма фиксации информации, поскольку его правовой режим определяется местом в системе денежных обязательств и особенностями его обращения [2, стр. 9–19].

Вопрос о правовой природе безналичных денежных средств остается дискуссионным. В рамках обязательственно-правового подхода они рассматриваются как право требования клиента к банку, возникающее из договора банковского счета. Л. Г. Ефимова обращает внимание на существование также вещно-правовых и смешанных подходов к данной категории [3, с. 6–15].

Применительно к цифровому рублю обязательственно-правовая природа сохраняется, однако, в соответствии со статьей 7.1 Закона № 161-ФЗ, соответствующее обязательство возникает перед оператором платформы, а не перед обслуживающей кредитной организацией.

Статьи 861 и 862 ГК РФ устанавливают для расчетов цифровыми рублями специальный порядок: они совершаются в рамках платформы цифрового рубля, а применяемые формы определяются законодательством о национальной платежной системе.

При этом, указанный специальный порядок расчетов не формирует отдельное ответвление в механизме расчетов, формально это тот безналичный оборот, только сам процесс строится немного иначе чем при распоряжении денежными средствами, находящимися на счете, открытом в кредитной организации.

Расчеты цифровыми рублями осуществляются только во взаимосвязи со специальной платформой, а функции сторон, взаимодействующих с этой платформой разделены. Так, участник платформы в лице кредитной организации обеспечивается коммуникацию между пользователем и оператором путем направления электронных сообщений, оператор платформы в лице Банка России открывает счет, учитывает остаток, совершает операции. Такое разделение функций и является главной особенностью расчетов цифровыми рублями.

Статья 7.1 Федерального закона «О национальной платежной системе», содержит основные особенности совершения операций на платформе и среди прочего, ее 4 пункт формирует связь между счетами пользователей, открытыми в банках и счетом на платформе, закрепляя возможность пополнения и вывода денежных средств между двумя этими способами расчетов, что подтверждает, расчеты цифровыми рублями не существуют отдельно от безналичных расчетов.

Пополнение счета цифрового рубля за счет банковского счета, а также обратное перечисление средств не являются валютным обменом поскольку в обоих случаях изменяется способ учета одной и той же рублевой суммы.

Пользователь получает доступ к платформе цифрового рубля через ее участника, а не непосредственно от Банка России. При этом доступ к одному счету может обеспечиваться несколькими участниками платформы. Поэтому прекращение обслуживания пользователя у одного участника не означает автоматического закрытия счета цифрового рубля: прекращение доступа и прекращение договора счета являются различными юридическими действиями.

Для сопоставления традиционной банковской модели и платформенной модели цифрового рубля целесообразно выделить пять функций: ведение счета, учет остатка, предоставление пользователю доступа, направление распоряжения и исполнение операции. В обычных расчетах эти функции во многом концентрируются у обслуживающего банка. В расчетах цифровыми рублями они распределяются между участником платформы и ее оператором, что показано в таблице 1.

Таблица 1 — Распределение функций в традиционной модели безналичных расчетов и модели расчетов цифровыми рублями

Функция	Традиционная модель безналичных расчетов	Расчеты цифровыми рублями
Ведение счета	Кредитная организация ведет банковский счет клиента	Банк России как оператор платформы ведет счет цифрового рубля
Учет остатка	Кредитная организация учитывает остаток средств на счете клиента	Оператор платформы учитывает остаток цифровых рублей на счете цифрового рубля
Доступ пользователя	Через обслуживающий банк	Через одного или нескольких участников платформы
Направление распоряжения	Пользователь направляет распоряжение в обслуживающий банк	Пользователь формирует распоряжение через участника платформы, который направляет его оператору
Исполнение операции	Банк исполняет распоряжение с использованием платежной инфраструктуры	Банк России исполняет операцию на платформе цифрового рубля
Контроль и информирование	Осуществляются обслуживающей кредитной организацией в пределах ее функций	Распределяются между участником и оператором платформы

Источник: составлено на основе Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Положения Банка России от 03.08.2023 № 820-П, Указания Банка России от 05.11.2024 № 6928-У, формы договора счета цифрового рубля и Правил обмена сообщениями для платформы цифрового рубля. Версия 2026.09.

Сопоставление двух моделей демонстрирует распределение функций членов платформы, что позволяет установить юридически значимые действия каждого при решении возникающих споров, связанных с использованием функционала платформы пользователями. А также что ведение цифрового рубля не исключает банк из расчетного механизма, а меняет содержание его участия в нем.

Взаимодействие участника платформы и ее оператора обеспечивается системой электронных сообщений. Правила обмена сообщениями для платформы цифрового рубля предусматривают отдельные сообщения для предоставления и прекращения доступа пользователя, регистрации сертификатов, получения сведений о счете, направления распоряжений, совершения операций и информирования об их результатах. Для операций по увеличению и уменьшению остатка цифровых рублей, а также для перевода цифровых рублей установлены самостоятельные группы сообщений и уведомлений. Как уже отмечалось ранее, для целей гражданско-правового анализа крайне важно уметь устанавливать содержание и момент передачи сообщения, на чьей стороне оно зафиксировалась, поскольку от этого зависит возможность установить сторону, совершившее нарушение и определить применяемую меру ответственности, а также выявить сторону, которая выявленное нарушение будет устранять.

В расчетах цифровыми рублями пользователь участвует в двух взаимосвязанных правоотношениях. С оператором платформы его связывает договор счета цифрового рубля, а с участником платформы отношения по предоставлению доступа и обслуживанию в используемом цифровом канале. Такое разделение важно для определения того, кто несет обязанность на конкретной стадии операции.

Законодатель относит счет цифрового рубля к банковским счетам согласно маске счета, однако его правовой режим нельзя считать полностью совпадающим с режимом обычного банковского счета. На это различие указывают и Е. Н. Абрамова, Н. И. Гасников, отмечающие особый субъектный состав и содержание договора счета цифрового рубля [1, с. 16–21]. Вместе с тем его правовой режим существенно отличается от режима обычного банковского счета, который открывается и ведется кредитной организацией по договору банковского счета.

При этом счет цифрового рубля сохраняет отдельные признаки банковского счета: он открывается на имя пользователя, отражает остаток денежных средств и используется для исполнения распоряжений. Следовательно, счет цифрового рубля следует рассматривать как специальную разновидность банковского счета. Он основан на общей счетной конструкции, но отличается субъектом, ведущим счет, ограничениями на использование остатка и особым порядком доступа пользователя к операциям.

Особый характер счета цифрового рубля проявляется в ограничениях, установленных законом. Оператор платформы не вправе использовать цифровые рубли пользователя, предоставлять кредит за счет цифровых рублей, начислять проценты на остаток или взимать вознаграждение за операции, совершаемые физическими лицами.

Следовательно, счет цифрового рубля представляет собой особую конструкцию, где функции доступа, учета и исполнения распределены между разными субъектами.

Многоступенчатый характер расчетов цифровыми рублями наиболее заметен при применении мер противодействия операциям без добровольного согласия клиента. Участник платформы

проверяет распоряжение на наличие признаков операций, совершенных без добровольного согласия и при их выявлении приостанавливает прием распоряжения к исполнению. Если пользователь подтверждает распоряжение, участник направляет его оператору платформы. Оператор, в свою очередь, проводит собственную проверку поступившего электронного сообщения и при выявлении признаков направляет участнику информацию о невозможности совершения операции либо о необходимости применения предусмотренных мер.

Такое распределение функций предполагает, что при возникновении спора необходимо установить, на каком этапе совершения операции возникло нарушение, а объем ответственности каждого участника должен определяться с учетом его конкретной функции, содержания договора и требований законодательства.

Операции по увеличению и уменьшению остатка цифровых рублей имеют самостоятельную правовую конструкцию и не совпадают полностью с обычным внутрибанковским или межбанковским переводом. В такой операции одновременно задействованы банковский и платформенный контуры. Участник платформы обеспечивает прием и направление распоряжения пользователя, а оператор платформы совершает операцию по счету цифрового рубля. Эти операции имеют важное значение для определения места цифрового рубля в денежной системе, поскольку законодатель прямо предусматривает возможность увеличения остатка цифровых рублей за счет денежных средств на банковском счете пользователя, а также обратное перечисление средств со счета цифрового рубля на банковский счет.

Данная конструкция также подтверждает взаимосвязь платежных механизмов и что цифровой рубль качественно интегрирован в существующую систему безналичных расчетов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Обязанность и ответственность участников должна определяться не только их формальным статусом, но и стадией расчетной операции, на которой возникло нарушение. Такой подход позволяет разграничивать споры, связанные с доступом к платформе, удостоверением воли пользователя, передачей распоряжения, обработкой электронного сообщения и исполнением операции по счету цифрового рубля. Он может быть использован при дальнейшем развитии регулирования и разрешении споров об операциях, совершенных без добровольного согласия пользователя.

Таким образом, в современной платежной системе произошло перераспределение расчетных функций, обязанностей и ответственности, однако это не привело к разделению механизмов расчетов, а позволило связать их для удобства пользователя и организации бесперебойной работы. Те функциональные возможности, которые доступны на сегодняшний день пользователям только начало масштабного пути развития системы безналичных расчетов в России.

Список литературы:

[1] Абрамова Е. Н., Гасников Н. И. Правовая природа договора счета цифрового рубля // Право и экономика. 2025. № 9. С. 16–21.

[2] Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 9–19. DOI: 10.17803/1729–5920.2023.194.1.009–019..

[3] Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

References:

[1] Abramova E.N., Gasnikov N.I. The legal nature of the digital ruble account agreement // Law and Economics. 2025. № 9. S. 16-21.

[2] Vasilevskaya L. Yu. Digital ruble: a civilist's view of the problem // Lex russica. 2023. T. 76. № 1. S. 9-19. DOI: 10.17803/1729–5920.2023.194.1.009–019..

[3] Efimova L. G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble // Civilist. 2022. № 4. S. 6-15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-601-608
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ОЛЬМЕЗОВ Якуб Тахирович,
ассистент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик, ассистент кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов, ORCID: 0009-0007-0613-6960, e-mail: yakub.bayzik@mail.ru

ЗУМАКУЛОВА Зарема Ахматовна,
кандидат юридических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов, ORCID: 0009-0000-8480-6527, e-mail: zarema.zum@mail.ru

ЖУГОВ Азамат Аскерович,
кандидат юридических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов, ORCID: 0000-0003-3333-3963, e-mail: zhugov@mail.ru

КРИПТОВАЛЮТА В ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИДАХ: КРИТЕРИИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *Введение. Использование цифровой валюты в схемах привлечения средств ставит перед правоприменителем сложную задачу: необходимо разграничить финансовую пирамиду, мошенничество, манипулятивную торговлю и обычный инвестиционный риск. Сама технологическая форма актива ответа не дает — она не раскрывает ни экономического источника выплат, ни направленности умысла организаторов. Методы. В ходе исследования нами применены формально-юридический, системный, функциональный и экономико-правовой методы. Нормативный материал изучен по состоянию на 18 сентября 2026 г.; для аналитической апробации использованы российский уголовно-правовой материал, позиция Конституционного Суда Российской Федерации, материалы уголовного преследования Forsage и результаты эмпирических исследований криптовалютных злоупотреблений. Результаты. Нами предложен трехэтапный функциональный тест, предусматривающий последовательную проверку экономической модели движения стоимости, коммуникационной модели привлечения участников и доказательственного контура, связывающего цифровые адреса с конкретными лицами. Установлено, что применение статьи 172.2 УК РФ требует доказать выплаты прежним участникам за счет последующих при отсутствии сопоставимой законной деятельности. Rug pull, напротив, предполагает самостоятельную проверку признаков мошенничества, тогда как pump-and-dump не может автоматически квалифицироваться как финансовая пирамида. Обоснована необходимость раздельной оценки on-chain и off-chain данных, а также уточнения антиманипуляционного регулирования применительно к цифровым валютам.*

Ключевые слова: *цифровая валюта; финансовая пирамида; мошенничество; квалификация преступлений; блокчейн; цифровые доказательства; манипулирование рынком.*

Для цитирования: *Ольмезов Я. Т., Зумакулова З. А., Жугов А. А. Криптовалюта в цифровых финансовых пирамидах: критерии квалификации // Право и управление. 2026. № 10. С. 601–608.*

OLMEZOV Yakub T.,
Assistant, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation Assistant Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Economics and Finance

ZUMAKULOVA Zarema A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation Head, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Economics and Finance

ZHUGOV Azamat A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Economics and Finance

CRYPTOCURRENCY IN DIGITAL FINANCIAL PYRAMIDS: CRITERIA FOR LEGAL CLASSIFICATION

Annotation. *Introduction. The use of digital currency in fundraising schemes creates a difficult classification problem: financial pyramids, fraud, manipulative trading, and ordinary investment risk must be distinguished without treating the technological form of the asset as determinative. Technology alone reveals neither the economic source of returns nor the organisers' intent. Methods. We employ formal legal, systemic, functional, and law-and-economics methods. Russian legislation was analysed as in force on 18 September 2026. The analytical pilot application draws on a Russian criminal-law case, a Constitutional Court position, Forsage prosecution materials, and empirical studies of cryptocurrency abuse. Results. We propose a three-stage functional test that sequentially examines the economic model of value flows, the communication model used to attract participants, and the evidentiary framework linking digital addresses to specific persons. Our analysis shows that Article 172.2 of the Russian Criminal Code requires proof that benefits to earlier participants are funded by later participants in the absence of comparable lawful activity. A rug pull requires a separate fraud analysis, whereas a pump-and-dump scheme should not automatically be treated as a financial pyramid. We also substantiate the need to distinguish on-chain from off-chain evidence and to clarify market-manipulation rules as applied to digital currencies.*

Key words: *digital currency; financial pyramid; fraud; criminal-law classification; blockchain; digital evidence; market manipulation.*

For citation: *Olmezov Ya. T., Zumakulova Z. A., Zhugov A. A. Cryptocurrency in digital financial pyramids: criteria for legal classification. Law and administration. 2026;(10):601–608. (In Russ.).*

Введение

Криптовалюта сама по себе финансовой пирамидой не является. Мы исходим из иной посылки: цифровая валюта — это технологический, особый имущественный инструмент, который может обслуживать как правомерный оборот, так и преступное привлечение денежных средств. Отождествление этих явлений методологически неверно. В одном случае обычный рыночный риск, присущий привычному рынку ценных бумаг, начинает восприниматься как преступление; в другом — организатор противоправной схемы получает удобную возможность скрыть ее экономическую сущность за терминологией токеномии, майнинга, стейкинга или децентрализованных финансов.

Практический масштаб проблемы подтверждается данными Банка России: в 2025 г. регулятор выявил 3 562 субъекта с признаками финан-

совых пирамид, причем значительная часть таких проектов действовала в сети Интернет и принимала цифровую валюту. Эти сведения приведены Банком России в материалах «Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. Результаты за 2025 год». Показатели характеризуют превентивно выявленные признаки, а не число вступивших в силу обвинительных приговоров. Для уголовно-правового исследования принципиально иное: цифровая среда делает привычные пирамидальные механизмы быстрее, трансграничнее и технически сложнее для атрибуции, но не изменяет нормативные признаки составов преступлений.

Российские научные труды раскрывают как экономические основания устойчивости финансовых пирамид [1, с. 22–38], так и уголовно-правовые проблемы криптовалютных схем. М.М. Долгиева рассматривает ответственность за криптовалютные пирамиды [2, с. 63–68], А.Ю. Сердюк — признаки состава статьи 172.2 УК РФ [3, с. 17–20], З.Г. Алиев, В.А. Швырёва и А.В. Разин — криптовалюту как предмет мошенничества и проблемы доказывания [4, с. 2–7]. Правовую природу криптовалюты и меры противодействия соответствующим пирамидам исследуют Р.М. Янковский [5, с. 43–77] и С.В. Мурадян [6, с. 93–104].

Зарубежные работы преимущественно сосредоточены на технической архитектуре злоупотреблений. Исследованы понци-механизмы в Ethereum [7, p. 259–277], экосистема Bitcoin Ponzi [8, p. 101–112] и типология криптовалютных мошеннических практик [9, p. 148353–148373]. Pump-and-dump анализируется в работах A. Dhawan и T.J. Putniņš [10, p. 935–975], J.T. Hamrick и соавторов [11], J. Kamps и B. Kleinberg [12], а технические признаки scam-токенов и rug pull — в исследованиях P. Xia и соавторов [13], B. Mazorra, V. Adan и V. Daza [14], M.H. Nguyen и соавторов [15]. Однако технический индикатор сам по себе не определяет уголовно-правовую квалификацию.

Цель и задачи исследования

Цель работы — объединить анализ движения стоимости, содержания публичных обещаний и цифровых доказательств в последовательный алгоритм разграничения финансовой пирамиды, мошенничества, манипулятивной торговли и законного высокорискового проекта. Для достижения цели поставлены задачи: определить юридически значимые признаки экономической и коммуникационной моделей цифровой схемы; соотнести их с признаками статей 159, 172.2 и 185.3 УК РФ; сформировать доказательственный контур, связывающий цифровые действия с конкретным лицом и умыслом; апробировать предложенный алгоритм на контрастных материалах российской и зарубежной практики. Рабочая гипотеза состоит в том, что квалификация должна определяться фактической моделью движения стоимости, способом формирования ожиданий участников и доказанным содержанием умысла, а не названием цифрового продукта.

Методы

Нормативный массив исследован по состоянию на 18 сентября 2026 г. В него включены Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации», уголовное и административное законодательство, законодательство о противодействии манипулированию рынком, рекламе и легализации преступных доходов, а также Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ, изменивший уголовное и уголовно-процессуальное регулирование цифровой валюты. Учтены Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и материалы Банка России.

Формально-юридический метод мы использовали для сопоставления признаков статей 159, 172.2 и 185.3 УК РФ и смежных административных составов. Системный анализ позволил соотнести эти нормы с новым режимом цифровой валюты. Функциональный подход мы использовали для установления фактического назначения операции, не ограничиваясь ее техническим наименованием, также экономико-правовой анализ был сосредоточен на источнике дохода участника и устойчивости самой модели.

Постановка исследовательской проблемы, анализ нормативного материала, интерпретация источников, научные выводы и ответственность за содержание статьи принадлежат авторам.

Результаты

С 1 сентября 2026 г. базовый специальный режим цифровой валюты задает Федеральный закон № 282-ФЗ. Законодатель отделяет цифровую валюту от цифровых финансовых активов и допускает ее обращение в установленных законом пределах. Для уголовно-правовой квалификации это имеет прямое практическое значение: наличие криптовалютного адреса, факт обмена или высокая волатильность не свидетельствуют сами по себе о пирамидальной природе проекта. Мы полагаем, что отправной точкой должен оставаться способ привлечения и последующего перерас-

пределения имущественной стоимости.

Статья 172.2 УК РФ связывает финансовую пирамиду с привлечением денежных средств или иного имущества, когда выгода ранее привлеченным лицам предоставляется за счет последующих участников при отсутствии сопоставимой законной деятельности. Цифровая валюта может выступать «иным имуществом», вкладом и средством выплаты. Смарт-контракт меняет технику исполнения, но не источник дохода: программное перераспределение новых поступлений между прежними участниками не выводит схему за пределы статьи 172.2 УК РФ.

Rug pull имеет иную конструкцию: создатель токена может контролировать выпуск, функции контракта или ликвидность, а затем вывести ликвидность, увеличить эмиссию либо ограничить продажу. Технические признаки таких практик описаны в исследованиях [13–15], однако для уголовно-правового вывода необходимы данные о моменте возникновения умысла, сообщениях участникам, фактическом контроле и направлении полученной стоимости. Если намерение обратить имущество в пользу виновного существовало при привлечении средств и реализовывалось посредством обмана или злоупотребления доверием, проверке подлежит статья 159 УК РФ. Падение цены или неудача проекта сами по себе такого умысла не доказывают.

Pump-and-dump также не тождествен финансовой пирамиде. Организатор обычно заранее приобретает низколиквидный актив, создает искусственный ажиотаж координированными сообщениями и сделками, а затем продает позицию вошедшим на пике покупателям; повторяемость таких аномалий подтверждается эмпирическими исследованиями [10–12]. При отсутствии выплат прежним участникам за счет последующих не возникает ключевой признак статьи 172.2 УК РФ. Возможность применения статьи 185.3 УК РФ требует отдельной проверки предмета и способа манипулирования по Федеральному закону № 224-ФЗ, особенно для операций вне российского организованного рынка.

Научная новизна нашего исследования состоит в объединении известных признаков в единую последовательность проверки, не подменяющую действующие составы. Сначала устанавливается экономика схемы, затем содержание коммуникации с участниками и, наконец, доказательственная связь цифровых действий с конкретным лицом и умыслом.

Таблица 1. Трехэтапный функциональный тест квалификации

Этап	Ключевой вопрос	Наблюдаемые данные	Юридическое значение
1.Экономическая модель	Откуда возникает доход? Есть ли деятельность, сопоставимая с привлечением? Кто контролирует предложение и ликвидность?	Потоки между адресами; эмиссия; разблокировка токенов; выручка и расходы; пул ликвидности.	Выявляет перераспределение вкладов и реальный источник дохода; отделяет пирамиду от рыночного риска.
2.Коммуникационная модель	Что было обещано участнику? Раскрыты ли риски, контроль и конфликт интересов?	Сайт; white paper; реклама; переписка; записи трансляций; реферальные условия.	Позволяет установить содержание обмана, способ привлечения и публичность продвижения.
3.Доказательственный контур	Кто контролировал адреса, ключи, код и ликвидность? Можно ли персонализировать роль и умысел?	On-chain транзакции в сочетании с KYC, устройствами, журналами доступа, договорами и перепиской.	Не допускает отождествления технического риска с доказанной виновностью конкретного лица.

Источник: составлено авторами.

Первый этап предполагает реконструкцию входящих и исходящих потоков и отделение внешнего экономического дохода от поступлений новых участников. Второй восстанавливает информационную среду: гарантии доходности, сведения о продукте, раскрытие контроля и оплачиваемого продвижения. Третий персонализирует цифровой след. Кластер адресов, сходство кода или включение проекта в риск-список не указывают на конкретного обвиняемого без доказательств контроля, осведомленности, совершенных действий и полученной выгоды.

Этапы образуют цепочку взаимной проверки. Экономическая модель выявляет источник выплат, коммуникационная — способ его представления участникам, доказательственная — связь цифровых действий с конкретным лицом. Если движение стоимости допускает несколько интерпретаций, окончательная квалификация преждевременна до установления контроля над адресами, содержания договоренностей и роли участника: наблюдаемость операции в реестре не раскрывает ее юридического основания.

Проверка на контрастных материалах показала, что последовательность этапов меняет не саму норму, а качество постановки квалификационного вопроса. В российском уголовном материале сообщение Прокуратуры Республики Дагестан от 15 апреля 2026 г. описывает виртуальную финансовую пирамиду, выплаты по которой производились исключительно за счет новых вкладчиков; одновременно сообщается об осуждении по мошенничеству и организации финансовой пирамиды. В материалах Министерства юстиции США по делу United States v. Vladimir Okhotnikov et al. (Court Docket No. 23-cr-57) по версии обвинения смарт-контракты Forsage автоматически перераспределяли поступления новых участников, а публичное продвижение не соответствовало фактическому устройству схемы. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П о споре, связанном с передачей 1000 USDT, напротив, демонстрирует

границу: невозврат цифрового актива и проблема судебной защиты не заменяют установления источника выплат и первоначального обмана.

Таблица 2. Пилотное применение функционального теста

Материал	Экономическая модель	Коммуникационная модель	Квалификационная граница
Российское дело о криптовалютной пирамиде; сообщение прокуратуры о приговоре	Выплаты, по официальному сообщению, осуществлялись за счет средств новых вкладчиков.	Участникам предлагалось инвестирование в криптопроект с обещанием доходности.	Наличие перераспределительного механизма поддерживает проверку ст. 172.2 УК РФ; мошеннические эпизоды требуют самостоятельной индивидуализации.
Forsage; обвинительные материалы США	По версии обвинения, смарт-контракты направляли средства новых участников прежним.	Проект продвигался как децентрализованная доходная возможность при несоответствии заявлений механике схемы.	Материал совместим с пирамидальной моделью, но не является российским приговором и требует самостоятельной квалификации по российскому праву.
Спор, рассмотренный Конституционным Судом РФ № 2-П	Передача и последующий невозврат 1000 USDT; данные о перераспределении между новыми и прежними участниками отсутствуют.	Спор возник из договорной передачи цифровой валюты.	Невозврат имущества не позволяет автоматически заключить о пирамиде или мошенничестве; нужны дополнительные данные об умысле и способе завладения.

Источник: составлено авторами.

Технические исследования подтверждают необходимость такого разграничения и одновременно пределы своей доказательственной силы. При pump-and-dump ценовые и объемные аномалии указывают на необычную активность [12], а при rug pull концентрация ликвидности и функции контракта позволяют выявить риск [14; 15]. Однако эти признаки не устанавливают личность, содержание сообщений и умысел. Поэтому алгоритмический сигнал может служить основанием для углубленной проверки, приобретая юридическое значение лишь в совокупности с данными об источнике стоимости, коммуникациях и контроле над активами.

Предлагаемый тест не подменяет квалификацию и не превращает риск-индикаторы в презумпцию виновности. Его результатом может быть и вывод о недостаточности данных: отсутствие сведений об источнике выплат, обещаниях или принадлежности ключей препятствует обоснованному разграничению финансовой пирамиды, мошенничества, рыночной манипуляции и гражданско-правового спора. Тест задает порядок проверки обстоятельств, а не дополнительное основание ответственности.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют разграничить три уровня анализа: экономический — источник выплат и наличие сопоставимой законной деятельности; коммуникативный — сведения и ожидания, сформированные у участника; персональный — контроль адресов, ключей, ликвидности и публичных сообщений. Подмена этих уровней создает риск квалификационной ошибки. Высокая доходность, концентрация токенов или резкое падение цены могут быть риск-индикаторами, но не заменяют признаки статей 159 и 172.2 УК РФ.

Практическое значение предложенного алгоритма особенно проявляется в ситуациях, когда цифровой проект сочетает признаки нескольких моделей. Например, наличие реферального вознаграждения еще не свидетельствует о финансовой пирамиде, если выплаты обеспечиваются самостоятельной хозяйственной деятельностью, сопоставимой с объемом привлечения. Аналогично централизованный контроль над смарт-контрактом или пулом ликвидности повышает риск злоупотребления, но сам по себе не доказывает первоначальный обман. Для квалификации требуется сопоставить хронологию привлечения средств, момент возникновения и изменения публичных обещаний, фактическое направление активов и действия лиц, контролировавших ключи и код. Такое сопоставление позволяет исключить две симметричные ошибки: криминализацию обычного инвестиционного риска и, напротив, маскировку перераспределительной либо мошеннической модели технической терминологией. В процессуальном плане это означает, что вывод о составе преступления должен опираться не на отдельный on-chain индикатор, а на согласованную совокупность цифровых, документальных и коммуникативных данных. При противоречии между ними приоритет не может заранее отдаваться ни одному виду доказательств: требуется установить происхождение каждого сведения, способ его получения и связь с конкретным лицом.

Соотношение статей 159 и 172.2 УК РФ определяется механизмом посягательства. Для финансовой пирамиды ключевым является перераспределение имущества последующих участников в пользу ранее привлеченных при отсутствии сопоставимой деятельности; для мошенничества — завладение имуществом посредством обмана или злоупотребления доверием. При пересечении механизмов необходимо индивидуализировать потерпевших, эпизоды, содержание обмана и направление активов, а затем решать вопрос о конкуренции или совокупности норм. Само использование криптовалюты основанием для механического совмещения составов не является.

Административные составы также нельзя смешивать. Часть 1 статьи 14.62 КоАП РФ охватывает организацию либо осуществление соответствующей перераспределительной деятельности при отсутствии уголовно наказуемого деяния; часть 2 — ее публичное продвижение. Статья 14.56.1 КоАП РФ имеет иной предмет и связана с незаконным привлечением инвестиций, включая требования Федерального закона от 5 марта

1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Поэтому публичная реклама, само привлечение имущества и пирамидальный механизм должны проверяться раздельно.

Особое значение имеет доказательственный контур. On-chain данные позволяют установить хэш транзакции, номер блока, адреса, параметры вызова смарт-контракта, состояние пула ликвидности, эмиссию и перемещение токенов. Они надежно фиксируют цифровое событие, но не раскрывают его правовое основание и не тождественны личности. Off-chain слой — договоры, white paper, рекламные кабинеты, переписка, записи трансляций, сведения KYC, журналы входа, устройства, банковские и бухгалтерские документы — чаще раскрывает содержание обещаний, контроль над ключами и распределение ролей. Риск-индикаторы FATF, сформулированные в докладе Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing (2020), могут направлять проверку, но не заменяют установления состава конкретного деяния.

Процессуальная реформа 2026 г. требует точного разграничения процедур. Особенности наложения ареста на цифровую валюту закреплены в частях 7.1 и 7.2 статьи 115 УПК РФ, тогда как статья 164.2 УПК РФ регулирует ее изъятие при производстве следственных действий и предусматривает участие специалиста. Сохранность актива при этом не равна сохранности доказательственной информации: отдельно должны фиксироваться состояние устройства, идентификаторы кошельков, исходные транзакционные данные, примененная методика и действия должностного лица после получения доступа.

Предупредительный список Банка России выполняет профилактическую, а не обвинительную функцию. Попадание проекта в список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке способно обосновать углубленную проверку и предусмотренные законом превентивные меры, однако в уголовном процессе оно должно оцениваться вместе с первичными данными. Тот же принцип действует для коммерческой блокчейн-аналитики: кластеризация адресов является вероятностным выводом и требует подтверждения KYC, устройствами, журналами доступа, подписанными транзакциями либо иными источниками.

Антиманипуляционный режим требует согласования Федерального закона № 224-ФЗ и статьи 185.3 УК РФ с новым режимом цифровых валют. При этом следует различать манипулирование финансовым инструментом, связанным с цифровой валютой, и воздействие на спотовую цену самой цифровой валюты. Для операций вне российского организованного рынка необходимы четкие критерии охватываемого рынка, искусственного характера воздействия и уголовно значимого результата, чтобы не распространить запрет на обычную волатильную торговлю.

Второе направление касается раскрытия информации в регулируемом контуре. Нам представляется обоснованным закрепление проверяемых сведений о бенефициарном контроле, распределении и графике разблокировки токенов, административных полномочиях в смарт-контракте, условиях блокировки и вывода ликвидности, связанных адресах, оплачиваемом продвижении и конфликте интересов. При этом предел обязанности должен быть очерчен законом: она допустима лишь там, где соответствующее публичное сообщение разрешено действующим регулированием, и не может превращаться в способ обхода запрета рекламы конкретной цифровой валюты.

Для органов расследования, специалистов и экспертов целесообразна единая методика исследования цифровых схем: идентификация актива, сохранение исходных данных, реконструкция потоков, атрибуция адресов, анализ кода и коммуникаций, после чего — юридическая квалификация. Исследование должно раскрывать исходные данные, допущения, степень неопределенности и воспроизводимость результата. Технические обозначения «scam», «Ponzi» или «risk address» остаются аналитическими характеристиками, а не юридическими выводами.

Создание самостоятельного общего состава «криптовалютного мошенничества» нам представляется преждевременным. Статьи 159 и 172.2 УК РФ технологически нейтральны и при корректном установлении фактических обстоятельств охватывают значительную часть рассматриваемых деяний. Мы видим более обоснованный путь в точной настройке отраслевого регулирования, доказательственных процедур и антиманипуляционных правил. Специальная криминализация оправданна лишь в том случае, если выявлен конкретный нормативный пробел, который нельзя устранить толкованием действующей нормы либо средствами регуляторного законодательства.

Заключение

Исследование подтверждает, что цифровая валюта не образует самостоятельной разновидности финансовой пирамиды: квалификацию определяют источник выплат и способ привлечения имущественной стоимости, а не технологическая форма актива. Статья 172.2 УК РФ требует установить перераспределение имущества последующих участников в пользу ранее привлеченных при отсутствии сопоставимой законной деятельности; токен и смарт-контракт лишь обеспечивают технику исполнения. Rug pull требует самостоятельной проверки признаков мошенни-

чества и момента возникновения умысла, а pump-and-dump — отдельной оценки условий применимости антиманипуляционного регулирования. Пилотная апробация показала методическую пригодность трехэтапного теста: последовательная проверка экономической модели, коммуникаций и доказательственного контура препятствует подмене юридического вывода отдельным техническим признаком. Дальнейшее развитие регулирования целесообразно связывать с уточнением правил манипулирования рынком, раскрытием контроля в регулируемом контуре и воспроизводимыми процедурами фиксации цифровых доказательств; перспективным направлением остается апробация теста на расширенном массиве вступивших в силу судебных актов.

Список литературы:

[1] Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р. Устойчивость феномена финансовой пирамиды // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 3. С. 22–38. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-22-38..

[2] Долгиева М.М. Криптовалютные финансовые пирамиды в России: вопросы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 4 (45). С. 63–68.

[3] Сердюк А.Ю. Привлечение организатора «финансовой пирамиды» к уголовной ответственности по статье 172.2 УК РФ: разбор признаков состава конкретного преступления // Мировой судья. 2026. № 7. С. 17–20. DOI: 10.18572/2072-4152-2026-7-17-20..

[4] Алиев З.Г., Швырёва В.А., Разин А.В. Криптовалюта как предмет мошенничества: правовая природа и теоретические проблемы доказывания состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ // Российский следователь. 2026. № 8. С. 2–7. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-8-2-7..

[5] Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.43.77..

[6] Мурадян С.В. Актуальные проблемы противодействия деятельности криптовалютных пирамид // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2 (269). С. 93–104.

[7] Bartoletti M., Carta S., Cimoli T., Saia R. Dissecting Ponzi schemes on Ethereum: Identification, analysis, and impact // Future Generation Computer Systems. 2020. Vol. 102. P. 259–277. DOI: 10.1016/j.future.2019.08.014..

[8] Vasek M., Moore T. Analyzing the Bitcoin Ponzi Scheme Ecosystem // Financial Cryptography and Data Security. FC 2018 International Workshops. Berlin, Heidelberg: Springer, 2019. P. 101–112. DOI: 10.1007/978-3-662-58820-8_8..

[9] Bartoletti M., Lande S., Loddo A., Pompianu L., Serusi S. Cryptocurrency Scams: Analysis and Perspectives // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 148353–148373. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3123894..

[10] Dhawan A., Putniņš T.J. A New Wolf in Town? Pump-and-Dump Manipulation in Cryptocurrency Markets // Review of Finance. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 935–975. DOI: 10.1093/rof/rfac051.

[11] Hamrick J.T., Rouhi F., Mukherjee A., Feder A., Gandal N., Moore T., Vasek M. An examination of the cryptocurrency pump-and-dump ecosystem // Information Processing & Management. 2021. Vol. 58. No. 4. Article 102506. DOI: 10.1016/j.ipm.2021.102506..

[12] Kamps J., Kleinberg B. To the moon: defining and detecting cryptocurrency pump-and-dumps // Crime Science. 2018. Vol. 7. Article 18. DOI: 10.1186/s40163-018-0093-5..

[13] Xia P., Wang H., Gao B. et al. Trade or Trick? Detecting and Characterizing Scam Tokens on Uniswap Decentralized Exchange // Proceedings of the ACM on Measurement and Analysis of Computing Systems. 2021. Vol. 5. No. 3. Article 39. P. 1–26. DOI: 10.1145/3491051.

[14] Mazorra B., Adan V., Daza V. Do Not Rug on Me: Leveraging Machine Learning Techniques for Automated Scam Detection // Mathematics. 2022. Vol. 10. No. 6. Article 949. DOI: 10.3390/math10060949.

[15] Nguyen M.H., Huynh P.D., Dau S.H., Li X. Rug-pull malicious token detection on blockchain using supervised learning with feature engineering // Proceedings of the 2023 Australasian Computer Science Week. 2023. P. 72–81. DOI: 10.1145/3579375.3579385.

References:

[1] Ryzhkova M.V., Kashapova E.R. Sustainability of the phenomenon of the financial pyramid // Terra Economicus. 2022. T. 20. № 3. S. 22-38. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-22-38..

[2] Dolgieva M.M. Cryptocurrency financial pyramids in Russia: issues of criminal liability // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (45). S. 63-68.

[3] Serdyuk A.Yu. Bringing the organizer of the "financial pyramid" to criminal responsibility under Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: analysis of signs of a specific crime // Magistrate. 2026. № 7. S. 17-20. DOI: 10.18572/2072-4152-2026-7-17-20..

[4] Aliyev Z.G., Shvyreva V.A., Razin A.V. Cryptocurrency as a subject of fraud: legal nature and theoretical problems of proving corpus delicti under Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian investigator. 2026. № 8. S. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-8-2-7..

[5] Yankovsky R.M. Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, "other property" and digital money // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4. S. 43-77. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.43.77..

[6] Muradyan S.V. Actual problems of counteracting the activities of cryptocurrency pyramids // Property relations in the Russian Federation. 2024. № 2 (269). S. 93-104.

[7] Bartoletti M., Carta S., Cimoli T., Saia R. Dissecting Ponzi schemes on Ethereum: Identification, analysis, and impact // Future Generation Computer Systems. 2020. Vol. 102. P. 259–277. DOI: 10.1016/j.future.2019.08.014..

[8] Vasek M., Moore T. Analyzing the Bitcoin Ponzi Scheme Ecosystem // Financial Cryptography and Data Security. FC 2018 International Workshops. Berlin, Heidelberg: Springer, 2019. P. 101–112. DOI: 10.1007/978-3-662-58820-8_8..

[9] Bartoletti M., Lande S., Loddo A., Pompianu L., Serusi S. Cryptocurrency Scams: Analysis and Perspectives // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 148353–148373. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3123894..

[10] Dhawan A., Putniņš T.J. A New Wolf in Town? Pump-and-Dump Manipulation in Cryptocurrency Markets // Review of Finance. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 935–975. DOI: 10.1093/rof/rfac051.

[11] Hamrick J.T., Rouhi F., Mukherjee A., Feder A., Gandal N., Moore T., Vasek M. An examination of the cryptocurrency pump-and-dump ecosystem // Information Processing & Management. 2021. Vol. 58. No. 4. Article 102506. DOI: 10.1016/j.ipm.2021.102506..

[12] Kamps J., Kleinberg B. To the moon: defining and detecting cryptocurrency pump-and-dumps // Crime Science. 2018. Vol. 7. Article 18. DOI: 10.1186/s40163-018-0093-5..

[13] Xia P., Wang H., Gao B. et al. Trade or Trick? Detecting and Characterizing Scam Tokens on Uniswap Decentralized Exchange // Proceedings of the ACM on Measurement and Analysis of Computing Systems. 2021. Vol. 5. No. 3. Article 39. P. 1–26. DOI: 10.1145/3491051.

[14] Mazorra B., Adan V., Daza V. Do Not Rug on Me: Leveraging Machine Learning Techniques for Automated Scam Detection // Mathematics. 2022. Vol. 10. No. 6. Article 949. DOI: 10.3390/math10060949.

[15] Nguyen M.H., Huynh P.D., Dau S.H., Li X. Rug-pull malicious token detection on blockchain using supervised learning with feature engineering // Proceedings of the 2023 Australasian Computer Science Week. 2023. P. 72–81. DOI: 10.1145/3579375.3579385.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-609-616
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КАЛИНИНА Елена Владимировна,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: kalinina_ev@lspu-lipetsk.ru

СМАРТ-КОНТРАКТ В МЕХАНИЗМЕ ЦИФРОВОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Исследуется место смарт-контракта в механизме исполнения договорных обязательств по российскому гражданскому праву. Цель работы состоит в определении условий признания автоматизированной операции надлежащим исполнением и оснований распределения правовых последствий нарушений при ее совершении. Предложено разграничивать договорное основание автоматизации, юридически значимое обстоятельство, программную операцию и гражданско-правовой результат. Обоснована необходимость самостоятельной оценки соблюдения порядка автоматизированного исполнения и удовлетворения требования кредитора, предложен подход к распределению ответственности участников.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, цифровизация, договорное обязательство, автоматизированное исполнение, надлежащее исполнение, программный код, гражданско-правовая ответственность, защита гражданских прав.*

Для цитирования: *Калинина Е. В. Смарт-контракт в механизме цифрового исполнения договорных обязательств // Право и управление. 2026. № 10. С. 609–616.*

KALININA Elena V.,
Head of the Department of State and Legal Disciplines, Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University, PhD in Law, Associate Professor.

THE SMART CONTRACT IN THE MECHANISM OF DIGITAL PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *The article examines the place of smart contracts in the performance of contractual obligations under Russian civil law. The study aims to determine when an automated operation may constitute proper performance and how the legal consequences of defects in its execution should be allocated. The proposed approach distinguishes the contractual basis for automation, the legally relevant circumstance, the software operation and the civil-law result. Separate assessment of compliance with the agreed procedure and satisfaction of the creditor's claim is substantiated, and an approach to the allocation of civil liability is proposed.*

Key words: *smart contract, digitalization, contractual obligation, automated performance, proper performance, program code, civil liability, protection of civil rights.*

For citation: *Kalinina E. V. The smart contract in the mechanism of digital performance of contractual obligations. Law and administration. 2026;(10):609–616. (In Russ.).*

Введение

Цифровизация договорных отношений ставит вопрос о соотношении согласованного сторонами порядка исполнения обязательства и гражданско-правового результата, достигаемого посредством программных операций. При автоматизации решение о совершении отдельных действий фактически переносится на стадию определения сторонами порядка исполнения обязательства, однако сохраняется необходимость устано-

вить, соответствует ли предоставленное кредитору исполнение содержанию возникшей обязанности. В связи с этим исследование смарт-контракта приобретает самостоятельное значение для определения гражданско-правовых последствий автоматизированного исполнения, особенно в случаях, когда совершение программной операции зависит от сведений об обстоятельствах, возникающих за пределами соответствующей информационной системы.

Нормативную основу исследования составляет положение абзаца второго статьи 309 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), допускающее исполнение возникающих из сделки обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Данное положение применяется во взаимосвязи с общим требованием надлежащего исполнения обязательств и правилами статьи 408 ГК РФ о прекращении обязательства надлежащим исполнением. Отмеченное подтверждает тот факт, что гражданско-правовая оценка автоматизированного исполнения предполагает установление связи совершенной программной операции с конкретной обязанностью должника и тем предоставлением, которое в соответствии с условиями обязательства причитается кредитору.

В юридической литературе сложности применения смарт-контрактов связываются с недостаточностью специального правового регулирования и необходимостью законодательного закрепления соответствующего понятия [1, с. 50–51]. Вместе с тем гражданско-правовая проблематика смарт-контракта требует исследования последствий использования автоматизированного механизма при исполнении уже возникшего обязательства. Цель статьи состоит в определении места смарт-контракта в механизме исполнения договорных обязательств и условий признания результата автоматизированной операции надлежащим исполнением. В связи с этим рассматриваются значение предварительно выраженной воли сторон, использование внешних данных и распределение правовых последствий ошибок, возникающих при автоматизированном исполнении. Предмет исследования ограничен российским гражданским правом и охватывает преимущественно отношения, возникающие из предпринимательских договоров. Использованы формально-юридический метод, системное толкование и правовое моделирование. Судебные акты и сведения о практическом применении смарт-контрактов анализируются в пределах содержащейся в открытых источниках информации, а гипотетические ситуации используются для проверки сформулированных в статье выводов.

Договорное основание автоматизированного исполнения

В юридической литературе разграничиваются полностью автономные смарт-контракты и отдельные автоматизированные операции, дополняющие обычные договоры и обеспечивающие исполнение отдельных обязательств сторон [2]. Такое разграничение имеет значение для определения степени зависимости договорного отношения от функционирования соответствующей информационной системы. Автоматизированное формирование платежного распоряжения и программное осуществление всех взаимных предоставлений предполагают различный объем действий, которые сохраняются за участниками договора и должны быть совершены ими самостоятельно.

В другом исследовании обоснована необходимость разграничивать программу и договорное правоотношение. Смарт-контракт рассматривается как способ исполнения обычного договора либо как несамостоятельная конструкция, применяемая совместно с определенным договорным типом [3, с. 99]. Согласно иной позиции, смарт-контракт представляет собой договорную конструкцию, выраженную в программном коде, которая заключается и исполняется в специальной информационной системе и не требует обязательного существования дополнительного договора [4, с. 144]. Представляется обоснованным исходить из юридической функции программного кода в конкретном договорном отношении. Код может выражать согласованные сторонами условия либо обеспечивать исполнение обязательства, содержание которого определено иным способом. Юридическая квалификация соответствующего соглашения в таком случае зависит от содержания принятой сторонами обязанности и соблюдения установленных законом требований к сделке.

Для целей настоящего исследования смарт-контракт понимается как программный механизм совершения операций, направленных на исполнение договорного обязательства при наступлении согласованных сторонами обстоятельств без отдельного дополнительного распоряжения на совершение каждой операции. Такое определение отражает исполнительную функцию смарт-контракта, которая отсутствует при обычном электронном оформлении договора. Понятие цифрового исполнения используется как исследовательская категория, обозначающая организацию исполнения договорного обязательства с применением информационной системы. При этом абзац второй статьи 309 ГК РФ не связывает возможность такой автоматизации исключительно с

использованием технологии блокчейна.

Следует разграничивать автоматизацию исполнения и способы обеспечения исполнения обязательств. В литературе отмечается, что признание смарт-контракта самостоятельным способом обеспечения лишь на основании возникающего обеспечительного эффекта затрудняет применение статьи 329 ГК РФ и определение соотношения основного и обеспечительного обязательств [5, с. 57]. Применение технических средств действительно способно снизить вероятность уклонения стороны от исполнения, однако само по себе это обстоятельство не определяет содержание обеспечительного правоотношения. Программный механизм может использоваться при реализации конкретного способа обеспечения исполнения обязательства, правовые последствия которого определяются его юридической природой и согласованными сторонами условиями.

Основанием автоматизации выступает соглашение сторон об охватываемой ею обязанности, условиях совершения соответствующих операций и применяемых информационных технологиях. Предварительно выраженная воля сторон относится к определенному порядку исполнения обязательства и не означает согласия с любым результатом функционирования программы. Требования статей 160 и 434 ГК РФ предполагают возможность воспроизведения содержания сделки и достоверного определения лица, выразившего волю. В связи с этим доказательственное значение приобретает фиксация согласованной сторонами версии программы и установление ее связи с договором. Возникающее расхождение между программным кодом и текстовым изложением условий договора подлежит оценке с учетом правил статьи 431 ГК РФ, включая установление действительной общей воли сторон в случаях, когда буквального и системного толкования условий договора недостаточно. Сведения о функционировании алгоритма могут использоваться для установления технических обстоятельств и оцениваются судом в совокупности с другими доказательствами, тогда как правовая квалификация соглашения и определение его юридических последствий относятся к компетенции суда.

В деле № А55-7445/2022 ООО «Компания Визит» требовало понудить ООО «Премьера» к исполнению договора купли-продажи автомобиля, ссылаясь на оформление отношений с использованием платформы «Смарт-Контракт». Суды признали факт заключения договора недоказанным. Отказ в удовлетворении требований был оставлен без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 г. Данное дело связано с установлением волеизъявления сторон и доказанностью возникновения договорных отношений, а не с ошибкой при автоматизированном исполнении обязательства. Вместе с тем оно показывает необходимость установления самого соглашения сторон независимо от наименования использованного ими цифрового сервиса.

В решении Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019 исследовалось соглашение ООО «Петролеум Трейдинг» и ООО «Ликом» об электронном заключении приложений к договору поставки, обозначенных как блокчейн-контракты. Суд учел согласованный сторонами порядок обмена сообщениями, использования простой электронной подписи и признания молчания акцептом и удовлетворил требования о взыскании задолженности и неустойки. Судебный акт подтверждает юридическое значение соглашения сторон о порядке электронного взаимодействия, однако не свидетельствует об автономном совершении платежей посредством программного кода. Поэтому вывод о надлежащем автоматизированном исполнении обязательства выходил бы за пределы вопросов, разрешенных судом в данном деле.

Юридическая оценка результата цифрового исполнения

Предлагаемый подход предполагает разграничение договорного основания автоматизации, юридически значимого обстоятельства, программной операции и гражданско-правового результата. Эти элементы позволяют определить пределы применения информационной технологии, обстоятельства, влекущие совершение автоматизированной операции, содержание работы программного механизма и изменения обязательственного правоотношения, наступающие вследствие предоставления исполнения. Такое разграничение позволяет установить, на каком этапе возникло несоответствие согласованному порядку исполнения и какие правовые последствия оно влечет. Корректность функционирования программы характеризует техническую сторону автоматизированного исполнения, тогда как прекращение обязательства требует самостоятельной гражданско-правовой оценки достигнутого результата.

В исследованиях, посвященных классификации смарт-контрактов, разграничиваются полностью и частично автоматизированные механизмы, учитываются особенности используемой программной среды и возможность обращения к внешним источникам сведений [6, с. 65]. Для обязательственного права такая дифференциация имеет значение при определении действий, которые сохраняются в качестве обязанностей участников договора. Так, при поставке материального товара автоматизация расчетов сама по себе не свидетельствует о совершении всех дей-

ствий, необходимых для надлежащего исполнения обязанности поставщика. Поэтому правовая оценка исполнения должна распространяться и на ту часть предоставления, которая осуществляется без применения автоматизированного механизма.

В описании системы Smart Fuel (AFSC), размещенном на сайте ее разработчика АО «ПроКСи», указывается на использование частной блокчейн-сети, взаимодействие с банковскими автоматизированными системами и применение планшетов пилотом и водителем заправочной техники. Представленные сведения характеризуют порядок организации расчетов за авиационное топливо, однако не позволяют в полном объеме установить содержание договорных отношений между их участниками. Вместе с тем данный пример позволяет рассмотреть вопрос о юридическом значении сведений, вводимых лицами, участвующими в заправке воздушного судна, и об обязанностях по обеспечению соответствия таких сведений фактическим обстоятельствам.

Представляется, что в правоприменительной практике существенное значение имеет разграничение самого юридически значимого обстоятельства и сообщения о его наступлении. Передача товара и поступление в информационную систему сведений о его передаче представляют собой самостоятельные фактические обстоятельства. Стороны вправе связать обязанность по оплате с передачей товара, установив определенный порядок подтверждения этого факта. Возможна и иная конструкция, при которой расчетная операция совершается после получения предусмотренного договором подтверждения. В каждом случае необходимо установить, определяет ли такое подтверждение исключительно порядок осуществления расчета либо его получение имеет значение для возникновения или наступления срока исполнения соответствующей обязанности. Техническая настройка программного механизма сама по себе не является достаточным основанием для отождествления поступления соответствующей записи с наступлением предусмотренного договором обстоятельства.

Статья 327.1 ГК РФ допускает обусловленное исполнение обязательства при наступлении согласованных сторонами обстоятельств, в том числе зависящих от воли одной из сторон. При этом условие, с которым связано исполнение обязательства, следует разграничивать с техническим способом установления факта его наступления. Если срок платежа связан с состоявшейся поставкой, не поступление сообщения о ее совершении само по себе не изменяет установленный договором срок исполнения денежных обязательств. Если же стороны непосредственно обусловили совершение платежа получением определенного подтверждения, правовой оценке подлежат содержание соответствующего условия и действия лиц, на которых возложены обязанности по формированию, передаче или подтверждению необходимых сведений. В связи с этим при согласовании автоматизированного порядка исполнения обязательства, целесообразно определять последствия непоступления сведений, наличия противоречий между ними, последующего исправления данных и использования иного способа подтверждения исполнения.

Самостоятельной правовой оценки требует результат совершенной операции. Согласно пункту 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» при безналичных расчетах денежное обязательство по общему правилу считается исполненным с момента зачисления денежных средств на корреспондентский счет банка, обслуживающего кредитора, либо банка, являющегося кредитором. Применительно к обычному межбанковскому переводу формирование платежного распоряжения еще не свидетельствует о прекращении денежного обязательства. Выполнение программой предусмотренной для нее операции может завершиться до наступления гражданско-правового результата, который определяется нормами об исполнении соответствующего обязательства и условиями договора.

В доктрине подчеркивается, что особенности исполнения смарт-контракта не исключают возможности правовой оценки возникших отношений и применения способов защиты нарушенных прав сторон [7, с. 105]. Развивая данное положение, представляется необходимым самостоятельно оценивать соблюдение согласованного порядка автоматизации и фактическое удовлетворение требования кредитора. Нарушение установленного сторонами порядка автоматизированного исполнения способно повлечь предусмотренные законом или договором правовые последствия, однако наличие такого нарушения само по себе не свидетельствует о сохранении основного долга. Если кредитор получил и принял причитающееся ему предоставление, повторное взыскание соответствующей суммы не может основываться исключительно на использовании несогласованной версии программы. Возможные убытки, причиненные нарушением установленного порядка автоматизации, в этом случае подлежат самостоятельной оценке.

Признание результата цифрового исполнения надлежащим предполагает установление связи совершенной операции с конкретным обязательством, юридического значения обстоятельства, с которым стороны связали ее соверше-

ние, надлежащего адресата и объема предоставления, соблюдения иных требований к исполнению, а также наличия правового основания для его осуществления. Проверка соответствия программного механизма достигнутому сторонами соглашению дополняет такую оценку и позволяет выявить нарушения, имеющие самостоятельное юридическое значение. Следует разграничивать ошибочное предоставление при исполнении обязательства и недействительность сделки. Если условия договора были надлежащим образом согласованы, а отклонение от них возникло при функционировании программного механизма, признание сделки совершенной с пороком воли требует самостоятельных правовых оснований.

В зависимости от источника возникшего несоответствия представляется возможным различать недостатки согласования условий автоматизации, ошибки программной реализации, использование недостоверных сведений, технические сбои информационной системы и продолжение автоматизированных операций после изменения или прекращения правового основания исполнения. Такая классификация позволяет установить источник нарушения, не предрешая вопрос о возложении гражданско-правовой ответственности. Ошибка в расчете при использовании достоверных исходных данных свидетельствует о ненадлежащей реализации предусмотренного алгоритма, тогда как совершение формально корректной операции на основании недостоверных сведений требует установления содержания обязанностей лиц, отвечающих за их предоставление или проверку. Если автоматизированные перечисления продолжаются после прекращения соответствующей обязанности, правовая оценка должна охватывать момент ее прекращения и определение лиц, на которых договором или законом возложена обязанность обеспечить своевременное изменение либо прекращение программных операций.

Распределение рисков и защита участников обязательства

Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов, опубликованная Банком России в июне 2026 г., предусматривает участие оператора, разработчиков, проверяющих организаций и поставщиков доверенных внешних данных, а также содержит положения об описании логики исполнения и проверке программных решений. Документ посвящен проектированию будущего механизма и сам по себе не устанавливает специальных оснований гражданско-правовой ответственности его участников. Его значение для настоящего исследования состоит в том, что предусмотренное в нем распределение технических функций позволяет определить круг обязанностей, которые могут подлежать согласованию в соответствующих договорных отношениях.

Распределение гражданско-правовой ответственности должно определяться с учетом содержания принятой каждым участником обязанности и причинной связи между ее нарушением и наступившими неблагоприятными последствиями. Разработчик может нести ответственность перед заказчиком за несоответствие программного продукта условиям задания, оператор – за нарушение согласованных требований к функционированию информационной системы, поставщик внешних данных – за ненадлежащее исполнение принятой обязанности по обеспечению достоверности сведений либо их передаче из определенного источника. Само по себе участие лица в технологическом процессе не влечет возникновения одинакового объема ответственности перед сторонами основного договора. Наличие нескольких связанных между собой договоров также не является достаточным основанием для возложения солидарной ответственности на всех участников за любое нарушение, возникшее при автоматизированном исполнении.

Применение статьи 403 ГК РФ предполагает установление того, было ли исполнение конкретной обязанности должника возложено на третье лицо. По общему правилу за действия такого лица перед кредитором отвечает должник, если законом непосредственно не установлена ответственность лица, являющегося непосредственным исполнителем. Разработка программного обеспечения сама по себе не означает принятия разработчиком обязанности произвести исполнение в пользу кредитора по основному договору. Вместе с тем использование должником приобретенного программного обеспечения не прекращает его обязанности предоставить кредитору причитающееся по договору исполнение. Поэтому ответственность должника перед кредитором и возможные требования должника к разработчику программного обеспечения подлежат самостоятельной оценке исходя из содержания соответствующих договорных отношений.

В предпринимательских отношениях применяется правило пункта 3 статьи 401 ГК РФ, в соответствии с которым лицо несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, если законом или договором не предусмотрены иные основания ответственности. Техническая природа ошибки либо сбоя сама по себе не позволяет квалифицировать соответствующее обстоятельство в качестве непреодолимой силы. Такая оценка требует установления причины нарушения, ее характера и влияния на возможность надлежащего исполне-

ния обязательства. При согласовании договорных ограничений ответственности необходимо также учитывать недействительность заранее заключенного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства. Условие договора с разработчиком об отсутствии гарантии полной безошибочности программного обеспечения само по себе не освобождает должника от ответственности перед кредитором по основному обязательству.

Предоставление кредитором ошибочных реквизитов требует оценки с учетом статьи 404 ГК РФ, а несовершение кредитором действий, необходимых для исполнения обязательства должником, при наличии предусмотренных законом условий может повлечь последствия просрочки кредитора в соответствии со статьей 406 ГК РФ. Последствия непредоставления встречного исполнения определяются с учетом статьи 328 ГК РФ. Одно и то же цифровое сообщение может использоваться для подтверждения различных юридически значимых действий, поэтому его техническое наименование само по себе не позволяет установить, свидетельствует ли оно об исполнении обязанности по содействию, предоставлении встречного исполнения либо совершении иной необходимой для исполнения операции.

В исследованиях, посвященных изменению и расторжению смарт-контрактов, предлагается параллельное закрепление условий на естественном языке и в программном коде, предварительное определение изменяемых параметров и использование внешней проверки исполнения [8, с. 91–92]. Развивая указанные положения, следует разграничивать изменение самого обязательственного правоотношения и последующее изменение обеспечивающего его исполнение программного механизма. Юридические последствия соглашения сторон или вступившего в законную силу судебного акта не могут ставиться исключительно в зависимость от наличия технического доступа к программе. Вместе с тем возможность такого доступа непосредственно влияет на своевременность изменения или прекращения автоматизированных операций, вследствие чего обязанности по совершению соответствующих действий должны быть определены в отношениях между участниками заранее.

Полагаем, что предварительно выраженное согласие сторон на автоматизацию распространяется на совершение операций в пределах существующего правового основания исполнения. Последствия изменения или расторжения договора определяются статьей 453 ГК РФ, при этом отдельные обязанности могут сохраняться в силу закона, соглашения сторон или существа соответствующих отношений, в частности обязанность произвести расчеты за исполнение, предоставленное до изменения или прекращения договора. Использование автоматизированного механизма само по себе не свидетельствует об отказе стороны от права приостановить встречное исполнение при наличии оснований, предусмотренных статьей 328 ГК РФ, с учетом диспозитивного характера содержащихся в ней положений. Возможность прекращения или приостановления программных операций должна быть связана с соответствующими юридическими основаниями и не может использоваться для произвольного отказа от исполнения обязательства под предлогом устранения технического сбоя.

После совершения ошибочной операции выбор способа защиты зависит от правового основания произведенного предоставления. Статьи 1102 и 1103 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ определяют основания возврата неосновательного обогащения и соотношение соответствующих требований с иными способами защиты гражданских прав, тогда как статья 1109 ГК РФ устанавливает случаи, в которых неосновательное обогащение возврату не подлежит. При перечислении суммы, превышающей предусмотренный обязательством размер платежа, необходимо установить наличие либо отсутствие правового основания для удержания получателем соответствующего превышения. В то же время досрочное исполнение существующего обязательства по общему правилу не образует неосновательного обогащения. Последствия недействительности сделки, предусмотренные статьей 167 ГК РФ, применяются только при наличии самостоятельных оснований для признания сделки недействительной. Поэтому квалификация любой ошибочной автоматизированной операции в качестве реституции является юридически неточной.

В договорном условии об автоматизированном исполнении целесообразно определять обязательство, на которое распространяется автоматизация, согласованную версию программы и порядок ее изменения, а также юридическое значение сведений, поступающих из определенных сторонами источников. Самостоятельного согласования требуют обязанности по уведомлению об обнаруженных ошибках, предоставлению информации о совершенных операциях и переходу к резервному способу исполнения. Документирование результатов автоматизированных операций способствует установлению фактических обстоятельств исполнения, однако признание сторонами соответствующей записи доказательством не исключает необходимости установить, было ли в действительности предоставлено надлежащее исполнение.

Для предпринимательского договора может

быть предложено следующее общее условие: «Автоматизированные операции совершаются в пределах соответствующего договорного обязательства с использованием согласованной сторонами версии программы. Юридическое значение сведений, поступающих из определенных договором источников, устанавливается его условиями. При изменении или прекращении обязательства либо при возникновении предусмотренного законом или договором основания для приостановления исполнения сторона, на которую возложена соответствующая обязанность, обеспечивает в согласованном порядке изменение, прекращение или приостановление предстоящих автоматизированных операций. Если обязанность по предоставлению исполнения сохраняется, невозможность дальнейшего использования автоматизированного механизма влечет переход к предусмотренному договором резервному способу исполнения. Совершение автоматизированной операции не исключает последующей оценки надлежащего исполнения обязательства и применения предусмотренных законом или договором способов защиты гражданских прав». Такое условие требует конкретизации функций участников, сроков уведомления, порядка обмена сведениями и разрешения возникающих разногласий. Использование резервного способа исполнения должно исключать повторное предоставление того, что уже было надлежащим образом получено кредитором.

Заключение

Гражданско-правовое значение смарт-контракта определяется характером связи совершаемых программных операций с конкретным договорным обязательством. Разграничение договорного основания автоматизации, юридически значимого обстоятельства, программной операции и возникающего гражданско-правового результата позволяет установить источник несоответствия согласованному порядку исполнения и определить его правовые последствия. Самостоятельная оценка самого обстоятельства и поступивших сведений о нем позволяет избежать подмены установления факта надлежащего исполнения техническим подтверждением корректного функционирования программы.

Раздельная оценка соблюдения согласованного порядка автоматизированного исполнения и фактического удовлетворения требования кредитора позволяет учитывать последствия нарушения соглашения сторон об использовании цифрового механизма, не допуская повторного взыскания уже предоставленного исполнения. Гражданско-правовая ответственность участников соответствующих отношений должна определяться с учетом содержания принятых ими обязанностей и причинной связи между их нарушением и наступившими последствиями. Предварительное согласование юридического значения внешних данных, порядка изменения программного механизма и резервного способа исполнения позволяет использовать автоматизацию без снижения правовой определенности обязательства и без ограничения предусмотренных гражданским законодательством способов защиты.

Список литературы:

[1] Кирсанов А.Н., Кузьмин А.В. Смарт-контракт как особая договорная конструкция в российском законодательстве // Право и управление. XXI век. 2023. № 3. С. 45–52. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-3-68-45-52..

[2] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.

[3] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105..

[4] Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[5] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[6] Павлюк А.В., Кириллова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 62–68. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-62-68..

[7] Ахмедов А.Я. Правовая природа смарт-контракта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5. С. 103–106.

[8] Шатковская Т.В., Евстафьева А.А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94..

References:

[1] Kirsanov A.N., Kuzmin A.V. Smart contract as a special contractual structure in Russian legislation // Law and management. XXI century. 2023. № 3. S. 45-52. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-3-68-45-52..

[2] Savelyev A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law // Law. 2017. № 5. S. 94-117.

[3] Efimova L.G., Mikheeva I.E, Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4. S. 78-105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105..

[4] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of a smart contract: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 126-147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[5] Grin OS, Grin ES, Soloviev A.V. Legal construction of a smart contract: legal nature and scope // Lex russica. 2019. № 8. S. 51-62. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[6] Pavlyuk A.V., Kirillova E.A. On the civil law classification of smart contracts // Russian law: education, practice, science. 2025. № 1. S. 62-68. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-62-68..

[7] Akhmedov A.Ya. Legal nature of a smart contract // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 5. S. 103-106.

[8] Shatkovskaya T.V., Evstafieva A.A. Legal regulation of the change and termination of a smart contract under the legislation of the Russian Federation // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. № 2. S. 85-94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94..

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-617-622

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

РОБОТОТЕХНИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые риски, возникающие при использовании робототехнических систем в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Основное внимание сосредоточено на сохраняющейся неопределенности правового статуса робототехники, которая может одновременно выступать предметом и средством преступления, а также элементом служебной инфраструктуры, опосредующим реализацию полномочий личного состава. Рассматривается повышенная причиняющая способность автономных роботов, обусловленная сочетанием программных и аппаратных компонентов, и ее влияние на характер преступности и масштаб возможного вреда при деструктивном воздействии. К числу значимых факторов отнесены дистанционное управление, согласованное применение нескольких устройств и возможность их продолжительной автономной работы без непосредственного участия человека. Показано, что действующее законодательство не закрепляет использование робота в качестве квалифицирующего признака, тогда как общая формулировка о «специально изготовленных технических средствах» не охватывает типичные случаи применения серийной робототехники в преступных целях. Особую значимость этот пробел приобретает в учреждениях УИС, где роботизированные устройства постепенно включаются в стандартную служебную инфраструктуру. Обосновывается необходимость дифференцировать уголовную ответственность с учетом вида робототехнической системы, уровня ее автономности, характера служебного применения и фактической роли алгоритмических решений в наступлении общественно опасных последствий. Принцип сохранения существенного человеческого контроля предлагается рассматривать как критерий правомерности использования робототехнических систем в пенитенциарной деятельности и как основание распределения ответственности между оператором, администратором алгоритма и разработчиком, в том числе при опосредованном причинении вреда вследствие ошибок программирования или настройки автономной системы. Сформулированы правовые пределы внедрения робототехники в деятельность ФСИН России, предусматривающие алгоритмическую прозрачность, предсказуемость поведения автономных систем, технологическую проверяемость принятых ими решений и недопущение ситуаций, при которых существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям остается без установления ответственного субъекта.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ФСИН России, робототехническая система, автономная интеллектуальная система, искусственный интеллект, уголовно-правовые риски, повышенная причиняющая способность, алгоритмическая прозрачность, человеческий контроль, дифференциация ответственности, правовые ограничения, средство совершения преступления, цифровизация.*

Для цитирования: *Царькова Е. Г. Робототехнические системы в учреждениях ФСИН России: уголовно-правовые риски и пределы использования // Право и управление. 2026. № 10. С. 617–622.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
associate professor, Leading Researcher of the
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

ROBOTIC SYSTEMS IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: CRIMINAL-LEGAL RISKS AND LIMITS OF USE

Annotation. *The article examines the criminal and legal risks arising from the use of robotic systems in institutions of the penal system of the Russian Federation (PS). The main focus is on the ongoing uncertainty regarding the legal status of robotics, which can simultaneously act as both the subject and the means of a crime, as well as an element of the service infrastructure mediating the exercise of personnel's powers. The increased harmful potential of autonomous robots, обусловленная the combination of software and hardware components, and its impact on the nature of crime and the scale of possible harm in the event of destructive impact are considered. Among the significant factors are remote control, the coordinated use of multiple devices, and the possibility of their prolonged autonomous operation without direct human involvement. It has been shown that the current legislation does not stipulate the use of a robot as a qualifying feature, while the general wording about "specially manufactured technical means" does not cover typical cases of using mass-produced robotics for criminal purposes. This gap becomes particularly significant in penal institutions, where robotic devices are gradually being integrated into the standard service infrastructure. The necessity of differentiating criminal liability is substantiated, taking into account the type of robotic system, its level of autonomy, the nature of its operational use, and the actual role of algorithmic decisions in the occurrence of socially dangerous consequences. The principle of maintaining significant human control is proposed to be considered as a criterion for the legitimacy of using robotic systems in penitentiary activities and as a basis for distributing responsibility among the operator, the algorithm administrator, and the developer, including in cases of indirect harm caused by programming errors or system configuration. The legal limits for the introduction of robotics into the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia have been formulated. These limits ensure algorithmic transparency, the predictability of the behavior of autonomous systems, the technological verifiability of the decisions they make, and the prevention of situations in which significant harm is caused to public relations protected by criminal law without establishing a responsible entity.*

Key words: *Penal system of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of Russia, a robotic system, an autonomous intelligent system, artificial intelligence, criminal-legal risks, increased harm capacity, algorithmic transparency, human oversight, differentiation of responsibility, legal restrictions, means of committing a crime, digitalization.*

For citation: *Tsarkova E. G. Robotic systems in institutions of the federal penitentiary service of Russia: criminal-legal risks and limits of use. Law and administration. 2026;(10):617–622. (In Russ.).*

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях все активнее внедряются робототехнические системы, использование которых формирует новую конфигурацию уголовно-правовых рисков вследствие сочетания их высокой причиняющей способности с концентрацией уязвимых объектов в пенитенциарной среде [1, с. 114]. Исследование уголовно-правовой охраны отношений, возникающих в сфере робототехники, свидетельствует о том, что робот представляет собой сложный цифровой объект, объединяющий программную и аппаратную составляющие и обладающий автономным потенциалом причинения вреда, возрастающим по мере развития технологий искусственного интеллекта [2, с.64]. Для учреждений УИС данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку, например, даже небольшая по массе полезная нагрузка беспилотного летательного аппарата позволяет доставлять запрещенные предметы на режимную территорию, тогда как оснащение такого устройства взрывным механизмом способно превратить локальный инцидент в угрозу массового поражения осужденных и сотрудников исправительного учреждения.

Применительно к деятельности ФСИН России робототехническую систему целесообразно рассматривать как комплекс программной и технической подсистем, предназначенный для выполнения охранных, надзорных, транспортных и досмотровых задач в условиях изоляции осужденных, причем отдельные решения в процессе его работы принимаются автоматически. Специализированный робот является сложным объектом, его программное обеспечение задает функции и пределы действий, а аппаратная часть включает конструктивные элементы, приводы, датчики, радары и другие сенсорные компоненты. В условиях функционирования учреждений УИС подобная двойственная природа приводит к тому, что одна робототехническая система одновременно может рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны (имущество, наделенное специальными функциями контроля и воздействия), как средство совершения преступления

(например, при переброске запрещенных предметов через режимное ограждение) и как элемент технической инфраструктуры исполнения наказаний (например, в составе автоматизированной системы интеллектуального видеонаблюдения).

Применение технологий искусственного интеллекта ведет к повышению степени автономности роботов и усложняет вопрос определения субъекта ответственности за возможный причиненный вред. На территории учреждения УИС аналогичная проблема может проявляться в задачах автоматического применения принудительных мер (например, включение звукового или светового воздействия, блокировка дверей, распределение охранных ресурсов), когда автономный алгоритм фактически завершает объективную сторону возможного преступления (например, причинение вреда здоровью через некорректное использование специальных средств), при минимальном участии оператора [3, с.330; 4, с.160; 5, с.153].

Перспективные направления применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России можно сгруппировать по четырем основным функциональным блокам: охрана внешнего периметра, внутренний надзор за поведением осужденных, доставка грузов, а также досмотр и мониторинг. Возможность перемещения роботов по грунту, в воздушной и водной среде, а при необходимости и в подземном пространстве, служит предпосылкой для использования их в деятельности учреждений УИС как в качестве наземных патрульных платформ, так и в виде беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для воздушной разведки и контроля периметра [6, с.242; 7, с.53]. Современная тенденция к росту полезной нагрузки беспилотных систем и повышению их энергообеспечения, увеличивает не только их полезный потенциал для применения в деятельности пенитенциарного ведомства, но и приводит к росту угроз использования робототехники для противоправных действий [8, с.50; 9, с.134].

Системное внедрение робототехники в учреждениях ФСИН России требует разрешения ряда взаимосвязанных правовых вопросов. Прежде всего, в УК РФ не закреплено определений понятий «робототехническая система», «автономная интеллектуальная система» и «искусственный интеллект», что препятствует единообразной квалификации деяний, совершенных с их использованием. Кроме того, положения об обстоятельствах, отягчающих наказание, охватывают лишь применение «специально изготовленных технических средств» и поэтому не позволяют в полной мере учитывать использование серийных робототехнических платформ при внезапно возникшем преступном умысле. Далее, закрепленные в составах преступлений признаки средств совершения деяния (оружия, взрывных устройств или средств вычислительной техники) не отражают особенностей робота как индивидуально определенного объекта, способного одновременно объединять свойства нескольких правовых категорий.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость перехода от общей концепции уголовно-правовой охраны отношений в сфере робототехники к разработке специальных правовых пределов применения робототехнических систем в пенитенциарных учреждениях. В данном контексте к правовым рискам относятся ошибочная квалификация связанных с роботами деяний, возникновение ситуаций, в которых не удается установить субъекта уголовной ответственности, нарушение прав осужденных и сотрудников вследствие непрозрачности алгоритмов, а также несоразмерное распределение ответственности между разработчиками и эксплуатирующими лицами. В деятельности ФСИН России эти риски дополнительно усиливаются особым правовым положением осужденного, режимным характером территории и повышенными требованиями к безопасности и охране здоровья лиц, содержащихся под стражей [10, с.265].

Повышенная причиняющая способность робототехнических систем выступает ключевой объективной предпосылкой установления специальных уголовно-правовых ограничений их применения в УИС. Роботы обладают увеличенным причиняющим потенциалом по сравнению с традиционными материальными объектами благодаря сочетанию мобильности, возможности переносить грузы значительных габаритов и массы, использоваться для доставки взрывчатых веществ и координированных действий группы устройств. Например, скоординированное применение нескольких БПЛА для одновременной доставки оружия в разные участки колонии способно радикально изменить баланс сил при групповых неповиновениях, но в действующей модели уголовно-правовой оценки такой сценарий не находит отражения как качественно иной по уровню общественной опасности.

Сложная природа робота как объекта уголовно-правовой охраны в учреждениях ФСИН России проявляется в том, что посягательство на робототехническую систему выходит за рамки обычного преступления против собственности. Так, например, неправомерное завладение охранным роботом-патрульным затрагивает не только имущественный интерес государства, но и режим исполнения наказания, безопасность осужденных, личного состава и иных лиц, находящихся на территории учреждения. Стандартный подход, при котором робот рассматривается как имущество и включается в предмет хищения либо

повреждения, не отражает повышенную опасность нарушения функционирования роботизированной инфраструктуры исполнения наказаний. Если, например, наземный робот, несущий функции видеонаблюдения и физического блокирования периметра, выводится из строя посредством программного воздействия, нарушается не только право собственности, но и обеспеченность надлежащего режима охраны, что должно находить отражение в конструкции состава преступления.

В качестве отдельного аспекта следует рассмотреть способность роботов согласовывать свои действия, что может быть проиллюстрировано действиями роя БПЛА, когда программа нескольких автономных устройств одновременно блокирует ключевые входы и выходы из режимных корпусов, создавая условия для массовых беспорядков или захвата заложников, хотя ни один из операторов технически не участвует в каждой конкретной операции. Уголовно-правовая оценка подобных действий осложняется тем, что роботы не признаются субъектами преступления, а цепочка передачи управляющих команд может быть распределена между несколькими лицами и организациями.

Отсутствие специального регулирования создает институциональное ограничение, связанное с тем, что в традиционном уголовном праве субъектом преступления является физическое лицо, достигшее установленного возраста, однако на уровне позитивного права роботу не может быть придан статус субъекта ответственности. Поэтому при высокой автономности роботов возникает вопрос о субъекте ответственности, который в нынешней модели решается исключительно через поиск виновного среди разработчиков, операторов или иных участников обращения робота. В контексте деятельности УИС такая конструкция увеличивает риск ситуаций, когда вред значителен, а доказать вину конкретного должностного лица затруднительно из-за сложной архитектуры программного обеспечения и распределенных полномочий по его настройке.

Вывод о повышенной причиняющей способности робота позволяет определить систему уголовно-правовых ограничений использования робототехнических систем в деятельности ФСИН России. Первое из них состоит в обязательном соблюдении принципа существенного человеческого контроля при внедрении автономных интеллектуальных систем. Действия робота, способные причинить вред жизни или здоровью осужденных и сотрудников (применение силы и специальных средств, изменение режима доступа в помещения либо управление средствами инженерной защиты) должны инициироваться человеком или подвергаться незамедлительному последующему контролю с обеспечением документируемой возможности вмешательства.

Следующее ограничение связано с алгоритмической прозрачностью как нормативным требованием к робототехническим системам, внедряемым в УИС. Для пенитенциарной практики это означает, что структура алгоритмов и журналы принятия решений автономными системами должны быть доступны для последующей проверки следственными органами и судами, включая возможность экспертного восстановления логики действий робота при наступлении вредных последствий [11, с.111].

Третье ограничение относится к материализации автономности в дифференциации уголовной ответственности. Человеческое участие при использовании робота для совершения преступления может сводиться к программированию или однократному вводу целевой команды, после чего робот самостоятельно реализует объективную сторону состава преступления. В УИС аналогичная ситуация может возникнуть, когда должностное лицо задаст автономной системе задачу усиления наблюдения или блокировки доступа, а алгоритм, действуя в условиях неопределенности, ошибочно выберет меры, приводящие к тяжким последствиям. Уголовно-правовое регулирование должно отражать этот сдвиг, устанавливая специальные правила оценки вины при опосредованном причинении вреда через автономную интеллектуальную систему, в том числе через формулирование специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неправомерное программирование или настройку робототехнических систем в учреждениях ФСИН России.

Следующий элемент системы ограничений сводится к разграничению видов робототехники и учету характера ее использования. Необходима дифференциация ответственности за посягательства в отношении различных видов робототехники и за деяния, в объективной стороне которых присутствует признак использования робота, например, с использованием, многоуровневой системы: роботы охранного и надзорного назначения (периметр, видеонаблюдение, патрулирование), роботы логистического и сервисного назначения (доставка, уборка, обслуживание) и роботы специализированного воздействия (например, средства физического сдерживания, дистанционные системы применения спецсредств). Характер рисков и требуемые ограничения должны различаться для каждой группы, что следует отразить как в конструкциях специальных составов, так и в формулировке квалифицирующих признаков.

Целесообразно ввести квалифицирующий признак «с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной си-

стемы» в составы преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Речь идет об основаниях для установления повышенной ответственности за деяния, причиняющая способность которых возрастает за счет использования робота. В пенитенциарном контексте такой признак может быть предусмотрен, например, для ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы или из-под стражи) и ст. 205 УК РФ (террористический акт), если деяние совершено с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы.

Дополнительно на уровне ведомственного законодательства возможно выделение самостоятельного состава, связанного с неправомерным доступом к робототехнической инфраструктуре учреждений УИС и ее использованием в преступных целях. На уровне толкования закона и судебной практики целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ специальные правила квалификации деяний, при которых объективная сторона преступления полностью выполнена автономным роботом, а роль человека ограничилась программированием или удаленной постановкой цели. Целесообразно, чтобы соответствующее разъяснение Пленума закрепило бы, что в подобных ситуациях деяния квалифицируются по общим составам преступлений против личности, правосудия или порядка управления с указанием на использование автономной интеллектуальной системы; описывало бы подход к установлению вины лица, которое осуществляло программирование и настройку робота, несмотря на отсутствие его физического присутствия на месте совершения преступления; прямо указывало на недопустимость ссылки на «ошибки алгоритма» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность при наличии заведомых нарушений при проектировании и внедрении системы в условиях УИС.

Проведенный анализ позволяет заключить, что уголовно-правовые риски и пределы применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России не исчерпываются традиционными вопросами охраны общественных отношений в сфере робототехники. Специфика пенитенциарной системы обусловлена концентрацией уязвимых объектов, особым режимом территорий и обязанностью государства обеспечивать безопасность осужденных, поэтому внедрение автономных устройств требует выстраивания иерархии правовых ограничений, при которой технологические возможности роботов подчиняются предписаниям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [12, с.37]. Предложенные критерии человеческого контроля, алгоритмической прозрачности и дифференциации ответственности, а также обозначенные направления совершенствования законодательства могут стать основой дальнейшей правотворческой работы, направленной на формирование устойчивого режима безопасного, правомерного и эффективного применения робототехники в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой

среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents // Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

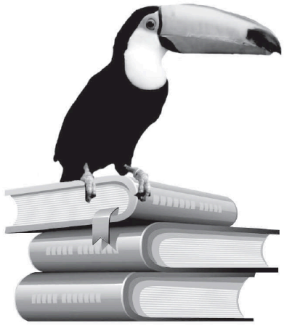
[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-623-630
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПОПОВ Даниил Сергеевич,
магистрант 2 курса магистерской программы «Международное, частное и публичное право», Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: danyapopow@gmail.com

ОБЩЕСТВО КАК СТОРОНА КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА: ДОПУСТИМОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ УЧАСТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена участию хозяйственного общества в корпоративном договоре в качестве самостоятельной стороны. Актуальность исследования обусловлена отсутствием прямого законодательного ответа на вопрос о допустимости такой конструкции при ее востребованности в корпоративной практике и неоднородности судебных подходов. Цель статьи состоит в обосновании возможности участия общества в корпоративном договоре и определении пределов такого участия. На основе анализа российского законодательства, судебной практики, отечественной доктрины и зарубежных подходов показано, что в иностранных правопорядках основное внимание уделяется пределам участия компании в соглашении акционеров и его влиянию на корпоративное управление, тогда как в России продолжает обсуждаться сама допустимость такого участия. Обосновывается необходимость прямого законодательного закрепления возможности участия непубличного общества в корпоративном договоре при условии его заключения всеми участниками (акционерами). Предлагается также закрепить примерный перечень регулируемых таким договором вопросов и обязанность отражать сведения о его наличии в ЕГРЮЛ.*

Ключевые слова: *корпоративный договор, хозяйственное общество, участие общества, стороны корпоративного договора, непубличное общество, соглашение акционеров, свобода договора, корпоративное управление.*

Для цитирования: *Попов Д. С. Общество как сторона корпоративного договора: допустимость и пределы участия // Право и управление. 2026. № 10. С. 623–630.*

POPOV Daniil Sergeevich,
second-year Master's student, Master's Programme "International, Private and Public Law", International Law School, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

A COMPANY AS A PARTY TO A CORPORATE AGREEMENT: PERMISSIBILITY AND LIMITS OF PARTICIPATION

Annotation. *The article examines the participation of a company in a corporate agreement as an independent party. The issue is relevant because Russian law does not expressly address such an arrangement despite its practical use and inconsistent judicial approaches. The article aims to substantiate company participation and define its limits. Analysis of Russian legislation, case law, legal scholarship and foreign approaches shows that other jurisdictions focus mainly on the limits of company participation in shareholders'*

agreements and its impact on corporate governance, whereas Russian scholarship still debates whether such participation is permissible. The article argues for express statutory recognition of a non-public company's ability to become a party to a corporate agreement provided that all members or shareholders are parties to it. It also proposes a non-exhaustive list of matters that may be regulated by such an agreement and disclosure of its existence in the Unified State Register of Legal Entities.

Key words: *corporate agreement, company, company participation, parties to a corporate agreement, non-public company, shareholders' agreement, freedom of contract, corporate governance.*

For citation: *Popov D. S. A company as a party to a corporate agreement: permissibility and limits of participation. Law and administration. 2026;(10):623–630. (In Russ.).*

Введение

С момента законодательного закрепления института корпоративного договора в российском праве не прекращается дискуссия о возможности хозяйственного общества выступать стороной данного договора наравне с его участниками (акционерами). Текущее законодательное регулирование не дает прямого ответа на данный вопрос: как статья 67.2 ГК РФ, так и федеральные законы о хозяйственных обществах перечисляют в качестве сторон лишь самих участников (акционеров) соответствующих обществ. В то же время само по себе отсутствие регулирования конкретного вопроса в частном праве не отменяет практику применения конкретной конструкции участниками оборота и возникающую в связи с этим теоретическую и практическую проблематику. Цель настоящего исследования состоит в обосновании допустимости участия хозяйственного общества в корпоративном договоре и определении пределов такого участия. Для достижения указанной цели используются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования.

Корпоративный договор в системе регулирования внутрикорпоративных отношений

Начать анализ следует с того, что в российской модели корпоративный договор играет значительную роль в регулировании внутрикорпоративных отношений. Основным ограничением свободы договора здесь является запрет определять структуру органов общества и их компетенцию (пункт 2 статьи 67.2 ГК РФ). В остальном установление в корпоративном договоре условий, противоречащих уставу, не дает его стороне права ссылаться на его недействительность по данному основанию (пункт 7 той же статьи) и не препятствует предъявлению требования к другой стороне, основанному на указанных положениях корпоративного договора [15]. Допустимым также является установление в корпоративном договоре условий, отличных от диспозитивных норм корпоративного законодательства [16]. Подобное регулирование de facto делает возможным превращение корпоративного договора во «второй» устав (в зависимости от условий первого).

Вместе с тем следует учитывать, что обязательства из корпоративного договора являются относительными и связывают именно его стороны, которыми по общему правилу являются участники (акционеры) общества. Предъявление к самому обществу требований из корпоративного договора, стороной которого оно не является, противоречит классическому принципу обязательственного права pacta tertiis nec nocent nec prosunt, на что справедливо указывалось в российской судебной практике [17]. Сочетание столь широких возможностей корпоративного договора в регулировании внутрикорпоративных отношений с относительным характером возникающих из него обязательств предопределяет сложность вопроса о допустимости участия самого общества в таком договоре.

Практическое значение участия общества в корпоративном договоре

Какие именно вопросы на практике побуждают участников (акционеров) включать само общество в качестве стороны корпоративного договора? Прежде всего это возложение на общество обязанности предоставлять участникам (акционерам) определенные документы и иную информацию в порядке и на условиях, определенных корпоративным договором. Несмотря на то, что порядок предоставления информации о деятельности общества урегулирован законодательством лишь в общих чертах (статья 50 Закона об ООО, статья 91 Закона об АО), а детально обычно регулируется на уровне устава, установление особого порядка предоставления информации в корпоративном договоре может быть более привлекательным вариантом, так как позволяет в конфиденциальном порядке (в отличие от устава) урегулировать данную обязанность общества перед его участниками (акционерами), что в случае нарушения позволит последним предъявить требование об исполнении обязательства в натуре. Как указывается в германской доктрине, подобные обязанности особенно актуальны при реализации обществом инвестиционных проектов с привлечением стороннего финансирования, где информационные обязанности общества играют существенную роль для защиты прав инвестора [1, S. 24–25].

Во-вторых, участие общества в корпора-

тивном договоре позволяет использовать его как инструмент закрепления определенных обязательств перед участниками. Данные обязательства могут носить сугубо практический характер (строительство определенного объекта, приведение информационных систем компании к новому техническому стандарту) либо предусматривать совершение обществом сделок и иных юридически значимых действий (проведение первичного публичного размещения акций общества (Initial Public Offering; IPO), проведение реорганизации общества, заключение договоров с определенными контрагентами). Е.В. Глухов отмечает, что указанные условия являются стандартной международной практикой при заключении корпоративных договоров в отношении совместных предприятий [2, с. 91].

В-третьих, важным преимуществом является закрепление в корпоративном договоре специальных имущественных механизмов защиты и распределения рисков, предусмотренных как на случай нарушения сторонами обязательств из данного договора, так и при наступлении иных согласованных обстоятельств. К таким механизмам могут относится, неустойка, институт возмещения потерь (пункт 5 статьи 406.1 ГК РФ) и, при подчинении корпоративного договора иностранному (например, английскому) праву при наличии соответствующего иностранного элемента (статья 1214 ГК РФ) институт заранее оцененных убытков (liquidated damages). Е.М. Ключарева обращает внимание, что подобный механизм благоприятствует не только участникам (акционерам), но и самому обществу, поскольку позволяет более быстро и гарантированно получить возмещение за недобросовестное поведение участников (акционеров) вместо предъявления классических требований о возмещении убытков [3, с. 66].

Подходы зарубежных правопорядков к участию компании (общества) в соглашении акционеров

В зарубежных правопорядках вопрос участия общества в корпоративном договоре также затрагивался. Так, в английском праве компания может выступать стороной соглашения акционеров, однако после дела Russell v. Northern Bank [18] такие соглашения не могут ограничивать законные полномочия (statutory powers) самой компании и ее менеджмента или ставить их осуществление в зависимость от согласия сторон соглашения (например, соглашение не может запретить компании производить дополнительный выпуск акций без получения согласия стороны такого соглашения). Подобный подход критиковался в английской доктрине за чрезмерный формализм: если все или большая часть акционеров одновременно являются сторонами соглашения и связаны обязательством не голосовать за дополнительный выпуск, то фактически компания все равно не сможет его осуществить, в связи с чем подобные ограничения не имеют практического смысла [4, p. 346–347]. В американском штате Делавэр, который традиционно считается передовым с точки зрения развития корпоративного права, суд по делу Moelis [19] пришел к похожему выводу, сочтя допустимым участие корпорации в акционерном соглашении, но при этом незаконным ограничение традиционно широких в американской модели полномочий совета директоров в пользу акционеров. Однако поскольку подобные условия соглашения являются крайне распространенными, законодатель отреагировал на сложившуюся ситуацию и в 2024 году в Общий закон Делавэра о корпорациях был добавлен параграф 122 (18), прямо закрепляющий возможность корпорации быть стороной соглашения акционеров, ограничивающего полномочия совета директоров. Такое соглашение не может противоречить лишь сертификату инкорпорации, содержащему базовые характеристики юридического лица, и немногочисленным императивным нормам местного законодательства. Германская доктрина и практика также исходят из допустимости участия общества в соглашении участников, при этом важно отметить, что само такое соглашение (Gesellschaftervereinbarung) не может противоречить положениям устава и учредительного договора общества [5, S. 146]. Несложно заметить, что зарубежная дискуссия разворачивается не относительно самой возможности корпорации быть стороной корпоративного договора, а о пределах такого участия и роли самого корпоративного договора в регулировании корпоративных отношений.

Допустимость участия общества в корпоративном договоре в российской доктрине

Отечественная доктрина, напротив, в основном сконцентрирована именно на первом вопросе. На основе проведенного анализа представляется возможным разделить позиции российских ученых на две основные группы: (i) тех, кто допускает (с определенными оговорками или без них) возможность участия общества в корпоративном договоре и (ii) тех, кто полагает, что исходя из текущего российского законодательного регулирования такое участие не является допустимым.

Первая группа в основном представлена учеными и практикующими юристами, рассматривавшими институт корпоративного договора после его первоначального законодательного закрепления в 2008 – 2009 гг. в двух законах о хозяйственных обществах. В то время акцент в основном делался на проявлении фундаментального принципа свободы договора и отсутствии прямого законодательного запрета на участие общества в корпоративном договоре [6, с. 37]. При

этом уже тогда Р. И. Ахмадуллин отмечал, что данная свобода должна иметь ограничение в виде обязательного требования об участии всех акционеров (участников) в таком соглашении [7, с. 212]. М. Плеханов также полагал необходимым условием отсутствие дифференциации прав участников общества в обход регулирования, установленного уставом, в связи с участием общества в соглашении его участников [8, с. 55].

Со временем, однако, в российской доктрине получил преобладание противоположный подход, аргументация которого опирается на историческое толкование: при подготовке реформы в 2007 – 2009 гг. вопрос о включении общества в субъектный состав корпоративного договора стал одним из предметов дискуссии между Минэкономразвития РФ и Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, а исключение прямого упоминания общества как стороны данного договора из текста закона стало как раз компромиссным вариантом [9, с. 45]. Появившаяся в 2014 году статья 67.2 ГК РФ также не содержала указаний на возможность общества быть стороной корпоративного соглашения, в связи с чем отдельные ученые, в частности, Д. В. Ломакин, de lege lata отрицают такую возможность в российском праве [10, с. 137].

Особого внимания заслуживает позиция В. А. Лаптева. Изначально в совместной монографии с В. К. Андреевым авторами высказывалась позиция о том, что участие общества в корпоративном договоре, сторонами которого выступают все участники общества, приведет к «удвоению субъекта» [11, с. 167]. Позволим себе не согласиться с данным тезисом, поскольку в настоящее время корпорация рассматривается в большинстве правопорядков в качестве самостоятельного субъекта правоотношений за исключением отдельных экстраординарных случаев (например, при вскрытии корпоративного покрова и применении так называемой проникающей ответственности). Конкретные различия между участниками (акционерами) и обществом для целей корпоративного договора были явно продемонстрированы нами выше, в связи с чем рассматриваемый тезис следует считать чрезмерно формальным. Вместе с тем в более поздней статье ученый занимает уже противоположную позицию о практической применимости участия общества в корпоративном договоре для целей дополнительных гарантий прав инвесторов и подтверждает необходимость подобного регулирования de lege ferenda. В качестве одного из условий подобного участия автором называется как раз необходимость его подписания всеми участниками общества [12, с. 87–89].

Условия и пределы участия общества в корпоративном договоре

Подобное изменение позиции представляется вполне обоснованным. С нашей точки зрения, проведенный сравнительно-правовой анализ и представленные практические соображения свидетельствуют в пользу признания за обществом права быть стороной корпоративного договора. В то же время заслуживают внимания опасения, связанные с потенциальным заключением данного соглашения обществом лишь с частью его участников. Рассмотрим в качестве примера информационные обязанности: если корпоративным договором будет предусмотрена обязанность общества предоставлять участникам – контрагентам по данному договору определенный объем ценной с коммерческой точки зрения информации о деятельности компании, в то время как иные участники общества смогут получить данную информацию только в соответствии с законодательством и уставом, видится очевидным, что первая группа будет иметь значительное преимущество, поскольку оперативное получение информации, касающейся бизнеса, позволит данным лицам быстрее принимать важные для себя решения (в том числе о выходе из общества при определенных негативных обстоятельствах). Особую значимость такой риск приобретает в отношении миноритариев, доступ которых к значимой информации о деятельности общества уже существенно ограничен действующим законодательством [13, с. 194]. В связи с этим видится обоснованным законодательное закрепление требования об одновременном подписании корпоративного договора с участием общества всеми его участниками (акционерами).

В качестве функционального аналога можно было бы рассмотреть возможность подписания договора не всеми участниками общества при условии его одобрения общим собранием, тем более что в доктрине указывалось на применение в таком случае последствий, предусмотренных для сделок с заинтересованностью [7, с. 212]. Такой подход, однако, вызывает сомнения, поскольку само по себе такое голосование не решает, например, обозначенных выше проблем с неравенством участников в отношении права на информацию после одобрения такого договора. Также возникающее на первый взгляд практическое удобство подобного варианта будет сталкиваться с необходимостью полного раскрытия содержания корпоративного договора всем не подписавшим его участникам, а каждое изменение такого договора потребует созыва внеочередного общего собрания с соблюдением установленных законодательством и уставом сроков и иных требований. Более разумным для целей оборота в этой связи видится сохранение только первого варианта, предполагающего подписание подоб-

ного договора всеми участниками.

Логическим продолжением предыдущего требования является возможность участия в корпоративном договоре только для непубличных обществ. Во-первых, само по себе подписание договора всеми акционерами публичного акционерного общества с практической точки зрения не представляется возможным, поскольку состав акционеров может непрерывно изменяться в результате биржевых торгов. Во-вторых, данный подход является продолжением идеи о фидуциарном характере взаимоотношений в непубличном обществе, находящей отражение в действующем законодательстве, предусматривающем возможность участников (акционеров) непубличных обществ регулировать внутренние отношения одновременно уставом и корпоративным договором, сторонами которого являются все участники (акционеры) общества (пункт 4 статьи 66.3 ГК РФ). Вызывает сомнения также идея о допустимости участия в качестве стороны корпоративного договора публичного акционерного общества при условии, что такое общество по данному договору будет наделяться исключительно правами, но не обязанностями [14, с. 69]. С практической точки зрения остается неясным, какие именно права отдельные (скорее всего мажоритарные) акционеры хотят передать обществу в рамках корпоративного договора, учитывая, что чаще всего возникает потребность именно в возложении на общество определенных обязанностей по данному договору.

В рамках возможных изменений законодательства нам также видится разумным закрепление примерного, не исчерпывающего перечня вопросов, которые могут быть урегулированы в корпоративном договоре с участием общества, о чем было сказано выше. Введение подобного перечня даст участникам оборота большую уверенность в том, что права и требования, основанные на наиболее распространенных положениях таких договоров, получат судебную защиту и не останутся nudum jus. Обоснованным видится также закрепление обязанности по отражению в Едином государственном реестре юридических лиц информации о наличии заключённого с самим непубличным обществом корпоративного договора (по аналогии с тем, как сейчас отражается информация о корпоративных договорах, предусматривающих размер полномочий участников (акционеров) непропорционально принадлежащим им долям (акциям)) [20].

Следует отметить, что часть рассмотренных выше предложений так или иначе включалась Минэкономразвития России в разработанные им законопроекты о закреплении возможности общества быть участником корпоративного договора. Так, в проекте 2015 года предполагалось в рамках двух законов о хозяйственных обществах реализовать идею о возможности участия непубличного общества в корпоративном соглашении с одновременным подписанием данного соглашения всеми участниками (акционерами) [21]. В 2023 году Минэкономразвития России вновь предложило похожие поправки, но уже непосредственно в статью 67.2 ГК РФ [22]. Оба проекта так и не дошли до парламентского обсуждения.

Подходы российской судебной практики

В отсутствие точных законодательных ориентиров и доктринальных подходов российская судебная практика по названному вопросу также не отличается единообразием. В первые годы после появления статьи 67.2 ГК РФ отдельные суды придерживались консервативного подхода, указывая, что сторонами корпоративного договора могут быть только участники общества [23]. Позднее, учитывая практику делового оборота, суды начали допускать участие общества в корпоративном договоре, что мы оцениваем как позитивное изменение. Однако в части обоснования сложилось три основных подхода. Первый из них был закреплен в постановлении апелляционной инстанции по делу АО «СТП-САСТА» [24] и заключается в признании корпоративного договора с участием общества смешанным по своему характеру, а значит и в признании за обществом возможности обладать правами и нести обязанности по нему в той части, в которой договор содержит элементы другого поименованного или непоименованного договора. Из всех подходов данный следует признать наиболее убедительным, однако и он не лишен недостатков: суду при следовании данному подходу потребуется устанавливать, является ли конкретный корпоративный договор смешанным, что с нашей точки зрения (особенно учитывая более раннюю практику и преобладающий консервативный подход в доктрине) не всегда приведет конкретный суд к такому же выводу, как в рассматриваемом деле. Также критически следует относиться к выводу суда о том, что в рамках самого акционерного соглашения общество «не является субъектом, а остается объектом отношений акционеров». С догматической точки зрения такой вывод является некорректным – объектом отношений участников (акционеров) по данному договору выступают корпоративные права и порядок их реализации, но не само общество, которое остается самостоятельным субъектом права. Регулирование корпоративным договором внутренних отношений участников общества по использованию принадлежащих им прав, связанных с участием в уставном капитале общества, не превращает общество в такой же объект названного договора каким является вещь в договоре купли-продажи.

Второй подход нашел свое отражение в

недавнем решении арбитражного суда Калужской области, оставленном без изменения вышестоящими инстанциями в рассматриваемой части [25]. Суд признал возможность участия общества в корпоративном договоре на основании пункта 9 статьи 67.2 ГК РФ, который предусматривает возможность заключения участниками общества соглашений о реализации своих корпоративных прав с кредиторами общества и иными третьими лицами. В сущности, первая инстанция признала общество «иным третьим лицом» по смыслу названной нормы, что не может не вызывать вопросов и обоснованных сомнений. Во-первых, сам договор, упомянутый в пункте 9 статьи 67.2 ГК РФ, является так называемым «квазикорпоративным» договором, к которому положения о корпоративном договоре подлежат субсидиарному применению. Несмотря на очевидную схожесть данных институтов, нельзя не отметить, что по буквальному тексту закона они являются двумя разными типами договоров. Во-вторых, при более детальном анализе рассматриваемого пункта становится очевидно, что под «иными третьими лицами» не может подразумеваться само общество, поскольку договор в данном случае заключается «в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц». Под два названных признака может подпадать целый ряд субъектов гражданско-правовых отношений, включая потенциальных приобретателей долей (акций), бенефициарных владельцев бизнеса, основные (материнские) общества, супругов участников (акционеров), доли (акции) которых находятся в общей совместной собственности, однако само хозяйственное общество, хотя и являющееся «третьим лицом» в силу принципа относительности обязательства, не отвечает второму критерию, поскольку возложение на само общество обязанностей никак не может указывать на охрану его интереса. Буквальное и системное толкование нормы не дает оснований считать, что законодатель имел в виду само общество в качестве субъекта, к которому та будет обращена. Впрочем, здесь, как в постановлении по делу АО «СТП-САСТА», подход суда можно объяснить стремлением следовать принципу favor negotii и обеспечить защиту реализованной сторонами свободы договора при ограниченности имеющегося нормативного инструментария.

Третий подход заключается в том, что суды, рассматривая споры, связанные с корпоративными договорами с участием общества, не дают самостоятельной оценки допустимости участия общества в таком договоре. Иными словами, соответствующая конструкция фактически принимается судами как данность, тогда как вопрос о правовых основаниях участия общества в корпоративном договоре специально не исследуется [26]. Следует признать, что даже данный подход является более предпочтительным по сравнению с отрицанием возможности общества быть стороной корпоративного договора.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что российское право в настоящий момент нуждается в законодательном регулировании возможности участия хозяйственного общества в корпоративном договоре в целях обеспечения потребностей оборота и формирования единообразной судебной практики, а основная дискуссия, как и в других правопорядках, должна сместиться с вопроса о самой по себе возможности общества участвовать в корпоративном договоре на вопросы о порядке и пределах такого участия.

Список литературы:

[1] Weitnauer W. Handbuch Venture Capital: Von der Innovation zum Börsengang. 7., überarb. Aufl. München : C.H. Beck, 2022. LI, 873 S.

[2] Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М. : Статут, 2017. 672 с.

[3] Ключарева Е. М. Участие общества в корпоративном договоре // Диалог. 2017. № 1 (6). С. 62–68.

[4] Ferran E. The Decision of the House of Lords in Russell v. Northern Bank Development Corporation Limited // The Cambridge Law Journal. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 343–366.

[5] Schmidt M. C., Nachtwey J. Der Gesellschafter // Beck'sches Handbuch der GmbH: Gesellschaftsrecht, Steuerrecht / hrsg. von U. Prinz, N. Winkeljohann. 6., vollständig überarb. und erw. Aufl. München : C.H. Beck, 2021. S. 104–150.

[6] Распутин М. Договор об осуществлении прав участников ООО как инструмент защиты интересов миноритариев // Корпоративный юрист. 2009. № 8. С. 34–38.

[7] Ахмадуллин Р. И. Акционерное соглашение как правовое средство реализации правосубъектности акционера // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 209–215.

[8] Плеханов В. Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. 2009. № 6. С. 53–57.

[9] Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 22–69.

[10] Ломакин Д. В. Установление баланса императивных и диспозитивных начал как основная задача совершенствования механизма правового регулирования корпоративных отношений // Национальный доклад по корпоративному управлению. Вып. XII. М., 2020. С. 121–150.

[11] Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 352 с.

[12] Лаптев В. А. Корпоративный договор на современном этапе: обеспечение потребностей инвесторов и эффективное управление обществом // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 2. С. 74–96.

[13] Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М. : Статут, 2019. 255 с.

[14] Беспалов Ю. Ф. К вопросу о понятии, субъектном составе и особенностях корпоративного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 66–70.

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 37) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[16] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2022 № 301-ЭС22-12909 по делу № А31-17894/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.05.2022 № Ф09-1633/22 по делу № А34-16185/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Russell v Northern Bank Development Corp Ltd [1992] 1 WLR 588.

[19] West Palm Beach Firefighters' Pension Fund v. Moelis & Co., 311 A.3d 809 (Del. Ch. 2024).

[20] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (подп. «л.1» п. 1 ст. 5) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[21] Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)» (подготовлен Министерством экономического развития Российской Федерации; текст по состоянию на 21.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Проект федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/122129/ (дата обращения: 27.09.2026).

[23] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2016 № 08АП-3836/2016 по делу № А46-16331/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.03.2017 № Ф07-369/2017 по делу № А21-9097/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[24] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 № 09АП-60340/2018 по делу № А40-118958/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[25] Решение Арбитражного суда Калужской области от 15.08.2025 по делу № А23-885/2025; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2025 № 20АП-4212/2025 по делу № А23-885/2025; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.04.2026 № Ф10-3883/2025 по делу № А23-885/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[26] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2025 № 309-ЭС25-8214 по делу № А50-6610/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Weitnauer W. Handbuch Venture Capital: Von der Innovation zum Börsengang. 7., überarb. Aufl. München: C.H. Beck, 2022. LI, 873 S.

[2] Glukhov E.V. Corporate Agreement: Preparation and Negotiation in Establishing a Joint Venture. Moscow : Statut, 2017. 672 p.

[3] Klyuchareva E.M. Participation of a Company in a Corporate Agreement // Dialogue. 2017. No. 1 (6). P. 62–68.

[4] Ferran E. The Decision of the House of Lords in Russell v. Northern Bank Development Corporation Limited // The Cambridge Law Journal. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 343–366.

[5] Schmidt M.C., Nachtwey J. Der Gesellschafter // Beck'sches Handbuch der GmbH: Gesellschaftsrecht, Steuerrecht / ed. by U. Prinz, N. Winkeljohann. 6., vollständig überarb. und erw. Aufl. München : C.H. Beck, 2021. S. 104–150.

[6] Rasputin M. Agreement on the Exercise of Rights of LLC Participants as an Instrument for Protecting Minority Interests // Corporate Lawyer. 2009. No. 8. P. 34–38.

[7] Akhmadullin R.I. Shareholders' Agreement as a Legal Instrument for Exercising a Shareholder's Legal Personality // Actual Problems of Economics and Law. 2013. No. 1 (25). P. 209–215.

[8] Plekhanov V. Agreements of Members of a Limited Liability Company // Corporate Lawyer. 2009. No. 6. P. 53–57.

[9] Stepanov D.I., Vogel V.A., Schramm H.-J. Corporate Agreement: Approaches of Russian and German Law to Certain Issues of Regulation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 10. P. 22–69.

[10] Lomakin D.V. Establishing a Balance between Mandatory and Dispositive Principles as

the Main Task of Improving the Mechanism of Legal Regulation of Corporate Relations // National Report on Corporate Governance. Iss. XII. Moscow, 2020. P. 121–150.

[11] Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: Monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow : Prospekt, 2017. 352 p.

[12] Laptev V.A. Corporate Contract at the Present Stage: Meeting the Needs of Investors and Effective Management of Society // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Vol. 20. No. 2. P. 74–96.

[13] Boyko T.S. Protection of the Rights and Interests of Minority Members of a Non-Public Company under the Laws of Russia, the United States and the United Kingdom. Moscow : Statut, 2019. 255 p.

[14] Bespalov Yu.F. On the Concept, Parties and Specific Features of a Corporate Agreement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 66–70.

[15] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (paragraph 37) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

[16] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.08.2022 No. 301-EC22-12909 in case No. A31-17894/2020 // SPS "ConsultantPlus.".

[17] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 30.05.2022 No. F09-1633/22 in case No. A34-16185/2019 // SPS "ConsultantPlus.".

[18] Russell v Northern Bank Development Corp Ltd [1992] 1 WLR 588.

[19] West Palm Beach Firefighters' Pension Fund v. Moelis & Co., 311 A.3d 809 (Del. Ch. 2024).

[20] Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" (Sub. "l.1" clause 1 of article 5) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Art. 3431.

[21] Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of bringing it into line with the new version of Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation)" (prepared by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; text as of 21.09.2015) // SPS "ConsultantPlus.".

[22] Draft federal law "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Federal portal of draft regulatory legal acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects/122129/ (access date: 27.09.2026).

[23] Ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 12.05.2016 No. 08АП-3836/2016 in case No. A46-16331/2015; Decision of the Arbitration Court of the North-Western District of 06.03.2017 No. F07-369/2017 in case No. A21-9097/2015 // SPS "ConsultantPlus.".

[24] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 11.04.2019 No. 09AP-60340/2018 in case No. A40-118958/2018 // SPS "ConsultantPlus.".

[25] Decision of the Arbitration Court of the Kaluga Region dated 15.08.2025 in case No. A23-885/2025; Ruling of the Twentieth Arbitration Court of Appeal of 29.10.2025 No. 20AP-4212/2025 in case No. A23-885/2025; Decision of the Arbitration Court of the Central District of 02.04.2026 No. F10-3883/2025 in case No. A23-885/2025 // SPS "ConsultantPlus.".

[26] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.09.2025 No. 309-EC25-8214 in case No. A50-6610/2023 // SPS "ConsultantPlus.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-631-635

БЕЛЫЙ Глеб Александрович,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: nickofarlam@gmail.com

Научный руководитель:
ТЫРТЫЧНЫЙ Сергей Анатольевич,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: grazd.pravo@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРОВ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена нововведениям в правовом регулировании договоров энергоснабжения в Российской Федерации. В статье акцентируются внимание на текущем состоянии правового регулирования отношений, вытекающих из договоров энергоснабжения, новеллах в законодательстве, а также вступивших в действие законодательных актах Российской Федерации, регулирующих данные правоотношения.*

Помимо вышеизложенного, автором делается акцент на необходимость постоянного совершенствования нормативно-правовых актов, действующих и регулирующих отношения в энергетическом секторе, на слаженность действий всех участников данных правоотношений и на обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: *договор энергоснабжения, нормативно-правовые акты, анализ, прогнозы, юридические аспекты, права и обязанности сторон, исполнение обязательств, законодательно-правовая база, тарифы, заключение договоров, договорные условия, изменения в законодательстве, тенденции, динамическое развитие законодательства.*

Для цитирования: *Белый Г. А. Изменения в правовом регулировании договоров энергоснабжения // Право и управление. 2026. № 10. С. 631–635.*

BELYY Gleb Alexandrovich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law Disciplines, Gubkin University

Scientific supervisor:
TYRTYCHNY Sergey Anatolievich,
Head of the Department of Civil Law Disciplines, Gubkin University, Candidate of Law, Associate Professor

CHANGES IN THE LEGAL REGULATION OF ENERGY SUPPLY AGREEMENTS

Annotation. *This article is devoted to innovations in the legal regulation of energy supply agreements in the Russian Federation. The article focuses on the current state of the legal regulation of relations arising from energy supply agreements, innovations in legislation, as well as the legislative acts of the Russian Federation that have come into force and regulate these legal relations.*

In addition to the above, the author emphasizes the need for continuous improvement of the regulatory and legal acts that are in force and regulate relations in the energy sector, for the coordinated actions of all participants in these legal relations, and for ensuring the energy security of the Russian Federation.

Key words: *energy supply agreement, regulatory and legal acts, analysis, forecasts, legal aspects, rights and obligations of the parties, fulfillment of obligations, legislative and regulatory framework, tariffs, conclusion of contracts, contractual terms, changes in legislation, trends, dynamic development of legislation.*

For citation: *Belyy G. A. Changes in the legal regulation of energy supply agreements. Law and administration. 2026;(10):631–635. (In Russ.).*

Энергоснабжение в Российской Федерации занимает ключевые позиции и затрагивает права и законные интересы различных участников данных правоотношений.

Энергетический сектор оказывает значительное влияние на экономическое развитие, энергоснабжение напрямую связано с деятельностью промышленных предприятий, транспортной логистикой, оказанием услуг и т.д.

Кроме того, энергоснабжение играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности и суверенитета Российской Федерации.

Помимо изложенного, энергоснабжения является критически важной жилищно-коммунальной услугой, поскольку является основой современного быта каждого гражданина Российской Федерации.

Стоит также отметить, что энергоснабжение обеспечивает стабильное и непрерывное технологическое развитие.

В последние годы прослеживается значительное усиление вовлеченности государства в правоотношения, вытекающие из энергоснабжения.

Данная тенденция связана напрямую с необходимостью совершенствования правового регулирования данных правоотношений, экономической значимостью энергетического сектора в экономике Российской Федерации, а также наличием новых вызовов.

Не малозначительными являются правоотношения участников энергетического сектора, вытекающие из договоров энергоснабжения.

Значимость договора энергоснабжения, как основы правоотношений по вопросам снабжения энергии, невозможно переоценить, так как он является фундаментом для всей системы энергоснабжения Российской Федерации.

Связано это с тем, что данным договором регулируется важнейшие элементы экономики, имеет важнейшую социальную значимость и является инструментом для разрешения экономических задач и вызовов.

Ввиду вышеизложенного, со стороны государственных органов принимаются важнейшие законодательные акты, направленные на совершенствование правового регулирования данных правоотношений.

Говоря о методах совершенствования правового регулирования стоит отметить, что процедура совершенствования правового регулирования напрямую связана с необходимыми мероприятиями.

Так, с целью выполнения вышеуказанной процедуры применяются следующие методы, такие как - анализирование правоприменительной практики, то есть, проводится анализ действия правовых норм на практике (применение норм судами в отношении споров, наличие пробелов или барьеров), - оценка регулирующего воздействия, что означает исследование воздействия предлагаемой нормы на различные сферы экономики, права участников данных правоотношений и т.д., - устранение существующих пробелов и противоречий в нормах права, которое направлено на систематизацию норм права, - детализация и конкретизация, то есть, исключение общих понятий и дефиниций, конкретизация сроков, перечня необходимых мероприятий и т.д, - внедрение цифровых технологий, с целью оптимизации существующих процессов путем использования современных и инновационных цифровых решений, - стандартизация и унификация, под которой предполагается разработка типовых решений, стандартов, методологии и т.д., а также иные метод.

Говоря о нововведениях в правовое регулирование договора энергоснабжения стоит обратить на один из важнейших принятых нормативно-правовых актов - Постановлении Правительства РФ от 30.10.2025 № 1701 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [1].

Данный правовой акт значим тем, что с начала 2027 года вводится полный переход на электронный документооборот между участниками правоотношений по энергоснабжению.

Указанное нововведение позволяет сторонам энергоснабжения заключать договоры посредством личного кабинета потребителя или же посредством сайта энергоснабжающей компании.

Кроме того, данным правовым актом также предусмотрено что договор может быть заключен с организациями (юридические лица и индивидуальные предприниматели), имеющих энергопотребляющее устройство с мощностью менее 670

кВт, может быть заключен вследствие исполнения конклюдентных действий.

Также, внесены изменения, касающиеся вопросов подключения объектов энергоснабжения или перемене собственника данного объекта, что в свою очередь, позволяет оптимизировать и ускорить процесс присоединения, а также исключить ситуацию, когда возникают двойные договоры в отношении одного объекта энергоснабжения.

Стоит также отметить, что данным нормативно-правовым актом введены унифицированные формы договоров (электроснабжение) для предприятий макрогенерации.

Кроме того, в принятом нормативно-правовом акте внесены изменения, касающихся коллективных договоров.

Данная категория договоров характерна для некоторых категорий потребителей, таких как садоводческие товарищества, гаражные кооперативы и т.д.

После внесенных изменений со стороны коллективного потребителя должны быть предоставлена дополнительная информация, то есть, со стороны председателя объединения.

Так, с его стороны должна быть предоставлена информация об общем количества собственников объединения, количестве объектов общего пользования и т.д.

Кроме того, введены изменены в части терминов, понятий и дефиниций, используемых в законодательстве об энергосбережении.

Из изложенного следует, что нововведения позволяют значительно упростить процедуру заключения договоров, создаются более понятные и прозрачные процедуры заключения договоров и их условий, упрощается процесс взаимодействия участников данных правоотношений в процессе заключения и исполнения договора, упрощается и ускоряется процедура переоформления или же оформления новых объектов энергопотребления и т.д.

Кроме того, внимания заслуживает Постановление Правительства РФ от 19.12.2025 № 2075 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации коммерческого учета электрической энергии на розничных рынках электрической энергии и при оказании коммунальных услуга по электроснабжению и технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей энергии к электрическим сетям» [2].

Вышеуказанным нормативно-правовым актом с начала 2026 года внесены изменения в части учета потребления маломощных энергопотребляющих объектов, обладающих мощностью до 5 кВт, которые теперь не требуют технологического присоединения с обязательной установкой и ввода в техническую эксплуатацию приборов учета электрической энергии, за исключением случаев, когда данное требование исходит от самого потребителя или если на оптовом рынке электрической энергии точка поставки не участвует.

Кроме того, внесены изменения, касающиеся порога мощности электрической энергии.

Также, немаловажным изменением является введение ответственности участников энергетического рынка, осуществляющих генерацию и поставку ресурса, в случае нарушений императивных требований законодательства.

Для сетевой организации предусмотрена мера ответственности за неисполнение обязанности по вопросам приборов учета (установка, допуск и т.д.) выражающаяся в применении понижающих коэффициентов к тарифам на передачу в размере 0,9.

К гарантирующим поставщикам также применяется ответственность в виде применения коэффициентов к тарифам (понижение на 1,1) в связи с неисполнением обязанности по уже вопросам коллективного прибора учета.

Кроме того, данным нормативным актов введено ограничение по срокам установки и замены приборов учета.

Теперь, данные мероприятия должны быть выполнены в срок не позднее 3-х месяцев.

Также, с целью упрощения имеющихся процедур введено изменение в части оформления допуска, который теперь оформляется только с участием сетевой организации или же с участием поставщика в одном экземпляре.

С целью обеспечения контроля за потребляемым коммунальным ресурсом вводится удаленное ограничение режима потребления с использованием интеллектуальных систем учета.

Внимания также заслуживает Постановление Правительства РФ от 29.03.2024 № 395 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» которым введены изменения, направленные на упрощение процедуры подключения объектов граждан Российской Федерации проживающих в СНТ [3].

В настоящее время для подключения необходимо лишь обратиться в адрес энергоснабжающей компании заявкой о подключении, которая впоследствии самостоятельно, с помощью системы «одного окна», выполнит все необходимые мероприятия по созданию личного кабинета потребителя и подготовит для заключения проект договора энергоснабжения, а также регулирует все необходимые мероприятия с энергосбытовой компанией без участия самого потребителя, что значительно упрощает процедуру заключения договора и осуществления подключения объекта недвижимости к энергоснабжению.

Другие немаловажные изменения были внесены также Федеральным законом от 26.06.2026 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены изменения в законодательство об энергетике в Российской Федерации, среди которых вносятся уточнения в правила для объектов гидрогенерации, в том числе и для объектов, входящих в состав общего имущества многоквартирного дома, и Постановлением Правительства РФ от 04.07.2026 № 844 «Об особенностях применения положений законодательства Российской Федерации об электроэнергетике», которым вносятся и устанавливаются изменения, касающиеся особенности применения законодательства Российской Федерации по вопросам энергетики в отдельных субъектах Российской Федерации в особых условиях и ситуациях [4,5].

Кроме того, стоит отметить изменения принятые с марта 2026 года, согласно которым вводятся изменения по вопросам регулирования тарифов при чрезвычайных режимах.

То есть, Правительство РФ наделяется особыми полномочиями в сфере тарифов при чрезвычайных режимах, целью защиты интересов граждан Российской Федерации, а также предприятий, осуществляющих свою деятельность.

Данные полномочия направлены на определения территории (регионов), в которых установлены чрезвычайные режимы, а также на определение специальных правил, применяемых на данных территориях.

К перечню правил относится вопросы ценообразования на коммунальные ресурсы, организация и порядок взаимодействия участников энергетического рынка, как предприятий так и государственных органов, вопросов по начислению неустоек, за нарушение принчтых на себя обзательств, а также вопросов их уплаты и, возможных, рассрочек, а также применения иных договорных и законодательных мер ответственности к сторонам договора за неисполнение обязательств, вопросы подключения объектов энергоснабжения, осуществления технологического присоединения к сетям, вопросов и процесса заключения, исполнения и расторжения договоров, а также вопросов формирования, разработки и исполнения государственных программ и иных мероприятий.

Вышеуказанные мероприятия затрагивают все сферы энергоснабжения на территории, в отношении которой установлены чрезвычайные режимы.

Также данные изменения касаются вопросов услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Так, в данной сфере для указанных регионов могут быть введены меры, направленные на установление порядка предоставления коммунальных услуг жителям данного региона, вопросов поставки коммунальных ресурсов предприятиям.

Помимо изложенного, вопросы касаются также учета коммунальных ресурсов, замены, установки и поверки оборудования для учета данных ресурсов, управления многоквартирными домами и его имуществом, проведения ремонтных работ в данном имуществе, вопросов начисления пеней собственникам квартир в многоквартирном доме, а также вопросов списания и предоставления рассрочек по уплате неустоек, а также иных вопросов, касающихся управлением многоквартирным домом и содержанием и обслуживанием общего имущества многоквартирного дома.

Стоит также отметить, что данные поправки об особом регулирования вопросов энергосбережения и жилищно-коммунального хозяйства будут распространяться на правоотношения, возникшие, в том числе, и до их введения.

Таким образом, в последние годы можно проследить значительное количество нововведений в правовое регулирование, направленных на решение актуальных задач, стоящих перед законодателем.

Исходя из принятых правовых норм прослеживается продолжение выбранного вектора развития внедрения цифровых технологий в процессы заключения, изменения и расторжения договоров.

Значительным образом упрощаются и процессы исполнения сторонами заключенных договоров, ускоряются процессы обмена информацией и документами, а также существенно увеличивается оперативность взаимодействия между участниками данных правоотношений.

Кроме того, вводимые нововведения направлены на защиту интересов и прав потребителей энергии.

Вводятся нормы, направленные на упрощение процесса подключения новых объектов, на обеспечение непрерывности энергоснабжения и обеспечения безопасности энергопотребления.

Кроме того, принятые изменения направлены на преодоление и адаптацию к новым вызовам, с которыми сталкивается энергетический сектор Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 30.10.2025 № 1701 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 30.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Правительства РФ от 19.12.2025 № 2075 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации коммерческо-

го учета электрической энергии на розничных рынках электрической энергии и при оказании коммунальных услуга по электроснабжению и технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей энергии к электрическим сетям» (в ред. от 19.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства РФ от 29.03.2024 № 395 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 26.06.2026 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Правительства РФ от 04.07.2026 № 844 «Об особенностях применения положений законодательства Российской Федерации об электроэнергетике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.10.2025 No. 1701 "On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation" (as amended by 30.10.2025) // SPS ConsultantPlus.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 19.12.2025 No. 2075 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the Organization of Commercial Metering of Electric Energy in the Retail Markets of Electric Energy and in the Provision of Utility Services for Power Supply and Technological Connection of Energy Receivers of Energy Consumers to Electric Networks" (as amended by 19.12.2025) // SPS ConsultantPlus.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 29.03.2024 No. 395 "On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation" (amended and supplemented, entry by virtue of 30.10.2026) // SPS "ConsultantPlus.".

[4] Federal Law of 26.06.2026 No. 208-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Electric Power Industry" Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (amended and supplemented, entry by virtue of 26.06.2026) // SPS "ConsultantPlus.".

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 04.07.2026 No. 844 "On the Specifics of the Application of the Provisions of the Legislation of the Russian Federation on the Electric Power Industry" (amended and supplemented, entry by virtue of 29.08.2026) // SPS "ConsultantPlus.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-636-641

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАНТЮХИНА Лариса Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена индивидуальному правовому регулированию жилищных правоотношений в РФ. Актуальность обусловлена возрастанием роли индивидуально-правовых актов (судебных решений, актов органов местного самоуправления и федеральных органов исполнительной власти) наряду с нормами Жилищного кодекса РФ. Анализируются понятие и признаки индивидуального регулирования: персональная адресность, каузальность, однократность применения, обусловленность статичными нормами и динамика правоотношения. На примере постановки сотрудников органов внутренних дел на учёт прослеживается поэтапная персонификация. Рассматриваются договоры, властно-распорядительные документы и судебные решения. Обосновывается необходимость закрепления понятия «индивидуальный правовой акт» в статье 5 ЖК РФ и подчёркивается взаимосвязь нормативного и индивидуального регулирования.*

Ключевые слова: *индивидуальный правовой акт, индивидуальное правовое регулирование, жилищные правоотношения, договор социального найма, нуждаемость в жилом помещении, сотрудники органов внутренних дел.*

Для цитирования: *Морозов Р. М., Пантюхина Л. А. Индивидуальное правовое регулирование жилищных правоотношений // Право и управление. 2026. № 10. С. 636–641.*

MOROZOV Roman Mikhailovich,
Associate Professor at the Department of Criminal Law Sciences of the North Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

PANTYUKHINA Larisa Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences

INDIVIDUAL LEGAL REGULATION OF HOUSING LEGAL RELATIONS

Annotation. *The article is devoted to the individual legal regulation of housing legal relations in the Russian Federation. The relevance is due to the growing role of individually legal acts (judicial decisions, acts*

of local self government bodies and federal executive authorities) alongside the norms of the Housing Code of the Russian Federation. The concept and features of individual regulation are analysed: personal targeting, causality, one time application, dependence on static norms, and the dynamics of the legal relationship. Using the example of registering employees of internal affairs bodies, a step by step personification is traced. Contracts, authoritative and administrative documents, and judicial decisions are examined. The necessity of enshrining the concept of an "individual legal act" in Article 5 of the Housing Code of the Russian Federation is substantiated, and the interconnection between normative and individual regulation is emphasized.

Key words: *individual legal act, individual legal regulation, housing legal relations, social rental agreement, need for housing, employees of law enforcement agencies.*

For citation: *Morozov R. M., Pantyukhina L. A. Individual legal regulation of housing legal relations. Law and administration. 2026;(10):636–641. (In Russ.).*

Актуальность темы проведенного исследования обусловлена несколькими значимыми факторами. В последние десятилетия в современной правовой системе Российской Федерации все больше возрастает значение индивидуально-правовых актов в регулировании гражданских правоотношений. Наряду с нормами Жилищного Кодекса РФ [1], федеральных законов, подзаконных актов персонифицированные нормативные акты, адресованные конкретным участникам правоотношений, оказывают большое влияние на динамику жилищным правоотношений. К таким актам относятся судебные решения, акты органов местного самоуправления при постановке на учет лиц, нуждающихся в жилых помещениях, решения федеральных органов исполнительной власти о предоставлении единовременной выплаты на приобретение жилья и многие другие. Каждый такой акт обладает индивидуальными характеристиками, требует учета многих факторов (состав семьи, регион проживания, текущие жилищные условия, выслуга лет и т.п.), что в свою очередь влечет ряд правоприменительных проблем. Рост числа жилищных споров (о неправомерном отказе в постановке на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, о признании права на жилое помещение, о выселении из служебного жилого помещения) свидетельствует о том, что требуется четкое понимание природы индивидуального правового акта и его согласования с установленными нормами жилищного законодательства. Все выше перечисленное порождает необходимость теоретического обоснования и закрепления на законодательном уровне понятия «индивидуальный правовой акт».

Нормативное и индвидуальное правовое регулирование рассматривалось многими цивилистами: Н.А. Пьяновым, В.Р. Шарифуллиным, И.А. Минникесом, С.С. Алексевым, В.М. Горшеневым и другими. В исследованиях ученых содержатся анализ роли источников жилищного права, умозаключения по вопросам соотношения нормативного и индивидуального правового регулирования, однако требуется более пристальное внимание к вопросам влияния именно индивидуальных актов на возникновение, изменение и прекращение жилищных правоотношений. Это и определяет научную новизну настоящего исследования.

Цель написания статьи состоит в комплексном теоретическом и правовом анализе индивидуального правового регулирования жилищных правоотношений и разработке обоснованных предложений по изменению жилищного законодательства.

Государственное регулирование общественных отношений имеет два уровня: нормативный и индивидуальный. Если на стороне первого вида выступает федеральный законодатель, то в индивидуальном правовом регулировании субъектом может быть и гражданин, и юридическое лицо, и публично-правовое образование. Авторам настоящего исследования созвучна позиция И.А. Минникеса о том, что «...наличие пробелов, существование которых неизбежно, является абсолютно нормальным явлением и предусмотрен механизм их восполнения и устранения. Существование индивидуального (поднормативного) правового регулирования вызвано не дефектностью нормативного регулирования, а необходимостью урегулирования общественных отношений, как в нормативном, так и в индивидуальном порядке» [6, с. 41].

Авторы исследования полагают, что индивидуальное регулирование – это один из способов гражданско-правового регулирования. Оно производно от нормативной основы и применяется в установленных законом пределах тогда, когда частным лицам дозволено регулировать свои отношения автономно.

Юридическими гарантиями соблюдения прав и интересов участников индивидуального гражданско-правового регулирования служит его производный характер и нормативная регламентация процедур и процессов правового воздействия, а также то, что индивидуальное регулирование должно опираться на базовые гражданско-правовые принципы – баланс частных интересов, добросовестность, юридическое равенство участников отношений.

Как и у любого явления действительности у индивидуального правового регулирования есть ряд специфических признаков.

Во-первых, персональная адресность, т.е. персонифицированность этого вида регулирования. Такой акт учитывает все индивидуализированные характеристики субъекта правоотношения, такие как гражданство, состав семьи, состояние здоровья, специальный правовой статус (например, военнослужащий, сотрудник органов внутренних дел), наличие определенного уровня доходов и обеспечение имуществом и многие другие. Во-вторых, для индивидуально-правового регулирования характерно каузальное регламентирование общественных отношений и оформление индивидуальных актов – договоров, расписок, решений, например, решения жилищно-бытовой комиссии о постановке сотрудника ОВД на учет, личного дела сотрудника ОВД, утвержденного руководителем территориального органа списка очередников, решения руководителя о переводе сотрудника из общей в льготную очередь и т.д. В-третьих, однократное применение только для данного конкретного правоотношения. Оно не является один раз созданным и применяемым многократно. Такое правовое явление существует только для урегулирования правоотношения с конкретным кругом лиц. В-четвертых, обусловленность статичными нормами права. Индивидуальное правовое регулирование не создает правил поведения, не выходит за пределы правовых норм или конструкций. В-пятых, акты индивидуального правового регулирования задают динамику конкретного правоотношения. Статичные нормы права находят свое воплощение на уровне индивидуального правового регулирования. Существующие нормы жилищного права содержат некую абстрактную модель поведения, и только индивидуальный правовой акт приводит в движение само правоотношение, порождает, изменяет его, переводит в плоскость жизненных реалий.

На основании вышеизложенных специфических черт и характеристик авторы приводят свое толкование термина «индивидуальное правовое регулирование». Индивидуальное правовое регулирование - это вид самостоятельного правового регулирования, который преобразует существующие нормы законодательства в конкретные юридические факты, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, и выражающееся в заключении договоров, либо издания властными субъектами правоотношений индивидуальных правовых актов.

Проследим, как проявляется персонифицированность индивидуального правового регулирования на практике, на примере постановки сотрудника органов внутренних дел на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Процесс персонификации начинается с установления самых общих критериев. Это возраст, гражданство и наличие (или отсутствие) дееспособности. Субъектом по договору социального найма может быть только гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, максимальные возрастные границы законодателем не установлены. Кроме того, персонификация проводится и по психическому критерию правовой персонификации. Только дееспособный гражданин может стать нанимателем по такому договору.

На второй стадии персонификации устанавливаются дополнительные критерии. Для того, чтоб дееспособному совершеннолетнему гражданину предоставили жилое помещение по договору социального найма, требуется подтвердить, что он находится в двух состояниях. Это малоимущность и нуждаемость, последнее свойственно именно для сотрудников ОВД. Согласно М.В. Бандо, «….если нуждаемость фиксирует сам факт отсутствия жилья или наличия неудовлетворительных жилищных условий, то малоимущность – неспособность самостоятельно исправить эту ситуацию». (4, с. 67). На этой стадии гражданин должен в заявительном порядке подтвердить, что не имеет в собственности жилое помещение, либо проживает в аварийном жилом помещении, подлежащим сносу, либо живет в помещении, площадь которого меньше учетной нормы в регионе. У каждого гражданина будет свое индивидуальное основание для подтверждения такого правового состояния. Кроме того, по общему правилу требуется подтвердить, что доход семьи или одиноко проживающего гражданина не позволяет приобрести жилое помещение в собственность либо с привлечением заемного капитала. Для этого требуется подтвердить свой доход по месту работы, размер пенсий, пособий, вкладов в кредитных организациях, имущественную обеспеченность в целом. На этой стадии персонификации происходит установление соответствия гражданина критериям для предоставления жилого помещения по общим основаниям.

Выделим также и третью ступень персонификации. На ней во внимание принимаются только те особенности, позволяющие отнести лицо к категории специального субъекта правоотношения. Федеральный законодатель в Жилищном кодексе РФ закрепил положение о том, что некоторым гражданам для приобретения права на жилое помещение по договору социального найма не требуется подтверждать малоимущность. Достаточно того, чтоб такой гражданин нуждался в улучшении жилищных условий. К таким категориям относятся дети-сироты, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, ветераны боевых действий и те категории граждан, которые установлены на уровне субъекта Российской Федерации.

При постановке на учет в качестве нуждающегося малоимущность не требовалось доказывать и сотрудникам органов внутренних дел. Авторы статьи приходят к выводу о том, что существуют субъекты со специальным юридическим статусом. Таким образом, можно сделать вывод о поэтапном характере индивидуального правового регулирования в жилищной сфере. По мере сужения круга субъектов, возрастает степень конкретизации правовых норм. Если на первой ступени абстрактный характер частично сохраняется, то на уровне специальных субъектов правоотношения правовое регулирование трансформируется в сложную гражданско-правовую конструкцию.

Говоря об индивидуальном правовом регулировании, нельзя не упомянуть и об актах такого регулирования. В первую очередь этого договор. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский в своих трудах указывают, что «договор направлен на регулирование поведения только сторон договора, а закон порождает общее для всех и каждого правило поведения» [5, с. 13]. Профессор Л.А. Чеговадзе в своих научных трудах пишет, что «существо договора в том, чтобы породить гражданское правоотношение и выступить его индивидуальным регулятором. Существо обязательства в том, чтобы взаимообусловленные действия должника и кредитора привели к запланированным в договоре имущественным последствиям, к их взаимной пользе. При заключении договора действует принцип свободы договора, а основополагающим принципом обязательственной связи сторон выступает принцип баланса их частных интересов» (7, с. 27-28).

Именно договор является тем юридическим актом, который приводит нормы права в движение. С момента подписания договора (купли-продажи жилого помещения, договора социального найма, договора найма служебного жилого помещения и др.) абстрактные формулировки о том, что каждый гражданин имеет право на жилище, превращаются в конкретный гражданско-правовой механизм реализации этого права. Договор содержит как императивные черты, так и вполне конкретные условия, не противоречащие законодательству.

Классическим примером индивидуальных правовых актов относятся и властно-распорядительные документы. Например, решение органа местного самоуправления о предоставлении жилого помещения по договору социального найма нуждающемуся гражданину, либо решение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел о предоставлении единой социальной выплаты на приобретение жилого помещения. В отличие от договора такие акты носят односторонний характер, исключая тем самым возможность диспозитивного согласования условий, но трансформируют нормы законодательства в конкретное субъективное право гражданина.

Нельзя обойти стороной и акты судебных органов. Например, в статье 31 Жилищного кодекса РФ говорится о том, что членами семьи собственника жилого помещения являются супруг (супруга), дети и родители, а также другие родственники, вселенные в жилое помещение в качестве членов семьи. А Постановление Пленума Верховного суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса РФ» конкретизирует эту норму и поясняет, что для признания членом семьи недостаточно лишь одного факта совместного проживания, требуется выяснить, было ли волеизъявление такого лица в качестве члена семьи [2]. Таким образом, через установление волеизъявления (объяснения сторон, свидетельские показания, совместное ведение домашнего хозяйства) возможно признать членом семьи иного гражданина, не указанного в статье 31 ЖК РФ. В этом заключается индивидуализация данного нормативно-правового акта.

Рассмотрим и такой пример индивидуального правового регулирования жилищных правоотношений. В решении Каневского районного суда Краснодарского края от 4 февраля 2024 года по делу 2А-145/2024 суд признал незаконным решение органа местного самоуправления об отказе в постановке истицы и ее сына на учет в качестве нуждающихся в предоставлении жилого помещения по договору социального найма и обязал муниципалитет включить их в очередь на жилье. Такое судебное решение послужило юридическим фактом возникновения правоотношения по постановке на учет и инициировало возникновение обязательстве впоследствии предоставить жилье. Без такого индивидуального акта права граждан на предоставление жилья остались бы нереализованными [3].

Говоря об индивидуальном правом регулировании, нельзя не поднять вопрос о соотношении его с нормативным видом регулирования. Согласимся с позицией И.А. Минникеса в том, что «нормативное и индивидуальное правовое регулирование не следует противопоставлять друг другу. Только при их взаимодействии и взаимосвязи возможно эффективное воздействие на общественное отношение». (6, с. 106). Противопоставление этих двух явлений приведет к разрыву единого механизма реализации права, одно без другого утрачивает всякий смысл. Акт нормотворчества существует статично, абстрактно, гарантирует жилье, но благодаря акту индивидуального регулирования норма стороны, порождает их права и обязанности. И, с другой стороны, индивидуальное регулирование не может существо-

вать обособленно. Например, решение органов местного самоуправления о постановке на учет, о предоставлении жилого помещения регламентировано нормами федеральных законодательных актов. Норма права - это правовой фундамент, а правоотношение возникает только благодаря персонифицированным актам.

Подводя итог рассмотренному, можно сделать следующие умозаключения.

Индивидуальное правовое регулирование жилищных правоотношений представляет собой самостоятельный, производный от нормативного вид правового регулирования, обладающий устойчивой совокупностью признаков. К таким признакам относятся: персональная адресность (учёт гражданства, состава семьи, состояния здоровья, специального правового статуса, доходов и имущественной обеспеченности), каузальность, однократность применения в рамках конкретного правоотношения, обусловленность статичными нормами права и способность придавать динамику конкретному правоотношению. Именно индивидуальный правовой акт преобразует абстрактную модель поведения, заложенную в нормах жилищного законодательства, в конкретные юридические факты, порождающие, изменяющие или прекращающие жилищные права и обязанности. Тем самым индивидуальное регулирование не подменяет и не отменяет нормативное, а выступает необходимым механизмом его реализации.

Персонификация в жилищной сфере носит поэтапный характер. По мере сужения круга субъектов возрастает степень конкретизации правовых норм. На первой ступени устанавливаются общие критерии (возраст, гражданство, дееспособность); на второй - дополнительные условия (малоимущность и нуждаемость), подтверждаемые заявительным порядком с учётом индивидуальных оснований; на третьей - особенности специального правового статуса (дети-сироты, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, ветераны боевых действий, сотрудники органов внутренних дел), для которых законодатель не требует подтверждения малоимущности. Такой поэтапный механизм обеспечивает переход от абстрактного нормативного регулирования к сложной гражданско-правовой конструкции, учитывающей жизненную ситуацию конкретного лица. Вместе с тем многофакторность персонификации порождает правоприменительные проблемы и рост числа жилищных споров, что подтверждает потребность в чётком понимании природы индивидуального правового акта и его согласования с нормами жилищного законодательства.

Нормативное и индивидуальное правовое регулирование образуют единый механизм реализации права, в силу чего назрела необходимость законодательного закрепления понятия «индивидуальный правовой акт». Противопоставление этих видов регулирования недопустимо: норма права выступает статичным правовым фундаментом, а правоотношение возникает, изменяется и прекращается благодаря персонифицированным актам - договорам (социального найма, найма служебного жилого помещения, купли-продажи жилья), властно-распорядительным документам (решения органов местного самоуправления и федеральных органов исполнительной власти) и судебным решениям, которые нередко выполняют функцию юридического факта, без которого права граждан остались бы нереализованными. Однако Жилищный кодекс РФ не содержит определения индивидуального правового акта, что создаёт неопределённость в правоприменении. В связи с этим обоснованным и практически значимым является предложение дополнить статью 5 ЖК РФ пунктом 9, закрепляющим, что реализация норм жилищного законодательства осуществляется посредством принятия уполномоченными органами индивидуальных правовых актов, под которыми понимается основанное на нормах жилищного законодательства властное предписание или соглашение, направленное на возникновение, изменение или прекращение жилищных прав и обязанностей конкретных лиц.

Список литературы:

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть первая). – Ст. 14.

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса РФ» // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

[3] Решение Каневского районного суда Краснодарского края от 4 февраля 2024 года по делу 2А-145/2024https://sudact.ru/regular/doc/xLmUFCC1fa54/ (дата обращения: 01.10.2026).

[4] Бандо М.В. Основания возникновения жилищных правоотношений социального найма жилого помещения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бандо Михаил Владимирович. – Екатеринбург, 2010. – 266 с.

[5] Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное: монография / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

[6] Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Минникес Илья Анисимович. - Екатеринбург, 2009. - 312 с.

[7] Чеговадзе Л.А. Конклюдентные действия сторон обязательства и их последствия для дого-

вора / Л.А. Чеговадзе // Цивилист. – 2026. – № 3. – С. 26 - 33.

References:

[1] Housing Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 188-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. - No. 1 (part one). - Art. 14.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.07.2009 No. 14 "On Certain Issues Arising in Judicial Practice when Applying the Housing Code of the Russian Federation" // Consultant Plus Reference Legal System.

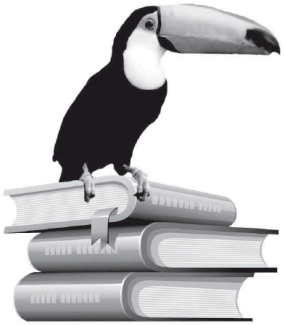
[3] Decision of the Kanevsky District Court of the Krasnodar Territory of February 4, 2024 in case 2A-145/2024 https://sudact.ru/regular/doc/xLmUFCC1fa54/(date of appeal: 01.10.2026).

[4] Bando M.V. Grounds for the emergence of housing legal relations of social rental of residential premises: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03 / Bando Mikhail Vladimirovich. - Yekaterinburg, 2010. - 266 p.

[5] Braginsky M.I. Contract Law. General provisions. 3rd ed., Stereotypical: monograph / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - M.: Statute, 2001. Kn. 1. 848 pp.

[6] Minnikes I.A. Individual legal regulation: theoretical and legal analysis: abstract dis.... Doctor of Law: 12.00.01 / Minnikes Ilya Anisimovich. - Yekaterinburg, 2009. - 312 s.

[7] Chegovadze L.A. Conclusive actions of the parties obligations and their consequences for the contract / L.A. Chegovadze // Civilist. – 2026. – № 3. - S. 26 - 33.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-642-646
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЗАКИРОВА Альфия Резавановна,
профессор кафедры «Техносферная безопасность» Уральского государственного университета путей сообщения, доктор технических наук, доцент,
e-mail: AZakirova@usurt.ru

ПРАВОВАЯ БАЗА КАК ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОБЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая электробезопасность персонала, занятого в сфере информационных технологий. Раскрывается проблема правовой квалификации ИТ-специалистов – отнесения их к электротехническому, электротехнологическому или неэлектротехническому персоналу – и вытекающие из этого последствия для обучения, допуска и ответственности. Анализируются применимые нормативные акты, частноправовые аспекты (трудовой договор, удалённая работа, гражданско-правовые договоры), а также организационные механизмы на уровне предприятия. Отдельное внимание уделено современным подходам к решению проблем: цифровизации документооборота, применению искусственного интеллекта для предиктивной аналитики, актуализации нормативной базы и риск-ориентированному надзору.*

Ключевые слова: *электробезопасность, ИТ-персонал, системный администратор, электротехнологический персонал, серверное оборудование, дистанционные работники, цифровизация охраны труда.*

Для цитирования: *Закирова А. Р. Правовая база как основа регулирования электробезопасности персонала информационных технологий // Право и управление. 2026. № 10. С. 642–646.*

ZAKIROVA Alfiya Rezavanovna,
Professor at the Department of Technospheric Safety, Ural State University of Railway Transport, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

THE LEGAL FRAMEWORK AS THE BASIS FOR REGULATING ELECTRICAL SAFETY OF IT PERSONNEL

Annotation. *The article examines the regulatory and legal framework governing electrical safety for personnel working in the information technology sector. It addresses the problem of the legal classification of IT specialists — namely, their attribution to electrical, electrotechnological, or non-electrical personnel — and the resulting implications for training, authorization, and liability. The paper analyses applicable regulations, private-law aspects (employment contracts, remote work, civil-law agreements), as well as organisational mechanisms at the enterprise level. Special attention is given to modern approaches to solving these problems: digitalisation of document management, the use of artificial intelligence for predictive analytics, updating the regulatory framework, and risk-based supervision.*

Key words: *electrical safety, IT personnel, system administrator, electrotechnological personnel, server equipment, remote workers, digitalisation of occupational safety.*

For citation: *Zakirova A. R. The legal framework as the basis for regulating electrical safety of it personnel. Law and administration. 2026;(10):642–646. (In Russ.).*

Специфика ИТ персонала в системе электробезопасности. Сотрудники информационных технологий занимают особое положение в системе регулирования электробезопасности. Традиционно ИТ специалистов не относят к электротехническому персоналу, однако их повседневная деятельность неразрывно связана с эксплуатацией оборудования, подпадающего под действие нормативных документов в сфере электробезопасности: серверных стоек, источников бесперебойного питания (ИБП), телекоммуникационных шкафов, кабельных трасс, систем охлаждения и электропитания.

Ключевая правовая проблема состоит в определении категории, к которой относится тот или иной работник. Согласно Правилам по охране труда при эксплуатации электроустановок, утверждённым приказом Минтруда России от 15.12.2020 № 903н, весь персонал подразделяется на три группы: неэлектротехнический, электротехнический и электротехнологический. Решение об отнесении конкретного ИТ сотрудника к той или иной категории принимает руководитель организации, опираясь на характер выполняемых работ и положения нормативных актов. Это порождает зону правовой неопределённости: одни работодатели классифицируют системных администраторов как неэлектротехнический персонал (I группа), другие — как электротехнологический (II–III группы), что напрямую определяет требования к обучению, допуску и уровню ответственности. По сути, определяющим фактором служит не должность, а реальное содержание трудовой функции.

I группа — разработчики, тестировщики, дизайнеры, менеджеры и иные сотрудники, взаимодействующие с офисной техникой (компьютеры, принтеры, мониторы). Группа присваивается по итогам ежегодного инструктажа; удостоверение не оформляется, запись вносится в специальный журнал.

II группа — системные администраторы, DevOps инженеры, выполняющие работы с серверным оборудованием, коммутационными шкафами, ИБП. Подтверждается проверкой знаний в комиссии предприятия.

III группа и выше — специалисты, обслуживающие оборудование напряжением свыше 1000 В либо выполняющие работы, предполагающие право единоличного осмотра электроустановок.

Нормативные документы, применимые к ИТ сфере. Правовое регулирование электробезопасности ИТ персонала опирается на комплекс нормативных актов:

Трудовой кодекс РФ — закрепляет обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий труда (ст. 212, 214) [1].

ПТЭЭП, утверждённые приказом Минэнерго России от 12.08.2022 № 811, — устанавливают требования к организации эксплуатации, назначению ответственных лиц, подготовке персонала. Документ распространяется на юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, владеющих электроустановками [2].

Правила по охране труда при эксплуатации электроустановок (приказ Минтруда России от 15.12.2020 № 903н) — определяют категории персонала, требования к группам по электробезопасности, порядок оформления нарядов допусков [3].

ГОСТ IEC 60950 1 2014 «Оборудование информационных технологий. Требования безопасности» — устанавливает требования к защите пользователей и обслуживающего персонала от поражения электрическим током, разделяя доступ к оборудованию на зоны для пользователей и зоны ограниченного доступа для обслуживающего персонала [4].

ГОСТ IEC 62040 1 2024 «Системы бесперебойного энергоснабжения (UPS). Требования безопасности» — регламентирует безопасность ИБП, включая требования к квалифицированному и неквалифицированному персоналу. Стандарт введён в действие с 1 апреля 2026 года с правом досрочного применения. [5]

ПУЭ (7 е издание) — нормы проектирования и монтажа, влияющие на безопасность эксплуатации [6].

Серверное оборудование может классифицироваться как электротехнологическое, что автоматически распространяет на него требования ПТЭЭП. ИТ специалистов, выполняющих работы в серверной, целесообразно относить к оперативному электротехнологическому персоналу, занятому техническим обслуживанием оборудования, с составлением перечня работ, выполняемых в порядке текущей эксплуатации.

Частноправовые аспекты применительно к ИТ персоналу. С позиций частноправовых наук регулирование электробезопасности ИТ персонала затрагивает несколько аспектов.

Трудовой договор и должностная инструкция. В трудовом договоре с системным администратором, инженером эксплуатации центра обработки данных (ЦОД), DevOps специалистом должны быть чётко определены обязанности, связанные с работой в электроустановках. Отсутствие в должностной инструкции указания на работу с электрооборудованием не освобождает работодателя от ответственности, но порождает правовую неопределённость при расследовании несчастных случаев.

Дистанционные работники. Острая проблема — электробезопасность удалённых ИТ сотрудников. ПТЭЭП в редакции 2022 года распространил требования и на физических лиц, ис-

пользующих электроустановки в рабочих целях, включая удалённых работников. Работодатель обязан провести инструктаж и зафиксировать факт ознакомления, однако присвоение I группы по электробезопасности дистанционным работникам пока не оформляется в электронной форме с использованием КЭДО — журналы должны подписываться собственноручно [7].

Гражданско правовые договоры (подряд, аутсорсинг). При привлечении внешних ИТ подрядчиков для обслуживания серверной стороны распределяют риски через условия договора: требования к квалификации персонала, наличию групп по электробезопасности, использованию средств защиты. Однако гражданско правовая квалификация договора не освобождает заказчика от обязанности обеспечить безопасные условия на своей территории.

Организационно правовые механизмы для ИТ подразделений

На уровне предприятия регулирование реализуется через следующие инструменты:

Приказ о назначении ответственного за электрохозяйство. Для организаций с электроустановками до 1000 В ответственный должен иметь группу не ниже IV. Если в штате нет квалифицированного специалиста, допускается заключение договора со специализированной организацией.

Перечень должностей и работ. Руководитель приказом утверждает перечень должностей электротехнического и электротехнологического персонала, которым необходимо иметь соответствующую группу по электробезопасности. ИТ должности включаются в перечень на основе анализа фактических обязанностей.

Обучение и проверка знаний. ИТ специалисты со II группой и выше проходят проверку знаний в комиссии предприятия (не реже 1 раза в год для оперативного персонала и 1 раза в 3 года для административно технического).

Журналы и документация. Журнал учёта присвоения I группы, журнал инструктажей по охране труда, протоколы проверки знаний, удостоверения о проверке знаний — обязательный минимум для ИТ компаний.

Перечень работ в порядке текущей эксплуатации. Для ИТ специалистов, обслуживающих серверное оборудование, составляется перечень работ, выполняемых без наряда допуска (осмотр, регулировка, замена модулей с отключением питания).

Проблемы правоприменения в ИТ сфере. Анализ практики позволяет выделить специфические проблемы:

Правовая неопределённость статуса ИТ персонала. Отсутствие прямого указания в нормативных документах на отнесение системных администраторов к электротехнологическому персоналу создаёт риск различной трактовки надзорными органами.

Формальный подход к инструктажам. В малых ИТ компаниях инструктажи по электробезопасности нередко проводятся номинально, без учёта реальных опасностей серверной.

Отсутствие ответственного за электрохозяйство. Во многих ИТ компаниях эта должность не назначена или существует лишь «на бумаге», что является прямым нарушением ПТЭЭП.

Дистанционные работники. Неурегулированность процедуры инструктажа удалённого ИТ персонала в электронной форме создаёт юридический риск для работодателей.

Сложность адаптации требований к современным технологиям. Стандарты ГОСТ IEC 60950 1 2014 и ГОСТ IEC 62040 1 2024 устанавливают требования к оборудованию, но не регулируют порядок работы персонала с этим оборудованием, что формирует разрыв между техническими нормами и организационными требованиями.

Современные способы решения проблем. Проблемы правового регулирования электробезопасности ИТ персонала сегодня получают новые решения — технологические, организационные и нормативные.

Цифровизация документооборота и контроля. С 1 марта 2026 года надзорные органы в сфере охраны труда перешли на цифровые формы контроля через Единую цифровую платформу надзора (ЕЦПН). Бумажные проверки отменены, электронный документооборот стал обязательным. Для ИТ компаний доступны специализированные программные решения: модули электробезопасности в системах 1С:EHS и «Охрана труда для 1С» (ОТ Софт) ведут учёт оборудования, планируют проверки и обучение персонала, формируют приказы, удостоверения, протоколы и чек листы Ростехнадзора. Автоматизированные системы еженедельно формируют отчёты с цветовой индикацией сроков аттестации, исключая пропуск или просрочку проверки знаний. Важно учитывать правовую границу: инструктажи по электробезопасности (присвоение I группы) пока не допускается оформлять в системе КЭДО с электронной подписью — журналы должны подписываться собственноручно. Однако приказы, инструкции, перечни должностей можно вести в электронном виде [8].

ИИ системы предиктивной аналитики и мониторинга. Интеллектуальные системы мониторинга на базе IoT датчиков и алгоритмов машинного обучения непрерывно собирают данные о состоянии ИБП, серверного оборудования, кабельных линий — температуру, уровень изоляции, параметры тока и напряжения. Системы выявляют аномалии, которые человек не замечает, и

предсказывают аварии за часы и дни до их возникновения. Для ИТ инфраструктуры это особенно актуально: ИБП с аккумуляторными батареями представляет один из наиболее опасных узлов с точки зрения электробезопасности.

Актуализация нормативной базы. ПТЭЭП в редакции 2022 года расширил сферу применения требований, включив физических лиц, использующих электроустановки в рабочих целях, в том числе удалённых работников. С 1 марта 2026 года действуют новые требования Ростехнадзора по электробезопасности — обновлённые группы, требования к теоретическим и практическим тестам, порядок формирования комиссий. Федеральным законом № 304 ФЗ расширен перечень случаев, когда проверку знаний проводит комиссия Ростехнадзора. Цифровая маркировка средств индивидуальной защиты в системе «Честный знак» становится обязательной, закупка немаркированных СИЗ запрещена. Профилактические визиты заменяют плановые проверки для низкорисковых объектов — новая форма надзора, направленная на предупреждение нарушений без штрафных санкций [9].

Риск ориентированный подход и непрерывный контроль. Современная модель управления электробезопасностью ИТ персонала строится на переходе от бумажной отчётности к непрерывному цифровому контролю. Автоматизированный расчёт риска травмирования персонала предприятий на основе данных о несчастных случаях, условиях труда, прохождении обучения позволяет надзорным органам определять категории риска и применять дифференцированный подход. [10].

Заключение. Нормативно правовая база электробезопасности ИТ персонала представляет собой многоуровневую систему, сочетающую публично правовые требования и частноправовые обязательства. Специфика ИТ сферы — в правовой неопределённости статуса персонала, что требует от работодателя взвешенного подхода к классификации должностей, оценке рисков и оформлению локальных актов.

Современные способы решения проблем — цифровизация документооборота, ИИ мониторинг, актуализация нормативной базы, риск ориентированный надзор — позволяют перейти от формального выполнения требований к реальному снижению электротравматизма. Для ИТ руководителей и специалистов по охране труда критически важно своевременно определять категории персонала, присваивать соответствующие группы по электробезопасности и поддерживать документацию в актуальном состоянии, учитывая изменения нормативной базы.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 ФЗ.

[2] Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей электрической энергии, утв. приказом Минэнерго России от 12.08.2022 № 811.

[3] Правила по охране труда при эксплуатации электроустановок, утв. приказом Минтруда России от 15.12.2020 № 903н.

[4] ГОСТ IEC 60950 1 2014. Оборудование информационных технологий. Требования безопасности. Часть 1. Общие требования.

[5] ГОСТ IEC 62040 1 2024. Системы бесперебойного энергоснабжения (UPS). Часть 1. Общие положения и требования безопасности к UPS.

[6] Правила устройства электроустановок (ПУЭ), 7 е издание.

[7] Электронные инструктажи по ОТ: готовимся к изменениям [https://www.ot-soft.ru/articles/yelektronnye-instruktazhi-po-ot-gotovims] // OT-Soft. — URL: (дата обращения: 01.10.2026).

[8] С 1 марта 2026 года органы в сфере охраны труда переходят на цифровые формы контроля [https://kodeks-sib.ru/blog/s_1_marta_2026_goda_organyi_v_sfere_oxranyi_truda_perexodyat_na_czifrovyie_formyi_kontrolya] // Кодекс-Сиб : блог. — URL: (дата обращения: 01.10.2026).

[9] Новый порядок проверки знаний по электробезопасности — 2026 [https://obrprofi.ru/novosti/novyj-poryadok-proverki-znanij-elektrobezopasnost-2026.html] // ОбрПрофи : новости. — URL: (дата обращения: 01.10.2026).

[10] Новый порядок проверки знаний по электробезопасности [https://ohranatruda125.ru/tpost/vtbib6s7g1-novii-poryadok-proverki-znanii-po-elektr] // Охрана труда 125 : публикации. — URL: (дата обращения: 01.10.2026).

References:

[1] Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197 FZ.

[2] Rules for technical operation of electrical installations of electrical energy consumers, approved by Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 811 dated 12.08.2022.

[3] Occupational Safety Rules for Operation of Electrical Installations, approved by order of the Ministry of Labor of Russia dated 15.12.2020 No. 903n.

[4] GOST IEC 60950 1 2014. Information technology equipment. Safety requirements. Part 1. General requirements.

[5] GOST IEC 62040 1 2024. Uninterruptible Power Supply (UPS) systems. Part 1. UPS General and Safety Requirements.

[6] Electrical Installation Code (EIC), 7th edition.

[7] EHS e-Briefing: Getting Ready for Change [https://www.ot-soft.ru/articles/yelektronnye-instruktazhi-po-ot-gotovims] // OT-Soft. - URL: (access date: 01.10.2026).

[8] From March 1, 2026, labor protection authorities will switch to digital forms of control [https://kodeks-sib.ru/blog/s_1_marta_2026_goda_organyi_v_sfere_oxranyi_truda_perexodyat_na_czifrovyie_formyi_kontrolya] // Codex-Sib: blog. - URL: (access date: 01.10.2026).

[9] New procedure for testing knowledge on electrical safety - 2026 [https://obrprofi.ru/novosti/novyj-poryadok-proverki-znanij-elektrobezopasnost-2026.html] // ObrProfi: news. - URL: (access date: 01.10.2026).

[10] New procedure for testing electrical safety knowledge [https://ohranatruda125.ru/tpost/vtbib6s7g1-novii-poryadok-proverki-znanii-po-elektr] // Occupational safety 125: publications. - URL: (access date: 01.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-647-651
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПЕТРУХИНА Алсу Наилевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «правового обеспечения государственного и муниципального управления» Владимирского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
e-mail: pmarek@yandex.ru

ГРОМАКОВА Алиса Андреевна,
студентка 3 курса, юридического факультета Владимирского филиала РАНХиГС,
e-mail: alisagromakova@yandex.ru

ИНСТИТУТ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ОТ ДЕКЛАРАЦИИ К СИСТЕМНОМУ ИНСТРУМЕНТУ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются теоретические и практические аспекты становления и развития института примирительных процедур в российском гражданском судопроизводстве. Автором прослеживается эволюция данного правового института от фрагментарных, преимущественно декларированных норм до формирования системного механизма альтернативного разрешения споров. Обосновывается тезис о том, что в настоящее время российская модель АРС приобрела необходимую гибкость и функциональную полноту. Это находит подтверждение как в актах судебного толкования Верховного Суда РФ, так и в сложившейся правоприменительной практике. В работе дается характеристика современной структуры примирительного инструментария, включающего переговоры, досудебное урегулирование, медиацию и судебное примирение. В заключении формулируется вывод о необходимости дальнейшего комплексного реформирования института примирительных процедур, рассматриваемого в качестве системообразующего элемента современной модели защиты гражданских прав.*

Научная новизна заключается в комплексном анализе института примирительных процедур через призму соотношения нормативного обеспечения и реальной практики применения, а также в выявлении системных противоречий между Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и процессуальными кодексами.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на формальное закрепление широкого спектра примирительных процедур, их реальное применение остается ограниченным, что требует дальнейшего комплексного реформирования института, рассматриваемого в качестве системообразующего элемента современной модели защиты гражданских прав.

Результаты исследования могут быть использованы законодателем при доработке Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», судьями при утверждении мировых соглашений и решении вопроса о применении судебного примирения, а также преподавателями при подготовке учебных курсов по гражданскому процессу и альтернативному разрешению споров.

Ключевые слова: *судебная система, процедура медиации, переговоры, судебный примиритель, исковая давность, судебное примирение.*

Для цитирования: *Петрухина А. Н., Громакова А. А. Институт примирительных процедур в российском праве: от декларации к системному инструменту // Право и управление. 2026. № 10. С. 647–651.*

PETRUKHINA Alsu Nailevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Legal Support of State and Municipal Administration, Vladimir Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation"

GROMAKOVA Alisa Andreevna,
student, Law Faculty, Vladimir branch of RANEPA

THE INSTITUTE OF CONCILIATION PROCEDURES IN RUSSIAN LAW: FROM DECLARATION TO A SYSTEMIC TOOL

Annotation. *This article examines the theoretical and practical aspects of the formation and development of the institution of conciliation procedures in Russian civil proceedings. The author traces the evolution of this legal institution from fragmented, predominantly declarative norms to the formation of a systemic mechanism for alternative dispute resolution. The thesis is substantiated that, at present, the Russian model of alternative dispute resolution has acquired the necessary flexibility and functional completeness. This is confirmed both by the acts of judicial interpretation of the Supreme Court of the Russian Federation and by the established law enforcement practice. The paper provides a description of the modern structure of conciliatory tools, which include negotiations, pre-trial settlement, mediation, and judicial conciliation. The conclusion states the need for further comprehensive reform of the institution of conciliatory procedures, which is considered a system-forming element of the modern model of protection civil rights.*

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the institution of conciliation procedures through the lens of the relationship between regulatory support and actual practice of application, as well as in identifying systemic contradictions between the Federal Law "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Involvement of a Mediator (Mediation Procedure)" and the procedural codes.

The author concludes that, despite the formal establishment of a wide range of conciliation procedures, their actual application remains limited, which requires further comprehensive reform of the institution, which is considered a system-forming element of the modern model for the protection of civil rights.

The results of the study can be used by legislators when amending the Federal Law "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Involvement of a Mediator (Mediation Procedure)"; by judges when approving settlement agreements and deciding on the use of judicial conciliation; and by teachers when preparing training courses on civil procedure and alternative dispute resolution.

Key words: *judicial system, mediation procedure, negotiations, judicial conciliator, statute of limitations, judicial conciliation.*

For citation: *Petrukhina A. N., Gromakova A. A. The institute of conciliation procedures in russian law: from declaration to a systemic tool. Law and administration. 2026;(10):647–651. (In Russ.).*

В условиях перегрузки судебной системы приоритетное значение приобретают примирительные процедуры, позволяющие нивелировать формальные барьеры правосудия и перевести конфликт из публично-властной плоскости в договорно-компромиссную, что обеспечивает ускорение гражданского оборота и снижение судебных издержек. Как отмечает Е.И. Носырева, «становится общепризнанным, что судебная система не может и не должна являться единственным местом, в котором осуществляются защита гражданских прав и разрешение правовых споров»[1, с.110]. Российская Федерация не стала исключением из общемировых тенденций: первая четверть XXI века служит репрезентативным периодом для подведения промежуточных итогов становления и развития института АРС в стране.

За этот период был принят и обновлён целый ряд законодательных актов, регулирующих отдельные альтернативные процедуры: Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», а также были внесены существенные изменения в цивилистические процессуальные

кодексы. В научной доктрине признается необходимость включения дисциплин по АРС в систему подготовки юристов [5, с. 164]. При этом в развитии отрасли наблюдается дисбаланс: нормативное и теоретическое обеспечение института АРС опережает реальную практику его применения.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2025 года судами было утверждено 538 медиативных соглашений, что составило 0,005% от общего числа оконченных гражданских дел. Для сравнения: в 2024 году этот показатель составлял 1086 соглашений (0,003%), в 2023 году – 982 соглашения (0,003%). Таким образом, намечается положительная динамика, однако абсолютные значения остаются крайне низкими.

Анализ практики применения медиативных механизмов в гражданском судопроизводстве свидетельствует о крайне невысокой востребованности данного института, несмотря на общий рост нагрузки на судебную систему. Так, объем завершенных гражданских дел увеличился с 27,5 миллионов до 29 миллионов в течении года, что отражает возрастающую потребность в разрешении гражданско-правовых споров. Вместе с тем, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, развитие института медиации фактически вышла на стадию стагнации.

Наглядным подтверждением низкой востребованности медиации служит доля медиативных соглашений, которая остается на предельно низком уровне – не более 0,005%. При этом динамика количества утвержденных судами медиативных соглашений характеризуется лишь незначительным приростом: за двухлетний период (2023-2025 гг.) зафиксировано всего 176 таких случаев. Указанные показатели позволяют констатировать, что, несмотря на отдельные позитивные тенденции, медиация пока не стала значимым инструментом урегулирования гражданско-правовых конфликтов в российской правоприменительной практике.

К числу досудебных механизмов урегулирования споров относят как автономные способы – в частности, переговоры и претензионный порядок, - так и процедуры с привлечением третьих лиц, а также административные механизмы, регулируемые через уполномоченные органы власти. Подобная многоуровневая система позволяет распределить нагрузку по расширению конфликтов вне рамок судебного разбирательства, тем самым снижая давление на судебную систему.

Реализация этих механизмов согласуется с ключевыми задачами гражданского и арбитражного судопроизводства: они не только создают условия для мирного разрешения разногласий, но и способствуют формированию устойчивой культуры партнерских отношений в деловой среде, укрепляя доверие между участниками правоотношений [7, с.108].

Система альтернативного разрешения споров в России включает три основных правовых института: досудебное урегулирование споров, медиацию и арбитраж. Институт медиации охватывает частную медиацию и судебное примирение. К числу принципов примирительных процедур относятся добровольность, равноправие, сотрудничество, конфиденциальность, нейтральность и беспристрастность медиатора. Большинство этих принципов являются едиными для всей системы АРС.

Формирование института примирительных процедур прошло несколько этапов. Как отмечает Михайлова Е.В., «становление медиации как правового института во многом связано с появлением соответствующего законодательного закрепления» [3, с.18].

Значительным этапом стало выполнение поручений Президента РФ о совершенствовании регулирования медиации. С принятием Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197 - ФЗ у сторон судебного процесса появились новые возможности для урегулирования споров. Закон официально закрепил право участников дела прибегать к медиации, прямым переговорам или прибегать к медиации, прямым переговорам или судебному примирению.

Институт судебного примирения, как отмечает И.Н. Балашова, «по своей правовой природе очень близок к процедуре медиации», но имеет отличительные черты. Верховным Судом РФ утвержден Регламент проведения судебного примирения [2, с.15].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 22 июня 2021 года закреплен порядок досудебного разрешения правовых конфликтов. Согласно позиции высшей судебной инстанции, обязательный досудебный этап (включая медиацию) признается пройденным при условии предоставления стороной доказательств, документально подтверждающих факт проведения соответствующих процедур.

Анализ судебной практики свидетельствует о широком применении мировых соглашений, в том числе на этапе кассационного обжалования. Законодательство предоставляет сторонам широкую автономию воли при определении условий примирения, при условии их соответствия правовым нормам. Вместе с тем на практике часто встречаются соглашения, предмет которых выходит за рамки первоначальных исковых требований, что существенно затрудняет процедуру их процессуального оформления и утверждения судом [6, с. 9]. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.02.2022 № 66-КГ21-21-К8 суд отка-

зал в утверждении мирового соглашения, условия которого выходили за пределы заявленных требований и затрагивали права третьих лиц, не привлеченных к участию в деле.

Ключевой проблемой функционирования института судебного примирения выступает дефицит законодательной регламентации статуса примирителя. Отсутствие четких нормативных рамок создает правовую неопределенность в отношении деятельности судьи в отставке, выступающего в роли примирителя. Формально закон разрешает бывшим судьям работать медиаторами и судебными примирителями. Но природа их полномочий остается под вопросом: действуют ли они как обычные нейтральные посредники – или за ними сохраняется особый публично-правовой статус, унаследованный от судейской должности.

Идея примирительных процедур во многом опирается на гибкость механизма и доверительный характер взаимодействия сторон – именно эти черты придают институту особую ценность. В связи с этим избыточное нормативное регулирование способно нивелировать его сущностные преимущества.

При этом детальная регламентация самой медиативной процедуры не представляется необходимой: законодатель должен фокусироваться на тех аспектах, которые порождают значимые правовые последствия и объективно требуют правовой определенности. Такой сбалансированный подход позволит сохранить функциональную эластичность примирительных механизмов и одновременно обеспечить необходимую степень юридической защищенности участников процесса. Возможность примирения практически сводится к нулю при рассмотрении дел в бюджетной сфере, так как в Бюджетном кодексе РФ устанавливается четкий порядок распределения бюджетных лимитов. Даже в случае заключения мирового соглашения не может быть речи об отступлении от закона (статья 161 БК РФ).

Законодательного порядка, который определял бы результаты медиации до сих пор нет, поэтому соотношение медиативного и мирового соглашений остается проблемным вопросом. Нужно отличать медиацию и судебное примирение, которые принципиально различаются. Медиация строится на возмездной основе, где медиатор – независимый субъект без властных полномочий. Судебное примирение проводится бесплатно, а судебный примиритель – это судья в отставке, действующий под эгидой суда.

На законодательном уровне детальная регламентация каждого шага примирительных процедур приведет к бюрократической процедуре, в этом будет противоречие сути данного института. Законодателю нужно сосредоточиться только на тех аспектах, которые порождают правовые последствия: на форме медиативного соглашения, порядке его утверждения и сроках. Но содержание самой процедуры нужно оставить на усмотрение сторон, чтобы учитывать интересы участников спора.

Институт альтернативного разрешения споров в Российской Федерации нуждается в доработке законодательства. Требуется закрепить статус судебного примирителя и регламентировать процедуры – это снимет неопределенность полномочий и повысит предсказуемость процесса [4, с.70]. Важно унифицировать оформление итоговых документов, чтобы обеспечить юридическую определенность соглашений. Кроме того, необходимо адаптировать примирительные механизмы к публично-правовым спорам с учетом публичных интересов и императивных требований закона. Это укрепит роль примирительных процедур в снижении судебной нагрузки и развитии культуры мирного урегулирования конфликтов.

Адъюдикация рассматривается в доктрине как перспективный инструмент урегулирования споров: суть ее заключается в передаче конфликта на рассмотрение компетентного эксперта, который вправе вынести решение – как обязательное для сторон, так и носящее рекомендательный характер. Особую востребованность данный механизм демонстрирует в сфере корпоративных и строительных споров, где критически важны оперативность и высокая квалификация оценки обстоятельств дела [4, с. 75]. В подобных категориях конфликтов адъюдикация позволяет сторонам получить профессиональный вывод в сжатые сроки без обращения в суд.

Институт примирительных процедур в российском правопорядке прошел существенный путь развития: от совокупности формально закрепленных норм он постепенно трансформировался в реально функционирующий механизм правовой защиты. Сегодня такие процедуры позволяют сторонам урегулировать конфликтные ситуации во внесудебном порядке, снижая нагрузку на судебную систему и способствуя сохранению деловых и иных отношений между участниками спора. Вместе с тем потенциал данного института реализован пока не в полной мере – для повышения его эффективности требуется дальнейшее нормативное и практическое совершенствование.

По итогам проведенного анализа можно предложить ряд законодательных мер, которые сделают систему примирительных процедур более четкой и эффективной.

Внести изменения в статью 153.5 ГПК РФ, а именно закрепить статус судебного примирителя: требования к кандидату, порядок отбора, полномочия, процедуру согласования кандидатуру

сторонами, взаимодействие с судами и принцип работы. Это повысит правовую определенность, перенеся регулирование из подзаконного акта в закон.

Внести изменения в Регламент судебного примирения, утвержденный Верховным Судом РФ, в части определения формы и порядка утверждения результатов судебного примирения, а также сроков его проведения.

Дополнить статью 12 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» нормой, устанавливающей требования к форме медиативного соглашения и порядку его утверждения судом, что позволит устранить коллизии с процессуальным законодательством.

Направления дальнейших исследований: анализ влияния примирительных процедур на исполнимость судебных актов. Представляется важным исследовать, в какой степени мировые соглашения и медиативные соглашения обеспечивают фактическое исполнение обязательств по сравнению с судебными решениями; исследование влияния цифровизации на примирительные процедуры. Онлайн-медиация, электронные переговоры и автоматизированные платформы урегулирования споров требуют научного осмысления с точки зрения допустимости, процессуального оформления и защиты персональных данных участников.

Список литературы:

[1] Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров как система правовых институтов // Вестник гражданского процесса. 2026. № 1. С. 107–123.

[2] Балашова И.Н. От переговоров к судебному примирению: о поиске эффективной модели урегулирования споров // Российский судья. 2022. N 4. С. 14 – 18.

[3] Михайлова Е.В. Досудебное урегулирование гражданско-правового спора как условие реализации права на судебную защиту // Российская юстиция. 2024 N 7 С. 16 – 22.

[4] Кощеева Е.С., Петрунева А.Н. К вопросу об альтернативных формах прекращения публичного спора // Актуальные проблемы российского права. 2021 N 12 С. 69 – 78.

[5] Борисова Е. А. От альтернативного разрешения споров к примирительным процедурам: путь длиною в 25 лет (коротко о главном) // Вестник гражданского процесса. — 2025. — Т. 15, № 4. — С. 162–171.

[6] Тимофеев Ю. А. К вопросу об актуализации использования института судебного примирения // Российский судья. — 2024. — № 12. — С. 8–12.

[7] Дашевский П. А. Проблемы и перспективы законодательного регулирования примирительных процедур в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 12А. — С. 107–114.

References:

[1] Nosyreva E.I. Alternative dispute resolution as a system of legal institutions // Bulletin of Civil Procedure. 2026. № 1. S. 107-123.

[2] Balashova I.N. From negotiations to judicial reconciliation: on the search for an effective dispute settlement model // Russian judge. 2022. N 4. S. 14 - 18.

[3] Mikhailova E.V. Pre-trial settlement of a civil dispute as a condition for the exercise of the right to judicial protection // Russian Justice. 2024 N 7 S. 16 - 22.

[4] Koscheeva E.S., Petruneva A.N. On the question of alternative forms of termination of a public dispute // Actual problems of Russian law. 2021 N 12 P. 69 - 78.

[5] Borisova E.A. From alternative dispute resolution to conciliation procedures: a path of 25 years (briefly about the main thing) // Bulletin of the civil process. — 2025. - T. 15, NO. 4. - S. 162-171.

[6] Timofeev Yu. A. On the issue of updating the use of the institution of judicial reconciliation // Russian judge. — 2024. — № 12. - S. 8-12.

[7] Dashevsky P. A. Problems and prospects of legislative regulation of conciliation procedures in the arbitration process // Issues of Russian and international law. — 2023. - T. 13, No. 12A. - S. 107-114.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-652-660
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КРУЖЕВНИКОВА Анна Андреевна,
канд. полит. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail a.kruzhevnikova@yandex.ru

МАТВЕЕВА Ольга Владиславовна,
студент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail olgamatv06@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено научно-правовому разбору нормативного массива, регламентирующего пожарную безопасность объектов капитального строительства на всех этапах их жизненного цикла. В работе подробно проанализированы системные противоречия, возникающие на стыке градостроительного законодательства, законодательства о техническом регулировании и противопожарного нормирования. В центре нашего внимания — параллельное функционирование реестровой модели требований Минстроя России (в рамках Федерального закона № 384-ФЗ) и специального доказательственного механизма МЧС России (по Федеральному закону № 123-ФЗ). С применением формально-юридического, системно-структурного и сравнительно-правового методов выявлены ключевые институциональные дефекты нормативного поля: разнородная юридическая природа регуляторных актов, межведомственные коллизии, проблемы управления темпоральным действием редакций, а также разрыв между техническим предписанием и юридической процедурой обоснования соответствия. На основе детального разбора решений Верховного Суда РФ обоснована недопустимость смешения нормативных правовых актов и документов по стандартизации добровольного применения. Авторами доказывается необходимость смены документоцентричной парадигмы систематизации на модель управления машиночитаемыми требованиями и предложена концепция Единого цифрового контура, содержащего атрибутированные карточки требований с уникальными идентификаторами, временным версионированием и интеграцией с технологиями информационного моделирования.*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГАСУ на 2026 год.

Ключевые слова: *правовое регулирование пожарной безопасности, градостроительное право, техническое регулирование, своды правил, реестр требований, коллизии норм, систематизация законодательства, машиночитаемые требования.*

Для цитирования: *Кружевникова А. А., Матвеева О. В. Правовое регулирование пожарной безопасности в строительстве: проблемы систематизации // Право и управление. 2026. № 10. С. 652–660.*

KRUZHEVNIKOVA Anna Andreevna,
cand. polite. sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

MATVEEVA Olga Vladislavovna,
Student, Saint Pyotrsburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

LEGAL REGULATION OF FIRE SAFETY IN CONSTRUCTION: PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION

Annotation. *This study offers a comprehensive legal and engineering analysis of the regulatory framework governing fire safety in capital construction objects across all lifecycle stages. The paper examines the complex interplay between Federal Law No. 123-FZ on fire safety requirements and the registry-based technical regulation framework established under Federal Law No. 384-FZ. Using formal legal, comparative legal, and system-structural methods, the author identifies key systemic flaws: the heterogeneous legal nature of regulatory sources, departmental overlaps between Ministry of Construction and Ministry of Emergency Situations regulations, versioning and temporal conflicts, and imprecise statutory language. Special emphasis is placed on analyzing recent Supreme Court precedents regarding the legal status of voluntary codes of practice. The research advocates for a transition from document-centric systematization to a machine-readable, requirement-level digital framework with explicit legal statuses, version control, and formal collision detection mechanisms.*

Key words: *fire safety, construction law, technical regulation, codes of practice, registry of requirements, legal conflicts, systematization of legislation, machine-readable rules.*

For citation: *Kruzhevnikova A. A., Matveeva O. V. Legal regulation of fire safety in construction: problems of systematization. Law and administration. 2026;(10):652–660. (In Russ.).*

Обеспечение противопожарной защиты объектов капитального строительства образует чрезвычайно сложный, полицентричный институт, сформировавшийся на пересечении административного, градостроительного, гражданского права и массива инженерно-технических знаний. Базовую публично-правовую основу рассматриваемой сферы задает Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», формулирующий ключевые категории законодательства и систему государственных гарантий. Специальные минимально необходимые требования к объектам защиты (зданиям, сооружениям, инженерным системам) зафиксированы в Федеральном законе от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [2]. Одновременно с этим безопасность капитальных объектов на всем протяжении их жизненного цикла — от изысканий до сноса — регламентируется Федеральным законом от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», в котором противопожарная защита выступает одной из обязательных составляющих общей системы технической безопасности [3].

Наличие множества нормативных пластов обусловлено объективной технической сложностью зданий и сооружений как инженерных систем. Однако ключевая проблема современного этапа кроется в правоприменительной плоскости. Проектировщики, экспертные организации, застройщики и инспекторы органов государственного пожарного надзора ежедневно сталкиваются с высокой степенью нормативной неопределенности. Подобная дезорганизация прямо нарушает фундаментальные принципы законодательства об обязательных требованиях, зафиксированные в Федеральном законе от 31.07.2020 № 247-ФЗ, который предписывает обеспечивать абсолютную ясность, системность, логичность и полное отсутствие взаимных наложений правовых норм [4].

Теоретическое осмысление рассматриваемой проблемы имеет богатую историю. П.П. Колесников на начальном этапе внедрения ФЗ № 123-ФЗ обращал внимание на сложный правовой транзит от советско-российской системы НПБ и СНиП к сводам правил и на возникавшую неопределенность их юридической силы [11].

В исследовании авторы опирались на прикладные и технические аспекты усложнения нормативного обеспечения, которые отражены в работах Т.А. Делибалтяна, А.Б. Ичмеляна, Л.В. Красновой, Д.С. Пикуша, а также С.В. Федосова и В.И. Голованова. Указанные авторы демонстрируют прямую связь качества нормативного текста со сметной стоимостью строительства и трудоемкостью контрольно-надзорной деятельности [16], [17]. После внедрения реестрового принципа по ФЗ № 384-ФЗ возникла новая, не изученная ранее проблема — коллизионное взаимодействие «строительного реестра» и «пожарного доказательства». Анализ этого взаимодействия образует ключевую цель статьи.

В качестве методологической базы работы выступает междисциплинарный правовой подход, направленный на раскрытие строения системы пожарной безопасности и разработку ее цифрового аналога. Анализ норм ключевых федеральных законов (№ 69-ФЗ, № 123-ФЗ, № 384-ФЗ, № 247-ФЗ, № 162-ФЗ), Градостроительного и Гражданского кодексов, а также ведомственных актов МЧС, Минстроя и Росстандарта проводился с опорой на формально-юридический метод [1]–[10]. Это дало возможность развести понятие правового статуса документа и функционал конкретных технических предписаний.

Отказаться от линейной цепочки соподчиненности актов в пользу концепции сетевого взаимодействия правовых норм помог системно-

структурный подход. Именно он позволил описать механику связи между жесткой нормой технического регламента и гибким диспозитивным стандартом. При сопоставлении доказательственных конструкций ст. 6 ФЗ № 123-ФЗ и ст. 5–6 ФЗ № 384-ФЗ использовался сравнительно-правовой метод [2], [3]. Анализ вскрыл факт двойного регулирования, при котором один противопожарный объект параллельно подпадает под требования разных надзорных контуров.

Проектирование Единого цифрового контура потребовало правового моделирования на принципах дискретности. В этой схеме документ перестает быть неделимым текстом и становится базой машиночитаемых требований с индивидуальными метапаспортами. В плоскости частного права, опираясь на нормы ст. 743 и 754 ГК РФ, удалось проследить, как нормы-коллизии порождают реальные конфликты подрядных организаций и заказчиков по поводу смет и надлежащего исполнения контрактов [18].

Методологическая база эмпирических расчетов опирается на корреляционно-регрессионный анализ, представленный в учебных руководствах под редакцией И.И. Елисеевой [19]. Современное регуляторное пространство противопожарного нормирования страдает от множества внутренних противоречий. Анализ показывает, что фундаментальным источником коллизий является разрыв между формальным статусом акта и практикой его применения.

Пересечение предметов регулирования смежных законов и коллизии нормативных актов

Наиболее ярким примером нормативного наложения выступает соотношение Федерального закона № 123-ФЗ и Федерального закона № 384-ФЗ [2], [3]. Пожарная безопасность одновременно регламентируется ФЗ № 123-ФЗ как самостоятельный предмет технического регулирования и статьей 8 ФЗ № 384-ФЗ как одно из направлений общей безопасности капитального объекта [2], [3]. Это приводит к двойственности нормативных оснований для конкретных инженерных решений. В частности, параметры систем противодымной защиты, объемно-планировочные решения эвакуационных путей и пределы огнестойкости строительных конструкций регулируются как специальными сводами правил (далее СП) МЧС России (например, СП 7.13130.2013 в редакции Приказа МЧС от 27.03.2025 № 251 [20]), так и общестроительными СП Минстроя России (например, СП 54.13330, СП 118.13330). В результате возникают ситуации, когда нормы Минстроя и МЧС устанавливают различные числовые значения для одного и того же параметра (например, ширины марша эвакуационной лестницы или степени огнестойкости). Проектировщик оказывается перед необходимостью выполнения наиболее жесткого требования, что часто влечет нерациональное удорожание проекта без фактического повышения защищенности.

Разграничение НПА и документов по стандартизации в свете позиций Верховного Суда РФ

Фундаментальное значение для систематизации имеет правильная квалификация юридической природы источника. Нормативный правовой акт (постановление Правительства, приказ ведомства, зарегистрированный Минюстом) содержит общеобязательные правовые нормы. Документ по стандартизации (свод правил, ГОСТ) имеет принципиально иную природу — он применяется на добровольной основе [10].

Правоприменительная практика в лице надзорных органов и госэкспертизы долгое время игнорировала это различие, фактически придавая добровольным сводам правил статус скрытых нормативных актов. Точку в этой дискуссии поставил Верховный Суд РФ в решении от 13.01.2025 № АКПИ24-993 [15]. Оспаривая отдельные положения абзаца 4 пункта 5.1.3 СП 4.13130.2020, заявитель утверждал, что свод правил нарушает его права как нормативный акт. В своем решении Верховный Суд РФ четко указал: СП 4.13130 является документом по стандартизации, а не нормативным правовым актом [15]. Его положения не носят абсолютно императивного характера, а выступают лишь одним из способов соблюдения требований технического регламента [15].

Суд указал, что статья 6 ФЗ № 123-ФЗ предоставляет застройщику право не применять конкретный СП при условии, что пожарная безопасность объекта подтверждена иным легитимным способом — расчетом риска, СТУ, стандартом организации или испытаниями [2], [15]. В результате данное разъяснение дезавуирует сложившуюся практику, когда административные инспекции формально фиксировали отступления от сводов правил как безусловный проступок, игнорируя подготовленные обоснования.

Темпоральные коллизии и управление версиями

Высокая интенсивность обновления нормативной базы создает проблему применимости норм во времени. В 2026 году были введены в действие новые документы — СП 3.13130.2026 и СП 550.1311500.2026 «Здания высотные. Требования пожарной безопасности» (утв. Приказом МЧС от 26.02.2026 № 137 [23]). Одновременно Приказом Росстандарта от 31.10.2025 № 2367 была утверждена Программа национальной стандартизации на 2026 год, предусматривающая пересмотр целого блока противопожарных стандартов [24].

Согласно статье 4 ФЗ № 123-ФЗ, к зданиям, спроектированным или построенным до вступления в силу новых требований, применяются ранее действовавшие нормы, за исключением случаев,

когда дальнейшая эксплуатация объекта создает угрозу жизни и здоровью людей [2]. При реконструкции или капремонте новые нормы применяются только в отношении изменяемой части объекта [2]. Однако на практике эксперты и инспекторы часто предъявляют требования свежих редакций СП к ранее запроектированным объектам. Отсутствие единого инструмента, фиксирующего нормативный «срез» на дату направления документации на экспертизу или дату получения ГПЗУ, приводит к затяжным судебным спорам.

Лингвистическая размытость и отсылочные конструкции

Широкое присутствие в текстах сводов правил оценочных формулировок («как правило», «при обосновании», «допускается уменьшать при соответствующих условиях») прямо вступает в конфликт со статьей 7 Федерального закона № 247-ФЗ, требующей логической однозначности обязательных требований [4]. Если норма допускает отступление «при обосновании», но не определяет субъект, процедуру и стандарт такого обоснования, она превращается в источник административного усмотрения.

Неопределенность статуса информационных писем ведомств

Из-за сложности правоприменения МЧС России и Минстрой России регулярно издают информационные письма ненормативного характера (например, Письмо МЧС от 31.01.2025 № М-АМ-22, Письмо от 18.07.2025 № 43-4276-19 по вопросам СТУ [25], а также Письмо Минстроя от 02.09.2025 № 51994-СМ/08 по реализации ФЗ № 653-ФЗ [26]). Формально не являясь источниками права, данные письма фактически направляют практику органов государственного пожарного надзора и экспертизы. При изменении пунктов СП разъяснительные письма часто не отзываются своевременно, что создает информационный шум и дезориентирует участников строительного рынка.

Системные дефекты нормативного массива оказывают негативное воздействие на все этапы реализации инвестиционно-строительных проектов.

Главный вывод исследования заключается в необходимости отказаться от документоориентированного построения нормативной базы. Попытки увязать громоздкие своды правил в бумажном виде больше не дают результатов, а раскол между Реестром Минстроя (по ФЗ № 384-ФЗ) и Перечнем Росстандарта (по ФЗ № 123-ФЗ) только усложняет жизнь проектировщикам. Решением становится сборка этих систем в Единый цифровой контур.

Концепция строится на смене единицы учета: вместо целого НПА объектом управления становится «атомарное» машиночитаемое требование.

Для реализации модели предложены следующие шаги. Во-первых, мы считаем, что нужно сформировать систему «нормативных требований», где главным объектом станет отдельная статья, а не весь свод правил. Во-вторых, мы считаем нужным машиночитаемый паспорт применимости. Осуществляется жесткая привязка требования к физическим и функциональным характеристикам объекта: класс функциональной пожарной опасности (Ф1–Ф5), этажность, площадь пожарного отсека, стадия жизненного цикла и вид работ (новое строительство, реконструкция, капремонт). Обязательным, по нашему убеждению, также является алгоритм автоматического выявления коллизий.

При внесении проекта нового СП цифровая система осуществляет автоматический кросс-анализ на предмет совпадения регулируемого параметра (например, противопожарного расстояния или предела огнестойкости) с уже действующими требованиями смежных ведомств, выдавая сигналы о потенциальных коллизиях межведомственной комиссии.

В-четвертых, обязательна межведомственная институционализация. Внедрение обязательной совместной экспертизы МЧС России, Минстроя России и Росстандарта до утверждения изменений в СП с оформлением официального «Паспорта нормативного воздействия».

В-пятых, нужна конкретизация оценочных понятий. Замена формулировок «при необходимости» на правило: оценочное понятие должно сопровождаться либо цифровым критерием, либо ссылкой на методику, определяющую порядок обоснования.

В-шестых, обязательное управление ненормативными разъяснениями. Информационные письма ведомств привязываются к конкретным пунктам СП; при изменении самого СП связанному письму автоматически присваивается статус «Требует проверки актуальности».

Подводя итоги проведенного анализа, мы можем говорить о том, что система противопожарного нормирования в строительной отрасли переживает масштабный перелом. Параллельное функционирование Реестра Минстроя (по ФЗ № 384-ФЗ) и специальной доказательной системы ст. 6 ФЗ № 123-ФЗ доказало полную неэффективность.

Ключевой проблемой, безусловно, является правовая неопределенность. Практикам сложно определять статус документов, их временные границы и пределы допустимости нестандартных технических решений.

Обобщая результаты проведенного правового исследования, мы структурировали ключевые категории источников, образующих современный фундамент противопожарного нормиро-

вания в строительной отрасли (см. табл. 1).

Таблица 1

Группа источников	Нормативно-правовое основание	Юридический статус и функциональная роль	Ключевые проблемы правоприменения и коллизии
Федеральные законы	ФЗ № 123-ФЗ [2], ФЗ № 384-ФЗ [3], ФЗ № 69-ФЗ [1], ГрК РФ	Задают обязательные законодательные рамки, принципы и пределы технического регулирования	Пересечение предметов регулирования смежных законов; различие в способах подтверждения соответствия
Подзаконные НПА	Постановления Правительства РФ № 87 [21], № 1479 [28], № 1464 [32], приказы ведомств	Устанавливают обязательные процедуры, состав документации и правила эксплуатации	Ведомственные расхождения; разрыв между стадиями проектирования, строительства и эксплуатации
Единый реестр требований	Механизм Постановления Правительства РФ № 1417 [6]	Электронная система градостроительных требований, формируемая Минстроем России	Необходимость постоянной синхронизации с противопожарным контуром МЧС и Росстандарта
Своды правил и ГОСТ	Перечень Росстандарта № 2594 [7] (добровольный контур ФЗ № 123)	Документы по стандартизации; один из способов доказательства соблюдения ФЗ № 123	Ошибочная трактовка добровольных СП как скрытых императивов; игнорирование позиции ВС РФ № АКПИ24-993 [15]
Индивидуальные инструменты	СТУ, СТО, расчеты риска, испытания (ст. 6 ФЗ № 123-ФЗ [2])	Альтернативные механизмы доказательства пожарной безопасности объектов	Высокая стоимость разработки; временные издержки согласования; сложности квалификации судами

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (в редакции, действующей на дату исследования). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». https://mchs.gov.ru/dokumenty/840.

[2] Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (ред. от 04.08.2026). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». https://mchs.gov.ru/dokumenty/bazovye-normativnye-pravovye-akty/federalnye-zakony/6661.

[3] Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (ред. от 25.12.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Федеральный закон "Об обязательных требованиях в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 247-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс.

[5] Федеральный закон от 25.12.2023 № 653-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Технический регламент о безопасности зданий и сооружений” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465504/.

[6] Постановление Правительства РФ от 31.08.2023 № 1417 «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра требований...». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456014/.

[7] Приказ Росстандарта от 28.11.2025 № 2594 «Об утверждении Перечня документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона № 123-ФЗ» (ред. 2026 г.). https://pravo.ppt.ru/prikaz/rosstandart/n-2594-321455.

[8] Приказы Росстандарта от 28.04.2026 № 815 и от 08.05.2026 № 888 о внесении изменений в перечень документов в области стандартизации к ФЗ № 123-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Приказ Росстандарта от 28.04.2026 N 815 "О внесении изменений в Перечень документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона от 22 июля 2008 г. N 123-ФЗ... \ КонсультантПлюс.

[9] Включение нового свода правил СП 3.13130.2026 с 1 июня 2026 г. в перечень добровольного применения Росстандарта. Приказ МЧС России от 26.02.2026 N 133 "Об утверждении свода правил СП 3.13130 "Системы противопожарной защиты. Система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре. Требования пожарной безопасности" \ КонсультантПлюс.

[10] Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Федеральный закон "О стандартизации в Российской Федерации" от 29.06.2015 N 162-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс.

[11] Колесников П. П. Нормативное регулирование огнезащиты конструкций, изделий и материалов в свете Технического регламента о требованиях пожарной безопасности // Пожаровзрывобезопасность. 2009. Т. 18. № 8. С. 12–18. Нормативное регулирование огнезащиты конструкций, изделий и материалов в свете Технического регламента о требованиях пожарной безопасности.

[12] Титова Е. А., Грешных А. А., Прокофьева С. М. Попытка кодификации законодательства о пожарной безопасности в начале XX века // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 211–218. Попытка кодификации законодательства о пожарной безопасности в начале XX века.

[13] Титова Е. А. Моделирование процесса систематизации нормативных правовых актов как способ достижения эффективности законодательства в области пожарной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 4. С. 32–42. Моделирование процесса систематизации нормативных правовых актов

как способ достижения эффективности законодательства в области пожарной безопасности |.

[14] Титова Е. А. Законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности отечественного государства: институционализация социальных практик и преемственность традиций // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 1. С. 50–57. Законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности отечественного государства: институционализация социальных практик и преемственность традиций |.

[15] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2025 № АКПИ24-993; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № АПЛ25-54. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.03.2025 N АПЛ25-54 <Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 13.01.2025 N АКПИ24-993, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании... \ КонсультантПлюс.

[16] Делибалтян Т. А., Ичмелян А. Б., Краснова Л. В., Пикуш Д. С. К вопросу организации надзорной деятельности в области пожарной безопасности с учетом принципа диверсификации // Технологии гражданской безопасности. 2023. Т. 20. № 1 (75). С. 44–49. К вопросу организации надзорной деятельности в области пожарной безопасности с учетом принципа диверсификации.

[17] Федосов С. В., Голованов В. И., Лазарев А. А., Торопова М. В., Маличенко В. Г. О проблеме совершенствования строительных изделий, обеспечивающих пожарную безопасность малоэтажных зданий // Строительные материалы. 2021. № 3. С. 57–63. О проблеме совершенствования строительных изделий, обеспечивающихпожарную безопасность малоэтажных зданий.

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026). Ст. 743, 754. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) - КонсультантПлюс.

[19] Статистика: учебник для вузов / отв. ред. И. И. Елисеева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 619 с. Елисеева И. И. Статистика — изучать онлайн. «Юрайт».

[20] СП 7.13130.2013 «Отопление, вентиляция и кондиционирование. Требования пожарной безопасности», с изм. № 3, утвержденным приказом МЧС России от 27.03.2025 № 251. СП 7.13130.2013 Отопление, вентиляция и кондиционирование. Требования пожарной безопасности (с Изменениями № 1-3) - docs.cntd.ru.

[21] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» (ред. от 21.10.2025; срок действия ограничен 01.09.2028). https://mchs.gov.ru/dokumenty/697.

[22] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2013 по делу № АКПИ13-662; Апелляционное определение от 28.11.2013 № АПЛ13-507 по вопросу СНиП 21-01-97*. Решение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. N АКПИ13-662 Об оспаривании государственных строительных норм и правил СНиП 21-01-97 "Пожарная безопасность зданий и сооружений", принятых и введенных в действие постановлением Министерства строительства РФ от 13 февраля 1997 г. N 18-7 | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ.

[23] СП 550.1311500.2026 «Здания высотные. Требования пожарной безопасности»: утв. приказом МЧС России от 26.02.2026 № 137; введен с 01.06.2026. Свод правил СП 550.1311500.2026 "Здания высотные. Требования пожарной безопасности" (утв. и введен в действие приказом МЧС России от 26.02.2026 № 137) | ГАРАНТ.

[24] Приказ Росстандарта от 31.10.2025 № 2367 «Об утверждении Программы национальной стандартизации на 2026 год и дальнейшую перспективу». Приказ Росстандарта от 31.10.2025 N 2367 "Об утверждении Программы национальной стандартизации на 2026 год" \ КонсультантПлюс.

[25] Письмо МЧС России от 31.01.2025 № М-АМ-22; Письмо МЧС России от 18.07.2025 № 43-4276-19 «О некоторых вопросах разработки и внесения изменений в специальные технические условия...». Информационное письмо МЧС России от 31.01.2025 № М-АМ-22 - Информационные документы ненормативного характера - МЧС России.

[26] Письмо Минстроя России от 02.09.2025 № 51994-СМ/08 по вопросу разъяснения требований Федерального закона от 25.12.2023 № 653-ФЗ. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 2 сентября 2025 г. № 51994-СМ/08 О разъяснении требований Федерального закона от 25 декабря 2023 г. N 653-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ.

[27] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут, 2019–2020. Т. 1 (2019); Т. 3 (2020). Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студентов вузов, обучающихся

по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Зенин И. А. и др.]; отв. ред. — Е. А. Суханов. — 3 е изд., перераб. и доп.

[28] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 N 1479 (ред. от 03.02.2025) "Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации" \ КонсультантПлюс.

[29] Решение Кировского районного суда г. Ярославля от 21.01.2026 по делу № 12-11/2026 о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ. Решение № 12-11/2026 12-593/2025 от 21 января 2026 г. по делу № 12-11/2026 :: СудАкт.ру.

[30] Решение от 09.02.2026 по делу № 2-12/2026 — пример судебной оценки расчетного обоснования отступления от требований СП 4.13130.2020. Решение № 2-12/2026 2-12/2026(2-275/2025;2-5438/2024;)~М-4835/2024 2-275/2025 2-5438/2024 М-4835/2024 от 9 февраля 2026 г. по делу № 2-12/2026 :: СудАкт.ру.

[31] Постановление по делу № 05-0179/2025 от 26.03.2025 — пример применения статьи 6 Федерального закона № 123-ФЗ. Постановление № 05-0179/2025 5-179/2025 от 26 марта 2025 г. по делу № 05-0179/2025 :: СудАкт.ру.

[32] Постановление Правительства Российской Федерации от 01.09.2021 № 1464 «Об утверждении требований к оснащению объектов защиты автоматическими установками пожаротушения...». Постановление Правительства РФ от 01.09.2021 N 1464 "Об утверждении требований к оснащению объектов защиты автоматическими установками пожаротушения, системой пожарной сигнализации, системой оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре" \ КонсультантПлюс.

References:

[1] Federal Law No. 21.12.1994 of 69-FZ "On Fire Safety" (as amended on the date of the study). Access from SPS "ConsultantPlus." https://mchs.gov.ru/dokumenty/840.

[2] Federal Law No. 22.07.2008 dated 123-FZ "Technical Regulations on Fire Safety Requirements" (rev. dated 04.08.2026). Access from SPS "ConsultantPlus." https://mchs.gov.ru/dokumenty/bazovye-normativnye-pravovye-akty/federalnye-zakony/6661.

[3] Federal Law No. 30.12.2009 dated 384-FZ "Technical Regulations on Safety of Buildings and Structures" (rev. dated 25.12.2023). Access from SPS "ConsultantPlus." https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/.

[4] Federal Law of 31.07.2020 No. 247-FZ "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" (as amended on 26.06.2026). Access from SPS "ConsultantPlus." Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" dated 31.07.2020 N 247-FZ (latest revision)\ConsultantPlus.

[5] Federal Law of 25.12.2023 No. 653-FZ "On Amendments to the Federal Law "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 28.12.2025). Access from SPS "ConsultantPlus" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465504/.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 31.08.2023 No. 1417 "On approval of the Rules for the formation and maintenance of the register of requirements... Access from SPS "ConsultantPlus" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456014/.

[7] Order of Rosstandart dated 28.11.2025 No. 2594 "On Approval of the List of Documents in the Field of Standardization, the application of which on a voluntary basis ensures compliance with the requirements of Federal Law No. 123-FZ" (as amended in 2026). https://pravo.ppt.ru/prikaz/rosstandart/n-2594-321455.

[8] Orders of Rosstandart dated 28.04.2026 No. 815 and 08.05.2026 No. 888 on amending the list of documents in the field of standardization to Federal Law No. 123-FZ. Access from SPS "ConsultantPlus." Order of Rosstandart dated 28.04.2026 N 815 "On Amendments to the List of Documents in the Field of Standardization, the application of which on a voluntary basis ensures compliance with the requirements of Federal Law No. 123-FZ dated July 22, 2008 \ ConsultantPlus.

[9] Inclusion of the new Code of Practice SP 3.13130.2026 from June 1, 2026 in the list of voluntary application of Rosstandart. Order of EMERCOM of Russia dated 26.02.2026 No. 133 "On approval of the Code of Practice SP 3.13130 "Fire Protection Systems. Fire warning and evacuation control system. Fire Safety Requirements" \ ConsultantPlus.

[10] Federal Law No. 29.06.2015 dated 162-FZ "On Standardization in the Russian Federation" (as amended on 30.12.2020). Access from SPS "ConsultantPlus." Federal Law "On Standardization in the Russian Federation" dated 29.06.2015 N 162-FZ (latest revision) \ ConsultantPlus.

[11] Kolesnikov P. P. Regulatory regulation of fire protection of structures, products and materials in the light of the Technical Regulations on Fire Safety Requirements // Fire and Explosion Safety. 2009. T. 18. № 8. S. 12-18. Regulatory regulation of fire protection of structures, products and materials in the light of the Technical Regulations on fire

safety requirements.

[12] Titova E.A., Greshnykh A.A., Prokofieva S.M. Attempt to codify fire safety legislation at the beginning of the 20th century // Legal policy and legal life. 2021. № 2. S. 211-218. An attempt to codify fire safety legislation at the beginning of the 20th century.

[13] Titova E. A. Modeling the process of systematization of regulatory legal acts as a way to achieve the effectiveness of legislation in the field of fire safety // Law. Security. Emergencies. 2025. № 4. S. 32-42. Modeling the process of systematization of regulatory legal acts as a way to achieve the effectiveness of legislation in the field of fire safety.

[14] Titova E. A. Legislation in the field of fire safety of the domestic state: institutionalization of social practices and continuity of traditions // Law. Security. Emergencies. 2026. № 1. S. 50-57. Legislation in the field of fire safety of the domestic state: institutionalization of social practices and continuity of traditions.

[15] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.01.2025 No. AKPI24-993; Appellate ruling of the Board of Appeals of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.03.2025 No. APL25-54. Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.03.2025 N APL25-54 <On leaving unchanged the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.01.2025 N AKPI24-993, which refused to satisfy the application for recognition ... \ ConsultantPlus.

[16] Delibaltyan T. A., Ichmelyan A. B., Krasnova L. V., Pikush D. S. On the organization of supervisory activities in the field of fire safety, taking into account the principle of diversification // Civil safety technologies. 2023. T. 20. № 1 (75). S. 44-49. On the issue of organizing supervisory activities in the field of fire safety, taking into account the principle of diversification.

[17] Fedosov S.V., Golovanov V.I., Lazarev A.A., Toropova M.V., Malichenko V.G. On the problem of improving construction products that ensure fire safety of low-rise buildings // Construction materials. 2021. № 3. S. 57-63. On the problem of improving construction products that ensure fire safety of low-rise buildings.

[18] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (rev. 24.06.2025, rev. 09.06.2026). Art. 743, 754. Access from SPS "ConsultantPlus" "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 N 14-FZ (rev. dated 24.06.2025, rev. dated 09.06.2026) - ConsultantPlus.

[19] Statistics: textbook for universities / resp. ed. I.I. Eliseeva. 6th ed., Revised. and add. M.: Yurayt, 2025. 619 p. Eliseeva I.I. Statistics - study online. "Yurayt".

[20] SP 7.13130.2013 "Heating, ventilation and air conditioning. Fire Safety Requirements," with rev. No. 3, approved by order of the Ministry of Emergencies of Russia dated 27.03.2025 No. 251. SP 7.13130.2013 Heating, ventilation and air conditioning. Fire Safety Requirements (with Rev.1-3) - docs.cntd.ru.

[21] Decree of the Government of the Russian Federation of 16.02.2008 No. 87 "On the Composition of Sections of Design Documentation and Requirements for Their Content" (as amended on 21.10.2025; validity period is limited 01.09.2028). https://mchs.gov.ru/dokumenty/697.

[22] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.09.2013 in case No. AKPI13-662; 28.11.2013 Appellate Ruling No. APL13-507 on SNiP 21-01-97 *. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 10, 2013 N AKPI13-662 On Challenging State Building Codes and Regulations SNiP 21-01-97 "Fire Safety of Buildings and Structures," Adopted and Put into Effect by Decree of the Ministry of Construction of the Russian Federation of February 13, 1997 N 18-7 | PRIME Tape Documents: ГАРАНТ.РУ.

[23] SP 550.1311500.2026 "High-rise buildings. Fire safety requirements": approved. Order of EMERCOM of Russia No. 137 dated 26.02.2026; introduced from 01.06.2026. Code of Rules SP 550.1311500.2026 "High-rise buildings. Fire safety requirements" (approved by. and put into effect by order of EMERCOM of Russia dated 26.02.2026 No. 137) | GARANT.

[24] Order of Rosstandart dated 31.10.2025 No. 2367 "On Approval of the National Standardization Program for 2026 and Beyond." Order of Rosstandart No. 2367 dated 31.10.2025 "On Approval of the National Standardization Program for 2026" \ ConsultantPlus.

[25] Letter of EMERCOM of Russia dated 31.01.2025 No. M-AM-22; Letter of EMERCOM of Russia dated 18.07.2025 No. 43-4276-19 "On some issues of development and amendments to special technical specifications... Information letter of EMERCOM of Russia dated 31.01.2025 No. M-AM-22 - Non-normative information documents - EMERCOM of Russia.

[26] Letter of the Ministry of Construction of Russia dated 02.09.2025 No. 51994-CM/08 on the issue of clarifying the requirements of the Federal Law dated 25.12.2023 No. 653-FZ. Letter of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation dated September 2, 2025 No. 51994-CM/08 On clarifying the requirements of Federal Law No. 653-FZ dated December 25, 2023 "On Amending the Federal Law "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" | PRIME Tape Documents:

ГАРАНТ.РУ.

[27] Civil law: textbook: in 4 volumes / rev. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed. M.: Statute, 2019-2020. T. 1 (2019); T. 3 (2020). Civil law: In 4 vols. Volume 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights: students. for university students studying in the direction of 521400 "Jurisprudence" and in the specialty 021100 "Jurisprudence" / [Zenin I. A. et al.]; resp. ed. - E. A. Sukhanov. - 3rd ed., Revised. and add.

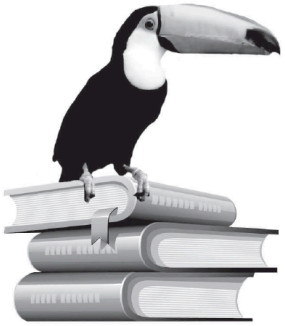
[28] Decree of the Government of the Russian Federation dated 16.09.2020 No. 1479 "On Approval of the Rules of Fire Safety Regime in the Russian Federation." Russian Federation Government Resolution No. 1479 dated 16.09.2020 (rev. dated 03.02.2025) "On Approval of Fire Safety Rules in the Russian Federation" \ ConsultantPlus.

[29] Decision of the Kirovsky District Court of Yaroslavl of 21.01.2026 in case No. 12-11/2026 on bringing to administrative responsibility under Part 1 of Art. 20.4 of the Administrative Code of the Russian Federation. Decision No. 12-11/ 2026 12-593/2025 of January 21, 2026 in case No. 12-11/2026 СудАкт.ру.

[30] The decision of the 09.02.2026 in case No. 2-12/2026 is an example of a judicial assessment of the calculated justification for deviation from the requirements of SP 4.13130.2020. Decision No. 2-12/2026 2-12/2026 (2-275/2025; 2-5438/2024;) ~ M-4835/2024 2-275/2025 2-5438/2024 M-4835/2024 of February 9 2026 Case # 2-12/2026 СудАкт.ру.

[31] The decision in case No. 05-0179/2025 of 26.03.2025 is an example of the application of Article 6 of Federal Law No. 123-FZ. Resolution No. 05-0179/2025 5-179/2025 of March 26, 2025 in case No. 05-0179/2025 СудАкт.ру.

[32] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.09.2021 No. 1464 "On Approval of Requirements for Equipping Protection Facilities with Automatic Fire Extinguishing Systems... Decree of the Government of the Russian Federation of 01.09.2021 No. 1464 "On Approval of Requirements for Equipping Protection Facilities with Automatic Fire Extinguishing Units, Fire Alarm System, Warning and Evacuation Control System in Case of Fire" \ ConsultantPlus.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-661-665
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БЫСТРОВА Ольга Ивановна,
Главный специалист по управлению документами организации ГБУ «МСП», магистр Российского государственного гуманитарного университета,
e-mail: olenka_ivanenko@list.ru

ТОПОРКОВА Марина Константиновна,
Доцент кафедры публичной власти и правового положения личности, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mary.toporckowa@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования государственных бюджетных учреждений в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) на современном этапе. На основе анализа практики управления и контрольных мероприятий выявлены ключевые деструктивные факторы: критический износ материально-технической базы, высокий уровень дебиторской задолженности, дефицит финансирования и несовершенство механизмов бюджетного планирования. Отдельно рассмотрены вопросы эффективности использования бюджетных средств, а также обозначена проблема правовой неопределенности в сфере государственного жилищного надзора. В статье предложены направления модернизации управления ГБУ в ЖКХ, включая внедрение энергоэффективных технологий и совершенствование контрольных процедур.*

Ключевые слова: *Государственное бюджетное учреждение, жилищно-коммунальное хозяйство, дебиторская задолженность, эффективность использования бюджетных средств, тарифное регулирование, жилищный надзор, износ инфраструктуры.*

Для цитирования: *Быстрова О. И., Топоркова М. К. Некоторые проблемы деятельности государственных бюджетных учреждений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Право и управление. 2026. № 10. С. 661–665.*

BYSTROVA Olga Ivanovna,
Chief Specialist for Document Management of the Organization of GBU "SME," Master of the Russian State University for the Humanities

TOPORKOVA Marina Konstantinovna,
Associate Professor, Department of Public Power and Legal Personality, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

SOME PROBLEMS OF ACTIVITY OF STATE BUDGETARY INSTITUTIONS IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Annotation. *The article considers the current problems of the functioning of state budgetary institutions in the field of housing and communal services (housing and communal services) at the present stage. Based on the analysis of management practices and control measures, key destructive factors were identified: critical deterioration of the material and technical base, a high level of accounts receivable, a funding deficit and imperfect budget planning mechanisms. Separately, the issues of the effectiveness of the use of budgetary*

funds were considered, and the problem of legal uncertainty in the field of state housing supervision was also identified. The article proposes directions for the modernization of GBU management in housing and communal services, including the introduction of energy-efficient technologies and the improvement of control procedures.

Key words: *State budgetary institution, housing and communal services, accounts receivable, efficiency of use of budgetary funds, tariff regulation, housing supervision, deterioration of infrastructure.*

For citation: *Bystrova O. I., Toporkova M. K. Some problems of activity of state budgetary institutions in the sphere of housing and communal services. Law and administration. 2026;(10):661–665. (In Russ.).*

Верно замечено, что «жилищно-коммунальная сфера является крупнейшей базовой отраслью экономики» [1], следовательно, государственные бюджетные учреждения (ГБУ), функционирующие в указанной сфере, являются ключевым звеном в обеспечении жизнедеятельности территорий. В отличие от частных управляющих компаний, ГБУ создаются органами государственной власти или местного самоуправления для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством полномочий. Деятельность ГБУ осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Бюджетным кодексом РФ, а также учредительными документами и нормативными актами соответствующего публично-правового образования.

Как правило, они управляют значительной долей муниципального жилищного фонда, обслуживают социально значимые объекты и берут на себя обязательства по содержанию территорий в районах с низкой инвестиционной привлекательностью для бизнеса.

Однако, несмотря на общественную значимость, деятельность ГБУ в ЖКХ сопряжена с рядом системных проблем. Высокая степень износа коммунальных сетей (в ряде регионов достигающей 80%) [2], дефицит бюджетного финансирования, противоречивость нормативно-правового регулирования и низкая эффективность операционного менеджмента создают условия для хронической убыточности и накопления задолженностей.

Анализ деятельности ГБУ в субъектах Российской Федерации позволяет выделить четыре блока критических проблем: финансово-экономический, имущественно-технический, правовой и управленческий.

Наиболее остро ГБУ сталкиваются с проблемой хронической дебиторской задолженности. С одной стороны, это долги населения, с другой — кассовые разрывы из-за несвоевременного доведения субсидий. Как показывает практика проведения проверок прокуратурой, даже социально значимые учреждения, финансируемые из бюджета, допускают критическое накопление долгов. Так, проверкой в Волоконовском районе Белгородской области РФ было установлено, что бюджетные образовательные организации накопили задолженность за тепловую энергию в размере 200 000 рублей, что не только нарушает принцип эффективности использования бюджетных средств (так как начисляются пени), но и ставит под угрозу прохождение отопительного сезона [3].

На примере ГБУ «Жилищник района Южное Медведково» видно, что дебиторская задолженность населения по состоянию на 2024 год достигла 34,29 млн. рублей, что составило почти 7% от годового бюджета организации, причем половина долгов — просрочка свыше шести месяцев, что затрудняет судебное взыскание [4]. В качестве иллюстрации массовой задолженности населения можно привести данные ГБУ «Жилищник Бабушкинского района»: в 2024 году учреждение подало 818 исков на сумму 17,56 млн рублей, однако реально взыскано было лишь 8,53 млн рублей, что демонстрирует низкую эффективность претензионно-исковой работы [5].

Еще одним экономическим вызовом является несовершенство тарифного регулирования. Тарифное регулирование в сфере ЖКХ осуществляется на основе Федерального закона от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса», а также постановлений Правительства РФ в сферах теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения. Вместе с тем действующий механизм не в полной мере учитывает реальную динамику затрат ГБУ, что приводит к формированию тарифов ниже экономически обоснованного уровня. Как показывает практика, даже при ежегодной индексации тарифов их рост отстает от удорожания ресурсов, материалов и оплаты труда, что усиливает дефицит финансирования. Плата за услуги ГБУ часто не покрывает экономически обоснованных затрат. Как отмечает председатель Комитета Госдумы по строительству и ЖКХ С.А. Пахомов: «сфере ЖКХ уже не подходит режим точечных решений, отрасль нуждается в системных мерах, чтобы выйти на безубыточность без резкого повышения тарифов для населения» [6].

Следующей проблемой для ГБУ в сфере жилищно-коммунального хозяйства является крити-

ческий износ инфраструктуры и острая потребность в капитальном ремонте инженерных сетей и самого жилищного фонда.

Материально-техническая база большинства ГБУ находится в критическом состоянии. Исследования показывают, что износ сетей водоснабжения и теплоснабжения в некоторых регионах достигает 80% [7]. В ГБУ «Жилищник района Южное Медведково» 52,6% роторных щеток для зимней уборки придомовых территорий имели износ более 70%, что ведет к росту эксплуатационных расходов [8]. При этом из 129 домов, находящихся в управлении данного ГБУ, 50 требуют капитального ремонта в ближайшие пять лет, однако фактическое финансирование составило лишь 100 млн. рублей при потребности в 500 млн., что говорит о дефиците средств в пять раз [9].

Указанная проблема усиливается неэффективностью механизмов бюджетного инвестирования. Механизмы бюджетного инвестирования в объекты коммунальной инфраструктуры закреплены в Бюджетном кодексе РФ (в частности, ст. 78.2, регулирующая предоставление бюджетных инвестиций), а также в правилах предоставления инфраструктурных бюджетных кредитов, утвержденных постановлением Правительства РФ. Счетная палата РФ в ходе аудита инфраструктурных бюджетных кредитов (ИБК) выявила серьезные срывы сроков ввода объектов в эксплуатацию: в Астраханской области два из четырех запланированных объектов ЖКХ не были введены в установленный срок, а в Тамбовской области 17 готовых объектов так и не были переданы на баланс эксплуатирующим организациям [10].

Существенной проблемой является и правовая неопределенность контрольных мероприятий, проводимых органами жилищного надзора (жилищными инспекциями). Изменения, внесенные в ст. 20 Жилищного кодекса РФ в 2021 году, исключили прямое указание на возможность проверки жилищными инспекторами правильности начислений за коммунальные услуги со стороны управляющих организаций, что породило противоречивую судебную практику. В одних регионах суды признают проверки начислений законными, в других (со ссылкой на гражданско-правовой характер спора) — нет. Например, Арбитражный суд г. Москвы встает на сторону управляющих компаний, указывая на отсутствие прямых полномочий у инспекции, тогда как суды Свердловской области придерживаются противоположной позиции. Следует отметить, что в 2026 году Минстроем России был внесен законопроект № 1224453-8, возвращающий жилищным инспекторам право проверять расчеты с населением [11]. В случае принятия соответствующего закона будет обеспечено единообразие судебной практики, а указанная проблема решена. Следует отметить, что Постановление Правительства РФ от 11.06.2013 № 493 «О государственном жилищном надзоре» конкретизирует порядок осуществления надзора, однако в части проверки начислений платы за коммунальные услуги его положения не в полной мере согласуются с действующей редакцией ст. 20 ЖК РФ, что создает правовую неопределенность для надзорных органов.

Деятельность ГБУ напрямую оценивается жителями, что создает высокую репутационную нагрузку. Как показывает опыт работы ГБУ «Жилищник района Черемушки», внедрение ежедневных оперативных совещаний повышает качество реагирования на аварии и обращения, однако данная практика не является универсальной [12]. Анализ обращений через портал «Наш город» (г. Москва) показывает рост числа жалоб на некачественную уборку территорий и плохое состояние подъездов: в 2024 году их стало на 2245 больше по сравнению с 2022 годом, что свидетельствует как о повышении гражданской активности населения, так и о реальных недостатках в работе ГБУ [13].

Необходимо также обозначить кадровую проблему, выражающуюся в высокой текучести рабочего персонала ГБУ (дворников — до 30%, рабочих комплексной уборки — до 25%) из-за низких зарплат и тяжелых условий труда [14]. Это приводит к низкой укомплектованности штата работников ГБУ, перекладыванию обязанностей на оставшихся сотрудников и, как следствие, к снижению качества уборки территорий.

Представляется, что существенному решению выявленных проблем будет способствовать реализация следующих мер:

Оптимизация закупочной деятельности: увеличение доли конкурентных закупок до 95% для снижения цен на товары и услуги (вместо закупок у единственного поставщика). В частности, Валерий Гартунг пояснил внесенный проект закона об отмене права госкомпаний, госкорпораций, естественных монополий проводить закупки у взаимозависимых лиц без проведения конкурентных процедур: «…речь идет о восьми трлн руб. – это 4 % ВВП страны, и мы могли бы их сэкономить. Откуда эти цифры? Счетная палата провела исследование и пришла к такому выводу: если в закупках участвует шесть и более компаний, то цена закупки снижается на 20 %» [15].

Усиление претензионной работы: внедрение автоматизированных систем досудебного взыскания задолженности и установка приборов учета с ограничителями, например, специальных клапанов, автоматически перекрывающих водоотведение при накоплении критического долга, что стимулирует неплательщиков к расчету. В ГБУ «Жилищник Бабушкинского района» установка 27 таких ограничителей водоотведения показала

свою высокую эффективность в борьбе с должниками [16].

Масштабный переход на энергоэффективное светодиодное освещение, а также установка автоматизированных узлов управления теплоснабжением. Внедрение так называемого «погодного регулирования» позволяет автоматически снижать нагрев теплоносителя в зависимости от температуры наружного воздуха, что дает экономию до 15-20% бюджетных средств на отоплении. Внедрение указанных мер соответствует требованиям Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет приоритет энергоэффективных технологий в бюджетной сфере.

Скорейшее принятие поправок в ст. 20 ЖК РФ для однозначного закрепления права жилищной инспекции проверять начисления платы за жилищно-коммунальные услуги.

Модернизация инфраструктуры с использованием механизмов казначейских инфраструктурных кредитов (КИК). В отличие от устаревших ИБК, данные кредиты имеют более жесткую привязку к конкретному результату (вводу объекта в срок) и предусматривают серьезные штрафы за срыв сроков (вплоть до удвоения ставки до 6%), что дисциплинирует подрядчиков и повышает эффективность вложений [17].

Только комплексное применение административных, финансовых и правовых инструментов позволит стабилизировать положение Государственных бюджетных учреждений в сфере ЖКХ и повысить качество предоставляемых услуг населению.

Список литературы:

[1] Топоркова М.К. Деятельность органов власти в городе Москве в сфере жилищно-коммунального хозяйства/ М.К. Топоркова // Организация и деятельность органов власти в городе Москве: монография / кол. авторов; под ред. А.Ю. Царева – Москва : РУСАЙНС, 2019. – С. 84-95.

[2] Гришин А.С. Финансово-экономические проблемы жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения на примере ГБУ «Жилищник района Южное Медведково» / А. С. Гришин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 49 (548). — С. 99–103.

[3] Прокуратурой Волоконовского района проведена проверка исполнения бюджетного законодательства… — Текст: электронный // Официальный сайт администрации Волоконовского района. — 2025. — 25 февр. — URL: https://clck.ru/3Vv7Pv (дата обращения: 12.06.2026).

[4] Никулин А. А. Выполнение управленческих решений учреждений ЖКХ по удовлетворению потребностей жителей (по принципу ГБУ «Жилищник района Южное Медведково») / А. А. Никулин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 49 (548). — С. 126–129.

[5] Карасев В. В. Информация о работе ГБУ «Жилищник Бабушкинского района» в 2024 году / В. В. Карасев. — Текст: электронный // Официальный сайт Совета депутатов Бабушкинского района. — 2025. — URL: https://clck.ru/3Vv7RE (дата обращения: 12.06.2026).

[6] Сергей Пахомов: «Сфере ЖКХ уже не подходит режим точечных решений». — Текст: электронный // Ассоциация «Новое качество». — 2025. — 19 сент. — URL: https://clck.ru/3Vv7Sm (дата обращения: 12.06.2026).

[7] Миронов С. М. СРЗП требует повысить контроль за бюджетными расходами на модернизацию системы ЖКХ / С. М. Миронов. — Текст: электронный // Пресс-центр партии «Справедливая Россия — За правду». — 2025. — 18 марта. — URL: https://clck.ru/3Vv7Tm (дата обращения: 12.06.2026).

[8] О техническом состоянии и износе объектов коммунальной инфраструктуры в Российской Федерации. — Текст: электронный // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. — 2025. — URL: https://minstroyrf.gov.ru/ (дата обращения: 12.06.2026).

[9] Об утверждении отчёта о ходе реализации государственной программы города Москвы «Развитие жилищно-коммунального хозяйства и благоустройство города Москвы» за 2024 год. — Текст: электронный // Официальный сайт Мэра Москвы. — 2025. — URL: https://www.mos.ru/ (дата обращения: 12.06.2026).

[10] Счетная палата оценила эффективность использования федеральных денег на создание коммунальной инфраструктуры. — Текст: электронный // Эксперт. — 2025. — URL: https://ach.gov.ru/checks/kommunalnaya-infrastruktura (дата обращения: 12.06.2026).

[11] О внесении изменений в статью 20 Жилищного кодекса Российской Федерации: законопроект / Минстрой России. — Текст: электронный // Правительство России. — 2026. — 29 апр. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1224453-8 (дата обращения: 12.06.2026).

[12] Ежедневные совещания в ГБУ «Жилищник района Черемушки»: оперативно решаем вопросы… — Текст: электронный // ГБУ «Жилищник района Черемушки». — 2025. — 25 сент. — URL: https://clck.ru/3Vv7gv (дата обращения: 12.06.2026).

[13] О работе портала «Наш город» в 2024

году. — Текст: электронный // Официальный сайт Мэра Москвы. — 2025. — URL: https://www.mos.ru/our/ (дата обращения: 12.06.2026).

[14] Текучесть кадров в ЖКХ: причины и пути решения. — Текст: электронный // Российская газета. — 2025. — 15 апр. — URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 12.06.2026).

[15] Российская газета. 8 сентября 2026 г. № 204 (10040). С. 9.

[16] Отчёт о работе ГБУ «Жилищник Бабушкинского района» за 2024 год. — Текст: электронный // Официальный сайт Совета депутатов Бабушкинского района. — 2025. — URL: https://sovet.babush.ru/ (дата обращения: 12.06.2026).

[17] Казначейские инфраструктурные кредиты: механизм и условия предоставления. — Текст: электронный // Федеральное казначейство. — 2025. — URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 12.06.2026).

References:

[1] Toporkova M.K. Activities of authorities in the city of Moscow in the field of housing and communal services / M.K. Toporkova // Organization and activities of authorities in the city of Moscow: monograph / col. authors; ed. A.Yu. Tsareva - Moscow: RUSINES, 2019. - S. 84-95.

[2] Grishin A.S. Financial and economic problems of housing and communal services and ways to solve them on the example of GBU "Housing of the South Medvedkovo district" / A.S. Grishin. - Text: direct // Young scientist. — 2024. — № 49 (548). - S. 99-103.

[3] The prosecutor's office of the Volokonovsky district checked the implementation of budget legislation... - Text: electronic // Official website of the administration of the Volokonovsky district. — 2025. - Feb. 25 - URL: https://clck.ru/3Vv7Pv (access date: 12.06.2026).

[4] Nikulin, A. A. Implementation of management decisions of housing and communal services institutions to meet the needs of residents (according to the principle of the State Budgetary Institution "Housing of the South Medvedkovo District") / A. A. Nikulin. - Text: direct // Young scientist. — 2024. — № 49 (548). - S. 126-129.

[5] Karasev, V.V. Information on the work of the State Budgetary Institution "Housing of the Babushkinsky District" in 2024 / V.V. Karasev. - Text: electronic // Official website of the Council of Deputies of the Babushkinsky district. — 2025. - URL: https://clck.ru/3Vv7RE (access date: 12.06.2026).

[6] Sergey Pakhomov: "The regime of point solutions is no longer suitable for the housing and communal services sector." - Text: electronic // Association "New quality." — 2025. - September 19 - URL: https://clck.ru/3Vv7Sm (access date: 12.06.2026).

[7] Mironov, S. M. SRZP demands to increase control over budget expenditures for the modernization of the housing and communal services system / S. M. Mironov. - Text: electronic // Press center of the party "Fair Russia - For Truth." — 2025. - March 18. - URL: https://clck.ru/3Vv7Tm (access date: 12.06.2026).

[8] On the technical condition and wear of communal infrastructure facilities in the Russian Federation. - Text: electronic // Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation. — 2025. - URL: https://minstroyrf.gov.ru/ (access date: 12.06.2026).

[9] On approval of the report on the implementation of the state program of the city of Moscow "Development of housing and communal services and improvement of the city of Moscow" for 2024. - Text: electronic // Official website of the Mayor of Moscow. — 2025. - URL: https://www.mos.ru/ (access date: 12.06.2026).

[10] The Accounts Chamber assessed the effectiveness of using federal money to create communal infrastructure. - Text: electronic // Expert. — 2025. — URL: https://ach.gov.ru/checks/kommunalnaya-infrastruktura (дата обращения: 12.06.2026).

[11] On amendments to Article 20 of the Housing Code of the Russian Federation: draft law / Ministry of Construction of Russia. - Text: electronic // Government of Russia. — 2026. - April 29 - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1224453-8 (access date: 12.06.2026).

[12] Daily meetings in GBU "Zhilishnik district Cheryomushki": promptly resolve issues... - Text: electronic // GBU "Housing of the Cheryomushki district." — 2025. - September 25 - URL: https://clck.ru/3Vv7gv (access date: 12.06.2026).

[13] On the work of the portal "Our City" in 2024. - Text: electronic // Official website of the Mayor of Moscow. — 2025. - URL: https://www.mos.ru/our/ (access date: 12.06.2026).

[14] Staff turnover in housing and communal services: reasons and solutions. - Text: electronic // Rossiyskaya Gazeta. — 2025. - April 15 - URL: https://rg.ru/ (access date: 12.06.2026).

[15] Rossiyskaya Gazeta. September 8, 2026 No. 204 (10040). S. 9.

[16] Report on the work of the State Budgetary Institution "Housing of the Babushkinsky District" for 2024. - Text: electronic // Official website of the Council of Deputies of the Babushkinsky district. — 2025. - URL: https://sovet.babush.ru/ (access date: 12.06.2026).

[17] Treasury Infrastructure Loans: Mechanism and Terms of Provision. - Text: electronic // Federal Treasury. — 2025. - URL: https://roskazna.gov.ru/ (access date: 12.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-666-670
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МУСТАФАЕВ Самед Зиядханович,
соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского ордена Почёта университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
e-mail: mustafaev.samed@yandex.ru

Научный руководитель:
ТУМАКОВ Альберт Владиславович,
начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского ордена Почёта университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА, СВЯЗАННЫЕ С ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. *Автор исследует категорию личных неимущественных прав, связанных с идентификацией физического лица, экстраполируя имеющиеся научные знания в сфере нематериальных благ на новую формирующуюся область общественных отношений. В статье подчеркивается, что формируется такая область общественных отношений за счет углубления уже известных социальных связей и придания им экономического эффекта в силу новых возможностей, обусловленных развитием цифровых и информационных технологий. Действующая правовая реальность не учитывает реальный имущественный характер возникающих в связи с использованием нематериальных благ отношений. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что возникающие субъективные права имеют комплексный характер, сочетая в себе как имущественные, так и неимущественные черты, по аналогии с интеллектуальными правами.*

Ключевые слова: *нематериальные блага, личные неимущественные права, идентификация физического лица, биометрические данные, имя гражданина, дипфейк.*

Для цитирования: *Мустафаев С. З. Личные неимущественные права, связанные с идентификацией физического лица: понятие и содержание // Право и управление. 2026. № 10. С. 666–670.*

MUSTAFAYEV Samed Ziyadkhanovich,
applicant for the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow Order of Honor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Supervisor:
TUMAKOV Albert Vladislavovich,
Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow Order of Honor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law, Associate Professor

PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS RELATED TO IDENTIFICATION OF AN INDIVIDUAL: CONCEPT AND CONTENT

Annotation. *The author explores the category of personal non-property rights associated with the identification of an individual, extrapolating the existing scientific knowledge in the field of intangible goods to the new emerging field of social relations. The article emphasizes that such an area of social relations is being formed due to the deepening of already known social ties and giving them an economic effect due to new opportunities caused by the development of digital and information technologies. The current legal reality does not take into account the real property nature of relations arising in connection with the use of intangible benefits. As a result of the study, the author concludes that the emerging subjective rights are complex, combining both property and non-property features, by analogy with intellectual rights.*

Key words: *intangible goods, personal non-property rights, identification of an individual, biometric data, citizen's name, deepfake.*

For citation: *Mustafayev S. Z. Personal non-property rights related to identification of an individual: concept and content. Law and administration. 2026;(10):666–670. (In Russ.).*

Обеспечение и защита конституционных прав человека – приоритетная задача любого правового государства, к числу которых относится Российская Федерация. Задача эта, отнюдь, непростая и требующая значительного внимания как регулятора, так и правоприменителя. Несмотря на провозглашение прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью государства (статья 2 Конституции РФ) [1], некоторые аспекты реализации данного принципа зачастую сталкивают правоприменителя с определенными проблемами. В первую очередь, речь идет о личных неимущественных правах, связанных с идентификацией человека – имя, тайна частной жизни, изображение, голос и других биометрических данных. Развитие информационных технологий неизбежно приводит к использованию нематериальных благ в информационном пространстве, при этом порой это происходит вопреки воле гражданина и установленным законодателем запретам.

Принцип неотчуждаемости нематериальных благ был установлен еще представителями советской науки [11, с. 95]. Однако за последние 20 лет отношение общества к нематериальным благам существенно изменилось: это касается как частной сферы интересов граждан, так и публичной сферы интересов государства. Самая главная проблема последних лет кроется в коммерциализации нематериальных благ, о которой активно говорит Т.С. Яценко [12]. Стоит согласиться с тем, что в настоящее время человек может стать источником экономического капитала, а его нематериальные блага постепенно превращаются в товар [13]. Наиболее ярко данная проблема раскрывается через категорию «персональные данные», которая нашла отражение в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) [3]. Категории персональных данных уделяется сегодня особое внимание. Не случайно в июле 2026 года продолжилось подписание Президентом РФ В.В. Путиным законов, направленных на усиление защиты персональных данных [10]. В юридической литературе даже сложилось научное мнение о самостоятельности правового института персональных данных как одной из групп информационных правоотношений [7, с. 8]. Однако такое представление базируется исключительно на отраслевых началах публичного права и не учитывает особенности частноправового режима нематериальных благ.

Автор обращается к частноправовой категории нематериальных благ в связи с тем, что отношения по использованию и обработке персональных данных онтологически возникают в частноправовой плоскости. Согласно Конституции РФ, каждый гражданин имеет право на честь, доброе имя, тайну частной жизни и т.д. Все указанные права принадлежат гражданину как физическому лицу, имеющему свои собственные (частные) интересы. Обращаясь в медицинскую организацию за оказанием услуг, гражданин передает свои персональные данные как физическое лицо. В случае, если организация незаконно использует эти данные, гражданин будет претерпевать негативные последствия как частное лицо. Именно поэтому автор убежден в том, что оборот персональных данных изначально образуется в плоскости частных отношений, что должно найти свое должное отражение в правовом регулировании. По своей правовой природе такие объекты являются нематериальными благами, однако их гражданско-правовое регулирование носит достаточно фрагментарный характер.

Действующее гражданское законодательство не изобилует нормами об охране нематериальных благ, не говоря уже о возникающих регулятивных нормах. Глава 8 части I Гражданского кодекса РФ [2] закрепляет общие положения, которые базируются на классических представлениях неотчуждаемости нематериальных благ и неимущественном характере возникающих отношений. Как отмечается в литературе, «Особенностями нематериальных благ как объектов гражданского права являются, во-первых, отсутствие экономического содержания, а во-вторых, неотчуждаемость таких благ от носителя» [9, с. 41]. Однако современные реалии уже давно вышли

за рамки подобных привычных представлений. Ярким примером тому служит деятельность блогеров с большим количеством подписчиков. В данном случае сам блогер (его изображение, голос, манеры, личностные черты) уже выступают определенным экономическим активом, который на рынке имеет высокую ценность в силу узнаваемости и востребованности. Вместе с тем стоит согласиться с Т.С. Яценко, что правовая природа таких объектов исключает возможность их выступления в качестве предмета гражданско-правовой сделки [12, с. 180]. Здесь же стоит поддержать превалирующую в науке позицию о том, что в обороте могут выступать субъективные права на нематериальные блага, хотя в науке подчеркивается особая роль личных неимущественных прав в силу того, что нематериальные блага «неотчуждаемы от гражданина и не могут использоваться другими лицами» [5, с. 339].

Безусловно, с развитием цифровых и информационных технологий особый характер нематериальных благ не утратил своей сущности, но приобрел новые черты – черты явно экономического характера. В первую очередь, это касается нематериальных благ, содержание которых позволяет идентифицировать физическое лицо. По большому счету, речь идет именно о тех нематериальных благах, которые законодатель относит к числу персональных данных по смыслу п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных. Однако такое определение находит пересечение с иным объектом гражданского права – с информацией, поскольку законодатель определяет персональные данные именно через категорию информации. Автор не углубляется в дискуссию о возможности признания или непризнания информации в качестве объекта гражданских прав, ограничиваясь обозначением позиции о том, что информации присущи ценностные свойства, способные придавать ей особый правовой режим [8, с. 85-89]. При этом правовой режим информации не может совпадать с правовым режимом нематериальных благ.

Нематериальные блага, связанные с идентификацией физического лица, несут информационную нагрузку для общества, поскольку содержат сведения о конкретном участнике гражданского оборота. Имя гражданина, согласно ст. 19 ГК РФ, состоит из фамилии, имени и отчества (если это предусмотрено законом или национальным обычаем) и направлено на индивидуализацию человека как участника правовых отношений. Похожая ситуация складывается с биометрическими данными и тайной частной жизни, хотя не всегда их сущность связана с индивидуализацией человека. Вместе с тем их ценность заключается именно в том, что с помощью них возможна индивидуализация человека. В этой связи совершенно уместным выглядит выражение, что персональные данные выступают сегодня важным коммерческим активом. Дело в том, что одна группа сведений позволяет индивидуализировать человека, установить с ним контакт и привлечь его к потреблению товаров, работ и услуг. Другая группа сведений фактически сама по себе является активом, поскольку использование, например, изображения или голоса гражданина, может приносить доход. Наиболее ярким примером выступает технология дипфейк, которая позволяет создавать видео с изображением и голосом конкретного гражданина и привлекать тем самым целевую аудиторию. Справедливо подчеркивается в литературе, что при создании и использовании контента могут быть допущены нарушения [4, с. 22-30]. Очевидно также, что законодатель должен предусматривать порядок и границы использования нематериальных благ в коммерческих целях.

В первую очередь речь идет о том, что в науке сложилась распространенная точка зрения по поводу субъективных гражданских прав, возникающих в отношении нематериальных благ, которые носят личный неимущественный характер. Такой подход в очередной раз подтверждает устоявшиеся консервативные представления о нематериальных благах как неотчуждаемых объектах. Вместе с тем обозначенные выше факторы в полной мере обусловливают необходимость смены парадигмы научного мышления. Обладают ли сегодня нематериальные блага экономическим содержанием – очевидно да. В этой связи именовать возникающие субъективные гражданские права личными неимущественными представляется не совсем верным и целесообразным. Представляется, что возникающие права уже давно приобретают общие черты с теми, которые возникают в связи с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности, то есть приобретают комплексный (составной) характер. Интеллектуальные права по своей структуре являются сложными, включают как имущественные (исключительные), так и личные неимущественные права. Автор убежден в том, что сегодня возможность использования нематериальных благ, связанных с идентификацией физического лица, полностью совпадает с экономическим смыслом имущественных отношений. В этом смысле уместны размышления А.Г. Карапетова о том, что правовые нормы с точки зрения экономики выступают некими стимулами к конкретным поведенческим реакциям [6, с. 63]. Иными словами, правовые нормы с экономической позиции должны приводить к вполне конкретным экономическим эффектам и стимулировать субъектов к определенному поведению. С этих позиций можно уверено сказать, что действующие правовые нормы в сфере правового регулирования нема-

териальных благ являются малоэффективными, поскольку не учитывают современные социально-экономические реалии.

Учитывая вышеизложенное, следует заключить, что понимание личных неимущественных прав, связанных с идентификацией физического лица, требует нового цивилистического осмысления. Личные неимущественные прав, связанные с идентификацией физического лица, следует понимать как субъективные гражданские права, возникающие не только в связи с обладанием нематериальными благами, с помощью которых возможна индивидуализация физического лица, и их правовой охраной, но и в связи с различными способами их использования.

Отсутствие экономического содержания возникающих прав не соответствует реально складывающимся общественным отношениям, поскольку гражданскому обороту известно достаточное число случаев коммерциализации нематериальных благ, связанных с идентификацией физического лица. Закрепленные в Законе о персональных данных общие положения направлены на регулирование общественных отношений в публичной сфере, в то время как изначально такие отношения складываются между частными субъектами. Предлагается наполнить содержание таких прав как имущественным, так и неимущественным содержанием, по аналогии с интеллектуальными правами.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[4] Архиереев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 22-30.

[5] Гражданское право: учебник : в 4 т. /отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. Т. I: Общая часть. – 576 с.

[6] Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016 – 528 с.

[7] Кучеренко А.В. Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации: автореф. дис. … к.ю.н. – Челябинск, 2010. – 23 с.

[8] Малышева Н. А. Ценностные свойства информации и их критерии // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 7. С. 85-89.

[9] Овод И.В., Габбасова И.М. Нематериальные блага как объекты гражданских прав и способы их защиты // Colloquium-journal. 2021. № 15 (102). С. 40-41.

[10] Путин подписал закон о защите персональных данных // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3VMqWM (дата обращения: 22.08.2026).

[11] Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.

[12] Яценко Т.С. Парадигма развития гражданско-правового режима нематериальных благ в условиях их коммерциализации // Вестник гражданского права. 2026. Т. 26. № 1. С. 172-195.

[13] Barbas S. From Privacy to Publicity: The Tort of Appropriation in the Age of Mass Consumption // Buffalo Law Review. 2013. Vol. 61. P. 1166–1170.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 31.07.2006. No. 31 (1 hour). Art. 3451.

[4] Bishop N.V. Legal regulation of the creation and use of deepfakes // Legal state: theory and practice. 2025. № 2 (80). S. 22-30.

[5] Civil law: textbook: in 4 volumes / rev. ed. E.A. Sukhanov. - 2nd ed. reworked. and add. - Moscow: Statute, 2019. T. I: General part. - 576 p.

[6] Karapetov A.G. Economic analysis of law. - M.: Statute, 2016 - 528 p.

[7] Kucherenko A.V. Legal regulation of personal data in the Russian Federation: author's review. dis.... Ph.D. - Chelyabinsk, 2010. - 23 s.

[8] Malysheva N. A. Value properties of information and their criteria // Gaps in Russian legislation. 2024. VOL. 17, NO. 7. S. 85-89.

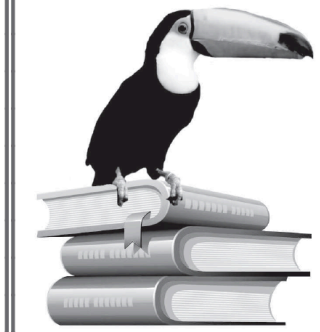
[9] Gadfly I.V., Gabbasova I.M. Intangible goods as objects of civil rights and ways to protect them // Colloquium-journal. 2021. № 15 (102). S. 40-41.

[10] Putin signed a law on the protection of personal data // RIA Novosti [Electronic resource] URL: https://clck.ru/3VMqWM (date of appeal: 22.08.2026).

[11] Fleischitz E.A. Personal rights in civil law of the USSR and capitalist countries / Fleischitz E.A. Selected works on civil law: in the 2 of Comrade T. 1. M.: Statute, 2015.

[12] Yatsenko T.S. Paradigm for the development of the civil law regime of intangible goods in the context of their commercialization // Bulletin of Civil Law. 2026. T. 26. № 1. S. 172-195.

[13] Barbas S. From Privacy to Publicity: The Tort of Appropriation in the Age of Mass Consumption // Buffalo Law Review. 2013. Vol. 61. P. 1166–1170.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-671-676
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

АКИМОВА Разида Алихановна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия, e-mail: razida.akimova@gmail.com

МУРАДОВА Зарема Рамазановна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия, e-mail: zaremamuradova@mail.ru

ГАДЖИЕВА Аида Расуловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия, e-mail: Gadjieva33@mail.com

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются изменения в организации маркетинговой деятельности торговых предприятий, обусловленные ускорением технологического развития и распространением информационных технологий. Основной целью исследования является раскрытие особенностей развития маркетинговых технологий как инструментов воздействия на потребительское поведение, а также определение современных принципов управления маркетинговой деятельностью в условиях высокой насыщенности рынка. Исследование основано на системном подходе к рассмотрению маркетинговых процессов и использовании классической концепции управления маркетингом Ф. Котлера. Раскрывается взаимосвязь между анализом рыночной среды, выбором целевых сегментов, формированием комплекса маркетинга и реализацией управленческих решений. Отдельное внимание уделено влиянию цифровизации на содержание маркетинговых коммуникаций, информационную обеспеченность потребителей и инструментарий взаимодействия торгового предприятия с рынком. Обосновано, что современное управление маркетинговой деятельностью должно строиться как непрерывный адаптационный процесс, предполагающий постоянное исследование внешней и внутренней среды и корректировку параметров маркетингового комплекса в соответствии с изменениями спроса. Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования при формировании адаптивных маркетинговых стратегий торговых предприятий, функционирующих в условиях интенсивной конкуренции и цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *маркетинг, маркетинговые технологии, управление маркетингом, торговое предприятие, маркетинговая деятельность, маркетинговые коммуникации, цифровизация, маркетинговый комплекс, потребительский спрос.*

Для цитирования: *Акимова Р. А., Мурадова З. Р., Гаджиева А. Р. Технологические подходы к управлению маркетинговой деятельностью торгового предприятия // Право и управление. 2026. № 10. С. 671–676.*

AKIMOVA Razida Alikhanovna,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia

MURADOVA Zarema Ramazanovna,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia

GADZHIEVA Aida Rasulovna,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia

TECHNOLOGICAL APPROACHES TO MANAGING THE MARKETING ACTIVITIES OF A TRADING ENTERPRISE

Annotation. *This article examines changes in the organization of marketing activities within trading enterprises, driven by accelerated technological development and the proliferation of information technologies. The study focuses on the broad development of marketing technologies as tools for influencing consumer behavior and characterizes the modern marketing landscape amidst high market saturation. The research employs a systems approach to marketing processes and utilizes Philip Kotler's classical marketing management concept. It explores the interrelationships between market environment analysis, target segment selection, marketing mix strategies, and the implementation of management decisions. Particular attention is paid to the impact of digitalization on the content of marketing communications, consumer access to information, and the tools trading enterprises use to interact with the market. The study argues that modern marketing environment management must be a continuous adaptive process, involving ongoing analysis of external and internal environments and the adjustment of marketing mix parameters in response to shifting mindsets. The practical value of the findings lies in their applicability to competitive marketing strategies for trading enterprises operating in an environment of fierce competition and digital transformation.*

Key words: *marketing, marketing technologies, marketing management, trading enterprise, marketing activities, marketing communications, digitalization, marketing mix, consumer demand.*

For citation: *Akimova R. A., Muradova Z. R., Gadzhieva A. R. Technological approaches to managing the marketing activities of a trading enterprise. Law and administration. 2026;(10):671–676. (In Russ.).*

Современная система предпринимательской деятельности характеризуется постоянным поиском новых способов организации обменных процессов, каналов реализации продукции и форм взаимодействия с потребителями. Усиление конкуренции и изменение структуры потребительского спроса обусловливают необходимость применения таких маркетинговых инструментов, которые позволяют торговому предприятию своевременно реагировать на изменения рыночной ситуации и поддерживать устойчивость своих конкурентных позиций. В результате происходит последовательное расширение маркетингового инструментария за счет внедрения технологических решений, ориентированных на решение новых задач, возникающих в процессе развития рыночных отношений.

Маркетинговые технологии целесообразно рассматривать как разновидность социальных технологий, посредством которых осуществляется целенаправленное воздействие на поведение различных субъектов социально-экономической системы. К таким субъектам относятся отдельные потребители, группы потребителей, организации и общество в целом. В деятельности коммерческих структур применение подобных технологий связано прежде всего с организацией эффективного взаимодействия между продавцом и покупателем, формированием спроса, продвижением товаров и обеспечением результативности обменных процессов.

Развитие маркетингового инструментария происходит неравномерно. Появление нового технологического решения может существенно изменить сложившуюся практику работы предприятия, если оно обеспечивает более высокую результативность по сравнению с ранее применявшимися методами. Поэтому инновационность маркетингового инструмента определяется не только фактом его появления, но и способностью

решать практические задачи эффективнее существующих подходов. История развития маркетинга свидетельствует о последовательной смене и модификации применяемых инструментов. Методики, которые на определенном этапе развития рынка считались наиболее результативными, впоследствии дополнялись либо заменялись решениями, соответствующими новым условиям хозяйствования. Вместе с тем образовательная и научная литература нередко продолжает акцентировать внимание на традиционном маркетинговом инструментарии даже после появления новых методов, получивших широкое практическое применение.

Для современного специалиста в сфере маркетинга принципиальное значение имеет понимание того, что возникновение новых способов управления рыночной деятельностью является закономерным результатом развития самой маркетинговой концепции. Следовательно, технологические изменения необходимо рассматривать не как отдельные разрозненные нововведения, а как элемент непрерывной трансформации системы взаимодействия предприятия с рынком.

Особое значение в данном процессе имеет информатизация. Распространение информационных технологий существенно изменило способы производства, обработки и передачи информации, а вместе с ними — содержание маркетинговых коммуникаций. Изменения затрагивают практически все элементы взаимодействия торгового предприятия с потребителем: от способов получения информации о спросе до выбора каналов коммуникации и методов стимулирования покупки.

В современных условиях цифровые технологии проникают в различные элементы рыночной системы, вследствие чего изменяются механизмы функционирования предприятий и характер взаимодействия экономических субъектов. Для торговых организаций это означает необходимость пересмотра традиционных подходов к формированию маркетинговой политики и адаптации применяемых инструментов к новой информационной среде. Использование современных маркетинговых технологий становится одним из факторов результативности коммуникационной политики торгового предприятия. Необходимость технологического развития маркетинговых процессов определяется совокупностью объективных обстоятельств.

Во-первых, цифровые инструменты расширяют возможности сегментирования потребительской аудитории. Использование различных каналов коммуникации — мобильных сервисов, социальных сетей, цифровых платформ и других средств — позволяет торговому предприятию более точно учитывать особенности отдельных групп потребителей и выстраивать взаимодействие с ними с учетом их поведения и предпочтений.

Во-вторых, применение современных средств контент-маркетинга способствует формированию устойчивого информационного присутствия предприятия. Регулярное предоставление потребителю содержательной информации позволяет раскрывать особенности предлагаемой продукции, формировать представление о ценностях предприятия и поддерживать коммуникацию с целевой аудиторией.

В-третьих, развитие программных решений создает дополнительные возможности для персонализации взаимодействия с покупателями. Автоматизация отдельных операций и использование накопленной информации о клиентах позволяют адаптировать содержание коммуникаций и обслуживания к особенностям конкретного потребителя. Это способствует формированию более последовательного клиентского опыта и может положительно влиять на удержание покупателей.

В-четвертых, аналитические технологии расширяют возможности обоснования маркетинговых решений. Обработка больших массивов данных, применение инструментов аналитики и прогнозирования позволяют сопоставлять маркетинговые мероприятия с фактическими изменениями потребительского поведения. Контроль ключевых показателей деятельности обеспечивает возможность своевременной корректировки реализуемых мероприятий и более рационального распределения маркетинговых ресурсов.

В-пятых, технологическая развитость маркетинговой системы повышает способность предприятия реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Изменение структуры спроса, появление новых конкурентных предложений и трансформация потребительских предпочтений требуют от торговой организации высокой скорости принятия решений. В этих условиях цифровые инструменты становятся одним из механизмов адаптации предприятия к внешним изменениям.

В-шестых, цифровизация способствует расширению географии деятельности предприятий. Использование электронных каналов коммуникации и реализации продукции позволяет взаимодействовать с потребителями, находящимися за пределами традиционной территории присутствия организации, что создает дополнительные возможности масштабирования бизнеса.

Таким образом, внедрение современных маркетинговых технологий следует рассматривать как составную часть системы управления торговым предприятием. Их применение связано не только с продвижением продукции, но и с организацией постоянного информационного взаимодействия с рынком, изучением поведения

потребителей и корректировкой маркетинговых решений.

Информатизация существенно изменила характер отношений между производителями, продавцами и покупателями. Трансформировались каналы продвижения и реализации продукции, способы получения информации о товарах и формы маркетинговых коммуникаций. Современный потребитель имеет доступ к значительному объему сведений о предложениях различных компаний и может самостоятельно сопоставлять характеристики товаров, цены, отзывы и условия приобретения. Рост информационной обеспеченности покупателей изменяет характер их поведения. Потребитель становится более самостоятельным в процессе выбора, поскольку располагает большим количеством источников информации и может заранее изучить альтернативные предложения. В результате торговому предприятию становится недостаточно использовать только традиционные методы воздействия на спрос. Возникает необходимость более глубокого изучения потребностей, мотивов и моделей поведения целевой аудитории.

Изменение потребительского поведения, в свою очередь, приводит к трансформации методов его исследования. Речь идет не только о внедрении отдельных технологических инструментов, но и о пересмотре общих принципов организации маркетинговой деятельности. Современный маркетинг все в большей степени ориентируется на непрерывное получение информации, анализ изменений спроса и оперативную адаптацию предложения.

Управление в широком понимании представляет собой организацию определенной совокупности процессов для достижения заранее сформулированных целей. Если маркетинг рассматривать как самостоятельный вид деятельности предприятия, то управление маркетингом следует определять, как целенаправленную организацию и регулирование данной деятельности. В классическом подходе управление маркетингом предполагает комплексное воздействие на рыночную деятельность предприятия посредством планирования, организации, учета и контроля осуществляемых мероприятий с учетом особенностей рыночной и конкурентной среды. Конечной целью такого управления выступает обеспечение результативности деятельности предприятия и достижение его рыночных целей.

Применительно к торговым предприятиям содержание управления маркетингом имеет определенную специфику. Оно связано с организацией деятельности, направленной на выявление, удовлетворение и, в необходимых случаях, формирование потребностей покупателей посредством последовательного планирования, организации и контроля маркетинговых мероприятий. При этом решения должны приниматься с учетом состояния рынка, особенностей конкурентной среды и возможностей самого предприятия.

Система управления маркетинговой деятельностью предполагает наличие взаимосвязанных элементов: субъекта управления, объекта управления, внешней среды, информационных потоков и механизмов обработки полученной информации. В качестве объекта маркетингового управления традиционно рассматривается потребительское поведение. От характера реакции покупателей на предложение предприятия во многом зависит его положение на рынке. Именно совершение покупателем приобретения непосредственно связано с реализацией экономического результата деятельности торговой организации. Поэтому важной задачей маркетингового управления является формирование условий, при которых предложение предприятия соответствует актуальным потребностям целевой аудитории.

Процесс управления маркетингом представляет собой взаимосвязанную последовательность действий, обеспечивающих переход от изучения рыночной ситуации к разработке и реализации конкретных управленческих мероприятий. В соответствии с классической моделью Ф. Котлера данный процесс включает четыре основных этапа:

исследование и оценку рыночных возможностей;

определение целевых рынков;

формирование комплекса маркетинга;

реализацию маркетинговых мероприятий и контроль их выполнения.

Рисунок 1 — Процесс управления маркетингом

Маркетинговая концепция предполагает, что

управленческие решения должны основываться на достоверной информации о потребителях, характере их потребностей и степени удовлетворенности предлагаемыми товарами и услугами. В связи с этим информационное обеспечение становится необходимой составляющей маркетингового управления. Следовательно, маркетинговое управление торговым предприятием можно определить, как организованное функционирование маркетинговой системы, направленное на достижение рыночных целей посредством формирования и корректировки параметров маркетингового комплекса с учетом состояния спроса и особенностей потребительского поведения.

Технология управления маркетинговой деятельностью включает совокупность аналитических, экспертных и организационных процедур, посредством которых выявляются возможности и угрозы, оценивается конкурентное положение торгового предприятия, формируются варианты управленческих решений и определяются направления дальнейшего развития. Важной составляющей данной технологии является принятие решений по вопросам маркетингового планирования, определения стратегических ориентиров, выбора инструментов взаимодействия с целевыми сегментами и формирования оптимального маркетингового комплекса. Исходным этапом управления маркетинговой деятельностью торговой организации является исследование внешней среды. Его назначение состоит в выявлении факторов, которые способны оказать влияние на текущее состояние и перспективы развития предприятия. В процессе такого исследования определяются потенциальные рыночные возможности, оцениваются существующие угрозы и устанавливается степень соответствия деятельности предприятия изменяющимся условиям.

Исследование товарных рынков позволяет получить сведения о структуре потребительской аудитории, определить особенности поведения постоянных покупателей и оценить результативность ранее реализованных мероприятий по привлечению клиентов. Одновременно появляется возможность определить перспективы реализации конкретных товарных групп на отдельных территориях и в определенных сегментах рынка. Полученные сведения выступают информационной основой для принятия управленческих решений. Их использование позволяет торговому предприятию своевременно корректировать свою деятельность в соответствии с изменениями внешней среды и внутренними возможностями организации.

Внешняя среда при этом выступает одним из важнейших источников маркетинговой информации. Однако сама по себе информация не обеспечивает принятия эффективного решения. Она должна быть систематизирована, обработана и интерпретирована с учетом целей предприятия. В связи с этим особую роль приобретает аналитическая функция маркетинга. Она заключается в комплексном исследовании внешних и внутренних условий функционирования организации, сборе необходимых сведений, их обработке, классификации и преобразовании в информацию, пригодную для принятия управленческих решений.

На различных этапах управления руководители торгового предприятия нуждаются в информации определенного содержания и объема. Полученные сведения систематизируются и анализируются, после чего используются для подготовки управленческих решений и передачи соответствующих указаний структурным подразделениям. Таким образом, информационное обеспечение связывает отдельные элементы управленческого цикла в единую последовательную систему.

Маркетинговая ориентация предприятия предполагает концентрацию взаимосвязанных маркетинговых функций в рамках единой системы управления. Координация соответствующих процессов может осуществляться руководителем маркетингового направления либо иным должностным лицом, на которое возложены функции стратегического и оперативного управления маркетинговой деятельностью. Конкретное распределение полномочий определяется организационной структурой торгового предприятия. Маркетинговое направление в системе управления организацией объединяет ряд функциональных задач. К ним относятся исследование рыночной среды, подготовка предложений по развитию товарного ассортимента, организация распределения и продаж, формирование ценовой политики, продвижение товаров, стимулирование спроса, организация обслуживания покупателей, а также планирование соответствующих ресурсов и расходов.

При этом эффективность маркетингового управления определяется не отдельным инструментом, а согласованностью всех элементов системы. Изолированное применение цифровой аналитики, рекламных технологий или отдельных каналов коммуникации не позволяет в полной мере реализовать возможности современного маркетинга. Необходима их интеграция в общую систему принятия управленческих решений.

В условиях насыщенного рынка и высокой конкуренции устойчивость торгового предприятия во многом зависит от способности предлагать товары и услуги, соответствующие конкретным потребительским запросам. Поэтому маркетинговое управление должно быть ориентировано не только на продвижение уже сформированного предложения, но и на постоянное изучение рын-

ка, выявление изменений в потребностях целевых групп и своевременную адаптацию параметров деятельности предприятия.

Таким образом, современная технология управления маркетингом торгового предприятия представляет собой непрерывный процесс, в котором исследование рынка, обработка информации, сегментирование потребителей, формирование маркетингового комплекса, реализация мероприятий и контроль результатов находятся во взаимной зависимости.

Технологическая модернизация расширяет возможности каждого из указанных элементов, однако ее эффективность определяется тем, насколько последовательно применяемые инструменты связаны с целями предприятия и реальными изменениями потребительского спроса.

Список литературы:

[1] Шабанова М. М. Эффективность маркетинговых систем: методика анализа и результаты обследования / М. М. Шабанова, Р. А. Акимова, З. А. Рамазанова // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2011. – № 3. – С. 93-97. – EDN OZYNWL.

References:

[1] Shabanova M. M. Effectiveness of marketing systems: analysis methodology and survey results / M. M. Shabanova, R. A. Akimova, Z. A. Ramazanova // Management and business administration. – 2011. – № 3. - S. 93-97. – EDN OZYNWL.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-677-682
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СТРАНЦОВ Алексей Алексеевич,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин БЮИ МВД России, подполковник полиции,
e-mail: strancovaa@buimvd.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПЕРЕДАЧЕ АБОНЕНТСКИХ НОМЕРОВ ПОДВИЖНОЙ РАДИОТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренного статьей 274.4 УК РФ, введенной в действие с 1 сентября 2025 года. Анализируется обоснование криминализации организации незаконной деятельности по передаче абонентских номеров подвижной радиотелефонной связи, учитывая необходимость противодействия росту дистанционных преступлений и борьбой с телефонным мошенничеством. Предлагается использование нового понятия «сим-дроппинг» для обозначения организации незаконной деятельности по передаче абонентских номеров подвижной радиотелефонной связи. Изучается вопрос о категории рассматриваемого преступления, связанного с его массовым использованием в криминальных схемах, вовлечением граждан в противоправную деятельность, подрывом информационной безопасности и доверия к связи в России.*

Ключевые слова: *корыстная заинтересованность, общественная опасность, подвижная радиотелефонная связь, передача абонентских номеров, сим-карты, преступления в сфере компьютерной информации, уголовная ответственность.*

Для цитирования: *Странцов А. А. Общественная опасность организации незаконной деятельности по передаче абонентских номеров подвижной радиотелефонной связи // Право и управление. 2026. № 10. С. 677–682.*

STRANTSOV Alexey Alekseevich,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

PUBLIC DANGER OF ORGANIZING THE ILLEGAL TRANSFER OF MOBILE SUBSCRIBER NUMBERS

Annotation. *The article examines the nature and degree of public danger of the offense provided for by Article 274.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, which came into force on September 1, 2025. It analyzes the rationale behind criminalizing the organization of illegal activities involving the transfer of mobile radiotelephone subscriber numbers, taking into account the need to counter the rise in remote crimes and combat phone fraud. It is proposed to use the new term «SIM-dropping» to denote the organization of illegal activities involving the transfer of mobile radiotelephone communication numbers. The study explores the categorization of the crime in question, linking it to its mass utilization in criminal schemes, the involvement of citizens in illegal activities, and the undermining of information security and public trust in telecommunications in Russia.*

Key words: *self interested motivation, public danger, mobile radiotelephone communication, transfer of subscriber numbers, SIM cards, cybercrimes, criminal liability.*

For citation: *Strantsov A. A. Public danger of organizing the illegal transfer of mobile subscriber numbers. Law and administration. 2026;(10):677–682. (In Russ.).*

В современный период существования социума информационные технологии и связь по сравнению с другими общественными сферами развиваются экспоненциально быстро, так как новые технологии не просто сменяют старые, а ускоряют появление следующих. Долгое время развитие процессоров подчинялось Закону Мура [1], по которому удвоение количества транзисторов на чипе происходило каждые два года. На сегодня классический кремний уже подходит к своим физическим границам, но скорость вычислений продолжает расти за счет новых архитектур, в частности суперкомпьютеров и искусственного интеллекта. Актуальным трендом является конвергенция (слияние) технологий, когда облачные вычисления, сверхбыстрая связь (5G) и искусственный интеллект объединяются, что приводит не к постепенным, а лавинообразным изменениям в различных областях общественной жизни.

Отмеченные выше скоростные преобразования технологий в области связи, в свою очередь, создают благоприятные условия для появления новых общественно опасных деяний, которым сложно противостоять по причине их искусственной анонимности и трансграничного характера совершения таковых. На территории государства возникает повсеместная ситуация, при которой злоумышленники, в том числе активизируясь за рубежом, адаптируются к использованию технологий быстрее, чем законодательные органы власти и правоохранительная система в целом. К таким противоправным деяниям, обладающим значительной вредоносностью, следует отнести преступления в сфере компьютерной информации (киберпреступления). При этом отмечается высокий удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (около 40%), и ежегодный неуклонный рост этого показателя (10-15%) [2].

Дополнительный фактор, повышающий общественную опасность подобных правонарушений помимо высокоразвитых современных технологий, заключается в возможности применения методов социальной инженерии в совокупности с территориальной отдаленностью. Телефонные мошенники и создатели фишинговых сайтов используют приемы психологического воздействия – страх, спешку, авторитет правоохранительных органов (полиции, Росгвардии, ФСБ, ФССП и др.) и (или) известных кредитных организаций (Сбербанк, Т-банк и т.д.). Преступный успех также может быть вызван цифровой и правовой неграмотностью потерпевших, тяжелым финансовым положением, а также их сложной жизненной ситуацией. При этом злоумышленник может находиться в другом населенном пункте, регионе, иностранном государстве, создавая себе анонимность, ощущая себя заведомо безнаказанно и уверенно нарушая права, законные интересы физических, юридических лиц, публично-правовых образований на территории России. Организованные преступные группы создают разветвленные схемы незаконного оборота абонентских номеров, используемых в качестве инструмента для совершения хищений, вымогательств, незаконного сбора персональных данных и иных противоправных деяний [3, с. 74].

Особо негативная ситуация возникает при функционировании организованной преступной группы за рубежом, что закономерно осложняет получение информации для расследования уголовного дела, когда официальные международные запросы согласовываются и направляются в течение более длительного времени, чем период удаления возможных доказательств о причастности к совершению определенного киберпреступления. Учитывая проведение Россией Специальной Военной Операции (СВО), должностные лица в некоторых государствах (Украина, Польша, Швеция, Канада и др.) умышленно игнорируют факты совершения преступных деяний, если таковые направлены против российских граждан.

С учетом названных аспектов возрастающей общественной опасности киберпреступлений и с целью эффективного противодействия совершению как криминальных деяний в сфере компьютерной информации, так и иных преступных посягательств (мошенничество, вымогательство, экстремизм, диверсии и т. д.) Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ с 1 сентября 2025 года введена в действие ст. 274.4 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за организацию незаконной деятельности по передаче абонентских номеров подвижной радиотелефонной связи, а также участия в такой деятельности при наличии корыстной заинтересованности или с целью совершения иного преступления. Социальная и правовая ценность новой уголовно-правовой нормы, на взгляд автора, не вызывает сомнений, поскольку организация противоправной деятельности по торговле абонентскими номерами подвижной радиотелефонной связи без реальной идентификации или регистрации на фактического пользователя в обход официального контроля (так называемые «серые» сим-карты), прямо или косвенно направлена на создание криминальной инфраструктуры для последующего совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Такие сим-карты оформляются на паспортные данные дропперов или через корпоративные контракты фиктивных фирм-однодневок, чтобы в дальнейшем осуществить попытку скрыть личность лица, использующего сотовую связь для противоправных целей при совершении телефонных звонков или использовании ресурсов сети

«Интернет». Посредники, иногда не подозревая, что нарушают законодательный запрет, распространяют сим-карты в торговых центрах, на улицах, онлайн, через курьеров без заключения предусмотренного законодательством официального договора с абонентом подвижной радиотелефонной связи.

Дроппер (дроп) – это сложившееся в финансовой и юридической практике общеизвестное понятие, определяющее субъекта умышленного либо неосторожного криминального посредничества, который предоставляет свои банковские карты, реквизиты или доступ к онлайн-банку для поддержания оборота (перечисления) денежных средств, полученных незаконным путем. Исходя из факта заимствования названного термина из английского языка, автор полагает, что более корректно понятие «дроппер» как субъект действия (существительное «dropper»), чем «дроп» как само действие (глагол «drop»). Дропперство может быть как осознанным, так и случайным (невольным). В первом случае дропперы понимают, что участвуют в преступной схеме, и выполняют свою роль ради корыстной заинтересованности, что может быть выражено, в том числе в возмездной передаче сим-карт, зарегистрированных с использованием их персональных данных. Во второй ситуации дропперами становятся потерпевшие, введенные в заблуждение, то есть в отношении которых был реализован противоправный замысел. Речь идет, как правило, о людях, поверивших в «легкий заработок» («менеджер по переводам», «финансовый консультант» и т. д.), либо те, кому якобы ошибочно перевели деньги на банковскую карту с просьбой вернуть владельцам, но уже на другой банковский счет.

Учитывая факты выявления в российской правовой реальности деятельности дропперов, умышленно предоставляющих свои абонентские номера для совершения противоправных действий, то с целью обозначения незаконной деятельности по распространению «серых» сим-карт, предлагается ввести в сферу юридической кибербезопасности термин «сим-дроппинг», который, в отличие от «сим-свопинга» (подмена сим-карты), в настоящее время еще не применялся. Термины «сим-делегация» или «сим-пушинг» имеют схожее с «сим-дроппингом» значение, но не подходят для наименования противоправной деятельности, так как могут являться вполне законными операциями с сим-картами. Не вполне отражает конкретную сущность рассматриваемого уголовно наказуемого явления и термин «сим-фрод», по причине его более абстрактного определения общей сферы телефонных мошенничеств. Предлагаемое понятие «сим-дроппинг» подразумевает не только устоявшийся негативный смысл в понимании граждан России (криминальные схемы с участием подставных лиц), но и организованность, системность, массовость незаконного распространения сим-карт, как правило, для совершения иных противоправных действий.

Характер и степень общественной опасности сим-дроппинга заключается в создании теневого рынка сим-карт, существование которого подрывает информационную безопасность и доверие к связи, когда при звонке с незнакомого номера принимающий абонент привычно игнорирует вызов, по умолчанию предполагая, что может быть таргетирован атакой мошенников. Нелегальный оборот номеров нарушает установленный государством порядок идентификации абонентов и в целом дестабилизирует работу телекоммуникационной сферы общества, снижая ее ценность, так как передача сим-карт неустановленным лицам деструктивирует систему обязательной идентификации абонентов. При такой ситуации государство и мобильные операторы теряют возможность реализовывать функции контроля в отношении подвижной радиотелефонной связи, чем активно пользуются участники преступных групп и сообществ, которые как правило, лично не знакомы, не осведомлены о конкретных посягательствах, применяемых орудиях и средствах [4, с. 15].

Незаконная передача сим-карт с абонентскими номерами, оформленными на других лиц, обеспечивает анонимизацию злоумышленников, позволяет преступникам скрывать свою реальную личность при телефонных звонках потенциальным жертвам, что существенно затрудняет оперативно-розыскные мероприятия и успешное расследование киберпреступлений. Организаторы рассматриваемой незаконной деятельности, как правило, используют обман, обещания заработка, провоцируя людей оформлять на себя десятки номеров для их дальнейшей передачи в руки преступников.

При этом начальной целевой аудиторией для осуществления сим-дроппинга, как правило, являются представители молодежи и уязвимых групп населения, которые вербуются посредством соцсетей или мессенджеров под предложением якобы легальной подработки, фактически склоняя граждан к совершению преступлений. Так, в производстве ОРП УМВД СУ УМВД России по г. Липецку находится уголовное дело № 126014200.24000117 по подозрению несовершеннолетних ФИО7 и ФИО8, ФИО1 и неустановленных лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 274.4, ч. 1 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Вместе с тем, на момент рассмотрения судом апелляционной инстанции апелляционной жалобы на постановление об избрании меры пресечения изменились основания, учитываемые судом при решении вопроса об

избрании меры пресечения, а именно согласно постановлению о предъявлении обвинения ФИО1 6 августа 2026 г. ей предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274.4 УК РФ, относящегося к категории небольшой тяжести [5].

Анализируя санкции, содержащиеся в ч. 1 и ч. 2 ст. 274.4 УК РФ можно сделать вывод, что и организацию сим-дроппинга, и участие в нем законодатель отнес к преступлениям небольшой тяжести (до 3-х, до 2-х лет лишения свободы соответственно). Обращаясь к судебной практике, которая еще только складывается, отметим наметившуюся тенденцию вынесения обвинительных приговоров по ст. 274.4 УК РФ, то есть уголовно-правовая норма уверенно применяется в отношении участников сим-дроппинга. Так, например, Демским районным судом г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1-126/2026 установлено, что участники организованной группы заведомо объединились для совершения преступлений, действовали сплоченно, соблюдали конспирацию с целью сокрытия преступной деятельности, выраженную во взаимодействии и обмене информацией исключительно через интернет-мессенджер «данные изъяты», организованная группа осуществляла преступную деятельность под единым руководством, имела строгую иерархию участников с распределением между ними определенных ролей, направленных на выполнение каждым участником определенных функций, участники организованной группы взаимодействовали с целью реализации единого преступного умысла и получали имущественную выгоду от совершенных преступлений.

Структура организованной группы предполагала включение в свой состав дропповодов, отвечающих за подбор дроппов, на кого оформляются банковские счета, а также абонентские номера, используемые для перечисления денежных средств, добытых преступным путем, обналичивание указанных денежные средства (дроп-повод, курьер, забирающий банковские карты, обнальщик). Не позднее ДД.ММ.ГГГГ, находясь по адресу: «адрес», следуя указаниям неустановленных в ходе следствия лиц, используя вышеперечисленное подключенное ранее оборудование, Д.Д.А. поместил полученные ранее от неустановленных в ходе следствия лиц 32 сим-карты оператора сотовой связи ПАО «МТС» с абонентскими номерами, зарегистрированные на третьих лиц, не осведомленных о преступных намерениях преступной группы, о чем уведомил неустановленных соучастников для совершения хищения денежных средств граждан России [6]. Суд квалифицировал действия Д.Д.А. по факту участия в деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации – по ч. 2 ст. 274.4 УК РФ, и назначил наказание в виде 8 месяцев принудительных работ с удержанием 5% заработной платы в доход государства.

В научной литературе указывается, что если лицо передает не чужие, а свои абонентские номера, он выступает субъектом не преступления, предусмотренного ст. 274.4 УК РФ, а административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.29.1 КоАП РФ [7]. Исходя из оснований криминализации сим-дроппинга, автор не вполне согласен с указанной позицией. Рассмотрим следующий пример уголовного дела. Димитровский районный суд г. Костромы Костромской области по делу № 1-99/2026 установил, что Л.А.А, находясь в достоверно неопределенном месте на территории г. Кострома, из корыстной заинтересованности, в ответ на ранее озвученное Лицами № 1 и № 2 предложение, сообщила последним о готовности личного участия в деятельности по передаче абонентских номеров иным лицам путем оформления на свое имя абонентских номеров, функционирующих посредством технологии виртуальной сим-карты (eSIM), идентифицирующей абонента в сети подвижной радиотелефонной связи оператора «данные изъяты», за денежное вознаграждение, при этом Л.А.А. осознавала, что оформление договоров об оказании услуг подвижной связи с последующей передачей абонентских номеров иным лицам противоречит требованиям законодательства Российской Федерации и установленным Условиям оказания услуг подвижной связи «данные изъяты», а также может способствовать злоумышленникам использовать чужие номера для сокрытия своей личности, совершения преступлений и обхода правовых ограничений. 24.12.2025 Л.А.А. достоверно зная о том, что оформленные на ее имя абонентские номера фактически не будут использоваться ей в дальнейшем, при помощи своего паспорта заключила 16 договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи о выделении и предоставлении в пользование абонентских номеров.

В дальнейшем 12.01.2026 подсудимая заключила 14 договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи о выделении и предоставлении в пользование абонентских номеров [8]. Суд признал Л.А.А. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274.4 УК РФ и назначил ей наказание в виде штрафа в размере 100 000 рублей при ее незаконном заработке за нелегальную передачу сим-карт в размере 10 290 рублей.

Относительно организации незаконной деятельности по передаче сим-карт в судебной практике есть примеры, в которых, на взгляд автора, недооценивается характер и степень общественной опасности сим-дропинга, ввиду то-

го, что рассматриваемое преступление отнесено к категории небольшой тяжести. Так, Дорогомиловским районным судом г. Москвы по делу № 01-0077/2026 в отношении М.Д.Р, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274.4 УК РФ, уголовное дело прекращено с учетом тяжести преступления, а также характера совершенного им общественно опасного деяния с назначением меры уголовно - правового характера в виде судебного штрафа [9], который не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 274.4 КУ РФ.

Таким образом, при сопоставлении характера и степени общественной опасности сим-дроппинга с установленной категорией рассматриваемого преступления, а также учитывая поставленную государством цель по пресечению нелегального оборота сим-карт и ликвидации условий для совершения иных преступных деяний, анонимно и дистанционно направленных против жизни, здоровья, собственности российских граждан, безопасности Российской Федерации, иных публично-правовых образований, в том числе в период проведения СВО, представляется сделать закономерный вывод о том, что отнесение сим-дроппинга к категории преступлений небольшой тяжести является первым шагом в уголовно-правовой политике, но явно недостаточным. Требуется усиление карательной функции уголовной ответственности посредством пересмотра категории рассматриваемого преступления, что напрямую повлияет на увеличение размера санкций, пока еще незначительных, с точки зрения осознания реальной общественной опасности сим-дроппинга в России.

Список литературы:

[1] Мур Г. Э. Прогресс в цифровой интегральной электронике // Материалы Международного совещания IEEE по электронным устройствам. 1975. вып. 21. С. 11–13.

[2] Звечаровский И.Э. Уголовно-правовая политика России на современном этапе // Lex Russica. 2026. № 3. С. 9-16. [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[3] Бегишев И.Р. Уголовно-правовые проблемы криминализации организации деятельности по незаконой передаче абонентских номеров // Законодательство. 2026. № 8. С. 74-80.

[4] Борков В.Н. Перспективная прикосновенность к преступлению // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 9-15.

[5] Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 19 августа 2026 г. [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[6] Приговор Демского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 16 июля 2026 г. по делу № 1-126/2026 [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[7] Сидорова Е.З. Уголовно-правовая характеристика некоторых компьютерных преступлений (статьи 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. № 2. С. 38-44. [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[8] Приговор Димитровского районного суда г. Костромы Костромской области от 28 июля 2026 г. по делу № 1-99/2026 [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[9] Постановление Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 05 февраля 2026 г. по делу № 01-0077/2026 [Электронный ресурс] // 2026. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

References:

[1] Moore G.E. Progress in Digital Integrated Electronics // Proceedings of the IEEE International Meeting on Electronic Devices. 1975. issue 21. S. 11-13.

[2] Zvecharovsky I.E. Criminal law policy of Russia at the present stage // Lex Russica. 2026. № 3. S. 9-16. [Electronic resource] // 2026. Access from the Guarantor Reference Legal System.

[3] Begishev I.R. Criminal law problems of criminalizing the organization of illegal transfer of subscriber numbers // Legislation. 2026. № 8. S. 74-80.

[4] Borkov V.N. Perspective touch to the crime // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. S. 9-15.

[5] Appeal decision of the Lipetsk Regional Court of August 19, 2026 [Electronic Resource] // 2026. Access from the Guarantor Reference Legal System.

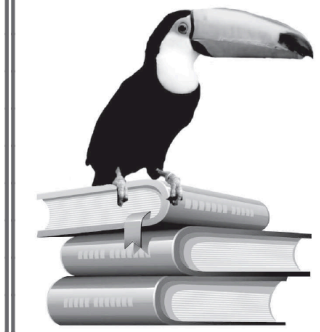
[6] Verdict of the Demsky District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan dated July 16, 2026 in case No. 1-126/2026 [Electronic Resource] // 2026. Access from the Guarantor Reference Legal System.

[7] Sidorova E.Z. Criminal law characteristics of some computer crimes (Articles 274.3, 274.4 and 274.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2. S. 38-44. [Electronic resource] // 2026. Access from the Guarantor Reference Legal System.

[8] The verdict of the Dimitrovsky District Court of Kostroma, Kostroma Region, dated July 28, 2026 in case No. 1-99/2026 [Electronic Resource] // 2026.

Access from the Guarantor Reference Legal System.

[9] Decision of the Dorogomilovsky District Court of Moscow dated February 05, 2026 in case No. 01-0077/2026 [Electronic Resource] // 2026. Access from the Guarantor Reference Legal System.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-683-688
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОСТАВА И СОДЕРЖАНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию некоторых дискуссионных аспектов проектов нормативных правовых актов, посвященных регламентации состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия. Обосновано, что наиболее дискуссионным является требование о включении в состав документации сводного сметного расчета. Аргументировано, что потенциальная регламентация, обладая несомненными достоинствами, в рассматриваемой части обнаруживает дополнительную проблематику правового регулирования, потребует дополнительных усилий законодателя по гармонизации законодательства, оказывает прямое воздействие на правовое положение как частных, так и публичных субъектов. По итогам исследования обращено внимание на то, что предлагаемые новеллы, в том числе, намечают тенденцию изменения подходов законодателя к системе государственной историко-культурной экспертизы, что подлежит дальнейшему изучению и разработке.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, проектная документация, сводный сметный расчет, публичные и частные субъекты, дискуссионность.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. Некоторые дискуссионные аспекты потенциального правового регулирования состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия // Право и управление. 2026. № 10. С. 683–688.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

SOME DISCUSSED ASPECTS OF POTENTIAL LEGAL REGULATION OF THE COMPOSITION AND CONTENT OF PROJECT DOCUMENTATION FOR THE PRESERVATION AND STUDY OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. *The work is devoted to the study of certain controversial aspects of draft regulatory legal acts devoted to regulating the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage sites. It is substantiated that the most controversial requirement is the inclusion of*

a consolidated cost estimate in the documentation. It has been argued that the potential regulation, while possessing undeniable advantages, reveals additional problems in the area of legal regulation in the context under consideration, will require additional efforts by the legislator to harmonize the legislation, and has a direct impact on the legal status of both private and public entities. Based on the study's findings, attention has been drawn to the fact that the proposed innovations, among other things, indicate a trend towards a change in the legislator's approach to the system of state historical and cultural expertise, which requires further study and development.

Key words: *cultural heritage sites, design documentation, consolidated cost estimate, public and private entities, controversial nature.*

For citation: *Pivnenko D. L. Some discussed aspects of potential legal regulation of the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage objects. Law and administration. 2026;(10):683–688. (In Russ.).*

Актуальность предлагаемой к рассмотрению темы обосновывается комплексным сочетанием положений Конституции РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), с одной стороны, направленных на обеспечение сохранения объектов культурного наследия (далее – ОКН), с другой – гарантирующих свободу осуществляемой в легализованных пределах предпринимательской деятельности.

Названные аспекты безусловно проявляются и в деятельности по разработке проектной документации по сохранению ОКН (далее – ПД), а также исследовательской документации (далее – ИД), указанных в статье 40 Закона об ОКН, поскольку указанная документация, являя собой, как правило, результат предпринимательской деятельности, направлена на достижение обеспечения сохранности ОКН, что служит очередным доказательством двойственной правовой природы понятия «охрана» [1].

В то же время несмотря на то, что ОКН признаются уникальным невосполнимым ресурсом [2], а разрабатываемые в их отношении ПД и ИД, очевидно, оказывают прямое воздействие на приемы, способы сохранения и правовые режимы объектов, нормативные правовые акты (далее – НПА), которые бы регламентировали состав и содержание ПД и ИД отсутствуют.

Сказанному возможно возразить, в частности указывая на приказ Минкультуры России от 13 августа 2025 г. № 1455 «Об установлении Порядка подготовки и согласования проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» и соответствующие ГОСТы [3, 4].

Вместе с тем, указанный НПА Минкультуры России отсылает разработчика ПД к заданию уполномоченного органа в области государственной охраны ОКН, а ГОСТы не носят общеобязательного характера [5], что, с одной стороны, в очередной раз актуализирует проблематику объективной диспозитивности существующей регламентации в исследуемой сфере [13], с другой – обнаруживает назревший вопрос принятия требуемых НПА.

Предполагается, что именно данные предпосылки послужили основанием к разработке проектов приказов Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, при которых не затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности соответствующего объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» и «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, требований к проведению таких работ и порядка их проведения» [6, 7].

Анализ приведенных выше проектов НПА, вобравших в себя некоторые положения постановления Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документа-

ции и требованиях к их содержанию», принятого в развитие статьи 48 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ), а также ряда упомянутых и иных ГОСТов [8, 9, 10], показывает, что наряду с безусловными достоинствами, проявляющимися, в первую очередь, в самой попытке регламентации ранее неурегулированных правоотношений, некоторые их аспекты обладают определенной степенью дискуссионности.

При этом, наиболее существенным видится предполагаемое включение в состав ПД или ИД сводного сметного расчета (далее – ССР), носящее обязательный характер, как только проведение работ по сохранению ОКН осуществляется за счет бюджетных средств либо средств лиц, указанных в части 2 статьи 8.3 ГрК РФ.

С одной стороны, при приведенных выше условиях включение ССР в состав ПД или ИД выглядит вполне обоснованным, с другой – это вызывает затруднения в понимании предстоящей правореализации в силу следующих обстоятельств.

Так, во-первых, подготовка ССР хотя и не являет собой некий абсолютно новый для разработчиков ПД функционал, однако, его составление в текущей регламентации является необязательным, равно как и итог деятельности указанных разработчиков всегда нацелен прежде всего на определение способов и приемов сохранения ОКН, нежели на оценку их стоимости.

Во-вторых, подготовка ССР потребует либо отельного правового регулирования предъявляемых к их разработчикам требований относительно сферы охраны ОКН, либо соответствия нормам приказа Минстроя России от 15 апреля 2026 г. № 238/пр «Об утверждении перечня должностей, занимаемых физическими лицами, указанными в части 9.1 статьи 55.5-1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, требования к которым устанавливаются правилами саморегулирования в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства», что займет определенный срок, необходимый для «донастройки» отрасли охраны ОКН и, очевидно, окажет прямое воздействие на стоимость разработки соответствующей документации.

В-третьих, невыясненным остается вопрос о государственной историко-культурной экспертизе (далее – ГИКЭ), которая в текущей редакции Закона об ОКН сосредоточивается именно на способах и приемах сохранения ОКН, но не на определении их стоимости.

В-четвертых, в отношении ПД, подлежащей рассмотрению научно-методическими советами при органах государственной охраны ОКН, выявляется проблематика наличия либо отсутствия необходимости подтверждения у членов таких советов дополнительных компетенций сообразно предлагаемой регламентации.

В-пятых, в отношении ПД, подлежащей согласованию органами государственной охраны ОКН, обнаруживается, что и здесь, возможно, будет необходимым предъявить дополнительные квалификационные требования к должностным лицам, осуществляющим рассмотрение и согласование ПД.

В связи с этим, представляется, что положение о включении в состав ПД или ИД ССР дискуссионно, его принятие потребует дополнительных правотворческих усилий по гармонизации законодательства в сфере охраны ОКН, равно как и окажет непосредственное влияние на правовое положение частных (в первую очередь, разработчики и заказчики документации) и публичных (должностные лица и члены научно-методических советов органов государственной охраны ОКН) субъектов.

Одновременно с этим, акцентируется внимание на том, что, в целом, по своему духу предлагаемые проекты НПА намечают тенденцию трансформации взглядов субъекта правотворчества на разработку ПД, развитие которых, по мнению автора, должно привести, в том числе к формированию иного подхода к системе ГИКЭ, организованной по аналогии с частью 4 статьи 49 ГрК РФ [11, 12].

Список литературы:

[1] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 09 декабря 2014 г. № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 31 и пунктом 4 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] ГОСТ Р 55567-2013 Порядок организации и ведения инженерно-технических исследований на объектах культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (с Изменением № 1) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 665-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104253?ysclid=mudvox7ypa643881264 &section=text (дата обра-

щения: 23.09.2026).

[4] ГОСТ Р 55528-2013 Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (Издание с Поправкой) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 593-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=mudrukqi1102643696& section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[5] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, при которых не затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности соответствующего объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171174/ (дата обращения: 23.09.2026).

[7] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, требований к проведению таких работ и порядка их проведения» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171155/ (дата обращения: 23.09.2026).

[8] ГОСТ Р 55945-2014 Общие требования к инженерно-геологическим изысканиям и исследованиям для сохранения объектов культурного наследия (Переиздание) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 06 февраля 2014 г. № 16-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/ 1200108851?ysclid=mudvtol6j1143571943&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[9] ГОСТ Р 56905-2016 Проведение обмерных и инженерно-геодезических работ на объектах культурного наследия. Общие требования (Переиздание) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 марта 2016 г. № 220-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200133756?ysclid=mudvw1tkym942155999&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[10] ГОСТ Р 70630-2023 Сохранение объектов культурного наследия. Технологические процессы подготовки раздела научно-проектной документации. Предварительные работы (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2023 г. № 1565-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1304365948?ysclid=mudvygsopo818601126&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[11] Пивненко Д.Л. Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Некоторые вопросы правового регулирования и цифровой аспект // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Казань, 2026. С. 410-414.

[12] Тарновский В.В., Шишова О.П. Институт государственной историко-культурной экспертизы: роль, проблемы и задачи реформирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 90-102.

[13] См. публикуемую в настоящем выпуске статью Пивненко Д.Л. Требования к разработке проектов режимов объектов культурного наследия: поиск объективной диспозитивности. Постановка проблемы.

References:

[1] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law. sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[2] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 9, 2014, № 2755-O “On Refusing to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina

Vyacheslavovna Kharlamova Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Paragraph 2 of Article 31 and Paragraph 4 of Article 36 of the Federal Law 'On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation'" // SPS "ConsultantPlus".

[3] GOST R 55567-2013. Procedure for organizing and conducting engineering and technical studies at cultural heritage sites. Historical and cultural monuments. General requirements (with Amendment No. 1) (approved and put into effect by Order № 665 st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 28, 2013) // Electronic fund of legal and regulatory technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/ 1200104253?ysclid=mudvox7ypa643881264&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[4] GOST R 55528-2013 Composition and content of scientific and design documentation for the preservation of cultural heritage sites. Historical and cultural monuments. General requirements (Edition with Amendment) (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 28, 2013, № 593-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=mudrukqi1102643696&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[5] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2024, № APL24-32 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for the Preservation of an Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or an Identified Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples Of the Russian Federation, which do not affect the constructive and other characteristics of reliability and safety of the relevant cultural heritage object (monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" // Federal Portal of draft normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/ projects/171174/ (date accessed: 23.09.2026).

[7] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for Conducting Research and Survey Work to Assess the Preservation of the Historical and Cultural Value of an Object of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or identified an object of cultural heritage (a monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, the requirements for such works and the procedure for their implementation" // Federal Portal of draft Normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/ projects/171155 / (date accessed: 23.09.2026).

[8] GOST R 55945-2014 General requirements for engineering and geological surveys and studies for the preservation of cultural heritage objects (reissue) (approved and put into effect by Order № 16-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated February 6, 2014) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200108851?ysclid=mudvtol6j1143571943&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[9] GOST R 56905-2016. Carrying out measurement and engineering and geodetic works at cultural heritage sites. General requirements (reissue) (approved and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated March 29, 2016, № 220-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200133756?ysclid=mudvw1tkym942155999&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[10] GOST R 70630-2023 Preservation of Cultural Heritage Objects. Technological Processes for Preparing a Section of Scientific and Design Documentation. Preliminary Work (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated December 12, 2023, № 1565-st) // Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1304365948?ysclid= mudvygsopo818601126&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[11] Pivnenko D.L. Coordination of project documentation for carrying out work to preserve a cultural heritage site. Some issues of legal regulation and the digital aspect // Digital Technologies and Law. Collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes. Kazan, 2026. S. 410-414.

[12] Tarnovsky V.V., Shishova O.P. The Institute of State Historical and Cultural Expertise: Role, Problems and Tasks of Reform // Public Administration. Electronic Bulletin. 2020. № 79. S. 90–102.

[13] See the article by D.L. Pivnenko published in this issue. Requirements for the development of

draft regimes of cultural heritage objects: the search for objective dispositiveness. Problem formulation.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-689-694
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна,
кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России, e-mail: mail@law-books.ru

ПОРЫВАЕВА Полина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России, e-mail: mail@law-books.ru

ХАНИНА Наталья Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета (МФЮА), e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАВНОСТИ ПО СЛЕДАМ КРОВИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. *При раскрытии и расследовании различных категорий преступлений существенное доказательственное значение принадлежит криминалистическому изучению следов. Практическая ценность материальных следов состоит в том, что определение их давности предоставляет достаточный объем сведений, позволяющих дополнить картину преступного события временем его совершения, вероятностью присутствия конкретного лица, а также опровергнуть отдельные версии. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что расследования и установления обстоятельств преступления, давность возникновения следов имеет прикладное значение. Корректная и всесторонняя оценка совокупности следов, выявленных при осмотре места происшествия, а также их возможных изменений с течением времени содействует получению оперативно значимой информации, необходимой для установления лица, причастного к совершению преступления, и решения иных следственных задач. В статье рассмотрены возможности установления давности образования следов крови на месте происшествия. Поведен анализ современных методов и подходов к определению временного интервала, прошедшего с момента образования следов. Представлено обобщение экспериментальных данных, включающих химические и морфологические методы анализ следов крови различной давности образования. Изучено влияние времени на следы, с определением появившихся признаков под влиянием разнообразных внешних факторов. Показано, что давность образования следов крови может быть установлена с определенной степенью точности на основе изменения ферментативной активности, а также оптических и спектральных характеристик.*

Ключевые слова: *биологические следы человека, следы крови, давность образования, давность события, давность следов, значимая информация, инструментальные методы, раскрытие и расследование преступлений.*

Для цитирования: *Прокофьева Е. В., Порываева П. С., Ханина Н. В. Возможность установления давности по следам крови на месте происшествия // Право и управление. 2026. № 10. С. 689–694.*

PROKOFIEVA Elena Vasilievna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Document Research Department of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PORYVAYEVA Polina Sergeevna,
Senior Lecturer of the Forensic Science Technology Department of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KHANINA Natalia Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Economics and Management Department, Kaliningrad Branch of the Moscow University of Finance and Law (MFUA)

POSSIBILITY OF DETERMINING THE AGE OF BLOODSTAINS AT A CRIME SCENE

Annotation. *Forensic analysis of traces plays a crucial role in the detection and investigation of many types of crimes. The practical significance of physical traces lies in the fact that determining their age provides sufficient information to flesh out the details of the crime-specifically the time of commission and the likelihood of a particular person's presence-thereby enabling the corroboration or refutation of specific investigative hypotheses. This study is relevant because the age of traces is of practical importance for investigating and establishing the circumstances of a criminal act. A competent and accurate assessment of the traces found at a crime scene-and how they may have altered over time-facilitates the acquisition of actionable information for identifying the perpetrator and addressing other investigative objectives. The article examines the possibilities of determining the age of bloodstains found at crime scenes. It analyzes modern methods and approaches for determining the time elapsed since the traces were formed. The study summarizes experimental data involving chemical and morphological methods for analyzing bloodstains of varying ages. It investigates the effects of time on traces, identifying specific characteristics that emerge under the influence of various external factors. The findings demonstrate that the age of bloodstains can be determined with a certain degree of accuracy based on changes in enzymatic activity, as well as optical and spectral characteristics.*

Key words: *human biological traces, bloodstains, age of formation, time of event, age of traces, significant information, instrumental methods, crime detection and investigation.*

For citation: *Prokofieva E. V., Poryvayeva P. S., Khanina N. V. Possibility of determining the age of bloodstains at a crime scene. Law and administration. 2026;(10):689–694. (In Russ.).*

При осмотре места происшествия по факту совершения преступлений против жизни и здоровья, либо связанным с насилием, в ряде случаев могут быть обнаружены биологические следы человека, в том числе следы крови. Преимущественно биологические следы наибольший интерес представляют с точки зрения судебной медицины в судебно-биологической сфере для установления биологического индивида при условии идентификации, и требуют специального знания в области молекулярной биологии, физиологии, биохимических методов и др. методов [1]. Однако, как показывает практика, по данным следам в ходе осмотра места происшествия могут быть установлены значимые аспекты произошедшего события, такие как механизм образования и давность. По следам крови, в зависимости от конкретизирующих факторов, могут быть установлены важные детали для раскрытия и расследования преступлений, диагностической задачей при этом является определение давности произошедшего события по обнаруженным следам. Данный вопрос представляется довольно сложным и трудоемким, ввиду отсутствия специализированных методик, существенных ограничений в интерпретации по интервалу достоверности с учетом условий сохранности обнаруженных биологических следов [2].

С течением времени в следах крови развиваются физико-химические и биохимические процессы, сопровождающиеся деструкцией белков, изменением концентрации ионов и ферментов, что отражается на морфологических характеристиках следов, выявляемых при осмотре места происшествия. Необходимо также принимать во внимание воздействие внешних условий и особенностей предмета-носителя, которые определяют индивидуальный характер трансформации каждого следа в отдельности [3]. Свежеобразованное пятно крови характеризуется насыщенным красным цветом (см. рис. 1 а) и отчетливой, сохранной формой. Высыхание пятна протекает достаточно быстро, а его окраска изменяется от красно-коричневого до черного цвета.

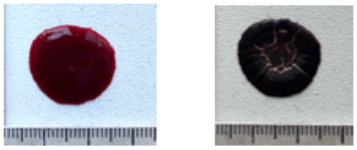

Рис.1 След крови:

а. «свежее» пятно;

б. пятно, подверженное воздействию внешних термальных фактов.

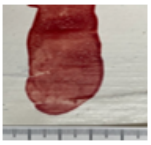

Рис.2 След крови 2-х дневной давности

(сохранность при нормальных условиях среды).

По истечении нескольких дней после образования, след крови, находившийся при нормальных условиях (комнатной температуре 19-20 0С, влажности воздуха около 60%), без различных воздействий внешних факторов – теряет форму, приобретает яркую красно-коричневую окраску, по направлению от периферии к центру наблюдается отслоение биологического материала от поверхности следоносителя (см. рис. 2). Рисунок 1 б, иллюстрирует трансформацию следа крови, который в течении нескольких часов находился под воздействием солнечных лучей при температуре 27-300 С. В результате чего капля полностью высохла, приобрела темно-коричневый почти черный цвет, периферические размеры пятна изменились.

Следует отметить, при обнаружении следов, возникает необходимость детекции именно крови. Самым доступным и простым методом является реализация качественных химических методов с перекись водорода и посредством применения тест-полосок «Гемофан». Процесс детекции основан на каталитических реакциях, визуализируемых, в первом случае, в активном выделении кислорода (рис. 3), а во втором, в характерной окраске исследуемого вещества (рис. 4).

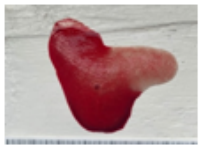

Рис. 3. Реакция перекиси крови с перекисью водорода.

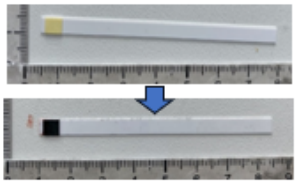

Рис. 4. Положительная реакция тест-полоски «Гемофан».

Для определения механизма морфологической трансформации следов с цель установления давности произошедшего события был реализован эксперимент, для проведения которого следовоспринимающей поверхностью стала хлопковая ткань, обладающая высокой поглощающей способностью, на которую при помощи медицинской пипетки наносились капли крови.

Первостепенной задачей для установления давности события по следам крови является уточнения обстоятельств, в которых след мог был образован – температурный режим помещения или местности, где находился след, уровень влажности воздуха, дополнительные факторы, которые могли воздействовать на след и его морфологическую трансформацию [4].

Объекты исследования содержались поочередно при нормальных условиях (комнатной температуре 19-20 0С) и высокой температуре (25-33 0С), в том числе при воздействии активных солнечных лучей на протяжении нескольких часов, двух недель и двух месяцев. После чего следы были осмотрены визуально, проведена тест-проба перекисью водорода, а также исследование в видимой зоне спектра источником экспертного света (ИЭС) на нескольких длинах волн (красной и синей). Исследование крови в красном и синем диапазонах (электромагнитного спектра) обусловлена тем, что именно эти длины волн максимально поглощаются гемоглобином. Визуализация крови за счет поглощения красного и синего света видимого диапазона спектра позволяет дифференцировать следы по внешней морфологии.

На рисунке 5 а представлен след крови по истечении 2 часов после его образования, сохранный в условиях комнатной температуры при влажности 60%, без воздействия солнечных лучей. Визуальным осмотром установлено, что след имеет коричневый цвет, затемнение по краям про-

сматривается только в месте соединения капель, место следа полностью сухое.

Поскольку кровь не люминесцирует, а только поглощает электромагнитное излучение, применением визуально-оптических методов при помощи ИЭС в красном диапазоне (625 нм) и синем диапазонах (410 нм) видимого спектра излучения и выявлено, что след по сравнению с фоном выглядит более темным, в синем цвете – матовым, отчетливо выделяются края следа, границы капель размыты (рис. 5 б, в). Реализация качественного химического метода, пробой с перекисью водорода установлено, что в следе появляется полупрозрачная шипящая пена с множеством пузырьков, сопровождающаяся активным выделением кислорода, края пятна размываются.

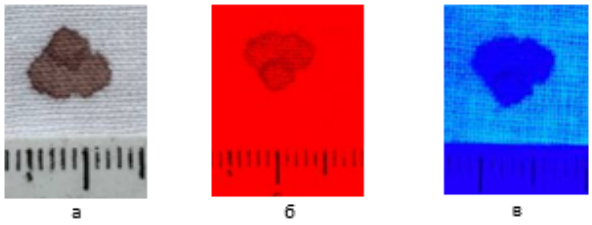

Рис. 5 След крови на ткани спустя 2 часа после образования: а. внешний вид; б. в красном диапазоне (625 нм) ИЭС; в. в синем диапазоне (410 нм) ИЭС.

На рисунке 6 а представлен след крови по истечении 2-х недель после его образования, сохранный при условиях, описанных для двух часов следов, без воздействия прямых солнечных лучей. Визуальным осмотром установлено, что в центре след коричневого цвета, по периферии темно-коричневого. Место следа на ткани с лицевой и изнаночной стороны затвердело. Визуально-оптическим методом посредством применения ИЭС в рассматриваемых диапазонах электромагнитного спектра выявлено, что след по сравнению с фоном выглядит более темным. В красном диапазоне отлично просматриваются края следа, имеющие более темный окрас от основной его части (рис. 4 б, в). В синем свете пятно практически сублимировано. Пробой с перекисью водорода установлено, что при взаимодействии пероксида водорода с гемоглобином происходит ферментативная реакция, в результате которой выделяется вода и кислород, в следе появляется пена, шипение отсутствует, края следа не расплываются.

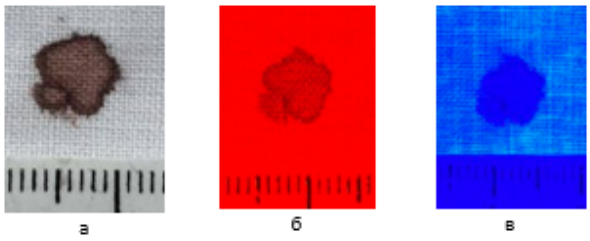

Рис. 6 След крови на ткани спустя 2 недели после образования: а. внешний вид; б. ИЭС в красном диапазоне (625 нм) ИЭС; в. в синем диапазоне (410 нм).

На рисунке 7 а представлен след крови по истечении 2-х месяцев после его образования, сохранный при тех же условиях, без воздействия солнечных лучей. Визуальным осмотром установлено, что весь след имеет однородный темно-коричневый цвет. Место следа на ткани с лицевой и изнаночной стороны твердое. Появился специфический запах. При помощи ИЭС красном диапазоне (625 нм) и в синем диапазоне видимого спектра излучения (410 нм) установлено, что след по сравнению с фоном выглядит более темным, в центральной части фрагмент следа не просматривается, но границы остаются темными и различимыми (рис. 7 б, в). Пробой с помощью перекиси водорода установлено, что в следе появляется белая пена, покрывающая всю поверхность следа, шипение отсутствует.

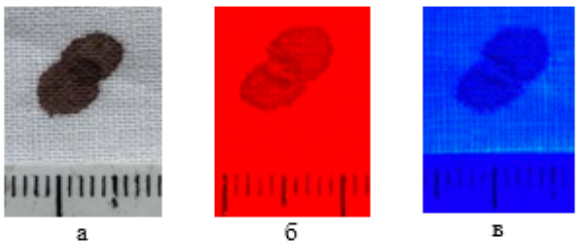

Рис. 7 След крови на ткани спустя 2 месяца после образования: а. внешний вид; б. в синем диапазоне (410 нм) ИЭС; в. в красном диапазоне (625 нм) ИЭС.

Отработанный алгоритм исследования был реализован для следов аналогичной данности с учетом воздействия внешних (термальных) факторов – прямых солнечных лучей.

Анализ полученных результатов систематизирован в табличную форму (таблица 1).

Таблица 1 Давность события исходя из морфологии, ферментативных, оптических и спектральных характеристик следов крови

Поверхность	Условия содержания следов крови	Применяемый метод	Результаты исследования	Давность события
Тканевая	Высокая температура (25-33^{0}С), воздействие активных солнечных лучей	Визуальный осмотр		2 часа
		Проба с перекисью водорода	Белая пена с множеством пузырьков и активным шипением	
		Синий (410 нм) и красный (625 нм) диапазон ИЭС	След по сравнению с фоном выглядит темнее в синем диапазоне, в красном же след хорошо просматривается, видны темные границы	
		Визуальный осмотр	След имеет светло-коричневый цвет, по краю имеется бортик темно-коричневого цвета, но не так хорошо отличающийся от основной части	2 недели
		Проба с перекисью водорода	Появление густой белой пены без шипения	
		Синий (410 нм) и красный (625 нм) диапазон ИЭС	След по сравнению с фоном выглядит темнее в синем диапазоне, в красном же след хорошо просматривается, видны темные границы.	
		Визуальный осмотр	След имеет светло-коричневый цвет, края имеют темно-коричневый цвет. Появился специфический запах от следа	2 месяца
		Проба с перекисью водорода	Появление белой густой пены без шипения	
		Синий (410 нм) и красный (625 нм) диапазон ИЭС	След по сравнению с фоном выглядит темнее в синем диапазоне, в красном же след хорошо просматривается, видны темные границы	

Проведенное исследование позволяет установить более точную и конкретную давность события по следам крови, единицей измерения которого условно принято считать календарную неделю. Анализ данных позволяет определить временной диапазон от двух часов до двух месяцев, условно определяя период до и после обозначенных интервалов. Чтобы полученные результат обладали большей достоверностью и имели практическую ценность для правоохранительных органов, целесообразно задействовать весь доступный арсенал методов – от простого визуального исследования, предполагающего оценку цвета пятна крови, до сложных химических и физико-химических способов анализа изменений, протекающих в пятне с течением времени. При этом необходимо принимать во внимание, что отдельны методы могут оказывать деструктивное воздействие на след, в связи с чем, их применение должно осуществляться с соблюдением определенных требований, направленных на сохранение следа и обеспечение возможности его дальнейшего изучения другими специалистами.

Установление времени образования следа крови может свидетельствовать о присутствии конкретного лица в определенный момент в условной локации. Следы всегда находятся в тесной взаимосвязи с событием и носят важное практическое значение, по следам на конкретных объектах можно говорить о характере взаимодействия с ними и проследить, в результате чего они возникли и при каких условиях были сохранны.

Результаты проделанной работы позволяют синтезировать ряд выводов:

установление давности следов крови имеет важное практическое значение для раскрытия и расследования преступлений, обуславливая возможность суждения о давности самого события;

благодаря комплексному и всестороннему изучению имеющихся материальных следов в ходе осмотра места происшествия можно получить значимую информацию о событии преступления и выстроить картину произошедшего в целом;

необходимость привлечения к осмотру места происшествия специалиста обусловлена не только его процессуальным статусом, но и специальными знаниями, благодаря которым возможно получение значимой информации по следам, а также установление всех фактов и обстоятельств совершения преступления.

Данные о времени, месте, способах совершения преступления имеют большое значение для его квалификации и установления истины по делу с учетом принципа объективности [5]. Полученная в процессе детального изучения морфологических и других признаков следов крови информация, способствует раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы:

[1] Скорченко П.Т. Производство предварительного исследования криминалистических объектов на стадии проведения первоначальных следственных действий / П.Т. Скорченко // Российский следователь. 2012. № 12. С. 7.

[2] Порываева П.С. Стандартизация судебно-экспертной деятельности как инструмент реализации принципа объективности / П.С. Порываева // Судебная экспертиза. – Волгоград: ВА МВД России, 2026. № 1 (85). С 21-33.

[3] Прокофьева Е.В., Порываева П.С., Ханина Н.В. Возможность установления давности по следам пальцев рук / Е.В. Прокофьева, П.С. Порываева, Н.В. Ханин // Право и управление. 2025. № 11. С. 533-538.

[4] Аветисян А.А. Установление давности события по материальным следам / А.А. Аветисян. Волгоград : ВА МВД России, 2024. 62. с.

[5] Дронова О.Б., Порываева П.С. Объективность как принцип судебно-экспертной деятельности / О.Б. Дронова, П.С. Порываева В сборнике: Уголовная политика на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 104-107.

References:

[1] Skorchenko P.T. Preliminary investigation of forensic objects at the stage of initial investigative actions / P.T. Skorchenko // Russian investigator. 2012. № 12. S. 7.

[2] Poryvaeva P.S. Standardization of forensic expert activity as a tool for implementing the principle of objectivity / P.S. Poryvaeva // Forensic

examination. - Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. № 1 (85). FROM 21-33.

[3] Prokofieva E.V., Poryvaeva P.S., Khanina N.V. Possibility of establishing limitation by fingerprints / E.V. Prokofieva, P.S. Poryvaeva, N.V. Khanin // Law and management. 2025. № 11. S. 533-538.

[4] Avetisyan A.A. Establishment of the event limitation by material traces / A.A. Avetisyan. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 62. from.

[5] Dronova O.B., Poryvaeva P.S. Objectivity as a principle of forensic activity / O.B. Dronova, P.S. Poryvaeva In the collection: Criminal policy at the present stage. Materials of the International Scientific and Practical Conference held within the framework of the II Baikal Legal Forum. Irkutsk, 2021. S. 104-107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-695-698
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

САФРОНОВ Владимир Павлович,
аспирант 3 курса, «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова», г. Казань,
e-mail: volodya.safronoff18@yandex.ru

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. *Нематериальные блага, являясь ключевым элементом системы объектов гражданских прав, обеспечивают защиту личной неприкосновенности, достоинства и автономии человека. К ним относятся жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, свобода передвижения, авторские права и иные неотчуждаемые блага. В статье рассматривается гражданско-правовая защита нематериальных благ в Российской Федерации. Анализируются нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие охрану личных неимущественных прав, таких как честь, достоинство, деловая репутация, частная жизнь и неприкосновенность изображения. Основное внимание уделяется способам защиты, включая компенсацию морального вреда, опровержение порочащих сведений и пресечение нарушений. Рассмотрены современные проблемы защиты нематериальных благ.*

Ключевые слова: *нематериальные блага, гражданско-правовая защита, Гражданский кодекс РФ, компенсация морального вреда, защита чести и достоинства, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личные неимущественные права.*

Для цитирования: *Сафронов В. П. Нематериальные блага как объект гражданско-правовой защиты // Право и управление. 2026. № 10. С. 695–698.*

SAFRONOV Vladimir Pavlovich,
3rd-year PhD student Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov Kazan, Russia

INTANGIBLE GOODS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW PROTECTION

Annotation. *Intangible goods, being a key element of the system of objects of civil rights, ensure the protection of personal integrity, dignity, and human autonomy. They include life, health, honour, dignity, business reputation, privacy, freedom of movement, copyright, and other inalienable goods. The article examines the civil law protection of intangible goods in the Russian Federation. It analyses the provisions of the Civil Code of the Russian Federation regulating the protection of personal non-property rights, such as honour, dignity, business reputation, private life, and the inviolability of one's image. Particular attention is paid to the methods of protection, including compensation for moral harm, refutation of defamatory information, and the suppression of violations. Contemporary problems of the protection of intangible goods are considered.*

Key words: *intangible goods, civil law protection, Civil Code of the Russian Federation, compensation for moral harm, protection of honour and dignity, business reputation, privacy, personal non-property rights.*

For citation: *Safronov V. P. Intangible goods as an object of civil law protection. Law and administration. 2026;(10):695–698. (In Russ.).*

Тема является актуальной в связи с развитием цифровых технологий, ростом судебных споров и необходимостью совершенствования механизмов защиты личных неимущественных прав. Развитие информационного общества и цифровых технологий, рост числа нарушений в интернете (распространение ложных сведений, кибербуллинг, утечки персональных данных), проблемы защиты цифровой репутации и приватности в соцсетях делают исследование нематериальных благ крайне важной. Исследование проблем гражданско-правовой охраны нематериальных благ важно как для теории права, так и для правоприменительной практики.

Нематериальные блага занимают особое место в системе объектов гражданских прав. В отличие от имущественных ценностей, нематериальные блага не имеют экономического содержания, но играют важную роль в обеспечении личной неприкосновенности, достоинства и автономии человека.

Гражданско-правовая защита нематериальных благ в России регулируется Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) и другими нормативными актами. Нематериальные блага, будучи неотъемлемой частью правового статуса личности, защищаются и Конституцией Российской Федерации [1]. Основной закон страны гарантирует уважение достоинства человека, неприкосновенность частной жизни и другие ключевые нематериальные ценности, которые затем конкретизируются в ГК РФ.

Согласно ст. 150 ГК РФ нематериальные блага – это неотчуждаемые и непередаваемые права и свободы, принадлежащие человеку от рождения или в силу закона [2]. К ним относятся жизнь и здоровье (основополагающие блага, защищаемые уголовным и гражданским правом), честь, достоинство и деловая репутация (для юридических лиц – только деловая репутация), неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна (защита от незаконного сбора и распространения информации), свобода передвижения и выбора места пребывания, авторские и смежные права (право на имя, неприкосновенность произведения), право на изображение (ст. 152.1 ГК РФ) [8, С.118]. Перечисленные нематериальные блага неотделимы от личности, поэтому их нельзя продать, подарить или передать иным способом.

Защита нематериальных благ осуществляется в соответствии со ст. 12, 150–152 ГК РФ и может включать: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения, пресечение действий, нарушающих право, компенсация морального вреда, публичное опровержение порочащих сведений и возмещение убытков [6, С.135]. Рассмотрим более подробно механизмы защиты нарушенных нематериальных прав.

Компенсация морального вреда. Моральный вред представляет собой физические или нравственные страдания, вызванные нарушением нематериальных благ [9, С.43]. Для его компенсации необходимо наличие вины нарушителя (кроме случаев, прямо предусмотренных законом, например, причинение вреда жизни и здоровью источником повышенной опасности), причинно-следственная связь между действиями нарушителя и вредом и фактические доказательства страданий (медицинские справки, свидетельские показания).

Размер компенсации определяется судом с учетом характера и степени страданий потерпевшего, степени вины нарушителя, иных заслуживающих внимания обстоятельств, принципов разумности и справедливости. Компенсация осуществляется в денежной форме, независимо от возмещения имущественного вреда.

Защита нематериальных благ и компенсация морального вреда позволяют восстановить нарушенные права и компенсировать причиненные страдания. Размер компенсации определяется судом индивидуально, исходя из обстоятельств дела.

Опровержение порочащих сведений. Если распространены ложные сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, потерпевший вправе требовать опровержения в том же СМИ или другим способом, удаления информации из интернета и компенсации морального вреда. Для успешного требования опровержения необходимо доказать факт распространения сведений (они должны быть обнародованы (в СМИ, соцсетях, публичных выступлениях и т. д.)), порочащий характер (информация должна подрывать репутацию, вызывать презрение или недоверие (например, обвинения в преступлениях, нечестности, аморальном поведении)), ложность сведений (они не соответствуют действительности). Бремя доказывания истинности информации лежит на ответчике (распространителе), а не на истце.

Пресечение нарушений. В случаях, когда нематериальное благо еще не нарушено, но есть угроза нарушения, можно требовать запрета на распространение персональных данных, удаления фотографий или видео, размещенных без согласия собственника (ст. 152.1 ГК РФ) и ограничения на использование имени гражданина. Для судебного запрета нужно доказать реальную угрозу нарушения (например, кто-то угрожает опубликовать личные фото), отсутствие согласия на использование данных (если это изображение, персональные данные), возможность причинения вреда (репутационного, морального, финансового). К способам пресечения нарушений относится требование удалить фото или видео (ст. 152.1 ГК РФ), запрет на распространение персональных данных, а также ограничение использования имени.

Признание права. В российском праве существует механизм юридического подтверждения принадлежности тех или иных нематериальных благ (авторских прав, права на тайну переписки, изображение и др.). Это особенно важно, когда оспаривается авторство, нарушена тайна переписки, но нужно официальное признание этого факта, используется имя или изображение без согласия, и требуется судебное подтверждение нарушения.

Показательным является пример дела

№ 3-0796/2023 (Мосгорсуд). Истец (гражданин) обратился в Московский городской суд с требованием обязать Google LLC удалить из поисковой выдачи ссылки на сайты, содержащие порочащую его честь и достоинство информацию. Основанием для иска послужило распространение ложных сведений, которые негативно влияли на его деловую репутацию и личную жизнь. Основанием стали ст. 152 ГК РФ (защита чести, достоинства и деловой репутации), ст. 10.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] (право на забвение (деиндексацию)) и Постановление Пленума ВС РФ № 16 от 15.06.2015 [4] (разъяснения об обязанности поисковиков удалять недостоверные данные).

Истец требовал удалить ссылки из поисковой выдачи Google на страницы с порочащей информацией, а также взыскать компенсацию морального вреда.

Компания Google отказывалась добровольно удалять информацию, ссылаясь на принцип свободы информации и отсутствие доказательств ложности сведений.

Мосгорсуд удовлетворил иск, обязав Google удалить ссылки на недостоверные сведения из поисковой выдачи, а также обеспечить невозможность повторной индексации этих страниц [5].

Рассмотренное дело подтвердило, что поисковые системы обязаны исполнять решения российских судов, даже если их серверы находятся за рубежом. После этого и других похожих дел (например, против «Яндекса») сложилась устойчивая судебная практика. Так, если суд признал информацию порочащей и ложной, поисковик обязан удалить ссылки. Кроме того, если сайт-источник продолжает публиковать данные, можно требовать блокировки самого сайта через Роскомнадзор.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, защита нематериальных благ в России сталкивается с рядом актуальных проблем, связанных с развитием технологий, изменением социальных отношений и пробелами в законодательстве.

С распространением интернета и социальных сетей участились случаи незаконного распространения персональных данных, глубоких фейков, кибербуллинга и несанкционированного использования изображений (ст. 152.1 ГК РФ). Существует сложность идентификации нарушителей, поскольку анонимность в сети затрудняет привлечение к ответственности; несовершенство механизмов удаления информации и даже после судебного решения контент может оставаться в кэше поисковиков или на зарубежных платформах; проблемы с блокировкой «фейковых» страниц, так как мошенники создают копии аккаунтов, используя чужие фото и данные.

Кроме того, сохраняется актуальность несоответствия практики в сфере компенсации морального вреда: низкие суммы компенсаций (российские суды часто взыскивают символические суммы (5–50 тыс. руб.), что несоизмеримо с реальным ущербом) и субъективность оценки (отсутствие четких критериев расчета ведет к несправедливым решениям) [7, С.48].

Деловая репутация в эпоху фейковых отзывов также является значимой проблемой. Массовый заказ негативных отзывов (черный PR) влечет убытки бизнесу, однако доказать умысел достаточно сложно. Кроме того, некоторые платформы игнорируют запросы, что представляет собой проблемы с удалением ложной информации.

Таким образом, гражданско-правовая защита нематериальных благ в РФ обеспечивается комплексом мер: через судебные иски (включая требования о компенсации морального вреда) и досудебные меры (например, требование удалить информацию). Несмотря на отсутствие материальной формы, эти блага занимают важное место в защите личности, а их нарушение влечет серьезные юридические последствия. Нематериальные блага требуют адаптации законодательства к цифровой реальности. Без усиления защиты персональных данных, авторских прав и деловой репутации гражданское право рискует отстать от технологических вызовов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 30. – Ст. 3051.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень ВС РФ. – 2010. - № 8.

[5] Решение по делу о деиндексации в Google (Мосгорсуд) // Дело № 3-0796/2023. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/admin/details/c8b3f8b9-9a1e-4e1e-8f0a-9f9e00a1f1e5 (дата обращения: 25.06.2025).

[6] Анисимов А.П. Гражданско-правовая за-

щита чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Юстицинформ, 2021. – 482 с.

[7] Белов В.А. Защита нематериальных благ в цифровую эпоху // Закон. – 2023. – № 5. – С. 45–58.

[8] Кораблева М.С. Проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных прав // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 112–125.

[9] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: Статут, 2020. – 348 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 30. - Art. 3051.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 24.02.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 31. - Art. 3448.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2010 No. 16 (ed. 09.02.2012) "On the Practice of Courts Applying the Law of the Russian Federation "On Mass Media" / Bulletin of the RF Armed Forces. – 2010. - № 8.

[5] Decision in the case of de-indexation in Google (Moscow City Court) // Case No. 3-0796/2023. - Access mode: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/admin/details/c8b3f8b9-9a1e-4e1e-8f0a-9f9e00a1f1e5 (access date: 25.06.2025).

[6] Anisimov A.P. Civil protection of honor, dignity and business reputation. - M.: Justicinform, 2021. - 482 s.

[7] Belov V.A. Protection of intangible goods in the digital age // Law. – 2023. – № 5. - S. 45-58.

[8] M.S. Korableva. Problems of compensation for moral damage in violation of personal rights // Journal of Russian Law. – 2022. – № 8. - S. 112-125.

[9] Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. - M.: Statute, 2020. - 348 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-699-703

СЕМИНА Алина Вадимовна,
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Москва, Россия,
e-mail: 241152@edu.fa.ru

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПРИОБРЕТАТЕЛЬ В СДЕЛКАХ С НАСЛЕДСТВЕННЫМ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Аннотация. *Приобретатель в сделках с недвижимостью должен проявлять должную осмотрительность для исключения рисков оспаривания сделки. Приобретение имущества, входившего ранее в состав наследственной массы, значительно опаснее, поскольку исключить риски оспаривания наследства полностью практически невозможно. В случае оспаривания сделки приобретатель может подать встречный иск о признании себя добросовестным, но в имеющейся практике приобретателю наследственного имущества затруднительно доказать разумность своего подхода к совершению сделки.*

Ключевые слова: *наследство, наследственное имущество, оспаривание сделок, риски в сделках с недвижимым имуществом, недвижимое имущество, добросовестный приобретатель.*

Для цитирования: *Семина А. В. Добросовестный приобретатель в сделках с наследственным недвижимым имуществом // Право и управление. 2026. № 10. С. 699–703.*

SEMINA Alina Vadimovna,
Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russia

GOOD-FAITH PURCHASER IN TRANSACTIONS INVOLVING INHERITED REAL ESTATE

Annotation. *In real estate transactions, the acquirer must exercise due diligence to mitigate the risk of the transaction being challenged. Acquiring property that was previously part of an estate entails significantly higher risk, as it is virtually impossible to completely eliminate the risk of inheritance-related challenges. If the transaction is challenged, the acquirer may file a counterclaim asserting their status as a bona fide purchaser; however, existing case law indicates that it is difficult for an acquirer of inherited property to demonstrate that they approached the transaction reasonably.*

Key words: *inheritance, inherited property, challenging transactions, risks in real estate transactions, real estate, bona fide purchaser.*

For citation: *Semina A. V. Good-faith purchaser in transactions involving inherited real estate. Law and administration. 2026;(10):699–703. (In Russ.).*

В состав наследства, в соответствии с п. 1 ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], входят вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности. Соответственно, объекты недвижимости также передаются по наследству наследникам. По статистике, опубликованной риелторской компанией "ИНКОМ-Недвижимость" в январе 2022 года, более 60% унаследованных объектов недвижимости, наследники продают.

Большая часть на рынке наследственного имущества переходит к наследникам по закону, хотя и в настоящий момент активно развивается институт наследственного планирования, при котором наследодатель при своей жизни определил судьбу имущества, например, путем составления завещания с условием открытия наследственного фонда, что на практике должно уменьшить количество споров между наследниками и обеспечить безопасность при сделках, направленных на при-

обретение недвижимого имущества, принадлежащего умершему гражданину. Чаще всего после смерти наследодателя в наследственном деле отсутствуют завещания или иные волеизъявления в какой-либо форме, изменяющие основание наследования или наделяя наследников обязанностями в виде исполнения легатов (завещательных отказов), поэтому наследство чаще всего распределяется поровну между наследниками призванных к наследованию очередей.

Право отчуждать и регистрировать переход права собственности надлежащим образом на наследственное имущество наследники получают после истечения шести месяцев с момента смерти наследодателя (по общему правилу в соответствии с п. 1 ст. 1154 Гражданского кодекса РФ), так как не ранее истечения указанного срока выдается свидетельство о праве на наследство (в соответствии с п. 1 ст. 1163 Гражданского кодекса РФ за исключениями, поименованными в статье), которое является документом, на основании которого может быть зарегистрировано право собственности на недвижимое имущество в Едином государственном реестре недвижимости. Не исключено, что наследники могут и ранее указанных обстоятельств распоряжаться имуществом, поскольку, в соответствии с п. 4 ст. 1152 Гражданского кодекса РФ, принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации. Например, ещё до оформления права собственности на унаследованный объект недвижимости заключить договор купли-продажи будущей вещи, предусмотренный в соответствии с п. 2 ст. 455 Гражданского кодекса РФ [2], но такие сделки происходят редко в связи с большим количеством рисков для покупателей имущества, входившего наследство (как минимум покупатели при заключении договора купли-продажи будущей вещи сильно зависят от действий продавца, который может иметь сложности с регистрацией своих прав на объекты недвижимости после надлежащего оформления, могут уклоняться от государственной регистрации перехода права собственности на покупателя, уклониться от передачи предмета договора покупателю или заключить аналогичные договоры купли-продажи будущей с другими покупателями и др.).

Наследственное имущество не является ограниченным в гражданском обороте, поэтому наследники в соответствии с законодательством имеют право отчуждать полученные объекты недвижимости, но при этом, покупатели такого имущества несут множество рисков в таких сделках. Помимо рисков, сопровождающих сделки по продаже объектов, полученных по иным основаниям (например, оспаривание сделки в связи с отсутствием согласия уполномоченного лица на отчуждение в соответствии со ст. 157.1 Гражданского кодекса РФ [1] или оспаривание сделки в связи с нахождением стороны в момент совершения сделки в том состоянии, при котором она не была способна понимать значение своих действий или руководить ими), сделка по приобретению наследственного имущества содержит дополнительные риски. Так, например, могут возникнуть риски появления наследников, которые своевременно не знали и не могли знать об открытии наследства; появление наследников по обязательной доле с требованием её определить; оспаривание завещания или сделок с пороком, совершенных наследодателем до сделок и т.д. Перечень рисков довольно обширный, а гарантированных способов защитить себя покупателям, у которых это имущество могут истребовать, нет. Бесспорно, чтобы отпала большая часть рисков необходимо установить точный круг наследников в числе родственников, но доступный для этого инструмент - справочные сведения записей актов гражданского состояния о браках и рождениях - не дает полноценного информирования в связи с тем, что не со всеми родственниками такие отношения зарегистрированы (например, женщины, воспитывающие детей самостоятельно не всегда своевременно требуют установить отцовство, в результате чего дети уже после смерти могут инициировать процесс об установлении факта родственных отношений и после). Минимизировать такой риск можно будет только проведя генетическое тестирование населению, что объективно затруднительно для реализации.

Поскольку риски по приобретению таких объектов недвижимости в полной мере пресечь не представляется возможным, в судебном процессе покупатели-ответчики подают встречный иск о признании себя добросовестными приобретателями, поскольку в соответствии со ст. 302 Гражданского кодекса РФ, истребовать имущество от добросовестного приобретателя можно только если имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано во владение, либо похищено, либо иным путем выбыло из их владения помимо их воли. В таком случае имеется шанс на сохранение недвижимого имущества у покупателя, если он сможет доказать свою добросовестность. Несмотря на то, что в соответствии с п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ имеется презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и разумность их действий, а в соответствии с абз. 3 п. 6 ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ приобретатель признается добросовестным, если пола-

гался на данные государственного реестра пока не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение имущества у продавца, на практике приобретателям приходится это доказывать, а суду оценивать указанные обстоятельства для принятия решения о признании или непризнании добросовестным.

Одной из проблем процессов с оспариванием сделок и встречными исками о признании добросовестности является то, что к покупателям наследственного имущества применяются строгие требования к их действиям для выявления и минимизации возникновения рисков в сделках, в том числе суды нередко считают, что покупателю следует проверять законность процедуры наследования отчуждаемого имущества.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.07.2022 г. N 5-КГ22-51-К2 [6], рассмотрено дело, в котором произошло преступление, совершенное при непосредственном участии нотариуса. Так, в январе 2014 года умерла гражданка Егорова М.А.,1919 г.р., после смерти которой представителем по доверенности от Вайтиной М.И. было подано заявление о принятии наследства как дочери, в доказательство было представлено свидетельство о рождении (дубликат) выданный в 1992 году, в котором были установлены родственные связи женщин как матери и дочери. 15 сентября 2014 Вайтина М.И. продала квартиру Мишину К.Ю. за 990 000 рублей. 11 декабря 2014 Мишин К.Ю. продал квартиру Смирнову Г.В. за 990 000 рублей по договору купли-продажи и 4 910 000 рублей по договору за неотделимые улучшения. 17 марта 2017 года Смирнов Г.В. подарил квартиру Смирновой Е.В. В феврале 2020 года город Москва признан потерпевшим в связи с совершением преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ [4]. Следствием было установлено, что в рамках совершенного преступления было подделано свидетельство о рождении в связи с чем к нотариусу явилось лицо, не являющееся наследником, поэтому наследство является выморочным. 21 июля 2020 года Департамент городского имущества г. Москвы обратился в суд за защитой нарушенных прав с требованием оспорить сделки (дарение и две купли-продажи), аннулировать свидетельство о праве на наследство, признать Смирновых Г.В. и Е.В. недобросовестными приобретателями и признать право собственности на спорное имущество. Суды первой, апелляционный, кассационной инстанций при первом рассмотрении иск удовлетворили, в частности поддержали доводы истцов и признали Смирновых недобросовестными приобретателями по следующим обстоятельствам: “Отказывая в удовлетворении встречного иска, суд указал на то, что Смирнов Г.В. при заключении договора купли-продажи в условиях подозрительности сделки должен был принять дополнительные меры для проверки законности владения продавцом спорной квартирой, у Смирновых имелась реальная возможность проверить факт родственных отношений между умершей Егоровой М.А. и Вайтиной М.И. и убедиться в подложности свидетельства о рождении Вайтиной М.И. через официальный сайт Единого государственного реестра ЗАГС”. Следовательно, по мнению истца, добросовестный приобретатель, вступая в сделку, должен проявлять должную разумность и осмотрительность и проверять риски по предыдущим сделкам, при этом продавец объекта недвижимости не обязан сохранять дубликаты документов предыдущих владельцев (либо вовсе сам мог их не требовать при приобретении объекта). В опровержение указанного довода стоит также отметить, что предыдущий собственник объекта вовсе не заинтересован в судьбе чужого недвижимого имущества, не и не должен заниматься сопровождением такой сделки. Возложить обязанности по содействию в сборе документов для проведения правовых проверок на прошлых владельцев также не представляется возможным, поэтому в случае признании такого довода верным покупатели на вторичном рынке недвижимости просто утратят возможность быть признанными добросовестными приобретателями.

Верховный Суд Российской Федерации в своем определении от 05.07.2022 г. признал такой довод в части недобросовестного подхода к сделке несостоятельным и пояснил: “согласно статье 163 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьям 17, 54 Основ законодательства Российской Федерации [5] о нотариате законность удостоверяемой сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, проверяет нотариус, он же несет ответственность за удостоверение незаконной сделки”. Тем самым Верховный Суд РФ подтвердил, что приобретатели не должны нести ответственность за незаконные действия нотариуса, но при этом не дал оценки о возложении обязанностей проведения правовых проверок в отношении цепочки предыдущих сделок покупателем объекта недвижимости. Дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В другом деле в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 г. по делу N 5-КГ24-43-К2 [7]; "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2025)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) [8], произошла ситуация, при которой наследник Кириенко В.А. приобрел право собственности на квартиру на основании свидетельства о праве на наследство по завещанию от

22 марта 2011 год. Как установило следствие - завещание удостоверенного 22 октября 2008 года от имени умершего 22 июля 2010 года Лебедева Л.С. было поддельным. Кириенко К.В. заключил договор купли-продажи унаследованной квартиры с Шевцовым А.Н. 3 ноября 2011 года. В 2013 году начался уголовный процесс, где Кириенко В.А. признали виновным в совершении преступления, при этом в суд с виндикационным иском представители Департамента городского имущества г. Москвы обратились только 27 ноября 2019 года (несмотря на известные обстоятельства в виде недействительного завещания, признания имущества выморочным и необходимости надлежащим образом оформить права Москвы как наследника). Нижестоящие суды, оценивая доводы покупателя Шевцова А.Н. не признали его добросовестным приобретателем по следующим основаниям: добросовестный покупатель не проявил достаточную осмотрительность и не стал выяснять причины быстрой продажи; покупатель не доказал, что имел денежные средства, достаточные для приобретения имущества. Но Верховный Суд Российской Федерации не нашел поддержки указанным доводам, обосновав тем, что юридические действия по принятию наследства осуществляются у нотариуса, на которого законом возложены публично-правовые функции по проверке законности прав наследников на получение наследства, надлежащим образом оформившим права, поэтому покупатель не должен был усомниться в праве продавца отчуждать объект; для подтверждения расчетов достаточно платежных документов, подтверждающих оплату. Высшая инстанция отменила нижестоящие судебные акты и приняла новое решение с отказом в удовлетворении иска субъекта.

В третьем деле в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2025 г. по делу № 88-16975/2025 [9] наследник Росс З.И. отказался от наследства в пользу Ксенжук А.В., который отказался отказались от наследства (в которое входила квартира в г. Москва) матери в пользу племянницы Забановой Е.Г., которая 18 января 2022 года получила свидетельство о праве на наследство и 11 февраля 2022 года продала квартиру Арману Джавиту. На момент приобретения объекта был подан иск в суд (и суд его принял к рассмотрению) о признании отказов от наследства недействительными, в связи с чем суд посчитал действия покупателя недобросовестными, поскольку он имел возможность провести проверку через публичный источник сайта Московского городского суда и по поиску фамилии продавца выявить судебный процесс. Но в действительности в картотеке сведения о привлечении продавца к судебному процессу были опубликованы позднее, как и требование об оспаривании сделок было заявлено истцом позднее, поэтому несмотря на действительно наличие судебного спора, покупатель не мог эти обстоятельства выявить и усомниться в том, что нотариальные отказы от наследства могли быть получены с нарушениями законодательства, и после самостоятельной проверки обратился в банк-кредитор для дополнительных проверок, по результатам которой банк одобрил ипотечное кредитование на приобретение спорной квартиры. При повторном рассмотрении суд апелляционный инстанции признал приобретателя добросовестным (Решение Дорогомиловского районного суда от 09.12.2025 г. по делу № 2-4322/25 [10]).

Представленные дела закончились для покупателей наследственных квартир в позитивно - объекты недвижимого имущества остались в их владении, поскольку признание их добросовестными приобретателями позволило сохранить право собственности, но для этого гражданам пришлось пройти несколько инстанций, обращаться в вышестоящие суды с жалобами на решения нижестоящих судов, и несколько лет отстаивать свои законные права и интересы доказывая свою разумную осмотрительность в сделках. Вместе с тем имеется судебная практика с негативными решениями, когда недвижимое имущество истребовали от покупателей.

В судебной практике по спорам со сделками с наследственным имуществом можно сделать вывод о том, что проверить только факт регистрации права собственности продавца, зарегистрированного на основании выданного нотариусом свидетельства о праве на наследство, и оплатить денежные средства в полном объеме за куплю-продажу недвижимости недостаточно. Разумно и добросовестно будут оценены судами действия тех покупателей, которые проверили не только текущих собственников-наследников, но и историю объекта в прошлом и усомнились в корректности оформления наследственных прав нотариусом.

В обстоятельствах подготовки стандартной сделки покупатель имеет право запрашивать документы для сделки в отношении продавца, но неразумно возлагать на покупателя истребовать комплекты по предшествующим сделкам (предыдущие собственники уже не имеют отношения к текущей сделке по отчуждению и не обязаны распространять свои персональные данные, а также они могут просто утратить оригиналы документов, полученных к сделкам несколько месяцев или лет назад) или возлагать на покупателя бремя рисков, связанных с неисправной системой работы государственных информационных систем или несвоевременной публикацией уполномоченными представителями сведений на них (например, на порталах судов общей юрисдикции и судебных участков).

Одним из вариантов решений сложившейся проблемы является требование о приведении правоприменительной практики первых инстанций судов общей юрисдикции в единообразие с исключением возложения на приобретателей исключения рисков, которые в действительности не покрываются разумными действиями. В случае приобретения наследственного имущества покупатель не должен отвечать по всем рискам, связанным с оспариванием наследства по причине объективной невозможности самостоятельно взять на себя обязательства по поиску всех потенциальных наследников и выявления их воли относительно судьбы наследственного имущества, проводить экспертизу на подложность документов, предъявляемых в наследственные дела или удостоверяемых нотариусами, и пресечению всех преступных схем, совершаемых с наследственным имуществом.

Список литературы:

[1] Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (в ред. от 10.06.2026) // Российская газета от 8 декабря 1994 г. N 238-239.

[2] Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Российская газета от 6,7,8 февраля 1996 г. N 23, 24, 25.

[3] Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Российская газета от 28 ноября 2001 г. N 224.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Российская газета от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. N 113, 114, 115, 118.

[5] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Российская газета от 13 марта 1993 г.

[6] Верховного Суда Российской Федерации от 05.07.2022 г. N 5-КГ22-51-К2.

[7] Определении Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 г. по делу N 5-КГ24-43-К2.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025).

[9] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2025 г. по делу № 88-16975/2025.

[10] Решение Дорогомиловского районного суда от 09.12.2025 г. по делу № 2-4322/25.

References:

[1] Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended by 10.06.2026) // Rossiyskaya Gazeta of December 8, 1994 N 238-239.

[2] Part two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 N 14-FZ (as amended by 24.06.2025) // Rossiyskaya Gazeta of February 6.7.8, 1996 N 23. 24. 25.

[3] Part Three of the Civil Code of the Russian Federation No. 146-FZ dated November 26, 2001 (as amended on November 28, 2001 No. 224 dated November 08.08.2024) // Rossiyskaya Gazeta.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended by 04.08.2026) // Rossiyskaya Gazeta of 18 (Art. 1-96), 19 (Art. 97-200), 20 (Art. 201-265), 25 (Art. 266-360) June 1996 N 113, 114, 115, 118.

[5] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 N 4462-1) (rev. from 04.08.2026) (with rev. and add., entry by force since 01.09.2026) // Rossiyskaya Gazeta dated March 13, 1993.

[6] of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG22-51-K2 dated 05.07.2022.

[7] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.05.2024 in case No. 5-KG24-43-K2.

[8] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 08.10.2025).

[9] Determination of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction of 17.09.2025 in Case No. 88-16975/2025.

[10] Decision of the Dorogomilovsky District Court of 09.12.2025 in case No. 2-4322/25.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-704-708
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СИНЦОВ Андрей Алексеевич,
Томский государственный университет
Томск, Россия,
e-mail: andreysintsov2003@gmail.com

ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ МАССИВАМ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем гражданско-правовой охраны больших данных (Big Data) и поиску оптимальных моделей их защиты в рамках института интеллектуальной собственности. Автор анализирует применимость к массивам больших данных существующих режимов охраны, таких как коммерческая тайна, авторское право и смежные права. Обосновывается неэффективность действующих подходов: отсутствие творческого характера систематизации исключает охрану авторским правом, а конститутивные признаки базы данных не учитывают специфику больших данных. На основе сравнительно-правового анализа автор приходит к выводу о необходимости выделения больших данных в самостоятельный объект смежных прав. Предлагается внести изменения в Гражданский кодекс РФ, введя самостоятельное исключительное смежное право изготовителя массива больших данных.*

Ключевые слова: *большие данные, интеллектуальная собственность, смежные права, база данных, технологический суверенитет, массивы данных.*

Для цитирования: *Синцов А. А. Вопросы предоставления правовой охраны массивам больших данных // Право и управление. 2026. № 10. С. 704–708.*

SINTSOV A.A.,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

ISSUES OF PROVIDING LEGAL PROTECTION TO BIG DATA SETS

Annotation. *The article examines the civil law protection of Big Data and seeks optimal models for safeguarding these assets within the intellectual property framework. The author demonstrates the inefficiency of existing legal regimes, such as copyright and sui generis database rights. Copyright is largely inapplicable due to the lack of creative systematization in Big Data, while current database regulations fail to account for its specific nature, particularly regarding the independence of data elements and the flawed presumption of substantial investment. Through comparative legal analysis, the study highlights that investments in Big Data often target data generation and automated processing for artificial intelligence training, rather than mere collection, which current laws do not adequately protect. To resolve this, the author proposes amending the Civil Code of the Russian Federation to introduce a new, independent related right for the "producer of a big data set. This includes revising the quantitative threshold for substantial investment to better reflect the realities of large-scale data processing. Implementing this specialized framework will enhance legal security for data producers, stimulate innovation in the information sector, and strengthen national technological sovereignty.*

Key words: *big Data, intellectual property, related rights, database, technological sovereignty, data lakes.*

For citation: *Sintsov A. A. Issues of providing legal protection to big data sets. Law and administration. 2026;(10):704–708. (In Russ.).*

Введение

Непрерывное развитие общественных отношений в результате научно-технологического процесса влечет за собой возникновение новых объектов правоотношений, которые требуют своей правовой регламентации и соответствующих корректировок в действующем законодательстве. Одним из таких объектов правоотношений, как представляется, можно считать большие данные как массивы информации, используемые в целях обработки и построения статистических моделей, прогнозирования развития различных явлений социальной действительности.

Стоит отметить, что в настоящее время отсутствует единое исчерпывающее определение больших данных, позволяющее провести четкую грань между большими данными и массивами информации больших объемов, не только в правовых системах, но и в науке. Кроме того, отмечается, что выработка такого определения и не обладает достаточной степенью актуальности ввиду изменчивости категорий информации, которая собирается, в связи с развитием технологий [1].

При этом попытки дать определение большим данным в Российской Федерации предприняты на подзаконном уровне. Так, согласно абзацу 8 раздела I Концепции создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17.12.2019 № 3074-р [2], «большие» данные - обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами.

Как указывает Е. А. Войниканис, «с учетом сферы регулирования и обстоятельств конкретного дела право могут интересовать данные как таковые и (или) то, как данные используются, включая технологии их сбора, хранения и обработки» [3]. В этой связи, определяя природу больших данных, возможно сфокусировать внимание именно на тех аспектах данного явления, которые значимы для правового регулирования той или иной сферы общественных отношений.

Так, например, к регулированию отношений по использованию больших данных могут применяться нормы информационного, гражданского, конкурентного законодательства, а также законодательства о персональных данных [4], что позволяет говорить о больших данных как о комплексном явлении, требующем тщательного подхода при выборе модели предоставления правовой охраны.

Режимы правовой охраны больших данных

Сосредоточив внимание на гражданско-правовом регулировании больших данных, можно привести различные правовые модели их охраны. Так, правовая охрана массивов больших данных возможна с помощью режима коммерческой тайны или в качестве ноу-хау. Представляется, что в контексте использования указанных режимов на теоретическом уровне отсутствуют проблемы, не позволяющие применять их к массивам больших данных, в связи с чем в рамках настоящей статьи объектом исследования являются иные потенциально возможные режимы правовой охраны больших данных.

Так, возможными вариантами предоставления правовой охраны большим данным является их охрана в режиме объекта авторских или смежных прав. При этом, согласно подпункту 2 пункта 2 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГК РФ), объектом авторских прав являются составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда. Среди иных объектов авторских прав, указанных в статье 1259 ГК РФ, режим составного произведения является наиболее близким для больших данных, учитывая их составную природу. Однако, наличие указанного требования в виде творческого характера систематизации входящих в составное произведение материалов для предоставления ему правовой охраны авторским правом с большой вероятностью не позволяет распространить такой режим на большие данные ввиду разрозненности единиц информации массива больших данных, отсутствия достаточной степени их систематизации, что является следствием крайне большого количества элементов, составляющих массивы больших данных.

Второй моделью возможной охраны больших данных является их охрана в качестве объекта смежных прав [6]. Наиболее близким по существу объектом смежных прав для больших данных является база данных, указанная среди иных объектов смежных прав в подпункте 4 пункта 1 статьи 1304 ГК РФ.

Согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 1260 ГК РФ, база данных – представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Учитывая приведенное легальное определение базы данных, а также положения пункта 1 статьи 1334 ГК РФ, можно установить, что конститутивными признаками охраняемой смежным правом базы данных являются объективная форма выражения, самостоятельность составляющих ее материалов, а также существенность затрат на

ее изготовление. Самостоятельность материалов базы данных означает, что каждый ее элемент является отдельной, завершенной единицей, и может быть использован по назначению в отрыве от иных входящих в базу данных элементов без потери своего смыслового сущностного значения [7]. Такой признак на практике в большинстве случаев будет препятствовать распространению режима смежных прав на большие данные, так как массив больших данных зачастую представляет собой набор единиц информации, которые не имеют самостоятельного смыслового значения в обособлении от всей совокупности таких единиц массива больших данных и без его необходимой обработки с помощью программ для ЭВМ.

Кроме того, проблемной стороной предоставления правовой охраны большим данным в качестве объекта смежных прав видится презумпция существенности затрат, закрепленная в пункте 1 статьи 1334 ГК РФ, согласно которой при отсутствии доказательств иного базой данных, создание которой требует существенных затрат, признается база данных, содержащая не менее десяти тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов), составляющих содержание базы данных. Таким образом наличие десяти тысяч элементов на практике приведет к возникновению правовой охраны и тех массивов больших данных, создание которых не потребовало существенных затрат, однако в силу природы больших данных обладающих соответствующим количеством входящих в них единиц информации. Следует отметить, что на практике создание таких массивов может требовать гораздо меньших финансовых затрат, чем на их обработку и анализ. В связи с этим сохранение существующего количественного критерия существенности затрат в отношении массивов больших данных повлечет установление чрезмерной монополии и тем самым нарушит соотношение частных и публичных интересов в сфере интеллектуальной собственности. На основании указанного представляется, что возможными вариантами решения обозначенной проблемы являются корректировка презумпции существенности затрат для ее применения к массивам больших данных в сторону увеличения количества элементов, входящих в такие массивы, для признания затрат на их создание существенными либо отказ от применения количественного критерия в отношении больших данных и замена его на иной критерий.

При этом при увеличении количественного критерия существенности затрат оптимальным количеством элементов массива больших данных для признания затрат на его создание существенными представляется один миллион таких элементов. Стоит отметить, что в литературе нет единого подхода к определению порога количества составных элементов для признания данных большими, кроме того, указывается, что «было бы нецелесообразно устанавливать конкретный пороговый показатель для объемов больших данных, поскольку эти объемы относительны и зависят от ряда факторов, таких как время и тип данных» [8], такой порог имеет не определяющее, а лишь ориентирующее значение и не подходит для четкого определения больших данных [9]. Однако предполагается, что количественный признак существенности затрат на создание массива больших данных не должен и не будет являться критерием, определяющим сущность того или иного массива данных и решающим вопрос отнесения его к категории больших данных, а будет выступать лишь инструментом для приведения в действие правовой презумпции.

Согласно пункту 1 статьи 1333 ГК РФ, изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. Действующая редакция данной статьи не позволяет распространить понятие существенных затрат на инвестиции в создание самих материалов базы данных. На практике может иметь место ситуация, когда информация, составляющая массив больших данных, аккумулируется путем использования измерительных приборов и автоматической записи их показаний. В таком случае затраты, направленные на получение такой информации, в виде создания, эксплуатации измерительных приборов не будут признаваться охраняемыми смежным правом инвестициями, что будет ограничивать распространение правовой охраны на массивы больших данных, создаваемых путем получения данных с измерительных приборов владельцем таких приборов.

В настоящее время смежное право на базу дынных охраняет инвестиции именно на организацию, сбор и приведение массива в систему, но не генерацию составляющих ее данных. Цель данной защиты корреспондирует с таким признаком базы данных, как систематизированность. Помимо ГК РФ, аналогичное положение, но исторически раньше, закреплено в части 1 статьи 7 главы 3 Директивы 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 11 марта 1996 г. «О правовой охране баз данных» [10]. Так, применяя положения указанной статьи Европейский суд в решении от 9 ноября 2004 года по делу C-203/02 [11] отметил, что списки лошадей составляются сотрудниками истца, а это означает, что инвестиции идут на создание материала, а не на его сбор и, следовательно, не могут учитываться в качестве средств на создание базы данных.

Представляется, что ввиду особой природы массивов больших данных, обусловленной спецификой сущностных признаков больших данных,

цель их правовой защиты является отличной от целей правовой защиты смежным правом и правом sui generis баз данных. В связи с этим правовая охрана, предоставляемая массивам больших данных, также должна распространяться на затраты, направленные на создание единиц информации, составляющих их содержание. В этом случае правовую охрану смогут получить, при наличии признака существенности затрат, несистематизированные массивы больших данных (data lakes), полученные в результате аккумуляции показателей различных измерительных приборов и имеющие потенциальную ценность, и применимость для обучения искусственного интеллекта, последующих обработки, выявления закономерностей, построения прогнозов и т.д.

Заключение

На основании изложенного предлагается дополнить параграф 5 главы 71 ГК РФ статьей 1334.1 «Исключительное право изготовителя массива больших данных», аналогичную статье 1334 ГК РФ, однако содержащую положения о возникновении у изготовителю массива больших данных, создание которого (включая обработку или представление соответствующих материалов) требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат, исключительного права извлекать из такого массива данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительное право изготовителя массива больших данных).

При этом при отсутствии доказательств иного массивом больших данных, создание которого требует существенных затрат, признается массив больших данных, содержащий не менее миллиона информационных элементов (единиц информации), составляющих содержание массива больших данных.

Изготовителем массива больших данных следует признать лицо, организовавшее создание массива больших данных и работу по изготовлению, сбору, обработке и расположению составляющих его информационных элементов (единиц информации).

Кроме того, предоставление правовой охраны самостоятельным исключительным смежным правом массивам больших данных потребует внесения изменения в статью 1304 ГК РФ в части дополнения ее пункта 1 новым объектом смежных прав.

Представляется, что указанные изменения позволят повысить степень защищенности изготовителей массивов больших данных, что будет оказывать стимулирующий эффект на развитие информационной сферы и укрепит суверенитет, а также конкурентоспособность Российской Федерации в области изготовления, обработки и оборота больших данных.

Список литературы:

[1] Тишина Ю. Продажу больших данных предлагают узаконить. Проект о регулировании рынка big data внесен в Госдуму // Коммерсант. – М., 2018. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3778931 (дата обращения: 11.10.2026).

[2] Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2019 г. № 3074-р «Об утверждении Концепции создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных» [Электронный ресурс]. – Доступ из локальной сети библиотеки ТГУ : справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

[3] Войниканис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. – 2020. – № 7. С. 135–156.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : [принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г. : ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1, ст. 5496.

[5] Чурилов А.Ю. Особенность правовой охраны больших данных // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 5. – С. 195–199.

[6] Корнеев В. А., Кольздорф М. А. Спорные вопросы регулирования баз данных // Закон. – 2019. – № 5. – С. 157–167.

[7] Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: Big data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. – 2015. – Vol. 35, № 2. – P. 137–144. – DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2014.10.007..

[8] Favaretto M., De Clercq E., Schneble C. O., Elger B. S. What is your definition of Big Data? Researchers' understanding of the phenomenon of the decade // PLoS ONE. – 2020. – Vol. 15, № 2. – Art. e0228987. – DOI: 10.1371/journal.pone.0228987. – URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0228987 (дата обращения: 15.10.2026).

[9] Директива 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 11 марта 1996 г. «О правовой охране баз данных» [Электронный ресурс] // WIPO : сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1409 (дата обращения: 21.10.2026).

[10] Решение Европейского суда (Большая палата) от 9 ноября 2004 г. по делу C-203/02 The British Horseracing Board Ltd and Others v William Hill Organization Ltd [Электронный ресурс] // EUR-Lex : сайт Европейского союза. – URL: https:/

/eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex: 62002CJ0203 (дата обращения: 22.10.2026).

References:

[1] Silence Y. The sale of big data is proposed to be legalized. The project on the regulation of the big data market has been submitted to the State Duma // Kommersant. - M., 2018. - URL: https: //www.kommersant.ru/doc/3778931 (access date: 11.10.2026).

[2] Government Order Ros. Federation dated December 17, 2019 No. 3074-r "On approval of the Concept for the creation of a digital analytical platform for the provision of statistical data" [Electronic resource]. - Access from the local network of the TSU library: reference-legal system "ConsultantPlus".

[3] Voynikanis E.A. Regulation of Big Data and Intellectual Property Law: General Approaches, Problems and Development Prospects // Law. – 2020. – № 7. C. 135–156.

[4] Civil Code of the Russian Federation. Part four dated December 18, 2006 No. 230-FZ: [adopted by the State Duma Feder. Sobr. Grew. Federations Nov. 24 2006: approver Feder Federation Council. Sobr. Grew. Federations 8 Dec 2006: Enter. Feder. law Ros. Federation dated December 18, 2006 No. 231-FZ] // Sobr. legislation Ros. Federations. – 2006. - No. 52, part 1, article 5496.

[5] Churilov A.Yu. Peculiarity of legal protection of big data // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2019. – № 5. - S. 195-199.

[6] Korneev V.A., Kolzdorf M.A. Controversial issues of database regulation // Law. – 2019. – № 5. - S. 157-167.

[7] Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: Big data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. – 2015. – Vol. 35, № 2. – P. 137–144. – DOI: 10.1016/j. ijinfomgt.2014.10.007..

[8] Favaretto M., De Clercq E., Schneble C. O., Elger B. S. What is your definition of Big Data? Researchers' understanding of the phenomenon of the decade // PLoS ONE. – 2020. – Vol. 15, № 2. – Art. e0228987. – DOI: 10.1371/journal.pone.0228987. - URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0228987 (access date: 15.10.2026).

[9] Directive 96/9/YeS of the European Parliament and the Council of March 11, 1996 "On the legal protection of databases" [Electronic resource] // WIPO: website of the World Intellectual Property Organization. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1409 (access date: 21.10.2026).

[10] Judgment of the European Court of Justice (Grand Chamber) of 9 November 2004 in the case C-203/02 The British Horseracing Board Ltd and Others v William Hill Organization Ltd [Electronic Resource] // EUR-Lex: European Union website. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex: 62002CJ0203 (accessed on: 22.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-709-714
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ЕРМОЛАЕВ Артем Евгеньевич,
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий специалист Ассоциации участников финансового рынка «Национальный совет финансового рынка», e-mail: positivevector@mail.ru

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВСКИХ АССОЦИАЦИЙ

Аннотация. *Статья посвящена частноправовым механизмам, посредством которых правила банковских ассоциаций, не имеющих статуса саморегулируемой организации, приобретают юридическое значение. С опорой на диссертационные исследования о саморегулировании, включая концепцию Ю.Г. Лесковой, выделены корпоративный, договорный и оценочный механизмы легитимации саморегулирующих положений, внедряемых банковскими ассоциациями. Обосновано, что денежная санкция за нарушение стандарта ассоциации, предусмотренная лишь уставом или положением ассоциации, не порождает обязательства члена ассоциации в отсутствие заключенного с ним письменного соглашения. Предлагается подход, согласно которому стандарт ассоциации может квалифицироваться как обычай или иное обычно предъявляемое требование (ст. 309 ГК РФ), в том числе в отношениях с банками, которые в ассоциации не состоят.*

Ключевые слова: *банковская ассоциация, саморегулирование, частноправовой механизм, стандарт, решение собрания, неустойка, обычай, договор присоединения.*

Для цитирования: *Ермолаев А. Е. Частноправовые механизмы саморегулирования в деятельности банковских ассоциаций // Право и управление. 2026. № 10. С. 709–714.*

ERMOLAEV Artem E.,
postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lead Specialist, Financial Market Participants Association "National Council of the Financial Market"

PRIVATE-LAW MECHANISMS OF SELF-REGULATION IN THE ACTIVITIES OF BANKING ASSOCIATIONS

Annotation. *The article examines the private-law mechanisms through which the rules of banking associations that do not hold the status of a self-regulatory organisation acquire legal significance. Drawing on doctoral research on self-regulation, including the concept developed by Yu.G. Leskova, the study identifies three mechanisms by which self-regulatory provisions adopted by banking associations are legitimated: the corporate, the contractual, and the evaluative mechanisms. The article argues that a monetary penalty for non-compliance with an association's standard, provided for solely in the association's charter or internal regulations, does not give rise to an obligation of the association's member absent a written agreement concluded with that member. The author proposes an approach under which an association's standard may be qualified as a custom or another ordinarily imposed requirement within the meaning of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation, including in relations with banks that are not members of the association.*

Key words: *banking association, self-regulation, private-law mechanism, standard, decision of a meeting, penalty, custom, contract of adhesion.*

For citation: *Ermolaev A. E. Private-law mechanisms of self-regulation in the activities of banking associations. Law and administration. 2026;(10):709–714. (In Russ.).*

Введение

Банковское саморегулирование в России десятилетиями развивается без опоры на специальную регуляторную рамку. Кредитные организации не указаны в перечне видов финансовых организаций, объединения которых вправе приобрести статус саморегулируемой организации (ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [4]), в связи с чем банковские ассоциации действуют как обычные ассоциации (союзы). Статья 3 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [2] называет среди целей союзов и ассоциаций кредитных организаций выработку рекомендаций по осуществлению банковской деятельности, однако обязательной силы таким рекомендациям не придает.

Т.А. Андронова и О.А. Тарасенко отмечают, что «наиболее яркую модификацию модель саморегулирования получила на банковском рынке» [6], но рассматривают ее прежде всего как форму взаимодействия участников рынка с регулятором. Однако для частного права существен другой вопрос, а именно, какими гражданско-правовыми средствами правило, принятое ассоциацией, приобретает юридическое значение для банков и их контрагентов.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и квалифицировать частноправовые механизмы, на которых основано банковское саморегулирование. Исследование опирается на сопоставление доктринальных подходов, сложившихся в диссертационных исследованиях о саморегулировании, с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) о корпорациях, договорах и исполнении обязательств.

Саморегулирование в диссертационных исследованиях: частноправовая составляющая

Наиболее последовательную концепцию частноправового саморегулирования предложила Ю.Г. Лескова. В своей докторской диссертации она отказывается от универсального определения саморегулирования, предлагает различать частноправовое и публично-правовое саморегулирование и относит к правовым актам саморегулирования корпоративные акты, договоры и сделки, для которых, по ее мнению, характерны «самообязательство, добровольность и заинтересованность», коллегиальная основа и самоответственность [11].

В более ранних статьях Ю.Г. Лескова указывала, что саморегулирование использует прежде всего инструменты частного права, хотя и включает элементы публичного, к которым она относила применение санкций к нарушителям [12], а к специальным принципам функционирования саморегулируемых организаций причисляла добровольность участия предпринимателей и корпоративность [10].

Другие релевантные диссертационные исследования строились на модели организации, статус которой предоставлен законом. И.Г. Журина описывала российскую модель как делегированное саморегулирование, «основанное на сочетании принципов добровольности и обязательности» [9]. А.А. Герасимов квалифицировал стандарт саморегулируемой организации как «локальный нормативно-технический акт», а ее правила как «локальный нормативный правовой акт» [7]. Д.А. Петров обращал внимание на то, что член саморегулируемой организации «не осуществляет никаких властных полномочий и вступает в частноправовые отношения в целях получения прибыли» [15].

Позиция Ю.Г. Лесковой о том, что договоры и корпоративные акты являются правовыми актами саморегулирования, представляется нам верной и для банковского сектора. Однако выделенные ею признаки описывают акт, который участники принимают для самих себя, что не позволяет ответить на вопрос, каким образом правило ассоциации приобретает значение для контрагентов банка и влияет на оценку исполнения обязательств третьими лицами.

В исследованиях, базирующихся на модели саморегулируемой организации, этот вопрос также не поставлен, поскольку обязательность ее стандартов обеспечена законом и не нуждается в дополнительном частноправовом обосновании.

Банковское саморегулирование, напротив, не является делегированным в том смысле, который придает этому понятию И.Г. Журина, и опирается только на добровольность членства банков в профессиональном объединении.

Полагаем, что частноправовые механизмы банковского саморегулирования образуют систему гражданско-правовых средств, с использованием которых правило, созданное ассоциацией, приобретает юридическое значение для ее членов и их контрагентов, и могут быть разделены на корпоративный, договорный и оценочный, причем последний в обозначенных исследованиях отдельно не рассматривался.

Корпоративный механизм саморегулирования и его пределы

Основу корпоративного механизма составляют решения органов ассоциации. Решение собрания порождает гражданско-правовые послед-

ствия для всех лиц, имевших право участвовать в собрании (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ). О.М. Олейник еще до появления в ГК РФ гл. 9.1 указывала, что «решение общего собрания акционеров является внутренним документом или локальным актом» [14]. Эта характеристика сохраняет значение для решений, которыми ассоциация утверждает стандарты, но после введения подп. 1.1 п. 1 ст. 8 ГК РФ решение собрания напрямую считается основанием гражданских прав и обязанностей лишь в случаях, предусмотренных законом, поэтому возлагаемые им на членов обязанности должны базироваться на положениях закона.

Из этого вытекают пределы корпоративного нормотворчества. Член ассоциации несет обязанности, предусмотренные в п. 4 ст. 65.2 ГК РФ, иные обязанности, предусмотренные законом или уставом, а также обязан уплачивать членские взносы и по решению высшего органа вносить дополнительные имущественные взносы (п. 2 ст. 123.11 ГК РФ).

Квалификация стандарта как локального акта, предложенная А.А. Герасимовым, применима и к банковской ассоциации, но с важным ограничением. Стандарт, утвержденный общим собранием, распространяется на членов в той мере, в какой устав возлагает на них обязанность соблюдать внутренние документы ассоциации, и не может создать для них новую имущественную обязанность, если закон не связывает ее возникновение с решением собрания. Основной корпоративной санкцией остается исключение из ассоциации, допустимое в случаях и в порядке, установленных уставом (абз. 2 п. 2 ст. 123.11 ГК РФ).

Наиболее спорной остается тематика применения денежной санкции за нарушение стандарта. Саморегулируемая организация вправе наложить на своего члена штраф в силу прямого указания закона (п. 3 ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» [3]), однако банковская ассоциация такого статуса не имеет, поэтому данная норма к ней не применяется.

Ю.Г. Лескова относила применение санкций к публично-правовым элементам саморегулирования, но для банковской ассоциации, не наделенной публичными полномочиями, это суждение неприменимо. Если член объединения вступает в частноправовые отношения, как писал Д.А. Петров, основанием денежной санкции может служить только закон или договор, ведь неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма (п. 1 ст. 330 ГК РФ), а соглашение о неустойке под страхом недействительности совершается в письменной форме (ст. 331 ГК РФ).

В этой связи полагаем, что штраф, предусмотренный только уставом или положением ассоциации, денежного обязательства члена ассоциации не порождает, если исходить из нормативной, а не договорной природы устава, ведь решение собрания создает обязанности лишь в случаях, предусмотренных законом.

Решение о наложении такого штрафа порочно как принятое по вопросу, не относящемуся к компетенции органа управления (подп. 3 ст. 181.5 ГК РФ), а действительной санкция становится тогда, когда банк выразил согласие на нее в письменной форме, например, в заявлении о приеме или в отдельном соглашении с ассоциацией.

Таким образом, корпоративный механизм саморегулирования в банковском секторе ограничен обязанностями, которые могут быть возложены на банк в силу устава, и санкцией в виде исключения, тогда как денежная ответственность за нарушение стандарта ассоциации невозможна без договорного основания.

Договорный механизм саморегулирования

Выявленные недостатки корпоративного механизма саморегулирования восполняются договорными средствами. Банк и ассоциация вправе заключить договор, не предусмотренный законом (п. 2 ст. 421 ГК РФ), с учетом которого банк обязуется соблюдать определенный ассоциацией стандарт, а стороны согласуют условие о неустойке и порядок урегулирования разногласий, если такой договор отвечает уставным целям ассоциации. Такой договор отличается от членства в ассоциации субъектным составом и основанием обязанности, поскольку к стандарту может присоединиться и кредитная организация, не состоящая в ассоциации, ввиду чего обязанность возникает из соглашения, а не из корпоративного статуса. Условие о неустойке в нем подчиняется общим правилам, включая возможность ее уменьшения по заявлению банка (п. 1 ст. 333 ГК РФ).

Еще одно направление применения договорного механизма саморегулирования связано с отношениями банков с клиентами. Стандарт, на который банк ссылается в общих условиях, становится частью договора, заключаемого путем присоединения (п. 1 ст. 428 ГК РФ), а при отсутствии ссылки может учитываться при толковании договора, когда суд принимает во внимание практику взаимоотношений сторон и обычаи (абз. 2 ст. 431 ГК РФ). Л.А. Емелина и Н.А. Швачко, исследуя подходы к информированию заемщиков профессиональных кредиторов, предлагают развивать инструменты защиты прав потребителя финансовых услуг с учетом масштабирования онлайн-технологий и цифровизации [8].

К этому следует добавить и частноправовой аспект. Стандарт ассоциации о раскрытии информации служит ориентиром при определении того, какие сведения в силу характера договора должны быть доведены до клиента, а умолчание о них

предполагается недобросовестным поведением при переговорах (подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Отступление банка от такого стандарта само по себе не влечет недействительности договора, но служит косвенным доводом в пользу недобросовестности банка и основанием для возмещения убытков (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Наконец, стандарт может быть опубликован ассоциацией в форме примерных условий договора, и тогда он применяется к отношениям сторон в силу отсылки к нему, а при ее отсутствии в качестве обычая, если отвечает требованиям ст. 5 и п. 5 ст. 421 ГК РФ (п. 1, 2 ст. 427 ГК РФ).

Следовательно, договорный механизм саморегулирования, в отличие от корпоративного, не ограничен кругом членов и служит единственным надежным основанием установления денежной ответственности банка за нарушение стандарта.

Оценочный механизм саморегулирования

Еще один механизм саморегулирования действует независимо от согласия банка на применение стандарта. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что упомянутый в ст. 309 ГК РФ обычай подлежит применению безотносительно того, зафиксирован ли он в каком-либо документе или существует без такой фиксации (п. 2 постановления от 23.06.2015 № 25 [5]). Стандарт банковской ассоциации, широко применяемый на рынке, может отвечать признакам обычая, а стандарт, еще не ставший обычаем, способен служить доказательством того, какие требования обычно предъявляются к профессиональному участнику оборота.

Значение оценочного механизма саморегулирования определяется особенностями ответственности банков с учетом принципа безвиновной ответственности согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ. Стандарт ассоциации в этой связи может влиять на содержание обязанности банка, т. е. отвечать на вопрос, было ли исполнение банком своего обязательства надлежащим.

Во внедоговорных отношениях, где ответственность по общему правилу зависит от вины (п. 2 ст. 1064 ГК РФ), стандарт может использоваться и для определения той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от банка по условиям оборота (по критерию абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ).

М.В. Мамута и Л.А. Емелина, исследуя применение искусственного интеллекта на финансовом рынке, обосновывают разграничение вопросов, «подлежащих регулированию нормами мягкого права или федеральными законами» [13]. Оценочный механизм саморегулирования наглядно объясняет, каким образом нормы мягкого права, оставаясь рекомендациями, получают гражданско-правовое значение и при этом не трансформируются в обязательные правила. Есть основания предполагать, что в таком качестве стандарт ассоциации может быть учтен и в споре с банком, который в ней не состоит, ведь обычай и обычно предъявляемые требования складываются на рынке в целом, а не в кругу членов объединения. Это согласуется с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, который связывает обычай с правилом поведения, широко применяемым в определенной области деятельности, а не в отношениях отдельных лиц. Пределы этого подхода очерчены законом, поскольку обычаи, противоречащие обязательным для участников отношения положениям законодательства или договору, не применяются (п. 2 ст. 5 ГК РФ).

В итоге оценочный механизм распространяет действие стандарта на всех профессиональных участников рынка, но лишь в той мере, в какой стандарт фиксирует сложившуюся банковскую практику и не противоречит закону и договору.

Заключение

Частноправовые механизмы банковского саморегулирования образуют систему корпоративных, договорных и оценочных средств, при помощи которых правило, принятое ассоциацией, приобретает юридическое значение для ее членов и третьих лиц. Корпоративный механизм связывает только членов ассоциации и ограничен обязанностями, которые могут быть возложены на них уставом, а также санкцией исключения. Денежная санкция за нарушение стандарта, установленная лишь уставом или положением ассоциации, не порождает обязательства члена, поэтому ее следует закреплять в письменном соглашении, которое банк подписывает при вступлении в ассоциацию или в ходе присоединения к стандарту.

Договорный механизм саморегулирования распространяет стандарт за пределы круга членов ассоциации и масштабирует его применительно к отношениям банков с клиентами, где он становится частью договора присоединения, учитывается при толковании договора и служит ориентиром при определении содержания обязанности добросовестного поведения при переговорах. Оценочный механизм саморегулирования придает стандарту ассоциации значение обычая или иного обычно предъявляемого требования (ст. 309 ГК РФ) и влияет на содержание обязанности банка независимо от его членства в ассоциации.

Учитывая изложенное, в целях обеспечения правовой определенности целесообразно, чтобы банковские ассоциации публиковали стандарты и сведения о присоединившихся к ним кредитных организациях, так как это облегчает доказывание обычая и сложившейся практики в суде и легитимирует стандарты ассоциации в различных формах их существования.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.

[3] Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.

[4] Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4349.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

[6] Андронова Т. А. О соотношении терминов «государственное регулирование», «саморегулирование», «правовой режим» / Т. А. Андронова, О. А. Тарасенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 30-37.

[7] Герасимов А. А. Правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций: специальность 12.00.03: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Герасимов Андрей Алексеевич. – Москва, 2011. – 224 с.

[8] Емелина Л. А. Развитие инструментов защиты прав потребителя финансовых услуг / Л. А. Емелина, Н. А. Швачко // Банковское дело. – 2023. – № 1. – С. 62–64.

[9] Журина И. Г. Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации: специальность 12.00.03: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Журина Ирина Геннадьевна. – Москва, 2009. – 196 с.

[10] Лескова Ю. Г. Принципы функционирования саморегулируемых организаций: проблема единства и внедрения в правовую материю / Ю. Г. Лескова // Право и политика. – 2012. – № 4 (148). – С. 652-658.

[11] Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: специальность 12.00.03: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лескова Юлия Геннадьевна. – Москва, 2013. – 59 с.

[12] Лескова Ю. Г. Саморегулирование предпринимательских отношений: соотношение и взаимодействие частноправовых и публично-правовых элементов правового механизма / Ю. Г. Лескова // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 77-81.

[13] Мамута М. В. Перспективы и направления использования технологий искусственного интеллекта для защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг / М. В. Мамута, Л. А. Емелина // Банковское дело. – 2026. – № 10. – С. 4–10.

[14] Олейник О. М. Риски правовой квалификации решения общего собрания акционеров / О. М. Олейник // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 10. – С. 64-75.

[15] Петров Д. А. Публичность как критерий саморегулирования / Д. А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2013. – Вып. 2. – С. 26-35.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Federal Law of 02.12.1990 No. 395-1 "On Banks and Banking Activities" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. – 1990. – № 27. - Art. 357.

[3] Federal Law of 01.12.2007 No. 315-FZ "On Self-Regulatory Organizations" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 49. - Art. 6076.

[4] Federal Law of 13.07.2015 No. 223-FZ "On Self-Regulatory Organizations in the Financial Market" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. - No. 29 (part I). - Art. 4349.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – № 8.

[6] Andronova T. A. On the relationship of the terms "state regulation," "self-regulation," "legal regime" / T. A. Andronova, O. A. Tarasenko // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2022. – № 12 (100). - S. 30-37.

[7] Gerasimov A. A. Legal regulation of the activities of self-regulatory organizations: specialty 12.00.03: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Gerasimov Andrei Alekseevich. -

Moscow, 2011. - 224 s.

[8] Emelina L. A. Development of instruments for protecting the rights of consumers of financial services/L. A. Emelina, N. A. Shvachko // Banking. – 2023. – № 1. - S. 62-64.

[9] Zhurina I. G. Civil law status of self-regulatory organizations in the Russian Federation: specialty 12.00.03: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Zhurina Irina Gennadievna. - Moscow, 2009. - 196 s.

[10] Leskova Yu. G. Principles of functioning of self-regulatory organizations: the problem of unity and introduction into legal matter / Yu. G. Leskova // Law and Politics. – 2012. – № 4 (148). - S. 652-658.

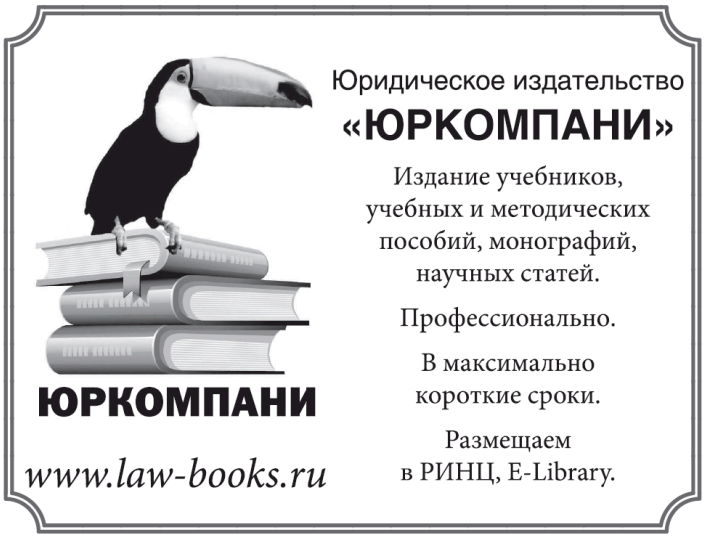
[11] Leskova Yu. G. Self-regulation as a legal way of organizing entrepreneurial relations: problems of theory and practice: specialty 12.00.03: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law / Yulia Gennadievna Leskova. - Moscow, 2013. - 59 s.

[12] Leskova Yu. G. Self-regulation of entrepreneurial relations: the ratio and interaction of private and public legal elements of the legal mechanism / Yu. G. Leskova // Modern law. – 2012. – № 1. - S. 77-81.

[13] Mamuta M. V. Prospects and directions of using artificial intelligence technologies to protect the rights and legitimate interests of consumers of financial services / M. V. Mamuta, L. A. Emelin // Banking. – 2026. – № 10. - S. 4-10.

[14] Oleinik O. M. Risks of Legal Qualification of the Decision of the General Meeting of Shareholders/ O. M. Oleinik // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2010. – № 10. - S. 64-75.

[15] Petrov D. A. Publicity as a criterion of self-regulation / D. A. Petrov // Bulletin of St. Petersburg University. Series 14. Right. – 2013. - Issue 2. - S. 26-35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-715-719

ГУЛАНЯН Артём Овикович,
Студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ УКРЕПЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ УГРОЗЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Банковская система в любом государстве является одной из ключевых составляющих, которая обеспечивает эффективное функционирование экономики страны в целом. В условиях трансформации экономических отношений на национальном уровне возрастает роль процедур кредитования. Именно банки позволяет обеспечить стабильность и устойчивость финансовой системы государства. Однако общественные отношения, которые складываются в банковской сфере привлекают внимание преступных сообществ, что выражается в распространении преступлений, совершаемых в банковской системе. Наибольшее распространение в системе банковских преступлений отводится различным формам мошенничества. Преступные схемы совершения мошенничества в банковской системе с каждым годом развиваются. В результате, распространения проблемы криминализации банковской системы причиняется ущерб экономической безопасности страны. В данной статье приводятся предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в целях укрепления безопасности банковской системы страны.*

Ключевые слова: *банковская безопасность, коммерческие банки, банковская система Российской Федерации, экономическая безопасность, совершенствование банковского законодательства, банковское право.*

Для цитирования: *Гуланян А. О. Правовые методы укрепления безопасности банковской системы Российской Федерации: новые угрозы и направления совершенствования законодательства // Право и управление. 2026. № 10. С. 715–719.*

GULANYAN Artem Ovikovich,
1st year master's student of the Higher School of State Audit at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

LEGAL METHODS OF STRENGTHENING THE SECURITY OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: NEW THREATS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Annotation. *The banking system in any state is one of the key components that ensures the effective functioning of the country's economy as a whole. In the context of the transformation of economic relations at the national level, the role of lending procedures is increasing. It is banks that make it possible to ensure the stability and sustainability of the financial system of the state. However, the social relations that develop in the banking sector attract the attention of criminal communities, which is reflected in the spread of crimes committed in the banking system. The most widespread in the system of banking crimes is attributed to various forms of fraud. Criminal schemes of fraud in the banking system are developing every year. As a result, the spread of the problem of criminalization of the banking system is causing damage to the economic security of the country. This article presents proposals aimed at improving the legislation of the Russian Federation in order to strengthen the security of the country's banking system.*

Key words: *banking security, commercial banks, the banking system of the Russian Federation, economic security, improvement of banking legislation, banking law.*

For citation: *Gulanyan A. O. Legal methods of strengthening the security of the banking system of the Russian Federation: new threats and ways to improve legislation. Law and administration. 2026;(10):715–719. (In Russ.).*

В современном мире банковская система Российской Федерации сталкивается с беспрецедентными вызовами, обусловленными цифровизацией экономики и изменениями, которые возникают в международных экономических отношениях. Актуальность правовых методов укрепления безопасности этого банковского сектора обусловлена развитием различных угроз, включая информационные атаки, инциденты легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, подменой денежных единиц суррогатными валютами, и санкционными ограничениями, которые исходят со стороны недружественных стран коллективного Запада. Согласно данным Банка России, в 2024 году количество посягательств на информационную инфраструктуру (безопасность) финансовых учреждений выросло на 45%, что подчеркивает необходимость в разработке правовых методов, направленных на совершенствование законодательной базы.

В последние годы существенно увеличилось и количество финансовых продуктов и услуг, которые предлагают многие банки, что объективно обуславливает необходимость в усиленной правовой защите прав таких банков.

Целесообразно информировать население о том, что новые банковские продукты влекут за собой и новые формы совершения мошенничества. Так, многие федеральные банки в Российской Федерации позиционируют себя не в роли привычного и классического кредитного учреждения, а в качестве так называемых «эко-систем», которые помимо услуг по кредитованию осуществляют: страховую деятельность, торговую, юридическую, консалтинговую, образовательную, и иные виды деятельности.

Актуальность рассматриваемой темы находит отражение и в статистических показателях Центрального банка России.

В конце мая Банк России представил статистику по операциям, осуществленным без согласия клиентов, за 2025 год. Согласно данным Центробанка, ситуация выглядит довольно противоречиво. Количество фактов мошенничества (различных видов) в первом квартале 2025 года увеличилось почти на 17% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Также значительно возросло число информационных атак в отношении операций, проведенных через систему быстрых платежей и электронные кошельки.

С другой стороны, есть и положительные тенденции. В первом квартале 2025 года финансовые учреждения успешно предотвратили в пять раз больше мошеннических атак по сравнению с тем же периодом 2024 года [12].

При этом существующая на практике статистика преступлений в банковской сфере не представляется полной поскольку в контексте данного исследования выделяется многообразие классификаций отнесения тех или иных видов экономических преступлений к группе «банковские преступления» или «преступления в сфере кредитования».

Данный вопрос на сегодняшний день является дискуссионным. Отсюда преобладающий удельный вид в системе банковской преступности отводится непосредственно специальным видам мошенничества, то есть судебная практика складывается по статьям 159.1-159.6 УК РФ [2].

Вопросы обеспечения безопасности функционирования банковской системы рассматривались в работах ряд российских ученых. Среди них можно выделить таких авторов, как: В.Ю. Абрамов, Д.И. Аминов, А.Н. Андреев, В.Н. Балябин, Б.В. Волженкин, М.Ф. Костюк, И.А. Клепицкий, Е.М. Куликов, Н.Г. Кутьин, В.Д. Ларичев, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, Е.А. Мельников, Е.П. Нелезина, Л.И. Никольская, В.П. Ревин, Г.А. Тосунян, Т.Д. Устинова, О.В. Финогенова, А.Н. Чеботарев, А.В. Щербаков, А.И. Яковлев, П.С. Яни., и другие.

Следуя далее целесообразно рассмотреть правовое регулирование и особенности сложившейся на сегодняшний день банковской системы России.

Банковская система Российской Федерации на современном этапе определяется в рамках следующих наиболее значимых нормативных-правовых актах:

Конституции Российской Федерации в части определения основ конституционного строя, экономических прав и общих принципов функционирования финансовой системы страны [1].

Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации» в части формирования правового статуса, целей деятельности, функций и полномочий Центрального банка Российской Федерации (Банка России) [5].

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», устанавливающий правовой статус, виды коммерческих банков как основного звена банковской системы России [3].

Среди источников банковского права можно выделить и ряд других документов, которые обладают более узким характером, регулирующие отраслевые или отдельно взятые банковские институты.

Также важное место в данной системе отводится уголовному закону, в рамках главы 21 которого с 1996 года было легализован состав преступления – статья 159 УК РФ «Мошенничество» [2]. Интересным представляется и тот факт, что в результате технологического прогресса мошенничество стало совершаться с использованием различных дистанционных технологий, а схемы совершенствования классического мошенничества (т.е. хищения, совершенного путем обмана или злоупотребления доверием) стали значительно усложняться.

С 2012 года в Уголовном кодексе Российской Федерации были выделены отдельные виды мошенничества, ответственность за которые предусмотрена статьями 159.1 - 159.6 УК РФ. Основой для этой дифференциации послужил подход, согласно которому мошенничество в определенных сферах может значительно отличаться от "традиционного" преступления, описанного в статье 159 УК РФ [4]. Однако следует отметить, что этот подход не оправдал себя полностью: в 2014 году статья 159.4, касающаяся мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, была признана неконституционной, а в 2016 году статья 159 УК РФ была дополнена частями 5 - 7, которые описывают аналогичные преступления. Таким образом, специальный вид преступления был установлен внутри общей нормы.

В результате исторического генезиса банковской системы и развития источников посвященных банковскому делу была сконструирована двухуровневая банковская система в Российской Федерации, включающая:

Центральный банк Российской Федерации;

Систему коммерческих банков.

В целом существующая двухуровневая банковская система в России может оцениваться в качестве эффективной.

В рамках данной двухуровневой системы Банк России имеет уникальный конституционно-правовой статус, который закреплен в статье 75 Конституции Российской Федерации, где указано, что Банк России обладает исключительным правом на проведение денежной эмиссии, а его главной задачей является защита и обеспечение стабильности рубля. Банк России выполняет свои функции независимо от других федеральных органов власти, властей субъектов Российской Федерации и местных органов самоуправления, обладая достаточно высоким уровнем самостоятельности [11].

В то время, как на уровне коммерческих банков в России на сегодняшний день насчитывается порядка 316 действующих банков, среди которых: 220 банков с универсальной лицензией; 96 банков с базовой лицензией; 38 небанковских кредитных организаций [10].

Рассмотрев многообразие и двухуровневый характер банковской системы можно сформулировать основную тенденцию развития современного банкинга, которая обусловлена трансформацией банков в целостные «экосистемы», что приводит к переосмыслению термина классический банк как институт.

Так, тенденция развития банков в России в целостные экосистемы открывает новые горизонты для финансового сектора и пользователей. На фоне цифровизации и растущей конкуренции банки начинают трансформироваться из традиционных финансовых организаций в многогранные платформы, предлагающие широкий спектр услуг — от кредитования и инвестиций до электронных платежей и страхования.

Поэтому и клиенты большинства банков стремятся к интеграции, и экосистемы становятся ответом на этот запрос, объединяя в себе различные сервисы и упрощая взаимодействие пользователей с финансовыми продуктами. Банк, трансформировавшийся в экосистему, предоставляет не только банковские услуги, но и дополнительные возможности: от онлайн-покупок, до получения услуг здравоохранения и обучения.

Приведенная тенденция также стимулирует рост новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, который повышает безопасность и прозрачность банковских транзакций. В итоге, создание облачных и мобильных платформ становится ключевым конкурентным преимуществом современных крупных банков. В данном контексте будущее банков в России выглядит перспективно, открывая новые возможности для инноваций и улучшения качества обслуживания клиентов и расширения спектра потенциально оказываемых услуг клиентам.

Однако можно сделать и еще один вывод, что под воздействием трансформации большинства банков в крупные экосистемы (платформы) в России, модифицируется, при этом усложняясь и преступность в банковской системе, где преимущественную долю составляют высоко латентные, высоко технологичные финансовые преступления. Иными словами, расширение банковских услуг и формирование их экосистем служит детерминантой распространения новых форм высокотехнологичного мошенничества: посредством телефонных звонков, «дропов», технологий подмены личности, «онлайн кредитования» и иных сценариев совершения мошенничества в системе банковских преступлений.

На современном этапе в России можно вы-

делить несколько проблем, которые возникают в банковской системе:

низкий уровень капитализации банков;

значительное количество кредиторских задолженностей;

высокая зависимость ряда банков от состояния государственных и местных бюджетов;

чрезмерная концентрация на развитии направлений банковской деятельности, которые обеспечивают быстрый, в основном спекулятивный, доход, и недостаточное внимание к кредитованию реального сектора экономики, а также игнорирование перспективных банковских технологий;

высокая зависимость банков от крупных акционеров, которые одновременно являются их клиентами и участниками финансово-промышленных групп;

низкий профессиональный уровень руководства ряда банков, а в некоторых случаях - личная заинтересованность менеджеров в проведении операций, противоречащих интересам клиентов и акционеров;

политизированное мышление и действия высшего руководства некоторых крупных банков, широкое использование ими ресурсов для достижения политических целей, выходящих за рамки банковской деятельности;

недостаточная разработанность надзорных требований;

недостатки действующего законодательства, неурегулированность многих юридических аспектов банковской деятельности, отсутствие системы страхования вкладов граждан и неурегулированные процедуры санации, реструктуризации и банкротства банков.

В целях преодоления данных проблем целесообразно сформулировать некоторые авторские выводы и предложения.

Во-первых, по статистике на 2026 год, клиенты банков наиболее часто используют мобильный банкинг для осуществления различных операций. В этих целях необходимо пересматривать внутреннюю организацию банков, путем уменьшения количества офисов банка в целях оптимизации издержек на аренду и иные обязательные платежки, которые обусловлены содержанием коммерческого помещения. В рамках развития концепции банковских экосистем необходимо банкам менять привычный формат офлайн офиса банка, например, видоизменяя под модель торговых площадок с оказанием консультаций по некоторых офлайн банковским услугам.

Во-вторых, в силу преобладания онлайн обслуживания банками клиентов, целесообразно усиливать информационную безопасность мобильных банков и информационных систем. Целесообразно в федеральный закон «о банках и банковской деятельности» внести изменения и обязать коммерческие банки организовывать отделы обеспечения информационной безопасности и технической поддержки по строгому стандарту Центрального банка России привлекая для обеспечения информационной безопасности банка специалистов пропорционально количеству банковских клиентов (в рамках расчета норматива). Данное предложение, как видится, позволит значительно укрепить информационную безопасность коммерческих банков и принципы ее организации.

В-третьих, необходимо продолжить развивать положения федерального закона «о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» путем внесения правил отграничения банками законной операции (по переводу денежных средств), от подозрительной финансовой операции, которые подлежат блокировке, что создает неудобства для вкладчиков. В правоприменительной практике нередко возникают споры, когда законная операция подпадает из-за технических сбоев информационных систем противодействия мошенничеству под признаки подозрительной, что создает неудобства для клиентов банков.

Таким образом, представленные правовые меры не только укрепят устойчивость банковской системы Российской Федерации к новым вызовам и угрозам, но и повысят доверие клиентов банков, способствуя укреплению экономического суверенитета России.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[3] Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (последняя редакция) // Российская газета, № 27, 10.02.1996.

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 № 207-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета, № 278, 03.12.2012.

[5] Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета, № 127, 13.07.2002.

[6] Финансовая безопасность Российской

Федерации в условиях интеллектуализации и автоматизации общественных отношений / А. В. Анищенко, В. Н. Анищенко, Е. В. Анищенко и др. — МГУ им. М. В. Ломоносова Москва, 2025. — 408 с.

[7] Костюк М.Ф., Голиусов А.А. Понятие и система преступлений в банковской сфере // Евразийская адвокатура. 2019. № 3 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sistema-prestupleniy-v-bankovskoy-sfere.

[8] Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции // Мировой криминологический анализ М., 1999. С. 259.

[9] Моисеева И.А. Противодействие угрозам экономической безопасности в банковской сфере // Пенитенциарная наука. 2018. № 1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ugrozam-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-bankovskoy-sfere.

[10] Банковский сектор // URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/.

[11] Миссия Банка России — обеспечение финансовой и ценовой стабильности, содействие развитию конкурентоспособного финансового рынка // URL: https://www.cbr.ru/about_BR/.

[12] Центральный банк России - Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств // URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 29.12.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 20.01.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

[3] Federal Law "On Banks and Banking Activities" dated 02.12.1990 No. 395-1 (latest edition) // Rossiyskaya Gazeta, No. 27, 10.02.1996.

[4] Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 29.11.2012 No. 207-FZ (latest edition) // Rossiyskaya Gazeta, No. 278, 03.12.2012.

[5] Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated 10.07.2002 No. 86-FZ (latest edition) // Rossiyskaya Gazeta, No. 127, 13.07.2002.

[6] Financial security of the Russian Federation in the context of intellectualization and automation of public relations / A.V. Anishchenko, V.N. Anishchenko, E.V. Anishchenko et al. - Moscow State University named after M.V. Lomonosov Moscow, 2025. - 408 s.

[7] Kostyuk M.F., Goliusov A.A. The concept and system of crimes in the banking sector // Eurasian advocacy. 2019. № 3 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sistema-prestupleniy-v-bankovskoy-sfere.

[8] Luneev V.V. Crime of the XX century. World, regional and Russian trends // World criminological analysis M., 1999. P. 259.

[9] Moiseeva I.A. Countering threats to economic security in the banking sector // Penitentiary science. 2018. № 1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ugrozam-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-bankovskoy-sfere.

[10] Banking // URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/.

[11] The mission of the Bank of Russia is to ensure financial and price stability, to promote the development of a competitive financial market // URL: https://www.cbr.ru/about_BR/.

[12] Central Bank of Russia - Information Security Incidents in Funds Transfers Reporting Overview // URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-720-725

ХАЦКЕВИЧ Павел Сергеевич,
начальник ФГБУ СЭУ ФПС «Испытательная пожарная лаборатория по Иркутской области»,
e-mail: p.hackevich@38.mchs.gov.ru

РЫБНИКОВ Василий Владимирович,
доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: r_v_v@inbox.ru

ШЕКОВ Анатолий Александрович,
кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры химии и процессов горения ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
e-mail: shek@inbox.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЛИТИЙ-ИОННЫХ АККУМУЛЯТОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. *В статье проводится анализ действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующего производство, эксплуатацию, хранение, транспортировку и утилизацию литий-ионных аккумуляторов. Рассматривается влияние пробелов и коллизий в нормативно-правовой базе на процесс установления причины пожара в рамках судебной пожарно-технической экспертизы. Предлагаются рекомендации по совершенствованию методического обеспечения экспертов с учетом физико-химических особенностей литий-ионных источников тока.*

Ключевые слова: *судебная пожарно-техническая экспертиза, литий-ионный аккумулятор, тепловое проявление электрического тока, нормативная база.*

Для цитирования: *Хацкевич П. С., Рыбников В. В., Шеков А. А. Нормативно-правовое регулирование обращения литий-ионных аккумуляторов: проблемы для судебной пожарно-технической экспертизы // Право и управление. 2026. № 10. С. 720–725.*

KHAKKEVICH Pavel Sergeevich,
Head of the Federal State Budgetary Institution "Fire Testing Laboratory for the Irkutsk Region"

RYBNIKOV Vasily Vladimirovich,
Associate Professor at the Department of Forensic and Expert Activities of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHEKOV Anatoly Alexandrovich,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Chemistry and Combustion Processes, Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE HANDLING OF LITHIUM ION BATTERIES: PROBLEMS FOR FORENSIC FIRE TECHNICAL EXAMINATION

Annotation. *The article analyzes the current legislation of the Russian Federation regulating the production, operation, storage, transportation, and disposal of lithium ion batteries. The impact of gaps and conflicts in the regulatory framework on the process of establishing the cause of a fire within the framework of a forensic fire technical examination is examined. Recommendations are proposed to improve the methodological support for experts, taking into account the physicochemical characteristics of lithium ion power sources.*

Key words: *forensic fire technical examination, lithium ion battery, thermal manifestation of electric current, regulatory framework.*

For citation: *Khakkevich P. S., Rybnikov V. V., Shekov A. A. Regulatory and legal regulation of the handling of lithium ion batteries: problems for forensic fire technical examination. Law and administration. 2026;(10):720–725. (In Russ.).*

Широкое распространение портативных электронных устройств, персонального электротранспорта (электросамокатов, моноколес, электровелосипедов) и систем накопления энергии привело к экспоненциальному росту числа пожаров, первопричиной которых является аварийный режим работы литий-ионных аккумуляторов [1-3]. Возгорание литий-ионных аккумуляторных батарей (ЛИАБ) характеризуется протеканием самоподдерживающейся экзотермической реакции с выделением кислорода, высокой температурой горения (до 1000–2500 °С), токсичностью продуктов термического разложения и склонностью к повторным возгораниям после ее тушения [4, 5]. Хотя ЛИАБ имеет низкую вероятность самовозгорания, она уязвима к внешним тепловым, механическим и электрическим воздействиям [6], а специфика процессов горения ЛИАБ ставит перед судебным пожарно-техническим экспертом непростые задачи очага и причины пожара. Корректное решение вопроса о причастности аккумуляторной батареи к возникновению пожара невозможно без глубокого анализа нормативно-правовой базы, определяющей возможность ее обращения на всех этапах жизненного цикла.

Перечень нормативных актов, регламентирующих основные характеристики, методы испытаний, устройство литий-ионных аккумуляторов и аккумуляторных батарей обширен, в то же время документы, содержащие требования безопасности при эксплуатации ЛИАБ не столь многочисленны. Большую часть указанных нормативных актов составляют международные и национальные стандарты.

К числу основных нормативно-правовых актов федерального значения в сфере безопасной эксплуатации ЛИАБ следует отнести Федеральный закон «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ, который регулирует правоотношения, возникающие в области установления обязательных требований к продукции, а также ее эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, в том числе и в отношении литий-ионных аккумуляторных батарей.

В аспекте проводимого исследования базовое значение имеют:

Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ, так как пожарная безопасность, будучи базовой потребностью общества, представляет собой состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров; указанный федеральный закон в ст. 1 определяет понятие обязательных требований пожарной безопасности, под которыми понимаются специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными документами по пожарной безопасности;

Федеральный закон «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22 июля 2008 г. 123-ФЗ, поскольку техническое регулирование в области пожарной безопасности предполагает установление в нормативных правовых актах Российской Федерации и нормативных документах по пожарной безопасности требований пожарной безопасности к продукции, процессам проектирования, производства, эксплуатации, хранения, транспортирования, реализации и утилизации, правовое регулирование отношений в области применения и использования требований пожарной безопасности, правовое регулирование отношений в области оценки соответствия;

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ определяет основы государственной судебно-экспертной деятельности, на базе данного

федерального закона принимаются профильные ведомственные приказы, которые детализируют порядок проведения пожарно-технической экспертизы. Например, Приказ МЧС России «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» от 19 августа 2005 г. № 640.

Следует отметить, что одним их главных факторов, обеспечивающих безопасность, производительность и долговечность применения ЛИАБ, является соблюдение всех требований при их производстве.

Пренебрежение этими требованиями, нарушение технологического процесса производства на заводе-изготовителе может служить причиной воспламенения или взрыва ЛИАБ.

Примерный перечень нарушений, которые могут быть допущены изготовителем:

использование некачественных материалов, что может привести к снижению производительности, безопасности и срока службы аккумуляторов;

несоблюдение технологических процессов, что может стать причиной образования дефектов, которые впоследствии могут привести к возгоранию или взрыву;

недостаточный контроль качества и, как следствие, появление на рынке аккумуляторов низкого качества.

Анализ нормативно-правовых актов позволил выделить перечень национальных стандартов, регламентирующих основные характеристики, устройство, а также требования безопасности к ЛИАБ:

ГОСТ Р МЭК 62133-2-2019 «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи, содержащие щелочной или другие некислотные электролиты. Требования безопасности портативных герметичных аккумуляторов и батарей из них при портативном применении. Часть 2. Системы на основе лития» устанавливает требования и методы испытаний портативных герметичных литиевых аккумуляторов и батарей для их безопасной эксплуатации при использовании по назначению и при предсказуемом неправильном использовании.

ГОСТ Р ИСО 12405-1-2013 «Транспорт дорожный на электрической тяге. Методы испытаний тяговых литий-ионных батарейных блоков и систем. Часть 1. Высокомощные применения» описывает методы испытаний батарейных блоков и батарейных систем литий-ионных аккумуляторов, специально предназначенных для приведения в движение дорожных транспортных средств, устанавливает номенклатуру испытаний и связанных с ними требований с целью обеспечения соответствия батарейных блоков и батарейных систем литий-ионных аккумуляторов специфическим требованиям автомобильной промышленности.

ГОСТ Р ИСО 12405-2-2014 «Транспорт дорожный на электрической тяге. Технические требования к испытаниям модулей и систем тяговых литий-ионных батарей. Часть 2. Высокоэнергетическое применение» определяет методы испытаний для литий-ионных батарей и систем для использования в дорожных транспортных средствах на электрической тяге. Они позволяют определить основные рабочие характеристики, оценить надежность и возможные последствия неправильных действий при эксплуатации литий-ионных батарейных модулей и систем.

ГОСТ Р ИСО 12405-3-2014 «Транспорт дорожный на электрической тяге. Технические требования к испытаниям модулей и систем тяговых литий-ионных батарей. Часть 3. Требования безопасности» устанавливает программы и методы испытаний и обеспечивает приемлемые критерии безопасности литий-ионных батарейных модулей и систем напряжения класса B.

ГОСТ Р МЭК 62620-2016 (IEC 62620:2014) «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи, содержащие щелочной или другие некислотные электролиты. Аккумуляторы и батареи литиевые для промышленных применений» устанавливает требования к маркировке и методам испытаний для литиевых аккумуляторов и батарей, используемых в промышленных приложениях, включая стационарные применения.

ГОСТ Р МЭК 62660-3-2024 «Аккумуляторы литий-ионные для электрических дорожных транспортных средств. Часть 3. Требования безопасности» устанавливает методы испытаний и критерии приемки для показателей безопасности литий-ионных аккумуляторов и блоков, предназначенных для приведения в движение электромобилей (ЭМ), включая батареи аккумуляторных электромобилей и гибридных электромобилей. Предназначен для определения основных показателей безопасности аккумуляторов, используемых в блоках и системах батарей при их использовании по назначению и разумно прогнозируемому неправильному использованию или при аварии, в ходе нормальной работы ЭМ.

ГОСТ Р МЭК 61960-3-2019 «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи, содержащие щелочной или другие некислотные электролиты. Литиевые аккумуляторы и батареи для портативных применений. Часть 3. Призматические и цилиндрические литиевые аккумуляторы и батареи» определяет методы испытаний рабочих характеристик, требования к обозначению, маркировке, размерам и другим параметрам для аккумуляторов, которые используют в портативной технике (смартфонах, ноутбуках, электроинструментах, велоси-

педах с электроприводом и др.).

ГОСТ Р МЭК 62281-2020 «Первичные и вторичные литиевые элементы и батареи. Безопасность при транспортировании. Требования и методы испытаний» определяет правила безопасности для литий-ионных аккумуляторов при перевозке (включая испытания на стойкость к вибрации, пониженному давлению и другим внешним факторам), а также требования к упаковке.

ГОСТ Р МЭК 62619-2023 «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи, содержащие щелочной или другие некислотные электролиты. Требования безопасности для литиевых аккумуляторов и батарей для промышленных применений» является дополнением к ГОСТ Р МЭК 62620-2016, фокусируется на безопасности при эксплуатации в промышленных условиях. В документе прописаны требования и методы испытаний, например, на термическое воздействие, принудительный разряд, внутреннее короткое замыкание.

ГОСТ Р МЭК 62660-1-2020 «Аккумуляторы литий-ионные для электрических дорожных транспортных средств. Часть 1. Испытания по определению рабочих характеристик» устанавливает методы испытаний по определению рабочих характеристик литий-ионных аккумуляторов, используемых для приведения в движение транспортных средств, отличающихся от аккумуляторов других применений, в том числе для портативных и стационарных устройств, для которых методы испытаний установлены в других стандартах.

ГОСТ Р МЭК 62660-2-2020 «Аккумуляторы литий-ионные для электрических дорожных транспортных средств. Часть 2. Испытания на надежность и нарушение режимов эксплуатации» устанавливает методы испытаний на надежность и эксплуатацию с нарушением режимов литий-ионных аккумуляторов, используемых для приведения в движение транспортных средств, отличающихся от аккумуляторов других применений, в том числе для портативных и стационарных устройств, для которых методы испытаний установлены в других стандартах.

ГОСТ Р 59846-2021 «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи литий-ионные железофосфатные. Технические требования» распространяется на литий-ионные аккумуляторы с катодами на основе литированных фосфатов железа, блоки аккумуляторов, батареи, батарейные блоки, модули, батарейные системы (БС) на их основе, включая системы накопления электрической энергии (СНЭЭ) с подсистемой накопления на аккумуляторных батареях.

ГОСТ Р МЭК 62485-5-2021 «Батареи аккумуляторные и батарейные установки. Требования безопасности. Часть 5. Безопасность стационарных литий-ионных батарей» распространяется на установки из одной или нескольких стационарных ЛИАБ с суммарным напряжением постоянного тока в любой части сети постоянного тока не более 1500 В для промышленного применения, которые устанавливают в отдельных закрытых зданиях или сооружениях, а также стационарные батареи, которые устанавливают в общественных зданиях, офисах и частных домах, и устанавливает меры защиты при нормальной работе или в условиях прогнозируемого отказа от опасностей, создаваемых электричеством, короткими замыканиями, электролитом, выбросом газа, воспламенением, взрывом. Стандарт устанавливает требования по аспектам безопасности, связанным с установкой, использованием, проверкой, техническим обслуживанием и удалением литий-ионных батарей, используемых в стационарных устройствах.

ГОСТ Р МЭК 62485-6-2024 «Батареи аккумуляторные и установки батарейные. Требования безопасности. Часть 6. Тяговые литий-ионные батареи» распространяется на тяговые литий-ионные батареи, используемые для электрических внедорожных транспортных средств (уборочные машины, грузовики для погрузочно-разгрузочных работ, автопогрузчики, эвакуаторы, автомобили с автоматическим управлением; подъемные платформы с электрическим приводом; а также электрические лодки и корабли) и устанавливает требования безопасности, связанные с установкой, использованием, проверкой, обслуживанием и удалением батарей.

Аналитический обзор указанных стандартов (например, ГОСТ Р МЭК 62660-2-2020, ГОСТ Р МЭК 62660-3-2024, ГОСТ Р 59846-2021 и др.) позволяет выделить следующие характеристики, связанные с пожарной опасностью ЛИАБ:

Реакция на механические воздействия в виде прокола, удара, раздавливания, вибрации. Испытания позволяют проверить, приводит ли механическое воздействие к внутреннему короткому замыканию, повреждению корпуса, выбросу компонентов.

Реакция на термические воздействия. Воздействие высокой температуры, перезаряд, внешнее короткое замыкание позволяют оценить, запускается ли процесс теплового разгона (неконтролируемого нарастания температуры и выделения энергии).

Газовыделение. При нарушении режимов работы внутри аккумулятора выделяются газы (например, H_2, CO, CO_2, CH_4, пары легковоспламеняющегося электролита). Их объем и состав определяют показатель риска возникновения пожара.

Утечки и стравливание. С помощью испытаний устанавливается не вытекает ли электролит, не срабатывает ли предохранительный клапан, нет ли разгерметизации.

Поведение при пожаре. Оценивается эффективность средств пожаротушения ЛИАБ, выделение токсичных продуктов горения.

Для оценки характеристик, связанных с пожарной опасностью ЛИАБ, часто используют шкалы оценки (например, от 0 до 6), где 0 – нет эффекта, а 6 – разрушение с выбросом компонентов, горение или взрыв.

Анализ приведенных нормативных актов свидетельствует, что стандартизация в рассматриваемой сфере призвана обеспечить методологию испытаний определения базового уровня безопасности и установить универсальные критерии для использования в общем первичном испытании литий-ионных аккумуляторов, которые будут применяться в различных системах батарей. Конкретные требования к безопасности аккумуляторов различаются в зависимости от конструкции системы аккумуляторных батарей или транспортных средств.

В рассматриваемом ключе важно также обратить внимание на ГОСТ Р 58092.5.1-2025 «Системы накопления электрической энергии (СНЭЭ). Безопасность систем, работающих в составе сети. Общие требования». Стандарт содержит критерии для обеспечения безопасного применения и эксплуатации систем накопления и хранения электрической энергии любого типа и размера, предназначенных для работы в составе сети.

Безопасность структурного элемента накопления (СЭН), батарейной системы (БС) и системы накопления энергии батарейной (СНЭБ) требует рассмотрения двух наборов применяемых условий:

использование по назначению:

предсказуемое неправильное использование.

СЭН, БС и СНЭБ должны быть сконструированы и изготовлены таким образом, чтобы они были безопасны как в условиях использования по назначению, так и в случае предсказуемого неправильного использования.

Допускается, что СЭН/БС/СНЭБ, подвергшиеся неправильному использованию, могут не функционировать. Однако они не должны представлять значительной опасности. СЭН, БС и СНЭБ, используемые по назначению, должны быть безопасными и полностью работоспособными.

Изготовителем СЭН, БС и СНЭБ должны быть рассмотрены и учтены введением соответствующих испытаний в технические условия такие потенциальные опасности, как воспламенение, взрыв, течь электролита из аккумулятора, сброс давления, ожоги от чрезмерно высоких внешних температур, разрыв корпуса батареи с выходом внутренних компонентов, электрическая безопасность.

В то же время отсутствует единая система сертификации и контроля качества ЛИАБ, имеет место недостаточная прозрачность информации о безопасности конкретных моделей аккумуляторов, а противопожарные нормы носят общий характер и не регламентируют требования безопасности применительно к ЛИАБ, не учитывают их высокую пожароопасность, что создает дополнительные риски как для конкретного потребителя, так и для безопасности общества в целом.

Отсутствие единых стандартов испытаний и сертификации затрудняет определение причин пожаров и возложение ответственности на производителей, а также создают трудности при проведении судебной пожарно-технической экспертизы.

Кроме того, недостаточная информированность потребителей затрудняет выбор безопасных аккумуляторов. Для решения этих проблем необходимо разработать и внедрить новые детализированные стандарты, регламентирующие все этапы жизненного цикла ЛИАБ – от производства до утилизации.

Такие стандарты должны включать единые требования к материалам и производственным процессам, стандартизированные методы испытаний на безопасность, четкие критерии оценки результатов испытаний, единую систему сертификации и контроля качества, а также обязательное информирование потребителей о безопасности ЛИАБ. Разработка и внедрение новых стандартов позволит повысить безопасность литий-ионных аккумуляторов, снизить риск возникновения пожаров и обеспечить защиту потребителей.

Таким образом, современное состояние нормативно-правовой базы, регламентирующей обращение литий-ионных аккумуляторов в Российской Федерации, носит фрагментарный характер. Существующие пробелы в техническом регулировании производства и отсутствие четких правил эксплуатации для конечных потребителей создают объективные препятствия для формулирования категорических выводов в рамках судебной пожарно-технической экспертизы. Преодоление этих трудностей требует не только совершенствования методик исследования (внедрение физико-химических методов анализа остатков батарей), но и опережающего развития законодательства, учитывающего высокую пожарную опасность современных источников тока.

Список литературы:

[1] Харламенков А.С. Пожарная опасность применения литий-ионных аккумуляторов в России // Пожаровзрывобезопасность. 2022. № 3. С. 96-102.

[2] Множина Д.Н., Синюк В.Д., Крисанова

В.Ю., Шеков А.А. Недостатки сборки и применяемых материалов аккумуляторных батарей, способствующие возникновению пожара, на примере возгорания груза в полуприцепе // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2023. № 1 (28). С. 181-189.

[3] Мокряк А.Ю., Елисеев Ю.Н. Анализ пожарной опасности литий-ионных аккумуляторных батарей // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2020. № 3. С. 14-17.

[4] Смелков Г.И., Пехотиков В.А., Рябиков А.И., Назаров А.А. К вопросу о пожарной опасности аккумуляторных батарей // Безопасность труда в промышленности. 2020. № 5. С. 56-62.

[5] Мокряк А.В., Мокряк А.Ю., Мельник А.А. Выявление признаков теплового разгона литий-ионного аккумулятора, используемого в электротранспорте, после пожара // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2025. № 3. С. 330-339.

[6] Крисанова В.Ю., Шеков А.А., Несмеянов А.А. Особенности исследования причин пожаров электромобилей // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. № 1 (37). С. 75-84.

References:

[1] Kharlamenkov A.S. Fire hazard associated with the use of lithium ion batteries in Russia // Fire and Explosion Safety. 2022. No. 3. Pp. 96–102.

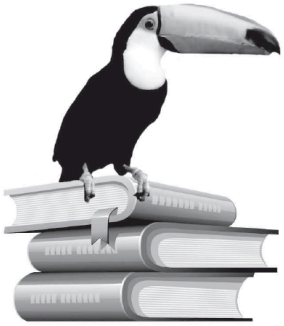
[2] Mnozhina D.N., Sinyuk V.D., Krisanova V.Yu., Shekov A.A. Defects in the assembly and materials used in battery packs that contribute to the occurrence of a fire, using the example of cargo fire in a semi trailer // Siberian Fire and Rescue Bulletin. 2023. No. 1 (28). Pp. 181-189.

[3] Mokryak A.Yu., Eliseev Yu.N. Analysis of the fire hazard of lithium ion batteries // Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2020. No. 3. Pp. 14-17.

[4] Smelkov G.I., Pekhotikov V.A., Ryabikov A.I., Nazarov A.A. On the issue of fire hazard associated with battery packs // Occupational Safety in Industry. 2020. No. 5. Pp. 56-62.

[5] Mokryak A.V., Mokryak A.Yu., Melnik A.A. Identification of signs of thermal runaway in a lithium ion battery used in electric transport after a fire // Siberian Fire and Rescue Bulletin. 2025. No. 3. Pp. 330–339.

[6] Krisanova V.Yu., Shekov A.A., Nesmeyanov A.A. Features of investigating the causes of fires in electric vehicles // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2026. No. 1 (37). Pp. 75–84.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-726-729
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЕДИНСТВА И МНОЖЕСТВА В ОХРАННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АНСАМБЛЕВОЙ ВИДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию некоторых аспектов регламентации разработки, утверждения и выполнения требований охранных обязательств объектов культурного наследия ансамблевой видовой принадлежности. Обосновано, что текущее правовое регулирование выявляет юридико-техническую и обязательственную проблематику, затрудняющую как разработку и утверждение охранных обязательств, так и правильное определение правовой природы и содержания ответственности правообладателей вещей, входящих в состав ансамблей. Аргументировано, что охранное обязательство, разрабатываемое и утверждаемое в отношении одного объекта культурного наследия – ансамбля, напрямую воздействует на права и обязанности множества субъектов при значительной степени неопределенности распределения их ответственности относительно не принадлежащих им «ансамблевых» вещей. По итогам исследования предложены изменения законодательства, направленные на устранение выявленных дефектов правового регулирования.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, охранные обязательства, видовая принадлежность, ансамбль, обязательство, дефекты правового регулирования.*

Для цитирования: *Пивненко Д. Л. Некоторые дискуссионные аспекты единства и множества в охранных обязательствах объектов культурного наследия ансамблевой видовой принадлежности // Право и управление. 2026. № 10. С. 726–729.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

SOME DISCUSSABLE ASPECTS OF UNITY AND DIVERSITY IN THE PROTECTIVE OBLIGATIONS OF CULTURAL HERITAGE SITES OF AN ENSEMBLE TYPE

Annotation. *The work is devoted to the study of certain aspects of the regulation of the development, approval, and implementation of the requirements for the protection obligations of cultural heritage sites*

belonging to the ensemble type. It has been substantiated that the current legal regulation reveals legal-technical and contractual issues that hinder both the development and approval of security obligations and the correct determination of the legal nature and content of the liability of the owners of items included in ensembles. It has been argued that the conservation obligation, which is developed and approved in relation to a single cultural heritage site — an ensemble — directly affects the rights and obligations of numerous entities, while there is a significant degree of uncertainty regarding the distribution of their responsibility for items that do not belong to them but are part of the ensemble. Based on the results of the study, amendments to the legislation have been proposed to address the identified defects in the legal regulation.

Key words: *objects of cultural heritage, conservation obligations, species affiliation, ensemble, obligation, defects in legal regulation.*

For citation: *Pivnenko D. L. Some discussable aspects of unity and diversity in the protective obligations of cultural heritage sites of an ensemble type. Law and administration. 2026;(10):726–729. (In Russ.).*

Актуальность предложенной темы исследования обусловлена положениями Конституции РФ [1] и Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН) [2], возлагающими обязанность по сохранению объектов культурного наследия (далее – ОКН) как на публичных, так и на частных субъектов при обеспечении гарантий права частной собственности и реализации гражданских прав, ограничиваемых исключительно в общегосударственных целях.

При этом, в исследуемом аспекте соответствующие права, гарантии и обязанности проявляются во взаимонаправленных действиях публичных и частных субъектов по обеспечению сохранения ОКН, достигаемого утверждением первыми из названных субъектов охранных обязательств правообладателей ОКН (далее – ОБ ОКН), а вторых – собственно, выполнением ОБ ОКН, что, в очередной раз, доказывает амбивалентность понятия «охрана» [3].

В то же время, анализ законодательства РФ в сфере охраны ОКН показывает, что регламентация утверждения и выполнения требований ОБ ОКН в отношении ОКН ансамблевой видовой принадлежности (далее – АВП) обладает существенными дискуссионными положениями, оказывающими прямое воздействие на права и обязанности как уполномоченных органов власти, так и частных субъектов, чему, однако, должного внимания, в том числе и в научной литературе, не уделяется.

Вместе с тем, отмечается в целом сформированная позиция, поддерживаемая автором, относительно обоснованности самого существования феномена ОБ ОКН [4, 5], обусловливающего наличие различной теоретической и правоприменительной проблематики [6].

Как это было показано выше, Основной Закон, Закон об ОКН устанавливают обязанность физических и юридических лиц по сохранению ОКН, которая в более предметном плане, среди прочего, «фиксируется» ОБ ОКН, разрабатываемыми и утверждаемыми уполномоченными органами охраны ОКН в порядке, установленном статьей 47.6 Закона об ОКН и приказом Министерства культуры РФ от 13 июля 2020 г. № 774 «Об утверждении формы охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и порядка его подготовки и утверждения» (далее – Приказ № 774) [7].

При этом, как следует из вышеприведенных нормативных правовых актов, ОБ ОКН подлежит утверждению и выполнению в отношении конкретной «единицы» ОКН, включенной в единый государственный реестр ОКН, которой может являться и ОКН-ансамбль («группы изолированных и объединенных памятников, строений и сооружений…» – см. статью 3 Закона об ОКН).

Одновременно с этим, очевидно, что в рамках такой общности отдельные вещи – объекты гражданского оборота, хотя и наделяемые правовым режимом ОКН, могут принадлежать различным субъектам, в том числе как частным, так и публичным.

Таким образом, оказывается, что в одном ОБ ОКН, как только объект имеет АВП, объединяются требования по его сохранению, «предъявляемые» к исполнению множеству субъект, в чем, с точки зрения гражданско-правовых отношений, условно просматривается аналогия режима сложной вещи.

Иными словами, ОКН АВП, состоящий из множества объектов (капитального и некапитального, а также иного характера), «распадающийся» на множество объектов гражданских прав, объединяет правообладателей его частей общей юридической обязанностью по сохранению одного ОКН-ансамбля.

Сказанное ставит на повестку дня два вопроса: юридико-технического и обязательственного свойства, проявляющиеся в следующем.

Юридико-техническая проблематика в боль-

шей степени затрагивает деятельность публичных субъектов, к компетенции которых Закон об ОКН относит разработку и утверждение ОБ ОКН.

Так, Приказ № 774, закрепляя порядок подготовки и утверждения ОБ ОКН, обязывает компетентного публичного субъекта, среди прочего, определить состав и перечень работ по сохранению ОКН, а также письменно направить их в адрес каждого правообладателя ОКН для учета мнения, предшествующего утверждению ОБ ОКН.

В результате, соответствующий орган государственной охраны ОКН, как только речь идет об ОКН АВП, несет значительные временные, трудовые и финансовые (публичных бюджетов) затраты на разработку требований по сохранению ОКН сложного внутреннего строения (например, сочетающего в себе произведения монументального искусства и многоквартирные дома различных эпох), доведение проектов таких требований до множества правообладателей ОКН АВП и последующее направление ОБ ОКН этим же субъектам.

При этом, остается открытым вопрос о возможностях самого органа государственной охраны ОКН установить обоснованные требования к сохранению каждого элемента ансамбля, что наиболее актуально по отношению к элементам ОКН АВП различных и, по существу, кардинально отличающихся друг от друга свойств.

Обязательственная же проблематика в большей степени затрагивает правообладателей ОКН, среди которых, как это было показано выше, могут быть как частные, так и публичные субъекты, хотя и для уполномоченных в сфере государственной охраны ОКН органов здесь, безусловно, возникает дилемма определения надлежащего обязанного, а, в определенных случаях, и виновного лица.

Представляется, что основной вопрос здесь состоит в верном определении возникающего из ОБ ОКН АВП правовой природы обязательства, которое в силу объединяемого правовым режимом одного ОКН (ансамбля) множества объектов гражданских прав, в том числе отдельных объектов капитального строительства, проявляет черты солидарного обязательства.

В то же время, такое видение ОБ ОКН АВП вступает в противоречие с пониманием содержания права собственности и сопутствующей ему гражданско-правовой ответственности [8], поскольку, тем самым, на собственника вещи, включенной в состав ансамбля, возлагается ответственность за соблюдение норм законодательства в сфере охраны ОКН в отношении иной «ансамблевой» вещи, принадлежащей иному субъекту.

Сказанному возможно возразить, опираясь на пункт 11 статьи 47.6 Закона об ОКН, согласно которой ОБ ОКН подлежит выполнению тем субъектом, которому ОКН принадлежит на праве собственности, в чем просматривается определенное разрешение исследуемой проблематики.

Вместе с тем, как это было отражено выше, статья 47.6 Закона об ОКН и Приказ № 774 однозначно указывают на то, что ОБ подлежит утверждению и выполнению в отношении единицы ОКН, хотя бы он и обладал АВП.

Одновременно с этим, примечательным является тот факт, что Приказ № 774 предусматривает необходимость отражения входящих в состав ансамбля других ОКН, не требуя при этом раскрытия внутреннего строения самого ансамбля.

Таким образом, налицо если не противоречие регламентации, то такое ее построение, которое, безусловно, затрудняет определение объема ответственности, содержания обязательства и пределов должного поведения относительно ОКН АВП.

Представляется, что разрешение поставленного вопроса надлежит искать в корректировке норм Закона об ОКН и Приказа № 774, которые бы все же предусматривали разграничение обязательств по выполнению ОБ ОКН АВП хотя бы относительно входящих в него элементов (по принципу «солидарная ответственность правообладателей относительно одного обособленного элемента ансамбля»).

При этом, видится, что, наряду с названными предложениями, наиболее отвечающим балансу публичных и частных интересов было бы введение недопустимости утверждения ОБ ОКН АВП до момента определения его поэлементного состава уполномоченными органами государственной охраны ОКН.

Подводя итого публикации, автор приходит к выводу о том, что правовое регулирование утверждения и выполнения требований ОБ ОКН АВП обладает значительной дискуссионностью, в первую очередь проявляющуюся в проблеме определении правовой природы и содержания обязательств правообладателей элементов (частей) ОКН-ансамблей, в связи с чем предложены направления корректировки законодательства РФ, позволяющие устранить выявленные дефекты соответствующей регламентации.

Список литературы:

[1] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Россий-

ской Федерации» (в ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

[3] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[4] Алексеев В.А. Охранное обязательство: правовая сущность и вопросы судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 134-142.

[5] Сбитнев В.С. Правовая природа охранного обязательства как существенного условия договора аренды объектов культурного наследия // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 101-112.

[6] Пивненко Д.Л. Дискуссионные аспекты порядка утверждения охранных обязательств объектов археологического наследия // Право и управление. 2025. № 8. С. 265-268.

[7] Приказ Министерства культуры РФ от 13 июля 2020 г. № 774 «Об утверждении формы охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и порядка его подготовки и утверждения» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // SPS “ConsultantPlus”.

[2] Federal Law № 73-FZ dated June 25, 2002, “On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” (as amended. dated June 10, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. №. 26. St. 2519.

[3] Sharonov S.A. Civil-Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Doctor of Law Sciences'. Volgograd, 2015. 445 s.

[4] Alekseev V.A. Security Obligation: Legal Nature and Issues of Judicial Practice // Zakon. 2022. №. 12. S. 134-142.

[5] Sbitnev V.S. The legal nature of the conservation obligation as an essential term of a lease agreement for cultural heritage objects // Economy and Law. 2024. №. 4. S. 101-112.

[6] Pivnenko D.L. Debatable aspects of the procedure for approving conservation obligations for archaeological heritage objects // Law and Management. 2025. №. 8. S. 265–268.

[7] Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated July 13, 2020, № 774 “On Approval of the Form of the Conservation Obligation of the Owner or Other Lawful Holder of a Cultural Heritage Object Included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation, and the Procedure for Its Preparation and Approval” // SPS “ConsultantPlus”.

[8] Civil Law. In 4 volumes. Vol. 1: General Part: textbook for university students studying in the field of study 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / [V.S. Em et al.]; editor-in-chief E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 720 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-730-735

ЗИНИНА Нелли Александровна,
консультант Департамента психологической работы, Министерство обороны РФ,
e-mail: zinina.nel@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ВОСПИТАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У КАДЕТОВ

Аннотация. *В статье речь идет об историческом подходе воспитания традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетского корпуса в России, подчеркивается актуальность данной проблемы в современные годы, которая обусловлена необходимостью формирования у будущих защитников Отечества не только профессиональных, но и глубоких морально-нравственных ориентиров, где семья выступает базовой ценностью.*

При подготовке материалов статьи были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация. А также метод историко-сравнительного анализа.

Перспективными направлениями дальнейшей научной разработки являются изучение влияния цифровой среды и социальных сетей на формирование семейных ценностей у современных кадет, а также разработка программ психолого-педагогического сопровождения кадет из неполных или социально неблагополучных семей в условиях кадетского корпуса.

Авторами сделан вывод о том, что проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы.

Ключевые слова: *традиционные семейные ценности, воспитанник, кадетский корпус, семья, родительство, ценности.*

Для цитирования: *Зинина Н. А., Полякова Я. Н. Исторический подход в воспитании традиционных семейных ценностей у кадетов // Право и управление. 2026. № 10. С. 730–735.*

ZININA Nelly A.,
Consultant of Psychological Work Department, Ministry of Defense of the Russian Federation

POLYAKOVA Ya.N.,
Candidate of Psychological Sciences, leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

A HISTORICAL APPROACH TO INSTILLING TRADITIONAL FAMILY VALUES IN CADETS

Annotation. *The article discusses the historical approach to instilling traditional family values in cadets at a cadet corps in Russia. It emphasizes the relevance of this issue in modern times, which is due to the need to develop not only professional but also deep moral and ethical guidelines in future defenders of the Fatherland, with family serving as the fundamental value. In preparing the article's materials, the following theoretical research methods were used: analysis of scientific literature and regulatory documentation, generalization, and classification. The method of historical comparative analysis was also employed. Promising areas for further scientific research include studying the influence of the digital environment and social media on the formation*

of family values among modern cadets, as well as developing programs for the psychological and pedagogical support of cadets from incomplete or socially disadvantaged families within the context of a cadet corp.

The authors conclude that the study does not exhaust all aspects of the problem.

Key words: *traditional family values, pupil, cadet corps, family, parenthood, values.*

For citation: *Zinina N. A., Polyakova Ya. N. A historical approach to instilling traditional family values in cadets. Law and administration. 2026;(10):730–735. (In Russ.).*

Введение

Тема воспитания традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетских корпусов находится на стыке военной педагогики, истории образования и государственной политики в сфере духовно-нравственного развития молодежи [1]. Актуальность данной проблемы в современные годы (особенно после объявления в РФ в 2024 года Годом семьи и принятия ряда стратегических документов вплоть до 2026 года) обусловлена необходимостью формирования у будущих защитников Отечества не только профессиональных, но и глубоких морально-нравственных ориентиров, где семья выступает базовой ценностью.

Воспитание традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетских корпусов имеет свою специфику. Кадеты, находясь на полном государственном обеспечении и проживая в режиме интерната, в определенной степени изолированы от ежедневного семейного влияния. В связи с этим педагогический процесс должен целенаправленно компенсировать этот разрыв, формируя у будущих защитников Отечества понимание семьи как главной святыни, основы государства и источника нравственной силы.

Цель экспериментальной работы: теоретически обосновать, разработать и экспериментально проверить эффективность педагогических условий (или комплексной программы) воспитания традиционных семейных ценностей у воспитанников кадетского корпуса.

Методы исследований

При подготовке материалов статьи были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация [2].

Результаты

Историографию вопроса можно условно разделить на три основных этапа, каждый из которых отражает специфику государственного устройства и доминирующие идеологические парадигмы [3].

Первый этап. Дореволюционный период (XVIII- начало XX вв.) [4].

В этот период закладывались фундаментальные основы российского кадетского образования.

И. И. Бецкой, основоположник системы кадетского воспитания, рассматривал нравственное становление личности через призму религиозной морали и долга перед Отечеством, что неразрывно связывалось с уважением к родителям и продолжению рода [5].

В педагогических уставах и инструкциях (например, эпохи Екатерины II, Александра I, Николая I) акцент делался на «благородстве» поведения. Понятие офицерской чести включало в себя безупречную репутацию, верность супружескому долгу и заботу о семейной чести рода [6].

Исследователи истории кадетского движения (А. А. Половцев, современные историки педагогики В. Д. Шадриков, А. В. Кириллов) отмечают, что в дореволюционной России семья и кадетский корпус рассматривались не как конкурирующие, а как взаимодополняющие институты. Корпус брал на себя функцию формирования мужского характера, но идеалом оставался «благородный дворянин» – глава крепкого семейства» [7].

Второй этап: Советский период (1917-1990 гг.) [8].

После революции традиционная семья подверглась идеологической трансформации, что отразилось и в системе военного образования [9].

Кадетские корпуса были упразднены, а вместо них созданы суворовские и нахимовские училища.

В советской историографии и педагогике (труды Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского) понятие «традиционной семьи» было заменено на «социалистическую семью» и коллективизм.

Тем не менее, исследователи советской военной педагогики (М. И. Дьяченко, В. А. Козлов) [10] отмечают, что в суворовских училищах сохранились базовые этические нормы: уважение к старшим, материнству, понятие товарищества, которое часто заменяло воспитанникам братские и семейные узы. Проблема специфически «семейного» воспитания в условиях интерната в этот период не выделялась в отдельное научное направление, растворяясь в общем русле патриотического и интернационального воспитания.

Третий этап: Современный этап (конец XX – начало XXI вв.) [11].

Возрождение кадетского образования в 1990-е годы и его активная государственная поддержка в 2000-2020 годы породили новый пласт исследований.

Современные исследователи (В. Г. Бабушкин, А. А. Слабко, С. В. Тепляков, Е. В.

Бондаревская) изучают кадетское образование как феномен духовно-нравственного возрождения России [12].

В трудах военных педагогов (А В. Митрофанов, В. М. Пичугин) поднимается проблема интеграции патриотического и семейного воспитания. Доказывается тезис о том, что «невозможно любить Родину, не умея любить и беречь свою семью» [13].

Отдельным направлением стало изучение интернатной педагогики (Л. В. Мардахаев, И. Г. Еремкина), где исследуется, как условия проживания в кадетском корпусе влияют на формирование у подростков представлений о будущей семье, гендерных ролях и родительстве [14].

На сегодняшний день проблема воспитания традиционных семейных ценностей у кадет решается в условиях жесткого нормативного правового регулирования и сложных социокультурных вызовов.

Современная педагогическая практика опирается на мощную государственную базу:

Указ Президента РФ № 809 (2022 г.) «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где семья, брак как союз мужчины и женщины, а также преемственность поколений названы базовыми ценностями.

Федеральный закон «Об образовании в РФ» и ФГОС, требующие формирования личностных результатов, включая уважение к семье и традициям.

Концепция развития системы кадетского образования, где духовно-нравственное воспитание является одним из приоритетов.

Главная проблема состояния заключается в парадоксе интернатного воспитания. Кадетские корпуса, как правило, являются учреждениями интернатного типа. Воспитанник большую часть времени (а иногда и полностью) оторван от биологической семьи [15].

Как сформировать ценность семьи у подростка, который живет в мужском коллективе, подчиненном строгой военной иерархии? Как избежать подмены понятия «семья» понятием «казарменное братство»?

Для преодоления этого противоречия в современных кадетских корпусах выработана система педагогических условий и методов [16]:

Интеграция биологической семьи в воспитательный процесс:

Создание мощных родительских комитетов и советов отцов.

Проведение «Дней семейного общения», совместных подходов, спортивных соревнований «Папа, мама, я – кадетская семья».

Вовлечение родителей в процесс наставничества (шефство над трудными воспитанниками).

Формирование «малой семьи» в подразделении:

Использование потенциала кадетского коллектива (взвода, роты) для моделирования семейных отношений. Командир взвода выступает в роли отца-наставника, старшие кадеты – в роли старших братьев.

Воспитание заботы о слабых, взаимовыручки, что переносится затем на модель будущей собственной семьи.

Изучение исторических примеров и военных династий:

Огромную роль играет краеведческая и историко-патриотическая работа. Изучение биографий великих полководцев (А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова) не только как стратегов, но и как людей с глубокими семейными традициями.

Встречи с представителями современных военных династий, где офицер предстает перед кадетами не только как защитник, но и как любящий отец и муж.

Духовно-нравственное и этическое воспитание:

Сотрудничество с традиционными конфессиями (прежде всего с РПЦ), где через уроки этики, беседы о нравственности, целомудрии и верности формируется правильное отношение к противоположному полу и институту брака.

Формирование культуры ухаживания, галантности, рыцарского отношения к девушкам (через проведение балов, концертов к 8 Марта, совместных мероприятий с женскими гимназиями или школами).

Профилактика деструктивных влияний:

Противодействие современным угрозам (размывание гендерных ролей, пропаганда чайлдфри, интернет-зависимость) через критическое осмысление медиапространства на занятиях по обществознанию, истории и в рамках внеурочной деятельности.

Экспериментальная работа традиционно делится на три взаимосвязанных этапа.

Подготовительный (констатирующий) этап, на котором закладывается фундамент исследования и оценивается начальная точка отсчета предполагает изучение стратегии развития воспитания в РФ, Указа о сохранении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уставов кадетских корпусов; подбор и адаптацию методик (анкетирование, проективные методики, социометрия, экспертные оценки офицеров-воспитателей).

Например, методики изучения отношение к браку, родительским фигурам, распределению семейных ролей; диагностику уровня сформированнности семейных ценностей у кадет (раз-

деление на контрольную и экспериментальную группы, если эксперимент проводится в нескольких корпусах); выявление дефицитов (например, низкий уровень знаний о семейных традициях, потребительское отношение к заботе родителей, слабая связь с родовыми корнями).

На формирующем (основном) этапе реализуется разработанная программа воспитания. Работа ведется по трем основным направлениям:

когнитивном (знания о семье), которое включает в себя:

проведение лекториев и диспутов на темы «Семья и государство», «История семьи в России», «Правовые и нравственные основы брака»;

изучение биографий великих полководцев и исторических личностей через призму их семейной жизни и роли их супругов/детей.

Эмоционально-ценностном (чувства и отношение), включающем:

встречи с представителями династий военных, где передается не только профессия, но и семейный уклад, честь, верность;

генеалогическую работу. Например, конкурс исследовательских работ «Моя семья в истории Отечества», создание генеалогических древ;

написание эссе и писем «Спасибо родителям», создание видеофильмов о своих семьях к Дню Матери и Дню Отца.

Деятельностно-поведенческом (навыки и действия), который способствует:

совместным мероприятиям кадет и их родителей (спортивные эстафеты, туристические походы, благотворительные акции по помощи многодетным семьям или ветеранам);

закреплению за старшеклассниками роли «наставников» для младших, что моделирует роль старшего брата/отца в семье, учит ответственности и заботе;

проведению лекций и тренингов по семейной психологии, конфликтологии, основам ведения домашнего хозяйства и бюджету.

Работа с педагогическим составом и родителями включает в себя проведение педагогических советов и семинаров для офицеров-воспитателей по теме «Традиционные ценности в условиях кадетского интерната», создание «Школы родителей», где обсуждаются вопросы поддержания авторитета родителей в глазах кадет, находящихся на удалении от дома.

На заключительном (контрольно-обобщающем) этапе рассматриваются итоги и доказывается эффективность проделанной работы. Для этого проводят повторную диагностику по тем же методикам, что и на первом этапе, сравнивают результаты констатирующего и формирующего экспериментов (использование критериев Стьюдента, Пирсона и др. для доказательства достоверности сдвигов), изучают реальные поступки кадет, характер их общения с родителями во время увольнения и на родительских днях, участиях в семейных проектах.

А для того, чтобы эксперимент считался успешным, необходимо отслеживать динамику по когнитивному (глубина понимания кадетом значения семьи, знание традиций, истории своего рода, основ семейного права и психологии), эмоционально-ценностному (появление гордости за свою семью, уважения к родителям и старшим, сформированность установки на верность, ответственность и создание в будущем крепкой многодетной семьи) и поведенческому (активное участие в жизни семьи, проявление заботы о младших товарищах по корпусу, готовность к защите Родины как к акту защиты своей семьи и семей других людей) критериям.

Несмотря на наличие практических наработок, в современной науке и практике остаются «слепые зоны:

Недостаточная разработанность методики работы с девочками-кадетками в контексте формирования ценностей материнства и женской роли в семье (большинство исследований сфокусировано на мальчиках-юношах).

Отсутствие единых диагностических методик для оценки уровня сформированности именно семейных ценностей у воспитанников интернатного типа (существуют методики оценки патриотизма, но мало инструментов для замера ценности семьи).

Проблема отцовства: необходимость разработки специальных программ «отцовского наставничества», так как в условиях интерната у многих кадетов (особенно из неполных семей) отсутствует позитивный пример мужской семейной роли.

Заключение

Современное состояние проблемы воспитания традиционных семейных ценностей у кадет характеризуется переходом от стихийного патриотического воспитания к системной государственной политике. Историография показывает, что российская педагогическая мысль всегда рассматривала офицера-защитника как главу семьи. Сегодня задача педагогов кадетских корпусов заключается в том, чтобы в условиях интернатного воспитания создать такую среду, где биологическая семья и кадетское братство выступают союзниками в формировании у подростка образа будущего, где честь мундира неразрывно связана с верностью семье и отечеству.

Воспитание традиционных семейных ценностей у кадет является не просто элементом педагогического процесса, а стратегической задачей. Кадет, воспитанный в уважении к семье, традициям и родительскому авторитету, с большей вероятностью станет не только профессиональным

защитником Отечества, но и достойным отцом, надежной опорой для своей семьи и ответственным гражданином, способным обеспечивать преемственность поколений и духовно-нравственную стабильность общества.

Целенаправленное формирование семейных ценностей в условиях кадетского корпуса наиболее эффективно при реализации комплексной программы, включающей в себя изучении истории и генеалогии рода, привлечения военных династий, системное взаимодействие с родителями и развитие институтов старшинства и наставничества среди самих кадет.

Успешность работы во многом обусловлена тем, что кадетский корпус не подменяет собой семью, а выступает ее надежным партнером.

Список литературы:

[1] Зинина Н. А. Реализация системы семейного воспитания у воспитанников кадетских корпусов / Вестник Уфимского юридического института МВД. 2026. № 2 (212) С. 164-171.

[2] Бажанов С. А. Исторический подход в исправлении девиантного поведения / в сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь. 2025. С. 12-24.

[3] Бажанов С. А. Патриотическое воспитание несовершеннолетних на современном этапе / В сборнике: 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск. 2025. С. 15-18.

[4] Бажанов С. А. Укрепление взаимоотношений в семье одно из условий предупреждения педагогической запущенности / Вестник Уфимского юридического института МВД. 2025. № 4 (110) С. 184-188.

[5] Бажанов С. А., Бодяков В. Н. Современные проблемы подростков / Российский научный вестник. 2025. № 11. С. 59-63.

[6] Полякова Я. Н. Проблема формирования духовно-нравственных ценностей / Международный научный вестник. 2026. № 5. С. 533-537.

[7] Зинина Н. А., Вилкова А. В. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе. Москва. 2025. 150 с.

[8] Фадеева С. А., Мухин М. И., Угрюмов Ю. М., Чопик О. А. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников УИС молодежного возраста. Тверь. 2025. 121 с.

[9] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола Тверь. 2025. СС. 105-111.

[10] Фоменко, Е.А. Идеологические основы целеполагания в патриотическом воспитании в России первой четверти XXI века: дис. … канд. пед. наук: 5.8.1. / Фоменко Евгений Андреевич. – Волгоград, 2025. – 225 с.

[11] Уруймагов Р.Р. Кадетское образование в России / Р.Р. Уруймагов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 5. – С. 174-179.

[12] Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [электронный ресурс]: режим доступа: https://base.garant.ru/74404210/.

[13] Шустова И.Ю. Ориентация педагога как воспитателя на субъектную позицию воспитанника в контексте изменений современного образования / Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – № 6 (2 (19). – С. 203-206.

[14] Чуковский А.М. Формирование профессиональной мобильности у курсантов военного вуза: дис. … канд. пед. наук: 5.8.7. / Чуковский Артемий Максимович. – Челябинск, 2025. – 219 с.

[15] Трошкина И.Н. Семейные ценности: категория, структура / И.Н. Трошкина // Философская мысль. – 2022. – № 12. – С. 1-9.

[16] Степанова А.А. Кадетское образование: от истории к современности / А.А. Степанова, Л.В. Козилова // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, Изд-во: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. – С. 7-18.

References:

[1] Zinina N. A. Implementation of the system of family education among pupils of cadet corps / Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. 2026. NO. 2 (212) S. 164-171.

[2] Bazhanov S. A. Historical approach in correcting deviant behavior/in the collection: Actual problems of correcting convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver. 2025. S. 12-24.

[3] Bazhanov S. A. Patriotic education of minors at the present stage / In the collection: 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk. 2025. S. 15-18.

[4] Bazhanov S. A. Strengthening family relationships is one of the conditions for preventing pedagogical neglect / Bulletin of the Ufa Law Institute

of the Ministry of Internal Affairs. 2025. NO. 4 (110) S. 184-188.

[5] Bazhanov S. A., Bodyakov V. N. Modern problems of adolescents / Russian Scientific Bulletin. 2025. № 11. S. 59-63.

[6] Polyakova Y.N. The problem of the formation of spiritual and moral values /International Scientific Bulletin. 2026. № 5. S. 533-537.

[7] Zinina N. A., Vilkova A. V. Development of social and communication skills in the educational process. Moscow. 2025. 150 s.

[8] Fadeeva S. A., Mukhin M. I., Ugryumov Yu. M., Chopik O. A. State-political, spiritual, moral and patriotic education of employees of the penal system of youth age. Tver. 2025. 121 pp.

[9] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual / In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of articles of the round table Tver. 2025. SS. 105-111.

[10] Fomenko E.A. Ideological foundations of goal-setting in patriotic education in Russia in the first quarter of the XXI century: dis.... cand. ped. Sciences: 5.8.1 / Fomenko Evgeny Andreevich. - Volgograd, 2025. - 225 s.

[11] Uruymagov R.R. Cadet education in Russia/R.R. Uruymagov // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2011. – № 5. - S. 174-179.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" [electronic resource]: access mode: https://base.garant.ru/74404210/.

[13] Shustova I.Yu. Orientation of the teacher as a teacher to the subject position of the pupil in the context of changes in modern education / Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. – 2017. – № 6 (2 (19). - S. 203-206.

[14] Chukovsky A.M. Formation of professional mobility among cadets of a military university: dis.... cand. ped. Sciences: 5.8.7 / Chukovsky Artemy Maksimovich. - Chelyabinsk, 2025. - 219 s.

[15] Troshkina I.N. Family values: category, structure/I.N. Troshkina // Philosophical thought. – 2022. – № 12. - S. 1-9.

[16] Stepanova A.A. Cadet education: from history to modernity / A.A. Stepanova, L.V. Kozilova // Modern challenges and prospects for the development of youth science. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. - Petrozavodsk, Publishing House: International Center for Scientific Partnership "New Science," 2022. - S. 7-18.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-736-739
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

НАЗАРЛИ Магамед Арчил оглы,
аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: m.nazarli@mail.ru

Научный руководитель:
ЯЩУК Татьяна Федоровна,
д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: yashukomsu@mail.ru

ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ К МЕСТНОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ В СССР И РСФСР В 1980–1991 ГГ.

Аннотация. *В статье исследуется эволюция юридической доктрины о самоуправлении в СССР и РСФСР в 1980–1991 гг. Сопоставляются представления о социалистическом самоуправлении народа, роли Советов, участии граждан и территориальной самостоятельности. Показан переход от понимания самоуправления как широкого качества народовластия и метода социального управления к обсуждению самостоятельного территориального института, его субъекта, компетенции, материально-финансовой основы и отношения к государству. Обосновывается, что доктрина местного самоуправления 1990–1991 гг. сформировалась постепенно, а не вследствие одного законодательного акта. При этом к 1991 г. единая концепция не сложилась: государственный, общественный и двойственный подходы продолжали конкурировать.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, социалистическое самоуправление, местное управление, юридическая доктрина, Советы народных депутатов, народовластие, государственное управление, перестройка.*

Для цитирования: *Назарли М. А. От социалистического самоуправления к местному самоуправлению: эволюция юридической доктрины в СССР и РСФСР в 1980–1991 гг // Право и управление. 2026. № 10. С. 736–739.*

NAZARLI Magamed Archil ogly,
postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Scientific director:
YASCHUK Tatyana Fedorovna,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University

FROM SOCIALIST SELF-GOVERNMENT TO LOCAL SELF-GOVERNMENT: THE EVOLUTION OF LEGAL DOCTRINE IN THE USSR AND THE RSFSR, 1980–1991

Annotation. *The article examines the evolution of legal doctrine on self-government in the USSR and the RSFSR in 1980–1991. It compares concepts of socialist self-government of the people, the role of the Soviets, citizen participation and territorial autonomy. The study traces the shift from self-government as a broad characteristic of popular rule and a method of social governance to a distinct territorial institution with its own subject, competence, material and financial basis, and relationship with the state. It argues that the doctrine of local self-government in 1990–1991 emerged gradually rather than from a single legislative act. By 1991, however, no uniform concept had been established: state-oriented, societal and dual approaches continued to compete.*

Key words: *local self-government, socialist self-government, local administration, legal doctrine, Soviets of People's Deputies, popular rule, state administration, perestroika.*

For citation: *Nazarli M. A. From socialist self-government to local self-government: the evolution of legal doctrine in the USSR and the RSFSR, 1980–1991. Law and administration. 2026;(10):736–739. (In Russ.).*

В первой половине 1980-х гг. самостоятельной доктрины местного самоуправления в позднейшем юридическом смысле еще не существовало. Самоуправление исследовалось через общее соотношение управления, демократии и общественной активности. М. В. Цвик в 1985 г. связывал его развитие с расширением участия граждан, трудовых коллективов, общественных организаций и повышением роли Советов, одновременно предостерегая как от отождествления демократии и самоуправления, так и от их противопоставления [1]. Самоуправление тем самым мыслилось не как альтернатива социалистическому государству, а как способ демократизации существующей системы.

В 1986 г. эта постановка была систематизирована. В. Е. Гулиев рассматривал социалистическое самоуправление в связи с политической системой и механизмом социального регулирования [2]. На «круглом столе» Института государства и права АН СССР самоуправление определялось через самоорганизацию, самодеятельность, саморегуляцию и самоконтроль, а также непосредственное участие народа либо коллектива в управлении общественными и государственными делами [3]. Различались общественный, политико-системный и первичный, в том числе местный, уровни. Последний охватывал трудовые коллективы, низовые общественные организации и органы общественной самодеятельности. Поэтому «местный» уровень еще не означал отдельного института: он оставался частью более широкой категории социалистического самоуправления народа.

Управление и самоуправление при этом не противопоставлялись: участники дискуссии трактовали их как различные методы единого социального управления [3]. Одновременно возникал вопрос о правовой и организационной базе самоуправленческих начал. В. В. Копейчиков в 1987 г. относил к механизму самоуправления нормативную и материальную основу, организационные формы и методы, а Советы называл главным звеном социалистического самоуправления народа [4]. Юридическое содержание категории становилось конкретнее, но государственная и самоуправленческая стороны Советов еще воспринимались как совместимые качества одной системы.

В 1987–1989 гг. акцент сместился к условиям реальной самостоятельности представительных органов. Г. В. Барабашев, В. И. Васильев и К. Ф. Шеремет связывали формальность представительной власти с фактическим доминированием профессионального исполнительного аппарата, слабостью контроля и патерналистской практикой вышестоящих звеньев [5]. Доктринальный сдвиг состоял не в отделении местного самоуправления от государства — такого вывода авторы еще не делали, — а в превращении самостоятельности Советов, ответственности перед населением и ограничения административной опеки в критерии реальности власти и самоуправленческих начал.

Новый этап обозначился при обсуждении в 1989 г. проекта Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве. Теория переходила от общей категории к территориальной конструкции: обсуждались компетенция, самостоятельность аппарата и материальная база [6]. Тогда же выявились два направления — связывать местное самоуправление прежде всего с самостоятельностью Советов либо с развитием самостоятельных общественных структур населения. М. А. Краснов предложил идею двойственной природы Советов: они должны были оставаться местными органами государственной власти и одновременно выступать организационно-политическими центрами местного самоуправления [6]. Таким образом, вопрос уже заключался не только в «усилении Советов», но и в определении субъекта и институциональной формы территориального самоуправления.

Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I закрепил изменение понятийного аппарата. Местное (территориальное) самоуправление определялось как самоорганизация граждан для решения местных вопросов исходя из интересов на-

селения и на соответствующей материальной и финансовой базе [7]. Субъект связывался с населением конкретной территории, предмет — с вопросами местного значения, самостоятельность — с организационными и ресурсными условиями. Вместе с тем Закон прямо называл местное самоуправление частью социалистического самоуправления народа, а местные Советы как представительные органы власти — основным звеном системы [7]. Поэтому модель 1990 г. была не разрывом с прежней доктриной, а ее противоречивой территориальной институционализацией.

Научное обсуждение союзного Закона показало, что законодательная формула не устранила спор о природе института [8]. В статье «Местное самоуправление: государственное или общественное?» М. А. Краснов критиковал неопределенность термина «самоорганизация»: самоуправление, по его аргументации, невозможно учредить одним нормативным актом; закон способен создавать условия для процесса самоорганизации населения [9, с. 81–82]. В сочетании с идеей двойственной природы Советов это переводило дискуссию на новый уровень: требовалось определить, является ли местное самоуправление продолжением государственной организации, самостоятельной общественной формой либо соединяет оба начала. Именно тогда различие между социалистическим самоуправлением народа и местным самоуправлением приобрело самостоятельное юридическое значение.

Изменилось и содержание самостоятельности. Если в середине 1980-х гг. она раскрывалась прежде всего через участие граждан и демократизацию управления, то к 1990 г. включала компетенцию, ответственность и ресурсные гарантии. Н. В. Постовой связывал реальность местного самоуправления с достаточной экономической основой и преодолением ведомственной концентрации ресурсов [10]. Однако государственный подход сохранялся: И. Ф. Бутко и Н. А. Пухтинский в 1991 г. продолжали характеризовать местные Советы как представительные органы государственной власти, одновременно требуя обновления законодательства положениями о самоуправлении, самофинансировании и отношениях с территориальными общественными структурами [11]. Следовательно, расширение самостоятельности не вело автоматически к отказу от государственной природы Советов.

Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I стал конечной точкой исследуемого периода. Он определил местное (территориальное) самоуправление как систему организации деятельности граждан для самостоятельного, под свою ответственность, решения вопросов местного значения исходя из интересов населения [12]. Акцент на самостоятельности и ответственности стал более явным; в систему включались Советы, местная администрация, непосредственная демократия и территориальное общественное самоуправление. Вместе с тем Советы сохранили центральное место. Закон 1991 г. тем самым отразил уже сформировавшуюся самостоятельную проблематику местного самоуправления, но не завершил спор о его отношении к государству.

Сопоставление подходов позволяет выявить изменение юридического предмета: от функционального понимания самоуправления как метода общего социального управления — к институциональному; от народа и разнообразных коллективов — к населению конкретной территории; от участия в государственном управлении — к самостоятельному решению местных вопросов; от Совета как главного звена социалистического самоуправления — к дискуссии о его государственной, общественной либо двойственной природе; от политико-теоретической категории — к самостоятельной правовой категории местного самоуправления. Современный ретроспективный анализ дискуссий периода перестройки также фиксирует их переходный характер [13].

Таким образом, доктрина местного самоуправления 1990–1991 гг. сформировалась не вследствие одного законодательного решения, а в результате постепенной трансформации представлений о социалистическом самоуправлении, народовластии, роли Советов, участии граждан и пределах централизации. При этом социалистическое самоуправление народа было значительно шире территориального местного самоуправления и продолжало влиять на язык реформы после появления нового института.

К 1991 г. изменился прежде всего вопрос, на который отвечала юридическая наука. В середине 1980-х гг. обсуждалось, как самоуправленческие начала могут обогатить государственное и общественное управление; на рубеже десятилетий — кто является субъектом местного самоуправления, что он решает самостоятельно, каковы его ресурсные гарантии и юридическая связь с государством. Единого ответа не возникло: государственная, общественная и двойственная модели продолжали конкурировать. Именно эта незавершенность теоретического выбора характеризует итог эволюции доктрины в 1980–1991 гг.

Список литературы:

[1] Цвик М. В. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 3–12.

[2] Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 3–11.

[3] Пчелинцева К. Н., Шарафетдинов Н. Ф. Теоретические вопросы социалистического

самоуправления народа (в свете документов XXVII съезда КПСС) // Советское государство и право. 1986. № 7.

[4] Копейчиков В. В. Социально-психологические аспекты реализации социалистического самоуправления народа // Советское государство и право. 1987. № 5.

[5] Барабашев Г. В., Васильев В. И., Шеремет К. Ф. Советы народных депутатов: время перемен // Советское государство и право. 1988. № 5. С. 3–13.

[6] К разработке проекта Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 74–90.

[7] Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

[8] Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» и развитие республиканского законодательства: материалы «круглого стола» // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 28–38.

[9] Краснов М. А. Местное самоуправление: государственное или общественное? // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 81–89.

[10] Постовой Н. В. Экономическая основа местного самоуправления // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 15–23.

[11] Бутко И. Ф., Пухтинский Н. А. Концепция законодательства союзной республики о местных Советах // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 11–19.

[12] О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

[13] Данилевская И. Л. Проблематика самоуправления и местного самоуправления в научных дискуссиях периода перестройки (1984–1990 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 187–189.

References:

[1] Tsvik M. V. Socialist Democracy and Self-Government // Soviet State and Law. 1985. No. 4. Pp. 3–12.

[2] Guliev V. E. Theoretical Issues of Socialist Self-Government // Soviet State and Law. 1986. No. 2. Pp. 3–11.

[3] Pchelintseva K. N., Sharafetdinov N. F. Theoretical Issues of Socialist Self-Government of the People (in Light of the Documents of the 27th Congress of the CPSU) // Soviet State and Law. 1986. No. 7.

[4] Kopeichikov V. V. Socio-Psychological Aspects of the Implementation of Socialist Self-Government of the People // Soviet State and Law. 1987. No. 5.

[5] Barabashev G. V., Vasiliev V. I., Sheremet K. F. Soviets of People's Deputies: A Time of Change // Soviet State and Law. 1988. No. 5. Pp. 3–13.

[6] On the Drafting of the Law on Local Self-Government and Local Economy // Soviet State and Law. 1989. No. 2. Pp. 74–90.

[7] On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR: Law of the USSR of April 9, 1990, No. 1417-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. No. 16. Art. 267.

[8] The USSR Law "On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR" and the Development of Republican Legislation: Round-Table Materials // Soviet State and Law. 1990. No. 9. Pp. 28–38.

[9] Krasnov M. A. Local Self-Government: State or Societal? // Soviet State and Law. 1990. No. 10. Pp. 81–89.

[10] Postovoy N. V. The Economic Basis of Local Self-Government // Soviet State and Law. 1990. No. 11. Pp. 15–23.

[11] Butko I. F., Pukhtinsky N. A. Concept of Union-Republic Legislation on Local Soviets // Soviet State and Law. 1991. No. 1. Pp. 11–19.

[12] On Local Self-Government in the RSFSR: Law of the RSFSR of July 6, 1991, No. 1550-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 29. Art. 1010.

[13] Danilevskaya I. L. Problems of Self-Government and Local Self-Government in Scientific Discussions of the Perestroika Period (1984–1990) // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 8 (224). Pp. 187–189.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-740-744

НУЖДОВА Дарья Андреевна,
Аспирант 3 курса Юридический институт,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева,
e-mail: nuzhdova.dasha@mail.ru

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. *В статье исследуется отечественное законодательство досоветского периода об ответственности за преступления против чести и достоинства личности. С учетом опыта прошлых лет, выявлены тенденции совершенствования законодательных понятий «клевета» и «оскорбление»; раскрыты виды преступлений против чести и достоинства личности в рассматриваемый период и проанализированы виды наказания за их совершение, а также их динамика с учетом исторического развития уголовного законодательства.*

Ключевые слова: *законодательство досоветского периода, источник права, свод законов, историческое развитие, уголовная ответственность, личность, честь, достоинство, уголовный закон, обида, лихое дело, оскорбление, клевета.*

Для цитирования: *Нуждова Д. А. Об уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности по законодательству России досоветского периода // Право и управление. 2026. № 10. С. 740–744.*

NUZHDOVA Daria Andreevna,
PhD student of the 3rd year Law Institute,
Samara National Research University named after
academician S.P. Korolev

ON CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST PERSONAL HONOR AND DIGNITY UNDER THE LEGISLATION OF PRE-SOVIET RUSSIA

Annotation. *The article examines the domestic legislation of the pre-Soviet period concerning liability for crimes against a person`s honor and dignity. Taking into account the experience of previous years, trends in the improvement of the legislative concepts of «libel» and «insult» have been identified; the types of crimes against a person`s honor and dignity during the period under consideration have been disclosed, and the types of punishment for committing them have been analysed, as well as their dynamics, taking into account the historical development of criminal legislation.*

Key words: *legislation of the pre-Soviet period, source of law, code of laws, historical development, criminal liability, personality, honor, dignity, criminal law, offense, evil deed, insult, slander.*

For citation: *Nuzhdova D. A. On criminal liability for crimes against personal honor and dignity under the legislation of pre-soviet Russia. Law and administration. 2026;(10):740–744. (In Russ.).*

Уголовное законодательство российского государства охватывает собой несколько этапов становления и развития ответственности за преступления против чести и достоинства личности. Предметом исследования в настоящей статье является законодательство досоветского периода, начиная с письменных памятников права древнерусского государства и фиксированных сводов закона Российской империи до появления первых законов советского времени.

Исторически сложилось так, что первоначальные источники права Древней Руси включали

в себя лишь обобщенные положения о деяниях, посягающих на честь и достоинство человека, которые в последующем конкретизировались в зависимости от обстоятельств их совершения. Рассматриваемые деяния впервые нашли свое отражение в различных редакциях Русской Правды, действовавшей на протяжении XI – XV вв. Так, в Краткой редакции Русской Правды под оскорблением мужчины понималось срезание и вырывание бороды, его резкое потеснение и пренебрежительное отталкивание. В свою очередь оскорбление женщины выражалось в срывании с замужней женщины головного убора, что нарушало религиозные правила [14] о прикрытии волос от посторонних лиц. Указанные деяния рассматривались как унижение чести и достоинства, в связи с чем, лица, совершившие их, наказывались штрафом в размере от 3 до 12 гривен [9, с. 20].

В последующих редакциях Русской Правды (Пространственной и Сокращенной) противоправные деяния, направленные на умаление чести и достоинства личности, трактовались «обидой» и выражались совершением неправомерных действий со стороны холопа в отношении свободного человека, а также нанесением удара по лицу человека и вырыванием зуба. За подобные деяния предусматривался штраф в размере не менее 12 гривен: «Ст. 31. Если человек по лицу ударит и представят двух свидетелей, то 3 гривны штрафа князю… Ст. 65. Если холоп ударит свободного человека и убежит в дом, а господин его не выдаст, то платить за него господину 12 гривен; а затем, если где найдет ударенный своего ответчика, то Ярослав постановил его убить, но сыновья после смерти отца постановили выкуп деньгами, либо бить его, развязав, либо взять гривну кун за оскорбление. Ст. 68. Если выбьют зуб и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю, а за зуб гривна» [7, с. 490].

В Двинской уставной и Псковской судной грамотах, 1397 и 1467 гг., соответственно, предусматривалась ответственность за оскорбление, совершенное путем высказывания (словом) и с применением физической силы. Спецификой этих документов выступало то, что Двинская уставная грамота предусматривала строгое наказание в зависимости от знатности рода пострадавшего лица, а Псковская судная грамота – в зависимости от участия в гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношениях, в том числе при представителях правосудия.

По-прежнему к деяниям против чести и достоинства человека относилось, к примеру, вырывание бороды у мужчин. Однако, спецификой являлось требование по установлению свидетеля («послуха»), позволившего не только засвидетельствовать виновного, но и удостоверить иных участников гражданско-процессуальных отношений в виновности конкретного лица, совершившего противоправное деяние. Так, в ст. 117 Псковской судной грамоты указывалось: «Если кто-нибудь вырвет у другого бороду, а послух засвидетельствует это, то послух должен принести присягу и драться на судебном поединке… Послух должен быть один» [5, с. 237].

Последующий период формирования представления об уголовной ответственности за совершение преступлений против чести и достоинства человека зафиксирован в Судебниках XV – XVI вв. Первоначально используемый термин «обида» сменился тождественным термином – «лихое дело».

Отметим, что наравне с оскорблением предусматривался новый вид преступления против чести и достоинства личности – злостная клевета, которая выражалась в осуждении и умышленном упреке невиновного лица в совершении противоправного деяния в целях получения имущественной выгоды. Согласно ст. 39 Судебника Ивана III 1497 г.: «Если обвиненный … в злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом…» [8, с. 4]. С этого периода указанная категория преступлений предусматривала наиболее суровое наказание – смертную казнь.

Дальнейшие судебники характеризуются тенденцией совершенствования, в том числе и по данной категории дел. Так, совершенствование Судебника Ивана IV 1550 г. связано с появлением новых разновидностей преступлений против чести и достоинства личности и классификацией видов наказаний. К примеру, за клевету отдельного сословия, слоя общества («солжение») наказание классифицировалось в зависимости от сословия потерпевшего лица: доходило до сечения кнутом и тюремного заключения. Выделялись такие подвиды клеветы как «ябедничество» и «стукачество», за совершение которых избиралось в наибольшей степени строгое наказание – смертная казнь.

В соответствии со ст. 26 указанного Судебника 1550 г. за оскорбление словом или делом («бесчестие»): «…боярина, его детей, дворецкого и дьяка, обидчик платил штраф в размере, указанным великим царем; за бесчестье первостепенного купца штраф в размере 50 рублей; за бесчестье посадского человека – 5 рублей, а за крестьянина только 1 рубль» [8, с. 111]. Однако наиболее строгое наказание предусматривалось за оскорбление женщины, принадлежащей к указанным чинам, поскольку размер штрафа возрастал как минимум вдвое.

Пришедшее на смену Судебникам Соборное уложение 1649 г., предусматривало множе-

ство положений, устанавливающих ответственность за бесчестие, то есть клевету и оскорбление. Особенностью того времени являлась ответственность за бесчестие монастырских слуг, служилых людей (военнослужащих, работающих в суде и т.д.). Так, впервые на законодательном уровне была выделена обособленная глава «О государственной чести», предусматривающая дифференцированную ответственность за презрительное и пренебрежительное отношение лиц к государственной власти. Среди разновидностей наказаний ключевое место, как и в вышеуказанных источниках права, по прежнему занимала смертная казнь [10, с. 72].

Параллельно с Соборным уложением с 1715 г. поступательно вводился и применялся в действительности военно-уголовный и военно-процессуальный документ Артикул воинский, регламентирующий разновидность преступлений и предназначающийся для военнослужащих. Нормы об ответственности за преступления против чести и достоинства личности были разбросаны по всему Артикулу воинскому, отдельной главы с указанной категорией преступлений не предусматривалось. Отметим, что самих терминов – «клевета» и «оскорбление» Артикул не содержал, указанные деяния трактовались как «брань» и иными схожими по значению терминами: «Ежели кто другого не одумавшись с сердца, или не опамятовась, бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении» (Арт. 152); «непристойными и насмешливыми словами поносить» (Арт. 21), «предосудительные слова их чести касающиеся» (Арт. 22), «уязвить» (Арт. 33)» [3, с. 340].

Кроме того, предусматривалось наказание за ранее неизвестную разновидность оскорблений – письменную, оформленную в виде ругательного письма или пасквиля. Согласно Большому юридическому словарю: «в дореволюционном русском праве пасквиль был преступлением, под которым понимались анонимная письменная клевета или анонимное письменное распространение порочащих сведений» [1, с. 459].

За совершение указанных противоправных деяний Артикул воинский предусматривал альтернативные санкции с учетом воинского чина и звания, однако наиболее суровыми из наказаний продолжали оставаться тюремное заключение и смертная казнь.

В дальнейшем большинство схожих положений нашли свое закрепление в Указе Петра I «Табель о рангах» 1722 г., объединяющем иерархическую лестницу должностей и устанавливающем правила присвоения воинских чинов. Особое внимание уделялось личным заслугам военнослужащих, как проявлению их чести, регламентирующей отношение не только к воинскому долгу, но и к самому себе, своим обязанностям.

Принятый более чем через столетие Свод законов Российской империи 1832 г. также включал в себя нормы, предусматривающие защиту чести и достоинства человека и рассматривающие положения о чести как о нравственной ценности человека. Может быть, поэтому «не всегда наказание должно быть предметом правосудия» [13, с. 16].

Во второй половине XIX в. первостепенное внимание уделялось укреплению власти государя и соответственно защите чести и достоинства царской особы. Так, с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривалось наиболее строгое наказание в виде лишения прав состояния и смертной казни за «всякое злоумышление и преступное действие против … чести государя императора» [6, с. 13]. Особенностью системы наказания того времени являлось то, что лишение всех прав состояний без исключения распространялось на абсолютно все сословия, а в последующем сопутствовалось и смертной казнью.

Значимость охраняемых ценностей – чести и достоинства постепенно возрастала. Регламентирование наказаний за совершенные деяния против чести и достоинства человека пролонгировалось на законодательном уровне.

Так, в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., предусматривалась самостоятельная глава об оскорблениях чести, угрозах и насилии с отделением «Об оскорблении чести» (ст. ст. 130 – 138) [15]. Кроме того, хотя в содержательной части Устава 1864 г. устанавливались многовариативные преступления против чести, однако само понятие чести не раскрывалось, а только фигурировало в наименовании главы и отделения. Все преступления против чести трактовались «обидой» – термином, использованным в эпоху Древней Руси.

Вместе с тем, Устав 1864 г. предусматривал множество способов совершения преступления, как уже известных, например: устно (на словах), письменно (на письме), так и вновь введенных: путем совершения действия (ст. 134), с использованием квалифицирующих признаков: «с обдуманным заранее намерением» (ст. ст. 131, 135); с установлением места совершения «в публичном месте, на многолюдном собрании» (ст. ст. 131, 135) [11, с. 30] и т.д.

За совершение указанных противоправных деяний, в отличие от Уложения 1845 г., назначалось наиболее гуманное наказание в виде ареста, общим сроком от 15 суток до 3 месяцев, или денежного взыскания, не превышаемого 100 рублей. Исключение отдельных видов телесных наказаний и гуманизация системы наказаний в

целом в большей степени обуславливалась отменой крепостного права в 1861 г. и формированием бессословного общества с равноправием граждан перед законом.

В начале XX в. с реформированием законодательства связано уделение все большего внимания охране и защите нравственных ценностей человека, его чести и достоинства. Так, в Уголовном уложении 1903 г. введена отдельная глава об оскорблении, где в дополнение к применяющимся ранее составам преступления вводился квалифицированный состав оскорбления – оскорбление в отношении близких родственников (например, матери или законного отца). Наиболее строгим наказанием являлось тюремное заключение, срок отбывания которого не превышал половины года.

Приоритетным развитием пенитенциарной системы по Уголовному уложению 1903 г. являлось упорядочение системы наказаний, сфокусированной в большей степени на исправлении человека, в том числе, в отдельных случаях предусматривая его изоляцию от общества [12]. Высшая мера наказания в виде смертной казни, как исключительная мера, предусмотренная за преступления против чести и достоинства личности фактически не применялась.

Противодействие преступлениям против чести и достоинства осуществлялось в периоды Февральской и Октябрьской революций 1917 г. вплоть до принятия первого кодифицированного уголовного закона 1922 г. Изначально особенностью данного периода выступало отсутствие систематизации уголовных норм в едином законе, их раздробленность в большом количестве декретов и иных актах. Так, например, Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 ноября 1917 г. ликвидированы сословные деления граждан, провозглашалось социальное равенство и равное достоинство абсолютно всех граждан, без исключения [2].

В последующем, с принятием Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. кодифицированного уголовного закона – Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., уголовные нормы структурировались, предопределяя отдельную главу об ответственности за противоправные деяния против достоинства человека «5. Иные посягательства на личность и ее достоинство», к которым относились как клевета и оскорбление, так и хулиганство, заведомо ложный донос и заведомо ложные показания (ст. ст. 176 – 178) [4]. Однако, специфичной чертой первого кодифицированного уголовного закона являлось отсутствие даже упоминаний о категории чести, основное внимание законодателя было направлено на защиту достоинства человека.

Наказания за совершение преступлений против достоинства человека по Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., по сравнению с прежним уголовным законодательством, отличались своей гуманностью. Максимально строгим наказанием являлось лишение свободы сроком на один год. Таким образом, отличительной особенностью рассматриваемого достаточно длительного по времени досоветского периода развития отечественного законодательства об ответственности за преступления против чести и достоинства личности является непрерывная модификация данных уголовно-правовых норм. Этот процесс в определенной мере зависел от этапов развития государства и общества, охраняемых на каждом этапе ценностей и особенностей властвования конкретных правителей.

Изначально термины «честь» и «достоинство» человека законодательно не использовались, хотя подразумевались, а в дальнейшем стали упоминаться в отдельных нормативных актах как самостоятельные категории, охраняемые нравственные ценности. Термины «клевета» и «оскорбление» законодательно также появились не сразу. Чаще всего вместо них использовались такие сходные по значению термины как: «обида», «бесчестие», «солжение», «стукачество», «ябедничество» и др. Система наказаний за указанные преступления также претерпела изменения и отличалась определенными особенностями. Следует отметить прежде всего ее ярко выраженных сословный характер. Кроме того, на определенном этапе прослеживалось влияние гендерного признака на определение размера наказания, в частности, за оскорбление женщины по Судебникам XV – XVI вв. наказание увеличивалось вдвое, что свидетельствовало об особом отношении к охране чести и достоинства женщины.

Еще одной отличительной особенностью являлась суровость видов наказания за рассматриваемые преступления, включая смертную казнь, что характерно было для уголовного законодательства вплоть до отмены в России в 1861 г. крепостного права.

Список литературы:

[1] Большой юридический словарь / В.А. Белов и др. Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: «ИНФРА-М», 2003. – 703 с.

[2] Декрет СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3942#wcd628V4uhBftIE51;.

[3] Маньков А. Г. Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред.:

О. И. Чистякова. М.: «Юридическая литература», 1986. 511 с.

[4] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. 1922 года». URL: https: //www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#68dVe8VJCj8xQNDJ.

[5] Псковская судная грамота 1467 года / пер. Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 237 – 297.

[6] Российское законодательство X – XX вв. / под общей редакцией О. И. Чистякова. Т. 6. М. : «Юридическая литература», 1988. 431 с.;.

[7] Свердлов М.Б. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. СПб : «Наука», 1997. 687 с.

[8] Судебник XV – XVI веков / под ред. Б.Д. Грекова Судебники XV – XVI вв. М. : «Академия наук СССР», 1952. 615 с.

[9] Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : «ПРОСПЕКТ», 1997. 469 с.

[10] Тихомиров, М. Н., Епифанов, П. П. Соборное уложение 1649 года / П. П. Епифанов, М. Н. Тихомиров. М.: «Издательство Московского университета», 1961. 444 с.

[11] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. СПб : «Обществ. польза», 1867. 45 с.

[12] Маликов Б. З. Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

[13] Самигуллин В. К. Испытание российской государственности на прочность (к событиям 1773-1775 гг.) // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 11-21. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.002. – EDN GGFHFR.

[14] Маликов Б. З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 21-34. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.002. – EDN UCBAOV.

[15] Сибагатуллин Ф. Ф. Исторические аспекты развития уголовной ответственности за побои // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 49-52. – EDN CTKYGP.

References:

[1] Great Legal Dictionary / V.A. Belov et al. Ed. A.Ya. Sukhareva, V.E. Krutskikh. – 2. ed., revised. and add. - M.: "INFRA-M," 2003. - 703 s.

[2] Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 10, 1917 "On the destruction of estates and civil ranks." URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3942#wcd628V4uhBftIE51;.

[3] Mankov A. G. Russian legislation of the X - XX centuries: 9 vol. T. 4. Legislation of the period of formation of absolutism / under the general. ed.: O. I. Chistyakova. M.: "Legal Literature," 1986. 511 p.

[4] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 "On the Enactment of the Criminal Code of R.S.F.S.R. 1922." URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#68dVe8VJCj8xQNDJ.

[5] Pskov judicial charter of 1467/per. L.V. Cherepnina and A.I. Yakovleva // Historical notes. T. 6. 1940. S. 237-297.

[6] Russian legislation of the 10th - 20th centuries/under the general editorship of O. I. Chistyakov. T. 6. M.: "Legal Literature," 1988. 431 p.;.

[7] Sverdlov M.B. Library of literature of Ancient Russia. Volume 4. St. Petersburg: "Science," 1997. 687 pp.

[8] Judicial code of the XV-XVI centuries / ed. B.D. Grekova Judicial code of the XV-XVI centuries. M.: "Academy of Sciences of the USSR," 1952. 615 p.

[9] Titov Yu.P. Reader on the history of the state and the law of Russia. M.: "PROSPECT," 1997. 469 pp.

[10] Tikhomirov, M.N., Epifanov, P.P. Cathedral Code of 1649/P.P. Epifanov, M.N. Tikhomirov. M.: "Publishing House of Moscow University," 1961. 444 pp.

[11] Charter on punishments imposed by justices of the peace of 1864 St. Petersburg: "Societies. benefit," 1867. 45 s.

[12] Malikov B.Z. Criminology issues: social factors and the causality of the "surge" of violent acts among underage students // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

[13] Samigullin V.K. Test of Russian statehood for strength (to the events of 1773-1775) // Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - S. 11-21. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.002. – EDN GGFHFR.

[14] Malikov B.Z. Religious norms: their essence, nature and significance in the system of social relations // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 21-34. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.002. – EDN UCBAOV.

[15] Sibagatullin F. F. Historical aspects of the development of criminal liability for beatings // Law and statehood. – 2024. – № 2(3). - S. 49-52. – EDN CTKYGP.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 10 октябрь)

2026 год

Подписано в печать 11.11.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 93,125. Тираж 100 экз. Заказ № 72.

Отпечатано в типографии ООО «Юркомпани»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3.